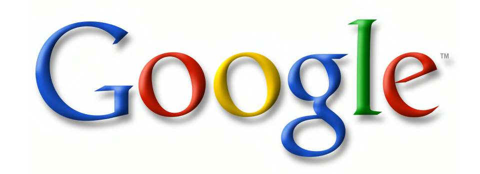
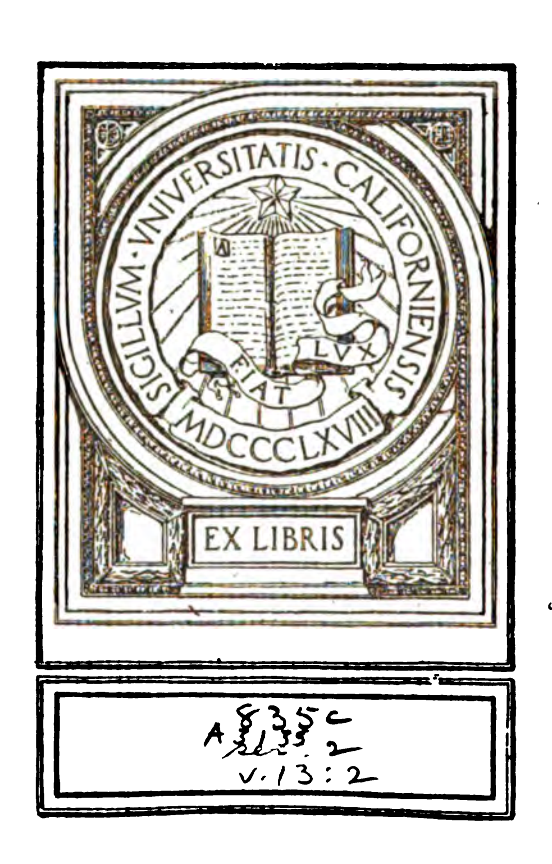



SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS
A835c
v.13:2

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1908 г.

ТОМА XIII-го КНИЖКА 3-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1908.

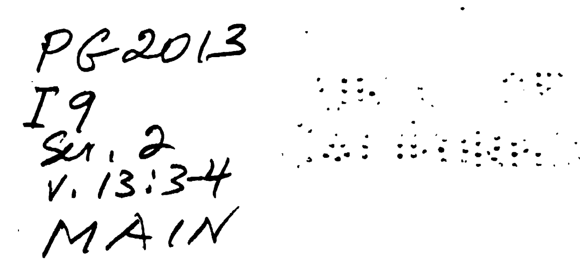
продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова и Н. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; у **Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей)** въ Лейпцигѣ; **Люзакъ и Комп.** въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки **одинъ** *рубль пятьдесятъ копеекъ.*

Содержаніе III-й книжки.

[*Продолженіе см. на 3-ьей страницѣ обложки*].



Замѣтки къ агіологическимъ текстамъ.

II.

Къ житіямъ св. епископовъ Херсонскихъ.

Въ концѣ 1906 г. вышла въ свѣтъ наша работа о житіяхъ св. епископовъ Херсонскихъ[1]), въ которой подробно разсмотрѣны разныя редакціи этихъ житій и заключающіяся въ нихъ историческія и археологическія данныя. Въ числѣ текстовъ, изслѣдованныхъ въ этой работѣ, мы считаемъ однимъ изъ важнѣйшихъ греческое житіе изъ рукописи Моск. синод. библ. № 376 (по каталогу архим. Владиміра), изданное въ приложеніи къ нашему изслѣдованію подъ № 1 и обозначаемое въ изслѣдованіи, ради краткости, буквою *A*. Выяснивъ его отношеніе къ болѣе пространному и болѣе древнему (по нашему мнѣнію) житію, сохранившемуся только въ переводахъ въ нашихъ минеяхъ Супрасльской, Макарьевской и др,, мы поставили вопросъ о времени и мѣстѣ его происхожденія и пришли къ заключенію (см. стр. 17), что авторъ текста *A* скорѣе всего былъ византіецъ, что обработку его слѣдуетъ отнести ко времени послѣ собора 842 г. и что подъ упоминаемымъ въ заключительной молитвѣ текста «православнымъ» царемъ слѣдуетъ разумѣть Михаила III.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность указать болѣе

1) Житія св. епископовъ Херсонскихъ. Изслѣдованіе и тексты. *Записки Имп. Академіи Наукъ по ист.-фил. отд.*, т. VIII, № 3. Нашъ переводъ житія по тексту *A* помѣщенъ въ *Извѣстіяхъ И. Археолог. Комм.* в. 23 (1907), стр. 108—112.

точныя данныя о мѣстѣ и времени происхожденія текста *A*, подтверждающія наши соображенія о мѣстѣ его написанія, но относящія его къ болѣе позднему времени. Данныя эти нашлись въ такомъ памятникѣ византійской агіографической литературы, который, повидимому, не имѣетъ ровно никакого отношенія къ житіямъ епископовъ Херсонскихъ и потому, къ сожалѣнію, не былъ своевременно принятъ нами во вниманіе. Мы разумѣемъ «Страданіе св. мученика Павла Каюмскаго», впервые изданное на греческомъ языкѣ въ 1897 году А. И. Пападопуло-Керамевсомъ въ IV томѣ его сборника «Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας» (стр. 247—251: Ἄθλησις τοῦ ἁγίου μάρτυρος Παύλου ἐν τοῖς Καϊουμᾶ ἐπὶ τῶν εἰκονομάχων ἀθλήσαντος). Этотъ текстъ, при ближайшемъ съ нимъ ознакомленіи, оказался весьма интереснымъ для опредѣленія времени нашего текста *A*. Поэтому считаемъ необходимымъ прежде всего ближе ознакомить читателей съ этимъ «Страданіемъ».

Текстъ изданъ г. Пападопуло-Керамевсомъ по рукописи Іерусалимской патріаршей библіотеки № 17, описанной имъ же въ «Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη», т. I (ἐν Πετρουπόλει. 1891), стр. 69—77. Пергаменный кодексъ, написанный, по свидѣтельству г. Керамевса, вѣроятно въ началѣ XII в. и принадлежавшій раньше лаврѣ св. Саввы, содержитъ въ себѣ 93 текста житій святыхъ за мѣсяцы іюнь, іюль и августъ, въ огромномъ большинствѣ остающихся неизданными [1]). Страданіе св. Павла стоитъ въ рукописи на 7-мъ мѣстѣ, занимая листы 15^{β}—18^{α}.

По даннымъ, сообщеннымъ г. Керамевсомъ, описанный имъ «codex s. Sepulcri 17» былъ обстоятельно изученъ извѣстнымъ нѣмецкимъ ученымъ A. Ehrhard'омъ въ его большой работѣ о до-метафрастовскихъ и метафрастовскихъ минологіяхъ [2]). Эргардъ

1) Изданныя житія указаны г. Керамевсомъ при описаніи рукописи. Самъ онъ обѣщалъ издать въ Ἀναλ. σταχυολογίας житія свв. Никифора, Анатолія и Павла Каюмскаго, но исполнилъ до сихъ поръ обѣщаніе только относительно послѣдняго и, кромѣ того, издалъ житіе св. Голиндухи, нареченной Маріею (Ἀναλ. IV, с. 351 сл.).

2) Alb. Ehrhard, Forschungen zur Hagiographie der griechischen Kirche vornehmlich auf Grund der hagiograph. Handschriften von Mailand, München und

вполнѣ убѣдительно доказалъ тѣсную связь, въ которой находятся между собою наша Московская рукопись 376 Влад., codex s. Sepulcri 17 и Миланская рукопись Ambros. B.1 a. 1240, и указалъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ минологіи не только одного типа и одного времени, но, быть можетъ, принадлежащіе одному и тому же автору[1]).

Содержаніе страданія св. Павла Каюмскаго, въ сокращенномъ пересказѣ, таково. Когда угасло язычество и повсюду возсіяло благочестіе, вселенная стала наслаждаться глубокимъ миромъ. Но лукавый, желая ввергнуть людей въ новыя заблужденія, поднялъ бурю. Своимъ орудіемъ онъ избралъ императора Льва Сиророднаго [=Исавра], который, овладѣвъ державою Ромейскою, воздвигъ страшное гоненіе на св. иконы. Когда послѣ его смерти гоненіе продолжалось при Константинѣ Копронимѣ, Павелъ, поборникъ истины, уроженецъ и воспитанникъ Константинопольскій, выступилъ на защиту благочестія и,

---

Moskau (*Römische Quartalschrift für christl. Alterthumskunde und für Kirchengeschichte*, 11 Jahrg. 1897, стр. 67—205. Болѣе краткое названіе по страницамъ: Hagiographische Forschungen).

1) См. Hagiogr. Forsch. стр. 138: «Noch wichtiger für die Bestimmung des Charakters dieser Menologien ist jedoch die Wahrnehmung, dass sie innerlich zusammenhängen mit dem Februar- und Märzmenologium, die in dem Cod. Mosq. 376 vereinigt sind. Diese überraschende Wahrnehmung war das Resultat des naheliegenden Versuches, denselben Typus in Menologien anderer Monate wiederzufinden. Dass dieser Typus in Wirklichkeit in jenen beiden Menologien vorliegt, das ergibt sich mit vollständiger Sicherheit aus dem Vergleiche der fünf Menologien untereinander, obgleich wir es fast nur mit unedierten Texten zu thun haben und daher das bequemste Mittel, um diesen Zusammenhang nachzuweisen, in Wegfall kommt. Diese Texte müssen in der That eine grosse Aehnlichkeit untereinander besitzen; denn diese gibt sich schon aus den paar Anfangsworten zu erkennen, die in den Katalogen von Vladimir und A. Papadopulos-Kerameus mitgeteilt werden. Es kehren nämlich bei so vielen Texten dieselben Redewendungen und identische Ausdrücke, stilistische Eigentümlichkeiten u. dgl. wieder, dass diese Berührungen unmöglich auf einen reinen Zufall beruhen konnen». — Ср. тамъ же, стр. 121, замѣчаніе о текстахъ мартовской минеи въ Моск. р-си № 376: «Die Texte sind alle gleichartig an Umfang und ihre Anfangsworte verraten auch so grosse Aehnlichkeit, dass man mit Grund behaupten darf, sie seien alle zugleich verfasst, vielleicht sogar von einem und demselben Hagiographen geschrieben worden».—На стр. 132 авторъ высказываетъ такое же предположеніе относительно текстовъ, помѣщенныхъ въ cod. s. Sepulcri 17.

придя къ Константину, началъ «поражать его словесными стрѣлами». Нечестивый царь, не вынесши его обличеній, повелѣлъ бросить его въ темницу съ колодками на ногахъ. Чрезъ нѣсколько дней царь, приказавъ снова представить узника на судилище, сталъ уговаривать его отказаться отъ своего упорства и присоединиться къ иконоборцамъ; но Павелъ отвѣтилъ: «Мы, царь, повинуясь правиламъ апостольскимъ и отеческимъ, не откажемся воздавать честь иконамъ и называемъ врагами Божіими повелѣвающихъ не чтить ихъ». Царь, придя въ ярость, приказалъ отрѣзать ему носъ и отвести обратно въ темницу. Черезъ три дня мученикъ снова приводится на судилище и получаетъ повелѣніе отречься отъ своихъ убѣжденій, но и на этотъ разъ твердо отвѣчаетъ: «Знай, что ни заключеніе въ темницѣ, ни лишеніе частей тѣла, ни самая смерть не могутъ отвратить меня отъ поклоненія св. иконамъ. Итакъ дѣлай все, что въ твоей власти». Царь въ ярости приказалъ облить голову мученика расплавленной смолой, а послѣ слѣдующаго увѣщанія, при которомъ мученикъ остался по прежнему непреклоннымъ, повелѣлъ неправеднымъ судьямъ произнести окончательный приговоръ. Не довольствуясь осужденіемъ мученика на смертную казнь, онъ приказалъ выколоть ему глаза и, привязавъ веревку къ ногамъ, влачить его по площади, а послѣ смерти выбросить тѣло на съѣденіе псамъ. Влекомый за ноги, мученикъ восклицалъ слова псалмовъ 120 и 112 («Къ Тебѣ, Господи, возведохъ очи мои, живущему на небесѣхъ, отнюду же придетъ помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю») и затѣмъ предалъ Богу душу въ 8-й день іюня. И послѣ смерти его нечестивые подобно вóронамъ терзали его тѣло и выбросили на съѣденіе псамъ, но нѣкоторые благочестивые люди взяли его и положили въ потаенномъ мѣстѣ, приваливъ къ гробницѣ огромный камень. Когда же снова возсіяла благодать истины и церковь облеклась въ прежнюю красоту при царѣ Михаилѣ, сынѣ благочестивой Θеодоры, и патріархѣ Антоніи Кавлеѣ, мощи мученика были открыты слѣдующимъ образомъ. Патріарху Антонію ночью явилось видѣ-

ніе, повелѣвшее ему идти съ клиромъ въ мѣстность Аспара и у монастыря Каюма отыскать тѣло мученика. Патріархъ отправился на мѣсто, совершилъ въ монастырѣ богослуженіе (τὴν θείαν μυσταγωγίαν) и, раскопавъ указанное мѣсто, нашелъ тамъ множество скелетовъ казненныхъ и огромный камень, по отнятіи котораго распространившееся благоуханіе возвѣстило о нахожденіи останковъ св. мученика. Тѣло его оказалось совершенно цѣлымъ, какъ бы недавно лишь погребеннымъ, хотя послѣ кончины мученика прошло уже 122 года. Всѣ присутствующіе были поражены изумленіемъ и, совершивъ подобающее служеніе, съ честію положили мощи въ храмѣ Богоматери, гдѣ они подаютъ исцѣленія болящимъ и утѣшеніе скорбящимъ и обремененнымъ. Сказаніе оканчивается обращенною къ св. мученику молитвою, которая ниже приведена будетъ въ подлинникѣ.

Сказаніе, содержаніе котораго мы изложили, оказывается не первоначальною редакціею житія св. Павла. Въ Acta Sanctorum Julii t. II (Antverpiae 1721) подъ 8-мъ числомъ іюля внесенъ св. мученикъ Павелъ Новый Константинопольскій, который оказывается тожественнымъ съ св. Павломъ Каюмскимъ. Послѣ обычнаго «commentarius praevius» (ст. 631—635) тамъ помѣщены «Acta ex Ms. reginae Sueciae, auctore anonymo conscripta» (ст. 635—639). «Acta» изданы на латинскомъ языкѣ, но издатели высказываютъ полную увѣренность въ томъ, что они переведены съ греческаго текста, оставшагося неизвѣстнымъ. Сличеніе латинскаго сказанія съ греческимъ житіемъ, изданнымъ г. Пападопуло-Керамевсомъ, ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что послѣднее есть не что иное, какъ сокращенный пересказъ текста, изданнаго Болландистами, или, говоря точнѣе, греческаго оригинала его. По фактическому содержанію эти два текста совершенно тожественны, а по изложенію греческій текстъ представляетъ болѣе или менѣе свободный перифразъ съ исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, главнымъ образомъ касающихся душевнаго состоянія мученика, его молитвъ, пѣнія псалмовъ и т. п. Иногда греческій текстъ настолько близокъ къ

латинскому, что его заимствованіе изъ греческаго оригинала послѣдняго представляется совершенно несомнѣннымъ[1]). Стало быть, онъ находится въ такомъ же отношеніи къ послѣднему, въ какомъ текстъ *A* житія епископовъ Херсонскихъ стоитъ къ

1) Считаемъ не лишнимъ сопоставить en regard нѣсколько мѣстъ, особенно интересныхъ своимъ дословнымъ или почти дословнымъ сходствомъ.

Acta SS. Jul. t. II, p. 635 sqq.	*Vita graeca ed. a Papadopulo.*
Cap. I, 3. Ad hanc igitur constantiam martyris elatus ille [sc. rex] et illecebrosus, insaniens: Quis, inquit, et unde iste seductor venit, qui et imperiale contempsit tribunal et tantam verborum emisit saevitiam, volens huncsacrum conventum conturbare?	Cap. 2... [Ὁ βασιλεὺς] τὸν τῆς εὐσεβείας καλῶς μετέρχεται κήρυκα, καὶ πρῶτα μὲν «τίς καὶ πόθεν οὗτός ἐστιν» ἐρωτᾷ, «ὅτι καὶ βασιλικοῦ καταπεφρόνηκε βήματος καὶ τοσαύτην ῥημάτων ἐπαφῆκε δεινότητα;»
Cap. I, 7... Sanctus Paulus respondit: Imperator, nos christiani praeceptis sacris parentibus et Apostolicis regulis obsequentibus potestatibus subjicimur...	Cap. 3... Καὶ ὁ ἅγιος· «Ἡμεῖς, φησί, βασιλεῦ, τοῖς ἀποστολικοῖς καὶ τοῖς τῶν πατέρων πειθαρχοῦντες κανόσι τὴν τιμὴν οὐμενουν ἀπαρνησόμεθα ταῖς εἰκόσι προσνέμειν...
Cap. I, 8... Tyrannus autem, audiens motuque furoris accensus praecepit nasum Martyris amputari et sic ipsum in praetorium recipi.	Τότε θυμοῦ πληρωθεὶς ὁ παράνομος τμηθῆναι κελεύει τὴν τοῦ μάρτυρος ῥῖνα καὶ δοθῆναι τοῦτον αὖθις τῇ φυλακῇ...
Cap. I, 9. Sanctus Paulus respondit: O Imperator, nec diuturna detentio, nec particularum incisio, nec aliquid aliud eorum, quaeque corpus deformant et vituperant, poterit me ab adoratione venerabilium imaginum separare. Et si videtur tibi, flagellis verbera, irrita feras, accende omnem ignem: si, inquam, habes terribilem tormentorum speciem, adinvenias, et addisces ipso experimento, quod non poteris me expellere ab hac pulcra confessione. Et haec dicens et ad terram respiciens, exaltavit vocem suam, tendens manus in caelum, exclamavit: Absit a me, Domine Jesu Christe, fili Dei vivi, sacrae imaginis tuae adorationem profanare et Matris tuae, vel Sanctorum: per eam enim quasi per quamdam viam ad tuam adorationem deducimur Iratus quippe Imperator verbis	Ἀλλ' ἐκεῖνος «Τί μάτην, ἔφη, βασιλεῦ, πιθανότητας ὡς οἴει μοι λόγων προσάγεις; ἴσθι τοιγαροῦν, ὡς μὴ χρονία κάθειρξις, οὐ μελῶν ἀποκοπαί, οὐκ ἄλλο τι τῶν θάνατον ἐπαγόντων ἀποστῆσαί με τῆς προσκυνήσεως τῶν σεπτῶν εἰκόνων δυνήσεται. Ποίει τοιγαροῦν τὸ τῇ ἐξουσίᾳ σου παριστάμενον». [Словъ, соотвѣтствующихъ дальнѣйшимъ словамъ мученика, въ греческомъ нѣтъ: послѣдняя фраза, очевидно, является сжатою передачею ихъ смысла]. Τοῦθ' οὕτως εἰπὼν καὶ πρὸς οὐρανοὺς ἀπιδὼν «Μὴ γένοιτό μοι, ἔφη, Χριστὲ βασιλεῦ, τὴν σαρκομοιόμορφόν σου θείαν ἀθετῆσαι τὸ παράπαν εἰκόνα! μὴ τῆς σῆς κατὰ σάρκα μητρός! μὴ τῶν πάντων ἁγίων σου!» Τοτε μαίνεται τὸ τοῦ δαίμονος, ὁ βασιλεύς, ἐργαστήριον καὶ πίσσαν ἐνεχθῆναι κελεύει καὶ τέαφον καὶ πυρὶ ταῦτα λυθῆ-

тексту, дошедшему до насъ только въ переводахъ въ Супрасльской, Макарьевской и др. минеяхъ.

Разсматриваемый нами греческій текстъ сказанія о мученичествѣ св. Павла заключаетъ въ себѣ ясныя указанія на мѣсто и время своего происхожденія. Авторъ или, точнѣе сказать, эпитоматоръ его *писалъ въ Константинополѣ*. Это совершенно ясно изъ гл. 2-й, гдѣ св. Павелъ называется «уроженцемъ, вскормленникомъ и воспитанникомъ нашего города, т. е. Константинова» (τὸ τῆς ἡμετέρας πόλεως, τῆς Κωνσταντίνου φημί, γέννημα καὶ θρέμμα καὶ παίδευμα), и въ другомъ мѣстѣ—«нашимъ» (ἡμεδαπός), а также изъ заключительной молитвы (гл. 6), въ которой упоминается «нашъ православный и мучениколюбивый царь». Всѣ эти указанія несомнѣнно принадлежатъ эпитоматору, такъ какъ въ пространномъ латинскомъ текстѣ соотвѣтствующихъ имъ словъ нѣтъ. Есть только упоминаніе въ одномъ изъ отвѣтовъ св. Павла, что онъ былъ подданный Византійскаго государства, а не чужеземецъ: «Non sum, inquit, extraneus ab imperio, subjiciens martyr Paulus, sed in hoc sum genitus, nutritus et eruditus» (cap. I, 3).

Указаніе на *время* написанія интересующаго насъ текста или, вѣрнѣе, на его terminus post quem заключается въ началѣ гл. 6-й, гдѣ говорится, что благодать истины возсіяла въ то время, когда Михаилъ [III], сынъ благочестивой Θеодоры, держалъ царскій скипетръ и Антоній, нарицаемый Кавлеемъ, украшалъ собою церковный престолъ. Этому же Антонію, какъ мы видѣли выше, приписывается далѣе и открытіе мощей мученика по указанію ночного видѣнія черезъ 122 года послѣ кончины мученика при Константинѣ Копронимѣ. Въ приведенныхъ сло-

---

Martyris praecepit picem et sulfur infundi super caput Martyris. | ναι και χυθῆναι κατὰ τῆς τοῦ μάρτυρος κεφαλῆς.

Въ дальнѣйшей части сказанія есть еще нѣсколько дословно или близко сходныхъ мѣстъ; но и приведенныхъ, надѣемся, достаточно для того, чтобы показать, въ какой тѣсной связи между собою находятся указанные тексты «Страданія св. Павла».

вахъ заключается крупная хронологическая ошибка, такъ какъ Антоній II Кавлей былъ патріархомъ Константинопольскимъ (893—901 г.) не при Михаилѣ III, царствовавшемъ съ 842 по 867 г., а при Львѣ VI Мудромъ (886—911). Эта ошибка не ускользнула отъ вниманія г. Курца, написавшаго подробную рецензію 3 и 4 томовъ «Аналектовъ» г. Пападопуло-Керамевса[1]): «Такая хронологическая путаница, говоритъ онъ, заставляетъ насъ думать, что время автора житія было довольно далеко отъ сообщенныхъ имъ событій». На нашъ взглядъ эта путаница объясняется неумѣлымъ въ данномъ случаѣ сокращеніемъ оригинала, бывшаго предъ глазами эпитоматора. Обращаясь къ латинскому тексту въ Acta sanctorum, мы находимъ, что въ немъ хронологическія указанія даны гораздо подробнѣе, хотя при ближайшемъ разсмотрѣніи тоже оказываются не безгрѣшными. Въ гл. II § 13 говорится, что св. мученикъ скончался въ 4-мъ году царствованія Константина Копронима, который потомъ царствовалъ *еще 34* года. Затѣмъ въ § 14 читаемъ: «Obtinuit autem imperium Michael, filius piissimae Theodorae... Post quae... et ipse destitit ab humanis rebus. Ignatio igitur tunc Pontificatus thronum regente, assumpsit imperii sceptra piissimus Basilius Macedo. In temporibus autem huius imperii humanam vitam reliquit sanctus ipse Ignatius [et] gubernacula sumpsit ecclesiae Antonius Abbas venerabilissimi monasterii Caleos... Ad hunc ergo sanctum presbyterum Antonium quaedam divina apparitio adveniens corporis beatissimi Pauli martyris manifestam fecit ostensionem» etc. Наконецъ въ § 16 указывается, согласно съ греческимъ текстомъ, что отъ кончины мученика до открытія мощей его прошло 122 года.

По нашему мнѣнію, эпитоматоръ, замѣтивъ, что упоминаніе объ императорѣ Василіи Македонянинѣ и патріархѣ Игнатіи введено только для уясненія хронологической послѣдовательности, но что эти лица не имѣли никакого отношенія къ открытію мо-

---

1) *Визант. Врем.* т. VII (1900), стр. 432—454.

щей св. Павла, исключилъ это упоминаніе изъ текста, но при этомъ неудачно связалъ имена Михаила III и патріарха Антонія въ одной фразѣ, по точному смыслу которой и вышло, что они были современниками. Позволимъ себѣ предложить весьма легкую поправку, при которой хронологическая несообразность совершенно устранится.

Текстъ по изданію г. Керамевса.	*Предлагаемая поправка:*
Cap. 6. Ὅτε δὲ πάλιν τῆς ἀληθείας ἡ χάρις ἐξέλαμψε καὶ πάντες γεγόνασιν ἐκποδὼν οἱ κακόδοξοι καὶ τὸν οἰκεῖον κόσμον ἡ ἐκκλησία ἠμφιάσατο, Μιχαὴλ τοῦ τῆς εὐσεβοῦς Θεοδώρας υἱοῦ τηνικαῦτα τὰ τῆς βασιλείας ἰθύνοντος σκῆπτρα καὶ Ἀντωνίου τοῦ Καυλέου κατονομαζομένου τὸν θρόνον κατακοσμοῦντος τῆς ἐκκλησίας, τότε φανεροῦται καὶ τὸ σῶμα τοῦ μάρτυρος, καὶ ὅπως, ὁ λόγος παραστήσει σαφῶς.	Πάλιν δὲ τῆς ἀληθείας... ἠμφιάσατο, Μιχαὴλ... τηνικαῦτα τὰ τῆς βασιλείας ἰθύνοντος σκῆπτρα. Καὶ Ἀντωνίου... τὸν θρόνον κατακοσμοῦντος τῆς ἐκκλησίας φανεροῦται καὶ τὸ σῶμα κτλ.

Мы, конечно, не можемъ утверждать, что приведенная фраза была написана эпитоматоромъ въ предлагаемомъ нами видѣ, а только указываемъ легчайшій и простѣйшій способъ, какимъ могла бы быть устранена хронологическая несообразность.

Возвратимся теперь къ хронологическимъ опредѣленіямъ изданнаго Болландистами латинскаго текста, которыя, какъ мы уже замѣтили, также не свободны отъ погрѣшностей. Четвертый годъ царствованія Константина Копронима, въ которомъ, по свидѣтельству латинскаго текста, пострадалъ св. Павелъ, соотвѣтствуетъ 745-му году по Р. Хр. Если къ этому числу прибавить 122 — число лѣтъ, протекшихъ отъ кончины мученика до открытія мощей его, — то получится 867-й годъ, какъ

годъ открытія мощей. Но эта цифра невѣрна, если мощи открыты были Антоніемъ Кавлеемъ, занявшимъ патріаршій престолъ въ 893 году. На эту невѣрность обратили вниманіе уже Болландисты и предложили вмѣсто 4-го года читать 26-й, но при этомъ сами неправильно считали, по Баронію, годомъ вступленія Антонія Кавлея на патріаршество 888-й вмѣсто 893-го. Если предположить, что открытіе мощей произошло въ первый же годъ патріаршества Антонія, то годомъ кончины мученика будетъ 771-й, т. е. 30-й годъ царствованія Константина Копронима[1]), а не 4-й. Мнѣ кажется, что на этомъ (30-мъ) годѣ и слѣдуетъ остановиться, такъ какъ явившаяся въ текстѣ ошибка допускаетъ весьма простое объясненіе: въ греческомъ оригиналѣ, съ котораго сдѣланъ латинскій переводъ, могло первоначально стоять τριακοστῷ, но какой-либо переписчикъ по неразборчивости оригинала могъ написать вмѣсто этого τετάρτῳ; еще проще объясняется дѣло при предположеніи, что число было написано цифрою Λ̄, вмѣсто которой у переписчика могла явиться Δ̄. Возможно еще и другое объясненіе. Въ латинскомъ текстѣ опредѣленіе года смерти мученика изложено слѣдующимъ образомъ: «Defunctus est autem Paulus sacer martyr Christi et Confessor octava die mensis Julii in confessione Jesu Christi sub imperio impiissimi Constantini Copronymi *quarto* anno sui imperii, qui *et aliis triginta quatuor annis* imperans... abrupit vitam». Здѣсь мы видимъ явную ошибку въ опредѣленіи общаго числа лѣтъ царствованія Константина: выходитъ, что онъ царствовалъ 38 лѣтъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ его царствованіе продолжалось *всего 34* года (741 — 775). Для устраненія ошибки возможно было бы предположить, что въ греческомъ оригиналѣ стояла фраза, общій смыслъ которой заключался въ томъ, что св. Павелъ пострадалъ *въ 4-мъ году до конца* царствованія Константина, который умеръ *послѣ 34-лѣтняго* царствованія. Въ такомъ случаѣ хронологія будетъ вѣрна. Ла-

1) Къ этому году отнесена кончина св. Павла и Эргардомъ у Крумбахера, Gesch. d. byzant. Litter.², стр. 193 (ср. стр. 197).

тинскій переводчикъ могъ почему либо не разобрать или не понять этой фразы и перевести ее такъ, какъ она теперь читается, не обративъ вниманія на получающіяся хронологическія неточности[1]).

Какъ бы то ни было, для обоихъ извѣстныхъ намъ текстовъ страданія св. Павла имѣется несомнѣнный terminus post quem: они написаны послѣ открытія мощей мученика патріархомъ Антоніемъ Кавлеемъ и при томъ, судя по тому, что въ обоихъ время открытія противополагается *настоящему* времени[2]),—не непосредственно послѣ этого событія, а спустя нѣкоторое время, т. е. во всякомъ случаѣ не раньше начала X вѣка.

Читатели, однако, давно уже могутъ сѣтовать на насъ за то, что мы уклонились отъ темы и вмѣсто обѣщаннаго въ началѣ статьи сообщенія новыхъ данныхъ о времени происхожденія текста *A* житія св. епископовъ Херсонскихъ занялись подробнымъ разсмотрѣніемъ житія св. Павла. На это мы отвѣтимъ, что это разсмотрѣніе было безусловно необходимо для нашихъ цѣлей, такъ какъ, по нашему глубокому убѣжденію, греческій текстъ житія св. Павла въ cod. s. Sep. 17 и текстъ *A* житія епископовъ Херсонскихъ въ рук. Моск. синод. библ. № 376 Влад. *принадлежатъ одному и тому же автору.* Уже Эргардъ отмѣтилъ[3]) въ текстахъ, сохранившихся въ этихъ рукописяхъ, «dieselben Redewendungen und identische Ausdrücke, stilistische Eigentümlichkeiten u. dgl.» Это наблюденіе какъ нельзя болѣе подтверждается нашими текстами. Черты непосредственнаго

---

1) Другія хронологическія погрѣшности, встрѣчающіяся въ латинскомъ текстѣ, мы обходимъ молчаніемъ, какъ не имѣющія для насъ прямого интереса.

2) Въ греческомъ текстѣ (с. 6) послѣ упоминанія о томъ, что открытыя мощи мученика были положены въ храмѣ Богоматери, непосредственно слѣдующая фраза начинается такъ: Καὶ νῦν ἔστιν ἰδεῖν πᾶσαν ἐκεῖσε σχεδὸν ἐκκενουμένην τὴν πόλιν κτλ. — Въ латинскомъ текстѣ (с. II, 16) послѣ описанія положенія мощей мученика въ храмѣ Богоматери въ Каюмскомъ монастырѣ читается: quod et usque nunc sanctum et venerabile corpus Martyris ita videtur integrum etc.

3) См. выше стр. 3, прим. 1.

родства между ними сказываются весьма явственно. Не говоря объ общемъ стилѣ, литературныхъ пріемахъ, стремленіи къ тщательной, нерѣдко слегка вычурной обработкѣ, наконецъ о сходствѣ языка съ грамматической стороны,—мы можемъ отмѣтить въ обоихъ текстахъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ выраженій и словъ или вполнѣ тожественныхъ, или чрезвычайно сходныхъ между собою. Это тожество или сходство, мнѣ кажется, едва-ли можетъ быть объяснено въ данномъ случаѣ заимствованіями одного автора у другого: въ обоихъ текстахъ сходныя или тожественныя слова такъ легко и удобно входятъ въ контекстъ фразъ, такъ умѣстны и сообщаютъ рѣчи такой своеобразный колоритъ, что при чтеніи невольно получается впечатлѣніе самобытности, естественности манеры письма, чуждой всякой натянутости и подражательности. Значительно содѣйствуетъ этому впечатлѣнію и читающаяся въ обоихъ текстахъ заключительная молитва, которая, при всемъ разнообразіи выраженій, почти тожественна по содержанію. Для того, чтобы дать читателямъ возможность самостоятельно провѣрить наши наблюденія, сопоставимъ en regard наиболѣе интересныя въ указанныхъ отношеніяхъ фразы.

Vita ss. episcop. Chersonensium.	*Passio s. Pauli.*
Cap. 1. Ἡνίκα Διοκλητιανὸς ὁ δυσσεβὴς τὰ Ῥωμαίων σκῆπτρα διέπων ἦν, ὡς οὐκ ὤφελε...	Cap. 1. ... καὶ γίνεται... Λέων τῶν Ῥωμαίων σκήπτρων ἐγκρατής, ὡς μὴ ὤφελε...
... τότε καὶ τῆς Ἱεροσολύμων ἐκκλησίας τὸν θρόνον ὁ σοφὸς Ἕρμων κατεκόσμει...	Cap. 6. Ἀντωνίου τοῦ Καυλέου κατονομαζομένου τὸν θρόνον κατακοσμοῦντος τῆς ἐκκλησίας...
...ἐπισκόπους... ἐξέπεμπε... τὸν τῆς πίστεως λόγον κρατύνοντας...	Cap. 2. ... καὶ πολλοὺς ἄλλους πρὸς τὸν ὅμοιον ἔχων ζῆλον κρατύνοντας τὸ ὀρθόδοξον...
Cap. 2. Ἔνθεν τοι καὶ κατὰ τὸν ἑκκαιδέκατον χρόνον... Ἐφραὶμ χειροτονεῖ... (Cf. c. 11 init.).	Cap. 4. Ἔνθεν τοι καὶ δέχεται πάλιν τοῦτον τὸ δεσμωτήριον...

Cap. 3. Τὴν πόλιν ταύτην τὴν Χερσῶνά φημι καταλαβὼν ὁ δίκαιος...	Cap. 2. ... τὸ τῆς ἡμετέρας πόλεως τῆς Κωνσταντίνου φημὶ γέννημα καὶ θρέμμα...
Cap. 4. κυνῶν δίκην καθυλακτοῦντες αὐτοῦ...	Cap. 5. ... οἱ κυνῶν αὐτοῦ τρόπον καθυλακτοῦντες.
Cap. 5. ... θάπτεται τοιγαροῦν ὁ νεανίσκος τῆς πόλεως ἔξω· πενθοῦσι τοῦτον οἱ τεκόντες παρακαθήμενοι· ὄναρ αὐτοῖς ὁ νεανίσκος ἐφίσταται τὸν θρῆνον ἄπρακτον καὶ κενὸν εἰσηγούμενος εἶναι[1]).	Cap. 6. ...Κατέλαβε τὸν τόπον ὁ πατριάρχης, τελεῖ τὴν θείαν μυσταγωγίαν κατὰ τὴν δηλωθεῖσαν μονήν, ἀνορύττει τόπον ἐκκαλυφθέντα τούτῳ, πολλὰ καταδίκων εὑρίσκει κείμενα σώματα, μέγιστον ἐκεῖσε λίθον ὁρᾷ, τοῦτον ἆραι κελεύει.
Cf. cap. 7. ... τῆς συνήθους τελεσθείσης μυσταγωγίας...	Cf. ibid. Τῷ πατριάρχῃ δὴ τούτῳ τῷ Ἀντωνίῳ νυκτὸς ὄψις ἐφίσταται...
Cap. 8. Ἀλλ' οὐκ ἦν ἐν τούτοις πάντως τὸν πονηρὸν ἠρεμεῖν· καὶ τί ποιεῖ;	Cap. 1. Ἐπεὶ δὲ τὸν πονηρὸν οὐκ ἦν ἠρεμεῖν ἐν οὕτω βαθείᾳ καὶ καθαρᾷ τῇ γαλήνῃ, χειμῶνα ...ἐξεγείρει... καὶ τί ποιεῖ;
... σχοίνους τῶν ἐκείνου ποδῶν ἐκδήσαντες εἷλκον, φεῦ, ἀπηνῶς αὐτὸν διὰ τῆς πλατείας... (cf. cap. 11).	Cap. 5. ... Διὰ μέσης ἕλκεσθαι τοῦτον κελεύει τῆς ἀγορᾶς, σχοίνῳ τῶν αὐτοῦ ποδῶν ἐκδεθέντων... (Paulo post): τῶν ποδῶν τε σχοίνους ἐκδήσαντες καὶ [διὰ][2]) μέσης ἑλκύσαντες τοῦτον τῆς ἀγορᾶς.
...τὴν μακαρίαν αὐτοῦ ψυχὴν χερσὶν ἀγγέλων παρέθετο. ἑβδόμην ἦγεν ὁ Μάρτιος. (cf. c. 12: παρέθετο τὴν ψυχὴν τῷ Κυρίῳ).	... καὶ οὕτω παρέθετο χερσὶ Θεοῦ τὴν ψυχήν· ὀγδόην ἦγεν ὁ Ἰούνιος μήν.

1) Эти два мѣста сопоставлены для сравненія лаконическаго стиля въ разсказѣ, оживленномъ употребленіемъ praesentis historici.

2) Поправка Курца, *Виз. Врем.* VII, стр. 448.

Cap. 9. ...τοῖς κυσὶ τὸ πάντιμον ἐκεῖνο σῶμα βορὰν ἔξω τῆς πόλεως ἑλκύσαντες ἔρριψαν...(cf. c. 11).	Cap. 5. ...(κελεύει) κυσὶ μετὰ θάνατον ῥιφῆναι βοράν...
...ἄχρις οὗ τινὲς τῶν πιστῶν ἐν νυκτὶ κρύφα τοῦτο λαβόντες ἔξω τῆς πόλεως ἐντίμως κατέθεντο.	Cap. 5. ... ἄνδρες δέ τινες εὐλαβεῖς τοῦτο λαβόντες ἐν ἰδιάζοντι κατατίθενται τόπῳ...
Cap. 12. Χρόνος οὐκ ὀλίγος παρῆλθε, καὶ στέλλεταί τις...(cf. cap. 14: Χρόνος παρῆλθεν οὐχὶ συχνός, καὶ).	Cap. 3. Τρεῖς ἐν τούτῳ παρῆλθον ἡμέραι, καὶ πάλιν ἐπὶ τὸ βῆμα προάγεται...
Cap. 13. Περιστείλαντες οὖν οἱ πιστοὶ τὸν νεκρὸν καὶ τὰ εἰκότα ποιήσαντες θάπτουσιν ἐντίμως...	Cap. 6. καὶ δὴ καὶ τὰ εἰκότα τελέσαντες... τῷ ναῷ τῆς Θεομήτορος ἐγκατέθεντο.
Cap. 17. Ἐξέπληξε τοῦτο τὸν ὄχλον, ναὶ δὴ καὶ τοὺς στρατιώτας αὐτούς...	Cap. 5. ...[ὁ τύραννος] διεσκέπτετο, ναὶ δὴ καὶ νόμον ἐζήτει...
Cap. 18 (**заключит. молитва**). Σὺ δέ, καλὲ Καπίτων... μακρὰν αἴτησαι σὺν αὐτοῖς, δεόμεθα, βασιλεῖ ἡμῶν τῷ ὀρθοδόξῳ τὴν ζωὴν καὶ καλήν, ἰσχύος Θεοῦ πεπληρωμένην καὶ χάριτος, χαλινοῦσαν φάλαγγας ἐχθρῶν τῇ δυνάμει τοῦ Πνεύματος, ἀλλὰ καὶ ζωῆς αἰωνίου τὴν χαρὰν αὐτῷ καὶ τὴν δόξαν, ἡλίου λάμψιν τοῦ νοητοῦ καὶ θείου, πάντων τῶν καλῶν τὴν μετάληψιν ὅλως καὶ βασιλείας οὐρανῶν μετουσίαν· ὅτι Χριστῷ τῷ Θεῷ ἡμῶν πρέπει ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος κτλ.	Cap. 6 extr. (**заключит, мол.**) Ἀλλ' ὦ πανάγαστε καὶ πανάριστε μάρτυς, νέμοις ταῖς πρὸς Θεόν σου δεήσεσι καὶ βασιλεῖ ἡμῶν τῷ ὀρθοδόξῳ καὶ φιλομάρτυρι μῆκος ζωῆς εὐτυχοῦς καὶ κράτος κατ' ἐναντίων, χρηστότητα καὶ τρόπων εὐθύτητα, ἄλυπον τὸ βασίλειον, ἡδὺ καὶ παγγάληνον, λαμπρὸν καὶ πανθαύμαστον, πολλοῖς τροπαίοις κοσμούμενον καὶ χειρὶ Θεοῦ τῇ πανσθενεῖ συντηρούμενον ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ κυρίῳ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος κτλ.

Количество подобныхъ примѣровъ поразительнаго сходства можно еще увеличить, если обратить вниманіе на отдѣльныя слова и грамматическія особенности.

Съ лексической стороны языкъ обоихъ разсматриваемыхъ житій довольно богатъ и разнообразенъ. Тѣмъ интереснѣе встрѣтить въ нихъ обоихъ совершенно одинаковыя слова, которыя были, такъ сказать, обиходными для автора и поэтому часто повторяются въ разныхъ фразахъ. Правда, эти слова въ большинствѣ не представляютъ собою необычныхъ явленій въ языкѣ данной эпохи, но тѣмъ не менѣе при наличности совершенно сходныхъ оборотовъ, приведенныхъ нами выше, и они могутъ сослужить службу въ качествѣ доказательствъ принадлежности обоихъ текстовъ одному автору. Въ числѣ примѣровъ отмѣтимъ:

1) Употребленіе существ. χρόνος въ двоякомъ значеніи: 1) «время» и 2) «годъ». Примѣры для обоихъ значеній изъ житія еп. Херс. были уже приведены выше, а изъ страд. св. Павла ср. гл. 2 (въ 1-мъ значеніи: χρόνοις ἐν οὕτω μακροῖς τὴν πῆξιν εἰληφότα) и 6 (во 2-мъ значеніи: δύο πρὸς τοῖς εἴκοσι χρόνων καὶ ἑκατὸν παρεληλυθότων).

2) Употребленіе сущ. κλύδων въ переносномъ значеніи. Херс. 13: ὁ μὲν τῆς εἰδωλομανίας κλύδων πέπαυτο. — Пав. 1: [ὁ πονηρὸς] χειμῶνα δεινὸν καὶ κλύδωνα σφοδρὸν ἐξεγείρει.

3) Употребленіе прилаг. οἰκεῖος въ значеніи ἴδιος (собственный). Херс. 9: ἔδειξε Θεὸς τὴν πρὸς τὸν οἰκεῖον δοῦλον τιμήν.— Пав. 6: τὸν οἰκεῖον κόσμον ἡ ἐκκλησία ἠμφιάσατο.

4) Употребленіе гл. ἐφίστασθαι по отношенію къ сновидѣніямъ (см. выше).

5) Употребленіе глаг. καταλαμβάνειν съ винит. (напр. τὴν πόλιν) въ значеніи «приходить куда-нибудь». Въ обоихъ текстахъ обычно.

6) Глаг. κατονομάζειν вмѣсто простого ὀνομάζειν. Херс. 4: σπηλαίῳ τινὶ Παρθενῶνι κατονομαζομένῳ. — Пав. 3: Θεοῦ ἐχθροὺς διαρρήδην κατονομάζομεν. — 6: Ἀντωνίου τοῦ Καυλέου κατονομαζομένου.

7) Глаг. παριέναι при существ., означающихъ время: χρόνος παρῆλθεν, ἡμέραι παρῆλθον (примѣры см. выше).

8) Δίκην въ значеніи лат. instar. Херс. 4: κυνῶν δίκην καθυλακτοῦντες αὐτοῦ.—Пав. 5: τὸ σῶμα κοράκων δίκην αἰκίζοντες.

9) Употребленіе описательнаго imperfect'a. Херс. 1: Διοκλητιανός... τὰ Ῥωμαίων σκῆπτρα διέπων ἦν.—7: ἦσαν ἀγαλλιώμενοι καὶ δοξάζοντες τὸν Θεόν.—8: ἐν ᾧπερ ἦν διάγων ὁ μέγας.—Пав. 5 extr. ἦν οὕτω κρυπτόμενον... τὸ καλὸν ἐκεῖνο σῶμα τοῦ μάρτυρος.

10) Отмѣтимъ еще употребленіе сущ. τάχος (безъ члена) въ значеніи нарѣчія (=ταχέως), τοιγαροῦν вмѣсто простого οὖν, κἀν=καὶ ἐν, употребленіе μή вмѣсто οὐ при причастіи, не имѣющемъ условнаго значенія, вставку въ патетическихъ мѣстахъ разсказа междометій φεῦ, οἴμοι и т. п. или восклицательныхъ выраженій τὸ παράδοξον, τὸ θαυμάσιον и т. под.

Въ стилистическомъ отношеніи прежде всего можно отмѣтить въ обоихъ текстахъ любовь къ оживленію разсказа посредствомъ введенія діалоговъ между святыми и ихъ мучителями или противниками Христовой вѣры, а также посредствомъ передачи словъ святыхъ прямою рѣчью, а не косвенною. Примѣровъ не приводимъ по ихъ многочисленности. Далѣе, въ обоихъ текстахъ замѣчается одинаковое пристрастіе прилагать къ именамъ святыхъ разные эпитеты, выражающіе почтеніе или восхваленіе (напр. κλεινός, ἀοίδιμος, θαυμαστός, θαυμάσιος, σοφός, μέγας и особенно часто καλός), или замѣнять этими прилагательными съ членомъ (ὁ μέγας, ὁ καλός) самыя имена святыхъ, тогда какъ имена мучителей снабжаются или замѣняются эпитетами бранными (δυσσεβής, κατάρατος и т. п.). Дѣйствія мучителей или противниковъ христіанства обыкновенно приписываются внушеніямъ и кознямъ діавола, называемаго чаще всего ὁ πονηρός. Наконецъ замѣтимъ еще, что въ обоихъ текстахъ, кромѣ цитатъ изъ священнаго писанія (не особенно частыхъ), встрѣчаются и житейскія пословицы или поговорки, вводимыя выраженіями: ὡς ἂν εἴποι τις или τὸ τοῦ λόγου. Херс. 4: ὅθεν ὁ ἀοίδιμος τόπον δούς, ὡς ἂν εἴποι τις, τῇ ὀργῇ. — Пав. 1: [ὁ πονηρὸς]... κλύδωνα σφοδρὸν

ἐξεγείρει καὶ πάντα λίθον κινεῖ, τὸ τοῦ λόγου, τὸ καλὸν διατεμεῖν σῶμα τῆς ἐκκλησίας κτλ.

Приведенные примѣры и указанія, надѣемся, могутъ убѣдить читателей въ принадлежности разсмотрѣнныхъ житій одному и тому же автору. Такимъ образомъ мы получаемъ для текста *А* житія епископовъ Херсонскихъ опредѣленный выводъ—что онъ *написанъ въ Константинополѣ не раньше начала X вѣка.*

Нами предпринято изученіе и другихъ житій, помѣщенныхъ въ указанныхъ рукописяхъ (Моск. 376 и Іерус. 17), которое, надѣемся, позволитъ еще ближе опредѣлить время ихъ происхожденія и выяснить другіе вопросы, связанные съ ними. Но такъ какъ эти изслѣдованія уже не имѣютъ прямого отношенія къ житіямъ св. епископовъ Херсонскихъ, то мы и не будемъ говорить о нихъ въ настоящей замѣткѣ.

В. Латышевъ.

Смердій конь и смердъ.

(Въ Лѣтописи и Русской Правдѣ).

Въ этой маленькой замѣткѣ предлагается попытка истолкованія текста (1103 г.) Лаврентьевской Лѣтописи; насколько мнѣ извѣстно—это не будетъ повтореніемъ уже имѣющихся въ научномъ обращеніи мыслей. Въ связи съ этимъ мнѣ придется затронуть нѣкоторые выводы современныхъ историковъ древняго русскаго права и воспользоваться новымъ толкованіемъ текста 1103 г. для подкрѣпленія своихъ взглядовъ. Недостатокъ данныхъ въ источникахъ не позволяетъ отлить эти взгляды въ формы категорическихъ утвержденій и оставляетъ меня въ области предположеній и догадокъ.

I.

Вышеупомянутый текстъ находится, кромѣ Лаврентьевской Лѣт. 1103 г., въ Ипатьевской подъ 1103 г., тамъ же въ нѣсколько иномъ видѣ подъ 1111 г. и въ Воскресенской подъ 1103 г. Чтеніе Лавр. 1103 г. таково: «Богъ вложи въ сердце княземъ Рускымъ Святополку и Володимиру, и снястася думати на Долобьскѣ; и сѣде Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею въ единомъ шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча: яко негодно нынѣ веснѣ ити, хочемъ погубити смерды и ролью ихъ. И рече Володимеръ: дивно ми,

дружино, оже лошадий жалуете, еюже кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ Половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье? то лошади жаль, а самого не жаль ли? И не могоша отвѣщати дружина Святополча».

Подъ тѣмъ же годомъ въ Ипатьевской Лѣт. не находимъ существенныхъ отличій: «..... и начаша глаголати дружина Святополча: не веремя веснѣ воевати, хочемъ погубити смерды, и ролью имъ. И рече Володимеръ: дивно ми, дружино, оже лошади кто жалуеть, еюже ореть кто; а сего чему не расмотрите, оже начнеть смердъ орати, и Половчинъ приѣха ударить смерда стрѣлою, а кобылу его поиметь, а въ село въѣхавъ поиметь жену его и дѣти, и все имѣнье его возметь? то лошади его жалуешь, а самого чему не жалуешь? И не могоша противу ему отвѣщати дружина Святополча».

Схема разговора такова: не слѣдуетъ весною итти въ походъ, чтобы не разорить смердовъ, лишивъ ихъ пашни—напрасно заботитесь только о лошадяхъ, забывая о самомъ смердѣ, его семействѣ и имуществѣ; лучше рискнуть лошадьми и пашней смерда, сохранивъ ему жизнь и скарбъ, чѣмъ навѣрняка подвергнуть опасности и лошадей и пашню и жизнь и имущество.—Изъ словъ Мономаха надо заключить, что смерды въ походъ противъ половцевъ не пошли, но былъ произведенъ наборъ ихъ лошадей.

Обращаясь къ аналогичному мѣсту Воскресенской Лѣт., находимъ тамъ, въ нѣсколько иной терминологіи, подтвержденіе такому пониманію дѣла: «..... И рѣша дружина Святополча: не годно нынѣ поити, на веснѣ, кони изморити, а христіанъ рольи лишати. И рече Володимеръ: дивно ми, о дружино, оже жалуете лошадей, имиже орете, и роліи христіанскіе; а сего о чемъ не промыслите, егда начнуть люди орати, и пришедше Половци самихъ избіють, а лошади ихъ возмуть, а въ село ѣхавши и жены и дѣти ихъ поемлють и все что имѣють, а села пожгутъ? то ло-

щади жалуете и роліи, а самихъ не жалуете? И не могоша отвѣщати Святополча дружина».

Зато разсказъ Ипатьевской Лѣт. 1111 г. даетъ совершенно иной смыслъ: «Вложи Богъ Володимеру въ сердце и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну. Святополкъ же повѣда дружини своей рѣчь Володімерю; они же рекоша: не веремя нынѣ погубити смерды отъ ролья»—по иниціативѣ Святополка князья сошлись въ Долобьскѣ—«и сѣдоша въ единомъ шатрѣ, Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшю молчанью, и рече Володимеръ: брате! ты еси старѣй; почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русьской земли. И рече Володимеръ: како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердомъ? но се дивно ми брате оже смердовъ жалуете и ихъ коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадию тою, и приѣхавъ Половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту, и жену его и дѣти его, и гумно его зажжеть; то о сѣмъ чему не мыслите?»

Въ такомъ видѣ разсказъ не позволяетъ примѣнить къ нему выше приведенное толкованіе. Итакъ имѣются двѣ версіи, существенно разносмысленныя. Какой же изъ нихъ отдать предпочтеніе? Конечно, первоначальной, послужившей источникомъ для послѣдующей. Редакцію «Повѣсти временныхъ лѣтъ», въ которую вошла первая версія (1103 г. Л. И. В.), А. А. Шахматовъ признаетъ первоначальной [1]); давно уже отмѣчено вліяніе, въ частности, разсказа 1103 г. на разсказъ 1111 г. Поэтому можно считать версію 1103 г. вѣрнѣе передающею смыслъ эпизода, версію 1111 г.—неточной передачей смысла протографа.

Въ этомъ эпизодѣ 1103 г. интересно подчеркнуть два обстоятельства: во-первыхъ, даже въ половецкій походъ, дѣло защиты земли, общенароднаго блага, несомнѣнно популярное,

1) Сказаніе о призваніи Варяговъ. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 1904 г. IX, 4, стр. 311—314.

смерды не идутъ; во-вторыхъ, они обязаны (это явствуетъ изъ словъ Мономаха) дать своихъ лошадей *князьямъ*, пожертвовать своей пашней, отъ которой живутъ и кормятся, по требованію *князей*. Вотъ почему дружина Святополка говорила, что не хочетъ *погубить* смердовъ: дѣйствительно, для смерда-земледѣльца остаться съ незасѣяннымъ полемъ—чистый зарѣзъ.

Если теперь поставить вопросъ: входили ли смерды въ организацію народнаго ополченія древней Руси, собираемаго по рѣшенію городского вѣча [1])—то на основаніи факта 1103 года можно сказать: въ юридически независимую отъ князя, находящуюся въ распоряженіи вѣча организацію народнаго ополченія смерды не входили; ихъ участіе въ тяготахъ похода—посредственное, какъ въ данномъ случаѣ, или непосредственное — обусловливалось волею князей; наоборотъ вѣче, повидимому, не могло распоряжаться смердами въ своихъ цѣляхъ. Напомню такой фактъ, разсказанный въ Лавр. Лѣт. подъ 1068 г.: князья, разбитые половцами, разбѣжались по своимъ городамъ, Изяславъ—въ Кіевъ; Кіевляне «вѣче створиша на торговищи, и рѣша, пославшеся къ князю: се Половци росулися по земли; дай княже оружье и кони и еще бьемся съ ними». Вѣче не можетъ своими средствами сорганизоваться въ боевой полкъ и принуждено обратиться къ князю за оружіемъ и лошадьми: оно не можетъ взять этихъ лошадей, своею властью, у смердовъ [2]). Это

1) Ипат. 1147 г. Кіевляне заявили князю Изяславу: «княже, ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя руки възняти; оня же Олговичи (а на Олговичи) хотя и съ дѣтьми. Изяславъ же рече имъ: а тотъ добръ, кто по мнѣ поидетъ; и то рекъ, съвкупи множество вои и поиде». Получивъ отказъ отъ Кіевскаго вѣча собрать ополченіе, князь кликнулъ охотниковъ.

2) Мнѣ могутъ возразить: Кіевляне фактически не могли взять смердьихъ лошадей потому, что не было времени и было сопряжено съ опасностью собрать ихъ изъ окрестностей — половцы «росулися по земли». Но тогда нелѣпо обращаться и къ князю: его табуны, вѣроятно, не стояли въ самомъ городѣ, а паслись гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ, и ихъ также не было времени собрать, опасность была та же самая. Можетъ быть Изяславъ потому лошадей и не далъ; не изъ простого же упрямства онъ не хотѣлъ воспользоваться помощью горожанъ противъ своихъ враговъ. Фактъ обращенія къ князю за оружьемъ и конями, думается, интересенъ для выясненія вопроса объ организаціи Кіевской народной тысячи въ ея отношеніи къ князю и степени фактической самостоятельности этой организаціи.

предположеніе основано только на двухъ фактахъ изъ Лавр. Лѣт. Чтобы сдѣлать его болѣе вѣроятнымъ, слѣдуетъ обратиться къ тѣмъ фактамъ, въ которыхъ видимъ смердовъ, принимающихъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Фактъ, который на первый взглядъ, можетъ быть, служитъ не въ пользу моего предположенія, находимъ въ Новгородской I Лѣт. подъ 1016 г. Ярославъ Владимировичъ, побѣдивъ Святополка, «иде Кыеву, и сѣде на столѣ отця своего Володимеря; и нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ, и отпусти я домовь вся» [1]). А. Е. Прѣсняковъ по поводу этого инцидента замѣчаетъ [2]): «Свидѣтельство это характерно выдѣленіемъ «Новгородцевъ» (городового полка, организованнаго по стамъ, съ сотскими во главѣ?) отъ смердовъ подъ старостами. Во всякомъ случаѣ, приведенныя извѣстія вызываютъ представленіе о вояхъ, какъ организованной силѣ, которая мобилизируется по соглашенію князя съ вѣчемъ (такъ по крайней мѣрѣ, въ данномъ, чрезвычайномъ случаѣ)». Фактъ, если его взять особнякомъ, дѣйствительно, несомнѣнный: по постановленію городского вѣча собралось народное ополченіе, въ которомъ—горожане и смерды подъ старостами; народное ополченіе, составленное по принципу, не отвѣчающему моему предположенію. Но если прибавить, что фактъ этотъ констатированъ для Новгорода Великаго, то разру-

1) Передъ тѣмъ разсказывается, какъ Ярославъ, сидя въ Новгородѣ, разгнѣвался на Новгородцевъ за то, что они «изсѣкли» нанятыхъ Ярославомъ варяговъ, «насиліе дѣющихъ» «на мужатыхъ женахъ», собралъ «вои славны тысящу, и обольстивъ ихъ исѣче, иже бяху Варягы ти исѣклѣ», какъ потомъ пришла вѣсть о смерти Владиміра, и Ярославъ обратился къ Новгородцамъ съ просьбой помочь ему противъ Святополка. «И се слышавъ Ярославъ, заутра собра Новгородьцевъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ и рече къ нимъ: любимая и честная дружина, юже вынсѣкохъ вчера въ безуміи моемъ, не теперво ми ихъ златомъ окупитѣ. И тако рече имъ: братье! отецъ мой Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжить въ Кіевѣ; хощю на него поити; потягнете по мнѣ. И рѣша ему Новгородци: а мы, княже, по тобѣ идемъ. И собра вой 4000: Варягъ бяшетъ тысяща, а Новгородцевъ 3000».

2) Кормилецъ, воевода, тысяцкій. Оттискъ изъ Изв. II отд. Имп. Ак. Н. 1908, кн. 1, стр. 14.

шающая сила этого факта должна быть еще доказана. Своеобразіе всего Новгородскаго устройства въ болѣе позднія времена (выборный тысяцкій, дань собираетъ Новгородъ въ свою пользу [1]) и т. д.) не позволяетъ и въ болѣе раннія эпохи такъ, безъ дальнихъ доказательствъ, переносить черты Новгородскаго быта на Кіевскую почву; тѣмъ болѣе, что въ Кіевѣ, какъ мы видѣли, есть данныя предполагать нѣчто иное. Кромѣ того и въ Новгородѣ дѣло стоитъ вовсе не такъ ужъ ясно. Напримѣръ, такой фактъ (Лавр.): въ 1018 году Святополкъ съ Болеславомъ выгоняютъ Ярослава изъ Кіева, и Ярославъ съ «4 мужи» бѣжитъ въ Новгородъ; «Ярославу же прибѣгшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, съ Новгородци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: хощемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ. Начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ; и приведоша Варягы, и вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ вои многи». Фактъ аналогичный первому: Новгородцы съ посадникомъ во главѣ (вѣче?) предлагаютъ помощь Ярославу; по рѣшенію вѣча, надо думать, собирается налогъ съ бояръ, со старостъ (кончанскихъ?) и съ мужей, вѣроятно, Новгородцевъ. О смердахъ ни слова; между тѣмъ трудно предположить, что подъ мужами здѣсь могутъ подразумѣваться, кромѣ Новгородцевъ, и смерды. Въ первомъ случаѣ смерды и Новгородцы достаточно четко различены размѣромъ вознагражденія. Смерды, вѣроятно, не понесли налоговыхъ тяготъ. Тѣ «вои многи», которыхъ «совкупи» Ярославъ, вѣроятно, состояли не только изъ Варяговъ, но, по примѣру 1016 г., и изъ мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ, можетъ быть, и смердовъ. Новгородъ, какъ цѣлое, помогъ Ярославу деньгами, а Ярославъ могъ

1) Новг. Лѣт. 1193 г., напр.: Новгородцы съ воеводою Ядреемъ пришли въ Югру «и взяша градъ; и придоша другому граду и затворшихся въ градѣ, и стояша подъ городомъ 5 недѣль; и высылаху къ нимъ Югра льстбою рекуще тако, яко копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не погубите своихъ смердъ и своей дани».

распорядиться ими, какъ хотѣлъ: нанять Варяговъ и туземцевъ. Если бы среди этихъ воевъ оказались смерды подъ старостами, то съ бытовой точки зрѣнія это легко объяснимо: выгодный, за плату, походъ въ Кіевскую Русь могъ привлечь и смердовъ; естественно видѣть ихъ подъ начальствомъ всегдашнихъ заправилъ, старостъ. Самъ по себѣ фактъ участія смердовъ подъ старостами въ 1016 году, значитъ, еще не говоритъ за то, что смерды, организованные, входили въ составъ Новгородскаго ополченія. Между тѣмъ то обстоятельство, что смерды не принимали участія въ экстраординарномъ налогѣ, установленномъ вѣчемъ для военныхъ нуждъ, представляется страннымъ: въ одномъ случаѣ вѣче рѣшаетъ помочь князю военными силами—и въ этой помощи участвуютъ всѣ; въ другомъ—помощь дается въ видѣ денегъ, и въ ней участвуютъ тѣ же, кромѣ смердовъ. Любопытно еще отмѣтить, что Ярославъ расплачивается не съ Новгородцами, вѣчемъ, а съ Новгородцами и смердами отдѣльно. Вѣдь помогло-то ему вѣче, Новгородцы, смерды только ex officio шли по волѣ вѣча. Не имѣя намѣренія утверждать, что и въ Новгородѣ смерды не входили въ составъ народнаго ополченія, собираемаго по волѣ вѣча, хочу указать на недоумѣнія, возникающія изъ источниковыхъ данныхъ. Повторяю, надо доказать переносимость чертъ Новгородскаго устройства на Кіевское. Она еще не доказана.

Остальныя упоминанія о военныхъ дѣйствіяхъ смердовъ или неясны, но во всякомъ случаѣ не говорятъ противъ выставленнаго предположенія, или скорѣе подкрѣпляютъ его правильность.

Въ Ипат. Лѣт. подъ 1219 г. разсказывается объ осадѣ Галича Уграми и Ляхами. Мстиславъ пришелъ на выручку и разбилъ иноплеменниковъ, «и бысть радость велика, спасъ Богъ отъ иноплеменникъ: вси бо Угре и Ляхове убьени быша, а инии яти быша, а инии бѣгающе по землѣ истопоша, друзии же смерды избьени быша и никому же утекши отъ нихъ». Трудно сказать, были ли смерды въ войскѣ или просто били враговъ, поскольку тѣ вразсыпную пробѣгали мимо смердьихъ селъ и пашенъ; вѣр-

нѣе даже послѣднее. Въ той же Ипат. Лѣт. подъ 1159 г. описывается борьба Ярослава Галичьскаго съ Иваномъ Ростиславичемъ: Иванъ съ Половцами подошелъ къ Ушицѣ, «и вошла бяше засада Ярославля въ городъ, и начаша ся бити крѣпко засадници изъ города, а смерди скачуть чересъ заборола къ Иванови и перебѣже ихъ 300». Появленіе смердовъ и здѣсь не говоритъ ни pro, ни contra. Скорѣе pro, чѣмъ contra, говорятъ слѣдующія два извѣстія. Въ поученіи Владиміръ М. говоритъ [1]): «И на весну посади мя отецъ въ Переяславли передъ братьею (ратию), и ходихомъ за Супой; и ѣдучи къ Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу Половечьскыѣ князи, 8 тысячь, и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружіе бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохомъ въ городъ; только Семцю яша одиного живого, ти смердъ нѣколико». Смерды эти, какъ будто, въ войскѣ князя. Въ Ипат. подъ 1245 г. такой фактъ: «Ростиславъ умоливъ Угоръ много, просися у тьстя, да выидеть на Перемышль; вышедши ему собравъ смерды многи, пьшцѣ, и собра я въ Перемышль». Смердовъ набираетъ князь, и ему, повидимому, не надо за этимъ обращаться къ вѣчу.

Вотъ, насколько знаю, все, что имѣется въ Лѣтописи по этому вопросу. Факты не опровергаютъ предположенія, что смерды Кіевской Руси не входятъ въ организацію народнаго ополченія, собираемаго по волѣ вѣча, не князя. Есть данныя (1068, 1103 г.), послужившія ему основаніемъ [2]).

---

1) Лавр. 1096 г., стр. 239, 240. Изд. третье.

2) Проф. Дьяконовъ на 96 стр. «Очерковъ общественнаго и государственнаго строя древней Руси» говоритъ: «Смерды составляли массу народнаго ополченія. Изъ переговоровъ князей въ Долобьскѣ (Лавр. 1103 г.) явствуетъ, что они, предпринимая походы, должны были сообразоваться съ періодами хозяйственной жизни смердовъ, чтобы отвлеченіемъ ихъ въ походъ не подорвать ихъ хозяйствъ». 1) Въ 1103 г. смерды въ походъ не отвлекались. 2) Если авторъ подъ народнымъ ополченіемъ разумѣетъ не княжеское войско, а собираемое по рѣшенію вѣча народное ополченіе, то содержаніе первой цитированной мною фразы надо еще доказать.

II.

Обращаясь теперь къ вопросу о значеніи слова «смердъ» въ Лѣтописныхъ извѣстіяхъ и «Русской Правдѣ» съ точки зрѣнія новаго толкованія текста 1103 г., можно пока принять никѣмъ, кажется, неоспариваемое и источниками отчасти подтверждаемое мнѣніе, что смердъ древней Руси есть сельскій житель, мелкій земледѣлецъ[1]). Но кромѣ этого «тѣснаго» значенія слова «смердъ» существуетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, еще широкое: смердъ—всякій, кромѣ князя, всякій кромѣ князя и самыхъ высшихъ слоевъ населенія[2]). Не рѣшаясь присоединиться къ этому мнѣнію, разберусь въ его аргументаціи.

У проф. Сергѣевича читаемъ: «а за княжь конь 3 гривнѣ, а за смердѣй 2 гривны» Ак. 25. Статья (Русской Правды) установляетъ штрафъ за кражу коня, но упоминаетъ только коней, принадлежащихъ князю да смерду, умалчивая обо всѣхъ другихъ. Это молчаніе можетъ быть объяснено *только*[3]) тѣмъ, что подъ смердами, въ противоположность князю, разумѣется все населеніе». Такое объясненіе представляется искусственнымъ. Съ точки зрѣнія самого же проф. Сергѣевича можно, а можетъ быть, и нужно объяснить «недомолвку» статьи иначе. Въ предисловіи къ своему изданію «Русской Правды» (стр. XV) авторъ говоритъ, что «составители Правды писали для своихъ современниковъ, многое считали хорошо извѣстнымъ, а потому много и не договаривали. То, что они писали съ неизбѣжными «обмолвками и недомолвками», дошло до насъ въ позднихъ копіяхъ» и т. д. Если

---

1) По крайней мѣрѣ эти признаки несомнѣнно входятъ въ понятіе «смердъ». Разногласія могутъ возникнуть только при дальнѣйшемъ, болѣе точномъ опредѣленіи понятія смерда въ «тѣсномъ» смыслѣ.

2) В. Сергѣевичъ, Юридич. Древности, т. I, изд. 2, стр. 178; М. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, стр. 91.

3) Курсивъ мой.

вспомнить еще, что «Правда не есть Сводъ Законовъ»[1]), то покажется страннымъ, что самъ авторъ приведенныхъ положеній предъявляетъ къ Правдѣ требованіе какой-то полноты. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что Правда не говоритъ обо всѣхъ коняхъ, а только о княжихъ и смердьихъ.

Другое дѣло, если въ источникахъ найдутся опредѣленныя указанія на то, что слово «смердъ» въ терминологіи эпохи значило «всякій кромѣ князя» (сохраняя, конечно, кромѣ того и «тѣсный» смыслъ). Тогда, конечно, и смердьему коню *можно* было бы придать широкій смыслъ; однако въ этомъ не было бы еще *необходимости*. Основывать же необходимость на постулируемой полнотѣ—значитъ переоцѣнить памятникъ.

Проф. Сергѣевичъ въ подтвержденіе своей мысли о существованіи широкаго смысла слова «смердъ» приводитъ такой примѣръ, который, въ лучшемъ случаѣ, не можетъ убѣдить въ правильности этой мысли[2]). «Въ 1096 г. Святополкъ Кіевскій и Владиміръ Переяславскій послали къ Олегу такое предложеніе: «поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ. Олегъ же восприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ». Здѣсь князь называетъ смердами не только кіевскихъ горожанъ, но и служилыхъ людей прежнихъ князей. Все смерды, за исключеніемъ князей, епископовъ и игуменовъ». Изъ того, что Олегъ, восприимъ смыслъ буй и словеса величава, *обозвалъ* служилыхъ людей и свободныхъ кіевскихъ горожанъ смердами, только съ большимъ усиліемъ можно заключить, что слово «смердъ» въ древней Руси иногда означало всѣхъ, кромѣ князя и духовенства. Скорѣе можно думать, что «смердъ» именно не могло значить «всякій кромѣ князя», разъ этимъ словомъ занос-

---

1) Юридич. Др. I, изд. 2, стр. 108.
2) Цит. соч. стр. 179.

чивый князь могъ обругать «мужей отецъ нашихъ и людей градскихъ».

Ссылка проф. Сергѣевича на ст. 55 III[1]), гдѣ вмѣсто «смердій» стоитъ «иные», не имѣетъ подкрѣпляющаго значенія. Позднѣйшее обобщеніе смысла статьи о смердьемъ конѣ, само по себѣ, еще не свидѣтельствуетъ о томъ, что и первоначальный редакторъ статьи хотѣлъ придать термину «смердій» широкій смыслъ. Оно можетъ указывать лишь на то, что для позднѣйшаго списателя случайно не были существенны побужденія предшественника упомянуть о княжомъ и только о смердьемъ конѣ. Между тѣмъ то, что обобщеніе смысла статьи достигается замѣной «смердьяго» «инымъ», не намекаетъ ли на «тѣсный» смыслъ «смерда»? [2]).

Правильнѣе думать, что терминъ «смердъ» имѣетъ одно «тѣсное значеніе» [3]). По крайней мѣрѣ только-что разсмотрѣнныя разсужденія изслѣдователей убѣждаютъ въ одномъ: нѣтъ необходимости и надобности считать смердьяго коня не смердьимъ

1) Статьи Правды цитирую по изд. Сергѣевича, 1904 г. Римскія цифры указываютъ редакціи: 55. А у него же погибло, то оже будетъ лице, лице поиметь, а за лѣто возметъ по полугривнѣ. Пакиль лица не будеть, а будеть былъ княжь конь, то платити дань 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны.

2) Аргументація проф. Дьяконова страдаетъ тою же неубѣдительностью: съ одной стороны Р. Правда—частный сборникъ конца X, начала XI вв., дополнявшійся и переработывавшійся вплоть до половины XIII в. (Очерки, стр. 47); съ другой—такое утвержденіе (стр. 91): «терминъ «смердъ» можетъ обозначать все населеніе въ отличіе отъ князя или самыхъ высшихъ слоевъ населенія. Р. Правда противопоставляетъ въ одномъ случаѣ князя смерду, говоря о княжемъ конѣ и княжей борти въ отличіе отъ смердья коня и отъ смердьей борти; въ другомъ случаѣ смердъ противополагается огнищанину». Мотивъ аргументаціи тотъ же: Правда должна говорить о коняхъ всего населенія, которое исчерпывается двумя терминами: князь и смердъ, ergo смердъ—всякій кромѣ князя. Первая посылка однако не вытекаетъ изъ представленія о Правдѣ, какъ о частномъ сборникѣ, да еще текучемъ. Приблизительно то же у проф. Владимірскаго-Буданова въ Обзорѣ Исторіи рус. права. Стр. 36 и 101. 3-ье изд. 1900 г.

3) Болѣе точное, чѣмъ вышеприведенное, опредѣленіе требовало бы спеціальнаго изслѣдованія. Пока приму самое общее опредѣленіе «тѣснаго» смысла. Дальнѣйшія строки покажутъ направленіе, въ которомъ надо искать истины.

(въ тѣсн. см.). Это—одна сторона. Нельзя-ли привести какія-нибудь положительныя данныя въ пользу моего мнѣнія? Почему составитель статьи могъ говорить именно о *смердьихъ* коняхъ?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить, опираясь на разсказъ 1103 г. Передъ тѣмъ, однако, придется нѣсколько словъ сказать о той, второй, по Сергѣевичу, редакціи Русской Правды, въ которой находится интересующая насъ статья.

Не нова мысль, что «Правда Ярославичей есть сборникъ разновременныхъ уставовъ, данныхъ этими князьями, какъ всѣми тремя въ совокупности, такъ и нѣкоторыми въ отдѣльности» [1]). Взглянувъ на вторую редакцію Правды съ такой именно точки зрѣнія, можно сказать напередъ: здѣсь, естественнѣе всего, встрѣтимся на первомъ планѣ съ нормами, содержаніе коихъ опредѣляется княжескими интересами. При чтеніи, подрядъ, этихъ статей, кончая 9, ожиданіе наше дѣйствительно оправдывается [2]). Въ самомъ дѣлѣ. Первыя три статьи трак-

---

1) Владимірскій-Будановъ, Обзоръ и т. д., стр. 102—103, 3-ье изд. 1900 г.

2) Правда уставлена Руской земли, егда ся совокупи Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Косячько, Перенѣгъ, Микифоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула.

1. Аще убіютъ огнищанинъ въ обиду, то платити за него 80 гривенъ, а людемъ не надобѣ. А въ ездовомъ (подъѣздномъ) княжѣ 80 гривенъ.
2. Аще убіютъ огнищанина въ разбои, а убійца не изыщуть, то вирное платити, въ ней же вѣрнѣй (вирѣ) голова начнеть лежати.
3. А иже убіютъ огнищанина у клѣти, или у коня, или у говяда, или у коровьи татбѣ, то убити за пса мѣсто. А той же поконъ и тивуницю.
4. А въ княжѣ тивунѣ 80 гривенъ.
5. А конюхъ у стада старый 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ дорогобудьци.
6. А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратайнѣмъ 12 гривнѣ.

7. А въ рядовницѣ княжи 5 гривенъ, а въ смердьи въ холопѣ 5 гривенъ.	чтеніе первое	чтеніе второе	7. А въ рядовници княжѣ 5 гривенъ а въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ (акад.)

8. Аще роба кормилица или кормиличицъ 12 гривнѣ.
9. А за княжь конь, иже съ пятномъ, 3 гривнѣ; а за смердій 2 гривнѣ, за кобылу 60 рѣзанъ, а за волъ гривну, а за корову 40 рѣзанъ, а третьякъ 15 кунъ, а за лоньщину полъгривнѣ, а за теля 5 рѣзанъ, за яря ногата, за баранъ ногата.

тують объ ездовомъ и огнищанинѣ. Огнищанинъ — княжой мужъ, въ дружинѣ князя, близкій князю человѣкъ. Огнище—очагъ, домъ, дворъ. Огнищанинъ — человѣкъ, живущій въ огнищѣ, хозяйствѣ князя, можетъ быть, раздѣляющій общую съ княземъ трапезу; это первоначальное значеніе слова. На сѣверо-германской почвѣ видимъ нашихъ огнищанъ въ лицѣ hirđmenn (hirđ=Hausgenossenschaft), húskarlar; у вестготовъ и вандаловъ соотвѣтствуютъ имъ gardingi (отъ gards = domus), у саксовъ hagustaldos (живущіе на дворѣ господина)[1]. Аналогію огнищанина можно видѣть и въ bucellarius'ѣ у вестготовъ, о которомъ Otto Seeck[2]) говоритъ, что это былъ ближайшій князю человѣкъ, дружинникъ, получившій свое названіе оттого, что первоначально сидѣлъ съ княземъ за однимъ столомъ и получалъ небольшіе хлѣбцы (bucella) изъ пшеницы, тогда какъ младшіе дружинники довольствовались обыкновеннымъ хлѣбомъ. «Das Wort charakterisiert also ihre ehrenvolle Stellung als Tischgenossen ihrer Gebieter». Вѣроятно, и нашъ огнищанинъ былъ первоначально такимъ же соогнищаниномъ князя[3]).

Эти первыя три статьи Правды усиленно (80 гр.) охраняютъ неприкосновенность близкаго князю лица. Третья статья полагаетъ даже смерть «за пса мѣсто» тому, кто убьетъ огнищанина въ моментъ, когда послѣдній вздумаетъ защищать имущество князя отъ вора[4]). Повидимому эти 80 гривенъ идутъ, въ каче-

---

1) R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 3 aufl., s. 33.

2) Das deutsche Gefolgswesen auf römischem Boden, въ Zeitschrift für Rechtsgeschichte, XXX. Germanistische Abteilung.

3) Ссылка на Новгородскихъ огнищанъ, выступающихъ въ роли мѣстной знати, не можетъ имѣть значенія по изложеннымъ уже выше соображеніямъ.

4) Толкованіе этой статьи проф. Дьяконовымъ (Очерки, стр. 47, 48), который видитъ здѣсь «огнищанина—вора», представляется мнѣ неправильнымъ. Въ соотвѣтствіи съ предыдущими статьями естественнѣе толковать ее, какъ усиливающую наказаніе за убійство огнищанина на посту охраны княжескихъ интересовъ. Пр. Дьяконовъ, видимо, придаетъ статьѣ такой смыслъ: если кто убьетъ огнищанина на мѣстѣ преступленія, то *убить* огнищанина, какъ собаку,—т. е. убить убитаго. Такъ и самая форма статьи не допускаетъ толкованія пр. Дьяконова.

ствѣ виры, въ пользу князя. Въ другихъ статьяхъ не сказано, кому идутъ деньги, но по аналогіи со 2 ст. и потому, что не указано, кому другому, можно думать, что тоже князю.

Статьи 4 и 6 говорятъ о княжеской администраціи. Ст. 5— о конюхѣ, вѣроятно, тіунѣ конюшемъ (13 III), завѣдующемъ княжескими табунами.

Спорной является ст. 7. Цитированные авторитеты науки считаютъ пріемлемымъ и правильнымъ чтеніе первое. Не вижу основаній предпочесть такое чтеніе. Если бы второе было только въ одномъ спискѣ, можно было бы сослаться на то, что оно— случайная ошибка. Но у Сергѣевича оно приведено изъ двухъ списковъ: Академическаго и Карамзинскаго. Можетъ быть оно встрѣчается и въ другихъ. Во всякомъ случаѣ ариѳметика тутъ не примѣнима: отъ большаго числа повтореній одного чтенія опасно заключать къ певѣрности другого. Недоумѣнія, почему за смерда положено столько же, сколько за холопа, у меня, по крайней мѣрѣ, не возникаетъ. У меня скорѣе возникло бы недоумѣніе по поводу того, что за смердьяго холопа положено столько же, сколько за княжескаго. Думаю, однако, что въ изученіи положенія смердовъ нужно выходить изъ источниковъ, а не подгонять источникъ подъ свою концепцію. Серіознѣе такое возраженіе противъ второго чтенія: въ статьѣ получается повтореніе; говорится о рядовичѣ и о холопѣ[1]). Проф. Сергѣевичъ прекрасно устраняетъ это возраженіе[2]): «Статья 102 Тр. сп. говоритъ, что холопство возникаетъ изъ купли-продажи. Купля-продажа есть, конечно, рядъ, договоръ. Продавшіе себя въ рабство, но неотличающіеся никакими особыми качествами, и будутъ просто рядовичи, которыхъ Правда противополагаетъ старостамъ, ремесленникамъ, тивунамъ. Но рядовичъ не непремѣнно рабъ. Рядовичъ—всякій по ряду (договору) у кого-либо живущій. Статьи же 22 Акад. и 11 Тр.[3]) разумѣютъ подъ ря-

---

1) Мысль пр. Сергѣевича Юр. Др. I стр. 185 изд. 2-ое.

2) Впрочемъ онъ не имѣетъ этого ввиду. Юр. Др. I, стр. 106 примѣчаніе.

3) Это наша 7 ст.

довичемъ раба потому, что цѣнятъ его въ 5 гривенъ, а это цѣна обыкновеннаго раба, см. 13, 106, 107». Итакъ рядовичъ—рабъ, но по ряду. Но холопъ не всякій—по ряду. Напр. закупъ, сбѣжавшій отъ господина, становится холопомъ (71 III); переходя въ холопство онъ ряда никакого не заключаетъ. Дѣти холопьи, хотя бы и рядовичей, тоже ряда не заключаютъ, просто холопы. Если кто-нибудь тивунство приметъ (142 III) безъ ряду—обельный холопъ, не рядовичъ; между тѣмъ, по волѣ господина, тивуномъ онъ можетъ и не остаться, а холопомъ будетъ всегда. Словомъ, рядовичъ и холопъ — понятія, только отчасти другъ друга покрывающія, и въ статьѣ нѣтъ повторенія.

Такимъ образомъ въ статьѣ 7 видимъ смерда (или смердьяго холопа[1]) поставленнымъ въ среду княжихъ близкихъ или зависимыхъ людей; при этомъ деньги опять-таки, повидимому, идутъ въ пользу князя. Отъ зависимыхъ людей статья 9 переходитъ къ скотинѣ, къ княжому коню и смердьему, и опредѣляетъ довольно большія суммы—3 и 2 гривны.

Вся эта совокупность статей производитъ впечатлѣніе устава (уставовъ), 1) вышедшаго изъ среды княжескихъ интересовъ, разсматривающаго преступленія противъ близкихъ князю, такъ или иначе, людей, какъ оскорбленіе княжеской чести, нарушеніе княжескихъ интересовъ, 2) защищающаго людей (и скотъ), *нужныхъ* князю.

Само собою понятно, что князь нуждался въ людяхъ, стоящихъ въ личной отъ него зависимости, для того, чтобы не оказаться одинокимъ и безсильнымъ въ землѣ, гдѣ приходилось сидѣть — править и строить свое благополучіе. Реальную опору своей власти онъ и находилъ въ дружинѣ, откуда выходила его администрація и его хозяйственные помощники. Вотъ фактъ 1103 года позволяетъ сказать, что и смердъ былъ, несомнѣнно, нужный князю человѣкъ, и потому особенно, что князь *не могъ* выйти въ большой походъ безъ смердьихъ лошадей. Эту невоз-

1) Если кому угодно будетъ такъ читать.

можность князья прекрасно понимали. Въ 1103 г. передъ ними прямо возникла дилемма: или идти въ походъ и разорить смердовъ, взявъ лошадей отъ полевыхъ работъ, или не идти, т. к. не хотѣлось конскимъ наборомъ разорить своихъ смердовъ, а собственныхъ лошадей не хватило.

Забирая смердьихъ лошадей въ походъ, князья сознавали, что смерды приносятъ огромную жертву. Жертва послѣ нѣкоторыхъ колебаній была принята — и походъ кончился огромною добычей: «взяша тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ съ добыткомъ и съ челядью и заяша Печенѣги и Торки съ вежами. И придоша въ Русь съ полономъ великымъ, и съ славою и съ побѣдою великою».

Вдумываясь въ психику тогдашнихъ людей, во внѣшнія обстоятельства, можно будетъ понять, что смердій конь попалъ въ княжескій уставъ не даромъ—за нимъ были заслуги, князьямъ было за что его цѣнить.

Цѣль этой замѣтки, по силамъ, выполнена. Мнѣніе, будто терминъ «смердъ» имѣетъ два смысла, чувствовалось мнѣ не пріемлемымъ: вышеприведенное толкованіе текста 1103 г., въ связи съ другими соображеніями, позволило нѣсколько обосновать это ощущеніе. Предположеніе, что смерды не входили въ организацію народнаго ополченія Кіевской земли, основано, правда, на немногихъ данныхъ, но не нашлось ни одного указанія, которое и противорѣчило бы этому предположенію.

Въ заключеніе приходится указать на недоумѣніе, вытекающее изъ сопоставленія изложеннаго съ ходячимъ представленіемъ о смердахъ, какъ массѣ свободнаго сельскаго населенія: въ политической организаціи Кіевской Руси наблюдаются двѣ стороны — вѣче и князь. Вѣче, какъ мы видимъ, не простирало своей власти на смердовъ (все свободное сельское населеніе), опираясь только на Кіянъ; князь въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на дружину, своихъ личныхъ слугъ, и смердовъ (все

сельское населеніе). Тогда становится непонятнымъ авторитетъ вѣча и признаніе его со стороны князя, который располагалъ такой численно подавляющей массой сельскаго населенія. Изгнаніе Изяслава Ярославича Кіевлянами очень хорошо иллюстрируетъ эту несообразность: имѣть въ своихъ рукахъ не сорганизованную Кіевлянами массу смердовъ и въ тоже время искать поддержки на сторонѣ, чтобы справиться съ Кіевлянами,—представляется весьма страннымъ.

Отсюда естественно вытекаетъ вопросъ: нельзя ли искать разрѣшенія такой несообразности въ томъ, что 1) свободное сельское населеніе, не отличаясь рѣзко отъ населенія центральнаго города Кіева, носило названіе тѣхъ же Кіянъ или людей (людинъ Рус. Пр.), 2) смерды, упоминаемые въ лѣтописи и Русской Правдѣ, были *княжескимъ* сельскимъ населеніемъ, можетъ быть, экономически отъ князя зависимымъ и, во всякомъ случаѣ, ему подвѣдомственнымъ. Тогда становится понятной ст. 14 II: «Или смердъ умучатъ, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны. А въ огнищанинѣ, и въ тиунѣцѣ, и въ мечницѣ 12 гривнѣ». Изъ аналогичной статьи 103 III понятно кому наносится эта обида—князю. «О смердѣ. Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ. Аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ, продажѣ, а за муку гривна». Понятно становится и одинаковое вознагражденіе потерпѣвшему — члену подкняжого общества. Различіе этихъ членовъ, огнищанина и смерда, покоится на чисто личной большей или меньшей близости къ князю, сами же по себѣ они сравниваются въ положеніи группы, стоящей внѣ обычно-правового общиннаго союза и нуждающейся въ спеціальной защитѣ князя. Понятенъ становится и инцидентъ со смердами князя Святослава въ Бѣлоозерѣ, Лавр. 1071. Пришелъ въ Бѣлоозеро отъ Святослава Янъ Вышатичь, «дань емлюще»; «повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ, иже около ею суть, рече имъ: «выдайте волхва та

сѣмо, яко смерда еста моего князя». Они же сего не послушаша». Смерды силою были приведены къ Яну и, когда тотъ приказалъ ихъ бить, они заявили и настаивали на томъ, что «нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже». Здѣсь опредѣленно говорится о смердахъ князя Святослава; также подчеркнутъ принципъ: безъ княжа слова смерда мучить нельзя.

Сказанное, конечно, не разрѣшаетъ вопроса, но, думается, нѣсколько обосновываетъ законность самой его постановки.

Б. Романовъ.

Еще одна Кіевская школьная драма.

Посвящается Н. И. Петрову.

Проф. Н. И. Петровъ въ своемъ обзорѣ «Кіевской искусственной литературы XVIII в., преимущественно драматической» говорилъ:

«Обращаясь къ первому періоду южнорусской искусственной драмы XVIII вѣка, мы должны оговориться, что отъ него дошло до насъ только два произведенія: *Свобода*, 1701 года, и *Мудрость предвѣчная*, 1703 года; притомъ же первое изъ нихъ въ настоящее время недоступно для нашего изслѣдованія»[1]).

Рукопись пьесы *Свобода* составляетъ собственность Иркутской Духовной Семинаріи. Благодаря сношенію Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ съ Правленіемъ названной семинаріи, рукопись эта выслана была въ мое распоряженіе[2]), и мною обслѣдована. Результаты и представляются въ предлагаемомъ сообщеніи.

Сохранился не полный текстъ драмы, а лишь программа (синопсисъ, или periochе), переписанная малорусскимъ почер-

---

1) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка, Кіевъ. 1880, стр. 28.

2) Вслѣдствіе этого долгомъ считаю выразить здѣсь Отдѣленію русск. яз. и слов., въ лицѣ его предсѣдательствующаго А. А. Шахматова, мою глубокую благодарность. Н. И. Петрову, дѣйствовавшему черезъ Правленіе Кіевской духовной Академіи, не удалось добиться присылки рукописи изъ Иркутска въ Кіевъ.

комъ начала XVIII вѣка, довольно неаккуратно и невнимательно (судя по пропускамъ и опискамъ), на двухъ листахъ, и вошедшая въ составъ объемистаго фоліанта, причемъ при переплетѣ нижнія и верхнія строчки рукописи оказались обрѣзанными. Хранится въ библіотекѣ Иркутской Семинаріи (отдѣлъ исторіи, шкафъ XVI, полка 6, рядъ 1, мѣсто 3, томъ 2774). Въ фоліантѣ этомъ, въ старомъ кожаномъ переплетѣ, соединены «varia brevia opuscula», какъ гласитъ запись карандашемъ на оборотѣ начальнаго бѣлаго листа (ниже этой записи чернилами написано: Omnia sunt hominum tenui pendentia filo), рукописныя и главнымъ образомъ печатныя, а именно:

1) Arma, heroes, duces, genus, virtus, honor, omnia in celsissimo domino Stanislao Ioanne Iabłonowskí, supremo exercituum polonorum duce a devinctissima societate Iesu polona omni saeculorum memoriae inculcata. Anno M. DC. XCV. Leopoli. Печатное. По-латыни.

2) Aeternum foedus in gentium, virtutum, procerum, ducum, principum, regnorum connubiali nexu illustrissimorum Ioannis Iabłonowski ac Ioannae Marchionis de Bethune filiae colligatum atque inter geniales plausus a devinctissimo magnis sponsorum nominibus sanguinique Collegio Leopoliensi soc. Iesu epithalamica panegyri celebratum. Anno Domini 1693. Lublini. Печатное. По-латыни.

3) Sidus primae magnitudinis seu agnus Załuscianus in infulati honoris zodiaco, cum excellentissimus, illustr. et reverendissimus dominus Andreas Chrysostomus Załuski, Dei et apostolicae sedis gratia episcopus płocensis secundam adiret infulam, a ducalibus Iaroslaviae collegiis Societatis Iesu panegyrico cultu adoratus. Anno M. DC. XCIII. Lublini. Два печатныхъ экземпляра, неполныхъ, но взаимно дополняющихъ одинъ другой. По-латыни.

4) Sarmaticus Gembicciani zodiaci atlas, tria primae magnitudinis sidera, sanguinis, virtutis, honoris sustentans. Illustrissi-

mus et reverendissimus dominus Ioannes Gembicki, episcopus vladislaviensis et Pomeraniae, dum festu sollennique ritu ac pompa vladislaviensis cathedrae sedem iniret, a nobili et ingenua iuventute collegii Varsaviensis, scholarum piarum communi orbis universi et patriae solatio praesentatus. Anno M. DC. LXXIV. Печатное. По-латыни.

5) Stadium interminatum virtutis, sapientiae, gloriae infulatae immortalibus illustrissimae soleae Święcicianae vestigiis consignatum, atque sub funebria iusta illustrissimi ac reverendissimi domini Stanislai Święcicki episcopi chełmensis, Ecclesiae, Patriae, Palladi Christianae propositum... a collegio Varsaviensi Societatis Iesu. MDCXCVII. Varsaviae. Печатное. Конца не достаетъ. По-латыни.

6) Infula maioris annuli gemma coronata. Excellentissimo, illustr. ac reverend. Dno Georgio Albrachto Denhoff S. R. I. Principi episcopo premisliensi... a quatuor Societatis Iesu collegiis oblata. Lublini. Безъ года. Печатное. По-латыни.

7) Horoscopus illustrissimae domus Ląccianae. Безъ выходного листа. Конца не достаетъ. Печатное. По-латыни.

8) Auguria spei publicae illustrissimo domino Casimiro Ioanni Sapieha... exhibita et oblata a Batoreano regio Polocensi societatis Iesu collegio. Anno 1673. Vilnae, typis Academicis Societatis Iesu. Печатное. По-латыни. Конца не достаетъ.

9) Выходной листъ утраченъ. Школьныя въ стихахъ и прозѣ привѣтствія меценату. Печатное. По-латыни.

10) Orbis meritis, famae, honori illustrissimi domini Stanislai Małachowski... a devinctissimo archi-episcopali collegio Calissii soc. Iesu suis nodis expeditus. Anno 1695. Calissii. Typis Collegii Sos. Iesu. Печатное. По-латыни.

11) Безъ выходного листа. Рѣчь на тему о необходимости брака: Nexus hic connubialis vinculum est sociale ingentium procerum, ducum, principum, regnorum... Печатное. По-латыни.

12) Columen tergeminum potocianae crucis, splendore corusco refulgens, triremi argonauticae aeterno faedere associatum, dum illustrissimus et excellentissimus dominus Michael Potocki illustrissimi et excellentissimi domini Stephani Stanislai Czarniecki dilectissimam filiam, illustrissimam et lectissimam virginem Sophiam Czarniecka, connubiali voto in vitae sociam associaret, a M. Ioanne Stanislao Iaroszewski, in alma academia Cracoviensi philosophiae doctore, panegyrico cultu luci publicae exporrectum. Anno 1689. Cracoviae. Печатное. Большая часть по-латыни; въ концѣ — польскіе стихи: Na przeswiętną iaśniewielmoznych domow kolligacyą.

13) Spes patriae in flore praecisa, celsissimus et illustrissimus dominus Georgius Iosephus Radziwił, sacri romani imperii princeps etc. immatura morte sublatus, a Nesuisiensi Radiviliano collegio soc. Iesu inter Lituani orbis communem luctum deploratus. Inpressum Vilnae, typis academicis soc. Iesu. Anno 1689. Печатное. По-латыни.

14) Выходной листъ утраченъ. Kres lotu orła Radziwiłowskiego do nieśmiertelney wieczności—польскіе стихи. Печатное.

15) Dies aeternitatis per duodecim horas deductus a luna Hleboviciana post eclipsim mortis in solem gloriae transformata atque ad sepulchrales umbras illustrissimae dominae Marcibellae Annae Hleboviciae Oginska, illustrissimo domino Martiano de Kozielsk Oginski... post fata coniugis suae maestissimo in solatium repraesentatus ab academia Vilnensi soc. Iesu. Anno 1683. Печатное. Первая половина по-латыни, вторая—польскіе стихи.

16) Verus antistes et prudens senator virtute, genere, meritis in illustr. ac reverend. domino Constantino Brzostowski, Dei et apostolicae sedis gratia episcopo vilnensi, cancellario almae academiae Vilnensis soc. Iesu expressus... a Collegio et Universitate Vilnensi eiusdem Societatis. Anno Domini 1688. Печатное. По-латыни.

17) Imago heroicarum virtutum eximiorumque in patriam meritorum in ill. ac rev. domino Stephano a Magno Chrząstowo Wierzbowski, Dei et apostolicae sedis gratia episcopo posnaniensi, veris collucens coloribus... a Valentino Ioanne Mazurkowic, philosophiae doctore et in alma universitate Crac. professore, panegyrica gratulatione adumbrata. Anno Salutis M. DC. LXIV. Cracoviae. Печатное. По-латыни.

18) Messis iuridici honoris gentilicia falce mrozovicciorum ante augustum mature collecta, dum perillustris et reverendissimus dominus Constantinus Mrosovvicki, ecclesiae metropolitanae Leopol. archidiaconus... iuris utriusque doctor ritu solenni renunciaretur, officiosissimo applausu per Matthiam Ioan. Pawołowic Ph. D. Acad. Zamos. profes. praesentata. Anno 1695. Zamoscii. Печатное. По-латыни.

19) Arae Ołycenses Łąccianis hastis emunitae in auspicato sacrae provinciae aditu perill. et rev. domini Andreae Constantini de Nadole Łącki, gnesnensis, łovicensis canonici... ab addictissimo Benedicto Zabokrzycki... in collegio Luceoriensi soc. Iesu cultu panegyrico honoratae. Anno M. DC. LXXX. VIII. Lublini. Печатное. По-латыни.

20) Безъ выходного листа; конца также не достаетъ. Печатное. По-латыни. Проза и стихи въ честь Михаила Казимира Радзивилла.

21) Безъ выходного листа; конца не достаетъ. Печатное. Латинскія привѣтствія въ прозѣ тому же Мих. Каз. Радзивиллу.

22) Porta oginscianae gloriae, splendore nativo perennatura et inter connubialia vincula, dum lechicis celeberrimus meritis Pegasus Wielopolscianus auspicatissima limina sua ingrederetur, votivis refulgens taedis, ad nuptialia sponsorum festa illustr. et excellentissimi domini Martiani de Kozielsko Oginski... ac illustrissimae et lectissimae virginis Constantiae Christianae Wielopolsciae... per Stanislaum Petrum Łuzinski, philosophiae in

alma universitate Cracoviensi doctorem et professorem, epithalamico Hymenaei applausu, celebrata. Anno 1685. Cracoviae. Печатное. По-латыни. Конца не достаетъ.

23) Безъ выходного листа. Іезуитскій панегирикъ королю. Печатное. По-латыни.

24) Kopia listu jegomośći Xiędza Biskupa Kuiawskiégo do posła francuskiego и Kopia responsu posła jegomośći francuskiego. Печатное. По-польски.

25) Puncta ab ordinibus statuta in conventu Lęcycyensi sub Casimiro rege. Печатное. По-латыни и по-польски.

26) Copia listu jero mośći Xiędza Biskupa Chełmskiego do jednego z ich mośćiow Xięzey Biskupow pisanego. Печатное. По-польски.

27) Ludus saeculorum ad ludum Martis regii in theatro gloriae, publicae orbis christiani nuper applaudentis felicitati alludens, atque sub serenissimis auspiciis serenissimorum regni Poloniae Principum Alexandri et Constantini celebratus, ab Apolline Coll. Vars. Societatis Jesu, anno «PrInCIpIbVs, totVs qVo LVDos Intonat orbIs, || perpetVo Voto regIa MVsa faVet (т. е. 1696). Varsaviae. In collegio Scholar. Piarum typis S. R. M. Программа драматическаго представленія въ 9 явленіяхъ, съ интерлюдіями. Печатное. По-латыни и по-польски.

28) Безъ выходного листа. Porządek na seymie walnym elekcyey mędzy Warszawą á Wolą, przez opisáne Artykuły do samego tylko Aktu Elekcyey należące, vchwalony y postanowiony. Roku Panskiego 1674, 22 miesiaca Kwietnia. Печатное. По-польски. Конца не достаетъ.

29) Hippomenes sarmacki porywczych ad omnia quaeque cnot y wysokich praeeminenciy, rossiyskiemu swiatu antagonią zalecony. Wielmozny iegomsc pan Ian z Obidowa Obidowski...

teraz z poszlubioną swą Atalantą ieymscią panną Anną Koczubeiowną... troiakim herbowych kamieniy presentem y paranympho amore ktory iest omni pretiosior auro in aeternos connubii nexus wkraczaiący... Przy triumphalnych weselnego hymenaeusza applawzach, przez nayzyczliwszego sługę Filipa Orlika pisarza Konsistorskiego metropoliey Kijowskiey acclamowany. Roku 1698. W tipographiey Swiętey Cudotworney Lawry Pieczarskiey Kijowskiey. Печатное. Польскіе стихи.

30) Diarium seymu electionis krola im̃ci polskiego po smierci Im̃ci S. P. Iana III 1697-mo. Рукопись на 26 листахъ. По-польски.

31) Informacya do konfederacyey ante convocatialney, anno 1696. List jasnewielmoznych ich mosciow PP. WW. Marszałka y Podskarbiego koronnych na seymiki. Rozmowa krolowey jey mosciey z krolewicem Iakubem o terazniéyszych rzeczach po smierci krola jego mosci Iana Trzeciego. Рукопись на 6 листахъ. По-польски. Конца не достаетъ.

32) Pełnia nieubywaiącey chwaly w herbowym xiężycu z trzech primae magnitudinis luminarzow, Barłaama swiętego pustelnika, Barłaama swiętego męczenika, Barłaama swiętego pieczarskiego, iednegoż dnia, nowembra 19, na niebie cerkiewnym swiecących, pod hieroglyphikiem swiata od nichże podeptanego, iasnie w Bogu przeoswęconemu jegomosci oycu Barłaamowi Iasinskiemu prawosławnemu archiepiskopowi, metropolicie kijowskiemu, halickiemu y wszystkiey Rossiey, przy dorocznym festu patronskiego recursie plausibus gratulatoriis reprezentowana rudi calamo et Minerva iegoż alumna, w Duchu Swiętym syna y sługi nayniższego hieromonacha *Stephana Iaworskiego*, praefecta szkoł Kijowo-Mohilaeanskich y philosophiey professora. Anno quo Pulchra ut luna Maria in perfecto a Sole Iustitiae stetit Plenilunio, 1691.

33) Ancile libertatis polonae, christianitatis umbo, othomanicae fulgur hydrae, sarmaticarum nidus aquilarum, immortalis regum gloriae messis clipeata. Ianina. Serenissimi ac invictissimi Ioannis III Poloniarum regis, magni ducis Lituaniae etc, a regnatricis ancillae domo, declinante in Clipei eclipticam sole, 1696, incolumitate principis deaurata ab utroque nobilitatis lechicae statu, veritatis stylo, adorata. Kalendis januarii. Warsaviae. In collegio Schol. Piar. typis S. R. M. Печатное. Содержаніе: Prophasis (по-латыни), Panegyricus I (по-латыни), panegiryk wtory (по-польски), panegyricus III serenissimis Bavariae principibus (по-латыни), panegyricus IV (латинскіе стихи), Oyczysta Muza w naiasnieyszey Ianinie I. K. M. heroiczne czyny głosi (польскіе стихи).

34) Regia infulati solis sub tentorio perillustris ac reverendissimi patris Iosaphi Krokowski, abbatis Pieczarensis dignissimi etc, ad ornamentum basilici nominis, ad decus meritorum, nec non incrementum publicae felicitatis, secundis auspiciis fixa atque... a devinctissimo suo nomini et honori cliente Gregorio Adalberto Wiszniowski, A. A. LL. et Philosophiae doctore... honorata. Anno quo || Aetern*U*s *D*ef*IXI*t so*L* *I*n *VI*rg*I*ne centr*VM*, || Atq*V*e thoro tanto reg*I*a *VI*rgo f*VI*t (т. е. 1698). Vratislaviae. Печатное. Латинскій панегирикъ въ прозѣ и стихахъ.

35) Fortuna archidiaecesis leopolitanae in rota celebratissimi skarbkorum annuli seu illustrissimus et reverendissimus D. Ioannes Skarbek, episcopus marochiensis etc., in primo honoris ingressu salutatus a Michaele Czolhanski, in collegio sieniaviano Societatis Iesu philosophiae auditore. Anno 1696. Leopoli. Печатное. По-латыни.

36) Intromissio honoris in avita decora et insignia domus perillustris et reverend. domini Constantini Mrozowicki, ecclesiae metropolitanae Leopol. archidiaconi etc. pridem virtute et meritis in foro divinioris Astaeae consignata et dum in alma universitate

Zamoscensi... utriusque iuris doctor ritu solenni crearetur, per M. Stanislaum Golembiowski, Ph. D. in eadem universitate Zam. ord. Poeseos profess. officioso calamo et affectu gratulatorio in lucem publicam exposita. Anno 1695. Zamoscii. Печатное. Латинскіе стихи.

37) Przepasc świątobliwosci y nauki. Thomasz S. doktor anielski, kazaniem panegirycznym przez X. Piotra Dunina soc. Iesu w kośćiele W. OO. Dominikanow zalecony. Roku Pańskiego 1692. W Lublinie. Печатное. По-польски.

38) Kazanie na solenney wotywie trybunału koronnego za prezydencyi i. w. i. m. x. Iana Pokrzywnickiego... Roku Pańskiego 1695, przez Z. Stanisława Kałuskiego soc. Iesu. W Lublinie. Печатное. По-польски.

39) Манифестъ Августа II короля польскаго отъ 27 сентября 1697 года. Печатное. По-польски.

40) Purpura Orientis fraterno sanguine verecunda, in Alexio Graeciae imperatore ingratissimo, ad inhumanum humanae ingratitudinis spectaculum sub Sanctiores Christi patientis ferias in lugubri scena proposita a celsissima et illustrissima rhetorica iuventute Varsaviensis collegii Societatis Iesu. Anno 1698. Печатная программа школьной драмы въ 3 частяхъ, съ prolusio, хорами и conclusio. По-латыни.

41) Obiectum singulare universa theologiae Virgo Deipara per veritates theologicas immortali honori eiusdem Sanctissimae Virginis Matris veritatem increatam enixae, in imagine Rokitnensi miraculorum et Gratiarum Veritate inclarescentis consecratas, sub auspicato nomine illustris et admodum reverendi domini Martini Wochowicz, praepositi rokitnensis, in publicum disputationem propositum per admodum R. D. Petrum Litmanowski, theologum absolutum, praesidibus R. P. Christophoro Łosiewski soc. Iesu и проч. Anno 1694. Warsaviae, typ. Colleg. Scholarum Piarum. Печатное. По-латыни.

42) Свобода от вѣковъ вождел҄ѣнная Натурѣ Людской и проч. Издаваемая ниже программа кіевской школьной драмы. Рукопись на двухъ листахъ.

Описанный сборникъ Иркутской семинаріи представляетъ, какъ видно, главнымъ образомъ коллекцію произведеній школьнаго польско-іезуитскаго словеснаго искусства. Помѣщенная въ концѣ сборника программа драмы «Свобода отъ вѣковъ вождел҄ѣнная» въ значительной степени отражаетъ на себѣ это же школьно-іезуитское вліяніе.

Обычай составлять и печатать подобнаго рода программы, для раздачи публикѣ передъ спектаклемъ, получилъ съ конца XVI вѣка весьма широкое распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ іезуитовъ; обозначалось заглавіе пьесы, излагалось, по актамъ и явленіямъ, содержаніе и ходъ дѣйствія, часто перечислялись также дѣйствующія лица и сообщались имена исполнителей ролей. Эти программы («Синопсисы», «Periochae»), имѣющія не малое значеніе въ исторіи театра и драматической литературы, какъ нерѣдко единственные уцѣлѣвшіе слѣды многихъ утраченныхъ пьесъ, хотя печатались въ сотняхъ экземпляровъ, однако уничтожались, очевидно, вслѣдъ за представленіемъ, такъ основательно, что сохранившіеся донынѣ почти всегда уникатные экземпляры программъ составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Въ Мюнхенѣ, въ Staats-Bibliothek, хранится значительное собраніе такихъ программъ («Poeriochae actionum» Bavar. 2193—2197 и др.); ихъ каталогизировалъ (около 800 названій) Э. Веллеръ: Die Leistungen der Iesuitem auf dem Gebiete der dramatischen Kunst, bibliographisch dargestelt von *Emil Weller* in Augsburg («Serapeum», 1864—1865). Мюнстерскій библіотекарь д-ръ *P. Bahlmann*, въ своей книгѣ «Iesuiten-Dramen der niederrheinischen Ordensprovinz» (Lpz. 1896. Beihefte zum Centralblatt für Bibliothekswesen, XV), признавая, что вышедшіе въ печати въ XVII—XVIII столѣтіяхъ сборники іезуитскихъ драмъ не даютъ еще удовлетворительнаго понятія о

заслугахъ іезуитовъ, какъ драматурговъ, находя необходимымъ для этого привлекать къ изученію рукописныя сокровища, а также сохранившіяся съ конца XVI вѣка печатныя программы пьесъ, — ставитъ задачей дать списокъ (заглавія) іезуитскихъ пьесъ, исполненныхъ въ Ахенѣ, Боннѣ, Дюссельдорфѣ, Ессенѣ, Гильдесгеймѣ, Юлихѣ, Кобленцѣ, Кёльнѣ, Мюнстерѣ, Падерборнѣ и другихъ городахъ, а въ видѣ приложенія даетъ перепечатку 77 программъ, дополняя такимъ образомъ старое, почти совершенно забытое сочиненіе: Patrum Societatis Iesu ad Rhenum inferiorem poemata selectiora, hactenus partim edita partim inedita, nunc in artis poeticae candidatorum gratiam unum in corpus congesta, aucta notisque illustrata a *Friderico Reiffenbergio*, eiusdem societatis presbytero. Tom. I—IV. Coloniae Agrippinae. 1758.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не существуетъ подобнаго обширнаго сборника свѣдѣній о спектакляхъ, имѣвшихъ мѣсто въ іезуитскихъ школахъ на польской почвѣ. Кое-что сообщается объ этомъ въ книгѣ M. Balińskiego «Dawna Akademia Wileńska» (Peterburg, 1862), стр. 166 и слѣд.; нѣкоторое количество матеріала находимъ въ изданіяхъ Вуйцицкаго «Teatr starożytny w Polsce», Warszáwa, 1841, и «Biblioteka starożytna pisarzy polskich», Warsz., 1854, и др.; въ новѣйшее время проф. Г. Люръ («24 Iesuitendramen der litauischen Ordensprovinz. Beardeitet und mitgeteilt von prof. Dr. *Georg Lühr* in Rössel»— въ Altpreussischen Monatsschrift, Band XXXVIII, Heft 1 und 2. Königsberg, 1901) сообщилъ 24 программы іезуитскихъ пьесъ, исполненныхъ въ Рёсселѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Ломжѣ, Пинскѣ, Пултускѣ, Витебскѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ; онъ же (въ Jahresbericht des Gymnasiums zu Rössel, Ostern 1899) издалъ текстъ исполненной въ 1634 и 1644 годахъ въ Рёсселѣ драмы іезуита *Thomas'а Clagius'а* (Klage) «Cursus Gloriae mortalis dramatica poesi expressus sive Jason fabula». Двѣ программы іезуитскихъ представленій въ Варшавѣ («Ludus Saeculorum» и «Purpura Orientis») встрѣтилъ я въ описанномъ выше

сборникѣ Иркутской семинаріи (см. подъ №№ 27 и 40); тексты этихъ программъ привожу ниже, въ качествѣ приложенія къ предлагаемому сообщенію, какъ любопытные матеріалы для исторіи польскаго театра, въ высшей степени важной для правильнаго освѣщенія происхожденія южнорусской школьной драмы. Богатые рукописные матеріалы по польско-іезуитской драмѣ хранятся между прочимъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ: такъ, сборникъ разноязыч. Q. XIV. № 10 представляетъ цѣнную коллекцію полныхъ текстовъ латинскихъ польско-іезуитскихъ пьесъ, и довольно значительное собраніе программъ іезуитскихъ спектаклей, имѣвшихъ мѣсто въ Минскѣ, Вильнѣ, Краковѣ, Несвижѣ и др. городахъ (объ этихъ драмахъ и программахъ я даю сообщеніе въ другомъ мѣстѣ).

Такимъ образомъ мы располагаемъ нѣкоторымъ количествомъ образцовъ польско-іезуитскихъ театральныхъ зрѣлищъ, на основаніи которыхъ въ связи съ другими матеріалами и свѣдѣніями о школьно-іезуитскихъ спектакляхъ и возможно судить объ отношеніи южно-русскихъ школьныхъ дѣйствъ и въ частности драмы «Свобода» къ польскому театру.

Вліяніе іезуитскихъ драматурговъ замѣчается прежде всего съ внѣшней стороны. Назначеніемъ раздававшихся публикѣ программъ іезуитскихъ спектаклей было облегчить зрителямъ пониманіе исполнявшейся передъ ними на латинскомъ языкѣ драмы,— отсюда обычай двойного текста въ программахъ: латинскаго и на народномъ языкѣ, или даже только на народномъ языкѣ; такъ, текстъ программы исполненной въ 1639 году въ іезуитской гимназіи въ Грецѣ драмы о св. Алексѣѣ напечатанъ по-латыни и по-нѣмецки[1]); программа пьесы того же содержанія, исполненной въ 1642 г. въ іезуитской гимназіи въ Фрибурѣ (граница французской и нѣмецкой Швейцаріи) напечатана была по-нѣ-

---

1) S. Alexius Peregrinus. Graecii, 1639 (Экземпляръ въ сборникѣ Мюнхенской Staats-Bibliothek, Bavar., 2197, B. I, № 26).

мецки и по-французски[1]), программа пьесы «Ludus Saeculorum», изъ Иркутскаго сборника, исполненной въ варшавской іезуитской коллегіи въ 1696 году, напечатана по-латыни и по-польски и т. под. Южнорусскія драмы писались и разыгрывались по-русски, такъ что для зрителей не было надобности въ подобнаго рода программахъ, чтобы слѣдить за ходомъ пьесы,—и тѣмъ не менѣе программы вошли въ употребленіе: естественно думать, о подражаніи въ этомъ случаѣ обычаю іезуитскихъ спектаклей. Подтвержденіемъ служитъ наблюденіе, что сохранившіяся программы русскихъ школьныхъ драмъ (изданныя въ «Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ» Н. С. Тихонравова: Дѣйствіе о св. мученицѣ Евдокіи, Ужасная измѣна сластолюбиваго житія, Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю, и др.) всѣ представляютъ собой пьесы іезуитскаго типа; не извѣстно ни одной программы пьесъ иного типа, напр. драмъ рождественскихъ, пасхальныхъ[2]), въ которыхъ мы видимъ отраженіе въ русской литературѣ, черезъ обычное въ XVII в. польское литературное посредство, западно-европейскаго средневѣковаго театра мистерій (Срв. *St. Windakiewicz*, Teatr ludowy w dawnej Polsce. W Krakowie, 1902).

Одинъ изъ образчиковъ подобнаго рода программъ представляетъ печатаемый ниже текстъ программы драмы «Свобода».

Отраженіемъ школьно-іезуитскаго театра представляются въ составѣ дѣйствующихъ лицъ драмы «Свобода» персонажи античныхъ боговъ и богинь—отзвуки Ренессанса—и аллегорическія фигуры, олицетворявшія всякаго рода отвлеченныя по-

---

1) Comoedia de S. Alexio Romano gehalten in den Eydtgnossischen Gymnasio zu Freiburg, im Jahr 1642. Comédie de S. Alexius Romain, representée au Gymnase de la Société de Jesus à Fribourg en Suisse le 8 d'Octobre 1642 (экземпляръ изъ того-же сборника, № 27).

2) Кромѣ «Ростовскаго дѣйства», программа котораго напечатана И. А. Шляпкинымъ въ его книгѣ «Димитрій Ростовскій и его время», Приложеніе, стр. 70—71; но здѣсь матеріалъ разработанъ также по типу школьно-іезуитскихъ пьесъ.

нятія,— наслѣдіе средневѣковыхъ moralités. Яковъ Масенъ въ своей книгѣ «Palaestra eloquentiae ligatae dramatica» даетъ теоретическое оправданіе участія въ пьесахъ этихъ фигуръ[1]), а въ своемъ «Speculum imaginum veritatis occultae, exhibens symbola, emblemata, hieroglyphica, aenigmata, omni tam materiae quam formae varietate, exemplis simul ac praeceptis illustratum. Coloniae Ubiorum. Anno 1650», — прекрасное руководство, какъ изображать аллегорическія фигуры на сценѣ. Польскія теоріи также говорятъ объ участіи этихъ фигуръ въ драмѣ: см. напр. рукопись Импер. Публич. Библіотеки латинск., Q. XIV, № 229, озаглавленную «Poetica practica anno Domini 1648» и представляющую собой, по моему мнѣнію, курсъ, прочитанный въ Виленской іезуитской академіи (анализъ относящихся къ драматической поэзіи главъ этой Поэтики я даю въ другомъ мѣстѣ); здѣсь фигуры эти названы «figurae ideales». Что касается практики, то аллегорическія фигуры имѣли самое широкое примѣненіе на сценѣ іезуитскаго театра, начиная отъ Франціи и кончая Польшей; многочисленные примѣры французскихъ спектаклей такого рода даетъ книга іезуита Menestrier «Des ballets anciens et modernes selon les regles du théâtre» Paris 1682[2]); роль аллегорическихъ («идеальныхъ») фигуръ на сценѣ іезуитскаго театра въ Польшѣ характеризуютъ, кромѣ извѣстныхъ уже въ печати матеріаловъ, печатаемыя ниже въ прибавленіи программы пьесъ: Ludus saeculorum, въ исполненіи которой участвовали исключительно аллегорическія фигуры, и Purpura orientis, а также, напр., слѣдующая сохранившаяся въ сборникѣ Импер. Публич. Библіотеки, разнояз. Q. XIV, 10, листъ 90 оборотъ, рукописная (на латинскомъ языкѣ) программа пьесы подъ заглавіемъ: Grandis Aegrotus ab Omnipotente Medico sanatus, in allegoria Hipponensis praesulis—iacet toto orbe ab oriente usque ad occidentem Grandis

1) Срв. Prof. N. Scheid, Der Iesuit Iakob Masen, ein Schulmann und Schriftsteller des 17 Jahrhunderts, Köln, 1898, стр. 88.

2) Описаніе одного изъ такихъ представленій приведено мной по книгѣ Menestrier въ Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов., т. XI, кн. 4, стр. 196—199.

Aegrotus, sed ad sanandum Grandem Aegrotum descendit Omnipotens Medicus, — Serm. 59 de ver. Domini, — repraesentatus Vilnae 1674, a P. Kosmowski; въ этой пьесѣ, судя по программѣ, библейскій матеріалъ обработанъ приблизительно такимъ же способомъ, съ какимъ мы встрѣчаемся и въ «Ростовскомъ дѣйствѣ» и въ драмѣ «Свобода», т. е. мотивы и темы, взятыя изъ св. писанія, развиты и представлены на сценѣ при помощи длиннаго ряда введенныхъ въ пьесу аллегорическихъ фигуръ. Для удобства сопоставленія привожу программу пьесы Grandis Aegrotus въ русскомъ переводѣ:

Прологъ.

Актъ 1-й.

Сцена 1-я. Непослушаніе (Inobedientia), вкусивъ запрещеннаго плода, навлекаетъ на родъ человѣческій Гнѣвъ и Кару Божію (Iram et Vindictam Dei).

Сцена 2-я. Гнѣвъ и Кара мстятъ за оскорбленіе величества Чести Господней (Honor Divinus): Адама постигаетъ изгнаніе.

Сцена 3-я. Первый человѣкъ (Protoplastes) и его потомство отправляются въ изгнаніе.

Сцена 4-я. Паденіе (Casus), готовясь преслѣдовать Адама, даетъ обязательство послушанія Смерти и обрекаетъ на гибель весь родъ человѣческій.

Сцена 5-я. Представленъ длинный рядъ постигнутыхъ смертью выдающихся людей; выражается сострадaніе ихъ бѣдствіямъ.

Хоръ.

Актъ 2-й.

Сцена 1-я. Мертвые съ Адамомъ во главѣ оплакиваютъ свою гибель.

Сцена 2-я. Милосердіе Божіе (Misericordia Dei) и Милость (Clementia) выражаютъ сожалѣніе о паденіи человѣка и рѣ-

шаютъ попытаться умилостивить Божество (Numen); Справедливость Божія (Iustitia Divina) и Ярость (Furor) возстаютъ противъ этого.

Сцена 3-я. По настоянію Справедливости и Ярости, обвиняемый представляется на судъ Божій.

Сцена 4-я. Милосердіе сообщаетъ, что Божество умилостивлено, но дорогой цѣной искупительной жертвы самого Сына Божія.

Сцена 5-я. Вслѣдъ за Милосердіемъ выносятся орудія мученій; выражается негодованіе на мерзость грѣховъ.

Хоръ.

Актъ 3-ій.

Сцена 1-я. Сострадание (Compassio) передъ Распятіемъ выражаетъ удивленіе необычности средства, употребленнаго для исцѣленія падшаго Адама.

Сцена 2-я. Милосердіе призываетъ Адама къ крестному древу и къ распятому плоду его (ad lignum crucis et ad fructum eius crucifixum), и возвращаетъ ему одѣяніе невинности.

Сцена 3-я. Выступаетъ Адамъ, прославляетъ чудо своего прощенія и исцѣленія.

Сцена 4-я. Рѣчь о страданіяхъ Спасителя (ablusio compassiva acerbissimis cruciatibus Salvatoris ab oratore instituitur).

Эпилогъ.

Въ издаваемой ниже драмѣ «Свобода» выступаютъ слѣдующія аллегорическія фигуры (figurae ideales): Натура Людская, Произволеніе, Роскошь, семь смертныхъ Грѣховъ, Міръ, Совѣтъ, Любочестіе, Суета, Фортуна, Часъ (Время), Церера, Смерть, Адъ, Іовисъ, Смиреніе, Милость Божія, Фурія, Гнѣвъ Божій, Справедливость и др.

Обращаетъ на себя вниманіе сложность сценической обстановки, какой требовало исполненіе драмы «Свобода»:

Въ 4 сценѣ II акта меркнетъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, мертвые возстаютъ изъ гробовъ; на послѣдней сценѣ II акта и въ III актѣ въ 1-мъ явленіи гремитъ громъ, блистаетъ молнія, а въ 3-мъ явленіи III-го акта театръ долженъ представлять волнующееся море съ бѣдствующимъ среди волнъ кораблемъ; что бы спастись отъ потопленія, мореплаватели бросаютъ Іону въ море; пророка проглатываетъ китъ, а въ 5 явленіи онъ изрыгаетъ его на берегъ.

Подобнаго рода сценическіе еффекты также составляли особенность іезуитскихъ школьныхъ спектаклей. Такъ въ программѣ исполненной въ 1659 году въ іезуитской коллегіи въ Вѣнѣ драмы «Pietas Victrix sive Flavius Constantinus Magnus de Maxentio tyranno victor» находимъ такія ремарки на поляхъ: Chorus in nube pensilis, serpentes volantes, draco ignes vomens emergit monstrum (въ I актѣ); invehitur Parnassus, crescit laurus et palma in quibus sedit Gloria..... confringitur angelo advolante, aquila in aëre pugnat (во II актѣ); panditur infernus, apparet rex infernorum draconibus vectus, evolans ex inferno fumus Dymantem per aëra transfert.... Phaeton involat in currum.... Inscendunt Dymas et Romulus et per aëra abripiuntur (въ III актѣ) и т. под.[1]).

Построеніе драмы «Свобода», т. е. раздѣленіе ея на три акта съ прологомъ и эпилогомъ, соотвѣтствуетъ теоретическимъ требованіямъ, устанавливавшимся школьными курсами піитики, въ родѣ названной выше «Poetica practica» 1648 г. и т. под.

Есть однако весьма существенная сторона, отличающая драму «Свобода» отъ пьесъ школьно-іезуитскихъ: въ то время какъ въ репертуарѣ іезуитскаго театра не встрѣчается вовсе

---

1) I. E. Schlager, Wiener-Skizzen aus dem Mittelalter, Neue Folge. 1839. Geschichtliche Nachträge zu den Wiener Schul- und Iesuiten-Komödien, стр. 236 и слѣд.

драмъ рождественскихъ или пасхальныхъ, драма «Свобода», съ внутренней стороны, по своей идеѣ, по сущности своего содержанія, есть именно одна изъ пьесъ пасхальнаго цикла: она начинается изгнаніемъ падшей Натуры Людской изъ рая (Актъ I, явленіе 1), а оканчивается снятіемъ тѣла Христова со креста и положеніемъ во гробъ (актъ III, явленіе послѣднее). Эта сторона роднитъ нашу драму—при всей ея близости, съ внѣшней стороны, къ спектаклямъ школьно-іезуитскимъ,—съ тѣмъ теченіемъ въ южно-русской драматической литературѣ, которое представляютъ сохранившіяся до нашего времени, рядомъ съ рождественскими, пасхальныя дѣйства: «Дѣйствіе на страсти Христовы списанное»[1] «Царство Натуры Людской Прелестію разоренное, благодатію же Христа, терновымъ вѣнцемъ увяденнаго, паки составленное»[2], «Торжество Естества человѣческаго, прежде снѣдію завѣщаннаго древа умореннаго, нынѣ же смертію Христовою оживотвореннаго»[3], «Dialogus de passione Christi»[4], «Мудрость предвѣчная, во едемскомъ душу разумную вертоградѣ наздавшая, самоизвольнѣ же въ плѣнъ ада восхищенную отъ погибели вѣчной ко первому рая блаженству любве Божія довлетвореніемъ возведшая[5], пасхальная драма безъ заглавія, сохранившаяся въ рукописи нѣжинскаго И.-Ф. Института, № 163[6]), Трагедокомедія Сильвестра Ляскоропскаго[7]), «Властотворній образъ

---

1) Тихонравовъ, Русскія драматическія произведенія, т. I, стр. 507 и слѣд.

2) В. Рѣзановъ, Памятники русской драматической литературы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII в. Нѣжинъ, 1907, стр. 121 и сл.

3) Тамъ же, стр. 33 и слѣд.

4) Миронъ (Ив. Франко), Мистерія страстей Христовыхъ. Кіев. Старина 1891 г., апрѣль, стр. 131 и слѣд,

5) Рукопись Кіевской Духов. Семинаріи, по описанію Н. И. Петрова № 258 (VIII, 1. 81); анализъ въ ст. Н. И. Петрова, О словесныхъ наукахъ и литер. занят. въ Кіевской Академіи (Труды Кіев. Дух. Акад. 1866 г., ноябрь, стр. 362—367).

6) Рѣзановъ, Op. cit., стр. 108 и слѣд.

7) С. Голубевъ, Двѣ драматическія пьесы прошлаго столѣтія (Труды Кіев. Д. Акад. 1877 г., сент., стр. 579 и слѣд.).

человѣколюбія Божія» и проч., Митрофана Довгалевскаго [1]), и др.

Такимъ образомъ, сравнительное изученіе кіевской драмы открываетъ въ ней двѣ струи, изъ которыхъ одна обязана своимъ происхожденіемъ польскому народному театру (см. Windakiewicz назв. соч.), послужившему проводникомъ на Русь вліянія западно-европейскаго средневѣковаго театра, другая — школьно-іезуитской драмѣ въ ея теоріи и практикѣ. Подробнѣе я останавливаюсь на этомъ вопросѣ въ своемъ изслѣдованіи «Изъ исторіи русской драмы».

Въ издаваемомъ текстѣ программы пьесы «Свобода» правописаніе рукописи воспроизводится съ возможною точностью; титла (ихъ немного) раскрыты; явныя ошибки переписчика исправлены, но подлинное написаніе рукописи всегда оговорено въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Вл. Рѣзановъ.

Нѣжинъ.
26 ноября 1907 г.

---

1) Рѣзановъ, Op. cit., стр. 181 и слѣд.

Л. 1.

Свобода

от вѣковъ вождельѣнная Натурѣ Людской, юже Мир грѣхами лестьнѣ себѣ в работу плѣнивъ, на крестномъ полю пречистою кровію подписанная и през неповинную смерть Милости Божія тщателством Милосердія, тойжде плѣнившейся уже во любовъ Христову Натурѣ дарствованная, от благородних младенцовъ во училищахъ Киево-Могилеанских в актахъ и сценахъ подобіемъ и ритмосложним гаданіемъ изобразися, року воньже

В нАтуру людску ѰАлмописцевъ синъ облекся,
Во еже бы з геенскыхъ узъ человѣкъ извлекся [1]).

ПРОЛІОГ.

Актъ а҃.

Сцена а҃.

Глас Божій приглашает Натуру, гдѣ ся обрѣтаетъ; тажъ обинующуюся паденія своего повелѣвает Херувиму от рая изгнати, облеченную в одежду отмщенія; сего ради Натура человѣчская ридаетъ, возлагая вину падежи своея на Произволеніе. Здѣ является сіе глаголющи себе быти неповинну, юж Натура отганяет, паки ридая падежи своея.

Сцена в҃.

Являетъся Роскошъ утѣшая Натуру, дивуется сицевому воплю; таж Натурѣ вопросившей, кто еси и откуду, вичисляет начало, област сласти своея; посем наклоншейся к себѣ Натурѣ приглашает Грѣхи седмочислимия. Иже обѣщающе повиновеніе

1) Т. е. въ 1701 году.

ко ей свое прелщаютъ, да обратится ко Міру и да имат его во господина, откуду многія ей богатства и сласти обѣщеваютъ. Ко чесому прелщенна прилучается Натура.

Сцена г҃.

Радующуюся Натуру человѣчскую о обѣщаніи богаствъ и сласти Міра я(вля)[1]ющися Совѣт з Ангелом хранителем обличает молящи: да ост .... [2]).

Л. 1 обор. (*Сцена д҃*) [3]).

Міръ со Любочестием и Суетою являющися сказует свое величество и област; ему же сія тако бити присутствующіи свѣдителствуют. Здѣ Натурѣ кланяющейся удивляется, таж обѣщаваетъ оной свою благост, и призиваетъ Грѣхи воеже сорадоватися ему. По сем Фортунѣ повелѣвает, да засѣетъ златое жниво, Часу же—да ти [4]) абие оросить.

Сцена є҃.

Исходит Фортуна и сказует величество свое и славу со постояніем, сице яко во вѣки ест неизмѣнна; тажъ засѣваетъ Натурѣ Людской злато жниво. Таж является Час и по изреченіи еж о началѣ своем и вѣчности покропляет оное сѣяніе. Здѣ же является и златоглавній идол.

Сцена ѕ҃.

Натура о сицевом нечаянномъ благополучіи зѣло радуется, юже вторицею Совѣт и Ангелъ Хранител обличают и молят да

---

1) «вля» дополнено по смыслу; въ этомъ мѣстѣ уголъ страницы оторванъ.

2) Конецъ (нижняя часть страницы) обрѣзанъ переплетчикомъ.

3) Обрѣзано (верхняя часть страницы) переплетчикомъ; дополняю по смыслу.

4) Въ рукописи «уже дати».

уклонится от лжи и познает истинну, но сей ослѣпленной богатствами сущей Роскош от них отганяетъ.

Сцена з҃.

Міръ сидяй з Натурою на ѳронѣ повелѣвает, да Церес богиня злаковъ проращеніа цвѣти присутствующим здѣ Фортунѣ и Часу гласимим от Міра [1]), иже свое повиновеніе совершенное Мірови оглашают. Сим глаголющим исходит Даніил Пророкъ, обличая Мира и его тщетную славу же и гордость со суетними богатстви, таж сказует онаго паденіе царства образуемаго во идолстѣмъ зрацѣ. Его же Мир не терпя болѣе слишати повелѣваетъ, да Любочестіе з Суетою его в ровъ связанна вовержутъ, и так отходит. Здѣ радующейся Натурѣ заходит Совѣт оную обличая, на сия паки проганяетъ. Посем являет Смерть яряся на всю движущую твар, косит цвѣти, и отходит. Таж падает идол. Всѣмъ симъ тако бывшим Натура Людска мало нѣчто чудившися пребист в своем заблужденіи.

Актъ в҃.

Сцена а҃.

Весма Натура человѣчская оставивши Бога молит себѣ во помощ боговъ язических. Здѣ является Іовѣшъ; сему же вопрошающу вини возваніа кланяется Натура, вся яже о себѣ сказующи подробну; тѣмъ Іовѣшъ гласит и прочіих себѣ подружних боговъ; и имже увѣрившеся прелщенна от них словесем прицѣпляется Натура и проситъ о помощъ.

Сцена в҃.

Зря Богъ сицевое паденіе дѣла рукъ своихъ, посилает к тому пророки, во еже обратитися сему от лжи и познати пут истинній. Здѣ является Ісаия пророкъ, моля Вишнего да погубит вся творящіа беззаконіе, и ридает паденіа Натури и сицевому риданію небо и землю со всею тварію умоляетъ.

1) Повидимому, пропущено сказуемое.

Сцена г҃.

Чудящися Натура Людская о плачевном вопли и хвалящися о дари от Іовѣша данномъ, просит от сего на ковъ движущих помощи. Здѣ Адъ ярится .... 1)
воздвизает; Іовѣшъ гласит и Натури моляще его о помощъ обещает...
.... ||

Л. 2.. 2)
ридающи паденія Натури, торжественнія поющимъ пѣнія, является Смиреніе, Милость Божая и Щедробливост, наказуют Натуру человѣчскую, да обратится ко Богу; сия же всѣх прекословіем отганяет.

Сцена д҃.

Собираетъ Натура совѣт: Фурію и Погнушеніе, идеже совѣтуют воеже погубити от земля Милость Божая. Сим же согласившимся и приемшимъ помощъ от Ада, ищут Милости Божіа. Таж обрѣтши по многом гадателствѣ и по множайшой Фуріи ярости, распятся от Натури человѣчской Господь нашъ Іисус Христос, и по укоризненних Натури ко Христу словесех является Совѣсть, обличая Натуру человѣчскую; тмящуся слонцу и мѣсяцу со звѣздами и мертвим от гробъ востающим, Натура от страху отбѣгаетъ.

Сцена є҃.

Ізшѣдъшу Гнѣву Божію и ярящуся на дерзнувшую умертвити Бога Натуру человѣчскую и хвалящуся 3) еже погубити абіе сію, являетъ Справедливость, истязает отъ Гнѣва, кто тако есть дерзнувій; услишавши же, яко Натура есть сему вина, согласует, да абие сия умертвится.

---

1) Нижній уголъ страницы оборванъ.

2) Послѣдняя (нижняя) строка на оборотѣ 1 листа и первая (верхняя) строка на 2 листѣ обрѣзаны переплетчикомъ.

3) Въ рукописи «хвалящися».

Сцена ѕ҃.

Гнѣвъ Божій и Справедливост, пригласивши Михаила, завязует сему очи и вдавает Справедливост шалѣ[1]) в шуйцу, Гнѣв же Божий в десницу мечъ обоюдный. Сийже вся прием та сія юже[2]) повелятъ исполнити; ему же Справедливост повелѣвает, да идет и погубит вся, точію да пощадит тѣхъ, о ихже Милость Божая распятся, моля, глаголющи, яко проти тѣхъ ажъ изнемагаю (sic).

Сцена з҃.

Изшедшаго Гнѣва Божия и вторицею рекуща всю твар погубити купно со Натурою человѣчскою, Милосердіе и Благодатъ молѣтствуютъ, и по трикратном моленіи Гнѣвъ Божій обѣщавается погубити Міра, Грѣхи, язычестіи бози и прочая, чесо ради и повелѣваетъ, да возгримит небо и молнія да испускаетъ.

Актъ г҃.

Сцена а҃.

Созвавши Натура человѣчская другинѣ своя, си ест седмочислимия Грѣхи, откриваетъ сокровенний в серцу страх; сия же ни во что вмѣняти ко Натурѣ глаголющимъ Грѣхом, исходит Мир и извѣстившимся о бившемъ страсѣ, громѣ, Гнѣва-грѣха нисилаетъ до Ада, еже пригласити тамо сущих; сим же собравшимся и Миру тѣхъ словеси и[3]) вооружающу, Небо громи посилаетъ[4]), низпущает молніа, и тѣх умерщвляет; Натура же пребист жива.

Сцена в҃.

По сицевой падежи страшной суще Натури человѣчской во живих и со.....[5]) удивляющейся своему получію, является

---

1) Szale = вѣсы.

2) Видимо, что-то пропущено.

3) Передъ «и», вѣроятно, слово пропущено.

4) Въ рукописи «посилатъ».

5) Прорвано.

Смерть скрежущи на Натуру зубами; по трикратним наскаканіи к Натурѣ Смерти .... ||

Л. 2 обор. .... [1]
да свяжутъ Смерть и да повергутъ под нозѣ пригвожденнаго ко кресту Христа Господа, да купно и равную казнь со други своими пріиметъ.

Сцена г҃.

Волнующуся морю и бѣдствующу кораблю от волний, смущаются в нем сущіи человѣци; тажъ по испитаніи многимъ, кто откуду, обрѣтают Іону спяща [2]), его же возбудивши испитаніе от него еже о немъ приимши верзают жребия; падшу же на Иону жребію по гаданіи многом верзаютъ сего; отверженна китъ пожираетъ.

Сцена д҃.

Натура человѣчская сущи всѣми оставленна [3]) ридает и во глубину отчаянія влагается, анаѳемѣ предаетъ ден и час, нощъ же и лѣта в них же рожденна и воспитанна во сицево злодоспѣ (? sic).

Сцена є҃.

Изшедшу Милосердію Божію и творящу [4]) прехожденіе, происходит Натура человѣчская сѣтующи; вопросившу [5]) же Милосердію Божію, камо грядет и чесо ради сѣтует, паки во глубочайшое падаетъ отчаяніе. Милосердіе же Божіе, трикратнѣ сію утверждающе еже не отчаяватися, но никакож могущи, приведши сію ко моря пучинѣ отходит; Натурѣ же стенящей кит [6]) отвергает на брегъ Иону от нѣдръ своих; и извѣстившеся, яко

---

1) Послѣдняя строка на 2 л. и верхняя строка на оборотѣ обрѣзаны.
2) Въ рукописи «суща».
3) Въ рук. «поставленна».
4) Въ рук. «творяще».
5) Въ рук. «вопросшу».
6) Въ рук. «Натура же стеняще и от».

Милость Божая его свободила, паки бура отчаяній приходитъ насущи (? sic), но сию Иона спасеніем упевняет, точію да иматъ надежду яко будет избавленна.

Сцена ѕ҃.

Совѣт изшедши со Произволеніем укрѣпляет отчаявающую Натуру и паденіе сея на Произволеніе изглаголетъ, но сія волю свою сказуетъ бити в разсужденіи Натури, Совѣсти же паки утверждающей Натура испрашает, гдѣ ест Милость Божая, и вѣсть приемши, яко на мѣсцѣ, идеже распятію сію отдала, паки отчеевается. Здѣ Милосердіе со ангелом хранителемъ изшедши о спасеніи увѣряют, а отчаянія воводящи (?) руководствуютъ сію ко распятому на крестѣ Христу Богу Господу.

Сцена з҃.

Ангеломъ поющим Милосердіе, Ангелъ-Хранитель, Произволеніе и Совѣсть приводит ко Распятому Господу [1]); здѣ Ангелъ со орудіи [2]) страстий Христових привѣтствуют, и повелѣваютъ, да сложить и во гробѣ, сія же и сердца не возбраняетъ; тажъ цѣлуетъ привѣти крестъ и Сущаго на немъ; посемъ купно снимаютъ со древа и полагаютъ во гробѣ тѣло Господа нашего, Ангеломъ поющимъ.

ЕПИЛОГ

Благодареніе Богу же и слишателевѣ за сицевія труди воздавает [3]) и прощенія за прегрѣшеніе испрашаетъ.

---

1) Въ рук. «Гдѣ». Очевидно, пропущено: «Натуру».
2) Въ рук. «орадіи».
3) Въ рук. «воздавают».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Ludus saeculorum

ad ludum Martis Regii, in theatro Gloriae, publicae Orbis Christiani nuper applaudentis felicitati alludens, atque sub serenissimis auspiciis serenissimorum Regni Poloniae principum Alexandri et Constantini celebratus ab Apolline Cöll. Vars. Societatis Iesu, anno

PrInCIpIbVs, totVs qVo LVDos Intonat, orbIs;
perpetVo Voto regIa MVsa faVet.

(т. е. 1696) Varsaviae. In collegio Scholar. Piarum Typis S. R. M.

Ad serenissimos principes.

Ludum saeculorum serenissimo nomini vestro applaudentium, sub tutelari clypeo vestro celebratum, sistit vobis noster Apollo, serenissimi principes. Scilicet non mensium, neque annorum, sed integro etiam saeculorum spatio, non satis regii scuti vestri comprehensam gloriam transmissurus posteris, non potuerat aliter designare, nisi cum aeviternis celebrandam saeculis resignavit. Implevistis derivata ab invictissimi atque serenissimi genitoris vestri nomine famâ orbem totum; restat ut gloriâ vestrâ saecula etiam impleatis, quae nusquam melius tantam serenissimi nominis vestri amplitudinem comprehendent, quam dum ipsa ab augusta nominis vestri comprehendentur capacitate. Non invidemus aureas antiquitati aetates, qui praetiosiora sub serenissimo augustissimi Iovis nostri, vestri vero genitoris, vestroque scuto reperimus saecula; quae dum vobis devinctissimus minimae societatis transscribit Apollo:

Laetaeque tandem, currite saecula
Dixere Musae; currite candidis

Horae quadrigis, ite, magno
Saecula deproperate cursu.
Dixere Musae: protinus aurea
Risere longum saecula, saecula
Auro laborata, et recuso
In praetium micuere vultu.

Sarb. lib. 1.

Accessus.

Orpheus capturus omina, polonae gentis horoscopum introspicit; in quo visis characteribus: *Tertia secundas sarmatis horas dabit*, aquilam iubet indicem ad horam tertiam promovere.

Orfeusz o powodzeniu polskiego narodu z zegaru otuchę bierze, przeczytawszy napis: tertia secundas etc.

Inductio 1-ma. Poloniae supra orbem suum, nuper a fortitudine serenissimi Ioannis III a fatorum telis liberatum, quiescenti Aetas Aurea, inter palmas per eandem fortitudinem orbi insitas, aureos aureae gloriae culmos inserens, aureae polonorum heroum messis omen exhibet.

Wiek złoty w swiat polski pełen palm od naiasnieyszego Iana III otrzymanych (na ktorym się Polska wspiera) złote kłosy wsiewa, daiąc otuchę złotego żniwa polskich kawalerow.

Inductio 2-da. Livor Gentium quietem Poloniae invidens, sagittas in eandem torquet; quam dum serenissimorum principum Iacobi, Alexandri et Constantini Favor serenissimo suo tutatur scuto, sagittae retrocedunt.

Zayzdrość narodow, pokoiu Polszcze zayrząc, z łuku ustrzelać ią usiłuie; ktorą gdy Fawor naiasnieyszych krolewicow oyczystą zasłania Tarczą, strzały sie wracaią.

Interludium.

Inductio 3-tia. Livor ad templum Iani properans obviam Pacem frustra a Polonia revocare nititur; cui serenissimorum

principum Favor sub scuto suo stationem designat; variisque ostensis trophaeis, quibus praesidio sui scuti invictissimi Ioannis III Fortitudo Poloniam cumulavit, lauro a Pace coronatur.

Zayzdrość narodow, pospieszaiąc do bazyliki Ianusa, kwapiący się do Polski Pokoy odrazic usiłuie; ktoremu naiasnieyszych krolewicow Favor pod tarczą swoią ofiaruiąc obronę od Pokoju wiencem laurowym ukoronowany zostaie.

Inductio 4-ta. Pacem inter trophaea exultantem, templi reseratione tubarumque classicis Livor terret, visoque charactere: *Tertia secundas Sarmatis horas dabit*, dum Ianum applaudentibus saeculorum praesidibus placat ab una fronte oraculum tale: *Aurea depulso nascentur saecula ferro*, ab alia vero: *donec Sarmatico Phoebus dominabitur orbi*, capit.

Pokoy miedzy laurami tryumfuiący otworzeniem bazyliki Ianusa zayzdrość narodow przestrasza.

Interludium.

Inductio 5-ta. Livor, abacturus Aetatem Auream a polonis, Ferream ex monte Aetna evocat; noctem vero expedire se promittit, ut lunam turcicam soli polono opponat.

Zayzdrość narodow, chcąc odpędzic Złoty Wiek od Polski, Żelazny z Aetny wywoływa, noc zaś obiecuie wyprawic, ażeby xiężycem tureckim słonce polskie przycmiła.

Inductio 6-ta. Pacem et Aetatem Auream errabundas Favor serenissimorum principum reducens, campos lechicos completos armis reperit, quae Livor gentium sanguine ardente in bella succendit; quem abacturus Providentiam serenissimi Ioannis III advocat.

Pokoy y Złoty Wiek Fawor najasnieyszych krolewicow na pola Sarmackie wpowadzaiąc, orężem napełnione nayduie; ktore Zayzdrość narodow krwią goraiącą do woien zapala.

Inductio 7-ma. Providentia serenissimi Ioannis III Aetatem Ferream et Livorem fugat, campos ferro expedit, Faustitatem ad-

vocat; quae deprompta ex cornucopia aurea semina per campos Lechicos spargit; dumque a Sole polono benignos influxus postulat, in zodiaco christiano Dies et Nox concertantes apparent; verum ubi sole transformato in clypeum luna turcica primum rubens, tum livescens, tandem pallescens et demum nigrescens, decrescere incipit, sol vero consistere in summo; Dies Noctem praecipitat; cuius lapsu exortam Tristitiam Orientis turcica iuventus excutere nititur, sed in cassum.

Prowidentia najasnieyszego Iana III Zelazny Wiek y Zayzdrość narodow wypędza, Szczęsliwośći przywoływa; ktora złotym nasieniem pola sarmackie ubogaca; gdy zas od Feba polskiego łaskawych żąda influxow, na zodiaku chrzesćianskim Dźień z Nocą certuią; lecz za otmienieniem Słonca w tarczą przyroznych xiężyca odmianach Dzień-pokonaną Noc strąca.

Interludium.

Inductio 8-va. Aetas Aurea ab influxu Poloni Solis, ex aureis seminibus in campis Lechicis auream messem cum armatorum Manibus laurorum plenis enatam ac intra eandem tria scuta mitris coronata illud Sarbievii continentia: *Genus incliti Mavortis, aeternum Deorum sanguis Hyperboreoque clariabusque Lecho* exhibet.

Złoty Wiek złote prezentuie żniwo z tarczami najasnieyszych krolewicow.

Inductio 9-na. Polonia collectis suorum principum scutis acceptisque a Favore serenissimorum principum variis ex inscriptione explicationibus, eadem ceu symbola pacis in Capitolio reponit, omen exponente Orpheo: *Tertia secundas* etc., per horam tertiam serenissimam principum debere intelligi triadem, a qua serenae Lechis Horae currunt applaudentes Maiestatibus serenissimisque principibus.

Polska zebrawszy swoich krolewicow tarcze w Capitolium składa.

E p i l o g u s ex accessu.

Alludens ad meridiem Regalis Domûs gloriae ab hora tertia ad duodecimam indicem ab Aquila promoveri iubet, facta horarum multiplicatione.

Epilog każe index od godziny trzeciey na dwunastą pomknąć, uczyniwszy godzin multiplikacią.

Ad M. D. T. O. M. G. B. V. M. S. L. O. C. Honorem.

Purpura Orientis

fraterno sanguine verecunda, in Alexio Graeciae imperatore ingratissimo, ad inhumanum humanae ingratitudinis spectaculum sub sanctiores Christi patientis ferias in lugubri scena proposita, a celsissima et illustrissima rhetorica iuventute Varsaviensis Collegii Societatis Iesu. Anno 1698.

A r g u m e n t u m.

Isacius Graeciae imperator fratrem Alexium e turcarum captivitate ingenti pretio redemerat et pristinae reddiderat libertati; sed impius frater, beneficio in perniciem abusus, excitata in populo seditione, fratrem de se bene meritum regno et oculis spoliat. Zonaras, Cedrenus aliique graeci scriptores.

P r o l u s i o.

Dissidentibus inter se terrarum Geniis, Discordia ad orbis excidium a Caucaso Othomanicam evocat Potentiam eique per calcata gentium capita regum et regnorum ruinas ad subiugandum Orientem viam sternit triumphalem; Graecia ruentium Imperiorum fragore evigilans ac sibi metuens, fatalibus suorum ingemiscit dissidiis.

P a r s I-m a.

Inductio 1-ma. Alexius apud Mahometem turcarum imperatorem incognito captivus, desperatis a patre et fratre auxiliis,

adversae fortunae impatientiâ, violentas sibi manus inferre parat, sed a concaptivis prohibitus in meliorem spem erigitur.

Inductio 2-da. Mahomete post demersam graecorum classem triumphante, venit Orcanes, Iubae Mauritaniae reguli filius, prima militiae tirocinia positurus; cuius indole captus Mahometes amplam quidvis a se postulandi, sine repulsa, defert facultatem. Orcanes captivos aliquot ex nupera clade graecos concedi postulat, et impetrat.

Inductio 3-tia. Productis captivis Orcanes dum singulos observat, tandem ad Alexium veniens trepido dolentique similis aliquantum haesit; mox dissimulato affectu eum vinculis solvi imperat.

Inductio 4-ta. Alexius miratus eam ignoti hominis erga se clementiam, impetrata secreti fide suum Orcani pandit statum et, quis esset, quo facto in servitutem venisset, ex ordine refert; multa praeterea contra fratrem questus (ignarus cui loqueretur) Orcanem in Graeciam invitat, omnem pollicetur gratitudinem; annuente Orcane Alexius, quod unum supererat, pendulam e collo Christi crucifixi effigiem, in pignus et tesseram gratitudinis, eidem tradit.

Inductio 5-ta. Dimisso libere Alexio, Orcanes sopitis indulgens affectibus, de frandis successu laetus, de eventu sollicitus, propitiam inter gaudia et metum adorat fortunam.

Inductio 6-ta. Sed dum e proximo littore oculis pontum lustrat, obiecta repente miserabili naufragantium specie, magno suo maerore, haustum fluctibus cognoscit Alexium.

Chorus.

Graecia perditam e diademmate gemmam dolens parem in Erytrhaeo quaerit littore, Neptuno suas opes et varia gemmarum decora praesentante; sed dum nullum simile amisso fulgori invenit decus, tum demum agnoscit, quam inaestimabile sit regnorum pretium Unio Animorum.

Pars 2-da.

Inductio 1-ma. Luctantem cum fatis et fluctibus Alexium Dei Providentia, Delphini ministerio, littori innoxie exponit; ubi dum fessas colligit vires, ab excubitoribus pro exploratore interceptus in vincúla coniicitur.

Inductio 2-da. Productus in conspectum Isacii fratrem se agnosci supplex petit; cunctante aliquantum Isacio (ut qui fratrem fluctibus haustum crediderat), tamen facientibus fidem vocis et vultus indiciis inter amplexum fratris et aulae gestientis tripudia salutatur.

Inductio 3-tia. Interea funestus Byzantio allatus nuntius de obitu Nicephori imperatoris et devoluta ad Isacium imperii sorte, caepta gaudia, graviore disturbat luctu.

Inductio 4-ta. Diggresso in tentorium Isacio, Alexius fratris fortunam iniquo ferens animo insuper veteribus in memoriam revocatis simultatibus, contra Isacium cum Paleologo duce alia de causa eidem infenso conspirat.

Chorus.

Amor humani cordis incusans duritiem ingratae mentis typum in pervulgato illo Aetnae montis exhibet miraculo, ubi prodigioso naturae faedere inter flammarum consortia arcano defensa gelu, perpetua riget glacies.

Et quamvis nimio fervens exuberet aestu,
Scit nivibus servare fidem pariterque pruinis.

Pars 3-tia.

Inductio 1-ma. Paleologus, tractis in rebellionis societatem plerisque Procerum, armatus Isacii tentorium invadit, extractumque non sine caedibus Principem regno et oculis privat.

Induclio 2-da. Isacius orbatus oculis purpureâ lacinia ad ludibrium indutus, tristi pompa per castra circumducitur, suique

doloris oblitus, solam fratris ingratitudinem incusat, interim sinu promens Christi crucifixi effigiem olim sibi a captivo Alexio in pignus et gratitudinis monumentum datam eidem deferendam tradit.

Inductio 3-tia. Alexius, visâ notâ effigie, sero demum intelligit, quam pio dolo fraterna sibi illusisset charitas; unde criminis sui perpensa gravitate, abdicatis regiis insignibus aulae et fortunae valedicit.

Conclusio.

Alexius ex principe eremi incola in solitudine coelestibus diffluens favoribus brevem ad Christum pro nobis patientem facit apodosim.

Ad M. D. G.

М. П. Старицкій, какъ драматургъ.

(Изъ области литературныхъ споровъ).

Послѣ многихъ лѣтъ тяжкаго гнета малорусскаго слова въ 80-хъ годахъ было сдѣлано маленькое послабленіе для драматическихъ произведеній: съ разными оговорками и ограниченіями разрѣшена постановка украинскихъ пьесъ. Наличный репертуаръ малорусской драмы былъ крайне бѣденъ, весьма односторонняго содержанія и однообразнаго построенія. А между тѣмъ спросъ на украинскій театръ оказался очень большой. Главными поставщиками новыхъ пьесъ и въ то же время исполнителями ихъ на сценѣ выступили М. Л. Кропивницкій и М. П. Старицкій. Пальма первенства принадлежитъ Кропивницкому, въ лицѣ котораго малорусская сцена нашла талантливаго артиста и организатора театральнаго дѣла. По свойству таланта Старицкій былъ лирикъ; но, по обстоятельствамъ времени, по литературнымъ требованіямъ среды, Старицкому, какъ украинскому писателю-патріоту и антрепренеру украинской трупы, пришлось взять на себя составленіе пьесъ, и въ этой несвойственной ему области у него вытекъ рядъ крупныхъ литературныхъ столкновеній, нѣсколько разъ выходившихъ на страницы печати, бывшихъ много разъ предметомъ оживленной газетной полемики, третейскаго суда и даже разбирательства въ оффиціальномъ порядкѣ въ Окружномъ Судѣ и въ Судебной Палатѣ. Старицкаго обвиняли въ плагіатѣ; онъ защищался на судѣ чести и въ судебныхъ

учрежденіяхъ. Приговоры колебались то въ ту, то въ другую сторону; серьезнаго рѣшенія до сихъ поръ нѣтъ. Старицкій въ концѣ концовъ проигралъ судебный процессъ и ушелъ на тотъ свѣтъ съ горькимъ чувствомъ несправедливости и обиды. Дѣйствительно, онъ былъ обиженъ; правда, у него были недочеты, были промахи; но плагіата не было; человѣческая вражда и злоба нанесли ему гораздо болѣе обидъ и огорченій, чѣмъ стоятъ того его драмы, и нанесли ему обиды на почвѣ національной вражды и нетерпимости, не углубляясь далеко въ литературную доброкачественность его пьесъ.

I.

Сначала у Старицкаго произошло столкновеніе съ харьковскимъ писателемъ Александровымъ, въ іюнѣ 1890 г. Въ это время Старицкій гастролировалъ въ Харьковѣ съ малорусской труппой. Александровъ усмотрѣлъ въ комедіи Старицкаго «Казакъ за Дунаемъ» позаимствованіе вышедшей ранѣе одной его комедіи. Спорившіе обратились къ третейскому суду, въ составъ котораго, по соглашенію, они избрали А. А. Потебню, Д. И. Багалѣя, А. А. Руссова, Я. С. Станиславскаго и А. Л. Шиманова. Спорныя комедіи были сличены. Въ № 3264 «Южнаго Края» было напечатано заключеніе комиссіи, составленное Потебней. Въ содержаніи и въ самомъ стилѣ виденъ Потебня. Заключеніе интересно вдвойнѣ, какъ произведеніе извѣстнаго ученаго филолога, и въ особенности какъ компетентное сужденіе по вопросу объ опредѣленіи понятія о литературномъ плагіатѣ. «Съ одной стороны, гласитъ заключеніе комиссіи, свойства человѣческаго творчества таковы, что безъ возбужденія чужою мыслью, безъ извѣстной доли заимствованія оно возникнуть и существовать не можетъ. Даже своеобразныя произведенія не составляютъ исключенія. Чужая мысль, чтобы стать плодови-

тою для меня, а черезъ меня и для другихъ, должна быть мною усвоена, т. е. до извѣстной степени присвоена, ибо точное отдѣленіе своего отъ чужого въ области мысли, «suum cuique tribuere», до подробностей во множайшихъ случаяхъ невозможно. Съ другой стороны, авторъ нерѣдко наклоненъ «Sibi nimium tribuere», какъ бы брать себѣ въ аренду извѣстныя мысли и даже области мысли и смотрѣть какъ на безнравственность на всякую попытку вторженія въ эту мнимую аренду; но за всѣмъ тѣмъ онъ имѣетъ право на пользованіе извѣстнымъ благомъ, вытекающимъ изъ его авторства; безъ этого онъ будетъ лишенъ эгоистическихъ побужденій къ дѣятельности, общеполезное дѣло будутъ дѣлать лишь рѣдкіе, способные къ полному безкорыстію. Далѣе: 1) Въ словесности, и въ частности въ драматическихъ произведеніяхъ заимствованіе фабулы не есть плагіатъ. Въ противномъ случаѣ произведенія древнихъ греческихъ трагиковъ, пользовавшихся миѳами, Энеида Виргилія и произведенія многихъ другихъ римскихъ писателей, драмы Шекспира, «Фаустъ» Гете, «Каменный Гость» Пушкина, «Мертвыя Души» и «Ревизоръ» Гоголя и многія другія произведенія должны быть признаны плагіатами. Въ живописи и скульптурѣ этому соотвѣтствуютъ произведенія на ту же библейскую, церковно-историческую, историческую тему, наприм., безчисленныя изображенія мученій Св. Себастіана. 2) Въ предыдущемъ отчасти заключено и то, что заимствованіе готовыхъ характеровъ не есть еще плагіатъ. Фабула безъ плагіата нерѣдко заимствуется вмѣстѣ съ такими характерами (напр. Прометей, Фаустъ, Донъ-Жуанъ, у насъ: Чацкій, Молчалинъ, Репетиловъ, Расплюевъ). Поэтому никакая нравственность не уполномачиваетъ считать личною собственностью типа уродливаго злодѣя, тѣмъ болѣе, что и раньше у Шекспира есть такой злодѣй (Глостеръ, Ричардъ III), безобразный до того, что, какъ онъ говоритъ, «взвидѣвши его, собаки лаютъ», вслѣдствіе чего онъ «бросился въ злодѣйскія дѣла». 3) Наиболѣе личное въ драматическомъ творчествѣ — то, въ чемъ наиболѣе, а иногда исключи-

тельно сказывается степень его своеобразности и таланта,— такъ называемое оживленіе фабулы, изложеніе, совокупность частностей въ изображеніи характеровъ, мотивировка дѣйствій, рѣчи лицъ. Такимъ образомъ въ вопросѣ о плагіатѣ существенно было бы не то, что въ другихъ пьесахъ есть Ричардъ Глостеръ, безобразный злодѣй, ищущій въ замужество леди Анну, а наприм. вся 2-я сцена 1-го акта Ричарда III, гдѣ леди Анна сначала осыпаетъ проклятіями Глостера, а кончаетъ тѣмъ, что принимаетъ отъ него кольцо,—вся эта сцена у гроба, съ тѣмъ же ходомъ мыслей и чувствъ дѣйствующихъ лицъ, съ тѣмъ же общимъ смысломъ рѣчей, хотя бы отдѣльныя выраженія и были иныя».

По закону плагіатъ — литературное воровство, т. е. полное воспроизведеніе сочиненія безъ вѣдома и согласія автора; но въ житейской практикѣ понятіе о плагіатѣ переносится на подражаніе, причемъ опредѣленіе заимствованія въ однихъ случаяхъ чрезвычайно расширяется, въ другихъ — крайне съуживается.

При такихъ условіяхъ необходимо тщательно разбираться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, выбирая, по возможности, болѣе прочныя основы для сужденій и осужденій, съ осторожностью устраняя одностороннія авторскія притязанія, основанныя лишь на общихъ литературныхъ формахъ или шаблонной фабулѣ,— задача во всякомъ случаѣ трудная и нравственно отвѣтственная. Литературное воровство, какъ всякое воровство, разумѣется, преступно; но еще хуже несправедливое обвиненіе въ плагіатѣ, потому, что въ такомъ случаѣ у человѣка похищается самое дорогое его достояніе, его честь и доброе имя».

Отзывъ комиссіи былъ въ пользу Старицкаго, и Александровъ могъ только жалѣть, что поднялъ дѣло изъ-за сомнительныхъ пустяковъ.

Гораздо крупнѣе былъ судебный процессъ Старицкаго съ кіевскимъ публицистомъ Александровскимъ изъ за того, что

Александровскій въ 1901 г. взвелъ въ печати на Старицкаго обвиненіе въ плагіатѣ относительно цѣлаго ряда пьесъ у Кропивницкаго, Кухаренка и др. малорусскихъ писателей. Старицкій привлекъ Александровскаго къ суду за клевету. Въ кіевскомъ окружномъ судѣ дѣло было рѣшено въ пользу Старицкаго; по апеляціонной жалобѣ обвиняемаго оно получило другое рѣшеніе.

Процессъ этотъ вызвалъ въ свое время оживленную полемику въ печати. Противники Старицкаго выступали преимущественно въ «Кіевлянинѣ»; но у Старицкаго оказались и защитники, въ ихъ числѣ Д. Л. Мордовцевъ, помѣстившій въ его защиту горячую статью въ «Петерб. Вѣдомостяхъ». Полемика шла; но собственно разбора инкриминируемыхъ пьесъ на страницахъ печати не было, а между тѣмъ одинъ лишь сравнительно литературный обзоръ всѣхъ пьесъ перечисленныхъ въ статьѣ Александровскаго можетъ установить опредѣленный взглядъ на Старицкаго, какъ драматурга, рѣшить вопросъ о томъ, какъ у него далеко заходили заимствованія, въ чемъ они выразились, и вмѣстѣ съ тѣмъ только послѣ такого разбора, можно въ достаточной степени реабилитировать добрую память нынѣ покойнаго Старицкаго.

II.

М. П. Старицкій, «Не такъ склалося, якъ ждалося!»
М. Л. Кропивницкій, «Доки сонце зійде, роса очи выисть».

По поводу взаимнаго отношенія тѣхъ двухъ пьесъ, заголовки которыхъ выше проставлены, въ судѣ былъ примѣненъ опросъ свидѣтелей, когда были прочитаны впервые пьесы, но такъ какъ обѣ пьесы написаны давно, въ началѣ 80-хъ годовъ, то, понятно, всѣ данныя такого опроса представляются весьма шаткими и

не могутъ дать ни малѣйшей опоры для сужденія о заимствованіи.

Самый вѣрный и, быть можетъ, единственный способъ выяснить въ настоящемъ частномъ случаѣ заимствованіе или плагіатъ состоитъ въ параллельномъ литературномъ анализѣ обѣихъ пьесъ.

Кропивницкій въ письмѣ къ Александровскому отъ 8-го октября 1897 г. говорилъ о полной аналогіи пьесы Старицкаго и объяснилъ эту аналогію тѣмъ, что онъ нѣкогда прочиталъ свою пьесу Старицкому. Такимъ образомъ выходитъ, что Старицкій воспользовался прослушаннымъ сюжетомъ. Если признать это свидѣтельство вѣрнымъ, то и тогда заимствованіе со стороны С. представляется болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, такъ какъ, при самой большой памяти, нельзя воспроизвести до степени плагіата разъ прослушанную большую драматическую пьесу. Можно повторить фабулу и общій планъ, что еще не даетъ плагіата, тѣмъ болѣе, что во всякомъ большомъ литературномъ произведеніи сила не въ фабулѣ и не въ общемъ планѣ, а во внутренней его разработкѣ, продуманности и отдѣлкѣ частей.

Фабула обѣихъ пьесъ, дѣйствительно, общая — несчастная любовь довѣрчивой крестьянской дѣвушки къ слабохарактерному паничу. Родители панича противятся браку, и дѣвушка умираетъ съ горя (у г. Кропивницкаго), отравляется (у Старицкаго). Фабула, по существу, очевидно, настолько простая, легкая и удобная по контрасту, что оба драматурга могли взять ее безъ взаимнаго подражанія. Такого рода фабулы, такъ сказать, носятся въ воздухѣ, и еще въ 1861 г. въ «Основѣ» была напечатана повѣсть Кузьменка, сходная по фабулѣ и почти тождественная по названію—«Не такъ ждалося, да такъ склалося».

Между дѣйствующими лицами есть сходство, но нѣтъ ни тождества, ни совпаденія. Въ каждой пьесѣ встрѣчается по нѣскольку особыхъ персонажей, напр., у Старицкаго учительница швейцарка Жозефина, жидъ Шлема, у Кропивницкаго швецъ Хвортуна, писарь Скубко.

Число дѣйствій различно, у С. 5, у Кр. 4, еще болѣе разницы въ числѣ явленій. Такъ, въ 1 дѣйствіи у С. 12 явленій, у Кр.—5. Сравнительно, наиболѣе оригинально у Старицкаго разработано лишь 1-е дѣйствіе, что говоритъ въ пользу самостоятельности всей его пьесы, такъ какъ въ случаѣ подражанія скорѣе всего и болѣе всего заимствованій должно быть въ первомъ дѣйствіи, когда мысль автора не окрѣпла, перо не разошлось, когда предполагаемый источникъ давитъ всей своей силой. Самостоятельный характеръ имѣютъ сужденія о значеніи націонализма и цивилизаціи, сценка съ жидомъ арендаторомъ, сценки заигрыванія барина съ гувернанткой и панича съ горничной.

Нѣкоторыя черты сходства обнаруживаются въ двухъ послѣднихъ дѣйствіяхъ, причемъ можно допустить, что оба автора сходились въ работѣ случайно подъ воздѣйствіемъ общей фабулы.

Что касается до болѣе существенной внутренней стороны—обрисовки характеровъ, психологической выдержанности литературныхъ персонажей и стройности изложенія, то пьеса Ст. значительно превосходитъ соотвѣтствующее произведеніе Кр. Главными недостатками послѣдняго представляются риторичныя рѣчи Оксаны и столь же вычурныя и неправдоподобныя рѣчи панича. У Старицкаго болѣе правдоподобія и простоты. На скользкой почвѣ любовныхъ объясненій крестьянки съ паничомъ Старицкій удержался въ предѣлахъ — я не скажу реальнаго, и у Старицкаго не мало прикраски, но все таки возможнаго, съ такой прикраской, которая оправдывается литературными цѣлями автора.

Малорусскіе драматурги, съ легкой руки Котляревскаго и Квитки, вводятъ народныя пѣсни. Слѣдуя этому обыкновенію, Ст. далъ 6 пѣсенъ, Кр.—7, но въ то время, какъ Ст. выбралъ хорошія пѣсни, Кр., большею частью, испорченныя, въ чемъ выразился плохо понятый реализмъ. Спора нѣтъ, испорченныя пѣсни встрѣчаются, но еще жива и продолжаетъ жить хорошая поэзія, какъ показываютъ новѣйшіе сборники малорусскихъ пѣ-

сенъ даже изъ такихъ окраинныхъ губерній, какъ Черниговская (сборникъ Малинки),—Воронежская (сб. Омельченка). Плохія, испорченныя пѣсни, вставляемыя малорусскими драматургами, портятъ вкусъ народа, и не столько выражаютъ упадокъ поэзіи, сколько ему содѣйствуютъ. Низшіе слои городского населенія, видя, какъ на сценѣ коверкаютъ пѣсню, подъ вліяніемъ музыкальнаго и сценическаго внушенія, усваиваютъ такое кривляніе, вслѣдствіе чего малорусская сцена начинаетъ терять свое воспитательное значеніе. Если къ этому присоединить нагроможденіе убійствъ и разныхъ ужасовъ, что въ особенности замѣтно въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ пьесахъ, то возникаетъ серьезная опасность низведенія прекраснаго, по своей основѣ, малорусскаго театра на уровень базарной балаганщины.

Въ заключеніе параллельнаго обзора двухъ сходныхъ пьесъ Кропивницкаго и Старицкаго можно сказать, что разъ «полной аналогіи» между ними нѣтъ, не можетъ быть потому и рѣчи о плагіатѣ и въ приложеніи къ «Не такъ склалося» Старицкаго нельзя отнести къ числу драматурговъ «хищниковъ». Болѣе того, даже подражаніе со стороны Старицкаго представляется достаточно сомнительнымъ и спорнымъ. Сходство въ фабулѣ и нѣкоторыя сходныя черты въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ не даютъ еще повода къ унизительнымъ подозрѣніямъ и обиднымъ нареканіямъ. Кропивницкій и Старицкій—не новички въ литературѣ. Оба писали уже въ преклонномъ возрастѣ, съ извѣстными, признанными литературными заслугами, и намъ думается, что для взаимныхъ литературныхъ позаимствованій у нихъ не было нужды. Можно высказать предположеніе, для обоихъ авторовъ совершенно безобидное, что пьесы «Не такъ склалося» и «Доки сонце зійде» задуманы и разработаны ими самостоятельно.

III.

Старицкій, Зимовий вечір, въ 2 картинахъ.
E. Orzeszko, W zimovy wieczor.

У Оржешко—повѣсть въ 85 стр. У Старицкаго — небольшой драматическій этюдъ, съ указаніемъ со стороны автора, что «сюжетъ заимствованъ». Сравнивая эти литературныя произведенія, нельзя не признать, что драма Старицкаго представляетъ плохую и слабую передѣлку хорошей повѣсти Оржешко. Заимствованы фабула, персонажи, кое-гдѣ изложеніе; но пропущено то, что составляетъ красу оригинала — художественное описаніе зимней стужи и тонкій анализъ человѣческихъ страстей. Во всякомъ случаѣ, въ драмѣ Старицкаго мы имѣемъ передѣлку, а не переписку; плагіата нѣтъ и въ данномъ случаѣ и быть не могло, такъ какъ никакую повѣсть нельзя списать въ драму, и для всякой драматической передѣлки повѣсти въ драму требуется извѣстное искусство, умѣніе, знаніе сценическихъ требованій. Въ «Зимовий вечір» Старицкому принадлежитъ сценическая компановка, причемъ привнесены кое-какія новыя черты. Содержаніе повѣсти и драмы состоитъ въ томъ, что бѣглый каторжникъ въ зимній вечеръ пришелъ въ домъ родителей и, никѣмъ не узнанный, сталъ съ интересомъ расспрашивать о семейныхъ дѣлахъ и вызвалъ подозрѣнія. Его хотѣли арестовать; но отецъ его отпустилъ. Главное лицо въ драмѣ — Подорожный— блѣдная копія Яська повѣсти; дѣдъ—Микола Стругъ—столь же блѣдное воспроизведеніе образа отца каторжника Шимона Микулы. Вечерницы въ хатѣ Шимона очерчены ярче, чѣмъ вечерницы въ хатѣ Струга. Есть мелкія отступленія отъ оригинала, напримѣръ, пропущена сценка на кладбищѣ, вставлены замѣчанія о ярмаркѣ. У Оржешко бѣглый, благодаря отцу, получаетъ

свободу и уходитъ ночью въ темноту и стужу. У Старицкаго онъ падаетъ мертвымъ на порогѣ хаты—очень неудачное и немотированное окончаніе. Языкъ драмы слабый; есть полонизмы. Вообще, «Зимовий вечір»—одна изъ самыхъ неудачныхъ передѣлокъ Старицкаго; но все таки къ понятію о плагіатѣ пьеска эта не можетъ быть подведена.

IV.

Старицкій, Якъ ковбаса та чарка, то мынется и сварка, Зъ старои подиі, комедія въ 1 д. 1873.

Глѣбовъ, «До мыровогo». Оригинальный случай изъ малороссійскаго быта, въ 1 дѣйствіи 1873. Сюжетъ заимствованъ изъ «Сосѣди» Кн. Шаховскаго.

Фабула и персонажи одни и тѣ же; ходъ дѣйствія весьма сходный; разница въ литературной обработкѣ и въ языкѣ.

Содержаніе старинное и отъ частаго повторенія шаблонное: молодая женщина шинкарка въ отсутствіе мужа поетъ пѣсни (у Ст. и Гл.); являются два мужика—старшій Степанъ и молодой Потапъ. Начинается ухаживаніе Степана за бабой, описанное у Гл. вкратцѣ,—подробнѣе, съ нѣкоторыми новыми деталями у Ст. Вскорѣ является старый помѣщикъ Шпонька (=Пундыкъ Глѣбова) и разсказываетъ о своей ссорѣ съ старымъ пріятелемъ Шиломъ (= Дерезой Гл.), изъ за собакъ (у Ст.), изъ за свиней (у Гл.). Вскорѣ пріѣзжаетъ Шило. Помѣщики вступаютъ снова въ брань (у Ст. и въ драку), но затѣмъ мирятся, закусываютъ и вмѣстѣ съ шинкаркой поютъ пѣсни. Комедія Ст. кончается этимъ тріо, у Гл. шинкарка уѣзжаетъ къ кумѣ въ гости.

Изложеніе и языкъ у Ст. болѣе живы и болѣе ярки. У Ст. нѣсколько оригинальныхъ комическихъ положеній, развязываніе шубы на Шпонькѣ, обливаніе сметаной Степана, ссора панскихъ

слугъ. Изъ 15 явленій пьесы Ст. совсѣмъ новыми, добавочными представляются явленія 8, 12 и 13. Пѣсни у Ст. и Гл. различныя, у Гл. ихъ 6, у Ст. 5, причемъ въ пьесѣ Ст. пѣсни болѣе удачно приспособлены къ тексту.

Фабула, какъ два помѣщика на пустякахъ поссорились и на пустякахъ помирились, какъ ужъ сказано, старая и шаблонная. Въ старое время ее разрабатывали кн. Шаховской, Квитка, Гоголь, въ новое время—Чеховъ, и если у Старицкаго и Глѣбова обнаруживается большое сходство въ фабулѣ и ея развитіи, то это въ гораздо большей степени зависитъ отъ шаблонности темы, чѣмъ отъ излишка заимствованія. Въ самой темѣ намѣчены рамки ея развитія. Указанныя особенности въ обработкѣ этой темы Старицкимъ, хотя и мелкія, во всякомъ случаѣ въ совокупности достаточны для полнаго устраненія подозрѣнія и обвиненія Старицкаго въ плагіатѣ.

V.

М. С. (Старицкій), Чорноморци, оперетта въ 3 картынахъ, муз. Лысенка. По Кухаренку скомпанувалъ М. С.

Кухаренко, Чорноморскій побытъ, 1836, впервые напеч. въ «Основѣ» 1861 г.

Прямое указаніе Старицкаго, что онъ свою «оперетту» «скомпанувалъ по Кухаренку», т. е. по его драмѣ «Черноморскій побытъ» уже устраняетъ плагіатъ, съ которымъ неразрывно связываются представленіи о сокрытіи источника. Въ 1880 г. Пискуновъ издалъ «Збирныкъ творивъ» Кухаренка, куда вошелъ и «Черноморскій побытъ». Въ предисловіи къ «Збирныку» Пискуновъ замѣчаетъ, что шановный добродій панъ М. П. Старицкій скомпанувалъ оперу «Чорноморци», и если бы тутъ была простая переписка, то, нужно думать, Пискуновъ не называлъ бы Старицкаго «шановнымъ», т. е. почтеннымъ.

Обѣ пьесы состоять изъ прозы и стиховъ. Старицкій многое позаимствовалъ изъ прозаической части, но есть у него и особенности. Такъ, въ 1 картинѣ Ст. ввелъ новое лицо —прислугу Наталку. У Кухаренка пожилой мужикъ Кабыця въ пьяномъ видѣ женится на обманутой имъ дѣвушкѣ, у Старицкаго—по доброй волѣ и убѣжденію. Эпизодъ о передачѣ денегъ пьянаго Кабыци его женѣ у Ст. выброшенъ. Болѣе передѣлокъ въ стихотворной части. Въ каждой пьесѣ около 30 пѣсенъ, у Кухаренко—только народныя, у Ст. нѣсколько искусственныхъ. Нѣсколько большихъ пѣсенъ «Черноморскаго побута» у Ст. идетъ въ сокращеніи; такъ, изъ 32 строкъ «Болыть моя головонька» Старицкимъ взяты первыя 12. Исключено совсѣмъ двѣ крупныхъ историческихъ пѣсни «Черн. побута»—Пѣсня о Харькѣ и Пѣсня о Саввѣ Чаломъ. Съ опереточными цѣлями введены дуэты и тріо. Вообще, если обратить главное вниманіе на пѣсни, а въ опереттѣ онѣ, разумѣется, играютъ главную роль, то обнаруживается значительная передѣлка, въ зависимости отъ различія цѣлей. Кухаренко стремится дать этнографическій очеркъ, а Старицкій преслѣдовалъ лишь сценически увеселительныя цѣли.

VI.

М. Старицкій, Круты ти не перекручуй, ком. въ 5 д. изъ «Перемудрывъ» Мырного.

Содержаніе пьесъ одинаково. Мелкій частный адвокатъ, вышедшій изъ крестьянъ и презирающій все крестьянское, обманываетъ своихъ кліентовъ, ухаживаетъ за своей служанкой, обижаетъ своихъ интеллигентныхъ дѣтей. Онъ попадаетъ подъ судъ и раскаевается въ своихъ предубѣжденіяхъ, — обѣ пьесы тенденціозны, придуманы, многословны и скучны; особенно плоха пьеса Мирнаго въ 214 стр., крайне большая, крайне растянутая, вялая, съ длиннѣйшими монологами. Старицкій сократилъ дѣй-

ствія, уменьшилъ монологи, переставилъ нѣсколько сценъ, исключилъ одну изъ двухъ дочерей адвоката Мирнаго, пропустилъ также сына Тхорихи, добавилъ одну прислугу, пересолилъ въ обрисовкѣ учителя, изъ котораго получился у Ст. грубый каррикатурный типъ, ввелъ недурную зажнивную сценку, расширилъ типъ глухого дѣда пасѣчника въ интересахъ сценическаго эфекта. Мало оригинальности, но нѣтъ и плагіата. Пьеса Ст. представляетъ дѣйствительно передѣлку пьесы Мирнаго для сценической постановки.

VII.

М. Старицкій, Ничъ підъ Ивана Купала, малоруська драма зъ співами и музыкой у 5 діяхъ, на мотивъ «Наброски карандашемъ» г-жи Шабельской.

У г-жи Шабельской есть повѣсть «Наканунѣ Ивана Купала» съ помѣткой «быль» въ сборникѣ «Наброски карандашомъ» и ея же собственная передѣлка этой повѣсти въ 4 дѣйств. и 5 картинахъ подъ названіемъ «Пидъ Ивана Купала». Передѣлка г-жи Шабельской написана хорошимъ языкомъ и во многомъ отличается отъ ея повѣсти. Старицкій пользовался повѣстью г-жи Шабельской, причемъ за исключеніемъ 2 или 3 сценъ обнаружилъ самостоятельность. Такъ, онъ внесъ 19 большихъ пѣсенъ и поставилъ ихъ въ связь съ текстомъ, подробно разработалъ типъ придурковатаго парня, ввелъ оригинальную сценку сбора сѣна. Героиня разсказа и драмы Шабельской умираетъ случайно отъ паденія съ чердака; у Старицкаго ее закалываетъ соперница. По изложенію и языку это одна изъ лучшихъ пьесъ Старицкаго, живая и бойкая, и, если и есть тутъ передѣлка повѣсти г-жи Шабельской, то передѣлка эта лучше тѣхъ, которыя сдѣланы были Старицкимъ по Оржешко, Кухаренко и Мирному.

VIII.

Старицкій и Левицкій, «Панська губа та зубивъ нема» или «за двома заицами», ком. въ 4 д.

Левицкій, «На Кожумьякахъ», ком. 5 д. 1875 г.

Передѣлка комедіи Левицкаго «На Кожумьякахъ» самимъ авторомъ, при участіи Старицкаго, представляетъ дѣло ихъ личнаго соглашенія, ничего общаго съ плагіатомъ не имѣетъ, и нужно только удивляться безцеремонности обвиненія одного изъ сотрудниковъ въ плагіатѣ. Содержаніе одинаково: Легкомысленный парикмахеръ (Гострохвостый Голохвостый) одновременно ухаживаетъ за двумя дѣвицами. Въ «На Кожумьякахъ» обманъ открывается на свадьбѣ, и Гострохвостый — бѣжитъ; въ «За двумя зайцами» послѣ такого посрамленія онъ попадаетъ еще въ тюрьму за долги. Главное отличіе состоитъ въ томъ, что у Левицкаго Г. говоритъ чистымъ малорусскимъ языкомъ, у Старицкаго—ломанымъ, лакейскимъ. Въ передѣлкѣ однѣ сцены расширены, другія сокращены, переработана сценка гулянки мѣщанокъ, выброшена бублейница и ея пѣсня о бубликахъ, вставлено новое довольно безцвѣтное дѣйствующее лицо (Степанъ). При чтеніи «На Кожумьякахъ» представляется болѣе цѣльнымъ и болѣе художественнымъ произведеніемъ, хотя, нужно признать, что обѣ эти пьесы слишкомъ велики, тяжеловѣсны и скучны.

Въ общемъ выводѣ можно сказать, что во всѣхъ перечисленныхъ пьесахъ, поставленныхъ въ вину Старицкому, въ смыслѣ литературнаго хищенія, нѣтъ совсѣмъ плагіата; взведенныя на него въ этомъ отношеніи тяжкія обвиненія несправедливы. Драмы его — передѣлки, вызванныя потребностями времени, настойчивымъ спросомъ на новыя пьесы со стороны публики; Старицкій стремился удовлетворить этому спросу, что оказыва-

лось, однако, труднымъ по многимъ причинамъ, по бѣдности предшествовавшей малорусской драматической литературы, по цензурному гнету, по вмѣшательству и произволу администраціи, допускавшей лишь самыя узкія рамки для украинской сцены. Тутъ и большому таланту трудно было пробиться, а небольшому дарованію Старицкаго тѣмъ болѣе.

Старицкій былъ мишенью для національно-политической вражды, и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, для голоса справедливости оставалось очень мало мѣста, и удары на злополучнаго драматурга сыпались съ разныхъ сторонъ. Къ чести Старицкаго нужно сказать, что онъ превозмогъ чувство глубокой обиды и незадолго передъ смертью въ стихотвореніи «З останніх поезій», напечатанномъ уже послѣ его смерти въ Литературно-Науковім Вістнику 1907 г. XII 471, сталъ на высокую точку христіанскаго прощенія.

Прощайте ж ви, ріднесеньки краі,
Осяяні, оздоблені красою,
Де в боротьбі точились дні моі,
Де ворог наш гнушався надо мною...
О скількі бід, розрад і катування
На тім шляху тернистім я дістав
За серця жар, за вибухи змагання,
За сіянку моіх пітомих мрій,
Сподіванку народнёго пробудка.....
Але тепер всі рани зажили,
Німіють враз болящі спочування,
А йно росте незміряна любов—
До всіх моіх колишніх супостатів,
До друзяків, що били б певне знов.....
До спільників тяжкоі боротьбы.....
До нив, степів, омочених плачем.....
До зір яснихъ, до сонця, до тепла,
До заверюх, до збуреного моря.

Пробачьте ж цей останній вибух горя,
Простить за все, не памятайте зла!...

Эта исповѣдь человѣка передъ грознымъ часомъ смерти должна служить путеводной нитью для историка нашей современности, который можетъ быть будетъ пораженъ обиліемъ злобы и ненависти, безъ достаточнаго для нихъ оправданія, въ приложеніи къ скромной, подцензурной, поднадзорной, связанной и урѣзанной украинской драмѣ конца девятнадцатаго вѣка и Старицкому, какъ ея скромному и заурядному работнику. За что? По всѣмъ видимостямъ, судя со стороны, за то, что онъ имѣлъ смѣлость держаться своего родного края, считать его «осяяним, оздоблении красою»,

За серця жар, за вибухи змагання,
Сподіванку народного пробудка.

И хотя Старицкій, какъ талантъ средней величины, не провелъ глубокой борозды въ дѣлѣ «народнаго пробужденія», онъ все таки кинулъ въ нее много плодотворныхъ зеренъ, и память его на Украинѣ долго будетъ окружена благодарностью.

Н. Ф. Сумцовъ.

Посланіе Василія, пресвитера Никольскаго изъ Дольней Руси, объ исхожденіи св. Духа.

Посланіе пресвитера Никольскаго Василія найдено въ рукописи библ. Академіи Наукъ (Воскр. № 7, сборникъ 1546 г., 4⁰, 211 лл., полууст., перепл.), поступившей отъ наслѣдниковъ епископа Олонецкаго Павла (Доброхотова) и принадлежавшей ранѣе Жировицкому монастырю. Въ Жировицкій монастырь она была пожертвована, какъ это видно изъ полустертой надписи нач. XVIII в. на внутренней сторонѣ задней доски переплета, какимъ то Кіевскимъ и Галицкимъ митрополитомъ[1]). Посланіе Василія составляетъ первую статью рукописи; его начала здѣсь не достаетъ, такъ какъ первые три листа рукописи утрачены.

До сихъ поръ Посланіе пресвитера Василія было извѣстно только по заглавію, приведенному въ Библіологическомъ Словарѣ Строева (стр. 41) и основанному на указаніи Я. И. Бередникова, видѣвшаго Посланіе въ 1834 г. въ библіотекѣ Соловецкаго монастыря, въ сборникѣ подъ № 1248. Такъ какъ всѣхъ №№-овъ рукописей Соловецкой библіотеки Казанской Духовной

1) Годъ написанія рукописи указанъ въ заглавіи повѣсти о землетрясеніи въ Ксиропотамѣ, на л. 41: «сіа повесть принесена бѣ исъ Святое горы калугери оу монастырь Супрясльскіи в лѣто отъ създаніа міру 7054-е и в то же лѣто въ сію книгу вписана».

Академіи значится теперь только 1195, то отыскать среди нихъ упомянутый сборникъ было затруднительно; онъ былъ указанъ намъ проф. Н. К. Никольскимъ и значится теперь подъ № 887 (по хр. кат. № 997). Это—сборникъ полемическаго содержанія, писанный скорописью разныхъ почерковъ конца XVII — нач. XVIII вв., 4°, 243 лл. Изъ Посланія пресвитера Василія въ немъ (лл. 217—226) оказалась только первая треть, но за то съ самаго начала. Сравнительно съ Жировицкой рукописью, текстъ Посланія здѣсь не особенно исправенъ.

Третьей рукописью, по которой извѣстно теперь Посланіе Василія, является сборникъ нач. XVII в. Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря № 1656, подробно описанный проф. Н. И. Петровымъ въ Трудахъ Кіевской Дух. Академіи за 1894 г. (кн. 2—4, статья «Западно-русскія полемическія сочиненія XVI вѣка»). Изъ сличенія его съ Жировицкою рукописью видно однако, что первая половина его (лл. 1—125) представляетъ собою простой списокъ съ означенной рукописи, произведенный, очевидно, въ то время, когда эта рукопись еще не поступила въ монастырь отъ Кіевскаго митрополита[1]). Списываніе происходило тогда, когда первые три листа въ Жировицкомъ сборникѣ были уже утрачены, такъ что и въ Кіево-Михайловской рукописи Посланіе пресвитера Василія не имѣетъ заглавія и начала. Вслѣдствіе этого проф. Н. И. Петровъ не могъ догадатьсл о принадлежности Посланія пресвитеру Василію и высказалъ ошибочное предположеніе, что Посланіе было составлено въ Супрасльскомъ монастырѣ, игуменомъ его Каллистомъ, для Александра Ивановича Ходкевича и архіепископа Гнѣзненскаго Яна Ласкаго[2]).

---

1) На основаніи упомянутаго выше заглавія повѣсти о землетрясеніи въ Ксиропотамѣ можно, такимъ образомъ, предполагать, что Жировицкая рукопись была написана въ Супрасльскомъ монастырѣ и въ немъ же, можетъ быть, сначала находилась.

2) Ошибочнымъ является также предположеніе проф. Петрова относительно времени происхожденія напечатаннаго имъ изъ того же Михайловскаго сборника

Наконецъ, часть Посланія пресвитера Василія находится, какъ это было указано проф. Н. И. Петровымъ, въ Супрасльскомъ (нынѣ Погодин. собр. Импер. Публ. Библ.) полемическомъ сборникѣ 1580 г., въ двухъ выдержкахъ изъ него, взятыхъ составителемъ «Слова нѣкогда давно на Римлянъ у старыхъ кройникахъ писанаго о ихъ отщепенствѣ»[1]).

Объ авторѣ Посланія, пресвитерѣ Василіи, кромѣ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя онъ самъ даетъ о себѣ въ предисловіи и послѣсловіи къ Посланію, ничего неизвѣстно. Онъ адресовалъ свое Посланіе не непосредственно къ латинскому архіепископу, а къ какому то воеводѣ Стефану Якшичу, который уже отъ себя долженъ былъ представить его по назначенію. Имя этого воеводы, а также то, что, датируя свое Посланіе и перечисляя при этомъ «скиптродержавныхъ» того времени, авторъ ставитъ на первомъ мѣстѣ Владислава, короля Угорскаго и Чешскаго, на второмъ—Жигимонта (Сигизмунда I) Польскаго и Литовскаго, и только на третьемъ—великаго князя Московскаго

«Поученія, новосложеннаго во Литваніи нарицаемымъ Цоззлщз логоѳетомъ». Относя упоминаніе Поученія о перешедшихъ въ католичество русскихъ вельможахъ къ роду Ходкевичей, проф. Н. И. Петровъ полагалъ, что тутъ разумѣются Іеронимъ Юрьевичъ и Криштофъ Іеронимовичъ Ходкевичи и что Поученіе составлено было между 1595 и 1602 гг., — быть можетъ, архимандритомъ Супрасльскаго монастыря Иларіономъ, княземъ Масальскимъ. Въ виду происхожденія рукописи изъ Супрасльскаго монастыря, патронировавшагося Ходкевичами, догадка относительно того, что здѣсь разумѣлись именно они, является вполнѣ естественною, такъ что она была высказана и въ самой Жировицкой рукописи какимъ-то читателемъ XVII—XVIII вв., написавшимъ на полѣ л. 153 об., противъ упоминанія о совращенныхъ вельможахъ, слѣдующее замѣчаніе: «первыхъ Ходкевичовъ намѣнуетъ, въ святую вѣру каѳолическую прешедшихъ». Но такъ какъ Поученіе находится не только въ Михайловскомъ сборникѣ, но и въ Жировицкой рукописи, написанной въ 1546 г., мнѣніе о томъ, что въ немъ говорится объ Іеронимѣ Юрьевичѣ и Криштофѣ Іеронимовичѣ Ходкевичахъ и что авторомъ его могъ быть архимандритъ Иларіонъ, не можетъ быть принято, и составленіе Поученія должно быть отодвинуто къ болѣе раннему времени. Между прочимъ, первымъ Ходкевичемъ съ именемъ Іеронима является, кажется, Іеронимъ Александровичъ († 1562 г.), сынъ знаменитаго основателя Супрасльскаго монастыря Александра Ивановича († 1549г.).

1) Напечатано А. Н. Поповымъ въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1879 г., I: «Обличительныя списанія противъ жидовъ и латинянъ».

Василія Ивановича, дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что подъ Дольней Русью, въ которой жилъ пресвитеръ Василій, разумѣется Русь Угорская. Въ виду того, что «Дольней землей» и донынѣ называется въ Угорской Руси Угорская низменность, а подъ именемъ «Долишнянъ» или «Долинянъ» слыветъ Угро-русское населеніе отроговъ Карпатъ, спускающихся къ этой низменности[1]), можно думать, что церковь св. Николы, въ которой пресвитерствовалъ Василій, находилась гдѣ-нибудь вблизи этой низменности. Если это предположеніе вѣрно, то Посланіе пресвитера Василія заслуживаетъ особаго вниманія, какъ рѣдкій памятникъ письменности, о которой до сихъ поръ извѣстно болѣе чѣмъ немного.

Независимо отъ этого, Посланіе Василія важно по выдержкамъ изъ святоотеческихъ твореній, которыми авторъ пользовался для опроверженія латинскаго ученія: въ нѣсколькихъ случаяхъ выдержки эти указываютъ на существованіе въ славянской письменности того времени такихъ переводовъ или редакцій переводовъ святоотеческихъ писаній, которыя въ собственно русской письменности тогда не были извѣстны. Такъ, Богословіемъ Іоанна Дамаскина пресвитеръ Василій пользовался, очевидно, не въ сокращенномъ переводѣ Іоанна Экзарха, а въ какомъ то другомъ, полномъ, который, между прочимъ, не вполнѣ совпадаетъ съ полнымъ же переводомъ, находящимся въ сербской рукописи Яцимірскаго (библ. Академіи Наукъ, 13. 3. 1); кромѣ того, авторомъ Посланія сдѣлана еще выписка изъ какого то «смотрительнаго слова» І. Дамаскина. Затѣмъ, изъ твореній Василія Великаго пресвитеру Василію были извѣстны, между прочимъ, посланія къ Григорію брату о св. Троицѣ и къ Амфилохію Иконійскому о св. Духѣ. Изъ словъ Григорія Богослова не были, повидимому, въ обращеніи собственно въ русской письменности цитуемыя Василіемъ слова: о богословіи третье, о

1) См. А. Петровъ. Матеріалы для исторіи Угорской Руси, вып. IV, Спб. 1906, стр. 11—12.

поставленіи епископовъ и догматѣ св. Троицы, къ Іерону философу, къ пришедшимъ изъ Египта, къ аріанамъ, и слово о пришествіи 150 епископовъ; сюда же относятся: огласительное слово Григорія Нисскаго и толкованіе Златоуста на евангеліе Іоанна. Въ виду собственнаго показанія о себѣ пресвитера Василія, что онъ «училища николиже видѣлъ», едва ли можно думать, что указанными святоотеческими твореніями онъ пользовался въ греческихъ текстахъ.

Среди однородныхъ произведеній славянской письменности Посланіе пресвитера Василія выдѣляется въ благопріятную сторону отсутствіемъ полемическихъ рѣзкостей, спокойствіемъ тона и достоинствомъ изложенія. Болѣе поздній западно-русскій полемистъ, извѣстный соименникъ пресвитера Василія, Острожскій священникъ Василій, очевидно, зналъ это посланіе и въ своемъ сочиненіи «О единой вѣрѣ» буквально выписалъ изъ него замѣчаніе объ агарянахъ, обладающихъ Святою Землею.

Издается Посланіе по академической (Жировицкой) рукописи, а недостающее въ ней начало — по Соловецкой рукописи Казанской Духовной Академіи. При печатаніи раскрыты титлы, разставлены знаки препинанія, паерокъ въ концѣ словъ замѣненъ буквой ъ, а буква я употреблена только при раскрытіи титлъ. Варіанты по Соловецкой рукописи приводятся въ тѣхъ случаяхъ, когда они исправляютъ или дополняютъ текстъ.

Ѳ. Покровскій.

Многогрѣшнаго і хуждьшаго въ христианѣхъ Василия, презвитера Никольскаго ѿ Дольная Рѹси, вписание к господинѹ Стефанѹ Ѧкшичѹ воеводѣ, повѣлѣвшѹ емѹ исписати нѣчто вкратцѣ ѿ святаго писания. Сказание о исхожденіі святаго Духа къ нѣкоемѹ латинском ѹарьхиепискѹпѹ сопротивляющѹся. л. 217

Благочестия ревнителю тщаливыи, похвальныхъ вѣнцевъ достоино именитыи! Повеления господства ти грѹбости моея слѹхи огласивше, ако да о святеи живоначалнѣи Троици, паче же о исхождении всеѹтѣшительнаго Параклита, архиепископѹ нѣкоемѹ латиномудръствѹющѹ предложити ѿ святаго писания повѣлелъ ми еси вократцѣ, яко || Духъ святыи ѿ Отца исходитъ, акожь изначала святиї апостоли и богоносниим ѿцы изповедати ѹзакониша и ѹтвердиша, того ради, мои господине, нѣдостоина мя сведыи и тиною брения греховнаго окаляна, таковомѹ пресветоломѹ бисерѹ кознѹтися боояхся. Странно бо сепѹ огненное прикозновение, и слепомѹ пѹтное шествие, и безъ кормила весла по глѹбинѣ плавание; тако и мнѣ, невежди сѹщѹ ѹ святаго писания и книгъ к исправлению нѣ имѣющѹ [1]), || къ таковѣи неизреченнѣи поучинѣ мыслїю зрѣти. Къ семѹ же, повеленїя твоего рабьского боязнїю одръжимъ, преслѹшатися мнѣхся, двѣма же страхома обьятъ, оуповая на милосердїе Божїе, во стръмнинѹ себе въргохъ неисчерпаемые глѹбины святаго писанїя, и, елико могохъ, малѹ кроплицѹ вземъ, пребыстростръѹиномоу источникѹ острооумїя твоего предлагаю. Ты же, л. 217 об. л. 1

1) Далѣе начинается Жировицкая рукопись.

ꙗко добрыи хоудожникъ, во горнило глѫбиноиспытателнаго ти разума вложивь моѧ коситеровидныѧ боукви, огнепалнымъ пламенемъ смысла твоего ѡчистивъ, ꙗко сребро искѹшено и ѡчищено исправи.

л. 1 об. Ѿвѣтованіє господина Стефана Ꙗкшича воеводы.

Архиепископѫ нѣкоемѹ, глаголющѹ ему, ꙗко «не добре, рече, глаголете, еже ѿ Отца единого святаго Духа исхожденіе, но и ѿ Сына подобаеть глаголати», ѿвѣтъ.

Почтеныи архиепископе! Любопрителна и съпротивѹющаѧ тебе слышахъ къ намъ, иже въ Христа православныѧ вѣры христіаномъ. Соупротивлѧешися оубо, ꙗко неправо намъ сію дръжати непщѫющи, наипаче же въ святѣи живоначалнѣи, неразделимеи Троици, ѡ исхожденіи всебожественаго Параклита, иже вѣрѫемъ и глаголемь ѿ Отца сего исходащаго и начало ѿтѹдѹ ||
л. 2 имоущаго, ѿкѹдѹ и Сынъ, превѣчное Слово.

Да вѣсть ѡ семъ избранность твоѧ, ꙗко се не новоизъѡбрѣтохомъ, но иже изначала Духомъ святымъ ѡсѣнѧеми пророци сіе провозвестиша, яко Богь Отець начало и вина Словѹ и Духоу, ихже словеса и прорицаніѧ въ послѣди восприемъ самъ тои съприсносѹщное Слово, иже насъ ради человѣкъ бысть, Июдеѧ ѡбличаше и на срѣдоу имъ прѣдлагаше еже ѡ собѣ писаніѧ и ѡ святѣмъ Дусе, ꙗко ѿ Отца Сыномъ прѣподаеться. Посемь же, иже самовидци Словѹ, божественіи апостоли и проповѣдници христіаньстеи вѣре, ѿ самого Христа наоучени, всю вселенноую оученіи просвѣтивше, послѣдѫюще пророческомѹ
л. 2 об. прорицанію и добре искоусни || бывше Христова оученіѧ, таковаꙗ же ѡ святеи живоначалнеи и нераздѣлимеи Троици всеи вселеннеи прѣдаша. Послѣди же, иже тѣхъ искѹсніи оученици, святіи и богоносніи ѡтци, ѿ ихже нѣціи и кровь свою за Христа проліѧти сподобишася, томоужде послѣдствѹюще, ѡ святеи Троици извѣстне наоучиша, еже по мале подробнѹ скажемъ.

Искони же ненавистникъ добрѹ діѧволъ видѣ на доброи земли сѣмѧ божества проповеди падше и сторицею плодъ растѧше,

въсѣа свои емꙋ плевелъ, рекоу же безбожнаго Аріа и еже ѡ немъ, иже Троици прѣбожественомꙋ единоначалію коснꙋса, ꙗко сѣно огню. Тогда оубо новыи Авраамъ, во благочестіи сіаю-щіи || самодръжецъ, видѣ брата своего, рекше святꙋю церковъ л. 3
ѿ богопротивныхъ плѣненꙋ, собираеть въ Никею домочадець своихъ, 318 святыхъ и знаменоносныхъ ѡтець. Ѡ единого бо домоу Христовы вѣры бахж по апостолоу: храмъ Божіи вы есте ѡ Христѣ[1]). И ѡполчившиса оубо во брона Христовы вѣры, и възенши мечь ѡбоюдꙋѡстръ, глаголъ Божіи[2]), низлагаеть богоборныхъ и христоненавистныхъ еретикъ, и плененыхъ ересію въ церковь Божію възвращаеть, избираеть ѿ всѣхъ богодꙋхновенныхъ писаніи исповѣданіе, изъѡбраженіе святаго символа православныа вѣры, рекше «Вѣроую во единого Бога»; оутврьждаеть же царскымъ запечатлѣніемъ и смертнымъ прѣщеніемъ, духовныхъ же и богоносныхъ ѡтець запрѣщеніемъ ||
и проклатіемъ: къ семꙋ ничтоже приложити, ниже оуꙗти ѿ въ- л. 3 об.
ѡбраженіа святыа неразделимыа Троици. И сіе, ꙗко ѡдесатствовавъ, ѿ ветхаго же и новаго завѣта избравъ, архиерею бꙋдоущихъ благь по чинꙋ Мелхиседековꙋ[3]), самомꙋ Христоу, во вселенноую прѣдаваеть церквамъ; егоже ѿ вышнаго и горнаго Їерусалима троичьскаа пребожественнаа десница благословаеть и съ хлѣбомъ и виномъ святыхъ Таинъ срѣтаеть. Ѡ выше же оума! Иже тогда на святемъ съборе, прѣжде даждь не докончатися съборꙋ, два ѿ святыхъ ѡтець почиша, Хрисанѳіе и Моусоніе, имьже святіи ѡтци изъѡбраженіе православныа вѣры исписано въ ракоу[4]) съ вѣрою въложиша, ꙗко да и
тѣхъ волю ѡбра||щоуть. Ѡле чюдо! ꙗко мертвыа роукы, яко л. 4
живыхъ, имена ихъ оуписаша: «право, рекоша, съложено и оузаконено, и мы сему послѣдствжемъ, аще и прѣставихомса»; се же все оувѣреніа ради показа Богъ.

---

1) 1 Кор. III, 16.
2) Ср. Ефес. VI, 16—17.
3) Ср. Евр. VII, 5—6; VI, 20; IX, 11.
4) Въ Солов.: «в руки».

Посемъ же мнози ѿ еретикъ различными ересми приразити къ семѫ покꙋшахꙋсѧ. Но православніи святіи ѡтци, петерочювьственаѧ Божіѧ десница, — папа, рекѫ, и 4 патріархи, — всю подсолнечьноую правѧще, на таковыхъ воинъствовахꙋ и на святыхъ вселеньскыхъ священныхъ съборехъ крѣпко ѡполчахꙋсѧ, и, еже въ Никеи, изъѡбраженію православныѧ вѣры прѣтворяющихъ или въ чемъ касающихсѧ низлагахꙋ, и силою святаго Духа
л. 4 об. проклетію подписахꙋ, еже къ семꙋ ничтоже прило||жити или ѿложити ѡ святеи живоначалнеи и неразделимеи Троици, еже есть оуписано въ святемъ символе. Аще ли же хощеши разумѣти силꙋ святаго символа ѡ всѧкомъ, еже въ немъ писаномъ, слове, прочти книгꙋ блаженнаго Кирила, патріарха Іерусалимьскаго, 16 словь ѡгласителныхъ.—Къ прѣдлежащемоу же намъ слово. На многа же врѣмѧ въсточнаѧ и западнаѧ церковь, съединеною мудростію, съ ѡпасствомъ сіѧ стрежахꙋ, и, вънегда коемꙋ ѿ пѧтихъ престолъ воспріѧти приключашеся, исповѣданіе православныѧ вѣры Никеискаго събора своимъ рѫкописаніемъ къ четыремъ посылаше, и тогда рѫкоположеніе восприимаше; и ни-
л. 5 чтоже ѡ вѣрѣ единъ безъ дроугаго дръзнꙋти || не смѣѧше, но съединеною мыслію словесныѧ ѡвца Христова стада пасахꙋ и во единꙋ ѡвчарню, Божію церковъ, ѡснованꙋ на седми столпехъ, вселенскыхъ съборехъ, пастырьскыи събирахꙋ, на многа же времена прѣданіе седми вселенскыхъ съборъ крѣпко дръжахꙋ, и въ едино съглашашеся восточнаѧ и западнаѧ церковъ. Еже, милостію Божіею и силою святаго Духа оукрѣплѧеми, аще и гоними и оуничижени есмы, крѣпко дръжимъ. Вы же, вънове сіѧ ѡбрѣтше, не ѿ еvаггеліѧ Христова, ниже единосъгласіемъ събора святыхъ четырехъ вселеньскыхъ патріархъ, но единымъ своимъ произволеніемъ мудрьствовати възаконисте, и къ исповѣданію святыѧ Троици въ святемъ символе приложивше Духа
л. 5 об. ѿ Отца и Сына исхожденіе, церкви || прѣдасте, и Никеискомꙋ и иже по немъ послѣдствꙋющихъ святыхъ съборъ оутвръжденію самомудрено едини приложисте, и проклятіѧ иже тогда бывшихъ святыхъ знаменоносныхъ ѡтець, папежъ и патріархъ, не оустра-

шистеся, ихже добродѣтели, яже къ Богѫ, мертвыѧ въскрешаше. Нась же оукарѧете, иже пророкь проповѣданіе, и самого Христа слово, и апостольское оученіе, и ѡнѣхъ святыхъ чюдотворныхъ ѡтець предавіе ѡ святеи Троици крѣпко и непоколеблѣмо дръжащихъ и исповѣдающихъ.

Ѡ пророкъ прѣдложимъ оубо на срѣдꙋ пророческа прорицаніѧ, како прорицахꙋ ѡ свѧтеи Троици, Ѡтца начало и винѫ Словꙋ и Духоу.

Мѡѵсіи въ Бытеиской книзе, пиша ѡ сътвореніи || человѣка, л. 6
глаголеть: сътворимъ человѣка по ѡбразу нашемѫ и по подобію[1]). Комꙋ рече, и что есть подобіе невидимаго Бога? не ѡписанъ бо и не исказанъ. Но и святіи ѡтци известѫють, ѩко Ѡтецъ, божественое начало, къ Сынꙋ и Духꙋ глаголеть, а еже «по ѡбразу нашемꙋ», сіе речесѧ, ѩко единъ ѿ Троица, Сынъ и Слово Божіе, въ послѣдокъ лѣтъ хощеть восприіати плоть нашего ради спасеніѧ, ѩкоже и апостолъ Павелъ къ Коласаемъ пише: О немже, рече, имамы избавленіе кровію его, ѡставленіе грѣхомъ, иже есть ѡбразъ Бога невидимаго, пръворожденъ всякои твари, ѩко ѡ немъ создана быша вся[2]). Тамо бо еще глаголомъ Божіимъ проѡбразовашеся Троица.—Давидъ же, Духомъ святымъ движимъ, такожде, ѡ свѧтеи Троици провозвѣщаѧ, оучаше: словомъ, рече, Господнимъ небеса
оутврьдишася и духомъ оустъ его всѧ сила ихъ[3]). || Аще л. 6 об.
и едино соуть, но Слово и Духъ къ единомꙋ виновномꙋ начало даваеть, сирѣчь Ѡтцю; аще бо и причастно есть Слово Духѫ и Духъ Словꙋ божествомъ, но ѡбоѧ ѿ единого начала, Ѡтца.—И пакы Давидъ глаголеть: ѩко ѿ тебе источникъ животꙋ, и въ свѣте твоемъ оузримъ свѣтъ[4]), рекше Сына въ Дусѣ. Вънимаи ѡ семъ, ѩко Ѡтець источникь свѣтѫ и животѫ. Кто бо жи-

---

1) Быт. I, 26.
2) Колос. I, 14—16.
3) Псал. XXXII, 6.
4) Псал. XXXV, 10.

вотъ и свѣтъ?—никтоже, токмо Сынъ. Іѡаннъ бо свѣдѣтельствѫетъ, ꙗко ѡнъ животъ и свѣтъ: животъ бо, рече, свѣтъ человѣкомъ [1]). Тѣмже въ Іѡаннѣ самъ ѡ собѣ съприсносѫщьное Божіе Слово глаголетъ: азъ есми свѣтъ мирꙋ [2]) и прочаꙗ. И святіи ѡтци въ исповѣданіи православныꙗ вѣры изъѡбразиша ѡ Христѣ: свѣта ѿ свѣта, Бога истинна ѿ
л. 7 Бога истинна, || еже и вы еще с нами въ семъ единомудрьствꙋете.—И пакы Давидъ единоначаліе Словꙋ и Духꙋ въводитъ: камо, рече, иду ѿ Духа твоего и ѿ лица твоего камо бѣжоу [3])? и пакы: не ѿврьзи мене ѿ лица твоего и Духа святаго твоего не ѿими ѿ мене [4]). Кто же лице?—ꙗвѣ, ꙗко Сынъ по вышшереченомꙋ; не рече бо нигдеже Духа ѿ Слова, аще и едино соуть божествомъ и имать Сынъ того ѿ Отца въистиннꙋ, но едино начало прорицаше: ѿкꙋдѫ Слово, ѿтоудꙋ и Духъ, словомъ бо и въ человѣцѣ духъ происходитъ.—Богогласныи же Исаіꙗ глаголетъ ѡ Христѣ Словꙋ Божіемъ и ѡ святемъ Дусѣ: Духъ Господень, рече, на мнѣ, егоже ради помаза мꙗ [5]), и прочаꙗ, еже и самъ тъи помазаныи въ святилищи, ѡбрѣтъ въ книзе реченое ѡ немъ, Июдѣꙗ ѡбличаше, ꙗко
л. 7 об. ѡ немъ бахꙋ || сіꙗ писана, ꙗкоже Лоука еѵаггелистъ свѣдѣтельствоуетъ [6]).—Пакы тоиже вышепомꙗнѫтыи ѡ Христѣ проповѣдникъ Исаіꙗ ꙗснѣе предложи: се, рече, ѡтрокъ мои, егоже изволихъ, и възлюбленыи мои, наньже благоволи душа моꙗ, и положꙋ Духъ мои на немъ [7]). Сіꙗ ѡ собѣ привода, самъ Господь нашь Іисусъ Христосъ пророка прѣдлагаше, ꙗкоже Матѳеи еѵаггелистъ пишетъ [8]).—Пакы томоуждe Исаіи глаголющꙋ: не боися,

1) Іоан. I, 4.
2) Іоан. VIII, 12.
3) Псал. CXXXVIII, 7.
4) Псал. L, 13.
5) Ис. LXI, 1—2.
6) Лук. IV, 16—21.
7) Ис. XLII, 1—4.
8) Мѳ. XII, 18—22.

слꙋго мои Іакове, избранныи мои, егоже избрахъ; излѣю, рече, Духъ мои на сѣмѧ твое и благословенїе мое въ наслѣдие твое[1]). Кто же есть сѣмѧ Іаковꙋ?—ꙗвѣ, ꙗко Христосъ Сынъ Божіи, плоть восприїемъ ѿ сѣмени его и помазасѧ Духомъ святымъ, ꙗкоже Петръ апостолъ въ Дѣꙗнїихъ глаголеть: сего Іисуса || иже ѿ Назарета, ꙗко помаза его Богъ Духомъ л. 8
святымъ и силою[2]).—Духоносныи же Иѡиль пророкь ѡ святемъ Дусѣ предвозвѣсти, глаголѧ: бѫдеть, рече, въ послѣднаꙗ дни, глаголеть Господь, излѣю ѿ Духа моего на всѧкѫ плоть[3]).

О семъ оубо въ пророческыхъ словесехъ ѡбрѣтаемъ, ꙗко Отець Словꙋ и Духꙋ начало и вина; сїѧ оубо къ оутврьжденїю новыѧ благодати ѿ пророкь прѣдвозвѣстисѧ въ наше оукрѣпленїе.

Сѣни же закона мимошедши, и мракꙋ идольскїѧ прѣлести ѿгнаноу бывшѫ, и правдѣ солнцю въсїавшѫ,—зари, рекꙋ, еѵаггельскаго благовѣстїѧ всю вселеннꙋю просвѣтивши святыхъ апостолъ громогласною проповѣдию, по Давидꙋ: въ всю землю изыде вѣщанїе ихъ и въ конца вселенныѧ глаголи ихъ[4]),—Таковожде || и самовидець бывшихъ Божїѧ воплощеннаго Слова, л. 8 об.
святыхъ четырехъ еѵаггелистъ и инѣхъ богоизбранныхъ апостолъ, съписанїе и прѣданїе и оученїе ѡ святѣмъ Дусѣ ѡбрѣтаемъ: исхожденїе и начало ѿ Отца имꙋща, ꙗко и доселѣ, Богѫ хотѧщꙋ, мы дръжимъ, боꙗщеся еже ѡ семъ ѿ богоносныхъ ѡтець проклѧтїѧ, ѡ немже выше рекохѡмъ, ꙗкоже и сами добре вѣсте.

Ѡ въплощенїи же безсѣменнаго зачатїѧ преблагословеныѧ Богородица Марїѧ еѵаггелистъ Лоука глаголеть, къ аггелꙋ глаголющи непорочнеи дѣвици: како бꙋдеть се, понеже моу-

---

1) Ис. XLIV, 2—4.
2) Дѣян. XI, 38.
3) Іоил. II, 28.
4) Псал. XVIII, 5.

жа не знаю? Духъ святыи, рече, наидеть на тѧ и сила Вышнего ѡсенить тѧ, тѣмже и раждаемое свято, наречетьсе Сынъ Божїи [1]). Разумно и здѣ Троица святаѧ познава||
л. 9 етсѧ, Ѡтець и Сынъ и святыи Духъ, Ѡтцю изволившꙋ и Духꙋ святомоу ѡсѣнѧющꙋ Словꙋ плотьское воспрїѧтїе. Сила бо, рече, Вышнего ѡсенить тѧ:—ꙗве, ꙗко Духъ святыи ѿ Отца, тъи есть сила Вышнего, раждаемое же Сынъ Божїи; како бо Духъ сила Ѡтча, тако и раждаемое Сынъ Бога Ѡтца, ѡба же ѿ единого. Сицѣ ѡбѣма начало Ѡтець, тако и святїи ѡтци наоучиша. Въпрошаю же тѧ, архиепископе, како ѡ семъ речете: Сынъ и Слово Божїе преже вѣкъ ѿ Отца ли и ѿ святаго Духа родисѧ? Аще речеши: «ѿ Отца и Духа», двѣ началѣ Словꙋ привнесеши,—се богоборно; аще ли же толико ѿ Отца единого Сыноу Божїю превѣчное рождество речеши, не погрѣшилъ еси, и сами бо с нами
л. 9 об. въ семъ единомудръ||ствꙋете, глаголюще: въ единого Господа Іисуса Христа, Сына Божїѧ единороднаго, иже ѿ Отца рожденаго прежде всѣхъ вѣкъ. Да что ради приложисте Духа святаго исхожденїе глаголати и ѿ Сына? егда [2]) менши Сына или болши? и въ чемъ требоваше ѿ двѫ лиць исхожденїе? Ѡле новаго богословїѧ! Да аще Сынъ взѧтъ рожденїемъ ѿ единого Ѡтца собѣ своиство, Духꙋ же съвокꙋпленъ божествомъ и равеньствомъ, сицѣ и ѡ святемъ Дусѣ по прежнемоу с нами мудръствꙋите, по апостольскомꙋ прѣданїю и святыхъ ѡтецъ: Ꙗкоже Сына ѿ Отца единого рождена, тако и Духа святаго ѿ тогожде единого Ѡтца исходѧщаго, иже съ Ѡтцемь и Сыномъ покланѧема и славима во единомъ божествѣ и сꙋществѣ; три бо
л. 10 единъ || Богъ, равни и совокꙋплени божествомъ, съединени разделителне и разделени съединителнѣ. Савелїѧ бо, съливающа Ѡтца съ Сыномъ въ единъ съставъ, Арїѧ же, божество Ѡтца ѿ Сына разделѧюща, святїи ѡтци ѡбоихъ анаѳемѣ предаша; сихъ касающеся, да блюдꙋтсѧ тѣхжде.

---

1) Лук. I, 34—35.
2) Въ Солов.: «еда».

Іѡаннъ же, возлюбленныи Христовь оученикъ, глаголеть въ своемъ благовѣстїи: во послѣднїи день великаго праздника стоꙗше Іисусъ и зваше, глаголѧ: аще кто жаждеть, да грѧдеть къ мнѣ; вѣрꙋѧ въ мѧ, ꙗкоже рече писанїе, рѣкы ис чрева его потекѫть воды живые. Се же рече ѡ Дусѣ святемъ, иже хотахꙋ прїимати вѣрꙋющїи въ имѧ его, не оу бѣаше Духъ святыи данъ, ꙗко Іисусъ не оу бѣ прославленъ [1]). Се глаголеть ѡ плотьскои || славѣ, а имаше л. 10 об.
тꙋ ѿ сложенїѧ мирꙋ, ꙗкоже самъ рече. Но и тꙋ виновное Сыноу и Духꙋ познаваетсѧ: кто же имать дати?—ꙗве, ꙗко Ѡтець Сыномъ, и тъи прослави Сына, и Сынъ сего ходатаиствоуеть ѿ Отца; самъ бо своимъ оученикомъ глаголаше: аще, рече, любите мѧ и заповеди моѧ съблюдете, азъ оумолю Ѡтца, и иного оутѣшителѧ дасть вамъ, да бꙋдеть с вами въ вѣкы, Духъ истинныи [2]).—Пакы тамождe: аще, рече, азъ не идоу, оутѣшитель не прїидеть къ вамъ [3]); а имаше того ѿ Отца искони въ себѣ, ꙗкоже Исаїа богогласныи глаголеть: Духъ мои, иже есть оу тебѣ, и слова моѧ, иже положихъ въ оустѣхъ твоихъ, не ѿстꙋпать ѿ оусть твоихъ [4]); но сего ради рече: «оу||молю Ѡтца», да разумѣемъ Ѡтца начало Сынꙋ же и Духу.— л. 11
По малѣ тамъ же рече: еще имамъ много вамъ глаголати, но не можете носити нынѣ; егда же прїидеть ѡнъ, Духъ истинныи, наставить васъ на всѧкꙋ истиннꙋ, не ѡ себѣ бо глаголати имать. Ѡнъ мѧ прославить, ꙗко ѿ моего въспрїемлеть и възвѣстить вамъ [5]). Да не речеши: ѡ исхожденїи ѿ Сына се речесѧ, ꙗко «ѿ моего въспрїемлеть»; како бо сыновьство или рожденїе Духꙋ святомꙋ въспрїѧти? не ѡбрѣтаемъ бо въ святемъ писанїи Духа сыномъ нарицаема или рождена, собьствы бо раздпьствоують; но ѡ божествѣ всѧко речесѧ се, едино бо соуть боже-

1) Іоан. VII, 37—39.
2) Іоан. XIV, 15—17.
3) Іоан. XVI, 7.
4) Ис. LIX, 21.
5) Іоан. XVI, 12—14.

ствомъ, рожденїе же Духꙋ святомоу не причастно, како Сыноу не-
л. 11 об. рожденїе, и Ѡтцю рожденїе и исхожденїе, || симъ бо раздньствоу-
ють святїи три съставы. И что прочее възыскꙋемъ ѡ исхожденіи
святаго Духа? Ѳамъ бо неложными своими оусты Сынъ и Слово Бо-
жїе громогласно изъꙗви и православныхъ тако исповѣдати наоучи,
ꙗко ѿ Отца Духъ святыи исходить, ꙗкоже мы вѣроуемъ и ꙗкоже
Іѡаннъ извѣстоуеть Христова словеса и противлꙗющихсѧ оучить,
ꙗко ѿ Отца Духъ святыи исходить: егда, рече, прїидеть оутѣ-
шитель, егоже азъ послю вамъ ѿ Отца, Духъ истинныи,
иже ѿ Отца исходить, тъи свѣдѣтельствѫеть ѡ мнѣ [1]).
Вънимаи извѣстно, како не срамлѧетеся насъ оукарѧти. Самъ
Христосъ съставъ Духа святаго извести: иного, рече, оутѣши-
л. 12 телѧ дасть вамъ [2]), а едино съ нимъ сыи, и Ѡтцю || посланїе
въдаваеть. И инде рече: «оумолю Ѡтца» [3]), то почто? Самъ съ
Ѡтцемъ и Духомъ едино сыи, не можаше ли тогда самъ дати?
—да не бѫдеть, но да ѡбѣма, Сыноу же и Духꙋ, начало виновно и
извѣстно боудеть Ѡтець. О исхожденїи же, ꙗко ѿ Отца Духъ свя-
тыи исходить, ꙗве возгласи: иже ѿ Отца исходить, рече, тъи
свѣдѣтельствꙋеть ѡ мнѣ [4]). Да почто не рече: «ѿ Отца и ѿ
мене», ꙗкоже вы глаголете? боꙗше ли сѧ или срамлꙗшеся кого?
Да егда рече ѡ божественомъ единьствѣ: «азъ и Ѡтець едино есмы»,
можаше рещи: «иже ѿ Отца и ѿ мене исходить» [5]), аще бы тако
было. Но и тоу паче не слиѧ сыновьства въ ѡтечьство и ѡтечьства
л. 12 об. въ сыновьство, ниже въ единъ съставъ, ꙗкоже злочестивыи || Са-
велїе мудръствова; не рече бо: «едино есмь», симъ бо препирашеся
скврънын, по «едино есмы» рече. Здѣ рече: «едино»,—божествомъ
рече едино; а еже «есмы»,—во двѫхъ съставехъ. Да сїе добре
вѣдꙋще и прочитающе, почто насъ оукарѧете, по Христовѣхъ
словесехъ право намъ дръжащимъ и исхожденїе святаго Духа ѿ

---

1) Іоан. XV, 26.
2) Іоан. XIV, 16.
3) Тамъ же.
4) Іоан. XV, 26.
5) Въ Солов. прибавлено: «почто не можаше».

Отца исповѣдꙋющимъ? Подобаеть оубо ѡнѣхъ оукарати, не съгласѫющихъ еνаггелію, Христовымъ словесемъ.

Да коснемъ же сѧ къ вышепомѧнꙋтомꙋ еνаггелистꙋ Матѳею. Пишеть бо ѡ крещеніи Спасителѧ нашего: крещьсѧ, рече, Іисусъ и възыде ѿ воды, и се ѿврѣзошася емоу небеса, и видѣ Духъ Божіи, исходѧщь ꙗко голоубь и градꙋщь нань, и се гласъ съ небесе, глаголѧ: съи есть сынъ мои възлюбленыи[1]). И тоу разумно ѡ святемъ Дусѣ, || ꙗко л. 13
ѿ Отца Духъ святыи начало имать: да что требоваше Духа святаго съхожденіе на Сына, соущѫ емꙋ искони въ Сынѣ, или ѿчаго гласа, съ Ѡтцемь единъ сын? но да всѧко лице троическаго божества своиства покажеть, ꙗко Ѡтець безначаленъ, Сыноу и Духꙋ виновенъ, Сынови же[2]) ѿ него рожденіе, и Духоу святомꙋ ѿтоудꙋ исхожденіе. Сице и свѧтіи ѡтци оузакониша, ꙗкоже послѣди оуслышиши.

Нѣціи же ѿ васъ се приводѧть, ꙗко и ѿ Сына Духа святаго исхожденіе: глаголють бо, ꙗко по въскрьсеніи ѿ мертвыхъ своимъ оученикомъ Христосъ рече: ꙗкоже посла мѧ Ѡтець, и азь посылаю вы; и се рекь, доунꙋ и глагола имъ: пріимѣте Духъ святыи[3]). «Се,—глаголете,—и ѿ Сына Духъ святыи». Да аще тако, пріаша ли Духь святыи || тогда и апостоли? л. 13 об.
да что ради по глаголѣ ѡномъ, внегда въсхождаше къ Ѡтцю, завѣщаше оученикомъ своимъ, ꙗкоже еνаггелистъ Лоука написа: вы же, рече, свѣдѣтели есте семꙋ, и се азъ послю ѡбѣтованіе Ѡтца моего на вы; и тꙋ Духу виновна Ѡтца глаголеть: вы же, рече, сѧдете въ градѣ Іерусалимьсте, доньдеже ѡблечетеся силою свыше[4]). Да аще тогда дасть, дрꙋгаго ли хотѧше послати и повелѣваше имъ ждати, еже и бысть громогласно и силнодѣиствено въ день 50-тныи? да почто тогда не глаголахꙋ апостоли странными ꙗзыкы? егда не

1) Мѳ. III, 16—17.
2) Здѣсь прерывается Посланіе въ Солов. рукописи.
3) Іоан. XX, 20—21.
4) Лук. XXIV, 48—49.

толико ѡндѣ силенъ бѣ, како здѣ?—да не бѫдеть. Ꙗко да разумѣють, ꙗко хоташе того дати и имать того ѿ Отца. Ѳе же
л. 14 есть ѡбѣщаніе || пріатіа, ꙗкоже и въ Дѣаниѡхъ апостольскыхъ речеса: вы, рече, пріимѣте силꙋ, нашедшꙋ святомоу Дꙋхꙋ на вы[1]). Да въспріаша ли тогда?—ꙗве, ꙗко ни; но и тамо ѡбѣщанію оутвержденіе, и ѡ семъ прьвіе глаголаше: аще азъ не идꙋ, оутѣшитель не пріидеть къ вамъ[2]), ꙗкоже выше рекохъ.

Ѳіа оубо ѿ святаго еѵаггеліа неложныхъ Христовыхъ глаголъ предложихъ ти, архиепископе, ꙗко ѿ Отца начало Сыноу и исхожденіе святомꙋ Дꙋхꙋ, не баснемъ бо послѣдствꙋюще или самомудріемъ изложивше, сицѣ вѣржемъ и исповѣдоуемъ, но самого Христа оученію. Къ семꙋ же нѣчто да възыщемъ и въ апостольскыхъ словесехъ и оученіихъ, аще съгласоують Христовымъ словесемъ ѿ Отца святомꙋ Дꙋхꙋ исхожденіе.

л. 14 об. Богогласныи оубо Лꙋка || въ Дѣаніихъ пишеть: повелѣваше имъ, рече, ѿ Іерусалима не ѿлꙋчатися, но ждати ѡбѣтованіа Ѡтча[3]). Что же ѡбѣтованіе?—извѣстно, ꙗко Дꙋхъ святыи. Ѿкꙋдѫ же ждати? — ѿ Отца извести; тоу начало ѿ Отца семоу преда.—Тамо же пакы въ Дѣаніихъ апостольскыхъ речеса, ꙗко връховныи въ апостолехъ Петръ, оуча, глаголаше: сего Іисуса въскреси Богъ, емоуже вси есмы свѣдѣтели, десницею бо Божіею възнесеса, ѡбѣтованіе же святаго Дꙋха, пріемъ ѿ Отца, излıа[4]). Видите ли, како Петръ апостолъ оучить насъ: ѿ Отца святыи Дꙋхъ Сыномъ намъ подаваеться, ꙗкоже мы исповѣдоуемъ, еще же и Сыновьна въскресеніа силꙋ Ѡтцю приложивъ,—то почто с нами
л. 15 не мудръствѫете тако?—Пакы тъижде, иже камень вѣрѣ, || Петръ глаголеть: вы, рече, вѣсте глаголъ, бывшіи по всеи Іоудеи,

1) Дѣян. I, 8.
2) Іоан. XXVI, 7.
3) Дѣян. I, 4.
4) Дѣян. II, 32—33.

начень ѿ Галилеи, по крещеніи, еже проповѣда Іѡань, Іисуса, иже ѿ Назарета, ꙗко помаза его Богъ Духомъ святымъ и силою[1]); зри начало, ꙗко Сыноу и Духоу Ѡтца виновна полагаеть, ѿ него бо. — Іѡаннъ же Богословъ въ пръвомъ посланіи пише: ѡ семъ ꙗвися любы Божїѧ въ насъ, ꙗко Сына своего единороднаго посла въ миръ; по мале же: ѡ семъ разоумѣемъ, ꙗко въ немъ пребываемъ и тъи въ насъ, ꙗко ѿ Духа своего дасть намъ[2]). Здѣ известно разумѣеться, ꙗко Ѡтець посылаеть Сыноу и датель святомꙋ Духу: аще бо единыи божествомъ, по источникъ и корень божествѫ Ѡтець.

Паоулъ же, иже вселеннѣи оучитель, избранныи съсоудъ Божіи, въ пръвомъ || посланіи къ Кориньѳомъ пише, ꙗко никтоже Духомъ Божїимъ глаголеть анаѳема Іисуса, и никтоже можеть рещи Господа Іисуса, точию Духомъ святымъ[3]); и здѣ ѡ семъ изъꙗвительно.—Тъижде пакы, иже въ благовѣстіи паче инѣхъ троудивыися, Паоулъ молѧшеся Богѫ Ѡтцю, да въспріимемъ Духъ его и вселитися въ насъ Христоу, къ Ефесеѡмъ пише, глаголѧ: сего ради прекланѧю колѣни мои къ Ѡтцю Господа нашего Іисуса Христа, изъ негоже всѧко ѡтечьство на небесѣхъ и на земли именоуеться, да дасть вамъ, по богатствꙋ славы своеѧ, силою оутврьдитисѧ Духомъ его въ нꙋтрьнемъ человѣце, въселитися Христоу вѣрою въ сердца ваша[4]); оуказателно ꙗве начало и датель сыновьствоу же и Духови Ѡтець. Ꙗкоже Іаковъ апостолъ въ своемъ посланіи глаголеть: всѧко данїе, рече, благо, и всѧкъ || даръ съвръшенъ, съвыше есть сходѧ ѿ Отца свѣтомъ, ѿ негоже нѣсть измѣненїѧ или пороженїю измѣненїе, въсхотѣвъ бо породи насъ словомъ

л. 15 об.

л. 16

1) Дѣян. X, 37—38.
2) 1 Іоан. IV, 10, 13.
3) 1 Кор. XII, 3.
4) Ефес. III, 14—16.

истинны [1]). Се не ѡ тлѣннемъ даре рečeсѧ или даанїи, но ѡ благодати святаго Духа и ѡ сыноположенїи нашемъ въ Христѣ, Сыне его. И тоу слышиши, ꙗко ѿ Отца сего извѣстоуеть; то како противитеся Христовымъ и апостольскымъ прѣданїемъ, всегда оуши ваши симъ ѡгласоующимъ? Да не мниться вамъ ѡ семъ, ꙗко не исповѣдоуемъ Духъ святыи и Ѡтцевъ и Сыновенъ: да не боудеть, Духъ бо святыи и Ѡтцевъ и Сыновъ, единъ Духъ святыи. Пишеть бо Паоулъ апостолъ к Римленомъ: аще кто Духа Христова не имаѣть, сеи нѣсть его [2]); помале тамъ же рече: не прїѧсте бо, рече, духъ работы, по прїа-
л. 16 об. сте духъ въсыновленїѧ [3]). || Зри, ѡткоудꙋ и кто посла Сыномъ Духъ свои и сыновенъ: кто бо посла Сына, сеи, ꙗве, и Духа. Тъи же бо апостолъ Павелъ къ Галатомъ пише: егда, рече, прїиде кончина лѣтоу, посла Богъ Сына своего и прочаѧ, да въсыновленїе, рече, прїимѣте, да ꙗкоже сынове есте, посла Богъ духъ Сына своего въ сердца ваша [4]). Видите ли: ѿ кого посласѧ Сынъ, ѿ того и Духъ, всѧ бо, елико имать Сынъ, ѿ Отца имать. Кимь же сподобихомсѧ прїѧти Духа святаго, точїю Сыномъ Божїимъ, въспрїемьшемъ естество наше? ходатаи бо бысть спасенїю нашемꙋ Сынъ къ Ѡтцю, тѣмже и духъ въсыновленїѧ ѿ Отца имъ въспрїахомъ: не тоуждь бо Духа святаго Сынъ, и Сына Духъ, и Ѡтець Сына же и Духа, начало же ѡбѣма Ѡтець.

л. 17 Видиши ли, ꙗко тожде, съгласующе || Христовымъ глаголѡмъ, святїи апостоли ѡ святомъ Дусѣ насъ исповѣдати наоучиша, ихже словеса прѣдложихъ ти, архиепископе, да не речеши, ꙗко ѡ себѣ сїѧ глаголати ѡбыкохомъ, вѣсть бо, ꙗкоже пишеть, зависть и ненависть многꙋ пльзоу, ꙗже къ спасенїю, погꙋблѧти.

---

1) Іак. I, 17—18.
2) Рим. VIII, 9.
3) Рим. VIII, 15.
4) Гал. IV, 4—6.

Ѿ святыхъ богоносныхъ ѡтець преданїа и богословїа ихъ ѡ святеи живоначалнеи и неразделимеи Троици, паче же ѡ исхожденїи святаго Духа ѿ Отца, а не и ѿ Сына, ꙗкоже Римлане исповѣдоують. Диѡнисїе оубо Ареѡпагитъ, оученикъ сыи святыхъ апостолъ и божественыхъ таинъ великыи сказатель, иже и кровъ свою за Христа пролїати сподобися, пишеть въ своеи книзѣ, въ 8 слове ѡ раздѣленомъ и съвокꙋпленомъ божестве[1]), глаголѧ: «есть оубо источникъ божества || Ѡтець, л. 17 об.
Сынъ же и Духъ богороднаго божества, аще тако подобаеть рещи, ѿрасли богосадны»; «ѿ священныхъ словесъ, рече, прїахомъ», рекше, ѿ святыхъ апостолъ, тѣхъ бо и оученикъ бывъ; разумѣи начало Сыноу же и Духꙋ.—И пакы тои же Диѡнисїе въ третеи главизне еже «О таиномъ богословїи» пише: «въ богословнѣишихъ, рече, изъѡбраженiѡхъ и святѣишаѧ ѡглаголаннаѧ богословїа въспѣхомъ, како божественное и благое естество единично глаголеться, како же троично; и что есть ѡ немъ глаголемое ѡтечьство и сыновьство, что же хощеть ꙗвлати иже Духа богословїе; како ѿ невещественнаго и неисчетеннаго блага сердечныѧ благостынѧ израстоша свѣтове и, еже въ немъ и въ нихъ и въ другъ дрꙋзѣ присносоу||
щнаго пребыванїа възращенїемъ, пребыша неисходни»[2]).—Тъи л. 18
же пакы Диѡнисїе ѿ второе главизны «Ѡ соединеномъ и разделеномъ богословїи» глаголеть, сице рече съединенїе на божественои Троици и сице ѡсобно несмѣсно съставы: «ꙗкоже свѣтове свѣтилъ, сꙋще въ единомъ домꙋ, аще и ѡсобно имоуть раздѣленїе свѣтомъ, некако съединаються къ единомꙋ свѣтꙋ, въсихъ же свѣтове единꙋ лоучю неразсоуднꙋ въсїаваютъ, и никтоже, мню, можеть ѡного сїанїа раздѣлити и видѣти всако ѡсобь, но аще единꙋ свѣщꙋ изнесеть ѿ домоу, вьсь еѧ свѣтъ еи

---

1) Ср. творенія Діонисія Ареопагита въ переводѣ южно-слав. инока Исаіи въ Великихъ Минеяхъ Четіихъ митр. Макарія, изд. Археогр. Ком., октябрь 1—3, столб. 421, кн. «О божественныхъ именахъ», гл. 2 — «О съединенномъ и разделенномъ Богословіи».

2) Ср. тамъ же, столб. 725—726.

послѣдѹеть, а ѿ дрѹгаго ничтоже собѣ притрьзаеть или свои
л. 18 об. дрѫгомѹ ѡставлѧеть, бѧше бо всѣхъ конечно съединенїе || несмѣсно и ни едино честїю съливаемо». Се же и ѡ невещественаго огнѧ свѣтѹ: «а идеже, рече, прѣсоущественно съединенїе превыше оутврьдисѧ, не иже токмо въ телеси съединенїемъ, но иже въ душахъ и оумовѣхъ, рекше воли божественнаго хотѣнїѧ, есть же, рече, и раздѣленіе въ присносѹщественныхъ богословїѧхъ: ꙗко по самомъ томъ съединенїи несмѣстне и неслитне оутврьдисѧ коиждо ѿ единоначалныхъ съставъ, но, ꙗко пресѹщественнаго богорожденїѧ, не противѹ ѡбращаються дрѹгъ ко дрѹгѹ; единыи же источникь пресѹщественнаго божества Ѡтець, не Сыноу соущѹ Ѡтцю, ниже Ѡтцю Сынѹ, хранѧщимь же своѧ благочестно коемоуждо ѿ богоначалныхъ съставъ»[1]). ||
л. 19 Види ѡбоимъ единого источника Отца и неслитїе съставомъ.—Въ томъ же слове пакы: «ѡ богородномъ, рече, божествѣ и сыновнемъ на мнозѣ богословиться»; «Духъ же, рече, истинныи, сѹщи, иже ѿ Отца исходить, и тъи есть богоначалныи животъ»[2]);—сїѧ что мниться вамъ?

Церковьныи же вселеньскыи оучитель, Великыи Василїе, къ Григорїю, братоу своемоу, ѡ святеи Троици, ѡ различїи сѫщьства и състава пише: «на святеи Троици, рече, иже ѿ Отца разумѣвъ, и Сына смысломъ воспрїѧть; Сына въспрїемъ, и Духа съвосподаеть, послѣдователне же по чинѹ, съвокѹпленне же по естествѹ, триехъ въ себѣ раствореноу вѣрѹ въѡбрази; а иже Духа токмо рекыи, симъ исповѣданїемъ въспрїатъ и сего, егоже
л. 19 об. есть Духъ, || —Христовь бо,—и сего, ѿ негоже,—ѿ Бога бо»[3]). Да аще тако, то почто насъ оукарѧете? И пакы тамъ же: «неизреченно бо, рече, и недовѣдомо съединенїе и раздѣленїе»[4]); «преславно бо, рече, на нихъ разлѹченїе съединено, и раздѣленїе

1) Ср. тамъ же, столб. 412—416.
2) Ср. тамъ же, стлб. 407.
3) Ср. *Творенія свв. отцевъ въ русскомъ переводѣ, издаваемыя при Москов. Дух. Акад.*, т. X, стр. 98.
4) Ср. тамъ же.

съпражено»[1]).—Пакы тои же Великыи Василїе къ Амфилохїю епископꙋ Иконїискомꙋ въ единои ѿ тридесѧти главизнъ, въ 17 главѣ, пише: «единъ, рече, Богъ Ѡтець, и единъ единородныи Сынъ, и единъ святыи Духъ, кождо ѿ съставъ единъственне възвѣщаемъ»[2]). По мале тамъ же: «Богоу ѿ Бога покланѧющеся, и ѡсобное съставомъ исповѣдоуемъ и пребываемъ на единоначалїи»[3]);—зри едино начало.—И пакы тамъ же: «единъ, рече, Духъ святыи, и тъи едине||ственне възвѣщаемъ, единемъ Сыномъ Ѡтцю съвокꙋплѧемъ»[4]); «Отцю же, рече, и Сыноу потоликꙋ съединсѧ, поеликоу имать единица къ единици присвоенїе»[5]), рекше, божествомъ. «И не ѿсѧдоу токмо, рече, еже по естествꙋ приѡбщенїѧ оуказанїе: ѿ Бога происшедъ, рече, не рожденне, ꙗко Сынъ, но ꙗко Духъ оустъ его»[6]);—зри собьство раздѣлено и не слитно, аще и божествомъ едино. л. 20

Григорїе же громогласныи Богословъ, ѡ святеи Троици богословꙋѧ, въ прьвомъ словѣ ѡ раздѣленномъ и съвокоупленномъ богословїи еже ѡ Сынѧ пише: «единица, рече, изначала въ двоицю подвигшисѧ, даждь до Троици ста, и се есть намъ Ѡтець и Сынъ и святыи Духъ; ѡвъ оубо родитель, глаголю, безстрастне, безлѣтне и безътелесне, ѿ негоже се оубо || рожденїе, се же происхожденїе». «И сице, рече, нерожденное въводимъ, и рожденное, и еже ѿ Отца исходѧщее, ꙗко самъ рече нѣгде Богъ Слово, рекше въ еvаггелїи ѡбращеши въ Iѡанне»[7]). Къ семоу что речемо?—Пакы тъи же Григорїе въ слове ѡ оустроенїи епископъ глаголеть: «покланѧемсѧ, рече, Ѡтцю и Сынꙋ и святомоу Духꙋ, собьство разлꙋчающе, божество же съединѧюще; и ниже л. 20 об.

1) Ср. тамъ же, стр. 99.

2) Ср. тамъ же, т. VII, стр. 299—300, гл. 18—«О томъ, какъ въ исповѣданіи трехъ ипостасей соблюдаемъ благочестивый догматъ единоначалія».

3) Тамъ же, стр. 300.

4) Тамъ же, стр. 301.

5) Тамъ же.

6) Тамъ же.

7) Ср. тамъ же, т. III, стр. 53—54, «Слово о богословіи третье, о Богѣ Сынѣ первое».

въ едино, рече, троѧ съмазоуемъ, ꙗко да не Савелиевымъ недꙋгомъ неджгоуемъ, ниже раздѣлаемъ въ троѧ иноплеменна и тоужда, да не Ариевымъ възбѣснемсѧ»; «да бѣгаютъ бо, рече, насъ сїѧ, ꙗже въ дроугъ дрꙋга прелагаема и преходаща, ниже въ три странна и неподобна соущества». Таже пакы рече: «зельма
л. 21 же подобаеть || единого Бога блюсти, и три съставы исповѣдовати, сирѣчь три лица, и кыждо събьствомъ»[1]). Сего ради блюдите, вънове сїѧ ѡбрѣтше, ѿ единаго въ држгаго преходащи, или двѣ собьстве съливающе, третемꙋ начало и винꙋ предлагающе, Ѡтець бо начало и вина Сыноу и Духꙋ по божественомꙋ писанїю. Сїѧ же претворѧаи, аще мало къ семꙋ приложить что, близꙋ Савелїѧ ѡбращетсѧ, малъ бо квасъ, рече апостолъ, все оумѣшенїе квасить[2]).—Тогожде Григорїѧ Богослова въ слове еже къ Ыровꙋ философꙋ: «подобаеть, рече, намъ единого вѣдети Бога, нерожденна Ѡтца, единородна же Господа Сына»; «единъ же, рече, Духъ святыи, происходащь ѿ Отца, или произшедшии»[3]); како сїѧ мниться вамъ?—Тамъ же пакы рече: «ниже подъ
л. 21 об. началомъ || творити Ѡтца, да не прьвїе его что въведемъ, ниже безначална Сына и Духа святаго, ꙗко да не Ѡтцю своиство ѿимемъ; Сынъ бо и Духъ не безначални виновьнѡмꙋ, ѿ Бога бо Ѡтца, ꙗко ѿ солнца свѣтъ и ѡсїанїе; аще ли же, рече, лѣтомъ,—безначални, съприсносꙋщни бо Ѡтцю»[4]). По мале же рече тамъ же: «ѡбще и равно Отцю, Сынови же и святомꙋ Духꙋ божество, Сынови же и святомꙋ Духꙋ—еже ѿ Отца; своиствно же Ѡтцю нерожденїе, Сыноу же рожденїе, Духоу же исхожденїе»; «преславно бо, рече, имоуть раздѣленїе и съединенїе»[5]).—Тои же пакы иже выше предложеныи Григорїе въ словѣ «Ѡ плаванїи Егvпетьскыхъ епископь» глаголеть: «Богъ въ трехъ

1) Ср. тамъ же, т. II, стр. 167—168, «Слово о поставленіи епископовъ и о догматѣ св. Троицы».

2) 1 Кор. V, 6.

3) Ср. *Творенія свв. Отцевъ въ русск. переводѣ*, т. II, стр. 286.

4) Тамъ же.

5) Тамъ же, стр. 288.

великыхъ стоить: виновномъ и съдѣтелномъ и съвръшенотворномъ, Ѡтци, глаголю, и Сынѣ, и святемъ Дусѣ, ꙗже ниже || естествомъ сѫщися, ниже сице стѣснишася, ꙗже въ едино лице съшписоватися: прьвое оубо Аріаньскаго бѣсованіꙗ, ѡво же Савеліанскаго безбожіꙗ»[1]); «всꙗ бо, рече, елика имать Ѡтець, Сынова соуть, разве нерожденіꙗ, всꙗ же, елика Сынова, и Духова соуть, разве сыновьства»[2]). Вы же како ѿ Отца и Сына Духъ святыи исходити глаголете? аще ли же ѿ Отца и Сына, въ едино лице и съставъ съліавше, ѿ нихъ Духа святаго съходити речете, се близꙋ Савеліꙗ, ѡнъ бо Ѡтца съ Сыномъ въ едино лице съливаше; аще ли же раздѣлена лици, двѣ начале въносите, се же богопротивно.—Слыши еще тогожде Григоріꙗ Богословца ѿ «Завѣщателнаго слова на Крещеніе»: «се, рече, даваю всꙗкомѫ въ жизни причастника и застѫпника, еже разумѣти едино божество и силоу, || въ трехъ ѡбрѣтаемо единьствене и троꙗ въспріемлюще разделителне, ниже равно сѫществы или естествы, ниже възрастающе или оумалꙗемо превосхожденми и исхожденми». Пакы тамъ же: «Бога, рече, когождо ѡсобѣ видима, ꙗко Ѡтца и Сына, ꙗко Сына и святаго Духа, съхранꙗемоу коегождо своиствѫ»[3]); кто сице дръзостенъ сіе преложити?—Тъи же пакы Григоріе въ слове еже «Къ Аріаномъ и к собѣ»: «сами, рече, покланꙗемсꙗ Ѡтцю и Сыноу и святомѫ Духꙋ, Бога Ѡтца, Бога Сына, Бога святаго Духа, едино естество въ трехъ своиствехъ, мысленныхъ и съвръшенныхъ, ѡ себѣ бывшихъ, числомъ дѣлимыхъ, и не раздѣлꙗемыхъ божествомъ»[4]).—Пакы тои же Григоріе въ слове «О пришествіи 150 епископь» пишеть, что безначално, || и начало, и исходно: «имꙗ, рече, безначалномоу Ѡтець, началоу же Сынъ, а емꙋже и з началомъ—Духъ свя-

л. 22

л. 22 об.

л. 23

1) Ср. тамъ же, т. III, стр. 189, «Слово къ пришедшимъ изъ Египта».

2) Тамъ же, стр. 190.

3) Ср. Будиловичъ. XIII словъ Григорія Богосл. въ древне-слав. перев. по рукоп. Имп. Пуб. Библ. XI в. Спб. 1875, стр. 105, стлб. 1.—*Творенія свв. Отцевъ въ русск. переводѣ*, III, стр. 315—316.

4) Ср. *Творенія свв. Отцевъ въ русск. переводѣ*, III, стр. 180.

тыи; естество же триемъ едино, съединеніе же Ѡтець, ѿ негоже и к немоуже възводитсѧ, не ꙗко смазоватисѧ, но ꙗко съдръжатися»[1]). Се ꙗвленно оуказаніе, ꙗко Сынꙋ и Духꙋ едино начало Ѡтець, и къ немоу соуть и ѿ него.—Зде еще слыши тогожде, иже въ Анзианѣ безмолствовавшаго, Григоріѧ, что глаголеть въ своемъ словѣ «На святое просвѣщеніе»: «Ѡтець, рече, безначаленъ, не бо ѿ кого; Сынъ и не безначаленъ, ѿ Отца бо, аще ли же ѿ лѣта приемлеши начало,—и безначаленъ, творець бо лѣтомъ, а не подъ лѣтомъ; Духъ святыи поистинне духъ, происходе оубо ѿ Отца, не сыновне же, ни бо рож-
л. 23 об. денне, но происходне; ниже бо Ѡтцю || ѿстоуплшꙋ нерожденіѧ—како бо?—ниже Духоу или въ Ѡтца препадающꙋ или въ Сына, ибо своиство пребываеть неподвижно: никакоже бо, рече, своиство пребываеть подвижно или прелагаемо»[2]). Да сіѧ слышаще, како не срамлѧються глаголющіи Духа святаго ѿ Отца въ Сына и ѿ Сына въ Ѡтца преходѧща и симъ любовъ съвръшающа, да коѧ вражда въ Божествѣ, ꙗкоже самъ рече: Богъ любы есть?[3]) Ѡле новыѧ мудрости!

Да слыши и еще ѡ семъ церкви великаго свѣтилника Іѡанна Дамаскына въ 8-и главѣ ѡ богословіи, еже въ началѣ «вѣроуемъ сего ради въ единого Бога» и прочаѧ, таже посемъ рече и оучить насъ, чимъ съвокоуплени святіи три съставы и чимъ разньствоують: «Сынъ, рече, Божіи единородныи, ѿ Отца ||
л. 24 родивсѧ нераздѣлне и неразлоученне, и въ немъ пребываѧи присно, имать ѡсобенъ съставъ ѿ Отца. Слово и осїѧніе глаголеться, за еже кромѣ съчетаніѧ безстрастне и безлѣтне, и нетлѣнне и неразлоучне родисѧ. Сынъ же и начрътаніе ѿчаго състава, за съвръшенное и съставное, и по всемоу подобенъ Ѡтцю, разве нерожденіѧ. Единороденъ же, ꙗко единъ ѿ единого Ѡтца и единъ родисѧ; ниже бо подобиться дрꙋгое рожденіе Сына Божіѧ

1) Тамъ же, т. IV, стр. 38.
2) Тамъ же, т. III, стр. 262.—Будиловичъ, о. с., стр. 8, стлб. 3.
3) 1 Іоан. IV, 16.

рожденїю, ниже бо есть инъ Сынъ Божїи. Аще бо, рече, и Духъ святыи ѿ Отца исходить, но не рожденне, но исходителне, инъ ѡбразъ бытїа сыи, непостижимъ же и недовѣдомъ, ꙗкоже Сына рожденїе»[1]).—По мале тамъ же рече: «по прьвомъ, рече, назнаменанїи, рекше божественомъ, приѡбща||ютсѧ трїе святаго божества пребожественїи състави, единосоущни бо и несъзданни соуть; по второмъ же знаменанїи, рекше собьствохъ или съставохъ, никакоже: единъ бо Отець не рожденъ, не бо ѿ иного състава есть емоу еже быти; и единъ Сынъ рожденъ, ѿ Отчаго сѫщества безначалне и нетлѣнне и безлѣтне родисѧ; и единъ Духъ святыи исходенъ ѿ сѹщества Ѡтча, не раждаемъ, но исходѧщь, сице бо божественомѹ оучащѫ писанїю, ѡбразу же рожденїа и исхожденїа непостижимѹ соущѹ»[2]).—По мале же пакы л. 24 об.

1) Для сравненія редакцій переводовъ Богословія, приводимъ это же мѣсто по переводу Іоанна Экзарха: «с҃нъ божии иночадъи отъ оц҃а сѧ родивъ неѿлучено. и не оступимъ и въ немь присно сы. имать свою оупостась развѣ оц҃а. слово оубо собьство. и оусиꙗнье г҃лєтьсѧ. имьже безъ съвокоупа и без вреда. и безъ истока и без лѣта. и безъ отълоученнꙑ родивъшасѧ отъ оц҃а. с҃нъ же и образъ отьчи оупостаси. имь же єсть съврьшенъıи въ оупостаси. всѣмъ подобьнъ оц҃ю сы. развѣ нерожьствомь единочадъı же имь же єдинъ ѿ єдиного оц҃а. юдинъ сѧ роди. нѣсть бо подобьно иного родьство ꙗкоже юсть с҃на б҃жиꙗ рожьство. не бо юсть инъ с҃нъ б҃жии. аще бо и с҃тыи д҃хъ ѿ оц҃а исходить нъ не рожьствомь нъ исходьствъмь. инъ ѡбразъ соущьствоу сь. не достижьнъ же ни довѣдьнъ. ꙗкоже и с҃новьне рожьство» (Чтенія М. О. И. и Др., 1877, IV, стр. 63—65).—Въ полномъ переводѣ Богословія по сербской рукописи собранія Яцимирскаго (библ. Акад. Наукъ, 13. 3. 1, кон. XV в., 4°, 124 лл.) это же мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: «Сынь же Божіи единородныи, отъ Отца рождьсе неразлоучно и неотступно, и въ немь прѣбывае присно, имать особьнь съставь отъ отца. Слово бо и озареніе глаголетсе, за еже без съвькоупленіа, бестрастнѣ и безлѣтнѣ и безь истѣканіа и неразлучнѣ родитися отъ Отца. Сынь же и начрьтаніе Отчьскаго състава, за съврьшеное и съставное и по въсемоу подобное Отцоу быти, развѣ нерожденіа. Единородныи же, яко единѣ отъ единого Отца единь родисе, ниже бо подобитьсе ино рожденіе Сына Божіа рожденію, ниже оубо есть дроугыи Сынь Божіи. Аще бо и Духь Святыи отъ Отца исходить, нъ не рождьствнѣ, нъ исходнѣ, инь образь бытію съи, непостижнь же и недовѣдомъ, ꙗкоже и Сыновнее рождьство» (лл. 12 об.—13).

2) Ср. въ рукоп. Яцимирскаго: «По прьвѣмъ оубо знаменоуемо приобщоуютсе дроугь дроугоу три святаго божества прѣбожественіи състави, единосоущни бо и несъзданни суть. По вторѣмъ же знаменоуемо никакоже, тъчію бо Отець нерождень, не бо отъ иного есть егова състава быти; и тъчію Сынь рождень, отъ Отча бо соущьства безначелнѣ и безлѣтнѣ родисе; и тъчію Духь Святыи исходнь отъ соущьства Отча, не раждаема, нъ исходещь. Сице оубо божествномоу оучещоу писанію, образоу же рождьствоу и исхожденію непостижимоу соущу» (л. 13 об.).—Ср. *Чтенія*, стр. 66—67.

рече: «подобне же вѣржемъ и въ единъ Духъ святыи, господственныи и животворащїи, иже ѿ Отца исходащїи и на Сыне
л. 25 почивающїи, Ѡтцю и Сыноу съпокланаемыи и съ||славимыи, ꙗко единосѫщныи же и съприсносѫщныи, иже Бога духъ и Христа духъ, источникь жизни и ѡсвященїа, Бога съ Ѡтцемь и Сыномь соуща и нарицаема» [1]), и прочаа. «По всемоу же, рече, подобенъ Ѡтцю и Сыноу; ѿ Отца, рече, происходащь и Сыномь преподаваемъ, и въспрїемлемъ ѿ всаческыа твари, и собою зиждa и ѡсѫщьствѫа всаческаа и съдръжаи; единосъставенъ, сирѣчь въ своемъ съставе сѫщїи, неразлоученъ и неисходенъ ѿ Отца и Сына», за еже въ дрѫгъ дрѫга привъмѣщенїа,— внимаите симъ ѡ прѣхожденїю ѿ единаго въ дрꙋгаго. «И все, рече, имѣа, елика Ѡтець и Сынъ имоуть, развѣ нерожденїа и рожденїа. Ѡтець оубо не повиненъ, не рожденъ, не бо ѿ кого, тъи же паче начало и вина; Сынъ же ѿ Отца, рож-
л. 25 об. денне; || Духъ святыи, и тъи оубо ѿ Отца, но не рожденне, но исходне; ꙗко оубо есть различїе рожденїа и исхожденїа,—навыкохомъ, которыи же ѡбразъ различїа,—никакоже; кѫпно же еже Сына ѿ Отца рожденїе, и святаго Духа исхожденїе, вса бо, елика имать Сынъ и Духъ, ѿ Отца имѫть, и самое то, еже быти. Ибо, аще не Ѡтець есть, ниже Сынъ есть, ниже Духъ; и ради Ѡтца есть Сынъ и Духъ, и Ѡтца ради имѣють Сынъ и Духъ вса, ꙗже имоуть, разве нерожденїа и рожденїа и исхожденїа; въ сихъ бо единехъ начрьтателныхъ собьствехъ раздньствꙋють дрѫгъ ѿ дрꙋга святїи три съставы» [2]). Сїа вѣдꙋще,

---

1) Въ рукоп. Яцимирскаго: «Подобнѣ же вѣроуемъ и въ единого Духа Святаго, Господа животвореща, иже отъ Отца исходеща и на Сынѣ почивающа, иже Отцоу и Сыноу съпокланяема и съпрославляема, яко единосоущна же и съприсносоущна Богу, Духа праваго, владычьстителна, источника животоу и святыни, Бога съ Отцемь и Сыномь соуща и нарицаема» (л. 14 об.).— Ср. *Чтенія*, стр. 71—72.

2) Въ рукоп. Яцимирскаго: «По въсемоу подобьнь Отцоу и Сыноу, отъ Отца исходеща и Сыномь даема, и пріемлема въсею тварію, и собою зиждоуща и соущьствоующа въсачьскаа, и святе и съдрьже; съставна, сирѣчь въ своемь съставѣ соуща, нераздѣлна и неотхо́дна Отца и Сына, и въса имыи, елика имать Отець и Сынь, развѣ нерожденіа и рожденіа. Ибо Отець неповиньнь и

како глаголете не право намъ исповѣдовати? — Пакы тои же божественыи Дамаскинъ въ своемъ Богословіи глаголеть въ 12 || главизне: «Богъ Ѡтець, рече, иже сыи присно, нерожденъ, л. 26
ꙗко не ѿ кого, родивъ же Сына съприсносѫщна; Богъ и Сынъ есть, иже сыи присно съ Ѡтцемъ, безлѣтне и присносоущне и нетлѣнне и безстрастне и неѡтстоупне ѿ него рожденъ; Богъ и Духъ святыи, сила ѡсвятителна, единосъставна, ѿ Отца исходащіа и на Сыне почивающіа, единосоущна Ѡтцю и Сынови» [1]), рекше божествомъ,—то како мы сіе дрьзнемъ прѣложити?—Тъи же пакы Іѡаннъ Дамаскынъ въ своемъ смотрителномъ слове пишеть: «аще, рече, Богъ Слово ѿ Отца, подобаеть Словꙋ имѣти и Духъ, спослѣдствꙋющь емоу и ꙗвлающь его дѣиство, ибо и наше слово не непричастно духа; при Бозѣ же слово не по нашемꙋ, но сѫщественне бывшее и тогожде ||
соущества и естества родителю; тако и Духъ святыи соуще- л. 26 об.
ственныи и тогожде соущества и естества Богꙋ и съвръшеніа, ѿ Отца происхода и в немъ сꙋщи, и Словоу Сыноу съпослѣдствꙋа» [2]),—что ѡ семъ мниться вамъ?—Тои же Дамаскинъ пакы

нерожденъ, не бо отъ кого, отъ себе бо бытие имать; ниже что, елика имать, отъ иного имать, самъ же паче есть начело и вина бытію и еже како быти естествьно въсѣмъ. Сынъ же отъ Отца рожденъ. Духъ же святыи и сь оубо отъ Отца, нъ не рожденъ, нъ исходьнъ; яко оубо есть разьнство рожденіа и исхожденіа, навыкохомъ, кои же образъ разьнства, никакоже. Въкоупь же и Сыноу отъ Отца рожденіе и святому Духу исхожденіе. Въса, елика оубо имать Сынъ и Духъ, отъ Отца имать, и самое же то бытіе. Аще Отца нѣсть, ниже Сынъ есть, ниже Духъ; и аще не Отець имать что, ниже Сынъ имать, ниже Духъ; и Отца ради, сирѣчь за еже быти Отцоу, есть Сынъ и Духъ, и Отца ради имать Сынъ и Духъ, яже имать, сирѣчь Отцемь имѣти сіа, кромѣ нерожденіа и рожденіа и исхожденіа, въ тѣхъ бо тъчію съставныхъ своиствѣхъ разьнствоують дроугъ отъ дроуга святіи три състави» (лл. 15 и об.).—Ср. *Чтенія*, стр. 72—75.

1) Въ рукоп. Яцимирскаго не 12-я, а 13-я глава — «О мѣстѣ Божіи и яко тъчію Божество неописано»: «Богъ и Отець, иже сыи присно, не рожденъ, яко не отъ кого рождьсе, рождь же Сына съприсносоущна. Богъ отъ Отца и Сынъ есть, иже сыи присно съ Отцемь, безлѣтно и присносоущнѣ, и неисточнѣ и бестрастнѣ, и нерастоупнѣ отъ него рожденъ. Богъ и Духъ Святыи есть, сила святителна, съставьнъ, отъ Отца нерастоупнѣ исходе и на Сынѣ почивае, единосоущьнъ Отцоу и Сыноу» (л. 24).—Въ переводѣ Іоанна Экзарха этой главы нѣтъ.

2) Въ Богословіи Дамаскина этихъ словъ нѣтъ.

оучить насъ, глаголѧ: «ꙗкоже ѿ солнца лоуча и свѣтъ, ниже солнца разлоучаеми, ниже дрꙋгъ дрꙋга раздѣлѧеми, снидоша даждь до насъ, тако, рече, Сынъ и Духъ святыи, неразлꙋчне ѿ Отца и дрѫгъ дрꙋга, до пасъ исходѧть, дѣиствѫющи спасеніе наше; и ꙗкоже солнечнеи зари съпослѣдствꙋющее ѡсіꙗніе, тако и Духъ святыи, Сынови спослѣдствꙋѧ, имъ подаваетсѧ достоинымъ»[1]). Разумѣите ꙗвьственно, ꙗко Сынъ и Духъ ѿ
л. 27 Отца, и ѡбѣма едино начало Ѡтець, ꙗкоже || зари и ѡсіанїю солнце.

Ѳлыши еще Ниськаго Григоріѧ, въ Огласителномъ слове, въ пръвои главѣ пишꙋща: «Божїе Слово, рече, слышавше, не несъставноую нѣкоую вещь помыслимъ, ниже ѿ наоученїѧ прибывшее, ниже гласомъ проꙗвлѧемо, ниже, вънегда произнестисѧ, раздроушаемо, ниже ино что страждюще таково, ꙗкоже наше слово; но сѫществене бывше, произволително же и дѣиственно, и всесилно. Сице и Духъ навыкше Божїи, съпослѣдствꙋющь Словѫ и ꙗвлѧющь его дѣиство, не дыханїе пары помышлѧемъ, или низлагающе къ смиренїю божественноую силоу, но силꙋ сꙋщественноую въ себѣ, въ ѡсобномъ съставѣ разумѣваемъ; ниже разлꙋчитися Бога, ѡ немьже есть, или Слова||
л. 27 об. Божїѧ, емоуже послѣдствѫеть, ниже въ небытность разливаемоу, но по подобїю Бога Слова по составꙋ соущю»[2]), и прочаѧ.— Тамъ же пакы: «не мощи бо, рече, словомъ изъꙗвлѧти неизъглаголанноую сїю таины глѫбиноу, како тожде сьчтено есть и избѣгаеть съчетанїѧ, и раздѣлно зриться и вкꙋпно съпостизаеться, и раздѣлѧеться съставомъ и не дѣлитсѧ естествомъ»; «ино бо, рече, что съставомъ Духъ, и ино Слово, и ино пакы

---

1) Этихъ словъ въ Богословіи также нѣтъ. Ср. конецъ 8-й главы по рукоп. Яцим.: «Якоже оубо отъ солнца прѣбывающи лоуча же и осіаніе, то бо есть источникъ лоучи же и осіанію, лоучею же осіаніе намь подаваетсе, и то есть просвѣщающее нась и причещаемо нами, Сына же ниже Духоу глаголемь, ниже оубо отъ Духа». (л. 18).

2) Ср. *Творенія свв. Отц. въ русск. перев.*, М. 1862 г. Творенія Григорія Нисск., ч. 4, стр. 10—11.

ѡно, егоже Слово и Духъ»[1]). Здѣ разумно ѡ съставехъ хотащемѹ разумѣти, ꙗко начало и вина Сынѹ и Духоу Ѡтець.

Симь же вышереченымъ послѣдствѹюще, святїи богоноснїи ѡтци, папы и патрїарси, възаконниша на всеи вселеннеи иже въ Христа православнымъ церквамъ ѡ святеи живо||началнеи и неразделимеи Троици крѣпко дръжати, еже есть оузаконено въ изъѡбраженїи вѣры, иже есть святыи символъ Никеискаго събора, егоже покрѣплꙗюще и оутвръждающе иже по немъ святїи вселенстїи събори и иже на нихъ бывшїи пръвосѣдатели, святїи знаменоноснїи ѡтци, ни въ чемъ коснѹтися възбраниша и проклетїемъ запретиша, ꙗкоже выше рекохомъ. Мню бо, и ѡ семъ не не вѣсте, ꙗко нѣкогда въ Константине граде нѣцыи къ Тресвятомѹ приложити покѹсишася: «святыи Боже, святыи крѣпкыи, святыи бесмертныи, распныиса насъ ради, помилоуи насъ»; что же тогда бысть и кое възмѹщенїе въ народѣ и страхъ на всѣхъ, дондеже свыше показаса, ꙗко не подобаеть ни в чемъ касатиса прежде оуставленомѹ || Тресвятомоу[2]). Вы же къ святомѫ символоу, еже есть печать христїаньствѫ, приложити дръзнѹсте, въ скѫтехъ сїа ѡбрѣтше, а не на вселенскыхъ солнечнозрачныхъ съборехъ, но единъ оудъ сѫщи ѿ паточювьственаго Божїа церкви тѣла, и симъ ѿ четвероѡбразнаго, вселенноую правьащаго крѫга святыхъ четырехъ патрїархъ изъвнѣ ѡбрѣтаетеся[3]).

л. 28

л. 28 об.

Глаголете бо, ꙗко мы ѿ васъ ѡтщепихомса.—Да сїе и младооумнымъ възможно разумѣти: аще пать вещеи въ единомъ съставе съединени крѣпко, нераздѣлне, единъ ѿ четырехъ ѡ себѣ ѿтръгса, кыи ѿщепень нарицаеться: единъ или ѡные че-

---

1) Ср. тамъ же, стр. 11.

2) Ср. главу 55 Богословія І. Дамаскина.

3) Далѣе изъ Посланія заимствовано, съ нѣкоторыми измѣненіями и добавленіями, въ «Слово нѣкогда давно на Римлянъ у старыхъ кройникахъ писано о ихъ отщепенствѣ», находящееся въ Супрасльскомъ полемическомъ сборникѣ 1580 г. (А. Н. Поповъ. Обличительныя списанія противъ жидовъ и латинянъ, стр. 32—36, въ *Чтеніяхъ М. О. И. и Др.*, 1879, I).

тыри, крѣпко съдръжащеися? И человѣкъ бо, имыи пять чювствъ,
л. 29 едино погꙋбивъ, не толико небрѣгомъ || бываеть; четырехъ же лишенъ, съ единемъ всяко до конца моужества лишися. Такожде и пръстъ единъ ѿ роукы погꙋбивь, аще и болшіи, можеть ѡроужіе взяти и пищю къ оустомъ строити; погоубивъ же четыри, аще и болшии единъ ѡстанеть, ни къ чемоу же потребенъ бываеть, единъ бо оудъ кромѣ тѣла ѡ себѣ състоятися не можеть. Ибо и Христосъ рече: аще единъ оудъ твои съблажняеть тя, ѿсѣци его[1]); пакы же глаголеть: идеже бꙋдꙋть два или три собрани во имя мое, тоу есмь азъ посреди ихъ; яко аще два ѿ васъ съвѣщаета на земли ѡ всякои вещи, еяже колиждо просите, бꙋдеть имъ ѿ Отца моего, иже есть на небесѣхъ[2]). Къ семоу сами разумѣите, яко не мы ѿ папы ѿлоучихомся, но ѡнъ единъ ѿ
л. 29 об. насъ. || На многе бо святіи вселенскыя патріарси моленіемъ и писаніемъ папоу въспоминахоу, да, пръвомꙋ преданію послѣдствоующи, с ними единомудръствꙋеть, но иже искони злоначалная гордость сіе сходатаи, оуты бо, рече пророкъ, и ѡдебелѣ Ізраиль[3]) и прочая.

Глаголете же, яко глава папа, и мати церквамъ Римская церковъ.—Истинна: егда единомудрено съ патріархы съглашашеся, тако почиташеся; егда же самомудріемъ ѿторжеся ѿ патріархъ, небрѣгома бысть, ибо многіи въ патріархохъ, ереси приѡбщившіися и расколници церковніи бывше, съ прѣстолъ низвержени быша, нѣціи же и вѣчномоу проклятію ѿ общаго православныхъ събора вмѣнишася. Христосъ бо

1) Ср. Мѳ. V, 29—30; XVIII, 8—9. Мрк. IX, 43—47.

2) Мѳ. XVIII, 19—20.

3) Второзак. XXXII, 15. — Далѣе въ Супр. сборникѣ прибавлено: «Также и папежъ оброслъ богачествомъ, довольствомъ всякимъ, к моленію и писанію четырехъ святыхъ вселенскыхъ патриархъ прищепитися не восхотѣлъ и отторгъся отъ нихъ. Тѣмъ же не притеся безъ оума, не противитеся, но послѣдуйте четыремъ патриярхомъ, яко четыре боле единаго могутъ, но послушаемъ и покоримся другъ другу, и мы тобѣ, а ты намъ, и будемъ братолюбцы, а не самолюбцы».

оучить насъ, глаголя: не нарицаитеся || оучители, единъ л. 30
бо есть оучитель вашь Христосъ, вы же вси братїа есте,
и отца не зовѣте собѣ на земли, единъ бо ѡтецъ вашь,
иже на небесѣхъ, и единъ наставникъ вашь Христосъ[1]),
и молитися оучить: Ѡтче нашь, иже на небесехъ[2]). Ѡ таковехъ же величающихса сице глаголеть: разширають, рече, хранилища своа и величають въскрылїа ризъ своихъ, и любать преждевъзлеганїя на вечерахъ и преждесѣданїа на съборищахъ, и цѣлованїа на тръжищахъ, и зватися ѿ человѣкъ: оучителю[3]). Єже нынѣ въ Римскыхъ предѣлехъ ѩве зритсѧ сїе, превознесенаа духовныхъ гордость, еѩже ради искони и деньница помрачиса. Єгда бо въ соединенїи бахꙋ патрїархы, папоу старѣишимъ дръжахꙋ, аще и ѡбще братїею звахꙋса, ибо || и Алеѯандрѣискыи папою нарицашеся, ѩко л. 30 об.
ѡ семъ въ царскыхъ посланиихъ ѡбращеши; невъзможно бо бѣ на съборехъ или на царскыхъ събраниѡхъ всимъ на единомъ мѣсте седѣти: трѣбоваше по чинꙋ оустроеного сѣданїа старѣишомоу быти[4]). И вънегда въ чемъ четыремъ или тремъ ѿ патрїархъ стезанїе баше, къ папе посылахꙋ; вънегда же въ Римскыхъ странахъ нѣкыи расколъ церкви приключашеся, папа къ четыремъ патрїархомъ ѡ исправленїи въсписоваше, ѩко ѡ Навате, презвитере Римскыа церкве, ѡбращеши. Видиши ли, колико потщанїе ѡбще ѡ вѣрѣ преѡсвященнаа патерица съединенїе имѣаше: на Арїа оубо ѿ Рима въ Никею, въ Анатолїискоу страноу, въсписавшимъ святымъ || патрїархомъ, знаменоносныи л. 31
папа не ѡбленися; на Македонїа же духоборца и на Савелїа и на инехъ еретикъ въ второмъ соборе волнаа шествїа собѣ святїи

1) Мѳ. XXIII, 8.

2) Мѳ. VI, 9.

3) Мѳ. XXIII, 5—7.

4) Далѣе въ Супр. сборн. прибавлено: «и поступовали месце вышшей седити папе, не про то, абы онъ старшимъ надъ ними былъ, але ижь изъ далекой западной страны не ленился до нихъ прїити въ соборъ, изъ земли особливаго панства, тѣмже шануючи его яко гостя, уступоваху предняго седалища, яко се рекло всѣмъ на одномъ мѣсцу вышшей седѣти невозможно».

папы простирахꙋ и не ленѧщеся идѧхꙋ, инде же намѣстникь своихъ нѣціи ѿ нихъ посылахꙋ и тако ѡбщимъ съвѣтомъ ѡ божественнеи и непорочнеи православнеи вѣрѣ попеченіе имѧхꙋ. И аще и ѿ патріархъ кто церковномоу преданію еретическыи косноуса, съ престолъ низвръгахоу и силою святаго Духа проклятію въдавахоу, и ни единъ ѿ нихъ безъ ѡбщаго съвѣта церковьномꙋ оутвръжденію косноутиса не смѣаше. Нынѣ же въ новѣ гордостію превознесеся папа единъ: ни единаго събора на

л. 81 об. сіе събравъ, ниже съ патріархи || съвѣтовавъ, православныѧ вѣры изъѡбраженію, крѣпко оутвръжденномоу святыми седми вселеньскыми съборы с папами, безъ страха коснꙋса; того ради изъвнѣ патерочювьственыѧ Божіѧ десници ѡбрѣтаеться, аще и старѣишіи былъ. Аще же пакы, по пръвомоу прѣданію и оутвръжденію святыхъ вселенскыхъ съборъ, едино съ святыми четырми патріархи ѡ святеи вѣрѣ единомудрьствовати начнеть, старѣишимъ по пръвомоу достопаматствꙋ быти сподобитсѧ.

Глаголете бо и се, ꙗко намѣстника врьховнаго въ апостолехъ Петра подобаеть послꙋшати, Петрꙋ бо апостолоу единомꙋ, глаголете, вдана ѿ Христа власть вѣзати и рѣшати.—Да знаите

л. 82 ѡ семъ, || ꙗко не толико Петрꙋ апостолѫ, но всѣмъ апостоломъ въдана ѿ Христа власть везати и рѣшати. Маттеи еѵаггелистъ въ 18 капитоулюмъ извѣстоуеть: аминь, рече, глаголю вамъ: елика аще свѧжете на земли, боудеть свѧзано и на небесехъ, и елико аще раздрешите на земли, боудеть раздрѣшено и на небесехъ[1]). І Иѡаннъ въ 20 такожде пишеть: дꙋнꙋ, рече, Іисусъ и рекь оученикомъ: пріимѣте Духъ святыи; имьже ѿпоустите грѣхы, ѿпустятсѧ имъ, и имьже дръжите, дръжатсѧ имъ[2]). Се извѣстно вѣдаите, ꙗко всѣмъ апостоломъ дана бысть власть и сила раздрешенію, и въспріѧтіе святаго Духа равно[3]). Петръ бо апостолъ Ананію и Самфироу, женоу его, татбѣ съгласившихсѧ, оумертви; Павелъ же, послѣди||

1) Мѳ. XVIII, 18.
2) Іоан. XX, 22—23.
3) Далѣе въ Супр. сборн. пропущено до словъ: «вси бо единомысльно»...

въ апостольство призванъ, тоюжде силою святаго Духа Еллима л. 32 об.
влъхва, съпротивлѧющаса, ѡслѣпленїю прѣдасть[1]), вси бо единомысльно по вселеннѣи Христовоу вѣроу проповѣдаша и въ едино съглашахоуса ѡ святеи живоначалнеи Троици нераздели-мей. — И ѡ семъ бо, соупротивлѧющеса, глаголете, ꙗко апостолоу Петрꙋ Христосъ рече: ты еси Петръ, на семъ камени съзиждѫ церковь мою, и дамъ ти ключа царства небеснаго, и егоже аще свѧжеши на земли, бѫдеть свѧзанъ и на небесѣхъ[2]). Ѡ семъ божественое писанїе извѣстоуеть, паче же блаженныи покаѧнїю проповѣдникъ Іѡаннъ Златаустыи; глаголеть бо, ꙗко «въпрошающꙋ Христоу оученикы своѧ, кого имѧть его быти, прѣдъ всѣми Петръ, предваривъ, исповѣда его Христа Сына Божіа, || тѣмже и блаженьствоу сподоблѧеться и л. 33
ключарь царства небеснаго оувѣриса. Всѧкъ бо, рече, твердыи въ вѣре Петръ нарицаетсѧ, церковь же Христова зиждеться на исповѣданїи иже въ Христа вѣры[3]), и Павелъ бо глаголеть: вы есте церкви Бога живаго[4]), къ Евреѡмъ же пише: Христосъ, рече, ꙗко сынъ въ домоу своемъ, егоже домъ мы есмы, аще дръзновеніе и похвалу и оупованїе извѣстно до конца оудръжимъ[5]). Ключа же не ѿ вещи оустроены царствіѧ небеснаго: предъ кими бо насилоующими подобаше заключатися царствꙋ небесномꙋ? — но проповѣдь святаго апостола Петра и иныхъ апостолъ ѿключаеть небеснаѧ врата вѣроующимъ въ Христа, заключаеть же прельщающимсѧ ѡ Христѣ и не вѣрꙋющимъ апостольскои проповѣди, ꙗкоже и ѿ Христа||
речесѧ: затворѧете царство небесное предъ человѣкы[6]), л. 33 об.
— ѡ оучителехъ рече се. Въпрошаю же тѧ: аще нѣкыи царь еди-

1) Дѣян. XIII, 6—11.

2) Мѳ. XVI, 18—19.

3) Ср. въ 54-й бесѣдѣ на ев. Мѳ. — Далѣе въ Супр. сборн. пропущено до словъ: «Ключа же не отъ вещи»...

4) 2 Кор. VI, 16.

5) Евр. III, 6.

6) Мѳ. XXIII, 13.

ного ѿ рабъ блаженьствꙋ сподобить и чести и пакы ѡбезчестить, въ коеи чести почитаеться?—ꙗвѣ, въ тои, въ неиже ѡбрѣтаеться. Слыши же по блаженьствꙋ иже въ връховныхъ апостола Петра, въскоре по семъ, егда ключа царства небеснаго ѡбѣщаніе пріатъ: Матѳеи пише: ѿтоле, рече, начатъ Іисусъ оученикомъ своимъ глаголати, ꙗко подобаеть емоу ити въ Іерусалимь и много пострадати, и оубіеноу быти, и прочаѧ. Петроу жь спротивлѧащꙋсѧ ѡ семъ, что по ѡномоу блаженьствꙋ и чести речесѧ?—иди, рече, за мѧ сатоно, ꙗко
л. 34 съблазнъ ми еси[1]). Да како хощемъ ѡ семъ дръжати: || пръвое ли Петрꙋ блаженьство или послѣднее оуничиженіе? Посемъ же и ѿвръжесѧ Христа, — что ѡ семъ мнит ти сѧ? Извѣстно бо, ꙗко исповѣданіа ради Сына Божіа чести неизреченномꙋ даръ ѿ Христа сподобися, прекословіа же ради толикымъ безчестіемъ именовасѧ, ꙗко сатанино имѧ на сѧ въспріати; аще же и ѿвръжесѧ, покаꙗніемъ въ пръвое достоинство ѿ Христа сподобленъ бысть и пастырь словесныхъ ѡвець врꙋченъ бысть, егоже и връховнаго апостоломъ почитаемъ. Того ради и мнѧщіися намѣстници его, аще пръвое благочестіе и оутвержденіе православнои иже въ Христа вѣры, еже самъ апостолъ Петръ и еже по немъ намѣстници его, православніи папы, оузаконишa, дръжати начнѫть, блаженьствꙋ ѿ всеѧ вселенныѧ и старе-
л. 34 об. шинствꙋ сподобѧться[2]); аще же прекословѧть || своимъ оумышленіемъ, тогожде, иже Петрꙋ апостолꙋ приключившагосѧ, да блюдꙋться.

Не тако бо Петръ апостолъ самомнивь бѧше, ꙗкоже нынѣ мнѧщіисѧ намѣстници его, но ѡбщимъ съвѣтомъ всѣхъ апостолъ старейшинство строѧше, ꙗко и Павлꙋ, послѣди въ апостольство призванꙋ, сего къ оуправленію въспоминающꙋ, и не сꙋпротивлѧшеся. Павелъ бо пишеть ѡ семъ въ Галатскомъ посланіи: егда, рече, пріиде Петръ въ Антиѡхію, въ лице

1) Мѳ. XVI, 13—23.

2) Далѣе въ Супр. сборн. пропущено до словъ: «Не тако бо Петръ»...

емȣ противȣ стахъ, ꙗко зазоренъ бѣ, и прочаѧ; егда же, рече, видѣхъ, ꙗко неправо ходѧть къ истиннѣ благовѣстованія, рекохъ Петрȣ предъ всѣми[1]), и прочаа. Что же тогда връховныи въ апостолехъ не рече: «что мѧ оучиши и кто еси ты? и гдѣ бѣ, егда ѿ оустъ Христовыхъ наоучихомсѧ и егда Духъ святыи въ пѧтдесѧтныи день пріахомъ? || ты же вчерашніи, и имамы тебе равна 70-мь; насъ бо постави Христосъ соудеи вселеннеи, азъ есмь Христовь намѣстникъ, мы сѧдемъ на 12 престолехъ, ты же кто еси?» но и въ своемъ посланіи второмъ, слыши, что глаголеть: Господа нашего, рече, длъготрьпѣніе, спасеніе непщоуите, ꙗкоже възлюбленныи нашь братъ Павелъ, по даннеи емоу премудрости, написа вамъ въ своихъ посланіихъ[2]). Не рече, ꙗкоже вы нынѣ глаголете: «кто соуть патріарси ваши, и гдѣ ихъ престолы? что ради ихъ слоушаете?»[3]). Не помните бо, ꙗко самъ Сынъ Человѣчь не имаше гдѣ главы приклонити[4]), и апостольскаѧ оуничиженіѧ и пороуганіѧ имате ли въ оумѣ? къ семоу же и словесъ Христовыхъ не внȣшите ли: горе вамъ, рече, насыщенымъ, блажени же алчоущіи; горе || смѣющимсѧ, блажени же плачющіи; горе вамъ, егда блажать васъ, блажени же, егда поносѧть вамъ[5]) и прочаѧ? Въ семъ бо вѣра Христова не стоить ли в насъ, аще и нищи соуть патріарси, и аще и въ послѣднеи нищете и пороуганіи, и гоними и оукарѧеми, Христовȣ же вѣрȣ крѣпко съдръжать? не въ силѣ бо, рече, царство небесное[6]). Аще бо тако бы было, ꙗко вы мните, и нечьстивіи Агарѧне нынѣ колико превозвысишася, ꙗкоже ни единъ ѿ языкъ, къ семоу же и мѣсто ѡно съдръжать, идеже

л. 35 (beside line "егда Духъ святыи … ты же")
л. 35 об. (beside line "щенымъ, блажени же алчоущіи; горе || смѣющимсѧ, бла-")

1) Гал. II, 11—14.
2) 2 Петр. III, 15—16.
3) Далѣе въ Супр. сборн. пропущено до словъ: «аще и нищи соуть»...
4) Мѳ. VIII, 20; Лук. IX, 58.
5) Лук. VI, 20—26.
6) Въ 1 Кор. IV, 20: «царство Божіе не въ словѣ, а въ силѣ». — Въ Супр. сборн. эти слова пропущены.

всемирное спасеніе сдѣласе, рекоу ли: благочестиви? — да не боудеть, грѣхъ бо ради нашихъ се бысть. Законъ же Господень и вѣра православнаѧ непорочна, и церковьное преданіе святыхъ
л. 86 апостолъ и вселенскыхъ съборъ на вселеннеи || ꙗко солнце сіаеть, и на мѣстехъ святыхъ жрътва Богꙋ всегда ѿ христіанъ приноситсе; аще и поганіи земнымъ царствомъ ѡбладають, но вѣрою христіанскою царь царствоующимъ Христосъ [1]).

Видите бо, како нарицающіися Христови намѣстници въ Римѣ сѫпротивь прѣданію Христовꙋ ходать: самъ Христосъ Петроу мечь възбрани, и за ланитоу оударившомѫ дроугоую въдати повелѣ [2]); донелиже заедно въ православіи бѣсте, ни исторіа именоуете папоу или архиепископа ратемъ строителѧ, нынѣ же превознесенаѧ искони богомерзкаѧ гордость и лакомство толико съходатаи, ꙗко главе вашои папе, на оубіиство подвигшꙋсѧ, къ оубіиствꙋ пращати и симъ ѿпоущеніе грѣховь
л. 86 об. ѡбѣщати, еже || мръзко и оушима слышати. Сію же до зде съкратимъ повѣсть [3]).

И ѡ немже начахомъ прежде, еже ѡ святеи живоначалнеи Троици, ѡ исхожденіи святаго Духа, ꙗко ѿ Отца исходить, ꙗкоже мы исповѣдоуемъ, что требе много възысканіа?! Развръзите ваша книгы церковьнаго правила, имиже заедно с нами мудръствовасте, и ѿкрыите покрывало ѿ очію вашею. Сице пишеть, и глаголете сами, еже ѿврещися не можете [4]), въ памать блаженнаго святаго апостола Андреа, брата Петрова, въ прьвои лекцѣи: «Ѳтраданіе, рече, святаго Андрѣа апостола, еже ѡчима нашима видѣхомъ, вси презвитери и діакони церквеи Ахаискыхъ, пишемъ вселенскымъ церквамъ, иже соуть на вос-

1) Это мѣсто объ агарянахъ и патріархахъ буквально выписано Острожскимъ священникомъ Василіемъ въ его сочиненіи «О единой вѣрѣ» (см. *Русск. Историч. Библ.*, VII, 744—745).

2) Іоан. XVIII, 10—11; Мѳ. V, 39.

3) Здѣсь кончается выписка въ Супр. сборн.

4) Далѣе опять выписано въ Супрасльск. сборникъ (А. Н. Поповъ, о. с. стр. 25—26).

топѣ и за||паде и сѣверѣ и оугѹ, въ имѧ Христово съставле- л. 37
нымъ. Миръ вамъ и всѣмъ, иже вѣроують въ единого Бога и въ Троицю истинноу, праваго Ѡтца нерожденна, истиннаго Сына единородна, истиннаго Духа святаго, происходѧщаго ѿ Отца и въ Сынѣ почивающаго; да извѣстоуетсѧ единъ Духъ святыи, сыи въ Ѡтци же и Сыне, и таковажде быти единороднаго Сына, ꙗко и родившаго его. Сїю вѣрѹ, рече, наоучихомсѧ ѿ святаго Андрѣѧ, апостола Господа нашего Іисуса Христа, егоже страданїе видѣхомъ и проповѣдаемъ». Сице мы вѣроуемъ и исповѣдоуемъ, ꙗко ѡнде въ васъ писано; оудобнеи бо апостольскаго оученїѧ слоушати, нежели вчера съплетенныхъ самомудреныхъ басней[1]). Да сїѧ прочитающе и вѣдоуще, || како преложисте? л. 37 об.

Самъ бо Спаситель нашь глаголеть: ничтоже творите выше повеленнаго вамъ[2]); и пакы: аще въ единомъ съгрѣщить, бысть всемоу повиненъ[3]). Петръ же апостолъ въ 2 посланїи глаголеть: соуть, рече, неоудобъ разумна въ писанїихъ нѣкоѧ, еже ненаоученїи и неоутвержденїи развращають, ꙗкоже и прочаѧ писанїѧ, къ своеи погибели имъ; вы же, возлюбленїи, рече, хранитеся, да не нечистыми лестьми ѿпадете своего оутвръжденїѧ[4]). Паоулъ же апостолъ къ Филипсїемъ пише: сїѧ, рече, помышлѧите, ꙗже наоучистесѧ и прїасте и видѣсте, тако творите[5]). Къ Солоунѧномъ же въ 2 посланїи: стоите, рече, и дръжите преданїѧ, имъже наоучистесѧ; подалеи тамъ же: запрещаемъ, рече, вамъ, || братїе, ѡ имени Господа нашего Іисусъ л. 38
Христа ѿлѹчатися вамъ ѿ всѧкого брата, безъ чинѹ ходѧща, а не по преданїю, еже прїаша ѿ насъ[6]). Къ Евреѡмъ же: помните, рече, наставникы ваша, иже глаго-

1) Здѣсь кончена выписка въ Супр. сборн.
2) Лук. III, 13.
3) Іак. II, 10.
4) 2 Петр. III, 16—17.
5) Филип. IV, 9.
6) 2 Сол. II, 15; III, 6.

лаша вамъ слово Божїе, въ наоученїа же странна и различна не прилагаитеса[1]). Къ Тимоѳею же въ 2 посланїи: ты же, рече, пребываи, въ нихже наоучилса еси; боудеть бо, рече, времѧ, егда здраваго оученїа не послоушають, но по своихъ похотехъ избероуть собѣ оучителѧ и ѿ истинны слоухъ ѿвратать, къ баснемъ же оуклонатса[2]). Єще же извѣстно слыши, что къ Галатомъ пише: чюждоуса, рече, ꙗко тако скоро прелагаетеся ѿ звавшаго благодатїю Христовою въ ино благовѣстїе, еже
л. 38 об. нѣсть ино, аще и нѣцїи соуть смоущающеи васъ || и хотѧщеи превратити благовѣстованїе Христово; слыши же и вънимаи, что рече: но аще, рече, мы или аггелъ съ небесъ благовѣстить вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да бꙋдеть; по двои же пакы, ꙗкоже предрекохомъ, рече: и нынѣ пакы глаголю: аще кто вамъ благовѣстить паче, еже прїасте, анаѳема да боудеть[3]). Что ѡ семъ мниться вамъ? соугоубо апостолово завѣщанїе и проклѧтїе не токмо апостоловꙋ или папинꙋ словꙋ и оученїю, прелагающемꙋ прежнаа преданїа, но и аггельскомꙋ вънимати не повелѣваеть. Семꙋ же послѣдствоующе, святїи богоноснїи ѡтци, изложивше изъѡбраженїе православныѧ вѣры, избравше ѿ Христовыхъ словесъ и святыхъ апостолъ, прилагающихъ же и ѿемлющихъ та-
л. 39 кожде анаѳеме пре||даша, то како сего не оустрашистеся?

Мы же, сего боꙗщеся, Богомъ покрѣплѧеми, крѣпко дръжимъ и вѣроуемъ и исповѣдоуемъ сице: «Вѣроуемъ въ единого Бога Ѡтца, вседрьжителѧ, творца небоу и земли, видимымъ всѣмъ и невидимымъ. И единого Господа Іисуса Христа, Сына Божїа единороднаго, иже ѿ Отца рожденаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта ѿ свѣта, Бога истинна ѿ Бога истинна, рожденна, а не сътворена, единосꙋщна Ѡтцю, имже вса быша. Насъ

1) Евр. XIII, 7—9.
2) 2 Тим. III, 14; IV, 3—4.
3) Гал. I, 6—9.

ради человѣкъ и за наше спасенїе сънешедшаго съ небесъ, и въплотившагося ѿ Духа свята и Марїѧ дѣвы, и въчеловѣчившагося. Распѧтаго же за насъ при Понтеистемъ Пилате, страдавша и погребенна. И въскресша въ третїи день по писанїωхъ. Възшедшаго на небеса и сѣдѧщаго ωдесноую Ѡтца. И па||кы градѹщаго л. 39 об.
съ славою соудити живымъ и мертвымъ, егоже царствїю нѣсть конца. И въ Духа святаго, Господа истиннаго и животворѧщаго, иже ѿ Отца исходѧщаго, иже съ Ѡтцемь и съ Сыномъ съпокланѧема и съславима, глаголавшаго пророкы. И въ единоу святѹю съборноую апостольскоую церковь. Не зданїе и стѣны, или каменїе, или плинфы, но апостольска прѣданїѧ и церковна оутврьжденїѧ, се есть апостольска съборнаѧ церковь. Исповѣдоуемъ же едино крещенїе въ ωставленїе грѣхомъ. Чаемь же въскресенїѧ мертвымъ и жизни бѹдѹщаго вѣка. Аминь». Ѳе вѣра истинна, се вѣра православна, се вѣра пророкы предвозвѣщена, се вѣра апостолы святыми оуставлена, се вѣра святыми вселенскыми съборы ѿ святыхъ || папъ и патрїархъ и многыхъ зна- л. 40
меноносныхъ ωтець оутврьждена, юже вѣрѹюще и крѣпко съдръжаще ω святеи неразделимеи Троици, оуповаемъ полѹчити жизнь вѣчноую ω Христе Iисусѣ, Господи нашемъ, емоуже слава, коупно съ Отцемъ и съ святымъ Духомъ, въ Троици единомоу Богѹ, въ безконечныѧ вѣкы, аминь, и пакы трегоубныи аминь.

Заповѣдь господства ти исполнити недостоиныи покоусихсѧ, грѹбостїю же съставленыхъ ми словесъ къ оугожденїю ти нещюю, во блатехъ бо ωбрѣтающихсѧ шивадахъ бисерѹ ωбрѣстися не оудобно. Аще бо и ѿ божественаго писанїѧ, елико помнѣхъ, изъ оустъ избирахъ догматы, риторскы же съставити не могохъ оумаленїемъ смысла, ибо оучилища || николиже видѣхъ. л. 40 об.
Молю же те, мои господине, и всѣхъ, въникнѹти хотѧщихъ къ несъвръшенномоу ми съставленїю: не зазрите, ниже порцѣте, но исправьте; велеи бо сеи наречеться, иже исправить и наоучить[1]), еѵаггелїе глаголеть. Аще ли же ни, молю васъ: мимо

1) Мѳ. V, 19.

идѣте, ꙗко иерѣи и леввитъ ѿ оуꙗзвленнаго, ѡставите же ѡномоу самарꙗнинꙋ, иже въ послѣднее възъвращенїе мздꙋ трꙋдомъ ѡбѣщавшꙋ. Аминь.

В лѣто 7019, индиктиѡна 14, по лѣтехъ Христова Рождьства Римленомъ пишоущимъ 1511, скиптродрьжавнымъ же: въ Оугрехъ и Чесехъ Владиславꙋ, въ Ленденехъ Жигимѡнтоу, въ Роусїи Василїю, великаго Іѡанна сыноу, Грькомъ же страждю-
л. 41 щимъ подъ страхомъ || Баазитъ соултана.

Народные говоры селеній, расположенныхъ отъ Боровска до Москвы по Старому Московскому тракту *).

Верейскій, Звенигородскій и Московскій уѣзды.

(Окончаніе).

№ 5. Ново-Ѳёдоровско Верейскаго уѣзда Рудневской волости.

Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ» не значится.

Жители—государственные безземельные крестьяне, переселенцы съ юга, подобно слѣдующей деревнѣ. Отчасти они смѣшались съ здѣшними жителями. Я, напримѣръ, разговаривалъ съ женщиной, рѣчь которой ничѣмъ не отличается отъ мѣстныхъ говоровъ. Очевидно, она взята изъ какой-нибудь сосѣдней деревни, гдѣ населеніе коренное. У старика-переселенца, съ которымъ я, впрочемъ, говорилъ очень немного, мнѣ удалось лишь отмѣтить южное г, равное *h*, или какъ теперь часто обозначаютъ γ.

№ 6. Александровка Верейскаго уѣзда Кошаровской волости.

По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ»: *Пожиткова,* № 1617.

Жители—переселенцы съ юга: изъ Орловской, Рязанской и Калужской губерній. Поселились лѣтъ сорокъ тому назадъ [1]),

---

*) См. «Извѣстія», т. XIII, кн. 1, стр. 271—291.

1) Т. е. отъ 1898 года, когда я велъ бесѣду.

послѣ воли. Поселеніе не примкнуло къ старому, а устроено вновь: «вся деревня навезе́нцы». Переселялись съ той цѣлью, чтобы работать на фабрикѣ. Несмотря на эту жизнь на фабрикѣ, въ той крестьянской семьѣ (старикъ и старуха), въ которой я записывалъ особенности произношенія, сохранились хорошо черты коренного говора, отличнаго отъ здѣшнихъ.

Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что старуха, съ которой я велъ разговоры, привезена сюда съ своей семьей $1^1/_2$ лѣтъ, а старикъ 7 лѣтъ. Сохраненіе особенностей стараго говора нужно объяснять уже говоромъ ихъ родныхъ семей. Старикъ и старуха старше своей деревни: сначала переселялись и жили гдѣ-то прямо на фабрикѣ. У старика, однако, особенности родного говора сказываются слабѣе.

Всетаки они сохранили южное *г*=*h*: *h*рама́тнай (громадный), дру*h*а́я, *h*аспо́ть, *h*во́зня (названіе рѣчки) и т. п.; съ нимъ *х* въ концѣ словъ: де́ня*х*.

Они произносятъ *ў* и *у* на мѣстѣ *в*: *ў* Питербу́рх, *ў*па́ла, ў па́чпарти, *ў* ызбу (удареніе не отмѣчено), дро́*ў*ы, Питроў; *у* hо́ради, *у*спо́мниш, *у* шко́ли и т. п. Также: *в* аднаво́ (у одного); *ва* все́х (у всѣхъ).

У нихъ часто слышится двойное твердое *ш*: и*шш*а (еще; энклитика), тава́ри*шш*а, разы́*шш*ым, *Шш*эрба́тава (князя).

Также есть твердый губной въ концѣ слова: се*мъ*.

Окончаніе возвратнаго залога обыкновенно мягко: занима́ит*ися*, спу́сти*съся*, аста́*лси*, ко́рми*мси*, скапы́ти*лси*.

Укажу еще нѣсколько мелкихъ особенностей говора: пака́паны ямки; дру*hу́я*; *хучь* (хошь, хоть; эклитика); *изд*ѣла*ть*, *изд*ѣлай; па со́лн*ушку*; *мн*у́чка; пару́*ц*каму (по-русскому); дро́*ўы*; бы*лъ* далъ (было далъ); *ла́фкай* таргавать; экза́ми*нь*; ступай к пракуро́*н*у (ср. ярма*н*ка).

№ 7. Быќасово Верейскаго уѣзда Р́удновской волости.

По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» называется еще: *Быкачово*, № 1618.

Записывался разговоръ въ семьѣ крестьянина среднихъ лѣтъ, человѣка толковаго и грамотнаго, учившагося въ сельской школѣ «по первому открытію». Одѣтъ онъ былъ въ лапти и посконные штаны (собрался въ лѣсъ пилить дрова). Человѣкъ онъ оказался любезный, расторопный, смѣлый, вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанный и умный. Къ сожалѣнію, не пришлось много говорить въ этой семьѣ, потому что она отправлялась на работу.

Отъ Быкасова начинается «Полѣсье», лѣсная и болѣе глухая сторона. «Наша деревня посѣрѣе», объяснили мнѣ собесѣдники.

Гласные.

1) Говоръ акающій.

2) Яканье: ж*а*л*á*ють, ц*а*ná, за Пятрóфска, *я*вó, *я*лóвава лѣсу, пяскóм, мястóф, вярсты́ (*я* нерѣзко), вятлы́, павязу́ть, сабяру́ть, дáж*а*.

3) Иканье: погр*и*бá, с*и*мéйныи, ф т*и*снатѣ́, вóзл*и*, крóм*и*, апóсл*и*, врóд*и*, бóл*и*, пабли́ж*ы*, рáньш*ы*. Но: трекóвыи.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: паадинáчна (ходятъ на пилку; собственно: по двое, парами, но не артелью); т*у*барéтка, м*е*жьжевéльник.

Вставки и пропуски гласныхъ: *а*пóсли, óченно; с*а*пчя́; óкаль (образовано какъ окромѣ: óколѣ—óкали—óкаль); барнавáть[1]), сарфаны́.

5) Согласные.

Звукъ ѣ произносится по-московски.

Въ концѣ словъ послѣ мягкой согласной мягкое *к*: малéнькя (женщина), которое можетъ переходить въ *т'*: тóльтя.

1) Здѣсь всегда такъ говорятъ (не: *скородить*).

6) Группы согласныхъ: на дѣви*шни*кѣ; да*жъжи*, ма*жъжю*ха; я́*шш*эр (такъ, съ двойнымъ твердымъ *ш*, сказалъ старикъ, случайный посѣтитель во время нашей бесѣды).

7) Твердыя согласныя: 6че*нъ*; пасерё*тъ* (также относится къ *посреди*, какъ *позáдъ* къ *позáди*, *поперёдъ* къ *попереди*); на кр*у*чькáх.

8) Мелкія особенности въ согласныхъ: *х*ресцáми, ф *х*ресцý; чижóлай; сапч*я́*.

Вставки и пропуски согласныхъ: *j*ie (=*ее*; ясный *j*), *в*астраýмный; Бóраск, Рýдниская вóласти, есь, раскáзывають, ф хресцý.

9) Удареніе.

На окончаніи падежей: сарфаны́, па сѣчáм; на предгогахъ: нá полѣ, зá мастам; въ особыхъ словахъ: тучá, па случáю, шлюпи́к (на ребенка).

10—12) Формы именъ и мѣстоименій:

*Я*лóвава лѣ́с*у*, кáмн*ю* нѣт никакова; ат невѣ́ст*и*, ф хресц*ý*; з дѣ́фк*ими*. Чижó*лай*; винавáт*и*; симéйн*ыи*, трекó*вы*и, налúшніи; бó*ли*, паачéслив*ѣй* (посовѣстливѣе, поскромнѣе, поучтивѣе). Кóлька (= сколько); ф Падóльскам (= въ Подольскѣ).

13) Глаголы.

3-ье лицо единственнаго и множественнаго числа оканчивается на *ть* и болѣе послѣдовательно, чѣмъ въ предыдущихъ говорахъ (твердаго окончанія у меня совсѣмъ не отмѣчено): бал*úть*, заживё*ть*, растё*ть*, сид*я́ть*, раскáзыва*ють*, хóд*ють* и т. д.

Окончаніе *ся* звучитъ твердо: уберё*сса*.

Въ числѣ особыхъ образованій отмѣчено: *затiём* (затѣваемъ).

Дѣепричастія на *мши*: невѣста сидить пригарю́ни*мши*, абвѣнча́*мши* (обвѣнчавшись), нахлю́плимши (записано такъ! = нахлюпившись).

14) Неизмѣняемыя части рѣчи: нѣ́ту; хушь; ба́ль.

15) Синтаксисъ.

Родъ: *том* акно́, малако́ *халóднай*.

Число: кроми *вятлы́* ни увидиш (ничего; собирательно).

№ 8. О́жгово Верейскаго уѣзда Ру́дневской волости.

Въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ»: *Ожигово*, № 1620.

Записывался разговоръ съ толпой крестьянъ, исключительно мужчинъ.

Крестьяне не фабричные, занимаются лѣсными работами («лѣсопромышленники»), главнымъ образомъ пилкой. Мѣсто сѣрое.

Гласные.

1) Говоръ акающій съ формами, подобными: пасóдим.

2) Яканье: афсяца́, акалява́й, высява́л, бяда́, ляса́, жана́, вяснóй, за нявó, нябóсь, ж жанóй, слянóй, сяды́и, вяду́ть, жану́.

3) Иканье: зимлини́ка, мидвѣ́дя, ичме́нь, чилавѣ́к, униста-жа́итца, хлѣ́бушык, в балóти.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: одина́кай (одинокій); пелим (пилимъ; удареніе не обозначено); убёк (убѣжалъ); из берлу́ги; сапчи́лся (сообщился, соединился); блеха (неясный гласный, почти *е*; = ольха).

5—8) Согласные.

Звукъ *г* произносится по-московски, въ концѣ словъ обращается въ *к*: убё*к*.

9*

Мягкія *к* и *г* обращаются въ *т* и *д*, въ особенности у крестьянъ менѣе бывалыхъ: вы́*тинул*, из баш*ти́*, бала*ла́йти*; нó*ди*. Нерѣдки и литературныя произношенія: чáш*ки*, нóш*ки* и т. п.

Разные случаи: ф Санпитербу́р*х*ѣ; *х*рестéц; *х*ресцы́; паря́да*ш*ная; унис*та*жáитца; ма*жъж*ю́шник; гр*ы*бá; сапчи́лся; а*н*бáр; *с*вѣт (цвѣтъ); астра*л*óмам (астрономамъ); сóте*ль*ная.

Замѣчательны: *ф*альбá, *ф*али́тца (хвальба, хвалиться).

Вставки и пропуски согласныхъ: четвёр*т*ачку лучку (въ другихъ народныхъ говорахъ *т* обыкновенно исчезаетъ; напр., во Владим. губ. четвёрка—четвёрочка); се (все); здóрить, зглянýть; хресцы́; Ру́днескай; ни падёш (не пойдешь); есь, прадáсь (продастъ), гресь (грести); ни баславя́сь.

9) Удареніе.

На корнѣ: выѣ́дут; на окончаніи падежей: ф кафтанѣ́, за валасá, ращéй; глагольныхъ формъ: прадáл, праня́ли (эфто время мы праня́ли ей серёжечки), ни урадилóсь; предлоговъ: пó мачи-па си́ли; особыхъ словъ: с ки́лай, далекó.

10—12) Формы именъ и мѣстоименій.

На том канцу́; за валасá. Адинá*кай*; пуст*ы́и* слава, сяд*ы́и*, падаси́нав*аи*, пам*ѣ*щицк*іи*; скар*ѣ*ича. Чём (творит. един.); э́*ф*та время, в э́*ф*там.

13) Глаголъ.

3-ье лицо единственнаго и множественнаго числа оканчивается на *ть*: мóжи*ть*, знáи*ть*, сиди́*ть*, не хóчю*ть* и мног. др. Окончаніе это слышится очень послѣдовательно; съ твердымъ *т* у меня отмѣчено всего лишь два случая: выѣ́ду*т*, ни даё*т*.

Окончанія возвратнаго залога звучатъ и твердо и мягко: растегнё*ссы*, сади́*сь*, ни уродилó*сь*; займá*ютца* и подобн. на *тца*.

Отмѣчено также: *надіёть* (надѣваетъ); *ни маи́*; *ни баславя́сь*.

14) Неизмѣняемыя части рѣчи: *ненáдать*, *нѣтути*, *нябóсь*, атчевó *такóича*?(=отчего такое, отчего такъ).

15) Синтаксисъ.

Родъ: Прадáсь и *фся* (=все) тут (сравн.: вся недолгá); с *аружiяй*.

Число: Года три нѣ́тути грыбá: когдá он радúтца? Грéчи сѣ́или.

№ 9. Пахóрка Верейскаго уѣзда Рýдневской волости.

На рѣкѣ *Пахрѣ́*. (Такъ сказали на мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ рѣка, какъ видно и изъ «Списковъ населенныхъ мѣстъ», — *Пахорка*). По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» № 1621.

Наблюдался разговоръ съ неграмотнымъ старикомъ 64-хъ лѣтъ и его женой-старухой.

Гласные.

1) Говоръ акающiй съ формами, какъ пасóдють.

2) Яканье: вяснá, фсягдá, ряка́, явó, ничявó, азярóф, яздóй, вярсты́, лянку́, в дирявýшки, в лясý, лѣ́ташняй.

3) Иканье: iё (её), диствúтельна, рибúна, дéвить, нéчим, ф Калóмни, на бальшóй дарóги, в Рассýдави, в Звѣ́риви, бóльшы, кýшайти.

4) Въ числѣ мелкихъ особенностей употребленiя гласныхъ отмѣчено: зарабáтываюћ, накáшиваем, куда абарáчиватца; аржанóва, придѣля́ть (опредѣлять).

Согласные.

5—8) Вáнькя; *ди*нарáл (генералъ); *х*ресья́нам; ма*жъж*ю́ха; уни*чт*óжилась; *ј*ивня́к; се (все); хресья́нам; Рýднескай (р. п.); диствúтельна; свесь (свести).

9) **Удареніе.**

На окончаніи именъ: за падатя́ (вин. пад. мн. ч.); ни здарава́ (не здорова, больна); глагола: ни атда́ли; особыхъ словъ: свекблки, альха́.

10—12) **Формы именъ и мѣстоименій:**

Сынавьё*ф*; азяро́*ф*; падатя́ (вин. п. мн. чис.). Деревня ма́линьк*а*, лѣсист*а* мѣста (им. п.); малад*о́ва*[1]); сыт*и*; кра́сн*ыи*; пада́*ли*, глу́п*ши* (глубже) и шир*ши*. *Ка́жняй*.

13) **Глаголы:**

дѣлаю*ть*, растё*ть*, зараба́тываю*ть*, хо́*дю*ть, ни мо́жу*ть* и мн. др. (но есть произношенія и съ твердымъ *т*: свод*ютъ*); *хо́ди* (ходитъ; рѣдкость въ здѣшнихъ говорахъ); здѣлал*ася*, зашиба́л*ся* и др. на *ся*; бѣтствать (бѣдствовать); *да́дина*.

14) Нѣту, нѣтути.

15) Старику́-та.

16) Иностранныя слова: *анжене́р*, *динара́л*.

№ 10. Звѣрево Верейскаго уѣзда Петровской волости.

По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» № 1622 *(Зверево)*.

Населеніе не фабричное, сѣрое, такое же, какъ въ предыдущихъ трехъ деревняхъ. Изба темнѣе и грязнѣе, одежда проще, чѣмъ у крестьянъ Боровскаго уѣзда. Занятіе, кромѣ крестьянства, — чистка отхожихъ мѣстъ въ Москвѣ, почему здѣшніе крестьяне и называются «отхо́дники».

Записывался разговоръ въ многолюдной крестьянской семьѣ.

---

1) На *ова* оканчивается родит. падежъ во всѣхъ данныхъ говорахъ, что обыкновенно не отмѣчалось, какъ явленіе общеизвѣстное.

Гласные.

1) Аканье съ формами: плóтют, плóтиш, сóдитца, пасóдють, пасóдим, закóтимся; ни кáпана яма.

2) Яканье: начявáл, пяклá, хлябáть, хлябáл, па хлябáлки, дялá, ядá, чявó, ничявó, ис Пятрóска, явó, вядрó, цалкóвай, чятыри, цаны́, яму́, пиряу́лак, бирягу́ть, бирягу́тца, дéняк, пóля (вин. п. ед. ч.), пажертвуйтя (изъ надписи на часовнѣ).

3) Иканье: памирéть, минять, пиддисят, дисятиту, кнiйня (княгиня), визёш, симянá, кáминь, гаря́чинькава, капáимси, пакупáим, ачаря́бнит (оцарапаетъ), расстрáиваитца, рѣшти, бóльшы, вмѣсти, ф такóм видѣ, к Андрюхи.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: приспасáбливают; чесóвню (надпись на часовнѣ); запрéчь, атпрёк; ище (не ё; рядомъ: ищё); эсли.

Вставки и пропуски: аржанóя (ср. родъ), упамѣщéніе, óченно, ту́та, такём (крестьянское сукно; = ткемъ); барнавáть, барну́ют; Исусе (зват. пад.).

Въ разговорѣ съ однимъ бывалымъ крестьяниномъ отмѣчены случаи стяженія гласныхъ въ глаголахъ: ду́матца, вытáскывам.

5) Звукъ г произносится по-московски, въ концѣ словъ обращается въ к: дéняк, вдрук.

Ка въ концѣ словъ и мягкія *к* и *г* сохраняются. Андил, какъ слово иностранное, я не считаю.

6) Группы согласныхъ: анбáр; ни пристóльна (не пристойно); дамнó; не внóга; унистóжатца (а послѣ ж сомнительно); кумáшныи, ску́шнай, ду́шна, дáшникаф; трахтир; дóжьжик, дажьжя и дащá (= дашьшя).

7) Твердость и мягкость согласныхъ: очень, грыбы́-та; спéрьва, пéрьвая дóлжнасть, казáрьмы, серьпóм.

8) Мелкія особенности въ согласныхъ: *х*рестáми, *х*рёснай, *х*ресьянства (им. п.), *х*ресьяне (рядомъ: *к*ресьянина); неред *М*икóлай; *ф* Питербýр*х*и; пас*л*абóдніи; ат апчествá.

Вставки и пропуски согласныхъ: *ј*ивняк, *ј*иравóя; се (все); галбушичку (ласкательное отъ «головушка»); ис Пятрóска; кнійня (княгиня); растрáиватца; на закóрках; кресьянина; вы́дит (выйдетъ); вёрс, дас (дастъ); есь, дась (3 лицо), ѣсь (ѣстъ), пачéсь (почти), развéсь (развести); *во* (вотъ) *кака́*!

Очень замѣчательно необычное для здѣшнихъ говоровъ: *пай* (поди́, пойди́).

9) Удареніе.

На корнѣ: тѣпла (тепло), спéрьва; трáву, за трáву; на окончаніи падежей: смалý, ат апчествá, плугáми, тучáми, ращéй, в ращáхъ, вот тута двѣ ямы рубежны́я (пограничныя); глаголовъ: атдáл; предлоговъ и приставокъ: за шéсть; особыхъ словъ: случáй, зáсуха.

10—12) Формы именъ и мѣстоименій.

Ат стыд*ý*, угальк*у* палажить (собирательно); па зи́мниму пут*ю́*; Груш! (зват. пад.); што ш ты, дóчк! (зват. пад.); внутрѣ (отъ «нутро» или «нутръ», литературное *внутри* отъ «нутрь»); шпáл*аф*.

Мáханьк*ай*, хрёсн*ай*, гаря́ч*яй* и др.; во *кака́*! (какая), как*ý* записку?; абóи ры́ж*іи*, плах*іи* (грибы), кумáшн*ыи*, асéнн*яи* зáгавѣньи.

У явó (у него); на *невó* землѣ (говоръ бывалаго человѣка); ма*é*; у адн*éх*, в адн*é* часы́; дóлга *штóйта* ихъ нѣт; в *э́ф*ту, к *э́х*таму, па *э́н*таму.

13) Глаголы.

Окончаніе 3-го лица единственнаго и множественнаго числа обыкновенно мягко: бѣга*ить*, бýду*ть* и т. п. Но вліяніе литературнаго говора такъ значительно, что даже негра-

мотная молодая дѣвушка часто говоритъ на *тъ*: барну́*ют*, гóню*т* и т. п., хотя съ другой стороны молодой крестьянинъ, отслужившій солдатство, сохранилъ еще *ть*: мóж*ить*.

Вмѣсто неударяемаго *ят*, конечно, *ют*: плóт*ют*, вóз*ют*, завóд*ють* и др.

Окончаніе возвратнаго залога твердо и мягко: баю́*съ*, капáи*мси*.

Глаголъ *пригрѣть* по встрѣчавшемуся въ предыдущихъ говорахъ типу *одѣть—одѣю*: *пригріе́ть*.

Другіе случаи: не мóж*ут*, л*я́г*ить, пеке́м; ѣзд*і́ить*, уѣзд*і́итца* (лошадь; = объѣздится); хош (хочешь), хóтца (хочется); знáма (= конечно); касáемая дѣ́ла (касающееся); развéсь (развести); трéбали (требовали).

14) Неизмѣняемыя слова: фчерáсь, атсэ́да, аттэ́да, нѣ́тути, насу́прати, набóсь и небóсь (= вѣроятно), нáдать, *ть* (= ить, вить, вѣдь: ть óн тóлька спраси́л).

15) Синтаксисъ.

Родъ: можит, *ана́* (= оно) жáр-та немнóшка вы́дит.

Число: хто лучку *пасóдють* (на огородѣ); хто пасильнѣе (= побогаче)—васьми (аршин) *пастáвють* избу; *угальку́* палажить (собирательно).

Падежъ: он *нами мытáрился* хуже фсѣх (по-владимирски: *мытáрился надъ нами*).

Членъ: Членъ встрѣчается чаще и формы его разнообразнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ говорахъ: князь-*ат*, жар-*та*, лён-*та*, лóшать-*та* ни утапи́, вóду-*та*, зá галаву-*ту*, дѣ́ла-*та*, грыбы́-*та*, лепёшки-*та*, зачѣм прихадила-*та*; спиш-*та*.

16) Иностранныя слова: бруслéты (браслеты); жекéтка; пара*лéйна* (параллельно); рéль*цы* (рельсы); Винями́ныч (Веніаминовичъ); Гаври́льевна; Симіёну.

№ 11. Селя́тина Верейскаго уѣзда Петро́вской волости.

На рѣкѣ *Лоши́* (или *Ти́шкѣ?*). По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» № 1623.

Къ сожалѣнію, здѣсь я могъ записать лишь разговоръ съ пожилой крестьянкой, уроженкой села *Бѣлоусова* (въ 12 верстахъ отъ Селятина (по «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» № 1595). Къ концу нашего разговора пришелъ ея мужъ, мѣстный бывавалый крестьянинъ. Его говоръ отличался отъ говора жены лишь тѣмъ, что былъ литературнѣе. Напр., онъ оканчивалъ 3-е лицо обыкновенно на *тъ*.

Гласные.

1) Аканье съ формами, подобными: плóтють; ака́пана (окопана).

2) Яканье: Дясна́, цапа́ми, па дяла́м, пятрóскай, пятрóски, ялóвава, ничявó, явó, страявóва, цанóй, чяты́ри, сляпы́х, святы́ (цвѣты).

3) Иканье: *ми*ня́, на *ди*ви́шникѣ, н*и* гл*и*ди́м, пр*и*дём (прядемъ), *и*равóе, ду́ма*и*м, ны́н*и*.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: пасёф; пратёчная (вода); глы́бжи; *и*цó (яйцо); *и*справедли́ва.

Согласные.

5) $Г = g$, въ концѣ словъ $= к$.

6) Группы согласныхъ: гу*вн*ó; на диви́*шн*икѣ, дабы́*шн*ика.

7) Твердость и мягкость согласныхъ: вну́трен*ных*; г*ры*бы́, г*ры*бóф; ста*лари́* (столяры); пé*рь*вай.

8) Мелкія особенности въ согласныхъ: *х*рёснай (рядомъ: *к*ресья́нствать); святы́ (цвѣты); шесь *б*лу́гаф (плуговъ), *б*лу́гам (плугомъ).

Пропуски согласныхъ: сё (все: мы сё думаим...)[1]; есь, шесь; уѣзнава; пятроскай, пятроски.

9) Удареніе.

На окончаніи падежей: кафтаны́, ф старастáх; глаголовъ: прадáли.

10—12) Формы именъ и мѣстоименій.

Тряпк*уй* (женщина); пад Иль*ѣ́* прарока грат был (очевидно= подъ день Ильѣ...); фáбрик*аф* нѣт, гóр*аф* бальших нѣт; ф старастáх;

хрёсн*ай*, грéцк*ай* и др. т. п.; кака́ малина была, балóтца такó (мужчина), пятрóск*и*;

ат их (отъ нихъ).

13) Глаголъ.

Придё*ть*, пагадú*ть*, живу́*ть*, не хóд*ють*, кресья́нсваю*ть* и мн. др. на *ть*.

Другіе случаи: *тк*ём; хóчють; займáютца (занимаются); кресья́нствать; притúть; надіóть (надѣваютъ).

14) Неизмѣняемыя слова: нѣ́тути, атсэ́да.

15) Синтаксисъ.

Число: бѣднай нарот мала *атдаю́ть* (дѣтей въ школу), пóдани (податей) нихто *ни плóтють* ничяво.

Предлоги: *па* грыбы́ пашла (за грибами); дамá у фсѣх пат салóмай (подъ соломенною крышей).

16) Пи*нж*акóф, ф пи*нж*акáх, *т*ипламáты (одежда женская, видъ пальто).

---

1) Вообще отпаденіе перваго согласнаго во *все* происходитъ, кажется, лишь въ неударяемыхъ положеніяхъ этого слова.

Сравнивъ всѣ данныя говора уроженки села Бѣлоусова съ данными, характеризующими сосѣдніе говоры, мы увидимъ, что въ ея говорѣ нѣтъ ни одной черты, которая давала бы основаніе говора села Бѣлоусова считать неодинаковымъ съ сосѣдними и отнести къ особому типу.

Единственная отличная форма: тря́пк*уй* представляется намъ очень неважнымъ отличіемъ.

№ 12. Село Петро́вское Верейскаго уѣзда Петро́вской волости.

На рѣкѣ *Пахо́ркѣ Малой*. (Въ «Спискахъ» указана *Пахра*). По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» называется еще: *Княжищево*, № 1624.

Записывался разговоръ съ старикомъ, которому болѣе 60 лѣтъ. Въ разговорѣ принимали участіе его сынъ и невѣстка. Семья, судя по плохой избѣ, бѣдная.

Гласные.

1) Говоръ акающій съ формами: со́дють, пасо́дить.

2) Яканье: пагрябá, цапáми, чяво́, у нява́, зав*и*дяно́, пятро́ска, ялóвай лѣс, вядро́, карянны́и, цапы́, привязу́ть, э́дакажа, напущáйтя.

3) Иканье: в*и*дётца, нисёть, п*и*р*и*д Мико́лай, д*и*с*и*тú, прагл*и*жу́, п*и*рщигаля́ли, вы́ш*и*, бо́льш*и*, крѣ́пч*и*, мя́хч*и*, бывá*и*ть, зá*и*ц, на у́лицы, акро́м*и*. Но: п*и*рестáл, же*л*ѣ́за, же*л*ѣ́зныи, пад же*л*ѣ́зам.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: рабя́та, рабёнак, тапе́рича, тво́рок, калéсник (не *ё*), жерко́ва (*е* ясно), дрáжнитца што́-*ля*.

Вставки и пропуски гласныхъ: *а*ллянáя (холстина); *а*кро́ми; *а*грамáтнаи; сарфаны́, басвикú, пирщигаля́ли, ни придѣ-

лиш (не опредѣлишь), десяцкава старасту ль, бкаль двара; смарбдина (въ другихъ говорахъ, по ложной народной этимологіи часто: самородина. Такъ, напр., въ Юрьевскомъ и Покровскомъ уѣздахъ Владим. губ.).

Стяженіе въ личныхъ формахъ изъявительнаго наклоненія: ни здѣлаш, здѣлатца, сказыватца.

Согласные.

5) Звукъ г = h, въ концѣ словъ — *к*: снѣ*к*, сапó*к*, плу*к*. *Ка* въ концѣ словъ и мягкія *к*, *г* сохраняются.

6) Группы согласныхъ: *шт*о; кирпи́*шн*ай, паря́да*шн*аи, пра́зни*шн*аи, пшени́*шн*аи пираги, да́*шн*ай, уда́*шн*а (ср. родъ), фабри́*шн*ых, бара́на*шн*ик; бп*ш*ества (им. п.; рѣдкость *ш* вмѣсто *щ*); дб*щ*ик пирестáл.

7) Твердость согласныхъ: бчи*нъ*, гр*ы*бы́, за цé*ръ*кву.

8) Мелкія особенности въ согласныхъ: *х*рéстик; а*н*ба́рчики; *сл*абóдна: дра́*ж*нитца[1]); пирид *М*икóлай; аграма́*т*наи.

Вставки и пропуски согласныхъ: лиси́*т*ца (мнѣ послышалось слабое *т*); сё (всё), сётаки (всетаки); есь, ѣсь; пятрбска; фа́брику завéсь, пабóльши вы́рась; гваска́ми; ни вы́диш (не выйдешь); дичи́ха (дьячиха); дя́я (дядя; не очень ясно).

9) Удареніе.

На корнѣ: чи́нить (3 лицо ед.), ни придѣлиш (не опредѣлишь), гбло; на окончаніи падежей: кафтаны́, сарфаны́, плуги́ и плу́ги; глаголовъ: раздра́лися; особыхъ словъ: тучёй, дóбычи плахія (съ такимъ удареніемъ (дóбычь) это слово у Крылова въ баснѣ: «Волкъ и ягненокъ»).

---

1) Любопытно, что такая форма этого слова встрѣчается въ «Переводахъ» Карамзина. Значитъ она жила еще въ литературномъ языкѣ того времени.

Формы именъ и мѣстоименій.

10) Существительныя: Гр*ишк*! (зват. пад.); иди, сынк! (зват. пад. изъ «сынка»); калёс*ы*; я́блан*яф*.

11) Прилагательныя: Петрóфск*о*, желѣ́зн*а* дарога, Вью́шкаск*а* земля, ф пра́в*у* руку, в лѣ́в*у* ру́ку; ни на э́*тим*; карянн*ы́и*, желѣ́зн*ыи*, аграма́тн*аи*, пар́ядашн*аи*, грыбы бѣ́л*аи*, саснóв*аи*, живу́щ*іи*, как*іи*; ми*лѣющій* (милѣйшій).

12) Мѣстоименія: э́сталька, из э́става села, э́*н*ти; э́*д*ака; ка́ж*няя*.

13) Глаголы.

3-ье лицо единственнаго и множественнаго числа оканчивается на *ть*: вазьмё*ть*, идё*ть*, забали́*ть*, прихó*дють*, ни мóжу*ть* и т. п.

Возвратный залогъ оканчивается то твердо, то мягко: дабалу́*исса*, займё*сса*, таргава́*лись* да ни сашли́*са*, ни балу́*йсь*.

Отмѣченъ одинъ случай стяженія: ска́тыв*а*тца (скатывается).

Другіе случаи: хошь (хочешь); ни мóжуть; займа́ютца (занимаются); фабрику зав́есь, побольши вы́рась (вырости).

Причастія и дѣепричастія: всё не живу́щіи (комнаты; = не жилыя); сда́дена; вóвсе развалёмши два флигиря.

14) Неизмѣняемыя слова: здѣ́*ся*, атсэ́да, ат*кэ́*да, та́м*а*, óка*ль*, *а*крóми, тапéр*ича* носють платья (= въ настоящее время).

15) Синтаксисъ.

Родъ: *ана́* как вам сказать? (= ано); тóрф*у* (вин. пад. ед. ч.); калóш (кажется, мужескаго рода?); *двѣ учи́лищи*.

Число: *иду́ть* народу многа; духавéнства *живу́ть*; *грып* пайдёть—кресьянину харашо; да вóли была: ла́пать...; волк, заиц, лиси́тца (слабое *т*)—вот у нас и *звѣрьё* все.

Членъ: дама́-*та*, иди дамо́й-*та*, траф-*та*, но́ги-*ты*, ватру́шки-*ты*.

Предлоги: съ Масквы́ привязу́ть (= изъ); гадоф *пад* два́дцать (=около).

16) Иностранныя слова: *акура́т* да са́май На́ры (нѣтъ фабричныхъ); *ан*жене́р; *ап*жере́и (оранжереи); ка*н*па́нія; рассе́йскава; *ф*ате́ра; фли́г*ир*я; ш*ы*се́.

№ 13. Село Бу́рцево Веребискаго уѣзда Петро́вской волости.

На рѣкѣ *Пахрѣ*. По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» называется еще: *Богородское*, № 1625.

Записывался разговоръ съ крестьяниномъ-кузнецомъ среднихъ лѣтъ и его семьей. Бесѣда была недолгая.

Гласные.

1) Аканье съ произношеніями, подобными: пас*о́*диш; нака́паны ямы.

2) Яканье: падмята́нт, чяво́, ступа́йт*я*, малчи́-*жа*.

3) Иканье: св*и*ще́нникам, гл*и*ди́кася, гли́ка (гляди-ка), во́с*и*мь, де́в*и*ть, ф стру́б*и*, па шасе́йк*и*. Но: же*л*ѣза.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: стёк*и*л; б*у*бо́ (дѣтское: бобо = больно); о́ч*ю*н.

Вставки и пропуски гласныхъ:

*а*гала́фь; *и*шла́, *и*шли́; ши́*ли*ца (шильца); подп*ало́*с; прасёнка (поросенка); отчево́-ш.

5) *Г* произносится по-московски, въ концѣ словъ переходитъ въ *к*.

Ка въ концѣ словъ и мягкія *к* и *г* сохраняются: ня́нька, па́лачка, ру́*ки*, нб*ги*.

6) Группы согласныхъ: пазажи́та*шн*ѣе; ма*жъжю́*ха; *ишо́*, литѣ́*йшик*; ма́*н*инькай (я такъ привыкъ слышать это произношеніе только въ Покровскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ Владимирской губерніи, что съ трудомъ потомъ вѣрилъ своей записи; во всякомъ случаѣ подобное произношеніе въ описываемыхъ говорахъ очень рѣдко).

7) Твердость согласныхъ: ôчю*нъ*, г*ры*бы́.

8) Мелкія особенности въ согласныхъ: а*н*ба́ры, с*ла*бо́дны.

Вставки и пропуски согласныхъ: ф *стру́*би; есь, клась, шесь, пачё́сь, пась скати́ну, падме́сь; вёрс; капу́сник.

Замѣчательно рѣдкое для здѣшнихъ говоровъ: гли́ка (гляди́-ка).

9) Удареніе.

На окончаніи падежа: акôн; глаголовъ: пабѣгли́, паслала́.

10—12) Формы именъ и мѣстоименій.

Ши́*л*ица (шильца); мались Бо́женьк*у*; маши́н*аю*, намётк*аю*; сасѣ́д*яф*.

Ны́нѣшн*яй*, ф Пятро́фск*им*, катôр*ыи*. Пат се́мьдися*ть* (около, близко къ семидесяти), па-бо́лѣ шезьдеся́*тъ* - та (шестидесяти).

За им (за нимъ), с им (съ нимъ); *анэ́* (твердость изъ формы *аны*, *е* изъ формы *анѣ*); адныё (вин. пад. ед. числа); э́става (плохо записано: нужно было взять цѣлую фразу).

13) Глаголъ.

3-ье лицо единственнаго и множественнаго числа обыкновенно оканчивается мягко: иду́*ть*, выгоня́*ють*, хотя наша семья настолько подверглась культурному вліянію, что мужчина,

кажется, вовсе не употребляетъ мягкаго окончанія; даже старуха часто говоритъ на *тъ:* аставля́*ют*, пахаро́н*ют*.

При этомъ, конечно, вмѣсто безударнаго *ят* — *ют*: во́з*ют*, хо́д*ют*, ку́п*ют*.

Замѣчателенъ единственный случай безъ *т*: *пратека́я* (как протека́я (рѣка), рядомъ: протека́ет).

Возвратный залогъ оканчивается твердо и мягко: сабрали́*с*, сабира́ла*с*, сади́те*с*, ко́нчила*ся*.

Любопытно обычное въ здѣшнихъ говорахъ своеобразное спряженіе глаголовъ, имѣющихъ въ литературномъ языкѣ окончаніе *ъвать*: ржи *высіём* 8 мѣр.

Другіе случаи: ля́гиш; перекладáли; лáзіют; прити́ть; пась скати́ну; сдатá; в Маскву *был* сабиралас.

14) Неизмѣняемыя слова: инагды́, не такмá - шта, нѣ́ту, што такóнча? (= что такое), глиди́*кася*.

15) Синтаксисъ.

Родъ: балóтца есть: *óн* пачти зарóс.

Членъ: амбáр - *та*, фáртучки - *та* есь у тебя, бабёнки-*ты*.

Предлоги: градаби́тіе си́льная бы́ла *пад* Ильин день ф пятницу (=наканунѣ); идут *па* грыбы́ (за грибами).

16) Иностранныя слова: гамазéя (запасный хлѣбный магазинъ), сéмент (цементъ); Ти́ханская Божія Мать (*х* вмѣсто *хв*, вѣроятно, вслѣдствіе ложной аналогіи); шассé; Ю́шкава и Вью́шкава (названіе селенія).

№ 14. Деревня Момыри́ Верéйскаго уѣзда Петрóвской волости.

По «Списку населенныхъ мѣстъ» № 1626, при р. *Преловкѣ*.

Населеніе—перевезенцы изъ Орловской, Тамбовской и другихъ южныхъ губерній.

Я записалъ разговоръ толпы крестьянъ старыхъ и молодыхъ, собравшихся въ одной избѣ.

Записанныя мною отмѣтки показываютъ сохранившееся, особенно у стариковъ *г* = *h*, переходящее въ концѣ словъ въ *х*; ры*х* (ригъ), лу*х* (лугъ); *ў* на мѣстѣ *в*: дялб*ў*, *ў* бальницу; мягкое окончаніе возвратнаго залога можетъ быть подтверждено только одной отмѣткой: прабалтá*исьси*.

№ 15. Влáсово Звенигорóдскаго уѣзда Перхýшевской волости.

На ручьѣ *Незнáнкѣ*. По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ»: *Власовка*, № 2859.

Населеніе коренное. Записывался непродолжительный разговоръ съ двумя зажиточными и бывалыми крестьянами.

Гласные.

1) Говоръ акающій съ формами, подобными: с*ó*дют, ф к*ó*зну. Исключеніе: св*о*вó (слышалось почти ясное *о*).

2) Яканье: в*я*рстáм, *я*вó, нич*я*вó, ч*я*тыри, в*я*рсты, *я*мý, па-дёт*я* (пойдете).

3) Иканье: м*и*шкóф, гл*и*дѣть, т*и*савá*я*, бывá*и*т, вóс*и*мь, нéч*и*ва, ва фсей дерéвн*и*.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: въ *у*гарóдѣ; пагл*ы*́бжи, гл*ы*бóкава.

Вставки и пропуски гласныхъ: с*а*марóдина; *а*гарóху (записано со знакомъ вопроса; вѣроятно, плохо слышано); пиргарóдачка; ел*и* (если) и ел*ь*.

Стяженіе въ глагольныхъ формахъ: удáбрив*а*ш; хтó е зн*а*т; въ мѣстоименіи: св*о*вó (слышалось почти ясное *о*).

5—8) *Г* произносится по-московски. Мягкое *к* обращается иногда въ *т*: *ти*рпи́ч, рас*тй*дывать, сўт*ти* (*т* неясно). Мягкаго *к* въ концѣ словъ не отмѣчено: пиргарбдач*ка*.

Двойныя *ж* и *ш* здѣсь, какъ и во всѣхъ данныхъ говорахъ, обыкновенно мягки: дб*жьжи*чки и подобн.

Разные случаи: *х*ресья́нина, *х*ресья́нину; *св*ѣт (цвѣт), *св*ѣтёт (цвѣтеть), *св*ѣтўт, на *св*ѣтбчках; Микўлина (названіе деревни); *ч*ижблая; грып (грибъ).

Вставки и пропуски согласныхъ: ф прб*т*чих; есь, ѣсь, перет*и́*ть; скапа́ит (вскопаетъ).

9) **Удареніе.**

На корнѣ: ат прўда; на окончаніи падежа: аващи́; тисавáя; глагола: памагўт; особаго слова: балати́нка (небольшое болото).

10—12) **Формы именъ и мѣстоименій:**

дешбвинькава си́тц*у*, снѣ́г*у* многова не бываит, агарбх*у*; старастá, мастá (множ. число), вальшнепá, тетеревá и тетéри (ж. р.); срéдства*ф*, мѣст*бф*; в *ѐтим* дбми; палбска ўзинька, желѣ́зн*а* дарбга; мачли́в*аи* гада; бдли; хтб *е* знат; ф *тые* избу (*е* или *ё* не отмѣчено); сваé абыватели, сва*е́*х; кблька народу (сколько).

13) **Глаголъ.**

Мягкихъ окончаній третьяго лица я не отмѣтилъ у моихъ собесѣдниковъ, конечно, только по причинѣ ихъ культурности и непродолжительности нашего разговора.

Возвратный залогъ я слышалъ у нихъ съ мягкими окончаніями: началá*сь*, ваткнёт*ся*.

Подобно сосѣднимъ говорамъ и здѣсь говорятъ: *адію́тся* (одѣваются) чиста.

Другіе формы: не жгёт, натекёт, залязит; фсы́пит; перети́ть, ити́ть; займáимся; раздѣ*мши* (раздѣвшись).

14) нѣтути, аткéда, аткéдава, неýш (неужто, развѣ), хучь, éли и ель (ежели).

15) Синтаксисъ.

Родъ: какáя занятія таргóвля.

Число: какой был грып! (т. е. много уродилось).

Предлогъ: *съ* Масквы́ пріѣжьжáли; *па* рѣчечку нáша земля, *па* лѣс нáша земля.

№ 16) Шарáпово Звенигорóдскаго уѣзда Порхýшевской волости.

На рѣкѣ *Незнáнкѣ*, притокѣ Пахры. По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ»: *Шерапово*, при р. *Незнани*, № 2858.

Записанъ разговоръ въ одной крестьянской семьѣ, при чемъ говорилъ почти исключительно мужчина, глава семьи.

Гласные.

1) Аканье съ формами: с*ó*дим, нас*ó*дит, пас*ó*дит.

Исключенія: два *о*фшáника (почти *о*, близко къ нему), п*о*кéда (почти *о*).

2) Яканье: паж*а*л*á*ли, ж*а*нáтай, титирявá, в мастярáх, празявáеш, в лятáх, чявó, ничявó, пагрябóф, ялóвая, Пятрóфки, палвярсты́, читвяры́х, в лясý, па нáш*а*му, крючёшн*а*я, щёташн*а*я ремеслó, прайдёт*я*.

3) Иканье. Примѣры имѣются только въ слогахъ за удареніемъ: знá*и*т, аврá*ж*ик, бýд*и*т, асиннич*и*к, закусит*и*, рассѣ*и*л, Мáсл*и*нц*ы* (дат. п.), па ýлиц*ы*, х Пáсх*и*, па бальшой дарóги, óс*и*ни. Но: сер*é*дняй, песóк.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: вдвая́; бер*é*зничик (не ё); м*у*зóли; с кáм*у*шкам; в *у*гарóдѣ; крá*ю*шик; пав*я́*сниш (по-

виснешь на кустѣ), да не разарвёш (рубаху, сшитую изъ домашняго холста).

Вставки и пропуски гласныхъ: *ишли́*; *серéдняй*; карнавáнія, сырмалóтам; Мáслинцы.

Согласные.

5) Звукъ *г* произносится по-московски, въ концѣ словъ переходитъ въ *к*.

Мягкаго *к* послѣ мягкой согласной не отмѣчено (скóлька); мягкія *к* и *г* замѣняются *т* и *д*: бáрс*ти*-ти были, Ни*тú*фарыч, лúш*ти*, за*тú*нули, бачёначь*ти*, в бáрс*тих*, аднинá*тих*, даже: в Мас*т*вѣ (*т* очень слабо); в акрýд*и* (*д* неясно). Впрочемъ, есть отмѣтки, что *т* слышится очень слабо и что мой собесѣдникъ говоритъ чаще *к'* чѣмъ *т'*.

6) Группы согласныхъ: *вн*óга; *мн*ýчка; кручё*шн*ая, щёта*шн*ая ремеслó, парядá*шн*ая; *х* Пáсхи, даже: *х* Мáслинцы; да*жьж*ú дó*жьж*ичик.

7) Твердость и мягкость согласныхъ: к*р*ýчёшная (крючечное); г*ры*бы́; гра*фы*́ня; дамáшн*а*ва; спé*рь*ва, Пе*рь*хýшескай; *сь* и́ми (произнесено: *сь júми*).

8) Изъ мелкихъ особенностей въ согласныхъ отмѣчено только: тапéй (теперь).

Вставки и пропуски: вь *é*ту сторону (приставка *j* и смягченіе предшествующей ему согласной); сь э́тай (мягкое *с* получено изъ формъ, начинающихся съ *j*); пан*д*рáвилис; се пря́ма (все); как ни зглянú (взгляни); есь, шесь; маскóскай, Перьхýшескай, францýскава; бискарысная.

9) Удареніе.

На корнѣ: спéрьва, дóлбиш, óзераф здѣсь нѣтути; на окончаніи падежей: вдвая́ стáла (дороже), с карня́, кафтаны́, ф

кафтанáх, па ращя́м; глаголовъ: я убрáла, приня́ли, выткёт; предлоговъ и приставокъ: пóд Маскву, при́жились.

10—12) Формы именъ и мѣстоименій: Дамáшнава обихóд*у*, с францу́скава гóд*у*; у гаспаж*ѣ́*; бу́р*яф*.

Серéдн*яй*, маскóск*ай* и др. тому подобныя; родительный на *ава*, *ива*, какъ и во всѣхъ, впрочемъ, говорахъ; ру́ск*аю* (вин. пад.); мундéрн*ыи*, забóрчат*аи*, плетнёв*аи*, ялóв*аи*, самарóдн*ае*; как*á* там ты́щя, бáрст*и* были.

Минѣ́ (дат. п.), хтó *е* знает; сь ими, за им; бери все*ю́* (всю); сваé (свои), ф числах в аднéх.

13) Глаголы.

Мужчина говоритъ обыкновенно въ 3-мъ лицѣ единственнаго и множественнаго числа *тъ*. Мягкое окончаніе у него очень рѣдко: мóже*ть*, вяду́*ть*.

Возвратный залогъ у него оканчивается «иногда твердо» (отмѣтка въ записной книжкѣ): далжáли*съ*, пандрáвили*съ*. Примѣры мягкаго произношенія, очевидно, наблюдались, но не отмѣчались.

Другіе случаи: састриґёт; растрéпит; аттэда *владáл* землёй; мы атяга*т*ёны землёй (отягощены).

14) Неизмѣняемыя слова: кудáй-та вяду́ть (куда-то); по*к*éда (послѣ *к* почти *о*), аттэ́да, лѣ́тась, не нáдать, нѣ́тути, нѣ́туть.

15) Синтаксисъ.

Число: праскачи́л тут *грып*: аси́навай и бѣ́лай.

Членъ: бáрсти-*ти* были.

Предлогъ: адин дом *пад* желѣ́зам (подъ желѣзной крышей).

16) Иностранныя слова: антересу́ются этим (интересуются); мундéрные; с *н*екрутáми; фами́лія (= имя, названіе: рѣ́чка наша небальшáя—Незнáнка фамилія); фами́льныи гаспадá

(князья грузинскіе; = знатные, высокіе); шико́рнѣе адѣва́тца ста́ли (шикарнѣе); Шмель (=Шамиль).

№ 17. Дер. Давы́дково Звенигоро́дскаго уѣзда Перху́шевской волости.

На рѣкѣ *Не́зна́нкѣ*. По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ»: *Давыдкова*, при рч. *Незнани*, № 2857.

Населеніе—бывшіе экономическіе крестьяне. По занятію—щеточники и крючешники.

Записывался разговоръ въ одной крестьянской семьѣ, также разговоры на улицѣ и въ трактирѣ (конечно, здѣшнихъ крестьянъ). Мѣсто и лица, надъ которыми дѣлались наблюденія, сравнительно культурны.

Гласные.

1) Говоръ акающій съ формами: пло́тит, зако́тять.

2) Яканье: *жана́*, сямна́тцать, фчяра́сь, тетерява́, налягáли, цана́, дява́ть, в лясáх, у яво́, яво́, ничяво́, мудряно́, чяты́ри, бяды́, яму́, к няму́, бяру́ть, привязу́ть, Пятру́ха, пирпалу́иш, на бягу́, в лясу́, тро́я, на на́шай. Сравн.: абяза́тельна. Подобныя произношенія наблюдались даже у молодыхъ грамотныхъ и бывалыхъ людей.

3) Иканье: *вилять* (велятъ), *литѣл*, *глидѣ́ть*, *глидѣ́л*, *пагли-ди́мъ*, *пагли-ди́*, *чиво́*, зарабо́таиш, мѣ́сиц, пасиди́ти, пайдёмти, по́сли. Но: дровеники́.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: зараба́тываюмь; пасё́ф; атпре́чь; бревёнчятых.

Вставки и пропуски согласныхъ: *ишо́л*; прима́ю (принимаю); вружи́тца (вооружиться).

Отмѣченъ одинъ случай стяженія въ глаголахъ: ду́маш.

Согласные.

5) Звукъ *г*=*h*, въ концѣ словъ: *к*.

К въ концѣ словъ твердо: тóль*ка*.

Мягкое *т* вмѣсто *к* слышано только въ трактирѣ въ говорѣ одного лица, можетъ быть, не здѣшняго: пустя*ти́*, зам*ти́*. Случаевъ съ *д'* вмѣсто *г'* не отмѣчено; наблюдалось лишь обратное произношеніе: *г*ли чивó (для чего).

6) Группы согласныхъ: щёто*шн*ики, крючé*шн*ики, кирпи́*шн*ыи, заку́са*шн*аю (закусочную); дó*жьж*ик, дó*жьж*ичку; я́рма*н*ачка; ф тра*хт*и́рах, *х* Пакрóску.

7) Твердость и мягкость согласныхъ: ру*пь*; оче*нь*; *с*удá (сюда); спе*рь*ва (удареніе не отмѣчено), ущé*рь*п, к вé*рь*ху.

8) Мелкія особенности въ согласныхъ: слабóдна (свободно); тапéй (теперь; неясное, но близкое къ этому произношеніе); óпчеству, óпчества; чижалó, чижóлая, чижéльше.

Пропуски согласныхъ: есь, мáннась, зáвись, вы́несь (вынести); вы́дить (выйдетъ); х Пакрóску.

9) **Удареніе.**

На корнѣ: спéрва; на окончаніи падежа: на петля́х (именительный, вѣроятно, какъ въ Рязанской (Зарайскъ) и Калужской (Мещовскъ): петля́); глаголовъ: начáл; особыхъ словъ: балати́стая мѣста.

10—12) **Формы именъ и мѣстоименій:**

Лучишк*у* пасáдиш, прагóн*у* нѣтути; двѣ княжн*и́*; Петьк! (зват. пад.), Вань! пади. . . . (зват. п.) Пéтькай![1]) (зват. п.); азер*óф* нѣтути; у Өёдар Васильева (вм. Өедора). Здѣшн*яй*, кáжд*ай*; лѣташн*яв*а; заку́сашн*аю* (закусочную); кирпи́шн*ыи*; рáд*и*; как*у́*-та гадась; чижéль*ше*.

---

1) Такъ я передавалъ тотъ согласный, который слышится въ концѣ словъ при протяжномъ его произношеніи. Теперь это кажется мнѣ ошибкой. Нужно ставить: ў.

Въ её (въ нее), у ей (у ней): на их (на нихъ); *э́дака*; в абѣ́их; *маму́* (моему); па *э́фтаму* (произношеніе грамотнаго и бывалаго крестьянина); *э́кти* (запись нечетная и фонетически сомнительная).

13) Глаголы.

Окончанія 3-го лица единственнаго и множественнаго числа мягки. Послѣдовательная мягкость встрѣчается, конечно, только въ старшемъ поколѣніи, но и нестарые грамотные и бывалые люди часто говорятъ на *ть*. Примѣровъ много: хвата́и*ть*, зна́и*ть*, гаваря́*ть*, ни бяру́*ть* и т. п.

Возвратный залогъ оканчивается твердо и мягко: паста-ра́л*са*, кати́те*са*, удивля́юс, фстрѣ́л*ся*, ни сказа́л*си*. Окончаніе *тся* (и *ться*) обыкновенно звучитъ: *тца*: ката́*тца*, дажида́и*тца* и т. д.

Вмѣсто *одѣвается: адіётся* (каждай па сваему даходу адіётся).

Другіе случаи: ни можуть; хо́чете; *ля́гить*; она *щипа́ет* карова (траву), *садержа́ет* мастеро́ф; *напо́тчивает*; про́бать (пробовать); *ити́ть*; пало́ш (положи); нако́ла*н* (нако́лотъ).

На улицѣ слышалъ произношеніе: ничиво́ ни здѣ́л*у* (не сдѣлаю). Мнѣ не удалось узнать, здѣшній ли обыватель такъ сказалъ.

14) Неизмѣняемыя части рѣчи: третёвась (третьяго дня, на дняхъ), атсэ́да, нѣ́тути; х*у*ть семе́йства свае пракарми́ть; *неш* не пустит? (нешто, развѣ).

15) Синтаксисъ.

Родъ: кака́я, может, препятствія бываетъ.

Число: хто в ку́зницах *ку́ють* (=нѣкоторые); *грып* бѣ́лай, паддубо́вик растёт (собирательно); *сасны́* о́ченъ ма́ла (сосенъ); *рак* вы́велся.

Членъ: ры́пка-*та* есь, ма́тери-*ты* нѣ́ту, на па́шай рѣ́чки-*ти*.

Предлоги: заработаиш палтара рубля *на* день (въ день).

16) Иностранныя слова: гинара́л; кварте́ра; *Ми́*лава жена́ (Нилова); Па*х*ну́тія; пе́н*з*ію; па пла́н*т*у; экза́мен*т*.

№ 18. Ликова́ Звенигоро́дскаго уѣзда Перху́шевской волости.

На рѣкѣ *Ли́ковкѣ*. По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ», при рч. *Ликовѣ*, № 2856.

Гласные.

1) Говоръ акающій.

2) Яканье: *я*во́, зачѐм *жа*; сравните: *я*чме́нь.

3) Иканье: н*и* пир*и*во́дють, л*и*сит*и́*ны, св*и*ще́нник, м*и*ста́ми (не очень ясное *и*), забалѣ́*и*т, палѐгч*и*, пачи́щ*и*, деся́тач*и*к, ф Сакало́в*и*, в дере́вн*и*, в адно́м мѣ́ст*и*. Но при этомъ: версты́, четы́ри, решето́м (ясное *е* послѣ *р*).

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: двух-*е*та́жнай дом, *е*да́кай (этакой); приставка гласнаго *а* въ словѣ: *а*галѐц, *а*галёчки.

Согласные.

5) *Г*=*g* и *к*; *к*ы́ска;

6) кирпи́*шн*ыи заво́ды; *вн*о́га; да*жъжя́*; у одно́й женщины наблюдалось въ произношеніи *щ* отчетливое *ч* съ очень мягкимъ предшествующимъ *ш*, которое на слухъ мало отличается отъ мягкаго *с*, почему и записано: *исчя* (исчя ей нѣту), *сч*ётки.

7) г*ры*бы́, г*ры*бны́и, о́чен*ь* (наблюдались произношенія и съ среднимъ *н*, ни́ твердымъ, ни мягкимъ), ве*ръ*хо́м; пака*ря́*чюсь.

8) бпчества, апчѐственная, *χ*рестьян, *χ*ресьянину; се (все; *се равно́*, гдѣ *все* — энклитика); на́чит (значитъ, употребляемое какъ присловіе), есь, рось (расти), павсемѣснасти (по всемѣстности), Перху́шескай (Перхушевской).

9) **Удареніе.**

На корнѣ: оспа приви́тая; на окончаніи падежа: с карня́; глаголовъ: перевёлся (ячмень перевёлся: раньше сѣяли).

10—12) **Формы именъ и мѣстоименій.**

Правбзу нѣту; Катерин! (зват. пад.); занятіяф нѣт.

По́д*лай*; э́*тава*; грыбн*ы́и*, раздѣлён*ыи*, как*іи*; му*шка́я* адёжа (мужская); ближа́*щіи* гарада́ какіи? (сказано послѣ вопроса: какіе ближайшіе города?).

Я *те* пака*ря́*чюсь (ребенку)!; *ей* нѣту (ея); ат их; е́*д*акай.

13) **Глаголы.**

3-ье лицо единственнаго и множественнаго числа даже у мужчины часто оканчивается на *ть*: идё*ть*, живё*ть*, наберё*ть*, пиривбзю*ть*, умѣю*ть*, вывбдю*ть*, нбсю*ть* и мног. др. Конечно, слышится нерѣдко и твердое окончаніе: цвѣтё*тъ*, заболѣи*тъ* и др.

Изъ формъ возвратнаго залога отмѣчены лишь: кувырка́*сься*, случа́и*тца*, лажа́*тца*.

Другія формы глаголовъ: ѣздіют; ити́ть, уйти́ть; разу́мши (разувшись).

14) Неизмѣняемыя слова: пасля́, атсэ́да, нѣту, нѣтути.

15) **Синтаксисъ.**

Родъ: *манéр* едакай.

Число: нища харбшава *гриба́*-та нѣт.

Членъ: э́та-*та* есь; три версты к ста́нціи-*та*, лѣса́-*та*; старинна́й адёжины ни найдёш *её* (мѣстоименіе *её* по смыслу приближается къ члену).

Предлогъ при неизмѣняемомъ словѣ: сайдёть *на* нѣт.

16) Иностранныя слова: *магазе́йная* житница (народная форма этого слова совпадаетъ съ старой литературной: конецъ XVIII вѣка и начало XIX); названія здѣшней мужской одежды: серъту́к, пинжа́к, дипламáт.

№ 19. Раска́зовка Звенигоро́дскаго уѣзда Перху́шевской волости.

На ручейкѣ «*Сѣтанкъ*». По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» называется еще *Федосьино* и *Федосьинскіе выселки*, № 2855.

Крестьяне бывшіе экономическіе.

Гласные.

1) Говоръ акающій съ формами: пло́тим, пасо́дить.

2) Яканье: сямна́тцатава, мятяжа́ (такъ произнесено это слово при чтеніи), пагряба́, ф пагрябáх, бяда́, паязда́, яво́, ничяво́, фсяво́, витярóк, сяло́ Ѳядо́сьина, шасто́й, цалко́вых, вярсты́, дяру́т, бара́начак, по́ля (имен. пад.), така́ жа, во́симьдисять.

3) Иканье: ничиво́, сибя́, сибѣ́, ди́ре́вня, на тилѣ́гѣ, сичя́с, фпригём, стисня́ть, мища́ни; ви́дити, бо́льши, во́симьдисять, сти́ним (скинемъ), ф трахти́ри, ф коры́ти, лисава́я. Рядомъ: себѣ́, желѣ́зам.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: распе́лютца; глыбо́кіи; ля́ндушки (ласкательное отъ: ландыши), ишли́.

Согласные.

5) *Г* произносится по-московски, въ концѣ словъ обращается въ *к*: блук (плугъ), авра́к.

Въ рѣдкихъ случаяхъ можно слышать мягкое *т* вмѣсто мягкаго *к*: *ти́*слай, *сти́*ним (скинемъ), ника*ти́х*.

6) Группы согласныхъ: гу*вн*ó, *што*, дá*шн*икаф (дачниковъ), ф тра*хт*íри.

7) Твердость и мягкость согласныхъ: г*ры*бóф; пé*рь*вай.

8) Мелкія особенности въ согласныхъ: *х*рестá, *х*ресьяни, а*нб*áры, б*л*ук (плугъ), дрá*ж*нитца (дразнится), чижóлая, апчéственныхъ; дó*щ*ик (дождикъ).

Пропуски согласныхъ: есь, лѣсь (лѣзть), давéсь (довезть); рýскава; маскóскай; прáзник; сичяс; *бáло* ф шляпѣ хадили (бывало).

9) Удареніе.

На корнѣ: вымбють, урóдитца; на окончаніи: лисавáя (лѣсная); глаголовъ: занялѝ, атнялѝ, атпёрта; предложныхъ словъ: не нáдалга; особаго слова: вьюгѝ (родит. пад. единств. числа).

Формы именъ и мѣстоименій.

10) Существительныя: с вакзá*лу*, пáлубнику купить; у стáрасти; вишиньи (им. п. мн. числа); *звѣрья* какіи: валкóф давнó не видим....

11) Прилагательныя и числительныя: пéрьв*ай*; рýск*ава*; в Падóльск*им* уѣзд*и*; как*іи*, паяздá чáст*аи*; такá жа буря была, у нас радительск*а* прáзник, на нóв*а* мѣста, в другý дерéвню; калý*цкаи* дароги (калужскія); семóва (седьмого); вóсимьдис*ять*.

12) Мѣстоименія: Формы мѣстоименій 1 и 2-го лица и возвратнаго въ родительномъ и винительномъ падежахъ слышались лишь литературныя.

Отмѣчено только: вады *в ём* не имѣитца; *за ùми*.

13) Глаголъ.

Окончанія 3-го лица единственнаго и множественнаго числа мягки; примѣровъ отмѣчено много: пайдё*ть*, таргý*ить*, рабó-

та*нть*, работа*ють*, пакупа́*ють*, во́зю*ть*, вымо́*ють*, стисня́*ть* и др. Конечно, рядомъ нерѣдко слышатся формы на *тъ*.

Для возвратнаго залога оказались только записи съ окончаніемъ *тца*: абу́*тца*, адѣ́*тца*, папада́ю*тца*.

Другіе случаи: биригём; сы́пим, щи́пить (щиплетъ); хош (хочешь); ни про́бали грыбо́ф; памалѐпствали; по́ міру *итить*; лѣсь (лѣзть, лѣзти), давѐсь (довезть, довезти).

Запись *кладаим* я не рѣшаюсь считать не сомнительной, хотя для сравненія съ нею и могу указать нерѣдкія въ говорахъ формы: *складаим*, *укладаим* и др. съ префиксами.

14) Неизмѣняемыя слова: атсэ́да, *паза́дь* деревни, на́дать (надо), нѣту.

15) Синтаксисъ.

Число: земляни́чка радитца, ато нѣтъ никакой больши *я́гады*.

Падежъ: *ла́фкай таргу́ить* адно́й то́лька.

Членъ: го́лову-*та* ф кары́ти вымо́ють.

16) Иностранныя слова: бывала шу́пки были с *пра*зумѐнтами (позументами); ни дяру́т карьё: у нас э́тай *мо́ды* (обычая, обыкновенія, занятія) нѣт.

№ 20. Село Су́ково Московскаго уѣзда „Тро́ицко-Голени́щинской“ волости.

На рѣчкѣ *Сѣтунькѣ*, въ 15 верстахъ отъ Москвы. По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» насывается еще *Константиновка*, № 443.

Здѣсь дѣлались сравнительно продолжительныя наблюденія надъ говоромъ различныхъ жителей деревни. Записано немало изъ разговоровъ дѣтей.

Звуки гласные.

1) Аканье и его послѣдствія: плóтим, заплóтит, стóщим, вóлют, сичяс абóрют (о чаѣ), сóдют.

Въ глаголахъ вида несовершеннаго подъ удареніемъ наблюдается *а* въ слѣдующихъ случаяхъ: зарабáтывать, паварáчивать, агарáживать, настáивает, пер'рабáтыватца.

Замѣчательно, что при полномъ аканьѣ говора мнѣ слышались произношенія съ яснымъ неударяемымъ *о* въ словахъ: цолкóвай, цолкóвых (на такое произношеніе оказались двѣ записи).

2) Слогъ предударный съ *я* за *е*: чявó (рѣдко; обыкновенно: чиво), ничявó, *я*мý, явó (*я* неясно; двѣ записи и въ обѣихъ такая отмѣтка), напляváть.

Это рѣдкое явленіе въ говорѣ; рядомъ, въ Михалковѣ (№ 448, называется еще *Ильино*), не на большой дорогѣ, яканье сильнѣе; въ короткомъ разговорѣ я слышалъ: жанá, цанá, цалкóвай, явó, чявó, вярстá, на явó;

слогъ за удареніемъ открытый: двóя, ф трóя, учéнья не дáсса, пачтéнья, гóря (именительные падежи), в мóря (в. п. е. ч.), скарѣя (и скарѣй), трéтья лѣта, альлянóя масла; мѣняйтя, атайдитя (дѣти);

*ш*тó-*жа*, кудыі-*жа*, нáш*а* (ср. р.),

закрытый: капéякъ, дéнях, на нижняй старанѣ, па нáшаму мѣсту, пад зáдняй и пад зáдній.

3) *И* за *е*, *ѣ*, *я* въ слогѣ предударномъ: вс*и*гдá, *и*двá-ли, см*и*тáна, нач*и*вáть, сим*и*нá (дѣти), ивó, чивó, нич*и*вó, *и*Бóгу (ей Богу; дѣти) ст*и*клóм, б*и*ссóвѣсная (произн. взрослаго), н*и* мóжит, в*и*дý, б*и*ззýбай, атн*и*сýт, прив*и*зý, ч*и*тыіри, *И*лéна, чіёвничаити, дав*и*зём, л*и*пёшак, с*и*лётки, читьвéрьк, ф Сирёшкави, з*и*млёй, пл*и*тнёвай (им. п. м. ч.), пат*и*мнѣй, іё, с*и*бѣ, в*и*ди, ни в*и*лй, з*и*мли, с*и*чяс, *и*ща, *и*щё;

ж*ы*нá, лаш*ы*дéй, ш*ы*сти, также: ж*ы*лѣла;

*би*гла́, *си*до́къ, *ми*сно́е, *ми*шо́к, пріи*жьжя́им*, вы*и*жьжя́им, *ми*ня́ют, разм*и*ня́л, смі́ютца, застр*и*лю́ (дѣти);

рядомъ: се*л*ётки, в*е*дро́, с*е*мо́й (ясное е), теб*ѣ́*, ни ба*л*у́йте, см*е*ётца; есть запись: «дѣти икаютъ сильнѣе»: заб*и*га́й, п*и*ту́ха (относится къ дѣтямъ, которыя еще только начали посѣщать школу);

в*и*за́ть, зан*и*та́ (дѣти), сн*и*то́я малако, ч*и*жо́л, гл*и*жу́, *и*зы́к, пач*и*жа́льшы, гл*и*дѣ́ть, п*и*тёрку, за п*и*тёрачку, р*и*ди́са (рядись), *и*йц, трис*и*́на (тѣ же дѣти), нар*и*ди́ла, гл*и*ди́, гл*и*ди́т (дѣти);

и за *е*, *ѣ*, *я* въ слогѣ за удареніемъ: читы́р*и*, тро́*и* (впрочемъ, здѣсь *и*, м. б., древнее) ны́ньч*и*, вы́н*и*су, се́р*и*ду,

бли́ж*ы*, ху́ж*ы*, пати́ш*ы*, пада́льш*ы*,

кричи́т*и*, по́мн*ити*, забу́д*ити*, бу́д*ити*, лѣ́з*ити*, чіёвничa*ити*, палучи́т*и*, праща́йт*и*, дава́йт*и*;

о́ч*и*нь, шесь гри́в*и*н, каро́т*и*нькай, по́м*и*р, вы́л*і*й, зарабо́та*и*ш, паѣ́д*и*ш, пріижьжя́*им*, выижьжя́*им*;

есть запись: «*и* за *е*, *ѣ*, *я* ясно и правильно только за слогъ до ударенія»: н*и* прайди́, н*и* наѣ́дишь и др.; *и*равы́я, п*и*тачёк; сравнить съ этимъ замѣчаніемъ записи: з*и*л*е*нщы́к (торговецъ зеленью), ч*и*жа*л*о́ и т*и*жа*л*о́, к с*и*нтябрю́;

записано также, в *и*кано́міи, *и*тыпа́ш (экипаж) (э = е = и), н*и* падава́ть,

Миха́ил*и*, тётк*и* Ма́рь*и*, Алён*и*, каро́в*и*, канфе́тачк*и*, дѣвачк*и* (все дательные падежи),

на свѣ́т*и*, ф Терёшкав*и*, ф Сирёшкав*и*, в этимъ дѣл*и*, на той недѣ́л*и*,

па у́лиц*ы*, въ са́харниц*ы* (пред. пад.), въ бальни́ц*ы*; де́в*и*ть, абы́ч*і*й,

4) *А* замѣненное *ы*, *и* отмѣчено только въ произношеніяхъ: д*ы* худы́и (пѣсня), в*и*сильки́; обратно *а* за *ы* слышано въ словахъ: р*а*ча́к (рычагъ), заро́д*а*ш (произнош. малолѣтняго).

Е вмѣсто *я* находимъ въ словѣ: м*е́*чик (ме́чика, ме́чикам); въ другихъ отмѣченныхъ мной случаяхъ: вз*е*ла́, на т*е*жа́х, щ*е*ве́ль — звукъ *е* слышится неясно;

Но послѣ *ж е* вмѣсто *а* слышалось ясно: ж*е*ра́, ат ж*е*ры́, паж*е*лѣит.

У вмѣсто *о* видимъ въ: х*у*шь (хоть: х*у*шь толстаи пальцы; энклитика).

Отмѣчены также произношенія: т*а*пе́рь, р*а*бё́нка.

Въ началѣ словъ иногда слышится *э*: э́жели, э́жель (*э* неясно), э́сли (*э* неясно), э́два-ли, эль, эжель (э неясно).

Рядомъ съ этимъ *е* на мѣстѣ *э*: е́тава, абъ е́ту, не е́тай (тв. пад. жен. р.); е́нти (дѣти), печенья *е*йне́мскава (отъ Эйнема).

На мѣстѣ *е* ударяемаго слышано *ё* въ произношеніи: небё́снава (ради Христа небё́снава; произношеніе нищей, которая, вѣроятно, изъ окрестностей).

Въ словѣ крючё́шники *ё*, кажется, можетъ объясняться тѣмъ, что это не очень старое слово.

Совсѣмъ не ожидалъ услышать звукъ *ё* не подъ удареніемъ, но наблюдалъ произношеніе: на *ё*во́ (на *ё*во́ записать долк = въ его счетъ).

Е, *ё*, *я* на мѣстѣ *и* въ словахъ: малате́льщики (ср. глядѣльщикъ, жалѣльщикъ...), ребятё́шки (ср. ребятё́жъ, ребятё́нки), што́-ля (давай хлѣба што́ля!), мно́га-ля (я неясно; ср. апасля́ и подобн.)—не фонетическаго происхожденія.

И не обращенное въ *й* видимъ въ произношеніи: ко́*и*-как (пахаронют ко́*и*-как); *й* изъ *и* наблюдаемъ въ произношеніяхъ: займа́тца, найма́ет.

У вмѣсто *ы* находимъ въ произношеніяхъ: муж*у*ка́, муж*у*ки́, пятн*у*шка, с*у*раѣшки;

обыкновенно произносятъ: гл*ы*бо́ка, глы́п'ка, гл*ы*бо́кіи.

Излишній гласный наблюдаемъ въ слѣдующихъ произношеніяхъ:

*а*гальцы́, *а*ржано́й, *а*ржана́я, *а*пасля́, *а*крамя́, *а*грама́тнай (громадный), с*а*маро́дина, г*а*лубни́ка (клубника), в*а* ста́да (в. п.), у́г*а*ляф (р. п. м. ч.), о́ченн*а*, ту́т*а*, э́ват*а* (э́ват*а* наш картофель), э́ван*а*, э́н*а* (э́н*а* какъ, эн*а* гдѣ), *и*рва́л (ягады ирва́л), *у*пако́йница.

Пропускъ гласнаго находимъ въ такихъ случаяхъ:

ни пав'ратить, бар'навать, раз'дрались, пер'таскали, пер'дѣлились, пер'ливай, к'расину, пал'сапóшки; счяс (сейчáсъ, сичясъ), спрáвна живутъ (небѣдно, въ довольствѣ; во Владим. г.: испрáвно), ицá (яйцá); снесь (снести), весть (везти), падмéсь (подмести), несь и несть (нести), пасть (пасти);

каль (коли, если), éжель, што-ль (слышишь што-ль?; запëръ што-ль?), жъ (какая-жъ эта закуска?), пахóжъ (похóже, кажется: пахóж, заплатил),

глып'ка (глубоко), картóф'лю.

Изрѣдка наблюдаемъ стяженіе: тв*а*вó, с*а*рудил (сарудил храм, Бог знает как), ста*л*абрятцы (старообрядцы), раскáзыв*а*т, ба*л*т*á*ш (што ты ба*л*т*á*ш), Бóзн*а*т (Бозн*а*т как), ни выгавáрив*а*т.

Подобныя стяженныя глагольныя формы слышатся очень рѣдко, но всетаки слышатся. Онѣ вызываютъ на размышленіе, такъ какъ не соглашаются съ основной чертой московскихъ акающихъ говоровъ—измѣненіемъ стоящаго за удареніемъ *е* на *и*. Если бы эти формы были образованы раньше того, какъ возникла эта замѣна, то онѣ были бы одинаково присущи какъ окающимъ, такъ и акающимъ говорамъ и встрѣчались бы въ послѣднихъ во многихъ случаяхъ, но этого не замѣчается. Послѣ перехода *е* въ *и* образоваться онѣ уже не могли. Рѣдкія произношенія, какъ въ данномъ говорѣ, можно объяснить заимствованіемъ, но въ такихъ случаяхъ, гдѣ стяженіе обыкновенно, нужно предположить или говоръ, въ которомъ аканье недревне (каковы, напримѣръ, шуваловскіе цокающіе говоры Боровскаго у.) или говоръ, который подвергся сильному вліянію окающаго говора (Харугино Московскаго уѣзда).

Есть еще записи формъ, гдѣ слышалось стяженіе, такъ сказать, неполное, неясное:

на 'ркáни (на арканѣ), на 'стальных (на остальныхъ).

Согласные.

5) Звукъ *г* произносится по-московски, переходя въ концѣ словъ въ *к*: долк (долгъ), ат но*к* и т. п.

Г произошло изъ *к* въ словѣ: буерáги (ср. сапок—сапоги).

Записано также: гаварíлъ почти *к*аварíл (очевидно, индивидуальный случай), землинíга, чернíга, *к*рыжóвникъ (правильно; по-владимирски: *г*рыжóвникъ).

Твердый слогъ *кы* находимъ въ: ш*кы́*ри: куды́ ш*кы́*ри (крикъ на овецъ во множ. числѣ; первоначальное: ш*кы*рь—междометіе).

Замѣна мягкаго *к* мягкимъ *т* выражается въ говорѣ очень слабо; сильное вліяніе московскаго языка и грамотность сдѣлали эту черту едва замѣтной, и если бы я наблюдалъ суковскій говоръ такъ же недолговременно, какъ другіе, то очень вѣроятно, что эта особенность говора могла бы остаться незамѣченной, тѣмъ болѣе, что пришлось при наблюденіи записать: «т' равное к' замѣчается, когда вслушиваешься; женщина» [1]).

Приведу записанные примѣры: *с**т**ипи*тъ (вскипитъ, женщина), вады *т*ипячёнай (*т* не очень ясно; женщина), вся́*т*ихъ, му*т*и́, капѣ́й*т*и (т слабо), кой-ка*т*и́, вся́*т*іи (т не очень ясно), та*т*и (такіе), давы́дафс*т*и (давыдовскіе).

Естественнѣе держаться звуку *т* въ словахъ иностранныхъ, которые менѣе употребительны, болѣе обособлены и звуковая форма которыхъ не такъ ясна для говорящаго; поэтому слышатся произношенія:

э*т*ипáжи, и*т*ипáш, *т*исея́.

Изрѣдка наблюдается обратная замѣна: *ф* *к*ѣснам (въ тѣсномъ), при*к*ѣсня́ютъ (мужикъ), *к*есть (мужикъ).

Окончанія *кя* почти нельзя приписать говору; оно слишкомъ рѣдко: одинъ примѣръ, гдѣ окончаніе слышано неясно (толь*кя*), можетъ быть простой ошибкой слуха, другой слышанъ только

1) Больше такихъ произношеній я слышалъ у женщины, уроженки ближайшей мѣстности.

въ пѣснѣ, при пѣніи (над рѣчиньк*яй*). Несомнѣнно то, что обыкновенное окончаніе — *ка*, что мужчины говорятъ въ данномъ случаѣ литературно, но въ говорѣ старухъ и неграмотныхъ женщинъ—съ тѣми и другими мнѣ не приходилось хорошенько поговорить—вѣроятно, удалось бы услышать и мягкое к въ концѣ словъ.

Сочетаніе *хт* на мѣстѣ *кт* (*гт*) находимъ въ произношеніяхъ: *хто*-й-та (кто-то: мостъ сламалъ *хто*-й-та; кто это: *хто*-й-та?), ни*хтó*, дó*хт*ар, дó*хт*ара, дó*хт*ар-та, тра*хт*и́р, в тра*хт*и́рах, тра*хт*авáя дарога, па пришпé*хту*, нó*хти* (нóгти).

Другія отличія въ произношеніи звуковъ *к* и *х*:

х дóчери, х дóму [1]);

х камý, ни *х* камý;

*х*рести́ть, пере*х*рéстим, *х*рестóм, *х*рêснай (крестный отецъ), *х*ресья́нскіи (крестьянскіе), хресья́нства (крестьянство);

обратно: *к*ресья́нскай долк исправить (= христіанскій), на Пáс*к*у.

6) Группы согласныхъ.

Группа *шн* вмѣсто *чн*: скý*шна*, ни падрý*шна*, канé*шна*, ру*шн*ыи, рѣ*шн*ýю, загранú*шн*аи, бýта*шн*ик, дá*шн*ики, дá*шн*икаф.

Группа *шт* и *ст* за *чт*: *што*, ни уни*стó*житца.

Группа *мн* на мѣстѣ *вн*: *мн*ýчку (впрочемъ, это произношеніе крестьянина-двороваго изъ окрестностей), дерé*мн*я, дерé*мн*и (*мн* неясно), ф дерé*мн*и (ясно, хотя произнесъ учащійся), дерé*мн*ю (неясно; учащійся), да*мн*ó (неясно; учащійся).

Нт вмѣсто *тт*: а*нт*э́да, а*нт*э́лѣ, а*нт*ы́да.

Двойное мягкое *ж* — *ж'ж'*: дó*жьж*ик, ма*жьж*ю́ха (можжевельникъ) и т. п. — обыкновенное произношеніе; твердаго двойного *ж* я не слышалъ, но это, конечно, еще не значитъ, чтобы такого произношенія вовсе не было: нѣкоторыя исчезающія

1) Въ этихъ двухъ примѣрахъ, вѣроятно, неточная запись: слѣдовало бы на мѣстѣ *х* записать *h* или γ.

формы, какъ экземпляры рѣдкихъ растеній, находятся только при продолжительныхъ и тщательныхъ поискахъ или при счастливой случайности.

Ши твердое вмѣсто *щ* мягкаго—рѣдкость; я имѣю только одинъ примѣръ: тава́ри*шш* (неясно, но не мягкое *щ*); чаще слышатся остатки такого произношенія: динь*ш*ыка́, пріё́м*ш*ыкъ, зилен*ш*ы́к (торговецъ зеленью).

Сч=*щ*: ты́*щ*и (тысячи, тысчи), *щ*яс (сокращенное: сейчасъ).

Тц вмѣсто *ц* лишь въ словѣ: лимина́*тц*ія [1]) (т слабо).

Записаны также произношенія: мя́г*ше* (?) [2]); лё́хши (легче).

Т + *с* = *ц*: деся́*ц*кай.

Книжнымъ: *лучше*, *получше*, *лучшѣетъ*, соотвѣтствуютъ произношенія: *лу́чи*, *лу́ччи*, *палу́ччи*, *лу́ччіит* (дѣлается лучше).

7) Твердыя согласныя на мѣстѣ мягкихъ: ск*ры*пи́т, г*ры*бы́, г*ры*ба́ (р. п. е. ч.), к*ру*чё́шница; гра*фы́*ня, гра*фы́*н, *фы*вирки (фейерверки; по-владимирски обыкновенно: *фи́*верки); о́чин*ъ* (но чаще: о́чинь); я́бла*на*; я́бла*ны* (м. ч.), вы*на́*итъ [3]) [вынянтъ: я думал, онъ бумаги вы*на́*ит (дѣти)]; пис*ь*мо́.

Мягкое *р*: пе*рь*ва́, пе́*рь*вай, пе́*рь*вава, пе́*рь*ваму, пе́*рь*вая, пе́*рь*ва деревня, ве*рь*х, ста́*рь*шай, ста́*рь*шее, ки*рь*ку́, Се́*рь*пухав; но также часто и твердое *р*: ф Се́*рг*пухави, не дё́*рг*гай и др.

Мягкое *н*: баро́*нь*ша (*нь* неясно).

Конечная согласная предлога (нарѣчія) передъ *э* звучитъ иногда мягко: и*зь* э̆тава, во*ть* э̆ту.

8) Мелкія особенности въ употребленіи согласныхъ.

Исключительные случаи замѣны однихъ согласныхъ другими:

в замѣняется *л*: *сл*або́дин, *сл*або́дна,

з замѣняется *ж*: ни дра*ж*ни́, раздра*ж*ни́л,

---

1) Слышалъ и: лимина́ція.

2) Вѣроятно, произнесено: мя́хше.

3) М. б., по аналогіи съ формами: помин*а́ть*, *знать* и др. под.

л замѣняется *й*: картôфій, картôфію (род. п.) и картофью,

м замѣняется *н*: ни́мо,

н замѣняется *м* и *л*: *М*икôлка, сум*л*и́тельнай,

п замѣняется *б*: *б*лу́ги,

р замѣняется *л*: си́*л*ѣчь (сирѣчь, то-есть),

с замѣняется *ц*: плô*ц*ка (у бабки; по-влад.: плôска и плô*ц*ка),

т замѣняется *ч*: *ч*ижôлаю (в. п.), *ч*ижелѣ́ют, *ч*ижéльнась (=тяжесть).

ц замѣняется *с*: *с*виты́ (цвѣты), *с*вѣты́, *с*витôк (въ пѣснѣ), *с*витôчик (въ пѣснѣ), за*с*вѣту́т, рас*с*вилá, на *с*и́пачкахъ (неясно).

Русскія *ж, ч* въ: Ра*ж*ествá,ôпчества, в ôпчествѣ.

Съ диссимиляцiей звуковъ оказались записи: в я́рма*н*ку, ôспе*л*ьникъ (оспорививатель).

Произношеніе: *ис* нашава (с неясно) представляетъ, если тутъ нѣтъ ошибки слуха, образецъ вліянія на формы: *из* нашего, *из* Москвы и подобныя произношеній съ звукомъ *с*: *ис* Питера, *ис* сарая или же: *с* Масквы (=изъ Москвы), *с* Ростова (=изъ Ростова) и подобн.

Въ слѣдующихъ случаяхъ видимъ не фонетическія замѣны однихъ звуковъ другими: прô*п*ак [пробокъ (въ произнош. дѣтей); ср. прô*п*ка], унавô*з*енная земля (ср. навозить), кня́*з*или (ср. кня́*зя*).

Перестановка звуковъ замѣчена въ словахъ: *чевряко́ф* (червяковъ; дѣти), *абнакавéннаи* (обыкновенные).

Произношенія: *в* Казлôвых, *в* хазя́евах вмѣсто *у* Козловыхъ, *у* хозяевавъ (у хозяевъ), которыя я слышалъ отъ старика солдата, надо думать занесены съ юга.

Приставки и вставки согласныхъ рѣдки: jивô; дѣ*й*-та живут (гдѣ-то), ягат што-й-та (что-то) нѣту; пан*д*рáвился, пан*д*рáвилас, пан*д*рáвитца.

Выпаденія и отпаденія согласныхъ очень часты; отпадаетъ мягкое (чаще) и твердое (рѣже) *т* въ концѣ словъ послѣ *с*:

часъ, жысь, грусь, нóвась, стрась, шесь [1]) (и: шесть), ѣсь, класъ, несь (нести), принéсь, пась (пасти), пусь (пусть), есь, пять гнёс·(гнѣздъ), зá мас (окончаніе неясно), малины кус, вёрс (неясно, но не: вёрст), дас.

Вó! вмѣсто *вотъ*— исключительное явленіе.

Въ началѣ словъ отпадаетъ *в* (обыкновенно въ приставкѣ *вз*, *вс*), передъ *з*, *с*: ни запрѣит (не взопрѣетъ), спахáть, спáшет, спáшут, спахáл; вѣроятно, также образовано: скуснѣя (сравнить петербургское простонародное: вскуснѣе), сё (всё), сѣ зубы (всѣ).

Также: ить (вѣдь), нѣтыть (нѣтъ вѣдь); нáчит (значитъ), нáишь (знаешь).

Въ извѣстныхъ группахъ согласныхъ выпадаютъ звуки *в*, *т*: абарúм чаю, абарúш; из Бóраска, маскóскава, такóскай; цáрсва; паркý (портку); встрѣнишь.

Изъ двухъ одинаковыхъ звуковъ иногда одинъ выпадаетъ: истáрава (въ пѣснѣ)=изъ стараго;

отпадаетъ и выпадаетъ г (=h): дѣ, нидѣ, никадá, кады́, кадá, тадá, Бóзнат (сдѣлают Бóзнат как);

въ: сымú (сними) не пропускъ звука, а форма другого образованія;

послѣ гласной передъ согласной выпадаютъ звуки *в*, *й*: прáда (пра*в*да), падёмъ (по*й*дёмъ), Михáла (Михайла; зват. падежъ);

послѣ *у* выпалъ звукъ *в* въ словѣ: кушúн (ку*в*шинъ);

замѣчательно выпаденіе *д'*, перешедшаго въ *j*, между двумя гласными: пай и пой (пой судá), пагай, дяя́ (на это произношеніе оказалось три записи; при двухъ отмѣтка: неясно);

въ произношеніи: *дáичи* наблюдаемъ выпаденіе *в* въ подобномъ предыдущему положеніи.

Наблюдается нѣсколько случаевъ, гдѣ пропущено болѣе одного звука: челóк (челóка, челóк сорак), жéрепь (жеребей), ха-

---

1) Запись: косью показываетъ, что отъ этихъ формъ наблюдается и твор. пад. ед. числа.

рашéнь ево! (хорошенько; также и во Влад. губ.), мотъ (можетъ), мóбыть (можетъ быть), дыть эта... (да вѣдь это), нук штош (ну такъ штожъ = хорошо, согласенъ), ей теперь гóр'ить (горе вѣдь).

9) Удареніе.

Удареніе на корнѣ: свѣ́тла (свѣтлó), хи́тра (хитрó), бѣ́гам (нарѣчіе,=бѣгóмъ), спéрва, назáди;

удареніе на окончаніи падежей: пачтавóй, густóй (по-владимирски: густóй и гу́стый), витряну́ю мельницу, сукафскóй; па стиклáм, за стеклáми, с лашадя́ми, ф канюхáх;

по другимъ записямъ видимъ случаи, гдѣ удареніе тяготѣетъ къ корню слова: су́дам, кну́та, зу́пки забалят, без я́иць;

удареніе не передвинувшееся на приставку: атдáл, начáл, прали́л, нали́л, запёрли, прадáли, паня́л;

также: ни пи́лъ, ни пи́ли;

отсюда объясняются и ударенія: атпёрта лафка, дабы́ла (ж. р.; эти формы и предыдущія заставляютъ предполагать: атпёръ, дабы́лъ);

удареніе, тяготѣющее къ корню: вáрят, вáритца, и́дуть (произношеніе пожилого человѣка), напóит, настóим настойку;

удареніе, тяготѣющее къ концу: далжóн, радилáсь (тамъ трава харошая радилáсь), рабатáити (предполагаетъ: рабатáть);

удареніе на предлогахъ и приставкахъ: зá паласу, зá Маскву, нáнялся, нáпилис, нáпилиса чаю, зáперта ли дверь (по-владимирски: запертá), зáчяли, óтжил, при́дутъ (здѣсь собственно удареніе не на приставкѣ; сравн. здѣшнее же: и́дуть), нé жил, нé жиф;

отмѣчены также произношенія: двá-дни, чéрезъ межня́къ;

удареніе особыхъ словъ: халаднó, далекó и далёка, шинá (бис шины́), случáй (но слышалъ только: асóка, не: асакá), апществó, ат апчествá, пригавóр, заработки (ср. рабóта), сéребро, три прéдмета.

Формы именъ и мѣстоименій.

10) Существительныя.

Звательный падежъ: Стёпк! Ваньк! Коль! тять! хазяйк!

Родительный падежъ: с завóд*у*, ат аврáг*у*, гастúнчик*у* дамъ, да м*áю*; у систр*ѣ́* (у систр*ѣ́* капитал), у вдав*ѣ́*[1]) (пѣсня); у баранéс*и*, у застáв*и*, у калóд*и*, у Михáил*и*, из Варшáв*и*, усáдьб*и*, кабы́л*и* нѣт (дѣти).

Именительный падежъ множ. числа: старастá, кармá (кармá падарожы стали), валасá, разá (ва фсѣ разá), пригаварá, калкалá (форма, мож. быть, правильная: сравн. владим. колкóлó); но: дамы́ (домá);

щюря́т*ы*, варóт*ы* (атваряй варóт*ы*-та); акунья́ (окуни).

Родительный падежъ мн. числа: вайск*óф*, кáрт*аф*, благадѣ́тил*яф*, аващ*óф* (наша земля для аващ*óф* ни удобна); паля́к (поляковъ).

Творительный падежъ множ. числа: лашидя́ми.

Предложный падежъ мн. числа: на двух лашадёх; при гаспóт (при господахъ).

Отмѣчены также формы: трéтьява дн*и*; все непрáвд*ы* (ед. ч. вм. неправда); ат врéмя; три рубл*и́*; два рас, па семь, па шесь; к Ѳёдар Лексáндраву; кресья́нь.

11) Прилагательныя, мѣстоименія, числительныя.

Стяженныя формы прилагательныхъ и мѣстоименій: ка*кá*-та чистая катка! пыль как*á*-та, как*ā́* бальшая-та (вѣроятно, восклицательное предложеніе), лѣт 16—так*á* была, наша румя́нцаск*а*, *мá*ханьк*а* (маленькая), пасту́шн*а* заплатить (пастушное); на кóнн*у* прiѣдит, крáснињк*у* нажить (10 рублей), на рабóч*у* пору, друг*у́* пóласу; как*и́* ево гадá?; как*и́* драва (такая и цѣна), ризúнав*ы* калоши.

---

1) Такія формы рѣдки.

Именительный падежъ ед. числа муж. рода: палаŷмн*ай*, лѣташн*ай*, мѝл*ай*, бȃрск*ай*.

Винительный падежъ ед. числа женскаго рода: салóмин*аю*, скóр*аю* (на скóр*аю* руку=наскоро), тюрéмн*аю* (тюрéмн*аю* жись испыталъ), скŷшн*аю* (пѣсню-та скŷшн*аю*).

Творительный падежъ вмѣсто предложнаго: в э̂фт*им*, в Звенигарóтск*им*.

Именительный падежъ мн. числа: винавȃт*и*; пья̂н*аи*, сѝльн*аи*, мёртв*аи*, прóшл*аи*, тȃмашн*аи* кресья̂ни, асѝнав*аи* грыбы; бальшы́и и бальшы́и; зубы стальн*ы́е*.

Творительный падежъ множ. числа: маскóск*ами* (московскими; дѣти).

Отмѣчено также для словообразованія прилагательныхъ: Михȃилинъ.

Въ числительныхъ нужно указать: абóи (оба); сéмьдисять, вóсимьдисять (какъ десять).

Формы сравнительной степени: памéн*и*, дȃл*и* (ищё дȃли), тéпл*ѣ* (зимой (вода въ ключѣ) тéпл*ѣ*), скар*ѣ́* (иди скар*ѣ́*); лéх*ши*, мя̂г*ше*; длѝнь*ше*, дешéф*ши*, здарóф*ши*; крѣпч*ѣ́й* (дѣти), грамш*ѣ́е* (громче; дѣти).

12) Мѣстоименія.

Формы родит., вин. и дат. мѣстоименій: *я*, *ты*, *себя* литературны: *меня*, *тебя*, *себя*, *тебѣ*, *себѣ*; вмѣсто *тебѣ* иногда *те* (энклитика): вотъ *те* разъ!; вмѣсто *ея*—*ей*: дочь *ей* здѣсь.

Вмѣсто *ту*—*тае*, также и вмѣсто *адну*—*аднае̂*; вмѣсто э̂*такъ*—э̂*дак*; вмѣсто кȃждый—кȃж*ный* (кȃж*ная*); въ мѣстоименіи указательномъ наблюдаются вставные звуки: э̂*н*та, в э̂*ф*ту, из э̂*с*тава, с э̂*з*дакава числа; въ мѣстоименіи личномъ не оказывается вставного *н* послѣ предлоговъ: у ей (у ней), за им пріѣжьжя̂й, у их (у нихъ), с ѝми (съ ними);

употребляется мѣстоименіе *кой*: *кой* с малаком был, *кой* у нашава двара столп, аставим *кóя* новая (икона), в *кóе* время.

13) Глаголъ.

3 лицо изъявительнаго наклоненія обыкновенно оканчивается на *тъ* [1]); мягкое окончаніе слышится рѣдко и является исключеніемъ изъ правила; я слышалъ во все время лишь слѣдующія произношенія съ мягкимъ *т*:

идё*ть*, абу́*ить* (женщина), адѣ́ни*ть* (женщина), не пьё*ть*, мо́и*ть*, придё*ть*, бу́ди*ть*, пасыла́и*ть* (полумягко); крича́*ть*, запишу*ть*, и́ду*ть* (произношеніе пожилого человѣка).

Окончанія возвратнаго залога — *съ*, *са*, *сса* — обыкновенно тверды:

усѣ́ли*съ*, купа́ли*съ*, учу́*съ*, ба́йти*съ*, вы́купили*съ*, папа́ли*съ*, дѣлаю*съ*, аста́ла*са*, свари́ли*са*, купа́им*са*, астанави́*са*, ради́л*са*, ни балу́й*са*, даста́ла*са* (доста́лось), ни даждё*сса*, напьё*сса*, сагласи́*сса*; но изрѣдка можно услышать и мягкое окончаніе: **сдѣлаю*ся*, нё*съся*** (о курахъ: **нё*съся*** перестали).

Ороографическія окончанія ***ться*** и ***тся*** звучатъ ***тца***: **паправля́тца, ухвати́тца, ради́тца** и др.

Въ окончаніяхъ 3-го лица множественнаго числа вмѣсто *ат*, *ят*—*ут*, *ют*: **су́ш*ут*, вы́суш*ут*, гóн*ют*, скалóт*ют*, нóс*ют*, панавóз*ют*, пу́ст*ют*, испóрт*ютца*.**

Вмѣсто ***ают*** иногда ***ут***: **ращи́тыв*утъ*, спра́шив*утъ*.**

Отмѣчено также: ***прóбали*** вмѣсто ***пробовали***, ***ѣздіим***, ***ѣздіют*** вмѣсто ***ѣздимъ***, ***ѣздятъ***.

Основы настоящаго времени уравниваются между собою: **падажгё́т, жгёт, запрягё́т, исталкё́т, ля́гите;** также: **не хóчете, не хóчут;**

или приравниваются къ основамъ неопредѣленнаго наклоненія: **сы́пиш, насы́пит, вы́сипим, щи́пит;** подобное явленіе наблюдаемъ и въ формѣ повелительнаго наклоненія: *атпери́* (отопри́); въ формѣ ***стели́ть*** основа неопредѣленнаго наклоненія приравнялась къ основѣ настоящаго времени.

---

[1]) Рядомъ, въ с. Орловѣ (№ 449), не на большой дорогѣ, господствуетъ окончаніе ***ть***: **придё*ть*, вазьмё*ть*, унисё*ть*.**

Отмѣчены также: *хошь* (хочешь: што *хошь* сламлю); *хотца* (хочется); я *былъ* спать легла (я было....).

Въ формахъ повелительнаго наклоненія еще отмѣчены только: *станóфь* (станови); *пущáй* вмѣсто *пусть* при 3-мъ лицѣ.

Въ неопредѣленномъ наклоненіи укажемъ только: *идúть* (=идти), *придúть*, *перейдúть*, *прайтúть*.

Дѣепричастія оканчиваются на *мши* вмѣсто *вши* и *вшись*: вы́пи*мши*, не знá*мши*, не спá*мши*, би́*мши*, не ѣ́*мши*, разý*мши* (разý*мши* работаим).

Фраза: «вы гдѣ *акóнчивши* курс?» произнесена грамотнымъ крестьяниномъ-торговцемъ и, вѣроятно, должна быть разсматриваема какъ неудачное подраженіе книжной рѣчи, а не какъ остатокъ сложнаго времени, которое въ другихъ случаяхъ не наблюдаются.

Въ причастіяхъ нужно указать формы: сдá*та* (сдана), убрá*ты* (убраны).

Отмѣчено также: знáма (= конечно), какъ вводное слово: «Трудна пахать!»—«*Знáма*, трудна».

14) Части рѣчи неизмѣняемыя и частицы: туды́, суды́; аттэ́да, атсэ́да (ана (рѣка) взялась недалека атсэ́да, а пала въ Масквáрику), аткéда;

подобныя слова являются также съ падежными окончаніями: аттэ́д*ава*, атсэ́д*ава*, аткéд*ава*; также: да зáфтр*ева* (дамъ чулчишки да зáфтр*ева*);

тáма (тамъ), здѣ́ся (здѣсь), пасля́, апóсли, тапéрь, зáгади (заблаговременно), ужóтка (ужóтка скажу), нáдать (надо), нѣ́ту (нѣтъ), нéшто (развѣ), тóкма (не тóкма шта старай (картофель), новай есь), што *такóича* и што *такойча*? (=што такое?).

15) Синтаксисъ.

Изрѣдка употребляется членъ: зимóй-*та*, рукавá-*та*, ши́шки-*та*, дѣлать-*та* што?; ничево ни слыхáть-*та*, вон стайт-*та* (церковь), как долга пѣли-*та*, тепéрь-*та*.

Особенности въ употребленіи I) рода, II) числа, III) падежа:

I) статýй (м. р.), санная путь, счасли́вай пути́ (ж. р.), дѣтищу (ж. р.: взяли *дѣтищу* васпитать), *ана́* вмѣсто *ано́*: *ана́* бы и можна, да не хочетца; *ана́*, паложимъ, небальшой прихоть...;

II) круп (крупы), ф крѣпастя́х (рик (ригъ) и ф *крѣпастя́х* у насъ не была=во время крѣпостного права);

III) *и́скам*-ищутъ такова (о картофелѣ)=очень ищутъ, рыба щепа-*щепой*=очень жесткая, сухая; *питачко́м* дешевли (на пятачекъ); у ей муш помер *ударам* (отъ удара); *питялты́ннава* размѣняй.

Употребляется описательное сказуемое:

У нас такова *заведе́нія нѣтъ*=у насъ это не заведено.

Наблюдается согласованіе по смыслу, а не по формѣ: гавно́ ты эдакая (о женщинѣ).

Строеніе рѣчи вообще очень свободно: «Не для пить, а толька бы пасматрѣть, што тамъ тако́я».

Употребленіе предлоговъ:

на вмѣсто *въ*: нада *на* деревню (идти),

по вмѣсто *за*: *по́* ваду хадить,

по вмѣсто *объ*: *па* этаму свиточку буду плакать день и ночь (пѣсня),

ставить по чему вмѣсто *ставить чѣмъ:* ставить бабки *по гнѣ́здам*, *па ба́бкам*=ставить гнѣздами, ба́бками (т. е. ставить парами или по одиночкѣ), *па гнѣ́здам* пирстана́вливать;

(крыша) *пат* тѣсам=тесовая,

съ вмѣсто *изъ*: Аткуда онъ ѣдит?—*С* Масквы,

бить съ чего вмѣсто *чѣмъ*: (бью) *са свинча́тки*, патомъ *съ прастя́нки*.

16) Иностранныя слова и собственныя имена:

авдакату́ра=адвокатура

алжене́р, анжене́ръ=инженеръ

ганара́р (заработал ганара́р)=гонораръ
инара́лы (м. ч.)=генералы
каппаліён=компаніонъ
канпа́нія=компанія
караси́н=керосинъ
кара́хтер=характеръ
Кистянки́ныча=Константиновича
крант=крапъ
ла́гаряф=лагерей
ла́нпу=лампу
лисо́ры=рессоры
ну́мира (ну́мира ни разбираим (о водкѣ))
палиту́рная бумага=политурная
пачпарта́ (м. ч.)=паспорта
пинжаки́=пиджаки
плантава́я дарога (отъ «плантъ») = плановая, обозначенная на планѣ
препо́рцію (взять препо́рцію бальшую—дорага)=количество
раску́бривант (хазяин раску́бривант)=раскупориваетъ
талья́начку=итальяночку, итальянскую гармонію
те́му (на ихнюю те́му гаварится= на ихъ счетъ)
шыссе́=шоссе.

Въ говорѣ замѣтно охотное заимствованіе какъ иностранныхъ словъ, такъ и русскихъ литературныхъ, ненародныхъ. Какъ любопытный по смѣшенію формъ и понятій примѣръ, могу привести фразу: На здаровава *чела́ка* (это) *вліяет*...

№ 21. Тере́шково Московскаго уѣзда «Тро́ицкой-Голени́щинской» волости.

14 верстъ отъ Москвы. По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» № 447.

Записывался разговоръ въ одной крестьянской семьѣ. Отмѣчено также нѣсколько произношеній, слышанныхъ на улицѣ.

Гласные звуки.

1) Говоръ акающій съ формами: *со́*дют, пл*о́*тют.

Замѣчательны произношенія, въ видѣ исключенія, съ болѣе или менѣе яснымъ *о* безъ ударенія: цолко́вай и цалко́вай, топе́рь, посо́дют, пока́мис (при этой записи отмѣтка: «не ручаюсь за свой слухъ, но кажется такъ»), у ково́, пра́во, чёво́, ничёво́.

2) Яканье: *жала́*ити, цалко́вай, чяво́, ничяво́, у *я*во́ (старуха), *ся*ло́, в*я*дро́ (старуха), Пятро́ва, б*я*го́м би*жы́*т, пятна́дцать, да́ж*а*, какіи ж*а*, на на́ш*а*й землѣ, и́хн*ая* дѣла, дво́*я*, тро́*я*, ви́дит*я*, пад желѣзпай кро́вл*я*й.

3) Иканье: си*бя́*, пидьдися́т (и пидьдеся́т), нимно́га, видро́, читы́ри, во́сим*ь*, де́сить, кресья́ни, ка́минн*ай*, бу́дим, переста́нит, мата́ит, хо́чит, но́ньчи, пажо́щи, даро́жи, бо́льши, ф по́ли, на синако́си, ф Су́кави. Но: лашеде́й.

4) Мелкія особенности въ гласныхъ: зараба́тывать; ищ*е́* (не *ё*), верст (*е* не *ё*).

Вставки и пропуски гласныхъ: *а*грама́тный (громадный), на кнѣ́ (на окнѣ; неясно), первели́, пирсыха́ит, атдѣлёньем, старическая (историческая; искажено, какъ иностранное слово).

Стяженіе: Бох ми́лав*а*т, преслѣдав*а*т, расха́живатца; ни прима́ют (изъ: приимают).

Въ: заплѣ́снит можно видѣть и стяженіе (изъ заплѣ́снеит, орѳографически: заплѣснѣетъ), но можно видѣть и особое образованіе глагола съ неопредѣленнымъ на *ить*: *заплѣснить—заплѣсню*, какъ *дразни́ть*, *дразню́*, *дра́знит*. Другое образованіе какъ *жалѣ́ть*, *жалѣ́ю*, *жалѣ́етъ*: *заплѣ́снѣть*, *заплѣ́снѣю*, *заплѣ́снѣетъ*.

Согласные.

5) Звукъ *г* произносится по-московски, въ концѣ словъ обращается въ *к*: плу*к*.

Обращеніе мягкаго *к* въ *т* очень рѣдкое явленіе: *т*и́нетца (старикъ), *т*ирпи́шнай заво́т.

Группа *кт* обращается въ *хт* не только въ русскихъ словахъ, какъ *хто*, но и въ чужихъ, какъ тра*хт*и́р, тра*хт*ава́я.

6) Группы согласныхъ: *што*; *вн*о́га, гу*вн*о́; да́*шн*ая ме́ста, да́*шн*ики, ре́*шн*ой; ма*жъж*ю́шник.

7) Твердость и мягкость согласныхъ: ру*пъ*; на*пъ*ё́сса; бче*нъ*; ва*съ*мо́й; вну́трен*ных*; г*ры*бы́; *ви*со́кіи; сте́*р*ьва (не ясно, но мягко).

8) Мелкія особенности въ согласныхъ: *х*рещё́нья: *к*лѣф, *к*лѣво́к; карто́фі*й* (картофель), си́*л*ѣчь (сирѣчь, то-есть); а*н*ба́рчики; *ч*ижало́; вап*ч*е́.

Пропуски согласныхъ: се (все); вё́рс, пока́мис (*о* неясное); есь, чё́снась; када́; крестья́ни; муско́ва (мужскова); Семё́наска (Семеновско); ни раска́зывут (не разсказываютъ); падё́м (пойдемъ).

9) Удареніе.

На корнѣ: лёгко (на плугу́ лёгко пахать), у́сам ни мата́ит (о дѣвочкѣ: не обращаетъ вниманія), ис пру́д*у*; на окончаніи падежа: на дѣтя́х, ап калеса́х; глаголовъ: атда́л, азарнича́ть, запущё́на; предлоговъ: и́с паля; особыхъ словъ: судно́ (о посудинѣ).

10) Существительныя: ис пру́д*у*, жё́нскава по́л*у*, немно́га то́рф*у*-та, у снах*ѣ́*, с нев*ѣ́*сти; Польк! (зват. пад.), Та́ньк! (зват. пад.); на плуг*у́*; бачаг*а́* (имен. пад. множ. числа); из зуп крофь (изъ зубовъ); ка́мн*яф*, м*ѣ́*снаст*яф*, сѣмян*о́ф*, мѣст*о́ф*, мастерств*о́ф*.

11) Прилагательныя: кресья́нск*ай*; муск*ова* и жё́нск*ава*; да Мико́лин*ава* дня; аб э́*тим*; высо́к*іи*, как*і́и*; как*а́* нам абя́заннась?; катор*ы* в людях живут (крестьяне); скар*ѣ́*й.

12) Мѣстоименія: э́*д*аких; да к*е́*их пор; адн*ѣ́* работают (о мужчинахъ); к э́*х*таму; ка́ж*най*; *ко́лька* (сколько); *и́хная* дѣла.

13) Глаголъ.

3-ье лицо единственнаго и множественнаго числа у моихъ собесѣдниковъ обыкновенно на *тъ*. Отмѣченъ лишь одинъ случай въ ихъ произношеніи на *ть*: мо́же*ть*; но другіе, менѣе культурные, конечно, говорятъ на *ть*; такъ у пожилой женщины я слышалъ мягкое окончаніе: придё*ть*.

Конечно́, вмѣсто *ят* у нихъ *ют*: мало́т*ют*, вёрт*ют*, го́н*ют*.

Въ возвратномъ залогѣ отмѣчены лишь твердыя окончанія: раздѣли́*лиса*, скупи́*сса*, напьё*сса*; дѣлаю*тца*, найдё*тца*.

Вмѣсто литературнаго *засѣва́ютъ*—*засі́ют* (када́ патхадя́чіи цѣны, то всю (землю) *засі́ют*).

Другіе случаи: мо́*жут*; *хо́тца* (хочется); ни раска́зыв*ут* (не расказываютъ); *про́бали* (пробовали); *пуща́й*; *ити́ть*, *пайти́ть*; лежа́*мши*, пасѣя*мши*.

14) Неизмѣняемыя слова: но́ньчи, пасля́, ужо́тка, тапе́рь, не́кады, аттэ́да; на́дать, нѣтути, пачита́й (почти: сафсѣм пачитай нѣт).

15) Синтаксисъ.

Родъ: вреды́ ни наносит (вѣтеръ).

Число: хто чулки *рабо́тают*, папиросы *вёртют* (говорилось о женскихъ работахъ).

Членъ: то́рфу-*та* (родит. п.), наво́с-*та* вазить, в зиму-*та*, пад желѣзнай кро́вляй-*та* (переспросъ).

16) Иностранныя слова: *дипламáт* (одежда), *ко́кса* (коксъ: *ко́ксы* паложит, на гривенник *ко́ксы*), *пинжаки́*, *шланбо́й* (шлагбаумъ), *шланбо́йщик* (смотритель шлагбаума), *шысé* (шоссе).

№ 22. Микулина Московскаго уѣзда Троицко-Голенищевской волости.

10 верстъ отъ Москвы. По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» не значится[1]).

На картѣ Московской губерніи послѣднее стоящее на трактѣ селеніе названо: *Никольская.*

Записывались произношенія пожилого крестьянина и другихъ членовъ его семьи.

1) Говоръ акающій; плóтим, пасóжена, пасóдит.

2) Примѣры яканья: *я*лóвы бóльши (лѣса), б*я*рýт, на сн*я*гý, пра*я*знй*и* дароги; тóж*а*, ат Кýнц*а*ва.

3) Иканье: *зимля́*, б*и*с снѣ́гу; в дóм*и*, ф пóл*и*, на лéнт*и*, бóльш*и*.

4) Мелкія особенности въ употребленіи гласныхъ: хи́тр*ай*; пади́*к* (пойди-*ко*) прачти.

Стяженіе: перебýетца (переобуется); накáшыв*ам* 10 пудоф, Бох ми́лав*ат* (миловаетъ).

5—8) Согласные: абащáми (овощами); картóф*ій* (картофель); а*нт*áда (оттуда); есь (есть); у кá*жнява* (у каждаго); пé*рь*вай, ва-пé*рь*вых; *на*бóсь (небойсь, въ значеніи вводнаго слова; произнош. дѣтей); прашé*тчяя* лѣта.

9) Удареніе: апществá (родит. пад. ед. числа), дóют (коровъ).

10) Существительныя: Тáньк (зват. пад.); бис снѣ́г*у* (род. пад.); кресья́*нь* (род. пад. мн. числа); мѣст*óф*.

---

1) Замѣтимъ, что въ предисловіи къ «Списку населенныхъ мѣстъ Московской губерніи» на стр. XXIII говорится, что свѣдѣнія, которыя напечатаны въ «Спискахъ», составлены для статистическаго комитета губернскимъ начальствомъ съ большой небрежностью.

11) Прилагательныя: в *э́тит* до́ми; паля были го́л*аи*.

12) Мѣстоименія личныя *я*, *ты* и возвратное *себя* въ родительномъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ литературныя формы: *меня*, *тебя*, *себя*.

То́лька=столько: Стараста *то́лька* и *то́лька* внес.

13) Глаголы: ми́лав*ат* (Бох ми́лават), по́льзава*т*ца (пользовается, пользуется); залѣни́*лса*.

14) Примѣровъ нѣтъ.

15) **Синтаксисъ.**

Членъ: ка́минь-*та*, дамá-*та*.

Родъ: никако́й *назва́ніи* ни имѣет (рѣчка).

Въ этой же деревнѣ я записывалъ произношенія немолодой женщины, уроженки изъ *Матвѣевскаю* (сосѣднее селеніе, № по «Списку населенныхъ мѣстъ» 463).

Отмѣчены слѣдующія особенности:

При аканьѣ съ формами: *со́*дим, запло́чена, болѣе частые случаи яканья: палява́я работа, памярла́, титирява́, свякро́фь, *я*во́, *ч*яво́, вяду́т, пяку́т, пятру́шку сѣим, чяты́ри, пясо́к, в лясу́; дво́*я*.

Для звука *и* у ней остается немного мѣста: бо́л*и*, на серётк*и*, на фа́брик*и*, ра́ньш*ы*, н*и* у фся́кава.

Вмѣсто *ѣ* отмѣчено *ё* въ словѣ: пасёву.

Отпаденіе согласныхъ въ: *се* (все), *зымѣл* (взымѣлъ: ахоты ни зымѣл учитца).

Для ударенія записаны: за дѣтя́ми, з дѣтя́ми, биз ако́н, наймо́м апсаживают, апсѣивают, сва́ришь, не́ били, ни взя́ли, не сда́л.

Въ формахъ и́менъ и мѣстоименій отмѣчены: *Акуль! Прош!* (звательные падежи); колька (=сколько) пасёв*у*, ко́лька наро́д*у*; до̀мухазя́еваф (много-ль до̀мухазя́еваф у нас в деревни); кни́га так*á* стари́нная, си́тцев*ы* сарафа́ны; фся́к*ава*; ржа́в*аю* (вин. пад.); маско́вск*іи*, маско́вск*аи*, бѣл*ые* грыбы, титирява́ ди́к*ія* (окончаніе неясно), то́лст*ыя*, ме́лк*ія*;

сравнительная степень: *бóли*, *папл́óше*.

Третье лицо глаголовъ у ней всегда однако на *тъ*; возвратный залогъ она оканчиваетъ на *са* (умóйса); вмѣсто *ят* — *ют*: вéртют, нóсют, вáлют.

Въ причастіяхъ отмѣчено: *дáдены*.

Въ синтаксисѣ числа наблюдались формы: *картóфли* (мн. число), *афсы́* сѣни.

В. Чернышевъ.

О вліяніи неіотированныхъ гласныхъ на предыдущій открытый слогъ [1]).

Глава первая.

I.

§ 1. Нынѣшній академикъ А. И. Соболевскій въ своей знаменитой докторской диссертаціи: «Очерки изъ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1884 г.) о галицко-волынскомъ отрицаніи *нѣ* писалъ: «Оно не что иное, какъ форма 3 л. ед. наст. вр. существительнаго глагола, т. е. = нѣсть; частое употребленіе этой формы при причастіяхъ и именахъ (онъ *нѣ* былъ, онъ *нѣ* добръ и т. п.) было причиною того, что она стала употребляться и при глаголахъ (онъ *нѣ* кстъ) и утратила свое глагольное значеніе, получивъ въ замѣнъ его значеніе отрицательной частицы» 65. Однако данныя, которыя можно почерпнуть изъ описаній галицко-волынскихъ памятниковъ ibidem [2]) и въ другихъ мѣстахъ, вызы-

---

1) Я прекрасно знаю, что заглавіе моей работы неправильно и, напр., третья глава, если отъ нея потребовать выставленное въ заглавіи, трактуетъ о чемъ-то странномъ (о вліяніи на такой открытый слогъ, котораго вовсе не существуетъ); но тѣмъ не менѣе, мнѣ думается, оно недурно выражаетъ сущность этой работы.

2) Приняты во вниманіе также случаи, встрѣченные нами въ приложеніяхъ къ диссертаціи (Университетскія Извѣстія 1883 г. декабрь, 1884 г. іюнь и декабрь, 1885 г. январь); эти случаи помѣчены: прилож. Данныя изъ Галицкаго Евангелія 1266—1301 г. см. ниже въ § 2, II.

ваютъ нѣкоторое сомнѣніе въ этомъ объясненіи. Обратимся къ даннымъ:

1) въ Добриловомъ Евангеліи 1164 года: нѣ иму и при другихъ формахъ этого глагола *нѣ* отмѣчено 15 разъ; нѣ ищю bis; нѣ ищете прилож.; нѣ иждену; нѣистовъ ter;—нѣ ужасаитеся; нѣ учься; нѣ умрѣть;—нѣ вълмѣщаються; нѣ възмогають прилож.; нѣ всегда;—нѣ сънѣсте; нѣ съгрѣшаи; нѣ пьцѣтеся bis прилож.; нѣ много; нѣ сь ли bis; — нѣ бѣ пришелъ;

2) въ Типографскомъ Евангеліи № 6, XII — XIII вѣка: нѣ имыи, и при другихъ формахъ этого глагола 6 разъ; нѣистовъ;—нѣ упражняхуся; нѣ ужасаитеся; — нѣ вси; нѣ все;—нѣ мьните; нѣ съкрушиться прилож.; — нѣ оставить прилож.;

3) въ Ирмолоѣ В. И. Григоровича XII — XIII вѣка: нѣиздреченьно;

4) въ Вѣнскомъ Октоихѣ XII — XIII вѣка: нѣ възвратиться;

5) въ Холмскомъ Евангеліи XIII — XIV вѣка: нѣ имете quater; нѣ ищете; нѣистовъ bis; нѣ иде;—нѣ възиде; нѣ вси;—нѣ чтеть;—нѣ бѣлена;

6) въ Хутынскомъ Служебникѣ XIII — XIV вѣка: нѣ имущемъ; нѣистлѣнія; нѣистьлѣньная прилож.; нѣисписане; нѣизмѣньне; нѣиздречѣнно; нѣизъглаными; — нѣ въсхыщениѥ прилож.; нѣ въ судъ;—нѣпрьязниньскыя;—нѣодержиме; нѣ остави;

7) въ Указателѣ евангельскихъ чтеній XIII—XIV вѣка: нѣ имать;—нѣ всякъ; нѣ вълмѣщаються;

8) въ Поликарповомъ Евангеліи 1307 года: нѣ имуть и при другихъ формахъ этого глагола 10 разъ; но вообще «рѣдко»;

9) въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка: нѣ имѣя, нѣ имѣте;—нѣ ищѣте; — нѣ въжасаитеся;—нѣ уведи; — нѣ пцѣтеся;

10) въ Часословѣ XIV вѣка: нѣ имуть; нѣистьлѣнию;—нѣ умастить; нѣ уничьжить;—нѣсмоущеньнъ; нѣчьстивыи ter; нѣ смѣю;

11) въ приписках къ Вѣнскому Октоиху XIV—XV вѣка: нѣизречѣньно;

12) въ Поученіи Ефрема Сирина: нѣ имаши; нѣ имѣя; нѣиздречѣньно quater; — нѣ ужасаи; нѣ утакни; нѣ усхотѣ;—нѣ внидеши;—нѣ тщишися; нѣ҄чтивому; нѣ створи; нѣ смѣренъ;—нѣосужнымъ;

13) въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи: нѣ вѣсть;—кромѣ того, изъ разныхъ памятниковъ на стр. 66 отмѣчено: нѣ имѣнья;—нѣчьстивомъ; нѣ зриши;

14) въ Выголексинскомъ Сборникѣ XII—XIII вѣка (см. Р. Ф. В. 1884 г., № 3, стр. 96): нѣ имѣ;

15) въ Евангеліи XIV вѣка F. п. I. № 99, описанномъ г. Никольскимъ (см. Р. Ф. В. 1894 г., № 4; нами просмотрѣны указанные въ описаніи и нѣкоторые другіе листы: 5, 7, 10 об., 14 об., 16 об., 19, 42, 47, 63, 93, 95, 95 об., 123 об., 124, 145, 153 об.): нѣ иму и при другихъ формахъ этого глагола 10 разъ; нѣ ижчену; нѣ идѣть;—нѣ укусить;—нѣ въмещается; нѣ възгласить bis; нѣ въсхытить; нѣ възлежи; нѣ внидѣть;—нѣ чтеть ter; нѣ пцѣтеся bis; нѣ съблажнюся; нѣ створихъ.

Не трудно замѣтить, что—за исключеніемъ трехъ случаевъ, очень похожихъ на описки[1]): нѣ бѣ пришелъ, см. въ рубрикѣ 1-ой; нѣ бѣлена, см. въ рубрикѣ 5-ой нѣ вѣсть, см. въ рубрикѣ 13-ой,—буква *ѣ* въ отрицаніи *не*[2]) пишется въ вполнѣ

1) Впрочемъ, возможно въ этихъ случаяхъ видѣть и слоговую ассимиляцію въ родѣ др.-русск. *бѣсѣда*.

2) Съ этимъ галицко-волынскимъ отрицаніемъ *нѣ* не слѣдуетъ смѣшивать другое *нѣ*, которое встрѣчается при вспомогательномъ глаголѣ и не только въ малорусскихъ памятникахъ (напр., въ Лексиконѣ Памвы Берынды, 2-е изд.: нѣ сꙋщій 100, Нечестіе̑ѧ є҆сть ꙗ҆́же Бг҃ѧ прно|сꙋщнагѡ ꙗ҆́кѡ нѣ сꙋща по|мышлѧ́етъ 97), но и въ другихъ древне-русскихъ памятникахъ (средне-русскихъ и новгородскихъ). Это *нѣ*, дѣйствительно, есть отвлеченіе отъ формы *нѣ(смь)* и др.; доказа-

опредѣленныхъ категоріяхъ: а) передъ начальнымъ *и* слѣдующаго слова, б) передъ начальнымъ *у* (= древнему *у* и *въ*) и *в* (= древнему *въ*, *вь* и *у*), в) передъ начальнымъ *о* и г) передъ начальной согласной съ исчезавшимъ ъ, ь [1]). Эта послѣдовательность побудила насъ провѣрить, не случаенъ ли подборъ примѣровъ изъ описаній, которыя не преслѣдовали своею цѣлью подробное разсмотрѣніе употребленія отрицанія *нѣ*, на трехъ цѣликомъ прочтенныхъ галицко-волынскихъ памятникахъ: Путенскомъ Евангеліи XIV вѣка (Monumenta linguae palaeoslovenicae collecta et in lucem edita cura et opere Aem. Kałužniacki. Tomus primus. Evangelium Putnanum. 1888), Житіи Саввы Освященнаго, изданномъ Обществомъ любителей древней письменности подъ редакціей Помяловскаго, и Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 года (по рукописи).

§ 2. I. Особенно интересный результатъ далъ первый памятникъ: а) *нѣ* передъ *и* встрѣтилось 81 разъ (напр.: нѣ исхо-

---

тельства тому см. въ нашей работѣ: «Вологодское Евангеліе XVI вѣка», Р. Ф. В. 1907, № 2, 275—276, тамъ же и примѣры. Впрочемъ, рядомъ съ формами *нѣ есмь*, и т. п. возникали формы н *не есмь*, см. напр., въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в. не ѥсмъ 1 л. мн. ч. 184.

Существуетъ ли въ современныхъ малорусскихъ говорахъ рефлексъ разбираемаго въ данной работѣ отрицанія *нѣ* въ томъ же самомъ фонетическомъ положеніи, намъ неизвѣстно. Однако это *нѣ* можно еще наблюдать въ Лексиконѣ Памвы Берынды (2-е изд.): нѣмаш 96, нѣмаєт 95, нѣслѣдова̃ 92 и др.

Надо думать, что одно изъ этихъ *нѣ* (т. е. отвлеченное отъ вспомогательнаго глагола или получившееся вслѣдствіе удлиненія *е*) вытѣснило *ни*- при мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ: нїхто́, нїко́го, нїко́му, нїчо́, нїчо́го, нїчо́му, нї-о-чїм, нї́на́що;—нї́ку́ди, нї́ко́ли, нї́гди, нїгде́ (=великорусск. нікто́, ничто́...., никуда́, нигдѣ́) и *ни* при повтореніяхъ: нї з то́го, нї з сьо́го; въ позднихъ малорусскихъ памятникахъ это *ни* пишется черезъ ѣ: нѣчо́го Малорусскій Хронографъ XVII в. F. IV. 215, 205 л., нѣко́мꙋ ib. 240 об.;—нѣна́що Лексиконъ Памвы Берынды, 2-е изд., 93, нѣхто̀ ib. 94, нѣчо́го ib. 94, нѣ до́брꙑ, нѣ злꙑ ib. 95, нѣ сє́, нѣ то́є ib. 115;—въ Духовномъ завѣщаніи переяславскаго судьи Ивана Берла, 1717 г. (писано самимъ судьей): нѣ з срѣбра, нѣ з цени, а нѣ з фантъ;—а нѣ они сами, а нѣ потомкове (изд. въ Кіевск. Стар. 1899, т. 64, 125—133).

1) Глаголъ *смѣти* въ древнихъ памятникахъ обычно пишется съ ъ (ь) послѣ с: съмѣаше Зогр. Ев. 70; не сьмѣѧ Супр. Р. 501₂₂; съмѣ Остр. Ев. 83а; съмѣюще Свят. Сборн. 1073 г. 81_3; съмѣють XIII Словъ Гр. Богослова 111_2.

дить 73, нѣ истергнеть 110, нѣ испью 161, нѣ Исуса 139 и др.), и только въ 9 случаяхъ *е* сохранено (напр.: не имать 40, не искушай 241 и др.); б) *нѣ* передъ древнимъ *у* встрѣтилось 31 разъ (напр.: нѣ уже 10, нѣ умѣю 158 и др.), въ 12 случаяхъ *е* сохранено (напр.: не уже 24, не украдь 111 и др.)—*нѣ* передъ *у* вмѣсто древняго *в*—8 разъ (напр.: нѣ усхотѣсте 206, нѣ упрашаеть 170 и др.) и ни разу *не*;—*нѣ* передъ древнимъ *въ* (*вь*)—38 разъ (напр.: нѣ въструбите 123, нѣ възможно 78, нѣ всегда 139 и др.; здѣсь же отмѣтимъ трижды встрѣтившееся *нѣ* передъ *о* изъ древняго *ъ*, который обыкновенно въ подобномъ положеніи подлежалъ исчезновенію: нѣ возмогохомъ 73, нѣ возможно ib., нѣ возможна 112) и только въ 6 случаяхъ *не* сохранено (напр.: не въсхытить 35, не вси 158 и др.);—*нѣ* передъ *въ* вмѣсто древняго *у*—4 раза (нѣ вьдобь 77, 111, 145; нѣ възбо 269) и ни разу *не*; — в) *нѣ* передъ *о* встрѣтилось 14 разъ (вотъ всѣ они: нѣ обинуяся 50, 172 bis; нѣ обрѣтохъ 62; нѣ обрѣте 140; нѣ обрѣтоша 178, нѣ обрѣтаю 182, 209; нѣ облачаше 98; нѣ одѣсте 122; нѣ оскудѣеть 156; нѣ оставлю 166: нѣ осквернять 178, 180, и въ 48 случаяхъ написано *не* (сравн. рѣдко отмѣченныя *нѣ о-* въ описаніяхъ);—г) *нѣ* передъ согласнымъ съ выпадавшимъ *ъ* или *ь* встрѣтилось 38 разъ (напр.: нѣ много 47, нѣ сблюдая 167, нѣ смысльная 4, нѣ съкрушиться 200, нѣ пщюю 212, нѣ свѣмь 268; нѣ слазить 142, интересно нѣ с ризами 268 и др.) и въ 13 случаяхъ *не* оставлено безъ измѣненія (напр.: немного 167, не книги 53, не пцѣтеся 60, не двѣ 134, 219, не смѣяше 205 и др.). Внѣ этихъ категорій *нѣ* вмѣсто *не* встрѣтилось всего только одинъ разъ: нѣ живяше 98. Слѣдовательно, *не* наблюдается передъ одной согласной съ гласной (напр.: не будеть, не тогда), передъ двумя согласными съ гласной (напр.: не продана, не трудистеся, или передъ церковно-славянскою огласовкою вмѣсто русскаго полногласія: не брашно), передъ тремя согласными съ гласной (напр.: не-строкнья), передъ ꙗ (напр.: не ꙗсте 162, не ꙗвѣ 23, от-

мѣчено около 20 разъ), передъ ѥ (напр.: не ѥмлете 14, не ѥже 12, отмѣчено 6 разъ), и передъ *а* (всего два примѣра: не абье 121, не азъ ли 178).

II. Въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 года *нѣ* встрѣтилось: а) передъ *и*—46 разъ, б) передъ древнимъ *у*—8 разъ, передъ древнимъ *въ*—12 разъ, передъ *в* вм. *у*—4 раза; в) передъ *о*—4 раза (нѣ обинуяся 13, нѣ обрѣтаху 91, нѣ остануть 152 об., нѣ обидьте 161); г) передъ согласнымъ съ исчезавшимъ глухимъ — 14 разъ. Въ другихъ случаяхъ *нѣ* не отмѣчено.

III. Въ Житіи Саввы Освященнаго *нѣ* встрѣтилось: а) передъ *и* — 22 раза; б) передъ древнимъ *въ* — 7 разъ; г) передъ согласнымъ съ исчезавшимъ глухимъ — 16 разъ (отмѣтимъ изъ этихъ 16 случаевъ лишь: нѣ стужетеси 377, срвн. древн. нє сътоужиси Мин. 1095 г. 0217, да интересный случай изъ записи: нѣ кльнѣ(те — не дописано) 533). Кромѣ этого, *нѣ* встрѣтилось всего только одинъ разъ: нѣ бѣ (вѣроятно, описка[1]).

1) При изученіи *нѣ* не слѣдуетъ привлекать къ изслѣдованію часто встрѣчающееся *ни*, стоящее какъ будто на мѣстѣ *не*, и А. И. Соболевскій въ своей диссертаціи пользуется имъ очень осторожно, хотя и не мотивируетъ причины своей осторожности. Дѣйствительно, два приведенные имъ случая ниистовъ Полик. Ев. bis и не нидить юго и ни знаютъ юго, по всей вѣроятности, имѣютъ *ни* изъ *нѣ*, и лишь третій: аще ли ни реклъ быхъ вамъ Добр. Ев. имѣетъ *ни* древнее, срвн. въ Остр. Ев. 45 об.: аще ли же ни реклъ быхъ вамъ (по изд.). Другими многочисленными *ни* пользоваться нельзя оттого, что они являются вторыми отрицаніями въ слитныхъ предложеніяхъ, а такое употребленіе *ни* извѣстно съ древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ: татиє нє подъко|паваѭтъ ни крадѫтъ Савв. Ев. (по изд. проф. Щепкина 59), ꙗко нє сѣѭтъ ни жьнѭтъ Мар. Ев. 254, ꙗко нє видитъ юго ни знаютъ юго Остр. Ев., 46 об., да на съ|мющаетьсѧ срдцє ваше. ни встрашаетъ Мирося. Ев. 260. О происхожденіи этого *ни* сказать что-либо рѣшительное трудно. Однако можно отмѣтить, что писавшіе отличали, когда писать *не* и когда *ни*, такимъ образомъ: если второе предложеніе присоединяется къ первому при помощи союза *и*, то они писали *не*, а если безъ помощи *и*, то *ни*; напр.: нє видѧть очима.| и нє разоумѣѭть срдцьмь Остр. Ев. 43 л. (Срвн. въ Путенскомъ Евангеліи: не видять очима, ни разумѣють срдцемь 153); въ московскихъ грамотахъ употребленіе *ни* обычно: а не обидѣти тобе, ни имати ничего ото княгини

§ 3. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что буква *ѣ* въ отрицаніи *не* пишется въ вполнѣ опредѣленныхъ случаяхъ: часть изъ нихъ (передъ одной или двумя согласными съ исчезавшими *ъ*, *ь* и передъ *и*) легко объясняется общимъ закономъ, по которому въ галицко-волынскихъ памятникахъ наблюдается удлиненіе *е* въ *ѣ*; небольшая разница заключается лишь въ томъ, что *ѣ* вмѣсто *е* въ отрицаніи *не* пишется безразлично и передъ выпадавшимъ *ь*, и передъ выпадавшимъ *ъ*, тогда какъ внутри словъ это наблюдается почти исключительно передъ *ь*[1]); однако если принять во вниманіе, что нигдѣ въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ отрицаніе *не* не переходитъ въ **нё*, то возможность написанія *ѣ* въ этомъ положеніи будетъ имѣть для себя нѣкоторое основаніе (не даромъ среди исключеній внутри словъ встрѣтилиcь: небѣсъ Ирмолой Григоровича XII—

Собр. Гос. Грам. и Дог. I № 23 1341 г., не мыслити, ни думати, ни дѣлати никакими дѣлы ib. № 153 1524 г., если же между предложеніями вставляется союзъ *и*, то пишется *не*: не съсылатися и не одиначитися ib. № 123 1486 г.: къ собѣ его не приимати, ни его дѣтей и не надѣятись ib. № 23 1341 г., и блюсти и не обидѣти, и не вступатися ib. № 70 1448 коп. (срвн. въ этой же грамотѣ: блюсти, ни обидѣти, ни вступатися); отмѣтимъ еще особенность въ московскихъ грамотахъ; если второе предложеніе начинается съ *ни* не передъ сказуемымъ, то передъ сказуемымъ стоитъ *не*: данщиковъ своихъ не слати, ни приставовъ не всылати, ни грамотъ не давати, ни закладней·ми ни оброчниковъ не держати ib. № 71 1448 г. (срвн. выше:.... ни дѣлати никакими дѣлы). Въ виду всего этого позволительно допустить, что отрицаніе *ни*, если не произошло путемъ соединенія отрицанія *не* и союза *и* (срвн. въ родственныхъ языкахъ формы, которыя можно сближать съ *ни*, въ родѣ лат. *nī*, лит. *neĩ*), то по крайней мѣрѣ, во время написанія вышеприведенныхъ памятниковъ дифференціировалось въ сознаніи говорившихъ и писавшихъ отъ отрицанія *не* тѣмъ, что въ него какъ бы входилъ союзъ *и*.

1) Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что удлиненіе въ говорѣ галицко-волынскихъ писцовъ наблюдалось только передъ *ь*, а лишь указываемъ, что удлиненное *е* передъ *ь* могло изображаться буквою *ѣ*, а удлиненное *е* передъ *ъ* не могло (срвн. попытки писцовъ изображать его черезъ *ю*: чтюнъ, щюдръ и др.). Однако въ позднихъ малорусскихъ памятникахъ наблюдается нерѣдко и *ѣ* вмѣсто *е* передъ твердою согласною; напр.: въ Лекс. Памвы Берынды (2-е изд.): зтѣкъ 153; въ Житіи Варлаама и Іоасафа (Кут. изд. 1637 г.): оутѣк'л 141, оутѣкши 208 об.; въ Малорусскомъ Хронографѣ XVII вѣка (F. IV. 215): прибѣлъ 233, принѣзлъ 327 об., оутѣклъ 58 и въ др. мѣстахъ.

XIII вѣка, вѣтъхы Гал. Ев. 1266—1301 г., вѣтхаго Поуч. Ефрема Сирина, гдѣ *е*, а не *ё* обычно и у великоруссовъ съ бѣлоруссами: небе́съ, ве́тхій (рѣдко: небё́съ, вё́тхій); случай жьрцѣмъ кдинѣмъ Тип. Ев. № 7 похожъ на описку; въ формѣ словесѣмъ Тип. Ев. № 6 bis *ѣ* явилось подъ вліяніемъ мѣстнаго падежа словесѣхъ, и только случай изъ Житія Саввы Освященнаго: исполнѣнъ 371 противорѣчитъ общей картинѣ). Появленіе *нѣ* передъ *у*, которое въ произношеніи галицко-волынскихъ писцовъ было неслоговымъ вполнѣ понятно: срвн. *ѣ* вмѣсто *е* передъ неслоговымъ *л*: зѣмльстии Пут. Ев. 71, зѣмльнаꙗ ib. 143, Поуч. Ефр. Сир., нѣ кльнѣ(те) Жит. Саввы Освящ. (срвн. еще нѣпрьязниньскыя Хут. Служ.).—Слабѣе другихъ превращало *не* въ *нѣ* начальное *о*, но и оно могло становиться неслоговымъ; срвн. въ галицкихъ говорахъ: вна, вколо, вдного (А. Соболевскій. Очеркъ русской діалектологіи. Живая старина, 1892 г., вып. IV, стр. 49, 58 и въ другихъ мѣстахъ), украинское впъять Екатер. Лебед. ib. 41, сѣверно-малорусское ўсень Минск. Пинск. (Е. Ф. Карскій. Матеріалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ (Полѣсье). Вып. I. Спб. 1898 г., стр. 3). Въ словарѣ Є. Желеховского отмѣченъ рядъ начальныхъ *в* вмѣсто *о*: вбезпечати, вби, вболона, вгород, вден.—При этомъ иногда замѣчается полное отсутствіе *о*, напр.: и 'та̀ману кошовому, до 'тця панниматкы гостемъ прыбуваты, плече 'бъ плече, на 'дного коня Полтавск. Лохв. (см. Кіевскую Старину 1904, февраль, стр. 269, мартъ, стр. 454, 462, 468); а ізклала ту співанка 'дна баба (Матеріали до Україньско-руської етнольоґії. Т. V. Гуцульщина, написав проф. Володимир Шухевич. Трета Часть. Львів. 1902, стр. 171, срвн. ibidem: унучи 134, віконце втвирає 173). Въ Словарѣ Є. Желеховского отмѣчено: побіща́ти, горо́д, 'тдава́ти, 'тда́лїк, 'тда́ти, 'тдира́ти. Еще можно отмѣтить въ Лексиконѣ Памвы Берынды: горо́ды 2-е изд. 74. Надо думать такого же происхожденія мѣстоименіє цей, ця, це

черезъ посредство *тцей, тця, тце, *тсей, тся, тсе изъ отсей.

II.

§ 4. Такъ какъ въ говорѣ галицко-волынскихъ писцовъ кромѣ *е* подвергался также удлиненію передъ исчезавшими *ъ*, *ь* звукъ *о*, то естественно ожидать, что и передъ неіотированными гласными[1]) онъ будетъ удлиняться. На дѣлѣ оно такъ и есть. Извѣстно, что приставка *в* въ галицко-волынскихъ памятникахъ наблюдается исключительно передъ буквою *о*, которая равнялась долгому *ō*; вотъ всѣ случаи такой приставки: вовьця Гал. Ев. 1266 — 1301 г., кзеро вогньно ib. (срвн. еще воовчихъ ib.; за воовця ib., сьде или въонде ib. 88 л.); къ вовьцямъ Луцк. Ев.; о вовцахъ Полик. Ев. (сравн. еще о воо̃ци ib., воо̃ца ib.), вътъ мерътвыхъ ib. (гдѣ вътъ =

---

1) Необходимо сдѣлать одну оговорку: мы разсматривали и будемъ далѣе разсматривать дѣйствіе начальнаго *и* вмѣстѣ съ дѣйствіемъ *неіотированныхъ* гласныхъ, подразумѣвая подъ этимъ терминомъ и его. Дѣйствіе *и* вмѣстѣ съ другими іотированными гласными (ꙗ, ѥ, ю) мы не разсматриваемъ по той простой причинѣ, что дѣйствія ихъ различны (нѣтъ ни одного случая удлиненія гласныхъ *е*, *о* передъ іотированными гласными), вмѣстѣ же съ исчезавшими ъ и ь—оттого, что *и* только въ извѣстномъ положеніи (въ началѣ слога) оказывало такое же дѣйствіе, какъ ъ и ь. Удобство соединить разсмотрѣніе дѣйствія *и* и неіотированныхъ гласныхъ очевидно. Можно ли изъ этого совпаденія дѣйствій начинающаго слогъ *и* и неіотированныхъ гласныхъ сдѣлать выводъ, что *и* было, дѣйствительно, *всегда* неіотировано въ галицко-волынскомъ говорѣ и другихъ разсматриваемыхъ ниже говорахъ, гдѣ дѣйствіе его одинаково съ дѣйствіемъ неіотированныхъ гласныхъ,—я не знаю, хотя склоненъ думать, что *всякій разъ*, *когда и* оказывало такое дѣйствіе, какъ неіотированные гласные, оно было само неіотировано. Съ другой стороны, *достаточность* для удлиненія *е* и *о* въ галицко-волынскомъ говорѣ лишь превращенія слѣдующаго за ними гласнаго *въ неслоговой* (какъ это мы видимъ при *у* и *о*) позволяетъ говорить не о исчезновеніи *и* и оставленіи только передъ нимъ находившаго *j* (почему *и* исчезалъ *только* послѣ *j*, неясно), а также о превращеніи его въ неслоговое *i*. А все вмѣстѣ взятое вызываетъ вопросъ объ относительномъ времени удлиненія *е*, *о*, удлинялись ли они при окончательномъ исчезновеніи ъ, ь или при превращеніи ихъ только въ неслоговые, иначе говоря, по удлиненію *е*, *о* врядъ ли можно категорически утверждать, что въ моментъ удлиненія глухіе ъ, ь совершенно уже не существовали въ галицко-волынскомъ говорѣ.

вотъ, отъ), въ волтарь ib., ворьли Пут. Ев. 143. И вотъ такое самое приставочное *в*, свидѣтельствующее о долготѣ слѣдующаго за нимъ *о*, наблюдается въ предлогѣ *о* и не только тогда, когда онъ стоитъ передъ словомъ, начинающимся съ согласнаго съ исчезавшимъ глухимъ, какъ напр. въ Гал. Ев. 1266—1301 г.: съблазнистеся во мнѣ, писанок се подобакть да скончактьси во мнѣ, но и передъ словами, начинающимися съ гласныхъ *и*, *у (въ)*, *о* (примѣры изъ того же евангелія): яко во іоанѣ рё имъ, видѣхомъ во имени твокмь изгоняюща бѣсы;—глаголаше во ученьи свокмь, яко во въспѣньи съна глеть;—въ одежи чьто ся печете (данныя для этого явленія заимствованы изъ диссертаціи А. И. Соболевскаго). Слѣдовательно, неіотированные гласные могли удлинять и звукъ *о* въ галицко-волынскомъ говорѣ.

Слѣдующимъ моментомъ въ исторіи новаго предлога *во*, *въ* изъ *о* было употребленіе предлога *о* вмѣсто предлога *въ*, что происходило по ложному соображенію говорящихъ («если вмѣсто *о* иногда возможно *во*, *въ*, то, значитъ, возможно и обратно»); такую мѣну можно видѣть въ примѣрѣ изъ того же Галицкаго Евангелія: приходять къ вамъ о одежахъ воовчихъ 30 об.; но достовѣрно она встрѣчается лишь въ Луцкомъ Евангеліи (примѣры изъ «Очерковъ»): нѣ уведи насъ о напасть, будьте о мнѣ і азъ у васъ, аще о мнѣ не пребудете.... іже будеть о мнѣ і азъ в немь. Случаи, отмѣченные въ словарѣ Є. Желеховского онýк, осïгди, одовець, оюн, вѣроятно, обязаны не ложной мѣнѣ предлоговъ *о* и *въ*, а чередованію формъ въ родѣ она и вна и т. п.

Глава вторая.

I.

§ 5. Если неіотированные гласные звуки *и*, *у*, *о* по своему дѣйствію на непосредственно предыдущіе гласные звуки *е*, *о*

подобны исчезавшимъ ъ, ь въ ихъ вліяніи на *е*, *о* въ предыдущемъ слогѣ (тѣ и другіе удлиняли *е*, *о*), то можно предположить, что и въ другихъ отношеніяхъ они въ этомъ положеніи будутъ оказывать подобное исчезавшимъ глухимъ дѣйствіе. Исчезавшіе глухіе вызывали въ предшествующемъ слогѣ на мѣстѣ глухихъ чистые *о*, *е*. Слѣдовательно, если мы только правы въ своемъ предположеніи, неіотированные гласные непосредственно предыдущій глухой должны превращать въ чистый. Фонетическое положеніе, при которомъ глухой находится непосредственно передъ неіотированнымъ гласнымъ, наблюдается при срощеніи предлоговъ-приставокъ, оканчивающихся на глухой, со словомъ, начинающимся съ неіотированнаго гласнаго. Мы изучили три галицко-волынскихъ памятника, наблюдая судьбу ъ въ этомъ положеніи, и оказалось, что факты вполнѣ подтверждаютъ нашу догадку.

I. Путенское Евангеліе XIV вѣка:

1) передъ *и* буква *о* вмѣсто ъ наблюдается въ предлогѣ *въ* 77 разъ (напр.: во имя 1, во истину 4, во Ирода 234, во Ісуса 139, во Июдѣихъ 34, во Израили 62 и др.), въ предлогѣ *къ* — 30 разъ (напр.: Ісусови 5, ко Іоану 8, ко Июдѣемъ 205, ко Ироду 233, ко Израилю 256 и др.), въ предлогѣ *съ*—14 разъ (напр.: со Ісусомь 63, со Июдѣи 8, со иродьяды 78 и др.), въ приставкѣ *прѣдъ* — 2 раза (прѣдоидеть 254,—деши 255); всего 123 раза; сохранено ъ только въ 4 случаяхъ (къ Ироду 194, къ Иоану, 238, 239, предъ Ісуса 90);

2) передъ *у* и *ъ* буква *о* вмѣсто ъ—въ предлогѣ *въ* 11 разъ (напр.: во утрии 5, во ухо 219, во въмывальницю 158, во ускрѣшѣнье 13 и др.), въ предлогѣ *къ*—20 разъ (напр.: ко ученикомъ 43, ко устомъ 191, ко ух(у) 219 и др.), въ предлогѣ-приставкѣ *съ*—9 разъ (напр.: со ученики 39, соузъ 130 и др.), въ предлогѣ *изъ*—1 разъ (изо устъ 241); всего 41 разъ; сохранено ъ въ 12 случаяхъ (напр.: въ уши 130, въ убрусѣ

117, къ ученикомъ 211, прѣдъ ученики 10, надъ учителемъ 218, изъ устъ 138 и др.) и въ 3 случаяхъ въ предлогѣ *изъ*—ъ не наблюдается (из устъ 203, без ума 20, 170);

3) передъ *о* буква *о* вмѣсто ъ—всего только 6 случаевъ: во очесѣ 57, во оцѣ 58, во отч҃ство 216, во облакъ 260, изо облака 260; сохраненіе ъ обычно, встрѣтилось 42 раза (напр.: въ одежю 16, въ б҃ци 44, въ огнь 47, въ очеси 57, въ одѣнье 81, въ оставлѣнье 159, въ отпущѣнье 235, въ откровѣнье 243,—къ б҃цю 43, къ овьцамъ 87,—съ оного 203, съ обѣма 158, съ оружьемь 161, съ оц҃мь 58,—подъ одромь 97,—прѣдъ оц҃мь 54,—безъ б҃ца 219,—изъ отрочины 131); отсутствіе ъ замѣчено 1 разъ въ предлогѣ *изъ*: из облака 260 и обычно въ выраженіи в оно время 5, 6, 7 и т. д., гдѣ пропускъ, можетъ быть, обязанъ тому, что это выраженіе находится обычно въ началѣ евангельскихъ чтеній, и *в* пишется заставное; кромѣ того: об онъ полъ 8, 15 bis, об ону страну 241;

4) передъ одной или двумя согласными съ исчезавшимъ глухимъ очень часто наблюдается *о* вмѣсто ъ въ концѣ разныхъ предлоговъ и приставокъ (у меня отмѣчено болѣе 100 случаевъ, но ихъ гораздо больше, потому что я отмѣчалъ далеко не всѣ; напр.: во вторникъ 3, во тму 63, ко смерти 134, со пьяницами 149, со сльзами 131, со кр҃ста 186[1]), разобьеть 130, во стрѣтѣнье 149 и т. д.); ъ сохраняется гораздо рѣже; отсутствіе ъ встрѣтилось лишь одинъ разъ в вт҃рк 144 (вѣроятно, оно обязано сокращенію всего слова за недостаткомъ мѣста);

5) наоборотъ, передъ одной или двумя согласными съ слѣдующей гласной наблюдается или сохраненіе, или довольно частый пропускъ (мною отмѣчено до 60 случаевъ пропуска ъ; напр.: к вамъ 167, с миромь 243, схранити 40, с другы 120, в дому 230, из града 29, изгонанъ 65, без мене 47, прѣд ними 41, над нами 117, под ногами 252 и др.); *о* вмѣсто ъ

---

1) Срвн. ѣ вмѣсто *е*: зѣмльстии 71, зѣмльная 143.

передъ одною согласною съ гласной—крайняя рѣдкость: во сосудѣхъ 86, созижю 257, во двери 109, во сандалья 252; передъ двумя согласными съ гласной также рѣдко: во слѣдъ 56, воставили 61, исключая двухъ категорій, гдѣ *о* вмѣсто *ъ* сравнительно часто: а) въ приставкѣ *въз-* встрѣтилось 12 разъ (напр.: восхотѣ 126, воздвигнути 238, возвеличилъ 255; срвн. § 2, I б., гдѣ указано три случая *нѣ* передъ такимъ *воз-*) и б) передъ *в* съ слѣдующей церковно-славянской огласовкой отмѣчено до 20 разъ[1]) (напр.: со властью 88, во врата 163, во врѣмя 94, совлѣкоша 186, воврѣщи 220, во владыкахъ 232 и всѣ другіе случаи начинаются съ *в*);

6) передъ *а* (6 случаевъ) и *е* буква *ъ* всегда сохраняется (напр.: къ аплмъ 267, съ ангелы 129, прѣдъ ангелы 220;—въ едину 9, въ Ерусалимъ 3, въ Егупетъ 233, въ Ерданѣ 8, въ Ефремъ 39, въ Ерихонъ 114); отмѣтимъ еще: въ ѩслехъ 231.

II. Галицкое Евангеліе 1266—1301 года:

1) передъ *и* буква *о* вмѣсто *ъ* наблюдается въ предлогѣ *въ* 96 разъ (напр.: во имя 6, во истину 8, во искушѣньѥ 108 об., во ӏс҃а 122, во ил҃мѣ 15, во изли 36 об., во июдѣи 51 об. и др.), въ предлогѣ *къ*—31 разъ (напр.: ко иному 86 об., ко исхожѣнью 90 об., ко ироду 114 об., ко иоанну 7 об., ко ӏс҃у 43 об., ко июдѣомъ 142 и др.), въ предлогѣ *съ*—10 разъ (напр.: со ильѥю 167 об., со иродьѩны 55 об., со ӏс҃мь 38

1) Въ виду того, что эта особенность красною нитью приходитъ черезъ большинство галицко-волынскихъ памятниковъ (см. ниже), позволительно догадываться, не произносился ли звукъ *в* въ заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго языка словахъ по-галицко-волынски, приближаясь къ звуку *у*. А если это такъ, то случаи въ родѣ *во врата* можно было бы сближать со случаями въ родѣ *во ѣмывальницю*, *во ухо*. Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что 1) мѣны *в* и *у* въ такихъ заимствованныхъ словахъ мною вовсе не замѣчено, а 2) написаніе глухого послѣ *в* въ родѣ *во вървмя* Гал. Ев. 1266—1301 г. встрѣчается рѣдко, тогда какъ при замѣнѣ буквы *у* буквою *в* послѣ нея обычно ставится *ъ*. Кромѣ того, 3) почему передъ этимъ *в* ни разу не встрѣтилось *нѣ*, и 4) почему въ московскихъ грамотахъ (см. § 8) предлоги съ *о* всего обычнѣе употребляются передъ *в*, *ф* съ согласнымъ?

об. и др.), въ предлогѣ-приставкѣ *прѣдъ*—7 разъ (напр.: прѣдоидуще 99 об., прѣдо игѣмономь 143, прѣдо і҃са 70 об. и др.); всего 144 раза;

2) передъ *у* и *ъ* буква *о* вмѣсто *ъ*—въ предлогѣ *въ* 8 разъ (напр.: во учѣньи 56 об., во утробѣ 94, во въста 42 об., во въшью 68 и др.), въ предлогѣ *къ*—17 разъ (напр.: ко уч҃нкомъ 6, ко устомъ 145 об. и др.), въ предлогѣ-приставкѣ *съ*—12 разъ (напр.: со уч҃нкы 38, со въч҃нкы 107 об., соупрашаѥтеся 96 и др.), въ предлогѣ *изъ*—3 раза (изо устъ 42 об., изо утробы 64 об.), въ предлогѣ *безъ*—1 разъ (безо устава 64), въ предлогѣ *надъ*—1 разъ (надо учителемь 72); всего 42 раза; отсутствіе *ъ* и *о* наблюдается только въ предлогѣ *из*: из устъ 67 об.—5 разъ и без ума 137 об.;

3) передъ *о* буква *о* вмѣсто *ъ*—въ предлогѣ *въ* 1 разъ (во овчи купѣли 11), въ предлогѣ *къ*—18 разъ (напр.: ко о҃цю 22, ко овьцямъ 32, ко оньси 132 об. и др.), въ предлогѣ *съ*—5 разъ (напр.: со оружьѥмь 108 об., со оноя 28), въ предлогѣ *изъ*—5 разъ (напр.: изо очесе 31 об., изо облака 168 и др.), въ предлогѣ *безъ*—3 раза (напр.: безо о҃ця 33, безо основанья 72), въ предлогѣ *подъ*—1 разъ (подо одромь 58), въ предлогѣ *прѣдъ*—5 разъ (напр.: прѣдо о҃цемь 29 об., прѣдо очима 62 об. и др.) и въ предлогѣ *объ*—1 разъ (обо ону 46 об.); всего 39 разъ;

4) передъ одной или двумя согласными съ исчезавшимъ глухимъ очень часто наблюдается вмѣсто *ъ* въ концѣ предлоговъ и приставокъ буква *о* (у меня отмѣчено около 60 случаевъ, но ихъ больше; напр.: во мнѣ 7 об., во тмѣ 21, во лъжю 29, во свѣдѣньѥ 34, во съборѣ 54, во вьси 63 об., во дьвьри 95, во мнозѣ 99, со сльзами 119, со дьвѣма 100, прѣдо всѣми 118, надо многыми 66 bis, возваста 55, возрить 28 об., совъкупить 20, сочьталъ 53, воскр҃снеть 47 и др.); отсутствія *ъ* не встрѣчается:

5) наоборотъ, передъ одной или двумя согласными очень часто наблюдается отсутствіе *ъ* (у меня отмѣчено болѣе 50 слу-

чаевъ; напр.: в ребра 172 об.; к народомъ 114 об., с радостью 39, с клятвою 41 об., с пути 79, с миромь 163, над нею 69 об., прѣд нимь 111, створи 19 и др.); *о* вмѣсто ъ— рѣдкость, всего 3 раза: ни во суботу 52, во дому 61; вовопькть 112; особо стоятъ (срвн. въ этомъ же § I б.) 13 случаевъ передъ *в* съ слѣдующей церковно-славянской огласовкой (напр.: во врата 135, ко вратомъ 73 об., во вьрѣмя 89, во врѣмена 28, во власяницю 35, подо властью 36 об., ко властемъ 82, совладуть 47 об., совлѣкоша 144 и др.);

6) передъ *а* ъ всегда сохраняется, отмѣчено 9 разъ (напр.: въ адѣ 78, къ аньнѣ 140, прѣдъ аг҃глы 82, съ аврамомь 36 об., къ архиєрѣємъ 26 об., съ ароматы 146 об. и др.); также передъ є и ꙗ (напр.: въ єдинъ 69, въ єзеро 29, въ єрифонъ 99 об., въ єгупетъ 158 об., къ єдинои 68 об., съ єдинѣмь 46;—въ яслехъ 158 ter, въ язву 172 об., подъ яремнича 121 об.).

III. Житіе Саввы Освященнаго:

Вообще въ этомъ памятникѣ *о* вмѣсто ъ въ предлогахъ встрѣчается рѣдко: передъ *и*—6 разъ (со исавры 153, со иоаномь 477, ко инѣмъ 417, безоимѣньника 183, безоимениꙗ 373, отоиде 219), передъ *у*—3 раза (°о ученикомь 131; безо успѣха 507, безо уса 391, здѣсь же отмѣтимъ совузу 225), 2 раза пропущено: без ума 59, 71; передъ *о*— 1 разъ (прѣдо олтаремь 453), передъ одной или двумя согласными въ предлогахъ до 15 разъ, въ приставкахъ болѣе 40 разъ (напр.: ко мнѣ 173, ко всѣмъ 325, ко злымъ 339, безо вьсего 39, со мною 57, со сльзами 61, со многомь 177, со сьборными 305, подо мною 375;—собьрахъ 5— часто, создания 13—часто, согнати 323, сокрьвено 367 и др.); въ послѣднемъ положеніи замѣчено одно исключеніе сбратися 455; наоборотъ, передъ одной или двумя согласными отсутствіе ъ очень часто (отмѣчено до 150 случаевъ; напр.:

с подружиємь 11, с потока 219, с прѣстола 323, с великомь 499, с патриархомь 531, в руцѣ 37, в недѣли 85, к нему 61 и др.); *о* вмѣсто *з* встрѣтилось всего лишь 2 раза: ко коньцю 381, во великыи 387; особо стоятъ: совлѣчетъ 467, совладѣти 507; передъ *а*, *є*, *я з* всегда на лицо (напр.: въ алчебныя 103, къ архимандриту 27, подъ аравию 245 и др. до 30 случаевъ;—въ єдинъ 323, съ єп̑пы 399;—въ явлѣнии 67 и др.); лишь одинъ разъ передъ *є* написано *о*: изо єп̑пьи 523 (при обычномъ *з*: изъ епискупия 279, 303, 311, 507, 527).

IV. Данныя, которыя можно почерпнуть изъ «Очерковъ» и приложеній къ нимъ А. И. Соболевскаго, не противорѣчатъ выше приведеннымъ наблюденіямъ: 1) Добр. Ев.: ко мнѣ, со мною, во всѣи bis, во что, надо всѣми, надо двьри, прѣдо мною, (ото кръви, ото съмерти, ото плъти, ото книжникъ, ото възлежащихъ) и рядомъ в пустыню, с тобою bis, к тому bis, к себе, к нему ter, из нєго; одно исключеніе из устъ; 2) Тип. Ев. № 7; (ото книгъчи) и рядомъ к нимъ bis, к тому, к нему, бес прітъча; два исключенія из устъ и въ соборѣ (срвн. кото вм. къто); 3) Тип. Ев. № 6: не только во всѣи, во всѣмь, во цр̑ство, вонь, во мнѣ, во тъ ча̑, во въскрѣшѣньє, восьявъшю, но уже и во имя, ко і̑су, ко устомъ и рядомъ к нему bis, к нимъ, из града; 4) Ирм. Григ. с тобою и др., но: во вѣки (срвн. рого, намо и др.); 5) Вѣнск. Окт. во всѣй и к себе, но и ко тебе (срвн. любове); 6) Холмск. Ев.: во вьсѣмь quater, во всѣи, во нь bis, со мною ter, во что,—во имя и рядомъ с нимь, к нему ter, к нѣи, к нимъ, с тобою, к цр̑кви, в лѣ̑, к столцу, сблюде; особо иоврѣщь; исключеніе з обема; 7) Хут. Служ.: во всѣхъ, подо нь (ото-кръвѣниє),—во истлѣньныхъ, во истину ter, во увѣдѣниє, во оставлениє bis, во осужениє, сообразны и рядомъ в нѣмь bis, в нѣи, в нощь, в распаданиихъ, из мертвыхъ bis (одно исключеніе отоставивъ); 8) Указ. ев. чтеній: во

всѣи,—со иоаномь, во италии (ото ивана, ото вченикъ); 9) Пол. Ев.: во что, со мною, во всѣи, (отошли), и во истину bis, во иєрусалимъ, ко ı͠су bis, во игѣмона, во июдѣюхъ, во имя, во искушѣньѥ, во ı͠са (отоиде), ко ученикомъ, во въста, во въшью, во вхо, во вътробѣ и рядомъ с пути, в нѣмь, в горѣ, с тобою, с нею, к нему н. разъ, к себе, к жятвѣ, в домъ, к нимъ ter, с ними, с нимь, бес печали, в гору, с вами, в море, из дому, из мене, сбираѥшь, збудется, збора, здрава, особо: по возмущѣньи и совладають; одно исключеніе со страхомъ; 10) Луцк. Ев.: со мною, во всѣмь, во всѣи, во нь, во дни, созъда,—со и͠сомь, во иѥ͠рслмъ, во имя, во вътрии д͠нь, со учн͠кы (изо вутра) и рядомъ в вѣкы, в синаиик, в д͠нь, с каменьеⁿ, к нѣи, к себе, к тебе, в себе, ис нимь, ıс нею, в него, иствори н. разъ, снииде, к нимъ bis, к нему, к тому, пред нимь, с ними bis, с нимь, в немь, зборъ, здрава; особо: совладають, во власяницѣ; одно исключеніе (странное): сомиреныи; 11) Приписки къ Вѣнск. Окт.: восья ter, восьяеть и рядомъ в нѣмь, в нѣи, в сѣнѣ; 12) Поуч. Ефр. Сир.: во ц͠ртвьи, во всѣи, во зборѣ bis, совкуплену,—во въжасѣ (ото вности, во вунютрьнѥѥ), во общемь и рядомъ в лѣто, в та лѣта, к с(е)луняномь, к тимофѣю, бѣс печали, к нѣи bis, в нѣи bis; о случаѣ ув адъ см. ниже § 12, 7. Только Часовникъ XIV в. представляетъ много исключеній (срвн. въ немъ избавльшимося, свѣто твои и даже поморачитася, волод͠кы, разъдоруши).

V. Наконецъ, обращаясь къ галицкимъ грамотамъ, мы и въ нихъ встрѣтимся съ подобнымъ же явленіемъ,—важный фактъ, указывающій, что разсматриваемое явленіе нельзя ограничить только языкомъ церковныхъ книгъ. Не говоря объ обычномъ ѥс имѧ, которое могло явиться или, вѣрнѣе, поддерживаться языкомъ церкви, мы отмѣтили въ грамотахъ слѣдующіе случаи *о* вм. *ъ* въ предлогахъ передъ слѣдующимъ *о*: со огородомъ грам.

1422, Пам. Голов. № 34 [1]); со инвою стороноу грам. 1421—1430 г., ib, № 39; предо нычима грам. 1421 г., Палеогр. Снимки № 33 [2]); зо овоу грам. 1412 г. ib., № 50. Однако въ грамотахъ можно встрѣтить предлоги передъ неіотированными гласными и съ ъ, и даже безъ него; напр.: безъ одноѣ грам. 1386 г., Пам. Голов. № 3; изъ угоръ грам. 1359 г., ib. № 2; съ Игнаткомъ грам. 1445 г., ib. № 50;—без одвукупу грам. 1400 г., ib. № 20; с озеры грам. 1409 г., ib. № 30; к оустию грам. 1421—1430 г., ib. № 3.

II.

§ 6. Такъ какъ исчезавшие глухіе во всемъ русскомъ языкѣ вызывали появленіе *о*, *е* на мѣстѣ ъ, ь въ предыдущемъ слогѣ, то, допуская параллельность во вліяніи исчезавшихъ ъ, ь на предыдущій слогъ и неіотированныхъ гласныхъ на непосредственно предыдущій гласный, необходимо предположить, что начальные неіотированные гласные звуки, въ говорѣ галицко-волынскихъ писцовъ по своему дѣйствію на непосредственно предшествующій глухой совершенно равные исчезавшимъ глухимъ въ ихъ вліяніи на предыдущій слогъ съ глухимъ, будутъ вызывать чистые гласные на мѣстѣ непосредственно предшествующихъ глухихъ во всемъ русскомъ языкѣ, т. е. вліяніе начальныхъ гласныхъ скажется во всемъ русскомъ языкѣ, но та интенсивность вліянія, которая присуща галицко-волынскому говору, будетъ понижена настолько, насколько понижена интенсивность вліянія глухихъ. Дѣйствительно, кто читалъ древне-русскіе памятники XV—XVII и

---

1) Пам. Голов. = Я. Головацкій. Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго въ древнемъ Галицко-Володимірскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ съ XIV — XV столѣтія. Науковой Сборникъ, издаваемый лит. общ. Галицко-русской матицы во Львовѣ. 1865, 1866, 1867 гг.

2) Палеогр. Снимки = Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. Изданіе С.-Петербургскаго Археологическаго Института подъ редакціей А. И. Соболевскаго и С. Л. Пташицкаго. С.-Петербургъ. 1903.

даже XVIII вѣковъ, тотъ долженъ былъ замѣтить нерѣдкіе въ нихъ предлоги-приставки на *о* вмѣсто *ъ* или пропуска его передъ слѣдующими неіотированными гласными въ родѣ: во истину, со отцемъ, во уши, по изообилію, безо устава и т. п. Однако тотъ же, кто подтвердитъ мое наблюденіе, можетъ возразить, что онъ нисколько не рѣже встрѣчалъ въ тѣхъ же памятникахъ предлоги-приставки съ *о* и передъ группою согласныхъ, никогда не раздѣленныхъ *ъ*, *ь*, въ родѣ во дворъ, со звѣремъ, ко третьему, и даже передъ однимъ согласнымъ въ родѣ: со дерзновеніемъ, и въ заключеніе можетъ добавить, что ничего въ замѣченномъ мною нѣтъ удивительнаго: приставки-предлоги съ *о*, выработавшіеся въ древне-русскомъ языкѣ передъ согласными съ исчезавшими *ъ*, *ь*, распространились по аналогіи и на другіе случаи. Въ виду этого мы постараемся доказать, что случаи въ родѣ во истину и т. п. и случаи въ родѣ во дворъ и т. п.—явленія разнаго порядка, а случаи въ родѣ со дерзновеніемъ во многихъ памятникахъ являются рѣдкими исключеніями.

§ 7. Передъ нами памятникъ средне-русскаго говора, лѣтопись по Лаврентьевскому списку (изданіе третье. Спб. 1897). Обратимся къ разсмотрѣнію данныхъ[1]):

1) передъ *и* буква *о* отмѣчена 50 разъ (напр.: во имя 8, во истину 72, во Израили 98, во изумѣньи 105, во иноплеменьницѣхъ 448;—ко Индомъ 2, ко имѣнью 140, ко Изяславу 155;—со инѣми 113, со испытомъ 124, со игуменомь 154, со имѣньемъ 178, со Иовомъ 217, со Изяславомъ 238, со Игоремъ 336 и др.); сохранено *ъ* 36 разъ (напр.: въ истину 85, въ имя 121, къ Изяславу 169, изъ ирья 236, подъ Изяславомъ 291, въ истобку 220, надъ Игоремъ 296 и др.); о случаяхъ пропуска *ъ* см. § 11.

2) передъ *у* буква *о* вмѣсто *ъ* встрѣтилась всего 2 раза (ко угу 273, во уста 458); 32 раза *ъ* сохранено (напр.; въ Угры

1) Главное вниманіе было обращено на предлоги, а не на приставки.

136, къ угу 225, предъ Угры 261 и др.); 9 разъ нѣтъ ни *о*, ни *ъ* (напр.: в Угры 260, к Уланови 255, с уздою 64, с Угры 318, без ума 401); о другихъ случаяхъ пропуска *ъ* см. § 12;

3) передъ *а* буква *о* вмѣсто *ъ* отмѣчена 9 разъ (ко Аскольду 22, ко Адаму 86, ко Авраму 90, ко Андрѣеви 332, ко Антонью 154 bis; — со Андрѣемъ 313 bis, со ангелы 175); 14 разъ *ъ* сохранено (напр.: въ адъ 133, въ адѣ 175, въ алчьбѣ 455;—съ Аврамомь 128 и др.); 1 разъ *ъ* пропущенъ (в Афетовѣ 3); объ особомъ случаѣ пропуска *ъ* см. § 12;

4) передъ *о* буква *о* вмѣсто *ъ* написана 38 разъ (напр.: во отца мѣсто 75, во отчьствѣ 109, во Осурию 99, во оны дн҃и 116, во Обровѣ 249, во одинъ 441, во оружьи 455, во осенинѣ 462 bis;—ко отцю 93, ко оконцю 167, 187, ко Олговичемъ 241, ко Орининымъ 440, ко Олександру 449, со огнемъ 44, со обычными 210, со Олговичи 311, со отцемь 228, со опасеньемъ 182 и др.); 100 разъ *ъ* сохранено (напр.: безъ оружья 48, изъ острога 321, въ очью 376, безъ Олга 458 и др.; срвн. еще изъобрѣтъ 156); 24 раза не написано ни *ъ*, ни *о* (напр.: в озеро 6, в оставленье 101, в око 251, в одинъ 283, к Ользѣ 50, из Оковьскаго 6 и др.; кромѣ того, срвн. еще къ зеру 139); объ особомъ случаѣ пропуска *ъ* см. § 12;

5) передъ *я*, *ю*, *е*, *ѣ* буква *ъ* обычно сохраняется (напр.: въ язву 142, съ Якуномь 144, въ Ерданѣ 101, изъ епископьи 336, изъ Еюпта 92, съ единою 15, въ Югру 227, къ Юргю 353 и др., срвн. еще изъѣхалъ 312; отмѣчено около 100 разъ), и только 2 раза встрѣтилось *о:* вѣрую во единого Бога... 109, во языцѣхъ 117;

6) передъ группою согласныхъ, не раздѣленныхъ въ древности звуками *ъ*, *ь*, буква *о* вмѣсто *ъ* отмѣчена около 100 разъ (напр.: во свѣтѣ 134, во дворѣ 137, со столпья 185, во броняхъ 314, со снохами 441, во вратѣхъ 61, ко граду 57); возможно и сохраненіе *ъ*, и пропускъ его;

7) передъ группою согласныхъ, раздѣленныхъ нѣкогда звуками *ъ*, *ь*, наблюдается или *о*, или *ъ* (напр.: ко Львови 26; со унуки 67, ко встоку, ко тьсти 40, ко Днѣпру 317, ко Мьстиславу 143, со Всеславомъ 177 и др.;—въ дни 433, въ Тфѣрь 460, къ Всеволоду 168, съ дчерью 440, подъ Мстиславомъ 325 и др.); но кромѣ того, встрѣчается и отсутствіе *ъ* и *о* (замѣчено 10 разъ: в скровнѣ 443, в вторникъ 463, в дне 207, в тщету 215, в днехъ 219, в княжи медуши 125, к Днѣпру 114, с дьяволомъ 225, в царство 67, 225, но обычнѣе: со княземъ 52, ко князю 16, ко царю 9, 10, 43, 59, со царевымъ 48);

8) передъ одною согласною буква *о* вмѣсто *ъ* отмѣчена всего лишь 4 раза: ко Рогъволоду 74, ко Корьдну 239, ко Ромну 241, ко Мѣньску 162 да еще два особыхъ случая: ко востоку 2, ко Цесарю городу 150.

Данныя Лаврентьевскаго списка лѣтописи позволяютъ сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) нерѣдко наблюдаемый пропускъ *ъ* и его замѣстителя *о* передъ неіотированными гласными можетъ быть разсматриваемъ не какъ первичное явленіе, а какъ вторичное, срвн. отсутствіе въ десяти случаяхъ *ъ* передъ группою согласныхъ, раздѣленныхъ нѣкогда звуками *ъ*, *ь* (п. 7); 2) единичность случаевъ *о* вм. *ъ* передъ одною согласною (всего 4—6 случаевъ, п. 8) не позволяетъ ставить въ рядъ съ этимъ явленіе *о* передъ неіотированными гласными, гдѣ случаи съ *о* достигаютъ сотни разъ; 3) но Лаврентьевскій списокъ (правильно или неправильно, увидимъ ниже) позволяетъ сблизить *о* въ предлогахъ передъ неіотированными гласными съ *о* въ нихъ же передъ группою согласныхъ, не раздѣленныхъ нѣкогда *ъ*, *ь*.

§ 8. Для рѣшенія привильности послѣдняго сближенія обратимся къ разсмотрѣнію употребленія предлоговъ - приставокъ въ московскихъ грамотахъ XIV—XVI вѣковъ (работа произведена на основаніи I и II томовъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ).

Буква *о* вмѣсто *ъ* въ предлогахъ-приставкахъ вполнѣ послѣдовательно пишется передъ согласною съ исчезнувшимъ глухимъ (или изрѣдка исчезнувшимъ *о*: надо рвомъ I № 147, 1509 г.); передъ одною или болѣе согласными съ гласною наблюдается или пропускъ *ъ*, или сохраненіе его (вопросъ, что чаще встрѣчается пропускъ или сохраненіе, мною не могъ быть разсмотрѣнъ, потому что редакторы перваго тома вездѣ при предлогахъ вставили *ъ*). Исключенія изъ той и другой категоріи рѣдки и ограничиваются опредѣленными случаями.

Такъ, вмѣсто *о* часто напечатана буква *ъ* въ предлогахъ[1]), 1) передъ словомъ *князь* и производными; напр.: исъ княжа I № 34, 1389 г. bis; || изо княжа ib. quater; отъ княжьI, № 138, коп. 1504 г.; къ князю I, № 74, 1448 г.; съ княземъ I, № 23, 1341 г.; || со княземъ ib., надъ княземъ I, № 201, 1581 г. нѣсколько разъ; передъ княземъ I, № 104 коп., 1474 г.; подъ княземъ I, № 33, 1388 г.; || подо княземъ, ко князю, со княгинина ib. — въ общемъ можно было бы привести болѣе 50 случаевъ *ъ* вмѣсто *о* (срвн. въ Лавр. сп. пропускъ *ъ* передъ этою основою) но все же гораздо чаще *о*; 2) передъ словомъ *царь* и производными; напр.: отъ Царевичя I, № 115, 1483 г.|| со царевичемъ ib.; въ Царевичи I, № 160, 1531 г.; подъ Царицей I, № 167, 1533 г.; изъ Цр̅я города II, № 62, 1593 г. || во Цр̅ь городъ, изо Цр̅я города ib.; при этомъ уже въ концѣ XVI вѣка встрѣчаются такія грамоты, въ которыхъ при частомъ употребленіи этого слова и производныхъ отъ него, ни разу не отмѣчено *о* въ предлогахъ, см., напр., слѣдственное дѣло о убіеніи царевича Димитрія, II, № 60, 1591 г.: к цр̅вичю, с цр̅вичемъ, к Цр̅це, передъ Цр̅цею, передъ Цр̅цѹ и т. д. всегда; (срвн. въ Лавр. сп. пропускъ *ъ* передъ этою основою); 3) передъ словомъ *всякій* въ предлогѣ *безъ* (безъ

---

*) Спѣшимъ оговориться. Хотя мы и разсматриваемъ очень подробно это явленіе, но сознаемъ, что сдѣлали нѣсколько опрометчиво: въ очень многихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ чтеніемъ грамотъ, а съ чтеніемъ редакторовъ. Впрочемъ значеніе для *общаго* впечатлѣнія нашъ разборъ имѣетъ.

всякое I, № 33, 1388 г. до 50 разъ); 4) передъ словомъ *Тверь* (подъ Тфѣрью I, № 28 коп., 1368 г., съ Тфѣрьской ib. || ко Тфери, во Тфери, во Тфѣри, со Тферскиe ib.; къ Тфѣри I, № 76, 1451 г. || ко Тфѣри ib.; см. еще грам. I, № 144, 1504 г.); 4) въ словѣ *отослать* (отъслати I, № 33, 1388 г., I, № 36 коп., 1402 г. quater, отслати I, № 48, 1433 коп. || отослати ib., I, № 62, 1446 г.); 5) остальные случаи единичны: съ всѣми I, № 39, 1406 г. || со всѣми до 10 разъ, I, № 118 коп., 1483 г.; съ всѣмъ I, № 83, 1453 г. bis.; — подъ мною I, № 92, 1465 г., I, № 95 коп., 1472 г., I, № 123, 1486 г. bis., — въ всемъ I, № 106, 1486 г.; — отшла, отшли I, № 140 коп., 1504 г. и, можетъ быть, нѣкоторые другіе.

Буква *о* вмѣсто ожидаемаго пропуска ъ или сохраненія его передъ одною согласною встрѣтилась намъ въ двухъ томахъ всего-на-всего три раза: ко казнѣ I, № 40, 1410 г. bis, ко Санчюкова I, № 138 коп., 1504 г. Такъ какъ *о* передъ группою согласныхъ, не раздѣленныхъ въ древности ъ, встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ 3 раза (см. ниже), то и московскія грамоты подтверждаютъ выводъ, что то и другое явленіе разнаго порядка. Особо слѣдуетъ разсматривать случаи: во чести I, № 35, 1389 г., I, № 49, 1433 г.; I, № 52, 1434 г., I, № 55, 1434 г., I, № 57, 1436 г., I, № 94, 1465 г. при обычномъ во чьти и рѣдкомъ въ чести I, № 37 коп., 1405 г.; ко Воскресенью I, № 40 коп., 1410 г., ко Вознесенью, I, № 151 коп., 1523 г., къ нимъ слѣдуетъ прибавить изъ Лавр. списка: ко востоку и ко Цесарю городу (см. § 7, п. 8), срвн. употребленіе нѣ въ галицко-волынскихъ памятникахъ въ подобномъ же положеніи (см. § 2, I б).

Передъ двумя и болѣе согласными, не раздѣленными въ древности ъ, ь, случаевъ *о* вмѣсто ъ въ предлогахъ приставкахъ порядочно. *Рѣдкіе* въ XIV вѣкѣ (ото крестьянина I, № 28 коп., 1368 г., во своемь I, № 26, 1356 г., не восчинайте I, № 24, 1353 г.), они становятся все болѣе и болѣе обычными

при приближеніи къ XVII вѣку, при этомъ передъ *в* и *ф* со слѣдующей согласной они прямо бросаются въ глаза.

Приведемъ примѣры: 1) передъ *врагъ*, *вражекъ* я не встрѣтилъ ни одного случая пропуска *ъ*, всегда *о*: во вражекъ I, № 129, 1497 г., надо врагомь ib., ко вражку I, № 140 коп., 1504 г., изо вражка ib., во врагъ ib., черезо вражокъ ib. и др. по нѣскольку разъ; ото врага I, № 141 коп., 1504 г., черезо врагъ ib., во врагъ, II, № 60, 1591 г. (срвн. безъ предлога: вражкомъ I, № 129, 1497 г., врагомъ I, № 140, 1504 г. коп. и т. д. всегда); 2) обычно *о* передъ *влад-*: со Владыками I, № 104 коп. 1474 г., надо Владычними I, № 127, 1496 коп., I, № 128, 1496 г. bis, во Владычни ib. bis, ко Владыкамъ II, № 60, 1591 г.; 3) обычно передъ *фр-*: ко Фроловскимъ I, № 135, 1504 г., ко Френцовскому I, № 163, 1537 г. ter., ко Францовскому I, № 201, 1581 г. 6 разъ, со Ѳренцовскимъ I, № 165, 1547 г., во Ѳрязскихъ I, № 165, 1547 г. и въ др. мѣстахъ; 4) нерѣдко передъ *дворъ*: во дворѣ I, № 168 коп., 1554 г., со двора II, № 55 сп., 1586 г., ко дворȣ II, № 60, 1591 г.; 5) нѣсколько разъ въ приставкѣ *въз-*: возмогутъ I, № 65 коп., 1447 г.; воскресенского II, № 60, 1591 г.—въ этомъ словѣ довольно часто; возрасту II, № 168 коп., 1554 г.; 6) въ предлогѣ-приставкѣ *съ* передъ слѣдующимъ *с*: со служебники I, № 104 коп., 1474 г., I, № 146, 1506 г., I, № 196, 1571 г., со старѣйшимъ I, № 106, 1481 г., состалося I, № 67, 1448, состояніи II, № 74 сп., 1599 г.; 7) въ другихъ случаяхъ: ко святой I, № 112 коп., 1481 г.; ото креста I, № 117, 1483 г., со кресты I, № 147, 1509 г., ко Блаженой I, № 117, 1483 г., во Хвощно I, № 117, 1483 г.

Обращаемся къ употребленію предлоговъ передъ неіотированными гласными. Передъ *у* московскія грамоты *свѣтскаго содержанія* не знаютъ ни одного случая *о* въ предлогахъ. Передъ *и* случаи такого употребленія рѣдки, если не считать выраженія во имя, которое встрѣчается съ древнѣйшей духовной

I, № 21, 1328 г. и отмѣчено у меня около 25 разъ (срвн. то же самое въ гал.-вол. грамотахъ § 5 V); вотъ всѣ замѣченные нами случаи: во истинной I, № 145, 1505 г., подойметъ I, № 33, 1388 г. (до 10 разъ въ разныхъ грамотахъ), воименуетъ I, № 36, 1402 г. (до 10 разъ). Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло передъ *о*: случаевъ употребленія предлоговъ съ *о* передъ нимъ мною отмѣчено значительно болѣе полсотни. Вотъ они: во отцево мѣсто I, № 23, 1341 г.; во отца нашего мѣсто I, № 37, 1405 г. коп.; во отца мѣсто I, № 97, 1473 г.;—во Орду I, № 40, 1410 г. коп., I, № 60, 1440 г.; во Ордѣ I, № 60, 1440 г. bis; во Орды I, № 126, 1486 г.; во очину I, № 60, 1440 г.; во обереганье I, № 192, 1566 г. (около 10 разъ ib.); во обороне ib.;—со оброки I, № 127, 1496 г. коп.; со одного I, № 99, 1473 г. bis, I, № 102, 1473 г., I, № 126, 1486 г.; со Ондрѣевичемъ I, № 47, 1433 г.; со Ондрѣемъ I, № 94, 1465 г.; со отца моего судьями I, № 36, 1402 г. коп, I, № 48, 1433 г. коп.; со очинами I, № 60, 1440 г.; со отчинами I, № 61, 1445 г., I, № 128, 1496 г.; со отъѣжжими I, № 64, 1447 г., I, № 75, 1450 г., I, № 94, 1465 г.; со отъѣзжими I, № 70, 1448 г. коп.; со отьѣжьжими I, № 91, 1463 г.; со отъѣждими I, № 127, 1496 г. bis; со Осны I, № 144, 1504 г.;—ко Ордѣ I, № 40, 1410 г. bis; ко Ондрѣю I, № 100, 1473 г., I, № 102, 1473 г.; ко одѣялу I, № 131, 1503 г. коп.; ко ѿца нашего сн҃ꙋ II, № 22 сп. 1493 г.; ко ѡц҃ꙋ ib.;—безо ослушанья I, № 46, 1433 г., I, № 66, 1447 г. bis, I, № 92, 1465 г., I, № 109, 1481 г.; безо обиды I, № 66, 1447 г. bis; безо окупа I, № 66, 1447 г.;—подо Ондрѣемъ I, № 92, 1465 г.[1]). Чтобы покон-

---

1) Отнюдь не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія случаямъ предлоговъ съ *о* передъ словами *ıосударь*, *ıосподинъ*, встрѣчающимся въ грамотахъ XVI и XVII вѣковъ (ранѣе не было данныхъ для этихъ случаевъ) и думать, какъ можетъ придти въ голову съ перваго взгляду, что будто бы здѣсь является въ вышеуказанныхъ словахъ звукъ *о* особаго рода, образовавшійся по отпаденіи начальнаго ı (=*h*) и имѣвшій иное вліяніе на конечный

чить обозрѣніе употребленія предлоговъ съ *о* передъ гласными, отмѣтимъ, что передъ *а* московскія грамоты имѣютъ предлоги съ *о* четыре раза: во Алабузино I, № 60, 1440 г., ко Арханилу I, № 122, 1486 г. bis, ко Андрѣю I, № 126, 1486 г., да одинъ разъ передъ іотированной гласной во Юсерскую II, № 40, 1557 г. сп.

Если Лаврентьевскій списокъ позволилъ намъ сблизить появленіе *о* въ предлогахъ и передъ неіотированными гласными, и передъ группою согласныхъ, не раздѣленныхъ въ древности глухимъ, то московскія грамоты заставляютъ отличать эти два явленія. Дѣло въ томъ, что случаи *о* передъ неіотированными гласными (главнымъ образомъ передъ *о*) падаютъ на XIV и XV вѣка и исчезаютъ въ свѣтскихъ грамотахъ XVI вѣка[1]);

гласный предлоговъ, задерживая его долѣе, чѣмъ *о* обыкновенное. Здѣсь мы имѣемъ просто-напросто съ особымъ графическимъ пріемомъ: въ такихъ случаяхъ слово обыкновенно стоитъ подъ титломъ и все вмѣстѣ съ предлогомъ пишется такъ: когдрю (см. напр. II № 60 1591 г.), когнѹ (см. напр. II № 29 1511 г.); редакторы II тома Собр. Гос. Гр. и Дог. безъ основанія, какъ увидимъ ниже, отдѣлили здѣсь предлоги съ буквою *о* отъ управляемыхъ словъ, а въ I томѣ совершенно неправильно раскрыли титла: со Государскими № 145 1511 г., ко Государеву № 195 1566 г., во государстве № 192 1566 г., и означаетъ подобное написаніе не *ко Государю, ко Господину*, а *к осударю, к осподину*; произношеніе же *осударъ* можетъ быть засвидѣтельствовано тою же грамотою, откуда взятъ и случай подъ титломъ: въ этой грамотѣ (II № 60 1591 г.) со многими случаями подъ титломъ встрѣтившіеся безъ титла пишутся безъ ѣ: ѡсударю 122_2, про ѡсударево дѣло ib. Что же касается того, что эти сокращенія надо читать именно безъ ѣ, которое является излишнимъ остаткомъ традиціоннаго письма, можно безъ труда убѣдиться на примѣрахъ изъ другихъ памятниковъ, въ которыхъ такое написаніе—не рѣдкость. Въ Паисіевскомъ Сборникѣ XIV вѣка имѣется: соѿгмъ 39 bis, воѿгьскихъ 28; здѣсь уже не одно *о*, а два, изъ которыхъ одно ясно относится къ предлогу, другое къ управляемому слову;—ѣцю ѿгжю 186, кам| ѿспжа 4, къ дому| ѿгпожинѣ 112 об.; здѣсь уже предлоговъ нѣтъ, и трудно спорить, куда отнести *о*; — въ этомъ же памятникѣ есть и случаи, свидѣтельствующіе объ истинномъ произношеніи разбираемыхъ словъ: ѿспожею 12, 14, ѿсподиномъ 14 об. Въ Евангеліи XIV в. F. п. I, 15 имѣется: наогна, огнъ 130 об., болии єгна 9 об. Въ Псалтыри XIII в. F. п. I. 1. у меня отмѣчено: къогѣ 5 об.

1) Интересно знать, въ какомъ отношеніи къ описываемому явленію находятся современныя формы литературнаго языка: *воображать*, *вообще*, *воодушевлять*, *вооружать*, *воочию*, *соображать*, *соответствовать*, *соотношеніе* и

случаи же передъ группою согласныхъ какъ разъ наоборотъ, рѣдкіе въ XIV и XV вѣкахъ, пріобрѣтаютъ особенное распространеніе въ XVI и XVII вѣкахъ. Отсюда не трудно заключить, что если бы эти явленія были одного порядка, то не только бы начала ихъ совпали (XIV вѣка), но и концы; но послѣдняго нѣтъ.

имъ подобныя (срвн. еще передъ *у*: *соучастникъ*, *соумышленникъ* и др.). Этотъ рядъ однородныхъ случаевъ съ перваго взгляда располагаетъ предположить, что мы имѣемъ дѣло съ непосредственными остатками вышеуказаннаго явленія, которое при предлогахъ нарушено было аналогіей. Однако факты заставляютъ отказаться отъ такого взгляда: первая же московская грамота I № 21 1328 года имѣетъ сочча (такъ и въ позднѣйшихъ; см. I № 22 1328; сочча I № 25 1356 г., I № 26 1356 г., II № 62 1593 г. сп.; копчѣ I № 115 1483 г., кочкѣ I № 116 1483 г., I № 140 1504 г. срвн. еще на соръжены II № 61 1592 г.). Въ виду этого говорить о *непосредственномъ* сохраненіи того, что сохранили лишь въ остаткахъ XIV и XV вѣка, не приходится. Но откуда же, спрашивается, эти формы? На этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ московскія грамоты конца XVI—начала XVII вѣковъ, писанныя отъ духовныхъ лицъ или по особо торжественнымъ случаямъ съ участіемъ духовенства (такова, напр., грамота на избраніе царя Михаила Ѳеодоровича). Языкъ этихъ грамотъ отличается отъ обычнаго языка грамотъ наклонностью къ употребленію церковно-славянскихъ и вообще архаичныхъ *формъ* (*фонетика* же тѣхъ и другихъ грамотъ, прошу обратить вниманіе, остается одинаковой: таково, напр. употребленіе *е* вм. *ѣ* въ слогѣ безъ ударенія), вызванною, очевидно, стремленіемъ подражать языку церковныхъ книгъ (это своего рода высокій штиль). Въ нихъ обычны: формы съ *ра*, *ла*, *ре*, *ле* вм. полногласныхъ (во младыхъ лѣтехъ I № 203, въ Великомъ Новѣграде ib.); щ вм. ч (со свѣщами II № 51, дщерь I № 203); аористы (собрахомся въ преименитомъ граде I № 193, азъ же молихся II № 29, ятъ бысть I № 203); имперфекты (распыхахуся I № 193, правяше I № 203); причастія въ родѣ не иный I № 203 и въ родѣ рожшую ib., купивыи II № 51; формы на *ове*, *-овемъ* (чтнїи дарове II № 51, сйвемъ II № 170); формы им. пад. мн. ч. на *-ие* (пѹтие II № 98, царие I № 203); формы прилагательныхъ на *-ей* д. и м. п. ед. ч. ж. р. и *-емъ* м. п. ед. ч. м. и ср. р. (въ превелицей..... святей славе I 203, херѹвимстемъ ib.), формы прилаг. им. пад. мн. ч. на -їи (сильнїи мои бояря II № 87); формы на *-я* вмѣсто древнерусскихъ на *-ѣ* и новыхъ на *-и* (до земля II № 51, своея I № 203); въ прилагательныхъ эти формы вызывали странныя согласованія (многая латинская учителя I № 203, снимаетъ съ себя санъ и вся служебная одежда II № 50); формы мѣстоименій въ родѣ *ю* (венчати ю I № 203, срвн. еще на ня ib., на ны и т. п.); формы двойств. числа, иногда съ страннымъ согласованіемъ (отъ родителю своихъ I № 203, при Диоклитияне и Максимияне царема Римскима ib.) и др. И вотъ какъ разъ въ этихъ грамотахъ встрѣчаются искомыя нами формы, напр.: вооръжаетъ II № 207 4491, вооружахуся II № 78 1604 г., хотя и невыдер-

§ 9. Продолжимъ доказательства того, что случаи предлоговъ съ *о* передъ неіотированными гласными, съ одной стороны, и передъ одною согласною или группою согласныхъ, не раздѣленныхъ въ древности *ъ*, *ь*, съ другой,—явленія разнаго порядка. Если обратиться отъ памятниковъ позднихъ къ болѣе древнимъ, къ такимъ, въ которыхъ *о*, *е* вмѣсто *ъ*, *ь* еще не часто, то окажется,

---

жано, какъ и все другое вышеуказанное: есть и сорѕжалъ II № 82 185₂. Мало того, въ нихъ въ то время, какъ въ свѣтскихъ грамотахъ наблюдается уже полное отсутствіе предлоговъ съ *о* передъ гласными, эти предлоги въ такомъ видѣ встрѣчаются очень часто, напр.: со Архиепископы I № 193, во Ангельскомъ образе I № 208, ко Архіепкпωмъ II № 51;—во иноцехъ I № 202, ото иновѣрныхъ I № 203, ко исполненью ib., со источники II № 50;—во оскудѣніе I 202, изо обители I № 203, ото очию ib, подо областію ib., со оружіемъ II № 78;—во умъ I № 203, ко утвержденію II № 207. Отсюда позволительно сдѣлать выводъ, что формы съ двумя *о* въ родѣ *сооружать* были привлекаемы не изъ живой разговорной рѣчи, а оттуда, откуда же привлекались аористы, имперфекты и т. п., т. е. изъ языка церкви. Еще въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX вѣка живыя разговорныя формы съ однимъ *о* были въ большомъ употребленіи въ литературномъ языкѣ (у Крылова часто воружаться, вображенье при вооружился, воображенье; у Дмитріева: воружась Соч. Изд. 4-е 1814, ч. III, 2; у Измайлова: сорудятъ Соч. Изд. А. Смирдина 1849, т. I, 101; у Озерова: воружаютъ Эдипъ въ Аѳинахъ Спб. 1805, 10; у Аблесимова: соружилися Изд. Смирдина 1849, 111, вображали ib. 94; у В. Майкова: вобразить 100, соруженъ 154 (срвн. сооружаетъ ib. 136); у Княжнина: вобразилась Изд. Смирдина I 547; у Сумарокова: о чемъ шумятъ не вображу я въ умѣ Изд. 1787 г. VII 110. Такимъ образомъ, наши формы съ двумя *о* стали единственно возможными и, такъ сказать, узаконенными въ литературномъ языкѣ, вѣроятно, съ недавняго времени. По нимъ создаются и новыя формы отъ словъ заимствованныхъ: соорганизоваться; впрочемъ, въ современныхъ газетахъ, кромѣ этой формы, часто встрѣчается и форма съ однимъ *о*, въ чемъ, можетъ быть, сказалась невольная демократизація термина.—Чтобы закончить о формахъ съ двумя *о*, замѣтимъ, что въ церковномъ произношеніи обильное существованіе предлоговъ-приставокъ съ *о* обусловлено было не одною простою традиціонностью рѣчью, а еще и тѣмъ (если только вѣрны предположенья на этотъ счетъ), что церковное произношеніе было нараспѣвъ (см. объ этомъ у Н. М. Каринскаго. Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древне-русскаго языка. Спб. 1903, отд. отт. изъ Ж. М. Н. Пр., стр. 15); послѣднее обстоятельство (произношеніе нараспѣвъ), было причиною сохраненія лишнихъ слоговъ, въ частности предлоговъ съ *о*; срвн. частое употребленіе предлоговъ съ *о*, а въ сильно-акающихъ говорахъ съ *ы*, въ пѣсняхъ (объ этомъ см. нашу работу: «Къ характеристикѣ сильно-акающихъ говоровъ» Р. Ф. В. 1907, № 4).

что въ этихъ памятникахъ при нерѣдкомъ пропускѣ конечнаго ъ въ предлогахъ передъ словами, начинающимися одною и даже двумя согласными, буква ъ передъ неіотированными гласными никогда не пропускается (исключеніе представляютъ предлоги *без*, *из*, о которыхъ подробнѣе см. въ главѣ III). Такъ, въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII вѣка (по изданію Е. Калужняцкаго) случаи *о*, *е* вмѣсто ъ, ь крайне рѣдки (приведены будутъ нами въ другой работѣ); въ предлогахъ конечный ъ передъ неіотированными гласными *всегда* сохраненъ, напр.: къ оуглѣ 63, къ островѣ 67, къ истьлѣнии 160, къ алчи 176, съ Онисимъмь 209, къ оустомъ 104, къ отвѣтꙋ 84, къ Никовоу 51, къ аплмъ 91; передъ одною согласною пропускъ ъ очень частъ (не совсѣмъ ясно, почему только въ одномъ предлогѣ къ; впрочемъ, въ древнѣйшихъ памятникахъ — русскихъ и церковно-славянскихъ — большинство случаевъ пропускъ ъ въ предлогахъ падаетъ именно на этотъ предлогъ передъ мѣстоименіями; примѣры для русск. пам. см. въ этомъ § нѣсколько ниже, а для церк.-слав. см. § 18), напр.: к намъ 33, 212, к вамъ 31, 111, 135, 170, 209, к томоу 30, 61, 120, 232, к немоу 44, 55, 60, 82, 99, к нимъ 60, к собѣ 63, 93, к тобѣ 52, 57 и во многихъ другихъ мѣстахъ. Повидимому, также обстоитъ дѣло и въ Милятиномъ Евангеліи 1215 г.: въ моихъ выпискахъ, — которыя дѣлались до того времени, когда я замѣтилъ описываемое въ этой работѣ явленіе, — отмѣченъ лишь пропускъ ъ въ предлогѣ къ: к неи 127, к нимъ 128, к немоу 124 об., к томоу 130 об. Также не часты *о*, *е* вмѣсто ъ, ь въ Толстовскомъ Сборникѣ XIII в. Q. п. I. 18; сохраненіе ъ въ предлогахъ передъ неіотированными гласными наблюдается безъ исключенія, напр.: къ оуста 71 об., къ оу|зилици 47 об., къ искоусъ 46 об., къ идо|лъı 41 об., къ облацѣхъ 67, къ огнь 58, къ ѡвилли 51, къ овѣтъ 159 об., къ адъ 48 об., съ исповѣданиемъ 105, съ иѡанъмь 54, съ оцьмь 54, къ оцю 35, къ овьцамъ 41 об., къ ѡ|трочати 180 об., къ адоу 49 об., предъ оци 100 об., передъ одною и даже двумя согласными пропускъ ъ — не рѣдкость, напр.: в кожанъı 144, с

татамь 83, с боюзнью 137, с радостью 117 об., не с ризами 24, с пламенамь 182 об., с проста 10 об., к намъ 67, пред нимь 67 об.

Мало того, первые случаи пропуска ъ въ предлогахъ передъ одною согласною наблюдаются уже въ памятникахъ XI вѣка, напр.: к томоу Св. Изб. 1076 г. 237 б, к томꙋ Мин. 1095 0229, снвсѣ ib. 020, *ктомоу* Толст. Псалт. XI в. 59, 85 об., 163 об., 207 об. и въ др. мѣстахъ (срвн. еще изъ пам. XII в.: с твоими Усп. Сб. XII в. 16 стр., к томоу Ефр. Корм. XII в. 35 об., 96, к томоу Златоструй XII в. 46 л.), тогда какъ первые случаи пропуска ъ передъ неіотированными гласными относятся къ XIV вѣку и самое большее къ XIII вѣку. Такъ, въ Псалтыри XIII вѣка (вѣроятно, самого конца) F. п. I. 1. при ярко выраженномъ различномъ употребленіи предлоговъ съ *о* и безъ него и ъ (напр.: во играхъ 268 об., ко истинномоу 335, со избраньıми 33; — во оустѣхъ 219, во оу|мъ 41, во оужасѣ 190, во оу|тробоу 182 об., ко оутроу 204 об., со оунотами 251; — во ѡбонянии 184 об., во ѡчию 191 об., ко ѡплотѣ 322 об., во ѡбилаи 48, со ѡцмъ 54, изоѡщренъ 74; — во адѣ 80 и рядомъ не рѣдко: в животѣ 169, в горѣ 158 об., в вѣки 234, с праваго 323, с мужемь 33, к тебе 313, пред нимь 156) имѣется уже три случая предлога безъ ъ передъ неіотированною гласною: к овчамъ 42, к олтарю 71 об., в адѣ 80. Въ Паисіевскомъ Сборникѣ XIV в. мною замѣчено подобное явленіе одинъ разъ: в огнь 184 об. (срвн. нерѣдкіе случаи: со ѡцмъ 56, ко ѡцю 66 об., во адъ 20, ко оу|тробѣ 167 об. и т. п.). Въ Ев. 1393 года — два раза: под одромъ 95 об., в о|дежю 9 об., (срвн. во ѡчьство 45, во іма 23 об.).

Изъ данныхъ приведенныхъ въ этомъ § позволительно сдѣлать тотъ выводъ, что въ то время, какъ передъ одною согласною и даже группою согласныхъ писцы находили возможнымъ пропускать ъ уже въ XI вѣкѣ (нерѣдко въ XII вѣкѣ), передъ неіотированными согласными они находили необходимымъ сохранять ъ, и первые случаи пропуска его въ этомъ положеніи

относятся къ концу XIII—началу XIV вѣка[1]). Такое фонетическое состояніе (сохраненіе глухого передъ неіотированными гласными; замѣчу кстати, ограничить это явленіе, приведя доказательства, ороографическимъ пріемомъ очень мудрено) зависѣло отъ того, что въ общерусскую эпоху начальные неіотированные гласные были склонными стать неслоговыми звуками. Въ слѣдующую эпоху, эпоху отдѣльныхъ русскихъ говорахъ, эта склонность или увеличивалась (такъ было въ южно-русскихъ и среднерусскихъ говорахъ по терминологіи акад. А. Шахматова), и гласные становясь неслоговыми, превращали *ъ* въ *о*, или уменьшалась, ограничиваясь даже, повидимому, однимъ гласнымъ, гласнымъ *о* (такъ было въ сѣвернорусскихъ говорахъ и прилегающихъ къ нимъ среднерусскихъ), и превращеніе *ъ* въ *о* въ нихъ было гораздо рѣже, причемъ вмѣсто неіотированныхъ гласныхъ становился неслоговымъ *ъ*, который затѣмъ исчезалъ. Для оттѣненія этой разницы интересно сравнить данныя Лаврентьевскаго списка лѣтописи (см. § 7) съ данными, которыя можно почерпнуть изъ третьяго почерка Синодальнаго списка Новгородской лѣтописи; въ отличіе отъ перваго этотъ списокъ имѣетъ *о* въ предлогахъ-приставкахъ передъ неіотированными гласными крайне рѣдко (во имя 284, соімя 284, соідеся 317); однако утверждать, что въ говорѣ писца передъ этими гласными *ъ* исчезъ безслѣдно было бы поспѣшно: передъ ними писецъ ни разу не пропустилъ буквы *ъ*, напр.: въ образъ 249, къ отцю 258, въ уденье 246, съ инѣми 258 и др. (передъ одной согласной пропускъ обыченъ: с города 282, в малѣ 285, к ночи 290 и др.). Получается впечатлѣніе, какъ будто бы передъ нами въ этомъ отношеніи не памятникъ XIV вѣка, а памятникъ XII вѣка. Важно, что новгородскія грамоты подкрѣпляютъ вѣрность даннаго наблюденія; по наблюденію А. А. Шахматова, провѣренному мною

---

1) О первыхъ по времени случаяхъ замѣны буквы *ъ* въ предлогахъ буквою *о* (XII в.) см. въ первомъ подстрочномъ примѣчаніи къ § 19; тамъ же приведены и примѣры.

(нашлось только одно исключеніе передъ гласнымъ, о немъ см. § 14, III, 18): «предлоги *къ*, *въ*, *съ*, *безъ*, *изъ* могутъ терять ъ, если за ними слѣдуетъ слово, начинающееся съ одной согласной; *передъ гласной* и двойной согласной ъ *не пропускается* (курсивъ нашъ); единственное исключеніе это к тферьской № 17». (Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка, стр. 141 — 142). Однако думать, что сѣверновеликорусскимъ говорамъ было вовсе чуждо превращеніе ъ въ *о* передъ неіотированными гласными было бы неправильнымъ. По крайней мѣрѣ, въ цокающе-икающей Новгородской Лѣтописи XVII в. (рукопись Имп. Ак. Н. 38. 4. 32; имѣется въ виду лишь почеркъ второй половины рукописи очень часто предлоги имѣютъ на концѣ *о*; напр.: во Ӑзтаракани 365, во Ѡрѣ|ховецъ 529 об., во Ȣслы́шание 643, во ӥноческїи 284 об.; ко арцыпи́скупу 596, ко Ȣстьȣгȣ 566; со ага́|иломъ 551 об.; со ѿтчимомъ 390 об., со игрецы́ во 212 об., со Ȣг'лици 401 об.; ѡто о́чию 506, ото асирї́анъ 259 об.; изо ѡко́н'ца 459, ѡто Ȣтра 423; изо Ȣгровъ 420 об. (срвн. еще: изоѡбрѣ́те 433, безоѡ́кїи 442 об.). Затѣмъ, въ двинскихъ грамотахъ XV вѣка (по изданію акад. А. А. Шахматова) при обычномъ пропускѣ ъ передъ *о*, *у* (напр.: в опцемъ № 3, в орамои № 9, с онанье́ю № 77, с обѣ половини ib.,—в угли № 36 и др.) или сохраненіи его (напр. въ опцихъ № 22 и др.) имѣется нѣсколько случаевъ предлоговъ съ *о* передъ словами, начинающимися съ *о*: во очищеньи № 93, во отеча своего место № 109, во оча своего мѣсто № 115, во ондрѣѧново (по изданію Н. Н. Лихачева: «Рядная двинянъ съ посадникомъ новгородскимъ», Изв. XII[3]); орѳографической мѣны *о* и ъ въ этихъ грамотахъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ двинскихъ, нѣтъ. Въ цокающихъ памятникахъ несвѣтскаго содержанія употребленіе предлоговъ съ *о* передъ неіотированными гласными не рѣдкость. Такъ напр., въ Ап. 1391 г. обычно: ко їзъ|можденик 104 об., со ись|тиннъıмъ 204, со|ӥноплѣменьники 19 об., во оумиле|ник 167, во ѻбрѣза|ник 46 об., во| ѻдежи 31 об., (или съ ъ: къ италѣю 27, во оутрѣи 35 об., къ ѻцище-

ний 109, передъ апу|столы 11 об.) и рядомъ: в темницахъ 108 об., в конець 58, к себѣ 8 об., с лице|мь 4, под нози 218, пред ними 1 об. (однажды: в свѣ|сти блазѣ 172).

III.

§ 10. Въ I и II отдѣлахъ второй главы при приведеніи случаевъ предлоговъ-приставокъ съ *ъ* передъ неіотированными гласными мы старались подчеркнуть, что если въ этомъ положеніи не наблюдается буквы *о*, то въ немъ въ памятникахъ до XV вѣка гораздо упорнѣе, чѣмъ передъ одною согласною съ гласною, сохраняется буква *ъ*. Спрашивается, что эта буква *ъ* употреблялась писцами такъ просто, для украшенія, или въ силу какихъ-либо *искусственныхъ* орѳографическихъ правилъ, или, можетъ быть, ею передавалось какое-нибудь звуковое отношеніе. Говорить объ искусственности, по моему мнѣнію, трудно уже по одному тому, что это явленіе захватываетъ памятники разныхъ орѳографическихъ школъ (и галицко-волынскіе, и средне-русскіе, и цокающіе); если бы оно было вызвано искусственно, то ограничилось бы одною-другою школою. Но мало того, два факта въ измѣненіи предлоговъ-приставокъ передъ неіотированными гласными даютъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе сохраненію *ъ* въ этомъ положеніи. Обратимся къ разсмотрѣнію этихъ фактовъ.

§ 11. Есть весьма разительное отличіе въ судьбѣ предлоговъ-приставокъ передъ *о*, *у*, съ одной стороны, и передъ *и*, съ другой. Если и передъ первыми, и передъ второю конечный *ъ* предлоговъ-приставокъ безразлично можетъ переходить въ *о*, то сохраненіе его отличается значительною разностью. Передъ *о*, *у* буква *ъ* въ началѣ рѣдко (конецъ XIII в., XIV вѣкъ), затѣмъ все чаще и чаще пропускается безъ *всякаго* слѣда, тогда какъ передъ *и* во всѣхъ изученныхъ для данной работы памятникахъ, а также и другихъ, которые мнѣ приходилось читать съ другими цѣлями, я не замѣтилъ ни одного безслѣднаго пропуска *ъ*, за

исключеніемъ одной категоріи (о ней нѣсколько ниже): обыкновенно наблюдается или *ъ*, или замѣна *ъ и* буквою ꙑ. Первые случаи такой замѣны (по Лекціямъ[8] акад. А. И. Соболевскаго 42) относятся къ XII вѣку (к ꙑному Пант. Ев. XII в., в ꙑнѣхъ Кормчая XII в. и др.). Приведемъ примѣры изъ памятниковъ, которыми мы пользовались въ этой главѣ. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ отмѣчено 10 разъ ꙑ вм. *ъ и* (напр.: в ꙑмерь 6, в ꙑнъ законъ 104, в ꙑзбѣ 265, в ꙑсподи 73, с ꙑною 289, сꙑваномъ 462 и др.). Въ Двинскихъ грамотахъ с ꙑкашомъ № 18, с ꙑви № 27, в ꙑванова № 110, под ꙑвою № 22 (или съ сохраненіемъ *ъ*: въ ймѧ № 6, подъ ивкою № 12 и др.). Въ московскихъ грамотахъ конца XVI — XVII вѣка это *ы* является настолько выдержаннымъ, а *ъ и* настолько рѣдко, что позволяетъ говорить объ орѳографіи (но, само собою разумѣется, не искусственной, а возникшей на фонетикѣ писавшихъ, сравн. въ этихъ грамотахъ другую орѳографію, возникшую на фонетикѣ писавшихъ, *е* вм. *ѣ* въ слогѣ безъ ударенія); вотъ нѣсколько данныхъ изъ грамотъ II тома (I томъ позволяетъ рѣшать вопросъ лишь о приставкахъ, о чемъ ниже) и собранія Императорской Публичной Библіотеки: об ыныхъ II № 278 1612 г., под ыные II № 209 1610 г., в ыной II № 121 1606 г., из ыныхъ II № 203 1610 г., с ынымъ II № 121 1606 г.; — с ыноземцовъ II № 209 1610 г.; — с ыстиннаго пѹти II № 263 1611 г.;—из ызбы II № 60 1591 г., в ызбу ib.; — с ыкры II № 69 сп. 1598 г.;—в ысходе II № 60 1591 г., в ыскусе II № 77 1604 г.; из ызмѣнничьихъ II № 218 1610 г., с ызмѣнники II № 272 1611 г., в ызмѣнныхъ II № 209 1610 г., в ысподи II № 287 1612 г. сп., без ысправы Жалов. грам. ц. І. Вас̑., данная Пречистыя Богор. Перемышльскому мон. 1566, сент. 19, в ыстоке[x] Жалов. грам. ц. Ѳ. І., данная Казанскому Преображенскому мон. 1592, марта 1; — Ыванóмъ с Ызмаиловымъ II № 62 1593 г. сп., из Ываня города II № 71 1599 г. сп.; в Ыване городе ib., от Ывашка II № 277 1612 г.,—с ыгумены II № 209 1610 г.; с Ыпского

II № 69 1598 г. сп.; — с Ышкиною II № 155 1608 г.; — в Ызбурецкой II № 254 1611 г. сп. и мн. др.[1]). Данныя перваго тома таковы: подъискивати I № 78 1451 г. (до 50 разъ) или подыскивати I № 98 1473 г. (болѣе 10 разъ); — отъиметъ I № 34 1389 г. и ему под. формы (до 30 разъ) или отыметъ I № 34 1389 г. и ему под. формы (до 10 разъ), или съ *ои* (до 75 разъ), или однажды съ ъи I № 22 1328; — подъиметь I № 35 1389 г. (3 раза), или съ *ои* (до 10 разъ); — всегда съыскавъ I № 52 1434 г. (болѣе 5 разъ); — отъинуды I № 74 1448 г. (до 10 разъ), или отынуда I № 72 1448 г.; формы съ однимъ *и* въ вышеприведенныхъ словахъ не встрѣтилось, даже вмѣсто древнихъ съ однимъ *и* всегда формы съ ъ: изымавъ I № 148 1514 г. (болѣе 10 разъ), взыщетъ I № 127 1496 г. (3 раза), или рѣже *зи*: изъималъ I № 28 1368 г.

Свое наблюденіе (объ отсутствіи на письмѣ сочетаній предлоговъ-приставокъ безъ *з* со словами, начинающимися съ *и*) я считаю неслучайнымъ, потому что есть одна категорія случаевъ, гдѣ *з* иногда не пишется, именно въ предлогѣ *кз*: если бы былъ пропускъ *з* въ другихъ случаяхъ онъ не ускользнулъ бы, какъ и эта категорія, отъ моего вниманія. Въ Лавр. спискѣ имѣется

1) Поучительно отмѣтить, что въ этихъ грамотахъ начальное *и* личнаго мѣстоименія въ формѣ *ихъ* никогда не переходитъ въ *ы* послѣ предлоговъ (непосредственное сочетаніе предлога съ мѣстоименіемъ наблюдается исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда *ихъ* стоитъ опредѣленіемъ между предлогомъ и опредѣляемымъ словомъ; когда же предлогъ управляетъ самымъ мѣстоименіемъ, тогда мѣстоименіе, всегда употребляется съ *н*) напр.: вь ихъ II № 60 1591 г., сь ихъ II № 191 1609 г. сп., къ ихъ двема лѣкомъ Царск. грам. въ Поморье въ волость Унбу даньщику.... 1577 г. Этотъ фактъ ясно указываетъ на различное произношеніе *и* въ мѣстоименіи *ихъ* и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Въ виду того, что конечное ъ предлоговъ переходитъ въ ь въ этихъ грамотахъ исключительно передъ іотированными гласными; напр.: с него и сь его людей II № 71 1599 г. сп.; сь ясачныхъ II № 155 1608 г., сь Юрьемъ II № 188 1609 г. сп., вь Ярославле Жал. Несуд. грам. ц. I. Вас. Яросл. Сп. мон. 1566. янв. 31, вь юртехъ II № 185 1609 г., кь его II № 155 1608 г., кь Якову II № 188 1609 г. сп.,—можно предположить, что начальное *и* въ мѣстоименіи *ихъ* произносилось въ московскомъ говорѣ XVI—XVII вѣка въ отличіе отъ другихъ начальныхъ *и* съ *j*: *в jich*, *k jich* и т. д.

4 такихъ случая: к Игореви 45, 52, к Игорю 45, к Ивану 71; въ московскихъ грамотахъ не рѣдко: к инымъ II № 243 1611 г. сп. (срвн. ibidem в ыные, с ыnымъ), к Иевꙋ II № 60 1591 г., к Ионе II № 138 1606 г., к Иванису II № 189 сп. 1609 г.; к Иванꙋ Жалов. грам. кн. Д. Ив. Шуйскаго 1609 г. ноября 27. Нетрудно догадаться, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ пропускомъ *ъ*, а съ переходомъ древняго сочетанія кы, которое являлось такимъ же образомъ, какъ и вы-, сы-, въ *ки*.

Чѣмъ же однако объяснить различіе въ судьбѣ сохраненія *ъ* въ предлогахъ-приставкахъ передъ *о*, *у*, съ одной стороны, и передъ *и*, съ другой? Я думаю тѣмъ, что когда *ъ* исчезалъ, конечные согласные предлоговъ произносились съ твердымъ приступомъ, гласные же звуки *о*, *у* принадлежали именно къ числу тѣхъ гласныхъ, которые могли имѣть передъ собою твердые согласные; отсюда понятно, что рядомъ съ формами *подъ ухо*, *въ оба* (произносились pod'ucho, v'oba, т. е. когда *ъ* исчезъ, оставалась еще нѣкоторое время память о немъ въ слогодѣленіи [1])) очень рано

1) Относительно двухсложныхъ въ древности предлоговъ въ родѣ *подъ*, *надъ* и т. п. наша терминологія не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній: «дѣленіе на слоги въ первой части выраженія «poducho» возможно или такое: «po-ducho», или такое «pod-ucho». Что же касается примѣненія термина «слогодѣленіе» къ звуковымъ комплексамъ, въ которыхъ является односложный въ древности предлогъ въ родѣ *въ*, *къ*, *съ*, то оно, конечно, не точно, но та *сущность* слогодѣленія, состоящая въ разобщенности согласнаго отъ слѣдующаго за нимъ гласнаго, которая и могла быть только одна причиной дальнѣйшихъ видоизмѣненій этого фонетическаго положенія разсмотрѣнныхъ мною въ слѣдущемъ §, безусловно наблюдалась и при срощеніяхъ съ односложными предлогами.

Самое произношеніе начальнаго согласнаго безъ единства артикуляціи со слѣдующимъ гласнымъ можно наблюдать, напр., у лицъ, не произносящихъ звуковъ *р* и *л* (картавящихъ): *г'убый* (= грубый) въ ихъ произношеніи имѣетъ отнюдь не то *гу*-, что въ словѣ *губы*; *м'атъ* (= млатъ)—совсѣмъ не то, что *матъ* и т. д. Сравненіе этихъ произношеній съ произношеніемъ древнихъ звуковыхъ комплексовъ въ родѣ «v'oba» вполнѣ допустимо: и въ томъ, у въ другомъ случаѣ физіологическое положеніе органовъ рѣчи не позволяетъ говорящимъ произносить извѣстные звуки, слѣдствіемъ чего является разобщенность звуковъ, находящихся по обѣ стороны исчезнувшаго изъ произношенія звука.

Интересно, что меня до школы домашніе учили произносить слова въ родѣ *съумѣть* именно вышеуказаннымъ образомъ *с'умѣть*; лица изъ другихъ семействъ могли подтвердить мое воспоминаніе.

стали возникать формы poducho, voba съ единствомъ артикуляціи согласнаго и гласнаго, которыя и вытѣсняли первыя. Формы съ слогодѣленіемъ передъ звукомъ *и* существовали гораздо дольше, потому что при единствѣ артикуляціи конечнаго согласнаго предлога и начальнаго *и* получался иной гласный, нежели *и*,—*ы*, а въ основной формѣ продолжалъ существовать звукъ *и*, и вотъ звукъ *и* основныхъ формъ, вносясь послѣ предлоговъ, заставлялъ дольше употреблять формы съ слого дѣленіемъ послѣ согласнаго.

§ 12. Въ предыдущемъ § мы допустили, что буквою *ъ* въ памятникахъ XIII — XIV вѣка и болѣе позднихъ въ предлогахъ не передъ неіотированными гласными передавалось особое слогодѣленіе, которое передъ *и* удерживалось гораздо дольше по причинѣ того, что для уничтоженія такого слогодѣленія необходимъ былъ переходъ звука *и* въ другой звукъ *ы*, а психическая дѣятельность говорящихъ все время подсовывала на мѣсто этого звука *ы* звукъ *и* основныхъ формъ и благодаря этому требовалось удержать прежнее слогодѣленіе. Второй фактъ, который можно наблюсти въ памятникахъ, вполнѣ оправдываетъ нашу догадку, что буква *ъ* въ предлогахъ передъ неіотированными гласными играла роль нѣчто въ родѣ *слогодѣлителя*; это—фактъ удвоенія предлоговъ, которое первоначально по памятникамъ наблюдается исключительно передъ неіотированными гласными.

Приведемъ примѣры: 1) въ Лаврент. сп. лѣт.: във устье 7, във устьи 50, във умъ 90, вв устѣхъ 96, вв утробѣ 100, вв угрѣхъ 312; — вв орду 460; — във адъ 78 (возможно и съ однимъ согласнымъ: въ уста 173, въ устѣхъ 179, въ утробѣ 98, въ адъ 133, въ адѣ 175 и др., но важно, что при отсутствіи предлога *въ* не замѣчено ни одного разу приставочнаго *в*: устье 6, 7, 187, 288, на устьи 173, 345, умъ 402, усты 165, 409; исключеніемъ является лишь случай на своей воочинѣ 291, но онъ загадоченъ и своимъ двойнымъ *о*,—рѣчь идетъ о галицкихъ событіяхъ, впрочемъ двойное *о* въ этомъ словѣ

встрѣтилось и тамъ, гдѣ нельзя предположить влiянiя галицко-волынскаго оригинала: в воотчину 405);—2) въ Ев. 1393 года: във огнѧ 26; — 3) въ акающемъ Требникѣ XIV — XV вѣка Погод. № 75$\frac{a}{}$: във утѣ|шенье 125 об.; във устѣхъ 72 об. (въ этомъ памятникѣ возможенъ пропускъ буквы *в* въ предлогахъ передъ неiотированными гласными: в оставление 127 об., к овьцамъ 51 об., в оуслышание 1 об.); 4) въ московскихъ грамотахъ XIV — XV вѣковъ наблюдается очень часто удвоенiе *в* въ предлогѣ *въ* (издатели I тома Собр. Г. Гр. и Дог., какъ и издатели Лаврентьевскаго списка лѣтописи, ошибочно, по нашему мнѣнiю, отнесли второе *в* къ управляемому слову); всѣ случаи двойнаго *вѣв* встрѣчаются передъ словомъ *удѣлъ*[1]); от-

1) Съ этимъ явленiемъ не слѣдуетъ смѣшивать дѣйствительно приставочное *в*, которое наблюдается передъ *о* въ закрытомъ слогѣ и, повидимому, лишь подъ ударенiемъ (при чемъ въ такомъ закрытомъ слогѣ, который или являлся послѣ выпаденiя ъ (ь) или передъ группою согласныхъ, въ средѣ которыхъ могъ развиваться въ опредѣленныхъ условiяхъ вставочный гласный), московскiй говоръ, судя по московскимъ грамотамъ, зналъ такое приставочное *в* въ слѣдующихъ словахъ: вóтчина, вóпчий (часто съ XIV вѣка), вóсмь и въ производныхъ; отъ вóлехъ I № 140 1504 г. коп., на вóльху нѣсколько разъ I № 129 1497 г. (но: къ ольховому, ольхового ib.); на вóстромъ конце I № 180 1498 г., вóстрая сабля II № 42 1570 г. сп. (срвн. остёръ): с вóгненымъ боемъ II № 68 1597 г. сп. bis, ѿ вóгненово бою ib., село Вóгненiково I № 140 1504 г. коп., вóгненики II № 50 1581 г. сп.: (срвн. огóнь); вóкна выбиты II № 60 1591 г. (дополнимъ еще не изъ грамотъ; вóтъ, вóспа, вóтчимъ). Возможно, что это *о* было долгимъ; тогда станетъ понятно двойное *оо* въ словѣ воотчина въ Лавр. спискѣ (ссылки на него выше въ этомъ §). Удлиненiе его допускаетъ и акад. А. Шахматовъ, хотя его мнѣнiе относительно всего этого явленiя нѣсколько отличается отъ моего; вотъ его слова: «Если мы вспомнимъ, что наиболѣе обычною является замѣна *о* черезъ *во* въ закрытомъ слогѣ, образовавшемся послѣ отпаденiя ъ или ь, и что именно въ такомъ положенiи *о* (удлиняясь) становилось закрытымъ въ общерусскомъ языкѣ, мы можемъ предположить, сопоставляя слова озеро, одинъ, осень, отецъ со словами вотчимъ, востръ, восмь, вотъ, что отсутствiе *в* въ большинствѣ средне-русскихъ говоровъ передъ одинъ, отецъ, осень доказываетъ, что начальное *о* было здѣсь открыто. Начальное открытое *о*, какъ всякая открытая гласная, подверглось въ общесреднерусскую эпоху редукцiи и перешло въ α: αтéц, αдúн, αгóн', αвá, αдному, αбразáм и т. д. При извѣстныхъ благопрiятныхъ условiяхъ, напр., въ положенiи послѣ гласной предшествующаго слова α утрачивалось; подобную утрату мы отмѣчаемъ и теперь во мно-

мѣчу всѣ грамоты, въ которыхъ встрѣчается это явленіе: I, № 35, 1389 г. (във удѣлъ, във удѣлѣ, но въ нашихъ удѣлѣхъ, удѣлъ, съ удѣла); № 38, 1405 г. (във удѣлъ, но удѣла, удѣлъ; есть, впрочемъ, и въ удѣлъ); № 43, 1428 г. (във удѣлехъ), № 44, 1428 г.; № 49, 1433 г., № 50; № 52, 1434 г., № 53 (въ этой грамотѣ очень характерный примѣръ, гдѣ във удѣлъ и удѣлъ стоятъ совсѣмъ рядомъ: далъ ми еси въ вотчину и във удѣлъ удѣлъ дяди нашего); № 54, 1434 г., № 55; № 64, 1447 г., № 67, 1448 г., № 71, № 72, № 73, № 74; № 75, 1450 г.; № 84, 1456 г., № 85; № 90, 1463 г., № 91; № 93, 1465 г., № 94; № 97, 1473 г.; № 106, 1481 г., № 108, № 109, № 110, № 111; № 123, 1486 г. № 124, № 125, № 126; № 144, 1504 г. (във удѣлы, но: въ ихъ удѣлехъ); — 5) въ спискѣ Донатуса 1562—3 года (*е* въ слогѣ безъ ударенія вмѣсто *ѣ* нерѣдко): вв ысподи 833 и вв ысподи 834, есть и съ однимъ *в*: в ысподи 834, 851 (по изданію акад. И. В. Ягича: Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ. Изслѣдованія по русскому языку, Т. I); весьма интере-

---

гихъ южнорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ: мосал. при тцу... » (Русское и словенское аканье, стр. 68). Съ послѣдней догадкой (о редукціи начальнаго *о*) интересно сопоставить тотъ фактъ, что въ московскихъ грамотахъ *о* вмѣсто *ъ* въ предлогахъ въ большинствѣ случаевъ является именно передъ *о*, которое должно быть редуцированнымъ (изъ 54 случаевъ только въ четырехъ должно предположить *о* нередуцированное). Кстати замѣчу. Акад. А. Шахматовъ относитъ удлиненіе и закрытость *о* въ случаяхъ въ родѣ вотчина къ общерусской эпохѣ, а редукцію открытаго *о* лишь къ общесреднерусской эпохѣ; но мы уже видѣли, что въ малорусскомъ нарѣчіи начальное *о* было способно становиться неслоговымъ и исчезать точно такъ, какъ въ южновеликорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ; кромѣ того, во многихъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ судьба начальнаго *о* отличается отъ судьбы *о* въ другихъ положеніяхъ (мы имѣемъ въ виду переходъ его въ *у*: угоро́дъ, утопри́, укуну́сь, и т. п.); съ другой же стороны, судя по памятникамъ, начальное *о* оказывало одинаковое вліяніе на предыдущій *ъ* въ предлогахъ во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка, при чемъ это вліяніе должно искать въ какой то склонности звука *о* стать неслоговымъ и исчезнуть,—въ виду всего этого я думаю, что склонность къ редукціи звука *о* надо отнести къ общерусской эпохѣ, при чемъ эта склонность въ однихъ говорахъ въ дальнѣйшее время усилилась и повела за собою даже исчезновеніе звука, въ другихъ же ослабилась и прекратилась.

сно, что въ этомъ же спискѣ имѣется удвоеніе согласной подъ вліяніемъ іотированной гласной: ѿ третteи ча́сти 839, въ другихъ мѣстахъ второе *т* вынесено надъ строку: третие 840, 841, 842, 843, 854; ѿ третей 842, третиа 872; встрѣчается и съ сохраненіемъ *j*: трётьемꙋ 857 или съ выносомъ *т:* трете 840, третемꙋ 855, третѧго 872. Это удвоенное *тт* нисколько не свидѣтельствуетъ противъ великорусскаго происхожденія списка: существованіе въ современныхъ великорусскихъ говорахъ удвоенія согласныхъ подъ вліяніемъ *j* не подлежитъ сомнѣнію, и извѣстно даже какъ разъ въ этомъ словѣ *третттій* Моск. Рузск.; — 6) въ Строевскомъ спискѣ XVI в. Псковской Лѣт. Погод. № 1413: вв ордѣ 31; 7) въ западно-русскихъ памятникахъ удвоеніе *в* въ предлогѣ *въ* передъ неіотированными гласными встрѣчается часто, причемъ вмѣсто *вв* чаще пишется *ув*, согласно произношенію; (срвн. еще въ гал.-вол. Поуч. Ефр. Сир.: ув адъ) проф. Е. Карскій въ своихъ работахъ нѣсколько разъ отмѣчаетъ эту особенность, хотя объ удвоеніи предлога утверждаетъ нерѣшительно. «Если предлогу *у*, получившемуся изъ *въ* = *ў*, приходится стоять предъ *о* или *ы* (а иногда и *у*), то онъ развиваетъ послѣ себя вторичное *в*, которое является, такимъ образомъ, какъ бы призвукомъ передъ слѣдующимъ гласнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ув* можно возвести и къ основному *във и видѣть въ немъ удвоенный предлогъ. Иногда на мѣстѣ *ув* встрѣчается и *вв*, въ чемъ можно видѣть или удвоеніе предлога, или скорѣе графическій двойникъ *ув*. Появленіе *ув* замѣчается и въ старинной рѣчи, и въ новѣйшихъ произведеніяхъ» (далѣе слѣдуютъ примѣры). Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варшава 1893, стр. 227 (примѣры см. еще на стр. 29, 69, 139). Въ другой работѣ «Западно-русскіе переводы Псалтыри въ XV — XVII вѣкахъ». Варшава 1896, проф. Е. Карскій еще менѣе категорично говоритъ о двойномъ предлогѣ (см. стр. 193): «На мѣстѣ предлога *въ* также часто имѣемъ *ув*, т. е. ўв, или даже уў; такой видъ означенный предлогъ обыкновенно принимаетъ передъ *о* и *у*, звуками глас-

ными, такъ что на *в* можно бы смотрѣть и какъ на приставочный звукъ (слѣдуютъ примѣры)... но съ другой стороны, на принадлежность *в* предлогу какъ будто указываетъ такое образованіе, какъ уво вси҇, гдѣ въ окончаніи предлога передъ группой согласныхъ неудобной для произношенія, еще прибавлено *о*.—На мѣстѣ ўв изъ въ иногда находимъ *вв—вво*: ни в'во што, и̓ ввошо̑ и вворгане҇... Сочетаніе въ оу — иногда измѣняется въ *вув*: воу вътискоу». Изъ этихъ цитатъ ясно, что удвоеніе *в* (*вв* и его замѣститель *ув*) въ западно-русскихъ памятникахъ наблюдается чаще всего передъ неіотированными гласными (напр.: ув отказѣ, ȣв угрехъ, ув ызбѣ); но проф. Е. Карскій въ этомъ положеніи не склоненъ относить второе *в* къ предлогу и только передъ согласными допускаетъ удвоенный предлогъ. Я же въ согласіи съ показаніями другихъ памятниковъ думаю, что *в*, въ предлогѣ *въ* въ западно-русскомъ нарѣчіи удвоялось передъ неіотированными гласными, а передъ согласными (т. е. въ такихъ случаяхъ, какъ ни уво што, в'во сне, ȣво второкъ, ȣуво вси҇, срвн. еще увесь, увезде) слѣдуетъ видѣть вторичное явленіе[1]). Распространеніе удвоенныхъ предлоговъ отъ случаевъ передъ неіотированною гласною на случаи передъ согласнымъ и іотированными гласными замѣчается и въ московскихъ грамотахъ; напр.: вовъ Юлке Троецкой, I, № 187, 1566 г.; а то вов той нш҇еи грамоте Жалов. грам. царя Мих. Ѳед. и патріарха Филар. Ник. Звенигородскому Рождества Пресв. Богородицы и преподоб. отца Саввы Сторож. мон.; с четыре҇ сос'

1) Въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ замѣчается мѣна *в* и *у*, встрѣчается предлогъ *ув* и на мѣстѣ предлога *у* главнымъ образомъ, передъ неіотированными гласными; напр.: въ Лѣтописи Аврамки: оуво ѿндрѣина, оуво ѿца, оуво ѿжѣ Е. Ѳ. Карскій. Особенности письма и языка рукописнаго сборника XV вѣка, именуемаго лѣтописью Аврамки. Варшава 1899 г. (= Варш. Ун. Изв. 1899 г. III) стр. 24 (срвн. еще по изданію: оувъ оуспении 24, оув ольгерда 23);—въ Строевскомъ спискѣ XVI вѣка Псковской лѣтописи Пог. № 1413: оу̓в орѣшка 40 об., оу̓в опоки 50 (но до Опоки);—въ двинскихъ грамотахъ: воув устѣна № 32, оув онъчифора оув онъдроникова № 109, оув Омоса № 115, оув ыгуменьскыхо дѣтеі № 26, оув печатнѣ А. А. Шахматовъ. Изслѣд. о дв. гр. XV в. 1903 г., стр. 83 (я сдѣлалъ иное дѣленіе, чѣмъ въ ссылкѣ).

пяти деся̑ Жал. грам. царя Вас. Ив. Свіяжскимъ жильцамъ Саввѣ и Петру Тимофеевымъ Есиповымъ 1610 мая 31[1]).

Итакъ, удвоенные предлоги первоначально, какъ ясно указываетъ вышеприведенный разборъ нѣсколькихъ памятниковъ, возникали передъ неіотированными гласными, — второй фактъ, позволяющій, по моему мнѣнію, удовлетворительно объяснять упорно сохраняющійся ъ у предлоговъ въ этомъ положеніи въ памятникахъ XIII — XIV вѣка, какъ слогодѣлитель[2]). Дѣло въ томъ, на что, собственно, указываетъ удвоенная на письмѣ согласная, въ видѣ каковой нерѣдко изображается удвоенный предлогъ? Въ современной нашей графикѣ (а также и графики другихъ народовъ, правда не всѣхъ) она указываетъ на то, что дѣленіе слога падаетъ на самый согласный. Если мы допустимъ, что въ случаяхъ изъ памятниковъ XIII — XIV вѣка и позднѣе въ родѣ въ орду, въ исподи, въ умъ буквою ъ обозначалось особое слогодѣленіе: в' орду, в' исподи, в' умъ, то тогда станетъ вполнѣ понятно объяснимой слѣдующая стадія развитія этихъ фонетическихъ величинъ: в'ворду, в'высподи, в'вумъ,— дѣленіе слога вмѣсто того, чтобы пасть послѣ согласнаго, начинаетъ падать на самый согласный, что вполнѣ возможно при нѣкоторомъ экспираторномъ усиліи (перемѣщеніе границы слоговъ вообще вещь обычная; напр. переходъ группы *чш* въ группу *тч* въ словѣ *лучше* есть не что иное, какъ перемѣщеніе границы слова: въ *лучше* граница слога падала на звукъ *ш*: *лут̑ш-ше*, а въ *лутче* она перемѣстилась и стала падать на звукъ *т*: *лут-т̑ше*).

Таково наше объясненіе болѣе упорному сохраненію буквѣ ъ въ предлогахъ передъ неіотированными гласными, нежели пе-

---

1) Удвоенные предлоги встрѣчаются до сихъ поръ въ великорусскихъ говорахъ, см. нашу работу «Языкъ Бѣломорскихъ былинъ» Изв. VII4, § 83.

2) Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что терминъ «слогодѣлитель» нами употребляется въ условномъ значеніи, объ этомъ см. второе подстрочное примѣчаніе къ § 11.

редъ согласными. Въ скоромъ времени мы докажемъ, что и въ другихъ случаяхъ буквы ъ, ь, кромѣ твердости и мягкости, во многихъ древнерусскихъ памятникахъ послѣ XII вѣка, играли роль слогодѣлителей; но объ этомъ уже особо.

Глава третья.

§ 13. Въ главѣ первой и второй мы убѣдились, что неіотированные гласные звуки *а*, *о*, *у*, *и* оказывали на предыдущій открытый слогъ такое дѣйствіе, какое вызывалось исчезавшими глухими на предыдущій слогъ, становившійся закрытымъ вслѣдствіе этого исчезновенія. Но кромѣ удлиненія гласныхъ въ предыдущемъ слогѣ въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ и ихъ нарѣчіяхъ и превращенія предыдущихъ глухихъ въ чистые во всѣхъ славянскихъ языкахъ, исчезавшіе глухіе въ извѣстныхъ случаяхъ вызвали въ предыдущей группѣ согласныхъ *новые глухіе*. Если мы не ошиблись, считая однородными дѣйствія исчезавшихъ глухихъ и неіотированныхъ гласныхъ, то должно оказаться, что эти гласные будутъ вызывать новые глухіе, но не среди группы предыдущихъ согласныхъ, а въ концѣ группы согласныхъ или одного согласнаго, т. е. они будутъ вызывать непосредственно передъ собою новый открытый слогъ подобно тому, какъ исчезавшіе глухіе вызываютъ передъ собою новый закрытый. Весь вопросъ теперь въ томъ, гдѣ найти такое фонетическое состояніе, чтобы неіотированные гласные начинали слогъ, а предыдущій слогъ кончался на согласный. Такое положеніе, по моему мнѣнію, наблюдалось въ общеславянскомъ языкѣ, а изъ него перешло и въ отдѣльные славянскіе языки (вѣроятно, во всѣ; но я могу доказать только для трехъ), при соединеніи предлоговъ-приставокъ *без*, *из*, *въз*, *раз* съ слѣдующимъ словомъ, начинающимся съ одной изъ разбираемыхъ гласныхъ. Оправдать такое особое слогодѣленіе въ этихъ слу-

чаяхъ можно тѣмъ, что 1) предлоги употреблялись въ древности съ большей степенью самостоятельности и приближались къ нарѣчіямъ, а по этому при соединеніи ихъ съ управляемыми словами не было той близости, которая наблюдается теперь (этимъ объясняется, что з гораздо чаще и послѣдовательнѣе, какъ увидимъ ниже, встрѣчается у предлоговъ, нежели у приставокъ), 2) вліяніе основныхъ словъ заставляло говорящихъ и въ сложеніяхъ словъ съ приставками начинать основу даннаго слова съ гласнаго и тѣмъ поддерживать особое слогодѣленіе (срвн. выше § 12).

Я перечелъ цѣлый рядъ древнихъ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятниковъ, слѣдя за *всѣми* случаями употребленія этихъ предлоговъ-приставокъ съ з, съ одной стороны, и за *всѣми* случаями употребленія ихъ (съ з и безъ з) предъ начальными гласными, съ другой (въ послѣднемъ случаѣ употребленіе предлоговъ я прослѣдилъ вполнѣ внимательно, употребленіе же приставокъ оказалось возможнымъ прослѣдить лишь въ общемъ ихъ чертахъ) и я пришелъ къ тому выводу, что предлоги-приставки съ з передъ гласными представляютъ не только явленіе обычное, но случаи безъ з передъ ними прямо таки такое же исключеніе, какъ среди случаевъ безъ з передъ согласными случаи съ з (это обратное количественное отношеніе я и подчеркиваю здѣсь).

Обратимся къ разсмотрѣнію фактовъ.

§ 14. I. Часть древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ вовсе не знаетъ этихъ предлоговъ-приставокъ съ з; таковы — Клоцовъ Сборникъ (на основаніи данныхъ словаря, приложеннаго къ изданію Vondrák'a Glagolita Clozův, 1893; передъ гласными они встрѣчаются рѣдко: бєз отвѣта, бєз оума и из оустъ нѣсколько разъ; значеніе, какъ увидимъ ниже, имѣетъ только первый случай) и Синайская Псалтырь (передъ гласными только из устъ 11; по изданію Гейтлера). Другіе памятники знаютъ ихъ въ очень ограниченномъ количествѣ, по одному—по

два раза; таковы—Саввино Евангеліе (по изданію В. Щепкина: възыграите 128, и рядомъвазиграса 118 bis; другой случай въ концѣ строки: възъ|дъхнж 63; случаи разбираемыхъ предлоговъ передъ гласными есть: из отрочины 65, из оустъ 72, 117) и Маріинское Евангеліе (по изданію акад. Ягича; по даннымъ словаря: изъ| юности 281; случаи предлоговъ передъ гласными есть, напр.: без о|тца 32 и др. Тѣ и другіе памятники въ отношеніи интересующаго насъ явленія могутъ быть разсматриваемы, какъ стоящіе на древнѣйшей стадіи развитія[1]).

II. Предлоги *безъ*, *изъ* передъ начальными неіотированными гласными въ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ и исключенія:

1) въ Зографскомъ Евангеліи (по изданію акад. Ягича): безъ основанѣ 932;—но: із очесе 71 ter, 931; із облака 621; із о|трочинъі 622;—із оустъ 12, 222; із оу|тра 1281;

2) въ Ассемановомъ Евангеліи (по изданію J. Črnčić'a): ізъ очесе 43, ізъ ока 43, ізь очесе 43, ізъ отрочінъі 93, ізь облака 171, безь отьца 140;—ізъ оустъ божії 156, ізь оустъ ісоусовъ 166;—но: із оустъ его 127;

3) въ Синайскомъ Требникѣ (по изданію Гейтлера): безъ осжжденнѣ 30, 44; изъ облака 81; ізъ о|снованнѣ 100; — безъ истьлѣниѣ 183;—но: из оустъ льво|къ 156;

4) въ Супрасльской рукописи (по изданію Сергѣя Северьянова, Спб. 1904 г.): безъ отьца 23912; безъ о|тьца 3098; безъ

---

1) Впрочемъ, должно отмѣтить, что обычное отсутствіе ъ въ древнихъ памятникахъ послѣ *свистящей з* въ разбираемыхъ предлогахъ-приставкахъ не является рѣшительнымъ критеріемъ всегдашняго (т. е. издревле унаслѣдованнаго) отсутствія ъ въ нихъ и можетъ быть разсматриваемо, какъ вторичное явленіе: срвн. послѣдовательное отсутствіе ь въ древнихъ памятникахъ послѣ *свистящей с* въ словѣ дєснъ, хотя родственные языки дружно указываютъ на суффиксъ *ьn* (Бругманнъ возстановляетъ даже праславянскую форму *desьnъ*). Если вѣрно такое предположеніе, тогда значеніе дальнѣйшей моей работы нѣсколько измѣнится: въ ней выясняются фонетическія условія не возникновенія новаго ъ, а *сохраненія* его.

о̂ц̃а 96; безъ о̂гн̃ѣ 8211; изъ о̂гн̃ѣ 23217; безъ очию 4564, 45816; безъ образа 5051; ї̈зъ| ограды 56518; и̂зъ о̂блака 5708; безъ оржжи|ꙗ 23010; безъ о̂тъсѣчениꙗ 2436; бе|зъ о̂сжжениꙗ 28625;—безъ оу̂жасти 29217; безъ оу̂става 4338; безъ оу̂дръжаньꙗ 49629; безъ оу̂бо|жьства 32621; безъ оу̂спѣха 5012;—безъ и̂стьлѣ|ниꙗ 3184; безъ и̂скоушениꙗ 2802; безъ и̂сповѣданьꙗ 50119; но: из'| огнꙗ 54020 (исключеніе, надо думать, мнимое: въ концѣ строкъ буквы ъ, ь въ этомъ памятникѣ часто опускаются);—и̂з истълѣниꙗ 46130;—из оустъ 2261, 32024, 3253, 3262, 3315, 33528, 33611, 4039, 41030, 5607; без оума 13422 и 28 bis, 32512, 33522, 36512, 37816, 3877 и 14, 39513, 3973, 4083, 4246, 49714;—и̂з жтробы 23716; из жтробы 11727;

III. Предлоги *безъ*, *изъ* передъ неіотированными гласными въ древнерусскихъ памятникахъ и исключенія. Само собою разумѣется, буква ъ при этихъ предлогахъ могла быть машинально перенесена переписчиками изъ церковно-славянскихъ памятниковъ, но въ виду существованія такого явленія и въ чисто русскихъ памятникахъ (напр., въ грамотахъ), должно думать, что этотъ ъ могъ имѣть основаніе и въ языкѣ древнерусскихъ переписчиковъ:

1) въ Остромировомъ Евангеліи (по второму изданію И. Савинкова, Спб. 1889): изъ| отрочины 133 об. а; изъ| облака 284 в; и|зъ облака 285 а;—но: из очесе 59 об. в, 60а; и|з очесе 59 об. в.; без оц̃а 234 в;—из оустъ 141 об. а, 211 об. в, 261 об. а, 276 в; без оума 22 об. а, 170 об. а;

2) въ Изборникѣ Святослава 1073 года (по изданію Общества любителей древней письменности, Спб., 1880): безъ о̂пи|саниꙗ 93; безъ о̂ц̃а 1083; безъ о̂тъ|вѣта 853; безъ| отъвѣта 1932;—безъ оу̂|спѣха 1362; бе|зъ оу̂спѣха 1904; безъ оуспѣ|ха 2003; безъ оу̂вѣта 1743; безъ оу̂ставлениꙗ 2434; безъ оу̂дрьжа|ни 2083; изъ оу̂стъ 731; изъ оу̂|тробы 62;—безъ исцѣлениꙗ 391, 1743; безъ и̂цѣлени|ꙗ 983, безъ и̂сповѣ|даниꙗ 448; безъ и|справлениꙗ 1411; безъ и̂збы|тьꙗ 1522; безъ и̂скоуса 434: безъ

и|звѣта 1181; безъ измоута 1322; безъ износимаа|го 2242;— но: без'| исцѣленим 564 (исключеніе безусловно мнимое: въ концѣ строкъ въ этомъ памятникѣ довольно часто не пишется з, напр.: слобом'| 571 и др.);—из оу|стъ 1401; из оустъ 2634; без оума 281, 312, 363 bis, 714, 724, 1401, 1651, 1661, 1841, 1914: из оума 2384;

3) въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 года (случаи выписаны по второму изданію В. Шимановскаго, Варшава, 1894 г. и затѣмъ всѣ провѣрены, какъ и далѣе въ этой работѣ, по рукописи): безъ алъчьбы 89 б;—бе|зъ обличения 97 а; бе|зъ обратащаго 147 а;—безъ испыта|ныя 32 а;—но: без оума 105 б, 151 б, 246 б; из оустъ 81 б, 203 б (въ изданіи ошибочно оба раза съ з);

4) въ новгородскихъ Минеяхъ 1095—1097 годовъ (по изданію акад. И. В. Ягича, Спб. 1886): изъ акима 4301;—изъ оча 069; изъ оца 0170, 121, 165; безъ оца 069, 0215; безъ ѡца 183; [изъ (ѡ)чя 339]; изъ отроковичи 045; изъ отроковица 464; изъ оканьноу 0220;—изъ оутробы 113;—безъ истьлѣния 332; безъ издрока 337; изъ источьника 365;—но: из ѡца 49, 61;—из оутробы 157.

5) въ XIII словахъ Григорія Богослова XI вѣка (по изданію А. Будиловича, Спб. 1875 г.): безъ| оца 1111; безъ оржжия 551; бе|зъ оржжия 841; безъ осл|жения 2763; безь| образа 2763;—безъ оужасения 511; безъ оустро|ения 2301; безъ оупъвания 24231; безъ| оуспѣха 411; безъ оуспѣха 942; изъ ж|тробы 682;—безъ искржшени|ꙗ 483; безъ изо|билия 573; бе|зъ избытия 823; безъ измоле|ния 1222; безъ испы|тания 1881; безъ имѣ|ния 2622;—но: без огня 773; без оратвы 581; из о|бонж 1153;—без оума 3623, без жма 71;—из иного 1132;

6) въ Путятиной Минеѣ XI вѣка (по рукописи): изъ оца 2 об., 70 об.; и|зъ оча 31; изъ оча иночада словесе 30 об.;— безъ истечения 95; безъ истьлѣния 68 об., 95;—но: из отроковица 95;—без оу|ма 117;—из истока 55 об.;

7) въ Минеѣ XI вѣка F. п. I. 36 (по рукописи): изъ обѣтованиꙗ 15 об.; исключеній нѣтъ;

8) въ Ефремовской Кормчей XII вѣка (по рукописи): безъ обьщениꙗ 105, 142, 190 об., 194 об. quater, 195 bis; безъ оброучениꙗ 195 об.; безъ области 262 об.;—безъ оуспѣха 195 об.;—безъ испытаниꙗ 26 об., 35; безъ измета 49; изъ иноꙗ 33; безъ игоуме|на 80; безъ икономъ 35 об.;—но: из оустъ 213;—из иного града 104 об.;

9) въ Житіи Епифанія Кипрскаго XII вѣка (по рукописи): безъ обновле|ниꙗ 11; и|зъ острова 95; изъ о|строва 95; изъ остро|ва 95 об.;—безъ оуспѣ|ха 18 об.; но: из о|чию 102 об.;

10) въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII вѣка (по изданію Е. Калужняцкаго, 1896 г.): безъ оц҃а 226;—безъ оупованиꙗ 117;—но: без оума 131; из оустъ 194;

11) въ изданной части Сборника XII вѣка Московскаго Успенскаго собора (вып. I, Москва, 1899 г.): изъ але|ксандриꙗ 9;—изъ очи|ю 92;—изъ истааго 4; безъ и|слѣдованиꙗ 7;—но: из оустъ 5, 51;

12) въ Богословіи Іоанна Дамаскина XII вѣка (издано въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ при Моск. Ун.» 1877, IV, М. 1878 г.): безъ| оц҃ꙗ 288₂; безъ о|тьцꙗ 288₂; бе|зъ обꙑть|ꙗ 21₁; безъ о|тълоучениꙗ 64₁; безъ отъпоу|ста 85₂; безъ| ѡбраза 96₁; безъ обра|за 93₁, 179₁;—безъ оуста|ва 32₂, 90₁; безъ оу|постаси 46₁;—бе|зъ измѣнень|ꙗ 35₂; безъ и|змѣна 58₁; безъ изъ|мѣна 233₁; безъ иказа 294₁; бе|зъ извра́та 58₁; безъ| изврата 228₂; бе|зъ истока 58₁; бе|зъ истока 60₂ bis; безъ исто|ка 64₁; безъ| иплова 62₂;—но: из обьщинъı 492₃; из обьща 493₁; из о|бьщꙗаго 495₂;—без оума 163₁, 514₂; бе|з оума 486₂; без оу|ма 465₂; без у|ма 258₂, из оу|ма исходꙗ 43₁;

13) въ Златоструѣ XII вѣка F. п. I. № 46 (по рукописи): безъ отъ|вѣта 20; безъ отъвѣта 142; безъ освѣ|щениꙗ 165 об.; безъ осоуда 50 об.; безъ ѡц҃а 78 об., 101; безъ обла|къ 147; изъ обьщинъı 38; изъ очесе 50; изъ| огна 148 об.; изъ ѡб-

ласти 111; — безъ оу|спѣха 132; безъ оуспѣ|ха 173 об.; бе|зъ оуспѣха 183 об.; безъ оуспѣха 17; безъ| оуспѣха 7 об.; безъ оуказанию 24; безъ оуѣта 142; изъ оуности 10 об.; — безъ истъ|лѣнию 153 об.; безъ исцѣлению 172; изъ истины 174;—но: из очесе 50;—без оума 4, (11 об. не допис.), 32, 32 об. 45 об. bis, 58, 100 об., 114, 120 об. bis, 132, 149 об., 155 об. bis, 166, 168, 170 об., 172 об., 175; из оума| 14 об.; из оустъ 27 об. 68 об., 104, 189; и|з оустъ 168;

14) въ Майской Минеѣ XII вѣка Соф. № 203 (по рукописи; изъ 136 листовъ прочтены первые 117): изъ оца 4, 18 об., 41, 80, 81 об.; изъ отроко(ви)ца 109;—безъ оуѣта 34; безъ оукло|нения 34 об.; безъ оуклона 70; — (б)езъ искоуса 17 об.; (бе)зъ истлѣния и безъ истечения 109 об.; — но: из истлѣния 53;

15) въ Кондакарѣ XII—XIII вѣковъ Погод. № 43 (по рукописи): безъ оуспѣха 3; исключеній нѣтъ;

16) въ Словѣ св. Ипполита объ Антихристѣ XII—XIII вѣковъ (по изданіямъ Невоструева и Срезневскаго): изъ а|да 26в Ср.;—но: без оума 12і, 17в Ср.; 3, 85 Н; из оустъ 31в Ср.;

17) въ Толстовскомъ Сборникѣ XIII вѣка Q. п. I. 18 (по рукописи): изъ| оца 44;—из оутробы 153 об.;—но: без оума 194;

18) въ Новгородскихъ грамотахъ XIII и XIV вѣка (по изданію А. А. Шахматова): безъ обиды № 12 bis, № 8 bis, № 6 bis, № 7 bis; безъ окупа № 12, № 14, № 16, № 17; безъ осподаря № 9 (срвн. еще безъ гаря № 9, безъ гдря № 6, № 7, № 10; безъ з передъ этимъ словомъ не встрѣчается); изъ орды № 8;—изъ иной № 1, № 3; низъ иныхъ № 6; низъ иныхъ № 7 (*низъ* здѣсь = *изъ*); изъ иныхъ № 8;—но: без окупа № 13 (это, между прочимъ, единственное исключеніе для новгородскихъ грамотъ вообще изъ правильнаго употребленія *всѣхъ* предлоговъ съ конечнымъ з передъ неіотированными гласными).

Итакъ, въ четырехъ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ и восемнадцати древне-русскихъ (главнымъ образомъ,

приняты во вниманіе памятники XI—XII вѣка, а изъ болѣе позднихъ такіе, въ которыхъ конечный ъ предлоговъ не переходитъ въ *о*) предлоги *безъ*, *изъ*, т. е. съ конечнымъ ъ, передъ *о* встрѣтились 111 разъ, передъ *у*—36, передъ *и*—57 разъ, передъ *а*—4 раза, передъ *ж* (въ др. ц.-слав. памятникахъ; случаи передъ *у* изъ носоваго звука въ русскихъ памятникахъ причислены къ случаямъ передъ *у* = древнему *и*)—2 раза; безъ конечнаго же ъ передъ *о* — 22 раза, передъ *у* — 2 раза, передъ *и* — 5 разъ, передъ *ж* — 2 раза; передъ *а* — ни разу; итого съ конечнымъ ъ — 208 разъ, а безъ ъ — 31 разъ. Случаи из'| огнꙗ Супр. Рук., бєз'| ӥсцѣлєниꙗ Св. Изб. 1073 г. не вошли ни въ тотъ, ни въ другой счетъ. Кромѣ того, изъяты изъ статистики выраженія из оустъ, которое встрѣчается безъ ъ 32 раза, а съ ъ — всего лишь 3 раза и выраженія бєз оума (64 раза безъ ъ) и из оума (3 раза безъ ъ). Эти выраженія встрѣчаются исключеніями и въ другихъ памятникахъ, въ которыхъ наблюдается передъ неіотированными гласными или сохраненіе ъ въ предлогахъ, или переходъ его въ *о*; напр.: въ Житіи Саввы Освящ. без ума bis; въ Гал. Ев. 1266 — 1301 г.: из устъ 5 разъ, без ума (впрочемъ, есть и изо устъ); въ Пут. Ев. XIV в.: из устъ, без ума bis (въ немъ есть и из облака, и изо устъ), въ Добр. Ев. 1164 г. из устъ, въ Тип. Ев. № 7 из устъ (болѣе точныя ссылки на всѣ эти случаи см. въ главѣ II, § 5 I 2 и 3, II 2, III и IV), въ Паис. Сборн. XIV в. ӏз устъ 142 об., въ Ев. 1393 г. из устъ 80, бєз ума 12. Возможно, что случай *без ума*, которое въ большинствѣ ссылокъ является нарѣчіемъ со значеніемъ «напрасно», слѣдуетъ относить къ случаямъ, гдѣ *без* играетъ роль приставки (а въ такихъ случаяхъ обычнѣе *без* безъ ъ см. ниже слѣдующій §), хотя срвн. *из ума*, гдѣ *из* — безусловно предлогъ. Менѣе понятно ненахожденіе буквы ъ въ выраженіи *из оустъ*; впрочемъ въ немъ нѣтъ-нѣтъ да и встрѣтится то ъ, то даже *о*; можетъ быть, здѣсь вліяло то обстоятельство, что *у* находилось въ слогѣ, за которымъ исчезалъ ъ, и оно благодаря этому не было склонно сдѣлаться несло-

говымъ; однако срвн. обычные *изъ отьца*, *изъ обьца* и т. п., хотя з въ выраженіи *из устъ*, замѣтимъ, былъ нѣсколько иной, чѣмъ въ приведенныхъ случаяхъ (онъ былъ конечный).

§ 15. Буква з въ *без*, *из* пишется и тогда, когда они бываютъ не предлогами, а приставками; въ этомъ случаѣ къ нимъ примыкаютъ и приставки *въз-* и *раз-*. Но тутъ случаи съ з сравнительно со случаями безъ з представляютъ безусловно меньшинство (о причинахъ такого несоотвѣтствія см. § 13); а потому я нашелъ возможнымъ отмѣтить лишь случаи употребленія этихъ приставокъ съ з и лишь кое-гдѣ привести примѣры на отсутствіе з; кромѣ того, приведу въ концѣ слова, въ которыхъ з въ древнѣйшихъ памятникахъ никогда не пишется.

I. Данныя изъ древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ:

1) Асеманово Евангеліе: ї҆зьѫтрьѭдоу [1]);

2) Супрасльская Рукопись: и҆зъо҆штренъ 85_{15}; и҆зъо҆брѣсти 50_{28}, 92_{24}; и҆зъобиловати 266_{12};—и҆зъо҆умѣвъшии҆ 324_{2} (но обычнѣе: и҆зоштрена 426_{7}, и҆зобрѣсти 88_{30}, изобилнꙑихъ 290_{17};—разоу|мѣѥмъ 312_{19} и др.);

3) изъобличаѥмъ Хиландарскіе Листки, отрывки Кирилловской письменности XI-го вѣка. Сообщилъ С. М. Кульбакинъ. Спб. 1900, стр. 9.

II. Данныя изъ древне-русскихъ памятниковъ:

1) Остромирово Евангеліе: и|зъѫтрьѭ275 b [2]);

2) Святославовъ Изборникъ 1073 г.: и҆зъо҆брѣсти 18_{2}, 18_{8}, 20_{2}, 20_{8}; изъ|о҆брѣтаѭште 18_{8}; и҆зъо҆брѣта|ѥмъ 20_{8}; и҆зъо҆би|-

---

1) Срвн. въ другихъ памятникахъ безъ з: ї҆зѫтрѫдоу Зогр. Ев. 59_{1}, із-ѫтрьѫдоу 105;—изѫтрьюдоу Остр. Ев. 117а.

2) Срвн. въ другихъ памятникахъ безъ з: ї҆зѫтрии Зогр. Ев. 59_{1};—изѫ|три Супр. Рук. 36_{14};—и҆зоутрь Св. Изб. 1073 г. 247_{1}; изоутри ib. 202_{4}, и҆зоутрьнѧ ib. 158_{2};—изѫтри XIII сл. Григ. Бог. 224_{2}, и|зѫтрь ib. 160_{1}; —изоутрь Сл. Ипп. объ Ант. XII—XIII в. 29_{3} Ср.

лиюмь 151₂; бе|зъобразанъ 39₃;—безъимѣнаство 414 (срвн. безъ з: изобрѣсти 20₂; изобилие 239₃; възоуштенї 164₁ и др.);

3) Святославовъ Изборникъ 1076 г.: безънисть|лѣнано 74а (срвн. безъ з: изобрѣсти 25б);

4) Новг. Минеи 1095—1097 г.: безъобразьне 425;—изъоучивъ 0114; безъоуспѣшана 206 (срвн. безъ з изостренїю 098);

5) XIII словъ Григорія Богослова XI в.: изъжтри 140₂, 146₂; (но обычнѣе безъ з: безоча|ствѣ 18₃, изобрѣтени 112₁, изобилия 42₂;—изоученї|ю 202₂ и др.);

6) Путятина Минея XI в.: къ безънисталѣнию 47;

7) Ефремовская Кормчая XII в.: безъобьаштени 34, безъобьщаноу 35, безъотъвѣтьнаю 133 об, изъобрѣте 276 об. (но есть и безъ з: изобрѣсти 186 об., изобрѣ|те 203);

8) Христинопольскій Апостолъ XII в.: безъштвѣтьнъ 113;—безънисталѣние 160 (есть и безъ з: изобрѣтъше 50, безоумьнъимъ 114; весьма поучителенъ слѣдующій случай: възоустихъ 112, если только проф. Калужняцкій передалъ въ изданіи значки [1]) оригинала: значекъ ставится лишь надъ *оу*, которое *начинаетъ слогъ*: наоучаюи 114, оуко 116; см. еще из оустъ 194; срвн. нашу основную гипотезу объ особомъ слогодѣленіи въ этомъ положеніи);

9) Успенскій Сборникъ XII в.: изъобрѣтъ 12;

10) Богословіе Іоанна Дамаскина XII в.: безъо|бразьна 180₁; безъобразьна|аго 304₁ (есть и безъ з: изобилоующа 447₁; изо|брѣсти 492₂ и др.);

11) Златоструй XII в.: изъобрѣ|тъше 3 об.; изъобилию 54; безъочивa 140;—безъоуспѣшана 189; изъоу|три 172 об. (есть и безъ з: изострени 106 об.; изобилие 167, изоутри 41 об., изоутра 54 об.);

---

1) Подозрѣніе внушается тѣмъ, что онъ ввелъ значекъ надъ *и*, послѣ гласныхъ; котораго безусловно не было въ рукописи.

12) **Майская Минея XII в.:** изъокрѣ|тaше 62 об.;—къ кезъ истлѣнию 53 (есть и безъ ъ: изокрѣтъ 107 об.);

13) **Слово Ипполита объ Антихристѣ XII—XIII в.:** изъ|скрѣте 23в, изъокрѣтающе 27в; изъоутра 29в Ср.

14) **Толстовскій Сборникъ XIII вѣка:** изъострено 64 об. (см. еще 79); изъобилоуютъся 163; изъобрѣтаемъ 188.

Изъ словъ (начинающихся съ неіотированныхъ гласныхъ), которыя при сложеніи съ приставками *без-*, *из-*, *въз-*, *раз-* всегда принимаютъ въ древнѣйшихъ памятникахъ эти приставки безъ ъ, можно отмѣтить глаголы: *ити*, *искати*, *имати*; напр.: изиде Зогр. Ев. 22; изиди Син. Требн. 101; изидоутъ Св. Изб. 1073 г. 43 об.; разидоша Супр. Рук. 44019; вьзидѣмъ ib. 39019 и т. д.;—възищете Остр. Ев. 286; изискалъ Супр. Рук. 51214; възища Мин. 1095 г. 0114; — изимавъше Св. Изб. 1073 г. 1542; разимаемъ Мин. 1097 г. 476. Иначе обстоитъ дѣло относительно глагола *играти*: въ древне-русскихъ памятникахъ онъ нерѣдко пишется черезъ ы: възыграти Арх. Ев. 1092 г. (заимствовано изъ Лекцій[3] акад. А. И. Соболевскаго 42) възыграйте Мин. 1095 г. 065 (при възиграютъ 072), възыграи Усп. Сб. XII в. 65, възыгранием Златоструй XII в. 110; възыгранием Майск. Мин. XII в. 118 и др. (въ Остр. Ев. съ *и*: въ|зиграса 216 а об.); это ы ведетъ свое начало отъ *ъи*, которое можно наблюдать въ Савв. Ев.: възъиграете 128 (при възиграся 118 bis).

§ 16. **Въ двухъ предыдущихъ параграфахъ мы собрали значительное количество случаевъ употребленія предлоговъ-приставокъ** ***без, из, въз, раз*** съ ъ на концѣ передъ неіотированными согласными изъ древнихъ церк.-слав. и древне-русскихъ памятниковъ; при этомъ мы даже сопоставили эти предлоги съ ъ и безъ него и оказалось, что случаевъ съ ъ въ 7 разъ больше, чѣмъ безъ ъ (208 противъ 31; если же принять во вниманіе особый случай *из устъ*, то отношеніе измѣнится, но все-таки случаи съ ъ будутъ превышать слишкомъ въ $3^1/_2$ раза случаи

безъ з: 211 противъ 63); въ общей сложности разбираемые предлоги-приставки передъ неіотированными гласными съ буквою з (ѕ) употреблены 258 разъ. Но сдѣлать окончательный выводъ изъ этого пока нельзя, потому что эти предлоги-приставки съ з встрѣчаются еще также и передъ согласными, и передъ іотированными гласными.

§ 17. Сперва разсмотримъ ихъ употребленіе передъ согласными, не отдѣляя случаи съ предлогами отъ случаевъ съ приставками.

I. Данныя церковно-славянскихъ памятниковъ:

1) Зографское Евангеліе: безъ бъла|лишта 129$_{2}$;

2) Ассеманово Евангеліе: ї҆зъ него 139; ї҆зь мрътвъї҆х 171;

3) Синайскій Требникъ: изъ негѧ 85;

4) Супрасльская Рукопись: безъ вьсѣкоѧ 568$_{26}$; безъ възмѫштє|ниꙗ 243$_{8}$; безъ вь|станиꙗ 245$_{1}$; безъ дъжда 429$_{25}$; и҆зьлиꙗ 476$_{28}$; — безъ|благꙑ 300$_{4}$; безъ брѣда 540$_{21}$, безъврѣменьноѭ 86$_{30}$; безъ глоума 279$_{27}$; безъ гласа 47$_{10}$, 48$_{17}$; — безъ разлѫ|кꙑ 330$_{7}$; на безърати 324$_{22}$; и҆зь҆расти 388$_{11}$; — безъ земьнаго 429$_{24}$; безъ жъзла 230$_{10}$; изъ жоупиштѣ 310$_{9}$; — и҆зъ събора 202$_{4}$; и҆зъ самого 202$_{5}$; изъ сѣти 194$_{11}$; безъ сѣмене 243$_{4}$; безъ сътѧжениꙗ 273$_{29}$; безъ соумьнѣниꙗ 98$_{19}$; — безъ крьштеньꙗ 483$_{15}$; изъ поустꙑнѧ 191$_{6}$ и $_{8}$; изъ хꙑзинъ 172$_{27}$; изъхва҆ти 232$_{17}$; и҆зъхождааше 206$_{8}$; и҆зъхо|дѧштоу 235$_{19}$; изъходѧште 267$_{5}$; възъ|хоулꙗаше 481$_{8}$; безъ ѡ҆ьмиꙗна 228$_{18}$; безъ| тьштетꙑ 429$_{4}$; и҆зъ цръкве 236$_{20}$; безъ чловѣчь|скааго 503$_{27}$; безъ| чрътога 243$_{5}$; бе|зъ числа 57$_{23}$; и҆зъ чловѣка 172$_{10}$; безъчьство|ва 214$_{30}$; бе|зъчоувьствьномъ 116$_{5}$; и҆зъчитаа҆и 179$_{18}$; изъшъ|дъ 199$_{10}$; изъшъдъ 236$_{20}$, 289$_{16}$; — разъвръже 501$_{13}$.

II. Данныя древне-русскихъ памятниковъ:

1) Остромирово Евангеліе: изъ | цръкве 34 в; изъ чрѣва 74 в об.; изъшьдъ 75 в; възълюбилъ 176 (по Козловскому; въ изданіи з-ра нѣтъ);

2) Святославовъ Изборникъ 1073: безъ въставенни 2074;— безъ сова 2218; безъ троудовъ 931; бе|зъ томлении 1052; безъ таини|ы 1278; безъ цѣлавы 448; безъчаствж|ета 478; безъче|ловѣчьное 491; изъчатъ 12 об.—безъ моукы 1471; безъ | начала 213;

3) Святославовъ Изборникъ 1076 г.: безъ въздыханиы 20 б; безъ въста|гновении 30б;—безъ връмене 238б; безъ|гнѣва 233б; изъ|глаголавъшоу 32а; — изъ пѣсъка 182а; безъчаствоуи 161б; (впрочемъ, послѣдніе два случая въ рукописи трудно разбираемы; слѣдующіе три, по изданію читающіеся съ ъ, въ рукописи безъ ъ: избавихъ 110а; без дѣлъ 115а; без болѣзни 42б.).

4) Новг. Минеи 1095—1097 г.: изъ въсточьныихъ 220; — изъ глоубины 395; — изъ горы 450; изъ неплодъве 494; безъбожьныихъ 303;

5) XIII словъ Гр. Богослова XI в.: безъ въ|здражании 132; безъ | въдражании 1331 (sic.); безъ възмжта 2022;—безъ кръве 552; безъ пища 581; безъ пристжпа 451; безъ притво|рении 578; бе|зътѣлесно 2522; безъ тѣлесе 2492; безъ хытрости 2511;—безъ вара 431; бе|зъ сласти 2472; безъстоу|дующе 448; безъ|съвръшении 2561; изъ | члка 461; изъ члкъ 1982; изъ чрѣва 1201; безъчастьнж 2198; безъ|частие 98; бе|зъчинии 358; безь|чиниение 184; безъчаствьно 788; — неизъ|гл҄емаа 2268; безъ дѣла 392; безъ|блгъ 88; безьбожьні|кы 1922; неизъмѣнь|ны 92 (въ рукописи ъ-ра нѣтъ); изълѣзъша 461;

6) Ефремовская Кормчая XII вѣка: безъ възискании 308 об.;—безъ разоума 125;—безъ стыихъ 74 об.; безъ съвѣдѣнии 92 об.; безъ соумьнѣнии 103; безъ законьныи 300;—изь|вражетьсѧ 18 об.;

7) Житіе Епифанія Кипрскаго XII вѣка: безъглавъ 45 об.; въ|зъвлѣщи 11 об.; изъвлѣче 17 об.; изъ града 12 об.; разь|гнѣвавъсѧ 3;—разъ|дати 9 об.;

8) Христинопольскій Апостолъ XII в.: изъ града 39; безъвременисте 253; — безъ дѣлъ 76, 116 (при без дѣлъ 116); безъ вѣры 233; изъ мьртвыихъ 123;

9) Успенскій Сборникъ XII вѣка: възъ|вратися 117; — възд|вѣститъ 121;

10) Богословіе Іоанна Дамаскина XII вѣка: безъ въста|зания 209_1; — безъ | раздрѣшеніꙗ 30_2; безъ раздрѣшениꙗ 30_2; безъ расхо|да 53_1; безъ разли|частва 71_1; безъ рождаства 73_2; безъ размѣ|са 233_1; — безъ скоу|даства 39_2; безъ | съвъкоупа 64_1; изъсаꙗвъшоу 331_1[1]); изъсиꙗ|ютъ 451_2; и|зъсиꙗютъ 452_1; безъ чоу|вастка 213_2; — безъ | вреда 168_1; безъ | блазна 498_2; бе|зъ блазна 344_2; възъ|вращатисꙗ 499_2; възъ|вратитисꙗ 108_2; — безъ|мт҃ре 288_2; безъ изъ|мѣна 233_1;

11) Златоструй XII в.: изд|варахомъ 77 об.; — изъ|роꙗ 7 об.; безъ расоуженика 135; — безъ хъщаниꙗ 61 об.; безъ| плища 37; — изъ|цр҃кве 180 об.; безъ собастка 154; безъ чин(а) 56 об.; изъ чертога 24 об. bis; безъчисмени|ѥ 44; съ безъчастиѥмь 53: безъчиниѥ 56 об., безъчинаство 115; безъчадаства 194 об.; — безъ грѣха 70; безъмлѣчаны 87 об.; бе|зъ врѣмене 84; изд|драдьнѣ 15 об.,; изъ|града 82; изъ|гласа 196; — безъ вашего 94 об. безъ ли|хоманиꙗ 61 об.; безъ|масти безъ|мс҃ти ib.; изъ|малаго 74;

12) Слово Ипполита объ Антихристѣ XII — XIII в.: изъ лаво|въ 31_8; — изъ | вѣдъ 32_2; изд мар|твыхъ 23_2; изд мартвыхъ 105; изъ | бавити 31_2; нзъбавлениѥ 86;

13) Толстовскій Сборникъ XIII в.: изъваѥши 84 об.; — безъ цр҃а 151 об. bis; — изъгл҃ть 52 об.; — безъвѣраѥмь 97 об.; безъ|воднѣ 117 об.;

14) Новгородскія грам. XIII — XIV в.: безъ всакого № 2, № 14, № 15; безъ ласти № 17; — безъ б. сту № 12; — безъ рубежа № 3, № 6, № 7, № 9, № 10, № 17; — безъ перевода

---

1) Въ одномъ мѣстѣ слово *исьяные* встрѣчается три раза, и всякій разъ написано по разному; вотъ это мѣсто: «доуноу| бо и рече оучe|никомъ сво|имъ прии|мѣте ст҃ы|и дх҃ъ ꙗко|же бо отъ | сл҃нца и лоу|ча исьꙗние | тъ бо ѥсть | источьникъ и лоуча же изьꙗнью. | лючею же | изъсиꙗние | намъ препо|даваютъсꙗ.|» 87_2 — 88_1 Считать ли это за описки, за опечатки, за особыя измѣненія, сказать не рѣшаюсь.

№ 4 bis; бєзъ полутрьтинадчати № 12, бєзъ хытости № 17; бєзъ суда № 5;—изъ новагорода № 6, № 7.

Итого мы имѣемъ предлоговъ-приставокъ *без*, *из*, *вз*, *раз* съ конечнымъ з передъ согласными въ 200 случаяхъ. Если сравнить это количество съ количествомъ ихъ передъ неіотированными гласными, взявъ вмѣстѣ случаи постановки з и въ предлогахъ, и въ приставкахъ (211 въ предлогахъ + 47 въ приставкахъ = всего 258), то незначительный перевѣсъ ихъ передъ неіотированными гласными (всего на 58 случая) можетъ заставить съ перваго взгляда сдѣлать такой выводъ: «нечего тутъ особенно много и толковать: аналогія со стороны предлоговъ съ древнимъ з въ родѣ *вз*, *кз*, *сз*, *подъ*, *надъ* и т. п. повліяла на предлоги-приставки *без*, *из*, *вз*, *раз*, и вотъ мы наблюдаемъ результаты этой аналогіи, какъ всегда мало послѣдовательные, въ разныхъ положеніяхъ и передъ неіотированными гласными, и передъ согласными, и передъ іотированными гласными» (примѣры на послѣднее положеніе см. ниже § 21). Однако такъ ли? Вспомнимъ, что словъ, начинающихся съ неіотированнаго гласнаго гораздо меньше, чѣмъ начинающихся съ согласнаго. Если взять, напримѣръ, евангельскій текстъ и подсчитать, сколько разъ предлоги *без*, *из* встрѣчаются, съ одной стороны, передъ словами, начинающими съ неіотированнаго гласнаго, и, съ другой, передъ словами, начинающимися съ согласнаго, то окажется, что первыхъ случаевъ въ четыре раза меньше, чѣмъ вторыхъ (подсчетъ произведенъ при помощи словаря, приложеннаго къ изданію Маріинскаго Евангелія: 1) передъ неіотированными гласными—14 разъ, 2) передъ согласными—59 разъ и 3) одинъ разъ передъ іотированною гласною), или возьмемъ текстъ Богословія Іоанна Дамаскина: въ немъ первыхъ случаевъ въ 6 разъ меньше, чѣмъ вторыхъ (передъ неіотированными гласными — 27 разъ, передъ согласными — 166 разъ и передъ іотированными гласными — 4 раза). Такимъ образомъ, для того, чтобы явленія (постановка з передъ неіотированными гласными и пе-

редъ согласными) были одного порядка, для того, чтобы было соблюдено элементарное правило пропорціональности, необходимо, чтобы передъ согласными предлоги-приставки *без*, *из*, *въз*, *раз* встрѣчались не только не меньше, какъ это наблюдается на самомъ дѣлѣ, но въ нѣсколько разъ больше (по однимъ даннымъ въ 4 раза, по другимъ въ 6), чѣмъ передъ неіотированными гласными[1]). Поэтому необходимо предположить, что были какія-то особыя побудительныя причины, заставлявшія писать букву ъ въ *без*, *из*, *въз*, *раз* передъ неіотированными гласными чаще, чѣмъ передъ согласными, а не одно лишь вліяніе предлоговъ съ древнимъ конечнымъ ъ. Но прежде чѣмъ перейти къ выясненію этихъ причинъ, постараемся объяснить написаніе ъ въ разбираемыхъ предлогахъ-приставкахъ передъ согласными.

Всѣ случаи употребленія предлоговъ-приставокъ съ ъ передъ согласными могутъ быть разгруппированы по слѣдующимъ категоріямъ:

1) передъ согласнымъ съ исчезавшимъ глухимъ — 22 раза (въ родѣ бєзъ въстѧжєниꙗ);

2) передъ беззвучнымъ согласнымъ — 28 разъ (въ родѣ изъ хꙑзинꙑ, бєзъ пристѫпа),

3) передъ такими согласными, съ которыми въ болѣе древнее время конечный согласный (*з*) предлоговъ-приставокъ сливался въ одинъ звукъ — 63 раза (въ родѣ бєзъ сѣмєнє, бєзъ законанꙑꙗ, изъ жоупишта, бєзъ цѣлєбꙑ, изъ чловѣка, изъшьдъ);

4) передъ такимъ согласнымъ, который въ болѣе древнее время смягчалъ *з* въ *ж* — 2 раза (въ родѣ изъ нєго);

5) передъ такимъ согласнымъ, отъ котораго конечный *з* въ

---

1) Кромѣ того, отмѣтимъ, что самые факты употребленія ъ въ предлогахъ-приставкахъ передъ неіотированными гласными, разсматриваемые, какъ только факты, имѣютъ гораздо меньшее число сомнительныхъ случаевъ, нежели факты передъ согласными: у первыхъ ъ на конецъ строки падаетъ лишь въ 12 случаяхъ, а у вторыхъ 38 разъ, а концы строкъ вообще въ отношеніи употребленія буквъ ъ, ь вызываютъ сомнѣнія.

болѣе древнее время отдѣлялся другимъ согласнымъ звукомъ — 18 разъ (въ родѣ на безъратии);

6) передъ группою согласныхъ, изъ которыхъ первый былъ звучный — 32 раза (въ родѣ изъ глоубины),

и 7) передъ однимъ звучнымъ согласнымъ — 35 разъ (въ родѣ изъбавлению).

Не трудно убѣдиться, что значительное большинство постановки ъ въ предлогахъ-приставкахъ (почти ⅔; точнѣе, 133 противъ 67) падаетъ на такіе случаи, въ которыхъ разсматриваемые предлоги-приставки возстановляли свой конечный согласный (см. пункты 2, 3, 4, 5)[1]) или за ними слѣдовалъ исчезавшій глухой.

---

1) Съ этимъ явленіемъ поучительно сравнить употребленіе другого предлога-приставки, извѣстнаго не только съ конечными ъ, ь, но и безъ нихъ и даже безъ конечнаго согласнаго: *объ*, *обь* (*оби*); *об*; *о*; конечный глухой (ъ, ь) въ этомъ предлогѣ-приставкѣ, повидимому, въ отличіе отъ ъ въ *безъ*, *изъ*, *въз*, *раз* ведетъ начало изъ древности (см. объ этомъ А. И. Соболевскій. Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. 1891, 132). Очень характерно распредѣленіе употребленія видовъ этой приставки (не предлога!), съ конечнымъ глухимъ и безъ него (т. е. *объ*, *обь*, съ одной стороны, и *об*, съ другой). Оказывается, что первый видъ употребителенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возможенъ рядомъ съ нимъ и третій видъ, т. е. одно *о*; это наблюдается передъ слѣдующими согласными *ж*, *з*, *м*, *п*, *х*, г, к, ц, ч, ш, *т*, *д*, *с*; ожидати, озарити, омазати, оправлати, охуждати, оглушити, окаменити, оцѣстити, очистити, отекати, одържати, осѣнити и т. п. и рядомъ: обьсръдовани|е Син. Требн. 7, обьсѣнитъ Супр. Рук. 1025, обьсѣдени|ю XIII Сл. Григ. Бог. XI в. 2058;—обьзираа Супр. Рук. 50225;—объшедъше Син. Пс. 260;—обьхо|да Супр. Рук. 118; — обьмогжтъ XIII Сл. Григ. Бог. XI в. 218; — обьтекло Супр. Рук. 1178; обьтичжщи XIII Сл. Григ. Бог. 1972; — обьдръжа Асс. Ев. 78 (сюда же можно присоединить случаи, когда *б* не исчезаетъ вслѣдствіе ассимиляціи, а само поглощаетъ слѣдующій согласный: обазати и рядомъ объвдъ XIII Сл. Григ. Бог. 1962; обьветъшавьшиіи Супр. Рук. 23112; срвн. объдовѣти Ефр. Корич. XII в. 80 об.). Я какъ будто не замѣтилъ ни одного случая пропуска ъ, ь у данной приставки въ вышеприведенныхъ положеніяхъ. Второй видъ разбираемой приставки, т. е. безъ ъ, ь — *об*, наблюдается исключительно передъ *р*, *л*, *н*, напр.: обръжавѣ Св. Изб. 1078 г. 818; обругание ib. 70; оброшени Мин. 1097 г. 392;—облізадухж Зогр. Ев. 1172; обложивъше Супр. Рук. 4477; облѣнихомъ ib. 13520; обленстваньѣвъша ib. 1817; обльстатъ Остр. Ев. 78а; облитый Св. Изб. 1073 г. 2101; облыгъчити Мин. 1096 г. 294; облыгаж XIII Сл. Григ. Бог. 2051;—обнищаша Син. Псалт. 67; обнаженине Супр. Рук. 9626 (и во многихъ другихъ мѣстахъ), обновитъ 26618 (то же самое); обнизиться Св. Изб. 1073 г. 944; об нощъ Зогр. Ев. 89, Асс. Ев. 631, Остр. Ев. 90а, Св. Изб. 1073 г. 1194. Пропускъ *б* и постановка ъ, ь передъ этими согласными (*р*, *л*, *н*) въ памятни-

Возможность появленія глухого въ послѣднемъ случаѣ, т. е. передъ исчезающимъ глухимъ, довольно понятна: въ такомъ положеніи могли развиваться новые глухіе, и если допускать аналогію со стороны предлоговъ съ древними конечными глухими, то она была вызвана именно фонетическимъ положеніемъ этихъ предлоговъ-приставокъ. Побудительную причину, заставлявшую писцовъ писать *з* въ первомъ случаѣ, также, по нашему мнѣнію, не трудно понять. Въ древнемъ фонетическомъ состояніи славянскихъ языковъ не было сочетаній *зз*, *зж*, *зц*, *зч*, *зш* и *з* передъ

кахъ встрѣчается очень рѣдко: а) ѡбреснѧ Мин. 1097 г; 497; — б) обьржгам XIII Сл. Григ. Бог. XI в. 2608; — о́бьнiштаго Син. Псалт. 177; обънавьити Супр. Рук. 26616; обънiшчѣ XIII Сл. Гр. Бог. XI в. 97, (вотъ и все, что я могу привести изъ своихъ отмѣтокъ, тогда какъ число ссылокъ на *об* передъ *р*, *л*, *н* и на *объ*, *обо* передъ другими согласными я могъ бы значительно увеличить). Чѣмъ объяснить такую разницу? Думаю тѣмъ, что приставка *об* передъ всѣми согласными (кромѣ *р*, *л*, *н*) ассимилировала свое *б* слѣдующему согласному и теряла его, и для того, чтобы эта приставка произносилась съ *б*, необходимъ былъ въ концѣ его ъ (срвн. сказанное объ *безъ*, *изъ* передъ беззвучными согласными и т. п.); передъ согласными же *р*, *л*, *н* ассимиляціи не происходило (въ этомъ я нѣсколько не согласенъ съ А. И. Соболевскимъ, который думаетъ, что передъ *н* была ассимиляція *б* еще въ общеславянскомъ языкѣ, см. его Фонетику стр. 122; если бы *б* было возстановленнымъ, какъ думаетъ этотъ ученый, то послѣ него писался послѣдовательнѣе ъ, ь, а съ другой стороны, случаевъ отсутствія *б* передъ *н* можно было бы отыскать побольше; но ни у него не приведено ни одного факта на это отсутствіе, ни у меня въ моихъ выпискахъ не встрѣтилось отмѣтки на это явленіе; что же касается русскаго языка, то, надо думать, издревле встрѣчающаяся въ памятникахъ ассимиляція губнаго слѣдующему *н*, напр.: оусънiшi XIII Сл. Григ. Бог. XI в. 998, погънiши Св. Изб. 1076 г. 28 об., — явленіе новаго порядка сравнительно съ данными церковно-славянскихъ памятниковъ, и, можетъ быть, стараго сравнительно съ современнымъ русск. *обнуть*), потому что сочетанія звуковъ *бр*, *бл*, *бн* были обычными въ языкѣ (братъ, блѣскъ, гыбнѫ); мало того, когда приставка присоединялась съ конечными ъ, ь, то послѣдніе легко исчезали между двумя согласными, которые могли произноситься вмѣстѣ. — Какъ предлогъ, *о* безъ конечнаго *б* обычно передъ всѣми согласными и гласными; напр.: одеснѫѭ Мар. Ев. 157; о васъ ib. 141, о чловѣцѣ Супр. Рук. 43617, о́ молитвѣ ib. 16027; — о лѣвѫѭ Св. Изб. 1078 г. 2428; о нѥ́ Супр. Рук. 13914; о лобитвѣ Мар. Ев. 211; — о имени Мар. Ев. 152. Думаю, что передъ гласными и *л*, *н*, *р* это — явленіе новаго порядка, и вышеотмѣченное об нощь и об онъ полъ Асс. Ев. 157, Остр. Ев. 16 об. считаю архаизмами сохранившимися благодаря тому, что указанныя выраженія стали нарѣчіями.

беззвучными согласными; фонетическая возможность подобныхъ сочетаній начала являться съ того момента, какъ стали изчезать глухіе ъ, ь: вълѣзъше, рѣзьца, близъка, низъходити, низъпосълати, възъпити и т. п.; съ этого момента стало являться такое *з*, которое могло стоять передъ беззвучными согласными, передъ свистящими, передъ шипящими. Этому-то новому нарождавшемуся фонетическому состоянію, явившемуся слѣдствіемъ исчезанія глухихъ, и обязано было возстановленіе у предлоговъ - приставокъ *без*, *из*, *въз*, *раз* конечнаго *з*: если бы продолжилось старое фонетическое состояніе (т. е. если бы отсутствовало сочетаніе *з* съ вышеуказанными согласными звуками), то одною психическою дѣятельностью это *з* никогда бы не возстановилось, потому что образованія по аналогіи никогда не создаются наперекоръ фонетическимъ законамъ въ данный моментъ развитія языка, а лишь въ сферѣ ихъ дѣйствія; а если иногда кажется, что образованіе по аналогіи создалось вопреки фонетическимъ законамъ, то пускай изслѣдователь подумаетъ надъ нимъ, и такое образованіе откроетъ ему глаза на то, что въ языкѣ началось дѣйствіе иныхъ фонетическихъ законовъ, и по этой аналогіи онъ опредѣлитъ сущность этихъ новыхъ фонетическихъ законовъ. (Иллюстрирую кстати свою мысль, что аналогія не можетъ дѣйствовать наперекоръ фонетикѣ языка въ данный моментъ его развитія. Я не могу себѣ представить, чтобы въ настоящее время въ русскомъ литературномъ языкѣ, которымъ говорю и *я*, форма съ звучнымъ согласнымъ могла повліять на форму, въ которой этотъ звучный согласный, превращенный въ беззвучный согласный, стоялъ на концѣ, т. е. форма въ родѣ пру*да* не можетъ повліять на форму пру*т*, потому что въ настоящее время дѣйствуетъ фонетическій законъ, по которому звуковые комплексы въ литературномъ языкѣ могутъ замыкаться лишь беззвучными согласными. Или другой примѣръ изъ того же литературнаго языка: я не могу себѣ допустить, чтобы форма съ удареннымъ *о* могла повліять этимъ *о* на форму, въ которой слогъ въ древнимъ *о* находится безъ ударенія; напр.,

рядъ формъ глагола *мочь* въ настоящемъ времени *мóжешь, мóжетъ, мóжемъ, мóжете, мóгутъ* ни-за что не повліяетъ на единственную форму *магý*, потому что фонетика современнаго языка не терпитъ неударённаго *о*). Итакъ, вліяніе со стороны сочетаній *без муки, из града* на сочетанія *бес пути, и чрьва* и т. п. явилось на фонетической почвѣ, иными словами, формы *без, из* выжили насчетъ формъ *бес, ис* благодаря вновь возникшей фонетикѣ. Писцы же, наблюдая въ своихъ оригиналахъ изображенія фонетическихъ сочетаній *зк, зх, зп, зц, зш* то безъ помощи буквы *ъ*, *ь*, то съ ихъ помощью, и здѣсь стали писать послѣ *з* букву *ъ*, (рѣже *ь*, потому что къ *ь* ихъ склоняли написанія другихъ предлоговъ). Этотъ *ъ* въ отличіе отъ *ь* въ тѣхъ же приставкахъ-предлогахъ передъ согласною съ исчезавшимъ глухимъ (бєзъ вьсѧкого) былъ равенъ *ъ* исчезавшему. Въ послѣдней догадкѣ не трудно убѣдиться изъ того, что предлоги *из, без* въ разсматриваемомъ положеніи, какъ уже было замѣчено выше, пишутся также и безъ *ъ*. Напр.:

1) Синайскій Требникъ: въꙁтрєпєщи 93, бєꙁплотьни 154;

2) Супрасльская Рукопись: бєꙁплътънꙑихъ 463_{14}; бєꙁплачьнаго 429_{18}, бєꙁпѫтънꙑѩ 289_{17}; иꙁходѧи 264_{15}; иꙁходѧштоу 289_{24}; бєꙁраꙁли|чьꙗ 223_{2}; бєꙁскръ|бънꙑѩ 285_{17}; иꙁчєꙁє 487_{8}; иꙁчаꙁаѧ 436_{7}; бєꙁчѧдънаꙗ 249_{16}; иꙁшєдъшоу 223_{1};

3) Остромирово Евангеліе: и|ꙁшьдъшє 205 в об.;

4) Свят. Изборникъ 1073 г.: ꙇ̆ꙁплѣти 144_{8};

5) XIII словъ Григ. Богослова XI в.: бєꙁ̆ ка|ковьства 276_{8}; бєꙁ по|поущєниꙗ 280_{8};

6) Ефремовская Кормчая XII в.: бєꙁ тога вола 16; бєꙁ расмотрєниꙗ 68; бєꙁ расмо|щрєниꙗ 277; бєꙁ нєго 139;

7) Златоструй XII в.: бєꙁ ка|ꙁни 45 об.; бєꙁ прѣстани 60; бєꙁ страха 61 об.; иꙁ сєбє 62 об.; иꙁ чратога 59 об.; иꙁ чрога 60 (sic.); бєꙁ чисмєнє 160 об.; раꙁчасмꙗ 12 об.; иꙁчєка|нъ 17; бєꙁчи|смєньнꙑ 21; бєꙁчисмєньнꙑима 21; раꙁчиньнъ 129 об.; иꙁ нєꙗ 22 об. 36 об., 170.

Позволю повторить свое объясненіе еще разъ: исчезновеніе глухихъ создало рядъ новыхъ фонетическихъ комбинаторныхъ состояній; благодаря этимъ новымъ состояніямъ явилась возможность проникновенія предлоговъ-приставокъ съ конечнымъ *з* на мѣсто измѣненныхъ при прежнихъ фонетическихъ условіяхъ предлоговъ-приставокъ (т. е. прежнихъ съ конечнымъ *с* или *ж* или безъ всякаго согласнаго или съ инымъ какимъ-либо согласнымъ звукомъ). На письмѣ новые предлоги-приставки начали изображаться писцами двояко такъ же, какъ изображались двояко и новыя комбинаторныя сочетанія, явившіяся вслѣдствіе исчезанія ъ, ь: или посредствомъ ъ, или безъ его посредства.

Таковы мои объясненія (ихъ два) написанія ъ послѣ *з* для большей части случаевъ ихъ (²|₃) передъ согласными. Менѣе понятно, написаніе буквы ъ передъ звучными согласными; но такихъ случаевъ сравнительно немного, всего 67; при чемъ 32 имѣютъ ъ передъ группою согласныхъ, которая и могла быть причиною возникновенія глухого въ языкѣ (такимъ образомъ, эти 32 случая могутъ быть сближены со случаями передъ согласнымъ съ исчезавшимъ глухимъ, т. е. ъ въ этихъ случаяхъ могъ быть слогообразующимъ). Остальные 35 случаевъ должны быть отнесены насчетъ малой внимательности писцовъ, благодаря которой постановка ъ явилась не по надобности. Написаніе ъ въ этихъ 35 случаяхъ совершенно однородно съ написаніемъ его послѣ *с* передъ беззвучными согласными. Таковы случаи: бе|съ ѳимиꙗна Супр. Рук. 228₂₅;—исъ твоихъ Мин. 1096 г. 93, исъ прѣчистꙑꙗ ib. 125;—исъ хлъма Сл. Григ. Бог. XI в. 196₈;—исъ | храмъ Усп. Сб. XII в. 8₃;—исъпльнима Ефрем. Кормч. XII в. 195;—исъ | породꙑ Бог. I. Дам. XII в. 153₂; расъ|пꙗтаго ib. 238₁;—бесъ|плътьнꙑма Златоструй XII в. 105.

Не надо сближать съ послѣдними случаями написаніе ъ послѣ *с* передъ *с*, *ч*, *ш*: исъшедъше Супр. Рук. 321₂₁;—исъшьствие Сл. Гр. Бог. XI в. 80₃;—бесъ сока Св. Изб. 1073 г. 132₂; бесъчи|нана ib. 170₁, бесъ чи|ноу Златоструй XII в. 115, п. ч. сочетанія *сш*, *сс*, *сч* были такъ же новы, какъ *зш*, *зс*, *зч*, и причина

постановки з въ нихъ была та же, что и въ послѣднихъ. Впрочемъ, въ Супр. Рук. часто пишется сочетаніе *сч* (однажды *сш*) безъ з: бъсчоудимъса 390_{22}, бъс чъто 388_{15}, бес чадъ 397_{8}, бесчиньнъ 398_{4}, бесчасти|ю 74_{25}, бъсшьдъшоуоу|моу 321_{11}.— Случаи съ *сш* рядомъ съ однимъ *ш* могутъ быть древняго происхожденія, а потому случаи въ родѣ исъ цр̃кве Златоструй XII в. 50 об., и|съ цр̃кве ib. при ис цьркъве 36 слѣдуетъ отнести къ случаямъ исъ передъ беззвучными согласными безъ возстановленія конечнаго согласнаго въ предлогѣ.

Такимъ образомъ, древнія формы предлоговъ-приставокъ съ конечнымъ *с*, *ж* или безъ конечнаго согласнаго (конечный согласный сливался такъ или иначе съ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова) при новыхъ возникавшихъ фонетическихъ состояніяхъ вытѣснялись формами съ конечнымъ *з*. Но вѣдь новыя фонетическія состоянія допускали и обратное вытѣсненіе. Дѣйствительно, въ памятникахъ изрѣдка (если только это не описки и не опечатки) встрѣчаемъ изслѣдуемые предлоги-приставки съ конечнымъ *с* передъ гласными и звучными согласными: бъсесказающиихъ Син. Пс. 13, бесоумень ib. 21, исъ|вѣствоуемъ Сл. Гр. Бог. XI в. 62_{2} (срвн. въ Лавр. спискѣ лѣтописи: бъсимають 48). Возможно, что встрѣчающійся въ древне-русскихъ памятникахъ предлогъ *бе* есть не болѣе, какъ отвлеченіе отъ такихъ случаевъ, какъ *бе закона* (однако срвн. лит. *bè*, который, впрочемъ, также могъ возникнуть при извѣстныхъ комбинаторныхъ сочетаніяхъ, а потомъ вытѣснить **bez*); напр.: бе грѣха Св. Изб. 1073 г. 57_{2}; бе успѣшьна XIII Сл.: Гр. Б. XI в. 190_{2}; бе крь|мьчьствованию|ниꙗ ib. 230_{1}; бегласьны Конд. XII—XIII в. Пог. № 43, 27 л. и др. Надо думать, формы съ *с* и безъ конечнаго согласнаго уступали формамъ съ *з* благодаря своей малочисленности.

§ 18. Возвратимся къ разбираемымъ предлогамъ-приставкамъ передъ неіотированными гласными. Можно-ли объяснить постановку з въ нихъ въ этомъ положеніи такимъ же образомъ, какъ передъ согласными, т. е. графическимъ отвлеченіемъ.

Очевидно нельзя: писцы не имѣли въ своей практикѣ такого *-зъ* передъ гласными, и имъ не отъ чего было отвлечь такое написаніе. Это — во-первыхъ; во-вторыхъ, передъ согласными это вызывалось тѣмъ, что вмѣсто прежнихъ формъ предлоговъ-приставокъ появлялись передъ ними другія; передъ неіотированными же гласными предлоги-приставки въ отношеніи конечной согласной оставались въ неизмѣнённомъ видѣ, такъ что не было повода мѣнять ороографіи. Въ-третьихъ, случаи постановки *з* передъ гласными являются не исключеніями изъ общаго числа, какъ передъ согласными, а правиломъ. Если проникновеніе предлоговъ-приставокъ *без*, *из* передъ беззвучные согласные (и связанное съ этимъ ороографическая постановка *з*) вызывалось фонетической возможностью (т. е. я думаю, что возстановленіе предлоговъ передъ беззвучными согласными распространилось не на всѣ случаи такого употребленія, и рядомъ существовали случаи по старому), то о случаяхъ передъ гласными приходится говорить не какъ о слѣдствіи фонетической возможности, а болѣе — какъ о слѣдствіи фонетической необходимости (т. е. я думаю, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ начальные неіотированные гласные сознавались говорящими какъ таковыми, вездѣ они вызывали передъ собою *з* въ разбираемыхъ предлогахъ-приставкахъ). Мнѣ могутъ возразить, что на дѣло можно взглянуть гораздо проще, и повторятъ, какъ и при объясненіи постановки *з* передъ беззвучными согласными и въ подобныхъ случаяхъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не болѣе, какъ съ аналогіей. Я отвѣчу: «согласенъ»; но спрошу: «съ аналогіей со стороны чего?» — «Со стороны предлоговъ-приставокъ съ древнимъ конечнымъ *з*».— «Встрѣчающихся во всякомъ положеніи?» — «Само собою разумѣется». — «Но съ этимъ, простите, я не согласенъ. И вотъ почему». Какъ можетъ вліять предлогъ-приставка своимъ конечнымъ *з* передъ однимъ согласнымъ, когда въ такомъ положеніи *з* былъ склоненъ къ исчезновенію? Срвн. уже въ древнѣйшихъ памятникахъ пропускъ *з* въ такомъ положеніи: к томоу Асс. Ев. 61, Савв. Ев. 46, к себѣ Савв. Ев. 40, 49, 50, 53, 62, к тебѣ

Супр. Рук. 299₂₈, к нимъ же 466₂₆, к немоу 530 (примѣры изъ древне-русскихъ памятниковъ см. § 9). Какъ можетъ вліять предлогъ *къ* своимъ ъ изъ такого положенія, въ которомъ ъ у него не было? Въ виду этого я и позволю себѣ ограничить «аналогію». Вліяли предлоги-приставки съ древнимъ конечнымъ ъ только изъ извѣстнаго фонетическаго положенія (т. е. аналогія шла со стороны тѣхъ случаевъ, гдѣ предлоги-приставки съ древнимъ конечнымъ ъ выживали, а выживали они тогда, когда находились передъ согласнымъ съ исчезавшимъ глухимъ и, главное, передъ неіотированными гласными — мы видѣли въ главѣ II, что первые пропуски ъ передъ неіотированными гласными относятся къ XIII — XIV вѣку, — можетъ быть, также и передъ группой согласныхъ).

Перейдемъ теперь къ опредѣленію качества ъ въ разбираемыхъ предлогахъ-приставкахъ передъ неіотированными гласными. Намъ уже извѣстно, что передъ беззвучными согласными и въ другихъ подобныхъ положеніяхъ ъ былъ равенъ исчезавшему ъ; наоборотъ, въ данномъ положеніи, по нашему мнѣнію, онъ былъ ъ—ромъ слоговымъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ того, что въ дальнѣйшей исторіи ъ въ этихъ предлогахъ-приставкахъ не отличается отъ ъ предлоговъ-приставокъ съ древнимъ ъ и переходитъ наравнѣ съ нимъ въ *о* (см. главу II, примѣры passim), а *о* являлось обычно на мѣстѣ слогового ъ. Но есть еще другое, болѣе интересное доказательство, что ъ передъ неіотированными гласными въ разбираемыхъ предлогахъ-приставкахъ составлялъ слогъ. Къ этому доказательству мы и перейдемъ.

§ 19. Дѣло въ томъ, что неіотированные гласные въ фонетическомъ положеніи, когда передъ ними проходила граница слога, требовали передъ собою развитія не спеціально одного ъ, а вообще *слога*. Въ этомъ насъ безъ труда можетъ убѣдить изученіе древнихъ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятниковъ: въ разсматриваемыхъ предлогахъ-приставкахъ, кромѣ ъ,

пишутся и другія гласныя буквы, которыя всегда бываютъ равны слоговымъ гласнымъ звукамъ.

Такъ, передъ слѣдующимъ *о* нерѣдко наблюдается *о*: безо оца Зогр. Ев. 131; изо о|блака ib. 1011;—безо оца XIII Словъ Григ. Бог. XI в. 1111; безо|осѫжденига ib. 52; изо обоѭ ib. 1152;—изо оча Мин. 1095—1097 г. 165; изоѡбрѣтоша ib. 0143; изообразилъ ib. 114;—изо олтарѧ Усп. Сб. XII в. 33; — изоѡстанеть Юрьевская грамота 1130 г.; — изо обьшта Ефр. Кормч. XII в. 22;—безоѡчьство Златоструй XII в. 191 об.; изо очесе Мил. Ев. 85 об., изо отрочинꙑ ib. 149 1). На этотъ интересный фактъ обратилъ уже вниманіе академикъ А. Соболевскій: «Впрочемъ рядомъ съ *без*, *из* мы встрѣчаемъ также *безъ*, *изъ* даже—*безо*, *изо* при слѣдующемъ *о*... (слѣдуютъ тѣ же примѣры изъ Зогр. Ев., Словъ Григ. Богослова, Мстиславовой грамоты, Успенскаго Сборника; кромѣ того: безоочьство Юрьевск. Ев. XII в.)... Здѣсь *о* едва ли изъ *ъ*, такъ какъ ассимиляція *ъ* и *о* изъ *ъо* неизвѣстна и мы постоянно читаемъ: въ оно врѣмѧ, въ отьца, къ отьцю и т. п. (не во оно...)». Общеславянскія измѣненія звуковъ. Р. Ф. В. XXII, 1889, стр. 48. Но въ своихъ лекціяхъ по церковно-славянскому языку (Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Москва. 1891, стр. 131) А. И. Соболевскій, отмѣтивъ, что *безъ*, *изъ* встрѣчаются не только передъ *о*, но вообще «почти исключительно при слѣдующемъ словѣ съ начальнымъ твердымъ гласнымъ», что не совсѣмъ точно, какъ можно видѣть изъ собраннаго нами

---

1) Спѣшу замѣтить, что хотя памятники XII—XIII вѣковъ — плохой критерій для извлеченія изъ нихъ примѣровъ на данное явленіе (уже въ XII в. встрѣчается *о* изъ *ъ* передъ неіотированными гласными: Добрилово Ев. 1164 г. Лекціи[3] акад. А. И. Соболевскаго, стр. 49, отмѣчу здѣсь кстати интересный случай изъ Ярославскаго списка Пандекта Никона Черногорца XII—XIII в.: къоѡбраженіи 24 sic!), но ни въ Ефремовской Кормчей, ни въ Милятиномъ Евангеліи я какъ будто не замѣтилъ *о* изъ *ъ* въ предлогахъ-приставкахъ. Буква *ъ* въ предлогахъ *без*, *из* въ Милятиномъ Евангеліи не рѣдка: изъ очесе 16, безъ оца 19, безъ основа|ниѧ 86;—безъ оустава 74 об., изъ оутро|бꙑ 75 об., изъоустръ 75 об.; но рядомъ, кромѣ обычныхъ исключеній: без оума 11, из оустъ 87 об., 38, 79 об., 80 об., 153, есть и другія: из очесе 16(bis).

матеріала, относительно *безо*, *изо* добавляетъ: «здѣсь *о*, вѣроятно, изъ ъ, слѣдствіе ассимиляціи ъ съ *о* (хотя мы постоянно читаемъ въ оно врѣмѧ, въ отьца, къ отьцю и т. п., а не во оно...)». На нашъ взглядъ, мнѣніе относительно *безо*, *изо*, высказанное въ первый разъ ближе къ истинѣ (см. ниже въ § 20 другое, кромѣ указанія на отсутствіе ассимиляціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ во оно и т. п., доказательство того, что это *о* — не изъ ъ).

Далѣе, передъ слѣдующимъ *а*, кромѣ ъ, могло развиваться *а*. По крайней мѣрѣ, именно такимъ образомъ слѣдуетъ объяснить видоизмѣненіе глагола *възалкати*, которое нерѣдко пишется черезъ два *а*: възаал'кати Супр. Рук. 343₂₄ (при обычномъ одномъ *а*: възал'четъ 244₂₇, възалка 345₁ и во многихъ другихъ мѣстахъ); — възаалкати въ разныхъ формахъ нѣсколько разъ въ Мар. Ев. при формахъ съ однимъ *а*; — възаалчѣ|те Св. Изб. 1073 г. 78₂, възаалъкалъ ib. 76₂; — въ|заалчѫтъ Св. Изб. 1076 г. 83 об. (срвн. еще въ памятникахъ болѣе позднихъ; въ|заалка Яросл. Ев. XIII в. 69, (48), възаалка Гал. Ев. 1266—1301 г. 47 об., 48 об., възаалкаша ib. 35 об.). Правда, эту форму можно было бы объяснить, какъ возникшую путемъ сложенія съ двумя приставками (срвн. възазрятъ Христин. Ап. XII в. 177), а форму съ однимъ *а*, какъ явившуюся путемъ стяженія двухъ *а* въ одно; но противъ такого объясненія можно возразить: 1) когда этотъ глаголъ имѣетъ нѣсколько другой видъ: възлака Зогр. Ев. 1₂, възлакаша ib. 15₁, въ|злака ib. 15₁, то спорить, одна или двѣ приставки, не приходится; неясно, почему при одномъ и томъ же значеніи одинъ разъ одна приставка, другой разъ двѣ; 2) кромѣ *а* въ разбираемомъ глаголѣ пишется и ъ(ь):възъалкати Асс. Ев. 16, възьалка 66, 89, 156, възьалкахъ 87 (и лишь 1 разъ възалкахъ; срвн. еще възъа|лка Яросл. Ев. XIII в. 68, оузъалкати Пут. Ев. XIV в. 18); послѣдній фактъ позволяетъ безъ натяжекъ провести параллель между *възалкахъ*, *възъалкахъ*, *възаалкахъ* и *изобрѣте*, *изъобрѣте* *изообрѣте*.

Мало того, памятники даютъ нѣсколько случаевъ постановки *у* передъ слѣдующимъ *у*. Сюда относятся: изоуоутра XIII Словъ Григ. Бог. XI в. 155₁, то же самое въ Словѣ Ипполита объ Антихристѣ XII—XIII в. (въ части, изданной Невоструевымъ, стр. 13), — драгоцѣнный фактъ, что двойное *оу* находится въ одной и той же формѣ, но въ разныхъ памятникахъ; — безоу|оупостаси Богосл. Іоанна Дамаскина XII вѣка 45₂ (однако срвн., хотя впрочемъ и рѣдко: по пра|вомоу 496₁); — изоу оуности Милят. Ев. 1215 г. 111 об.; — (срвн. еще соуоузаникомъ Златоструй XII в. 5 при обычномъ въ памятникахъ съоузъ, съвоузъ).

Наконецъ, однажды мнѣ удалось отмѣтить *и* передъ слѣдующимъ *и*: изи исталѣнию Путят. Мин. XI в, 47 [1]).

§ 20. Весьма характерно, что въ современныхъ славянскихъ языкахъ можно указать на отличную судьбу «глухихъ» въ предлогахъ-приставкахъ: на ихъ мѣстѣ замѣчаются рефлексы не древняго звука *ъ*, а древняго звука *о*.

---

1) Въ позднихъ памятникахъ (только галицко-волынскихъ?) двойное *и* послѣ приставокъ *из*, *вз*, *раз* обычно при сложеніи съ глаголомъ *ити*; напр.: възииде, изиидохъ, разиидутся Полик. Ев. 1307 г.; изиидоша, узииде Лук. Ев. XIV в. (впрочемъ, въ этомъ памятникѣ есть удвоенныя гласныя и въ другихъ положеніяхъ), — заимствовано изъ «Очерковъ» А. И. Соболевскаго 38, 48; въ Путенскомъ Евангеліи XIV в. двойное *ии* тоже нерѣдко: възиидѣ 20, изиидѣ 52 и др., но рядомъ есть и *ыи*: оузыидѣ 23, разъиидѣте 173, изъити 5. Впрочемъ, удвоеніе *и* замѣчается у этого глагола при сложеніи и съ другими приставками вниити, сниидѣши Пол. Ев. 1307 г., вниидоша Лук. Ев. XIV в., вниидѣ Пур. Ев. XIV в. 8, сниидѣ ib. 59 (*ыи* въ этомъ случаѣ не отмѣчено, но дважды встрѣчено *ѣ*, впрочемъ оба раза послѣ отрицанія *нѣ*: нѣ внѣидѣ 15, нѣ внѣдоша 178). Въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. удвоенное *ии* замѣчено только при приставкѣ *отъ*: отиити 45 об., отиидѣ 43 об., 101, отиидѣте 41, отиидоша 60 об.; то же самое въ Ефр. Кормчей XII в.: отиити 88 об., отиидѣ 87, отиидоуть 85 об., 221, отиидѣмъ 202 об. (при отити 79, отъити 4, 92 об.; одинъ разъ *і* даже вставлено: отиіти 249, въ Златоструѣ XII в.: отиидѣши 147 об., отиидоуть 165 об. и въ другихъ пам.; древнѣйшій случай двойного *и* въ этомъ глаголѣ мнѣ извѣстенъ въ Свят. Изб. 1073 г.: отиидѣ 185₃. Какъ объяснить это двойное *ии* я не знаю, но думаю, что объясненіе А. И. Соболевскаго: «двойное *и* могло явиться въ этихъ примѣрахъ изъ такихъ словъ, какъ приидy» («Очерки» .. 101) довольно правдоподобно, хотя и не совсѣмъ понятно, почему въ началѣ это явленіе ограничивалось только приставкой *от*-.

I. Такъ въ нѣкоторыхъ говорахъ кайкавскаго нарѣчія судьба «глухихъ» въ предлогахъ-приставкахъ *съ*, *изъ*, *разъ* (прошу обратить вниманіе, что какъ разъ это наблюдается въ разбираемыхъ въ данной главѣ предлогахъ-приставкахъ и близкомъ къ iz благодаря фонетическимъ измѣненіямъ передъ гласными и звучными согласными предлогѣ-приставкѣ s, а въ вышеупомянутомъ фонетическомъ положеніи z) иная, нежели въ другихъ положеніяхъ.

По крайней мѣрѣ г. Лукьяненко (А. И. Лукьяненко. Кайкавское нарѣчіе. Кіевск. Ун. Изв. 1904, № 12) въ главѣ «соотвѣтствіе праславянскимъ глухимъ гласнымъ» указываетъ въ Трепаревскомъ говорѣ слѣдующее явленіе: въ корняхъ и суффиксахъ наблюдается обычно звукъ *е* (чаще узкій; рѣже широкій, особенно въ корняхъ), и очень рѣдко *а* (въ словѣ *dan*) и наряду съ этимъ наблюдается «*послѣдовательная* (курсивъ нашъ) замѣна глухого въ предлогахъ *съ*, *изъ*, *разъ* чистымъ *о* независимо отъ того, стоятъ ли они самостоятельно, или же присоединяются въ качествѣ префиксовъ къ глагольнымъ формамъ: zo 'sem, su sę lepe zȍsušile,... razoznati,...» 63 (Срвн. на той же страницѣ замѣчанія: 1) «Звукъ *о* вмѣсто глухого является еще въ суффиксѣ *-ътъ* въ словѣ lakot»; 2) «На всю статью «Trebarjevo» (120 страницъ съ лишнимъ) одинъ только разъ въ предлогѣ *съ* вмѣсто глухого является звукъ *е*, а не *о*: če sę ję zè sna zdrapil 247»).

Въ другомъ говорѣ — Пригорскомъ — на мѣстѣ глухого ъ въ корняхъ обычно *е* (рѣдко *а*), въ суффиксахъ всегда *а* и далѣе: «Вмѣсто глухихъ является и здѣсь звукъ *і* въ словѣ nićve (шток. на̏ћве, ст.-сл. ньштвы, рус. ночвы) и затѣмъ въ предлогахъ префиксахъ *съ*, *изъ*: sišiti, iziznàti» стр. 62 (срвн. стр. 91—92, гдѣ говорится, что *і* въ этомъ говорѣ — рефлексъ древняго звука *о*; приведемъ лишь примѣры на предлоги-префиксы di-, pri-: dinèsti, pridati).

II. Въ малорусскомъ нарѣчіи встрѣчается изрѣдка на мѣстѣ древняго ъ звукъ *і*, рефлексъ древняго долгого *ō*, въ родѣ крівний,

дріва и др., но чаще всего это *і* является въ предлогахъ-приставкахъ въ родѣ: зібрати, зігнати, зіздати, зійти, зіпріти, зітліти (рѣже:[1]) зопясти, зотліти); — розізнавати, розізлити, розіткáти, розійтися, розісміяти (рѣже: розозлúти, роз'имчати при розімчáти, роз'играти при розіграти);— надігнати, надійти, надіслати (рѣже: надождати);—підігнути, підіймати, підірвати (въ этомъ префиксѣ, пожалуй, чаще *о*: підогнути, підождати, підорвати, підогрівати и др.);—відіпрáти, відіпхнути, відіслати (въ этомъ префиксѣ гораздо чаще *о*: відогнити, відозватися, відомстити, відоссати)[2]).

Данныя изъ этихъ двухъ нарѣчій ясно указываютъ, что конечный гласный предлоговъ-префиксовъ есть рефлексъ древняго *о*. Объясненіе этому явленію можно дать довольно простое: предлоги-приставки съ древнимъ *о* повліяли на предлоги-приставки съ древнимъ *ъ*, и вотъ результатъ этого вліянія. Но я бы не удовлетворился такимъ объясненіемъ (неясно, почему явилось такое взаимодѣйствіе?) и предложилъ бы такое объясненіе: *о* вмѣсто ожидаемаго *ъ* ведетъ свое начало отъ древнихъ формъ предлоговъ-приставокъ *без*, *из*, *раз*, *въз*, которыя фонетически развивали *о* передъ слѣдующимъ *о* (см. § 19); двойной видъ предлоговъ *без*, *из*, *раз*, *въз* то съ конечнымъ *ъ*, то съ конечнымъ *о* вызвалъ ложное чередованіе формъ у предлоговъ съ конечнымъ древнимъ *ъ* (говоры кайкавскаго нарѣчія, въ которыхъ ложное чередованіе распространилось лишь на одинъ предлогъ-префиксъ съ древнимъ конечнымъ *ъ*, стоятъ на болѣе древней стадіи развитія, нежели малорусское нарѣчіе).

Таково мое второе косвенное доказательство того, что въ встрѣчающихся въ древнѣйшихъ ц.-сл. и русскихъ памятникахъ

---

1) Замѣчанія относительно частоты употребленія того и другого вида префиксовъ сдѣланы по даннымъ Словаря Є. Желеховского.

2) Звукъ *і* въ такихъ случаяхъ, какъ візме можетъ вести свое начало изъ *о* (см. А. И. Соболевскій. Слав. префиксъ оз. Р. Ф. В. 1886, XVII 215—216).

передъ слѣдующимъ *о* формахъ предлоговъ-приставокъ съ конечнымъ *о* (*изо*, *безо*) слѣдуетъ видѣть древній звукъ *о*, а не *о* изъ *ъ*.

§ 21. Чтобы покончить съ предлогами-приставками *без*, *из*, *раз*, *вз* слѣдуетъ отмѣтить, что и передъ слѣдующими іотированными гласными въ нихъ очень послѣдовательно (даже, пожалуй, послѣдовательнѣе, чѣмъ передъ неіотированными гласными пишется *ъ*). Напр.: 1) въ предлогахъ: йзъ є|гупта Супр. Рук. 320_{12}; йзъ єгупта ib. 417_{5}, йзъ кдинѣхъ ib. 76_{26}; изъ кдинѣхъ ib. 59_{20}; безъ ꙗди ib. 547_{24} и 26; — изъ юности Остр. Ев. 111а; — изъ є|ѭпꙑта Св. Изб. 1073 г. 161_{3}; изъ ꙗ|зꙑкꙑ ib. 39_{2}, изъ ꙗмꙑ ib. 260_{3}, изъ ꙗжа|скꙑихъ ib. 260_{3}; — изъ кдема Мин. 1095 г. 0145; йзъ кгупта Мин. 1096 г. 122; (но: из кдема Мин. 1097 г. 358); — изъ єгупта XIII сл. Григ. Бог. XI в. 19, 45_{3}, 120_{3}, 207_{2}; и|з єгупта ib. 104_{1}; безъ ꙗзꙑкꙑ ib. 55_{2}; изъ ꙗзꙑка ib. 195_{1}; изъ юна ib. 157_{3} (но: ibidem из єгу|пта 273_{9}; из ємєма 266_{2}); — йзъ єсѣова Пут. Мин. XI в. 22; — безъ ꙗ|ди Бог. I. Дам. XII в. 327_{2}; безъ| естьства ib. 198_{1}; изъ кстьства ib. 496_{1}; изъ| кгупта ib. 238_{2}; — изъ кдиного Христ. Ап. XII в. 119, изъ є|гупта ib. 223; — изъ ꙗмꙑ Златоструй XII в. 167; — изъ єдиного Майск. Мин. XII в. 43 об.; — йзъ ꙗ|зꙑкꙑ Толст. Сб. XIII в. 126, йзъ кгоупта 135 об. (35, 101 об.); — послѣдовательность употребленія *ъ* передъ іотированными гласными довольно недурна: на 31 случай употребленія съ *ъ* только три случая безъ *ъ*; 2) въ приставкахъ: изъѣснашимъ Син. Требн. 97; — възъꙗрикъ Супр. Рук. 112_{17}; възаꙗрикъ ib. 164_{21}; — изаꙗстасѧ Св. Изб. 1073 г. 78_{1}; — изаꙗснилъ Мин. 1095 г. 0177; йзаꙗсни Мин. 1096 г. 213; изъꙗснилъ ib. 4, изъꙗснова ib. 138; изъꙗвлению ib. 122[1]); — изъꙗснити Ефр. Кормч. XII в. 39 об., изъꙗсни|ша ib. 40 об.; — изъꙗвлєно

1) Но *обавити* обычно: ѡбавлѣи Син. Тр. 87, обавилъ Св. Изб. 1076 г. 120а, обависѧ М. 1096 г. 280 (есть и обьꙗви Мин. 1095 г. 019).

Усп. Сб. XII в. 113;—изъıасни Златоструй XII в. 105; исключеній у этихъ глаголовъ, кромѣ ıасти, мною не встрѣчено; у глагола ıасти не наблюдается ɜ въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ видъ ѣсти (напр.: изѣ Супр. Рук. 138₂₇; — изѣдаѭтъ Остр. Ев. 115 об.; — изѣдать Св. Изб. 1073 г. 102₄, изѣстє ib. 91₁; — изѣдєна Св. Изб. 1076 г. 129 об.; изѣ|стъся XIII сл. Григ. Бог. XI в. 258₃ и во мн. другихъ мѣстахъ; случай же и|зъѣсть Златоструй XII в. 47 указываетъ на новый *j*, развившійся на русской почвѣ); послѣднее обстоятельство и указываетъ, что при отсутствіи *j* (ıасти видоизмѣнилось изъ ѣсти именно подъ вліяніемъ *j*) ɜ не былъ такъ, необходимъ, какъ при *j*, и сложеніе происходило такимъ же образомъ, какъ всегда при *изискати*, иногда при *изобрѣсти*; безъ начальнаго *j*, вѣроятно, употреблялся и глаголъ ѧти: їзѧти Зогр. Ев. 7₁, изѧлъ Св. Изб. 1073 об. 63, и т. д.[1]); сомнительнѣе възємлѭ: възємлєшї Асс. Ев. 83; възємлѭтъ Зогр. Ев. 55₂; възємлѧ XIII Сл. Григ. Бог. XI в. 26, изємлющи Мин. 1095 г. 023₅ (сомнительнѣе, потому что безъ приставокъ этотъ глаголъ пишется часто черезъ к).

Слоговому или неслоговому звуку было равенъ ɜ въ этомъ положеніи, категорически отвѣтить я не берусь. Склоняюсь къ мысли, что ɜ здѣсь былъ въ большинствѣ случаевъ (не всегда) неслоговымъ и указывалъ на особое слогодѣленіе. Однако дальнѣйшая судьба ɜ въ русскомъ языкѣ въ этомъ фонетическомъ положеніи (и древняго, и новаго, какъ нашъ) заставляетъ предполагать, что иногда онъ былъ слоговымъ передъ іотированными гласными: 1) въ памятникахъ рядомъ съ *о* передъ неіотированными гласными появляется (сперва, правда, рѣдко) *о* и

1) Впрочемъ, приставки *объ* и *отъ* къ этому глаголу присоединяются въ двоякомъ видѣ: обѧша Зогр. Ев. 89₁ и обьѧтъ ib. 136₁; нє обѧто XIII Сл. Григ. Бог. XI в. 228₁ и обьѧтиѥ ib. 175₁;—отъѧти Зогр. Ев. 81₂ и отѧти ib. 23₁; то же самое и при *ємлю:* обємлѭтъ Зогр. Ев. 93₁ и обьємлѭтъ ib. 7₂;—отъємлѥ|тъ Зогр. Ев. 116₂ и отємлѭштємоу ib. 92₁; ѿтъѥмлѥ|тє Св. Изб. 1073 г. 78₂ и ѿтємлѥ ib. 84₄.

передъ іотированными гласными (чрѣсоєстьствьна Стих. 1163 г. 49, изо єпп҃ьи Жит. Савв. Осв. 523, во языцѣхъ Лавр. сп. Лѣт. 117 и др.); 2) рядомъ съ формами въ родѣ *вообразить*, *соотвѣтствовать* литературный языкъ заимствовалъ отъ церковнаго формы въ родѣ *воедино*, *соединить*, *союзъ*, которыя по какой-то особой причинѣ были очень употребительны въ церковномъ произношеніи (срвн. *вѣрую во единаго Бога*. . . ., такъ уже въ Лавр. сп. лѣт. 109)[1]); 3) академикъ А. А. Шахматовъ вполнѣ доказалъ, что передъ ударенною гласною, имѣющею передъ собою *і* вмѣсто *j*, который употреблялся не передъ ударенными гласными, звуки *ъ*, *ь* въ общеславянскомъ языкѣ были сильными и переходили въ *ы*, *и*, откуда въ русскомъ языкѣ *о*, *е* (Къ вопросу о различеніи іота и неслогового *і* въ исторіи славянскихъ языковъ. Р. Ф. В. 1903); возможно, что и у нашихъ предлоговъ *ъ*, *ь* были первоначально лишь въ извѣстномъ положеніи (передъ ударенным гласнымъ) слоговыми, а затѣмъ уже распространились и на другія положенія[2]).

---

1) Въ литературномъ языкѣ XVIII вѣка и начала XIX вѣка еще нерѣдко употребляется народная форма *сьединить* (у Василія Майкова, у Аблесимова, у Державина, у Крылова, у Озерова, даже у Пушкина: «Вы съединить могли съ холодностью сердечной»).

2) Наконецъ, я долженъ упомянуть еще объ одной параллели, которую можно провести между дѣйствіемъ исчезавшаго глухого на предыдущій слогъ и дѣйствіемъ неіотированнаго гласнаго на предыдущій гласный (хотя объ этой параллели сообщается въ подстрочномъ примѣчаніи, но она столько же важна, сколько и предыдущія, которымъ удѣлено по особой главѣ). Такъ какъ эту параллель я достаточно подробно разбиралъ въ своихъ предшествующихъ работахъ (въ рецензіи на диссертацію С. М. Кульбакина: Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. Спб. 1903, Ж. М. Н. Пр. 1904, авг., 487—490 и въ статьѣ: Нѣсколько разъясненій по поводу статьи профессора Б. Ляпунова: «Лингвистическія замѣтки», Р. Ф. В. 1907, № 1, 108—120) и въ настоящее время пока ничего существеннаго новаго прибавить не могу, то позволю ограничиться здѣсь лишь приведеніемъ общаго вывода.

Въ вышеупомянутыхъ работахъ я старался провести параллель между переносомъ ударенія на предыдущій слогъ съ исчезавшаго глухого и переносомъ ударенія съ другихъ гласныхъ, находившихся въ фонетическомъ положеніи стать неслоговыми; такое положеніе наблюдается тогда, когда гласному непосредственно предшествуетъ другой гласный, т. е. какъ разъ то положеніе, измѣненія въ которомъ разбираются въ настоящей работѣ. При этомъ причиной переноса ударенія я выставилъ склонность глухихъ и другихъ гласныхъ въ

разбираемыхъ положеніяхъ дѣлаться неслоговыми звуками; о глухихъ же я говорилъ, что причиной переноса ударенія съ нихъ была склонность этихъ звуковъ къ исчезновенію, употребляя терминъ «исчезновеніе» въ широкомъ смыслѣ. Со мной, повидимому, не согласились относительно того, что склонность гласнаго стать неслоговымъ, а потомъ даже и исчезнуть могла быть причиной переноса ударенія (см. Р. Ф. В. 1906, № 1, статья проф. Б. Ляпунова и Ж. М. Н. Пр. 1906, дек., довольно странная по манерѣ изложенія статейка проф. С. Кульбакина: Вопросы исторической фонетики польскаго языка I—III), но меня не переубѣдили. Къ тому же, проф. Кульбакинъ, словесно ратуя противъ моего мнѣнія, на дѣлѣ въ сущности примкнулъ къ нему только, такъ сказать подъ другимъ названіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ утверждаетъ, что *переносъ ударенія съ ъ, ь не былъ слѣдствіемъ склонности къ исчезновенію глухихъ* (не исчезновенія, а склонности къ исчезновенію, см. мою рецензію на диссертацію С. М. Кульбакина, стр. 489, строка 22 сверху: «переносъ ударенія былъ обусловленъ именно склонностью глухихъ къ исчезновенію»; въ подстрочномъ же примѣчаніи на этой страницѣ у меня, дѣйствительно, есть выраженіе: «переносъ ударенія, какъ слѣдствіе этого исчезновенія», но я въ этомъ выраженіи, употребленномъ ради краткости, подъ исчезновеніемъ подразумѣвалъ, какъ это иногда дѣлаютъ и другіе, весь процессъ, въ концѣ котораго ъ, ь исчезли, а не послѣднюю стадію этого процесса, какъ совершенно произвольно мнѣ навязываетъ проф. Кульбакинъ, не желая считаться съ болѣе опредѣленными не вызывающими никакихъ сомнѣній мѣстами моей рецензіи), *а слѣдствіемъ ослабленія ъ, ь въ количественномъ отношеніи.* Очевидно, здѣсь проф. Кульбакинъ допускаетъ вторичное ослабленіе звуковъ ъ, ь (въ его диссертаціи, стр. 67, общеслав. ъ, ь во всякомъ положеніи признаются болѣе кратными звуками сравнительно съ другими гласными), и этому ослабленію, по его словамъ, подверглись ъ, ь только въ конечныхъ и срединныхъ открытыхъ слогахъ. А если это такъ, то переносъ ударенія съ глухихъ признается имъ только съ такихъ ъ, ь, которые находились въ томъ же самомъ фонетическомъ положеніи, на которое *впервые* указалъ я, потому что склонные къ исчезновенію глухіе и по моему мнѣнію находились въ конечныхъ, въ срединныхъ открытыхъ слогахъ и еще въ начальныхъ открытыхъ (послѣдняго проф. Кульбакинъ не признаетъ, но это въ данный моментъ не имѣетъ значенія); но вмѣсто моего осторожнаго описательнаго выраженія причины: «склонность глухихъ къ исчезновенію», проф. Кульбакинъ совершенно бездоказательно утверждаетъ: «причиной переноса ударенія съ ъ, ь было ослабленіе ихъ въ количественномъ отношеніи». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно счесть за истинную причину то, что одинъ разъ вызываетъ извѣстное дѣйствіе, а другой разъ не вызываетъ: когда ъ, ь стали во всякомъ *положеніи* кратче другихъ краткихъ гласныхъ, т. е. ихъ постигло ослабленіе въ количественномъ отношеніи, удареніе съ нихъ не переносилось, а другой разъ, когда новое ослабленіе въ количественномъ отношеніи (не слишкомъ ли только много ослабленій?) коснулось ихъ въ извѣстномъ положеніи, то явился переносъ ударенія?

Леонидъ Васильевъ.

Библіографическія разысканія въ заграничныхъ и русскихъ библіотекахъ.

A. Rossica.

Во время послѣднихъ моихъ заграничныхъ командировокъ (1905—1908) я нашелъ кое-что новое или малоизвѣстное, имѣющее отношеніе къ исторіи Россіи, что и сообщается здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ событій. Приношу искреннюю благодарность д-ру Георгу Герману въ Кенисбергѣ, д-ру Мартину Шлезингеру и проф. Маркграфу въ Бреславлѣ, графу Гуго Ф. Вальдердорфу въ Регенсбургѣ, д-ру Максимиліану Пфейферу въ Бамбергѣ и д-ру Георгу Лейдингеру, секретарю Мюнхенской придворной и Государственной библіотеки.

I.

Donationsbuch.

Въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія 1888 г., кн. VII, напечатана интереснѣйшая статья нашего покойнаго учителя В. Г. Васильевскаго «Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ». Графъ Гуго фонъ Вальдердорфъ[1]), предсѣдатель Историче-

---

1) Его перу принадлежитъ любопытная статья «Alte slawische Drucke auf der Kreisbibliotek zu Regensburg», Verhadlungen des historischen Vereines von Oberpfalz und Regensburg, Stadtamhof XXI (21) томъ S. 1874, 122 — 133 (о Примусѣ Труберѣ). Портретъ Трубера (оттискъ на кожѣ) сохраняется въ Кенигсбергской библіотекѣ.

скаго общества по изученію Пфальца и Регенсбурга (Historischer Verein von Oberpfalz und Regensburg), сообщилъ, что въ принадлежащей ему Donationsbuch монастыря св. Эммерана въ Регенсбургѣ упоминается о складѣ (Niederlaghaus) Регенсбургскихъ купцовъ въ Кіевѣ, гдѣ они вели значительную торговлю. Въ указанномъ мнѣ графомъ сочиненіи *Gumpelzhain'a* Regensburgs Geschichte 1830, I, 95, просмотрѣннымъ мною, упоминается лишь въ общихъ выраженіяхъ объ этой торговлѣ. Заношу эту замѣтку, такъ какъ не знаю, идетъ ли здѣсь рѣчь объ Эммеранской рукописи, изданной въ Германіи и упомянутой В. Г. Васильевскимъ.

II.

Посольство Іоанна IV къ императору Максимиліану.

Въ Мюнхенской королевской библіотекѣ въ Codex germanicus (Cgm) № 1375, p. 71—76 помѣщено описаніе посольства (Moscovitische Gesandschaft ans deutsche Reich) — князя Захарія Ивановича Бѣлозерскаго (Vieloserschi) и дьяка (Secretär) Андрея Арцыбашева къ цесарю Максимиліану въ январѣ 5084 (1576) года.

III.

Посланіе Исидора б. митрополита русскаго 1440 г. и мнимое посланіе патріарха константинопольскаго Нифонта.

Въ Ватиканской библіотекѣ, изъ сборника южно-рус. скор. XVI вѣка (cod. Slav. 12) еще въ 1891 г. я списалъ посланіе Исидора въ Холмъ, напечатанное въ книгѣ M. Harasiewicz'a Annales ecclesiae Ruthenae (уніатской) L. 1862, стр. 75—76, по Познанскому списку. Указанный тамъ отрывокъ не вошелъ въ

новое (4-е) изданіе книги *Скарги* O jedności kościoła Bożego Kraków 1885, хотя имъ пользовался при своемъ изданіи (1870) А. С. Петрушевичъ. Въ виду нѣкоторыхъ варіантовъ письма и языка помѣщаемъ его текстъ и указанія другихъ статей сборника.

(Л. 18 об.) **Листъ Исидора кардинала митрополита киеовского галицкаго и всеꙗ росиӣ писаныѣ до старосты холмъского~**

Благословение Исидора митрополита киевскаго и всеꙗ рꙋси легатоса и ѿ ребрва (sic) апостольскаго сѣдалища ляхского и литовъскаго и немецкаго въ холъмъ ѡ ст҃ѣмъ дс҃ѣ сыномъ нашого смиренꙗ старостамъ холмских и воеводах и кто коли ни ѐ таже и заказников и всим православных. Пишем вашеи м҃лти иж бил нам челом попъ вавила отъ ст҃ого Спаса ѿ столпа а сказывает что же деи ѡвидъ чынитсꙗ емꙋ велми много да и сад де церковныи ꙋ него отвирают а чымъ то іонъ в тое церкви жыветь и бога молит о всемъ хрестиꙗнстве и благословаю вашеи мастп чтовы есте ѡ томъ опекане мѣли каковы церков Божаѧ и тотъ попъ никим были не обидны и садов бы церковных ꙋ него не обирали и ничего церковного не брали занеже деи старыны тое въ церкви к попом ее ни ѿ кого обид не чынилосѧ и чтобы и ныне вашымъ ѡпеканьемъ та богомолꙗ стоꙗла с покоем а тотъ бы попъ отъ нее прочь к инои церкви не шол жыл бы тꙋто и молилъ бога никим не ѡвиженъ занеже кто обидит церковь божю тотъ самомꙋ божю законꙋ противлѧетсѧ а намъ сꙋщымъ православным хрестиꙗном ляхом и рꙋси достоит исполнꙗти божꙗ церкви и их сщенъников а не обидети есмо бы ныне дал богъ година ѡдина братꙗ хрестиꙗне латыни и рꙋсь и того ради прыимете ѿ вседержителѧ бога благдат и милост а ѿ нашого смиренꙗ блгвее и молитвꙋ. а писа лист в холмѣ м҃ца июлиа въ кз дн҃ь въ лѣт ҂зцм҃и индикта въ і.

Данный сборникъ—XVI вѣка южнорусской скорописи in 4⁰, на концѣ его надпись: 1821 notavit Michael Bobrowsky professor Vilnensis m. p.

Л. 1. **Ѡ соборе флоре^н^те^н^ско^м^ и што се деело на немъ и ѡ Исидоре митрополите взято с кронникъ московъскихъ.**

Нач. **Въ лѣто ҂ѕц҃мѕ а отъ рожд. хв҃а ҂ау҃ли в лета же и во дни великаго кнѧзѧ васильѧ васильевичѧ всеѧ руси пришедшу нѣкогда исидору митрополиту на рускꙋю землю на второи недели по велице дне и тако ему добре почтену бывшу ѡ всѣхъ... онъ же сии по малех днех своего пришествиѧ начатъ дерзновенно потщашисѧ...**

Кон. **Єгда же прїиде исидоровъ ꙋченикъ григореи въ митрополитех въ литовскую землю. андрею же королеви полскому брату... а вторыи въ киевѣ.**

Л. 14 об. Слово о перенесеніи мощей святителя Николая.

Взѧто зъ соборъниковъ словеньски^х^.

Нач. **Присно убо должни есмы братие.**

Л. 18 об.—19.—Посланіе Исидора, выше напечатанное.

Л. 23. **Посольство до папежа Римского сикъскта** (sic) **четвертаго ѡ дꙋховеньства и кнѧжат и панов рускїх з вилни року ҂ад҃оѕ** (1476) **мца марта д҃і днѧ черезъ пословъ...** *Нач.* **В лѣта божею нарожденеѧ ҂ахе въ середу мц҃а їюлѧ 15 д. бурмистры и радцы...** Подписались: Мисаилъ Смоленскій, Іоаннъ арх. Кіевопечерской, Макарій арх. Святотроицкій, Михаилъ братъ королевскій. Писано 14 марта 1476 г. Посланіе это, впервые напечатанное Ипатіемъ Поцѣемъ (Макарій IX, 45), перепечатано А. С. Петрушевичемъ въ 1870 г.

Л. 55. Исторія о листрыкійскомъ соборѣ.

Нач. **Кгды высокаго неба.**

Л. 82. **Мц҃а деврꙋарїа во д҃і жытѐ бл҃жнаго учителѧ нашего Кѵрила.**

Нач. **Богъ милостивыи и щедрыи.**

Л. 106. **Мц҃а їюлѧ въ к҃д дн҃ь страсть ст҃ꙋю стрт҃рпцꙋ хвꙋ Бориса и Глѣба.**

Нач. Родъ праведныхъ благословится.

Л. 118. **Григориѧ архїепископа Росискаго слово похвално ст҃ымъ верьхокнымъ апостоломъ петрꙋ и павълоу.**

Нач. Восиꙗша намъ светила великаꙗ и незаходимаꙗ церковь веселѧщаꙗ и вселенную просвещающа.

Л. 136. Privilegium Vladislai regis Poloniae Ruthenis unitis datum anno 1443.

Нач. Quod dum in mente etc. cfr. Harasiewicz p. 78.

Л. 139. Посланіе Нифонта Константинопольскаго Іосифу Кіевскому 1492 (=1500?).

Митрополитъ Макарій (Ц. Р. Ц. IX, стр. 90—94) подробно разбираетъ грамоту, даетъ ея переводъ съ польскаго изданія 1632 года и доказываетъ ея подложность. На западѣ, конечно, ее признаютъ подлинной.

Lequien въ Oriens christianus I, p. 318 указываетъ при біографіи Нифонта на это посланіе съ датой 5 апр. 1493 quas latine recitat Raynaldus ad annum 1486, но православные смотрятъ иначе. М. Γεδεὼν въ своихъ Πατριαρχικοὶ πίνακες K. 1885, p. 492—493 излагаетъ вторую часть біографіи Нифонта (за время 1497 — 1498), но ни слова объ этомъ посланіи не говоритъ, тоже Σάθας въ Μεσαιωνίκη βιβλιοθήκη t. III, p. 27.

Іосифъ Болгариновичъ избранъ митрополитомъ въ 1498 г. Кульчинскій называетъ его strenuus promotor Unionis (Specimen ecclesiae Ruthenae P. 1859, p. 125), но Нифонтъ, судя по Гедеону, вовсе не былъ склоненъ къ уніи и за святую жизнь († 1508 въ лаврѣ Діонисія на Аѳонѣ) даже канонизованъ. Жизнеописаніе его составлено протопопомъ Гавріиломъ и издано въ Аѳинахъ 1863 (Γεδεὼν Ἄθως K. 1881, p. 209).

Niphon misericordia Dei archieppus Constantinopolis novae Romae et oecumenicus patriarcha piissimo et Deo amantissimo Iosepho Soltan[1]) comministro metropolitae Kiowiae et totius Russiae in Domino salutem.

---

1) Фамилія написана неясно Sult... Іосифъ Болгариновичъ, а не Солтанъ, избранъ въ 1498 году, и здѣсь годъ грамоты 7000=1500: въ латинской церкви вычли (при поддѣлкѣ) не 5508, а только 5500, Іосифъ Солтанъ нареченъ митрополитомъ лишь въ 1507 г.

Accipemus a tua claritate missas nostrae mediocritati litteras, in quibus S.s. Romanae ecclesiae in Russia et Lithuania degentes episcopos molestos vobis esse et ad unionem factam Florentiae vos cogere... periculum non exiguum esse dicis amissionis privilegionem vitam et libertatem quaeque propter eam factam unionem et concordiam a regibus Poloniae vobis donatae sunt. Petis vero a nostra mediocritate manum auxilitricem et comendacitias litterales ad potentem vestrum Regem, ad haec desideras scire de illa Synodo, quo modo se habuerit ut rationem possis reddere iis, qui vobis molesti sunt et vos vehementer urgent. Notum ergo sit vobis quod illa Synodus fuit et praeclara et splendide plausu communi approbata idque praesente illustrissimo rege nostro Ioanne Paleologo et sanctissimo patriarcha Constantinopolitano beatae memoriae Iosepho qui non multoque nos antecessit, praesentibus quoque vicariis fratrum nostrorum Patriarcharum et reliquis Archiepiscopis et Principibus qui Orientalem ecclesiam praesentabant, praeterea et praesente cum suis Romano episcopo. Attamen plerique nostri generis qui domi manserant eam (unionem) amplecti noluerunt fortasse propter odium in latinos; turba vero apud nos viget et confusio et nobis concreditae oves (л. 140—идетъ другой почеркъ) nos qui praesumus regere cogitant, quibus resistere non possumus et quis scit an non ita acerbe punivit eo dieque punit nos Deus quod cum nostri sacram Unionem non recepissent, auxiliaribus copiis privati sumus et ad praesens Latini non solum nullas suppertias mittunt sed etiam valde inimici sunt. Ideo neque mirum si et vobis negotium facessunt. Sed tua claritas non parvum praetextum et excusionem habebit si dicat absque sententia Constantinopolitani tui videlicet Patriarchi se nil posse agere. Nos vero revera quantumvis licet vellemus nequacquam agere eorum quorum opera pretium est. Non ergo nos. ... accuset sed commiseratione nostrorum malorum moti Deum nobis propitium reddant ut servitute liberati iterque in unionem veniamus Dei gratia. Tua vero pietas nullatenus nimis repugnet sed amice conversetur siquidem et nos nostrisque

insulis stantibus sacerdotibus sub illustrissimo senatu Venetorum cum latinis supplicationes et festivitates celebrare concessimus ut patriam Religionem et aliam omnem ecclesiasticam observantiam Orientalis ecclesiae accurate conservent neque majores nostri Florentiae prius Latinis uniti sunt quam nostra (fides?) progatium immotum maneret et conservaretur. Habes vero non paucos principes spirituales filios in universa Russia et Lithuania qui Graecam ecclesiam in honore habent et nostram mediocritatem sincere venerantur ad quos dedimus mandata et litteras ut tuam pietatem serenissimo Regi commendent et nostram libertatem tueantur. Anno septem millesimo mensis aprilis undecima currente indictione.

IV.

Бареццо Барецци о Лжедмитріи.

Въ Бреславльской университетской библіотекѣ подъ № IV Q. 146а съ помѣткой Vaissière de la Crose 1714 сохраняется сборникъ рукописныхъ статей — копій XVIII вѣка, повидимому составленный какимъ то полемистомъ противъ іезуитовъ. Послѣ статьи Historia Hispaniae scripta a Rasi Muhammedano Berolini 1714 помѣщенъ списокъ анонимнаго итальянскаго сочиненія «Relazione della segnalatissima couguista del paterno imperio consequita da Demetrio Gran Duca di Moscovia in questo anno 1605», занимающій 34 страницы. Владѣлецъ сборника высказалъ вполнѣ справедливую догадку о тожествѣ этого сочиненія съ сочиненіемъ Barezzo Bauezzi, котораго у него не было подъ руками. Сравнивъ текстъ его съ текстомъ, напечатаннымъ кн. М. А. Оболенскимъ въ IV выпускѣ Иностранныхъ сочиненій и актовъ, относящихся до Россіи, М. 1848, я убѣдился въ ихъ тожествѣ. Въ началѣ листа помѣщено слѣдующее любопытное

предисловіе: In libello typis edito Venetiis ut videtur (nam locus non est adscriptus anno MDCVI), cui titulus est Due discorsi sopra la liberta Ecclesiastica di Giovan Simone Sardi Venetiano in secunda illius libelli parte addita est epistola quaedam ad Antonium Possevinum Lojolitam cum hac inscriptione: Condoglienza di Stanislao Przvouski Lublinensi studente in Padova col padre Antonio Possevino Giesuita. Ibi fraus suppositi illius Demetrii tribuitur jesuitis his verbis pag. 33—34: Se anco costui [Demetrio] era stato falsamente notrito, introdotto e surrogato a cosi fatto imperio, e che tutto cio sia stato bramato cosi di longa mano de voi altri padri novelli Apostoli, che volete propagare la religione christiana, non con la simplicita delle publiche predicationi, ma con le secrete e furtive trattationi di acquisti, anzi di souversioni di popoli e di regni etc. Multa alia de eodem argumento ibidem legi possunt. Manifestum mihi videtur sequentis narrationis auctorem esse Loiolitam[1]). In catalogo librorum Gustavi Schroederi publice venditorum Altonae a. d. 1724 inter libros in 12° pag 775 numero 1779 (est) Bareze Barezi Discours de la conqueste faite par le jeune Demetrius grand Duc de Moscovie du sceptre de son père avenue en l'an 1605 à Paris 1605. Ejusdem Barezzi alius liber occurrit in Catalogo bibliotecae Thuanae, parte 2 italice scriptus ad grammaticum spectans. Въ текстѣ (стр. 29) противъ словъ Iddio e l'orationi dei nostri padri (т. е. іезуитовъ) hanno sottoposto i cori dei inemici (ср. Оболенскаго, стр. 14) помѣщена замѣтка «cioe le orazioni delli Jiesuiti (таковы бываютъ рѣчи іезуитовъ). Въ концѣ еще наиболѣе любопытная приписка: «Descripsi ex msto (manuscripto) codice qui videtur autographus et eodem anno 1605 scriptus ex

1) Ciampi и Аделунгъ (*Adelung* Kritisch-literärishe Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700 Spb, 1846, II, p. 172 и I, 321) считаютъ авторомъ реляціи съ именемъ Бареццо Поссевина, съ чѣмъ соглашается и князь Оболенскій, l. c., p. IV. и о П. Пирлингъ (Изъ смутнаго времени, Спб. 1902, стр. 206). У послѣдняго и общая оцѣнка свѣдѣній Б. Барецци.

collectione manuscriptorum Italicorum, qui ex bibliotheca Christinae reginae transierunt in bibliothecam Berolinensen mense Julio anno 1714» и далѣе по поводу конечныхъ словъ о предстоящихъ свадьбахъ Димитрія и польскаго короля и грядущемъ распространеніи католицизма: Nesciebat hujus historiae scriptor quinam funestissimi eventus brevi consecuturi erant ipso earum nuptiarum die, quibus tantas ipse spes posuisse videtur:

Nescia mens hominum fati sortisque futurae.

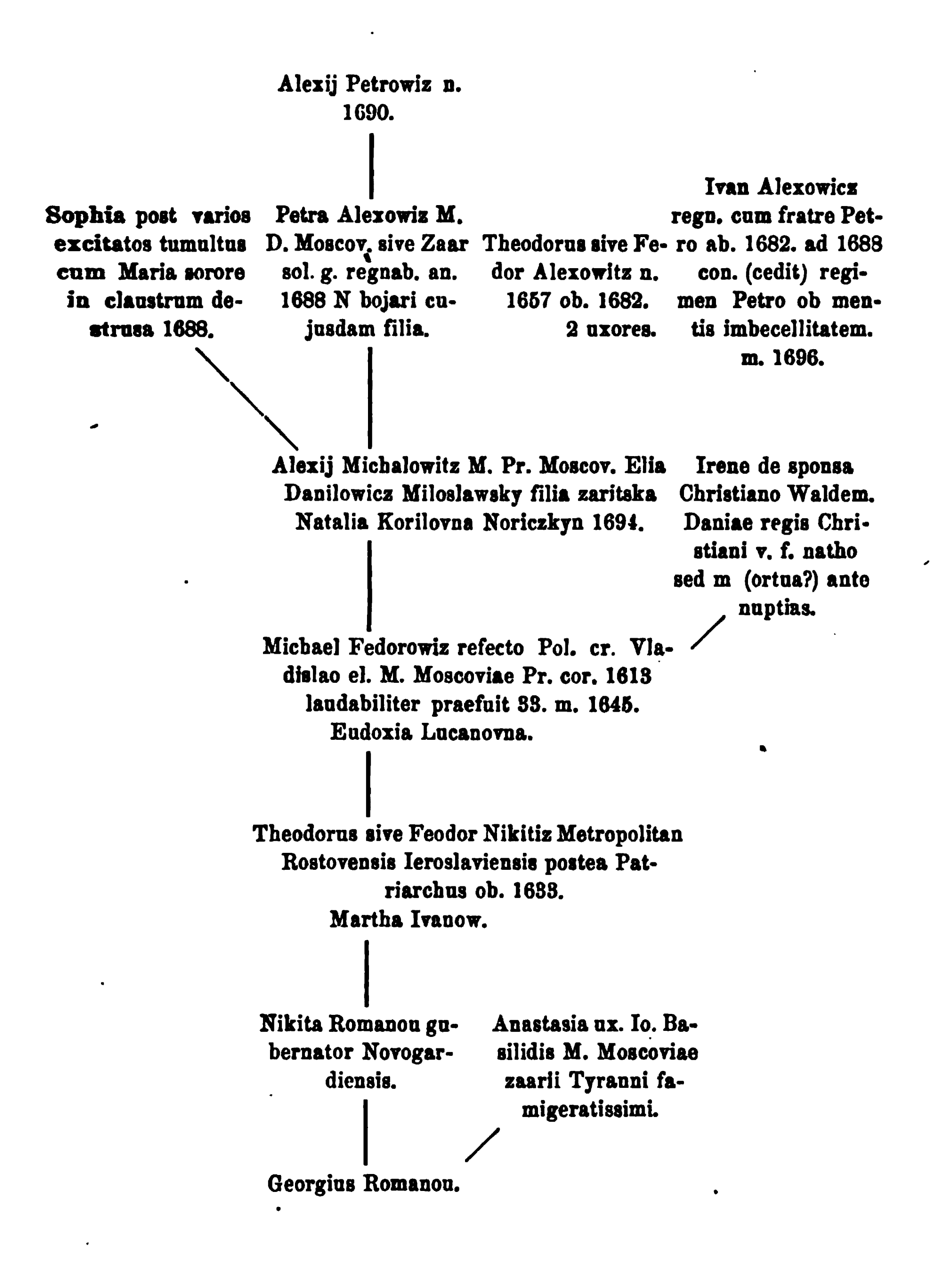
V.

Родословіе Романовыхъ.

Въ Бамбергской библіотекѣ (каталогъ Leitschuh I, 2 p. 134) сохраняется латинская рукопись формата pt. in f° конца XVII—начала XVIII вѣка (Ms. hist. 8) подъ заглавіемъ Genealogia plurimorum regum, principum et comitum. Она начинается съ генеалогіи Меровинговъ. На стр. 83 помѣщены *Magni Principes Moscovia*, и ихъ родословное древо въ видѣ ствола дерева, съ широкой растушевкой и четырехугольными рамками для именъ. Схожая родословная находится въ итальянской рукописи іезуита Federigo Burlamacchi «Genealogie des czaar bis 1722» (Мюнхен. кор. библ. cod. it. 100, 54 (982). Е. Ф. Шмурло въ своемъ Отчетѣ о двухъ командировкахъ. Юрьевъ, 1895, стр. 113 указываетъ болѣе подробную Genealogia principum 1720 г. въ Biblioteca Angelica въ Римѣ.

---

1) Оболенскій указываетъ латинскій и испанскій переводы, но французскаго не знаетъ.


Alexij Petrowiz n.
1690.
Sophia post varios excitatos tumultus cum Maria sorore in claustrum destrusa 1688.
Petra Alexowiz M. D. Moscov. sive Zaar sol. g. regnab. an. 1688 N bojari cujusdam filia.
Theodorus sive Fedor Alexowitz n. 1657 ob. 1682. 2 uxores.
Ivan Alexowicz regn. cum fratre Petro ab. 1682. ad 1688 con. (cedit) regimen Petro ob mentis imbecellitatem. m. 1696.
Alexij Michalowitz M. Pr. Moscov. Elia Danilowicz Miloslawsky filia zaritska Natalia Korilovna Noriczkyn 1694.
Irene de sponsa Christiano Waldem. Daniae regis Christiani v. f. natho sed m (ortua?) ante nuptias.
Michael Fedorowiz refecto Pol. cr. Vladislao el. M. Moscoviae Pr. cor. 1613 laudabiliter praefuit 33. m. 1645.
Eudoxia Lucanovna.
Theodorus sive Feodor Nikitiz Metropolitan Rostovensis Ieroslaviensis postea Patriarchus ob. 1633.
Martha Ivanow.
Nikita Romanou gubernator Novogardiensis.
Anastasia ux. Io. Basilidis M. Moscoviae zaarii Tyranni famigeratissimi.
Georgius Romanou.

VI.

Грамота царей Іоанна и Петра королю французскому Людовику XIV объ Андрусовскомъ мирѣ 1686 г.

Въ Берлинской королевской библіотекѣ среди рукописей Фарнгагена фонъ Энзе находится копія латинской грамоты царей Іоанна и Петра Алексѣевичей 1686 года къ французскому королю Людовику XIV съ извѣщеніемъ о заключеніи мира и союза съ Польшей. Копія написана въ листъ затѣйливымъ почеркомъ и передана Фарнгагену женой извѣстнаго оріенталиста Гельминой Chezy—при ней цѣлый коментарій самого Фарнгагена. Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ посылку грамоты, смотри Соловьева XIV, I, въ книгѣ П. В. Безобразова «О сношеніяхъ Россіи съ Франціей М. 1892, стр. 28—29», и статейку П. А. Матвѣева въ Историческомъ Вѣстникѣ 1891, № 4, стр. 143—171. О нашей грамотѣ въ этихъ работахъ не упоминается. Нѣтъ ея ни въ XXXIV т. сборника истор. общ., ни въ Recueil des instructions aux ambassadeurs de France Rambaud t. VIII и IX, P. 1890.

Dei omnipotentis in omnibus omnia efficientis ubique existentis nec non omnia adimplentis solamen et bonum omnibus mortalibus exhibentis Creatoris Nostri in Trinitate glorificati potentia et actu arbitrioque ac bona voluntate roborantis nos ac confirmantis potestate Sua omnipotenti electum Sceptrum in Orthodoxia in gubernatione Magni Rossiae Imperii nec non multis cum subingentibus abundantibus Dominiis atavorum successione et Dominatione pacifice imperare ac conservare in secula.

NOS

Serenissimi et potentissimi Magni Domini et Magni Duces *Johannes Alexievicz Petrus Alexievicz* Totius Magnae et Parvae et Albae Rossiae Autocratores Moscoviae, Kioviae Wladimiriae

Novogardiae, Czares Casaniae, Czares Astrachaniae, Czares Siberiae, Dn̄i Plescoviae et Magni duces Smolensci Tveriae Juguriae Permiae Wiatciae Bulgariae et aliorum Dni et Magni Duces Novogardiae inferioris terrae Tzernichoviae Resaniae Rostoviae Jaroslaviae Beloozeriae Udoriae Obdiniae Condiniae et totius septentrionalis orae, Imperatores Domini et Iveriensis Terrae Cartalinensium et Grusinensium Regum et Cabardiniensis Terrae Cercassorum et Montanorum Ducum aliorumque multorum dominiorum et Occidentalium et Septentrionalium Paterni Avitique Haeredes et Successores et Dn̄i et Dominatores.

Serenissimo et potentissimo Magno Domino Fratri Nostro LVDOVICO BORBONIO DECIMO QVARTO Dei gratia Regi Galliae et Navarrae etc. Vestrae Regiae Majestatis Nostrae Czareae Mt̄tis fraterna charissima salutatio.

Hodierno centesimo nonagesimo quarto anno 15 Februarii ad nos Magnos Dn̄os Nostrum Czaream Mt̄tem misit Regia Mt̄s Poloniae cum suis Regiae Mt̄tis litteris magnos et plenipotentionarios legatos suos ex comitiis assignatos ac ex Senatu Christophorum Grzimoltowskij Palatinum Posnaniensem, et Martianum Alexandrum Ducem de Kozelsko Oginscium cancellarium magnum Magni ducatus Lithuaniae ex Consistorio Legatorio ex magna Polonia Alexandrum Puçiemskium vicedapiferum Regni Poloniae ex parva Polonia Alexandrum Joannem Potockium vicecastellanum Cameneciensem, ex magno ducatu Lithuania Nicolaum Principem de Kozelsko Oginscium ensiferum Magni Ducatus Lituaniae qui existentes in aula Nostrae Czareae Mt̄tis et post dimissionem coram Nobis Magnis Dn̄is Nostra Czarea Mt̄s secundum morem legationis suae post hac in tractatibus, secundum traditum a sua Regia Mt̄te ac tota Republica pleni potentia Nostrae Czareae Mt̄tis intimo Bojaroni Principi Basilio Basilidi Golicino Imperialis Magni Sigilli et Imperalium Magnorum negotiorum Legationum custodi et Locumtenenti Novogardiensi, cum collegis proposuerunt quod Nobiscum Magnis Dn̄is cum Nostra Czarea Mt̄te Magnis Dnis Sua Mt̄s Rex Poloniae

exoptat in fraterna amicitia amoreque esse magis quam antea faccreque aeternam pacem et foedus repulsionis causa ab integra Christianitate communes hostes ac pro assecuratione pro absolutaque confirmatione hujus Deo placiti totaeque Christianitati necessariae rei tradiderunt ipsis Nostrae Czareae Mttis intimis Bojaronibus *Vestras Fratris Nostri Vestrae Regiae Mttis ad nos magnos Dnos Nostram Czaream Mtem scriptas amicabiles literas in quibus scriptum*, *notum* factum est, V. R. M. de missione ad nos M. D. Nostram C. M. a sua R. M. et Reguo Poloniae extraordinarios legatos constitutionis causa bonae et perfectae intelligentiae hac occasione certificatis quod vobis Fratri Nostro M. D. V. R. M-i maxime acceptabile Foedus amicitiaque optime confirmata cum N. C. M. et nominato Rege et Regno Poloniae ut perfecte constituatur bono cum favore et honore V. R. M. Nobis M. D. communiter vel ubi ipsemet V. R. M-s in omnibus rebus tranquilitatem bonum in usum Christianitatis ac Nobis M. D. N. C. M-i secundum V. R. M. amicabiles litteras imofuit(?) et Nos M. D. N. C. M. S. bonum illum amicabilem favorem recipientes gratè in amicitiam Vobiscumque Fratre Nostro M. D. cum Vestra R. M. in amicitia et amore amicabilibusque correspondentiis exoptamus esse magis quam ante hac. Hisceque M. D. N. C. M. amicabilibus literis notum facimus Vobis F. N. M. D. V. R. M. amicabiliter quod nos Magni D. N. C. M. secundum Fraternam amicitiam amoremque exoptationem sic V. R. M-i quam et suae M-is Regis Poloniae Reipublicae Poloniae, propterque integritatem totius Christianitatis ab ea Deo et totae Christianitati necessaria beneque incepta re non reverentes sed vere ad celerem conclusionem perducere exoptantes, mandavimus illis nostris C. M-s supranominatis intimis Bojaronibus cum illis suae R. M—is legatis tractare constituereque non reponentes rem illam ultra, auxilioque Dei secundum nostrum M. D. N. C. M. mandatum supranominati N. C. M. intimi Bojarones cum illis sua Regiae M—is magnis et plenipotentiariis legatis aeternam et sanctam Pacem foedusque ad communem inimicum unanimiter concluse-

runt, confirmarunt constitueruntque ut sit inter Nos M. D. N. C. M. ejusque M—em Regem. Poloniae ac Nostros amborum Magnorum D-orum Haeredes in posterum futuros Magnos Dños Czares et Magnos Duces Rossiae et Magnos Dominos Reges Poloniae Magnosque Duces Lithuaniae Nostra Regia Fraterna amicitia amorque ac inter Nostros amborum M—m a Domino Deo Nobis concreditis Imperiis et Terris Civitatibusque ac inter subditos omnis generis Hominibus ambarum partium omniumque Officiorum Reipublicae, ambarum Nationum Regni Poloniae et Ducatus Lithuaniae Spiritualibus et Saecularibus aeternae paci Christianae et foederi renovatae constanti firmae et verae amicitiae bonaeque confidentiae in aeternum incorruptibilis, ac propter perfectiossimam intelligentiam ad vos Fratrem Nostrum M. D. V. R. M. volumus Nos M. D. N. C. M—s mittere ablegatos Nostros qui certe perfecteque nominatam rem significabunt et Nostram M. D-um Fraternam amicitiam amoremque Vobis Fratri Nostro M. D. V. R. M. praeponendi et notificandi causa cum supra nominato concluso fidei confirmato tractatu illi suae R. M—is magni et plenipotentiarii Legati ex Nostra Imperiali Magna Urbe Moscovia ad ejus Regiam Mttem dimissi. Hâcque notiticatione Nos M. D. N. C. M. Vobis Fratri Nostro M. D. W. R. M—i optamus à Dno Deo longaevam sanitatem et foelicem in Dominiis Vestris successum regimenque cum augmento. Data Imperii Nostri in Aula Imperiali Magna Urbe Moscovia a Condito Orbe 7194 dil 5 mensis Mai Dominationi nostrae quarto anno.

Посольство было отправлено въ 1687 году: Яковъ Ѳ. Долгорукій и князь Яковъ Мышецкой. Предложеніе союза противъ султана постигла полная неудача: оно обнаружило явное незнаніе тогдашняго политическаго положенія Франціи.

VII.

„Пункты о Петергофѣ“ Петра Великаго.

Въ Мюнхенской королевской библіотекѣ сохраняется въ витринѣ наклеенный на холстъ рукописный листъ съ собственноручною подписью Петра Великаго (Cimelien 379ᵃ). Подаренъ онъ въ библіотеку д. с. с. Карломъ ф. Миллеръ 2 сентября 1857 года, снабженъ нѣмецкимъ переводомъ (Hausordnung für das Lustschloss Peterhoff) и примѣчаніемъ: «этотъ приказъ былъ помѣщенъ въ каждой комнатѣ на стѣнѣ въ Петергофѣ». Напечатанъ, но не вполнѣ точно С. В. Арсеньевымъ въ Русскомъ Архивѣ 1906 (августъ). Печатаемъ, сохраняя орѳографію подлинника.

Пꙋнкты о Питергодѣ.

1) Никто не имѣетъ ѣхать в компанїи или послѣ комꙋ нꙋмеръ постѣли не данъ бꙋдетъ развѣ с такимъ дѣло^{х} которое времѧни не терпитъ.

2) Людеи своих которые въ пѧти класа^{х} болѣе не должен взѧть какъ одногѡ а которые ниже никакого слꙋжителѧ.

3) Комꙋ дана бꙋде^{т} карта съ нꙋмеро^{м} постѣли то^{т} тꙋтъ спать имѣетъ не переносѧ постѣли ниже дрꙋгомꙋ дать или о^{т} дрꙋго^{м} постѣли что взѧть.

4) Не разꙋвсѧ съ сапогами или башмаками не ложитца на постѣли.

5) Равнымже ѡбразом по семꙋ и съ мхтою постꙋпать во всемъ.

Пе^{т}ръ.

VIII.

Неизвѣстный мемуаристъ — итальянецъ Петровской эпохи и отрывокъ русской пѣсни.

Сочиненіе Филиппа Балатри носитъ замысловатое заглавіе: «Frutti del mondo esperimentati da F. B. nativo dell Alfea in Toscano» и окончено, какъ видно изъ посвященія, въ Мюнхенѣ 25 августа 1735 года (Monaco di Bavra a 25 d'Ogosto Settec-to trentacinque). Рукопись представляетъ два тома (I — 165 листовъ и II—178) in 4°, оба въ кожаныхъ переплетахъ, и сохраняется въ Мюнхенской королевской библіотекѣ подъ № 39 (663). Сочиненіе написано въ стихахъ довольно однообразныхъ и посвящено «Sior Mondo, mio padrone colendissimo» съ эпиграфомъ Vanitas vanitatum et omnia vanitas.

Canto, fralli soprani, il Capitano
Che musica porta me in stranieri parti
E canto sol per bene rimostrate
A tutti qual tu siei, o Mondo, insano... (л. 4) [1])

Родители Ф. Балатри жили въ Пизѣ и были живы во время его путешествія въ Москву; упоминаетъ онъ и о своемъ братѣ (во II томѣ). Балатри былъ пѣвецъ (кастратъ) и музыкантъ и отправился въ Московію по приглашенію посла князя Голицына.

Il mio sovrano naturale
Mi chi edesse e per grazia al genitore
Per mandarmi in Moscovia et vi per ore
Sbalzato son fine nel settentrionale (I, 8).

Царь Петръ, разсказываетъ Балатри, разослалъ своихъ вельможъ по всей Европѣ, чтобъ набирать ученыхъ и художниковъ для Московіи.

---

1) Вездѣ соблюдается ороографія подлинника.

Pietro gran Zar che regna sullo scita
La Moscovia s'invoglia fecondare
Di scienze e di bell' arti et fa cercare
..... ch'ui quelle bene sii instruiti
... fuor dal su Impero le piu grandi
Con ordine.... vuole c'ognun di loro
Un professore conduca a Mosco..
Fra gli altri dei musici e m'incarra
il principe Galitzin (I, 8 об. — 10 л.).

На родинѣ Балатри смущали разными толками о Москвѣ, и дѣйствительно его приняли не особенно дружелюбно, особенно въ виду того, что онъ былъ иновѣрецъ-католикъ и осыпали его ругательствами.

Главные его преслѣдователи были молодые спальничіе: paggi — spalnichchi nominati e sono si insolente e indominati (л. 16). Но на ихъ выходки Балатри научился отвѣчать той же руганью.

Se mi dicono pagano — dico: schismatici
Se musulman (въ другомъ мѣстѣ busurman)
ed io rispondo: eretici (л. 17 об.).

Желая угодить Козьмѣ, великому герцогу Флорентійскому, присылкою Калмыковъ, царь Петръ посылаетъ за ними къ хану цѣлое посольство и въ томъ числѣ и нашего автора.

.........Il zar deve mandare
Un suo ambasciadore in Tarteria
Al gran Kamm ch'impera a genteria.

Путь показался Балатри очень суровымъ, ему приходится вести солдатскій образъ жизни, ѣздить верхомъ, питаться чѣмъ попало (л. 20—24 об.). Далѣе идетъ краткое описаніе ханства: особенно поражаетъ Балатри сидѣніе на корточкахъ. По приказу посла, Балатри поетъ предъ ханомъ иногда просто безсмыслен-

ный наборъ словъ (л. 30 об.). Его угощаютъ бараниной, дарятъ барановъ и узнавъ, что онъ кастратъ, представляютъ его ханшѣ и заставляютъ пѣть и предъ нею. Хану онъ такъ понравился, что тотъ предложилъ послу, какъ любителю лошадей, продать ему пѣвца за любую лошадь. Балатри испугался, но посолъ заявилъ, что христіанъ продавать нельзя (л. 34 об.). По возвращеніи въ Москву, по дорогѣ онъ впервые увидѣлъ Мордву. Балатри поселяется въ домѣ Голицына. Самъ князь (П. А. Голицынъ) и княгиня любятъ Филипушку (Filippuscka л. 76, 78), но челядь постоянно его преслѣдуетъ (53).

Un Bussurman damnato et un pogano
Un Pios (песъ) un Friga (фига?) et un Ie...vamatte
Un che non puo lenar le lor ciabbatte
Un Cuassich (?) un Duracc et un Ruffano (л. 53 об.).

Тѣмъ не менѣе Балатри имѣетъ ежедневный входъ ко двору и жалуется царю на свое горе и на спальниковъ.

In fin ecco mi porto ben in ordine
Per andar alla corte del sovrano
Ecco mi giunto gia baccio la mano
E gia il sorprende l'aspermi, miei disordine (57 об.—58).

Живется ему не дурно:

Canto dunque n'quel giorno e vo scherzando
Tanto quant'il rispetto mio permette
Mangio ben, bevo neglio e dieci sete
Ore cola misto buffoneggiondo.

У Голицыныхъ его защищаетъ сама княгиня (Baarina vuol dire una Matrona 59).

Далѣе идетъ романъ Балатри съ Анной, дочерью англійскаго купца кальвиниста въ московской нѣмецкой слободѣ, — особой, которой какъ шахматисткой интересуется и самъ царь, любящій шахматы.

un grazziosa verginella
Figlia d'un gran mercante calvinista
Qual del Inglesi in Mosco stanne in lista
Ed e stimata e detta l'Anna bella
E tanto bella che sorpassa Venere
. . . .
Or com il zar e amante del bel giuoco
Dei scacchi ed ella a gioca a perfezzione. (л. 62 об.).

Его отношенія съ Анной пытается разстроить какая-то старуха, желающая познакомить его съ другой дѣвицей.

На свадьбѣ въ одномъ домѣ, гдѣ былъ и царь, она заперла Балатри въ одной комнатѣ съ другой дѣвицей и тѣмъ возбудила ревность Анны (63—78, 83 об.).

Spessoli si trova in sua conversazione
Mivi conduce e imme s'accend' il fuoco

Балатри, ничего не подозрѣвая, переносилъ холодность Анны и продолжаетъ придворную жизнь.

Comincio a ritornare qual primiero
Et andari divertando il mio Monarco
. . . .
Canto, mangio, raconto scherzo e goco
E torno l'alma del trattimento (73).

Чрезъ нѣсколько времени, Балатри благополучно объяснился съ Анной и обличилъ вѣроломство старухи (89), но произошло новое съ нимъ происшествіе. Въ нѣмецкой слободѣ зимой былъ устроенъ большой праздникъ. Балатри былъ въ саняхъ, запряженныхъ лошадью Голицына. Кто-то испугалъ лошадь ракетой (?), она взбѣсилась и понесла Балатри далеко за городъ. Напрасно слуга Балатри Комаръ (Comar) пытался помочь барину: онъ не могъ догнать его. Наконецъ Балатри вылетѣлъ въ снѣгъ и

сталъ кричать о помощи (96 sq.): *Postoi brat* — altola grido ai villani (101). На него обратили вниманіе какіе-то крестьяне и довели его до избы (*Ah atuori pogialui* io grido obbero cioe—vi prego aprite 105). Опасаясь возвращаться ночью въ городъ, Балатри одарилъ крестьянъ, просилъ розыскать лошадь и пока остался переночевать въ избѣ, не желая возбуждать при возвращеніи вниманіе городской стражи (storog — sentinella). Къ несчастью, его угостилъ пирожникъ какимъ-то тѣстомъ (или пирогами), которымъ Балатри объѣлся и захворалъ (105 — 116). Нѣсколько оправившись, онъ возвратился въ Москву, никѣмъ не замѣченный, и радостно встрѣченъ своимъ слугою — вернули и лошадь (126). Идетъ объясненіе съ подругой Анны, которая разсказываетъ ему свою біографію.

Nella Slesia vivente e il padre mio
La moglie e morta ed e restato solo,
Altre figlie non ha, non houn figliolo
Cosi di noi non ve che lui ed io... [padre
...Lamotte Francese e grande amico del mio
Quale per Mosco disegno partire
Con quei mi fe la zia qua venire (128 об.).

Но къ объясненіямъ ея Балатри остается хладнокровнымъ. Далѣе идутъ замѣчанія о Москвѣ.

Балатри признаетъ громадность Москвы, но указываетъ, что постройки—деревянныя, каменныхъ мало, мало и искусства, рѣки Москвы мелководны, народъ грубъ и нетерпимъ къ иностранцамъ и называетъ ихъ невѣрными. «Высшіе классы отнеслись ко мнѣ милостиво и не знаю, что сказать объ ихъ: не могу не восхвалять и Царя». Женскій полъ въ Московіи въ рабскомъ положеніи, семейная жизнь — отличается жестокостью; къ вѣрѣ большое усердіе, но болѣе къ внѣшности, а суевѣріе доходитъ до того, что считаютъ грѣхомъ помочь иноземцу. Священники бѣдны, мало образованы и мало читаютъ книгъ—и въ самой Москвѣ и въ провинціи.

La cittade e un mezzamondo
Ma di legno construtte in maggior parte
Rari son gl, edifizzii poca l'arte
E le torri non pernano gran fondo.
La plebe che riempie le contrade
E piena di alterigia e impertinenza
Se vede un forastiere co'insolenza
Gli dice: can ripien d'unfedel stade.
Circa la nobilta non so che dire
Poiche trovata l'ho tutta clemenza.
Bel Zar aggraverei la mia coscienza
S' io non dicessi il ben che si puo dire.
Il sesso feminil sta ritirato
Ma qual ritiro questo avvoi nepare
Star servale quai schiave e lavorare
Quanto ch'e lungo il di senz' aver fiato.
. . . .
Prete... poco s'instruiscono
Perche essistessi molto poco intendono
Non visor libbri onde sennon leggono
Del verbo nescio con ragion patiscono
Toglie tene li libri delle chiese
O delle casse dove n'ha orazzione
Non h'avet' uno che vidia lezzione
Dignorai e fuor di Mosco o fia palese....
Questo grand buono s'e che l'nostro idioma
Sa ben lodar il sommo Creatore
Ma non ha termin che gli tolga onore
E che acresca al dannato piu la soma (140).

Голицынъ ѣдетъ посломъ въ Вѣну, съ нимъ отправляется и жена его [это было въ 1701 году въ февралѣ].

Балатри рѣшаетъ оставить Москву и проситъ царя объ отпускѣ. Государь обнимаетъ его и даритъ кошелекъ съ деньгами.

Балатри цѣлуетъ руки царя, плачетъ и проситъ за все прощенія (145 — 145 об.).

Lascio un Monarca
Pieno di buon e viva cognizione
Con tutto che sia cora un oppinione
Contraria che il grand huomo spesso incarca.

Въ началѣ путешествія экипажъ кн. Голицыной опрокинулся, и она сильно ушибла руку (il cochio en cia si sta la principessa si rovesscia 147). Балатри развлекаетъ больную разными аріями и наконецъ поетъ сложенную имъ русскую пѣсню:

Да сорока бѣлобока
Стала съ дрýжкомъ танцовать,
Ай ворона стара жена
Пришла тотчасъ помѣшать.

Къ сожалѣнію авторъ приводитъ только эти строфы изъ длинной пѣсни.

Comprendo ch'ell ha voglia di scherzare
E si torni ogni nozzo di far sai
Co si un do a cantare amati sai
Idolo del mio cuor Viscere care
Nume fato Destin et altre cento
Ariette tutte piene d'eresie
Commincio poscia a d'arie delle mia
Composte in Moscovitico suo accento.
Gli canto: Dai Saroca bielabocca
Stala s drusckum danzavatt
Ai Varona stara siona
Priscla tócces pomesciatt
Cioe mentr' una Pozza candidi i due lati
Si stava col suo caro un di saltando

Invidiosa coracchia e vecchia odiando
La loro union gli volse disturbati (159—159 об.).

Далѣе Балатри даетъ любопытную характеристику московскаго лиризма и хвалитъ языкъ *за легкость стиха и риемы.*

Quando le molte strofe che ne scegnano
Della detta canzona io ho finito
Ne vo cantando ma pulito
Da termini che fa quasi rinnegano
Li Moscoviti molto non si attaccano
Nelle lor Poesie al troppo tenero
Li poeti cristiani io tanto venero
Ma li cristian gentili il cuor mi ammaccano
Quel salir pin alto della jetti
Per arrichiare una passion de termini etc.
. . . .
Um Moscovita che sentisse a dire:
Cara t'adoro, Tu sol siei il mio Nume
Ovvero nominar l'auttor del Lume
In un arietta crederia morire
Onde quelle canzoni ch'io la intendo
Mi dan norma a comparne di consimile
E èbben ch'io facci versi computibili
Per vado qualche vuolta divertendo
Quella ch'io sopra dissi non e mia
E moscovita ma la cantilena
Vi feci sul uno stile eppoi la pena
Mi diedi in far ne di mia Poesia.
La lingua del Paese e bella assai
Il verso corre e facile la rima
E dacche riesciummi il far la prima
A farne una dozzina non sudai (I, л. 159 об. 160).

Путешественники ѣдутъ чрезъ Варшаву и Бреславль въ Вѣну. Въ Вѣнѣ княгиня ходитъ съ Балатри по магазинамъ. Всѣ удивляются ея красотѣ.

Se passa per le strade, ognuno dice
Al suo vicino: Ola fatemi fuora
Presto eh non tardate alla buon ore
Ecco passa la bella ambasciatrice (149 об.).

Княгиня даетъ Балатри въ подарокъ за его услуги перстень и кошелекъ—царскій подарокъ и нѣжно съ нимъ прощается... Балатри колеблется... Ворота посла съ тѣхъ поръ для Балатри заперты. Этимъ кончается первый томъ.

Въ Москвѣ авторъ пробылъ шесть лѣтъ (съ 1695 по 1701 г.) (II, 25). Второй томъ лишь слегка касается Московіи. По возвращеніи въ Пизу къ отцу и роднымъ (II, 25), Филиппъ Балатри былъ вызванъ (въ 1714 г.?) ко двору великаго герцога (granduca) Козьмы, какъ переводчикъ, въ виду ожидаемаго русскаго посольства. Балатри думалъ, что посолъ—Голицынъ, но это былъ (С. Г.?) Нарышкинъ (II, 40). Пріемъ былъ во дворцѣ Strozzi и посолъ прожилъ тамъ около 7 мѣсяцевъ среди развлеченій, въ которыхъ принималъ участіе и Балатри. По дорогѣ въ Ливорно, посолъ остановился и въ Пизѣ, во дворцѣ герцога, гдѣ проживалъ и отецъ Балатри (вѣроятно мелкимъ прислужникомъ). Нарышкину 75 лѣтъ — но кажется, что ему 25, такъ онъ веселъ (allegrissimo e arciterrissimo). Балатри познакомилъ Нарышкина съ Шенборномъ (Scemborn, л. 118 об.)[1]). Присланные великому герцогу два одиннадцатилѣтнихъ калмыка отданы для обученія итальянскому языку Балатри.

Далѣе идутъ описанія путешествій Балатри въ Римъ къ кардиналу Норрису (л. 55) и къ папѣ Клименту; путешествіе въ Ан-

---

1) Извѣстнымъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича.

глію черезъ Марсель, странствованіе по Германіи, посѣщеніе Мюнхена, гдѣ правилъ Максимиліанъ и Віоланта (II, 110), описаніе Мюнхенской оперы и пр. Въ концѣ (II, 175) авторъ говоритъ о своей книгѣ

Finor «Frutti del mondo» gli dicesti
Ma am'mio parer non bene le nomasti
Frutti di colpa di diveni quasti
E marciti da piacer infesti (л. 175).

И. Шляпкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о возникновенiи род.—вин. п. въ слав. языкахъ. Приглагольный род. п. въ праслав. языкѣ.

Въ статьѣ «Родительный-винительный падежъ при названiяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ» на стр. 262 2-ой кн. XIII-го т. Изв. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. было указано на близость по значенiю приглагольныхъ род. и вин. п. въ праславянскомъ и славянскихъ языкахъ, благодаря которой форма родительнаго п. могла получить функцiи винительнаго п. при словахъ, обозначающихъ живыя существа. Въ поясненiе возможности такой замѣны разсмотрю вкратцѣ типичные случаи употребленiя приглагольнаго род. сравнительно съ приглагольнымъ вин. п. въ эпоху возникновенiя родительнаго-винительнаго, обращая главное вниманiе на значенiя этихъ падежей.

Въ согласiи съ нѣкоторыми прежними изслѣдователями Delbrück, «Vergleichende Syntax» I, 308, опредѣляетъ различiе между род. и вин. п. при глаголѣ такъ: «Der Genitiv unterscheidet sich von dem Akkusativ dadurch, dass bei dem Gen. der Verbalbegriff nicht auf den vollen Umfang des Substantivbegriffs zu bezichen ist», къ чему Brugmann, «Kurze vergl. Gr.» 434 и 417, прибавляетъ: «sondern der Nominalbegriff als Sphäre vorgestellt wird, die von der Handlung gleichsam nur berührt wird». Далѣе: «In den Akkusativ tritt der Nominalbegriff, der vom Verbalbegriff am nächsten und ganz (vollständig)

betroffen wird». Эти основныя значенія род. и вин. п. относятся къ индоевроп. праязыку, къ эпохѣ распаденія его.

Въ приведенныхъ опредѣленіяхъ дается лишь общая отвлеченная характеристика значеній этихъ падежей, подъ которую нельзя даже подвести всѣ частные случаи приглагольнаго употребленія этихъ падежей. Но нужно признать, эта характеристика схвачена очень удачно.

Я думаю, что употребленіе родительнаго, въ отличіе отъ винительнаго п., обусловливалось первоначально или значеніемъ глагола, или же значеніемъ объекта. Въ первомъ случаѣ дѣйствіе представлялось такъ, что такое отношеніе къ объекту, которое обозначалось родительнымъ п., наиболѣе подходящее. Во второмъ случаѣ объектъ представлялся такъ, что допускалъ только такое отношеніе къ дѣйствію, которое обозначалось родительнымъ падежомъ.

Такое значеніе, требующее род. п., имѣли въ индоевроп. праязыкѣ и большею частію позже глаголы какъ «слушать», «желать» и пр., въ отличіе напр. отъ: «поднять», «бросить», «сдѣлать», «уничтожить» и пр.

Къ объектамъ, обусловливавшимъ употребленіе род. п., относятся прежде всего вещественныя имена, но только при такомъ оттѣнкѣ значенія, какъ въ «принеси воды», «выпилъ вина». Сходныя съ предыдущими психическія условія могли быть въ собирательныхъ понятіяхъ, какъ въ русскомъ «купи перьевъ» и друг., которыя въ такомъ случаѣ также требовали род. п. объекта.

Факты отдѣльныхъ индоевроп. языковъ заставляютъ думать, что свободное употребленіе родительнаго для обозначенія извѣстнаго отношенія дѣйствія къ объекту было уже въ эпоху распаденія индоевроп. праязыка нѣсколько ограничено. Произошло это повидимому оттого, что род. п. имѣлъ уже въ праязыкѣ въ разныхъ случаяхъ употребленія разныя значенія. Напр. при вещественныхъ и собирательныхъ именахъ онъ сталъ указывать на извѣстные признаки въ реальномъ значеніи объекта. Такимъ

образомъ значеніе родительнаго п. стало широкимъ и потому неопредѣленнымъ и вслѣдствіе этого не могло ясно сознаваться общее его значеніе въ отличіе отъ значенія винительнаго. Поэтому род. п. сталъ отчасти уже въ праязыкѣ, въ особенности позже въ отдѣльныхъ языкахъ, внѣшнимъ образомъ связываться преимущественно или даже исключительно съ опредѣленными глаголами, и гдѣ не было чередованія съ вин. п., значеніе его сводилось впослѣдствіи только къ обозначенію объекта наравнѣ съ вин. п., такъ какъ болѣе точно это значеніе обусловливалось въ каждомъ частномъ случаѣ реальнымъ значеніемъ глагола и объекта.

При такихъ условіяхъ частію смѣшеніе родительнаго съ вин. п., частію замѣна его винительнымъ, какъ болѣе употребительнымъ падежомъ объекта, было неизбѣжно въ отдѣльныхъ языкахъ. Поэтому не удивительно, что напр. въ латинскомъ, новонѣмецкомъ и друг. языкахъ приглагольный родительный сталъ употребляться рѣдко, и напр. въ осетинскомъ языкѣ онъ совершенно исчезъ.

Вопросъ о первоначальномъ происхожденіи формъ род. п. въ индоевроп. праязыкѣ и объ отношеніи приглагольнаго род. къ пріименному род. я оставляю совершенно въ сторонѣ. Разнообразіе формъ род. п. показываетъ, что въ этомъ падежѣ уже въ раннее время индоевроп. праязыка совпали разнородныя образованія.

Обращаюсь сначала къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ присутствіе род. п. обусловливалось качествомъ представленія объекта.

Приглагольный родительный, какъ падежъ прямого дополненія, употребляется часто при вещественныхъ именахъ въ русскомъ языкѣ и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Этотъ родительный былъ употребителенъ не только въ праславянскомъ, но уже въ индоевропейскомъ праязыкѣ, гдѣ онъ представлялъ самый типичный видъ приглагольнаго род., зависящаго отъ реальнаго значенія объекта. Дельбрюкъ, Vgl. Syntax I, 314

слѣд., и Бругманнъ, Kurze vgl. Gr. 436, и другіе ставятъ приглагольный род. только въ зависимость отъ значенія глагола. Поэтому, съ одной стороны, они смѣшиваютъ случаи, какъ Ἀδρήστοιο δ᾽ἔγημε θυγατρῶν—«онъ взялъ себѣ въ жены (женился на одной) изъ дочерей А.», съ случаями употребленія род. какъ «принеси воды», а съ другой, отдѣляютъ напр. послѣдніе случаи отъ такихъ, какъ «выпилъ воды».

Въ своей работѣ «Къ синтаксису и семасіологіи русскаго языка» [1]) я разсматривалъ между прочимъ значенія вещественныхъ именъ. Для удобства читателя приведу здѣсь нѣкоторыя данныя оттуда, объясняющія тѣ лексическія и грамматическія явленія языка, которыя вызваны особенностью вещественныхъ понятій въ отличіе отъ предметныхъ понятій.

«Собака», «столъ», «дорога» и пр. привлекаютъ вниманіе человѣка своей внѣшней формой и качествами и дѣйствіями, связанными съ нею. Поэтому мы ихъ представляемъ себѣ и понимаемъ какъ «предметы». «Масло», «вино» и пр. интересуютъ насъ своимъ содержаніемъ, качествомъ вещества. Поэтому выработались особенныя понятія «вещественныя», какъ значенія вещественныхъ именъ, въ которыхъ существеннымъ является лишь вещество, содержаніе, а внѣшняя форма, главный предметный признакъ, остается въ сторонѣ, какъ несущественный при такомъ взглядѣ на вещи.

Смотря по безконечному разнообразію интереса и практическаго примѣненія, вещи получили названія—слова, обозначающія ихъ или только какъ «вещество», напр. «мыло», «вода», или только какъ «предметы», напр. «шляпа», «ножъ», или же одно и то же слово имѣетъ значеніе то вещественное, то предметное, напр. «камень» («навезли камня» — «привезли два камня»), «де-

---

1) Напечатана въ «Лѣтописи Историко-филологическаго общества при Имп. Новоросс. Университетѣ», въ т. X, посвященномъ акад. Фортунатову. Кромѣ того вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Здѣсь ссылки дѣлаются на отдѣльное изданіе. Соотвѣтствующія страницы «Лѣтописи» получаются прибавленіемъ 280.

рево» («сдѣлано изъ дерева», «деревянный» — «дерево растетъ») и пр.

Такъ какъ вещество въ дѣйствительности является обыкновенно пространственно ограниченнымъ, то мы можемъ конечно вносить въ наши представленія о веществахъ признаки пространственнаго ограниченія, и въ такомъ случаѣ говоримъ: «достань сыръ, воду съ полки», «онъ скупилъ все вино», «выпилъ воду», «я вижу воду». Но это не есть настоящее, чисто «вещественное» пониманіе вещей. Въ большинствѣ случаевъ вещество представляется какъ неограниченная пространственно безпрерывная масса, напр. когда мы говоримъ: «дай мнѣ хлѣба», «выпей воды», «привезли муки».

О жидкостяхъ мы имѣемъ конечно вещественныя понятія и потому говоримъ «купи вина» и пр. съ род. п. при конкретномъ неопредѣленномъ пространственно неограниченномъ значеніи («Къ синтаксису...» 64). Но когда мы представляемъ себѣ жидкость заключенною въ границы, то придаемъ ей предметные признаки и потому говоримъ: «вылей вино въ бочку», «она поставила водку на столъ» съ вин. п. при опредѣленномъ конкретномъ пространственно ограниченномъ значеніи. Но слова «вино», «вода» и пр. всетаки обозначаютъ только вещество, потому не говоримъ: «два керосина», «двѣ воды». «Два пива» и пр. объясняется пропускомъ слова «стакана», «бокала» и пр.

Мягкая масса, какъ «сыръ», «сало», «снѣгъ», «мыло» и пр. имѣетъ часто опредѣленную форму и можетъ поэтому представляться сама по себѣ какъ предметъ. Но обыкновенно она не служитъ человѣку, не интересуетъ его своей внѣшней стороной, какъ предметъ, поэтому не имѣетъ обыкновенно отдѣльнаго названія какъ предметъ, и нельзя сказать: «два мыла», «два сыра», а лишь (при помощи понятій, служащихъ обыкновенно для пространственнаго ограниченія вещества): «два куска мыла», «два фунта сыра» и пр. Поэтому: «прислалъ сыру, глины» и пр. съ род. п. при неопредѣленномъ конкрентомъ пространственно неограниченномъ значеніи, и «прислалъ сыръ» при простран-

ственно ограниченномъ значеніи. Но мы говоримъ «два хлѣба», «пироги», представляя себѣ при этомъ два и пр. «предмета» (хотя преимущественно по отношенію къ содержанію ихъ, къ веществу), потому что «пирогъ», «хлѣбъ» съ предметными признаками часто привлекаетъ наше вниманіе и служитъ предметомъ рѣчи. Ср. «жена прислала пирога» и «прислала пирогъ», нѣмецкія «ein Brot», но не «eine Butter». «Eine solche Butter», какъ и «такія масла» имѣютъ совершенно другое значеніе.

Твердыя вещества, какъ «желѣзо», «золото», «дерево» и пр. являются содержаніемъ многихъ предметовъ и поэтому, какъ предметы, имѣютъ свои предметныя названія, какъ «стулъ», «столъ», «кольцо», «топоръ» и пр., въ которыхъ содержаніе въ разсчетъ не принимается. Сами слова «желѣзо», «войлокъ» и пр. обозначаютъ обыкновенно только вещество, но иногда и предметы: «два дерева». Вообще же по веществу названо немного сравнительно предметовъ по той простой причинѣ, что одно вещество составляетъ обыкновенно содержаніе многихъ предметовъ. Ср. «чугунка» въ смыслѣ: «печь», «котелъ», «желѣзная дорога».

«Одно яблоко», «двà арбуза», «три дыни, три рыбы, индюка» и пр. обозначаютъ конечно предметы, представляемые какъ индивидуальныя единицы, имѣющія извѣстную форму, цвѣтъ и т. д. Поэтому: «купи арбузъ, двѣ курицы» и пр. Но когда мы говоримъ: «дай мнѣ арбуза», «поѣлъ дыни», «дай мнѣ яблока, курицы», мы представляемъ себѣ уже вещество съ извѣстнымъ вкусомъ и т. д.

Названіе «Genitivus partitivus», переводимое черезъ «род. раздѣлительный», возникло изъ ошибочнаго пониманія значенія вещественныхъ именъ учеными, не имѣвшими въ своемъ языкѣ подобнаго род. А общепринятыя объясненія значенія род. раздѣлительнаго, будто онъ обозначаетъ «часть предмета», или «цѣлое, изъ котораго берется часть» и пр., представляютъ собственно перефразировку этого термина и еще менѣе умѣстны. Въ вещественныхъ понятіяхъ нѣтъ внѣшней формы, главнаго

предметнаго признака. Этотъ признакъ вноситъ въ нихъ только понятіе «количеста», которое конечно для понятія вещества не болѣе существенно, чѣмъ напр. признакъ «красный» для «столъ». Въ значеніяхъ вещественныхъ именъ, напр. въ: «дай мнѣ воды», «купи сыру», нѣтъ поэтому ни представленія «цѣлаго», ни «части», а лишь представленіе пространственно неограниченнаго вещества.

Этотъ двоякаго рода взглядъ на вещи, какъ на предметы и какъ на вещества, существовалъ и у индоевроп. пранарода и отразился на его языкѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ съ достовѣрностью лексическіе и грамматическіе факты.

Если мы отрѣшимся отъ общепринятаго ложнаго взгляда на Genitivus partitivus и зададимъ себѣ вопросъ: какой изъ двухъ падежей прямого дополненія, род. или вин., долженъ былъ употребляться въ праязыкѣ при словахъ, имѣющихъ «вещественное» значеніе, то ясно, что такимъ падежомъ могъ быть только родительный п., такъ какъ, по вышеприведенному опредѣленію, вин. п. употреблялся тогда, когда дѣйствіе переходило на «весь объемъ именного понятія»; но въ понятіи о веществѣ не было «объема», тѣмъ болѣе «всего» или «полнаго объема». Такими признаками обладаютъ только предметныя понятія. Поэтому въ праязыкѣ и позже говорили: «выпей воды», «принеси воды» и, съ другой стороны: «принеси топоръ», «подыми ногу».

Во многихъ индоевроп. языкахъ такое употребленіе родительнаго исчезло по разнымъ причинамъ, какъ въ латинскомъ и въ германскихъ языкахъ, но это еще не значитъ, что исчезло различіе между вещественнымъ и предметнымъ пониманіемъ вещей. Вѣдь род. п. не былъ первоначально, и не могъ быть знáкомъ этого различія въ реальныхъ значеніяхъ объекта. Онъ обозначалъ первоначально лишь то различіе въ отношеніи дѣйствія къ объекту, которое само было лишь послѣдствіемъ означенныхъ различій въ самыхъ представленіяхъ объекта. Только впослѣдствіи, по неизбѣжной психической ассоціаціи по смежности, род. п. объекта сталъ знáкомъ именно «вещественнаго» значенія вещественныхъ именъ, вступивъ въ корреляцію съ

вин. п., который такимъ образомъ въ свою очередь сдѣлался признакомъ «предметнаго» значенія тѣхъ же словъ. Напр. въ «принеси воду», «принеси сыръ изъ буфета» имѣются въ виду пространственно ограниченная вода (въ бутылкѣ и пр.) и т. д. «Къ синтакс.» 63 слѣд.

Французскій языкъ потерялъ свои прежнія формальныя различія падежей, но и въ вновь возникшемъ склоненіи мы видимъ прежнее употребленіе родительнаго: donne-moi de l'eau, apporte du beurre не означаютъ, какъ кажется съ точки зрѣнія Gen. part., «принеси мнѣ отъ воды» и пр. Въ нѣмецкомъ языкѣ приглагольный род. постепенно утрачивался и замѣнялся винительнымъ п., но природа вещественныхъ представленій вещей и здѣсь не допускала совпаденія по формѣ съ предметнымъ объектомъ, по той причинѣ, что неопредѣленный членъ ein, eine всетаки напоминаетъ еще единственность. Это понятіе не совмѣстимо съ пространственно неограниченнымъ представленіемъ вещества. Поэтому, когда въ gieb mir des Brotes, которое очевидно было еще употребительно въ средневерхненѣмецкомъ языкѣ, род. п. сталъ замѣняться винительнымъ, не могли говорить: gieb mir ein Brot въ смыслѣ «дай мнѣ хлѣба», а могли лишь говорить: gieb mir Brot, рядомъ съ: gieb mir ein Messer и пр. Эта же невозможность говорить donne-moi un pain, что придаетъ значенію слова pain предметный смыслъ («дай мнѣ хлѣбъ»), заставляла французовъ прибѣгать къ вновь образовавшемуся род. п. donne-moi du pain.

Конечно, не всякое дѣйствіе могло сочетаться съ чисто «вещественнымъ» представленіемъ объекта. Не говорятъ: «онъ поднялъ сыру», «онъ бросилъ воды», не потому только, что это не принято, а потому, что сочетаніе такихъ понятій невозможно. Дѣйствія, какъ «поднять», «бросить» и вообще большинство глаголовъ могутъ имѣть объектомъ лишь нѣчто пространственно ограниченное, имѣющее внѣшнюю форму, объемъ, однимъ словомъ «предметъ». Поэтому при такихъ глаголахъ вещественныя имена имѣютъ предметное значеніе, представляются съ при-

знаками предметовъ, а потому при нихъ является вин. п.: «онъ поднялъ сыръ», «онъ увидѣлъ воду».

Изъ предыдущаго понятно, почему настоящая причина появленія родительнаго при вещественныхъ именахъ оставалась непонятой, и почему появленіе родительнаго ставятъ въ связь съ извѣстными глаголами, какъ «ѣсть», «пить», «дать», «взять», «купить» и пр. Не особенные признаки дѣйствія, напр. «пить часть» или «ѣсть извѣстное количество» вызвали при этихъ глаголахъ род. п. Само представленіе вещества вызвало его. А эти глаголы отличаются отъ другихъ лишь тѣмъ, что значенія ихъ могутъ сочетаться съ вещественными понятіями объекта.

Кромѣ славянскихъ языковъ, въ томъ числѣ старославянскаго языка, такой родительный п. при вещественныхъ именахъ употребляется въ широкихъ размѣрахъ и въ балтійскихъ языкахъ, особенно литовскомъ, и безъ сомнѣнія былъ въ употребленіи и въ индоевроп. праязыкѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ напр. древнеиндійскій, зендскій, греческій и древнегерманскіе языки. См. Delbrück, Vgl. Syntax I 314, 316. Напр. древнеинд. apó açnāti—онъ вкушаетъ *воды. Греч. πιεῖν οἴνοιο, αἵματος; πάσσε δ'ἁλός—насыпалъ соли, и пр. Но въ конкретномъ опредѣленномъ значеніи употребляется вин. п., какъ и въ русскомъ языкѣ: πίε οἶνον—пей вино. Такой же вин. п. при обстрактномъ значеніи («Къ синтаксису» 67). Лит. àsz válgau dűnos — я ѣмъ хлѣба; dűk mán dűnos — дай мнѣ хлѣба; atnèszk wandeñs — принеси воды; ср. atnèszk wándenį (вин.)—принеси (опредѣленную) воду.

Въ латинскомъ языкѣ, какъ и во многихъ новыхъ языкахъ, р. п. при вещественныхъ именахъ замѣненъ винительнымъ. Это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ этихъ языкахъ род. п. объекта сталъ смѣшиваться съ главнымъ падежомъ прямого дополненія, съ винительнымъ, и появленіе род. п. не обусловливалось уже первоначальнымъ значеніемъ его, а лишь внѣшней, формальной ассоціацией съ опредѣленными глаголами. (Ср. мѣстный п., напр. «Кыевѣ», который обозначалъ когда-то «въ Кіевѣ»; теперь же эта форма обусловлена непосредственно

только предлогами, которые и являются главными носителями его значенія). Такое смѣшеніе въ вещественныхъ именахъ значитъ лишь, что особенное «вещественное» пониманіе вещей утратило свое внѣшнее обозначеніе и вмѣстѣ съ утратой внѣшняго признака могло затемняться и сознаніе различія между вещественнымъ и предметнымъ пониманіемъ вещей.

Такое пониманіе вещей, которое свойственно веществамъ, распространяется нерѣдко и на предметы въ совокупности, особенно мелкіе, которые часто встрѣчаются вмѣстѣ и потому представляются какъ сплошная масса все повторяющихся единицъ. Весьма понятно, что «песокъ», «рожь», «горохъ», «хворостъ» представляются обыкновенно какъ вещество. Отдѣльныя единицы, крупинки, зерна и пр. возбуждаютъ мало интересъ человѣка и потому «песчинка», «горошина», «хворостинка» имѣютъ лишь производныя названія. «Зерно» же употребляется въ смыслѣ единичнаго предмета, а также въ смыслѣ собирательномъ вещественномъ.

Но и на совокупность крупныхъ предметовъ, представляемыхъ обыкновенно въ отдѣльности какъ индивидуальныя единицы, напр. «деревья», можно смотрѣть какъ на сплошную массу, когда эти предметы часто встрѣчаются вмѣстѣ и въ этомъ видѣ возбуждаютъ интересъ человѣка. Такъ возникло понятіе и слово «лѣсъ», подъ которымъ мы понимаемъ сплошную массу все повторяющихся деревьевъ. Въ «онъ купилъ лѣсу» обнаруживается ясно это вещественное представленіе. Впрочемъ лѣсъ имѣетъ отчасти и предметное значеніе. «Между двумя лѣсами», но не: «купилъ два лѣса».

Такое представленіе массы, которое вызвало слова «лѣсъ», «толпа», «стадо», «сборище» и пр., можетъ распространяться и на множество такихъ отдѣльныхъ предметовъ, которые встрѣчаются обыкновенно въ отдѣльности, но вслѣдствіе какой-либо связи между ними могутъ соединяться въ нашихъ представленіяхъ въ общую массу, въ собирательномъ смыслѣ. Такъ возникли: «семья», «народъ», «государство» и пр.

Изъ изложеннаго понятно возникновеніе такихъ собирательныхъ словъ, какъ древнерусскія, отчасти современныя: колье, столпье, деревье, трупье, дубьё, вороньё, бабьё, жидова, бояра, господа, княжья, братья, дядья, холопья и пр., представляющія первоначально ед. ч. «Братья» и пр. стали пониматься въ мн. ч., подъ вліяніемъ мн. ч. въ личной формѣ глагола, являвшагося первоначально въ тѣхъ случаяхъ, когда представленіе множества единицъ преобладало надъ представленіемъ сплошной массы.

Вещественный взглядъ, какъ на сплошную массу, наиболѣе подходитъ къ множеству особенно мелкихъ предметовъ, когда они не разсматриваются въ отдѣльности. Благодаря этому собирательныя слова ж. р. на — ā, обозначавшія въ индоевроп. праязыкѣ совокупность (неодушевленныхъ) предметовъ, получили впослѣдствіи въ индоевроп. языкахъ значеніе мн. ч. сред. р., хотя напр. въ греческомъ и санскритскомъ языкахъ при нихъ глаголъ могъ быть еще въ ед. ч., напр. древнеинд. sárvā tā́ tē ápi dēvḗšv astu = πάντα ταῦτα τὰ σὰ παρὰ τοῖς θεοῖς ἔστω.

Но чаще въ языкѣ не выработалось особеннаго названія (собирательнаго слова) для такой совокупности предметовъ, которая поэтому могла обозначаться только множественнымъ ч. Понятно, что при пространственно неограниченномъ представленіи такая масса предметовъ обозначалась въ качествѣ объекта также родительнымъ п., притомъ мн. ч., какъ напр. «пришлите стульевъ». Этотъ род. называется также Gen. partitivus. Ср. «Къ синтаксису...» 81. Примѣры: купи булавокъ, колецъ, папиросъ, огурцовъ, яблокъ; достань стульевъ, перьевъ, карандашей, вилокъ, булавокъ; привозили ножей, ложекъ, книгъ, селедокъ, перчатокъ, цвѣтовъ; прислали деревьевъ, рубашекъ; приноси пирожковъ, леденцовъ; купи свѣчей, картъ; собрали властей и бояръ, и т. д.

Ср. еще чередованіе между конкретнымъ представленіемъ множества отдѣльныхъ предметовъ (вин. п.) и конкретнымъ представленіемъ сплошной массы предметовъ въ совокупности (вещественнымъ представленіемъ съ род. п. объекта) у Л. Толстого,

т. 12, 1887 г., стр. 5—6: «Собирался сапожникъ купить овчинъ». «Куплю овчинъ». (Неопредѣленное конкретное значеніе). «Думалъ сапожникъ въ долгъ взять овчины,—въ долгъ не повѣрилъ овчинникъ» (конкретное опредѣленное значеніе, такъ какъ имѣются въ виду тѣ извѣстныя овчины, которыя онъ хотѣлъ купить. Въ нѣмецкомъ переводѣ здѣсь стоялъ бы опредѣленный членъ: er wollte die Schaffelle auf Schuld nehmen, между тѣмъ какъ въ предыдущемъ примѣрѣ членъ не умѣстенъ: ich kaufe mir Schaffelle). «Денежки принеси» (конкретныя опредѣленныя, которыя слѣдуетъ уплатить за овчины). «Выпилъ водки» (конкретное неопредѣленное).

Если нѣтъ рядомъ единственнаго ч., то признакъ множественности въ значеніи такихъ словъ утрачивается и значенія ихъ почти не отличается отъ значенія собирательныхъ и вещественныхъ именъ: принеси дровъ и ветчины. При вещественномъ представленіи грамматическое число конечно значенія множественности имѣть не можетъ, а потому напр. «русскія и иностранныя вина» обозначаетъ разные сорта вина. Ср. Delbrück, Vgl. Syntax I, 148 слѣд.

Вообще «вещественный» взглядъ, т. е. какъ на сплошную массу, возникаетъ тѣмъ легче, чѣмъ меньше предметы, или точнѣе, чѣмъ меньше мы привыкли представлять ихъ себѣ въ деталяхъ индивидуальныхъ качествъ. Въ такомъ случаѣ они сливаются легче въ представленіи сплошной массы. Для крупныхъ предметовъ случаи представленія ихъ массой сравнительно рѣдки. Поэтому не говорятъ напр. «купи домовъ». Но въ «много домовъ» проглядываетъ оттѣнокъ такого же представленія массы, какъ въ «много народу», «много воды». Ср. «многіе дома», «многіе люди».

Такая совокупность предметовъ представлялась уже въ индоевроп. эпоху сходно съ пространственно неограниченнымъ представленіемъ вещества и потому являлось въ род. п. ед. ч. объекта, когда обозначалась собирательнымъ словомъ, въ противномъ случаѣ являлась въ род. п. мн. ч., напр. древнеинд. dádad usrí-

yānām—да дастъ коровъ, Гом. τυρῶν αἰνυμένους, которое Бругманнъ переводитъ: von den Käsen (einen Theil) nehmend (Kurze vgl. Gr. 436). Особенно распространенъ такой род. п. въ балтійскославянскихъ языкахъ. Литовск. żmoniū atwadìnti—призывать людей; tasaĩ dukterū turějo—тотъ имѣлъ дочерей, ср. il avait des filles; parnèsz grażiū żodáczu ir̃ gailiū aszaráczu—принесетъ прекрасныхъ словечекъ и горькихъ слезокъ.

Изъ предыдущаго объясняется то съ перваго взгляда странное явленіе, что въ извѣстныхъ языкахъ Gen. part. является иногда въ положеніи подлежащаго, напр. «набралось воды, народу»; «есть молодцовъ» (Бусл. Синт. 253); малорус. «е того цвіту по цілим світу»; «народу як дим идé»; серб. кад има хљеба, нема соли (Jagić, Beitr. z slav. Syntax 16, 17); лит. sziañdën żmoniū (род. мн.) pàs manę ateĩs—сегодня люди придутъ ко мнѣ (см. Delb., Synt. I, 332). Дѣло въ томъ, что только въ прямомъ дополненіи выработалось въ праязыкѣ особое формальное различіе для «вещественныхъ» и для «предметныхъ» понятій, а именно при первыхъ употреблялся род. п., который такимъ образомъ по неизбѣжной ассоціаціи и сдѣлался знакомъ представленія неопредѣленнаго пространственно неограниченнаго вещества и сходнаго съ нимъ представленія множества предметовъ въ совокупности. Поэтому род. п. сталъ иногда по требованію реальнаго значенія появляться и въ качествѣ подлежащаго. Но такъ какъ подлежащее при личномъ глаголѣ было всегда въ именительномъ п., то такой род. п. не могъ сдѣлаться грамматическимъ подлежащимъ и глаголъ, за отсутствіемъ грамматическаго подлежащаго, принимаетъ форму безличную. Это различіе въ значеніи понятно напр. изъ сопоставленія: «набралась вода» и «набралось воды», «наѣхали гости» и «наѣхало гостей».

Качества и дѣйствія, обозначаемыя «отвлеченными» существительными, получаютъ въ такомъ видѣ на обычныхъ мѣстахъ предметныхъ представленій въ предложеніи извѣстные признаки предметности. Ср. мое «Общее языковѣдѣніе» 315. Но значенія такихъ словъ плохо укладываются въ пространственно ограни-

ченную форму, присущую предметнымъ представленіямъ, и ихъ неопредѣленныя очертанія въ представленіяхъ скорѣе соотвѣтствуютъ вещественнымъ представленіямъ и отношенію къ дѣйствію, выражаемому родительнымъ п. Отсюда объясняется род. п. напр. въ: «пошли намъ вѣры, надежды, счастія»; «дай Богъ здоровья, счастія»; «таковаго получивъ желанія». (Ср. Miklosich, Vgl. Syntax 490).

Въ предыдущемъ я разсматривалъ случаи, въ которыхъ род. пад. объекта обусловливался извѣстнымъ качествомъ представленія самого объекта. Обращаюсь теперь къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ присутствіе род. п. обусловливалось значеніемъ глагола.

Одни глаголы обозначаютъ такія дѣйствія, отношенія которыхъ къ объекту требуютъ исключительно или преимущественно род. п. Въ другихъ глаголахъ возможно двоякое въ этомъ отношеніи значеніе, и въ зависимости отъ этого при нихъ употреблялся род. и вин. п. объекта. Въ послѣдней категоріи особенно интересны для характеристики значенія родительнаго пад. такіе случаи употребленія его, въ которыхъ отношеніе дѣйствія къ объекту, обозначаемое родительнымъ п., обусловливалось тѣмъ, что дѣйствіе представлялось какъ проявляющееся неполно, какъ-нибудь ограниченно, вслѣдствіе чего оно только касается объекта, направляется на него, не переходя на него съ тою полнотою, которая обозначается винительнымъ п. Ср. Miklosich, Vgl. Synt. 487. Эти частные случаи тѣмъ болѣе интересны, что слѣды ихъ сохранились въ живомъ руссомъ языкѣ. Обращаюсь поэтому предварительно къ нимъ.

Буслаевъ, Истор. гр., Синтаксисъ[3] 254 говоритъ: «посулить кому лошади» значитъ не вовсе отдать, но дать на подержаніе, на нѣкоторое время и съ возвратомъ потомъ; а «посулить кому лошадь» значитъ отдать совсѣмъ, подарить». Тамъ же, съ ссылкою на Ломоносова: «Въ старинномъ языкѣ родительнымъ означалась учтивость: «покажи свою книгу» сказано какъ бы со властію; «покажи своей книги» рѣчь учтивѣе». Эти примѣры

взяты изъ «Россійской грамматики» Ломоносова, которой по поводу ихъ говоритъ: «Принимаютъ нерѣдко дѣйствительные глаголы и род. п., когда ихъ сила не ко всей вещи, но къ части, и не во все время, но не на долго простирается». Оттѣнокъ учтивости весьма понятенъ изъ общаго значенія приглагольнаго род. Такой же оттѣнокъ учтивости имѣетъ напр. «ты бы показалъ мнѣ книгу», хотя сослагательное наклоненіе первоначально указываетъ лишь на особое отношеніе дѣйствія къ дѣйствующему лицу и вмѣстѣ съ тѣмъ къ объекту.

Въ современномъ русскомъ языкѣ такое чередованіе обоихъ падежей прямого дополненія, въ зависимости отъ указанныхъ оттѣнковъ значенія, встрѣчается нерѣдко, хотя подъ вліяніемъ учебной грамматики, игнорирующей такое употребленіе род. п., оно избѣгается въ языкѣ образованнаго общества [1]). Мною записаны изъ «домашняго языка» интеллигентныхъ русскихъ:

Дай мнѣ твоего (своего) ножа, ножика (въ смыслѣ: на время). Онъ давалъ мнѣ своего ножика (далъ мнѣ ножикъ). Одолжи мнѣ своего пера, своей книги, палки. Дай мнѣ твоей книги, шляпы, лодки, твоего платка. Дайте мнѣ вашего самовара, сѣдла. Позвольте мнѣ Вашихъ часовъ.

Въ литературѣ попадаются примѣры какъ: Дайте мнѣ пояса, топора.

---

1) Современныя учебныя и практическія грамматики русскаго языка находятся подъ значительнымъ вліяніемъ грамматикъ западныхъ языковъ. Вслѣдствіе этого онѣ плохо справляются или пренебрегаютъ такими явленіями языка, которыхъ нѣтъ въ этихъ иностранныхъ языкахъ. Такъ, видамъ глагола удѣляется мало вниманія сравнительно съ временами. Отрицательныя предложенія съ прямымъ дополненіемъ въ вин. п. игнорируются. Указываемое здѣсь употребленіе род. п. также не признается. Школа искусственно уничтожаетъ слѣды древнерусскаго порядка словъ въ повѣствовательныхъ предложеніяхъ «глаголъ—подлежащее» (Жилъ былъ старикъ, видитъ мужикъ), замѣняя его порядкомъ «подлежащее—глаголъ», достигшимъ почти исключительнаго господства въ общерусскомъ языкѣ не безъ вліянія западныхъ, особенно французскаго языка, и т. д.

Вслѣдствіе такого отношенія практической грамматики къ языку безсознательно вытѣсняются изъ литературнаго и общерусскаго языка такія формы и оттѣнки значеній, которые составляютъ богатство языка.

Если обратиться съ вопросомъ о правильности этихъ фразъ къ образованнымъ чисто русскимъ людямъ, то они обыкновенно сначала открещиваются отъ нихъ. Потомъ оказывается, что для слуха громаднаго большинства такія фразы совершенно привычны и не возбуждаютъ ихъ вниманія какъ неправильность, и что многіе изъ нихъ употребляютъ сами такія фразы въ домашнемъ языкѣ, особенно съ дѣтьми. Встрѣчаются впрочемъ лица, для которыхъ это употребленіе род. п. повидимому чуждо, которыя, слѣдовательно, не сталкивались съ лицами и діалектами, сохраняющими его.

Этотъ оттѣнокъ значенія, выражаемый родительнымъ п., подкрѣпляется иногда еще прибавкою слова «немного», «немножко»: «Открой Аннушка, ахъ, Анна, окошка, Ты чуланнаго, ахъ, Анна, немножко!» (Соболевскій Великорус. п. IV, 297).

Въ этомъ смыслѣ можно понимать возникновеніе: «дать розогъ, палокъ, тумака, толчка, щелчка, маху» и пр.

Этотъ оттѣнокъ, выражаемый род. п., придастъ особую выразительность напр. въ: Хочу поразмять своего плеча богатырскаго. Поостри сердца своего (Соболевскій, Лекціи[3] 196).

Эти различія въ значеніи глагола въ связи съ род. или вин. падежомъ объекта, наблюдаемыя и въ другихъ славянскихъ языкахъ, несомнѣнно восходятъ къ праславянскому языку и ведутъ свое начало отъ индоевроп. значеній этихъ двухъ падежей объекта. Миклошичъ, Syntax 487, 488, приводитъ рядъ такихъ примѣровъ, напр. аще кто уръветь бороды смолнянину; малорус.: да возьму ножа, началъ дуба рубати и пр.

Можетъ быть такое ограниченіе значенія глагола вызвало: скажите мнѣ прямаго пути ко святому граду (Mikl. 498) и пр.

Не привожу указанныхъ Миклошичемъ примѣровъ изъ польскаго, чешскаго и лужицкаго языка, такъ какъ не могу оцѣнить ихъ точное значеніе. Миклошичъ считаетъ эти оттѣнки значенія наиболѣе тонко развитыми въ польскомъ и чешскомъ языкахъ.

Такое же ограниченіе значенія глагола нужно видѣть въ греч. παροίξας τῆς θύρας, ἔτεμον τῆς γῆς, которыя Бругманнъ, Kurze vgl. Gr. 436, переводитъ: die Thür zumteil (ein wenig) öffnend, verwüsteten von dem Lande. и т. д.

Для болѣе удобнаго обозрѣнія приведу вкратцѣ перечень тѣхъ главныхъ категорій глаголовъ, при которыхъ употреблялся род. п. объекта во время возникновенія род.-винительнаго, т. е. въ праславянскую эпоху и позже, въ томъ числѣ и тѣ глаголы, при которыхъ род. п. являлся по требованію значенія объекта.

Изъ предыдущаго понятно, что глаголы, имѣющіе значеніе «ѣсть», «пить», «вкусить», «насыщаться» и пр. употреблялись уже съ индоевроп. праязыка съ род. п., когда объектъ при нихъ представлялся какъ вещество: «поѣшь хлѣба», «выпилъ воды». Но при предметныхъ признакахъ вин. п.: «съѣлъ хлѣбъ», пьетъ воду»; и при обстрактомъ значеніи вин п.: «онъ пьетъ обыкновенно воду и чай».

При глаголахъ, какъ «дать», «взять», «принести», «черпать», «купить», «послать», «сѣять», «достать» и пр. род. п. употреблялся тогда, когда объектомъ было вещественное понятіе въ широкомъ смыслѣ (включая сюда и собирательное понятіе съ признаками вещественнаго), или же когда само дѣйствіе представлялось въ указанномъ выше смыслѣ какъ-нибудь ограниченнымъ: «дай хлѣба», «дай ножика», ср. «дай хлѣбъ», «дай ножикъ».

Глаголы съ значеніемъ «слышать», «слушать», «смотрѣть», «глядѣть», «видѣть», «помнить», «жалѣть», «сомнѣваться» и т. д. употреблялись съ индоевроп. эпохи съ род. п. объекта, частію рядомъ съ вин. п. (Delbrück, Vgl. Syntax I, 310; Miklosich, Vgl. Syntax 492). Само значеніе этихъ глаголовъ обусловливало такое отношеніе къ объекту, которое обозначается родительнымъ п. Напр. свѧтыихъ словесъ да слышимъ. Твоихъ мы пѣсенъ слушать рады (Крыловъ). Ктобъ посмотрѣлъ ретивого сердца (Пѣсни). Чего смотришь (ср. Буслаевъ, Синт. 294). Того и гляди.

Позримъ синего Дону (Слово о полку Игор.). Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго, услышалъ звону колокольнаго (Дух. ст.). усумнѣся брата своего (Лавр. сп.).

Употребленіе род. п. при предыдущихъ глаголахъ объясняется тѣмъ, что объектъ указываетъ лишь, куда направлена духовная дѣятельность, которая только касается объекта, но не одолѣваетъ его полностью. Ср. вынулъ сердце, бросилъ картину и т. д. Конечно, напр. дѣйствіе «видѣть» можетъ представляться и иначе, чѣмъ и объясняется употребленіе вин. п.

Глаголы духовнаго и тѣлеснаго стремленія употреблялись съ индоевроп. праязыка съ род. п., какъ: «искать», «спрашивать», «ждать», «просить», «хотѣть», «желать», «требовать», «жаждать», «домогаться», «достигать» и пр. (Miklos., Syntax 490): Добра хотѣть; въпрашакши имене. Когда значенія такого глагола и объекта конкретныя опредѣленныя, между ними является такое отношеніе, которое обозначается вин. п.: «онъ требуетъ отвѣта» «онъ истребовалъ бумагу», «онъ ищетъ случая, квартиры»—«онъ отыскалъ квартиру брата», «онъ проситъ позволенія, пощады»—«онъ испросилъ доступъ», «ждалъ случая»—«выждалъ случай». Понятно, при такихъ условіяхъ одна конструкція можетъ вытѣснить другую. Въ русскомъ языкѣ вин. п. распространяется на счетъ родительнаго, такъ какъ употребленіе послѣдняго обусловлено уже въ значительной степени лишь внѣшней связью съ извѣстными глаголами, а не столько значеніемъ его. Указанное здѣсь чередованіе, наблюдаемое отчасти и въ другихъ славянскихъ языкахъ, представляетъ остатки древняго, болѣе яснаго сознанія различія между значеніями этихъ падежей.

Въ праславянскомъ языкѣ род. п. употреблялся еще при другихъ глаголахъ, напр. малорус. грати козака, скакалъ трепака и пр. Глаголы со значеніемъ «пытать», «испытать», «блюсти» принимали раньше также род. п.: «испытаемъ мечевъ своихъ» (См. Бусл., Синт. 294). Этотъ род. п. восходитъ къ индоевроп. праязыку и раздѣляется другими языками, такъ какъ значеніе этихъ глаголовъ соотвѣтствуетъ родительному п.

Въ предыдущемъ я оставилъ въ сторонѣ тѣ глаголы, употреблявшіеся съ род. п. объекта, которые въ индоевроп. праязыкѣ сочетались съ отложительнымъ п. (аблативомъ), совпавшимъ въ балтійскославянскомъ языкѣ съ родительнымъ п., напр. «бѣжать», «лишать», «бояться», «стыдиться». Значеніе род. п. при нихъ наиболѣе расходится съ значеніемъ вин. п., такъ что эти случаи употребленія род. п. не могли содѣйствовать сближенію этихъ падежей между собою.

Уже въ балтійскославянскую эпоху при отрицательномъ глаголѣ объектъ былъ въ род. п., кромѣ извѣстныхъ случаевъ, въ которыхъ вин. п. объекта сохранился въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ («Къ синтаксису...» 20).

Потебня говоритъ («Изъ зап. по рус. гр. II, 1888[2], стр. 326), что отрицаніе «разрушаетъ прежнюю связь глагола съ объектомъ. Дѣйствительный глаголъ съ отрицаніемъ не есть уже дѣйствительный, а потому ставится языкомъ на одну доску съ среднимъ».

Согласно вышеизложенному глаголъ и при отрицаніи остается переходнымъ, требующимъ объекта. Но Потебня былъ правъ въ томъ отношеніи, что онъ видѣлъ въ отрицательныхъ предложеніяхъ съ род. п. объекта совершенно другое отношеніе глагола къ объекту, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ утвердительныхъ предложеніяхъ съ вин. п. объекта. Это различіе въ отношеніи глагола къ объекту именно было причиной тому, что при отрицательномъ глаголѣ стали употреблять род. п. объекта. Дѣло въ томъ, что такой отрицательный глаголъ обозначаетъ абстрактное дѣйствіе и служитъ лишь для указанія на условія, вытекающія изъ отсутствія даннаго дѣйствія («Вин. п. прямого допол.» 17 слѣд.). Самого дѣйствія нѣтъ, а объектъ указываетъ лишь направленіе фиктивнаго дѣйствія. Для обозначенія такого отношенія подходитъ именно род., не вин. п. «Я не вынулъ души» значитъ, что душа осталась на мѣстѣ, или, что по отношенію ко мнѣ нѣтъ тѣхъ условій, которыя вытекали бы изъ подобнаго дѣйствія какъ мотивъ, послѣдствіе и т. д.

Но когда говорящій желаетъ отвергнуть само дѣйствіе, уже возбужденное въ соотвѣтствующемъ положительномъ (утвердительномъ) сужденіи въ душѣ слушателя, или съ увѣренностью ожидаемое или желаемое имъ и т. д., то всегда употреблялся и теперь употребляется въ русскомъ языкѣ конструкція съ вин. п. объекта, допускающая именно такое отношеніе дѣйствія къ объекту, которое существуетъ въ соотвѣтствующемъ утвердительномъ сужденіи. «Не вынулъ я душу», «не бери мою палку» отвергаютъ дѣйствія, которыя слушатель представляетъ себѣ какъ конкретныя. См. «Вин. п. прямого доп.» 21 слѣд. Такъ какъ такое отрицательное предложеніе противопоставляется утвердительному сужденію, то отрицаніе кажется болѣе сильнымъ, чѣмъ въ отрицательныхъ предложеніяхъ съ род. п. объекта.

Что не само отрицаніе, а извѣстнаго рода синтаксическія значенія, присущія между прочимъ отрицательнымъ предложеніямъ, вызывали род. п., видно и изъ того, что род. п. встрѣчается въ неотрицательныхъ предложеніяхъ, сходныхъ по смыслу съ отрицательными: забыхъ сънѣсти хлѣба моего, малорус. забулся зачинить хаты и пр. (Miklos. Syntax 500). Объ этомъ свидѣтельствуетъ также употребленіе род. п. при неотрицаемомъ инфинитивѣ, зависящемъ отъ отрицаемаго личнаго глагола (см. «Къ синтаксису» 26 слѣд.), напр. «не могъ я изъ родильницы души вынуть», «никто въ нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы».

Такимъ образомъ мы видимъ и при отрицаемомъ глаголѣ такое же чередованіе падежа объекта въ зависимости отъ различія въ отношеніи его къ глаголу, какъ при разсмотрѣнныхъ выше неотрицательныхъ глаголахъ.

Но почему мы не находимъ въ другихъ языкахъ, кромѣ славянскихъ и балтійскихъ, род. объекта при отрицаніи? Я думаю, если вообще можно отвѣтить на такой вопросъ, именно потому, что въ нихъ не сохранилось чередованія между род. и вин. объекта вообще, а безъ этого затемняется и сознаніе различія между значеніями этихъ падежей. Впрочемъ такой род. п. при отрица-

нія употреблялся и въ германскомъ языкѣ, напр. въ готскомъ ni habaida diupaizos airthos—не имѣло глубокой земли, Марк. 4,5.

Изъ такого преимущественнаго употребленія род. п. при отрицаніи въ связи съ особеннымъ значеніемъ его объясняется вторженіе его въ область именительнаго п.: нѣ бѣ имѧ чѧда— οὐκ ἦν αὐτοῖς τέκνον (ср. Jagić, Beiträge z. slav. Syntax 18); «у него нѣтъ денегъ»; «не получено вѣстей». Такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Остатки такого род. п. встрѣчаются въ германскихъ языкахъ: готск. ni was im barne (род.)—не было у нихъ дѣтей; средневерхненѣмец.: mir kom sō lieber geste nie.

Предыдущія бѣглыя замѣтки достаточно ясно показываютъ, что въ индоевроп. праязыкѣ, въ праславянскомъ и позже прямое дополненіе при переходящихъ глаголахъ обозначалось родительнымъ и винительнымъ п. Оба падежа различались по значенію, но сравнительно съ другими падежами они были между собою настолько близки по своимъ функціямъ, что они частію смѣшивались въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ или же стали внѣшнимъ образомъ связываться съ опредѣленными глаголами, такъ что грамматика можетъ въ общемъ говорить о глаголахъ, управляющихъ род. или вин. п. При смѣшанномъ употребленіи ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и при отсутствіи чередованія между ними въ зависимости отъ значенія, въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ стало утрачиваться и сознаніе различія между значеніями ихъ, вслѣдствіе чего вин. п., указывавшій болѣе опредѣленно на объектъ, сталъ преимущественно замѣнять род. п., какъ напр. въ латинскомъ языкѣ.

При такихъ условіяхъ весьма понятно, что когда особыя условія заставляли избѣгать винительнаго п., то и род. п. могъ замѣнить вин. п., какъ это случилось съ вин. п. названій живыхъ существъ, особенно лицъ, въ праславянскомъ языкѣ и въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Этой замѣнѣ способствовало здѣсь еще то обстоятельство, что въ славянскомъ языкѣ род. п. былъ особенно употребительнымъ, на что указываетъ между прочимъ распространеніе его въ отрицательныхъ предложеніяхъ, а съ

другой стороны, указанное выше разнообразное употребленіе его въ болѣе позднее время.

Въ виду этого нѣтъ никакого основанія видѣть въ возникновеніи род.-винительнаго въ славянскихъ языкахъ какое-то исключительное явленіе и прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ объясненіямъ при помощи аналогіи, какъ это мы видимъ въ новѣйшихъ работахъ по вопросу о происхожденіи род.-вин. въ славянскихъ языкахъ.

При присущихъ праславянскому языку условіяхъ родительный п. могъ и долженъ былъ по необходимости заступить мѣсто винительнаго прежде всего при названіяхъ лицъ съ опредѣленнымъ значеніемъ, когда они были психическимъ подлежащимъ, а слушатель долженъ былъ понимать ихъ какъ Pat., въ винительномъ п., такъ какъ безъ такой отличительной формы винительнаго падежа слушатель понималъ бы ихъ какъ Ag., 1) потому что лица являются вообще преимущественно какъ Ag. и 2) потому что психическое подлежащее стремится сдѣлаться и грамматическимъ подлежащимъ, именительнымъ п., который вмѣстѣ съ тѣмъ есть падежъ Agens'a при дѣйствительномъ глаголѣ.

Одесса.

А. И. Томсонъ.

Къ литературной исторіи басенъ И. А. Крылова.

I.

Въ Чертковской библіотекѣ (при Историческомъ музеѣ въ Москвѣ) намъ удалось разыскать интересный, никѣмъ еще не отмѣченный экземпляръ басенъ Крылова («Басни Ивана Крылова. Вновь исправленныя. Вторымъ тисненіемъ. СПб. 1811»), съ его собственноручными поправками. Насколько большое значеніе придавалъ этимъ послѣднимъ самъ авторъ, видно изъ того, что большинство изъ нихъ сдѣлано дважды—карандашомъ и чернилами[1]), нѣкоторыя — карандашныя—переписаны были вторично на отдѣльныхъ вклеенныхъ листкахъ, на другой страницѣ, или обведены чернилами. Поправки затѣмъ даны и къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ басенъ, текстъ которыхъ считался окончательно установленнымъ (напр., «Человѣкъ и Левъ»). Большинство изъ нихъ не вошло въ послѣдующія изданія, и это придаетъ имъ еще большій интересъ, потому что даетъ рядъ новыхъ чертъ для исторіи творчества баснописца и возстановляетъ одно изъ промежуточныхъ звеньевъ въ исторіи развитія текста его басенъ. Экземпляръ этотъ, повидимому, долженъ былъ лечь въ основу новаго

1) Крыловъ, повидимому, переписалъ чернилами карандашныя поправки позднѣе—для большей сохранности.

изданія; Крыловъ затѣмъ забылъ или затерялъ его, и не воспользовался сдѣланными поправками, среди которыхъ есть и очень удачныя.

Поправки указываются дальше въ порядкѣ расположенія басенъ. Зачеркнутыя мѣста взяты въ скобки [ ].

Ворона и Лисица. Съ лѣвой стороны отъ текста басни, подъ оглавленіемъ, даны карандашныя, перечеркнутыя чернилами, поправки.

[На дерево повыше взгромоздясь]
[уже]
[За сыръ было ворона принялась]
[За завтракъ ужъ было ворона принялась]

На стр. 1 зачеркнуты 5 и 6 стихи. Сбоку ихъ (справа) — крестъ, слѣва[1])—вписано слово «было».

Дубъ и Трость. На стр. 2 зачеркнуты чернилами карандашныя поправки:

[Долины цѣлыя здѣсь] я (?)
[Хотя бы ты уже].

На стр. 3 зачеркнуты чернилами стихи 11, 17, 20 и 21; при нихъ справа поставлены значки (вѣроятно, къ поправкамъ на отдѣльномъ листкѣ, теперь затерянномъ). Надъ стихомъ 11 написано карандашомъ и зачеркнуто чернилами слово «Солнце»; въ стихѣ 17 въ словѣ «бъ» твердый знакъ поправленъ карандашомъ на *ы*; при стихѣ 20 сбоку написано карандашомъ и зачеркнуто чернилами слово «развела».

На стр. 4 зачеркнуты чернилами (опять со значками, слѣва) стихи 1 и 9. Надъ первымъ изъ нихъ сверху надписаны каран-

1) На отдѣльномъ вклеенномъ листкѣ, какъ и всѣ слѣдующія чистовыя поправки.

дашомъ слова «хотя» и «приклонялъ»; около второго слѣва (въ немъ зачеркнуто первое слово) стоитъ написанное карандашомъ и зачеркнутое чернилами «бунтуетъ».

Музыканты. Стр. 4. Карандашная поправка, зачеркнутая чернилами:

[И я не нахвалюсь ихъ поведеньемъ].

На стр. 5 зачеркнутъ карандашомъ и чернилами 15 стихъ (справа значокъ).

Два голубя. Стр. 6. Передъ стихомъ 11 справа написано и зачеркнуто карандашомъ «хотѣлъ бы»; въ стихѣ 17 зачеркнуто карандашомъ и чернилами «жестокой»; слѣва карандашомъ и сверху чернилами вмѣсто него поставлено «ахъ!» Стихъ 21: зачеркнуто «упрашивать», сверху неразборчивая (зачеркнутая) карандашная поправка (тебя просить?). Въ стихѣ 22 сбоку карандашомъ (обведено затѣмъ чернилами) «а то».

Стр. 7. Зачеркнуты стихи 3 и 4, сверху и сбоку неразборчивая карандашная поправка.

Ларчикъ. Стр. 12. Въ стихѣ 3 вмѣсто зачеркнутаго «догадался» карандашомъ написано «доискался».

Моръ звѣрей. Стр. 12. Написано чернилами:

Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ[1]).
Пускай же.

Стр. 13. Стихъ 17 зачеркнутъ чернилами; сверху карандашомъ (затѣмъ зачеркнуто): «въ семъ горѣ на». Въ стихѣ 23 зачеркнуто чернилами «такъ»; сбоку (карандашомъ, зачеркнуто чернилами) «пускай же»; въ стихѣ 24 зачеркнуто «пускай».

Стр. 14. Вмѣсто зачеркнутаго 2 стиха карандашная по-

1) Поправка эта вошла въ изданіе 1844 г.

правка: «и ужъ боговъ (выправлено изъ печатнаго «богамъ») — съ нами примирилъ».

Стихи 11, 12 и 14 зачеркнуты. Вмѣсто нихъ сверху мало разборчивыя карандашныя поправки:

[Здѣсь] самъ себя изобличитъ
Кто.........
Грѣшенъ.

Разборчивая невѣста. Стр. 19. Въ стихѣ 22 вмѣсто «закралась грусть» карандашная и чернильная поправки «сушитъ тоска».

Стр. 20. Въ стихѣ 2 зачеркнута первая половина. Вмѣсто нея сверху написано карандашомъ (и зачеркнуто чернилами) «обожателей». Отъ стиха 9 и до конца все зачеркнуто. Внизу рядъ зачеркнутыхъ поправокъ:

[Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку] — чернилами.
[Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку] — карандашомъ.
[Она бъ $\frac{\text{казалось (?) ей}}{\text{за первова}}$ пошла]
[Ково судьба ей ни дала]
[И рада, рада ужъ была]
[Что вышла за калѣку].

Къ этой страницѣ подклеенъ особый листокъ съ цифрой «20» и слѣдующими поправками (при нихъ значки, соотвѣтствующіе значкамъ при зачеркнутыхъ стихахъ на стр. 20):

Отъ обожателей.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Безъ выбору она взяла,
Ково ей первава судьба дала,
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.

Волкъ и ягненокъ. Стр. 21. Въ стихѣ 20 вмѣсто «питья» карандашная поправка сверху «воды»

Парнасъ. Стр. 23. Въ стихѣ 6 вмѣсто «тутъ» карандашная поправка сверху «тамъ».

Стихи 11—15 зачеркнуты; вмѣсто нихъ сверху неразборчивая карандашная поправка:

Кричитъ... друзья... надо
Хотя бы.....
Такъ....

Стихъ 23 зачеркнутъ. Вверху надъ нимъ перечеркнута неразборчивая карандашная поправка.

Левъ и Комаръ. Стр. 24. Карандашная и двѣ чернильныхъ поправки:

[Изъ басни ты увидишь здѣсь].
Изъ басни ты увидишь здѣсь.
Вотъ до меня о томъ дошло что стороною.

Стр. 25. Зачеркнутъ 5-ый стихъ. Сверху и сбоку малоразборчивыя карандашныя поправки:

....басни... увидишь здѣсь.

Зачеркутъ также стихъ 7-ой; сверху, чернилами:

[Что о томъ—дошло мнѣ].

Въ стихѣ 8-мъ вмѣсто «сухое» карандашомъ сверху написано «когда то».

Стр. 26. Въ стихѣ 8 вм. «о землю грянулся» сверху написано (и зачеркнуто карандашомъ): «на землю ринувшись»; внизу чернилами: «на землю ринулся». При стихѣ 11 стершаяся карандашная поправка.

Роща и Огонь. Стр. 32. Зачеркнуты стихи 3 и 4. Сверху (карандашомъ, зачеркнуто): «давеча», «не прогнавъ снѣговъ». Внизу страницы чернилами:

Какъ давеча оно спѣсиво ни блистало.
Но, не прогнавъ снѣговъ, спустилось на ночлегъ.

Лягушки, просящія царя. Стр. 33. Въ стихѣ 15 вм. «кельямъ» сверху чернилами написано «норкамъ». Стр. 34. Въ стихѣ 28 вмѣсто «великой» сверху исправлено карандашомъ «престрашной». Стр. 35. Зачеркнуты стихи 12 и 13. Сверху неразборчивое, написанное карандашомъ слово. Внизу карандашомъ и чернилами (первое зачеркнуто) одни и тѣ же стихи:

Не мнѣ ли всякой часъ
Покою не было отъ васъ.
Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?

Левъ и человѣкъ. Стр. 36. Стихъ 25—вмѣсто «взгляни» карандашомъ и чернилами (на стр. 37) «вотъ посмотри».

Старикъ и трое молодыхъ. Стр. 38. Въ стихѣ 22 вмѣсто «приличнѣе всево» карандашная и чернильная поправка «пора бы привыкать».

Орелъ и Куры. Стр. 40. Въ стихѣ 5 вмѣсто «изъ», карандашомъ и чернилами (на стр. 41)—«въ низъ съ».

Муха и дорожные. Стр. 43. Вмѣсто 15 стиха (не зачеркнутаго) карандашная и чернильная поправки:

И пользы никакой не могутъ хоть принесть.

Часть вклеенныхъ листковъ осталась чистою: Крыловъ забылъ или не успѣлъ ими воспользоваться.

II.

Ранняя редакція басни „Пушки и Паруса".

Благодаря любезности В. И. Саитова, приславшаго намъ точную копію, мы имѣли возможность познакомиться съ любо-

пытнымъ автографомъ Крылова — черновой ранней редакціей басни «Пушки и паруса».

По указанію В. И., это — «черновой автографъ Крылова на полулистѣ почтовой бумаги большого формата. Сбоку помѣта карандашомъ: «написано собственною рукою Ив. Ан. Крылова въ 1827 г.». Изъ собранія рукописей, хранящихся въ Собственной Его Величества библіотекѣ Зимняго дворца. Автографъ отдѣла кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго».

Басня «Пушки и Паруса» впервые была напечатана въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 г. (стр. 149—150). Къ этому году она обыкновенно и пріурочивалась. Автографъ кн. Лобанова-Ростовскаго заставляетъ отодвинуть ее на два года назадъ. Онъ даетъ затѣмъ рядъ варіантовъ къ установленному въ изданіи 1844 г. тексту и отчасти вскрываетъ работу Крылова надъ нимъ.

Дальше мы приводимъ эти варіанты въ порядкѣ стиховъ.

3. изъ люковъ.
11. [графскаго иль княжескаго][1])
15. съ собой несемъ.
22. тучами густыми.
26. [утихла][2])
28. [сталъ] сдѣлался.
29. И [носится] въ морѣ носится, какъ вялая колода.
31. вдоль нево.

III.

Крыловскіе автографы Румянцовскаго музея.

Румянцовскому музею принадлежитъ замѣчательный экземпляръ «Новыхъ басенъ Ивана Крылова» (СПб., 1811), съ соб-

1) Зачеркнуто и замѣнено двумя словами, которыхъ нельзя разобрать.

2) Зачеркнуто и замѣнено тремя словами, изъ которыхъ можно разобрать послѣднее «бушуетъ».

ственноручными поправками баснописца, не вошедшими, за немногими исключеніями, ни въ одно изданіе басенъ. На него впервые обратилъ вниманіе А. И. Кирпичниковъ («Починъ» 1895, стр. 228—229; перепечатано въ «Очеркахъ по исторіи новой русской литературы», т. I, изд. 2, М., 1903, стр. 169—170), но извлекъ изъ него не всѣ данныя, и не всегда точно. Это заставляетъ насъ дать болѣе обстоятельное описаніе этого экземпляра.

Поправки сдѣланы на вклеенныхъ листкахъ и снабжены значками (×, ⧺, #, ⧻), соотвѣтствующими значкамъ при стихахъ печатнаго текста, которые Крыловъ хотѣлъ измѣнить. Первый листокъ, повидимому, исчезъ: на стр. 2 печатнаго текста есть помѣты, для которыхъ нѣтъ соотвѣтствующихъ поправокъ. На этой страницѣ слѣдующіе рукописные варіанты (басня «Откупщикъ и Сапожникъ»):

Стихъ 2. И богачу [соснуть никакъ онъ не] даетъ [1])
13. Дѣлишки [сударь] баринъ.
16. [И вѣрно] На Бога грѣхъ роптать, и.
28. [ужъ тѣмъ ведется свѣтъ].

На стр. 3, стихъ 16 зачеркнуто и подчеркнуто слово «примчалъ» (въ изд. 1815 г. оно оставлено). Стр. 5 («Вороненокъ»), стихъ 3:

[И выхватилъ ягненка] и подхватя унесъ ягненка
(приписано на стр. 4).

14. [окинулъ стадо] [обозрѣлъ] [2])

На стр. 9 («Подагра и Паукъ») стихъ 12: [что] лишь.

14. [паукъ мой терпѣливъ]
15. оттол $\frac{\text{ь}}{[\text{ѣ}]}$ $\frac{\text{его}}{[\text{паука}]}$ метлой.
16. [Паукъ туда, сюда—гдѣ сѣть сновать не станетъ].

---

1) Въ изд. 1815 г. оставлено безъ перемѣнъ.
2) поставленъ и зачеркнутъ значокъ.

На стр. 10 въ стихѣ 13:

[Превосходительству] Сіятельству.

На стр. 11 («Лисица и Виноградъ») стихъ 4:

[разомлѣлись] разгорѣлись.
5. [горятъ] висятъ.

На стр. 14 («Слонъ на воеводствѣ») стихъ 11:

[Вдругъ] Вотъ.

На стр. 15. («Крестьянинъ въ бѣдѣ») стихъ 4:

[тамъ] всѣ.

На стр. 20 («Волкъ и Волчонокъ») въ стихѣ 6:

[На счетъ сосѣдній отобѣдать] Хоть захватя грѣха,
На счетъ бы пастуха
Позавтракать иль [1]).... по [2])... обѣдать (стр. 21).

На стр. 23 въ 14 ст. «по бородѣ» — сбоку приписано «по платью иль».

Стр. 24, стихъ 10—11:

«у всѣхъ» — приписано сбоку «по ней одной»
[по ней одной].

Повидимому, Крыловъ хотѣлъ передѣлать эти стихи такъ:

По ней одной у всѣхъ
Подымутъ насъ на смѣхъ.

На стр. 26 («Мѣшокъ») стихъ 3:

Хоть онъ (приписано сбоку) [хоть такъ онъ вретъ] такую дичь несетъ.

12. ни $\frac{\text{кого обидѣть не хотѣли}}{\text{[на чье лицо не намекали]}}$.

15. нѣкогда $\frac{\text{за стойкою сидѣли}}{\text{[въ поднощикахъ бывали]}}$.

---

1) и 2) Дальше густо зачеркнуто.

21. которые $\frac{\text{нынѣ}}{\text{[теперь нерѣдко]}}$.

На стр. 28 («Огородникъ и Философъ») въ стихѣ 14:

[взялъ заступъ свой] за заступъ взялся.

На стр. 33 («Воспитаніе льва») въ стихѣ 12:

$\frac{\text{[и такъ я съ радостью тебѣ правленье]}}{\text{такъ [но] я тебѣ охотно царство}}$ сдамъ.

На стр. 35 («Оселъ и Соловей») въ стихѣ 4:

[желалъ] хотѣлъ.

Румянцовскому же музею принадлежитъ два автографа басенъ (отдѣльные листки), впервые упомянутые въ редактированномъ мною изданіи (т. IV, стр. 435 и 363) сочиненій Крылова, «Мыши» (21 — 1851)[1]) и «Василекъ» («изъ автографовъ И. Е. Бецкаго», въ витринѣ). Въ первой баснѣ 6-ой стихъ вписанъ позднѣе. Въ 7 стихѣ варіантъ (къ изд. 1844 г.):

[какъ слышно] капитанъ
Нашъ.

Стихъ 27: А достальное $\frac{\text{[пустая]}}{\text{[все] [одна лишь]}}$ клевета.

На второй баснѣ помѣта рукою Бецкаго: «подлинникъ Крылова, писанный въ Павловскѣ, во время его тамъ лѣченія. Получилъ отъ А. Н. Риля въ февралѣ 1824».

Варіанты (къ изд. 1844).

5. Межъ тѣмъ зефиру такъ онъ жалобно шепталъ.
10. Когда бы ты леталъ и зналъ бы болѣ свѣтъ.
21. И восхитительной для сердца красоты.
28. Солнце.
32. О$\frac{\text{с}}{\text{[т]}}$вѣтило.

---

1) См. Отчетъ Музея 1883—1885, стр. 87.

36. Кому судьбой здѣсь счастливою.
37. Носить.
38. [возьмите] берите.
41. И кедру и цвѣтку благоволитъ равно.

В. Каллашъ.

Слова Петра Черноризца.

Древне-русскіе сборники среди своихъ статей имѣютъ нѣсколько словъ «Петра Черноризца», «Петра нѣкоего», «Петра недостойнаго», принадлежащихъ, судя по близости содержанія и изложенія, одному автору.

Вотъ эти слова:

1) Петра недостойнаго, Сказаніе о постѣ и о молитвѣ устава церковьнаго; начало: Подобаеть всему крестьяну человѣку годити Богови своему, въ негоже имя крьстивъшеся...

Находится въ пергаменномъ сборникѣ Троицкой Лавры XII—XIII в. № 12, л. 56 об., не вполнѣ, менѣе половины.

Оно издано, по позднему списку, въ *Правосл. Собесѣдн.* 1858 г. т. I, стр. 141—167, съ заглавіемъ: Слово святыхъ отець о постѣ и о востаніи церковнаго чину, и съ начальными словами: Подобаеть, братье, всякому человѣку крьстьянину наченше вѣровати Господу Богу.

Авторъ говоритъ о постахъ великомъ и другихъ.

Между прочимъ: «Егда Господь воскресе, тогда *солнце стояло* не заходя 8 дній, всю ту недѣлю. Егда же недѣля та кончилася, тогда солнце зашло. Та бо недѣля одинъ день есть» (*Прав. Собесѣдникъ*, стр. 147).

Передѣлка этого слова находится въ Измарагдѣ 2-й редакціи (слово 125-е) и въ Златоустѣ, съ заглавіемъ: Слово святыхъ

апостолъ и святыхъ отьць о велицѣмъ постѣ и о Петровѣ и о Филиповѣ, съ начальными словами: Иже вѣрніи суть, слышите, братіе и сестры и вси, старци и уніи. Эта передѣлка помѣщена также въ Златой Цѣпи XIV в. Троицк. Лавры № 11, л. 96 (здѣсь заглавіе: Слово о постѣ о велицѣмь и о Петровѣ говѣньи и о Филиповѣ, а начало: Послушайте, братіе и сестры и чада и вси, старіи и уніи, и вси вѣрніи...). Она издана, по списку Соловецкаго Измарагда XVI в.,—въ *Прав. Собес.* 1859 г., т. III, стр. 445—452.

Здѣсь, между прочимъ (по списку Златой Цѣпи): «Та бо недѣля одинъ день. Егда Христосъ воскреслъ, тогда солнце стояло не заходя всю ту недѣлю. Тѣмь же вѣрніи...» [1])

2) Поученіе о спасеніи душевнѣмъ, Петра Чръноризца; начало: Всякому человѣку, братіа, подобаеть живущи въ кратцѣй сей жизни въ темнѣй помышляти о своей плъзѣ...

Находится въ южно-русскомъ сборникѣ 1568 года Имп. Публ. Библ. Толст. I, 62 (= F. I. 4), л. 204.

Словарный матеріалъ несомнѣнно—южно-славянскій: *небонъ*, *мънити* думать, *слѣдъникъ* наслѣдникъ, *пошибеніе* безуміе. Еще стоитъ отмѣтить: *зять* женихъ, *единочадъ*.

Это слово было передѣлано и сильно сокращено. Передѣлка (простое, живое и интересное поученіе) носитъ заглавіе: Слово преподобнаго Петра Черньца; начало: Любиміи, почто ся чюжаемъ вѣчныя жизни и радости... Она намъ извѣстна въ сборникѣ Имп. Публ. Библ. Q. I. 312, 1412 г., л. 202 об. — 203 об.

3) Слово св. Петра Черноризца о временнѣмъ житьи; начало: Возбни, душе, хотящи взыскати себѣ добра въ семъ житіи...

Находится въ Прологѣ подъ 28 февраля и во многихъ сборникахъ (Погод. № 1024, XV в., л. 369 об.; отсюда взяты за-

---

1) Сличеніе этихъ двухъ словъ о постѣ сдѣлано Буслаевымъ въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, I, 94—96; о второмъ словѣ упомянуто у Горскаго и Невоструева, II, 3, 73—74.

главія и начальныя слова; Публ. Библ. Q. I. 312, л. 119 об., безъ конца, и др.), а сверхъ того, въ Златой Цѣпи XIV в. Тр. л. № 11, л. 88.

4) Слово Петра нѣкоего [1]) о супротивьи всяцѣмь; начало: Человѣкъ ища разума Божия и правды его и пекыйся о заповѣдехъ...

Находится въ Прологѣ подъ 23 декабря и въ сборникахъ (Погод. № 1024, л. 297 об. и л. 371 об., дважды; Унд. № 570, XVI в., л. 55 и др.).

Здѣсь рѣчь идетъ о правдѣ и кривдѣ.

«Сходное по мыслямъ» Слово св. отець о правдѣ и неправдѣ (начало: Убо первѣе правда предъ Богомъ сотворена) помѣщается въ Измарагдѣ 2-й редакціи, слово 242-е.

5) Слово Петра Черноризца о житіи семъ; начало: Аще кто отъ человѣкъ укоры и скорби и бѣды терпитъ въ худомъ житіи семъ...

Находится въ Измарагдѣ 2-й редакціи, слово 157-е, и въ сборникахъ разнаго состава. Повидимому, передѣлка неизвѣстнаго намъ большого слова.

6) Слово Петра Черноризца на богатыя и убогія; начало: О богатіи слѣпіи, убозіи правдою...

Извѣстно намъ въ сб. Синод. Библ. XVII в. № 686 (Горск. и Нев. № 334), л. 456. Повидимому, извлеченіе изъ большого слова.

Мы увѣрены, что болѣе тщательные поиски въ сборникахъ дадутъ еще нѣсколько статей съ именемъ Петра.

Кто этотъ Петръ?

Не имѣя данныхъ для рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, мы рѣшаемся предложить одну догадку.

---

1) «Нѣкоего» едва ли не искаженіе изъ «инокааго».

Петръ—не русскій, а южный славянинъ, одинъ изъ дѣятелей древнѣйшей церковно-славянской письменности. Языкъ старшихъ списковъ его словъ это показываетъ достаточно ясно. Онъ владѣетъ, по-своему, отличнымъ литературнымъ образованіемъ. Его наставленія и разсужденія, не смотря на всю живость изложенія, имѣютъ очень общій характеръ; въ нихъ почти вовсе нѣтъ бытовыхъ подробностей.

Въ сборникѣ собранія Ундольскаго, XVI вѣка, № 585, л. 80 об., находится статья «Изъ Четья Жемчюга и изъ Златой Матицы, глава 23, о языцѣ». Это—извлеченіе изъ своеобразной Пчелы, русскаго состава, гдѣ есть и «Акиръ рече», и «Зончюгъ рече», и «Отъ лѣтописанія. Рече нѣкій старецъ кіевскій блаженный». Здѣсь мы читаемъ: «*Петра царя*, рече. Да не будуть уста твоя дверь злымъ рѣчемъ, ни языкъ твой не износитъ лиха глаголанія, ни гортань твой путь непоставныхъ рѣчей» [1]).

Значитъ, въ древне-русской письменности были извѣстны произведенія съ именемъ автора—*Петра царя*, т. е. Петра, царя болгарскаго, сына знаменитаго Симеона, и эти произведенія были учительныя слова.

Рѣдчайшая печатная книга, увидѣвшая свѣтъ въ Венеціи въ 1572 году, содержащая въ себѣ церковныя пѣснопѣнія и мелкія апокрифическія статьи, имѣетъ слѣдующую замѣтку издателя, Іакова изъ Софіи: «Сый изводь (= текстъ) обрѣтохь азь, Іаковь, въ книгахь *Петра цара блъга(р)скаго*, иже беше тому настольни градь—велики Прѣславь, и умрѣть вь вѣлики Римь». Къ чему именно относится эта замѣтка, ко всему сборнику, или къ какой-нибудь его статьѣ, неясно; но ясно, что издатель былъ знакомъ съ какимъ-то сборникомъ (= «книги»), гдѣ были статьи съ именемъ «Петра царя болгарскаго».

Средне-болгарскія рукописи имѣютъ указанія на то, что царь Петръ скончался монахомъ и былъ прославляемъ какъ святой.

---

1) По другому списку эта статья издана въ *Изв.* 1907 г. Ѳ. И. Покровскимъ (имени Петра царя въ немъ нѣтъ).

Трифолой Зографскаго монастыря XIII вѣка имѣетъ подъ 30 января три стихиры въ честь Петра: «памать свꙗтаго отца нашего *Петра инокааго бывшаго царъ блъгаромъ*»; о нихъ см. у Срезневскаго, «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма», стр. 121, и «Свѣдѣнія и замѣтки», N LXVIII, стр. 417; Срезневскій издалъ и самыя стихиры.

Другія стихиры въ честь Петра изданы Григоровичемъ въ «Статьяхъ, касающихся древняго словянскаго языка», стр. 93.

Мы находимъ возможнымъ догадываться, что «Петръ Черноризецъ» нашихъ текстовъ есть не кто иной, какъ царь болгарскій Петръ.

Необходимо имѣть въ виду, что въ русскихъ сборникахъ имѣется одна статья принадлежащая *Петру Дамаскину*, въ заглавіи которой этотъ греческій авторъ названъ «*Петромъ Черноризцемъ*». Это—Сказаніе отъ Златоустаго къ нѣкымъ инокамъ; начало: Любите смѣреніе, еже паче всѣхъ вѣсть Христосъ смѣривый себе до смерти.

Оно находится въ Троицкомъ сборникѣ № 763, XV в., л. 208, въ сб. Публ. Библ. Q. I. 209, XV в., л. 27 об., въ сб. Моск. Дух. Ак. Іосиф. № 163, XVI в., л. 291 об. и др. Въ сб. Моск. Синод. Библ. № 849, XVI в., л. 186 (=Горск. и Нев. II, 2, стр. 445) оно находится послѣ сочиненій Петра Дамаскина и ему приписывается.

Греческій его оригиналъ въ рукописяхъ извѣстенъ. Это—объясненіе ученія Іоанна Златоустаго Περὶ ἀσκήσεως: начало: Ἀγαπᾶτε τὴν ταπεινοφροσύνην. Его мы знаемъ въ рукописи Моск. Синод. Библ. № 421 (по каталогу архим. Владимира, стр. 634, л. 121 об.).

Петръ Дамаскинъ жилъ въ половинѣ XI в. и его сочиненія были переведены въ Болгаріи въ XIII—XIV вв., а въ Россіи сдѣлались извѣстны не ранѣе конца XIV в. Значитъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы слова, принадлежащія «Петру Черноризцу», о которыхъ нами говорено выше и которыя извѣстны

въ русскихъ спискахъ XII—XIV вв., могли принадлежать Петру Дамаскину. О разницѣ въ языкѣ мы уже не говоримъ.

Мы полагаемъ, что время изданія словъ Петра Черноризца еще не наступило. И поэтому издаемъ только ту часть его слова о постѣ, которая дошла до насъ въ спискѣ XII—XIII в.

А. Соболевскій.

Петра недостоинаго съ | казание о постѣ и о м҃лтвѣ оустава. и чина | цр҃квьнаго·:·÷. . . ~ [1])

Подобаѥть всемоу крьстьꙗноу ч҃лвкоу. годѣти б҃ви своѥмоу. въ нѥгоже имѧ крьстивъшеса. рекоу же въ имѧ прест҃ыꙗ тр҃цѧ. ѥдиного б҃а нашего. истиньнаго. о҃цѧ и с҃на и ст҃го д҃ха·:·

Небонъ крьщениѥмь ч҃лвкъ акы изнова породитьсѧ. потомь же растоужививъıи [2]) осквьрнитьсѧ. съгрѣшаꙗ б҃ви всѧчьскы. б҃ъ же имьже издрадь м҃лстивъ ѥсть. хощешь да бъıша вси ч҃лці съпасли сѧ. не остави ч҃лвка въ погыбѣли. нъ дасть покаꙗниѥ. да вссь истиною привѣгъ ноукъ къ нѥмоу. и въздъхноувъ тъчию. можеть приꙗтъ и милъ быти. обаче дасть и заповѣди. да иже любить. се слышавъ. да дьржить ꙗ оу себе въ ср҃дци. и сътворивъ ꙗ сп҃сеть·:·

Пьрваꙗ же заповѣдь ѥсть. ѥже любити б҃а всѣмь ср҃дцьмь. и трепетати словесъ ѥго. и съ страхъмь работати ѥмоу. и присно акы видѧще ходити. ѥльма же по вѣрѣ оумьнъıима очима. дозьримъ ѥго. аще и недомыслимъ ѥсть б҃ъ. то обаче ѥлико же даръ кто приꙗтъ ѿ нѥго. Въторaꙗ же заповѣдь есть. ѥже любити дроуга акы себе. какого любо ч҃лвка. нѣсть бо льзѣ намъ рещи. оньсицѧ правьдьнъ. а оньсіцѧ грѣшьнъ. нъ рещи. б҃ъ съвѣсть всѧ. а мнѣ своими грѣхы печаль ѥсть. да нѣсть ми трѣбѣ никъто же. Потомь же ѥже не блоудити. нъ аще подроужиѥ имоуще. то въ врѣмѧ нѣкоѥ приближитисѧ. неоудьржаниꙗ дѣльма. а не акы скотоу наслажатисѧ плътьскы без оустава. нъ размѣрити при всемь все своѥ житиѥ· да и б҃ъ въ тоу мѣроу ѿмѣрить на соудѣ. Аще

---

1) Пергам. Сборникъ Троицкой Лавры XII—XIII в. № 12 (2023), л. 56 об.

2) Надо читать: растѫжи и живꙑи?

ли кто ѿ родьства дѣвьство дьржить ба҃ дѣлꙗ. или разлоучивъса съ подроужїємь ба҃ дѣлꙗ. или оумьрло ѥмоу боудеть подроужиѥ. ти хощеть тако прѣбывати. подобаѥть такомоу чл҃вѣкоу. по коѥмоужьдо ѿ вьсѣхъ ѕѣло чистоу жити и блюсти вельми. ꙗко таковомоу паче вьсѣхъ ѕѣло завидить сотона. да инѣми и собою пакости ѥмȣ творить. да бы съгрѣшилъ и не сънабъдѣлъ са тако. чл҃вѣкъ тъ въздьржаиса·:·[1])

---

1) Пользуемся случаемъ, чтобы принести благодарность профессору Г. А. Воскресенскому за сдѣланный имъ для насъ списокъ этого отрывка.

Мелочи для біографій А. Ѳ. Писемскаго и А. А. Потѣхина.

Въ 1852-мъ году редакторомъ неоффиціальной части «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» былъ назначенъ старшій чиновникъ по особымъ порученіямъ при Костромскомъ губернаторѣ Н. Ѳ. фонъ-Крузе. Будучи человѣкомъ отчасти прикосновеннымъ къ литературѣ, онъ вздумалъ реформировать порученный ему отдѣлъ Губернскихъ Вѣдомостей, наполнявшійся до сихъ поръ лишь перепечатками изъ столичныхъ сельско-хозяйственныхъ и медицинскихъ журналовъ. Съ этою цѣлью въ первомъ же № «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» фонъ-Крузе помѣстилъ довольно широковѣщательное, хотя и не совсѣмъ грамотное, извѣщеніе «Отъ Редактора», гдѣ между прочимъ говорилось о редактируемыхъ имъ «Вѣдомостяхъ», что онѣ, «какъ мѣстное періодическое изданіе, будутъ заключать въ себѣ преимущественно свѣдѣнія о Костромской губерніи по предмету Исторіи, Археологіи и Статистики».

Хотя послѣ этого «извѣщенія» количество статей мѣстнаго характера въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» нисколько не увеличилось, такъ какъ писать-то все равно, какъ и прежде, было некому, но это дало поводъ самому фонъ-Крузе написать нѣсколько замѣтокъ объ Костромскихъ увеселеніяхъ. Въ двухъ изъ нихъ и содержатся нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о извѣстныхъ писателяхъ Алексѣѣ Ѳеофилактовичѣ Писемскомъ и Алексѣѣ

Антиповичѣ Потѣхинѣ, такъ какъ оба они, находясь въ то время въ Костромѣ, принимали видное участіе въ современной общественной жизни костромичей.

Въ первой изъ этихъ статей говорится о спектаклѣ 14 января 1853 года, устроенномъ въ пользу бѣдныхъ и театра г. Костромы[1]). Въ спектаклѣ этомъ принимали участіе и А. Ѳ. Писемскій, и А. А. Потѣхинъ. Прежде всего я отмѣчу содержаніе спектакля, такъ какъ оба писателя, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе и на выборъ піесъ. «Для этого спектакля благородные актеры, пишетъ фонъ-Крузе, выбрали четыре пьесы: *Маскарадъ*, двѣ сцены изъ драмы М. Ю. Лермонтова; *Выдалъ дочку за мужъ!* комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго П. С. Ѳедоровымъ; *Тяжба*, сцены Н. В. Гоголя и *Элексиръ гр. Каліостра*[2]), комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго». Въ настоящее время такой составъ спектакля въ одинъ вечеръ показался бы, пожалуй, слишкомъ тяжелымъ.

Переходя къ оцѣнкѣ игры «благородныхъ актеровъ», авторъ прежде всего дѣлаетъ общее замѣчаніе. «Отдавая должную справедливость таланту каждаго изъ принявшихъ участіе въ этомъ спектаклѣ лицъ, мы должны однако откровенно сказать, что, по нашему мнѣнію, самыя удачныя пьесы въ ихъ исполненіи были: *Выдалъ дочку за мужъ!* и *Тяжба*[3]). Содержаніе этихъ пьесъ вѣроятно знакомо нашимъ читателямъ и потому мы не станемъ ихъ утруждать разборомъ; къ тому же наша цѣль не заключается въ критическомъ разсмотрѣніи достоинства самыхъ пьесъ; мы хотимъ говорить единственно объ искусствѣ исполненія ролей».

Но въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ говоритъ почти исключительно объ игрѣ А. Ѳ. Писемскаго и А. А. Потѣхина. «Въ

---

1) «Благородный спектакль въ пользу бѣдныхъ и театра г. Костромы». *Костромск. Губ. Вѣд.*, 1853, № 4, Часть неоффиціальная.

2) Курсивъ вездѣ подлинника.

3) Пьесы, въ которыхъ участвовали А. Ѳ. Писемскій и А. А. Потѣхинъ.

первой изъ указанныхъ нами пьесъ, т. е. *Выдалъ дочку за мужъ!* весь ensemble былъ прекрасный. Роль Кукушкина игралъ А. Ѳ. Писемскій въ особенности превосходно. Г. Писемскій, какъ мы могли убѣдиться, обладаетъ прекраснымъ сценическимъ талантомъ; онъ совершенно понималъ свою роль и выдержалъ до конца. Иванъ Яковлевичъ явился со всѣмъ своимъ комизмомъ, какъ долженъ быть; добрякъ, который находится всегда въ зависимости и не можетъ пожить для себя самого. Однажды собрался покутить, устроивъ свою дочь замужествомъ, и тутъ не удалось, помѣшали... А. А. Потѣхинъ былъ очень хорошъ въ роли Антона Васильевича Буланова, отверженнаго любовника. Мы искренно смѣялись комической встрѣчи его съ Иван. Яковлевичемъ Кукушкинымъ. Антонъ Васильев. былъ потѣшно оригиналенъ какъ въ своихъ манерахъ, разговорѣ, страстной любви и упрекахъ, которыми онъ осыпалъ Ивана Яковлев., такъ и въ своемъ костюмѣ».

«Что касается до второй пьесы *Тяжба*; то здѣсь, по всей справедливости, должно сказать, что А. А. Потѣхинъ въ роли секретаря Пролетова былъ безподобенъ и едва ли самый искусный актеръ могъ бы лучше выполнить типическое лицо Гоголевскаго чиновника. Какъ онъ прекрасно выразилъ свой гнѣвъ противъ бѣдной Сѣверной Пчелы, принесшей ему горькую вѣсть о повышеніи его прежняго сослуживца и ровесника по службѣ. Корыстная, мелкая и завистливая душа несчастнаго чиновника выказалась вполнѣ А. А. Потѣхинымъ въ этомъ моментѣ. Но вотъ является къ нему Бурдюковъ, Саратовскій помѣщикъ, имѣющій тяжбу; и здѣсь А. А. Потѣхинъ былъ превосходенъ въ пріемѣ, сдѣланномъ человѣку, имѣющему нужду въ чиновникѣ, опытномъ по дѣламъ. Наконецъ радость узнать, сколько онъ можетъ повредить осмѣлившемуся выиграть по службѣ сослуживцу, и потому его личному врагу, была не менѣе удачно выполнена, нежели прежній гнѣвъ. Скажемъ даже, что самая физіогномія А. А. Потѣхина въ этой роли была совершенна; въ ней выражались всѣ жалкія чувства. Г. Писемскій въ роли Бурдюкова былъ

очень хорошъ, хотя мы и замѣтили въ немъ нѣкоторую преувеличенность странностей степного помѣщика; однако разсказъ его процесса былъ весьма забавенъ».

Авторъ заключаетъ свою замѣтку словами: «Въ скоромъ времени намъ обѣщаютъ еще подобный спектакль; ожидаемъ съ нетерпѣніемъ».

Новый спектакль состоялся на масляницѣ того же года[1]: «На этотъ разъ благородные актеры избрали три пьесы: 1-я *Богатый холостякъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи, Григорьева; 2-я *Женитьба*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, Гоголя и 3-я *Путешественникъ и путешественница*, комедія въ одномъ дѣйствіи, перев. съ французскаго (Monsieur et Madame)».

А. Ѳ. Писемскій и А. А. Потѣхинъ принимали участіе и въ этомъ спектаклѣ, и снова, повидимому, съ выдающимся успѣхомъ. По крайней мѣрѣ таковъ отзывъ автора статьи. «Вообще, пишетъ онъ, всѣ три пьесы были сыграны прекрасно и въ отношеніи ensemble несьзя было желать ничего лучшаго»...

«Классическая пьеса Гоголя, *Женитьба*, была исполнена съ совершенствомъ всѣми лицами, принявшими въ ней участіе. Но болѣе всѣхъ отличились: ...*А. Ѳ. Писемскій* былъ прекрасенъ въ роли Подколесина; мы видѣли въ немъ вполнѣ скромнаго, боязливаго и нерѣшительнаго чиновника»...

«Въ заключеніе спектакля былъ данъ прекрасный дивертисементъ, въ которомъ *Е. П. Писемская* пѣла превосходную и трудную арію изъ Роберта: grace! *А. А. Потѣхинъ* декламировалъ весьма удачно разсказъ охотника изъ водевиля: «Вѣкъ живи, вѣкъ учись или женихи», и представилъ съ *Н. П. Колюпановымъ* сцену изъ водевиля: «складчина на италіанскую оперу». *П. А. Махаевъ* пѣлъ арію изъ Аскольдовой могилы: «близко города Славянска», а потомъ дуэтъ съ *Е. П. Писемскою* «пловцы».

---

1) См. статью—«Масляница въ Костромѣ». *Костромск. Губернск. Вѣдомости*, 1853, № 10, Часть неоффиціальная.

Упоминаемая въ этой статьѣ нѣсколько разъ Е. П. Писемская—жена Алексѣя Ѳеофилактовича—дочь извѣстнаго основателя «Отечественныхъ Записокъ» П. Свиньина и двоюродная сестра поэта Аполлона Майкова. Какъ уже извѣстно изъ другихъ источниковъ, она играла значительную роль въ жизни А. Ѳ. Писемскаго, переписывала его крайне неразборчиво написанныя работы и мн. др. Вообще эта женщина представляла собою настоящій типъ «литературной жены» и въ достаточной мѣрѣ была оцѣнена лицами, ее знавшими. Напр., И. С. Тургеневъ зналъ и цѣнилъ личность Екатерины Павловны. Въ одномъ изъ его писемъ къ А. Ѳ. Писемскому содержатся слѣдующія строки: «Я уже, кажется, вамъ сказалъ разъ, но ничего,—можно повторить! не забывайте, *что вы выиграли главный кушъ въ жизненной лотереѣ*[1]): имѣете прекраснѣйшую жену и славныхъ дѣтей...» Въ данномъ случаѣ мы видимъ Екатерину Павловну, выступающую также въ качествѣ хорошей пѣвицы.

Кромѣ только что отмѣченныхъ біографическихъ данныхъ, въ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», за этотъ періодъ времени можно найти и еще нѣсколько мелочей для біографій того и другого писателя. Фамиліи Писемскаго и Потѣхина нѣсколько разъ встрѣчаются въ спискахъ «прибывшихъ въ городъ Кострому и выбывшихъ изъ онаго», причемъ каждый разъ отмѣчено: откуда кто прибылъ и куда выбылъ. И Ал. Ѳ. Писемскій, и А. А. Потѣхинъ значатся также въ спискѣ «особъ, замѣнившихъ въ 1852 г. обычные, по случаю праздниковъ Рождества Христова и Новаго года, визиты, пожертвованіемъ въ пользу Дѣтскаго Пріюта». И тотъ, и другой пожертвовали при этомъ по 1 р. 50 к. Наконецъ, въ числѣ прибывшихъ изъ Чухломскаго уѣзда и выбывшихъ въ Петербургъ въ періодъ времени за 8—15 декабря 1854 г. встрѣчается фамилія «титулярнаго совѣтника Писемскаго».

Наконецъ, въ широковѣщательномъ заявленіи «Отъ Редак-

---

1) Курсивъ мой.

ціи» новаго редактора Неоффиціальной части «Костр. Губ. Вѣдомостей» (На 1854 г.) обѣщается сотрудничество «двухъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ» [1]), подъ которыми, конечно, нужно разумѣть Писемскаго и Потѣхина. Къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другой писатель не дали для «Губ. Вѣд.» ни одной статьи.

Николай Виноградовъ.

---

1) «*Костр. Губ. Вѣд.*», 1854 г., № 4, Часть неоффиціальная.

Библіографія.

Лекціи по исторіи русскаго языка ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета Е. Ѳ. Будде. 1906/7 академическій годъ. Казань 1907.

Русская научная литература очень бѣдна общими пособіями по историческому изученію русскаго языка. Поэтому появленіе въ печати новаго университетскаго курса по исторіи русскаго языка и притомъ принадлежащаго перу одного изъ немногихъ видныхъ представителей науки о русскомъ языкѣ не должно бы пройти незамѣченнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе болѣе полугода со времени выхода лекцій проф. Е. Ѳ. Будде появилась только одна и то очень короткая рецензія на нихъ проф. Евф. Ѳ. Карскаго [1]), который привѣтствуетъ Будде за рѣшимость печатать свои университетскіе курсы, находя, что они «будутъ незамѣнимымъ матеріаломъ при сравнительной оцѣнкѣ преподаванія данной науки въ извѣстное время въ разныхъ университетахъ имперіи». Къ сожалѣнію, уважаемый Евф. Ѳ. имѣлъ неосторожность предположить, что въ «Лекціяхъ» проф. Будде «объясненіе разныхъ явленій языка, вообще говоря, согласно со взглядами акад. Шахматова и его учителя акад.

---

1) Р. Ф. В. 1907, № 2, стр. 414—415. Уже послѣ отсылки моей статьи въ редакцію Извѣстій появились ещё 2 рецензіи на книгу Будде: Леонида Васильева въ февр. книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. и Фасмера въ Ж. Ст., 1908, 1. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія только первая, въ которой даётся очень остроумная и вѣрная оцѣнка Лекцій казанскаго профессора. Будде возражалъ Васильеву въ томъ же журналѣ, указывая на то, что онъ, Б., является послѣдователемъ Фортунатова, котораго Васильевъ не понимаетъ. Но настоящіе ученики Фортунатова знаютъ, какъ мало общаго между нимъ и профессоромъ Будде.

Ф. Ѳ. Фортунатова». Какъ увидимъ ниже, это предположеніе, вполнѣ возможное при бѣгломъ просмотрѣ «Лекцій», оказывается ошибочнымъ. Правда, мы встрѣчаемъ у проф. Будде нерѣдкія ссылки на Шахматова и Фортунатова или выраженія въ родѣ «Мы съ акад. Ф. Ѳ. Фортунатовымъ и А. А. Шахматовымъ»..., но этимъ ссылкамъ не всегда можно довѣряться.

Планъ «Лекцій», какъ указываетъ и самъ Будде (стр. 242), заимствованъ имъ изъ статьи акад. А. А. Шахматова «Русскій языкъ» въ 55 полутомѣ Энциклоп. Словаря Брокгауза и Эфрона. Какъ и въ этой статьѣ, въ «Лекціяхъ» разсматриваются сначала факты, перешедшіе изъ общеславянскаго языка въ общерусскій и сохранившіеся безъ измѣненія въ общерусскую эпоху, далѣе—звуковыя и морфологическія измѣненія, происшедшія въ общерусскую эпоху; затѣмъ идетъ характеристика эпохи непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка и, наконецъ, обзоръ явленій, возникшихъ въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ послѣ распаденія общерусскаго языка. Самый перечень фактовъ каждой эпохи тоже отчасти взятъ у акад. Шахматова, хотя со значительными отступленіями. Эта основная часть «Лекцій» дополнена главами общаго характера, представляющими какъ бы введеніе въ изученіе языка (различіе между исторіей литературы и исторіей языка, понятіе о языковѣдѣніи вообще, понятіе о законахъ въ языкѣ, физіологическія и психологическія измѣненія въ языкѣ, методъ возстановленія доисторическихъ эпохъ языка и т. п.), обзоромъ источниковъ исторіи русскаго языка и экскурсами въ область литовско-славянскаго и индо-европейскаго праязыковъ, причемъ Е. Ѳ. Будде пользуется въ этихъ случаяхъ, хотя не совсѣмъ удачно, курсами по сравнительному языковѣдѣнію ак. Ф. Ѳ. Фортунатова. Обзоръ источниковъ русскаго языка представляетъ (съ небольшими измѣненіями) выдержки изъ соотвѣтствующей главы «Лекцій»[3] акад. А. И. Соболевскаго. Оттуда же взяты, по большей части, и примѣры (правда, очень немногочисленные) изъ старинныхъ памятниковъ русскаго языка.

Въ составленіи «Лекцій» замѣтна большая спѣшность, вслѣдствіе чего авторъ иногда противорѣчитъ самъ себѣ, часто повторяется, слишкомъ подробно останавливается на однихъ отдѣлахъ и очень неполно излагаетъ другіе; этою же спѣшностью надо объяснять крайнюю несистематичность и часто неточность и неясность выраженія; къ тому же и корректура ведена чрезвычайно небрежно.

Для того, чтобы дать понятіе о планѣ всего курса, постараюсь изложить его содержаніе. Лекціи начинаются почему-то съ харак-

теристики исторіи литературы, какъ науки. Придя къ выводу, что исторія литературы еще не наука (стр. 5—7), Б. далѣе говоритъ, что исторія языка «совсѣмъ не то»: «она покоится (?) на наукѣ, которая называется сравнительнымъ языковѣдѣніемъ» (стр. 7). Почти такъ же пренебрежительно, какъ и объ исторіи литературы, Б. отзывается и объ исторіи: письменные памятники ея «по самому существу своему всегда пристрастны» (11), свидѣтельства историковъ и документовъ—субъективны. Между тѣмъ «свидѣтельства языка безпристрастны, и этимъ языковѣдъ выгодно для себя отличается отъ чистаго историка» (ibid.). Мы видимъ отсюда, что Б. не только не знакомъ съ задачами, методами и источниками исторіи литературы и исторіи, но имѣетъ неясное представленіе и о своей наукѣ (исторія русскаго языка), которая вовсе не является какой-то особой дисциплиной, отличной отъ сравнительнаго языковѣдѣнія, а представляетъ лишь отдѣлъ науки о языкѣ вообще, называемой сравнительнымъ языковѣдѣніемъ. Далѣе, говоря, что свидѣтельства языка безпристрастны, а письменные памятники историка пристрастны и субъективны, Б. забываетъ, что письменные памятники языка тоже пристрастны, потому что всякій писецъ старается не выдать своего говора, а писать на литературномъ нарѣчіи, и что, съ другой стороны, и историки основываются не на одлихъ только разсказахъ лѣтописцевъ.

Опредѣливъ отношеніе «исторіи языка» къ «языковѣдѣнію», Б. упоминаетъ про Джонса, впервые указавшаго на родство санскрита съ европейскими языками (стр. 7), затѣмъ говоритъ объ общемъ происхожденіи индоевропейскихъ языковъ, общеиндоевропейскомъ праязыкѣ, перечисляетъ языки индоевропейской семьи и послѣ всего этого называетъ труды Боппа и Якова Гримма (стр. 8—9) Въ слѣдующемъ § 2 Б. устанавливаетъ хронологическія даты общерусской эпохи и говоритъ о методахъ возстановленія доисторическихъ эпохъ языка (стр. 9—12); затѣмъ, въ § 3,—о значеніи діалектологіи для исторіи языка (стр. 12—14) и о языкѣ старинныхъ письменныхъ памятниковъ русскаго языка (стр. 14). Въ слѣдующемъ § 4 Б. подробнѣе говоритъ о языкѣ древнихъ русскихъ письменныхъ памятниковъ церковныхъ и свѣтскихъ и перечисляетъ датированные памятники русскаго письма (стр. 18—28). Въ концѣ этого §—неожиданный экскурсъ въ область исторической діалектологіи русскаго языка объ отношеніи древняго двинскаго говора къ нынѣшнимъ говорамъ Вологодской губ., Бѣлозерскаго у. Новгородской и Касимовскаго—Рязанской и о заселеніи вятскаго края вяти-

чами (стр. 23). Въ слѣдующемъ §—характеристика языка древнерусскихъ памятниковъ (стр. 24—28), частью представляющая повтореніе того, что уже было сказано выше, въ § 3 и 4 (стр. 14—18); тутъ-же—фонетическія особенности русскаго языка XI вѣка (стр. 25—26), т. е. то, о чемъ говорится гораздо позже—въ § 27 (стр. 97 сл.), 28 (стр. 103 сл.) и 42—43 (стр. 139 сл.). Послѣ характеристики русскаго языка XI в. слѣдуетъ § общаго характера: § 7 «Понятіе о законахъ въ языкѣ». Здѣсь между прочимъ Б. возстанавливаетъ общеиндоевропейскую форму русскихъ словъ «волкъ» и «иго», привлекая для сравненія литовскій, древнеиндійскій, греческій, латинскій и славянскіе языки. Въ § 8 Будде разсматриваетъ гласные звуки, полученные русскимъ языкомъ отъ общеславянской эпохи въ неизмѣненномъ видѣ (стр. 32—43) и здѣсь, между прочимъ, говоритъ опять о хронологическихъ датахъ общерусской эпохи (стр. 39—40), но подробнѣе, чѣмъ на стран. 10, привлекая показанія финнскихъ языковъ, а также излагаетъ, забѣгая впередъ, *исторію* носовыхъ гласныхъ въ общерусскую эпоху (стр. 40—42, ср. ниже о томъ же § 27, стр. 97—102 и выше—§ 6). Далѣе опять—§§ общаго (вступительнаго) характера: «Возстановленіе доисторическихъ эпохъ въ языкѣ... Дробленіе языковъ на нарѣчія и законы измѣненій въ языкѣ» (стран. 44—54, §§ 9—12), и здѣсь между прочимъ—о *нынѣшнихъ* нарѣчіяхъ русскаго языка и исторіи сочетаній плавныхъ съ ъ и ь въ славянскихъ языкахъ. §§ 13—17 посвящены разсмотрѣнію явленій конца словъ, § 18 (стр. 65—66)—тому же, о чемъ говорилось въ § 12 (сочетанію плавныхъ съ ъ и ь). Наконецъ, въ § 19 Будде переходитъ къ обзору согласныхъ, полученныхъ «безъ измѣненія общерусскимъ языкомъ изъ общеславянской эпохи» (стр. 67—72). § 20 представляетъ краткое повтореніе предыдущаго съ дополненіемъ о сочетаніяхъ tl, dl и kw, gw, xw; § 21 (стр. 75—77)—повтореніе того, что говорилось на стран. 39—40 (§ 8) о финнахъ и хронологическихъ датахъ общерусской эпохи и того, что говорилось на стр. 49 о русскихъ нарѣчіяхъ. Въ § 22 и 23 разсматривается судьба звуковъ общеиндоевропейскаго праязыка въ общеславянскомъ праязыкѣ (стран. 77—85). §§ 24—31 посвящены исторіи звуковъ общерусской эпохи (стр. 86—114). Слѣдующіе два §§ опять принадлежатъ къ §§ общаго характера, которымъ мѣсто во введеніи, и именно, содержатъ физіологію гласныхъ звуковъ вообще (по Томсону: Общее языковѣдѣніе), къ которой въ концѣ добавлены замѣчанія о фонетическихъ особенностяхъ нѣкоторыхъ малорусскихъ и сѣверновеликорусскихъ говоровъ (стр.

114—119). Въ слѣдующемъ § 34 Б. пытается доказать планомѣрность первыхъ 33 §§ и излагаетъ планъ слѣдующей части книги. §§ 35—38 содержатъ обзоръ морфологическихъ явленій общерусской эпохи (стр. 122—135); § 39—41—нѣсколько примѣровъ изъ письменныхъ памятниковъ (стр. 136—139); § 42—43—общерусскія звуковыя явленія эпохи, непосредственно предшествовавшей распаденію русскаго языка (стр. 139—153); § 44—діалектическія явленія той же эпохи въ области звуковъ (153—159). § 45—обзоръ морфологическихъ, и § 46—синтаксическихъ явленій той же эпохи (стр. 159—185). Далѣе идетъ «характеристика эпохи послѣ распаденія русскаго языка на нарѣчія»: § 48—явленія, произошедшія въ эту эпоху, но «до утраты единства» (? стр. 187—196); § 49—51—явленія «послѣ утраты единства», общія нѣсколькимъ нарѣчіямъ русскаго языка (стр. 196—226); § 52—характеристики малорусскаго, сѣверновеликорусскаго, бѣлорусскаго и южновеликорусскаго нарѣчій (стр. 226—241). Далѣе идетъ списокъ 72 книгъ и статей по общему языковѣдѣнію и русскому языку; въ какомъ отношеніи этотъ списокъ стоитъ къ содержанію «Лекцій» сказать трудно; несомнѣнно, что многими изъ указанныхъ въ спискѣ книгъ или статей Б. въ «Лекціяхъ» не воспользовался, изъ другихъ же извлекъ гораздо меньше того, что слѣдовало. Въ концѣ книги—оглавленіе, не вполнѣ совпадающее съ содержаніемъ.

Какъ видимъ, порядокъ въ «Лекціяхъ» Будде очень хаотичный, особенно въ первыхъ 33 параграфахъ: обзоръ звуковъ, перешедшихъ изъ общеславянскаго языка въ общерусскій, прерывается экскурсами въ область дальнѣйшей исторіи языка и параграфами общаго характера, которымъ мѣсто—передъ обзоромъ звуковъ. Наконецъ, обзоръ звуковъ прарусской эпохи кончается тѣмъ, съ чего долженъ былъ начинаться: физіологіей гласныхъ звуковъ вообще.

То же отсутствіе системы, какое мы замѣтили въ общемъ планѣ Лекцій, наблюдается и въ мелочахъ. Такъ, наприм., отмѣтимъ неустойчивость въ обозначеніи мягкости согласныхъ (то знакомъ ' надъ буквой, то знакомъ акута), въ обозначеніи звуковъ общеиндоевропейскаго праязыка, общеславянскаго языка и доисторической эпохи общерусскаго языка. Такъ, общеиндоевропейская форма слова «волкъ» у Будде въ разныхъ мѣстахъ книги представлена такими написаніями: vl̥ka°m (вин. пад., стр. 31), vl̥kă°i̯ (мѣстн. пад., стр. 35), vъl̥ka°s (им. пад., стр. 57), val̥kă°s (имен. пад., стр. 66), val̥kă°s и vl̥kŏs (стр. 97; 1-я ф. будто бы по Фортунатову, хотя акад. Ф. Θ.

Фортунатовъ въ этомъ словѣ предполагаетъ общеиндоевропейскую плавную, обозначаемую имъ буквою «λ»; вторая форма—по Бругману). Рядомъ съ довольно выдержаннымъ обозначеніемъ общеиндоевропейскихъ гласныхъ a^a, a^o, a^e у Будде встрѣчается и написаніе «дифтонговъ eu̯ и ei̯ съ слоговыми гласными разнаго качества» (опечатка?—стр. 33) и такое обозначеніе «ă^e, ă^o и ă^a (ĕ, ŏ, ă)». На стран. 33 Будде говоритъ: «звуки *доисторической* эпохи русскаго языка мы всегда будемъ обозначать *латинскими* буквами», но не выдерживаетъ этого правила и обозначаетъ звуки доисторическаго періода русскаго языка, равно какъ и звуки общеславянскаго языка очень непослѣдовательно, то латинскими буквами, то русскими, то буквами церковнославянскаго шрифта, иногда на одной и той же стран., как напр., на стр. 40, 58 (здѣсь есть написанія: влкъс, влакоус, влакос), 62, 69, 72, 73, 81 и мн. др. Задненебная фрикативная звонкая согласная у Б. обозначается то буквою γ, то буквою *h*, то обѣими сразу, т. е. «h(γ)» (См. стран. 67, 72, 74, 95, 126, 130, 131, 231 и др.).

Объясненія употребляемыхъ авторомъ научныхъ терминовъ или обозначеній очень рѣдко стоятъ на своемъ мѣстѣ, а иногда и вовсе отсутствуютъ. Такъ, значокъ «'» надъ согласною для обозначенія мягкости употребленъ на стран. 16: «франц. v'eron», 18: «ё('о)», стр. 28: «мёдъ (мот)», «лѣс (лес)»; между тѣмъ объяснёнъ впервые лишь на стр. 31, а знакъ акута (ʹ) въ томъ же значеніи (ср. стр. 68 сл.) вовсе не объяснёнъ. Не объяснено значеніе буквъ сербской, болгарской, чешской, польской, малорусской азбукъ, вслѣдствіе чего довольно частые примѣры, приводимые изъ этихъ языковъ, для читателя остаются непонятными. На стр. 30 мы читаемъ: «окончаніе... ъ, которое было когда-то гласнымъ звукомъ, гласнымъ окончаніемъ, *глухимъ* звукомъ». Далѣе терминъ «глухой гласный» употребляется нерѣдко, но намёкъ на объясненіе этого термина—только на стр. 45. На стр. 31: «лъ между двумя согласными въ др. болгарскомъ языкѣ обозначало *слогообразующій* звукъ л, сонантъ л, гласный л». Что значатъ всѣ эти термины, тожественны ли они или нѣтъ, такъ и не объяснено. На стр. 67 оставленъ безъ объясненія терминъ «задне-небные» («г, к, х лабіализованные, *т. е.* задне-небные, твёрдые, способные сочетаться съ гласными задняго ряда»); на стр. 71 «в́ (*билабіальный* звукъ w, какъ въ англ. яз.)» и т. д.

Примѣры изъ родственныхъ языковъ для уясненія какого-ниб. правила приводятся чрезвычайно небрежно; такъ, для выясненія

исторіи слова «волкъ» приводятся въ примѣръ между прочимъ греч. «λύκος», лат. «lupus» (во многихъ мѣстахъ) безъ оговорки объ ихъ отношеніи къ возстановляемой у Будде общеиндоевроп. формѣ «v̥r̥ka°s»; говоря о происхожденіи русскаго «и» въ «идти», Будде приводитъ въ качествѣ параллелей между прочимъ греч. ἰέναι и древнеинд. imas, гдѣ *i* по происхожденію не тожественно съ *и* въ русскомъ «идти» (стр. 34) и т. п.

Уже изъ краткаго изложенія содержанія книги мы видѣли, что Будде очень часто повторяетъ то, о чёмъ онъ уже говорилъ раньше: такъ, Будде два раза говоритъ о руссификаціи болгарскаго языка древнеславянскихъ памятниковъ подъ перомъ русскихъ переписчиковъ (§ 3—4 и 6), два раза—о финнскихъ заимствованіяхъ изъ русскаго языка и о значеніи ихъ для хронологіи полногласія и утраты носовыхъ гласныхъ (§ 8 и 21), два раза съ одинаковыми подробностями—объ утратѣ носовыхъ гласныхъ (§ 8 и 27; вкратцѣ о томъ же еще § 6) и т. д. Кромѣ того, каждый отдѣлъ заканчивается сокращённымъ повтореніемъ сказаннаго раньше. Такъ, на стр. 33—42 разсмотрѣны гласныя, перешедшія изъ общеславянскаго языка въ общерусскій; на стр. 42—43 эти гласныя перечислены вторично; тѣ же гласныя, но съ пропускомъ (необъяснённымъ) гласныхъ *о* и *е* перечислены въ третій разъ на стр. 72 и въ четвертый на стр. 78—84. Законъ конца словъ разсматривается четыре раза: на стр. 30—31, 55 сл., 78, 83. Согласные звуки, перешедшіе изъ общеславянскаго языка въ общерусскій, разсматриваются на стран. 67—71; вторично перечислены на стран. 72, въ третій разъ—на той же 72-й стран. и въ четвёртый—на стран. 81. Четыре раза Будде доказываетъ одну и ту же мысль и притомъ съ помощью однихъ и тѣхъ же доводовъ, что въ общеславянскомъ языкѣ не было слоговыхъ плавныхъ: стр. 54, 61, 65, 84—85; кромѣ того, о сочетаніи гласной ъ или ь съ плавной между согласными онъ говоритъ еще разъ—на стр. 69. Три раза въ «Лекціяхъ» говорится о томъ, что древнеиндійское r и европейское «l» въ словѣ «волкъ» восходятъ къ общеиндоевропейскому *r* особаго рода въ родѣ того, какое существуетъ въ дѣтской рѣчи, наприм. въ словѣ «трли» (стр. 47, 57, 66). О происхожденіи окончанія ъ въ имен. пад. слова «волкъ» въ общеславянскомъ языкѣ говорится (приблизительно одно и то же) четыре раза (стр. 46, 56, 58, 78); столько же разъ—о происхожденіи окончанія ъ въ вин. пад. того же слова (стр. 30, 59, 61, 78). Два раза говорится объ условіяхъ измѣненій по аналогіи въ языкѣ (стр. 29 и 50). Три раза даётся объясненіе термина «лабіализація

гласной» (стр. 30, 59, 115). Толкованіе термина «ирраціональный гласный» даётся три раза: стр. 38—39, 65—66 и 78—81; всѣ три раза—очень подробное. Кромѣ отмѣченныхъ есть и другіе случаи повтореній, болѣе мелкихъ. И это—при объёмѣ «Лекцій» всего въ 236 стран. разгонистаго шрифта!

При этомъ обращаетъ на себя вниманіе крайняя неравномѣрность въ расположеніи матеріала. Въ Лекціяхъ—очень обстоятельно изложена, хотя и не на мѣстѣ, физіологія гласныхъ звуковъ вообще и характеристика гласныхъ общеславянской эпохи, между тѣмъ какъ очерка физіологіи согласныхъ звуковъ вовсе нѣтъ, и характеристика согласныхъ звуковъ общеславянской эпохи изложена гораздо короче, съ меньшею полнотой. Экскурсы въ область неславянскихъ языковъ, исторія звуковъ общеславянскаго языка занимаютъ слишкомъ много мѣста сравнительно съ тѣмъ, что остаётся на долю исторіи звуковъ и формъ русскаго языка послѣ его выдѣленія изъ общеславянскаго. Нѣкоторымъ словамъ, какъ наприм., слову «волкъ», отведено даже черезчуръ много мѣста.

Много говорится объ ирраціональныхъ гласныхъ общеславянской и общерусской эпохи, о плавныхъ, о палатализаціи согласныхъ и т. д. Въ то же время даже не названы немягкія нёбнозубныя и губныя согласныя общерусской эпохи. Гласные и согласные звуки, попавшіе въ I отдѣлъ (§§ 8—23), т. е. «дошедшіе безъ измѣненія до общерусской эпохи», разсмотрѣны очень подробно: они сопоставлены съ тожественными по происхожденію звуками другихъ индоевропейскихъ языковъ (правда, далеко не всегда удачно), и опредѣлено ихъ отношеніе къ звукамъ общеиндоевропейскаго и, частью, общебалтійскославянскаго языковъ. Между тѣмъ, остальнымъ звукамъ общерусской эпохи не вездѣ даже указаны общеславянскія соотвѣтствія. Благодаря такой неравномѣрности получаются, напримѣръ, такія несообразности: Будде говоритъ о происхожденіи общеславянскаго *c* (т. е. s) изъ общеиндоевропейскаго *k* «палатальнаго» (т. е. средненёбнаго) и общеславянскаго *c* смягчённаго изъ болѣе раннихъ общеславянскихъ *xj* и *cj*; кромѣ того, Будде говоритъ, что общеславянское *x* восходитъ къ общеиндоевропейскому *s*, но ничего не говоритъ о двухъ видахъ общеиндоевроейскаго *s* и объ общеславянскомъ *c* изъ общеиндоевропейскаго *s*, такъ что читатель, видя такія сопоставленія, какъ старослав. *сынъ*, латинское *somnus* и т. п., оказывается сбитымъ съ толку.

Очень коротко изложены послѣдніе отдѣлы—объ образованіи нарѣчій русскаго языка. Нѣкоторыя важныя діалектическія явле-

нія общерусской и позднѣйшей эпохи вовсе опущены. Такъ не упомянуто даже о существованіи общерусскихъ šč и žǧ и ничего не говорится объ ихъ исторіи. Между тѣмъ судьба этихъ сочетаній очень интересна и для исторіи русскаго языка и для исторіи русскаго правописанія. Графическое обозначеніе этихъ сочетаній или ихъ рефлексовъ на письмѣ даётъ матеріалъ для діалектической классификаціи древнихъ русскихъ памятниковъ уже съ XI—XII вв., позднѣе различія въ судьбѣ этихъ звуковыхъ сочетаній служатъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ при группировкѣ говоровъ русскаго языка. Относительно тѣхъ діалектическихъ явленій, границы которыхъ не совпадаютъ съ границами обоихъ великорусскихъ, бѣлорусскаго или малорусскаго нарѣчій, слѣдуетъ замѣтить, что у Будде нигдѣ не указано точно діалектическое распространеніе этихъ явленій. Такъ, объ областныхъ границахъ мѣны *у* и *в* въ древнерусскомъ языкѣ ничего не говорится, хотя примѣры, приведённые въ лекціяхъ А. И. Соболевскаго, могли бы дать Будде точныя указанія, а о распространеніи этого явленія въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ сказано неточно: «говоры южновеликорусскаго нарѣчія (въ Тульской, Рязанской, Калужской, Тамбовской и *др.* губерніяхъ)..., а также говоры бѣлорусскаго и нѣкоторыхъ малорусскихъ нарѣчій» безъ намёка на южновеликорусскіе говоры, не имѣющіе мѣны *у* и *в*, и сѣверновеликорусскіе и переходные, имѣющіе эту мѣну. Такъ же неполно говорится и о другихъ діалектическихъ явленіяхъ русскаго языка, напримѣръ, о переходѣ *а* между мягкими неслоговыми звуками въ *е* (стр. 157) или о переходѣ «îе (ѣ) въ *и* и въ *е*[1] закрытое» (стран. 195), гдѣ приведены примѣры, неизвѣстно изъ какихъ памятниковъ и живыхъ говоровъ.

Лекціи редактированы необыкновенно плохо, такъ что для пониманія ихъ приходится прибѣгать къ критикѣ текста и конъектурамъ. Такъ, на стран. 31: «Такое *и* мы видимъ въ общеславянскомъ оухо (*ихо*; слав. звука х нѣтъ въ латинскомъ, поэтому мы пишемъ на его мѣстѣ греческое χ, т. к. въ греч. яз. это *x* есть) при литовскомъ *ausis*, лат. *auris* (изъ *ausis*), др. инд. *ušas*. (*š* = *ш*, такъ пишется въ чешск. языкѣ *ш*)». Но древне-индійское *uṣas* вовсе не «ухо», а «утренняя заря», слѣдовательно, ни въ какомъ родствѣ съ русскимъ «ухо» не стоитъ! На той же стран.: «Звукъ *i* мы имѣемъ въ общеславянскомъ *i*:*i*—*ti*... [далѣе идутъ параллели къ этому слову въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ] Или: старосл. сынове (сыновья) изъ *sūneues; основа сыноу. Старосл. пѫтие изъ *pontejes». И такъ «сынове» попало въ число примѣровъ съ общесла-

вянскимъ и! На стран. 61: «Срв. также: стрсл. везѫ (общеслав. vezǫ) изъ vezont (лат. vehunt; по отпаденіи *t*—vezon, а конечное on въ стрсл. яз. давало носовой гласный ǫ...)». Что за форма «везѫ»? Если это 1-е лицо настоящ. врем., то причемъ тутъ отпаденіе *t* и латинское vehunt? Если же это—форма 3-го лица множ. аориста, то опять таки латинское vehunt не годится, какъ параллель, потому что это—форма настоящ. врем. На стран. 70 говорится, что звуки «ѕ (s) и с» въ старослав. «кънѧѕь, стьѕа, вьсь» «восходятъ къ индоевропейскому *ǵ* или *ḱ* палатальнымъ (мягкимъ)», тогда какъ Б. должно быть извѣстно, что старославянскія s и ĉ въ этихъ словахъ восходятъ къ общеславянскимъ *dź* и *ś*, получавшимся вслѣдствіе смягченія *g* и *x*, а послѣднія произошли изъ общеиндоевропейскихъ *g* задненёбнаго и *s*. Стараясь найти объясненіе такимъ непростительно грубымъ ошибкамъ, мы убѣдились, что онѣ вызваны просто безтолковымъ расположеніемъ матерьяла. Такъ, на стр. 34 «др.-инд. ušas» должно было стоять на 5 строкъ выше, рядомъ со старослав. оутро, литовскимъ *aušra*, латинскимъ *aurora* (стран. 33); точно такъ же надо переставить и «старосл. сынове...»; на стран. 70 слова: «гдѣ ѕ (s) и с стрсл. языка восходятъ къ индоевропейскому ǵ или ḱ...» слѣдуетъ отнести къ словамъ «ѕѧть, сь (сей) мѣстоименіе», стоящимъ на 2 строки выше, конечно, вычеркнувъ букву «s» въ скобкахъ. Подобнаго рода грубые редакторскіе недосмотры встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, на стран. 86 вмѣсто сербскаго ћ вездѣ поставлено *ц*: ноц, свијеца, моци. На стр. 149 Будде говоритъ о переходѣ *с* въ *ш* передъ мягкими согласными, приводитъ нѣсколько примѣровъ, затѣмъ переходитъ къ другому явленію (смягченію передъ шипящими), посвящаетъ ему около страницы и уже послѣ этого, на стран. 150—151 приводитъ остальные примѣры на переходъ *с* въ *ш*. И такихъ примѣровъ въ Лекціяхъ найдется не мало, не говоря уже про мелкіе корректурные недосмотры.

Будде очень мало заботится о точности и ясности выраженія. Онъ часто употребляетъ фразы, которыя можно принять за смѣшеніе понятій о звукахъ и буквахъ, наприм. на стран. 28: «положеніе даннаго звука, изображаемаго на письмѣ извѣстною буквою, среди другихъ *звуковъ буквъ* въ словѣ»; стр. 55: «во всѣхъ слав. языкахъ... слово *волк* звучитъ съ конечнымъ согласнымъ *к*, лишь въ одномъ старосл. *языкъ* мы имѣемъ послѣ *к* еще *знакъ* ъ, который, какъ мы видѣли выше, *былъ глухимъ гласнымъ* ŏ или ĭ (лат.)»; стр. 38: «звуки..., изображавшіеся въ старсл. *языкъ* буквами ъ и ь»; подобныя выраженія попадаются и ниже: стран. 44: «слово *бълъ*... въ стрсл. языкѣ

изображалось такъ: ѣѣлъ», стр. 68: Въ серб. *яз. знаками* њ, љ обозначаются н′ л′» и т. п., какъ будто въ языкѣ существуютъ буквы. Изъ другихъ неточностей выраженія отмѣтимъ лишь нѣкоторыя: Стр. 25: «Такія описки діалектическаго (съ точки зрѣнія общеславянскаго языка) характера въ Остр. Евангеліи представляютъ собой *древнѣйшіе письменные* (sic!) *доказательства* того, что русскій языкъ уже въ XI вѣкѣ былъ *особымъ отъ другихъ слав. языковъ языкомъ*». Но, если русскій языкъ былъ «особымъ языкомъ» уже въ XI вѣкѣ, то и описки Григорія — не діалектическаго характера, потому что и дьяконъ Григорій писалъ не на общеславянскомъ (въ историческомъ, а не литературномъ смыслѣ) языкѣ, который въ это время не существовалъ, а на старославянскомъ.

Стр. 27. Грамоты писались «тѣми словами и тѣмъ языкомъ (синтаксисомъ), который слышался повседневно». Здѣсь слова противополагаются языку, а языкъ отожествляется съ синтаксисомъ. На стр. 29. «Когда законъ такой (звуковой) престалъ уже существовать, то обнаруженіе его въ языкѣ уже не замѣчается». Слѣдовало бы добавить: «въ новыхъ случаяхъ», потому что нельзя сказать, чтобы мы не замѣчали чередованія, наприм., *е* и *о* въ «вешній» и «вёсну», «перья» и «пёрышко». На стран. 30 и 58 закрытый слогъ не совсѣмъ точно опредѣляется, какъ слогъ, кончающійся «на согласный звукъ»; слѣдовало сказать: «на неслоговой звукъ», п. ч. слогъ, заканчивающійся неслоговою гласною, наприм. «мой», «дай» и т. п.— тоже закрытый. На стр. 31, 51, 52, 53 употребляется нежелательный терминъ «гласный» по отношенію къ слоговымъ *r* и *l* и притомъ безъ объясненія, что Б. понимаетъ подъ этимъ терминомъ. На стр. 33: «старосл. оутро, болг. утро, серб. ютро (sic!) польск. jutro, луж. jutro, рус. утро (во всѣхъ слав. языкахъ мы видимъ въ началѣ этого слова *и*...)». Какъ мы видимъ изъ приведённыхъ примѣровъ, въ сербскомъ, польскомъ и лужицкомъ въ началѣ слова не и, а j. На стр. 35 «въ мѣстномъ падежѣ ед. ч., какъ показываетъ греческій языкъ, дифтонгъ οι произошелъ изъ долгаго гласнаго съ длительной долготой». Но самъ Будде знаетъ, что греческое οι въ οἴκοι не изъ долгаго гласнаго, а изъ общеиндоевроп. дифтонга $a^{o}_{1}i$. Стр. 62 «ū давало въ старсл. языкѣ ы (какъ и въ общеславянскомъ...)». Получается впечатлѣніе, будто старославянскій языкъ получилъ отъ своего предка звукъ ū, который перешелъ въ этомъ языкѣ въ ы; подобное же явленіе происходило и въ общеславянскомъ языкѣ. На стран. 113 говорится, что въ общерусскую эпоху *ѣ* «въ положеніи передъ слогомъ со слѣдующимъ звукомъ *а* или *ѣ*» перехо-

дило въ *'а*. Не понимаемъ, какимъ образомъ *ѣ*, ассимилируясь, т. е. уподобляясь слѣдующему *ѣ*, переходило въ *а*. Оказывается, рѣчь идётъ, судя по примѣрамъ: ѥсѣахъ — несѣахъ, бѣахѹ — бѣахѹ, только о переходѣ *ѣ* даже не «передъ слогомъ» съ *а* или *ѣ*, а только непосредственно передъ *а*, что не одно и то же.

Иногда трудно понять, что хотѣлъ сказать Будде въ томъ или другомъ мѣстѣ своей книги. Такъ на стр. 11: «Въ первомъ случаѣ мы изъ сравненія діалектическихъ данныхъ русскаго языка между собою доходимъ до эпохи *общерусскаго* языка (приблизительно IX—X вѣка), во второмъ случаѣ путёмъ сравненія данныхъ изъ слав. языковъ между собою мы возстановляемъ эпоху *общеславянскаго* языка (приблизительно I—V в.)». Что значатъ даты въ скобкахъ? Слѣдуетъ ли ихъ понимать такъ, что общерусская эпоха продолжалась всего 2 вѣка — IX и X, а общеславянская — 5 вѣковъ: I — V? Тогда къ какой эпохѣ относятся VI—VIII вѣка? Если же подъ общерусской эпохой понимать эпоху непосредственно передъ распаденіемъ общерусскаго языка, то также надо понимать и общеславянскую эпоху, а въ такомъ случаѣ можно говорить только объ одномъ—двухъ вѣкахъ, а не объ эпохѣ съ I по V вѣкъ. На 31 стр. «Стало быть а°=a,o,u,ъ»—какое-то уравненіе въ родѣ «1=2». На стр. 33—34 «Звуки ū и ī общеславянской эпохи произошли изъ общеиндоевропейскихъ *дифтонговъ*... Напр....... утро...., но въ литов. яз. aušra, лат. aurora.. въ древне-инд. (сюда слѣдуетъ вставить «ušas», нопавшее по ошибкѣ на стр. 34, строк. 6) корень этого слова us-. Слѣдовательно, общеиндоевропейское *u* дало здѣсь и общеславянское *u* при родственныхъ дифтонгахъ—*au*». И такъ, къ чему же восходитъ общеславянское *u*: къ общеиндоевроп. *au* или къ общеиндоевроп. *ī*, находившемуся въ чередованіи съ дифтонгомъ *au*? Такъ же неясно остается (стр. 34) и происхожденіе общеслав. *i* въ «iti» (русское «идти»). На стр. 33 общеслав. *ī* возводится къ общеиндоевроп. дифтонгамъ ej̦, a°j̦, a°i, на стр. 34 приводится примѣръ на *i* такого происхожденія: ити и пр. и параллели къ нему всѣ кромѣ литовскаго eiti съ гласною *i*: «лат. ire, греч. ἰ-έναι, др.-инд. i-mas» безъ оговорки, что въ параллеляхъ изъ греческаго и др.-инд. яз. имѣется другой видъ корня, а въ латинскомъ ī изъ ei. На стр. 34 говорится, что общерусскій языкъ получилъ изъ общеславянскаго между прочимъ «долгое ē (ѣ) изъ основного ē или изъ дифтонговъ oj̦ и aj̦. Это долгое ē еще въ общеславянскомъ языкѣ распалось на дифтонгическое сочетаніе *ie*.... Распаденіе общесл. *ē* на *ie* произошло еще въ общеславянскую эпоху въ позднѣйшій ея пе-

ріодъ». То же повторяется и на стран. 43. Но русскій языкъ не могъ получить изъ общеславянскаго языка *е̑*, если общеславянское *е̑* еще въ общеславянскомъ языкѣ «распалось на дифтонгическое сочетаніе *i͡e*». На стр. 45: «общеславянское *бѣлый* звучало: bi͡elъ (съ неопредѣлённымъ «среднимъ» европейскимъ *l*, изъ котораго въ отдѣльной жизни развились *л̓* (*л* мягкое, сербское љ) и *л* твердое (русское и польское ł)». Можно подумать, что Будде предполагаетъ въ общеславянскомъ языкѣ только одно *l* среднее, изъ котораго развились потомъ и сербское љ и польское ł. Между тѣмъ, повидимому, Будде хотѣлъ здѣсь высказать только ту мысль, что общеславянское *l* немягкое было именно среднимъ *l*, но позднѣе, въ эпоху отдѣльной жизни русскаго языка частью отвердѣло, т. е. стало произноситься, какъ польское ł, частью перешло въ *l'* мягкое, произносимое, какъ сербское «љ». На той же стран.: «конечный знакъ ъ—ирраціональный звукъ, неопредѣлённый гласный... въ эпоху Кирилла и Меѳодія звучалъ, какъ какой-то гласный, для котораго былъ *особый знакъ*. Этотъ звукъ (ъ) еще въ общесл. эпоху въ концѣ сталъ звучать очень глухо, а затѣмъ скоро исчезъ въ концѣ словъ... еще въ общеслав. же эпоху» и пр. Итакъ: *знакъ* (т. е. буква?) ъ *въ IX вѣкѣ звучалъ*, какъ какой то гласный звукъ, *а затѣмъ* въ общеславянскую эпоху (т. е. *въ V вѣкѣ*, см. стр. 11) *исчезъ*! На стр. 57 судьба общеиндоевропейскаго сочетанія α̥λ̥[1]) (Будде пишетъ почему-то: ъ̑r̥) въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ излагается такъ, какъ будто всѣ индоевропейскіе языки восходятъ непосредственно къ общеиндоевроп. праязыку, причёмъ чешскій, сербскій и древне-индійскій языки составляютъ одну группу, а русскій, польскій, латинскій, греческій—другую: «уже въ отдѣльной жизни различныхъ языковъ индоевр. семьи основное сочетаніе ъ̑+r̥... получило и пережило разную судьбу: то сдѣлался гласнымъ плавный и въ связи съ этимъ сталъ неслоговымъ ъ (чш., серб., др.-инд....), то сдѣлался согласнымъ плавный, и въ связи съ этимъ развился слоговой ъ, какъ въ русскомъ, польскомъ, латинскомъ, греческомъ и проч.» Говоря о звукахъ общеславянскаго языка, Будде постоянно замѣняетъ общеславянскій языкъ старославянскимъ, говоритъ о такихъ явленіяхъ и законахъ старославянскаго языка, которые от-

---

1) Буквой α обозначается общеиндоевроп. ирраціональная гласная, а буквою λ — общеиндоевроп. неопредѣленная плавная, изъ которой въ европейскихъ языкахъ получилось l, а въ индо-иранскихъ—r.

носятся къ общеславянской эпохѣ, и, повидимому, смѣшиваетъ старославянскій языкъ съ общеславянскимъ. Для примѣра приведу большую выписку со стран. 58—59: «мы выводимъ заключеніе, что *общеславянскій* языкъ не имѣлъ въ такихъ словахъ (какъ вълкъ и т. п.) гласнаго окончанія, что это гласное окончаніе исчезло съ отпаденіемъ конечнаго согласнаго длительнаго звука *s*, что это отпаденіе звука *s* произошло еще въ *общеславянскую* эпоху, хотя и было еще (отпаденіе ?) въ балтійско славянскую, что еще *до* отпаденія конечнаго звука *s* съ предшествующимъ гласнымъ (a°)... въ конечномъ закрытомъ слогѣ... гласный *a*... перешелъ въ *o*, а *o*, въ свою очередь,... дало *u*, т. е. *старославянское* ъ»... (Далѣе—отступленіе больше ½ стран., а затѣмъ:) «Итакъ, законъ конца словъ для *старославянской* эпохи заключался въ томъ, что ни одно слово *стрсл.* языка ранней, доисторической эпохи, не могло оканчиваться на согласный звукъ, такъ какъ ъ въ *ранній періодъ стрсл.* языка былъ на концѣ гласнымъ (въ періодъ доисторическій); въ историческій періодъ, съ исчезновеніемъ конечнаго ъ, въ *стрсл.* языкѣ *возможно* сдѣлалось и согласное окончаніе... Далѣе, въ болѣе раннюю эпоху *общесл. языка*, т. е. въ эпоху *праславянскую* былъ на концѣ им. п. ед. ч. именъ сущ. муж. рода—*s*». Изъ приведеннаго контекста получается такое впечатлѣніе, что старославянская эпоха тожественна со вторымъ (не праславянскимъ) періодомъ общеславянской эпохи. Кромѣ того, вообще все приведенное мѣсто характерно для метода разсужденія проф. Будде. Предоставляемъ читателямъ рѣшить, откуда слѣдуетъ, что «ни одно слово старослав. языка... не могло оканчиваться на согласный звукъ», если общеславянскій языкъ въ словахъ типа «вълкъ» «не имѣлъ гласнаго окончанія», и какое значеніе имѣлъ «знакъ ъ» въ старославянскомъ языкѣ. На стр. 68. Что значитъ «звуки р, л, и *чистые* и смягченные»? Тамъ-же: «греч. βίος (съ особаго рода звукомъ β=б изъ g на греч. почвѣ)». Въ чемъ состоялъ этотъ особый родъ греческаго β? На стр. 101 говорится о переходѣ *ą* въ *a* неносовое въ общерусскомъ яз. и далѣе: «Вообще, основы на согласный образуютъ эту форму прич. наст. вр. на -*ы*». Въ какомъ языкѣ? Когда? Стр. 111. «*Слоговые* r̥ и l̥... въ общерусскомъ языкѣ *стали замѣняться неслоговыми* лабіализованными и палатализованными..., а *чистыхъ уже не могло оставаться*... и потому *чистые r* и *l* также были утрачены въ общерусскую эпоху. Слѣдствіемъ утраты чистыхъ *r* и *l* и замѣны r̥ и l̥ *неслоговыми* было то, что предшествующіе имъ *болѣе слабые ирраціональные* ъ и ь *переходили въ болѣе силь-*

ние»... И такъ, переходъ слабыхъ ъ и ь въ ъ и ь сильные зависѣлъ не только отъ утраты слогового характера плавныхъ, но и отъ перехода «чистыхъ» плавныхъ въ лабіализованныя и палатализованныя?

Спѣшность въ редактированіи Лекцій выразилась между прочимъ и въ томъ, что Будде нерѣдко противорѣчитъ самому себѣ. На стр. 19 онъ говоритъ, что Мстиславова грамота 1130 г. «вѣроятно Кіевская», а на стр. 177 считаетъ ее новгородской. На стр. 58: «общеславянскій языкъ не имѣлъ въ такихъ словахъ [имен. ед. вълкъ] гласнаго окончанія», а на стр. 60—61 говорится, что слово «вълкъ» оканчивалось на слоговой гласный звукъ не только въ общеславянскомъ, но и въ старославянскомъ въ доисторическій періодъ: «Въ слѣдующую же эпоху общеславянскаго періода отпали и длительные конечные согласные... и такимъ образомъ конечный закрытый гласный праславянской эпохи — ъ сталъ конечнымъ гласнымъ, оканчивающимъ слово: общесл. vъ̥l̯kъв, vъ̥l̯kъ̥̯, къ эпохѣ старославянскаго языка доисторическаго періода превратилось въ въ̥̯лкъ̥ (въ эпоху составленія азбуки)» и пр. На 54 стран. то же конечное ъ отмѣчено, какъ неслоговое, еще для общеславянской эпохи: «*kъ̥̯r̥vъ̯», «*kъ̥r̥mъ̯, *gъ̥r̥dъ̯ и проч.», «по отношенію къ слову вълкъ — общеславянская форма: vъ̥l̯kъ̯» (имен. пад. единств.). На стран. 62 строится общеславянская форма винит. пад. единств. «vъ̥l̯kъ̯»; на стр. 65 оказывается, что въ общеславянскомъ яз. послѣдовательно форма имен. пад. единств. звучала, какъ «vъ̥l̯kъ̥— vъ̥l̯kъ̯». На стр. 83 исторія разсматриваемаго окончанія въ общеславянскомъ яз. изображается такъ: «общеславянскій языкъ успѣлъ пережить слѣдующія явленія: онъ потерялъ конечные согласные длительные..., передъ которыми открытые гласные успѣли закрыться и въ такомъ видѣ, но уже безъ конечныхъ длительныхъ согласныхъ, эти закрытые гласные дожили до эпохи распаденія общеславянскаго языка; послѣ эпохи распаденія, уже въ историческое время, нѣкоторые слав. языки (стрслав. яз.) сохраняли лишь слабое воспоминаніе о конечномъ закрытомъ гласномъ, который сталъ слабымъ ирраціональнымъ и былъ на пути къ исчезновенію въ этомъ фонетическомъ положеніи уже и въ старосл. языкѣ». На стр. 54, 61 и 65 утверждается, что «общеславянскій языкъ не имѣлъ звуковъ r̥ и l̥» (т. е. слоговыхъ плавныхъ) безъ упоминанія о томъ, какой періодъ общеславянскаго языка имѣется въ виду; судя по приводимымъ примѣрамъ можно думать, что Будде отрицаетъ существованіе слоговыхъ плавныхъ въ продолженіе всей

общеславянской эпохи. Но на стран. 84—85: въ теченіе общеславянскаго періода «произошли... измѣненія плавныхъ l̥ и r̥ въ l̥ и r̥, причемъ стоявшіе при нихъ ирраціональные ъ и ь въ положеніи передъ ними, сами стали неслоговыми. Я, именно, предполагаю въ раннемъ періодѣ общеславянскаго языка, въ праславянскомъ періодѣ, l̥ и r̥..., даже въ сочетаніи «ирраціональная + плавная» между согласными, и думаю, что слоговое r̥ и l̥ въ такомъ положеніи развивались къ концу этого періода». На стран. 36 Будде, хотя и признаетъ въ общеславянскомъ *ä* въ словѣ «jäsenь» и т. п., но думаетъ, что это ä въ общеславянскомъ было діалектическимъ и что «общерусскій языкъ вынесъ изъ общеславянской эпохи не jesenь, откуда далѣе jäsenь, а i̯esenь (съ неслоговымъ i̯, которое въ русскомъ языкѣ въ началѣ слова отпало, и уже изъ esenь черезъ ösenь получилось въ общерусскомъ же періодѣ *осень*...». Но на стран. 87 уже говорится: «То начальное *ä*, которое было получено изъ общесл. эпохи діалектически вм. *je* въ положеніи передъ слогомъ съ *i* и *e* въ эпоху общерусскую перешло въ *ö* и далѣе въ *о*»; *на слѣдующей строкѣ* это *ä* оказывается *не начальнымъ*: «общесл. jedinъ и jädinъ въ общерусскую эпоху перешло через i̯ädinъ въ *odinъ*, а затѣмъ въ *одинъ*». На слѣдующей строкѣ предполагается и общеславянское äsetrъ съ начальнымъ *ä*.

Всѣ приведенные нами до сихъ поръ примѣры недостатковъ и погрѣшностей книги Будде можно объяснять, какъ результатъ черезвычайной спѣшности и небрежности въ составленіи и печатаньѣ Лекцій, и потому слѣдуетъ считать недостатками второстепенными. Но не надо забывать, что Лекціи предназначены для неподготовленныхъ читателей, у которыхъ даже самая незначительная неточность выраженія, допущенная въ Лекціяхъ, можетъ вызвать сбивчивыя и совершенно неправильныя представленія. Между тѣмъ, мы отмѣтили далеко не всѣ случаи перестановокъ, неточностей, противорѣчій и т. п. промаховъ, встрѣчающихся у Будде.

Перейдемъ къ болѣе существеннымъ недостаткамъ Лекцій: къ недостаткамъ, объясняемымъ незнакомствомъ Будде съ методами научнаго изслѣдованія явленій языка, а также съ фактами, добытыми наукой.

Предварительно скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи Будде къ акад. Ф. Ѳ. Фортунатову, на котораго онъ постоянно ссылается (см. стран. 23, 36, 37, 38, 79, 97, 105, 125, 126, 192, 232). Вліяніе Фортунатова на Будде несомнѣнно: онъ старается употреблять

терминологію Фортунатова (ср. названія звуковъ: «гласная», «согласная», хотя и рядомъ съ терминами: «гласный», «согласный»; обозначеніе общеиндоевропейскихъ звуковъ: a^o, a^e; терминъ: «ирраціональная гласная») и слѣдовать Фортунатову въ объясненіи нѣкоторыхъ явленій и въ построеніи праязычныхъ формъ. Такъ, Будде предполагаетъ для общеиндоевропейской эпохи сочетаніе: «ирраціональная неслоговая гласная + слоговая плавная» между согласными (стр. 97), выводитъ русское полногласіе изъ общеславянскаго сочетанія: «гласная + слоговая плавная» между согласными (стр. 110) и т. д. Даже тамъ, гдѣ онъ расходится съ Фортунатовымъ, ему кажется, что онъ излагаетъ мнѣніе Фортунатова (напр., о русскомъ начальномъ *о* изъ *е*, стр. 37). Не менѣе несомнѣнна его зависимость отъ статьи Шахматова въ Энциклоп. Словарѣ, которую Будде изложилъ въ своихъ Лекціяхъ почти цѣликомъ, хотя и съ ошибками. Но старанія Будде слѣдовать взглядамъ авторитетныхъ ученыхъ привели къ очень плачевнымъ результатамъ: Будде многаго не понялъ и исказилъ нѣкоторыя положенія названныхъ ученыхъ до неузнаваемости. Отмѣчу между прочимъ, что заимствованный у Фортунатова терминъ «дифтонгическое сочетаніе» онъ толкуетъ по своему: оно «отличается отъ собственныхъ дифтонговъ тѣмъ, что послѣдніе состоятъ изъ гласныхъ въ сочетаніи только съ *u* или съ *i*; а дифтонгическія сочетанія — это сочетанія какихъ угодно гласныхъ, составляющихъ одинъ слогъ» (стр. 34). Между тѣмъ, обыкновенно въ наукѣ (въ томъ числѣ и у Фортунатова) дифтонгомъ называется сочетаніе двухъ гласныхъ, изъ которыхъ одна слоговая, другая неслоговая, независимо отъ качества неслоговой гласной, а терминъ «дифтонгическое сочетаніе» обыкновенно употребляется для обозначенія сочетаній гласныхъ съ неслоговыми сонорными согласными. Непонятъ у Будде и заимствованный у Фортунатова терминъ «ирраціональная гласная», который поэтому толкуется нѣсколько разъ различно. Такъ, на стран. 38, хотя и дается вѣрное опредѣленіе «ирраціональные, т. е. звуки, бывшіе короче краткихъ звуковъ», но дальше ихъ рекомендуется «не смѣшивать съ *ясными*, не ирраціональными», а на стр. 39 говорится: «видно..., что отраженія (общеславянскаго ъ) были самыя разнообразныя, т. е. звукъ общеславянскаго языка *неопредѣленный, ирраціональный*», т. е., очевидно, терминъ «ирраціональный» отожествленъ съ понятіями «неясный», «неопредѣленный». На стр. 66 уже рѣшительно говорится: «Такой гласный, который не даетъ опредѣленныхъ соотвѣтствій при одинаковыхъ условіяхъ въ родственныхъ

языкахъ каждый разъ, а представляетъ колебанія, доходя въ иныхъ языкахъ до глухого звука ъ или ь, а въ другихъ — до полнаго исчезновенія, называется гласнымъ ирраціональнымъ и изображается для общесл. эпохи ъ или ь, а для индоевроп. эпохи *α*... Этотъ гласный короче обыкновеннаго краткаго звука». На стр. 78—81 оказывается, что въ примѣненіи къ славянскимъ ъ и ь этотъ терминъ обозначаетъ не особенности соотвѣтствующихъ звуковъ самихъ по себѣ, а лишь ихъ соотвѣтствіе «въ большинствѣ случаевъ индоевропейскому *краткому* ирраціональному гласному звуку» и пр. (78—79)[1]. Напомню, что Ф. Ѳ. Фортунатовъ «ирраціональными» называетъ гласные звуки болѣе краткіе сравнительно съ обыкновенными краткими въ данномъ языкѣ, причемъ этимъ терминомъ вовсе не обозначается качество звука.

Говоря о происхожденіи и исторіи звуковъ русскаго языка, Будде даетъ и физіологическое опредѣленіе звуковъ, но обнаруживаетъ при этомъ недостаточное знакомство съ *физіологіей звуковъ*. Такъ, на страницѣ 30 онъ говоритъ: «*о* въ закрытомъ слогѣ..... стало закрытымъ («лабіализованнымъ»), т. е. при произношеніи стало примѣнять губную артикуляцію, видоизмѣнилось при произношеніи по направленію къ звуку *u*», т. е. не только отожествляетъ закрытость гласной съ ея лабіализованностью, но какъ будто предполагаетъ существованіе какого-то нелабіализованнаго *о*, не примѣняющаго «при произношеніи.... губную артикуляцію». Смѣшеніе закрытости гласной съ ея лабіализаціей—и на стран. 58: «гласный *а* подвергся закрытію, перешёлъ въ *о*». Не выясняется, что разумѣетъ Будде подъ лабіализованными гласными, и изъ стран. 89, гдѣ говорится, что въ общерусскую эпоху «въ связи съ гласными задняго ряда (твёрдыми) согласные лабіализовались.... Въ свою очередь, и гласные, приспособляясь къ сосѣднему согласному измѣнялись.... по направленію къ *u* (лабіализовались)», и ниже называются гласные задняго ряда: «о, ǫ, у, ъ». Отсюда можно вывести, что звукъ «*а*» Будде не причисляетъ къ гласнымъ задняго ряда и не считаетъ возможнымъ объединить «о, ǫ, у, ъ» подъ общимъ названіемъ «лабіализованныхъ» гласныхъ. Только на страницѣ 94 Будде, наконецъ, выражается яснѣе и называетъ гласныя «о, ǫ, u, ъ» «лабіализованными гласными—задняго ряда», а на

---

1) Только что передъ этимъ говорилось о соотвѣтствіи общеславянскихъ ъ и ь общеиндоевропейскимъ *u* и *i*!

стран. 115—117, познакомившись съ «Общимъ языковѣдѣніемъ» проф. Томсона, даётъ вполнѣ точное опредѣленіе понятій: «лабіализованные» и «нелабіализованные» гласные звуки, но такъ и не выясняетъ понятія «закрытый гласный звукъ», оставляя читателя въ увѣренности, что закрытость и лабіализація одно и то же. Но, если Будде вѣрно опредѣляетъ понятіе «лабіализація гласныхъ», то лабіализацію согласныхъ онъ упорно смѣшиваетъ съ твёрдостью: стр. 67: общерусскій языкъ получилъ изъ общеславянскаго «г, к, х — лабіализованные, *т. е.* задне-небные, твердые, способные сочетаться съ гласными задняго ряда (а, у, о)»; стр. 72: «Значитъ, въ общерусской эпохѣ лабіализованными (твердыми, см. выше) звуками были получены только звуки *ɪ, к, х*....»; стр. 89: «Однако, какъ палатализація (смягченіе), такъ и лабіализація (отвердѣніе) происходили....»; стран. 93: «изъ общеславянскаго языка были получены общерусскимъ языкомъ только задненёбные.... лабіализованными; остальные же согласные перешли.... успѣвши уже смягчиться» и т. д. Мягкіе согласные звуки Будде смѣшиваетъ съ сочетаніемъ согласныхъ съ «j»: стран. 68: «Звуки р, л, н чистые(?), и смягчённые: ŕ, ĺ, ń, (съ j)», «серб. љуба (љуба)», «серб. њива (њива)»; «Въ серб. яз. знаками њ, љ обозначаются ń, ĺ = нj, лj....» и пр.; стран. 70: «звуки зj и сj въ словахъ: ꙁꙗть, сꙗ....»; стран. 71: въ общерусскій языкъ перешли «смягченные губные.... передъ смягченнымъ *лj* Напр. люблю» На стр. 90 Будде поясняетъ, что всѣ общеславянскія смягченныя согласныя были смягчены «посредствомъ j». На стран. 93 опять говорится о губныхъ въ сочетаніи «со смягченнымъ *лj*»; На стран. 31 даётся своеобразное опредѣленіе мягкихъ согласныхъ: «ё—буква, означающая собой звукъ *о* передъ которымъ согласный произносится мягко, т. е. прикосновеніемъ языка къ небу, это произношеніе называется небнымъ или палатальнымъ и приближается къ звуку *ɪ*, который поэтому (?) всегда есть звукъ палатальный». Но при такомъ опредѣленіи мягкими должны оказаться всѣ согласныя кромѣ губныхъ и собственнозубныхъ и межзубныхъ, какъ мягкія, такъ и твёрдыя, потому что при произношеніи ихъ языкъ приподымается къ нёбу той или другой своею частью. Поэтому слѣдовало дать болѣе точное опредѣленіе смягчённыхъ согласныхъ. Смягчённыя согласныя на самомъ дѣлѣ образуются такъ же, какъ и одноимённыя несмягчённыя согласныя, но съ тою разницею, что передняя часть спинки языка (или, вѣрнѣе, боковыя доли передней части спинки языка) приподымается къ переднему нёбу. Звуки i̯ и *j* смѣшиваются, причёмъ на стран. 33 даётся неясное опредѣленіе:

«Неслоговое i̯ = нашему й или латинскому j (iотъ) передъ гласными». Что такое Будде понимаетъ подъ «латинскимъ j»? Въ принятой европейскими лингвистами системѣ обозначенія звуковъ буквой j обозначается звонкій среднепёбный мягкій согласный звукъ, а буквою i̯ — неслоговой верхній гласный звукъ передняго ряда; слѣдовательно, въ этомъ значеніи i̯ не = j. Если же Будде подъ «латинскимъ j» понимаетъ тотъ звукъ латинскаго языка, который нерѣдко обозначается буквою «j», а въ классическую эпоху обозначался тою же буквою, какъ и звукъ «i» слоговое, то онъ, можетъ быть, и правъ. На стран. 36 — 38 и далѣе j и i̯ различаются, но такъ какъ на стран. 33 не дано понять, что «j» и «латинское j» не одно и то же, то читателю остаётся самому рѣшить, почему на стран. 33 i̯ = j, а на стран. 36 «не jesenь̯.... а i̯esenь̯», стран. 37: «не j, а гласный неслоговой i̯». На стран. 33 и 42 говорится, что общерусскій языкъ получилъ изъ общеславянскаго звуки а и о «широкія». Въ виду того, что звонкая фрикативная задненёбная согласная въ Лекціяхъ Будде изображается безразлично то буквою «γ», то буквою «h» (см. выше, стр. 333), можно думать, что Будде не различаетъ придыханіе и задненёбную звонкую фрикативную согласную и предполагаетъ, что буква «h» въ древне-латинскомъ письмѣ обозначала именно звукъ «γ». Вслѣдъ за Шахматовымъ Будде предполагаетъ въ общеславянскомъ и общерусскомъ звукъ ӓ (см. стр. 34 — 37, 91 и др.), но, повидимому, отожествляетъ его съ е открытымъ: стр. 37: «жанихъ изъ е открытаго — ӓ», стр. 91: «е не переходило въ е открытое (т. е. ӓ), а — въ е закрытое (e^1)». Шахматовъ обозначаетъ буквою ӓ не е открытое (въ его обозначеніи e^2 — открытый средній гласный звукъ передняго ряда), а нижній звукъ передняго ряда, какъ закрытый, такъ и открытый. На стран. 116 Будде опредѣляетъ средненёбные гласные звуки, какъ гласные, образуемые при поднятіи спинки языка «къ среднему небу», причёмъ «среднее небо» у него отличается какъ отъ «твердаго передняго» неба, такъ и отъ «мягкаго, задняго». Такое опредѣленіе слѣдуетъ признать неточнымъ: 1) никакого «средняго» нёба не существуетъ, такъ какъ нёбо состоитъ изъ двухъ частей: передняго — твёрдаго (palatum) и задняго мягкаго (velum palati) нёба, 2) различіе между гласными передняго, средняго и задняго ряда состоитъ не только въ томъ, что спинка языка приподымается къ разнымъ частямъ нёба, но и въ томъ, какая часть спинки языка приподымается. Средненебныя гласныя образуются при поднятіи средней части спинки языка къ задней части твёрдаго нёба.

Далѣе мы встрѣчаемъ у Будде недостаточное пониманіе законовъ явленій языка. Такъ, Будде очень сбивчиво опредѣляетъ разницу между явленіями фонетическими и нефонетическими. Ему кажется, что учёту подлежатъ только чисто фонетическія явленія, что «аналогія (т. е. въ языкѣ) подчинена какимъ-то *неизвѣстнымъ* намъ, но существующимъ законамъ языка, *вѣроятно*, обусловленнымъ законами мысли» (стран. 29). Онъ даже сначала не рѣшается безусловно признать существованіе въ языкѣ явленій по аналогіи: «факты языка, противорѣчащія нашимъ найденнымъ законамъ, мы *пока* называемъ фактами, происшедшими *по аналогіи*» (тамъ же), какъ будто аналогія перестанетъ быть аналогіей, когда будутъ найдены ея законы, и какъ будто всѣ факты, противорѣчащіе найденнымъ фонетическимъ законамъ, мы объясняемъ аналогіей (мы допускаемъ также и заимствованія или неизвѣстныя намъ фонетическія условія). Къ характеристикѣ пониманія пр-мъ Будде явленій по аналогіи отмѣтимъ на стран. 141 объясненіе произношенія крывавъ, дрыжати, слиза, тривога, которое онъ возводитъ къ общерусской эпохѣ: «слѣдствіемъ исчезновенія слабыхъ ирраціональныхъ звуковъ.... ъ и ь появилось возстановленіе исчезнувшаго звука по аналогіи съ родственными образованіями». Несомнѣнно, ему прекрасно извѣстно, что никакихъ родственныхъ образованій къ кръвавъ, трьвога, сльза со звуками *ы* и *и* нѣтъ; слѣдовательно, онъ допускаетъ появленіе *ы*, *и* по аналогіи съ образованіями, гдѣ была другая гласная? Характерно и объясненіе «возстановленія исчезнувшаго звука», какъ *слѣдствія* его исчезновенія. Говоря о явленіяхъ по аналогіи, Будде не отмѣчаетъ и того факта, что аналогія не можетъ идти въ разрѣзъ съ дѣйствующимъ звуковымъ закономъ.

Опредѣленіе звукового закона вообще у Будде вѣрное (стр. 29); тѣмъ не менѣе на стран. 22 мы находимъ такое опредѣленіе закона о переходѣ *е* въ *о* въ великорусскомъ нарѣчіи: «измѣненіе *е* въ *о* со смягченіемъ предшествующей гласной (sic!).... всегда происходило въ великорусскомъ нарѣчіи подъ удареніемъ передъ твердымъ звукомъ или слогомъ», гдѣ смѣшаны современныя условія, въ которыхъ мы встрѣчаемъ *о* вмѣсто *е* въ литературномъ произношеніи, съ условіями, при которыхъ имѣлъ мѣсто переходъ *е* въ *о* въ извѣстную эпоху во всѣхъ среднерусскихъ и сѣвернорусскихъ говорахъ. Кромѣ того, словами «всегда происходило» эпоха перехода *е* въ *о* растягивается на всю эпоху существованія великорусскаго нарѣчія, что совершенно невѣрно, такъ

какъ законъ о названномъ переходѣ давно пересталъ дѣйствовать.

На стран. 205 къ явленіямъ «въ области звуковъ», т. е. фонетическимъ, отнесено «вытѣсненіе (нефонетическое) звука *е* изъ *ѣ* звукомъ *ё*».

Пытаясь установить эпохи въ исторіи общеславянскаго и русскаго языка Будде не вездѣ достаточно ясно разграничиваетъ эти эпохи, смѣшиваетъ общеславянскій языкъ со старославянскимъ и относитъ явленія одной эпохи къ другой. Такъ, онъ говоритъ о звукахъ общеславянской эпохи, полученныхъ русскимъ языкомъ изъ общеславянскаго или перешедшихъ въ общерусскій языкъ «въ неизмѣнённомъ видѣ» (стр. 32, 42, 67, 72) [1]), признавая такимъ образомъ, что отъ общеславянской эпохи до общерусской дошли нѣкоторые звуки въ измѣнённомъ видѣ, что видно и изъ его перечня звуковъ, въ который не вошли звуки, измѣнившіеся за общерусскую эпоху. Очевидно, Будде предполагаетъ какой-то промежутокъ между общеславянскою эпохою, къ которой онъ относитъ «періодъ непосредственно передъ распаденіемъ общесл. языка на его нарѣчія» (стр. 75), и эпохою общерусскою, относя къ этому промежутку рядъ измѣненій въ звукахъ, оставшихся въ наслѣдіе отъ общеславянской эпохи. Этотъ промежутокъ онъ называетъ «прарусскимъ періодомъ» (75), а «общерусскою» эпохой онъ, повидимому, называетъ только эпоху непосредственно передъ распаденіемъ общерусскаго языка на нарѣчія (ср. стран. 75). Надо думать, что отмѣченная мною неясность въ пониманіи термина «общерусская эпоха» вызвана невѣрнымъ пониманіемъ словъ Шахматова («Русскій языкъ» въ Энцикл. Слов.»), который говоритъ объ общеславянскихъ звукахъ «*оставшихся* въ общерусскомъ языкѣ (а не: перешедшихъ въ о-р. яз.) безъ измѣненія» и подвергшихся «въ общерусскомъ языкѣ болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ». Ещё лучше — эпохи, слѣдовавшія за общерусской эпохой, т. е. «послѣ распаденія р. языка: а) до утраты единства», в) послѣ утраты единства (стр. 187 и оглавленіе). Получается какое-то противорѣчіе: распаденіе общерусскаго языка и состояло именно въ утратѣ единства между нѣкоторыми нарѣчіями общерусскаго языка.

---

1) Ср. наприм., стр. 72: «До сихъ поръ мы занимались опредѣленіемъ состава гласныхъ и согласныхъ звуковъ общерусской эпохи и нашли, что до этой эпохи дошли безъ измѣненія отъ эпохи общеславянской слѣдующіе гласные и согласные».

Неясно для Будде и различіе между понятіями: «языкъ» и «нарѣчіе», «діалектъ». Такъ, руссизмы письма Остромирова Евангелія онъ называетъ описками «діалектическаго (съ точки зрѣнія общеславянскаго языка) характера» (стран. 25). На стран. 49 онъ говоритъ, что «діалектъ, говоръ, нарѣчіе, языкъ — это все понятія относительныя» и упускаетъ абсолютное значеніе этихъ терминовъ для опредѣлённой эпохи. Вѣрно, что «русскій, польскій, чешскій.... языки—другъ по отношенію къ другу — языки, но по отношенію къ своему отцу — общеславянскому языку эти всѣ языки суть нарѣчія общеславянскаго языка», но Будде забылъ сказать, что эти языки являются нарѣчіями общеславянскаго языка только по отношенію къ прошлой своей жизни, когда общеславянскій языкъ составлялъ одно цѣлое, хотя и дробился на нарѣчія, и что по отношенію къ настоящему времени эти языки не являются нарѣчіями одного языка, тогда какъ наприм. сѣверновеликорусское и южновеликорусское нарѣчіе до сихъ поръ могутъ разсматриваться какъ нарѣчія одного языка въ настоящемъ времени. Поэтому, невѣрное пониманіе термина «діалектическій» заключается и въ слѣдующихъ словахъ на стр. 121: «остановимся на звукахъ и формахъ, хотя и діалектическихъ, т. е. уже принадлежащихъ одному русскому языку (не славянскимъ родственнымъ; значитъ на *діалектическихъ* звукахъ и формахъ по отношенію *къ прошлому*, болѣе раннему времени), но общихъ всѣмъ трёмъ русскимъ нарѣчіямъ»—далѣе говорится объ общерусскихъ явленіяхъ общерусской эпохи. Но діалектическими явленіями какого-нибудь языка (въ данномъ случаѣ—общеславянскаго, такъ какъ для русскаго языка звуки и формы, общія всѣмъ говорамъ русскаго языка, конечно, не являются діалектическими) могутъ быть названы только явленія, существующія діалектически въ этомъ языкѣ, а никакъ не явленія, возникшія тогда, когда этотъ языкъ пересталъ существовать (въ данномъ случаѣ—въ русскомъ языкѣ послѣ распаденія общеславянскаго языка).

Изъ предыдущаго мы видимъ, что у Б. нѣтъ достаточно твёрдыхъ познаній по физіологіи звуковъ рѣчи и довольно сбивчивыя представленія о законахъ явленій языка, объ эпохахъ въ исторіи языка и о дробленіи языка на нарѣчія и говоры. При всёмъ томъ Б. отваживается возстановлять прошлое языка. О методахъ его можемъ судить по слѣдующимъ примѣрамъ.

На основаніи русскаго «сонъ» и латинскаго «somnus», «sopor» Будде рѣшаетъ, что общеславянское «ъ есть закрытое *о*, какъ по-

казываетъ самъ старосл. языкъ, напр., сънъ (стр. 30). Такимъ же путёмъ Будде могъ бы съ одинаковымъ успѣхомъ, сопоставивъ сербское сан съ санскритскимъ словомъ, рѣшить, что общеславянское ъ было звукомъ *a* и т. д. Совершенно аналогичный методъ Будде употребляетъ для того, чтобы доказать, что въ общеславянскомъ было «о широкое»: «сравнительное изученіе родственныхъ языковъ неизбѣжно приведетъ насъ къ возстановленію общаго имъ предка, отъ котораго, какъ отъ отца, пошли сравниваемые нами языки. Такъ, наблюдая, съ одной стороны, соотвѣтствіе во всѣхъ слав. языкахъ звука *a* греческому а (α?), а, съ другой стороны, въ тѣхъ же славянскихъ языкахъ звука *o* греческому и латинскому *a*...., мы заключаемъ, что общерусскій языкъ унаслѣдовалъ отъ общеславянскаго: 1) звуки *a* и *o* широкія, унаслѣдованныя отъ общеславянской эпохи въ соотвѣтствіи родственнымъ звукамъ *a* и *o* краткимъ и долгимъ родственныхъ языковъ. Напр., общесл. сотона, греч. σατανᾶς; стрсл. серб. чш. польск. луж. и русскій (?) законъ, греч. ζάκανον; общесл. словѣне, греч. σθλαβηνο, стрсл., болг., серб., чш., польск., рус., оцатъ, лат. acetum; порода, греч. παράδεισος; лазоръ, греч. λάζαρος и под.» (стран. 33). Изъ этого мѣста мы видимъ, что Будде 1) считаетъ возможнымъ возстановленіе общаго предка общеславянскаго, греческаго и латинскаго языковъ на основаніи между прочимъ сравнительнаго изученія такихъ словъ, какъ славянское «сотона» при греческомъ «σατανᾶς» и т. д., т. е. считаетъ славянское «сотона» и греческое «ζάκανον» въ этихъ языкахъ непосредственно идущими отъ индоевропейскаго праязыка; 2) опредѣляетъ произношеніе общеславянскихъ звуковъ на основаніи произношенія соотвѣтствующихъ имъ звуковъ въ родственныхъ языкахъ. Между тѣмъ приводимые примѣры имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Всё это—слова, заимствованныя славянскими языками (не общеславянскимъ!) изъ греческаго приблизительно въ IX—X вѣкахъ или, наоборотъ, греческимъ языкомъ изъ славянскихъ (σθλαβηνοί, ζάκανον) не позже того-же времени; поэтому они, дѣйствительно, могутъ дать матеріалъ только для сужденія о юго-славянскомъ произношеніи звука *o* въ эту эпоху. На стран. 44 *Русскія* слова «багъранъ, каманъ (что обозначаетъ въ этихъ словахъ буква а?), идыше», по мнѣнію Будде, свидѣтельствуютъ о близости *старославянскаго* ъ къ ы.

Для Будде ничего не стоитъ строить такія праязычныя формы, которыя не подтверждаются никакими данными. Такъ онъ утверждаетъ, что въ такихъ словахъ, какъ русское «осень» при старо-

славянскомъ ѥсєнь и т. п. было «jäsenь» при діалектическомъ «i̯esenь», причемъ «общерусскій языкъ вынесъ изъ общеславянской эпохи» именно «i̯esenь», откуда: esenь—ösenь—осень; начальное же «jä-» дало въ остальныхъ славянскихъ языкахъ «je-». Если такъ, то почему слѣдуетъ предполагать въ общеславянскомъ діалектическое «jä» при «i̯e», если это jä имѣло ту же судьбу, что и je? Онъ ссылается на Фортунатова и Шахматова, но ошибочно, потому что и Фортунатовъ и Шахматовъ предполагаютъ, что *j* или *i̯* въ такихъ словахъ отпало еще въ говорахъ общеславянскаго языка, и что общерусскій языкъ, такимъ образомъ, получилъ не i̯esenь, а esenь или äsenь. Звукъ «ä» въ этихъ словахъ въ общеславянскомъ языкѣ Шахматовъ предполагаетъ для того, чтобы объяснить отпаденіе i̯ или j передъ начальнымъ *e* въ говорахъ общеславянскаго языка: является вопросъ, почему i̯ отпало передъ *e*, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ гласною *e*, и не отпадало въ другихъ случаяхъ. Шахматовъ предполагаетъ, что *e* въ первомъ случаѣ звучало иначе, чѣмъ въ остальныхъ. На основаніи сѣверновеликорусскихъ «жаних», «жалѣзо» Шахматовъ выводитъ, что *e* въ аналогичномъ положеніи послѣ смягчённыхъ переходило въ ä; этотъ переходъ долженъ былъ происходить и послѣ *j*, а затѣмъ *j* сохранялся передъ *e* и отпадалъ передъ *ä*. Особенно затрудняетъ Будде исторія звука *ѣ* въ общерусскомъ и общеславянскомъ языкахъ. Сначала онъ предполагаетъ, что въ общеславянскомъ языкѣ какъ изъ балтійскославянскаго *ē*, такъ и изъ балт.-слав. *a⁰i̯* получалось одинаково *ē*, которое затѣмъ перешло въ *ie*, а это *ie* въ концѣ слова «при долготѣ длительной должно было дать перевѣсъ звуку *e*...., а при прерывистой... — звуку *i*» (стр. 34—35); русскій языкъ, повидимому (Б. говоритъ очень неясно), получилъ въ 1-мъ случаѣ *ie*, во второмъ — *i*. На стран. 45 говорится, что *ѣ* въ общеславянскомъ звучалъ какъ *ie* съ различнымъ качествомъ *e*. На стр. 74 исторія *ѣ*—болѣе сложная: Б. выводитъ русское *цвѣтъ* изъ общеславянскаго «kwi͡etъ—kwōtъ—kwētъ», откуда «общерусское kwi͡etъ діалектически при cwi͡etъ»; на стран. 75 говорится, что изъ праславянскаго дифтонга oi̯ въ общеславянскомъ получилось «далѣе ō—i͡e съ различнаго вида долготой, откуда *i* и *e* (ѣ) въ поздній періодъ общеславянскаго языка», т. е. общеславянское *ѣ* эпохи распаденія общеславянскаго языка звучало, какъ *e*? наконецъ, на стран. 83: «Слѣдовательно (изъ чего слѣдуетъ, неизвѣстно), за время общеславянской жизни возникли параллельно (?) звуки ē и i͡e, изъ которыхъ послѣднее сочетаніе... ...успѣло пережить измѣненія въ ī и измѣненія въ ē (ѣ) черезъ

звукъ ŏ̄». И такъ, Б. представляетъ себѣ исторію звука *ѣ* слѣдующимъ образомъ:

1) ē—ie { ē? откуда { ie[1]—русское ie? / ie[2] } / ī }

2) . . . ie — ŏ̄ — ē, откуда русское ie?

3) oi̯ — ŏ̄ — ie — e (ē?) или i (ī?)

4) { ē. . . . ? / ie — ŏ̄ — ē или ī }

Не думая, чтобы Будде мѣнялъ мнѣнія на каждой страницѣ, мы предполагаемъ, что въ приведённыхъ случаяхъ различія вызваны только пропускомъ какого-нибудь изъ звеньевъ и возстановляемъ исторію звука *ѣ* такъ:

1) балт.-слав. ē — общесл. ē. . . (ie и пр.?)

2) балт.-слав. oi — общесл. oi — ŏ — i͡e — ŏ — i͡e { ē—ie / ī }

Нѣтъ надобности добавлять, что никакихъ доводовъ въ пользу этой фантастической исторіи Б. не приводитъ.

Исторія формы вин. пад. множ. ч. слова «конь» въ общеславянскомъ и русскомъ у Будде представлена въ слѣдующемъ видѣ: (стр. 99 и 101): *общеслав.* konjons — konjēns — konjēn — konję̄ — конѩ̄ — konję, отсюда прарусск. konję̄ — konjǭ̄ — konjŏ̄ — konjē — konjie — конѣ. Такимъ образомъ 1) *ię* не сразу переходитъ въ *ie* неносовое, а черезъ посредство ǭ̄ и затѣмъ ŏ̄; зачѣмъ они понадобились, если всё равно въ концѣ концовъ изъ *ię* получилось *ie*, неизвѣстно, 2) русская форма восходитъ къ старославянской, а не непосредственно къ общеславянской, 3) *ę* въ общеславянскомъ имѣло двоякую судьбу: въ словахъ имѧ, знаѩ (Б. здѣсь предполагаетъ ѧ̄ изъ *ę̄*) оно не перешло въ *ię*, а въ винит. пад. множ. перешло въ *ię*. О томъ, чѣмъ вызвана эта разница, Будде не говоритъ. Кромѣ того, здѣсь же говорится, что общеславянское «дифтонгическое сочетаніе i͡e (не носовое?) дошло до общерусской эпохи и діалектически сохранило свои слѣды, но вообще оно дало ē (ѣ)

носового происхожденія (?):—ję̄,—jǭ—jŏ—jĕ—ѣ». Какъ же можно различить *ie*, дошедшее до общерусской эпохи и діалектически сохранившее свои слѣды съ одной стороны и *ie* изъ *ę̄* «носового происхожденія», дошедшее черезъ посредство ję̄, jǭ и пр.—съ другой?

На стр. 197 и 214 говорится объ отвердѣніи шипящихъ въ русскомъ языкѣ, причемъ это отвердѣніе считается діалектическимъ явленіемъ, произошедшимъ въ эпоху послѣ утраты единства русскаго языка, а именно: отвердѣніе *ж*, *ч*, *ш* — явленіемъ общимъ южнорусскимъ и западносреднерусскимъ говорамъ, а отвердѣніе *ж* и *ш*—явленіемъ общимъ сѣверновеликорусскимъ и южновеликорусскимъ говорамъ, но не повсемѣстнымъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Будде не выясняетъ, почему онъ считаетъ отвердѣніе *ш* и *ж* въ южнорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ произошедшимъ независимо отъ аналогичнаго явленія великорусскихъ говоровъ, почему это отвердѣніе, являясь во всѣхъ четырехъ нарѣчіяхъ, не можетъ считаться діалектическимъ явленіемъ общерусской эпохи. Мы не отвергаемъ возможности того, что малорусско-бѣлорусское отвердѣніе шипящихъ не стоитъ въ непосредственной связи съ великорусскимъ и даже сами склонны думать почти такъ, но желали бы видѣть у Будде основанія для такого дробленія, иначе оно будетъ казаться произвольнымъ.

Въ такомъ же родѣ — разсужденіе о смягченіи согласныхъ передъ палатальными гласными въ общерусскую эпоху на стр. 89—90. По словамъ Будде «передъ звукомъ *і* согласные стали въ эту эпоху мягки, а передъ звукомъ *е* только полумягки» (89). «Это видно изъ дальнѣйшей судьбы согласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ въ положеніи передъ *е* и передъ *ѣ*, *и* и проч. Напр., въ малор. нарѣчіи нынѣ мы имѣемъ: тэбэ..., но тіло, діло; звукъ же *и* въ нѣкоторыхъ говорахъ малор. нарѣчія отвердѣлъ подъ вліяніемъ особыхъ условій, имѣвшихъ мѣсто уже въ позднѣйшей исторіи...». Не говоря уже о томъ, что это невѣрно, что твердость согласныхъ передъ *е*, какъ и передъ *и*, въ малорусскомъ — позднѣйшая, замѣтимъ, что доказательства, приводимые Будде, не только неполны, но и непослѣдовательны. Онъ говоритъ, что малорусское нарѣчіе свидѣтельствуетъ о томъ, что согласныя передъ *і* въ общерусскомъ становились мягки, а передъ *е* полумягки; между тѣмъ въ малор. согласныя и въ томъ и въ другомъ положеніи тверды. Твердость согласныхъ передъ *и* въ малорусскомъ онъ объясняетъ измѣненіемъ въ произношеніи самого *и*, но такому же измѣненію могло подвергаться и *е*. Такимъ образомъ, теорія Будде не подкрѣплена ника-

кими данными. Мысль о томъ, что смягченіе согласныхъ передъ палатальными гласными произошло въ нѣсколько пріемовъ, взята Будде у Шахматова, но у того были извѣстныя основанія. Онъ имѣлъ въ виду аналогичное явленіе въ чешскомъ языкѣ и теоретическія соображенія, которыхъ Будде не приводитъ. Если бы Будде отнесся къ своей задачѣ серьезнѣе, онъ могъ бы воспользоваться данными живыхъ великорусскихъ говоровъ, но и этого онъ не дѣлаетъ.

Другой недостатокъ въ возстановленіи прошлаго языка въ Лекціяхъ Будде, это—та легкость, съ которою онъ позднія явленія возводитъ къ доисторическимъ эпохамъ. Такъ, на стр. 67 онъ на основаніи чешскаго, верхне-лужицкаго и малорусскаго языковъ предполагаетъ еще въ общеславянскомъ языкѣ діалектическое «h(γ)» при «г» взрывномъ; причемъ такое діалектическое «h(γ)» по его мнѣнію и въ общеславянскомъ родит. единств. мѣстоименій и прилагательныхъ на «eho», «oho» при «ego», «ogo». Впрочемъ, относительно этого окончанія онъ измѣняетъ свой взглядъ на стр. 126, гдѣ принимаетъ объясненіе Корша и Фортунатова. На стр. 87 онъ высказываетъ предположеніе, что ě въ началѣ словъ перешло въ *о* при посредствѣ промежуточнаго звука *«ео»*, и такой промежуточный звукъ видитъ въ Казанскомъ «замео͡рзну» при «замёрзну» другихъ говоровъ. Если я вѣрно понимаю Будде, древнерусское «замерзну» прежде чѣмъ перейти въ «замёрзну» перешло сначала въ «замео͡рзну», сохранившееся безъ измѣненія въ Казанскихъ говорахъ. Но Казанское «ео͡» объясняется гораздо проще протяженіемъ гласной *о*, при которомъ легко можетъ развиться между смягченной согласной и этой гласной въ качествѣ переходнаго звука гласная *е* неполнаго образованія; видѣть въ этомъ *ео* остатокъ общерусскаго произношенія нѣтъ никакой надобности. На стр. 98—99 въ подтвержденіе того, что «носовые гласные въ общеславянскую эпоху были долгими» онъ ссылается 1) на то, что «ихъ потомки въ русскомъ языкѣ (у, а, ѣ. См. ниже) предполагаютъ собою дифтонги или дифтонгическія сочетанія» (? ниже ничего подобнаго нѣтъ); 2) на говоры Касим. у. Рязанской губ. и Котельнич. у. Вятской губ., гдѣ «въ вин. п. ед. ч. именъ сущ. ж. рода на *-а* произносятъ дифтонгическое сочетаніе у͡о. Напр., *на* тра́хку͡о=на травку»... и т. д. Но въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ появленіе долгихъ гласныхъ или дифтонговъ зависитъ только отъ положенія гласной въ словѣ; поэтому въ сѣверновеликорусскихъ дифтонгахъ нельзя видѣть слѣды общеславянской долготы. На стр. 101—102 возводятся къ обще-

славянской эпохѣ великорусскія дѣепричастія на «-я»: *идя, неся* и т. п., причемъ формы на -а: «неса, река, ида, мога, река и под.» считаются болѣе поздними, такъ какъ «имѣютъ свое *а* вм. *'а* изъ *ą*, которое въ свою очередь изъ *ę*». На стр. 108—109 особенности московскаго правописанія отнесены къ общерусской эпохѣ: изъ общеславянскаго *ĕl* въ общерусскомъ получилось «*оло* или *ело* при отсутствіи ударенія на первой гласной» (108), наприм. «*жóлобъ*, но: *желобóкъ*» (стр. 109). На стр. 194 «свистяще-шипящее («шепелеватое») произношеніе... звуковъ *ц* и *ч*» возводится къ говорамъ общеславянскаго языка. На необоснованность этого мнѣнія уже указывалъ акад. Шахматовъ въ «Отч. о прис. Ломонос. пр. за 1897 г.».

На стр. 92—93, говоря о происхожденіи *ŏ* изъ *е* и *ŭ* изъ *ь* въ положеніи передъ лабіализованными согласными, Будде утверждаетъ, что «мŏду появилось раньше (см. выше) подъ вліяніемъ лабіализованнаго слѣдующаго *д*, чѣмъ мŏд: въ то время, какъ было уже *мŏду* еще было *мед*». Однако выше объ этомъ говорилось только, что въ общерусскую эпоху «передъ гласными о, ǫ, у, ъ—согласные лабіализировались» (стр. 89) и что, если за *е* «находилась лабіализованная согласная, то *е* измѣнялось по направленію къ *ŏ*» (стр. 93); слѣдовательно, не выясняется, почему передъ *у* согласная должна была лабіализоваться раньше, чѣмъ передъ *ъ*. Правда, Будде не пишетъ въ словѣ «мед» на концѣ «ъ» и, можетъ быть, думаетъ, что «ъ» здѣсь отпалъ раньше, чѣмъ согласныя лабіализовались передъ «ъ», но онъ здѣсь-же, на 93 стр. и выше, на стр. 91, пишетъ «*дŭнъ*» съ «ъ», объясняя *ŭ* въ этомъ словѣ переходомъ «ь» въ «*ŭ* ирраціональное» «передъ *лабіализованной* согласной». И такъ, Будде или совершенно произвольно предполагаетъ, безъ всякихъ основаній, что согласныя передъ *у* лабіализовались раньше, чѣмъ передъ *ъ*, или такъ же произвольно думаетъ, что *ъ* въ словѣ «медъ» отпало раньше, чѣмъ въ род. множ. «дьнъ». Далѣе оказывается, что «Для появленія *лŏн* требовалось ирраціональному *ь* болѣе сильному въ положеніи въ первомъ слогѣ подъ удареніемъ перейти въ ясный гласный полнаго образованія *е*, а это случилось въ слѣдующую эпоху, непосредственно передъ распаденіемъ общерусскаго языка на русскія нарѣчія, когда и звукъ ирраціональный болѣе сильный *ŭ* (изъ *ь* передъ лабіализ. согл.) перешелъ въ *ŏ*, т. е. когда *дŭнъ* перешло въ *дŏнъ*; *дьнъ* перешло въ *д'ен*; *пьсъ* — въ *пес* — *пŏс* и т. д.» Такимъ образомъ: *ь* въ словахъ *пьсъ* и *льн* сохранялись, какъ *ь*, въ то время, какъ въ словѣ *дьнъ* оно перешло уже въ *ŭ*, позднѣе

какъ *й* въ словѣ *дйнъ*, такъ и *ь* въ словахъ *пьсъ* и *льн* перешли въ *ǒ*, но въ первомъ словѣ—непосредственно, а въ словахъ *пьсъ* и *льн* черезъ посредство *е* «полнаго образованія». Почему такая разница между *дънъ* съ одной стороны и *пьсъ* и *льн* съ другой, не выяснено, равно какъ и то, почему въ *дънъ ъ* на концѣ сохранялось дольше, чѣмъ въ *пьсъ*, а въ *пьсъ*—дольше, чѣмъ въ *льнъ*; ничѣмъ не подтверждаются и разница между судьбою *ь* въ этихъ словахъ и предположенный предварительный переходъ *ь* въ *е* полнаго образованія. На стр. 96 читаемъ: «по произношеніямъ со̂ла́, жоны́, јому́, чого́ и проч. мы судимъ объ общей причинѣ—измѣненіи звука *е* въ звукъ *о* не сразу, а черезъ посредство звука *ǒ* и не вездѣ въ одно время, а послѣдовательно: сперва въ положеніи передъ лабіализованными согласными..., а затѣмъ и въ другихъ случаяхъ». Не понимаемъ, какъ обо всемъ этомъ можно судить по приводимымъ произношеніямъ. Если ученые и предполагаютъ указанную Будде послѣдовательность, то на основаніи не приведенныхъ примѣровъ, а другихъ данныхъ и теоретическихъ соображеній. На стр. 154 переходъ *кы*, *гы*, *хы* въ *ки*, *ги*, *хи* въ русскомъ языкѣ объясненъ такъ: ки, ги, хи въ концѣ общерусской эпохи являются «діалектически, какъ результатъ палатализаціи звуковъ г, к, х,... извѣстныхъ искони лишь въ лабіализованномъ твердомъ видѣ»...; «палатальныя г, к, х повліяли и на средненебное *ы*, измѣнивъ его въ *и*». Чѣмъ же была вызвана палатализація к, г, х? Будде не говоритъ прямо, но напоминаетъ, что стремленіе къ палатализаціи «мы замѣтили еще въ предшествующую эпоху». Но тогда согласныя палатализовались только передъ гласными передняго ряда, а не передъ *ы* и какія нибудь слова въ родѣ «пыль», «дымъ» и т. п. не переходили въ «п̓иль», «д̓имъ». Такимъ образомъ, мы видимъ, что большая часть праязычныхъ построеній проф. Будде относится къ области не точной науки, а его богатой фантазіи.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, которые, впрочемъ, не исчерпываютъ всего своеобразія методовъ Будде, мы видимъ, что особенности его методологіи сводятся по большей части къ слѣдующему. Онъ устанавливаетъ звуковые законы, дѣйствовавшіе въ прошломъ, на основаніи сопоставленія произвольно выбранныхъ имъ единичныхъ словъ, сходныхъ по значенію и по звукамъ въ разныхъ языкахъ, не провѣряя, оправдывается ли установленный имъ законъ на другихъ примѣрахъ, и не принимая во вниманіе возможности различнаго происхожденія сравниваемыхъ словъ и другихъ условій, осложняющихъ дѣло. Такъ напр., для опредѣленія проис-

хожденія ъ въ общеславянскомъ онъ сравниваетъ старославянское сънъ съ латинскимъ somnus и древнеиндійскимъ svapnas (стр. 30); такъ же для него ничего не стоитъ сопоставлять русское идти съ греческимъ ἰέναι, русское *волкъ* съ латинскимъ lupus, старославянское *алъкии* съ латышскимъ alnis, старослав. вьсь съ древнеиндійскимъ viçva и т. д. При этомъ Будде даже смѣшиваетъ слова заимствованныя однимъ языкомъ у другого со словами, восходящими къ общему для этихъ языковъ праязыку, ср. его сопоставленіе общеславянскаго (?) сотона съ греч. σατανᾶς или общеслав. законъ съ греч. ζάκανον. При возстановленіи формъ праязыка Будде нерѣдко игнорируетъ промежуточные періоды въ исторіи разсматриваемой формы, относя, наприм., слышанные имъ въ Рязанской и Казанской губ. дифтонги прямо къ общерусской и чуть ли не общеславянской эпохѣ, не изучивъ ихъ исторіи въ великорусскомъ нарѣчіи, сопоставляя явленія новѣйшихъ славянскихъ языковъ непосредственно съ фактами древнеиндійскаго и латинскаго языковъ или русское *сон* непосредственно съ латинскимъ somnus и т. д. Съ другой стороны Будде очень любитъ строить въ праязыкѣ сложную исторію звука или формы между двумя моментами, опредѣляемыми путемъ сравнительнаго метода, хотя бы ни одна изъ промежуточныхъ стадій предполагаемаго имъ пути звука или формы отъ одного извѣстнаго момента до другого не вытекала изъ природы этого звука или формы и не подтверждалась никакими другими данными. Таковы сочиненныя имъ исторія звуковъ *ѣ*, *ię* и сочетанія ирраціональной гласной съ плавной. Иногда Будде относитъ къ праязыку и такія позднѣйшія явленія, древность которыхъ опровергается самими письменными памятниками языка (напр., дѣепричастія типа: идя, неся и т. п.), или въ подтвержденіе своей гипотезы ссылается на другую гипотезу за неимѣніемъ фактовъ (напр. объ общерусскомъ смягченіи передъ *і* при полусмягченіи передъ *е*). Наконецъ, Будде опредѣляетъ характеръ произношенія звуковъ одного языка на основаніи фактовъ другого языка, напр. слав. ъ въ сънъ на основаніи латинскаго somnus, славянскаго *о* на основаніи словъ греческаго языка, старославянскаго *ѣ* на основаніи словъ русскаго языка и т. д.

Указанные недостатки въ методѣ возстановленія прошлаго языка въ книгѣ Будде способны только подорвать у читателей его Лекцій довѣріе ко всякимъ лингвистическимъ выводамъ относительно доисторическихъ эпохъ языка и внушить мысль, что такіе выводы не болѣе, какъ «ни на чемъ не основанныя гипотезы» и

«лингвистическія мечтанія» [1]); между тѣмъ умѣлое пользованіе сравнительнымъ методомъ въ изученіи языка способно дать и уже дало очень прочные результаты, частью нашедшіе себѣ подтвержденіе въ фактахъ, добытыхъ другимъ путемъ.

Будде нерѣдко допускаетъ такія ошибки, которыя свидѣтельствуютъ о незнаніи имъ языковъ, изъ которыхъ онъ беретъ примѣры. Не говорю о сопоставленіи санскритскаго *uṡas* съ русскимъ *ухо* и т. п., такъ какъ эта ошибка скорѣе всего объясняется небрежностью корректуры. Приведу другіе примѣры. На стр. 44—45 онъ возстановляетъ общеславянскій видъ слова «бѣлый» на основаніи сопоставленія живыхъ славянскихъ языковъ: «Слово *бѣлъ (бѣлый)* въ стрсл. языкѣ изображалось такъ: бѣлъ, въ новоболг. яз.: бѣл, въ серб. бијел, въ чш. bílý, въ польск. biały, въ верхне-луж. bjeły, въ малор. білый; великорус. бѣлый. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ названій—словъ для одного и того же понятія въ родственныхъ слав. языкахъ мы видимъ, что старославянскому *ѣ*(ē) соотвѣтствуютъ *е*, *ије*, *i*, *ia*, *je*, а въ остальныхъ звукахъ полное совпаденіе... сербскій и польскій, а также лужицкій, языки указываютъ своими звуковыми комплексами, соотвѣтствующими ѣ(ē) на то, что *ē* отразилось, какъ дифтонгическое сочетаніе *i*+*e* или *i*+*a*; далѣе, что въ однихъ языкахъ мы имѣемъ развившеюся лишь первую часть этого сочетанія *i* (чешск., малорус.), въ другихъ — лишь вторую *е* (болг. великорус. лужицк.), въ третьихъ—обѣ части, причемъ вторая часть этого сочетанія представляетъ собою либо *узкое е* (серб.), либо *широкое е* (e^{a} и потомъ *a*)». Изъ приведенной выписки мы видимъ, что Будде читаетъ болгарское *ѣ* въ словѣ «бѣл» за *е*, хотя въ литературномъ восточно-болгарскомъ нарѣчіи это слово произносится, какъ «бял»; польское «ia» онъ разсматриваетъ, какъ дифтонгъ («дифтонгическое сочетаніе») *i*+*a* съ развившимися обѣими частями» [2]), тогда какъ польское написаніе *ia* обозначаетъ на самомъ дѣлѣ лишь звукъ *a* послѣ смягченной согласной; лужицкое «je» выводитъ непосредственно изъ «ie», тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ лужицкомъ «bje» — изъ — «b́e» съ «b» мягкимъ. Незнаніе сербскаго языка Будде обнаруживаетъ на стр. 131, гдѣ говоритъ, что въ род. пад. муж. р. мѣстоименія *его* «мы имѣемъ h» въ чешскомъ, *сербскомъ*, бѣлорусскомъ, малорусскомъ и южновеликорус-

1) См. Предисловіе къ 3-му изданію Лекцій по исторіи русскаго языка акад. А. И. Соболевскаго.

2) Ср. ниже, стр. 44—45: «въ дифтонгическомъ сочетаніи, отражающемъ долгое ē въ польскомъ и старосл. языкахъ»...

скомъ. На стр. 67 сербскому языку приписывается существованіе звука *х* въ словѣ *ход.* Ср. также на стр. 68 отожествленіе ћ, љ съ нј, лј. Какъ на примѣръ незнакомства Будде даже съ живыми говорами русскаго языка, укажемъ на стр. 138, гдѣ онъ говоритъ про окончаніе *-си* во 2-мъ л. единств. ч. настоящ. времени нетематическихъ глаголовъ: «Въ русскомъ языкѣ за потерею этихъ формъ вообще формы на *-си* очень рано исчезаютъ и изъ памятниковъ». Мы не можемъ сейчасъ привести примѣры изъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ, потому что не имѣемъ подъ руками сѣверно-русскихъ и западнорусскихъ текстовъ, въ которыхъ встрѣчались бы формы 2-го лица отъ глаголовъ дати, ѣсти и вѣдѣти[1]), но можемъ напомнить Будде, что формы на *-си* до сихъ поръ вполнѣ обычны въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и цокающихъ говорахъ сѣверновеликорусскаго нарѣчія (объ этомъ онъ могъ бы знать даже изъ Лекцій А. И. Соболевскаго). Другой примѣръ—на стр. 214, гдѣ Будде говоритъ, что въ тѣхъ великорусскихъ говорахъ, въ которыхъ *ш* и *ж* отвердѣли, предшествующій имъ «звукъ *е* измѣняется въ *ё*» (о?), забывая, что великорусскіе говоры отражаютъ двѣ эпохи отвердѣнія *ш* и *ж*: *а*) тамъ, гдѣ отвердѣніе это болѣе старое, вѣроятно, восходящее къ говорамъ общерусской эпохи, *е* передъ такими шипящими, дѣйствительно, перешло въ *о*; *б*) въ другихъ же говорахъ отвердѣніе произошло позднѣе, и тамъ сохраняется *е* передъ *ш* и *ж*, какъ и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Въ другихъ случаяхъ Будде выказываетъ незнакомство съ результатами научныхъ работъ по исторіи индоевропейскихъ, въ томъ числѣ и русскаго языковъ. Такъ, на стр. 70, кажется, приписываются общеславянскому языку смягченныя *ѕ* и *з* (Будде пишетъ: сј, зј) не только въ словахъ стаѕа, каса, но и въ словахъ: зата, са. Общеславянское *ѣ*, по мнѣнію Будде, восходитъ только къ общеиндоевропейскому *ai* съ разнымъ качествомъ *а* или къ *ei* (Будде пишетъ: «*ei* съ слоговыми гласными разнаго качества» — стр. 33), тогда какъ на самомъ дѣлѣ общеславянское *ѣ̄* получалось изъ общеиндоевропейскаго *a°į̯* (балтійскослав. *eį̯*) и изъ общеиндоевроп. ī (балт.-слав. ī). На стр. 30 Будде сопоставляетъ общеславянское ъ въ *сънъ* съ латинскимъ *о* въ somnus и sopor, очевидно, предполагая, что эти звуки тожественны по происхожденію, а на стр. 80 уже изъ сопоставленія «старослав. сънъ, литовск. sapnas,

1) Форма 2-го л. «еси» встрѣчается еще въ свѣтской прозѣ, напр., въ грамотахъ, письмахъ XVI в., ср. въ письмѣ вел. князя Василія Ивановича женѣ около 1532 года: «писала *еси* ко мнѣ» и др.

лат. somnus изъ sopnus, греч. (σ)ὕπνος, др.-инд. sup, svapnas, рус. *сон»* выводитъ, что въ этомъ словѣ въ общеиндоевропейскомъ языкѣ былъ слоговой ирраціональный гласный звукъ α, причемъ ссылается на Фортунатова (стр. 79). На самомъ дѣлѣ Фортунатовъ ничего подобнаго не предполагаетъ и не считаетъ общеславянское *сънъ* тожественнымъ по происхожденію съ латинскимъ somnus. По его мнѣнію ъ въ славянскомъ сънъ, какъ и греческое υ въ ὕπνος—изъ общеиндоевропейскаго *u*, тогда какъ латинское *o* въ somnus, какъ и древнеиндійское *va* въ svapnas, восходитъ къ общеиндоевропейскому *u̯a*°. На стр. 38 Будде на основаніи стрсл. алнии, литовскаго діалектическаго amalas и латышскаго alnis предполагаетъ, что «индоевропейское начальное *ă*° дало въ литов.-слав. тоже *ă*°, откуда литов. *a*, а общеславянское *o*». Но онъ забываетъ, что начальному общеиндоевропейскому *a*° во всѣхъ славянскихъ языкахъ соотвѣтствуетъ «je» или тѣ звуки и сочетанія звуковъ, которыя удовлетворительно объясняются фонетическимъ измѣненіемъ этого сочетанія на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, что русское начальное *o* вмѣсто *je* другихъ славянскихъ языковъ ограничено очень опредѣленными фонетическими условіями и потому не можетъ сопоставляться съ начальнымъ *a* въ латышскомъ, замѣняющимъ всякое начальное *e*, что въ литовскомъ языкѣ начальное *a* вмѣсто *e*—явленіе діалектическое и тоже не стоитъ въ родствѣ съ русскимъ начальнымъ *o* въ *осень*, *олень* и пр.; наконецъ, *алъ* въ старослав. алънии однородно съ алъ- въ алъкати, алъдии и восходитъ къ общеславянскому *ol* въ началѣ слова передъ согласной, а потому не можетъ быть сопоставляемо съ литовскимъ діалектическимъ *al-* въ alnis, гдѣ *a*—изъ общелитовскаго *e*. На стр. 53 Будде предполагаетъ, что слова «кръвь, плъть, въскрьсъ» въ старославянскомъ языкѣ въ X—XI вѣкахъ «перешли въ *«кро́в*, *пло́т*, *воскре́с»*, т. е. приписываетъ старославянскому языку X—XI в. особенности русскаго языка болѣе поздней эпохи. На стр. 139 слл. Будде говоритъ объ исчезновеніи слабыхъ ъ и ь и слабоирраціональныхъ ы и *и* въ общерусскомъ и при этомъ обнаруживаетъ незнаніе закона объ условіяхъ появленія въ общеславянскомъ сильныхъ и слабыхъ ирраціональныхъ гласныхъ. Онъ излагаетъ этотъ законъ не совсѣмъ ясно: «слабые ирраціональные звуки были тогда, когда на нихъ не падало удареніе. Удареніе на нихъ удержалось къ этому времени только въ первомъ слогѣ слова. Затѣмъ (?), слабыми эти звуки являлись тамъ еще, гдѣ за ними не слѣдовало слога со слабыми же и неслоговыми звуками». Что значитъ это «затѣмъ»?

Значитъ ли это, что кромѣ неударяемыхъ ирраціональныхъ звуковъ слабыми были также и ударяемые, если за ними не слѣдовало и пр.? Всего труднѣе понять слова Будде именно такъ, чтобы можно было согласиться съ его формулировкой: т. е., что ирраціональные звуки являлись слабыми, если они не только не являлись ударяемыми, но и не имѣли послѣ себя слога со слабыми ирраціональными гласными. Кромѣ того, въ формулировкѣ Будде непонятно, что̀ такое слогъ «со слабыми же и неслоговыми звуками»; если въ извѣстномъ сочетаніи звуковъ нѣтъ слогового звука, то это не—слогъ, если же есть, то всякій слогъ, не состоящій изъ одной гласной, будетъ слогомъ «съ неслоговыми звуками». Чтобы понять предложенную Будде формулировку закона о слабыхъ ирраціональныхъ гласныхъ, обратимся къ примѣрамъ, которые онъ приводитъ для того, чтобы пояснить этотъ законъ. На стр. 140 онъ высказываетъ предположеніе, что слово «Витьбьскъ» въ общерусскую эпоху могло быть съ троякимъ удареніемъ: «Ви́ть́бь́скъ»; въ эпоху исчезновенія слабыхъ ирраціональныхъ гласныхъ и перехода сильныхъ въ гласныя полнаго образованія ирраціональныя гласныя неударяемыя выпадали, а ударяемое ь переходило въ е, такимъ образомъ получалось: Ви́тбск, Вите́бск, Витбе́ск. Далѣе оказывается, что въ родит. пад. не могло получиться «Витбе́ска», потому что «фонетически долженъ былъ исчезать слабый ирраціональный ь въ слогѣ передъ гласнымъ» (т. е., очевидно, передъ гласнымъ неирраціональнымъ), а получалось «Вите́бска». По аналогіи съ этой формой изъ «Ви́тбскъ» «при стеченіи согласныхъ, неудобныхъ для произношенія, появилось Ви́тебскъ». Намъ кажется, что мы, наконецъ, поняли Будде. Очевидно онъ думаетъ, что ирраціональныя гласныя являлись сильными только подъ удареніемъ, а безъ ударенія были слабыми; ударяемыми же ирраціональныя гласныя могли быть только въ 1-мъ слогѣ слова или передъ слогомъ съ ирраціональными же гласными; затѣмъ слабыя ирраціональныя гласныя исчезли, а сильныя перешли въ гласныя полнаго образованія. Но это мнѣніе Будде не только расходится съ мнѣніями другихъ ученыхъ, но и опровергается фактами всѣхъ славянскихъ языковъ, указывающихъ на существованіе въ общеславянскомъ языкѣ сильныхъ ирраціональныхъ гласныхъ и не подъ удареніемъ. На стран. 188 Будде говоритъ о долгихъ ō, ǒ̄, ē будто бы полученныхъ общерусскимъ языкомъ изъ общеславянскихъ ō и ē, отличая эти долгія гласныя отъ тѣхъ долгихъ ō, ǒ̄, ē, которыя «замѣнили собой и краткіе ŏ, и ĕ, вслѣдствіе перехода ъ и ь въ сосѣднемъ

слогѣ въ слабые и неслоговые ирраціональные». Но въ общеславянскомъ языкѣ *о* и *е* были только краткими; если и высказывалось нѣкоторыми учёными мнѣніе, что общеславянскій языкъ въ эпоху своего распаденія имѣлъ ō и ē, то это относилось именно къ тѣмъ *о* и *е*, которыя были въ слогѣ передъ конечными *ъ* и *ь* слабыми, и, по мнѣнію Будде, удлинялись лишь въ общерусскую эпоху. На стран. 193 Будде различаетъ въ общеславянскомъ два вида «*ц*» 1) «изъ индоевропейскаго средненебнаго *к*», 2) «которое образовалось на почвѣ общеславянскаго языка позже и перешло въ общерусскій языкъ», тогда какъ ему должно быть извѣстно, что «ц» въ общеславянскомъ получалось исключительно вслѣдствіе смягченія «к» и притомъ въ поздній періодъ общеславянскаго языка, и что изъ общеиндоевропейскаго *k̂* средненёбнаго въ общеславянскомъ языкѣ получалось *s*. На стран. 206, Будде говоритъ объ отвердѣніи *ц* въ южновеликорусскомъ и бѣлорусскомъ и при этомъ замѣчаетъ, что «Въ формѣ *пл̂яцеам* при произношеніи звукъ *ц* еще и до сихъ поръ *мягкій*, т. к. вообще звукъ *ц* отвердѣлъ раньше всего *въ концѣ словъ*..., а здѣсь онъ въ серединѣ слова». Будде забываетъ, что общерусское *ц* въ большинствѣ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говоровъ отвердѣло при всякомъ положеніи въ словѣ, а въ данномъ бѣлорусскомъ словѣ *ц* мягко вовсе не потому, что оно—въ серединѣ слова, а потому что это *ц* совсѣмъ другого происхожденія, получившееся въ бѣлорусскомъ нарѣчіи изъ *т* мягкаго.

Остановлюсь ещё на двухъ мѣстахъ. Въ §§ 17 и 18 Будде говоритъ объ отпаденіи конечныхъ носовыхъ согласныхъ въ общеславянскомъ. По его мнѣнію, носовыя гласныя въ общеславянскомъ получались только изъ *on* (если это *on* не переходило въ ūn) и изъ *en*; послѣ остальныхъ гласныхъ носовыя согласныя просто отпадали. Это толкованіе отличается отъ принятаго акад. Фортунатовымъ и другими мнѣнія, что въ общеславянскомъ въ извѣстную эпоху всѣ дифтонгическія сочетанія на неслоговую носовую согласную переходили въ носовыя гласныя, изъ которыхъ потомъ уже нѣкоторыя утратили носовое свойство. Нельзя сказать, чтобы мнѣніе Будде было болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ при его толкованіи остается невыясненнымъ, почему въ однихъ случаяхъ сочетаніе гласной съ носовой согласной переходило въ носовую гласную, въ другихъ не переходило. Кромѣ того, судьба балтійско-славянскаго *en* въ общеславянскомъ по Будде остается совершенно неясной. На стран. 63 онъ говоритъ: «Конечные *т* и *n* отпадали безъ измѣненій внутри слова также послѣ *е*, матєрє, любъвє, полє (срв. matrem)» и тутъ же.

«срв. лат. nomen и стрсл. имен (?), откуда ен (en) въ концѣ давало *ę* (ѧ): имѧ». На стран. 64 говорится, что *е* въ окончаніи *en* удлиннялось до перехода *en* въ *ę*, а на стран. 99 — что *ję* въ общерусскомъ переходило въ *jię*, откуда — *ѣ*. Такимъ образомъ одно и тоже сочетаніе *en* давало въ общеславянскомъ *ę*, *ię*, *е*, откуда въ русскомъ: *'а*, *ѣ*, *е*. При этомъ надо замѣтить, что Будде нигдѣ не только не пытается формулировать условій, вызвавшихъ различную судьбу общеславянскаго *ēn* или, по крайней мѣрѣ, точно опредѣлить тѣ формы, въ которыхъ это *en* перешло въ *ię* и *е*, но даже не оговаривается о томъ, что *en* въ однихъ случаяхъ имѣло одну судьбу, въ другихъ — другую, и такимъ образомъ противорѣчитъ самому себѣ. На самомъ дѣлѣ всѣ три случая представляютъ различныя условія: балтійскославянское *en* въ общеславянскомъ измѣнялось только въ *ę*, откуда старославянское ѧ, русское *а* послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ. Въ винит. пад. единств. числа именъ съ основой на согласную общеиндоевропейскій языкъ имѣлъ, надо думать, окончаніе *ə̥m̥* (*ə̥* — общеиндоевропейская ирраціональная гласная), ср. греч. винит.: *πατέρα̥* и т. п., а не *em*; изъ этого *ə̥m̥* въ общеславянскомъ получалось *in*, откуда *į* и далѣе — *ь*, какъ и изъ всякаго *į*- камень, матерь и пр.; винит. же «матере», надо думать, — родит. въ роли винительнаго. Наконецъ, то *ię̄*, которое въ русскомъ дало *ѣ*, — изъ того носового звука, который получался вслѣдствіе измѣненія *ī* носового послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ.

Наконецъ, мы не можемъ согласиться и съ физіологическимъ опредѣленіемъ гласныхъ ъ и ь общерусской эпохи. Будде говоритъ что общерусское ъ ближе всего подходитъ «къ гласному лабіализованному низкому задняго ряда, а ь — нелабіализованному среднему средняго ряда», но при этомъ ь съ оттѣнками «большей или меньшей палатанизаціи». Опредѣленіе ъ, данное Будде, можетъ быть, годится для поздней эпохи общерусскаго языка, судя по тому, что ъ сильное перешло въ общерусскомъ въ *о* и при этомъ въ эпоху образованія аканья въ нѣкоторыхъ среднерусскихъ говорахъ звучало болѣе открыто, чѣмъ старое *о*[1]), т. е., или, какъ открытый средній лабіализованный звукъ задняго ряда или какъ закрытый нижній звукъ того-же ряда. Но въ эпоху болѣе раннюю ъ, должно быть, былъ болѣе закрытымъ и болѣе лабіализованнымъ звукомъ (ср. финскую передачу этого звука), а въ то же время, быть можетъ, являлся

---

1) См. Васильевъ Л. Гласные въ моментъ образованія аканья въ Обоянскомъ говорѣ.

звукомъ не задняго, а средняго ряда; на то, что ъ въ общеславянскомъ лежалъ ближе къ звукамъ средняго ряда, указываютъ и современные западнославянскіе и болгарскій языки. Что касается ь, то это, несомнѣнно, палатальный звукъ, т. е. звукъ передняго, а не средняго ряда, какъ видно изъ судьбы его въ большей части славянскихъ языковъ: въ западно-славянскихъ и русскомъ языкахъ согласныя передъ ь смягчились, тогда какъ передъ гласными средняго ряда онѣ не смягчались; въ болгарскомъ ь перешло въ *е*, — звукъ передняго ряда, и т. д.

На показанія письменныхъ памятниковъ Будде обращаетъ мало вниманія и притомъ оцѣниваетъ ихъ невѣрно. Такъ, онъ думаетъ, что древнерусскія грамоты писались «тѣми словами и тѣмъ языкомъ (синтаксисомъ), какой слышался повседневно», чисто русскимъ языкомъ «со всѣми его діалектическими особенностями по мѣстностямъ», хотя и на фонѣ «церковно-книжнаго языка». Эта характеристика языка грамотъ невѣрна, какъ въ приложеніи къ древне-русскимъ грамотамъ, такъ и въ приложеніи ко всякимъ юридическимъ и дипломатическимъ актамъ новѣйшаго времени. Еще Шахматовъ въ 1885 году (О языкѣ новгородскихъ грамотъ) замѣтилъ, что въ грамотахъ «мы имѣемъ дѣло съ традиціей — традиціей языка и ороографіи» и что очень часто грамоты XIV в. являются «копіей весьма близкой къ какому-нибудь оригиналу XI или XII в.». Вообще, юридическій и канцелярскій языкъ всегда отличается большимъ консерватизмомъ, и юридическія формулы продолжаютъ неизмѣнно повторяться въ актахъ, когда составляющія ихъ слова или обороты давно уже утрачены живымъ языкомъ.

На этомъ мы кончаемъ свой разборъ книги Будде. Если бы мы пожелали указать всѣ ошибки, пробѣлы и методическіе промахи, встрѣчающіеся въ ней, наша рецензія увеличилась бы, по крайней мѣрѣ, вдвое, но и того, что мы отмѣтили, намъ кажется, достаточно для того, чтобы сказать, что Лекціи проф. Будде въ ихъ настоящемъ видѣ совершенно не могутъ служить учебникомъ по исторіи языка, такъ какъ не отличаются ни обязательной для учебника систематичностью и ясностью изложенія, ни научностью методовъ въ объясненіи явленій языка, ни точностью сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній.

Николай Дурново.

Москва, 8 янв. 1908 г.

А. И. Успенскій. Таинство елеосвященія. М. 1908 г. (печатня А. И. Снегиревой, стр. 1 — 101 + I — CXII).

Директоръ Московскаго Археологическаго Института А. И. Успенскій выпустилъ свой новый трудъ, напечатанный «по опредѣленію Совѣта Московскаго Археологическаго Института».

Новое произведеніе г. Успенскаго состоитъ изъ двухъ частей: «изслѣдованія» и «приложеній». И догматическая и обрядовая стороны таинства не разъ уже обслѣдовались въ общихъ сочиненіяхъ по догматикѣ и въ спеціальныхъ статьяхъ о семъ таинствѣ, помѣщенныхъ въ духовныхъ журналахъ (желающіе могутъ познакомиться съ литературой предмета и высказанными взглядами по статьѣ, помѣщенной въ «Православной Богословской Энциклопедіи», изд. въ Спб.). Работа А. И. Успенскаго свелась къ тому, что онъ, пользуясь трудами своихъ предшественниковъ, излагаетъ общія свѣдѣнія о таинствѣ и его чинопослѣдованія въ разныя вѣка, которыя затѣмъ въ «Приложеніи» и печатаетъ (выводы, къ которымъ онъ пришелъ, изложены на стр. 75, на 10—12 строчкахъ). Его собственныя изысканія ничтожны и въ случаѣ противорѣчивыхъ мнѣній ученыхъ по какому-либо вопросу онъ старается спрятаться за спину другихъ: дословно приводитъ какое-либо мнѣніе одного ученаго и дословно же напечатанное возраженіе другаго (см. стр. 85—87 и 98—101). О научномъ значеніи первой части работы г. Успенскаго («изслѣдованіи») говорить не приходится.

Гораздо важнѣе могла бы быть вторая часть этого произведенія «Приложенія», собраніе чинопослѣдованій таинства елеосвященія изъ разныхъ рукописей, начиная съ XIII вѣка; но эта часть издана самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. А. И. Успенскій уже второй разъ пытается напечатать эти чины. Первое изданіе, предназначавшееся къ помѣщенію въ «Чтеніяхъ» Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Общество не нашло возможнымъ выпустить «въ виду ненаучныхъ пріемовъ г. Успенскаго» (напечатано было 64 страницы). Теперь онъ, «съ дипломатическою точностью», по его словамъ, вторично издаетъ эти же чины.

«Чины» издаются г. Успенскимъ главнымъ образомъ по Петербургскимъ рукописямъ и отчасти только по Московскимъ (чины за №№ 2, 4, 5, 12, 19 и 20). Я имѣлъ время и возможность провѣ-

рить насколько использованы имъ *Московскія* только рукописи, но и этого достаточно для сужденія о характерѣ изданія. Для болѣе яснаго представленія я изложу свои наблюденія относительно двухъ чиновъ, напечатанныхъ подъ №№ 4 и 5. Послѣдній (№ 5) издается по двумъ рукописямъ Московской Патріаршей Библіотеки, причемъ не отмѣчается—какая положена въ основу изданія и изъ коей приводятся варіанты. При двухъ рукописяхъ не трудно, конечно, рѣшить этотъ вопросъ; но любопытные получились результаты сличеній рукописей съ печатнымъ текстомъ: г. Успенскій, печатая чинопослѣдованія по ркп. № 324, изъ другой ркп. № 307 совсѣмъ не приводитъ варіантовъ, хотя они есть; сокращаетъ текстъ чинопослѣдованія, нигдѣ не оговариваясь (печатаетъ только начальныя слова пѣснопѣній, молитвъ и пр., опуская остальное); мѣстами дѣлаетъ пропуски; печатаетъ безсмысленное слово: «недорутъ» вм. «пожрутъ» и пр... Не свѣрявшій съ рукописью читатель подумаетъ о чрезвычайной точности передачи текста г. Успенскимъ (соблюдаются даже буквы, сокращенія не раскрываются и пр. т. п.); на самомъ же дѣлѣ памятникъ издается такъ плохо, какъ я не встрѣчалъ еще ни въ одномъ изданіи. Перечислять всѣ ошибки — было бы слишкомъ утомительно и потому, чтобы дать ясное представленіе «о дипломатической точности» изданія г. Успенскаго прилагаю два снимка съ чинопослѣдованія № 5, на которыхъ обозначены всѣ отступленія изданія отъ рукописей XV вѣка (см. на стр. 368 и 369).

Чинопослѣдованіе подъ № 4 издано по множеству рукописей: въ заголовкѣ указано 38 рукописей, а въ варіантахъ дѣлаются отмѣтки еще и о другихъ рукописяхъ, не обозначенныхъ въ заголовкѣ, напр. Соф. ркпп. №№ 1065, 1067, 1081; на самомъ же дѣлѣ не всѣ эти рукописи использованы и многія указаны только для того, чтобы вселить увѣренность въ «ученость» автора; это я говорю опять на основаніи сличенія печатнаго текста съ рукописями Московскими. Г. Успенскій и здѣсь не говоритъ по какой ркп. издается текстъ чинопослѣдованія и почему по ней именно (одно изъ самыхъ элементарныхъ требованій ученаго изданія); но изъ сличенія *четырехъ древнѣйшихъ* рукописей XIV—XVI вв., хранящихся въ Москвѣ (указанныхъ имъ въ самомъ началѣ), оказывается, что ни одна изъ нихъ (несмотря на ихъ древность) не положена въ основу изданія (почему,—нигдѣ не говорится ни слова). Мало того: и варіанты изъ нихъ совсѣмъ не приведены (имѣю въ виду первые листы рукописей, которые я сличалъ, и исключаю приводимыя г. Успенскимъ первыя строки рукописей)... Не приведены

не по «неважности» варіантовъ, а по другой «какой-то» причинѣ..... Изъ ркп. Петербургскихъ г. Успенскій отмѣчаетъ «всякія» разночтенія, самыя мелочныя, какъ напр. «да», «и», «Ти», «Твоею» и пр.; но изъ рукописей Московскихъ не встрѣчается никакихъ (а они многочисленны), даже не отмѣчаются тѣ же самыя разночтенія, которыя приведены изъ Петербургскихъ рукописей (напр. Софійской № 837). Очевидно *древнѣйшія* рукописи Московскія совсѣмъ не

Служба сщенію масла. Сбероутсе седмь поповь, и въсыплють пшеницоу въ блюдо и поставеть кандило и седмь оужижьць и седмь паличиць, имиже есть мазатисе. И поставеть срѣд цркве на тетраподи. И дасть свѣщоу въсѣмь поповомь. И станоуть около масла, облѣкшесе въ фелоне. И речеть пръвыи попъ. Блсвень Бъ нашь. И кадит. И прочии поють. Сты Бе. Прстая Троце. Оче нашь. Ги помилоуи 12. Пріидѣте поклонимсе. 3щ. Таж Псалом 142. Ги оуслыши млтвоу мою. Слава и нья. Аллугіа. 3щ. Таж Бъ Гь. На глас 6. Таже тропре сіе· Помлуи нас Ги.. Слав Ги помлоуи нас.. И нья. Млсрдіа двери. . Таж псалом 50. Помлоуи мя Бе. Таж Канон Глас 4. Пѣс 1. Ірмос. Мора чрьмнаго Масломь блгооутробіа.. Иже нья оущедри имѣя млстыню. Помазаніемь сщенникь... Едина мирови.. Пѣс 3. Ірмос. Веселитсе о тебѣ. Ты единь... Маслинныи соуць .. Свѣщоу Бжственнаго свѣта Призри млстиво съвыше .. Сѣд. Глас 1. Под Гроб твои. Якоже бжствнаа рѣка Дроуг глас 4. Слав. Под. Възнесысе Врачь и помощникь болещимь... И нья Тебе величаемь Бце. Пѣс 4. Ірмос. Въздвиже на те. Яко нетлѣнно еси миро Хе. Тихости знаменіемь... Призвати повелѣ въсѣхь болещих... Бже Дво Прѣстаа... Пѣс 5 Ірмос. Ты ми. Ты еси блгыи... Дшь нашихь и тѣлесь. . Неизреченное ти чюдо .. Прѣпѣтаа чистаа прсно дво влдчце... Пѣс 6. Ірмос Подрут. Масло прощенія скораго... Да ни скрьбь ниже лоукавніи .. Простри роуку твою. Быс о Бзѣ твои храм... Код глас 6. Застоупнице хрстіаномь... Пѣс. 7 Ірмос Въ пещи Авраамскы. Ты въ млстехь .. Иже масломь помаз всѣмь главы. Ороужіе быс слове... Ты еси съдржещаго въсачьскаа... Пѣс 8 Ірмос. Роуцѣ распро. Въсѣхь независтно милоусти... Строуями млсти твоее Хе... Трисіанное твое еже съвыше оумноженіе млсти. Славно яко вѣньць... Пѣс 9 Ірмос Камы нероукосѣчены. Посли съ нбсе... Видѣхомь прѣблгыи Спсе Оущедри и помилоуи Спсе... Пѣніа и млтвы... Потомь. Достоино есть. Таж стхры. Глас 4 Под Дас знамен. Даль еси блгдть... Вижд... Помазаніемь.. Таж приступить пръвыи поп. И начнет Діаконь. Миромь Гоу помолимсе..—О съвышнемь... О смирении въсего мира... О стѣмь храмѣ... О блсвитисе маслоу... О рабѣ Бжіемь... Застоупи... Прѣстоую... Гоу помолимсе. Таже Млтву сію велми: Ги иже вь млсти... Таж въливаеть масло въ кандило по малоу. Такожде и въси творет Діаконства и млтвоу. И приливающе по малоу масла. И въжигающе оужице. Таж поют. Бо. Глас 1. Мтрь ты Бжіа. Глас 2. Млсрдіа соущи. Глас 3. Прибѣжище и сила... Глас 4 Къ Бци... Глас 5 Мти Бжіа... Глас 6.

использованы. Изъ ркп. библіотеки Московской Синодальной Типографіи № 44 (XIV—XV в.) г. Успенскій приводитъ начало ея, занимающее въ печати $4^1/_4$ строки, причемъ дѣлаетъ 5 ошибокъ противъ рукописи.

Многаа пр[и]множьства... Глас 6. Яко имоущи... Глас 8. Мысльнаа дверя. И начинають. Пріидѣте поклонимсе 3щ. Таж [п]слом. Оуслыши Ги правдоу мою. В[ь]сь до конца. И тако прок апсла. Таж. Прьвыи поп начнеть. Прок Глас 1. Азь рѣхь... Апсль от Іаковля съборнаго посланія чтеніе. Братіе образь... Аллугіа. [С]х. Бложень разоумѣваеи... Е[в]г[ли]е от Іоанна. Въ врѣм оно възыде Іс вь Герслмь... Таже млтвоу. Безначелне неизмѣнне... Прок глас 2. Въ н[ь]же днь... Сх Ги оуслыши млтв[у]... Апсль къ римляномь посланіе: Братіе д[л]жни есмы... Аллугіа Сх Млсти твое Ги. Е[в]гліе от Лоукы. Въ врѣм он пріиде Іс въ Іеріхонъ.. (о Закхеѣ). Гоу помлимсе. Таже Молитвоу. Бл[а]гопрѣмѣнителю Ги. Таж третіи попъ Прок глас 4. Ги не яростію.... Сх. Яко стрѣлы... Апсл [к]ъ коріноомь посланіе. Братіе вы есте тѣло... Алл[и]угіа Помлоуи ме Бе. Е[в]г от Мо. Вь врѣм он призва Іс 12 оученикь... Г[о]у помлимсе. В[л]ко Ги Въседръжителю... Таж четв[е]рьтіи поп Прок [Г]лас 4 Гь оуслышит... Сх Гнѣваитсе... Апслъ къ коринеіом посланіе Павлово чтеніе: Братіе вы есте цркви [Б]а.. Аллугіа. Помлоуи ме [Г]е яко немоіцьнь есмь. Е[в]гліе от Марка. Въ врѣм он призва обанадесете Гоу помлимсе. Таже млтвоу. Благый члколюбче... Таже пет[ы] поп Прок [Г]лас 5 Ги что се Сх Ты[ж]е Ги заступникь Апсль къ галатомь. Братіе, видѣвше яко не оправдит[ь]се. Е[в]гліе от Мо. Р[ч]е Гь аще отп[у]щаете... Г[у] пом Ги [Б]е нашь, показаеи. Таже шест[ы]и поп глас 6 Вънегда възвах.. Сх Снове члчьсціи. Апслъ къ Кол[о]с[а]мь. Бр облѣцѣтесе.. Алл[уг]іа Азь рѣхь. Е[в]гліе от [Лк]. Въ вр[ѣ]м он съзва Іс обанадесете. Таже Гоу помолимсе. Мл Бл[а]годарим те Ги.. Таже седм[ы]и поп прок глс [8] Ги не яростію Пом[л]уи мя Ги. Апсль къ [Еф] Бр възм[о]гаите. Алл[уг]іа. Оуслышите.. Е[в]гліе от Мо. Въ врѣм он прѣход[ѣ]. (о Матоеѣ).. Таж Г[у] пом Мл Влдко Ги Бе нашь, врачю.. Таже призовоуть сіценници болещаго. И полож[а]ть е[в]ліе на главѣ его и прид[р]жеть въси десн[ы]ми р[у]ками. И глет начелныи по[п] Г[у] пом Таж мл сію велми. Въси же сіценници по немь льгцѣмь гласом глю[т] яже онь изричеть. Цроу стыи. По скончан[и]и мл[т]вы глет тъжд[е] поп Г[у] пом Таж сію млтв[у] велми, въ оуслышаніе въсѣмь: О[т]че стыи... И въ[з]мь паличицоу свою оквасить въ маслѣ и начнеть мазати болещаго и [в]сѣх требующихь блсвеніа сего. Помазаеи же сіценникь глет[ь] сице. Блсвеніе Га Ба и Спса. Сиц[е] помазаніе да сътворет въсѣхь 7 поповь. Людемь поющимь стхр[ы] сію глас 4 самогласно. Источникь... Слав и ння Болѣзн[ь]ю... Таж п[р]выи попь Діаконства сіа и [в]си попове. Помл[у]и нас.. И еще [мл] яко да отп[у]стить ем[у].. И еще [мл] яко да Гь Бъ.. Таж Ги пом 50. И по сих [в]зглаш Яко млстивь. Таже Ч[с]тнѣишую.. Слава. Ги помл[у]и 3щ и отп[у]с по отпустѣ же [в]си рек[у]т Пріиметь Гь Бъ молен[и]е нас грѣшныхь и помилуеть нас яко благь и члколюбц.

Сх. Гь помажеть емоу.... Таж втори поп начинаеть. Аллугіа. Ги възведи от ада душу мою. К ефесіомь посланіе. братіе. Помлимсе. Млтва. Помлимсе о рабѣ твоемь имре. И аще молимсе

Г. Успенскій, вѣроятно, заботился объ увеличеніи размѣровъ своего труда: вмѣсто общепринятаго обозначенія рукописей условными буквами при отмѣткѣ разночтеній рукописей онъ постоянно печатаетъ полностью, иногда по 10—20 разъ на страницѣ: «въ ркп. № (*такой то*) Кирилло-Бѣлозерской библіотеки (*или* Императорской Публичной Библіотеки, Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ):... (*такъ то*). Упорно также и нѣсколько разъ онъ сигнатуру рукописей Императорской Публичной Библіотеки обозначаетъ буквой Ѳ (стр. XXVIII), очевидно, не понимая, что надо вмѣсто этой русской буквы поставить латинскую Q.

Провѣрка изданія г. Успенскимъ чиновъ таинства елеосвященія заставляетъ меня утверждать, что новое произведеніе Директора Московскаго Археологическаго Института — не можетъ быть признано ученымъ изданіемъ.

С. А. Бѣлокуровъ.

Москва, Архивъ М. И. Д.
Сентябрь 1908 г.

Къ изученію заговоровъ.

(Замѣтка по поводу недавно появившейся книги А. В. Ветухова).

Между тѣмъ какъ новыя открытія въ изученіи переходныхъ литературныхъ путей пріучили скептически смотрѣть на мнимую самобытность разныхъ отраслей народнаго преданія, заговоръ, какъ одинъ видъ этого преданія, долго толковался въ розовомъ освѣщеніи миѳологовъ. Еще недавно слышали изъ словъ самихъ спеціалистовъ непоколебимое увѣреніе въ глубоко-языческомъ характерѣ заговоровъ, не говоря уже о составителяхъ учебниковъ, историкахъ народнаго быта и литературы, изслѣдователяхъ народной медицины и психологіи и наконецъ новѣйшихъ представителяхъ древне-церковнаго обличенія «отреченныхъ ученій»; красною нитью въ ихъ произведеніяхъ проходятъ неумолкаемыя повторенія указаннаго рода, унаслѣдованныя со временъ миѳологовъ. Какъ же иначе, спрашиваютъ, вѣдь созданная имъ теорія о замѣненіи до-христіанскихъ боговъ въ эпическомъ изложеніи новыми христіанскими святыми имѣетъ за собою большую долю вѣроятія. Любопытно, прибавляютъ они, прослѣдить, какъ доморощенные Даждь-боги, «Стрибожи внуцы», Перуны и богини-зари мало по малу уступали Олимпъ Христу, апостоламъ—вѣтрамъ, Ильѣ и святымъ Маріямъ. Какъ на доказательство указываютъ на суровыя угрозы церкви тому, кто почиталъ древнихъ идоловъ. И если существовали боги, то они должны были имѣть и свои «житія», разсказы о ихъ приключеніяхъ, подобно похожденіямъ боговъ въ извѣстномъ древнегерманскомъ заговорѣ изъ Мерзебурга. Исходный пунктъ, который былъ принятъ изслѣдователями отъ первыхъ миѳологовъ до такихъ тонкихъ знатоковъ народнаго творчества, какъ напр. покойный ак. Веселовскій, обязанъ именно такому порядку идей.

А всетаки авторитетъ Мерзебургскаго заговора виситъ на волоскѣ. Помимо того, что онъ былъ записанъ въ сборникѣ, гдѣ находятся разныя духовныя статьи [1]), онъ вноситъ въ германскую

1) Müllenhoff Denkmäler, стр. 262.

миѳологію подробности, которыхъ не знаютъ другіе ея источники. Поѣздка боговъ въ лѣсъ, гдѣ у коня нога вывихнулась, попытки 3—4-хъ сестрицъ помочь поврежденію, названія сестеръ и наконецъ цѣлящая формула самого бога, вся исторія покрыта до сихъ поръ мракомъ, несмотря на всѣ поиски освѣтить его малоубѣдительными данными даже изъ арійскихъ гимновъ. Между тѣмъ заговоръ можно считать нѣмецкимъ дополненіемъ длиннаго ряда формулъ, простирающагося со времени первыхъ римскихъ теургическихъ медиковъ, въ родѣ Марцелла, вплоть до X—XI вв., когда уже христіанскіе святые становятся исключительнымъ достояніемъ заговора. Въ этихъ формулахъ съ одной стороны фигурируютъ давно до того времени забытые (и когда-то популярные!) жители Олимпа, Iupiter, Iuno, Apollo и т. д., правда больше только названіями, чѣмъ своими приключеніями; а съ другой стороны въ нихъ сквозитъ христіанство. На одной и той-же страницѣ увидите воззванія къ лунѣ, какъ къ дочери Jupiter'а, и къ христіанскому Богу, ангеламъ и пророкамъ. Хотя еще не обслѣдовано происхожденіе подобнаго смѣшенія, можно съ полнымъ правомъ предполагать ученыя интерполяціи. Вѣдь въ большинствѣ случаевъ составители заговоровъ были люди начитанные, люди, которые хорошо знали м. пр. подробности св. писанія и апокрифа [1]). Имъ ничего не стоило взыграть своими познаніями по христіанской аллегоріи, ослѣпить мірянина напр. превосходнымъ заговоромъ о трехъ сестрахъ на морскомъ камнѣ, и, предполагаемъ, попробовать свои силы въ области миѳологіи. Названіе одного «бога» въ нѣмецкой формулѣ, Phol'а объяснено покойнымъ Бугге — ап. Павломъ, другое же имя Balder, служило нарицательнымъ именемъ для верховнаго существа, здѣсь Водана. Любопытно, что составитель заговора не могъ, вѣроятно страдая бѣдностью миѳологіи мужскихъ именъ, болѣе удачно прикрыть Павла, который до сихъ поръ извѣстенъ народнымъ заговорамъ отъ вывиха: онъ ѣдетъ или странствуетъ вмѣстѣ съ Христомъ. Мотивъ о странствованіи восходитъ, какъ утверждаетъ новѣйшій изслѣдователь проф. Krohn, къ торжественному пріѣзду Господа въ Іерусалимъ. По его остроумному толкованію имена сестрицъ объясняются отчасти поэтическими олицетвореніями пр. Богородицы, отчасти

---

1) Слѣдуетъ замѣтить по поводу вышеупомянутой молитвы лунѣ, что Богородица въ латинскихъ гимнахъ у Моне называется аллегорически луною, м. пр. Luna in medio firmamenti (II. 189, ср. 154, 165 etc.). Латинскіе заговоры см. у Heim'а Incantamenta magica, Jahrb. f. class. Phil. 19.

субститутами изъ германской миѳологіи (Frija), и возстановленная формула гласитъ: Павелъ и Господь ѣхали верхомъ въ лѣсъ (церковь), тогда вывихнулась нога у Господняго жеребенка, тогда заговорило ее солнце съ спутницей, тогда заговорила ее Богородица съ своей сестрой, тогда заговорилъ ее самъ Господь, такъ хорошо, какъ только могъ.

Возможенъ поэтому и другой методъ толкованія заговоровъ, совершенно обратный тому, которымъ пользовались миѳологи и ихъ послѣдователи. Если авторитетъ упомянутой нѣмецкой формулы, на который до сихъ поръ постоянно ссылались для постановки вопроса, сильно поколебленъ, то тѣмъ болѣе скептически мы должны относиться къ заключеніямъ тѣхъ, которымъ приходилось высказываться по поводу русскихъ данныхъ. Въ спеціальныхъ экскурсахъ въ эту область мы намѣрены подробнѣе изложить свои наблюденія. Скажемъ пока, что новый пересмотръ русскаго матеріала несомнѣнно приведетъ къ выводу, что говорить о божественныхъ приключеніяхъ, взятыхъ изъ забытыхъ языческихъ сказаній, о наивныхъ поэтическихъ воззрѣніяхъ и т. д., представляется иногда очень рискованнымъ.

Теперь же обратимся къ новопоявившейся работѣ А. В. Ветухова, «Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. (Изъ исторіи мысли)» (Варшава 1907. Оттискъ изъ Р. Фил. В). Точка зрѣнія автора высказана уже въ заглавіи, и по всему ходу работы можно слѣдить, съ какимъ усердіемъ авторъ дорожитъ малѣйшими данными для раскрытія основъ психологическо-синтактическаго процесса въ развитіи заговора. Авторъ отклоняется отъ исканій путей международнаго обмѣна, основываясь на томъ, что пока еще собрано слишкомъ мало матеріала для такихъ цѣлей (стр. 2). Отчасти такое утвержденіе вѣрно, но считаясь съ горькой возможностью, что собираніе заговоровъ, которое уже сначала въ цѣлыхъ областяхъ было дѣломъ заброшеннымъ, въ скоромъ времени приблизится къ концу, потому что уже давно замѣчается сильное забываніе и смѣшеніе элементовъ, принадлежащихъ первоначально къ опредѣленной группѣ,—а для литературнаго анализа необходимы историческіе памятники,—намъ представляется желательнымъ «спасти, что еще можно», порыться еще основательнѣе въ памятникахъ западной и славянской соотвѣтствующей литературы, въ требникахъ и т. д., чтобы возстановить древнѣйшія формы. Правда, нерѣдко приходится пользоваться глухими намеками и отголосками, оторванными

отъ прежней связи, но этимъ не уменьшается интересъ самого возстановленія. Возможности въ этомъ направленіи предлагаетъ и настоящій сборникъ, еслибы авторъ хоть разъ оставилъ немного имъ какъ и всѣми изслѣдователями идеализированную теорію о вѣрѣ въ силу слова, и сопоставилъ бы памятники въ намѣченной здѣсь связи.

Конечно, въ разныхъ областяхъ народнаго творчества обращаетъ на себя вниманіе исторія языка и связанной съ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ, человѣческой мысли. Любопытно, несомнѣнно, возстановить ранніе психологическіе зачатки, отливающіеся въ концѣ концовъ въ первобытное міросозерцаніе. Вопросъ только въ томъ, можно-ли считать заговоры до такой степени народнымъ, безъискусственнымъ произведеніемъ, чтобы судить по нимъ о судьбахъ народной мысли. Мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ заговоры новѣйшіе, XIX вѣка, — и вѣдь авторъ почти исключительно приводитъ таковые — и можемъ смѣло утверждать, что они, представляя въ настоящемъ видѣ окаменѣлую форму, въ большинствѣ случаевъ восходятъ къ какому-нибудь далекому подлиннику, къ болѣе живымъ представленіямъ. Позднѣйшій видъ является безсмысленнымъ повтореніемъ одинъ разъ прочитанной или даже услышанной формулы. Придется констатировать процессъ разложенія.

Такую-же точно судьбу имѣла-бы напр. искусственная молитва, еслибы ее кто-нибудь пустилъ въ суевѣрную среду, увѣряя въ ея могуществѣ. Она употреблялась-бы втайнѣ, при соблюденіи таинственныхъ обрядовъ, потому что интересъ ея, сила ея цѣленія, заключается въ томъ, что посвященные избранники тщательно хранятъ ее отъ популярности, общеизвѣстности. Будетъ время, и она станетъ общимъ достояніемъ, перестанетъ въ неграмотной средѣ записываться въ сельскія тетрадки и пойдетъ «своими ногами». Если она была эпическаго характера или просто наборъ непонятныхъ словъ, то ей легче будетъ заблудиться въ измѣнчивой памяти, обставиться новыми, иногда очень неудачными приставками. Другое дѣло, если въ ней дана была болѣе сложная стилистическая формула (напр. искусственное сравненіе, популярное, постоянно употребляющееся малор. заклинаніе «тутъ тебѣ не стоять»). Тогда она была бы втиснута въ прочныя рамки, откуда уже трудно было удалиться. Спрашивается теперь, гдѣ искать данныхъ для опредѣленія первичныхъ психологическихъ процессовъ по заговорамъ, тамъ-ли—среди дикарей и въ шаманской религіи — гдѣ они, хотя

не въ эпической формѣ и въ наборѣ словъ, дѣйствительно являются живымъ произведеніемъ «эгоцентрическаго» міропониманія, гдѣ среда и избранникъ проникнуты сознаніемъ своей силы въ произнесенномъ пожеланіи, будь оно въ формѣ безъискусственнаго сравненія или какой-нибудь чары, или тамъ, гдѣ наблюдается постепенное искаженіе при переходѣ изъ книги въ народное обращеніе. Отвѣтъ можетъ быть только одинъ, а между тѣмъ въ сборникѣ А. В. Ветухова почти нѣтъ ни одного изъ заговоровъ первой категоріи. Зная, напр., что молитвы отъ трясавицы составляютъ сводъ изъ греческихъ заклинаній и легендарныхъ сказаній, и что онѣ такимъ образомъ имѣютъ тѣсную связь съ письменностью, мы не станемъ говорить о непосредственномъ народномъ творчествѣ, если услышимъ изъ устъ бѣлорусса слѣдующую безсмыслицу: Было у царя Гіру 12 дачокъ, а у 12-ти па 12, а у мѣсци 144 [1]). Что является общей чертой въ молитвѣ и въ этомъ ея далекомъ отраженіи, это психологическое состояніе того, кто вѣритъ въ ихъ силу и, вѣря, получаетъ исцѣленіе. Стало быть, интересъ изслѣдованія долженъ быть сосредоточенъ во-первыхъ въ освѣщеніи психологическихъ основъ самого заговариванія, а во-вторыхъ въ разысканіи литературныхъ, во всякомъ случаѣ ученыхъ первоисточниковъ для теперешняго вида заговора. Послѣднюю точку зрѣнія авторъ, какъ сказано, упускаетъ изъ виду. А для первой цѣли первая часть его содержитъ книги не мало прекрасныхъ теоретическихъ разсужденій, хотя, пожалуй, слишкомъ много отведено мѣста для разслѣдованія «могущества» первобытнаго слова. Если все сводится къ силѣ внушенія, то напрасно будетъ, по нашему мнѣнію, рыться въ дебряхъ впервые высказаннаго человѣческаго слова, покрытыхъ до-историческимъ туманомъ, распространяться о «двойникѣ» и миѳологическомъ мышленіи, ссылаться на борьбу между язычествомъ и христіанскимъ ученіемъ и, полагаемъ, говорить даже о «психологическомъ параллелизмѣ», въ томъ объемѣ, въ которомъ онъ присущъ непосредственной народной поэзіи. Послѣ длинныхъ выписокъ, болѣе или менѣе относящихся къ освѣщенію вопроса, послѣ его историческаго очерка [2]), авторъ приступаетъ на 127 стр. къ цитированію самыхъ разнообразныхъ русскихъ и иностранныхъ заклинательныхъ формулъ, и мы можемъ ближе познакомиться съ

---

1) Wereńko въ матеріалахъ Краковской академіи I, 170.

2) Мы могли бы еще прибавить къ числу изслѣдователей Сахарова и Вс. Ѳ. Миллера.

его методомъ группировать ихъ по степени предполагаемой имъ древности. Конечно, очень любопытно узнать, какъ измѣняется чужеземная основа напр. въ заговорѣ отъ трясавицъ, какъ на ней строится цѣлая система олицетвореній и причинъ болѣзни, но повторяемъ, при разсмотрѣніи разныхъ его варіантовъ мы должны постоянно имѣть въ рукахъ его книжные списки и съ такой точки зрѣнія судить о непосредственномъ или книжномъ происхожденіи данныхъ представленій. Можетъ быть, навѣяннымъ христіанскимъ ученіемъ о человѣкообразномъ дьяволѣ и изгоняющей силѣ какого-нибудь святого (Христа въ качествѣ самаго сильнаго заклинателя, знающаго слово, передъ которымъ дрожитъ нечистая сила по апокрифическимъ сказаніямъ) окажется то, что мы считали обломкомъ древняго міровоззрѣнія. А авторъ объясняетъ по своему: «Мы встрѣтимся съ лихорадкой и какъ съ живымъ существомъ, вселяющимся въ человѣка и мучащимъ его,—безъ всякаго отношенія къ христіанскимъ воззрѣніямъ». «Такимъ образомъ лихорадка изъ стихійнаго существа переходитъ, по мѣрѣ просвѣтленія міросозерцанія, въ существо, подчиненное велѣнію свѣтлыхъ силъ, Бога и Его святыхъ».... (172—173). Насколько правдоподобенъ такой взглядъ на эволюцію заговора, знаетъ всякій, кто сравнитъ его съ греческими оригиналами.

Точно такую-же норму для пути отъ языческаго мрака до христіанскаго свѣта авторъ устанавливаетъ и по отношенію къ другимъ заговорамъ. Они перечислены по той болѣзни, противъ которой они назначены[1]). Внутренняя же ихъ группировка слѣдуетъ приблизительно такому порядку: Сперва заговоры съ существомъ, надѣленнымъ личной волей, къ которому можно обратиться съ просьбой, приказаніемъ, а потомъ такіе, гдѣ оно уже подчиняется божественной силѣ, гдѣ постепенно преобладаетъ христіанскій элементъ. Синтактическая форма, пріемы выраженія и вѣрованія, имѣющіе какое-то ни было отношеніе къ заговору, все имѣется въ виду для опредѣленія предполагаемаго образа развитія, хотя-бы все это сплеталось вмѣстѣ въ стройное цѣлое. Что въ особенности обращаетъ на себя вниманіе въ классификаціи автора, это его широкій взглядъ на заговоръ, гораздо болѣе широкій, чѣмъ было до него напр. у Потебни и Веселовскаго. Между тѣмъ, какъ послѣдніе возводятъ

1) Отсутствіе указателя затрудняетъ оріентироваться въ прекрасномъ матеріалѣ.

отдѣльные типы заговора къ основному по ихъ мнѣнію пріему сравненія, параллелизма, авторъ считаетъ его одной изъ позднихъ ступеней въ эволюціи многихъ заговоровъ. Всякому, кто имѣлъ дѣло съ разнообразными русскими заклинательными формулами, приходилось не разъ встрѣчаться съ формами, гдѣ элементъ сравненія или совершенно отсутствуетъ или сильно затертъ другими пріемами, не менѣе «основными», заклинаніемъ изъ всѣхъ частей тѣла въ непроходимыя мѣста, молитвеннымъ обращеніемъ къ святымъ алатырь-камня, св. горы и т. д. Даже эпическія повѣствованія далеко не всегда подсказываютъ сопоставленіе съ счастливымъ исходомъ болѣзни, какъ это принято выражать. Для поддержанія оптимистическаго настроенія у больного иногда вполнѣ достаточно увѣрять его въ высшемъ ходатайствѣ въ его личную пользу, какъ напр. извѣстный типъ «отъ нежита», гдѣ демонъ встрѣчается съ Христомъ и на его вопросъ отвѣчаетъ, что идетъ мучить NN.; но Христосъ запрещаетъ ему это. Идущее на встрѣчу существо можетъ быть и не злое, а какой-нибудь изъ «святой братіи», апостолъ который уже самъ обѣщаетъ идти помочь больному (стр. 213 и т. д.). Такое же освѣжающее дѣйствіе можетъ произвести и отрывокъ изъ Сна Богородицы (стр. 211) и не даромъ: вѣдь Сонъ сулитъ наградить всѣми жизненными и небесными блаженствами того, кто часто его повторяетъ. Словомъ, пріемы заговора не могутъ быть притиснуты къ одному основному типу, они разнообразны, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, кто познакомится съ матеріаломъ и выводами г. Ветухова.

Народно-миѳологическія воззрѣнія, встрѣчающіяся или въ самомъ заговорѣ или въ сопровождающемъ его дѣйствіи, легко поддаются разнымъ, иной разъ другъ другу очень противорѣчащимъ, толкованіямъ. Разумѣется, большинство изъ подобныхъ представленій должны разсматриваться въ широкой историческо-сравнительной связи, а тогда, если только изслѣдователь безпристрастно относится къ своему матеріалу, окажется, что очень многіе изъ поэтическихъ и миѳологическихъ образовъ являются окаменѣлымъ переживаніемъ, даже неумѣлымъ искаженіемъ болѣе или менѣе отдаленныхъ *разумныхъ* представленій, почерпнутыхъ изъ книги и чужихъ источниковъ. Отмѣчаемъ частое обращеніе къ зарѣ, лунѣ (въ особенности въ малор. фольклорѣ), къ водѣ и — лѣсу. Для послѣдняго мы собрали небольшой матеріалъ, который, надѣемся, пригодится, когда кто-либо болѣе серіезно займется этимъ и подходящими вопросами.

У болгаръ, сербовъ и русскихъ не разъ записанъ странный обычай во время ожесточеннаго ночного плача ребенка обращаться съ наивными словами къ лѣсу, къ деревьямъ, къ зажигающемуся гдѣ-нибудь вдали огню и т. д. Озабоченная болгарка выноситъ крикуна на дворъ, поворачиваетъ глаза къ дереву на горѣ и твердитъ: «Лѣсная мать, у тебя есть сынъ, у меня дочка, не можетъ-ли моя дочь выйти замужъ за твоего сына. Тебѣ плачъ, дай ей сонъ»![1]). Другой болѣе эпическій и популярный заговоръ содержитъ въ себѣ разсказъ, гдѣ *царь*[2]), *Богородица*[3]) или *Вила*[4]) женитъ сына и приглашаетъ NN на свадьбу. Туда отгоняютъ плачъ. По одному варіанту женился *столбъ* и проситъ болѣзнь на свадьбу[5]). Судя по той господствующей роли, которую Богородица, какъ единственная помощница, играетъ въ дѣтскихъ и женскихъ молитвахъ по всей Европѣ, она и въ этихъ молитвенныхъ обращеніяхъ можетъ считаться центральнымъ, соединяющимъ лицомъ, а «лѣсная мать» и Вила ея замѣнами. Для болѣе убѣдительнаго вывода въ этомъ направленіи, обратимся къ русскому фольклору, гдѣ почти исключительно фигурируютъ варіанты, въ которыхъ отсутствуетъ элементъ о «свадьбѣ». Сынъ очутился у «Зміевны».

Якъ пиду я въ лисъ,
А въ лиси зміивна,
А въ ней сынъ Максымъ,
А въ мене сынъ (v. дочка) N.
Мы жъ покумаемось,
Мы жъ посестрымось,
Зміивно, зміивно!
Возьми у мого сына и т. д.

Вет. 363 Харьк. г.

Названіе зміивна относится къ Богородицѣ, чему могутъ служить доказательствомъ заговоры отъ укушенія змѣи, которые, основываясь на христіанскихъ понятіяхъ о ней, считаютъ ее владѣтельницей змѣй и молятъ ее призвать къ себѣ своихъ поддан-

---

1) Сб. за нар. умотв. XXI, Мат. стр. 54.
2) Сб. I, 91.
3) Сербскій Караџић 1901, VII—VIII. 135.
4) Српски летопис 1872 кн. 114. 29. Милићевић живот срба сељака 280.
5) Мил. 269.

ныхъ и удалить ядъ. Она — «змѣйная панна Марея» бѣлорусскаго заговора[1]). Этому соотвѣтствуетъ вѣрованіе, записанное у сербовъ, когда шепчутъ въ ротъ тому, кто подвергся несчастью: «Выходи, Марія, тебя зоветъ судья»[2]). Какое-то невыясненное отношеніе Пр. Дѣвы къ змѣямъ знаютъ и болгаре[3]), когда полагаютъ, что въ день Благовѣщенія змѣи выползаютъ изъ-подъ земли, чтобы погрѣться на солнцѣ. Въ основѣ подобныхъ вѣрованій несомнѣнно лежитъ когда-то жившее христіанское преданіе, тѣсно связанное со священной райской клятвой прародителямъ «сѣменемъ жены стереть главу» дьявола-змѣя.

Къ той-же Богородицѣ обращается еще слѣдующій, очень популярнаго типа, заговоръ отъ безсонницы: зори-зоряныци, васъ на неби три сестрыци. И одбирайте си крыклывици... *Матиръ Божа* въ помочи стояла, си кр. одбирала... И зори-зоряныци, на неби тры сестрыци! и насылайте мени сонлывыци (По мат. Милорадовича Ветуховъ 366). Сравните зміивну съ зарею въ слѣд. бѣлорусскомъ заговорѣ: «зара-зарыца, Божая памачница, есць у Цьабіе сынокъ Васылокъ, а у міанѣ дачушка N будзіемъ ихъ жаниць умѣсьцѣ»! Божая матка пусть сниметъ крыксы[4]). Въ томъ же кругу идей вращается экземпляръ у Майкова[5]): «Заря-заряница, заря, красная дѣвица. Твое дитя плачетъ, пить, ѣсть хочетъ, а мое дитя плачетъ, спать хочетъ». Заря называется часто Маріей (напр. № 36). По Нижегородскому варіанту наблюдается появленіе утренней зари—слабое воспоминаніе о вышеприведенномъ олицетвореніи (Ветуховъ 366, 367)—и, моя ребенка росой, молятся «Господу Владыкѣ» снять плачъ съ ребенка и дать ему тихаго ангела[6]).

Откуда происходитъ главная мысль, проходящая красной нитью черезъ болгарскіе и русскіе заговоры, что плачъ принадлежитъ Богородицѣ, и что она можетъ подарить сонъ? Припомнимъ безчисленные, до трогательности поэтическіе пѣсенные и легендарные мотивы о скорбящей матери, mater dolorosa. Кто знаетъ хоть поверхностно духовные стихи, гимны, вирши, тому не разъ приходилось встрѣчаться съ Ея образами; то она ищетъ потерявшагося сына,

---

1) Романовъ, Бѣлор. сборникъ V. 13.
2) Милићевић 332.
3) Сб. за н. ум. X. 128.
4) Wereńko стр. 207.
5) Великор. заклинанія № 58.
6) Р. Педаг. Вѣстникъ 1859. № 5. Стр. 52.

то стоитъ у креста, заливаясь слезами и наконецъ, на закатѣ дней, плачетъ на мраморномъ камнѣ въ церкви св. Іоанна. «Присушки» съумѣли подобрать послѣдній моментъ для своихъ корыстныхъ цѣлей, хотя покрыли Ее названіемъ *«тоски»*, которая лежитъ на востокѣ, въ святой землѣ, подъ ея завѣтнымъ алатырь-камнемъ, въ доскѣ, sc. гробовой доскѣ (Майковъ № 32 и т. д.). Угро-русскія колядки у Головацкаго знаютъ о трехъ гробахъ въ «Сіонской» церкви, и вслѣдъ за ними повторяетъ присушка въ Сарат. губ. о трехъ тоскахъ на восточной сторонѣ [1]).

Пылающій любовью молодецъ наткнулся на сравненіе, которое какъ нельзя лучше подходитъ къ его пожеланіямъ: Въ чистомъ полѣ сидитъ Сама пр. Богородица, мати Божа. «Какъ она скрипитъ и болитъ по своемъ сынѣ, такъ бы по рабу Божіемъ NN раба Божія NN скрипѣла и болѣла». (Майк. № 10).

Что касается Богородицы какъ подательницы сна, то для объясненія этого образа опять таки имѣется обильный европейскій матеріалъ съ почивающей Богоматерью—русская чудотворная молитва Сонъ Богородицы—представленіе, восходящее къ апокрифическимъ подробностямъ о жизни Ея.

Варьирующіяся детали обоихъ варіантовъ, юго-славянскаго и болгарско-русскаго заговора отъ безсонницы, легко могутъ быть возведены къ повѣствовательному, несомнѣнно юго-славянскому оригиналу о женитьбѣ сына Богородицы — Вилы. Образъ не вполнѣ установленъ. Вмѣсто нея женитъ сына царь, или самъ онъ, столбъ, женится. Къ разъясненію этого долженъ быть на нашъ взглядъ привлеченъ цѣлый рядъ евангельскихъ притчъ и наивно-понятыхъ христіанско-аллегорическихъ толкованій о «царской» свадьбѣ, куда приглашаютъ гостей отовсюду, о мудрыхъ дѣвицахъ, о Христѣ—символѣ церкви, и о послѣдней—невѣстѣ Его. Роль Его невѣсты, равно какъ и Его дочери, filia summi regis, Davidis — примѣняется къ пр. Дѣвѣ. Она сопоставляется съ мудрыми дѣвицами, какъ lucerna Christi [2]). Согласно тому она и называется sponsa dei, sophiae [3]). Въ заговорѣ дѣйствительно иногда упоминается царь Давидъ съ 9-ю женатыми сыновьями [4]). Недалеко отъ очерченнаго круга сближе-

---

1) Сарат. Справочный листокъ 1872. № 236.
2) Mone Latein. Hymnen II. 66.
3) Mone 67 et. passim.
4) Кіевск. Ст. 1900. 313.

ній стоитъ съ одной стороны «столбъ», а съ другой—сопровождающій заговоръ обрядъ обращаться къ лѣсу, къ какому-либо дереву, или уловить моментъ, когда ночью гдѣ-нибудь появится огонь, непремѣнно за водой. Столбъ, первон. камень, одно изъ важнѣйшихъ понятій въ аллегоріи св. горы; онъ—прообразъ Христа и Его церкви[1]).

Когда у болгаръ и малоруссовъ мать крикливаго ребенка выбираетъ предметомъ своей молитвы гору, лѣсъ, непремѣнно дубовый, или когда она употребляетъ слово «лѣсъ» вмѣсто Маріи — зміивны, зари, «лѣсъ лебединый» (Вет. 363), жалуется дубу и т. д., то всетаки мы убѣждены въ томъ, что нѣкогда заговаривающая и въ этомъ отношеніи была проникнута сознаніемъ, что она взываетъ къ святымъ помощникамъ «Галилейской горы», ея лѣсовъ. Теперь ея поклоны механическіе, теперь она въ большинствѣ случаевъ забыла, что дубъ (лѣсъ) обозначаетъ или любимое народно-поэтическимъ преданіемъ крестное дерево, съ его пестрыми судьбами, или близкій къ нему почти до отождествленія Cypressus in monte Sion, аллегорическій образъ Богородицы. Подъ дубомъ пребываетъ Она, или, какъ бѣлор. заговоръ отъ дѣтской болѣзни еще лучше вспоминаетъ: На зяленымъ дубу, на девятомъ суку, тамъ царица Марея и присв. Прасковея... На дубъ и насылается болѣзнь по той-же причинѣ, какъ она нерѣдко насылается напр. на Христа и Богоматерь. Такъ было въ заговорахъ отъ безсонницы. Пусть она, какая угодно болѣзнь, бушуетъ себѣ около святого тѣла, его она все равно не задѣнетъ[2]).

Что касается огня за водою, къ объясненію котораго покойный Потебня съ легкимъ сердцемъ примѣнилъ миѳологическую эксегезу (=закатъ солнца. Р. Фил. В. 1881. 85), то само собою разумѣется, что онъ связанъ со свадебнымъ веселіемъ на заморской, Галилейской горѣ. Искать внѣшнихъ, буквальныхъ побужденій для этого «миѳа», конечно дѣло второстепенной важности, хотя и трудное. Мы имѣли уже случай упомянуть о мудрыхъ дѣвицахъ, которыя ждутъ ночью жениха съ пылающими свѣтильниками, о lucerna Christi—Богородицѣ. Къ той-же женитьбѣ сына, иносказательно, относится первое по апокрифическимъ сказаніямъ благовѣщеніе 12-тилѣтней Маріи ночью. Чуду предшествовало появ-

1) Jagić, Archiv I. 92.
2) Бѣлор. заговоръ у Ветухова 421.

леніе свѣта, «паче свѣтлости сл̃нчныя», и слышны были слова: «родишь моего Сына» [1]). А во время другого благовѣщенія ангелъ говоритъ: «радуйся, невѣсто неневѣстная!» [2]) Богородица отвѣчаетъ ему въ духовномъ стихѣ: Свѣтоносенъ ты ся нынѣ видишь, жениха ми съ небесе приводишь [3]).

Обрядъ съ огнемъ, который у сербовъ имѣетъ важное значеніе, встрѣчается очень рѣдко въ Россіи. Стоитъ только упомянуть одно мѣсто у Чубинскаго (112 стр.), которое слабо напоминаетъ о немъ. Весь заговоръ происходитъ изъ югославянскихъ оригиналовъ; быть можетъ, тѣ опять отражаютъ какое-нибудь греческое вліяніе, хотя мы къ сожалѣнію не въ состояніи привести никакихъ данныхъ. Территорія распространенія въ Малороссіи и въ Буковинѣ (Ветуховъ 362), равно какъ и отличительная черта «посватаймося», которая почти исключительно попадается на югѣ, все это указываетъ на силу и, стало—быть, источникъ традиціи именно тамъ. Распространеніе могло имѣть пути устной и письменной передачи. Примѣръ послѣдней приведенъ у Гринченко Этн. Мат. II. 36. Берутъ ребенка на руки, отправляются вечеромъ на дворъ и смотря на лѣсъ приговариваютъ: ой гу зелена дибраво посватаймось, побратаймось, в тебе сынъ клинъ... возми своему сыну клену... крикливицѣ в моей дочки дай сонливицѣ и мовчаницѣ.

Послѣ вышесказаннаго нечего удивляться, если лѣсная мать (ношница, полуночница Анна Ивановна и т. д.), когда ея значеніе позабыто, иногда получаетъ демоническіе аттрибуты [4]), превращаясь такимъ образомъ въ злое существо, въ самую причину боли, которая слѣдовательно изгоняется. Мы натолкнулись на одно изъ нерѣдкихъ противорѣчій, которыя такъ часто мѣшаютъ установившемуся ходу изслѣдованія заговоровъ. Это та же ассоціація по противоположности, которую уже разъ увидѣли въ словахъ отъ укушенія змѣи: Марія — повелительница стала самой змѣей. Полуношница, кромѣ того не избѣгла воздѣйствій со стороны общеизвѣстной югославянской вѣщицы. Вѣдь она говоритъ о себѣ по старинной рукописи: азь удавляю дѣти добрые. азь творю дѣти въ нощи плакатисе [5]).

---

1) Порфирьевъ, Ап. сказ. о новоз. лицахъ 299.

2) Франко Апокріфи і лег. II. 62.

3) Франко 95.

4) Сборн. за нар. ум. II. 171.

5) Соколовъ Мат. и зам. по ст. р. лит. I. № 4.

Къ варіантамъ типа «посватаймося» причисляемъ сербскую формулу у Милићевића [1]): «зажени се Нике девојка; дође камени свекар те ја испроси, доведе камени кумове... и каменитог младожењу». Если каменный женихъ здѣсь болѣе свѣтлое существо, быть можетъ, замѣна «жениха» съ алатырь-камня, то въ слѣдующемъ заговорѣ уже преобладаетъ демоническій элементъ [2]); заговоръ записанъ въ Буковинѣ: Der Kropfmann hatte 9 Söhne, das Kropfweib 9 Töchter. Sie warben um einander, kamen zusammen, fanden aber keinen Platz beisammen. Sie gingen auseinander und verschwanden. Болѣзнь, противъ которой вооружаются, въ обоихъ случаяхъ одна и та же: железы, нарывы на шеѣ (Kropf).

Образъ о женитьбѣ царскаго сына остался невыдержаннымъ. Его судьбы были въ рукахъ непосвященнаго въ его аллегорическіе пріемы. Вплетались элементы въ обрядъ и слово, которые съ трудомъ поддаются убѣдительному толкованію. Напомнимъ обрядъ носить ребенка къ курамъ и глухую его параллель въ молитвѣ отъ вѣщицы, которая «яко кокошь» задавливаетъ дѣтей. Обрядъ и слово иногда вовсе не шли навстрѣчу другъ другу — результатъ искусственности,—какъ указываетъ Елисаветградскій варіантъ [3]). Обращаясь къ курамъ, приговариваютъ: «Була соби дымняна гора. Вышовъ дидъ зъ д. горы, вышла и баба. Не быймося и не лаймося, посватаймось... возьмы мои крыкливцы за свого сына». Здѣсь идея наслать крикъ на божественнаго младенца скорѣе скрываетъ Богородицу съ Сіонской горы, чѣмъ вѣщицу, гоняемую архангеломъ, Сисиніемъ заговоровъ отъ лихорадки.

Вильо Мансикка.

Воспоминанія поляка-каторжника о Ѳ. М. Достоевскомъ.

(Siedem lat Katorgi. Pamiętniki Szymona Tókarzewskiego. 1846—1857 г. z 3-ma portretami autora. Warszawa. 1907 г.)

Авторъ выше названной книги—тотъ молодой полякъ, о которомъ не одинъ разъ упоминаетъ Ѳ. М. Достоевскій въ своихъ «Запискахъ изъ Мертваго дома».

1) Гласник уч. др. XXII. 109.
2) Am Urquell II. 45.
3) Комаровъ Нова збирка 112.

Всю жизнь отдавъ возстановленію утеряннаго Польшей счастья, Шимонъ Токаржевскій два раза былъ ссылаемъ въ Сибирь, одинъ разъ въ Рязань; только съ 1883 г. онъ прочно осѣлся въ Варшавѣ, гдѣ и умеръ 1-го іюля 1900 г. Въ прошломъ году въ Варшавѣ появились его воспоминанія о жизни его въ каторгѣ во время первой ссылки (съ 1830—1857 г.г.). Эти воспоминанія не должны быть обойдены ни біографомъ, ни комментаторомъ Записокъ изъ Мертваго дома Достоевскаго.

Нашъ писатель прожилъ въ Омской каторгѣ въ близкомъ сосѣдствѣ и знакомствѣ съ поляками, среди которыхъ находился и авторъ разбираемой книги.

Въ послѣдней находится цѣлая глава, посвященная Достоевскому (153—163 стр.). Эта глава сообщаетъ интересныя данныя о нашемъ романистѣ, о томъ впечатлѣніи, какое производилъ на поляковъ — онъ во время пребыванія въ каторгѣ. Интересно сопоставить сказанное г. Токаржевскимъ съ тѣмъ, что говоритъ въ своихъ «Запискахъ» Достоевскій о полякахъ-товарищахъ по каторгѣ. Слѣдуетъ сказать, что съ 1849 г. по 1889 г., когда писалъ свои записки Токаржевскій, держалось въ душѣ поляка то непріятное впечатлѣніе, какое произвелъ на поляковъ нашъ писатель. Въ строкахъ, посвященныхъ Достоевскому, много правды: авторъ «Бѣдныхъ людей» тогда, въ годы своей каторги, еще сильно помнилъ свое дворянство, и читатель помнитъ, какъ часто въ «Запискахъ» говорится о той отчужденности, какую чувствовалъ интелигентъ—петрашевецъ при столкновеніи съ мужикомъ. Невольно вспоминаются слова И. И. Панаева, какъ мало тогда (въ 40-хъ годахъ) знали наши писатели простонародье. Ярко отражаются въ Запискахъ Токаржевскаго и славянофильскія воззрѣнія Достоевскаго, его увлеченіе и страсть преувеличивать въ спорахъ извѣстную идею, доводя ее до абсурда.

Но интересъ книги Токаржевскаго не исчерпывается только страницами о Достоевскомъ. Воспоминанія поляка даютъ обильныя свѣдѣнія о той каторгѣ, о тѣхъ нравахъ ея, о тѣхъ людяхъ, съ которыми Достоевскому приходилось жить въ теченіе четырехъ лѣтъ, и которыхъ онъ изобразилъ въ своихъ «Запискахъ». Въ этомъ отношеніи воспоминанія Токаржевскаго являются прекраснымъ комментаріемъ къ произведенію нашего писателя, пополняя его фактическими данными. Такія главы книги Токаржевскаго, какъ: Прибытіе въ Омскъ.—Васька (Przybycie do Omska. — Was'ka); Раскольникъ (Raskolnik), Работы (Roboty), Отставка (Dymisya), Праздники въ каторгѣ (Świętowanie w Katordze), Осипъ Гавриловъ.—Аристовъ

(Osip Hawrylow.—Aristow)—находятъ себѣ полную параллель въ «Запискахъ» Достоевскаго и даютъ возможность сдѣлать нѣкоторые выводы о творчествѣ нашего писателя.

Въ главѣ о Достоевскомъ находимъ свѣдѣнія о товарищѣ его Дуровѣ.

Сергѣй Θедоровичъ Дуровъ вмѣстѣ съ Достоевскимъ прибылъ въ Омскую каторгу изъ Петербурга и вмѣстѣ съ нимъ пробылъ въ ней четыре года. Вотъ что и въ какомъ свѣтѣ сообщаетъ намъ Токаржевскій объ этомъ пріятелѣ нашего писателя.

«Сергѣй Θедоровичъ Дуровъ, при первомъ знакомствѣ съ нами, сообщилъ, что его мать по прямой линіи происходила отъ Богдана Хмѣльницаго, а дядя былъ нѣкогда губернаторомъ. И это онъ повторялъ нѣсколько разъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, точно свою родословную желалъ вбить намъ въ головы на вѣка вѣчные. Дуровъ весьма легко мирился съ каторгою, выдавалъ себя за ученаго и человѣка бывалаго, особенно любилъ разсказывать исторійки изъ жизни своей и своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ. При этомъ мѣстами происшествій, сообщаемыхъ Дуровымъ, чаще всего были или кофейни, или трактиры. Иногда онъ сообщалъ разныя событія изъ жизни болѣе знатныхъ людей, изъ чего мы заключили, что Дуровъ въ свободное отъ службы въ какомъ то бюро время собиралъ по городу новости. Онъ надоѣдалъ повтореніемъ разсказовъ объ однихъ и тѣхъ же фактахъ, событіяхъ и сценахъ, въ которыхъ самъ всегда игралъ главную роль. Мы прозвали его «лакированнымъ» (покрытымъ политурою) вотъ по какому поводу.

«Былъ я—разсказывалъ онъ—на балу. Какъ паны могутъ видѣть, я изъ себя—молодецъ, при томъ же шелковые чулки, мой парижскій фракъ обращали на себя всеобщее вниманіе. Дамы пожирали меня глазами, особенно одна—Анна Дмитріевна, которая только съ однимъ мною разговаривала и танцевала. Заиграла музыка. Паркетъ такой скользкій, какъ ледъ на озерѣ. Я направляюсь къ Аннѣ Дмитріевнѣ вотъ такъ (Дуровъ шагаетъ), направляется къ ней и Андрей Николаевичъ. Я кланяюсь вотъ такъ (Дуровъ показываетъ поклонъ), кланяется и Андрей Николаевичъ. Я протягиваю руку Аннѣ Дмитріевнѣ—и онъ тоже. «А! думаю: не тебѣ, Андрей Николаевичъ, не тебѣ, несчастный, протягивать руку генеральской дочери»...

Утомленный, я прервалъ его вопросомъ: Что жъ панъ сдѣлалъ?

— Ударилъ Андрея Николаевича въ морду! крикнулъ Дуровъ, поглядывая на насъ торжествующимъ взоромъ, точно ждалъ за свой подвигъ аплодисментовъ.

Ясно, что этотъ эпизодъ на балу не могъ прійтись по вкусу намъ, полякамъ. Съ того времени мы и прозвали Дурова «полированнымъ», потому что его обращеніе, его изящная внѣшность были только «политурою», подъ которою скрывались дикость и жестокость татарскія.

Несмотря на то, что Дуровъ чаще былъ надоѣдливымъ и смѣшнымъ, съ нимъ подчасъ можно было съ пріятностью побесѣдовать, конечно, не сильно откровенничая».

Наиболѣе непріятною чертою въ запискахъ Токаржевскаго является нескрываемое пренебреженіе и презрѣніе къ русскимъ, ясное сознаніе своего превосходства надъ ними, превознесеніе своей культурности надъ культурностью русскихъ. Эта предвзятая мысль даетъ извѣстную окраску всему повѣствованію автора о жизни на каторгѣ. Впрочемъ указываемая односторонность такъ ярка, что ее легко отдѣлить отъ дѣйствительности, которая очень интересна.

С. Браиловскій.

Новая теорія о родинѣ румынскаго языка и мѣстѣ балканскаго романства среди другихъ романскихъ языковъ.

Histoire de la langue roumaine par *Ovid Densusianu*. Tome premier. Fasc. III. Paris. 1902, pp. 305—510.

Въ «Извѣстіяхъ» за 1903 годъ (кн. III, стр. 393—414) мы дали отзывъ-рефератъ о первыхъ двухъ выпускахъ «Исторіи румынскаго языка» проф. Овида Денсушяну и болѣе подробно останавливались на отдѣлахъ, относящихся къ исторіи славянскаго вліянія на румынскій языкъ. Теперь познакомимся съ содержаніемъ третьяго выпуска, которымъ первый томъ заканчивается, и остановимся на вопросахъ болѣе общаго характера, но связанныхъ съ главнымъ— о происхожденіи и родинѣ румынскаго языка.

Начало третьяго выпуска занято продолженіемъ и окончаніемъ VI главы — «Румынскій языкъ на югѣ и на сѣверѣ Дуная» (до стр. 348). VII глава—«Вліянія албанское, византійское, болгарское

и сербское» (стр. 349—369)—разработана въ общемъ очень слабо: и историческія введенія къ каждому отдѣлу могли бы быть болѣе основательны, и примѣры подобраны болѣе характерные; словарики слишкомъ случайны и не полны; болгарскія и сербскія слова и формы приводятся изъ вторыхъ рукъ, въ плохой передачѣ и т. д. Очевидно, въ этой области изслѣдователь слабъ и долженъ былъ остановиться на вопросѣ объ этихъ вліяніяхъ на румынскій языкъ только для полноты, а потому реферировать седьмую главу излишне. Въ будущемъ мы намѣрены самостоятельно изслѣдовать тѣ же вопросы. То же самое, главнымъ образомъ на основаніи отдѣла о польскихъ заимствованіяхъ, можно сказать и относительно слѣдующей главы въ третьемъ выпускѣ книги О. Денсушяну — «Вліянія мадьярское, куманское и польское» (стр. 370—388). Послѣдняя, IX, небольшая глава — «Наиболѣе древніе слѣды румынскаго языка» (стр. 389—397)—служитъ какъ бы переходомъ ко второму тому, который будетъ посвященъ исторіи румынскаго языка, начиная съ XVI вѣка, уже на основаніи памятниковъ. Здѣсь идетъ рѣчь объ извѣстной фразѣ, сохраненной византійскимъ хронистомъ Ѳеофаномъ «torna, torna, fratre» (575), нѣсколькихъ географическихъ названіяхъ и собственныхъ именахъ VI — XV вв., по всей вѣроятности румынскаго происхожденія, сохраненныхъ въ юго-славянскихъ, русскихъ, латинскихъ, греческихъ и другихъ памятникахъ. Какіе-нибудь положительные выводы изъ этого матеріала пока нельзя сдѣлать, почему и авторъ ограничивается самыми общими мыслями. Наконецъ, на послѣднемъ мѣстѣ — краткое заключеніе изъ всего, сказаннаго раньше во всѣхъ выпускахъ (стр. 398—400), и тщательно составленные указатели: аналитическій (предметный, грамматическій) и словарные по языкамъ.

I.

Въ одномъ изъ предыдущихъ отдѣловъ своей книги (§ 110) О. Денсушяну говоритъ, что то славянское нарѣчіе, изъ котораго румыны такъ много заимствовали, должно было походить на то, на которомъ были написаны первые церковные тексты, и которое было разговорнымъ языкомъ въ какой-нибудь области на югъ отъ Дуная. Поэтому, указывая для такихъ румынскихъ словъ

ихъ славянскіе прототипы, г. Денсушяну называлъ ихъ «древне-болгарскими». Теперь онъ объясняетъ это выраженіе болѣе точно и дѣлаетъ попытку опредѣлить или дополнить все, что̀ говорилось у него раньше по вопросу, какимъ путемъ могли проникнуть въ румынскій языкъ наиболѣе древнія славянскія формы.

«Въ настоящее время хорошо извѣстно, что̀ надо понимать подъ словомъ «болгары»,—говоритъ онъ.—Это — смѣсь славянскихъ народовъ съ народами другой расы. Въ VI вѣкѣ толпы варваровъ, жившихъ раньше на востокѣ, по теченію Волги и берегу Чернаго (мы прибавили бы «и Азовскаго») моря, появились въ Мизіи. Это племя финскаго (sic) происхожденія и были «болгары». Послѣ многочисленныхъ походовъ на югъ имъ удалось укрѣпиться на правомъ берегу Дуная и завладѣть частью территоріи, занятой славянскими племенами. Это покореніе Мизіи болгарами совершилось въ 679 году, подъ начальствомъ ихъ предводителя Аспаруха. Славяне встрѣтили ихъ не особенно враждебно; они видѣли въ нихъ, должно быть, элементъ, могущій пригодиться для борьбы съ греческимъ владычествомъ. Новые пришельцы скоро смѣшались съ прежнимъ населеніемъ и съ поразительной быстротой были поглощены славянами, не оказавъ, однако, никакого (?) на нихъ вліянія. Съ точки зрѣнія языка, это смѣшеніе тоже не произвело никакого вліянія на южно-славянскій (sic) языкъ. По крайней мѣрѣ, это ясно изъ изученія современнаго болгарскаго языка: въ немъ не замѣчается никакихъ особенностей, которыя могли бы быть приписаны старому финскому (sic) парѣчію древнихъ болгаръ. Расположившись на югѣ отъ Дуная, болгары скоро успѣли образовать могущественное государство, просуществовавшее, впрочемъ, недолго. Они сдѣлались самыми опасными врагами для византійской имперіи, устрашая ее своими характерными чертами, являвшимися полной противоположностью византійцамъ: неутомимостью духа въ дѣлѣ завоеваній и способностью легко приноровляться къ цивилизаціи сосѣдей. Они не только не возставали противъ славянской и греческой культуры, съ которой приходилось сталкиваться, но старались примѣниться ко всѣмъ ея формамъ. Когда въ 864 году царь Борисъ принялъ крещеніе, и христіанская религія была признана господствующей,—они окончательно заняли одинаковое мѣсто среди другихъ цивилизованныхъ народовъ, освободившись отъ послѣднихъ остатковъ своего варварства. Роль, которую играли болгары на Балканскомъ полуостровѣ втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ особенности во время ихъ перваго и второго царствъ (679—

1018, 1186—1257; послѣдняя дата—невѣрна. А. Я.), имѣла громадное вліяніе на развитіе румынскаго народа. Изъ исторіи видно, что румыны долго жили въ тѣсной дружбѣ съ болгарами, которые одно время владѣли и сѣверно-дунайскими областями. Этой то общей жизни румыны и были обязаны своей средне-вѣковой цивилизаціей. Въ ихъ политической и духовной организаціи на каждомъ шагу сказывается вліяніе болгаръ. Болгарамъ же они обязаны и своими литературными произведеніями. Филологіи, какъ мы видимъ, остается только подтвердить исторію. Мы еще увидимъ въ другомъ мѣстѣ, какъ многочислены румынскія слова болгарскаго происхожденія, касающіяся политической и духовной жизни, которая развилась у румынъ сравнительно поздно».

Конечно, въ программу «Исторіи румынскаго языка» не входитъ подробный обзоръ румыно-болгарскихъ отношеній въ прошломъ, но многое безъ этого обзора остается непонятнымъ, и на отсутствіе хотя бы краткаго очерка можно посѣтовать. Въ задуманномъ нами спеціальномъ изслѣдованіи о румыно-болгарскихъ отношеніяхъ мы намѣчаемъ слѣдующіе вопросы: 1) *Сношенія политическія*: а) румыны въ предѣлахъ перваго болгарскаго царства; б) образованіе второго болгаро-румынскаго царства; помощь, оказанная румынами; связи родственныя между династіями; в) возрожденіе болгаръ въ XIX вѣкѣ при содѣйствіи румынъ и участіе послѣднихъ въ войнахъ противъ турокъ съ XIV в.; 2) *Сношенія культурныя*: а) переходъ къ румынамъ греческаго церковнаго обряда и книжности на болг. яз.; б) румынскіе иноки на Аѳонѣ и въ Болгаріи; переписка Евѳимія Тырновскаго съ митр. угровлахійскимъ Анѳимомъ и Никодимомъ Тисманскимъ; в) основаніе монастырей въ Молдавіи и Валахіи болг. иноками; румынская благотворительность болг. обителямъ; г) переходъ рукописей съ тырновскимъ правописаніемъ въ Молдавію, а затѣмъ Валахію, и обратный переходъ ихъ къ болгарамъ въ болѣе позднее время; румынскія изданія для болгаръ; д) писатели-болгары, жившіе въ Молдавіи и Валахіи, и памятники, возникшіе подъ этимъ вліяніемъ (напр. румыно-болгарская лѣтопись, житіе Николая Софійскаго, «Исторія славяно-болгарская» Спиридонія, переводы Евангелія на болгарскій яз. и др.); е) болгарскія черты въ румынской народной поэзіи и т. д. Теперь укажемъ только на компилятивную работу проф. I. Богдана, Romînii şi Bulgarii. Bucurescі 1895 и нашъ рефератъ о ней—«Изъ исторіи румыно-болгарской взаимности» («Славянскія Извѣстія» 1904, кн. III, стр. 60—70).

Въ своемъ очеркѣ «Originile principatelor romîne» Д. Ончюлъ обратилъ вниманіе на одно изъ Житій Димитрія Солунскаго, гдѣ говорится о нашествіи болгаръ на области, лежащія на сѣверъ отъ Дуная. По этому поводу Денсушяну приводитъ интересный отрывокъ изъ «Historia martyrii XV martyrum»: «Bulgari.... totam Illyridem regionem ac veterem Macedoniam, usque ad Thessalonicam, et partem veteris Thraciae, nempe quae circa Beroeam est, et Philippopolin, et superiores quoque partes subjugassent; retinuerunt quidem eas regiones, tamquam validi habitatores, ad veteres utiusque incolas permutarunt: scilicet eos,

qui in inferioribus civitatibus habitabant, ad superiores, harum vero incolas ad inferiores transtulerunt», Migne, Patrol. Graeca, CXXVI. 190. Cf. «Miracula S. Demetrii Mart». Acta sanctorum, Oct. IV, 167. Въ славянскихъ переводахъ Мученія св. Димитрія этотъ памятникъ извѣстенъ во многихъ спискахъ, напр. Букур. Муз. Древн. № 268, л. 191. *Нач.* Маѯимїанъ иже і Еркоулїе покоривъ готѳы и савроматы и т. д. Издано въ Четьи- Минеяхъ Макарія, подъ 26 октября.

Далѣе, переходя къ новому вопросу, который не «можетъ быть обойденъ молчаніемъ, такъ какъ тѣсно связанъ съ другимъ, который мы разбирали раньше», О. Денсушяну говоритъ, что нѣкоторые филологи старались приписать тѣмъ или инымъ особенностямъ румынскаго языка иллирійское и ѳракійское происхожденіе. Такое толкованіе, по мнѣнію автора, не можетъ имѣть никакой научной цѣнности по слѣдующимъ соображеніямъ. «Ѳракійско-иллирійской теоріи нѣсколько лѣтъ тому назадъ хотѣли противопоставить другую, которую слѣдовало бы назвать *турано-болгарской.* Эта попытка была сдѣлана *М. Гастеромъ* въ его статьѣ «Die nichtlateinischen Elemente im Rumänischen» (Grundriss der roman. Philologie, I, p. 406 и слѣд.). Слѣдуя этому филологу, пришлось бы большинство особенностей румынскаго языка, которыя разсматривались раньше, какъ результатъ вліянія дакійскаго и другихъ, приписать съ большей вѣроятностью вліянію финскаго (sic) родного нарѣчія древнихъ болгаръ, на которомъ они говорили до сліянія со славянами. Таково, напримѣръ, *а* безударное = ă; постпозитивный членъ; производство будущаго времени съ помощью «вспомогательнаго» *имѣть*; замѣна существительнаго неопредѣленнымъ наклоненіемъ и т. д. Эти черты, какъ извѣстно, встрѣчаются, въ болгарскомъ языкѣ, въ албанскомъ и ново-греческомъ. Ихъ присутствіе во всѣхъ этихъ балканскихъ языкахъ приписывалось вліянію одного изъ нихъ на другіе; а этимъ первымъ, по мнѣнію М. Гастера, могъ быть не иной, какъ только древне-болгарскій. Теперь совсѣмъ не трудно будетъ опровергнуть эту теорію; ея безпочвенность можетъ быть доказана еще легче, чѣмъ раньше доказывалась невѣрность ѳрако-иллирійской теоріи. Что болгары играли значительную роль въ политической жизни среднихъ вѣковъ, это показываетъ вліяніе болгарскаго языка на мѣстные, но началось оно уже послѣ того, какъ болгары слились со славянами и болѣе или менѣе потеряли свою этническую индивидуальность. И если присутствіе ордъ Аспаруха и способно было отразиться на мѣстномъ нарѣчіи Мизіи, то это, конечно, отразилось бы первымъ дѣломъ на языкѣ славянъ,

съ которыми они слились. Но современные филологи согласно признали, что болгарскій языкъ не содержитъ въ себѣ никакихъ элементовъ, которые указывали бы на не индо-европейскую (въ подлинникѣ «индо-германскую»») рѣчь завоевателей VII вѣка. V. Jagić, Archiv für slavische Philol., XIX, 271. Если таково заключеніе, къ которому приводитъ изученіе болгарскаго языка, то невольно является вопросъ: какъ можно было бы допустить что-нибудь иное относительно румынскаго языка, который не имѣетъ прямого отношенія къ финскому (sic) нарѣчію древнихъ болгаръ? Этого совершенно достаточно, чтобы показать, что теорія Гастера ни на чемъ положительно не основана, и приходится рѣшительно отказаться найти въ ней какую нибудь точку опоры» (стр. 278—281).

Отмѣченныя нами въ скобкахъ ошибки О. Денсушяну показываютъ слабую освѣдомленность его въ исторіи славянскихъ языковъ, а потому ясно, что полемикѣ съ Гастеромъ онъ посвящаетъ слишкомъ много мѣста: о финскомъ вліяніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Болѣе основательны сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія общаго характера.

II.

Говорить о древнѣйшей эпохѣ румынскаго языка и вліяніи на него языковъ славянскихъ положительно невозможно безъ того, чтобы не возвращаться на каждомъ шагу къ вопросу о родинѣ румынскаго народа. Поэтому шестая глава книги Денсушяну посвящена сравнительному обзору трехъ румынскихъ діалектовъ и пересмотру всей Рёсслеровской теоріи, которая относитъ образованіе румынской націи къ XII вѣку и переноситъ его съ Карпатъ на Балканы. Противъ этой теоріи въ серединѣ 80 гг. выступилъ А. Д. Ксенополъ, а недавно Д. Ончюлъ [1]), но О. Денсушяну рѣшаетъ вопросъ нѣсколько иначе. «Подтвержденіемъ нашего предположенія, — говоритъ онъ, — именно, что румынскій языкъ образовался на югѣ отъ Дуная, являются слѣдующія данныя. Сходство румынскаго языка съ остатками нарѣчія вегліотскаго не будетъ понятно,

1) Convorbire Literare XIX.

если не принять во вниманіе, что онъ образовался въ мѣстности сосѣдней съ той, въ которой появилось послѣднее нарѣчіе. Такимъ образомъ, признавая родиной этого языка Далмацію, мы ближе всего подойдемъ къ истинѣ и найдемъ объясненіе нѣкоторыхъ явленій, которыя филологія не въ состояніи объяснить иначе. Этимъ будетъ не что иное, какъ нѣкоторыя особенности, которымъ ученые, можетъ быть, и откажутся придавать большое значеніе, указывая на недостаточное количество тѣхъ фактовъ, на которыхъ онѣ основаны. На нихъ то мы и опираемся, опровергая теорію, которую можно было бы признать недостойной довѣрія, такъ какъ въ ея пользу говорятъ только филологическіе доводы Рёсслера.

«Изучая вліяніе мѣстнаго подслоя (substratum) на латинскій языкъ, мы замѣтили, что присутствіе въ румынскомъ языкѣ иллирійскаго элемента можетъ быть объяснено многочисленными далматинскими колоніями въ Дакіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, мы допускали въ принципѣ, что древній иллирійскій элементъ въ румынскомъ языкѣ долженъ быть южно-дунайскаго происхожденія. Теперь намъ представляется случай точнѣе установить сказанное раньше и выяснить разницу между различными иллирійскими элементами въ румынскомъ языкѣ. Очень возможно, что отдѣльныя иллирійскія слова вошли въ латинскій языкъ изъ Дакіи черезъ далматинскихъ колонистовъ, которые тамъ поселились; но что̀ нужно опредѣлить точнѣе, такъ это — то, что нарѣчіе этихъ колонистовъ почти не было въ состояніи произвести такое сильное вліяніе на сѣверно-дунайскія латинскія нарѣчія». Эти сношенія могли повліять только на словарь романскаго населенія, и то — только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но въ румынскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ иллирійскій элементъ и въ другихъ областяхъ языка, притомъ настолько многочисленный, что указываетъ онъ уже на болѣе тѣсное общеніе романскаго населенія съ иллирійскимъ. Слѣдовательно, приходится рѣшительно отказаться отъ Дакіи и искать другую область, гдѣ такое общеніе было бы возможно. Послѣдняя можетъ быть только по ту сторону Дуная, въ центрѣ иллирійскаго міра, откуда вышли потомки албанцевъ. «Теперь будетъ легко понять, почему такое явленіе, какъ переходы *ct*, *cs* въ *pt*, *ps* не могло произойти въ другой мѣстности, кромѣ той, гдѣ иллирійское населеніе было многочисленно еще въ латинскую эпоху, слѣдовательно, въ области, лежащей между Дунаемъ и Адріатикой. Если же предположить, что эти фонетическіе переходы не иллирійскаго происхожденія, какъ мы допустили раньше, то ихъ присутствіе, вмѣстѣ съ

небольшими различіями въ произношеніи румынскомъ, албанскомъ и веглiотскомъ, сами по себѣ уже указываютъ на свое общее происхожденіе» (стр. 293—295).

Затѣмъ у г. Денсушяну слѣдуетъ сравненіе главнѣйшихъ особенностей румынскаго языка и албанскаго. Оказывается, что извѣстная латинская группа *a+n, m* даетъ въ румынскомъ языкѣ în, îm и этимъ относитъ свое происхожденіе къ тому времени, когда румыны жили вмѣстѣ съ албанцами, напр. cînepă—конопля, алб. kerp. xεrεp. (kanεp); cuvînt—слово, алб. kuvęnt. Уже Миклошичъ предполагалъ общее происхожденіе румынскаго jumătate и албанскаго ģümes изъ латинскаго dimidietas («Beiträge zur rumänische Dialectologie» Cons. II, 12). Денсушяну посвящаетъ фонетикѣ этихъ словъ и другихъ (înţii изъ ante, *antaneus; şase, şapte изъ sex, septem и т. д. стр. 295—299) цѣлый экскурсъ и приходитъ къ тому, что столь древнее образованіе одинаковыхъ въ румынскомъ и албанскомъ языкахъ формъ могло произойти только въ Иллиріи. Такое согласіе двухъ языковъ, по мнѣнію изслѣдователя, очень цѣнно по одному тому, что исключаетъ всякія иныя толкованія. Это сходство никоимъ образомъ нельзя объяснить безъ новаго предположенія, именно, что румынскій языкъ получилъ общее развитіе съ албанскимъ. «Мы видимъ въ немъ сильное смѣшеніе латинскаго элемента съ иллирійскимъ, смѣшеніе подобное тому, которое мы видѣли, изучая вліяніе славянскаго языка. И если древне-славянскія формы въ румынскомъ языкѣ легко объясняются тѣмъ, что румыны долго жили вмѣстѣ со славянами, то вошедшіе въ составъ румынскаго языка албанизмы не могутъ быть объяснены иначе какъ признаніемъ общаго развитія для языковъ румынскаго и албанскаго. Мы можемъ сказать даже, что албанскій элементъ еще глубже проникъ въ нѣкоторыя основы румынскаго языка, чѣмъ славянскій. Онъ вошелъ въ первоначальный его слой, составной съ латинскимъ, и вліялъ еще въ періодъ перехода латинскаго языка въ румынскій, тогда какъ славянскій элементъ вліялъ на областное латинское нарѣчіе уже въ то время, когда оно обособилось и отличалось нѣкоторыми окончательно установившимися чертами».

Далѣе авторъ «Исторіи румынскаго языка» соглашается, что факты, приводимые для доказательства южно-дунайскаго происхожденія румынскаго языка, очень немногочисленны, но на нихъ онъ позволяетъ себѣ строить главныя предположенія только потому, что нѣкоторые изъ нихъ кажутся наиболѣе точными. Для того же, чтобы увеличить ихъ число, ему кажется, надо подождать, пока балканскія нарѣчія вообще будутъ изучены больше, чѣмъ въ настоящее время (стр. 300). Оговорка—вполнѣ пріемлемая.

Такимъ образомъ, заканчивая отдѣлъ, г. Денсушяну еще разъ возвращается къ спорнымъ и новымъ теоріямъ о происхожденіи румынъ и исторіи румынскаго языка и останавливается на слѣдующемъ вопросѣ. «Если особенности румынскаго языка заставляютъ насъ искать условій, среди которыхъ должно было происходить его развитіе, на югѣ Дуная, то остается узнать: что именно содѣй-

ствовало сохраненiю въ немъ латинскаго элемента и послѣ того, какъ Дакiя была оставлена римскими легiонами»?

Въ виду того, что въ настоящее время напрасно ожидать какихъ-либо новыхъ данныхъ для его уясненiя, такъ какъ всѣ, раньше занимавшiеся этимъ именно вопросомъ, ссылались на различные факты съ цѣлью доказать внезапное прекращенiе римской жизни между Тиссой и Дунаемъ,—Денсушяну заявляетъ, что не находитъ возможнымъ согласиться хотя бы съ нѣкоторыми доводами своихъ предшественниковъ. Послѣднiе въ своихъ разысканiяхъ исходили оттуда, откуда ничего нельзя было вывести. «Съ нашей точки зрѣнiя только болѣе глубокое изученiе сѣверно-дунайскихъ нарѣчiй, подвергавшихся романскому влiянiю, могло бы открыть новыя и болѣе многочисленныя данныя, а не тѣ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время при попыткахъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Возможно ли, чтобы латинскiй языкъ продолжалъ быть разговорнымъ языкомъ втеченiе всѣхъ среднихъ вѣковъ въ области Трансильванiи или Баната и не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ нарѣчiяхъ народностей, занимавшихъ эти мѣстности въ болѣе древнюю эпоху? Какъ можно себѣ объяснить, что жившiе въ Дакiи или еще ближе къ сѣверу славяне, потомки которыхъ существуютъ и въ наше время, не заимствовали у сѣверно-романскаго нарѣчiя, составлявшаго какъ бы продолженiе южно-дунайскаго, какихъ-нибудь формъ, которыя по своимъ признакамъ могли бы быть отнесены къ эпохѣ болѣе ранней, чѣмъ та, къ которой Рёсслеръ относитъ появленiе румынъ въ Трансильванiи? И развѣ нѣтъ въ венгерскомъ языкѣ нѣкоторыхъ древне-румынскихъ словъ, относящихся къ IX-му или X-му вѣку»? Ставя эти вопросы и отказываясь дать на нихъ прямые отвѣты, авторъ обѣщаетъ взамѣнъ этого указать на нѣсколько особенностей «сѣверно-славянскихъ» (слѣдуетъ: «восточно-славянскихъ») нарѣчiй, которыя, какъ ему кажется, пригодятся для рѣшенiя этой задачи. Именно изъ «сѣверно-славянскихъ» племенъ особенно много заимствовали румынскихъ словъ «русины». Если нѣкоторыя изъ этихъ заимствованiй не замѣчательны, то на ряду съ ними существуетъ много словъ очень древняго происхожденiя, что̀ видно изъ ихъ фонетики (стр. 302—303).

Несмотря на цѣлый рядъ интересныхъ наблюденiй и выводовъ, «далматинская» гипотеза О. Денсушяну все-таки представляется намъ шаткой, главнымъ образомъ потому, что оставляетъ безъ объясненiй причины такихъ глубокихъ и разнообразныхъ заимствованiй румынами у славянъ въ области языка и старой культуры.

Взоръ историка не долженъ покидать Карпатъ и прилегающихъ къ нимъ мѣстностей, гдѣ румыны впервые встрѣтились со славянами, а данныя языка только подтверждаютъ справедливость всей «карпатской» теоріи о родинѣ румынской націи и языка. Недавнее изслѣдованіе К. Иречка доказало, что ославяненіе Балканскаго полуострова, образованіе непрерывныхъ областей сербо-хорватскаго и болгарскаго языковъ — дѣло процесса, совершавшагося втеченіе столѣтій, и что въ связи съ событіями VII вѣка стоитъ появленіе аромуновъ въ Македоніи, Албаніи и Θессаліи и романцевъ въ восточной части полуострова (C. Jireček, Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters, *Denkschriften der K. Academien der Wissenschaften*. Wien, 1901, B. XLVIII. Ср. «Извѣстія отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ», VII, кн. 3, стр. 396 — 402). Иречекъ не признаетъ возможнымъ образованіе румынской націи въ Далмаціи, переноситъ его на сѣверъ балканскаго полуострова и, отказываясь точно опредѣлить мѣстность ея образованія, вполнѣ справедливо относитъ его къ эпохѣ до появленія славянъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, если бы теорія г. Денсушяну была вѣрна, то въ славянскомъ элементѣ румынскаго языка должны были сохраниться какіе-нибудь сербизмы. Наоборотъ, всѣ факты говорятъ о какомъ то очень древнемъ славянскомъ, а затѣмъ — о спеціально-болгарскомъ вліяніи.

Разысканія Л. Нидерле привели, какъ извѣстно, къ выводу, что первоначальную родину славянъ слѣдуетъ искать не въ Балканахъ, не на Дунаѣ, какъ думали раньше на основаніи «Повѣсти временныхъ лѣтъ», а на сѣверъ отъ Карпатъ, съ границами отъ Вислы и Карпатъ на сѣверъ и востокъ, по направленію къ среднему и верхнему Днѣпру. Общеславянскій словарь, насколько, конечно, его можно возстановить, заставляетъ видѣть славянскую колыбель въ странѣ гористой, обильной болотами, какова, напримѣръ, нынѣшняя и особенно старая Волынь[1]). Что же касается времени появленія славянъ на южныхъ склонахъ Карпатъ и заселенія земель нынѣшнихъ словаковъ, то неоспоримымъ фактомъ

1) Dr. L. Niederle, O kolébce národa slovanského, Slov. Přehled, 1899. Ср. замѣтку А. Погодина въ «Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ», 1899, кн. IV, стр. 1503—1511. Нидерле приводитъ слова: *хлъмъ*, *бедро*, *могыла*, *скала*, *опока*, *прѣгыни* (готск. fairguni), *гора*, *лѣсъ*, *планина* (нагорная плоскость), *яръ* (узкая долина), *драга* (долина), *возъ* (дорога по дну долины), *юдоль*, *дебръ* (заросшая лѣсомъ долина), *яруга* (болотистая долина) и т. д.

признаетъ наплывъ славянъ на Балканы втеченіе III — VIII вв., причемъ оговаривается, что въ римскую эпоху славяне жили уже въ Венгріи, конечно, вмѣстѣ съ отдѣльными племенами галльскими, германскими, дакійскими и сарматскими. Доказательствомъ такой теоріи служитъ, во первыхъ, географическая номенклатура—Tsierna (Черна), Pelso (Плесо), Bustricius (Бистрица), Bersovia (Брзова), Ulcus (Влча), сохранившаяся у славянъ; во вторыхъ, идентичность области такъ-называемыхъ могильныхъ полей съ урнами лужицко-силезскаго типа и областей западныхъ славянъ [1]).

Намъ кажется, что только сопоставивъ теоріи Нидерле и Ксенопола, мы подойдемъ къ истинѣ ближе, чѣмъ принявъ цѣликомъ теорію Денсушяну. Единственнымъ возраженіемъ могло бы быть отсутствіе славянскихъ заимствованій изъ ѳракійскаго языка, конечно, насколько мы его знаемъ изъ румынскаго и албанскаго. Но если припомнимъ необыкновенно сильное и раннее славянское вліяніе на румынскій языкъ и отсутствіе раннихъ заимствованій у албанцевъ, то сможемъ представить картину румынскаго переселенія изъ Дакіи слѣдующимъ образомъ:

1) Румыны поселились по сосѣдству или среди славянъ въ концѣ III в. по Р. Х. въ предѣлахъ южныхъ и восточныхъ Карпатъ и, пожалуй, въ самой южной части венгерской долины.

2) Къ этому времени ѳракійскій ихъ элементъ подвергся уже глубокой романизаціи.

3) Славянское вліяніе было возможно только при томъ условіи, если славяне занимали эти мѣстности раньше прихода румынъ и сформировались уже во всѣхъ отношеніяхъ, что̀ исключало возможность обратнаго вліянія, т. е. заимствованій изъ латинскаго и ѳракійскаго языковъ. Румынскія слова, опредѣляющія характеръ мѣстности, устройство поверхности, внѣшнюю природу и т. д. и взятыя изъ славянскаго языка, даютъ представленіе о странѣ гористой [2]).

4) На основаніи лингвистической палеонтологіи можно представить слѣдующую картину. Въ горахъ румыны вели первоначально пастушескую жизнь, занимались главнымъ образомъ скотоводствомъ, забытое земледѣліе возобновлено было у нихъ только подъ славянскимъ вліяніемъ, такъ какъ всѣ термины румынскаго языка, касающіеся полевого хозяйства, — слав. происхожденія.

---

1) «О времени переселенія славянъ съ сѣвера горъ Карпатскихъ въ Венгрію», «*Труды XI Археол. съѣзда въ Кіевѣ*», т. II, стр. 1—5. Съ нѣкоторыми измѣненіями то же наблюденіе повторяется въ изслѣдованіи «Slovanské starožitnosti». dílu II sv. I. Ср. очень правдоподобныя замѣчанія проф. Эд. Богуславскаго «Trzy recenzye prac Niedelego», Варшава, 1908, стр. 22—23.

2) См. нашъ очеркъ «Славянскія заимствованія въ румынскомъ языкѣ, какъ данныя для вопроса о родинѣ румынскаго племени», въ «Сборникъ статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому», Часть II, 782—815.

5) Встрѣча обѣихъ народностей не имѣла враждебнаго характера, и сохраняли онѣ всегда дружественныя отношенія. За исключеніемъ очень немногихъ латинскихъ и татаро-турецкихъ военныхъ терминовъ, всѣ слова въ румынскомъ языкѣ, относящіяся къ военному дѣлу, также обнаруживаютъ славянское происхожденіе. Извѣстно, что заимствованія въ этой именно области получаются обыкновенно отъ союзниковъ, а не отъ враговъ.

6) Обратное переселеніе румынъ и славянъ въ придунайскую долину и въ Мизію могло начаться съ VI вѣка и на первыхъ порахъ захватить съ собой наиболѣе южныя поселенія славянъ въ Карпатахъ.

7) Нашествіе болгаръ въ VII вѣкѣ застало на обоихъ берегахъ Дуная славянъ вмѣстѣ съ румынами; и тѣ, и другіе участвовали въ завоеваніяхъ болгаръ и въ образованіи какъ перваго, такъ и второго болгарскаго царства.

8) Принятіе славянами христіанства по восточному обряду и введеніе славянской книги въ церковь и письменность въ IX вѣкѣ коснулось ближайшимъ образомъ и румынъ безъ отношенія къ занимаемой послѣдними территоріи.

9) Болѣе устойчивый латинскій элементъ сохранялся среди тѣхъ румынъ, которые жили въ малодоступныхъ мѣстностяхъ южныхъ и восточныхъ Карпатъ, и при вторичномъ переселеніи ихъ въ долину, начавшемся съ XII вѣка, этотъ латинскій элементъ ослабилъ славянское вліяніе первыхъ поселенцевъ.

10) Славянское, главнымъ образомъ болгарское, вліяніе на языкъ и культуру румынъ продолжалось въ періодъ историческаго существованія румынскихъ господарствъ, т. е. съ XIII вѣка, причемъ наиболѣе новымъ слоемъ въ славянскомъ вліяніи были русскія слова, заимствованныя румынами въ XVIII и XIX вѣкахъ (до 1878 года).

Конечно, многіе пункты нуждаются въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, которыя мы готовимъ къ печати, но необходимы для этого аналогичныя работы лингвистовъ и историковъ.

III.

Покончивъ на время со славянскимъ вліяніемъ на румынскій языкъ и съ главными вопросами, неразрывно связанными съ нимъ, переходимъ къ не менѣе интересному отдѣлу въ реферируемой книгѣ — о развитіи балканскаго романства до нашествія славянъ. Этотъ отдѣлъ разработанъ у О. Денсушяну, какъ довольно свѣдущаго лингвиста-романиста, удовлетворительно, почему мы предпочитаемъ передавать его мнѣнія въ формулировкѣ самого автора и указываемъ ошибки лишь въ отдѣльныхъ пунктахъ.

Приступая къ разработкѣ упомянутаго вопроса, О. Денсушяну указываетъ прежде всего на крупную ошибку прежнихъ историковъ, которую дѣйствительно легко проглядѣть, именно, часто положеніе

Балканскаго полуострова въ первые вѣка нашей эры современные намъ историки представляютъ ложно, и подъ вліяніемъ теперешняго положенія вещей составляютъ неправильное представленіе о тогдашнихъ взаимныхъ отношеніяхъ этихъ странъ. Говоря точнѣе, нерѣдко думаютъ, будто и тогда, какъ и теперь, эти страны не состояли въ постоянныхъ сношеніяхъ между собой, равно какъ и страны по ту сторону Альпъ и земли по берегу Адріатическаго моря. «Въ настоящее время, — напоминаетъ авторъ «Исторіи румынскаго языка»,—Балканскій полуостровъ разбитъ на обособленныя, разрозненныя государства. Румынія отдѣлена отъ южныхъ государствъ теченіемъ Дуная, который представляетъ важную границу, какъ бы разрѣзающую Балканскій полуостровъ на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга области. Кромѣ того, дунайскія области отчуждены отъ остальной Европы болѣе многочисленными и болѣе рѣзкими преградами, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ. Эти области принадлежатъ теперь востоку и довольно далеки отъ запада. Не то было въ эпоху Рима. Въ тѣ времена отъ устьевъ Дуная до береговъ Атлантическаго океана разстилалась единая держава, могучая своей культурой и военной дисциплиной. Между Востокомъ и Западомъ были Италія и Римъ съ императоромъ, этимъ единымъ и верховнымъ вождемъ, во главѣ. Все собиралось около единаго центра, и всюду чувствовалась чудесная мощь единаго народа. Тогда еще не знали многочисленныхъ подраздѣленій, обратившихъ карту современной Европы въ пеструю мозаику, и хотя въ различныхъ провинціяхъ встрѣчались мѣстные элементы, но эти элементы не представляли независимыхъ другъ отъ друга группъ, отдѣльныхъ націй; напротивъ, они терялись въ потокѣ римскаго населенія. Несмотря на многочисленныя, первоначально населявшія его племена, Балканскій полуостровъ былъ въ значительной мѣрѣ римскимъ. Полуостровъ этотъ былъ особенно близокъ къ Италіи и представлялъ собою какъ бы ся продолженіе. Въ то же время каждая изъ придунайскихъ провинцій находилась въ постоянномъ общеніи со всѣми остальными дунайскими землями, и всѣ вмѣстѣ онѣ представляли цѣльную группу. Важно еще отмѣтить, что въ римскую эпоху Дунай не представлялъ собой такой же рѣзкой границы, какъ теперь: стóитъ только вспомнить, съ какой легкостью ѳракійцы переходили съ юга на сѣверъ Дуная или же съ сѣвернаго его берега на южный, чтобы понять, насколько должны были быть облегчены сношенія между жителями обоихъ береговъ этой рѣки во времена римскаго господства» (стр. 204—205).

Итакъ, авторъ подчеркиваетъ фактъ тѣснаго общенія между римскимъ элементомъ на югѣ и на сѣверѣ Дуная и припоминаетъ нѣсколько данныхъ, подтверждающихъ правдивость подобной картины. Это—пути сообщенія, эпиграфическіе памятники, историческія свидѣтельства объ отдѣльныхъ лицахъ, переселявшихся изъ Далмаціи въ Дакію и обратно. На основаніи всего этого представляется возможность набросать такую картину. Чтобы облегчить сношенія между дунайскими областями и Италіей, римляне построили нѣсколько дорогъ, изъ которыхъ иныя сохранились до нашихъ дней. Очевидно, въ интересы римской политики входилъ планъ не оставлять вновьпокоренныя земли отчужденными отъ центра, а такъ какъ римляне имѣли дѣло съ варварскими племенами, всегда готовыми подняться за свою независимость, то прежде всего они должны были позаботиться о средствахъ возможно быстраго передвиженія и сосредоточенія своихъ военныхъ силъ на случай опасности. Въ этихъ то видахъ, а также для облегченія коммерческихъ сношеній, провинціи Балканскаго полуострова съ перваго вѣка нашей эры покрылись цѣлой сѣтью дорогъ. Самой старинной дорогой, соединявшей Италію и Иллирію, является дорога Aquileia—Nauparius; она существовала еще при республикѣ и была продолжена при Августѣ до Эмоны. Въ первомъ вѣкѣ римляне соединили не менѣе удобными дорогами разные пункты и въ остальныхъ провинціяхъ. При Тиверіи центръ Далмаціи, какъ извѣстно, соединили съ побережьемъ. Въ то же время римскіе легіонеры провели дорогу въ верхней Мизіи вдоль Дуная, а при императорѣ Траянѣ этотъ путь продлили до Чернаго Моря; при немъ же было проведено много новыхъ дорогъ между важнѣйшими центрами Дакіи и Панноніи. Преемники этихъ императоровъ усердно продолжали работу въ томъ же духѣ, и такимъ образомъ во второмъ вѣкѣ по Р. Хр. пути сообщенія въ дунайскихъ областяхъ и между ними и другими частями имперіи достигли полнаго расцвѣта.

Важнѣйшіе пути, прорѣзывавшіе Балканскій полуостровъ и соединявшіе его съ Италіей,—подробно перечисляются у О. Денсушяну въ концѣ 96 параграфа. Къ нимъ авторъ присоединяетъ списокъ рѣкъ, какъ солидныхъ водныхъ путей, способствовавшихъ тѣмъ же цѣлямъ фактическаго единенія. Благодаря всѣмъ этимъ путямъ, балканскія страны могли поддерживать живую связь не только между собой, но и съ Западомъ. Сношенія Дакіи, Мизіи и Ѳракіи съ Италіей шли черезъ Иллирію и преимущественно черезъ Далмацію. Послѣдняя провинція, естественно, была звеномъ, соединявшимъ западно-римскій элементъ съ восточно-римскимъ (стр. 208).

Фактъ тѣснаго общенія между Дакіей и Далмаціей изслѣдователь подтверждаетъ еще эпиграфическими данными, изъ которыхъ можно сдѣлать выводъ о характерѣ этихъ сношеній. Во первыхъ, на основаніи надписей подтверждается тотъ фактъ, что жители Дакіи часто переходили навсегда или же навремя въ Далмацію. Переселенія относятся большею частью къ III вѣку; въ надписяхъ, найденныхъ въ Далмаціи, рѣчь идетъ преимущественно о купцахъ, римскихъ чиновникахъ, военныхъ и частныхъ лицахъ, которые раньше жили въ Дакіи и умерли въ Далмаціи (надписи—

преимущественно надгробные памятники). Но число далматинцевъ, поселившихся въ Дакіи, было еще значительнѣе, чѣмъ объ этомъ можно заключать по надписямъ, въ данномъ случаѣ менѣе численнымъ. Кромѣ иллирійцевъ, занимавшихся въ Дакіи горнымъ дѣломъ, много римлянъ и романизованныхъ иллирійцевъ основались въ различныхъ городахъ Дакіи послѣ покоренія ея императоромъ Траяномъ. Особое вниманіе обращаетъ на себя надпись временъ Траяна изъ Ампелума (№ 1312). Въ ней говорится о «прокураторѣ аураріарумѣ», который первымъ занималъ этотъ постъ въ Дакіи и, судя по имени его жены *Салоніи* (вольноотпущенницы, какъ и онъ самъ), происходилъ родомъ изъ Салонъ (Салоны или Солина), т. е. изъ Далмаціи. Какъ видно изъ этой надписи, во главѣ администраціи дакійскихъ рудниковъ стояли, особенно въ первое время, выходцы изъ Далмаціи и уроженцы послѣдней, какъ люди, изучавшіе различныя ея производства на своей богатой рудой родинѣ.

Изъ другихъ условій, благопріятствовавшихъ сношеніямъ Дакіи съ Далмаціей, О. Денсушяну останавливается еще на одномъ фактѣ, также не вызывающемъ никакихъ сомнѣній, что въ фискальномъ отношеніи обѣ провинціи входили въ составъ иллирійскаго округа. До царствованія Коммодіана таможни ихъ отдавались въ откупъ частнымъ обществамъ, и служащіе этихъ обществъ часто переселялись изъ одного города въ другой, исправляя свои обязанности то въ одной, то въ другой изъ названныхъ провинцій. При единствѣ казны такой порядокъ вполнѣ допустимъ и входитъ въ программу централизаціонной политики. Поэтому въ сохранившихся надписяхъ обѣихъ провинцій мы встрѣчаемся съ именами однихъ и тѣхъ же лицъ. Кромѣ того, далматинскія войска стояли иногда въ Дакіи, но такъ какъ въ надписяхъ упоминается объ одной только такой стоянкѣ, то авторъ «Исторіи румынскаго языка» поступаетъ правильно, дѣлая оговорку въ томъ смыслѣ, что такія стоянки были единичными явленіями. Въ надписи извѣстнаго «Corpus'a» № 1200 (изъ Апулума) говорится объ «eques legionis XIII gemmae» далматинскаго происхожденія, и эта надпись, какъ и нѣкоторыя другія, въ которыхъ упоминается, напримѣръ, о нѣсколькихъ лицахъ изъ рода Sergia, указываетъ на то, что отдѣльныя лица изъ Далмаціи поступали на службу въ дакійскіе легіоны. Наконецъ, во времена своего процвѣтанія Дакія поддерживала живыя связи съ Африкой, и соединяющимъ звеномъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ являлась опять таки Далмація. На это есть указанія въ надписяхъ, которыя мы пропускаемъ.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ (§ 99) г. Денсушяну говоритъ, уже болѣе кратко, о связи Далмаціи съ Панноніей, ссылаясь на одну надпись VII вѣка, и съ Мизіей и Ѳракіей, о которыхъ, впрочемъ, почти нѣтъ надежныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Въ исторіи сношеній Далмаціи съ Востокомъ интересенъ, по его мнѣнію, тотъ фактъ, что съ IV вѣка дорога «Салоны — Дирахіумъ — Бизанціумъ» пріобрѣла большое значеніе, такъ какъ другія дороги стали опасны вслѣдствіе натиска варваровъ. О сношеніяхъ между Дакіей, Ѳракіей и Мизіей исторія и археологія даютъ гораздо больше указаній, и этотъ отдѣлъ въ «Исторіи румынскаго языка» разработанъ особенно полно. Географическое положеніе этихъ странъ, ихъ административное устройство, военный бытъ, торговля и прочее—все способствовало взаимному ихъ общенію. Многія должностныя лица кончали свою служебную карьеру, послуживъ послѣдовательно во всѣхъ этихъ провинціяхъ. И въ военномъ мірѣ наблюдается то же самое: одни и тѣ же войска, одни и тѣ же начальники встрѣчаются въ областяхъ то къ сѣверу, то къ югу отъ Дуная. При этомъ наиболѣе тѣсно связанными представляются историку Мизія и Дакія, благодаря какъ своему сосѣдству, такъ и важности Дуная въ торговомъ отношеніи. Эти провинціи сближало еще и то, что обѣ онѣ являлись центромъ римской цивилизаціи на Востокѣ. Нерѣдко частныя лица переселялись изъ одной изъ этихъ провинцій въ другую. Мизія служила какъ бы перепутьемъ между Дакіей и Ѳракіей, т. е. была для двухъ послѣднихъ тѣмъ же, чѣмъ Паннонія для Дакіи и Далмаціи.

Намѣтивъ эти главные пути сношеній балканскихъ земель съ Италіей черезъ посредство Далмаціи, О. Денсушяну приходитъ къ выводу, формулированному имъ слишкомъ рискованно, именно, что *балканскія земли составляли одно цѣлое съ римскимъ міромъ*, сохраняя при этомъ все-таки своеобразный отпечатокъ.

Теперь на сцену является новый вопросъ: насколько устойчиво было римское вліяніе на земли, принадлежащія теперь румынамъ? — Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ филологовъ, авторъ допускаетъ, будто здѣсь населеніе было всегда римскимъ, что это римское населеніе долгое время было въ близкомъ общеніи съ Панноніей, Далмаціей и другими провинціями, и что въ зависимости отъ этихъ сношеній образовались три различныя румынскія нарѣчія, именно, дако-румынское, истро-румынское и македоно-румынское.

Здѣсь начинается наиболѣе интересный отдѣлъ исторіи румынскаго языка.

IV.

Лингвистическими данными, какъ кажется автору, наглядно подтверждаются историческія свидѣтельства о сношеніяхъ Дакіи, Мизіи и другихъ странъ съ Далмаціей и Италіей. Какъ извѣстно, изъ всѣхъ

романскихъ языковъ къ румынскому ближе всего подходитъ итальянскій. Основываясь на такомъ сходствѣ, молдавскіе и валашскіе хронисты XVII вѣка стараются доказать, что румынскій языкъ—такой же латинскій языкъ, какъ и итальянскій, а старинные итальянскіе писатели, случайно знакомившіеся съ румынскимъ языкомъ, раздѣляютъ это мнѣніе [1]). Падуанецъ Андреасъ Брента, основываясь на словахъ Димитрія Халкондилы, еще въ XV вѣкѣ писалъ по поводу румынскаго языка: a praeceptore meo Demetrio Atheniensi... audivi, qui legatus in Sauromatas Scythas profectus, esse civitatem illic longe nobilissimam et potentissimam in qua adhuc ita verba nostratia sonant, ut nihil suavius sit, quam illos antiquo more romano loquentes audire. Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько, иногда даже болѣе демонстративныхъ. Давно замѣченное сходство между румынскимъ и итальянскимъ (мы сказали бы: «говорами итальянскаго языка» *А. Я.*) становится такимъ образомъ особенно очевиднымъ при близкомъ знакомствѣ съ обоими языками.

Эту часть четвертой главы «Исторіи румынскаго языка», начиная съ отдѣла 102, мы передадимъ болѣе подробно, останавливаясь на фактахъ лингвистическихъ.

Румынское *č*, происшедшее изъ латинскаго *ce*, *ci*, по всей вѣроятности,—не что иное, какъ итальянское *č*, получившее болѣе широкое распространеніе. Дѣйствительно, латинскій и итальянскій языки, судя по тому, во что обратился въ нихъ латинскій палатальный звукъ, представляютъ романскую лингвистическую группу, рѣзко отличающуюся отъ романства галльскаго и иберійскаго. Среднее мѣсто между этими нарѣчіями занимаетъ ретическое со своими *č* и *š*. То обстоятельство, что дако-румынское *č* замѣняется въ македоно-румынскомъ нарѣчіе звукомъ *ts*, не служитъ опроверженіемъ этого сходства между румынскимъ и итальянскимъ, такъ какъ македоно-румынское *ts*—болѣе поздняго образованія (нельзя-ли объяснять этотъ звукъ славянскимъ вліяніемъ? *А. Я.*), а въ до-историческую (?) эпоху въ румынскомъ языкѣ знали одно только *č*. Въ такомъ же соотношеніи къ итальянскимъ (и ретическимъ) фонемамъ находится румынское *ğ*= латинскому *ge*, *gi*, хотя въ данномъ случаѣ разница между румынскимъ и итальянскимъ, съ одной стороны, и французскимъ и испано-португальскимъ, съ другой, проявляется не такъ рѣзко, какъ мы видимъ это по отношенію къ фонетикѣ *c*.

---

1) Подробнѣе объ этомъ въ нашей статьѣ «Żywioł słowiański u Rumunów i walka z nim idei łacińskiej», Świat słowiański, 1907, Styczień, 32—48.

О. Денсушяну, вѣроятно, упустилъ изъ виду, что въ испанскомъ яз. лат. *ge*, *gi* > *che*, *chi*, между тѣмъ какъ въ португальск. *ge*, *gi* > ǧe, ǧi. Поэтому соединять ихъ въ испан.-португ. группу никоимъ образомъ нельзя. Дако-румынское нарѣчіе сохранило до нашихъ дней то произношеніе, которое *ge* и *gi* имѣли въ латинскомъ языкѣ въ Италіи и на Балканскомъ полуостровѣ въ то время, когда эти области были еще тѣсно связаны одна съ другой. Это показываетъ еще, что македоно-румынское нарѣчіе удалилось отъ сѣверно-дунайскаго говора, такъ какъ въ македоно-румынскомъ *ǧ* перешло въ *dz*.

Сочетанія *cl* и *gl* также наводятъ на мысль объ общности между румынскимъ и итальянскимъ языками; но это сближеніе оправдывается только отчасти: какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ языкѣ имѣются *chi* и *ghi*. Въ дако-румынскомъ: chiem—зову, ghiaţă—ледъ; въ итальянскомъ: chiamo, ghiaccia. Но македоно- и истро-румынское нарѣчія представляютъ промежуточную стадію между *cl*, *gl* и *chi*, *ghi*, т. е. *kl*—македоно-румынское kl'em, gl'etsu, истро-румынское kl'mo̧, g'lo̧tsȩ. Съ точки зрѣнія фонетики данныхъ группъ эти два нарѣчія указываютъ, въ какой степени развитія находилось балканское романство въ ту эпоху, когда порвалась связь между нимъ и романствомъ Италіи. Дако-румынскія *chi* и *ghi* не могутъ быть поставлены на ряду съ аналогичными итальянскими группами, такъ какъ представляютъ фонетическое превращеніе, совершившееся въ нарѣчіи сѣвернаго Дуная независимо отъ итальянскаго вліянія. Въ этомъ направленіи румынскій языкъ пошелъ дальше итальянскаго, такъ какъ въ румынскомъ *cl* и *gl* во всѣхъ случаяхъ перешли въ *chi* и *ghi*, тогда какъ въ итальянскомъ *cl* ⊥ и *gl* ⊥ дали другіе результаты, чѣмъ ⊥ cl и ⊥ *gl*. Итакъ, румынскій и итальянскій языки развивались сообща только до періода образованія въ нихъ kl' и gl'.

Далѣе слѣдуетъ сходство между румынскимъ и итальянскимъ языками по отношенію къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ подверглись *s* и *t* въ концѣ словъ. Въ румынскомъ, какъ и въ итальянскомъ, эти согласные совершенно исчезли въ концѣ словъ. Эту особенность легко объяснить вліяніемъ простонародной латыни, гдѣ тѣ же звуки въ концѣ опускались. Напр., *pos* вм. *post*, *filiu* вм. *filius*. Въ другихъ романскихъ языкахъ *s* въ этихъ случаяхъ вездѣ сохранилось, такъ что по отношенію къ *s* румынскій и итальянскій представляютъ особую, отличную отъ другихъ романскихъ языковъ, группу. Что касается конечнаго *t*, то оно исчезло и въ Реціи, и на Иберійскомъ полуостровѣ, такъ что относительно его различіе между

итальяно-румынской группой и группой остальныхъ романскихъ нарѣчій приходится признать не столь уже рѣзкимъ. Румынскія формы treĭ—три, noĭ—мы, voĭ—вы, daĭ—дай, staĭ—стой, apoĭ—потомъ не могутъ быть отдѣлены отъ итальянскихъ формъ trei, noi, voi, dai, poi. То же надо сказать о конечномъ *i* перваго спряженія. Это сходство между румынскимъ и итальянскимъ, конечно, не можетъ быть случайнымъ. Не менѣе интересны румынскія формы feire—желчь, miere—медъ, sare—соль, este—есть, на ряду съ итал. fele, mele, sale, este=лат. fel, mel, sal, est, или такія слова, какъ rîndunea — ласточка (*hirundinella), căşunare — поводъ, побужденіе, воля (occasionare), соотвѣтствующія итал. rondine, rondinella, cagione, потому что въ обоихъ языкахъ въ этихъ словахъ отпадаетъ начальный, присущій латинскимъ словамъ звукъ. Въ образованіи словъ румынскій и итальянскій представляютъ общее между собой по тому, какъ въ обоихъ языкахъ явились производныя отъ глаголовъ слова съ частицей *extra*, перешедшей въ румынскомъ во многихъ случаяхъ въ *trans*. То же смѣшеніе наблюдается и въ итальянскомъ съ той разницей, что въ послѣднемъ *stra* скрещивается съ *tra*. *Extra* встрѣчается и въ прилагательныхъ, но въ румынскомъ гораздо рѣже, чѣмъ въ итальянскомъ, напр., străbun—предокъ, străvechi—древнѣйшій, прадѣдовскій, итал. strabuono, strabello.

Оставляя въ сторонѣ тосканское нарѣчіе и наблюдая другія итальянскія нарѣчія—венеціанское, ломбардское, пьемонтское, генуэзское, сицилійское и пр., историкъ румынскаго языка находитъ въ нихъ нѣсколько новыхъ точекъ соприкосновенія съ румынскимъ (примѣры опускаемъ). Нѣкоторыя особенности сѣверно-итальянскихъ нарѣчій, имѣющія связь съ румынскимъ яз., можно найти въ Реціи и въ нѣкоторыхъ частяхъ южной Италіи. Какъ и въ румынскомъ, такъ и въ генуэзскомъ, миланскомъ и ломбардскомъ нарѣчіяхъ *l* между гласными переходитъ въ *r*. Въ современномъ генуэзскомъ это *r*, какъ первоначальное *r*, исчезло. Въ Ломбардіи *l—r* прежде было болѣе распространено, чѣмъ теперь. Въ Миланѣ въ большинствѣ случаевъ *l* возстановлено. Можно допустить, что *l—r* въ старину существовало вездѣ тамъ, гдѣ теперь встрѣчается vorevа=voleva, единственное слово, въ которомъ въ нѣкоторыхъ странахъ *l*=*r*. Эта форма встрѣчается въ большей части сѣверной Италіи, въ Пармѣ, въ Боббіо и т. д. Въ южной Италіи *l* подобное *r* извѣстно въ нарѣчіи Кампобассо, но лишь въ ограниченномъ числѣ словъ. Эти же особенности встрѣчаемъ и въ Тиролѣ, и въ предѣлахъ Франціи въ области Альпъ. Можетъ быть, здѣсь онѣ распространились подъ вліяніемъ сѣверной Италіи.

И во многихъ другихъ случаяхъ румынская фонетика совпадаетъ съ фонетикой сѣверно-итальянскихъ нарѣчій, хотя и нельзя допустить существованіе непрерывной связи между этими двумя лингвистическими группами въ этомъ отношеніи. Въ старо-венеціанскомъ встрѣчается иногда *bj*, переданное буквами *ib*, напр. aiba, aib'=habeat; въ румынскомъ это совпаденіе является, какъ общее

правило, подобно фріульскому и португальскому. Вѣроятно, это — случайное совпаденіе.

Такъ же надо смотрѣть на выпаденіе l передъ i въ румынскомъ, (foaie—листъ) венеціанскомъ, пьемонтскомъ, въ Абруццо и пр. и въ большей части Реціи. Такъ же выпадаетъ *l* передъ *i* въ формѣ мн. числа въ румынскомъ, венеціанскомъ, ломбардскомъ, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Реціи и особенно въ фріульскомъ. Въ этомъ случаѣ *l* въ рум. языкѣ выпало въ сравнительно недавнюю эпоху, на что указываютъ македоно-и истро-румынскія нарѣчія, гдѣ оно сохранилось до нашихъ дней. Если подъ вліяніемъ *i* множественнаго числа *t* превращается въ č, ts въ миланскомъ, бергамасскомъ нарѣчіяхъ и въ иныхъ нарѣчіяхъ Реціи, и если *s* въ этомъ же случаѣ переходитъ въ *š* въ генуэзскомъ совершенно такъ же, какъ мы видимъ это въ румынскомъ (toţi—всѣ, graşi—толстые), то и здѣсь, по мнѣнію Денсушяну, не надо искать чего-нибудь большаго, чѣмъ «слѣдствіе простого (sic) случая».

Большее значеніе имѣетъ другая особенность, наблюдаемая какъ въ Румыніи, такъ въ Италіи и Реціи, именно, отпаденіе *re* неопредѣленнаго наклоненія. Въ румынскомъ неопредѣленныя формы *are*, *ēre*, *ĕre*, *ire*, по терминологіи г. Денсушяну, просто «сократились» въ *a*, *ea*, *e*, *i*. Въ существительныхъ отъ неопредѣленнаго наклоненія это *r* снова появляется (venirea — приходъ, cîntarea—пѣніе). Это «усѣченіе» *r* особенно часто встрѣчается въ Италіи въ глаголахъ на *are*, *ēre*, *ire* и рѣже въ глаголахъ на *ĕre*; послѣднее «усѣченіе» наблюдается въ западной Ломбардіи, въ Пьемонтѣ, въ Абруццо и пр. Не является ли эта «урѣзанная» форма неопредѣленнаго наклоненія въ рум. языкѣ распространеніемъ аналогичной формы итальянскаго языка и ретическаго?—спрашиваетъ далѣе г. Денсушяну. — Утверждать этого онъ не можетъ, такъ какъ въ старо-румынскомъ есть слѣды полной формы неопредѣленнаго наклоненія, изъ чего видно, что полная форма сохранялась довольно долго; можетъ быть, придется примирить эти предположенія, допустивъ, что наряду съ полными формами въ Балканскомъ романствѣ, въ Италіи и въ Реціи существовали уже и «усѣченныя» формы въ ту эпоху, когда романскія нарѣчія балканскаго полуострова еще не были отрѣзаны отъ остального романскаго міра, и что въ такомъ случаѣ въ румынскомъ языкѣ существительныя въ «усѣченной» формѣ распространились сами собой въ ущербъ существительнымъ съ полнымъ окончаніемъ. Но мы думаемъ, что скорѣе здѣсь имѣетъ значеніе аналогія. Интересно сходство въ употребленіи *fieri* въ смыслѣ *esse* въ рум. и въ сѣверно-итал. нарѣчіяхъ (впрочемъ этотъ глаголъ встрѣчается и въ тосканскомъ, но только въ формахъ *fia*, fiano=sara, saranno).

V.

Затѣмъ у г. Денсушяну слѣдуетъ рядъ примѣровъ на формы производныя и общія заключенія. Среди производныхъ формъ особенно интересны слова съ префиксомъ extra (— stra, stră) и рядъ словъ съ одинаковымъ значеніемъ въ рум. и итал. Изъ нихъ остановимся хотя бы на рум. словѣ *hora*, соотвѣтствующемъ старо-венеціанской формѣ *ŏra* (встрѣчается въ памятникѣ XIII в.). Латинское *vices* совершенно исчезло въ румынскомъ языкѣ и замѣнилось формой *hora*, а иногда словомъ *data*, при чемъ «o dată» означаетъ «одинъ разъ». Трудно допустить, чтобы *hora* стало синонимомъ *vices* помимо венеціанскаго нарѣчія. Въ связи, существующей въ значеніи этихъ словъ, г. Денсушяну и видитъ важные слѣды той эпохи, когда румынскій языкъ еще не былъ изолированъ отъ итальянскаго, тѣмъ болѣе, что *hora* появляется въ одинаковомъ значеніи и въ албанскомъ *herë*, что̀ означаетъ «время».

Итакъ указанное албанское слово, румынское *oară* и венеціанское (какъ сѣверно-итальянскаго нарѣчія) *ŏra* даютъ представленіе какъ бы о единой семьѣ и проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на одну изъ самыхъ темныхъ страницъ изъ исторіи балканскаго латинства. Въ албанскомъ, какъ и въ румынскомъ, встрѣчается въ образованіи существительныхъ и прилагательныхъ приставка *šter*, соотвѣтствующая латинскому *extra*. Оба эти нарѣчія сближаются еще нѣкоторыми болѣе или менѣе старинными словами, какъ рум. *mușcoi* наряду съ албанскимъ mušk и венец. musso — «оселъ, мулъ». Возможно, что албанцы и венеціанцы заимствовали его отъ иллирійцевъ. Къ той же категоріи относится румынское слово болѣе темнаго происхожденія *sterp;* алб. *šterpë*, štjeře; венец. *sterpo* — «безплодный». Третье слово—болѣе новое: рум. *cutezare*, алб. *kudzoń*, старо-венец. *scotesar* — «смѣть». Послѣднее слово — греческаго происхожденія и вошло въ эти языки въ средніе вѣка. Эти формы представляютъ для исторіи румынскаго языка необыкновенную цѣнность, такъ какъ ими, особенно послѣдней, доказывается, что балканское латинство до позднѣйшей эпохи среднихъ вѣковъ сохраняло связь съ латинствомъ Италіи. И если существуетъ довольно много словъ, общихъ для итальянскаго и албанскаго, но отсутствующихъ въ румынскомъ, то послѣдній фактъ доказываетъ только то, что между балканскимъ полуостровомъ и Италіей вообще существовалъ постоянный обмѣнъ.

На нѣкоторыя другія точки соприкосновенія между итальянскимъ и румынскимъ указываютъ южно-итальянскія нарѣчія. Такъ, въ рум. часто встрѣчается множественное число средняго рода на *ora*, причемъ эта же форма — отличительная черта тарентинскаго нарѣчія.

Далѣе слѣдуютъ указанія на винительный падежъ перваго лица личнаго мѣстоименія *mene*, по-румынски *mine*; на сложныя времена глаголовъ съ *имѣть*, а не *быть*; (ср. рум. m'am bucurat—«я обрадовался»; калабрійское s'hanu mbrigatu, абруццкое m'aje arbgrate). Особенно нарѣчіе Абруццо схоже съ румынскимъ по многимъ формамъ. Между сардинскимъ нарѣчіемъ и румынскимъ также есть кое-какія общія черты, но предшественники Денсушяну здѣсь часто впадали въ преувеличеніе, желая объяснить бо́льшую часть особенностей, присущихъ этимъ двумъ нарѣчіямъ, исторической связью. Одно изъ самыхъ интересныхъ звуковыхъ превращеній, сближающихъ эти языки, представляетъ переходъ въ нѣкоторыхъ словахъ *qu* въ *p* въ румынскомъ и въ *b* въ сардинскомъ нарѣчіи, напр. apă—вода, iapă—кобыла, сард. abba, ebba—лат. aequa, equa; рум. patru—четыре, păresimi—пасха (?)—лат. quatuor, quadragesima. Точно также латинское *gu* переходитъ въ румынскомъ и сардинскомъ въ *b*, напр. рум. limbă, сард. limba—лат. lingua.

Не будемъ подробно останавливаться на тѣхъ чертахъ, которыя г. Денсушяну находитъ сходными въ румынскомъ языкѣ и въ ретическихъ нарѣчіяхъ. Какъ въ первомъ, такъ и въ большей части вторыхъ (главнымъ образомъ фріульскомъ и тирольскомъ), сохраняются группы *pl*, *bl*, *fl*. Какъ въ первомъ, такъ и во вторыхъ нѣкоторое значеніе представляетъ давнишнее исчезновеніе губного элемента въ группахъ *que*, *qui*, что̀ привело къ смѣшенію *qe*, *qi* съ *ke*, *ki*. Изъ синтаксическихъ особенностей обращаетъ на себя вниманіе употребленіе въ фріульскомъ и въ муггійскомъ частицы *se* передъ существительными и прилагательными, какъ выраженія впечатлѣнія, производимаго чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, напр., se miracull se biel! — рум. ce mincări bune—«что за прекрасныя блюда!», ce bucuria—«что за радость!». Съ точки зрѣнія словаря соотвѣтствіе между румынскимъ и ретическимъ поразительно во многихъ случаяхъ. Особенно бросается въ глаза слово basilica — biserică—«церковь», тогда какъ во всѣхъ остальныхъ романскихъ языкахъ оно замѣняется разными формами отъ ecclesia. Но другой изъ примѣровъ, приводимыхъ г. Денсушяну, неудаченъ; это—creştin—crestian—christianus въ значеніи «человѣкъ»: въ такомъ значеніи оно бытуетъ, какъ извѣстно, у очень многихъ народовъ, у которыхъ въ силу историческихъ условій національное самосознаніе или совсѣмъ не существуетъ, или же поглощается сознаніемъ религіознаго единства.

На послѣднемъ мѣстѣ разсматривается сходство румынскаго языка и вегліотскаго (далматинскаго) нарѣчія (§ 104). Послѣднее никакъ не можетъ быть

причислено къ латинской семьѣ, отъ которой разнится по фонетикѣ, и хотя оно приближается къ итальянскимъ нарѣчіямъ, тѣмъ не менѣе его нельзя причислить и къ нимъ. Оно представляетъ нѣчто среднее между романствомъ Италіи и романствомъ Балканскаго полуострова; по фонетикѣ и словарю оно приближается то къ одному, то къ другому. Географическое его положеніе позволяетъ видѣть въ немъ переходъ отъ итальянскаго къ румынскому. Наибольшая связь вегліотскаго съ румынскимъ усматривается, по мнѣнію г. Денсушяну, въ томъ, что и въ одномъ, и въ другомъ мѣсто латинскихъ группъ *ct*, *cs* заняли группы *pt*, *ps*. Другое измѣненіе, сближающее ихъ, это—переходъ *gn* въ *mn*, и даже переходъ *mn* въ *un* (!), напр. вегл. komnut—cognatus—рум. cumnat=«зять, своякъ»; daună — убытокъ (damnum). Соотвѣтствіе между вегліотскимъ и румынскимъ выступаетъ еще въ употребленіи нѣкоторыхъ словъ, неизвѣстныхъ другимъ нарѣчіямъ или имѣющихъ здѣсь спеціальное значеніе, напр., singulus въ смыслѣ «solus», вегл. sanglo, рум. singur. Но такъ какъ вегліотское нарѣчіе слишкомъ мало изслѣдовано, то г. Денсушяну отказывается установить, насколько оно вообще приближается къ румынскому.

Переходя къ обобщеніямъ изъ сказаннаго относительно отдѣльныхъ сходныхъ группъ, г. Денсушяну еще разъ повторяетъ общую мысль, что 1) румынскій языкъ никоимъ образомъ не могъ развиться *независимо* отъ итальянскаго и до извѣстной степени отъ ретическаго языковъ; что къ такому выводу неизбѣжно приводятъ исторія и филологія, — и только этимъ выводомъ можно объяснить древнѣйшую эпоху образованія румынскаго языка; что 2) уже въ первые вѣка нашей эры романство Балканскаго полуострова представляло *особыя черты*, отличавшія его отъ итальянскаго и ретическаго; это было естественнымъ слѣдствіемъ вліянія на балканское романство коренныхъ, мѣстныхъ элементовъ и т. д.

Но преувеличивать значеніе всякихъ мѣстныхъ элементовъ и утверждать, что уже въ IV или V вѣкѣ балканское романство представляло лингвистическую группу, отличную отъ Италіи и Реціи, было бы, на взглядъ историка, крупнымъ заблужденіемъ. Пока эти страны были въ постоянныхъ взаимныхъ сношеніяхъ, рѣзкое лингвистическое раздѣленіе между ними не могло произойти. Сѣверная Италія имѣла постоянное общеніе съ Паннонiей, Мизiей и т. д. черезъ посредство Далмаціи, почему, вполнѣ естественно — и въ языкахъ этихъ странъ происходилъ постоянный обмѣнъ. Подобный же обмѣнъ наблюдался между дунайскими провинціями и восточной Реціей. Только при свѣтѣ этихъ фактовъ можно понять бо́льшую часть старинныхъ лингвистическихъ «превращеній» въ румынскомъ языкѣ и объяснить, почему во многихъ случаяхъ послѣдній при-

ближается къ говорамъ Сѣверной Италіи (особенно къ венеціанскому), къ нарѣчіямъ Тироля и къ вегліотскому (стр. 234).

Очень важное хронологическое соображеніе даетъ вопросъ о германскомъ элементѣ въ румынскомъ языкѣ «Есть, однако, одинъ пунктъ,—говоритъ О. Денсушяну,—въ которомъ румынскій языкъ совершенно удаляется отъ итальянскаго и ретическаго, именно, румынскій языкъ не содержитъ въ себѣ никакихъ германскихъ элементовъ, что даетъ ему совершенно исключительное мѣсто въ семьѣ романскихъ языковъ. Какъ объяснить это обстоятельство, когда румынскій языкъ столько времени былъ въ постоянномъ общеніи съ итальянскимъ и ретическимъ, гдѣ, какъ извѣстно, германское вліяніе оставило многочисленные слѣды? Это на первый взглядъ странное обстоятельство не трудно объяснить тѣмъ, что германскіе элементы вошли въ итальянскій языкъ въ ту эпоху, когда связь между итальянскимъ и румынскимъ была уже порвана. Извѣстно, что въ V и особенно въ VI вѣкѣ, когда германское вліяніе начало сказываться на итальянскомъ языкѣ, румынскій языкъ былъ уже отрѣзанъ отъ послѣдняго. Германскій элементъ могъ бы проникнуть въ земли румынъ другимъ путемъ, такъ какъ римляне были въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ готами и позднѣе съ гепидами, обрушивавшимися на Балканскій полуостровъ и въ теченіе трехъ вѣковъ разорявшими страны къ сѣверу и къ югу отъ Дуная. Надо, однако, полагать, что эти германскія племена не вошли въ тѣсное соприкосновеніе съ румынскимъ населеніемъ, а остались чужды ему, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ образовалась румынская нація. То же замѣчается и относительно албанскаго нарѣчія; въ вегліотскомъ нарѣчіи, также до нѣкоторой степени принадлежащемъ къ балканско-романской семьѣ, слѣды германскаго элемента менѣе замѣтны, чѣмъ въ итальянскомъ языкѣ» (стр. 235).

Впрочемъ, этотъ отдѣлъ разработанъ у г. Денсушяну настолько поверхностно, что даже весь вопросъ о существованіи или отсутствіи готскаго вліянія на румынскій языкъ остается, по нашему мнѣнію, и теперь открытымъ, ожидая новыхъ изслѣдованій.

А. И. Яцимирскій.

Новыя книги.

Архивъ Раевскихъ. Томъ I. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія **Б. Л. Модзалевскаго.** Спб. 1908.

Berneker, E. Slavisches etymologisches Wörterbuch von Dr. Erich Berneker. Lieferung I (Bogen 1—5) A—brak. Heidelberg 1908.—Lieferung II (brakъ-čubъ).

Būga, K. Kazimiēro Būgos Aistiški studijai. Tyrinėjimai lygintinjo prūsų, latvjų ir liētuvjų kalbômoksljo srityję. I-oji dalis. — Aistische Studien. Beiträge zur vergleichenden Grammatik der preussischen, lettischen und litauischen Sprache von Kasimir Būga. I-er Teil. Peterburgas. 1908.

Введенскій, А. И. Общественное самосознаніе въ Русской литературѣ. Критическіе очерки Арс. И. Введенскаго. Второе изданіе. Спб. 1909.

Гётцъ, Л. К. Государство и Церковь въ Древней Россіи. Кіевскій Періодъ 988—1240. Л. К. Гётца Профессора Боннскаго Университета.—Staat und Kirche in Altrussland. Kiever Periode 988—1240 von Dr Leopold Karl Goetz Professor an der Universität Bonn. Berlin 1908.

Езерскій, Ѳ. Русская грамота гражданская и новая народная. Составилъ Ѳеодоръ Езерскій. М. и Спб. 1908.

Заболотскій, П. А. Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени. I. 1. Русская струя въ литературѣ Сербскаго возрожденія. Варшава. 1908.

Заболотскій, П. А. Н. А. Некрасовъ (Къ 30-лѣтію его смерти). Современное состояніе матеріаловъ по вопросу о личности и творчествѣ поэта и автобіографическое значеніе его произведеній. Нѣжинъ. 1908.

Заболотскій, П. А. Памяти «Рыцаря чуткой совѣсти» В. М. Гаршина. 1888—1908. Кіевъ 1908.

Zbornik u slavu **Vatroslava Jagića.** Jagić—Festschrift. Berlin. 1908.

Карскій, Е. Ѳ. Бѣлоруссы. Томъ II. Языкъ бѣлорусскаго племени. 1. Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія. Варшава. 1908.

Келтуяла, В. А. Краткій курсъ исторіи русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Исторія древней русской литературы. (Отъ IX в. до конца XVII в.). Выпускъ первый.— Выпускъ второй. Спб. 1908.

Котляревскій, Н. А. Рылѣевъ. Спб. 1908.

Mazon, A. Morphologie des aspects du verbe russe par André Mazon. Paris. 1908.

Murko, M. Geschichte der älteren südslawischen Litteraturen von Dr. M. Murko, O. Professor an der Universität Graz. Leipzig. 1908.

О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в. (1701—1715 гг.). Документы московскихъ архивовъ, собранные С. А. Бѣлокуровымъ и А. Н. Зерцаловымъ. Съ предисловіемъ **С. А. Бѣлокурова.** М. 1907.

Ончуковъ, Н. Е. Сѣверныя сказки. (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборникъ Н. Е. Ончукова. Спб. 1909.

Орловъ, А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобнымъ. Къ изданію приготовилъ А. Орловъ. М. 1908.

Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Выпускъ второй [Пѣсни, собранныя Н. В. Гоголемъ. Изданы **Г. П. Георгіевскимъ**]. Спб. 1908.

Памятники древнерусскаго каноническаго права. Часть первая (Памятники XI—XV в.). Изданіе второе. Русская историческая библіотека. Т. VI. Спб. 1908.

Сиротининъ, А. Н. Бесѣды о русской словесности. Спб. 1909.

Сырку, П. А. Славянскія и русскія рукописи Британскаго музея въ Лондонѣ. Посмертный трудъ П. А. Сырку, изданный подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ А. И. Яцимирскаго. Спб. 1908.

Тимофеевъ, М. И. Естественный звуковой методъ. Одесса. 1908.

ПОПРАВКИ

къ статьѣ Н. Петровскаго, помѣщенной во 2-ой кн. XIII тома «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ».

Напечатано:			*Должно быть:*
Стран. 474,	строка	8 kuther	Kuther
» —	»	26 Kavnikar	Ravnikar
» 477,	»	20 Довржено	Довршено
» 481,	»	27 ракъ!	такъ!

ДОПОЛНЕНІЕ

къ статьѣ Ѳ. Покровскаго «Посланіе Василія, пресвитера Никольскаго изъ Дольней Руси, объ исхожденіи св. Духа», помѣщенной въ 3-й кн. XIII тома «Извѣстій отдѣл. русск. яз. и словесности Императорской Академіи Наукъ».

Небольшой отрывокъ Посланія пресв. Василія, подъ заглавіемъ «Василья, прозываемаго Николского отъ долнія руки, о гордости Папинѣ» находится въ Сборникѣ XVIII в. собр. Царскаго № 461, л.л. 307 об.—308 об. (См. Описаніе рукописей Царск., стр. 576).

ИЗВѢСТІЯ

Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Имѣются въ продажѣ: т. VI (1901), кн. 4-я; т. VII (1902), кн. 1—4; т. VIII (1903), кн. 1—4; т. IX (1904), кн. 1—4; т. X (1905), кн. 1—4; т. XI (1906), кн. 1—4; т. XII (1907), кн. 1—4; т. XIII (1908), кн. 1-я, 2-я и 3-я.

Цѣна каждой книжки *1 р. 50 коп.*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1908 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

15

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1908 г.

ТОМА XIII-го КНИЖКА 4-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1909.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

Содержаніе IV-й книжки.

[*Продолженіе см. на 3-ьей страницѣ обложки*].

Жемчужниковъ, какъ „поэтъ-гражданинъ“.

Рѣчь, произнесенная почетнымъ академикомъ П. И. Вейнбергомъ на чествованіи памяти Жемчужникова Разрядомъ Изящной Словесности 4 мая 1908 г.

25-го марта смерть унесла старѣйшаго русскаго поэта, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ «симпатичнѣйшихъ» поэтовъ, благороднымъ общественнымъ дѣятелемъ и вообще очень свѣтлою личностью.

Крупнымъ поэтомъ Жемчужникова признать нельзя. Его мѣсто не въ ряду тѣхъ первоклассныхъ творцовъ, которые, «обходя моря и земли, глаголомъ жгутъ сердца людей», тѣхъ такъ называемыхъ свѣтилъ, которыя или составляютъ эпоху въ исторіи поэзіи, или являются какъ бы вѣхами на проходимомъ поэзіею пути, или, наконецъ, въ блистательной формѣ, извлекая изъ сокровищницы родного языка ея лучшія драгоцѣнности, выражаютъ міросозерцаніе свое и современнаго общества. Если къ кому нибудь можно примѣнить въ полной мѣрѣ извѣстныя слова Альфреда Мюссе: «Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre» (т. е. мой стаканъ не великъ, но я пью изъ своего стакана), — то это именно къ Жемчужникову, по крайней мѣрѣ къ нему больше, чѣмъ къ кому либо другому. «Стаканъ» Жемчужникова дѣйствительно не великъ, содержимое въ немъ не пускаетъ изъ себя сверкающихъ искръ, не опьяняетъ своею

крѣпостью, своимъ «эрфиксомъ»—но оно такъ благотворно дѣйствуетъ на пьющаго своею здоровостью, безукоризненною чистотою, свѣжестью...

Не разнообразно, не разносоставно это содержимое; очень немного «струнъ» на его «лирѣ». Но это, внѣ всякаго сомнѣнія, *истинный* поэтъ, творчество котораго — именно *творчество*, а не упражненіе въ стихотворствѣ на заданныя темы.

Онъ поэтъ именно по *призванію*, по натурѣ, по темпераменту. «Поэмы, звуки, формы, краски, — говоритъ онъ, — какъ хлѣбъ насущный, нужны мнѣ».

Проявляется это поэтическое чувство въ любви къ природѣ и въ способѣ выраженія этой любви. «Природы другъ, онъ въ ней ловилъ всѣ звуки жизненнаго гимна». Какъ только онъ выѣхалъ изъ города и почувствовалъ доносящійся къ нему издали воздухъ его родныхъ полей, мы слышимъ трогательные, полные свѣжести и чистоты звуки:

«Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмомъ тихихъ ангеловъ хранимый!
Только что простившись съ жизнью городскою,
Я одинъ остался, окруженъ тобою,
И ужъ грузъ душевный — страхи и тревоги —
Побросалъ за окна вдоль моей дороги.
Думы, мои думы также поневолѣ
То плутаютъ въ рощахъ, то гуляютъ въ полѣ;
А теперь умчались къ крайнимъ тѣмъ полянамъ,
Гдѣ садится солнце въ заревѣ румяномъ.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмомъ тихихъ ангеловъ хранимый!
Прелестью безмолвной, жизнію безлюдной
Ты цѣлишь иль губишь, распознать мнѣ трудно.
Ласкою ли нѣжной прочь кручину гонишь,
Къ сонному-ль покою умъ и совѣсть клонишь...

Грезы роемъ легкимъ вьются надо мною,
Словно опьяненъ я брагою хмельною.
Вотъ и сумракъ сходитъ, въ воздухѣ прохлада...
Ни о чемъ не мыслю, ничего не надо...».

Рисуемыя поэтомъ сельскія картины — именно тѣ, въ которыхъ наиболѣе задушевной теплоты; въ деревнѣ онъ въ самомъ безмятежномъ, даже радужномъ настроеніи; отъ этого въ *этихъ* стихотвореніяхъ почти всюду свѣтлыя краски, которыя тщетно старались бы мы найти въ строкахъ, выходящихъ изъ-подъ его пера въ ненавистномъ для него городѣ, среди давящихъ его умъ и чувство громадныхъ каменныхъ стѣнъ.

Истинною поэзіею проникнуты и тѣ стихотворенія, въ которыхъ выражены *чисто личныя* ощущенія. Тутъ поэтъ, оставаясь на строго субъективной почвѣ, и притомъ фактической, выражая словомъ нѣчто, дѣйствительно пережитое имъ самимъ, какой нибудь частный единичный случай изъ своей жизни, умѣетъ (а въ этомъ одно изъ свойствъ истинно поэтическаго творчества) обобщать это личное, дѣлать его близкимъ сердцу всякаго человѣка... Умерла, напримѣръ, его маленькая дочь, и остались они съ женою одинокими въ опустѣвшемъ домѣ. Послушайте же, какъ онъ описываетъ свое личное горе:

«Марусю въ гробикѣ свезли и схоронили.
А мы, въ бездѣйствіи томительной тоски,
То порознь, то вдвоемъ все въ дѣтскую ходили
Взглянуть на креслице, игрушки, башмачки...
Какой-то силою, мучительной и сладкой
Тянуло насъ къ тому, что̀ было близко къ ней;
Надъ всѣмъ грустили мы; но предъ ея кроваткой
Пустою, безъ бѣлья, грустили мы больнѣй.
Обоихъ, наконецъ, насъ утомило горе.
Мы сѣли отдохнуть; но, заглянувъ въ окно,
Увидѣли, что ночь уже настанетъ вскорѣ;
Что было на дворѣ почти совсѣмъ темно,

И капли по окну струились дождевыя...
И мы очнулися. И ночь, и дождь идетъ;
Всѣ дома; нѣтъ одной Маруси; и впервые
Нѣтъ страха за нее и нѣтъ о ней заботъ;
Ея отсутствіе и няню не тревожитъ...
Маруси нѣтъ... Но здѣсь и быть она не можетъ.
Тамъ, одинокая, спокойно спитъ она.
Ни мы не нужный ей, ни няня не нужна...
И нестерпимо намъ обоимъ горько стало.
Моя жена тоской измучилась; но днемъ
Ей трудно плакалось; теперь она рыдала,
И вмѣстѣ въ темнотѣ мы плакали. Потомъ
Затихли близь меня послѣднія рыданья,
И наступила тишь покоя и молчанья.
Такъ глубока была, такъ длилась тишина,
Что стало жутко мнѣ. Тихонько вставъ со стула,
Я засвѣтилъ огонь, и вижу, что жена
Въ изнеможеніи поникла и заснула...»

Но быть поэтомъ въ такихъ областяхъ не очень ужъ мудрено: къ поэтическому настроенію и выраженію располагаютъ уже самыя темы. Болѣе нагляднымъ доказательствомъ въ этомъ случаѣ служитъ, что Жемчужниковъ—*поэтъ* въ области творчества, далеко, по своему существу, не поэтической—но именно въ области, стоящей у него — и въ качественномъ и количественномъ отношеніи — на первомъ планѣ. Это—поэзія, такъ называемая *гражданская*.

Съ терминомъ «гражданскій» въ общепринятомъ его значеніи (особенно послѣ опошленія его въ литературѣ, благодаря безвкусной, узенькой и мелкой тенденціозности, уличной обличительности) понятіе поэтичности примиряется дѣйствительно съ большимъ трудомъ. Извѣстно выраженіе Гете: «Politische Poesie — garstige Poesie», находившее себѣ если не подтвержденіе, то оправданіе или объясненіе въ боевомъ лозунгѣ тѣхъ

нѣмецкихъ «политическихъ» поэтовъ, которые признавали поэтомъ только того, кто въ своихъ произведеніяхъ сражался «auf Zinnen der Partei», т. е., другими словами, защищалъ интересы и стремленія своей партіи... Афоризмъ Гете, теоретически вообще справедливый, еще болѣе, съ нѣкоторыми, можетъ быть, оговорками, примѣнимъ къ поэзіи, такъ называемой гражданской, въ которой очень важную роль играютъ чисто партійные интересы, частные случаи, личные счеты и т. п. Здѣсь, въ плаваніи по этому «гражданскому» морю, представляется въ поэтическомъ отношеніи большая опасность отъ очень многихъ подводныхъ камней, — камней, на которые иногда наталкивался, съ весьма значительнымъ ущербомъ для художественнаго достоинства, такой крупнѣйшій поэтъ, какъ Некрасовъ..

Жемчужниковъ избѣжалъ ихъ. Онъ почти ни въ одномъ изъ своихъ стихотвореній не явился обличителемъ частныхъ отдѣльныхъ случаевъ общественной жизни; его «гражданское» творчество питала эта жизнь въ ея общей цѣлостности, въ ея существенныхъ, такъ сказать, органическихъ проявленіяхъ, въ ея не столько плодахъ, сколько корняхъ, какъ источникахъ зла. Въ этой области онъ оставался именно поэтомъ, съ перваго выступленія своего до конца, — оставался, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, даже тогда, когда темы его были ужъ совсѣмъ прозаическія, публицистическія (напр. въ стихотвореніяхъ: «Сословныя Рѣчи», «Литераторы - Гасильники», «Пятно», «Комедія о ретроградныхъ публицистахъ»). Въ этомъ отношеніи есть возможность сравнить его—не по таланту, не по ширинѣ захватываемой сферы, а именно по умѣнью удержаться поэтически на такой непоэтической почвѣ съ Гейне, В. Гюго, Фрейлигратомъ...

Если поэзія вообще — *призваніе* Жемчужникова, то поэзія гражданская — подавно. Это лежало, во 1-хъ, въ его натурѣ: «я всю жизнь — заявлялъ онъ, — имѣлъ наклонность входить участливо въ родную обыденность», понимая подъ этой «обыденностью» именно жизнь общественную. Во 2-хъ, это обусловлива-

лось и обстоятельствами его жизни. Еще на училищной скамьѣ онъ, по его словамъ, «сдѣлалъ запасъ возвышенныхъ идеаловъ и честныхъ стремленій». И къ этимъ «добрымъ началамъ, вынесеннымъ изъ училища», присоединились потомъ доходившія до него вѣянія отъ людей сороковыхъ годовъ. Впослѣдствіи онъ сблизился съ «представителями направленія» этихъ годовъ. «Они всегда были моими лучшими друзьями и наставниками»,—заявляетъ онъ въ своей біографіи. На поприще общественной дѣятельности и отчасти писательства Жемчужниковъ выступилъ во время, бывшее преддверіемъ шестидесятыхъ годовъ, а продолженіе этой дѣятельности и этого писательства относится уже къ самымъ шестидесятымъ годамъ. Въ находящейся передо мной аудиторіи есть, можетъ быть, лица, которыя, какъ я, сами переживали умственное и общественное движеніе этого времени, были его участниками или очевидцами. И несомнѣнно, что передъ ихъ глазами будетъ до конца жизни стоять, какъ живая, картина того чудеснаго духовнаго подъема, который въ эту пору охватилъ всю лучшую часть русскаго общества, увидѣвшаго, или, лучше сказать, почуявшаго тутъ начало обновленія своей родины, избавленія ея отъ вѣковыхъ золъ, лежавшихъ мрачнымъ и тяжелымъ гнетомъ на всемъ ея существованіи. Но всѣмъ намъ памятно и то горькое разочарованіе, которое, нѣсколько времени спустя, было порождено въ той же части общества или отправленіемъ въ долгій ящикъ, или полнымъ разрушеніемъ возбужденныхъ радужныхъ надеждъ, наступившею апатическою спячкою, или безмолвнымъ глухимъ протестомъ съ одной стороны, нагло и побѣдоносно выступившею впередъ реакціею съ другой...

Все это вызвало Жемчужникова къ творчеству въ области гражданской поэзіи и нашло себѣ въ ней полное и художественное выраженіе.

Онъ былъ свидѣтелемъ освобожденія крестьянъ и «почиталъ себя счастливымъ», что ему привелось видѣть воочію это «великое дѣло». — «Новые люди (читаемъ въ его автобіографіи) явля-

лись повсюду, и общество росло умственно и нравственно, безъ преувеличенія — по днямъ и по часамъ. Недавніе чиновники и владѣтели душъ преображались въ доблестныхъ гражданъ своей земли... Хорошее было время». И характеристика этого «хорошаго» времени поэтически вылилась впослѣдствіи въ одномъ изъ его лучшихъ стихотвореній:

«Мы долго лежали повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлѣемъ въ гробахъ;
Забита тяжелая крыша...
Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Нежданная рѣчь прозвучала, —
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ, —
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи слова и свѣта...»

Къ гражданской поэзіи обратился онъ еще по другой причинѣ: «Я сознавалъ — читаемъ въ той же автобіографіи — все высокое значеніе поэзіи на «гражданскіе мотивы», и меня къ ней тянуло; но эти пѣсни пѣлъ тогда Некрасовъ. Онѣ были такъ сильны и оригинальны, что тягаться съ ними я конечно не могъ, а вторить имъ, хотя бы и фальшивя, было бы излишне. Съ другой стороны такъ называемая «чистая поэзія», отрѣшенная отъ злобы дня, возвышенна и прекрасна всегда... Но я чувствовалъ, что моя муза не обладаетъ ни лиризмомъ, ни красотою, которыя я почиталъ необходимыми принадлежностями чистой поэзіи...».

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ, гражданской поэзіи придавалъ онъ высокое значеніе, что̀ было весьма естественно при томъ, можно сказать, благоговѣніи, съ которымъ относится онъ къ гражданскому служенію обществу и которое

нашло себѣ опредѣленное выраженіе въ его словахъ: «Хотя-бъ укоръ понесъ я въ лести — И въ восхваленьи сильныхъ лицъ,— Предъ подвигомъ гражданской чести — Готовъ повергнуться я ницъ...».

Это служеніе — по его воззрѣнію и опредѣленію, — есть «доблесть», носитель ея есть «знаменоносецъ», состоящій въ близкомъ родствѣ съ Гейневскимъ «рыцаремъ духа». Прочтите его стихи «Завѣщаніе»:

«Межъ тѣмъ какъ мы въ разбродъ стезею жизни шли,
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою
Я подобралъ его, лежавшее въ пыли,
И съ той поры несу, возвысивъ надъ толпою.
Девизъ на знамени: «Духъ доблести храни».
Такъ, воинъ рядовой за честь на бранномъ полѣ,
Я, счастливъ и смущенъ, явился въ наши дни
Знаменоносецъ поневолѣ.
....
«Послѣднія мои уже уходятъ силы.
Я дѣлалъ то, что̀ могъ; я больше не могу;
Я остаюсь еще предъ родиной въ долгу;
Но да проститъ она мнѣ на краю могилы.
Я жду, чтобы теперь меня смѣнилъ поэтъ,
Въ которомъ доблести горѣло-бъ ярче пламя,
И принялъ отъ меня не знавшее побѣдъ,
Но незапятнанное знамя...».

Послушайте, какъ скорбитъ онъ объ отсутствіи гражданской доблести въ стихотвореніи «Пустое мѣсто»:

«Меня тревожитъ безпокойство:
«Гдѣ наша доблесть?»—я твержу;
Коль слово есть, должно быть — свойство;
Но свойства я не нахожу.
....

Бывали случаи, я знаю:
Не разъ позоръ или бѣда
Грозой неслись къ родному краю,—
Являлись граждане тогда.
Но гражданиномъ быть-бы надо
Не ради бѣдственныхъ годинъ,
Иль въ дни торжествъ, какъ для парада;
Вседневный нуженъ гражданинъ.

. . . .

Пусть государственнаго зданья
Вполнѣ постройка хороша, —
Для формы нужно содержанье,
Какъ тѣлу надобна душа.
Что пользы въ томъ, чтобы большія
Зіяли рамы безъ картинъ?
Въ тебѣ-жъ отсутствуетъ, Россія,
Твоя душа—твой гражданинъ.

Узрѣть я жажду гражданина,
Покуда мыслю и живу;
Къ забытой матери я сына
Неблагодарнаго зову:
«Отчизны дверь тебѣ отверста;
«Недостаешь ты ей одинъ;
«Войди, займи пустое мѣсто,
«Носящій доблесть гражданинъ».

Въ какой же формѣ выражалось гражданское чувство Жемчужникова *поэта*?

Основной мотивъ во всѣхъ стихотвореніяхъ—или прямо, опредѣлительно высказываемая, или ясно читаемая между строками *любовь къ родинѣ*, и при этомъ (какъ у всѣхъ поэтовъ такого пошиба) — отрицательное отношеніе ко всему, идущему въ разрѣзъ съ этою любовью. Эти чувства выливаются изъ его души

въ формѣ то благороднаго негодованія, то тихой грусти, то мужественнаго призыва къ борьбѣ. Поэтъ является то воодушевленнымъ лирикомъ, часто доходящимъ до пафоса, то сатирикомъ (въ общепринятомъ значеніи этого слова), то легкимъ юмористомъ. Но первое настроеніе—лирическое—у него преобладаетъ надъ остальными и выражается наиболѣе поэтически, наиболѣе художественно.

Разнообразны мотивы этого настроенія.

Вотъ поэтъ горько сѣтуетъ о разрушеніи тѣхъ надеждъ, которыя одушевляли его душу, когда онъ въ молодые годы присутствовалъ при воскрешеніи русскаго общества, видѣлъ начало осуществленія своихъ — и столь многихъ своихъ единомышленниковъ—идеаловъ и стремленій:

«Такъ проченъ въ сердцѣ и въ мозгу
Высокій строй эпохи прошлой,
Что съ современностію пошлой
Я примириться не могу.

Но я, безсильный, ужъ не спорю;
И, вспоминая старину,
Не столь волнуюсь и кляну,
Какъ предаюсь тоскѣ и горю . . .

Чтò я? . . . Пѣвецъ былыхъ кручинъ;
Скрижалей брошенныхъ обломокъ;
Въ пустынномъ домѣ, въ часъ потемокъ,
Я—потухающій каминъ.

То трескъ огня совсѣмъ затихнетъ,
Какъ будто смерть его пришла;
То дрогнетъ теплая зола,
И пламя снова ярко вспыхнетъ.

Тогда тревожно по стѣнамъ
Толпой задвигаются тѣни

И лица прежнихъ поколѣній
Начнутъ выглядывать изъ рамъ».

Эти прошлые годы, годы «мира на землѣ и межъ людей благоволенья», представляются теперь поэту «звѣздами въ мутной мглѣ» или «въ сумракѣ видѣньями»:

«Меня сподобила судьба
Тогда узрѣть въ моей отчизнѣ
Съ освобожденіемъ раба
Преображеніе всей жизни . . .

Той свѣтлой жизни въ старомъ злѣ
Пришла пора исчезновенья . . .
Какъ звѣзды гаснутъ въ мутной мглѣ,
Какъ меркнутъ въ сумракѣ видѣнья.

Къ дѣламъ добра затерянъ слѣдъ;
Въ сердцахъ опять—вражда и злоба . . .
Чего-жъ мнѣ ждать на склонѣ лѣтъ,
Уже вблизи, быть можетъ, гроба?

О, годы мира на землѣ
И межъ людей благоволенья!
На быстромъ времени крылѣ
Вы мчитесь къ пропасти забвенья . . .»

Вотъ вылетаетъ изъ его груди крикъ негодованія при видѣ нравственной спячки общества, царящихъ въ немъ злоупотребленій и другихъ темныхъ сторонъ:

«О, скоро-ль минетъ это время,
Весь этотъ нравственный хаосъ,
Гдѣ прочность убѣжденій—бремя,
Гдѣ подвигъ доблести—доносъ;

Гдѣ, послѣ свалки безобразной,
Которой кончилась борьба,
Не отличишь въ толпѣ безсвязной
Ни чистой личности отъ грязной,
Ни вольнодумца отъ раба;
Гдѣ быта стараго оковы
Уже поржавѣли на насъ,
А свѣточъ, путь искавшій новый,
Чуть озаривъ его, погасъ;
Гдѣ то, что̀ прежде создавала
Живая мысль, идетъ пока
Какъ бы снарядъ, идущій вяло,
И силой прежняго толчка;
Гдѣ стыдъ и совѣсть убаюкать
Мы всѣ желаемъ чѣмъ-нибудь,
И только-бъ намъ ладонью стукать
Въ «патріотическую» грудь . . .»

«Какъ будто все всѣмъ надоѣло (негодуетъ онъ) —
Застыли чувства; умъ зачахъ;
Ни въ чемъ, нигдѣ—живого дѣла,
И лишь по горло всѣ въ дѣлахъ.

Средь современности безцвѣтной
Вступили въ связь добро и зло;
И равнодушье незамѣтно,
Какъ ночь, насъ всѣхъ заволокло.

Намъ жизнь не скорбь и не утѣха;
Въ нее нашъ вѣкъ лишь скуку внесъ;
Нѣтъ въ этой пошлой шуткѣ—смѣха;
Нѣтъ въ этой жесткой драмѣ—слезъ.

Порой, какъ силъ подземныхъ взрывы,
Насъ вѣсть бѣды всколышетъ вдругъ, —
И бытъ безпечный и лѣнивый
Охватятъ ужасъ и испугъ.

Но чуть лишь мы, затишью вѣря,
Отъ передряги отдохнемъ,
Какъ страхъ и злая похоть звѣря
Ужъ въ насъ смѣнились прежнимъ сномъ.

И вновь, унылой мглой одѣты,
Дни скучной тянутся чредой,
Какъ похоронныя кареты
За гробомъ улицей пустой . . .».

Въ глубокой старости скончался поэтъ, — старости, до которой не доживалъ ни одинъ русскій писатель (87 лѣтъ), но до конца жизни сохранилъ онъ непоколебимость убѣжденій и свѣжесть души. Уже почти семидесятилѣтнимъ старикомъ онъ пишетъ:

«Порой грущу, что старъ ужъ я;
Что чую смерти близкій холодъ
И жуткій мракъ небытія, —
Межъ тѣмъ какъ я душою молодъ
И животворный сердца пылъ
Еще съ лѣтами не остылъ».

Завидная жизнь и завидная старость, которыхъ мы, оставшіеся въ крошечномъ числѣ старики, болѣе или менѣе близкіе сверстники ушедшаго отъ насъ собрата, отъ всего сердца желаемъ уже пришедшему на нашу смѣну поколѣнію и будущимъ его преемникамъ. Дай Богъ имъ имѣть возможность на склонѣ лѣтъ, у края могилы, съ чистою совѣстью сказать то, чтò говорилъ въ своей «Прелюдіи къ прощальнымъ пѣснямъ» въ глубокой старости нашъ дорогой поэтъ:

«Дни жизни моей пронеслись быстролетной чредою,
И утро, и полдень, и вечеръ мои—позади.
Все ближе ночной надвигается мракъ надо мною;
Напрасно просить: подожди.

«Такъ пусть же пылаетъ свѣтильникъ души среди ночи;
Пусть въ пѣсняхъ прощальныхъ я выскажу душу мою,
Пока еще сномъ непробуднымъ смежающій очи
Конецъ не пришелъ бытію.

«Пусть выскажу то, о чемъ прежде молчалъ я лѣниво,
И то, что позднѣе мнѣ опытомъ жизни дано;
Моя не заглохла средь терній духовная нива;
Въ ней новое зрѣетъ зерно.

«Добромъ помяну все, что было хорошаго въ жизни;
Что умъ мой будило, что сердце плѣняло мое;
Въ послѣднемъ признаніи выскажу бѣдной отчизнѣ,
Какъ больно любилъ я ее.

«Напутствовать юное хочется мнѣ поколѣнье;
Отъ мрака и грязи умы и сердца уберечь. [паденья
Быть можетъ, средь нравственной скверны иныхъ отъ
Спасетъ задушевная рѣчь.

«А если бы пѣсни мои прозвучали въ пустынѣ, —
Я все же сказалъ бы, имъ честность въ заслугу вмѣня:
Что сдѣлать я могъ, то я сдѣлалъ, и съ миромъ ты нынѣ,
О, жизнь, отпускаешь меня».

Если кто имѣлъ право на то, чтобы «жизнь съ миромъ отпустила его», то это несомнѣнно тотъ, чью память мы чествуемъ сегодня. — Съ глубочайшимъ сочувствіемъ проводила его въ могилу и истинная поэзія, тѣмъ болѣе, что эти проводы совершились въ то время, когда въ область русскаго поэтическаго творчества хлынули, за весьма немногими исключеніями, мутныя волны дикой вакханаліи безстыднаго, переступившаго всѣ границы простой человѣческой нравственности, цинизма, какого то умышлен-

наго или невѣжественнаго коверканья всѣхъ элементарныхъ требованій искусства.

Покойному Жемчужникову — что̀ совершенно естественно и понятно—были глубоко противны эти грубыя профанаціи священнаго для него дѣла. Но пусть онъ утѣшится въ могилѣ, какъ утѣшаемся и мы: подобныя уродства становятся рано или поздно добычею времени и безслѣдно погибаютъ въ грязной, какъ они сами, пучинѣ, а истинная, чистая, святая поэзія безсмертна, какъ безсмертно то, чему она служитъ — *духовная красота* во всѣхъ ея лучезарнѣйшихъ проявленіяхъ! . . .

П. Вейнбергъ.

День рожденія Гоголя.

Съ давнихъ поръ считалось установившимся, что Н. В. Гоголь родился 19 марта (1809 г.). Кулишъ въ своей книгѣ «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя» (СПБ. 1856 г.), въ примѣчаніи на стр. 5 (I т.) опредѣленно говоритъ: «Онъ (т. е. Николай Васильевичъ Гоголь) родился въ 1809 г., 19 марта, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ». Дата 19 марта вырѣзана была на памятникѣ надъ могилой Гоголя въ Даниловомъ монастырѣ въ Москвѣ. Надгробная надпись такова: «Здѣсь погребено тѣло Николая Васильевича Гоголя. Родился 19 марта 1809, скончался 21 февраля 1852» (Великій Князь Николай Михайловичъ, Московскій Некрополь, т. I (1907), стр. 281). Эта дата встрѣчается и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, какъ напр. у Шенрока (Матеріалы для біографіи Гоголя, т. I, стр. 59), у Пыпина (Энциклопедическій словарь, т. IX, стр. 17), у Котляревскаго (Гоголь, 1908 г., стр. 1), и во всѣхъ учебникахъ, напр. у Незеленова, Сиповскаго и др.. Пятидесятилѣтіе послѣ смерти Гоголя (въ 1902 г.) вызвало цѣлый рядъ статей, и въ нихъ стало уже указываться, что общепринятая дата рожденія Гоголя ошибочна. Еще въ 1900 г. въ «Русской Мысли» № 2-й Вл. А. Гиляровскій напечаталъ свою поѣздку въ Миргородъ и Сорочинцы, гдѣ разсказалъ, какъ онъ разсматривалъ метрическую книгу съ записью о рожденіи Гоголя. Гиляровскій гово-

ритъ такъ: «Священникъ открылъ архивный шкафъ и вынулъ старую, но хорошо сохранившуюся метрическую книгу о родившихся за 1809 годъ. И здѣсь, въ срединѣ книги, на правой сторонѣ, внизу, стариннымъ твердымъ почеркомъ написано: «20 марта у помѣщика Василія Яновскаго родился сынъ Николай и окрещенъ 22 марта». Воспріемникомъ былъ «господинъ полковникъ Михаилъ Трахимовскій», «молитвовалъ и крестилъ священнонамѣстникъ Іоаннъ Бѣлопольскій». Въ Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. и словесн. Акад. Наукъ за 1902 г. кн. 2 (т. VII) г. Заболотскій въ своей статьѣ «Опытъ обзора матеріаловъ для біографіи Н. В. Гоголя въ юношескую пору», стр. 56, приводитъ только что указанную выписку изъ статьи Гиляровскаго, прибавляя отъ себя: «Такимъ образомъ этотъ оффиціальный документъ вноситъ точность въ спорный вопросъ о днѣ и годѣ рожденія Гоголя». А въ «Новомъ Времени» отъ 20 февраля 1902 г. № 9327 (иллюстриров. прилож., стран. 10), былъ помѣщенъ фотографическій снимокъ съ той страницы метрической книги, на которой находится запись о рожденіи Гоголя.

Несмотря, однако, на такія точныя указанія, все-таки продолжалось считаться днемъ рожденія Гоголя 19-е марта, и къ этому дню, по газетнымъ извѣстіямъ, стали готовиться въ различныхъ мѣстахъ къ юбилейнымъ торжествамъ, хотя время отъ времени и появлялись въ газетахъ указанія на 20-е марта, какъ на день рожденія Гоголя, обыкновенно съ ссылкой на статью Гиляровскаго.

Въ виду такой неустойчивости доселѣ въ вопросѣ о днѣ рожденія Гоголя, Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ обратилось къ директору Миргородской мужской гимназіи К. С. Шварсалону съ просьбой сдѣлать фотографическій снимокъ съ метрической книги съ интересующей записью. Г. Шварсалонъ прислалъ три снимка съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Согласно желанію Отдѣленія, выраженному въ отношеніи его ко мнѣ отъ 18 ноября с. г., за № 375, я поручилъ Мир-

городскому фотографу Фрогу сдѣлать снимки изъ метрической книги за 1809 годъ, хранящейся въ церкви Преображенія въ Великихъ Сорочинцахъ Мирг. у., именно съ тѣхъ страницъ, на коихъ имѣются записи о рожденіи и крещеніи Н. В. Гоголя.

Настоятель упомянутой церкви, о. Севастьянъ Павловичъ, былъ настолько любезенъ, что привезъ требуемую книгу въ Миргородъ, въ фотографію Фрога.

Самая книга состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, въ 10—12 листовъ каждая, обыкновеннаго формата писчей бумаги, бѣлаго и синеватаго цвѣта. Первая тетрадь начата въ 1805 г. Переплетъ сдѣланъ при нынѣшнемъ настоятелѣ церкви и имъ же надписанъ на наружной сторонѣ переплета заголовокъ книги.

Къ сожалѣнію, снять въ натуральную величину страницы оригинала нельзя было по той простой причинѣ, что соотвѣтствующаго размѣра аппарата и пластинки не нашлось у фотографа.

Мы съ о. Павловичемъ рѣшили сдѣлать три снимка:

1) верхняя часть первой страницы тетради на 1809 г.

2) бóльшая часть страницы, на которой сдѣлана запись о рожденіи и крещеніи Н. В. Гоголя и на которой есть заголовки: № по порядку записей, числа и др.

3) средняя часть той же страницы, при чемъ шрифтъ на этомъ снимкѣ нѣсколько крупнѣе оригинала.

Противъ записи о рожденіи Н. В. Гоголя поставленъ кѣмъ то крестъ (×).

Изъ 2 и 3 снимка видно, что въ книгѣ «19 марта» совсѣмъ нѣтъ: слѣдовательно, эта дата въ біографіяхъ Гоголя попала не изъ метрической книги».

Изъ присланныхъ трехъ снимковъ здѣсь снимки воспроизводятся №№ 1-й и 2, причемъ снимокъ № 2-й увеличенъ почти до размѣра оригинала.

Можно спросить: Отчего возникло такое разногласіе относительно дня рожденія Николая Васильевича?

Можетъ быть, «семейныя преданія» говорили, что онъ родился 19-го марта? Относительно этого мы имѣемъ слѣдующія свидѣтельства. Тотчасъ послѣ смерти Гоголя, въ апрѣльской книжкѣ 1852 г. «Отечественныхъ Записокъ» была напечатана Кулишемъ статья «Нѣсколько чертъ для біографіи Николая Васильевича Гоголя», въ которой авторъ отнесъ рожденіе Гоголя къ 1808 году, не указывая, впрочемъ, дня. Тотчасъ же, въ XXXV томѣ «Современника» Г(аев)скій напечаталъ небольшую статейку «Замѣтки для біографіи Гоголя», гдѣ говоритъ такъ (Отд. VI, стр. 142): «Изъ метрическаго свидѣтельства Гоголя (которое пишущій эти строки случайнымъ образомъ получилъ въ копіи, изъ Нѣжина, въ числѣ другихъ документовъ Гоголя) оказывается, что Гоголь родился 20 марта 1810 года»; въ примѣчаніи же онъ приводитъ этотъ документъ «вполнѣ», а именно:

Свидѣтельство.

«Малороссійской Полтавской губерніи, Миргородскаго повѣта, помѣщика коллежскаго ассесора Василія Аѳанасьевича Гоголь-Яновскаго сынъ Николай родился въ 1810 году марта 20, отъ законнаго брака его съ надворнаго совѣтника Ивана Косяровскаго дочерью Маріею, и по правиламъ греко-россійской православной церкви мною тогда же марта 22 окрещенъ, при воспріемникѣ военномъ совѣтникѣ Михаилѣ Трохимовскомъ, въ чемъ и дано ему, Николаю Гоголь-Яновскому, отъ меня сіе свидѣтельство. Января 10, 1821 года, Миргородскаго повѣта, мѣстечка Сорочинецъ Преображенской церкви протоіерей и благочинный Іоаннъ Бѣловольскій».

Изъ сопоставленія этого свидѣтельства съ подлинной метрической книгой видно, что протоіерей Іоаннъ Бѣловольскій писалъ его не на основаніи самой метрической книги, а на основаніи свѣдѣній, данныхъ ему, очевидно, тѣми, кто явился къ нему за полученіемъ свидѣтельства. Въ подлинной метрической книгѣ нѣтъ цѣлаго рода свѣдѣній, какія приводятся въ указанномъ Свидѣтельствѣ, а кромѣ того, нѣкоторыя переиначены. Оставляя въ сторонѣ 1810 годъ (см. о немъ ниже), должно

сказать, что относительно дня рожденія Николая Васильевича семейное преданіе въ данномъ случаѣ совпадало, слѣдовательно, съ документомъ: и по тому и по другому, Гоголь считался рожденнымъ 20-го марта.

Для дальнѣйшихъ соображеній слѣдуетъ упомянуть, что въ той же статьѣ Гаевскій приводитъ выданное Гоголю Дворянское свидѣтельство, изъ котораго слѣдуетъ, что Н. В. родился въ 1809 году. Въ этомъ свидѣтельствѣ, между прочимъ, читается: «...почему и сынъ его (т. е. Василія Гоголь-Яновскаго) Николай по спискамъ дворянскимъ при немъ Василіи въ семъ повѣтѣ состоитъ, имѣя нынѣ отъ роду 12-й годъ, въ чемъ подписью и приложеніемъ печати удостовѣряю. Миргородъ 25 августа 1820. Маршалъ дворянства Алексѣй Ломиковскій» (стр. 142—143, примѣч.). 12-й годъ въ 1820 году должно также относить къ семейнымъ преданіямъ, такъ какъ свидѣтельство выдано «Николаю Гоголь-Яновскому по прошенію отца его». Гаевскому былъ непонятенъ 12-й годъ, а потому онъ снабдилъ его знакомъ вопроса.

Черезъ два года послѣ указанныхъ поправокъ Гаевскаго Кулишъ печатаетъ въ «Современникѣ» «Опытъ біографіи Н. В. Гоголя», и тутъ, въ т. XLIII (1854) на стр. 40 своего изслѣдованія, примѣч. 3, говоритъ слѣдующее: «По показанію матери поэта, онъ (т. е. Н. В. Гоголь) родился въ 1810 году, 19 марта, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Она еще при жизни сына говаривала, что онъ «прибавляетъ себѣ лѣта».... При этомъ Кулишъ замѣчаетъ, что эти подробности, а также и другія (см. ниже) сообщилъ ему М. А. Максимовичъ, близко знакомый съ семействомъ поэта.—Такимъ образомъ, это показаніе матери могло быть вѣрнымъ относительно дня рожденія Гоголя, но безусловно невѣрно относительно года: не 1810, а 1809. И здѣсь, слѣдовательно, семейныя преданія точны только на половину. При этомъ надо имѣть въ виду, что указанныя свѣдѣнія Кулишъ получилъ не непосредственно отъ Марьи Ивановны, а черезъ посредство третьяго лица, что̀ подрываетъ нашу вѣру въ не-

преложность семейнаго преданія. Кромѣ того, въ сообщеніи Кулиша находится такого рода путаница. Тутъ же, въ этомъ же примѣчаніи Кулишъ пишетъ слѣдующее: «Можетъ быть, будущему біографу Гоголя полезно будетъ знать для какихъ-нибудь соображеній, что мать Гоголя имѣла дѣтей до его рожденія, но ни одинъ ея ребенокъ не жилъ болѣе нѣсколькихъ дней. Поэтому, въ ожиданіи новыхъ родовъ, она переѣхала въ Сорочинцы, гдѣ жилъ знаменитый въ то время малороссійскій врачъ Трофимовскій». — Въ слѣдующей своей книгѣ (Записки о жизни Н. В. Гоголя, 1856 г.), Кулишъ эти свѣдѣнія нѣсколько видоизмѣняетъ, говоря, что «мать Гоголя имѣла двоихъ дѣтей до его рожденія, но они являлись на свѣтъ мертвыми». Гоголь родился въ мартѣ 1809, а свадьба Марьи Ивановны съ Васильемъ Афанасьевичемъ была въ 1808 г. — промежутокъ слишкомъ малый, чтобы вѣрить, будто Н. В. былъ уже третьимъ ребенкомъ. На несообразность этихъ свѣдѣній уже обратилъ вниманіе Кирпичниковъ (Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя — Изв. отд. русск. яз. 1900 г. кн. 2, стр. 601).

Слѣдовательно, свѣдѣнія, сообщенныя Максимовичемъ Кулишу, достовѣрностью не отличаются.

Въ 1856 году Кулишъ имѣлъ подъ руками уже три даты: 1) 1810 года 20-е марта — показаніе приведеннаго Гаевскимъ метрическаго свидѣтельства, на которое онъ ссылается въ своей книгѣ, говоря, что «Марья Ивановна была дочь надворнаго совѣтника Косяровскаго, какъ это видно изъ его метрическаго свидѣтельства» (стр. 4); 2) 1810 года 19 марта—показаніе, доставленное ему Максимовичемъ, и 3) 1809-й годъ, выводимый изъ Дворянскаго свидѣтельства. Изъ этихъ трехъ датъ Кулишъ составилъ свою четвертую—1809 г. 19 марта, каковая дата и стала съ тѣхъ поръ считаться общепризнанной. Почему въ данномъ случаѣ въ опредѣленіи дня онъ положился на сообщеніе Марьи Ивановны (чрезъ Максимовича), а въ опредѣленіи года не повѣрилъ ни ей ни метрическому свидѣтельству— остается неизвѣстнымъ.

Такимъ образомъ, получается слѣдующее:

1) 1808-й годъ.	Первое указаніе Кулиша.
2) 1810 г. 20 марта.	Метрическое свидѣтельство, данное въ 1821 г. на основаніи *семейныхъ преданій.*
3) 1809 годъ (12-й годъ отъ роду).	Дворянское свидѣтельство, данное въ 1820 г. на основаніи *семейныхъ преданій.*
4) 1810 г. 19 марта.	*Семейное преданіе*, опубликованное въ 1854 г. черезъ *третье лицо.*
5) 1809 г. 19 марта.	Дата, принятая Кулишемъ въ 1856 г., *безъ доказательствъ.*
6) 1809 г. 20 марта.	Подлинная метрическая запись, хранящаяся въ ц. Преображенія въ Сорочинцахъ.

Отсюда слѣдуетъ:

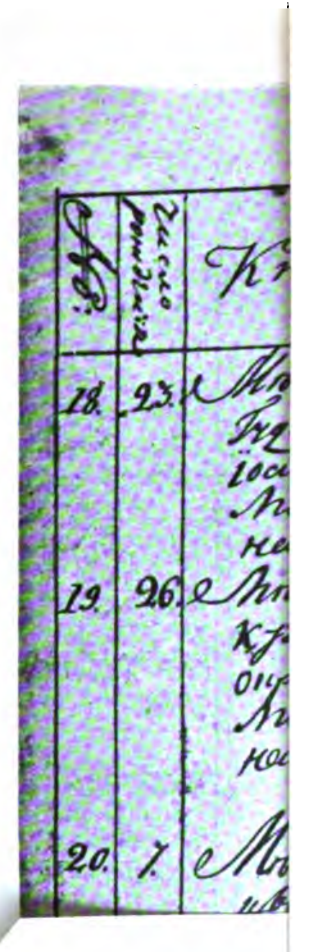
1) Семейныя преданія о днѣ и годѣ рожденія Н. В. Гоголя отличаются спутанностью и неустойчивостью.

2) У насъ нѣтъ точныхъ указаній на то, чтобы Н. В. Гоголь самъ считалъ днемъ своего рожденія 19 марта.

3) Подлинная метрическая запись указываетъ на 20-е марта 1809 г.

4) Оставляя, поэтому, въ сторонѣ различнаго рода соображенія, въ родѣ того, что Николай Васильевичъ, можетъ быть, родился въ ночь съ 19-го на 20-е, слѣдуетъ, на основаніи вышеприведенныхъ соображеній, оффиціально считать днемъ рожденія Николая Васильевича Гоголя 20-е марта.

В. Истринъ.


№
18. 23.
19. 26.
20. 7.

Славяно-молдавская лѣтопись монаха Азарія.

Имя лѣтописца монаха Азарія—далеко не новое имя въ румынской исторіографіи, но до сихъ поръ не только не былъ извѣстенъ его трудъ, но слѣдовъ послѣдняго искали совершенно не тамъ, гдѣ можно было бы найти. На его славянскую лѣтопись (летописецꙋлъ сѫрбескъ де Азаріє кълꙋгърꙋл или ꙋнъ летописецъ векїоу сърбескъ, де Азаріє кълꙋгърꙋл изводитъ) два раза ссылается Евстратій Логоѳетъ, дѣлавшій во второй четверти XVII вѣка дополненія къ древнѣйшей румынской хроникѣ Урѣке. Оба эти упоминанія о лѣтописи Азарія относятся къ событіямъ молдавской исторіи XV вѣка, и потому историки видѣли въ Азаріи составителя одной изъ недошедшихъ до нашего времени редакцій краткой славяно-молдавской лѣтописи отъ основанія Молдавіи и, повидимому, до начала XVI вѣка, гдѣ заканчиваются обыкновенно всѣ анонимныя славянскія лѣтописи румынскаго происхожденія.

Когда впослѣдствіи, послѣ двухъ изданій проф. І. Богданомъ польскаго перевода молдавской лѣтописи, сдѣланнаго въ Яссахъ Николаемъ Бжецкимъ въ 1566 году[1]), оба дополнительныя извѣ-

---

1) «Vechile cronice moldovenescĭ pănă la Urechia» (Букурештъ, 1891, стр. 173—179) и «Cronice inedite» (тамъ же, 1895, стр. 119—133). Раньше она была не точно напечатана Вуйцицкимъ и Хыждеу.

стія Евстратія Логоѳета нашлись въ этомъ именно переводѣ, то Азарію стали приписывать составленіе славянскаго (точнѣе тырновскаго) оригинала этого перевода. А такъ какъ, судя по польскому переводу, производящему впечатлѣніе перевода точнаго, оригиналъ въ общихъ чертахъ напоминалъ «путнянскую» славяно-молдавскую лѣтопись[1]), обнимающую періодъ 1359—1525 гг. (до смерти Петра, сына Богдана Темнаго) и сохранившуюся въ извѣстномъ сборникѣ Кіевскаго церковно-археологическаго музея при Духовной Академіи половины XVI вѣка, съ нѣкоторыми, впрочемъ, и отличіями, то І. Богданъ условно называлъ оригиналъ польскаго перевода—«путнянской II лѣтописью». Къ этому прибавимъ, что тотъ же историкъ предполагалъ, будто хроника Азарія могла быть составлена въ монастырѣ Быстрицѣ въ началѣ XVI вѣка («Vechile cronice moldovenescĭ, p. 27), а за нимъ подобныя предположенія повторялись и другими.

Приводить всю литературу вопроса объ Азаріи не будемъ уже потому, что она ограничивается обыкновенно одними предположеніями, въ основѣ своей неудачными и рѣдко даже остроумными. Кое-что приводится въ изслѣдованіи о Цамблакѣ (стр. 22, 273, 283—287), гдѣ мы склонялись къ тому, что Азарій былъ скорѣе только переписчикомъ или редакторомъ, чѣмъ составителемъ краткой славяно-молдавской лѣтописи отъ 1359 до начала XVI вѣк. Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, наше предположеніе подтвердилось недавно найденной рукописью.

I.

Такъ обстояло дѣло до недавняго открытія сборника молдавскаго письма Публичной Библіотеки, любезно указаннаго намъ И. А. Бычковымъ и содержащаго, среди нѣсколькихъ лѣтописей,

---

1) т. е. краткую погодную лѣтопись, написанную, по всей вѣроятности, въ монастырѣ Путнѣ.

о которыхъ скажемъ ниже, двѣ: одну—краткую, съ 1359 по 1518 годъ, какъ разъ той редакціи, съ которой сдѣланъ польскій переводъ въ 1566 году, другую—обнимающую событія 1552—1574 гг. и принадлежащую монаху Азарію, который въ заглавіи называетъ себя ученикомъ митр. романскаго Макарія, также занимавшагося составленіемъ лѣтописи 1504—1551 гг.

Такъ какъ первая изъ этихъ двухъ вновь открытыхъ лѣтописей въ рукописи анонимна, Азарію же принадлежитъ совершенно неизвѣстная раньше и сравнительно поздняя лѣтопись, то приписывать ему составленіе краткой лѣтописи 1359—1518 г., какъ это дѣлалось раньше, теперь не представляется возможнымъ. Такимъ образомъ, всякія предположенія прежнихъ историковъ имѣютъ значеніе только для полноты вопроса объ Азаріи. Ввиду же ошибочнаго толкованія его мы находимъ, повторяемъ, излишнимъ передавать его исторію и переходимъ къ описанію рукописи.

Рукопись Публичной Библіотеки (О. XVII, № 13), содержащая лѣтопись, переписана скорѣе въ началѣ XVII вѣка, чѣмъ въ XVI, какъ значится на ея корешкѣ. Въ Библіотеку она поступила, повидимому, до 40 годовъ минувшаго столѣтія. Это—сборникъ малаго формата ($15 \times 10^1/_2$ сент.), на 328 листахъ плотной бумаги. Письмо—типичное Молдавское, четкое, красивое, крупное, хорошо сохранившимися чернилами, по 17 строкъ на страницѣ. Правописаніе—тырновское, съ обычными для позднихъ молдавскихъ текстовъ руссизмами.

Содержаніе сборника:

л. 1. Безъ заглавія и начала. Конецъ службы Богородицѣ.

л. 2 об. канѡ блгодарест'ве҃ прѣстѣи бци емоуже краегранесїе сицево. радости прїатилище. тебе пѡбае ра҇ᵡᵒвати҇ едино҇.

л. 19. паракли҇ иже въ сты҇ оца нашего николы.

л. 31. чинь како по҇бае҇ пѣти паракли҇ стомоу великомчнкоу и побѣдоносцꙋ хвоу гешргїю.

л. 41 об. млнїе и блгодаренїе къ гоу нашемоу іу хꙋ.

л. 43. прп҇бнаго ѿца наше҇ паисіа е҇ на въсѣ҇ дн҇ь м҇лашеса.

Нач. Гн҇и г҇ѵ х҇е б҇е на҇. б҇лгыи дн҇ь даж҇ь ми съмиреніе, без҇-грѣшно, нескв҇рно.....

Далѣе слѣдуютъ молитвы отца Макарія, Антіоха, предъ сномъ и др., Григорія Двоеслова, Стефана Дивейскаго, м҇лтвы ѿ събл҇азни вражіа, ег҇да съмжще҇ еси въ сънѣ (л. 74 об.), м҇лтва ѿ помысла неприазнина, и ѿ бл҇уда, другая отъ того же, ежедневныя молитвы на сонъ грядущимъ.

л. 85. начало полонощници.

л. 86 об. ст҇го бе҇каго свѣти҇ника іωа҇на зл҇атст҇а м҇ м҇лбныа. въ число к҇. и д҇ ре҇ часω҇ нощедн҇ьствіа, дневныя и нощныя.

л. 88 об. рѣчи избранны ѿ ст҇ы҇ писаніи, ѕѣлω полезна.

Нач. Пом҇лоуи ма г҇и д҇ша моа злѣ бѣсит҇са. избави ма ѿ лжкаваго. и да бжде҇ волѧ твоа въ мнѣ...

л. 89 об. сл҇ѹ҇ба на ѡс҇щеніе водѣ. егда хощеши. налі҇авше съсж҇ и постави҇ въ припратѣ. и твори҇ іереи бл҇веніе и т. д.

л. 103. м҇ца іѹніа е҇. слѹжба ст҇го великом҇нка іωанна новаго. на велицѣи вечерни.

л. 124 об. ч҇тніи паракл҇и ст҇омоу іωанноу новомоу.

Запись южно-русской скорописью XVII—XVIII вѣка на л. 137 об.:

кто спитъ до слонца схода
щаго тои не вн҇иде пекла
горащаго.

л. 138. послѣдованіе бываемоу (sic) ω оусωпшіи҇ инωкы҇. Конецъ утраченъ.

л. 162. чинь бываемыи велика҇ и агг҇льскаго ωбраза.

л. 200. ωглашеніе въ крат҇цѣ великаго и аггл҇каго ωбраза. Конецъ утраченъ.

л. 207. Безъ заглавія, утраченнаго вмѣстѣ съ листомъ. «Сказаніе въ кратцѣ лѣтωмь сжщимь ѿ Адама до нынѣшнѣго врѣмене родωмь». Первыя сохранившіяся въ рукописи слова.... лѣ҇ м҇. дв҇ь, м҇ лѣ҇. соломо҇ сн҇ь его, м҇, лѣ҇. Послѣднее извѣстіе,

1490 года: оумре кра͏ оугръскꙑ матїа. и в црыградꙋ знаменїе ве͏ко сътворися.... просто тако живѫщимии въсѣми. См. ниже.

л. 225. сказанїе въ кра͏цѣ. ѡ мо͏давскꙑх господарехъ. Краткая молдавская лѣтопись 1359—1518 гг. См. ниже.

л. 238. сїа иже до зде ѿ ихъже прѣжде на͏ съписателїи, любомѫдръствоваса. и блгополоучнѣ съставлена бꙑша. и намь чадомь ихъ многоч͏тнѣ прѣдаша. а ѿ ихже съпотроуждена бꙑша. въсѣчьскы намь невѣдомо. ѿ блгоподражателен ѩвѣ ѩко:—Лѣтопись романскаго митр. Макарія съ его же продолженіемъ, начинающимся на л. 270 словами: Въ сих и сицевых веледшныи, дръзосрѣдыи, прѣвывала и строа.... См. ниже.

л. 278 об. до здѣ постиже съплетенїа рыторства ѡца макарїа. начнѣм оубо и мы хꙋдыи. того оученикъ бывыи азарїа.

Новооткрытая лѣтопись Азарія. Текстъ напечатанъ ниже.

л. 310. Безъ заглавія. Вопросы и отвѣты апокрифическаго характера, главнымъ образомъ объ Адамѣ, перечисленіе народовъ, названія вѣтровъ (греческія), горъ и т. д.

Нач. въпро͏. коимь гласѡм гла въ адамоу, и ев'ѣ. ѿвѣ͏. еүреискымь. въпро͏, како семоу ѩвленно и истино имѣеть. ѿвѣт по именимь пръвых. слыши, адамь, по еүренском, глетса члкь, евва животь....

Изъ отдѣльныхъ вопросовъ приведемъ: колико е͏ книгь въ всѣх ѩзицѣх. ѿвѣ͏, бі кни͏, д книгь съборни, ѩже и д исто͏ници из' едема истѣче͏. и д оуглъ земли. и д вѣтров'. и д гѡри, и по͏ сим по двѣ послѣди, слыши, а кнга евреиска. и пох себѣ б име пох слѣх, егүпетскою. и аравїискоу. ха͏деиска, сирѣ сирїанска. сїа е͏ в, и раж͏ае͏ армѣн'скоу. и индиискоу. г елинска. и пох сїа дѡве͏ска, еже е͏ иверска. и скутска. сирѣ͏ влъгар'ска. д италиска, еже е͏ римска. пох себѣ имѣж, оулванскоую и келтескꙋ и (sic). и инь ѩзыкь, и и (sic) книга не именоуетса на въсѣм свѣтꙋ. кромѣ написаних, о ѩзыкь. бі, избранных еже и книгь имѣжт. д кни͏, главнꙑ. по сем разоумѣи образь. д еѵ͏листи. е съборнꙑ апль, и о прочїих.

Какъ бы въ видѣ отдѣльной статьи, выдѣленной киноварнымъ заглавіемъ, среди вопросовъ помѣщено: а о адамовѣ лъвини (Нач. Възе҃м лъвинѫ дїаво҃л адамовѫ. . . .).

л. 319. сказанїе ѿкѫдꙋ, и въ кое врѣмѧ приведесѧ. бж҃твное писанїе ѿ гръчьска҃г ѧзыка въ блъгар'скаго [1]).

ѡвѣ ѡко при п'толомеа цр҃ѣ. бы҃с посъмотренї҃ю бж҃їе, и прѣве҃дсѧ ѿ евреиское писанїе въ ел҃линско. ѿ о҃. прѣво҃дникь прѣж҃де съшествїа хв҃а. т҃а лѣто. по съшествїе и къплъщенїе г҃а нашего і҃с х҃а. въ напокони врѣмень, въ лѣто ѕ҃ и т҃о. прѣве҃дсѧ бж҃ тв'ное писанїе и въ бьлгар'ско҃м ѧзыкѡ҃м. ѿ бг҃оп҃осланы҃х ст҃ы҃х мж҃ъ, испов҃ѣдникь и равноап҃льны҃х. кѷриль. медодїе климентъ. наоумь. гѡрасдѡ. аггеларїе. и лаврентїе. з҃ число҃м по съмотренїе бж҃їи. ѡко и о҃ при цр҃ѣ птолома. и сїа приобрѣтошѧ словеса проти҃в ѧзыкоу. в҃, ѕ҃, ж҃, ш҃, щ҃, ц҃, ч҃, ъ҃, ѣ҃, ѥ҃, ю҃, е҃. И семоу сице вѣ҃дти, како намещати слово къж҃до на мѣстѣ. и срокꙋ, и сілꙋ, и прочїи҃х вѣлегь въ бж҃твно писанїе. ѡко да не невѣщьствїемь. кѡришь и хꙋлишь. и ереси меташ҃и оу списанїе.

л. 321. Лунныя таблицы.

Рукопись переплетена въ кожу съ тисненіями, повидимому, въ началѣ XIX вѣка, и на корешкѣ вытѣснено: *сборникъ полууставомъ XVI вѣка. Отд. XVII № 13.*

Составъ сборника можетъ дать нѣкоторыя указанія развѣ на то, что въ мѣстности (въ монастырѣ), для которой онъ былъ переписанъ, почитались Іоаннъ Новый, или Сочавскій, и Георгій Побѣдоносецъ. Это говоритъ скорѣе о сѣверной Молдавіи, можетъ быть, о Сочавѣ, гдѣ храмъ митрополіи — во имя Георгія; тамъ же находятся и мощи Іоанна Сочавскаго. Въ рукописи содержится еще молебенъ св. Николаю: въ Сочавѣ также есть церковь въ честь этого святого.

Не даютъ вполнѣ опредѣленныхъ указаній на мѣстность, гдѣ появился сборникъ, и двѣ позднія румынскія записи скорописью, записи плохо читаемыя и неполныя.

1) Въ рукописи эти слова не выдѣлены киноварью изъ текста статьи и представляютъ какъ бы первыя ея фразы.

Первая изъ нихъ, 1749 года, написана внизу по полямъ листовъ 1—6 об.:

скри.. ↑ конДика сфнтин мънъстир . . . . некориц ла лет ҂ѕсмз. ап. кѳ. ши ман сънт.. ант ко . . . . (?) а мънъстирин тот скри ↑ кон ди... че аре сфънта мънъстире каре е фъкѹтъ аче кондикъ.

Изъ записи видно только, что 29 апрѣля 7257 года какой-то Никорица вписалъ что-то (очевидно — свое пожертвованіе) въ «кондику»[1]) неизвѣстнаго монастыря, и что въ той же «кондикѣ» раньше было записано еще нѣчто, повидимому, имъ же.

Вторая запись, 1739 года,—на поляхъ листовъ 19—23:

ши . . . . а лѹи антохи вод анѹме костандин ши дѹмитрашкѹ ау скулат (?) ши ау луат хотинѹл ши аѹ винит ши ла еш ши аѹ прьдат ешин ши тоть цара молдовин де ла нѣтрѹ пе ↑н тоате ши пън ла фокшан ши тот пѣкоть (?) аѹ предат тоть цара ↑н домние лѹи глигори вод ↑бла велетѹл ҂з мии сеп ↑ и ѕиле. ши саѹ дѹсла ноеври ↑ к зиле, т. е., «и сыновья[2]) Антіоха воеводы, по имени Константинъ и Думитрашко, поднялись и взяли Хотинъ, и пришли и въ Яссы и ограбили и Яссы и всю молдавскую землю отъ Днѣстра во всѣ (стороны), даже до Фокшанъ, и все начисто ограбили они всю страну въ правленіе Григорія воеводы. Было лѣто 7248, сентябрь 8 день, и ушли (они) въ ноябрѣ 20 дня».

Въ записи упоминаются событія, имѣвшія мѣсто вслѣдъ за взятіемъ Хотина въ августѣ 1739 году фельдмаршаломъ Минихомъ и предшествовавшія приходу его въ Яссы. Минихъ послалъ собирать провіантъ двухъ перешедшихъ на сторону Россіи сыновей господаря Антіоха Кантемира, изъ которыхъ одного желалъ сдѣлать господаремъ въ Молдавіи: «и гдѣ они только находили,—говоритъ одинъ изъ румынскихъ хронистовъ - современниковъ,—то брали, въ томъ числѣ и лошадей всѣхъ, и помѣщичьихъ, и турецкихъ, такъ какъ ослабѣли ихъ (т. е. русскихъ

---

1) Кондика—книга, въ которую переписываются документы, касающіеся монастыря или церкви, а также наиболѣе крупныя пожертвованія.

2) По смыслу: въ записи первыя слова не понятны.

войскъ) лошади». Константинъ явился въ Яссы 2 сентября 1739 года, а за нимъ и Минихъ [1]).

II.

Такимъ образомъ, въ сборникѣ Публичной Библіотеки содержится шесть лѣтописей:

I. Краткая всемірная хроника отъ Адама до византійскаго императора Мануила Палеолога (1425), обыкновенно озаглавленная сказанїе въ кратцѣ лѣтѡмь сѫщимь ѿ Ядама до нынѣшнѣго врѣмене родѡмь. Начиная съ третьяго вѣка, событія расположены въ ней по вселенскимъ соборамъ. Въ рукописи нѣтъ начала (до Соломона) и заглавія.

По сборнику Кіевскаго церк.-археол. музея напечатана І. Богданомъ въ Archiv'ѣ Ягича, Bd. XIII, 4, ss. 502—520.

II. Краткая сербо-турецкая хроника отъ кончины краля Стефана (1355) до кончины венгерскаго короля Матіаша и знаменій въ Царьградѣ (1490), нерѣдко захватывающая событія и другихъ государствъ Балканскаго полуострова и прилежащихъ странъ и составляющая продолженіе предыдущей.

Напечатана тамъ же, ss. 520—525 по той же рукописи; по рукописи Публичной Библіотеки издана будетъ нами въ особой статьѣ.

III. сказанїе въ кратцѣ ѡ молдавскыхь господарехь отъ основанія Молдавіи (1359) до битвы господаря Стефана Молодого съ татарами между Прутомъ и Чугромъ (1518).

Первоначальный (тырновскій) текстъ этого Сказанія до сихъ поръ не былъ извѣстенъ, и какъ упоминалось нами въ предисловіи къ настоящему очерку, о существованіи славянскаго текста заключали только на основаніи польскаго перевода, сдѣланнаго

---

1) *А. Д. Xenopol*, Istoria romånilor, vol. IX, p. 63.

Николаемъ Бжецкимъ въ Яссахъ въ 1566 году съ какой-то краткой славяно-молдавской хроники, близкой къ такъ-называемой «путнянской» (написанной въ монастырѣ Путнѣ). Въ отличіе отъ послѣдней, оригиналъ Бжецкаго условно назвали «путнянской II» лѣтописью. Польскій переводъ изданъ I. Богданомъ два раза— (см. выше въ предисловіи къ нашему очерку). На основаніи того, что два историческія извѣстія въ польскомъ переводѣ совершенно совпадали съ извѣстіями, которыя приводитъ хронистъ XVII вѣка Евстратій Логоѳетъ въ дополненіи къ Урѣке, называя свой источникъ «славянской лѣтописью Азарія»[1],—и раньше дѣлались предположенія о существованіи тырновскаго оригинала для перевода Бжецкаго, но Азарію приписывалось *составленіе* краткой лѣтописи XV вѣка на славянскомъ языкѣ. Какъ увидимъ дальше, Азарій могъ быть только переписчикомъ, пожалуй, редакторомъ этой краткой лѣтописи, и ее онъ прибавилъ въ началѣ къ собственному историческому труду, предъ трудомъ митр. Макарія, найдя въ готовомъ видѣ.

Изданіе новооткрытой лѣтописи и изслѣдованіе о ней нами приготовлены къ печати.

IV. Молдавская лѣтопись (лѣтописанїє) романскаго митрополита Макарія отъ вступленія на престолъ господаря Богдана (1504) до вторичнаго вступленія на престолъ господаря Петра Рареша (1542).

Сравнительно съ изданіемъ ея I. Богданомъ по той же кіевской рукописи (Vechile cronice, pp. 149—162), вновь открытый текстъ даетъ рядъ болѣе удачныхъ чтеній, новую редакцію сообщенія о помазаніи на царство Петра Рареша рукой митр. Ѳеоктиста, нѣкоторые цѣнные варіанты для исправленія текста, небольшія фактическія прибавленія и т. д.

V. Продолженіе той же лѣтописи митр. Макарія, написанное имъ впослѣдствіи на собственное же предложеніе въ концѣ пре-

---

1) О посвященіи сочавскаго митр. Ѳеоктиста сербскимъ патр. Никодимомъ и о началѣ турецкой дани въ Молдавіи при господарѣ Петрѣ Аронѣ.

дыдущаго труда приблизительно около 1542 года: а еже по сихъ что или кое приключившеся слово съпишеть. Лѣтопись обнимаетъ періодъ послѣднихъ лѣтъ правленія Петра Рареша (1541—1546), сына его Иліи II (1546—1551) и самое начало правленія Стефана VII (1551). Кончается она извѣстіемъ о возвращеніи автору ея, митр. Макарію, романской каѳедры, и похвалой новому господарю.

Это продолженіе лѣтописи Макарія раньше не было извѣстно, какъ осталось оно неизвѣстнымъ и продолжателю труда Макарія, игумену Евѳимію, писавшему о томъ-же періодѣ по-славянски, а также и Урѣке, писавшему по-румынски въ первой половинѣ XVII вѣка.

Текстъ продолженія лѣтописи Макарія, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о текстѣ основной его лѣтописи по двумъ спискамъ, приготовленъ нами къ печати.

VI. Молдавская лѣтопись монаха Азарія, составляющая продолженіе только что упомянутаго прибавленія Макарія (Ѿкждѹ же и до нынѣ прѣста) и обнимающая событія отъ трагической смерти господаря Стефана VII въ 1552 году до такой же трагической смерти Іоанна Злого въ 1574 году, слѣдовательно—періодъ въ 22 года. Хроника озаглавлена: до зде постиже съплетенїа рыторства ѡтьца Макарїа; начнѣмь оубо и мы, хоудыи того оученикь быьыи, Азарїа, и написана по тѣмъ же литературнымъ пріемамъ и въ томъ же духѣ, что̀ и трудъ учителя и предшественника Азарія.

Азарій былъ современникомъ и отчасти свидѣтелемъ описанныхъ имъ событій, почему они отличаются точностью[1]). Съ послѣдней точки зрѣнія его лѣтопись пріобрѣтаетъ интересъ еще потому, что историческую ея достовѣрность можно отчасти про-

1) Очевидно, желая довести эту точность до безупречности, а быть можетъ, слѣдуя литературной манерѣ хронистовъ-художниковъ, Азарій почти ни разу не опредѣляетъ дней мѣсяцевъ, и этотъ пріемъ отчасти повторяется и у Урѣке, широко пользовавшагося трудомъ Азарія.

вѣрить по лѣтописи игумена Евѳимія, не знавшаго работы Азарія такъ же, какъ и онъ не зналъ работы перваго. Правда, сравненіе можетъ быть сдѣлано относительно немногихъ событій, такъ какъ Евѳимій говоритъ только о началѣ правленія Александра Лопушняна и заканчиваетъ свою лѣтопись разсказомъ объ основаніи монастыря Слатины въ сентябрѣ 1555 года, но не упоминаетъ объ освященіи монастыря 14 октября 1557 года. Поэтому лѣтопись послѣдняго—значительно бѣднѣе, и новое въ ней для того же періода, описаннаго Азаріемъ, исчерпывается главнымъ образомъ слѣдующими извѣстіями: 1) о современныхъ началу правленія Александра Лопушняна событіяхъ въ Валахіи: изгнаніи Радула (Иліаша), поставленіи на престолъ Мирчи (Чёбана), затѣмъ — сверженіи Мирчи и поставленіи Петрашка (Добраго, 1554—1557) по приказу султана Сулеймана; 2) объ основаніи монастыря Слатины — подробный разсказъ, изъ чего обыкновенно заключаютъ, что лѣтопись Евѳимія была составлена тамъ же. Кромѣ того, и единственная рукопись, содержащая эту хронику,— Кіевскаго церковно-археологическаго музея № 116 — переписана Исаіей «отъ Слатины».

Лѣтопись Азарія появляется въ печати впервые. Переходя къ ея разбору, нужно еще разъ указать на то, что она ничего общаго не имѣетъ съ той славяно-молдавской краткой лѣтописью, которая въ открытой рукописи занимаетъ третье мѣсто и могла бы быть приписана раньше Азарію только по недоразумѣнію. Это—не обычная южно-славянская, въ частности молдавская, лѣтопись, т. е. не краткій перечень событій съ датами, а совершенное во многихъ отношеніяхъ и вполнѣ литературное произведеніе въ стилѣ византійскихъ хронистовъ времени упадка, особенно въ стилѣ Константина Манасіи. Она написана въ торжественно-приподнятомъ тонѣ, съ изысканными витіеватыми выраженіями, впрочемъ, взятыми большей частью напрокатъ изъ Манасіи, съ красивыми сравненіями, рѣчами, размышленіями историческихъ дѣятелей, полными движенія эпизодами, собственными лирическими отступленіями автора и т. д. Обращаетъ на себя послѣдо-

вательное образованіе сложныхъ прилагательныхъ, эпитетовъ и опредѣленій, частью взятыхъ въ готовомъ видѣ изъ указаннаго источника, частью же составленныхъ Азаріемъ вновь. Даже даты очень рѣдко обозначаются у него просто, а почти всегда— описательнымъ способомъ, напр. лѣтωмь теченіе тогда ѿдажщоу..... цифра л. 281; по прѣтеченіи втораго лѣта царства своего л. 282; при девѣтѣмь же лѣтѣ царства л. 285 об.; лѣтомь числа тогда бѣ цифра л. 290 об.; тогда лѣто (sic) текѫщемь цифра л. 294; сїа събыстъсѧ въ лѣтъ искони текѫщихъ цифра л. 295 и т. п., хотя у Макарія даты описываются много сложнѣе. Условная литературность достигается еще тѣмъ, что, какъ упоминалось уже, Азарій въ очень рѣдкихъ случаяхъ сообщаетъ числа мѣсяцевъ, хотя онъ, какъ современникъ, могъ и долженъ былъ знать ихъ въ точности.

Изъ первыхъ же словъ лѣтописи Азарія мы узнаемъ, что писать онъ сталъ послѣ кончины своего учителя и предшественника по исторической работѣ, митр. Макарія, слѣдовательно, послѣ 1 января 1558 года. О работѣ своего предшественника Азарій говоритъ въ такихъ выраженіяхъ: съплетенїа ры͗торства; хытрословнѣ оукрашати повѣсть и т. п. Подробно и тепло описывая кончину его, Азарій говоритъ, что своей книжной дѣятельностью Макарій, ꙗко источникъ, по истинѣ бѣ мыслънымѧ воды проливаѧ строуѧ и нашѧ сръдьца напаѧ оумнѣ. Далѣе онъ называетъ его ѿьць нашь и оучитель молдавскыи; въ наказанїи доблестьвень, въ словесехъ хытръ и благонскоусень и ѕѣло вѣдокъ, аще кто инь, ꙗкоже съпослоушествоуеть о немь вышеписанное ѿ него лѣтописанїа и на мнωжаиша. Кромѣ общихъ литературныхъ пріемовъ, морально-поучительной оцѣнки историческихъ лицъ и событій, хронологической связи между обѣими лѣтописями, наконецъ, теплаго отношенія къ своему учителю и предшественнику, обращаетъ на себя вниманіе еще замѣтное нежеланіе Азарія противорѣчить Макарію, хотя фактическія данныя для этого несомнѣнно были. Такъ, Стефана VII Макарій хвалитъ, то же самое дѣлаетъ и Азарій, а игуменъ Евѳимій и

Урѣке (работъ другъ друга они не знали) единогласно и рѣзко осуждаютъ этого господаря, рисуя его изувѣромъ и отступникомъ. Далѣе, Азарій ничего не говоритъ противъ Елены, жены господаря Петра Рареша, по навѣтамъ которой Макарій былъ лишенъ каѳедры (объ этомъ такъ же рѣзко говоритъ Евѳимій), повидимому, опять потому, что самъ Макарій не упоминаетъ о роли господарыни въ своемъ несчастіи.

Изъ терминологіи Азарія, характеризующей собственную литературную работу, отмѣтимъ такое выраженіе: начнѫ и..... съврьшѫ плести повѣсти слова. Говоря о высокихъ достоинствахъ лѣтописи Макарія, онъ умаляетъ себя: нѫже прѣдати нынѣшнемоу писанїю продлъжатисѧ слова не хощемь; или въ другомъ мѣстѣ: аще и не до сытости въкоусихомь (относится къ образному выраженію «струи мысленой воды» л. 279). Наконецъ, въ заключеніи лѣтописи онъ еще разъ извиняется: елико оумомь достигохь. На источники Азарій не ссылается ни разу, очевидно, считая достаточнымъ уже того, что писалъ онъ о событіяхъ, которыхъ былъ современникомъ и свидѣтелемъ. Поэтому нѣтъ у него ссылокъ и на другихъ лицъ, нѣтъ и выраженій, указывающихъ на какое-нибудь сомнѣніе, на недостовѣрность и т. п., что̀ такъ часто дѣлаетъ Урѣке. Одинъ только разъ, по поводу происхожденія господаря Іоанна Злого, онъ оговаривается: и не вѣмь, кто и ѿкѫдоу и чїи синь бѣ л. 302 об.

Азарій сталъ писать а) по повелѣнію господаря Петра (Хромого, по порядку V, 1574—1579 и 1582—1591), котораго онъ называетъ «вторымъ», очевидно, въ отличіе отъ Петра «стараго», т. е. Рареша, б) съ благословенія митрополита Анастасія, очевидно, сочавскаго и по порядку второго (1572—75 и 1577—81 г.), и в) по ходатайству логоѳета Іоанна Голіи. Послѣдній извѣстенъ главнымъ образомъ, какъ основатель монастыря во имя Вознесенія въ Яссахъ около 1546 года и вкладчикъ, пожертвовавшій нѣсколько рукописей [1]).

1) Кое-что перечислено въ нашихъ «Славянскихъ и русскихъ рукописяхъ румынскихъ библіотекъ», стр. 136—138, 363—365 и др.

Вслѣдъ за общими выраженіями, касающимися митр. Макарія и его лѣтописи, Азарій проситъ прощенія у читателя, если онъ забудетъ дату (лѣтомь слъньцоу теченїе) или опуститъ какой нибудь фактъ, такъ какъ ему приходится говорить о событіяхъ, происшедшихъ давно (многоврѣменствїа ради прѣшедша). Изъ этого можно заключить, что о первыхъ по мѣсту въ лѣтописи событіяхъ писалъ онъ по воспоминаніямъ, приблизительно лѣтомъ 1574 года, къ которому относятся послѣднія по мѣсту событія. Такое наблюденіе подтверждается еще отсутствіемъ ряда выдающихся подробностей при описаніи событій 50 годовъ, болѣе точно опасанныхъ у Евѳимія, начавшаго свою историческую работу по повелѣнію только что вступившаго тогда на престолъ господаря Александра Лопушняна, а хроника Евѳимія Азарію осталась неизвѣстной.

III.

Начинаетъ Азарій свой обзоръ съ правленія Стефана (по порядку VII, 1551—1552), котораго называетъ «предреченнымъ» очевидно потому, что о послѣднемъ писалъ и Макарій. Хронистъ Евѳимій называетъ Стефана Молодымъ; у него же и у Урѣке находимъ отрицательную характеристику Стефана, которой нѣтъ у Азарія.

Первое извѣстіе въ вновь открытой хроникѣ — возмущеніе противъ Стефана бояръ, бѣжавшихъ раньше въ Польшу и теперь предлагавшихъ нѣкоторымъ изъ придворныхъ Стефана свергнуть господаря и самимъ получить молдавскій престолъ. Господарь былъ убитъ подъ шатромъ у моста около Цецоры на Прутѣ въ сентябрѣ 1552 года, правивъ страной всего 1 годъ и 4 мѣсяца. Евѳимій знаетъ болѣе точную дату смерти Стефана (30 сентября) и періодъ правленія его считаетъ 1 годъ, 2 мѣсяца и 2 недѣли. Сообщенія же Урѣке относительно умерщвленія Сте-

фана совершенно сходятся съ открытой славянской лѣтописью, даже упоминается шатеръ: și aŭ tăĭatŭ ațele *cortuluĭ* (Cronicile Romănieĭ, vol. I, ed. 2, p. 108). Очевидно, это — собственное толкованіе Урѣке словъ Азарія «подъ шатромъ»; румынскій хронистъ поясняетъ ихъ, или скорѣе самъ рисуетъ такую картину: «и перерѣзали веревки шатра».

Послѣ этого тѣ же бояре-бѣглецы избрали господаремъ боярина изъ своей среды, по имени Александра, человѣка воинственнаго, красиваго, тихаго и кроткаго. При помощи польскаго короля Августа (Сигизмунда) они безпрепятственно вошли въ Молдавію, собрали народъ, чиновниковъ, епископовъ и боярскій совѣтъ и въ городѣ Хырлэу, въ господарскомъ дворцѣ, возвели Александра на престолъ. Это—Александръ Лопушнянъ (1552—1561 и 1564—1568). Сразу же всѣ стали довольны новымъ господаремъ. Когда въ Молдавіи наступилъ моръ, и Александръ съ грустью долженъ былъ увидѣть пустоту въ казнѣ, то онъ очень скоро собралъ значительныя суммы путемъ добровольныхъ даяній (ѿ дароносцѧ) и натуральныхъ повинностей — ѿ доходкы[1]). Во второй годъ правленія онъ женился на дочери одного изъ прежнихъ господарей, Петра Стараго (Рареша), Роксандѣ; отъ нея у него было два сына, Богданъ и Петръ, и онъ заботился объ ихъ воспитаніи и книжномъ обученіи. Объ Александрѣ, какъ правителѣ, Азарій отзывается съ похвалой, отмѣчаетъ его миролюбивое отношеніе къ сосѣдямъ, построеніе большого и прекраснаго монастыря Слатины, попеченіе объ остальныхъ монастыряхъ и храмахъ Молдавіи, постройку новыхъ, благотворительность нищимъ, обновленіе господарскаго дворца и т. д. Изъ отдѣльныхъ событій первыхъ лѣтъ правленія Александра Лопушняна лѣтописецъ говоритъ а) объ участіи Александра, вмѣстѣ съ валашскимъ господаремъ Петрашкомъ (Добрымъ, по счету II, 1554—57), въ возведеніи на венгерскій престолъ короля Сте-

1) Кромѣ этого мѣста (л. 282), слово доходкы встрѣчается у Азарія еще разъ, гдѣ рѣчь идетъ о монастырскихъ доходахъ (л. 305).

фана, по желанію турецкаго султана Сулеймана, въ 1556 году, б) о суровой зимѣ, очевидно, въ концѣ 1557 года, в) о кончинѣ митр. романскаго Макарія 1 января 1558 года и погребеніи его въ монастырѣ Рышкѣ учениками, г) о преемникѣ Макарія, Анастасіи, который послѣ 14 лѣтняго правленія романской епархіей получилъ сочавскую каѳедру, д) о внезапномъ приходѣ изъ нѣмецкихъ земель въ предѣлы Молдавіи Деспота (Якова Гераклида). Это былъ человѣкъ искусный въ военномъ дѣлѣ, и пришелъ онъ сюда въ сопровожденіи разноплеменнаго войска съ цѣлью получить господарскую власть (владычьство хотѧ въсхытити). Наконецъ, идетъ рѣчь о сраженіи Деспота съ войсками Александра у Вербіи на рѣкѣ Жижіи, о пораженіи и бѣгствѣ послѣднихъ и т. д.

Описываемое событіе относится къ 10 (или 18) ноября 1561 года (лѣтопись опредѣляетъ его только приблизительно—въ девятый годъ правленія Александра) и можетъ служить характернымъ примѣромъ для представленія о литературной манерѣ Азарія. «Нѣкоторые изъ авангарда (ѿ пръвоборци),—говоритъ онъ, описывая битву на Жижіи,—оказались измѣнниками воеводы и первые устремились въ бѣгство; остальные же обратились вспять—кто куда—и были разсѣяны (врагомъ). А воевода остался сражаться одинъ съ немногими и понялъ измѣну. «О горе!—со стенаніемъ сказалъ онъ.—Лучше мнѣ жить со звѣрьми, чѣмъ съ невѣрными людьми», и спасся на быстрыхъ коняхъ, въ бѣгствѣ достигъ города Яссъ и приготовился ко второй битвѣ. Деспотъ же, взявъ крѣпость Сочаву, въ которой нашелъ много богатствъ, раздѣлилъ (ихъ) между воинами. И верхняя часть страны покорилась ему, причемъ и тѣхъ (—жителей) онъ переманилъ на свою сторону ложными и очень льстивыми словами, и снова поднялся на сраженіе противъ Александра. Видя, что враги окрѣпли, тотъ оставилъ смуту и съ немногими убѣжалъ въ крѣпость Килію, найдя тамъ господарыню Роксанду, которая послана была (сюда) раньше. И немалый былъ плачъ о несчастіяхъ и о лишеніи власти. И сказалъ господарь: «о, господарыня, перестанемъ плакать!

Изъ за чего ты сѣтуешь? Если мы, по Іову, получили доброе отъ руки Господней, то неужели не вытерпимъ злого? Господь далъ—Господь взялъ. Какъ Господу угодно—такъ и случилось». И, какъ премудрый, остроумно задумалъ онъ самое полезное: спѣшно направился въ городъ султана. Но, предупредивъ (его), Деспотъ (также) послалъ и дарами, а больше обѣщаніями, расположилъ къ себѣ князей и воиновъ султанскихъ: такъ какъ ослѣплены они были наградой. И посланъ былъ отъ султана скипетръ Деспоту, который перемѣнилъ (свое) имя на Іоанна. Когда же Александръ достигъ города султана, то вмѣсто успокоенія увидѣлъ скорбь и горесть, потому что отосланъ былъ далеко въ заточеніе—о, бѣдствія!—въ Иконію за море. Тогда былъ плачъ <слезъ> и немалое стенаніе по случаю разставанія съ господарыней, дѣтьми и друзьями. И жилъ онъ тамъ, надѣясь увидѣть (лучшее) будущее, постоянно молясь Богу, чтобы Онъ не покинулъ его совсѣмъ».

Затѣмъ Азарій оговаривается: «здѣсь у меня пусть подождетъ повѣствованіе объ этомъ», и переходитъ къ характеристикѣ Деспота. Кромѣ общихъ выраженій, рисующихъ отрицательный образъ новаго господаря-узурпатора, лѣтописецъ перечисляетъ слѣдующіе реальные факты: Деспотъ обложилъ населеніе тяжелыми поборами, относился пренебрежительно къ православнымъ обычаямъ, привелъ съ собой иновѣрныхъ совѣтниковъ—«богомерзкихъ лютеранъ» (лѡтори), не любилъ монастырей, отбиралъ у монастырей серебряные и золотые сосуды, снималъ съ иконъ драгоцѣнные камни и бисеръ, украшая этимъ себя,—и этимъ уподобился Валтасару. Такія обстоятельства даютъ Азарію поводъ излить горестное чувство въ типичномъ для южнославянскихъ книжниковъ XVI—XVIII вв. короткомъ «плачѣ». Власть Деспота окончилась только послѣ возстанія бояръ подъ предводительствомъ Томши, человѣка красиваго, храбраго, сильнаго, смѣлаго. Бояре устрашили Деспота, пустивъ слухъ о нашествіи на Молдавію одного «разбойника» (исикарѣ, на самомъ дѣлѣ—казака) Думитрашка (Вишневецкаго). Деспотъ послалъ

противъ него авангардъ изъ нѣмцевъ, венгровъ, испанцевъ, поляковъ, а также часть боярскаго совѣта и туземныхъ войскъ, назначивъ военачальникомъ Томшу. И когда въ августѣ 1563 года все это войско дошло до Чугра, то часть авангарда, очевидно, состоявшая главнымъ образомъ изъ румынъ, напала на иноземный элементъ отряда и разбила его, такъ что не осталось никого, кто могъ бы принести печальное извѣстіе Деспоту.

Воины тотчасъ же провозгласили господаремъ Томшу, который принялъ новое имя, Стефана, и устремились на Деспота. Послѣдній заперся въ Сочавской крѣпости вмѣстѣ съ приближенными. Стефанъ осадилъ крѣпость. Въ это время явился сюда Думитрашко съ большимъ количествомъ воиновъ-разбойниковъ (т. е. казаковъ) и хотѣлъ самъ захватить господарскую власть. Молдавское войско оставило осаду и вышло противъ Думитрашка. Произошла битва у моста Верчиканскаго на рѣкѣ Серетѣ. Враги были разбиты на голову, самъ Думитрашко съ нѣсколькими воинами схваченъ живымъ и связанный отправленъ въ Константинополь къ султану Сулейману, гдѣ былъ казненъ, а остальные осуждены на работы. Томша опять вернулся къ Сочавѣ, успѣлъ подбодрить войско. Осада велась при помощи разныхъ ухищреній: сдѣланъ былъ подкопъ подъ ворота, на валы поставлены осадныя пушки (тѧжкыѧ и ѡгненосныѧ ѡрѫжїа, сирѣчь поушкы), началась бомбардировка.

«Удивительная вещь!—восклицаетъ по этому поводу румынскій хронистъ.—Видѣлъ ли кто-нибудь или слыхалъ, чтобы наша крѣпость нами же самими безъ пощады была бы обстрѣливаема? Но это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы гнѣздящійся въ ней змій разбилъ себѣ голову. И былъ шумъ и крики и снаружи и снутри. И иногда враги побѣждали насъ, иногда мы ихъ. И длилась битва день и ночь, и кровопролитіе, и гибель воиновъ почти четыре мѣсяца. Въ концѣ концовъ произошла междоусобная брань такимъ образомъ. Былъ (среди осажденныхъ) венгръ девешъ [1]) по

1) У Урѣке—Петръ называется *Деревичъ*, капитанъ пѣхоты; Николай Костинъ исправляетъ на *Петръ Веверичъ*, Cronicele Romȃnieĭ vol. I, 217.

имени Петръ. И когда онъ разговаривалъ съ осаждающими о покорности, Деспотъ позвалъ его къ себѣ и сказалъ: «Петръ! я нашелъ, что ты предаешь крѣпость измѣной и намѣренъ способствовать нашей смерти. Но ты раньше насъ испустишь духъ!» И затѣмъ вынулъ саблю, и (Петръ) былъ тамъ заколотъ. Отъ этого смутились и другіе и пожалѣли его. И настала вражда и недовѣріе между ними, между венграми и нѣмцами, въ отношеніи къ Деспоту. И съ той поры они искали для себя мира и вымолили себѣ пощаду жизни страшными клятвами. Тогда вывели и Деспота вонъ изъ крѣпости. И смяли его и потоптали, и вкусилъ онъ презрѣнную смерть, позорную чашу».

Это было, по Азарію, въ ноябрѣ 1564 года[1]). Тѣмъ временемъ султанъ вспомнилъ томившагося въ заточеніи бывшаго господаря Александра, возвратилъ ему скипетръ и богато одарилъ его. Но прежде, чѣмъ начать управленіе Молдавіей, Александру пришлось нѣкоторое время выжидать въ Браилѣ, такъ какъ Томша сжегъ часть владѣній Валахіи, привелъ на Молдавію татаръ, грабившихъ, сжигавшихъ все и уводившихъ людей въ плѣнъ. Томша думалъ дать серьезный отпоръ законному господарю, но затѣмъ, ограбивъ господарскую сокровищницу, убѣжалъ въ Польшу. Въ Львовѣ, по приказу Сулеймана, онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ совѣтниками своими.

IV.

Продолжаемъ обзоръ новооткрытой лѣтописи.

Такимъ образомъ, послѣ перерыва втеченіе двухъ лѣтъ и пяти мѣсяцевъ, въ мартѣ 1564 года Александръ снова «увидѣлъ день свободный», вызвалъ изъ Валахіи жену и дѣтей и со славой продолжалъ, по хронисту, правленіе въ прежнемъ духѣ, причемъ авторъ слишкомъ мягко говоритъ о нечеловѣческомъ умерщ-

1) На самомъ дѣлѣ Деспотъ былъ умерщвленъ 5 ноября 1563 года.

вленіи Александромъ 47 бояръ, а этой казнью справедливо возмущается Урѣке[1]).

Кратко говоритъ затѣмъ Азарій о походѣ Сулеймана въ 1566 году на «землю аламанскую», гдѣ султанъ умеръ въ іюлѣ мѣсяцѣ, процарствовавъ 42[2]) года и оставивъ престолъ сыну Селиму, и кончаетъ изложенную часть лѣтописи подробнымъ разсказомъ о болѣзни Александра и смерти въ мартѣ 1568 года. «На четвертый же годъ своего вторичнаго правленія Александръ впалъ въ сильный и смертельный (конєчныи) недугъ и понялъ, что это—смерть, призвалъ священноначальниковъ и іереевъ и всѣхъ духовныхъ лицъ и, сопровождая многими божественными назиданіями, передалъ скипетръ самодержавія сыну своему Богдану. И еще живымъ полюбилъ онъ будущую жизнь больше настоящей и вмѣсто вышитой золотомъ порфиры надѣлъ на себя грубыя и монашескія (одежды), и украшеннымъ бисеромъ и драгоцѣнными камнями вѣнцамъ предпочелъ жизнь въ постриженіи главы. И въ ангельскомъ чинѣ былъ переименованъ Пахоміемъ; однако, недолго поживъ, уснулъ сномъ, отъ котораго не просыпаются, и общимъ для всѣхъ» и т. д.

Въ виду малолѣтства Богдана (на самомъ дѣлѣ ему было 15 лѣтъ), правила мать его Роксанда, а административная власть принадлежала логоѳету Гавріилу и гатману (єпархъ) Димитрію. Здѣсь помѣщенъ панегирикъ Роксандѣ, преимущественно въ общихъ похвалахъ. Интересно сообщеніе Азарія о болѣзненности господарыни, которая «всегда въ мягкихъ постеляхъ успокаивала свое тѣло». Въ ноябрѣ (по другимъ источникамъ — 11 или 12) 1570 года она умерла и похоронена въ построенномъ ею и мужемъ монастырѣ Слатинѣ.

---

1) Азарій ограничился почти стереотипнымъ выраженіемъ: и ꙗкси оумилєнѣи кончины прѣдасть, и это же выраженіе встрѣчается въ его лѣтописи въ разсказѣ объ убійствѣ боярами Стефана Молодого въ 1552 году: и оумилєнѣ закланъ бысть подъ шатромъ, л. 280 об. Оно же встрѣчается и у митр. Макарія: прѣдрєченныи сказници оумилєнѣ исклашѧсѧ, Vechile cronice, p. 151 (въ румынскомъ переводѣ I. Богдана опущено, стр. 212).

2) Урѣке—44 года.

Повѣствованіе о началѣ самостоятельнаго правленія Богдана начинается общей характеристикой-похвалой, гдѣ извѣстную цѣнность имѣетъ упоминаніе о воспитаніи «въ книгахъ», о доблести, храбрости и любви къ военнымъ упражненіямъ. Но затѣмъ Богданъ очень скоро подвергается дурному вліянію людей, которыхъ Азарій называетъ «чародѣями» и «глумотворцами». Юный господарь сталъ увлекаться разными удовольствіями, конскими ристаніями, раздавалъ товарищамъ по развлеченіямъ и «смѣхотворцамъ» всякое имущество, въ томъ числѣ вышитыя золотомъ и мѣховыя одежды. Далѣе, онъ окружилъ себя совѣтниками-поляками, казна истощалась, архіереевъ господарь не слушался, благоразумныхъ совѣтниковъ и видѣть не хотѣлъ, наконецъ, презиралъ свою страну и обыкновѐнно жилъ гдѣ-нибудь у границы, около предѣловъ Польши.

Затѣмъ Азарій обѣщаетъ разсказать о «чернотѣ чернѣйшаго ворона».

Въ Родосѣ жилъ въ заточеніи какой-то Іоаннъ, человѣкъ темнаго происхожденія, выдававшій себя за представителя царскаго рода. При посредствѣ подкуповъ и другихъ ухищреній ему удалось получить отъ султана молдавскій престолъ. Богданъ узналъ, что новый господарь находится уже на Дунаѣ, и, послѣ короткаго самостоятельнаго правленія втеченіе 1 года 4 мѣсяцевъ, бѣжалъ за границу (на самомъ дѣлѣ — сначала въ Польшу, а затѣмъ въ Москву, гдѣ и умеръ), а Іоаннъ сѣлъ на престолъ. Сталъ онъ всѣми способами собирать золото, казнить и мучить разнообразными пытками бояръ, «съ однихъ, какъ съ овецъ, сдирая кожу, другихъ разрѣзая на четверо, иныхъ заживо погребая». Не дѣлалъ онъ исключенія и инокамъ, мучилъ ихъ, отнималъ монастырское имущество; между прочимъ, Іоаннъ велѣлъ сжечь епископа Георгія: «былъ и тотъ лихоимцемъ и очень неуступчивымъ, и (Іоаннъ) взялъ много богатствъ епископа» [1]). Сверхъ

1) Сообщая о сожженіи епископа Георгія живымъ, Урѣке говоритъ только, что господарь «обвинялъ его въ содомскомъ грѣхѣ, услыхавъ, что тотъ имѣетъ богатства», Cronicele Romăniei, I, 225.

всего, Іоаннъ хулилъ священныя изображенія на иконахъ и на стѣнахъ, явившись такимъ образомъ вторымъ Кипронимомъ, заставлялъ людей работать въ праздники и воскресенія, самъ женился въ великомъ посту и т. д.

Услышалъ о такихъ дѣлахъ турецкій султанъ и передалъ власть Петру (Хромому), внуку Михни валашскаго и брату валашскаго Александра. Слѣдуетъ краткая характеристика-похвала Петра. Петръ думалъ сѣсть на престолъ безъ всякой битвы, но Іоаннъ собралъ войско, среди котораго хронистъ упоминаетъ слѣдующіе роды оружія: **стрѣлци, копїиници, желѣзоωдежници, бръвници, тоулоносци, шлѣмци, щитници**, предалъ огню пограничныя турецкія крѣпости Бендеры и Браилу, чуть не половину земли валашской,—пока султанъ не выслалъ противъ него свое войско, художественно описанное въ хроникѣ въ общихъ выраженіяхъ. Произошла битва у озера Кагула (**оу Кахоулѣ езера**), Іоанна схватили и казнили слѣдующимъ образомъ. Его привязали къ двумъ верблюдамъ, которые его растянули, а затѣмъ разорвали на двѣ части. Въ то же время въ Молдавію ворвались татары, грабя и сожигая города до Романа, уводя жителей въ плѣнъ и т. д. Въ общихъ выраженіяхъ, сильно и художественно описано общее настроеніе, выражено негодованіе по адресу Іоанна, а затѣмъ дана характеристика перваго логоѳета Іоанна Голіи, который, какъ мы уже знаемъ, побудилъ монаха Азарія написать лѣтопись. Описанныя только что событія относятся къ іюню 1574 года, и послѣдній отрывокъ — очень красивая похвала-привѣтствіе господарю Петру съ краткой молитвой къ Богу о долгоденствіи и мирномъ правленіи новаго господаря.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе лѣтописи Азарія. Новыхъ историческихъ извѣстій она даетъ сравнительно мало потому, что ею широко пользовался Урѣке, у котораго найдемъ иной разъ буквальный переводъ отдѣльныхъ выраженій Азарія, но, согласно обычаю перваго румынскаго хрониста, онъ не называетъ своего источника, а потому послѣдній въ данномъ

случаѣ можно опредѣлить только путемъ сравненія обоихъ текстовъ. Опускаемъ пока эту работу главнымъ образомъ потому, что не существуетъ еще вполнѣ научнаго изданія текста хроники Урѣке, а устарѣвшее изданіе ея М. Когальничану, какъ на это указывалось уже не разъ, оказывается въ концѣ концовъ не болѣе, какъ дилетантской работой.

Поэтому приходится ограничиться работой надъ славянскимъ текстомъ Азарія, безъ отношенія къ нему хроники Урѣке, и обратиться къ литературной сторонѣ лѣтописи.

V.

Литературные пріемы Азарія носятъ въ общемъ совершенно тотъ же характеръ, что̀ и Макарія. Это наблюденіе не нуждается даже въ подтвержденіяхъ, тѣмъ болѣе, что оба они подражали византійскому хронисту Константину Манасіи. Не трудно убѣдиться, что литературныя дарованія, а главное, литературный тактъ у Азарія—много выше, чѣмъ у его учителя и предшественника по исторической работѣ. Рядъ одинаковыхъ выраженій у Макарія и Манасіи приводится въ изслѣдованіи І. Богдана (Vechile cronice moldovenescĭ, pp. 78—89), а недавно въ сборникѣ болгарскаго клуба въ Тульчѣ имъ же открытъ тырновскій текстъ хроники Манасіи молд. происхожденія XVI—XVII в.: прѣмѫдраго Манасіа и лѣтописца събраніе лѣтно ѿ създаніа мироу начинаѫщее и текѫщи до самого царства кѵрь Никифѡра Вѡтаниѡта, за которой слѣдуетъ краткій лѣтописецъ, ѿколи начѧса произволеніемь божіемь Молдавскаа землѣ [1]). Такое соединеніе двухъ историческихъ трудовъ въ рукописи еще разъ косвеннымъ образомъ говоритъ о Манасіи, какъ образцѣ для мол-

---

1) Описаніе рукописи—въ нашихъ «Славянскихъ и русскихъ рукописяхъ румынскихъ библіотекъ», стр. 839—842.

давскихъ хронистовъ. Кромѣ одинаковыхъ, правда, очень немногихъ выраженій у Азарія и Макарія, кое-что у Азарія является впервые и выдаетъ непосредственное подражаніе Манасіи.

Прежде всего приведемъ рядъ сложныхъ опредѣленій-эпитетовъ у Азарія (буквой М. обозначены такія, которыя находятся и у Макарія; буквой Е.—и у Евѳимія):

безмѣстнаа (о немь дѣемаа)
бещѧдно (очи обзорнѣ).
благоискоусенъ митр. Макарій.
благонадежденъ господарь Томша
благообразенъ господарь Александръ и съвѣтникъ.
благосъмыслѧщихъ (съвѣтникъ)
благоутѣшными (милостинѧми)
богатодавца
великодаровитаа Роксанда, мать Богдана.
великодоушіе митр. Макарія
великодоушна Роксанда, мать Богдана.
велерѣчивъ (чловѣкъ) Іоаннъ Гераклидъ.
великокрилнѣ (птицоу . . . . . подобенъ). М.
великооуміе митр. Макарія.
веселоокъ господарь Петръ
въсѣлѫкавыи (врагъ = дьяволъ) и Іоаннъ Гераклидъ.
въсесънѣдномоу (огню. . . . прѣдасть).
въсечьстнѣ (скѫтано . . . тѣло)
высокостепенія (власти).
главопостриженіе (обловиза житіе)
глоумотворцѧ (дальше—глоумцемь)
глѫбокооуменъ (чловѣкъ) Іоаннъ Гераклидъ. М.
гръдообразны (перси)
гръдооумныхъ (плъкъ). М.
даронoсцѧ (ѿ...)—отъ жертвователей.
доброзданіи (постройки) митр. Макарія
доброзраченъ господарь Томша.

добрококсїѫ (ѡтроковицѧ)
доброрастень (юношѧ)
добросъмыслень (мѫжь)
доброоучителниѧ (словесы).
дръзосръди (мѫжїе) и господарь Томша.
желѣзоѡдежници—латники.
ѕвѣровиднимь (татаромь) М.
ѕвѣронравнаго (пришествїа)
златогонителю Іоаннъ Гераклидъ.
златолюбїемь (прѣлъстишасѧ царевы кнѧѕи)
златонескѫдно (очи обзорнѣ)
златотканїа (златоплетенень М) (порфири или ризы)
златоточна (рѣка....)
златооукрашенихь (на кѡнихь)
златохранѧщаѧ (домы) = казна
зловѣтръныи (мразь).
злодыхателныи (сѣверникь = сѣверный вѣтеръ. У М.—западникь въ томъ же значеніи).
злолютыи (ѩдь)
зломѫтнаго (плънь града.... облакь)
злообрѣтныѧ (лъсти)
злообычнїи (татари)
злотворче Іоаннъ Гараклидъ
красновидныѧ (жены)
кръвопїице Іоаннъ Гераклидъ
кръвопролитїе
крѣпкоратнѣи (брань)
крѣпкорѫкь господарь Томша.
любомѫдръцехь (въ....) митр. Макарій.
любослышателемъ (о читателяхъ).... ръцѣмь оубо слово или слово да скажемь
младоѡбразныѫ (дѣвицѫ)
мнѡгобогатними (дарми) М. и многобогатниѧ (скровище).
многоболѣзньно (живота)

многоболѣзньноѫ (старостїѧ)
многоврѣменствїа (ради)
многоврѣменьнїи (животь)
мнѡгодрѣвномоу (д. б. ѡгню... быша снѣдь). М.
многоласкателными (словесы)
многокъзнень (чловѣкь) Іоаннъ Гераклидъ. М.
многосвѣтлаа (денница).
мнѡгострадальное (прѣбыванїе)
многочловѣчнѫѧ (брань)
мѫжеоумна Роксандра, мать Богдана.
мъздоприлогми (обѣть оувѣть дааше)
маснодѫщїи (птенци)
невъстаѫщїимь (и общїимь... сънимь)
ѡгненосныѫ (ѡрѫжїа сирѣчь поушкы)
остроорѫжныхь (на кѡнихь).
остроoумнѣ (помысли)
отмъстителныи (пламень).
правдосѫдѧ (мѫжь)
праводоушень господарь Богданъ
проѿстѫплъшихь (болѣры)
пръвоборци. = авангардъ. Ср. въ «Словесахъ наказательныхъ» І. Нягоя: воиники сирѣчь самоборце (по изд. П. Лаврова, стр. 49); для обозначенія «авангардъ» (мн. ч.) Нягой говоритъ: страже; пръваа, втораа стража.
пръвосъвѣтникы (— главные бояре)
прѣизмащныи митр. Макарій
прѣоухыщрнишѧ вельможи Деспота.
прѣсловимыи Думитрашко
раболѣпнѣ (томꙋ поклонишѧсѧ)
радостовидень господарь Петръ
ратоборенїе
рѣчиточьца (ѡтьца)
самохотноѫ (волеѫ)
сверѣпосръдимь (татаромь) (— сръдїе М.)

свѣтлодоушень (мѫжь)
свѧтолѣпнѣ (скѫтано..... тѣло).
свѧтопочившїи митр. Макарій
свѧщенноначѧлники — архіереи
скоропернатѣиши (птицꙋ.... подобень).
скиптродръжанїе М.
словоположникь (логоѳеты Голія и Гавріилъ). М.
смѣхотворцемь.
сребростроуѧ (рѣка).
соуемѫдръномь (нравѡмь)
твръдонырнѣ (въ... градѣ Ѳоучавы) Е.
твръдопръсть господарь Томша.
троудолюбнѣ (съписана бышѧ) и о митр. Макаріи.
тоулоносци
хвалословими (перси)
хоудоперѣи (птицꙋ... подобень) М.
храбросръдь господарь Богданъ
хытрословнѣ (оукрасити повѣсть).
цвѣтокрасителныѧ (пѣнїа)
чиноначѧлникы — служилые бояре.
ѡролъвни (мѫжїе) (лъвоѡростень М.)
ѧзыконачѧлїемь.
ѱонравнїи (татари).

Списокъ сложныхъ словъ можно было бы увеличить еще нѣсколькими десятками примѣровъ, но и приведенныхъ вполнѣ достаточно [1]). Совпаденіе съ образнымъ языкомъ Макарія у Азарія

1) Въ этотъ списокъ мы не вносимъ, конечно, такія сложныя слова, которыя нисколько не характерны ни для молдавскихъ лѣтописцевъ, въ томъ числѣ и для Азарія, ни для Манасіи, напр. прѣславныи, богомръскыи, междоусобна (брань), благородныж (дѣти), боголюбивїи, прѣдлежещїи, боголюбивь, благолѣпень, вышереченныи, благочьстивыи, прѣоукрашень; невъзбранно, прѣмѫдрѣ, благоразоумнѣ, богоугоднѣ; иноплеменникь, зловѣрїе, благосостоанїа, тръвлъненїа воурѧ, благотворенїьми (иже къ цръквамь), цѣломѫдрїе, благодѣанїе, самодръжьць, лѣтописанїе, съмиреномѫдрїе; ироуготовасѧ, прѣдпослана бѣ, длъгословѧ и мн. др. Слишкомъ обычныя въ сла-

ограничивается какимъ-нибудь десяткомъ примѣровъ, а остальное взято имъ непосредственно изъ Манасіи; полное почти отсутствіе одинаковыхъ выраженій у Азарія и Евѳимія еще разъ подтверждаетъ наше наблюденіе о взаимномъ незнакомствѣ обоихъ хронистовъ съ литературными трудами другъ друга.

VI.

Слѣдующій отдѣлъ въ литературномъ анализѣ лѣтописи Азарія—всякаго рода образныя выраженія, опять выдающія ближайшій образецъ молдавскаго писателя XVI вѣка — хронику Манасіи. Такія образныя выраженія мы приводимъ только изъ повѣствовательной части лѣтописи Азарія, а не изъ сочиненныхъ имъ же рѣчей и размышленій историческихъ лицъ, такъ какъ въ послѣднихъ языкъ самъ по себѣ долженъ быть витіеватымъ и, согласно литературной манерѣ, удаляться отъ выраженій, имѣющихъ значеніе реальное въ точномъ смыслѣ слова.

прѣбывающа благочьстнѣ, царствоуѩ и строѩ л. 279 об.

лѫкавыи врагь, не трьпѩ на длъѕѣ доброе ретьство л. 279 об. и 280.

скровнымь постигше писанїемь л. 280 об.

оукрадаѫть облъганїемь слабоумїа ихь л. 280 об.

водеть его юность л. 280 об.

лѣтѡмь теченїе тогда ѿдаѫщоу .... л. 281.

закѡны царстїи и дръжава не ѿлагаашеса л. 281.

на высотѫ царства Алеѯандра възведшѡа л. 281 об.

въсхотѣ народоу рѫкы раздати л. 282.

прилежѩ обзорнѣ по въсѩдоу расматрѣѩ и строѫ, ꙗко оумовить л. 282 об.

вяно-византійской письменности, эти и другія сложныя слова, тѣмъ не менѣе, очень идутъ къ общему колориту стиля Манасіи и его подражателей и еще болѣе усиливаютъ красивый ихъ языкъ.

видѣ бо, ꙗко въсѣкь, въкоусивыи блага въ жити семь, нѣсть съмръти невъкоусно л. 282 об.

аще волить богъ жити въ ржкотворенахъ, и въ семь въсѣко прѣбываеть л. 283.

преподобнѣ и богооугоднѣ конець житїю прїать л. 284.

(тѣло) въсечьстнѣ и сватолѣпнѣ скжтано бысть своими оученикы л. 284.

аще кто хощеть разоумѣти великооумїе его, доброзданїи храмь оувѣрить емоу вещь л. 284.

въ словесехъ хытръ, и благонскоусень, и ѕѣло вѣдокъ, аще кто инь л. 284 об.

и ина мншжаниша, ихже прѣдати нинѣшнемоу писанїю продлъжатиса слова не хощемь л. 285.

имы цъвти въ лице, паче же въ сръдце его л. 285.

аще прикладно есть и о семь ꙗвѣ ꙗко въспоминати, иже на пжти прилежить словоу повѣсти, да речемь оубо л. 285 об.

събравь ѿ въсего ꙗзыка мжжїе къ боренїю хытри, храбри, ꙗролъвни, дръзосръди, въ пособїе себѣ и т. д. л. 285 об.

вида врагы прѣдварѣжще его, о семь оуꙗзвѣетса сръдцемь л. 286.

пръвѣе погледаша на бѣгство л. 286 об.

прочїи же въспатишаса инь инде л. 286 об.

приложив же и тѣхъ себѣ лъжними и многоласкательными словесы л. 287.

пакы къ боиство на Алеѯандра въста л. 287.

ꙗко прѣмждръ, остроумнѣ помысли полезнѣиша л. 287 об.

къ царствоужщимь градѣ (вм. дат.) спѣшно оутвръди лице л. 287 об.

въ тишинѣ мѣсто, скръбь и горесть видѣ л. 288.

ꙗко полѹчи съвръшеное обладанїе, из начала кротокь себе ꙗвлѣа и неправдж ненавидѣ л. 288 об.

по малѣ же съкръвеныи ꙗдь и злолютыи, егоже въ сръдци имѣше, начать обьꙗвити и въ неправдж оуклониса л. 288 об.

въси ѿ сръдечныѧ срѣды богови жалостнѣ молѧщеса избавитиса ѿ сего лютаго нѡктеи л. 289 об.

прѣклони же сѧ симь богъ и тѧчамь слъзнымь вънать, и оущедри молѧщимса оусръдно л. 289 об.

пръвѣе съвѧзавше его страшними клатвами л. 290.

благонадежденъ быти оувѣришѧ емѹ л. 290 об.

онъ же, топлотѫ по благочьстїе имы, прїемъ съвѣты ихъ л. 290 об.

върѫчивъ началникъ быти тѣмъ Томшѧ, не вѣдыи кѡвъ л. 290 об.

абїе оустръмишаса ревностїю, ꙗко стрѣлы млънїины, на намѣренїе на Деспота перещѧще л. 291.

онъ же, сїа ꙗко оуслыша, въстрасеса сръдцемъ, и подвигъ немалъ обьать его л. 291.

кръвїа (вм. — їѫ) напоена сътвориша полѣ тѣмъ, и землѧ прикрывъ ꙗвлъшаѫса троупїамь на стаанѫ оубїеныхъ л. 291 об.

тамо Димитрїе лютѫѧ испивъ чашѫ сьмръти л. 292.

непщоуѧ о семъ Томшѧ скиптродръжанїе ѿ царѣ прїати, нѫ вътъще сълагаса надежда его л. 292.

зане да, иже въ немъ гнѣздѣиса, зъмїи главѫ съкроушитъ л. 293.

клатвами же страшными свои животь испросивше л. 293 об.

попранъ бысть и изгнетенъ и окааннѫѧ съмрътъ въкоусивъ, чашѫ поноснѫѧ л. 294.

абїе призвана къ себе сътвори его л. 294.

радости испльниса тогда воевода и въскочи ѿтѫдоу, ꙗко ѡрелъ ѿ сѣтеи л. 294 об.

Томшѧ .... подвигсѧ оумомъ и о доуши печашеса и, иже съ нимъ, бѡлѣръ; нѣсть бо чьстнѣише доушеѫ, ни высотѫ царскыѧ, ни власти наслажденїа, ни богатъства имѣнїа, — и ѿскочи въ лѣшеска землѣ л. 295 об.

избѣгнѫти же мнѣса ѿ неизбѣжныхъ и въсемогѫщихъ дланїи, нѫ не възможе л. 295 об.

чьсть же достоинства Алеѯандроу доспѣ—и вънидє, никтоже възбранѣжща его бѣ, и вѣнцемь пакы одѣася, и владыка второе показася л. 296.

особлень бысть дръжавы Ӗ лѣта и Ē мѣсяць л. 296.

пакы видѣ Алеѯандръ воевода дьнь свободень л. 296.

пакы въсїа лоуча благодати православїа, и исчезе главнѣ дымащїа зловѣріе л. 296.

Ѡбѣже зыма мръскыхъ лоторь помраченѫ, и процъвте веснѫ, иже въсѣкоѫ твари радости виновнѫ: цръквамь благостоанїа, глагола, и въ мѣсто влънь въсмїася л. 296 об.

събра, иже прѣжде лъсти растражщихъ, навѣтникы, паче же Ѡметникы, болѣрь и въси оумиленнѣи кончины прѣдасть л. 296 об.

Ѡсели оутолися тръвлънинїа боура и прѣплаваашеся житейскаа безъ съмѫщеніе пѫчинѫ л. 296 об.

доухъ божїи прѣмо дыхааше ѕефирь благочьстїа л. 297.

бѣхѫ веселящеся въси въкоупѣ о наслаждени благъ, и въ страсѣ божїи жизнь кръмлѣхѫ, и милостынѣми, иже къ нищимь, и благотворенми, иже къ цръквамь, въсегда оумастѣша си доушѫ л. 297.

въста великыи царь перскыи Ѳоулїимень и въздвигь съ собоѫ множьства тъмь люди и оустръмися къ прѣатїю земли аламанїистѣи л. 297 об.

пооученми мнѡгыми божествеными растворивь, и скиптра прѣдасть самодръжества синоу своемоу л. 298.

възлюби бѫдѫщаа паче настоѫщаа и, въ мѣсто златотканїа порфыри, власѣныя и черничьскыя на ся прїемь и, въ бисерныя и камени чьстныя вѣнца, главопостриженїе облобиза житїе л. 298.

камень, прикривь толикаго мѫжа, ни хѹждьша милоуеть, ни лоучша щедрить, въкоупѣ же въсѣхъ полагаеть л. 298 об.

одоушевлень бѣ раи, благодатьми садовыя въ себе храня л. 299.

по въсждоу очи обзорнѣ златонескждно и бещждно, на оутѣшеніе неджгѡмь бѡримымь тжча источаа благотвореними..... благодатьми ржкы наплънѣаше и т. д. л. 299 и об.

рѣка бѣ сребростоуа, и ниціи напоишаса, и почръпоша до сытость л. 300.

день дьне притажжаахж ви неджзи и бреніе тѣлеснаго естьства прошаахж пріати, и ѿдасть длъжное заимовавьшои, сирѣчь прѣстависа л. 300.

недовжсицж са има л. 300 об.

въ въсемь подражатель бѣ нравомь, по ѿьць наказани показоуаи доблесть л. 300 об.

копіемь потрѣсати наоученъ и лжкь таглити въ тативахъ, стрѣламь въноушенамь л. 300 об.

прилѣпишаса емоу лжкавыи нѣціи човѣци чародѣи, иже злымь обрѣтателіе, паче же дѣлателіе, стръмнина зловж и сънидажще сръдца его блазньми л. 301.

въдасть оуши съвѣтомь ихъ л. 301.

съ ними позорствоуа, и играа, и конскомь оурыстаніемь севе оупражнѣа л. 301.

въса скровища царска, съпроста рещи, злѣ истъщевалашеса мръскымь и гнжснымь лѣхомь л. 301 об.

благосъмыслащихъ съвѣтникь ни на лице хота видѣти л. 302.

тьи тъщжса въсѣкыми оухыщреньми, паче же мъздоприлогми, обѣть оувѣть дааше ради власти пріатію, и коварствомь своимь прѣлъстишаса царевы кназі златолюбіемь л. 302 об.

вържчиса емоу высокостепеніа власти л. 302 об.

слышав Богдань тогда ѕвѣронравнаго пришествіа, оставлъ мжчителю прѣстоль и, волеж самохотнож ѿстжплъ, и оудалиса, бѣгаа въ тоуждихъ странахъ л. 303.

высть, ꙗко ѡблакь, мрачень и, вьмѣсто дъжда, проліашаса кръвы и т. д. л. 303 об.

кръвы вьмѣнѣаше, ꙗко мъста сладчаишее л. 304.

наведе многаа и лютѣиша озлобленіа, и томленіа чловѣкωмь, и казны страшныа: въсегда бо копааше злообрѣтныа лъсти л. 304.

рава бѣ златоу л. 304.

имѣше себе мѫдрѣиша паче иныхь царіе, прѣжде сего бывшихь: ѿ сего окаанныи пріемь клатвѫ на сѧ л. 305.

женѫ себѣ припрѫже л. 305 об.

слышавь безмѣстнаа и неподобнаа о немь дѣемаа л. 305 об.

зракомь показоуѧ краснымь достоино власти л. 306.

къ прѣстолоу прѣѧтіѧ тъщѫсѧ пріити безъ рати и брани л. 306.

Іоаннь воевода ѩростіѫ раждегсѧ л. 306.

изыде на брань, ωгнемь дыхаа л. 306.

пріемь краемь пръста сладости въкоусь, и къ въздоухоу досаждеціи, седмь седмицеѫ гнѣвьныи пламень ѿмъстителныи на Молдовѣ въжегь л. 306 об.

ѩко лъвь, страшно рыкнѫ, царствоуѫщимь градѣ царь сїѫ ѩко оулыша л. 306 об.

въста весь агарѣнскыи, златомь испъщренныхъ и гръдооумныхъ, плъкь и т. д. 307.

ѿ въсѫдоу пролїашѧсѧ, ѩко потωци, съ шоумомь тъчни пѣскомь л. 307.

нѫ аще кто речеть: подобень бѣ птицоу хоудоперѣи и т. д. л. 307 и об.

бысть крѣпкоратнѣи брань л. 307 об.

оухвацень бысть и Іωаннь и поношенїю въ правдѫ дань бысть л. 307 об.

сице оубїистъвнѫѧ изврьже доуше (вм. — шѫ) нѫждеѫ л. 307 об.

села ихъ быша сънѣдь мнωгодрѣвномоу л. 308.

жены красновидныѧ, и ωтроковицѧ доброкосїѫ, и напръснїи ωтроци, и дѣвицѧ младоωбразныѧ въсхыцаахѫсѧ, и старци съ юнотами и матерѧ бесчѧдствовахѫ, и дѣти бω съпротѣваа-

хжсѧ и—сѫпроста рещи—вьсѣкь вьзрасть вь плѣнь ведѡми бывахѫ скрьбни, ѿ чловѣкь до скоть, мнѡжьство бес числа л. 308 и об.

бѣше, ꙗкоже би рещи, мрьтьвцоу бесѣдоужщи или при глоусѣ поѫщи хвалныѫ пѣсни л. 309 об.

оусмѣхнѫсѧ дрьжава царствіа добромоу Петроу воеводѣ л. 309 об.

Кромѣ того, образно и условно-художественно описано Азаріемъ ограбленіе монастырей и преслѣдованіе монаховъ Іоанномъ Гераклидомъ (л. 304 об. и 305), походъ турокъ (л. 307 об.), наконецъ, послѣднія извѣстія лѣтописи, заканчивающіяся молитвой и привѣтствіемъ новому господарю.

Когда будетъ выпущено въ свѣтъ давно уже приготовленное изданіе славянскаго перевода всей хроники Манасіи, сдѣланное І. Богданомъ, тогда не трудно будетъ отыскать въ ней источники, повидимому, для большинства приведенныхъ примѣровъ изъ Азарія. И все-таки мы имѣемъ основаніе и теперь предвосхитить одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ выводовъ, именно, что, широко пользуясь Манасіей, молдавскій писатель измѣнялъ или же просто примѣнялъ готовыя выраженія необыкновенно умѣло, связывая ихъ съ выраженіями болѣе реальными и такими же фактами. Поэтому риторика у него почти не вредитъ сторонѣ фактической.

VII.

Мы лично придаемъ громадное значеніе анализу стилистическихъ пріемовъ у старыхъ писателей. Въ работахъ и литературныхъ произведеніяхъ Цамблака («Изъ исторіи славянской проповѣди въ Молдавіи XV вѣка»), Нягоя («Валашскій Маркъ Аврелій и его Словеса поучительная»), Макарія («Романской митр. Макарій и его лѣтопись») и др. мы выдѣляли въ особыя рубрики

всякія *несобственныя* выраженія. На основаніи подобнаго матерьяла современемъ можно будетъ возстановить своего рода теорію поэзіи славянскихъ писателей стараго времени, быть можетъ, даже для опредѣленныхъ періодовъ и литературныхъ школъ. Пока сдѣлать это трудно вслѣдствіе недостатка подготовительныхъ работъ и отчасти вслѣдствіе отсутствія изданій текстовъ. Поэтому въ настоящей главѣ соберемъ примѣры изъ лѣтописи Азарія.

Примѣры на сравненія не особенно многочисленны, мало оригинальны—и всегда удачны, какъ дѣйствительно способствующіе пластичному представленію извѣстнаго движенія или образа. Обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе примѣры этого отдѣла:

ꙗко источникь, поистинѣ бѣ мыслъныѧ воды проливаѧ строуѧ л. 279 об.

ꙁаклань бысть....., ꙗко агнѣ л. 280 об.

многосвѣтлаа денница ꙁанде (о Макаріи) л. 284.

оустръмисѧ, ꙗко ꙁлодыхательныи сѣверникь л. 285 об.—286.

оустръмисѧ ревностїю, ꙗко стрѣлы мльнїины, на намѣренїе л. 291.

и въскочи ѿтждоу, ꙗко ѡрель ѿ сѣтеи л. 294 об.

оустръмишасѧ....., ꙗкоже бѣснїи ѱи л. 295. Ср. у Манасіи: наскочивше, ꙗко бѣснїи пси. Рукопись Моск. Синод. Библ. 1345 г., л. 69 (по І. Богдану).

исчеꙁе главнѣ дымѧщїа ꙁловѣрїе л. 296.

ѿбѣже оубо ꙁыма мръскыхь лꙍторь помраченѫѧ, и процъвьте веснѫ и т. д. л. 296 об.

доухъ бо божїи прѣмо дыхааше ѕефирь благочьстїа л. 297.

одоушевлен бо бѣ раи благодатьми садовыа въ себе хранѧ л. 299.

ꙁлымь обрѣтателїе, паче же дѣлателїе стръмнина ꙁловы л. 301 об.

сънѣдажще срьдьца его блазньми, ѩкоже дрѣвеса сладка чръвїемь л. 301 об.

показати словомь чрьности гарвана чрьнѣишаго л. 302. Параллели см. ниже.

изначала, ѩко лъвь, кръвь лизати рыкнѫ, л. 303 об.

кръвы въмѣнѣаше, ѩко мъста сладчаишее, л. 304.

иныѧ же (бояръ), ѩко овны, кожѧ одыраа, л. 304.

ѩко лъвь страшно рыкнѫ л. 306 об.

плъци стекошаса..... и ѿ въсѫдоу пролїашаса, ѩко потоци съ шоумомь тъчни пѣскомь л. 307.

подобень бѣ птицоу хоудоперѣи л. 307.

братиса великокрилнѣ и скоропернатѣиши птенци масоядѫщїи л. 307 об.

нѫ бѣше, ѩкоже би рещи, мрьтвьцоу бесѣдоужщи или при глоусе поѫщи хвалныѫ пѣсни л. 309 об. и др.

Ближайшее отношеніе къ сравненіямъ съ образами отвлеченными или реальными имѣютъ сравненія съ лицами, преимущественно ветхозавѣтными, напримѣръ, съ Валтасаромъ (л. 289), Ровоамомъ (л. 301 об.), Копронимомъ (л. 305 об.), Іовомъ (по Їовоу, л. 287 об.). Зависимость ихъ отъ хроники Манасіи также не подлежитъ сомнѣнію; укажемъ хотя бы на выраженія дроугыи ѩвиса валтасарь у Азарія и дроугы ѩвльса валтасарь у Манасіи (рукопись Моск. Синод. Библ-ки, л. 95 об.).

Восклицанія, обращенныя къ себѣ или опредѣленнымъ лицамъ и прерывающія повѣствовательную часть, также оживляютъ разсказъ. Изъ собранныхъ нами примѣровъ приведемъ слѣдующіе:

о горе! коковаа твориши зависте л. 280 об.

оувы! толикаа многосвѣтлаа денница занде л. 284.

ѿслань бо бысть далече въ заточенїе—о бѣди!—въ градѣ никонїистѣмь л. 288.

о ле нашеи нищети!—дроугыи ѩвиса Валтасарь л. 289.

ѡ дивство! кто видѣ или слиша нашь градь и ѿ нась нещѧждно біема л. 293.

ѡ златогонителю..... кръвопійце! како вратнишися и развращаеши и т. д. л. 303 об.

ѡ горе! пріемь краемь пръста сладости въкоусь л. 306 об.

оувы! что же по сихь? л. 306 об.

ѡ горе! побѣждень бысть мѫчитель л. 307 об.

ѡ злыи и злѣишіи лъжи вноуче Іѡанне! л. 308 об.

ѡ ле тихости твоеѫ, самодръжче! л. 310.

Изъ хроники Манасіи можемъ привести только два сходныхъ выраженія и то только потому, что онѣ встрѣчаются у другихъ молдавскихъ хронистовъ XVI вѣка и выбраны изъ подлиннаго текста I Богданомъ: ѡ ле, тихости... твоеѫ, самодръжьче л. 83 об.; ѡ златогонителю (у Богдана: злато, гонителю) и т. д. л. 85 об. Ср. у Макарія: о ле тихости твоеѫ, самодръжче, л. 488. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, можно съ увѣренностью думать, найдутся источники и для остальныхъ выраженій.

Изъ выраженій, которыми Азарій пользуется при переходѣ отъ одного событія къ новому, кромѣ приведенныхъ въ другихъ отдѣлахъ, отмѣтимъ такія: азъ оубо, елико мощно, о Стефанѣ прѣдреченнаго воеводѫ прочее да начнѫ и о немь съвръшѫ плести слова л. 279 об.; зде ми слово о семь да пождеть л. 282 об.; рьцѣмь оубо любослышателемь слово и о Деспотѣ л. 288 об.; пакы же къ повѣсти, ѥже о Алеѯандрѣ, да възвратимсѧ л. 294; каа же по сихь? л. 296 об.; ѥже и о внѣшныхь царствіахь, мало любослышателемь слово да скажемь л. 297 об.; оубо доспѣ въ прѣдлежещее показати словомь чръности гарвана чрънѣншаго л. 302; каа же по сихь? л. 303 об.; что длъгословѫ? л. 304; что же по сихь? л. 306 об.

Для сравнительно большого памятника подобныхъ выраженій—немного, и это показываетъ, что Азарій ими не злоупотребляетъ. Если очень схожими пріемами для перехода отъ одного

отдѣла къ другому пользуется и Манасія, напримѣръ, и что... дльгословити л. 54 об.; а еже по сихь, что и како л. 49, а еже по сихь, каа оубо л. 52, то встрѣчаются они и у Макарія. Но самымъ характернымъ примѣромъ вліянія въ данномъ случаѣ не Манасіи, а послѣдняго, можетъ служить слѣдующій: у Манасіи—гаврана чрънѣишіаго ѿ чрьности покажж л. 95 об.; у Макарія—доспѣ бо слово и гаврана чрънѣишаго ѿ чрьности показати л. 478 (по кіевской рукописи); у Азарія—см. выше.

Рѣчи, въ широкомъ смыслѣ этого литературно-художественнаго пріема, т. е. въ томъ числѣ и размышленія героевъ, и письма и т. д., встрѣчаются у Азарія чаще, чѣмъ у Макарія или Евѳимія. Отмѣтимъ изъ нихъ слѣдующія семь: 1) подметное письмо къ молдавскимъ боярамъ, бѣжавшимъ въ Польшу, 2) предсмертныя слова господаря Стефана, убитаго тѣми же боярами (ино ничьсоже рекь, развѣ глаголъ сьи), 3) горестный возгласъ господаря Александра послѣ бѣгства его авангарда въ битвѣ у Вербіи; 4) утѣшительныя слова его же къ своей госпожѣ въ Киліи послѣ бѣгства и оставленія престола, 5) рѣчь осажденнаго Деспота къ своему девешу Петру въ Сочавѣ; 6) рѣчь султана Сулеймана къ господарю Александру при вторичномъ врученіи ему молдавскаго скипетра; 7) совѣтъ логоѳета Іоанна Голіи Іоанну Злому. Всѣ эти «рѣчи» (рѣчь «прямая») у Азарія—всегда краткія и сильныя.

На повторенія, которыми такъ любятъ пользоваться церковные ораторы, у Азарія почти нѣтъ примѣровъ, и кажется, встрѣчается единственный примѣръ на такъ-называемыя «единоначатія»: пакы видѣ Алеѯандрь воевода день свободень, пакы бысть самодрьжець земли молдавстѣи, пакы въсіа лоучѧ благодати православіа л. 296. Послѣдній пріемъ можно сопоставить съ замѣтной любовью Азарія къ стройности, именно—къ соединенію трехъ словъ, напримѣръ, крамоли, мѧтеже и нестроеніе л. 294; юныѧ, боуѧ и глоумотворцѧ л. 301; скрьбѣше, печалоknown, тжжааше л. 282. Ср. у Манасіи: ѿтоли бышж оубіиства, и закланіа, и пролитіа крьвемъ л. 56 об. и др.

Въ подражаніе Манасіи и посредствующему въ данномъ случаѣ Макарію, Азарій пользуется выраженіями книжными, а потому «торжественнаго» характера, даже въ такихъ географическихъ, этнографическихъ и политическихъ терминахъ, реальное значеніе которыхъ не только далеко не всегда понятно, но не соотвѣтствуетъ современнымъ автору жизненнымъ румынскимъ терминамъ. Напр. перскыи или рѣдко агарѣнскыи означаетъ всегда «турецкій», загорскыи — «валашскій» (и загорская землѣ), пешнїа — «Венгрія», аламани — «нѣмцы» (и аламанская землѣ); царь — «господарь», царица—«господарыня», сигклить—(господарскій) «совѣтъ», властели, велможїе — «бояре», епархъ л. 299—гатманъ, царскыа полаты — «господарскій дворецъ», но царствоующїи градъ—«городъ султана», Константинополь или чаще—до царствоужщимь града (вар. до царѣюцимь града) или же проще: въ царская (того призва) л. 305 об. Книжнымъ характеромъ отдаетъ и терминъ оугръвлахїа, обычный, впрочемъ, въ дипломатикѣ, вм. Валахія или рум. Muntenia.

Отмѣтимъ очень рѣдкое[1]) въ старой славяно-молдавской терминологіи слово кнѧзѣ л. 299, относящееся къ двумъ главнымъ правителямъ малолѣтняго господаря Богдана, которыхъ функціи Азарій опредѣляетъ словомъ оустроителїе. Когда же идетъ рѣчь о турецкихъ вельможахъ, то прибавляется царевы кнѧзи л. 302 об. Султана, кромѣ обычнаго царь, или великыи царь перскыи, онъ называетъ нерѣдко великыи самодръжецъ перскыи, напр. л. 294, и, кажется, единственный разъ самодръжецъ относится къ молдавскому господарю, именно, къ Александру Лопушняну л. 296. Говоря о господарынѣ Роксандѣ, какъ регентшѣ, Азарій называетъ ее правительница л. 298 об. и далѣе объясняетъ: царица приставница надъ всѣми л. 299. Еще въ изслѣдованіи о «Сказаніи вкратцѣ о молдавскихъ господаряхъ» Воскресенской лѣтописи мы обратили вниманіе на единственно правильное на-

1) Извѣстные намъ случаи собраны въ экскурсахъ въ нашихъ «Славянскихъ и русскихъ рукописяхъ рум. библіотекъ», стр. 315—316, 333—345.

писаніе формы въ русской лѣтописи «молдовскаа» («Извѣстія», 1901, кн. I, стр. 114). Такое же произношеніе находимъ и въ спискѣ лѣтописи Азарія: без вѣсти Молдо́вѣ постигь л. 286, оустрьмишасѧ на Мол҆до́вѣ л. 295, на Молдо́вѣ л. 306 об.; но и Молда́ви л. 308 об., землѧ Молда́вы л. 281 об. и др.

Изъ другихъ терминовъ отмѣтимъ немногіе. Градь въ смыслѣ укрѣпленія всегда отличается у Азарія, какъ и во всѣхъ остальныхъ лѣтописяхъ, отъ тръгь, напримѣръ, тръгѡве л. 308, ѡсохь тръгь достигь л. 286 об. Однозначащи выраженія непрїатель, съпостать или врагь. Лиши же и҆ воины ѿ оу҆роука ихь л. 304 об. значитъ «лишилъ же и воиновъ ихъ жалованья». Плѣнь имѣетъ значеніе «добыча» и перешло въ рум. яз. plean: о плѣнѣ л. 306 об., мнѡжьство плѣнь чловѣкь и скоть похытивше л. 295, Ср. пожизажщѥ и плѣноужщѥ л. 308. Кромѣ обычныхъ общихъ выраженій о назначеніи господарей на престолъ Молдавіи султаномъ (скѵптро прїемь или скѵптродръжанїе), говоря о Богданѣ, Азарій пользуется терминомъ прїеть хоржгви господства л. 298 об., что̀ соотвѣтствуетъ слав.-румынскому стѣгь, steag, и въ большинствѣ случаевъ встрѣчается у Урѣке въ аналогичныхъ описаніяхъ [1]). Ср. объясненія двухъ аналогичныхъ терминовъ въ записи 1538 года о Петрѣ Рарешѣ въ Евангеліи бывшаго Хоморскаго монастыря (хранятся въ Черновицкой митрополіи): и прїиде сь тӱркы и҆ въспрїѧт скы҃три землѧ молда̑-ско̑. сире̑ стѣгове. Когда господарь Александръ вторично получилъ отъ султана престолъ и выѣхалъ изъ Константинополя, то, по выраженію Азарія, прїемь же и ѿ царѣ вѡины посѡбникы л. 294 об. Исикарѣ л. 289 об. обозначаетъ въ данномъ случаѣ казаковъ. Среди описанія осады Сочавы интересны, повидимому, равнозначащія выраженія: рьваше..... въсѣкыми оухыщренми л. 292 об. и вити градь съ въсѣкымь оухыщренїемь; за-

1) Ср. въ Мученіи влмч. Георгія: дїоклитїань рим҆скн самодрьжаць недостоине хороугви вьспрїемь, Рукопись ризницы церкви свв. архангеловъ въ Сараевѣ № 10, л. 214. У Евѳимія Тырновскаго: царю петроу блъгарскаго царства хѡржгви дръжащоу; сьи оубо хѡржгви царьствїа ѩко прѣемь.... E. Kałuźniacki, Werke, 17, 23 и др.

тѣмъ—**ископаша же рвы и прѣкопы; сътвориша потаи пѫть** л. 292 об.; **поставиша тѧжкыа и огненосныѫ орѫжїа, сирѣчь поушкы** л. 292 об.[1]).

Наконецъ, текстъ лѣтописи Азарія сохранилъ рядъ румынизмовъ, которые, несомнѣнно, принадлежатъ ему, а не одному изъ переписчиковъ, и говорятъ о румынскомъ происхожденіи автора. Отмѣтимъ **чловѣкь воинічень** л. 281—voĭnic; **зависте** л. 280 об.—zaviste; **размиріе** л. 293 об. — răzmiriţa, **земля** въ значеніи «страна» (ţeara), напр. **попалиша землѧ** л. 295, **вънѫтрь земли бысть** л. 286, или «населеніе», напр. **еще же не оу землѧ сънѣтисѧ** л. 286, т. е. еще не собралось населеніе въ походъ, не собралось «земское войско», почему господарь **въоръжжисѧ крѣпцѣ и иже съ нимь**, т. е. собственное, наемное войско господаря отправилось въ походъ противъ Деспота. **Привѣгь** въ значеніи «бѣглецъ» рум. pribeag встрѣчается нѣсколько разъ, и въ одномъ мѣстѣ Азарій объясняетъ: **проѿстѫплъшихь.... болѣры, сирѣчь прибѣзи** л. 280 об. и 281[2]). Кромѣ утраты склоненія въ рядѣ словъ, не только терминовъ[3]), которые дѣйствительно могли не измѣняться, и слѣдовъ рум. синтаксиса обращаетъ на себя вниманіе склоненіе по родамъ въ зависимости отъ соотвѣтствующихъ рум. словъ, напр. **здати монастырь прѣвеликѫ** л. 282 об.: рум. mănăstirea—женск. рода.

Румынизмами же слѣдуетъ признать и рядъ этимологическихъ «неправильностей» петербургскаго списка, которыя мы не находимъ возможнымъ исправлять при печатаніи текста, такъ какъ, за исключеніемъ немногихъ описокъ, всѣ такія «неправильности» необыкновенно характерны для позднихъ тырновскихъ текстовъ молдавскаго происхожденія.

---

1) Ср. у Макарія: **и ѿ орѫжїи оубо, аже поушкы ѡбикоша звати.** Петербургская рукопись, л. 254.

2) Ср. у Макарія: **мнози же, и ины въ то врѣмѧ покѹсишасѧ въстати на господство то рекомыи привѣзи. именовани и неименовани** л. 246 об.

3) вродѣ **къ Ѧлеѯандрѹ воевода** л. 283 об.

Изъ нашихъ работъ надъ текстомъ лѣтописи могутъ быть сдѣланы такія общія наблюденія:

1) Бывшій ученикъ романскаго митр. Макарія († 1 января 1558 г.) монахъ Азарій составилъ лѣтомъ или осенью 1574 года лѣтопись на славянскомъ книжномъ языкѣ, обнимающую событія Молдавіи отъ 1552 по 1574 годъ и составляющую продолженіе второго изъ двухъ историческихъ трудовъ митр. Макарія.

2) Азарій описывалъ событія на основаніи собственныхъ наблюденій, какъ современникъ, или на основаніи устныхъ разсказовъ, но едва-ли книжныхъ источниковъ. Литературными образцами для него служилъ отчасти труды митр. Макарія, а главное—хроника Константина Манасіи, выраженіями и пріемами которой онъ пользовался свободно и умѣло.

3) Лѣтопись игумена Евѳимія, обнимающая отчасти тотъ же самый періодъ молдавской исторіи, осталась Азарію неизвѣстной.

4) Урѣке зналъ лѣтопись Азарія и широко ею пользовался, иногда только переводя готовыя фразы на румынскій языкъ и сохраняя даже порядокъ извѣстій, принятый Азаріемъ, но не называя послѣдняго по имени, а ограничиваясь обычной и для другихъ своихъ источниковъ ссылкой на «молдавскую лѣтопись». Въ одномъ мѣстѣ, не приводя изъ Азарія подробностей битвы у Жижіи въ 1561 году, онъ вскользь замѣчаетъ: ḑicŭ unii, că și ocolo se hie fostŭ rĕsboĭul cu vicleșugŭ (и затѣмъ начинаетъ разсужденіе на отвлеченную тему о предательствѣ, стр. 211), т. е. *«говорятъ нѣкоторые*, будто и тамъ было сраженіе съ коварствомъ», а о послѣднемъ какъ разъ говоритъ Азарій, чего нѣтъ въ другихъ источникахъ.

5) Евстратію Логоѳету, дѣлавшему въ XVII вѣкѣ дополненія къ лѣтописи Урѣке на основаніи разныхъ источниковъ, былъ извѣстенъ списокъ приблизительно такого же собранія славяно-молдавскихъ хроникъ, что̀ и въ Петербургской рукописи (а не въ кіевской), но съ какими-нибудь иными записями, скорѣе всего—автографъ Азарія. И запись автора оригинальной хроники и вмѣ-

стѣ съ тѣмъ запись его, какъ писца всей рукописи[1]) и, возможно, редактора ея онъ отнесъ ко всему собранію, почему назвалъ краткую лѣтопись 1359—1518 гг. «славянской лѣтописью монаха Азарія». На самомъ дѣлѣ это невѣрно.

6) Наконецъ, въ лѣтописи Азарія нельзя видѣть ту «славянскую лѣтопись», на основаніи которой дѣлаетъ дополненія и исправленія къ Урѣке другой изъ комментаторовъ его, Симеонъ Даскалъ, для событій второй половины XVI вѣка. Для этого мы имѣемъ двѣ ясныя ссылки Симеона Даскала на какую-то «славянскую лѣтопись» и три безъ указанія источниковъ. Первыя ссылки не даютъ никакого отвѣта:

а) «а въ одной *славянской лѣтописи* написано, что правленіе его продолжалось до четырехъ мѣсяцевъ» (стр. 210). Здѣсь идетъ рѣчь о Стефанѣ Томшѣ. У Азарія вычисленіе не сдѣлано, но Симеонъ могъ бы сдѣлать это на основаніи такихъ, правда, не совсѣмъ надежныхъ фактовъ. Деспотъ былъ разбитъ въ августѣ 1563 года, а вскорѣ затѣмъ избранъ былъ Александръ (л. 291); объ оставленіи же Томшей предѣловъ Молдавіи говорится довольно неопредѣленно: сїа съвыстьсѧ въ лѣто искони текѫщихъ ,зоГ (л. 295). Такимъ образомъ, если понять искони, какъ начало январскаго года, то и выходитъ «около 4 мѣсяцевъ».

б) «А *славянская лѣтопись* пишетъ, что въ лѣто 7090, именно тогда пришелъ Петръ воевода занять престолъ во второй разъ» (стр. 239). До этого года не доходитъ ни одна изъ существующихъ славяно-молдавскихъ лѣтописей. Поэтому провѣрка не можетъ быть сдѣлана.

Уже безъ такихъ ссылокъ, тотъ же Симеонъ исправляетъ слѣдующія даты у Урѣке:

1) кончина митр. Макарія романскаго:

Урѣке	*Симеонъ*	*Азарій*
сентябрь, стр. 210.	1 января	геноуарїа а҃ л. 283 об.

1) Ср. запись на кіевской рукописи въ концѣ «Сказанія вкратцѣ о молдавскихъ господаряхъ»: сїе писаніе писа҇ Їсаїа ѿ слатина.

2) періодъ правленія господаря Деспота:

Урѣке	*Симеонъ*	*Азарій*
$3\frac{1}{2}$ года, стр. 218.	умеръ «на третьемъ году, ноября, 7072».	тогда лѣто текѫщее ҁо҃г, ноемврїа мѣсѧца, л. 294

3) кончина Руксанды, вдовы Александра Лопушняна:

Урѣке	*Симеонъ*	*Азарій*
12 ноября, стр. 222	11 октября	ноемврїа л. 300.

Ясно, что Симеонъ имѣетъ здѣсь въ виду иную славянскую лѣтопись, пока не открытую.

Печатая текстъ лѣтописи по единственному списку, мы почти не дѣлаемъ исправленій, хотя многія изъ нихъ сдѣлать нетрудно [1]). Въ главномъ текстъ представляется намъ исправнымъ, въ мелочахъ—много ошибокъ и мѣстъ, непонятыхъ писцомъ, въ томъ числѣ даже названіе монастыря Слатины (въ рукописи—*Сластина*), который чаще всего упоминается, и гдѣ скорѣе всего могъ работать Азарій. Если найдется другой списокъ лѣтописи Азарія, то, по всей вѣроятности, отличія его отъ издаваемаго будутъ совершенно такого же характера, какъ новаго списка лѣтописи Макарія, петербургскаго, отъ кіевскаго.

А. И. Яцимирскій.

---

1) Нижняя половина, особенно послѣднія строки, л. 304; писана, повидимому, тѣмъ же писцомъ, но буквы—некрасивыя, большія, кажутся даже болѣе поздними. Такихъ страницъ—нѣсколько и въ предыдущихъ статьяхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

до здѐ постиже съплетенїа рытóрства ѿц҃а макарїа. начнѣⷨ оу̑бо и҆ мы хȣдыи. того̀ оу̑ченикь бывыи а҆зарїа. (л. 277 об.).

Ѿтопочившїи съ ѿц҃ъ, ѿ по кончины стараго стефана воеводѣ добл҃го. наченшоу, до зⷣе хытрословнѣ оу̑красити повѣсть. ѡ сицевыⷯ иже прѣжⷣе на бывшиⷯ. и до на дошеⷣшиⷯ, црⷭкыⷯ, съставленїе. повелѣнїеⷨ петра воеводы стараго. ꙗко источникь по истинѣ (л. 278) вѣ. мыслъныѧ воды проливаѧ строуѧ. и нашѧ срⷣца напаѧ оумнѣ. аще и не до сытости въкоусихоⷨ. елма оубо и мы хоудыи сн҃ѡве его того стопаⷨ прочее послѣдовати потъщиⷨсѧ. и црⷭкаго повелѣнїа исплънити. петра гл҃ѧ втораго бл҃гочьстиваго црѣ. и изволенїеⷨ и бл҃венїеⷨ прѣѡсщенаго митрополита кѷⷬ анастасїа. ходатанствоⷨ же великаго словоположника, ї ѡанна голъѧ. тѣмже и простынѧ про (л. 278 об.) сѧ многоврѣменствїа ради прѣшеⷣша. аще забвенїемь нѣкаа ꙗже ѡ сицевыⷯ не полоучѧ. лѣтоⷨ слн҃цоу теченїе, или инѣⷯ приключившиⷯсѧ и не помѣнѫхоⷨ вещеⷯ.

Аꙁъ оубо елико мощно ѿ стефанѣ прѣⷣреⷱннаго воеводѫ прочее да начнⷨ. и ѡ неⷨ съвръшѫ плести повѣсти слова. ѿнѫдȣ же и до ннѣ прѣста. да ꙗкоже доблестъвныи стефаⷩ прѣбываѧ бл҃гочьстнѣ. црⷭтвоуѧ и строѧ. въселѫкавыи врагь не (л. 279) тръпа на длъꙅѣ доброе рⷣство. нѫ въложи ненависть въ велмѫжеⷯ свои. иⷯже ѿ него почьтеныⷯ влⷭтми. и оубо каковаа събыⷭсѧ. проѿстѫплъшиⷯ оубо прѣⷣреченыⷯ болѣры. сирѣчь. прибѣꙅи. ѿ лѣхь скровныⷨ постигше писанїемь. къ пръвосъвѣтникы. и оукрадаⷬ обълганїеⷨ слабооумїа иⷯ. хѡщете ли рекшѧ власти молдавскыѧ; крѣпкорѫкыи стефань бѫдетъ его юность. и на

ва҃ варва́рскыи съвѣ́тоуе (л. 279 об.) въста́ти. и̇ зе́млѧ пе́рсѡм пѡдкла́нѣти. и̇мже ѡ̇бразом и̇ бра́ть е̇го̀ и̇лїа́шь. и̇ ѿ горе ка́кова творише за̀висте[1]) въста́шѧ разбоиничьскыи на воево́дѫ. и̇ оу̇ми́ленѣ закла́нь бы҃ подъ ша́тормъ оу̇ви ꙗ̇ко а̇гнѣ оу̇ мостѣ цоцо́ри и̇же на проу́тѣ. и̇но ничь̀соже ре́кь, раз̀вѣ гл҃ъ с҃н. ѿ оу̇бога и̇стинно. тебе пла́часѧ и̇ сте́нѧ. ты̏ во прь̀вѣе ме́не погы́бе и̇ оу̇мрѣ. и̇ лежѫ на́ земли е̇бла́на кръвми. лю́тѡм тече́нїе (л. 281) тогда̀ ѿда́жщоу ҂з҃ ѯ҃ м҃ца се҃. и̇же и̇ го̇спдствова а҃ лѣ҃. и̇ четыри м҃ць. и̇ сице ско́нча́сѧ доблыи съ гдомь.

За́кѡны цр҃тїи и̇ дръжа́ва не ѿла́гаашесѧ. нѫ̑ ꙗ̇ ѿ б҃а прїе́мше съвѣть. прѣдвъспомѣнѫтїи ѿ лѣ҃ прибѣ́зи. и̇ воево́дѫ себѣ̀ о̇брѣ́тше. съвы́ше и̇збра́нь а̇леѯа́ндра нѣ́кто ѿ вла́стель. чл҃къ воини́чень. и̇ бл҃гоѡ̇бразень. ти̇ же и̇ кро́токь. тогожде лѣта̀ и̇ м҃ца. и̇ ѿ а̇вгоуста кра́лѣ лѣшескаго по́моць прїе́мше. и̇ а̇вїе оу̇ (л. 281 об.) стрь̀мишѧ на прѣѧтїе цр҃тво. и̇ никто́же вѣ̀ съпроти́влѣѧсѧ и̇мь. вънидѡшѧ же невъзбра́нно. и̇ събра́сѧ ве҃ на́рѡд. и̇ чиноначѧ̀лникы. въкоу̇пѣ же е̇пкпы[2]) и̇ и̇ власте́ль. и̇ сигклить ке҃. и̇ на высо́тѫ цр҃тва а̇леѯа́ндра възведѡшѧ. въ хръловѣ цр҃кыѧ пола́тѣ. вѣ̀хѫ же весе́лѣщесѧ въсѝ о̇ цр҃и свое́м, бл҃гочьсти́вь бо бѣ, и̇ оу̇кротѣ̀ваѧ въсѧ̀. въ та̀ оу̇бо врѣ́мена и̇ лѣта̀ постиже мо́рь веле́и земли молда́вы. (л. 282) воево́да же и̇зы́скавь въсѧ̀ дѡмы златохра́нѧщѧѧ. и̇ вида̀вь въсѧ̀ пра́здны и̇ ничь̀соже и̇мѧщѧ. въсхо́тѣ на́родоу̇ рѡ́кы. разда́ти. и̇ не и̇мы ѿкѫдоу. скръбѣше. печа́ловааше. тѫжааше. о̇баче же не по мнѡ́зѣ събра̀ многобога́тныѧ скро́вище. ѿ дарѡнѡ́сцѧ же и̇ ѿ дохо́дкы. по прѣтечени вто́раго лѣта цр҃тва свое̇го́. съпрѧ́же себѣ̀ цр҃цѫ бл҃гочьсти́ва роѯа́ндѫ. дъщи сѫщѫ петроу̇ воводѣ ста́раго. и̇з нежѫже ро́ди вогда̀ (л. 282 об.) на и̇ пе́тра. въспы́тана же бывша. и̇ вьда́на оу̇чи́ти книгам. и̇ бл҃говѣрїю нака́зана. а̇леѯа́н̾дръ же воево́да прилѣ́жѧ о̇бзо́рнѣ по въсѫ̀доу̇ рас̾матрѣѧ и̇ стро́ѫ ꙗ̇ко оу̇мо́вить. видѣ бо ꙗ̇ко въсѣ́кь въкоу̇-

1) Раньше было за́вистѝ. Ср. рум. zavistie.

2) Значки надъ ы выскоблены позднѣе.

сивыи бл҃га въ жити сеⷯ. нѣⷭ҇ съмръти не вкоусно. прѣжⷣе же въсѣⷯ посла̀ въ о̀кр҃стныⷯ страна́ⷯ, къ нача́лїемь ѧзы́кь. и̓ съ и̓ноплеме́нныⷯ ми́рно жи́ти съло́жи. пото́м же нача̑ здати монастырь прѣве (л. 283) ли́кѫ. въ не́мже цр҃ковь б҃а моего̀ хра́мь. прѣоукра́шенѫ добротоѫ. и̓ а̑ще во́ли̑ б҃ъ жити въ рѫкотво́ренаⷯ. и въ сеⷨ҇ въсѣ́ко прѣбываеть. слатина[1]) зо́воⷨ. и̓ о̓ прочїиⷯ монастырїе древнѣ́ишиⷯ. прилѣжа и̓ оутвръждаѫ и̓ ми́лоуѫ. и̓ хра́мы бж҃твныѧ по въсѫ́доу въздви́заѫ. и̓ ни́щѫѫ оукръмлѣ́ѫ и̓ мы́лоуѫ. и пола́ты цр҃кыѫ о̓бнавлѣѫ. и̑ си́мь си́це ѿ него оустро́еноⷨ бы́вшеⷨ прѣмѫ́дрѣ. и̓ бл҃горазоумнѣ.

В л҃тѡ ҂з ѯд. посла̀ (л. 283 об.) вели́кыи цр҃ь пе́рскыи сѹлїимень. къ а̓ле́ѯандрѹ воево́да. по оумоле́ни оугроⷨ. и къ патра́шко заго́рстѣи воево́да. повелѣ́нїе. и̓ прии́дѡшѫ съ во́исками вънѫ́тръ прѣдѣ́ль оугроⷨ бы́шѫ. и̓ съ съвѣтоⷨ старѣ́ишинаⷨ и̓хъ. кралѣ сте́фана на прѣсто́ль ѿц҃а своего̀ і̓ѡ́анъшѫ поста́вишѫ. тогда̀ бы̑ зи́ма на земли сверѣпа, и̑ зловѣ́тръны̑ мра́зь, и̓ лю́ть.

В л҃то ҂зѯѕ. геⷩ҇ а҃. прѣи̓зѫщныи въ любомѫ́дръцеⷯ вы́ше рече́ (л. 284) ныи е̓п҃къ мака́рїе ѿц҃ь на̑ и̓ оучи́тель молда́вскы. прп҃бнѣ и̓ бг҃ооуго́днѣ коне́ць житїю прї́ѧть. е̓го́же[2]) въсе̑ч҃тнѣ и̓ ст҃олѣпнѣ скѫ́тано бы̑ своими оуче́никы. въ създа́нное ѿ него монасты́рь рѫчкы. оувы то́ликаа мно́госвѣ́тлаа денница зайде. оукраси же прѣсто́ль рома́скыи. долнѣѫ е̓п҃кпїе к҃з лѣть. и̓мѣше же мнѡ́га по б҃зѣ до́блесть. и̓ великоⷣшїе о̓ въсеⷨ. и̓ а̓ще кто̀ хо́щеть разоумѣти вели́кооумїе е̓го доброзда́нїи (л. 284 об.) храⷨ҇ оувѣрить е̓моу веⷭ҇. е̓го́же ѿ о̑снова́нїе въздви́жень бы̑ оусръдїемⷯ своиⷯ. прп҃бнѣи параске́вы, съ оубо бла же́нство и̓менова́нныи ѿц҃ъ. е̓щⷪ въ жи́ти сѫ́и. многаа по б҃зѣ троудолю́бнѣ съдѣ́лова и̓справлє́нїа. ч҃лкъ по х҃ѣ и̓мѣѫ ре́вноⷭ҇. въ наказа́нїе добл҃стъвеⷩ҇. въ слове́се̑ хы́тръ. и̓ бл҃гои̓скоусень. и̓ ѕѣло̀ вѣ́до а̑ще кто̀ и̓нь ѩкоже съпослоушествоуеть о̓ неⷨ выше писа́нное ѿ него лѣтописанїа се́го. и̓ и̑ (л. 285) на мнѡжа́нша.

1) Раньше было с ла́стина.

2) Очевидно, пропущено тѣло.

нѹже прѣдати нн҃ѣшнемоу писанїю продлъжатисѧ слова не хоще҃.

И бы прѣем'никь прѣстола его архїереиства анастасїе. мѫж' кротокь. ти҃ прѣмѫдрости исплъненъ. паче же смѣреномѫдрїе҃ оукраше҃. даро҃ блг҃ти имы цъвти въ лице паче же въ ср҃це е҃. въ иночьствѣ же бѣ искѹсенъ. иже добрѣ и бг҃оѹго҃нѣ окрьмлѧ стада х҃ва. д҃і лѣть. пото҃ же възведенъ бы҃ на высочаишїи митрополит'скыи прави (л. 285 об.) ти прѣстолъ прѣславны҃ гра҃ соучавы.

Ѩще прикла҃но е҃ и о се҃ ѩвѣ ѩко. въспоминати иже на пѫти прилежить словоу повѣсти. да рече҃ оубо. при девѣтѣм же лѣтѣ цр҃тва алеѯандрова. въскочи нѣкто деспоть имене҃ ѿ нѣмци. цр҃ева сн҃а себе именова. чл҃къ рате҃ искоусенъ. и съврав' ѿ въсего ѩзыка. мѫжїе къ боренїю хытри. храбри. ѩролъвни. дръзосръди. въ пособїе себѣ. и оустръми҃ ѩко зло- (л. 286) дыхателныи сѣверникь. носащь облакь темны҃ плъ нь града зломѫтна҃. и без вѣсти молдовѣ постигь. и вънѫтрь зе҃ли бы҃. и къ сраженїю готова҃. вл҃чство хота въсхыщати. и смѫтисѧ алеѯандрь слышавь се҃ авїе же оукроти[1]) воиска посла. съпостато҃ съпротивь стати. еще же не оу҃ землѧ сънѣтсѧ. вида врагы прѣ҃варѣжще его. о се҃ оуѩзвѣетсѧ ср҃це҃. и въоръжисѧ крѣпцѣ и иже съ нимь. изыдѡ (л. 286 об.) шѧ же на брань къ ополъченїю. и бы҃ рать оу вер'вїа при рѣцѣ жежїи. бѣхѫ же нѣцїи навѣтоужще воеводѣ ѿ пръвоборци и пръвѣе поглѣдашѧ на бѣгство. прѡчїи же въспѧтнишѧ҃ инь инде. и разсѣѧни бышѧ. а воевода са҃ съ малими ѡста братисѧ. и разоумѣ лъсть. въстена. ѡ҃ горе[2]) ре҃ добрѣе ми би жити съ ѕвѣрми, нежели съ мѫжи невѣрними. и избѣгь на връзе҃ кѡне҃. и текѡ҃ ѩсо҃ тръгь достигь. и второе (л. 287) прооуготовасѧ на брань.

Деспот же прѣе҃ гра҃ соучавы. въ не҃же ѡбрѣть богатства мнѡга. воини҃ же раздѣли. и вышнѣа ча҃ земли покорисѧ емѹ. приложив же и тѣ҃ себѣ лъжними и мнѡголаскателными сло-

1) Должно быть: оукротити.

2) Послѣ этого слова было написано мнѣ и затѣмъ зачеркнуто киноварью.

вѣсы. пакы къ вѡнство на ἀлеѯандра въста. ѡн же видѣ крѣплѣщи͡сѧ врагы. ѡставль мѧтежь. ѿбѣгь съ малым до келїа гра͡д. ѡбрѣть же тоу роѯандж г͡спжж. ꙗже прѣпослана бѣ. и не ма͡л бѣ плачь ѡ бѣдѣ. и ѡ ли (л. 287 об.) шени власти. рече же црь, ѿ црце, прѣстанѣ плачащесѧ. въскжѧ скѣтоужще. ἀще блгаа по їѡвоу ѿ ржкы гнѣ прїахо͡м, зла же ли не сътръпи; гь да гь възѧть. ꙗко гви изволисѧ тако и бы. и ꙗко прѣмждръ ѡстро оумнѣ помысли полезнѣиша. къ црствоужщи граде спѣшно оутвръди лице. прѣварие же деспоть посла. и дар'ми паче же ѡващанми (sic). кнѧѕи и воины цревы наоусти. ѡслѣплени бо (л. 288) бышѧ мъздож. и скип'тродръжанїе ѿ црѣ деспотоу посласѧ. иже и прѣименовасѧ їѡань. егда же достигь ἀлеѯандръ црствоужщи града. и въ тишинѣ мѣсто скръбь и горесть видѣ. ѿслан' бо бы далече въ заточенїе. ѿ бѣди, въ градѣ икѡнїистѣмь прѣз морѣ. тогда бы пла слъз' и стенанїе не мала. ѡ разлжчени гоѡжи и ча и дроугѡвь. и бѣ тоу. чаѧ видѣти бждщаа. вынж боу млсѧ не прѣзрѣти его (л. 288 об.) до конца. з'дѣ ми слово ѡ семь да пождеть.

Рцѣмь оубо любослышателе слово и ѡ деспотѣ. да ꙗко ѡлѹчи съвръшеное ѡбладанїе. из начала кротокь себе ꙗвлѣѧ. и неправдж ненавидѣ. по малѣ же съкръвеныи ꙗдь и злолютыи егоже вь срьци имѣше. нача ѡбьꙗвити. и въ неправдж оуклонисѧ. и дани тѧжкыѧ люди насилоуѧ. и ѡ нищи не поволѣ. и православїа хр̃тїанскаа прѣданїа (л. 289) ненавидѣ. бедѣше съ собож иновѣрны съвѣтникы. бгомръскы лѡтори. съмждръствоуѧ бо имь и самь. млебницы же и монастырїе не любл̃ѧ. сребръныѧ съсжды и златїж и иже въ икона сты каменїе чьстны и бисро оукрашены ѿ въсѣ монастыре къ себе лжкавыи събра. и себе оукрашаѧ. ѿ ле нашеи нищети. дроугыи ꙗвисѧ валтасарь нравѡ и дѣлѡ. ѿ сего оубо бы стенанїе плачь и рыданїе. въсѣ ѡбыдимы. и вес прав' (л. 289 об.) ды разграбленны. и въси ѿ сръдечныѧ срѣды. бви жалостнѣ молѧщесѧ. избавитисѧ ѿ сего лютаго нѡктеи. прѣклони же сѧ симь бъ. и тжча слъзны вънѣ. и оущедри молѧщисѧ оусръдно.

Ѝже въсѣвѣдащомоу съкръвеннаа чл҃кѡⷯ б҃ъ. сѫⷯбами ѝмиже вѣсть са́мь. велмѫжемь нѣкыⷯ ѝже ѿ сингклита. ѿкры̀ сиⷯ съвѣть. ѝ прѣоухы́триша деспота сице. бѣ̑ оубо чл҃къ нѣкто ѿ болѣрь то́мша ѝ (л. 290) менеⷯ. доброзра́чень. хра́верь. крѣпкорѫкь. твръдопрѣсть. дръзосрьⷣ. тъ̑ оубо призвань бы̑ ѿ великыⷯ бѡлѣрь. ѝ прѣвѣе съвѧзавше ѐго стра́шними клѧтвами. ѝ тогда̀ ѿкрышѧ ѐмоу̀ съвѣты съкръвеныѧ. ѝ бл҃гонадеж̑ень быти оувѣришѧ ѐмѹ. ѝн же то́плотѫ по бл҃гочьстїе ѝмы. прїемь съвѣть ѝⷯ. пристѫпишѧ же ѝ къ деспотоу. ѝ наложишѧ страⷯ въ срⷣце ѐго̀. нашествїеⷯ нѣкоѐго ѝсикарѣ ѝменеⷯ прѣсловимаго домитрашка (л. 290 об.) ѝн же неразсѫдно посла̀ въсѧ̀ своѧ̀ прѣвобѡрцѧ. нѣмци. оугри. спаниѡси. лѣхы. ѝ ѿ прочїиⷯ. ѝ ѿ синклита. ѝ ѿ людїи чѧⷭ. ѝ вържчивь нача́лникь быти тѣмь то́мшѧ. не вѣдыи кѡвь. ѝ мали ѿ ниⷯ оувѣдѣшѧ съвѣⷮ. ѐгда̀ же достигошѧ чюхрѣ. вънезаапѫ ѝ безъ вѣсти напа́дѡшѧ на оугри ѝ на прочиⷯ ѝже ѿ ѧзыкь ѝновѣрныⷯ. ѝ пора́зышѧ иⷯ ѝ побѣдишѧ. ѝ ни понѣ вѣстникь ѡ̀ бѣдѣ не ѝзбѣгь. лѣтоⷯ числа то (л. 291) гда̀ в҃ѣ ҂з҃ов. а҃вгоуста м҃ца.

Ѧ ѐже по сиⷯ, въздвижень быⷭ тогда̀ томшѧ ц҃реⷯ ѿ тоу сѫщиⷯ воинь. ѝже ѝ прѣѝменова́нь бы̑ стефань. и а̀бїе оустръмишѧсѧ ревностїѫ ꙗко стрѣлы млънїины на намѣренїе на деспота перещѫще. ѡн же сїа̀ ꙗко оуслыша, въстрѧсесѧ срⷣцеⷯ. ѝ подвигь не маль ѡбьѧтъ ѐго. ѝ затвори себе въ твръдонырнѣ градѣ соучавы, ѝ ѝже съ ниⷯ ѡставшїими лѡторн. и ѿ хрⷭтїани лъстїѫ затвори. стефань же ѡбстѫпль (л. 291 об.) града съ воисками. тогⷣа ѝснаходивше прѣⷣреченыи доумитрашко. ведѣше съ собоѫ множьство вѡинь въѡрѫженыⷯ. мѫжїи ѝсикарїе. ѝ тъ̑ хотѣ власти прѣѧтїе. хрⷭтїанѡⷯ же ѿ въсѫдоу печаль бѣ̑. ѡбаче же б҃а на помощь призвашѧ. ѝ ѡставлъше града. ѝ крѣпцѣ ѡплъчаахѫсѧ. ѝзыдошѧ же противѫ ѝ тѣмь. ѝ быⷭ раⷮ оу мостѣ верчиканѡⷯ на серетѣ. повѣжⷣени же быша вра́ѕи, ѝ посѣчени. ѝ кръвїа напоена съ (л. 392) творишѧ полѣ тѣмь. ѝ землѧ прикрывь ꙗвлъшѧжсѧ троупїамь настаанѫ оубїеныⷯ. конечнѣ ѝ самого доумитрашка оухващень быⷭ, ѝ ѝже съ ниⷯ мнѡѕи живы. и

свѧза́нꙵ ѿсла́ни бышѧ до црⷭ҇ющиⷯ гра́да. къ самодръжцеⷯ сꙋлїи-менѡⷯ. и та́мо димитріє лютѫѧ испивъ ча́шѫ съмрти. прѡчїи же въ ра́ботѫ ѡсѫжⷣе́ни бышѧ. не́пщоуѧ о сеⷯ тоⷯ҆ша скиптро-дръжа́ніє ѿ црⷭ҇ѣ пріѧти. нѫ вътъще слъгасѧ надежⷣа его. да ꙗкоже (л. 292 об.). сице побѣжⷣенни бышѧ съпоста́ти. ревно́стїѫ раждизаемы. пакы оу҆стрмишѧсѧ къ иже въ гра́дѣ затворе-нѡⷯ. и ѡбыдѡшѧ гра́да. и ръва́ше въсѣкыми оу҆хыщренми. искѡпашѧ же рѡвы, и прѣкѡпы. и сътворишѧ пота́и пѫть. и доидошѧ до вра́ть. и поста́вишѧ тѧ́жкыѧ и ѡгнено́сныѧ ѡрѫ-жїа. сирѣⷭ҇ поушкы. и начашѧ бити граⷣ съ въсѣкыⷯ оу҆хыщ-ре́нїеⷯ. не оу҆спѣшѧ же ничьсоже. ѡ дивство, кто видѣ или слыша. нашь (л. 293) граⷣ и ѿ наⷭ҇ нещѫ́дно біема. зане да иже въ неⷨ гнѣздѣисѧ змїи главѫ съкроушить. и выⷭ҇шоуⷯ и кликове ѿвънѣѫдоу, и ѿ вънатръѫдоу. и овогда оубо біеми бывахѫ. овогда же побываахѫ. и бѣ ратобо-ре́ніє днь и нощь. и кръвопролитїе. и воинѡⷯ погоубле́ніе. до четыри мⷭ҇ца. послѣжде же быⷭ҇ межⷣоусобна браⷭ҇ сице. бѣ оубо нѣкто оугриⷩ девешь петръ имене́ⷨ. и о съмирени тѣмь бесѣдова къ вънѣшниⷨ. егоже къ себѣ деспоⷮ призва. ѡ петре реⷱ҇, (л. 293 об.) коварствоⷨ своимь прѣдателѣ тѧ градоу разꙋ-мѣⷯ. наⷨ же съмрть хощеши ходатаи быти; обаче же ты прѣжⷣе наⷭ҇ издыхаеши. и абїе истръгъ мечь, и закланъ быⷭ҇ тоу. ѿ сего смѧтишаⷭ҇ и дрꙋзїи. и съжалишѧ си. и быⷭ҇ размиріе и невѣріе межⷣоу ими. оутроⷨ и аламанѡⷯ ѿ иже къ деспотоу. и ѿтолѣ миръ себѣ искаахѫ. клѧтвами же страшными свои живоⷮ испросив'ше. иⷨже оувѣришѧсѧ. тогда изведошѧ и деспо (л. 294) та вънѣ из града. и попранъ быⷭ҇ и изгнетенъ. и окаан-нѫѧ съмрть въкоусивъ чашѫ поноснѫѧ. тогда лѣто текѫщеⷯ. з о г, ноеⷨ мⷭ҇ца. пакы же къ повѣсти иже о алеѯандрѣ да възвратимсѧ.

Ѿ сего ꙗко оуслыша великыи самодръжець перскыи. иже въ молдовѣ крамоли, мѧтеже и нестроеніе. тогда въспомѣнѫ и о алеѯаⷣрѣ иже въ заточени. и абіе призвана къ себе сътвори его. къ немоуже кроⷮчаниⷨ и млⷭ҇рдныⷨ окоⷨ възрѣ. (л. 294

об.) ѡ҆ воеводо ре҇. оу҆вѣдѣ҆ та вес правды ѡ҆блъгоуема. ннѣ же ти вържчаж скѵптродръжаніе чьсти въ прѣвое до҇аніе. бжди же правдосжда. къ нищи҆ же ма҇тивь. тогда ѡ҆уво ѿ въсѣ҆ иже въ саноу сжщи҆ цревы. пріать алеѯандръ дары ѡ҆билныа.

Радости исплънисѧ тогда воевода. и въскочи ѿ тждоу ꙗко ѡ҆рель ѿ сѣтен. пріе҆ же и ѿ црѣ вѡ҆ины посѡ҆бникы. къ прѣꙗтію шествоуѧ. врайла же дости҇. томшѧ оу҆бо сїа тогда ѡ҇ (л. 295) оу҆слышѧ. събравь воиска, крѣпчайши҆ себе изыде братисѧ. пожеже и ча҇ землѧ загорстѣи. и плѣни землѧ и҆. ѧж гль цревь прѣвъзможе слышавь сѐ. и помаавь тъчіж ѕвѣровин҆ни҆ татаро҆ сверѣпосрьди҆. и оу҆с҇ръмишасѧ на мол҆докѣ ꙗкоже вѣсніи ѱи. и мнѡ҆жьство плѣнь члкь и скоть похытивше. и попалишѧ землѧ. въ своа мирни възвратишѧ҇. сїа събы҇сѧ въ лѣ҇ искони текжщи҆. ҂ꙁог҆.

Жже о се҆ томшѧ видѣвь. ꙗко не (л. 295 об.) мощно е҇ цревн. силы противж стати. по҆вигсѧ оу҆мо҆. и ѡ҆ дши печашесѧ и иже съ ни҆ бѡ҆лѣрь. нѣ҇ бо ч҇тнѣише дшеж. ни высотж цр҇кыѧ. ни власт҇ наслаж҆еніа. ни богатъства имѣніа. и ѿскочи въ лѣшеска землѣ. и изнесе съ собож въсѣ скровища цр҇каа. избѣгнжти же мнѣсѧ ѿ неизбѣжны҆ и въсѐможжщи҆ длан҆и. ѧж не въззможе. тамо постиже посла црь соулїимень. и живота въ леѡ҆вѣ града лишень (л. 296) бы҇ и иже съ нимь съвѣтникь.

Чьст же до҆инства алеѯандроу доспѣ. и въниде никто же възбранѣжща его бѣ. и вѣнцемь пакы ѡ҆дѣасѧ. и вл҆ка второе показасѧ. ѡ҆собленъ бо бы҇ дръжавы в҇ лѣта. и е҇ м҇ць. в лто ҂зог. мартіа м҇ца. пакы видѣ алеѯан҆дръ коевода днь свободе҇. пакы бы҇ самодръжець землѝ молдавстѣи. пакы въсїа лоу҇ча блг҆ти православіа. и исчезе главнѣ дымѧщіа злоубѣріе. ѿбѣже оу҆бо зыма мрьскы҆ лоторь по (л. 296 об.) мраченжѧ. и процъвѣте веснж иже въсѣкож твари радости виновнж. црква҆ блгостоаніа глѧ. и въмѣсто влънь въсмїасѧ тишинж.

Каа же по си҆. събра оу҆бо иже прѣж҆е лъсти растражщи҆ навѣ҇никы, паче же ѿметникы болѣр. и въси оу҆миленѣи кон-

чи́ны прѣда͡с. ц͡ревы же воини ѿда́ри͡т. въ своа̀ ѿпоустиⷯ. ѿсе́ли оу҆бо оу҆то́лисѧ тръвлъне́нїа воу҆рѧ. и҆ прѣпла́вааше сѧ жете́йская[1]) без҆ съмѫщенїе пѫчи́нѫ. д͡хъ (л. 297) б͡о вжи́и прѣмо дыха́аше зефи́рь бл͡гочьстїа. не мно́го же посрѣⷯ, и҆ ц͡рцѫ роѯандѫ, и҆ бл͡горо́ⷣныⷯ дѣти богда́на и҆ пе́тра. ѿ оу҆гровлахїѫ къ се́бе привлѣкь. и҆ бѣхѫ веселѧ́щесѧ въси̏ въкоу҆пѣ ѡ҆ наслажде́нии бл͡гъ. и҆ въ стра́сѣ б͡жи́и жизнь кръмлѣхѫ и҆ мл͡тынѣми и҆же къ ни́щиⷯ. и҆ бл͡готворе́нми и҆же къ ц͡ркваⷨ въсегда̀ оу҆ма́стѣшѧ си д͡шѫ. н͡ѫ мно́говолѣзн҆но и҆мь живота. и҆ е҆же ча́сти въпадⷩми[2]) въ недѫгы различныѧ и҆ (л. 297 об.) тѧжкыѧ. ꙗ҆же и ѡ҆ вънѣшныⷯ цр͡твїаⷯ ма́ло любослы́шателеⷨ сло́во да ска́жеⷨ. въ лѣто. ҂зо͡д. въста̀ вели́кыи ц͡рь пе́рскыи соулїимень. и҆ възⷣви́гь съ собо́ѫ мно́жьства тъ́мь лю́ди. и҆ оу҆стръмисѧ къ прѣѧ́тїю землⷶ а҆ламанїистѣи. и҆ та́мо коне́ць житїа прїѧ́ть. м͡ца ю҆лїа. и҆же и҆ ц͡ртвова м͡в лѣ͡т. и҆ ѡ҆ста́влъ цр͡тво свое҆̀ сн͡оу своемоу̀ сели́моу[3]). въ четвръ́тое же̏ лѣто, вто́раго (л. 298) цр͡тва а҆лекѯандрова. въпа́де въ ѕѣлныи и҆ коне́чныи недѫгь, и҆ проразоу҆мѣ съмр͡ть. призва̀ сщ͡енноначѧ́лникы. и҆ і҆ерѣѫ. и҆ въсѣ и҆же въ са́ноу сѫщиⷯ. и҆ поу҆че́нми мно́гыми бж͡твеными раство́ривь. и҆ скѵ́птра прѣда͡с самодръжества. сн͡оу своемоу богда́ноу. и҆ е҆ще жи́вь сы́и възлюби бѫдѫщаа па́че настоѫщаа. и҆ въ мѣсто зла́тотка́нїа порфѵри. власѣныѧ и҆ черничьскыѧ на са̀ прїе́мь. и҆ въ бисерныѧ и҆ ка́мени чьстныѧ вѣнца̀. (л. 298 об.) главопострижеӏе ѡ҆бло́биза житїе. и҆же и҆ прѣимено́вань бы͡с а҆ггл҆скыⷨ чи́ноⷨ пахо́мїе. н͡ѫ ѡ҆баче ма́ло пожи́вь. оу҆спе съноⷨ невъста́ѫщїиⷨ и҆ ѡ҆бщїнмь. и҆же ѿ съмр͡ти. и҆ ка́мень прикри͡т толи́каго мѫжа. ни хоу҆жⷣьша м͡лоуе͡т, ни лоу҆чша ще́дри͡т. въкоу҆пѣ же въсѣⷯ полагае͡т. в л͡то ҂з о͡ ѕ ма͡ м͡ца.

Е҆гда́ же прїеⷨ богда́нь хоржгви г͡спства и҆ е҆ще млаⷣ сы́и. правител҆ница вѣ цр͡твїю м͡ти е҆го̀ роѯа́нда. и҆ оу҆стро́йте (л. 299) лїе бы́шѧ, гаврїи́ль сло́вополо́жникь. и҆ дими́трїе е҆па́рхь. и҆ ц͡рца

1) Раньше было, повидимому, житейская.

2) Раньше было въпаденми.

3) Раньше было силимоу.

пристáв'ница на^х въсѣми. бѣ бо мѫжеоумна. великодѹшна. цѣломѫдріе^м оукрашена. ѡдшевлен бо бѣ ра^ч. вл^хт'ми сáдовыа въ сéбе хрáнѧ. ıно великодаровитаа сїа црца. тъмами почьте блгодѣáнми ıже по^х собоѫ кнѧзѣ. и дáрми мнѡгобогáтними, и до^с чьстними. оутѣшаа и^х. и по въсѧ^хоу ѻчи ѡбзорнѣ златонескѫ^х'но и вещѫд'но. на оутѣшенїе недѫгѡ^м (л. 299 об.) бѡримы^х. тѫча истáчаѧ блгот́воренми. немѡщны^м и нищїи^х. и троуждаѫщїи^хсѧ лютоѫ и многоболѣз'нноѫ стáростїѫ блг^хтьми рѫкы напл'ънѣаше. сщенничьствоу'ѫщи^м оубо мл^стынами блгоутѣшными на млтвѫ по^хвизааше. и иже въ монастирe^х бголюбивы^м иншкѡ^м чистое прохóдѧщи^м житїе. и въ поустыни мнѡгострада^нное имѫщи^м прѣбыванїе. чáстыми посѣщенми прохлáждааше имь ср^дца. и по (л. 300) въсѫдоу сщенныѧ хрáми въспрїáшѧ напоéныѧ златотóчна. рѣка бо бѣ срéброструѧ. и нищїи напоишѧсѧ и почръпошѧ до сытость. нѫ ѕѣлѡ недѫжна бѣ плътїѫ. и въсегдà въ мáк'кы^х постéлѣ^х оупокоѫ си тѣло. въкоупѣ же снъ и мти ѡблáдаста двà лѣта, и дéва м^сць. и днь дне притѫжаахѫ ѥи недѫѕи. и брéнїе тѣлéснаго е ства прошаахѫ прїáти. и ѿда^с длъжное заимовáвьшои. сирѣ^ч, прѣстависѧ. в лто ,ӡод. м^сца ное^м. и ч^стнѣ скѫ (л. 300 об.) тана въ молéвницѫ иже ѿ ни^х съз^хáнѫѧ слáтина[1]).

По си^х же ѡстà сáмодръжьство богдáноу. и г^оп^хствова са^м. и бѣ юношѧ дóброрáстень. и недовѫсицѫ сѧ имѧ. прáводшень, из' начáла бѣ. въ книга^х въспитань. и не хрáнѧ въ сéбѣ злóбѫ. нѫ мл^стивь и крóтокь. въ все^м подрáжатель бѣ нрáво^м по ѿць наказани. покáзоуѧ и дóблесть. храбросръ^х бо бѣ. кóпїе^м потрѣсати наоучéнь. и лѫкь тѧглити въ тѧтива^х. стрѣла^м въноу (л. 301) шена^х. послѣж^хе же прилѣпишѧсѧ ѥмоу лѫкáвы нѣцїи члци чародѣи. иже злы^м ѡбрѣтáтелїе, пáче же дѣлателїе. стръмнина злóбѫ. и сънѣдаѫще ср^хца ѥгò блазньми. ıакоже дрѣвесà сла^х'ка чръвїе^м. дондéже сътвóришѧ ѥго. и ѿринѫ ѿ сéбе въси пръвосъвѣтникы. и приближи къ сéбѣ юныѧ и боуѧ и глоумо-

1) Раньше было слáстина.

твóрцѧ. и̂ въда҇с оу̑ши съвѣтох их. ꙗ̂коже дрéвле роувоáмь сн҃ь соломѡ́новь. и̂ съ ни́ми позóрствоуѧ и̂ и̂грaѧ. и̂ кóнскох (л. 301 об.) оу̂рыстáнїех сéбе оу̑прáжнѣѧ. и̂ въсѣ̂ и̂здáвaѧ и̂мѣнїѡх мнѡ́ж'ства съи̂гръцех. и̂ смѣхотвóр'цех. рызы же златоткáнїа, и̂ мáкыѧ ѡ̂дéждѧ глоу́мцех раздáвaѧ.

По мáлѣ же прискóи себѣ̂ ч҃лкы и̂новѣ́рникы. и̂ и̂ноѩ̂зы́чникы лѣ́хы съ́вѣтникы. и̂ съ ни́ми вѣ̂ и̂ съпрѣбы́вaѧ. и̂ въсѧ̀ скрó-вища цр҇ска съпрост҇а рéщи. злѣ̂ и̂стъ́щевaашесѧ. мрьскых и̂ гнѫ́сных лѣ́хѡх. добрóоу̂чи́телниѧ словесы̀ а̂рхїѐреѡх не въна҇т'. и̂ (л. 302) бл҃госъмыслѧщих съвѣт'никь ни на лицe хóтѧ ви́дѣти. слы́шав же ѡ̂ сéм великыи ц҃рь пéрскыи сéлих. мнѡ́гажди послà прѣстáти ѿ злáго начинáнїа. и̂ не въсхóтѣ. и̂ж и̂ землѧ своѫ̀ прѣзи́рaѧ. и̂ ѡ̂вхóдѣ сѫ́доу и̂ ѡ̂вждоу при крáищи землѝ лѣ́хѡх съскы́таж҇с. прѣѡ̂бы́дѣ же мѫ́дрїѫ и̂ нарѡх.

Ѡ҆у̑бо доспѣ̂ въ прѣдлежещее покáзати слóвох чръ́ности гар-вáна чрънѣ́ишаго. Бѣ҇ бо нѣ́кто заточéнь въ рóдосѣ грáда. ї̂ѡ̂áннь и̂менех. и̂ не вѣ́мь ктò и̂ ѿкѫ́доу, и̂ (л. 302 об.) ч҃ти сн҃ъ бѣ̂. и̂ сéбе плéницѫ рóдох цр каа нарицaаше. ч҃лкъ мнó-гокъ̂зне҇. лю́ть, и̂ глѫбокооу̂ме҇. велерѣчи́вь. и̂ къ книгах хѫ́докь. тъ̂ оу̂бо тъщѫ́сѧ въсѣ́кыми оу̂хыщре҇ми. пáче же мъздопри-лóгми ѡ̂бѣть оу̂вѣ́ть дaáше. рáди влáсти прїѧ̂тїю. и̂ ковáрствох своих' прѣлъсти́шѧ҇с ц҃ревы кнѧ́ѕи златолю́бїех. и̂ г҃спдство ї̂ѡ̂áн-ноу ѿ ц҃рѣ и̂схода́тaивше. клѧ̀твами же прѣждe сéго съсвѧ́завше. и̂ връжчи́сѧ ѐмоу̀ высоко (л. 303) степенїа власти. да ꙗ̂ко и̂стра достигь шествоуѧ. слы́шав же богдáнь тогдà ѕвѣронрáвнаго при-шéствїа. ѡ̂стáвлъ м҃тлю прѣстóль. и̂ вóлеж сáмохóт'ноѫ ѿстѫ́пль. и̂ оу̂дáлисѧ бѣ́гaѧ въ тоу́ждих странах. и̂ г҃спдствова сах по съмрти м҃три ѐгò, лѣто плъ̂но, и̂ д҃ м҃сць. рáдостїѫ оу̂бо въсѝ и̂же въ сáноу сѫщих и̂ рóда прѣстѡ́ѩщих. прїéмше своѐгò г҃спдна. и̂ раболѣ́пнѣ томоу̀ поклóнишѧ҇с. ѡ̂н же ꙗ̂ко прїех' прѣстóль г҃спдства. печаáшесѧ ѡ̂ събрáни злáта. (л. 303 об.) ѿ златогони́телю. кóрени̂ю въсѣ́комоу злоу̂. лѫкáвствоу съплетéнїю. б҃оу ѿметниче, и̂ бѣсоу дроу́же. злòтвóрче. дроу́тоу оу̂бїице. и̂ родоу прѣдá-телю. кръвопїице. кáко връ̂тишисѧ и раздрáщаеши. блъ̂скаеши-

сѧ вънѣ. и вънѫтрь ср҃ца вънидеши. нравь сытости не имы. кла же по си. бы҃ ѩко ѡблакь мраченъ. и въ мѣсто дъж҃и пролїаша҃ крьвы. из начала ѩко лъвь кръвь лизати рыкнѫ. неповин҃ы҃ болѣрь. бѣ (л 304) ше бо нраво҃ оубїица. и кръвы вънѣнѣаше ѩко мъста сла҃чаншее. и ѡвѣ҃ оубо главы ѿсѣкааш҃, и имѣнїа и҃ побарѣаше. и своа неправе҃нѣ приложеньми възрастоѧ. иныѧ же ѩко ѡвны кѡжѧ ѡдыраѧ. дроуѕїи же на четыри разсцѣплѣаше. и ѡви живы мр҃твы загрѣваше. что же дългославѧ. наведе многаа и лютѣиша озлобленїа и томленїа чл҃кѡ҃. и казни страшныѧ. въсег҃а бо копа҃ше зло обрѣ҃ныѧ (л. 304 об.) лъсти. да аще где обрѣтаетсѧ злато. истъщитсѧ, и къ немоу прѣнесетсѧ. рава бо бѣ҃ златоу. лиши же и воины ѿ оуроука и҃. прѣда҃ же и геѡргїа еп҃па ѡгню въсесънѣдномоу. бѣ бо и тъ лихоимець. и неподатливь велми. и того богатство многа сѫще почрълъ. и не тъкмо сїѫ бестоуднѣ сътварѣашесѧ ѿ него. нѫ и иночьствоуѫщи҃ истаѕааше мнѡгыми бѣдми. и исплънѣахѫсѧ темница (л. 305) свѧзнимии инѡкы. и истъщевааахѫсѧ монастырїе. и дохѡ҃кы имиже на пищѫ имѣхѫ въсѣ҃ ѿѧть. и имѣнїа и҃ въсѣ лѫкавыи къ себѣ съвра. и ѿ въсѫдоу прог҃нѣхѫ҃ чрънци ѩко мръзо҃. и имѣше себе мѫдрѣиша паче ины҃ ц҃рїе прѣж҃е сего бывши҃. ѿ сего окаанны прїе҃ клѧтвѫ на сѧ. и прїиде гнѣвь б҃жїи на не҃. съ оубо не правь бѣ въ вѣрѣ. похоула же ѡбразы бж҃твеныѧ иже на стѣна҃. и на икѡна҃ начрътаныѧ. (л. 305 об.) дроугыи копрони҃ ѩвисѧ нраво҃. празничны҃ и не҃лны҃ д҃нїи чл҃кы дѣлати понѫдѣ. въ великы҃ же по женѫ себѣ припраже. и не тъчїѫ онь нѫ и дроугы҃ женитисѧ пооуща безаконовати.

Тогда посла великыи ц҃рь перскыи слышавь безмѣстнаа и непо҃бнаа о не҃ дѣема. и въ цр҃каа того призва. прѣда҃ же г҃сп҃тво прѣж҃е мало о не҃ гла҃. петроу воеводѣ. мѫжь ѿ рода цр҃ка. вноу҃кь (sic) михни загорстѣи вое (л. 306) водѫ. сн҃ъ же мирчи воеводѣ. радостовидень. веселоокь. зрако҃ же показоуѧ красны҃ до҃ино власти. братоу сн҃и алеѯандроу загорстѣи воеводѫ. и къ прѣстолоу прѣѧтїю тъщѧсѧ прїити. без рати и брани.

оу̓вѣ́дѣв же і̓ѡ́аннь воевода. ꙗ̓ростїѫ ражⷣегса. а̓бїе възⷣвиже
мно́гочⷭлнѫѧ бра́нь. стрѣ́лци. копїи́ници. желѣзоѡ̑дежници.
брѣвници. тоу̓лонѡ́сци. шлѣⷨци. щи́тници. и̓зы́де же на бра́нь
ѿгнеⷨ дыхаѧ. и̓ пожег ты (л. 306 об.) гиня и̓ браила и̓же при
кра́нщи грады пе́рскыѧ. и̓ ма́ло не по́ль земля загорстѣи. хвала
се́бе о̓ побѣ́дѣ и̓ о̓ плѣнѣ. и̓ сьбрани богатствѣ. и̓ ѿ го́ре, прїеⷨ
кра́емь прѣста сладости вькоу́сь. и̓ кь въздоухоу доса́жещїи
сеⷯмь сеⷯ мицеѫ гнѣ́вьныи пла́мень ѿмѫстителныи на молдовѣ
въжегь. оу̑бы что́ же по сиⷯ. ꙗ̓ко лѣвь стра́шно рыкнѫ цр҃твоуѫ-
щиⷨ градѣ цр҃ь сїѫ ꙗ̓ко оу̓слыша. кь о̓крьстныⷯ и̓же поⷣ собоѫ
ѧ̓зыконача́ (л. 307) лїе посла̀. и̓ въста̀ веⷭ а̓гарѣ́нскыи злато̀ⷨ
и̓спьщреⷨ ныⷯ и̓ грьдооу̑мны плькь. на кѡниⷯ златооу̑краше́-
ниⷯ, и̓ о̓строо̑рѫжныⷯ. си́м же и̓ ѕвѣровиⷯныⷯ и̓ сверѣпосрьдыⷯ та-
та́ры прило́жишѧⷭ пльци. сьтекѡшѧ же сѧ и̓ ѿ пеѡ̑нїа. и̓
сьпрѣ́мь оу̓грьвлахїѫ оу̓стрьмисѧ. и̓ ѿ въсꙙдоу пролїа́шѧⷭ
ꙗ̓ко потѡ́ци сь шоу́моⷨ тьчни пѣ́скѡⷨ. и̓зы́де оу̑бо тогда̀ и̓ і̓ѡ́ань
воево́да. съпроти́вѫ тѣ́мь кь о̓плъчѣнїю гото́вь. н҃ѫ а̓ще кто̀ ре-
чеⷭ подо́бень бѣ пти́щоу хоу (л. 307 об.) допе́рѣи бра́тисѧ ве-
ли́кокри́льнѣ и̑ скоропернатѣ́иши птенци̇. масоѡ̑дѫщїи. и̓ быⷭ
крѣ́пкора́тнѣи бра́нь. оу̓ ка́ховѣ е̓зера. и̓ смѣси́вшеⷭ дроу́гь сь
дроу́гоⷨ стра́шно ратеⷨ. ѿ го́ре побѣ́жⷣень быⷭ мѫчи́тель. и̓ по-
срамоищень. и̓ мно́жьство вои́нь погоуби̇. мнѡ́ѕи же и̓ жи́вы ѧ̑ти
бишѧ. и̓ оу̓хва́щень бы и̓ і̓ѡ́аннь. и̓ поноше́нїю вь пра́вдѫ да́нь
быⷭ. двѡ́еⷨ бѡ̑ велбꙙдѡⷨ растѧжен. и̓ ⷩ двое разсѣ́чень. и̑
си́ (л. 308) це оу̑бїнствьнѫѧ и̓зврьже дш҃е нѫжⷯеѫ. тогда̀ вьни́-
дѡшѧ ѱ̓о̑нра́внїи и̓ злоо̑бычнїи тата́ри. вь молда́вскыⷯ прѣдѣ́-
лѣⷯ. и̓ пожигаа́хь и̓мь трьгѡве. и̓мже ѡ̓бираахѫсѧ до́броты.
се́ла же иⷯ вышѧ сьнѣⷯ мнѡгодрѣ́вномоу. и̓ до ро́мань дости́-
гошѧ пожиѕаѫще и̓ плѣноуѫще. жены̀ красновидныⷧ. и̓ ѡ̓троко́-
вицѧ доброко́сїѫ. и̓ напрѣснїи ѡ̓тро́ци. и̓ дв҃ицѧ младоѡ̑бра́з-
ныⷧ въсхыщаахѫсѧ. и̓ ста́рци сь ю̓нотами. и̓ ма́терѧ весчаⷯ
(л 308 об.) ствовахѫ. и̓ дѣти бѡ̑ сирѡтѣваахѫсѧ. и̓ съпро́ста
ре́щи. въсѣкь възрасть вь плѣнь ве́дѡми быва́ахѫ скрьбни. ѿ
чл҃кь до ско́ть мнѡ́жьство бес числа. и̓ бѣ плачь и̑ стена́нїе і̓

вѣ́плъ много[1]) молдави тогда̀. ѿ злы̏и злѣ̏ишіи лъжи вноу́че і ѡ҆а́нне сы̏не дїаволшвь. лжкавствоͯ своиͯ и҆ нравшͯ соу҆емждръноͯ. прѣда͠ зе́мла въ погы́бѣль. съ оу҆бо бл҃гоcъмы́слащиͯ съвѣтникь послоу (л. 309) шати вълѣрь не хо́тѣ. бѣ бо прѣͯречённыи і҆ѡа҃нъ голъи пръвосъвѣтни͠. мжжь добросъмысле͠. и҆ бл҃гоѡбразенъ съвѣ͠никь. тъ оу҆бо мнѡжи цѣж того показа наказоуж. ꙗко пе́рси о҆вгрънoуж͠ въселе́нжа. и҆ крѣпци сжть и хвалосло́вими. и҆ гръдоѡбразны. о҆ не прѣстанжть а҆ще не ѿмъстать поноше́ніе дрьстемь иͯ. и҆ж ѿ двоиͯ съвери себѣ лоу́чша. да и҆ли къ цр҃ю главж прѣкланѣи. и҆ли плещи ѿ (л. 309 об.) да́ни и҆ 'южͯезе́мець бы́ва̀. тоу́ркоͯ же не съпоͯвизаи͠ къ боренїю. и҆ж бѣше ꙗкоже би ре́щи мрътъвцоу бесѣдоужщи. и҆ли при глоусѣ пожщи хвалныж пѣсни. в лѣто ҂зпв. ю͠ м҃ца, сїа приклю́чи͠.:

˚Егда же въсѣ сїа събы́ша͠ тѣͯ. тогда̀ оу҆сми́хнжсѧ дръжава цр͠ствїа добромоу пі́троу воеводѣ. мжжь бл҃городень. и҆ бг҃олюбивь. бл҃голѣпень. свѣтлодш҃ень. ма͠тиѐ нравы. дарови͠ ве́лми̇. непра́вдж нена (л. 310) видѣ. къ нищиͯ тиͯ. пра́вдосжда. чь͠ цр҃ѣ по писаномоу сжͯ люби͠. ѿ не́гоже мнѡзи въспрїаша бла͠ть о҆би́лнж. и҆з негоже монастырїе и҆ мниси напоишасѧ бл҃годѣтми прохлажͯе́нїеͯ строуж. и҆ бж͠твнаа пѣнїа паки̇ цр҃квеͯ цвѣтокрасителныѧ процъвте. и҆ въсѣмь бѣ ра́вно жити тече́нїе. ти́хо же и҆ не мѣтежно прѣбыва́нїе. ѿ ле ти́хости твоеж самодръжче. срͯце цр҃ю бл҃говѣрно е͠ (л. 310 об.) же пишеть въ ржцѣ бж҃їи. пода́жͯь бе се́мȣ многовре́менїи живо́ть. и҆ мирь мно́гь люб͠щаго за́кѡнь твои, ꙗкоже поеть дд҃ь безсъблазнство.

Сїж множ хоу́дыи а҆ще ѿ и҆зраͯнаго рѣчито́чца ѡ҃ца. и҆ сло́вобогатода́вца. постиже́нїа достоинства о҆стаͯ. и҆ж троу́долю́бнѣ съписана быша е҆лико оу҆момь достигоͯ:~

---

1) Повидимому, раньше было многь.

Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій и Доментіанъ, іеромонахъ Хиландарскій.

(Библіографическая замѣтка).

Имена Иларіона и Доментіана могли ставиться рядомъ въ исторіи старославянской письменности, хотя оба писателя и подвизались въ разныхъ земляхъ, въ различное время. Оба они сближаются отчасти и идеей, руководящей ими, и дѣятелями, въ прославленіе которыхъ писали они свои краснорѣчивые панегирики, хотя имѣли въ виду не одинакія заслуги своихъ героевъ и неодинаковую массу, въ которую желали проводить свои назидательныя мысли.

При изложеніи ихъ постоянно должны были обоимъ писателямъ встрѣчаться одни и тѣ же матеріалы и образцы, которыми они могли пользоваться, съ тѣмъ различіемъ, что труды перваго писателя уже чрезъ сто лѣтъ служили образцами второму.

Но различна была судьба трудовъ ихъ. Между тѣмъ какъ первый, долго цѣнимый соотечественниками и соплеменниками, былъ забытъ ими впослѣдствіи, и только съ половины прошлаго столѣтія, съ появленіемъ въ свѣтъ его трудовъ, заслужилъ всеобщее признаніе и оцѣнку; второй славился своимъ талантомъ повсюду только до обнародованія своихъ произведеній.

Въ концѣ первой половины прошлаго вѣка возстановилось забытое значеніе Иларіона, а въ началѣ второй половины вѣка опредѣлилось значеніе Доментіана.

Съ первой половины прошлаго столѣтія появлялись въ печати уже курсы такъ называемой, «исторіи русской литературы», но напрасно стали бы искать въ нихъ нѣкоторыя имена, которыми могла гордиться старая русская письменность: масса ничтожествъ пестрила страницы такихъ курсовъ — учебниковъ, сбивавшихъ съ толку молодые умы, нуждавшіеся въ дѣйствительномъ просвѣщеніи. Конечно и русская наука той поры вникала уже въ сущность умственной дѣятельности руссовъ, возникшей не позже конца X вѣка, но отуманенной впослѣдствіи инымъ направленіемъ жизни, «не помнящимъ родства», забывшимъ «откуда пошла русская земля». Старый матеріалъ болгарской, сербской и русской письменности уничтожался вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ наукѣ событій, а матеріалъ, оставшійся въ цѣлости, разбросанный по пространному полю славянской земли, былъ неизвѣстенъ и не могъ быть обслѣдованъ съ надлежащимъ тщаніемъ, не смотря на массу достойныхъ дѣятелей въ исторіи просвѣщенія. Не только Калайдовичъ и митрополитъ Евгеній, такъ много работавшіе по исторіи русскаго образованія, не могли мечтать объ исторіи русской литературы, но и слѣдующій за ними Максимовичъ, написавшій «Исторію древней русской словесности», — этотъ первый трудъ, достойный своего названія—еще не зналъ одного изъ первыхъ по времени русскихъ писателей — митрополита Иларіона; о различныхъ Плаксиныхъ и Георгіевскихъ и упоминать излишне.

Кіевская цензурная помѣта на книгѣ Максимовича появилась 25 октября 1838 года, а труды Иларіона только что были открыты Кубаревымъ, который чрезъ годъ, 20 октября 1839 года, въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, читалъ «мнѣніе свое о Похвалѣ св. Владиміру, находящейся въ одномъ разсужденіи духовнаго содержанія, сочиненномъ при Ярославѣ»[1]). Докладъ Кубарева опредѣлено было напечатать, но было ли въ немъ сообщено имя Ила-

1) Русскій Историческій Сборникъ, т. III, стр. 415.

ріона, не извѣстно, такъ какъ этотъ докладъ напечатанъ не былъ. Только въ 1843 году Погодинъ сообщилъ о кубаревской находкѣ «Похвалы Владиміру, Ярославова времени», и о томъ, что «въ одномъ харатейномъ сборникѣ, принадлежащемъ г. Лобкову, найдено слово... Иларіона, митрополита Кіевскаго»[1]), а вслѣдъ за тѣмъ, въ 1844 г. Шевыревъ, въ своемъ введеніи въ Исторію Русской словесности» упомянулъ о Кубаревскомъ открытіи «похвальнаго слова св. Владиміру»[2]), но, какъ видится, еще не имѣлъ возможности прочитать его въ рукописи!

Но въ томъ же году, извѣстный ученый протоіерей А. В. Горскій (не подписавшій подъ статьею своего имени) обнародовалъ произведеніе Иларіона въ трудѣ о «Памятникахъ духовной литературы временъ великаго князя Ярослава I-го» въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ», часть II. Онъ напечаталъ слѣдующіе труды, приписываемые Иларіону:

1) О Законѣ Моисеомъ даннѣемъ и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и Вѣра въ вся языки простреся, и до нашего языка Русскаго; и похвала Кагану нашему Владиміру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земля нашеа[3]).

2) Исповѣданіе Вѣры[4]).

---

1) Москвитянинъ, 1843, № 6, стр. 551—552.

2) Ibid. 1844 г., № 3, стр. 123.

3) Слово это извѣстно въ нѣсколькихъ редакціяхъ: у Горскаго, стр. 22—51 (въ отд. оттискѣ изъ «Прибавленій»); у Бодянскаго—стр. к҃а—м҃а, славянорусскія сочиненія въ пергам. сборникѣ Царскаго; у Вс. И. Срезневскаго—стр. 32—68. Мусинъ Пушкинскій Сборникъ; у Н. К. Никольскаго—стр. 32—55, въ статьѣ «Толковая редакція слова о законѣ и благодати», въ Сборн. Отд. Русскаго языка и словесности И. А. Н. т. LXXXII (Матеріалы для ист. древнерусской дух. письменности); у А. И. Соболевскаго—стр. 45—58, II-е отд. второй книги «Чтеній въ ист. общ. Нестора лѣтописца». Отрывокъ «Слова» въ древнѣйшемъ спискѣ XII—XIII вѣка изданъ въ XI т. Извѣстій Р. Я. и Словесности И. А. Н.

4) У Горскаго, стр. 52—54.

3) Поученіе св. Иларіона о пользѣ душевней къ всѣмъ православнымъ Христіаномъ. (Нач. Потщитеся, молю вы, братіе и сестры, къ вѣчной жизни свѣтлѣй)[1]). А «Наказаніе св. Иларіона къ отрекшимся міра Христа ради» (Нач. къ старѣйшему ми брату и Христову рабу убогый азъ инокъ и послѣдній въ братствѣ Иларіонъ»), «тогожде преподобнаго Отца нашего Ларіона о отверженіи міра» (нач. «потщитеся братіе, паче всего безмолвно работати Богови») и «Поученіе св. отца нашего Иларіона Великаго» (нач. «не милуй тѣла своего, брате, слабость ти приносяща»... ученый издатель, отчасти по самому содержанію, отчасти потому, что онѣ «нигдѣ не приписываются Иларіону Кіевскому» не видитъ основанія признавать за «произведеніе сего архипастыря»[2]).

Наконецъ, въ 1846 году митрополитъ Иларіонъ внесенъ былъ въ лучшій по времени курсъ «Исторіи русской словесности» Шевырева, съ мнѣніемъ, что «въ словѣ о законѣ и благодати и истинѣ» мѣсто объ отлученіи Іудеевъ отъ Христіанъ, кромѣ своего общаго значенія, можетъ имѣть и значеніе относительное къ XI столѣтію. «Іудеи—говоритъ авторъ—вѣроятно, и до Владиміра черезъ Козаръ, а при Владимірѣ несомнѣнно, пытались внести къ намъ свою вѣру. Торговыя сношенія съ ними были постоянныя. Есть примѣры мученій, претерпѣнныхъ нашими Святыми мужами отъ Жидовъ»[3]).

---

1) Прибавленія к пр. ч. II, стр. 293—296. Въ 1856 году Купріяновъ переиздалъ это слово по пергаменному списку XII или XIII вѣка, но Срезневскій, сообщившій и варіанты, еще сомнѣвался—дѣйствительно ли нашему Иларіону принадлежитъ это слово. Извѣстія И. А. Н., т. V, стр. 222—224.

2) Горскій, стр. 21 оттиска.

3) Шевыревъ, ч. II, стр. 17 — 31, 54 — 55. Въ 1-мъ т. «Сына Отечества» 1847 г., въ отдѣлѣ критики и библіографіи, появился разборъ книги Шевырева, гдѣ авторъ, между прочимъ отрицаетъ самостоятельность въ сочиненіи «слова о законѣ и благодати», искусно доказывая, что такое произведеніе могло быть только болгарско-византійскимъ, но не могло быть памятникомъ *литературы* на Руси въ XI вѣкѣ. Шевыревъ отвѣчалъ на эту рецензію въ 1-й книжкѣ Москвитянина за 1848 годъ. Отвѣтъ его направленъ на извѣстную часть вопроса, неисчерпывающую всю суть рецензіи.

Чрезъ два года (1848 г.), послѣ выхода въ свѣтъ книги Шевырева, появилось новое, по болѣе древнему тексту, открытому Кубаревымъ, изданіе слова о Законѣ и благодати, сдѣланное Бодянскимъ [1]). Онъ съ восторгомъ отзывается о «словѣ». «Признаюсь—говоритъ Бодянскій—я во всей нашей словесности, древней и новой, ничего не знаю, чтобы вѣрнѣе и живѣе, съ такой правдой исторической, чувствомъ сердечнымъ, прелестью и свѣжестью выраженій и поэтическимъ колоритомъ, изображало намъ нашего Владиміра Великаго, это, по справедливому замѣчанію народа, дѣйствительно красное солнышко Руси. Видно въ каждомъ словѣ, что говоритъ человѣкъ по собственному наглядному опыту, коротко знакомый съ своимъ любимцемъ, слѣдившій долго и съ любовію за нимъ, который всматривался и вдумывался въ подвиги своего Единодержавца Рускія земли, и когда его не стало, въ одинъ разъ всѣ долголѣтнія думы и чувства сердца высказалъ въ своей огненной рѣчи, запечатлѣлъ въ образѣ, которымъ этотъ чудный и святой государь является глазамъ самаго поздняго потомства какъ бы присущимъ, живымъ. Такъ живописуютъ одни лишь великіе художники» [2]).

Къ характеристикѣ произведенія Иларіона издатель не привелъ никакихъ аргументовъ да и послѣ него до появленія второго изданія «Исторіи русской словесности» не было высказано ничего новаго.

Въ 1860 году Шевыревъ въ новомъ изданіи своего труда уже сообщилъ въ пользу ранѣе имъ высказаннаго мнѣнія, нѣкоторыя «обстоятельства, объясняющія, почему вопросъ о Хри-

---

1) П. М. Строевъ, въ описаніи «рукописей славянскихъ и россійскихъ, принадлежащихъ И. Н. Царскому», вышедшемъ въ томъ же 1848 г., кажется, сомнѣвался въ принадлежности «слова» Иларіону м. Кіевскому, хотя онъ и упоминаетъ о рукописи слова, находящейся въ б—кѣ Царскаго и открытой Кубаревымъ. См. стр. 349.

2) Славянорусскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго. Стр. XV (Чтенія въ Общ. Исторіи и Др. 1848, кн. 7).

стіанствѣ и Іудействѣ могъ быть вопросомъ современнымъ»[1]) и указалъ на нѣкоторыя мѣста въ поученіи митрополита Даніила (XVI в.), заимствованныя изъ слова Иларіона «о законѣ Моѵсеемъ данномъ», но—что особенно важно—указалъ на одно поученіе Ефрема Сирина, «имѣвшее, по видимому, сильнѣйшее вліяніе на слово Иларіона», и отрывокъ изъ Кирилла Александрійскаго, напоминающій «слово» Иларіона[2]).

Наконецъ въ 1906 году появились и «Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій», обнимающіе памятники X—XI столѣтій; въ этомъ почтенномъ трудѣ г. Никольскаго указаны всѣ извѣстные списки сочиненій Иларіона въ хронологическомъ порядкѣ, что значительно облегчитъ работу будущимъ историкамъ русской литературы.

И преосвященный Макарій (бывшій въ 1857 г. епископомъ Винницкимъ), считавшій «слово о законѣ и благодати» «перломъ всей нашей духовной литературы перваго періода», отвелъ Иларіону почетнѣйшее мѣсто въ исторіи жизни и литературы Руси, и, какъ и другіе ученые, въ составѣ «слова» находилъ три части, разнородныя повидимому, но отличающіяся тѣсною внутреннею связью. Въ первой части онъ указываетъ на прославленіе Новаго Завѣта сравнительно съ Ветхимъ и распространеніе Христіанства повсюду и особенно въ землѣ Русской; во второй—на восхваленіе равноапостольнаго Владиміра; въ третьей—авторъ отмѣчаетъ молитву къ Богу отъ лица всей новопросвѣщенной земли русской, «такъ что первая часть служитъ самою твердою опорою для второй, а вторая естественно приводитъ къ третьей и заключается ею»[3]).

Иларіонъ начинаетъ славословіемъ Бога, избавившаго людей своихъ, «одержимыхъ идольскимъ мракомъ и бѣсовскимъ

1) Шевыревъ. ч. II, стр. 23.
2) Ibid., стр. 26 и 67.
3) Исторія русской церкви, I, стр. 90.

служеніемъ» и «оправдавшаго прежде племя Авраамле скрижальми и закономъ, а послѣ Сыномъ своимъ спасшаго вся языки Евангеліемъ и крещеніемъ». *Законъ* «проуготовалъ» *истину и благодать*: законъ былъ предтечею и слугою благодати и истинѣ, а истина и благодать — слугою будущему вѣку — нетлѣнной жизни. Моисей и пророки говорили о будущемъ пришествіи Христа, а Христосъ и апостолы — о воскресеніи и будущей жизни. Писатель находитъ, что излишне было бы въ его словѣ излагать проповѣдь пророковъ и ученіе апостоловъ: «иже бо то въ инѣхъ книгахъ писано и вамъ вѣдомо». «Не къ невѣдущимъ бо пишетъ, но преизлиха насыщшемся сладости книжныя», и желаетъ разсуждать только о законѣ, данномъ Моисеемъ и о благодати и истинѣ, внесенныхъ Христомъ. И такъ прежде данъ былъ законъ, а потомъ—благодать, а прообразованіемъ закона и благодати были Агарь и Сарра, рабыня и свободная; сынъ Агари, Измаилъ, былъ несвободнымъ, сынъ Сарры, Исаакъ—свободнымъ, и несвободный обижалъ свободнаго, а по вознесеніи Господа крещеные *по благодати* терпѣли обиды отъ обрѣзанныхъ *по закону*; обрѣзанные, считая себя старѣйшими, «насиловаху на Христіаны», Христіане были «обидимы отъ Іудей», и «отогнана бысть Агарь раба съ сыномъ ея Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободныя, наслѣдникъ бысть отцу своему Аврааму. И отгнани быша Іудеи и расточени по странамъ, и чада благодатная Христіаніи наслѣдницы быша Богу и отцу».

Эта часть слова имѣла своимъ основаніемъ по преимуществу посланіе Апостола Павла къ галатамъ (гл. IV), при чемъ писатель упомянулъ о Ефремѣ и Манассіи, касаясь старѣйшинства по наслѣдію. Послѣдняго сближенія, у многочисленныхъ толкователей посланія къ Галатамъ не встрѣчается. Переходя къ тому, что, какъ по всей землѣ распространяется роса, такъ распространяется и вѣра, писатель упоминаетъ о Гедеонѣ (Кн. Судей, VI, 36—38). «Яко же рече Гедеонъ къ Богу: аще Ты рукою моею спасаеши Израиля, да будетъ роса на рунѣ токмо, по всей же земли суша; и бысть тако. По всей бо земли суша прежде

бѣ, идольстѣй льсти языки одръжащи и росы благодатныя не пріемлющимъ. Въ Іюдеохъ же токмо знаемъ бѣ Богъ, и въ Ізраили веліе имя Его, и въ Іерусалимѣ единомъ славимъ бѣ Богъ. Рече же паки Гедеонъ къ Богу: да будетъ суша на рунѣ токмо, по всей же земли роса; и бысть тако. Іюдейство бо преста и законъ отъиде, кивотъ и скрижали и оцѣстило отъято бысть. По всей же земли роса: по всей бо земли Вѣра простреся, дождь благодатный оброси, купель пакы порожденіа сыны своя въ нетлѣніе облачитъ».—Профессоръ Тихонравовъ указываетъ на рукопись Толковой Палеи (рук. Уварова), представляющей тираду, напоминающую слова Иларіона[1]; тотъ же отрывокъ предлагается здѣсь по тексту Синодальной рукописи Толковой Палеи 1477 года, изданной Общ. любителей древней письменности въ 1892 г.

И рече гедеѡнъ къ господоу. аще роукою моею спасаеши израіла ꙗко же глагола. то се полагаю роуно волнано на точилѣ своемь. то аще боудетъ на роунѣ токмо роса. а по всеи земли соуша. то оуѣдѣ господи ꙗко спасаеши роукою моею израіла. и бысть тако. ѿвъоутрекъ же гедеѡнъ за оутра. и пріиде на гоумно свое. и изви роуно. и наполни съсоудъ, и сшедшиꙗ вода на роуне, а по всеи земли соуша.:.

Єимь оубо преѡбразова спасъ нашь свое плотское рождество. ꙗкоже оубо бысть тогда по всеи земли соуша. но токмо на роуно роса съшедши. тако оубо ѿпоустѣ вселенаꙗ безбожиемь. имже ни пророци в нихъ проповѣдаша. ни апостоли наоучиша странскыхъ ꙗзыкъ, но исхоша невѣдѣниемь. имже покланахоутсѧ коумиромъ. но за милосердие пріиде спасъ нашъ, ꙗко роса на роуно в родъ еврѣискы и токмо. и по семь рече гедеѡнъ, да не прогнѣваетсѧ ꙗрость твоꙗ господи на мѧ. и се еще полагаю роуно единою на точилѣ моемь. да боудетъ

1) Сочиненіе. Т. I, стр. 44 (въ примѣчаніяхъ). Тамъ же Тихонравовъ приводитъ цитату изъ Палеи о Саррѣ и Агари.

по всеи земли роса токмо на роуне сѹша. и оувѣдѣ ꙗко роукою моею спасеши израіла. рече же писание и сътвори господь тако в тоу нощь бысть соуша на рѹнѣ токмо а по всеи земли роса. то и се оубо предложися на ѡбразъ хотащеи быти. ꙗко же бо роса на роуно сниде. тако и спасъ нашь родися ис пречистыѧ дѣвица. ѿтъ июдина колѣна. дѣвица же оубо та, ни пострада, ни ꙗболѣ въ пречистое рождество спаса. но ꙗко же пакы бысть по всеи землй роса. тако и странамъ ꙗзыческымь крещение. дарова на ѡмвение грѣхъ. ѡбьоутре оубо гедеѡнъ ѡбрѣте по всеи земли росоу. но токмо на роунѣ соуша . . . [1]).

Затѣмъ прославляя «величествіе славы» Божіей, Иларіонъ распространяется о «двухъ естествахъ»—«божествѣ и человѣчествѣ, весьма согласно съ словами поученія Ефрема Сирина о Преображеніи.

Иларіонъ

Прежде вѣкъ отъ Отца рожденъ, единъ съпрестоленъ Отцу, єдіносущенъ, якоже солнцу свѣтъ, сниде на землю, посѣти людій своихъ, не отлучився Отца, и въплотися отъ дѣвицы чисты, безмужны, бесквериы, вшедъ якоже Самъ вѣсть; плоть пріимъ, — изыде, якоже вниде; единъ сей отъ Троица, въ двѣ естьствѣ, Божество и человѣчество: исполнь человѣкъ, по въчеловѣченію, а не привидѣніемъ; но исполнь

Ефремъ Сиринъ.

.... самыѧ вещи свѣдѣтельствоуютъ и силы єго божественыѧ разсѹждаємыѧ ꙗко єсть богъ истиненъ. Страсти єго ꙗвлꙗютъ ꙗко єсть человѣкъ истиненъ...... аще не бѣ плоть. Марїа посредѣ что въ ведеса, и аще не бѣ Господь Гаврїилъ. Господа кого нарече, аще не бѣ плоть въ ꙗслехъ, кто възлежи и аще не бѣ Богъ: аггели съшедше кого словословахѹ. аще не бѣ плоть. пеленами кто ѡбвиваемъ бѣше.

1) Толковая палея. лл. 288, 6; 289, а.

Богъ, по Божеству, а не простъ человѣкъ. Показаа на земли Божескаа и человѣчьскаа: яко человѣкъ, во утробѣ матерни растяаше, и яко Богъ, изыде, дѣвьства не врeждь; яко человѣкъ, матерне млеко пріятъ, и яко Богъ, пристави Ангелы съ пастухи пѣти: слава въ вышніихъ Богу; яко человѣкъ, повився въ пелены, и яко Богъ, звѣздою влъхвы важдааше; яко человѣкъ, въ яслехъ възлеже, и яко Богъ, отъ влъхвъ дары и поклоненіе приятъ; яко человѣкъ, бѣжаше въ Егvпетъ, и яко Богу рукотворенная Егvпетскаа поклонишася; яко человѣкъ пріиде на крещеніе, и яко Бога устрашився, Іорданъ възвратися: яко человѣкъ, обнажився вниде въ воды, и яко Богъ, отъ Отца послушество пріятъ: сь есть Сынъ мой възлюбленный; яко человѣкъ, постися м҃ дній и взалка, и яко Богъ побѣди искушающаго; яко человѣкъ, иде на бракъ въ Кана Галилеи, и яко Богъ, воду въ вино преложи; яко человѣкъ, въ карабли спаше, и яко Богъ запрѣти вѣтромъ и морю, и послушаша Его; яко человѣкъ,

а҆ще не бѣ Богъ пастыріе комꙋ поклонишасѧ. а҆ще не бѣ плоть. і҆ѡ҃сидъ кого ѡ҃брѣза, и҆ аще не бѣ Богъ звѣзда на небеси въ честь комоу течаше, а҃ще не бѣ плоть. Марі́а млекомъ кого въздои. а҆ще не бѣ Богъ влъсви дары комоу приношахꙋ а҃ще не бѣ плоть симеѡ҆нъ на рꙋкоу кого ношаше. и҃ аще не бѣ Богъ комꙋ глаголаше. ѡтпоусти мѧ съ миромъ. и҆ а҃ще не бѣ плоть, і҆ѡ҃сидъ кого прие҃мъ бѣжа въ е҆гѵ҆петъ, и҃ а҃ще не бѣ Богъ *(на комъ исполнилось сказанное)* и҃зъ е҆гѵ҈пта призвахъ сына мое҃го, како сѧ и҃сполни. а҃ще не бѣ плоть, і҃ѡа҆н҆нъ кого крести. и а҃ще не бѣ Богъ ѡтецъ комоу глаголаше се҃ есть сынъ мой възлюблен҆ный ѡ҃ немъ же благоизволихъ, аще не бѣ плоть кто постисѧ и҆ възалка въ пꙋстыни. и а҃ще не бѣ Богъ. а҃гели съшедше комꙋ слꙋжаша. а҆ще не бысть плоть кто призванъ бысть на бракъ въ Кана галилей и҆ а҃ще не бѣ Богъ водꙋ въ вино кто преложи. и҆ а҃ще не бѣ Богъ *(кто въ пустыни пятью хлѣбами и двумя рыбами напиталъ)*, пѧть тысоущь людии кромѣ женъ и҆ дѣтіи кто на-

по Лазари прослезися, и яко Богъ, въскреси и отъ мертвыхъ; яко человѣкъ, на осля всѣде, и яко Богу зваху: благословенъ грядый въ имя Господне; яко человѣкъ, распятъ бысть, и яко Богъ, своею властію спропятаго съ Нимъ впусти въ рай; яко человѣкъ, оцта вкуси и испусти духъ и яко Богъ, солнце помрачи и землю потрясе; яко человѣкъ, въ гробѣ положенъ бысть, и яко Богъ, ада раздруши и душа свободи; яко человѣка печатлѣша въ гробѣ, и яко Богъ изыде, печати цѣлы съхрань; и яко человѣка тщахуся Іудеи утаити въскресеніе, мъздяще стражей, но яко Богъ увѣдѣся и познанъ бысть всѣми конци земля. По истинѣ кто Богъ велій яко Богъ нашь? Тъ Богъ есть творяй чудеса, съдѣла спасеніе посредѣ земля крестомъ и мукою, на мѣстѣ лобнѣмь, вкусивъ оцта и желчи, да сластнаго вкушенія Адамова, еже отъ древа, преступленіе и грѣхы вкушеніемъ горести проженетъ[1]).

пита ѡтъ пѧтихъ хлѣбъ и двою рыбꙋ, аще не бѣ плоть въ корабли кто спаше и аще не бѣ Богъ вѣтромъ и морю кто запрѣти. и аще не бѣ плоть симонъ фарисей с кымъ ꙗдѧше. и аще не бѣ Богъ съгрѣшенія грѣшници кто прости. аще не бѣ плоть. надъ стоуденьцемъ пꙋтемъ трꙋждьсѧ кто сѣдѧше. и ѿвличаше ꙗко пѧть мꙋжь имѣ. аще не бѣ плоть. ѡдѣние человѣчее кто носѧше, и аще не бѣ Богъ силы кто творѧше и чюдеса, аще не бѣ плоть. кто плюноу на землю брѣние сътвори и аще не бѣ Богъ. ѿчеса слѣным кто оузрѣти покꙋдилъ есть. и аще не бѣ плоть на гробѣ лазоревѣ кто плакаше, и аще не бѣ Богъ. мертва четверод'невна повелѣн'но кто въстави. и аще не бѣ плоть на жребѧти скотьи кто сѣдѧше. иаще не бѣ Богъ. народъ съ славою на сретение комꙋ исхождахꙋ. и аще не бѣ плоть иоудеи кого ꙋдержаше. и аще не бѣ Богъ кто повелѣ земли и на лици[1]) ихъ ѿпроверже. и аще не бѣ плоть. кто за ланитоу заоу-

1) Горскій, стр. 30—31.

1) Ницъ

шаше́ся. и̂ а̂ще не бѣ Богъ. оу҆́хо ѿрѣзан'ное петромъ кто и҆сцѣли. и҆ оу҆строе пакы въ мѣсто е҆го, и҆ а̂ще не бѣ плоть чии ѿбразъ прии̂маше ѿплеваніе. и̂ аще не бѣ Богъ доу҆хъ сватыи кто дѹ́ноу на лицѐ а̂постоломъ. аще не бѣ плоть. на сѹдищи пилатовѣ кто предстоа́ше и̂ а̂ще не бѣ Богъ въ снѣ пи́латовоу женоу кто оу҆̀страши, а҆́ще не бѣ плоть, чи́а ризы съвлекоша воини. и҆ раздѣлиша. и҆ а҆́ще не бѣ Богъ, солнце како ѿмрачися на[1]) крестѣ, а҆́ще не бѣ плоть, на крестѣ кьто висаше. а҆́ще не бѣ Богъ земли ѿснованна кто сътрясе, аще не бѣ плоть. гвоздьми комѹ роуцѣ и҆ нозѣ пригвоздишася. и̂ аще не бѣ Богъ церковнаа̀ ѿпона како раздрася и҆ каменіе разсѣдеся и҆ гробѣ ѿтверзошася. и̂ аще не бѣ плоть, *(кто воззвалъ)* боже, боже мои въскѹю остави кто зо́ваше, и̂ а̂ще не бѣ Богъ *(кто воззвалъ)*, ѿ҆тче прости и҆мъ грѣхъ сьи кто рече. а҆́ще не бѣ плоть. на крести с разбоинико́мъ кто висаше и҆ а̂ще не бѣ Богъ разбоиникѹ кто

1) При

глаголаше. днесь съ мною̀ ѐси въ рай̀. аще не бѣ плоть, ѿцта ѝ желчи комоу принесоша. ѝ ȁще не вѣ Богъ ȃдъ чїи гласъ оуслышавъ ѝ въстренета, аще не вѣ плоть, копиѐмъ ребра комоу прободоша ѝ ѝзыде абиѐ кровь ѝ вода, ѝ ȁще не бѣ Богъ. врата ȃдова кто̀ съкруши, ѝ велѣнїемъ котораго мертвѝ затвореніи ѝсхождахꙋ̑. аще не бѣ плоть ȃпостоли на горницы[1]) кого видѣша. и ȁ̆ще не бѣ Богъ. дверемъ затвореным̾ъ кто вниде. ȁще не бѣ плоть чїа. ꙗ̀звы гвоздьнныа̀ и ребра копнемъ проводен̾наа̀ ѿсѧза рꙋками Фома. аще не бѣ Богъ, комоу зовѧше. Господь мои ȋ Богъ моѝ ȁще не бѣ плоть, на морѣ тиверїадѣтьстѣмъ кто ꙗ̆де, ѝ ȁще не бѣ Богъ кого повелѣниѐмъ мрѣжа ѝсполнишасѧ рыбъ, ȁще не бѣ плоть. ȃпостоли ѝ аггели кого видѣша възносима на небо. ѝ ȃще не бѣ Богъ. небо комꙋ ѿтверзесѧ. силы же небесныа́ комоу поклонишасѧ съ трепетомъ. ѝ ѿтець комꙋ провъзвѣсти сѧди ѡ̀десноую̀ мене ѝ прочаа̀. ȃще

1) въ гробницѣ.

не бѣ Богъ и человѣкъ ложно
есть спасение наше прочее[1]).

У современника Ефрема Сирина—Кирилла Іерусалимскаго, въ его 4-й «катихизической бесѣдѣ», тоже находимъ сопоставленія, близкія къ приведеннымъ выше строкамъ Ефрема: «итакъ вѣруй, что единородный сынъ Божій, чрезъ заблужденія наши, снисшелъ съ небесъ на землю, воспріялъ на себя подобострадательное намъ человѣчество и родился отъ Святой Дѣвы и Святаго Духа. И вочеловѣченіе совершилось не въ представленіи только, но дѣйствительно..... онъ питался молокомъ, какъ и мы, дѣйствительно вкушалъ, какъ мы, дѣйствительно пилъ... Если вочеловѣченіе было только представленіемъ, то и спасеніе наше—представленіе. Двойственъ былъ Христосъ; но повидимому Онъ былъ человѣкъ, а по невидимому—Богъ; какъ и мы, Онъ вкушалъ, потому что имѣлъ подобнострадательную плоть; но самъ Богъ напиталъ пятью хлѣбами пять тысячъ (народа); умеръ дѣйствительно, какъ человѣкъ; но четверодневнаго мертвеца пробудилъ, какъ Богъ; во время плытія, Онъ спалъ, какъ человѣкъ, и ходилъ по водамъ, какъ Богъ. Онъ былъ дѣйствительно распятъ на крестѣ..... и хотя у людей и былъ въ презрѣніи, и ударяемъ былъ, какъ человѣкъ, но твореніемъ своимъ сознанъ былъ, какъ Богъ. И солнце, видя поруганіе Господа, не перенося сего зрѣлища, затмилось съ трепетомъ. Въ каменномъ гробѣ Онъ положенъ былъ какъ человѣкъ, но камни отъ страха предъ нимъ разсѣлись»[2]).

У Кирилла Туровскаго находимъ тѣ же отголоски рѣчи Еф-

---

1) По рукоп. Соловецкой библ., лл. 269—270. (Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря. Часть I, стр. 680. Рукопись, № 369). Ср. оригиналъ по изд. І. С. Ассемани—Romae, 1743. Λογος εις την μεταμορφωσιν. Т. II, р. 46—48.

2) У Миня: Cyrilli A. Hierosolymitani Opera T. XXXIII, p. 465, 468, 469. Подобныя сближенія встрѣчаются и въ словѣ Іоанна Златоустаго на Воздвиженіе Креста Господня. (Великія Минеи Четіи. Сентябрь, стр. 678).

рема Сирина и Иларіона М. Кіевскаго. Въ «словѣ на Воскресеніе» (на Пасху) читаемъ у Кирилла: «Предъ вчерашнимъ днемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ распинаемъ бѣ, ꙗко человѣкъ и, ꙗко Богъ, солнце помрачи и луну въ кровь преложи, и тьма бысть по всей земли. Ꙗко человѣкъ, възпивъ испусти духъ, нъ, ꙗко Богъ, землею потрясе, и каменіе распадеса. Ꙗко человѣкъ въ ребра оударѧѥмъ, но, ꙗко Богъ, завѣсу перваго закона полма раздьра. Ꙗко агнець, кровь свою источи за кровь агнець, закалаѥмыхъ в пустыни на жертву, и собою жертву за спасениѥ всего мира Богу и Ѡтцю принесе. Ꙗко человѣкъ, во гробѣ положенъ бысть, и ꙗко Богъ, ѡлтарь ꙗзычьскыꙗ церкве ѡсвѧти. Ꙗко царь стражьми стрегомъ, и запечатлѣнъ въ гробѣ лежаше, нъ ꙗко Богъ, ангельскими вои, бѣсовьскымъ силамъ, въ твердыни ада вѣщаше, глаголѧ: възмѣте, врата, кнѧзи ваши, да внидеть царь славы. Нъ врата адова съкрушишасѧ словомь ѥго, и вереꙗ сломишасѧ до ѡснованиꙗ. . . .[1])

Текстъ о воплощеніи, изъ слова Ефрема Сирина, которымъ пользовался Иларіонъ, вошелъ и въ «пятое слово о воплощеніи» Митрополита Даніила, при чемъ часть его «съ буквальной точностью» повторяетъ слова Иларіона изъ второй части поученія «о законѣ и благодати»[2]).

Труды несомнѣнно Иларіона или только по преданію, по капризу переписчиковъ или почитателей нѣкоторыхъ трудовъ приписываемые Кіевскому митрополиту, пользовались большой извѣстностью у русскихъ книжниковъ. Уже въ XIII вѣкѣ лѣтописцы словами Иларіона прославляли своихъ героевъ. Такъ волынскій лѣтописецъ примѣняетъ похвалу св. Владиміру къ дѣятельности князей Владиміра Васильковича и Мстислава, буквально слѣдуя Иларіону[3]); въ словѣ въ память св. Леонтія, епископа Ростов-

---

1) Изд. Сухомлинова: Рукописи графа А. С. Уварова. Т. II, стр. 11—12.

2) Жмакинъ: Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881, стр. 324—329. У Горскаго стр. 30—81.

3) П. С. лѣтописей; т. II, стр. 221—222.

скаго встрѣчаемъ тоже непосредственныя заимствованія изъ похвальнаго слова Иларіона[1]).

Но не только на Руси: и на славянскомъ югѣ имя Кіевскаго митрополита Иларіона пользовалось извѣстностью и уваженіемъ: стоитъ только припомнить, что нѣкоторыя «слова», извѣстныя на Руси съ именами св. Иларіона, Иларіона Великаго, у сербовъ уже приписываются Иларіону Митрополиту Кіевскому. Съ трудами Иларіона стоитъ только сопоставить широковѣщательныя писанія хиландарскаго іеромонаха Доментіана, столь любимаго и цѣнимаго своими соотечественниками и восхваляемаго долгое время славянскими учеными. Сочиненія Доментіана дошли до насъ во множествѣ списковъ сдѣлавшихся извѣстными и переписываемыми и на Руси. Какъ цѣнили и Сербы и Руссы труды Доментіана, явствуетъ изъ приписки къ житію Саввы, въ которой сообщалось: «въ лѣто 7025 привезъ къ Великому князю Василію старецъ Ісаіа изъ святыя горы изъ Ватопедя монастыря книгу житіе святаго Савы, пръваго архіепископа сръпскаго и съ тое книгы написаны сія тетрати въ дому св. Николы Стараго на Москвѣ въ келіи Михаила Медоварцова и далъ сіи тетрати въ домъ св. Богородица въ Кириловъ монастырь на Бѣло езеро, чтобы помянули въ святыхъ своихъ молитвахъ мое окаянство грѣшнаго Михаила, за молитвъ святыихъ отецъ Симеона и Савы, Господи Ісусе Христе, сыне Божій помилуй насъ аминь[2]). Во всѣхъ библіотекахъ рукописей на Руси встрѣчаются или несомнѣнно труды Доментіана, или сочиненія долго приписываемыя ему Сербами, но вообще говоря, не встрѣчалось и въ позднихъ трудахъ по исторіи русской литературы знакомства съ тѣми заимствованіями изъ писаній Иларіона, которыя несомнѣнно имѣются въ прославленныхъ трудахъ Доментіана. Славянскіе ученые тоже не замѣчали явственныхъ слѣдовъ этого заимствованія. Имя

---

1) Православный собесѣдникъ, 1858, ч. 1-я, стр. 420—481.

2) Строевъ П. М.: Библіологическій словарь стр. 93. Строевъ почему-то вообразилъ, что «Доментіанъ, какъ кажется, жилъ въ началѣ XV вѣка». Ср. Обст. описаніе С. Р. рукописей Ѳ. А. Толстова, стр. 384.

Доментіана, сдѣлавшагося уже въ половинѣ XIII вѣка прославленнымъ сербскимъ писателемъ, въ исторіи Русской литературы могло быть извѣстно уже изъ книги Калайдовича въ первой четверти XIX столѣтія, гдѣ онъ называется *преподобнымъ*, *богоумнымъ*, *истымъ книголюбцемъ, и великимъ боголюбцемъ*[1]).

Приписываемыя Доментіану жизнеописанія св. Симеона и Саввы уже въ 1794 году были изданы сербскимъ епископомъ Кирилломъ (Живковичемъ) въ Вѣнѣ, а затѣмъ въ 1858 году въ Парижѣ эту книжку перепечаталъ А. Ходзько, подъ заглавіемъ: Légendes Slaves du moyen âge. 1169—1237. Les Némania vies de st. Syméon et de st. Sabba. Traduction du paléo-slave en français avec texte en regard.

Компилація Живковича носитъ такое заглавіе: Житіє свѧтыхъ Сербскихъ Просвѣтителей Сѵмеѡна и Саввы списанное Доментїаномъ іеромонахомъ Хиландарскимъ во свѧтѣй Горѣ Аѳѡнстѣй ученикѡмъ свѧтаго Саввы Первагѡ Архїепіскопа Сербскагѡ сокращенноже и ѡчищенно Кѵрілломъ Живковичемъ православнымъ Єпіскопомъ Пакрачкимъ и Славонїи.

Это житіе написано было тѣмъ дѣланнымъ Сербскими писателями языкомъ XVIII ст., который назывался у нихъ «славяносербскимъ». Дѣйствительно же древній сербскій текстъ сочиненій Доментіана появлялся только во второй половинѣ XIX вѣка, хотя Шафарикъ, жившій въ Новомъ Садѣ, еще въ 1831 году съ восторгомъ отзывался о Доментіанѣ въ своемъ «Обзорѣ замѣчательнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ Сербовъ и другихъ югославянъ древнѣйшей поры»[2]).

Въ обзорѣ памятниковъ церковной исторіи Шафарикъ такъ выражается о трудахъ Доментіана: «Житіе свв. Симеона и

1) Іоаннъ экзархъ Болгарскій. М. 1824, стр. 165. Ср. съ Шестодневомъ, приготовляемымъ къ изданію Бодянскимъ, и выпущеннымъ А. Н. Поповымъ. М. 1879, стр. 253.

2) Въ Jahrbücher der Literatur, 1831. Bd. LIII: Uebersicht der vorzüglichsten Schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey Serben und anderen Südslawen.

Саввы, сочинены іеромонахомъ Доментіановъ въ 6772 (1264) году. Іеромонахъ Доментіанъ извѣстенъ знатокамъ славяно-сербскихъ древностей отчасти по труду Калайдовича «Іоаннъ экзархъ», въ припискѣ къ Хиландарскому Шестодневу 1263 г., какъ восторженный почитатель славянской письменности. Предлежащее сочиненіе (житія)—славный памятникъ на столь же его просвѣщеннаго духа, какъ и обширной учености, и какъ сербское и по содержанію и по изложенію одинаково превосходное оригинальное произведеніе, составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній во всей древне-славянской литературѣ.

Появленіе такого прелестнаго растенія, полнаго неувядаемыхъ цвѣтовъ, въ темной кельѣ какого-то славянскаго затворника въ срединѣ XIII столѣтія, этимъ самымъ уясняетъ, что духъ классической древности, одѣтый въ форму христіанскаго идеала, еще не совсѣмъ покинулъ грековъ и духовно слившихся съ ними славянъ въ Македоніи и Ѳракіи, отъ временъ Кирилла и Меѳодія до Доментіана. И дѣйствительно литературныя произведенія южныхъ славянъ, и въ великомъ и въ маломъ въ матеріи и формѣ, чѣмъ старше тѣмъ больше сохраняютъ оригинальности, естественности и вкуса; а чѣмъ моложе, тѣмъ замѣтнѣе упадокъ слова и мысли. Сравните только Савву отъ 1199—1215 года и Доментіана, отъ 1264 г. съ Даніиломъ, отъ 1338 и съ его продолжателями до 1375-го или съ Григоріемъ Цамблакомъ, около 1400! Трудъ Доментіана, посланный имъ (съ Аѳона) въ Сербію, и со времени Кипріана митрополита Кіевскаго и всея Россіи... извѣстный въ Россіи именно по библіотекѣ гр. Толстого въ трехъ рукописяхъ (отд. II, №№ 197, 233, 362),—трудъ этотъ описываетъ жизнь и подвиги двоихъ безсмертныхъ реставраторовъ сербскаго государства—отца, основавшаго политическое бытіе государства, и сына, заново основавшаго церковное и духовное существованіе, съ такой полнотой, обиліемъ мыслей и красотой языка, которыя столь-же любопытны для сербскаго историка, сколько важны для славянскаго филолога..... Доментіанъ былъ ученикъ Саввы и разсказываетъ многое, какъ очевидецъ, въ

иныхъ случаяхъ ссылается на источники, особенно на свидѣльства старцевъ, считавшихъ себѣ и болѣе ста лѣтъ. И житіе св. Симеона, писанное его сыномъ Саввою, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, было извѣстно Доментіану, хотя ясно на это и неуказывается. Но, къ сожалѣнію, напрасно будемъ искать у него хронологическихъ данныхъ! Между тѣмъ съ помощью житія св. Симеона, писаннаго Саввой и при пособіи другихъ данныхъ, можно установить хронологію обоихъ святыхъ. Неманя родился въ 1114 г. въ Рыбницѣ близъ Діоклеи въ Зетской области..... Скончался 13 февраля 1200 г.... Савва родился около 1170 г., скончался 14 іюня 1237 г. [1]).

Только въ 1865 г. Сербы и Хорваты познакомились съ трудами Доментіана, въ изданіи трудолюбиваго Даничича. Въ 1860 году Даничичъ издалъ «Живот светога Саве. Написао Доментиjан. У Биограду. 1860». Но эта біографія писана, судя по большинству обозначеній въ рукописяхъ, «мнихомъ Θеодосіемъ». Находились ученые, приписывавшіе ее и «Θеодору» вслѣдствіе того, что въ извѣстномъ «Путешествіи по Европейской Турціи», написанномъ Григоровичемъ, и изданномъ въ 1848 году (стр. 28—29) прочитали, что онъ нашелъ въ «Типикарницѣ св. Саввы сербскаго» (въ Кареѣ) рукопись: «Житіе и подвиѕи св. Саввы—сказано преподобнымъ Доментіаномъ инокомь и пресвитеромь монастыря Хиландарскаго, списано Θеодоромъ мнихомъ». Перг. 4°. Въ концѣ книги приписка: рукою грѣшнаго Θеодула, ѕѡмд (6844) (1336). Что здѣсь «Θеодоръ»— описка Григоровича или опечатка жалкой въ ту пору типографіи Казанскаго университета—явствуетъ изъ того, что очевидно ту же самую рукопись въ 1865 году *иначе* описалъ Петковичъ въ своемъ «Обзорѣ Аθонскихъ древностей» (стр. 56): въ Хиландарѣ онъ записалъ: Житіє и подвизы єже въ поустыни сь своимь ѿцемь и ѡсобь хож^д^енија, а

1) Стр. 44—45 отд. оттиска статьи; повторено въ Geschichte d. Südslawischen Literatur. Gesch. d. Serb. L—ur. 230—231. Отрывокъ изъ Доментіановскаго житія св. Саввы былъ напечатанъ Шафарикомъ (стр. 122—125) въ Serbische Lesekörner, 1833, (у Даничича—стр. 133 и слѣд).

ѿчести чюдесѣ ісповѣданиѥ иже вь стыхь ѡца нашего Саввы прьвааго архіеппа и ѹчителꙗ срп'скаго, сказано прѣпобнымъ Доментіаномь инокомь и презвѵтеромь монастыри Хиландарь нарицаѥмаго. Сьписано же Ѳеодѡсїемь мнихомь того же монастыри. На перг. безъ знака ж — 4°. На концѣ есть приписка: «слава сьврьшившомоу Гоу нашему Іс Хоу сию бжественоую книгу... вь лѣто ѕѿмд—6844 (1336)

писалъ грѣшный Ѳеодулъ».

Въ 1896 г. ссылку на ту же самую рукопись житія Саввы, списанную *Ѳеодосіемъ*, встрѣчаемъ въ статьѣ Саввы Хиландарца о хиландарскихъ рукописяхъ въ журналѣ: Vèstník kr. České společnosti nauk: Rukopisy a starotisky Chilandarské. Рукопись за № 9 (стр. 17) переписана Ѳеодуломъ (1336 года), стр. 96. Въ 1898 г. Сречковичъ, въ статьѣ «Творенија Доментијана и Теодосија» (Споменикъ, XXXIII, други разред) уяснилъ отношенія этихъ писателей и основательно опредѣлилъ значеніе житія св. Саввы, написаннаго Ѳеодосіемъ и изданнаго Даничичемъ въ 1860 г. Выраженіе «Сказано Доментїаномь... сьписано же Ѳеодосїемь», Сречьковичь объясняетъ: то есть уже написано (стр. 70).

Наконецъ Даничичь въ 1865 г. издалъ несомнѣнно труды Доментіана, въ книгѣ «Живот светога Симеуна и светога Саве. Написао Доментијан (у Биограду, 1865)». Въ это изданіе вошли: 1) Житиѥ и жизнь прѣподобьнааго и светааго вь светыихь отьца нашего Симеона бывьшааго Неманѥ прьвааго, обьновителꙗ срьбьскаaго отьчьства, новааго мироточьца и великаго чоудотворьца. Стр. 1—117; и житиѥ и жизнь прѣподобьнааго наставьника вьсеѥ срьбьскыѥ землѥ и поморьскыѥ арьхиѥпископа Савы, стр. 118—345 [1]).

---

1) Проф. Ягичъ въ изданіи Югославянской академіи «Starine» (кн. V, стр. 8—21) издалъ въ 1878 г. Критическія дополненія и поправки къ этому изданію по рук. Петербургской Публичной Б—ки. Рукопись прежде принадлежала Гильфердингу.

Въ концѣ житія Симеона прибавлено, что «житіе написано Доментіаномъ на св. Горѣ, въ мѣстѣ рекомѣмь Хиландари»; а въ концѣ житія Саввы сказано, что оно написано Доментіаномъ на св. Горѣ «въ мѣстѣ рекомѣмь вь Карѣѩхь».

Похвалы Шафарика Доментіану, повторенныя Даничичемъ въ изданіяхъ житій Саввы (1860 г.) и —Симеона и Саввы (1865 г.) съ дальнѣйшимъ ознакомленіемъ сербо-хорватовъ съ древней своей литературой, начинаютъ утрачивать свое значеніе. Уже загребскій хорватскій ученый — Фр. Рачки, въ своей «Оцѣнкѣ старѣйшихъ источниковъ хорватской и сербской исторіи» основательно характеризуетъ «Житія» прославленныхъ сербскихъ дѣятелей [1]).

«Житія эти — говоритъ авторъ — возникли очень рано, по большей части вслѣдъ за смертью изображаемыхъ лицъ; многія житія писаны ихъ современниками или людьми хорошо освѣдомленными. Жизнь Стефана Немани описали его сыновья — старшій король Стефанъ (Первовѣнчанный) и младшій—Растко или архіепископъ Савва, затѣмъ ученикъ Саввы монахъ — Доментіанъ, который въ свою очередь описалъ жизнь своего учителя и покровителя.... ученикъ описываетъ жизнь своего учителя, съ которымъ жилъ онъ, и, говоря о томъ, чего самъ не могъ видѣть, ссылается на очевидцевъ. Такъ, разсказывая нѣкоторыя сцены изъ жизни св. Саввы на Аѳонѣ, онъ выразительно замѣчаетъ: «и вѣроу имѣте ми, братиѥ и отьци свѣтии, ѩко ми рекоше прьви чрьньци ис прьва живьшии сь нимь и житиѥ ѥго видѣвьше прѣзмѣрьно (Изд. 1865, 182); потомъ: и стоѥштии близь гроба светааго (Симеона).... повѣдаше.... до меньшию бывьшеѥ (ib. 188); затѣмъ: и оть тѣхь светыихь моужии оставьшии вь св. горѣ рѣше ми, иже самовидьци быше прѣславьныимъ дѣломь ѥго (ib. 279). Наконецъ, разсказывая о пребываніи Саввы въ Іерусалимѣ, Доментіанъ замѣчаетъ: и соуштоу ми вь ѥросалимѣ и вь св. горѣ св. старци древнии сътолѣтьни соуште, видѣвьшии

1) Književnik, 1865 г. Godina druga, стр. 387—388.

прѣжде того светыѥ прьвыѥ.... и семоу пакы бывьше сьврьстьници.... ти же светии сьвьдѣтельствоуюште глаголахоу (ib. 306).... Жизнь короля Милутина описалъ монахъ Деченской обители, которую основалъ Милутинъ, и въ предисловіи жизнеописатель самъ говоитъ, что онъ писалъ по разсказамъ; и что тамъ, гдѣ свидѣтели разногласятъ, не исключительно пользовался словами тѣхъ или другихъ. (Гласник, XI, 44).— И такъ для возникновенія такихъ житій мы имѣемъ положительныя надежныя данныя.... но такъ какъ эти житія писались съ церковными цѣлями и дѣлались необходимыми въ ту пору, когда церковь помѣстила описываемыхъ лицъ въ ликъ святыхъ, то и появленіе житій было современно этому. Церковная цѣль, съ которой составлялись эти житія, службы и похвальныя слова, легко объясняетъ ихъ видъ и содержаніе. Эти житія—не біографіи въ собственномъ значеніи этого слова. Въ нихъ не сообщаются всѣ событія изъ жизни даннаго лица и еще меньше связи между отдѣльными случаями, побужденіями и отношеніями приводимыхъ событій и т. д. Въ этихъ житіяхъ повѣствуется только о тѣхъ моментахъ жизни, которые способны пробудить уваженіе и почитаніе лица, содѣйствуютъ прославленію Бога за его милости къ данному лицу, и побуждаютъ другихъ къ подражанію его доблестямъ, къ прохожденію по тому же пути для достиженія совершенства. Съ этой цѣлью писатели житій вносили, при главныхъ біографическихъ моментахъ, и свои гомилетическіе и панегирическіе экскурсы въ такомъ количествѣ, что они составляютъ главную часть житій, значительно преобладающую надъ біографическими отрывками и по внѣшности и по содержанію. Біографическіе отрывки даютъ писателямъ только базисъ, на которомъ они основываютъ свои увѣщательныя выводы и богословскія разсужденія. Это можно сказать обо всѣхъ вышеуказанныхъ житіяхъ, въ большей или меньшей степени. Сочинители этихъ житій, какъ будто хотѣли блистать въ нихъ не столько историческими, сколько богословскими и реторическими познаніями. Для примѣра могутъ быть приведены

и житія, писанныя Доментіаномъ. Шафарикъ уже сказалъ, что эти житія «представляютъ славный памятникъ на столько же, просвѣщеннаго духа, какъ и обширной учености, и какъ Сербское, и по содержанію и по изложенію одинаково превосходное оригинальное произведеніе, и составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній во всей древне-славянской литературѣ». И Доментіанъ, въ составленныхъ имъ житіяхъ, держится этихъ началъ; для него каждый моментъ въ жизни Стефана Немани и Саввы даетъ поводъ къ богословскимъ и поучительнымъ экскурсамъ. Стефанъ былъ младшимъ изъ братьевъ, и это напоминаетъ Доментіану юнаго Давида (стр. 3). Стефанъ въ молодости правилъ восточною частью своего наслѣдія, а это даетъ Доментіану поводъ анализировать блага, явившіяся человѣчеству съ востока (стр. 5). Заговоръ старшихъ братьевъ противъ Стефана приводитъ Доментіану на память Іосифа, сына Іакова (стр. 10). Житія, написанныя Саввою и Стефаномъ Первовѣнчаннымъ, короче и проще, но въ томъ же духѣ. Относительно послѣдующихъ житій, Шафарикъ весьма основательно замѣчаетъ, что «литературныя произведенія южныхъ Славянъ.... въ матеріи и формѣ, чѣмъ старше тѣмъ больше сохраняютъ оригинальности, естественности и вкуса, а чѣмъ моложе, тѣмъ замѣтнѣе въ нихъ упадокъ слова и мысли. Стоитъ только сравнить Савву и Доментіана съ Даніиломъ и его продолжателями и съ Григоріемъ Цамблакомъ»[1]).

Черезъ два года послѣ замѣчательной статьи Рачкаго, въ 1867 г. профессоръ Ягичъ издалъ образцовый трудъ по исторіи южно-славянской литературы: Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga (Zagreb). Въ немъ онъ и художественно и объективно изложилъ исторію сербской письменности и наглядно изобразилъ картину ея первоначальной эпохи. Указывая на господствовавшую *несамостоятельность* сербскихъ произведеній,

1) Въ 1866 г. въ Загребѣ Даничичъ издалъ: «Животи краљева и архіепископа српских. Написао архиепископ Данило и други».

онъ говоритъ: «въ переводахъ, которые тщательно дѣлались съ греческаго, господствовала та же рабская зависимость, которая уже издавна укоренилась въ славяно-болгарской литературѣ. Переводы точно придерживаются словъ греческихъ оригиналовъ, почему сербскій текстъ иногда становится не совсѣмъ понятнымъ. Нѣтъ и слѣда свободныхъ оборотовъ языка или какихъ-либо законовъ, которыхъ придерживался переводчикъ. При такихъ недостаткахъ, въ которыхъ справедливо обвиняется большинство древне-сербскихъ переводовъ, нисколько неудивительно, что и небольшое количество оригинальныхъ произведеній, имѣющееся въ древне-сербской литературѣ, не могло избѣгнуть тѣхъ же промаховъ. Собственно говоря, въ древне-сербской литературѣ даже нѣтъ оригинальныхъ произведеній, потому что не было никакихъ оригинальныхъ идей. Вся оригинальность мышленія, проявлявшаяся вѣроятно у молодого сербскаго народа, была уже въ самомъ началѣ заглушена дряхлымъ направленіемъ византійской жизни. Все высказанное самостоятельно—большею частью объ историческихъ вопросахъ—такъ спутано съ излишнею библейскою фразеологіею, что трудно найдти сряду нѣсколько строкъ въ которыхъ бы просто и опредѣленно излагался самый вопросъ, и которыя бы не представляли безконечныхъ періодовъ, состоящихъ изъ разныхъ библейскихъ и богословскихъ цитатъ. Поэтому и трудно чрезъ эту пучину общихъ фразъ добраться до какой-нибудь осмысленной фразы, имѣющей историческое значеніе. Въ очерченности отдѣльныхъ характеровъ, объ обрисовкѣ ситуацій, объ изслѣдованіи мотивовъ и причинъ — не можетъ быть и рѣчи. Нигдѣ не видно, чтобы писавшій обсуждалъ значеніе извѣстнаго факта или извѣстнаго историческаго лица; нигдѣ событія не сопровождаются размышленіями о положеніи народа. Все доброе приписывалось волѣ Божіей, проявлявшейся въ извѣстномъ лицѣ или событіи; если же случалось что-нибудь худое, то это было дѣломъ дьявола. Поэтому отдѣльные факты разсказываются не ради ихъ самихъ, но только какъ доказательства милосердія Божія, надѣляющаго міръ всѣми бла-

гами, или какъ доказательства адской злобы, съ которою дьяволъ обманываетъ людей. Въ доказательство этого приводятся только тѣ факты, которые кажутся пишущему довольно пригодными и довольно важными, при чемъ не обращается вниманія ни на хронологію событій, ни на ихъ дѣйствительную связь; важность ихъ измѣряется тѣмъ, на сколько данное лице предано церкви и ея внѣшнимъ формамъ, въ особенности монастырской жизни. Отсюда видно, на сколько писатели того времеми отстали отъ жизни своего народа; они не знали его жизни, не уловили его характера, смотрѣли со страхомъ на каждое соприкосновеніе со свѣтомъ и единственною цѣлью своего существованія считали молитву въ монастырскомъ уединеніи. Таковы были древне-сербскіе писатели, и нисколько неудивительно, что на ихъ произведеніяхъ болѣе или менѣе отражается однообразный характеръ монашеской жизни и одностороннія понятія о мірскихъ дѣлахъ! Въ историческомъ трудѣ св. Саввы, т. е. въ житіи Немани, и въ такомъ же произведеніи короля Стефана, наконецъ въ сочиненіяхъ краснорѣчиваго Доментіана — есть еще довольно историческаго смысла, довольно матеріала для исторіи, хронологіи и т. д.; и это конечно самые лучшіе плоды древне-сербской литературы. Послѣдующіе писатели утратили и эту малую дозу здраваго взгляда на жизнь и міръ, и уже вполнѣ углубились въ богословскія размышленія. Въ трудахъ св. Саввы и короля Стефана для аргументацій, украшеній и уподобленій приведены многія мѣста изъ св. Писанія, въ особенности же слова Давида, Соломона или апостола Павла; но стиль Саввы менѣе широковѣщателенъ, чѣмъ стиль брата его, короля Стефана, полный длинныхъ отступленій, испещренныхъ риторическими фигурами вопросовъ и восклицаній. Но и его далеко превзошелъ Доментіанъ, обладающій столь необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, что его по всей справедливости могли бы назвать Сербскимъ Златоустомъ. Стиль его имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что въ немъ видна нѣкоторая ловкость въ выборѣ риторическихъ прикрасъ и что онъ умѣлъ избѣжать и чрезмѣрной напыщенности и хвастовства, ко-

торое становится совершенно несноснымъ въ обширномъ трудѣ архіепископа Даніила. Но и за Даніиломъ и за всѣми древне-сербскими писателями, оставившими оригинальныя произведенія, мы должны признать по крайней мѣрѣ одно: ихъ неутомимое усердіе въ чтеніи церковной византійской литературы.... Вся древне-сербская литература носитъ на себѣ церковный характеръ, такъ какъ всѣ ея писатели были духовныя лица. И все написанное даже помимо церковныхъ книгъ (св. писанія, богословія и церковнаго права) обязано своимъ происхожденіемъ какой-либо духовной идеѣ; а если имѣется кое-что, отзывающееся мірскимъ духомъ, то оно проникло въ литературу украдкой или нечаянно. Уже выше упоминалось, что Савва и король Стефанъ въ житіяхъ своего отца описывали не великаго жупана Неманю, а только монаха Симеона; тою же мыслью руководились и Доментіанъ и Даніилъ и всѣ остальные»[1]).

Въ житіяхъ Симеона и Саввы, какъ и въ «словѣ» Иларіона, Доментіанъ начинаетъ славословіемъ къ Богу, съ законоположенія «преданнаго» Моисею и распространяемаго чрезъ пророковъ, «служившихъ святому законоположенію», и уступившаго «самосовершенной благодати» (стр. 2) съ явленіемъ Христа, «исполняющаго первый законъ» и «являющаго» прѣсьврьшеноую благодѣть», «полагающаго святое евангеліе» и приставившаго двѣнадцать апостоловъ и четверыхъ евангелистовъ «для служенія новой евангельской благодати»: «ѩко законь Моисеомь дань бысть, благодѣть же и истина Иису Христомь»; въ тои же благодѣти мнози любештеи Бога ѩвишесе, безьчислиѩ моученикь и несвѣды светитель и множьство прѣподобьныихь и богоносьныихь отьць, въ нихь же и сии светыи и прѣподобьныи и богоносьныи отьць нашь ѩвисе вь послѣдьнкк роды наше, того жде божьствьною благодѣтию просвьтѣвь се, и богомь избрань бысть». Затѣмъ сообщается, что «доспѣвшоу же кмоу до реда юношьска» дана была родителями въ управленіе «отьчьства кго вьсточьна

1) Jagić. Hist. književnosti. p. 162—164.

страна», а такъ какъ «Богъ не насади раꙗ на западѣ ни на сѣверѣ ни на юзѣ нь на востоцѣ, того ради и сему чловѣкоу божию честь оть вьстока подана бысть.... ꙗко быти ѥмоу раискому вьселителю и жителю вышьнꙗго Иѥроусалима (стр. 5), и на вьстоцѣ пакы иного ради честь ѥго положи богь, ꙗко и чедомь ѥго на вьстоцѣ вьсприѥти прѣсьврьшеноую благодѣть, ѥже сама истина пришьдь на землю собою вьобрази, ꙗко быти имь сьврьшеныимъ слоужителѥмъ новои благодѣти ѥго, ꙗко же Павль великии апостоль и оучитель вьселѥныѥ оучить ны глаголѥ: отьложьше ветьхыи квась и вьсприимѣте новоѥ вьмѣшениѥ триситьнааго ноꙗспоудиꙗ (Луки, XIII, 21), ветьхоѥ законоположениѥ, ново же Христово ѥвангелиѥ; ветьсии жидове, новии же ѥзыци, расточенаꙗ чеда божиꙗ, иже пришьствиѥмь христовомь и чьстьныимь ѥго пропетиѥмь сьбра вь ѥдиноу светоую соборьноую и апостольскоую ѥго црьковь, о нѥи же великыи пророкь Самоуиль глаголеть: ꙗко неплоды роди седмь ѥзычьнаꙗ, и многочедьнаꙗ жидовьскаꙗ изнеможе (Кн. Царствъ. I, 2, 5); ѥзычьнѣи бо црькви сынове родише се вѣрою и водою и доухомь, ѥиже изволи слоужити и сии прѣподобьныи отьць нашь прѣподобиѥмь и правьдою вьсе дьни живота своѥго (стр. 5). Далѣе сообщается, какъ старшія братья Немани «зьлыи сьвѣть сьвѣштавьше ревьностию зьлою искаахоу озьлобити прьподобьнааго», но онъ усердно молился Богу и соорудилъ монастырь «вь име прѣсветыѥ богородице», и другой монастырь «вь име св..... Николы»; братья хотѣли «разореть дѣло прѣподобьнааго», но онъ просилъ оставить его въ покоѣ въ управляемой имъ области (стр. 7), но «братиꙗ.... горьшии сьвѣть сьвѣшташе нань» (стр. 9), и захвативъ, увлекли его силою «въ пештероу каменьноу» (стр. 10). Узникъ, какъ страдающій ветхозавѣтный Іосифъ, молился Богу объ избавленіи; молился Богоматери, чудотворцу Николаю и страстотерпцу Христову Георгію, и Богъ освободилъ его, какъ Іосифа въ Египтѣ и Апостола Петра въ Іерусалимѣ; но Симеонъ получилъ не только освобожденіе отъ узъ, «нь и на великыи прѣстоль отьчьства своѥго господемь возведень бысть

(стр. 14). И Симеонъ «уразумѣвъ великую помощь Господа и святаго во святыхъ великаго и скораго въ бѣдахъ помощника... Георгія, началъ созидать монастырь во имя его» (стр. 16). Враги надѣялись съ помощью грековъ осилить Симеона, но «Господь вьзбрани имь»; враги «собрали множество народовъ, Грековъ, Фруговъ, Турокъ и большія силы другихъ народовъ» и напали «вь землю светааго до мѣста рекомаадо Паньтина» (стр. 17), но Симеонъ принесъ «обычьноую молитвоу», приблизился къ городу Звечану, гдѣ была церковь великомученика Георгія и приказалъ духовенству молиться; и великомученикъ Георгій явился одному изъ святителей, и Богъ «избави ѥ оть окрьсть нападаюштихъ» (стр. 19). Симеонъ «благодѣтию Господа.... и молитвами пречистыѥ ѥго матере прѣѥмь вьсе своѥ отьчьство и слоужи Господеви вь чистотѣ срьдьца.... и роди сыны и дьштери, и вьспита ѥ вь вьсокомь благовѣрии и чистотѣ» (стр. 20—21). Послѣ этого сообщается, что въ Царьградѣ «нѣкій вьста царь лютъ и крьвопролитель, и раздроуши миръ съ прѣподобьныимь отьцемь нашимь», желая завладѣть всею землею Стефана (стр. 22), и Симеонъ «приѥмь оугрьскаго кралꙗ и иде тамо вьноутрь грьчьскаго царьства, и землю поплѣнивь и многыѥ грады ськроуши и сьтвори вь опоустѣниѥ до коньца» и увеличилъ свое отечество многими областями греціи «и силою божиѥю и поспѣшениѥмь светааго доуха побѣди врагы своѥ, ꙗкоже прѣжде великыи Мѡисии грьдааго Амалика низложи ороужиѥмь крьстьныимь, Диоклитию же и Дальмацию, отьчьство и рождениѥ своѥ, истовоую дѣлиноу свою, насиловавоу бывьшоу оть рода грьчьскааго (стр. 23). Потомъ онъ созидаетъ «храмь вь име пр. Богородице вь Иброу на рѣцѣ рекомѣи Стоуденици (стр. 24). Симеонъ «по подобию прьвааго Исраилꙗ имѣше сыны и дьштери». Іаковъ имѣлъ Іосифа, а Симеонъ— Растька (младшаго изъ сыновей), впослѣдствіи называвшагося Савва. Какъ Іаковъ скорбѣлъ «проданиѥмь... Іосифа.... такъ и Симеонъ печалился и скорбѣлъ объ уходѣ на святую гору своего любимаго сына (стр. 26). Симеонъ послалъ приближен-

ныхъ на розыски тайно ушедшаго Растька, и посланные донесли о пребываніи послѣдняго въ святогорскомъ Пантелеймоновскомъ русскомъ монастырѣ. Симеонъ примирился съ совершившимся, и все свое семейство и *большихъ* и *малыхъ* въ царствѣ своемъ.... «всѣхъ и дарьми обьдаровавь, и вьсе работьныѥ свободивь и оубогыимь и маломоштьныимь и слѣпыимь и хромыимь и прокаженыимъ вьсѣмь вьсакъ доволь подавь» (стр. 28—29).

Отсюда начинаются въ житіи Симеона мѣста вполнѣ сходныя съ словами митрополита Иларіона, приводимыми здѣсь по тексту, напечатанному Горскимъ.

Доментіанъ.

... Кь симь же вьсѣмъ светааго вь светыихь и чоудьнааго вь чоудесехь светааго и прѣподобьнааго отьца нашего Симеона кьто вьзможеть исповѣдати многыѥ ѥго ноштьныѥ молитвы и дьневьныѥ штедроты, ѥже творѣше кь ништиимь и кь вьсѣмь светыимь, кь сирыимь и вьдовицамь, и кь вьсѣмь трѣбоующиимь милости? слышаль бо бѣ глаголь Господьнь пророкомь Даниилмь глаголюштиимь кь Навоуходоносороу царю: сьвѣть мои, о царю, да боудеть ти оугодьнь, грѣхы твоѥ милостынями оцѣсти и неправьды твоѥ штедротами ништиихь. слышаноѥ же прѣподобныи дѣломь испльни, прошенниѥ комоуждо подаѥ, нагыѥ одѣваѥ, альчьныѥ на-

Иларіонъ.

Ксему же кто исповѣсть многыа твоа нощныа милостыня, и дневныя щедроты, яже къ убогымъ творяше, къ сирымъ же и къ болящимъ, къ должнымъ и къ вдовамъ, и къ всѣмъ требующимъ милости? Слышалъ бо бѣ глаголъ Господень Даніиломъ Навходоносору царю: съвѣтъ мой да будетъ ти годѣ, царю Навуходоносоре, и грѣхы твоа милостынями оцѣсти, и неправды твоа щедротами нищихъ. Иже слышавъ ты, Отче свѣтильниче не до слышаніа стави глаголанное, но дѣломъ скончя слышянное, просящимъ подаваа, нагыа одѣваа, жадныя и алчныя насыщаа, болящимъ всяко утѣшеніе посылаа, длъжныа искупаа, работныя сво-

сыштаѥ и жедьныѥ напаꙗѥ, болештеѥ присѣштаѥ, трѣбоуюштиимь вьсѣмь вьсако оутѣшениѥ подаваѥ, дльжьныѥ искоупоуѥ, работьныѥ свобождаѥ, ѥгоже штедроты и милостыниѥ вь светѣи поустыни сеи вьсѣми светыими и до нынꙗ поминаѥмы соуть живоуштиими вь светѣмь мѣстѣ семь, не тькмо же прѣдь чловѣкы нь и прѣдь богомь и светыими аньгелы ѥго. ѥѥже ради богомь любимыѥ милостыне прѣмногоѥ дрьзновениѥ имѣѥ кь нѥмоу ꙗко присьныи рабь Христовь, нельжьнь бо ѥсть и помагаѥть ми словесы рекы: милостынꙗ хвалима ѥсть на соудѣ, и милостынꙗ моужоу ꙗко и печать сь нимь; вѣрьнь же самого господа глаголь: блажени милостивии, ꙗко ти помиловани боудоуть; ино же ꙗсьнѣѥ сьвѣдѣтельство приведемь о прѣподобьнѣмь отьци нашемь вь светѣмь писании речено оть апостола Иꙗкова: ꙗко обративыи грѣшьника оть заблоуждениꙗ поути ѥго сьпасеть доушоу своѭ оть сьмрьти и покрыѥть множьство грѣховь. да аште ѥдиного чловѣка обративьшомоу толико вьзмьздиѥ оть прѣблагаꙗго бога, то колико сьпасениѥ

бождаа. Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ поминаемы суть, паче же предъ Богомъ и Ангелы Его. Еяже ради добропрелюбныя предъ Богомъ милостыня, много дерзновеніе имѣеши къ Нему, яко присный Христовъ рабъ. Помогает ми слово написано: милость хвалится на судѣ. Милостыни мужу, аки печать съ нимъ. Всесильнаго и милосердаго Господа глаголъ: блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ. Иноже Апостольское послушество приведемъ о тебѣ отъ святыхъ писаній, реченое отъ Іякова Апостола, яко обративый грѣшника отъ заблужденіа пути его спасетъ душу отъ смерти, и покрыетъ множество грѣховъ. Да аще единого человѣка обратившуюму толико възмездіе отъ благаго Бога: то каково убо спасеніе обрѣте, о Василіе, колико бремя грѣховно разсыпа, не единого обративъ человѣка отъ заблуженіа идольскыя льсти, ни десятины градъ, но всю область свою? Показаетъ ны и увѣряетъ Самъ Спасъ Христосъ, какоя тя славы и чьсти сподобилъ есть на небе-

обрѣте сии светыи отьць нашь, и колико брѣмень грѣховьныихь расыпа не ѥдиного чловѣка обративь оть поути грѣховьнаа-го, то ни десетиноу, ни сьто, нь и тысоуште тысоуштами и тьмы тьмами, рекьше вьсоу землю своѥго отьчьства? ѥмоу-же послоухь сама истина, ѥже показоуѥть и оувѣраѥть ны сьпась Христось глаголѥ: иже исповѣсть ме прѣдь чловѣкы, исповѣмь и азь прѣдь отьцемь моимь иже ѥсть на небесѣхь. да коликоу славоу и чьсть и по-хвалоу имать прѣподобьныи отьць нашь не тькьмо вѣровавь вь нь, нь и исповѣдавь ꙗко Ии-соусь Христось есть сынь божии? И вьсе своѥ отьчьство наоучи, и вьсечьстьноую вѣроу Христо-воу оустави, ꙗсьно и велегла-сьно славити и поклонꙗтисе трьсвѣтѣи и животворештии троици, отьцоу и сыноу и свето-моу доухоу...[1]).

сѣхъ, глаголя: иже исповѣсть Мя предъ человѣкы, исповѣмъ й и Азъ предъ Отцемъ моимъ, иже есть на небесѣхъ. Да аще исповѣданія пріемлетъ о себѣ отъ Христа къ Богу Отцу исповѣдавый Его токмо предъ человѣкы: колико ты похваленъ имаши быти, не токмо исповѣдавъ, яко Сынъ Божій есть Христосъ, но и вѣру уставль не въ единомъ Соборѣ, но по всей земли сей, и церкви Христовы поставль, и служителя Ему введъ[2]).

---

1) Даничичь. Стр. 29—30.

2) Горскій, стр. 42—44. Чрезъ двѣ (печатныхъ) страницы у Иларіона читаемъ: «Встани, о честная главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, нѣсть (нынѣ) бо ту лѣпо умрети вѣровавшу въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, взведи очи, да видиши какоя тя чьсти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Встани, виждь чадо свое Георгіа, виждь утробу свою, виждь милаго своего, виждь егоже Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красящаaго столъ земля твоей и возрадуйся, възвеселися. Къ сему же виждь и благовѣрную сноху твою

Послѣ приведеннаго здѣсь текста изъ «Похвалы» Иларіонъ сравниваетъ Владиміра и Ольгу съ Константиномъ В. и Еленою, «уставившими Законъ и утвердившими вѣру среди новопознавшихъ Господа», а Доментіанъ продолжаетъ прославлять Симеона «искоренившаго въ своемъ отечествѣ еретическую и многобожную ложь, и снова сходится съ Иларіономъ, говорившимъ ранѣе приведеннаго текста, тоже.

Доментіанъ.

..... ѥретичьскоу и многобожьноу льсть искоренивь по вьсемь своѥмь отьчьствѣ, ꙗко вьсѣмь быти христиꙗномь ѥдиномоу живомоу богоу слоужеще, малыимь же и великыимь, рабомь же и свободьныимь, юныимь же и старыимь, богатыимь же и оубогыимь, и никьтоже обрѣте се противесе благочьстивомоу ѥго повелѣнию, да аште кьто и

Иларіонъ.

..... Сему же бывшу, не доселе стави подвига благовѣріа, ни о томъ токмо яви сущую въ немъ къ Богу любовь, но подвижеся паче и заповѣда по всей земли своей креститися въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, и ясно и велегласно въ всѣхъ градѣхъ славитися Святѣй Троици, и всѣмъ Христіанамъ быти, малымъ и вели-

---

Ерину, виждь вънукы твоа и правнукы, како живуть, како хранимы суть Господемъ, како благовѣріе держать по преданію твоему, како въ святыя церкви чястять, како славять Христа, како покланяются имени Его. Виждь же и градъ величьствомъ сіяющь, виждь церкви цвѣтущи, виждь Христіанство растуще, виждь градъ иконами святыихъ освѣщаемъ блистающеся, и тиміаномъ обухаемъ, и хвалами и божественами пѣніи святыми оглашаемь. И си вся видѣвъ, възрадуйся, и взвеселися, и похвали благаго Бога, всѣмъ симъ строителя». (Стр. 46). Трудно сказать—насколько самостоятельно это *обращеніе* (ἀποστροφή—conversio) по опредѣленію старинной реторики—у Иларіона. У Евсевія Кесарійскаго (панегирикъ Константину В.), у Амвросія Миланскаго (панегирикъ Ѳеодосію В.) ничего подобнаго не встрѣчаемъ. Но въ позднѣйшей русской литературѣ, у Митрополита Платона, вѣроятно незнакомаго съ произведеніемъ Иларіона, находимъ такое же *обращеніе* къ Петру 1-му въ проповѣди Платона по случаю торжества побѣды руссовъ подъ Чесмою. Но слова Платона такъ нравившіеся прежнимъ русскимъ ученымъ (напр. у И. И. Давыдова, въ «Чтеніяхъ о русской словесности», изд. 2-е, курсъ I, стр. 208—209), представляютъ только жалкую пародію словъ дѣйствительно краснорѣчиваго Иларіона.

не любовию обрѣтааше се, нь паккы страхомь повелѣвьшаго вьнѣ не оставше. и тако вьси божиѥю благодѣтию и молитвами прѣподобьнаго отца нашего вьси сьбраше се вь светоую сьборьноую апостольскоую црьковь, понѥже бѣ благовѣрие ѥго сь властию сьпрежено; того ради паче вьса землꙗ отьчьства ѥго вь ѥдино врѣме навыче славити Христа сь отьцемь и сь светымь доухомь. тогда прѣльстьныи мракь идольскыѥ льсти многобожиꙗ оть нась исчезе и молитвами прѣподобьнаго отьца нашего по вьсемь отьчьствѣ ѥго заре благовѣриꙗ ꙗвишесе, и капишта раздроушишесе, и црькьви христовы поставише се, и идоли ськроушише се, и иконы светыихь ꙗвишесе, бѣси пробѣгоше; и вьсечьстьныи крьсть христовь вьсоу землю освети, и пастоуси словесьныихь овьць стада Христова, ѥпископи и свештеници, попове и диꙗкони, попечениѥмь прѣподобьнаго ꙗвише се бескрьвьноу жрьтвоу вьзносеште Христоу богоу, и вьсь клирось свештеныихь оукрасисе, и вь вельлѣпотоу одѣꙗше се светыѥ црькьви Христовы по пророчьствоу богоотьца Давида:

кымъ, рабомъ и свободнымъ, юннымъ и старымъ, бояромъ и простыимъ, богатымъ и убогымъ. И не бысть ни единаго жъ противящася — благочестному его повелѣнію. Да еще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крощахуся: понеже бѣ благовѣріе его съ властію спряжено. И въ едино время вся земля наша възслави Христа съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ. Тогда начать мракъ идольскій отъ насъ отходити, и заря благовѣріа явишася. Тогда тьма бѣсовскаго служеніа погыбе, и солнце Евангельское землю нашу осія; капища раздрушишася, и церкви поставляются; идолы съкрушаются, и иконы святыхъ являхуся; бѣси пробѣгаху; крестъ грады освящаше; и пастуси словесныхъ овецъ Христовъ, сташя Епископи и попове и діакони, бескровную жрътву възносяще; и весь клиросъ украсишя въ лѣпоту и одѣшя святыя церкви. Апостольскаа труба и Евангельскый громъ вся грады огласи; теміянъ, Богу въспущаемъ, въздухъ освяти; монастыреве на горахъ сташя; черноризцы явишася; мужи и же-

домоу твоѥмоу подобаѥть светынꙗ господи вь дльготоу дьнии. и апостольска троуба велегласьно вьстроуби, и ѥваньгелиискыи громь вьсе отьчьство огласи молитвами прѣподобьнааго, и на вьсакомь мѣстѣ тимиꙗнь богоу приносимь вьздоухь освети, и монастириѥ сташе по вьсемоу отьчьствоу прѣподобьнааго, моужиѥ и жены, малии и велиции, оубозии и богатии, вьси людиѥ отьчьства светааго испльнише светыѥ црькьви христовы, пѣснь новоу господеви поюште, славеште и глаголюште: ѥдинь свеїь, ѥдинь господь Иисоусь Христось вь славоу богоу отьцоу, аминь; Христось побѣди, Христось одолѣ, Христось вьцари се, Христось прослави се; велеи ѥси Господи, и чоудьна дѣла твоꙗ; боже нашь, слава тебѣ. Мы же, о прѣподобьне, чеда твоꙗ обьновлѥнаꙗ доухомь светыимь, и порожденаꙗ светыими ти молитвами, кою похвалоу вьзможемь тебѣ принести, о богоносе? или кыѥ пѣсни вьспоѥмь достоины кь похвалѥнию твоѥмоу, вьсечьстьныи отьче нашь светыи? о прѣбогате благодѣтию христовою, и прѣславьныи вь владыкахь земльны-

ны, малія и велицыи, и вси людіе, исполньше святыя церкви, въславиша, глаголюще: единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ славу Богу Отцу, аминь. Христосъ побѣди, Христосъ одолѣ, Христосъ въцарися, Христосъ прославися! Велій еси Господи, и чюдна дѣла твоа. Боже нашъ, слава Тебѣ! Тебе же како похвалимъ, Отче честный и славный, въ земленыхъ владыкахъ премужственый Василіе? Како добротѣ твоей почюдимся, крѣпости же и силѣ? Каково ти благодареніе въздадимъ, яко тобою познахомъ Господа, и льсти идольскыя избыхомъ, яко твоимъ повелѣніемъ по всей землѝ Христосъ славится? Ли что́ ти причёмъ, Христолюбче, друже правдѣ, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо? Како вѣрова? Како разгорѣся въ любовь Христову? Како вселися въ тя разумъ, выше разума земленыихъ мудрецъ, еже възлюбити невидимаго, и о небесныхъ подвигнутися? Како възыска ты Христа? Како предася Ему? Повѣждь намъ рабомъ твоимъ, повѣждь намъ, учителю нашъ: откуду ти припахну воня свя-

ихь, и прѣмоужьствьныи Немл-нѥ, светоименованыи богозваныи Симеоне, како богомоудрия добротѣ твоѥи поучоудимь се? прѣчоудьнь бо ѥси вь чоудесехь, крѣпькыи же вь бранехь, вь силѣ же непобѣдимь, богоу прѣславьнь, врагомь же страшьнь и вьсѣмь дивьнь, каково ти благодарениѥ вьздамы раби твои ꙗко твоими молитвами бога познахомь и льсти идольскыѥ избавихомь се, ꙗко твоимь боголюбиѥмь по вьсеи земли твоѥго отьчьства Христа славити навыкохомь? или чьто ти принесемь, христолюбьче, дроуже правьдѣ и смыслоу мѣсто, милостыни гнѣздо, Христовоу благовѣрнию рачителю? повѣждь намь, чедомь своимь, прѣподобьныи отьче нашь, изь юности прьвѣѥ како вѣрова и како разгорѣ се вь любовь Христовоу, или како вьниде вь те разоумъ вышеземльнынхь моудрыць, ѥже вьзлюбити невидимааго и о небесьныихъ и разоумьныихь подвигноути се? како вьзлюби Христа, како прѣда се ѥмоу, како приближи се кь нѥмоу, како осеза неосезаѥмааго, како приближи се кь неприкосновеномоу ѥгоже хероувими и серафими сь страхомь трепеш-таго Духа? Откуду испи памяти будущая жизни сладкую чашу? Откуду вкуси и видѣ, яко благъ Господь? Не видѣлъ еси Христа, ни ходилъ еси по Немъ: како ученикъ Его обрѣтеся? Ини видѣвше Его не вѣроваша. Ты же не видѣвъ вѣрова. По истиннѣ сбыстьcя на тебѣ блаженьство Господа Іисуса, реченное къ Ѳомѣ: блажени не видѣвше и вѣровавше. Тѣмже съ дрьзновеніемъ несумненно зовемти: о блаженниче! самому тя Спасу нарекшу. Блаженъ еси, яко вѣрова къ Нему, и не съблазнися о Немъ, по словеси Его неложному: блаженъ есть, иже не съблазнится о Мнѣ. Вѣдущеи бо законъ и пророкы распяша и҆; ты же ни закона, ни пророкъ почитавъ, Распятому поклонися. Како ти сердце разъвръзеся? Како вниде въ тя страхъ Божій? Како прилѣпися любви Его? Не видѣ Апостола, пришедша въ землю твою и нищетою своею, и наготою, и гладомъ же и жаждею сердце твое клоняща на смиреніе. Не видѣ бѣсъ изгоняща, именемъ Христовомъ; болящіихъ здравующь, огня на хладъ прелагаема, мертвыхъ въстающе:

тоѹть, кь томоѹ ты вь послѣдьнꙗ лѣта оѹсрьдьно приближи сє? повѣждь намь, рабомь твоимь, чьстьныи отьчє нашь, повѣждь намь, оѹчитєлю нашь добрыи, повѣждь намь; нєоскоѹдьна бо ѥсть благодѣть прєбогатааго отьца нєбєсьнааго, прѣизобиловати ны можєть вьсѣмь. аштє бо и прѣстави сє оть нась пльтию, нь доѹхомь свєтыимь вьсєгда сь нами ѥси, да аштє нє ꙗвѣ, нь благодѣтию дарованою ти оть Христа любитєлꙗ твоѥго, свєтыимь доѹхомь, оѹтоѹсьни оѹмы нашє и просвѣти сьвѣты срьдьць нашихь, ихьжє прѣждє оѹмастиль ѥси доѹхомь свєтыимь, ꙗко познати намь Христа истиньнааго бога нашєго; чьстьныи отьчє нашь, мы чєда твоꙗ, молимь твоѥ прѣподобиѥ и вєликоѹю ти свєтыню, и ѥштє нє остави нась своихь си рабь. мы бо бєзь свєтыѥ ти помошти нє можємь ни оѹмѣѥмь, и ѥштє бо ꙗко младѣньци ѥсмы. нь повѣждь намь, о прѣбогатє отьчє и славою нєбєсьною, коѥ пѣсни или мольбы прьвѣѥ принєсь помоли сє Христоѹ сьпасоѹ доѹшь нашихь, и нє лѣни сє о своѥмь

сихъ всѣхъ не видѣвъ, како убо вѣрова? Дивно чюдо? Иніи царіе и властеле, видяще си вся бывающа отъ святыхъ мужь, не вѣроваша, но паче на страсти и муки предаша ихъ. Ты же, о блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече къ Христу, токмо отъ благаго смысла и остроуміа разумѣвъ, яко есть Богъ единъ Творецъ, невидимыимъ и видимыимъ, небесныимъ и землеными́мъ, и яко посла въ миръ спасенія ради възлюбленнаго Своего Сына. И си помысливъ, вниде въ святую купѣль. И, еже инѣмъ юродство мнится, тебѣ сила Божія вмѣнися [1]).

1) Горскій, стр. 39—42.

даръ, юже ти юсть даровалъ любитель твои Христосъ, югоже възлюбилъ юси изъ юности твоюю, слоужити юмоу прѣподобиюмь и правьдою? повѣждь намъ, пастыроу добрыи и наученичие сьпасениию нашемоу, коимь словомь прьвѣю призва Христа на помошть себѣ, или кою покаꙗние принесе юмоу, кою ли оумилюниню, кою ли въздыханию, коюли сльзы принесе, и оуслышанъ бысть господемь нашимь Инсоу Христомь? повѣждь намь, отьче светыи, по заповѣди врьховьнааго и великааго оучителꙗ апостола Павла, не дльжьна бо соуть, рече, чеда родителюмь имѣниꙗ штедѣти, нь родителию чедомь; да ты, отьче нашь светыи, доухомь светыимь и юваньгелиюмь родилъ ны юси. да повѣждь намь достоинноу благодѣть, юже обрѣте отъ Христа, даромь раздаꙗтелꙗ, да и мы чеда твоꙗ прѣбольшеюю дрьзновение въсприюмьше и възвеличимь господа сь тобою и възнесемь име юго вькоупѣ. повѣждь намь, отьче светыи, како на ревьность аньгельскоу вьсь прѣложи се? нь нельжьнь бо юсть и нераскаꙗнь вь дарѣхь своихь ис прьва царьствоуюи и вь вѣкы и на вѣ-

кы и ѥште сы сь нами. древлѥ бо вьзьмь оть доуха светаага соуштаага вь великомь боговидьци Моисеи, и прѣизлиха обогати. о. пророкь, ꙗко бити нимь подобьнѣмь великомоу боговидьцю Моисею, тьжде может благодѣтию своѥю изобиловати вьса ѹеда твоꙗ, любеш-теѥ благолѣпиѥ светыниѥ твоѥѥ. отьѹе нашь светыи, повѣстьниѹе истинѣ, самоу истинноу вьсоу показаль ѥси намь, повѣждь намь и сиѥ иштемоѥ оть тебе нами, ѹеды твоими. оть коудоу вь те припахноу воню светаага доуха, и оть коудоу испи памети боудоуштеѥ жизни сладькоую ѹашоу, и оть коудоу вькоуси и видѣ ꙗко благь господь? не видѣль ѥси Христа, не ходиль ѥси по немь; повѣждь намь ѹедомь своимь, оуѹителю нашь добрыи, ты бо намь вьторыи прѣдьтеѹа боудеши, вьводе ны вь царьство небесьноѥ, повѣждь намь, како оуѹеникь Христовь обрѣте се? вь Назаретѣ не былъ ѥси, идѣже благовѣсти великыи арьхань-гель Гавриль вьпльштениѥ Христово вь прѣѹистоую и прѣне-пороѹьноую дѣвоу богородицоу; ты вь Витлеѥмѣ рождениꙗ ѥго нѣси видѣль; ты вь Иорьданѣ

нѣси юго видѣль крьстештасе, и небесь разводештиихь се нѣси видѣль, и гласа отьча, сьвѣдѣтельствоуюшта о возлюблюнѣмь сынѣ, и того нѣси слышаль, и доуха светаго зракомь голоубиномь сьходешта надь любителю твоюго Христа нѣси видѣль; ты по земли обѣтованои нѣси ходиль; по поустынꙗмь нѣси ходиль сь нимь; .є.-ю хлѣбь многыю народы насыштьшаго нѣси видѣль, и мрьтвые вьставлꙗюшта, глоухыю слышеште и нѣмыю глаголюште, слѣпые видеште, и бѣсы изгонешта, и прокаженые оуиштаюшта, и Лазара вь Витании изь мрьтвиихь вьскрѣшаюшта, и на крьсть волюю гредоушта, и на крьстѣ вольноую сьмрьть приюмлюшта, землю тресоуштоу се, и камению распадаюште се, и гробы отьврьзаюште се, и многыихь светыихь тѣлеса оть гробь вьстаюшта, и на крьстѣ пригвожденню и вь гробѣ положению, и вь адь сьшествию страшьно диꙗволоу и аньгеломь юго, праведьныимь же свобода и радость и веселию, и оть мрьтвиихъ вьскрьсению, и пакы по земли похожденню сь обѣма на десете апостолама и сь нѣми

прочиими, и оть горы ѥлеонь-
скыѥ и на небеса вьсходешта
сь славою и на небесѣхь о дес-
ноую отьца сѣдешта и прѣчи-
стыи доухь посьлавьша съ небесь
светыимь своимь оученикомь
и апостоломь; того ты вьсего
нѣси видѣль; нь повѣждь намь
отьче нашь, како оученикь ѥго
обрѣте се? иии бо мнози ви-
дѣвьше и не вѣроваше ѥмоу.
нь по истинѣ сьбыстьсе на те-
бѣ блаженьство господа нашего
Иисоу Христа, реченоѥ кь То-
мѣ апостолоу: блажени не ви-
дѣвьше и вѣровавьше. тѣмьже
сь дрьзновениѥмь зовемь ти, о
блаженыи отьче нашь, самомоу
сьпасоу рекьшоу ти: блажень ѥси,
ꙗко вѣрова ѥмоу, и не сьблазни
се о немь по словеси ѥго нельжь-
номь рекьшомоу: блажень ѥсть,
иже не сьблазнить се о мнѣ. и
иии бо вѣдоуште законь и про-
рокы и распеше и; а ты ни за-
кона ни пророкь почитавь, за
вьсь мирь распетомоу сьпасоу
вьсѣхь вѣрова, нь повѣждь намь,
отьче нашь светыи, како ти се
срьдьце разврьзе, како вьниде
вь те страхь божии, и како доухь
светыи своѥю благодѣтию и
огласи вьса чоувьства твоꙗ
доушевьнаꙗ и тѣлесьнаꙗ? и ка-

ко приближи се кь неизреченѣи любьви юго и кь бесчисльномоу милосрьдию юго? ты оть светыихь апостоль юго не виде ни юдиного пришьдьша вь землю отьчьства своюго и оуздесь великыихь господемь твоимь творимыихь и славьныими оученикы юго, того вьсего не виде, како вѣрова юмоу? дивьно чоудо по истинѣ; по июже ини царию и властелию видеште вьса бывающтая, наче на страсть и на моукоу прѣдаше юго; ты же, о блажены отьче нашь, безь вьсѣхь сихь притече кь Христоу тькьмо оть благааго ти помысла и богомысльнаего ти остроѹмнаа разоуѹма, ѩко господь богь юдинь есть творьць видимыимь и невидимыимь небесьныимь и земльныимь, и ѩко посьла вь вьсь мирь сьпасение, вьзлюбленааго сына своюго, томоу ты вѣровавь и прѣбольшеи благодѣти сыподобисе оть июго [1]).

Далѣе Доментіанъ говоритъ, что Симеонъ, царьство земьное остави, иште царьства небесьнааго..... и вь светоую гороу вьстече (стр. 36—37)..... и по сихь вьсѣхь... избра благовѣрьнааго сына своего Стефана, и сьтвори юго самодрьжавьна господина вьсемоу владычьствоу своюмоу, и вьставь сь прѣстола

1) Даничичь. Стр. 30—36.

своѥго и прѣдасть и ѥмоу (стр. 41)... Архиѥрей Калиникъ постригъ Симеона . . . облѣче и вь великыи аньгельскыи образь... и прозванъ бысть Симеонь монахь (стр. 44); супруга его Ана такожде . . . . . приѥть светыи аньгельскыи образь и наречена бысть прѣподобьна мати наша Анастасиꙗ. (стр. 44—45). Потомъ Симеонъ перешелъ въ Студеничскую лавру и нѣколико врѣме пребысть вь. . . монастыри оудвараѥсе сь чьстьными чрьньци по правилѣ и по заповѣди св. богоносьныихь отьць (ib.) и оттуда писалъ Саввѣ, что надѣется видѣться съ нимъ на Аѳонѣ. Савва отвѣчалъ ему о «неизрѣченной радости» при этомъ извѣстіи. Симеонъ поселился въ Аѳонскомъ Ватопедѣ; съ нимъ былъ и Савва—оба сдѣлавшіе значительныя пожертвованія монастырю. Отдохнувъ оть троуда поутьнааго, Симеонъ пожелалъ обозрѣть весь Аѳонъ и поклонитися вьсѣмь светыимь црьквамь (стр. 55). Прежде всего отецъ и сынъ пришли въ Карею и принесоста пресветѣи богородици серебреные и золотые сосуды и кадильницы и церковныя одежды (ibid). Оттуда они перешли вь лавроу св. Богородице иверьскыѥ съ такими же дарами, затѣмъ въ лавру св. Аѳанасія Аѳонскаго съ такими же жертвованіями, послѣ чего возвратились въ Ватопедъ (стр. 56—57). Потомъ Симеонъ богоу помогаюштоу ѥмоу начеть здати монастырь домь прѣсветыѥ Богородице благодательнице Хиланьдарьскыѥ, и прьвѣѥ црькьви поновлѥниѥ сьтвори, (стр. 61). Онъ писалъ объ этомъ и сыну своему, ѥго же остави владычьствовати вь отьчьствѣ своѥмь, и о поддержаніи своего предначинанія, и сынъ чрезъ игумна Меѳодія, доставившаго письмо отца, послалъ «преизобильные дары», на основаніе дому прѣсвятой богородици, и писалъ ему, между прочимъ въ тѣхъ же почти выраженіяхъ, въ которыхъ и митрополитъ Иларіонъ и самъ же Доментіанъ прославляли Владиміра и Симеона: ты погыбшеѥ приобрѣте, и расточеныѥ сьбра, и оубогыѥ обогати, и падшеѥ се вьздвиже, и неславьноѥ прослави, и вьсечьстьною силою Христа твоѥго и благодѣтию даною ти оть бога прѣльстьныи мракъ безьбожьныихь ѥретикь отьгна, и ѥреси ихь потрѣби и капишта ихь раз-

дроуши, и идолы ихь ськроуши, и зьлославьноую память ихь потрѣби, и славоу ихь безь отьлѣка оугаси, и заре благовѣрию прояви вь вьсѣмь отьчьствѣ твоѥмь, и црькви Христовы постави, и иконы светыихь обьяви, и светымь доухомь все онови и вьсе ны наоучи ѥдиногласьно славити и вьспѣвати прѣчьстьноѥ и вельлѣпьноѥ име отьца и сына и светааго доуха (стр. 64). Затѣмъ Симеонъ снова послалъ къ сыну своему Стефану игумна Меѳодія выдавь ѥмоу чьстьный и животворештии крьсть господьнь, на нѥмь же вольноѥ распетиѥ приѥть владыка нашь Христось грѣхь ради нашихь, ѥгоже самь прѣподобьныи носе на выи своѥи иногда побѣждааше врагы своѥ противныѥ соупостаты (стр. 65). Довершивъ устройство Хиландаря, Симеонъ переселился въ него изъ Ватопеда (стр. 68—69) и пребывалъ тамъ съ Саввою. Тогда же Симеонъ написалъ обо всѣхъ церковныхъ учрежденіяхъ кь любовьномоу си сватоу Кирь Алексѣ царьградьскомоу царю (стр. 70) и послалъ это писаніе съ Саввою, который отправился въ Царьградъ, и Савва радушно былъ принятъ царемъ (стр. 70), который и далъ имъ просимое мѣсто запоустѣвьше оть безьбожныихь коурсарéи (ib.). Алексѣй исполнилъ прошеніе и приложи има царь свои мѣрьтикь Зигь царьскыи монастырь сь вьсѣми стаси своими и сь метохиями, и написа ѥмоу хрисовоуль сь вьсѣмь оутврьждениѥмь царьскыимь ... и царь ..... Алекса Хиландарь царьскыи монастырь нарече, и приложи ѥго кь царьскыимь манастиремь Светыѥ горы ..... и много злата оудавь на трѣбованиѥ сватоу ..... Симеону. (стр. 71).

Послѣ этого Доментіанъ сообщаетъ о кончинѣ Симеона съ витіеватыми похвалами и усопшему и сыну, совершавшему его погребеніе вь црькви прѣсветыѥ Богородице хиланьдарьскыѥ лавры, упоминаетъ о заповѣди усопшаго Саввѣ перенести его останки въ Сербію яко и по смрьти хотѣ неослабьно сьблюдати паствиноу свою. Мощи Симеона были перенесены въ Студеницу (стр. 103). Являясь въ сонномъ видѣніи Саввѣ, Симеонъ утѣшалъ сына, который въ свою очередь возсылалъ святому родителю благодарность и высокое почитаніе его заслугъ. Затѣмъ

уже Доментіанъ говоритъ о чудесахъ, совершавшихся у мощей преподобнаго Симеона (стр. 80).

Этимъ ограничиваются всѣ факты изъ дѣятельности Симеона, сообщаемые Доментіаномъ, который въ своихъ широковѣщательныхъ сказаніяхъ имѣлъ источники и образцы въ трудахъ Стефана первовѣнчаннаго и митрополита Иларіона. Уже академикъ Ягичъ въ 1877 году замѣтилъ: «преклоняясь предъ крупнымъ авторитетомъ Шафарика, до сихъ поръ почти всюду придавали слишкомъ большое значеніе сообщеніямъ Доментіана . . . . . Въ житіи Симеона такъ пространно изложенномъ Доментіаномъ. . . не представляется ни одного факта, который не былъ бы точнѣе и яснѣе разсказанъ въ трудѣ Стефана Первовѣнчаннаго. Хотя твореніе Доментіана, расширенное безконечно длинными эпизодами, неидущими къ дѣлу, вдвое или втрое стало объемистѣе житія написаннаго Стефаномъ, это не послужило на пользу дѣла. Доментіанъ въ пониманіи Немани стоитъ безконечно ниже короля Стефана. Это фразистый монахъ, который испортилъ и затемнилъ трудъ Стефана длинными сравненіями изъ библіи, выпустивъ изъ него многія важныя подробности. Напротивъ, все идущее къ дѣлу въ житіи Немани почти слово въ слово заимствовано изъ житія, писаннаго Стефаномъ. Достаточно замѣтить, что почти на каждой страницѣ встрѣчается много строкъ (и именно самыхъ содержательныхъ) заимствованныхъ изъ труда Стефана, причемъ Доментіанъ умалчиваетъ объ этомъ, слѣдуя обычаю многихъ византійскихъ писателей». Затѣмъ Ягичъ приводитъ указаніе страницъ, заключающихъ въ себѣ заимствованія Доментіана изъ Стефана Первовѣнчаннаго [1]).

Всѣмъ сдѣланнымъ по старо-сербской исторической литературѣ основательно воспользовался бѣлградскій профессоръ Протичь въ своемъ трудѣ о «житіяхъ сербскихъ святыхъ, какъ историческомъ источникѣ» [2]). Онъ подробно обслѣдовалъ трудъ

1) Ein Beitrag zur serbischen Annalistik. Archiv für slavische Philologie. Bd. II, p. 83—84. (1877).

2) Житија српских светаца као извор историјски. Београд. 1897.

короля Стефана и сличилъ отчасти текстуально трудъ Доментіана съ трудомъ Стефана для доказательства компилативности въ работѣ Доментіана (стр. 49—52). Профессоръ Протичь пользовался Шафариковскимъ изданіемъ стефановскаго труда[1]). Кстати припомнимъ, что еще впервые издавая трудъ Стефана Первовѣнчаннаго, Шафарикъ замѣтилъ, что Доментіанъ — труда котораго еще не было въ печати — обширно и краснорѣчиво написавшій житіе Немани, «нѣкоторыя мѣста (изъ труда Стефана) отъ слова и до слова внесъ въ свое твореніе» [2]).

Житіе Саввы, составленное Доментіаномъ, написано было прежде труда Θеодосія. Подробное сравненіе обоихъ произведеній сдѣлано въ указанномъ выше трудѣ проф. Протича (стр. 54 и слѣд.). Въ заповѣдании прѣосвѣштенаага кирь Саввы кь всеосвештенымь ѥпископомь читаемъ: не противоу ли намь Господь тогда апостолы ꙗвить, иже кь царьствию сь собою множьство вѣрьныихь оучеште привели соуть? тоу Петрь сь людеи показавьшисе, ѥже по себѣ привлѣче, сь ними ꙗвить се; тоу Павль обраштъ се, тако рекоу, вьсь мирь веды; тоу Аньдрѣи по себѣ веды Ахаию, Иоань Асию, Тома Иньдию, прѣдь лице своѥго царя наказаноу приведоуть.... (стр. 291). Эти строки напоминають слова Иларіона при переходѣ его отъ богословскихъ разсужденій къ похвалѣ «великому Кагану нашеа земля»: «хвалитъ же похвальными гласы Римъская страна Петра и Павла, ими же вѣроваша въ Іисуса Христа Сына Божіа; Асіа, и Ефесъ, и Патмъ—Іоанна Богослова; Индія — Фомоу, Египетъ — Марка; вся страны и грады, и людіе чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша православной вѣрѣ» (Горскій, стр. 38). Оба эти текста предполагаютъ третій, бывшій въ рукахъ писателей.

1) Památky dřevního písemnictví Jihoslovanů. 1851 или 1872 годовъ. Въ этихъ изданіяхъ житія Симеона встрѣчаются и опечатки и пропуски, замѣченныя Мартыновымъ, издавшимъ *по той же* парижской рукописи житіе Немани (написан. Стефаномъ Первовѣнчаннымъ) въ Памятникахъ Древней Письменности. 1880 г., вып. III.

2) Šafarik-Památky. Život sv. Symeona od krále Štěpána p. III.

Не смотря на преобладаніе монашескихъ взглядовъ на государственныя и церковныя заслуги Симеона и Саввы, трудъ Доментіана, характеристичный въ сербской письменности своего времени, съ тѣмъ вмѣстѣ считается и важнымъ пособіемъ въ исторіи государства и даетъ крупный матеріалъ для ученаго труда А. А. Майкова по «Исторіи Сербскаго языка по памятникамъ писаннымъ кириллицею въ связи съ исторіей народа» (Москва. 1857). Трудъ этотъ на столько серьезенъ, что вторая часть его (исторія народа) немедленно была переведена и на сербскій языкъ.

И такъ литературная связь между руссами и сербами не прерывалась не смотря на видимыя различія въ ихъ жизни, обусловливаясь различіемъ жизненныхъ фактовъ въ исторіи обоихъ племенъ. Русская литература обогащалась списками Сербской, переходившими преимущественно съ Аѳона, столь важнаго и въ просвѣщеніи Руси. Списки Доментіановскихъ трудовъ встрѣчаются и теперь еще во всѣхъ библіотекахъ, богатыхъ памятниками старославянской литературы. Сербы также пользовались трудами Иларіона, списывали ихъ — какъ видится изъ трудовъ Доментіана — руководились его краснорѣчіемъ, не смотря на различіе и государственнаго и церковнаго строя.

Положеніе Церкви у Руссовъ и Сербо-хорватовъ во время Иларіона и Доментіана не могло быть одинаковымъ: и начало Христіанства у обоихъ народовъ, и судьбы его во время дѣятельности краснорѣчивыхъ писателей были различны. Въ Далмаціи Христіанство появилось еще во времена апостольскія, оттуда оно распространилось и къ Востоку, заселенному впослѣдствіи славянами. Съ VII вѣка, когда, по сказаніямъ Византійцевъ, Хорваты и Сербы появились въ Иллирикѣ, извѣстны уже старанія и Царьграда и Рима о распространеніи Христіанства. Славяне, принимавшіе крещеніе, имѣли уже и священниковъ и епископовъ, подчиняясь распоряженіямъ Солинскаго архіепископа, но христіанство часто было только номинальнымъ, потому что пастыри проповѣдывали на латинскомъ или греческомъ

языкѣ, чуждомъ паствѣ. Часть Хорватовъ еще оставалась въ язычествѣ въ первой половинѣ IX вѣка. У Сербовъ дѣло шло не лучше. Приблизительно въ то же время греческое духовенство обращало въ христіанство поселяниковъ Θессаліи, Θракіи и Македоніи. Въ половинѣ IX столѣтія и Мораване, недостаточно знакомые съ христіанствомъ, обращались къ Царьграду съ просьбою о христіанской проповѣди на славянскомъ языкѣ, имѣя, во всякомъ случаѣ, уже начальные образцы славянской проповѣди на югѣ, и предъ появленіемъ Кирилла и Меθодія въ Велеградѣ. Извѣстно, что успѣхамъ славянскаго богослуженія въ Моравіи препятствовало нѣмецкое духовенство и гонимые ученики Кирилла и Меθодія разсѣивались на югѣ по территоріи Сербовъ и Болгаръ. При болгарскомъ Симеонѣ († 927 г.) славянское просвѣщеніе праздновало уже «золотой вѣкъ» въ Болгаріи. Эти успѣхи славянской письменности, конечно, не могли безслѣдно пройдти и для Сербовъ. На хорватскомъ западѣ еще преобладала римская іерархія, на сербскомъ востокѣ — уже византійская. Между тѣмъ расколъ между Римомъ и Византіей уже совершился. Духовныя произведенія Болгаръ, переводимыя съ греческаго, переписывались сербами, и остатки ихъ, хотя и въ болѣе поздней перепискѣ, дошли до насъ. Въ письменности должны были высказаться и религіозныя несогласія или ереси. Манихейство, Павликіанство, и позже — Богомильство являются и у Славянъ, куда проникли чрезъ Византію, гдѣ еще въ III—V вѣкахъ проявился еретическій дуализмъ. Во второй половинѣ VIII вѣка, съ переселеніями изъ Сиріи и Арменіи, это еретичество распространяется по Европѣ. Въ концѣ IX вѣка проповѣдники его являются въ Болгаріи. Въ X вѣкѣ множество еретиковъ поселено было около Филиппополя; въ то время появляется у Болгаръ и Богомилъ. Во Θракіи и Македоніи еретики нашли приверженцевъ среди множества монаховъ. Въ половинѣ XI вѣка богомильство появляется у Сербовъ, гдѣ церковная іерархія еще не была устроена. Болгары и греки пользовались общественной безурядицей сербовъ, пробудившихся

только при династіи Неманичей. Подробности распространенія богомильства въ сербскомъ государствѣ неизвѣстны. Кромѣ упоминовенія объ «ереси» — въ житіяхъ Симеона и Саввы, писанныхъ Стефаномъ Первовѣнчаннымъ, Доментіаномъ и Өеодосіемъ, а равно и въ Печской лѣтописи: «Житія и начелства срьбских господь»[1]), близкаго къ копривницкой рукописи 1453 года,— почти ничего не встрѣчается. У Стефана Первовѣнчаннаго упоминается только «трьклетаѧ кресь», укоренившееся въ государствѣ «аріанство»[2]); у Доментіана глухо упоминается объ искорененіи «еретической и многобожной льсти»[3]), у Өеодосія — о респространеніи ея въ высшихъ классахъ народа. Савва — говоритъ писатель—просвѣщалъ «вь ересех же соуштихь благорωдныхь»[4]), при чемъ ранѣе упоминается о «соуштиихь же крьштениихь вь латинсцѣи ересы такожде сь прѣжде проклетиемь злые ихь ересы[5]). Въ печьской лѣтописи находимъ: «когда угасла первая проповѣдь, распространенная св. апостолами въ землѣ сербской, и различныя ереси умножились въ ней на много лѣтъ и начальствующіе никакъ не заботились объ истребленіи еретическихъ плевеловъ, до самого того времени, когда явился великій жупанъ Неманя, который и возобладалъ самовластно этою землею»[6]). Сербскій ученый Б. Петрановичь, въ своемъ полезномъ трудѣ о богомилахъ, говоритъ, что ересь коренилась, какъ явствуетъ изъ показанія Өеодосія (Доментіана) въ высшихъ классахъ, а не въ сердцахъ народа, и уже при жизни Саввы осталось о ней одно воспоминаніе[7]). Въ народѣ сербскомъ преданность православію, подготовленная и болгарской церковной

---

1) у Шафарика: Památky. Krátké letopisy srbské. p. 51—64. Отрывки изъ Печьской лѣтописи у Гильфердинга: Русская бесѣда. 1858. IV кн. стр. 55—57 (Смѣсь).

2) Въ изданіи Мартынова: Памятники др. Письменности. Вып. III (1880 г.) стр. 40—41.

3) Даничичь (1865 г.) стр. 30.

4) Даничичь (1860 г.) стр. 152.

5) Ibid. стр. 151.

6) Гильфердингъ: Русская Бесѣда, 1860, кн. II, стр. 19 (смѣсь).

7) Богомили. Црьква босаньска и крьстяни (1 Задру, 1867) стр. 88.

литературой, была несомнѣнна, какъ доказывалъ въ своихъ трудахъ и Гильфердингъ, полагавшій, что и политическіе успѣхи Симеона Немани поддерживалась именно массою народа, а не высшимъ сословіемъ, увлеченнымъ стремленіями Рима. Извѣстно, что Сербы не разъ заводили сношенія съ Римомъ, и что Неманя, Изволенѥм'же бжи҃ѥмь спо̑бисе и латинское приѥти кр'щениѥ.... и паки спо̑би се в'тороѥ кр'щениѥ приѥти ѿ роуки свтл҃га и архиѥрѣя посрѣ̑ срьпьскыѥ землѥ [1]).

Въ сербскомъ лѣтописцѣ (Копривницкая рук. 1453 г.) Симеонъ тоже называется «укрѣпителемъ православія» и «потрѣбителемъ ереси своего отечества сербской земли» [2]). При наклонности народа къ византійскому православію, поддержанному Неманею, и Саввѣ уже легче было съ успѣхомъ заняться устройствомъ іерархіи. Извѣстно, что Неманя велѣлъ сжечь и «нечестивыя книги, отобранныя отъ учителя и начальника ереси» [3]).

Существованіе еретическихъ сочиненій у Сербовъ предполагаетъ и обиліе правовѣрныхъ, заимствованныхъ тоже отъ Болгаръ. И сейчасъ извѣстно много духовныхъ произведеній болгарской работы, переписанныхъ сербами, кромѣ оригинальныхъ переводовъ съ греческаго языка. Съ политическимъ разгромомъ Болгаріи и Русь уже могла, разумѣется — не многимъ — дѣлиться съ Сербами. Имя Иларіона, митрополита Кіевскаго, уже встрѣчается въ сербской письменности; встрѣчаются труды, если и не дѣйствительно имъ писанные, то во всякомъ случаѣ переписанные съ русскихъ подлинниковъ. Уже при изданіи въ русскомъ переводѣ исторіи сербско-хорватской литературы Ягича (въ 1871 г.) сдѣлана была замѣтка о близости доментіановскаго сочиненія о жизни Немани къ Иларіоновой похвалѣ кагану Володиміру (стр. 179). Все житіе Симеона, разсчитанное на его прославленіе, обставленное безчисленными цитатами изъ ветхаго

---

1) Мартыновъ: Памятники др. письменности (1880), вып. III, стр. 35.
2) Шафарикъ. Památky. Kr. let. srbské, p. 51.
3) Мартыновъ. Памятники... стр. 42.

и новаго завѣта во вкусѣ византійскаго краснорѣчія, несомнѣнно носитъ слѣды вліянія Иларіона, какъ видно уже изъ сопоставленія нѣкоторыхъ текстовъ обоихъ писателей. Самое начало житія, упоминающее о «законѣ и благодати», тоже отзывается Иларіоновскимъ «словомъ». Книжная дѣятельность Иларіона была извѣстна сербамъ. Нѣсколько произведеній, списанныхъ только или написанныхъ Иларіономъ, перешли и въ Сербію при извѣстныхъ сношеніяхъ Руси съ Аѳономъ: безъ этого у Сербовъ не могли бы появиться нѣкоторыя поученія съ его именемъ. Изданное по сербскому списку поученіе Кіевскаго митрополита Иларіона «къ брату столпнику, просившему у епископа душеполезнаго слова», въ русской письменности и въ печатномъ «потребникѣ иноческомъ» не обозначается именемъ Иларіона Митрополита Кіевскаго [1]); поученіе «о пользѣ души» даже въ спискѣ XII — XIII вѣка обозначается только именемъ «святаго Иларіона» [2]); въ Макаріевскихъ Четьихъ Минеяхъ, подъ 21-мъ октября, тоже поученіе является съ обозначеніемъ: «поученіе св. Иларіона» [3]), а въ — имѣющейся у меня — сербской рукописи XIV—XV в., оно же слѣдуетъ за словомъ «столпнику», обозначенномъ именемъ Иларіона, Митрополита Кіевскаго. У Сербовъ это поученіе было общеизвѣстно и уже въ 1732 г. является на народномъ сербскомъ языкѣ, но приписывается только *св. великому Иларіону* [4]). Горскій издалъ то же поученіе по погодинской рукописи XIV или начала XV вѣка съ титуломъ св. Иларіона Митрополита Кіевскаго. То же обозначеніе встрѣчается и въ другихъ рукописяхъ [5]). Невольно припоминается всеславянскій терминъ *списатель* въ русскомъ смыслѣ *писатель*. Но если онъ

1) Извѣстія и ученыя записки Казанскаго Университета, 1865 г., вып. I, стр. 57—79.

2) Извѣстія II Отд. Академіи Наукъ. 1856 г., т. V, стр. 222—224.

3) Въ изданіи Ч. М.: Октябрь. Стр. 1679—1682.

4) Каталог рук. српске краљевске академије. Сост. Л. Стояновић. Београд, 1901 г., стр. 98.

5) Прибавленія къ твореніямъ св. Отцевъ. Ч. II. стр. 293—296 (1844 года); Шевыревъ: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. (1850 г.), ч. II, стр. 41.

и пользовался твореніями своихъ предшественниковъ, уже переведенными на славянскомъ югѣ, то во всякомъ случаѣ имѣетъ полное право считаться замѣчательнѣйшимъ писателемъ Руси, умѣвшимъ такъ художественно, такъ стройно скомпоновать свою похвалу Владиміру. И Доментіанъ пользовался имъ, на сколько было нужно для его цѣли. Начала христіянства, давно уже проповѣданныя на славянскомъ югѣ, не занимали Доментіана. Ему, очевидно, хотѣлось только превознести заслуги Симеона и Саввы въ охраненіи этихъ началъ отъ внѣдрявшейся *ереси*, указать значеніе отшельничества для укрѣпленія народности, тревожимой и западомъ, имѣвшимъ, какъ видится, приверженцевъ въ высшемъ слоѣ націи, и воздать дань благодарности своему учителю и покровителю. У Иларіона была иная цѣль: ему нужно было ближе ознакомить съ началами христіанства паству и онъ, конечно, пользовался всѣмъ матеріаломъ или еще необнародованнымъ до сихъ поръ или вовсе не дошедшимъ до нашего времени. Однимъ изъ образцовъ для Иларіоновскаго краснорѣчія несомнѣнно долженъ считаться Ефремъ Сиринъ; другимъ — могъ быть какой-то трактатъ о законѣ и благодати, олицетворенныхъ въ Агари и Саррѣ. Писатель, говоря о наслѣдованіи, упоминаетъ о Манассіи и Ефремѣ, которыхъ, сколько извѣстно, не касались многочисленные толкователи посланія Апостола Павла къ Галатамъ, на которомъ держится вся суть первой части слова Иларіона. Всѣ отцы Церкви и многіе богословы востока посвящали не мало страницъ толкованіямъ 4-й главы посланія къ Галатамъ, и эти толкованія должны были появиться въ южнославянскихъ переводахъ и могли быть извѣстны Иларіону. Предполагать, что онъ самостоятельно, независимо отъ предшественниковъ, владѣлъ богословскимъ вопросомъ о завѣтахъ, было бы странно.

Вѣря въ полную самостоятельность слова о законѣ и благодати, ученый издатель сомнѣвался въ оригинальности поученія Иларіона о «наказаніи къ отрекшимся міра Христа ради»[1]) и

1) Горскій. Памятники духовной литературы... стр. 19—20.

основательно замѣчалъ, что «изъ обличеній Иларіоновыхъ противъ слабости жизни иноческой видно, что при жизни писателя монастыри были уже многолюдны и богаты, что у нихъ были свои нивы, озера, села, что правила жизни иноческой отъ сближенія съ міромъ пришли въ пренебреженіе», что «въ той странѣ, гдѣ жилъ писатель, монашество не было новымъ учрежденіемъ, но давнимъ, что оно широко распространилось и успѣло уже испортиться», что «сего нельзя сказать о состояніи монашества у насъ въ первой половинѣ XI вѣка».

Но если вѣренъ взглядъ ученаго издателя «слова о законѣ и благодати» на состояніе монашества, съ которымъ несомнѣнно связывалось понятіе о духовномъ просвѣщеніи и проповѣди богословскихъ истинъ, то есть, если на Руси не допускать успѣховъ духовнаго просвѣщенія, то какъ же мы должны относиться къ начальнымъ словамъ поученія Иларіона, что «излишне было бы излагать въ семъ писаніи проповѣдь пророковъ о Христѣ и ученіе апостоловъ о будущемъ вѣкѣ»; что это клонилось бы «къ тщеславію», потому что «все писанное въ другихъ книгахъ было уже извѣстно паствѣ и предлагать здѣсь о томъ было бы признакомъ дерзости и славолюбія (тщеславія)», что все «это пишется не для незнающихъ, а для насытившихся съ избыткомъ (преизлиха) книжною сладостью»?

Такъ могли говорить византійскіе богословы своей паствѣ, а не русскій писатель XI вѣка народу, не успѣвшему еще «насытиться книжной сладостью». Несомнѣнно высокообразованный русскій іерархъ не могъ считать достаточнымъ начинавшееся знакомство Руси съ богословскими памятниками южно-славянской литературы. Если увѣщанія «брату столпнику» предполагали развившуюся монастырскую жизнь то, и увѣренность въ насыщеніи книжною сладкою пищей могла быть высказана только сравнительно просвѣщеннымъ слушателямъ, которымъ, казалось, излишни были прекрасныя практическія проповѣди Луки Жидяты, Ѳеодосія, Серапіона. Паства конечно, нуждалась и въ такой книгѣ, какъ «Палея, сирѣчь бытія толковая небеси и земли,

о сотвореніи твари видимой и невидимой, и о Христовѣ воплощеніи, и о рожденіи, и о пришествіи Его на землю, и объ отверженіи жидовстѣмъ и о призваніи языкъ», и Иларіонъ, какъ видно изъ его изложенія, въ первой части слова пользовался Палеею, но не съ той цѣлью, которую приписываютъ Палеѣ. «Главнымъ побужденіемъ къ написанію толковой палеи, какъ показываетъ самое содержаніе ея, было желаніе показать превосходство христіанства предъ іудействомъ»—по вѣрному взгляду г. В. Успенскаго[1]); но нельзя доказать, чтобы попытками іудеевъ распространять іудейство въ русской землѣ и послѣ обращенія Владиміра въ христіанство, вызвано было знаменитое слово Иларіона о законѣ и благодати[2]). Стиль Палеи явственно характеризуетъ борьбу съ іудействомъ, и Иларіонъ, если бы преслѣдовалъ ту же цѣль, увлекся бы этимъ: постоянныя обращенія писателя Палеи «къ Жидовину» повторились бы хоть гдѣ нибудь, между тѣмъ какъ главною цѣлью прекрасно составленнаго «слова о законѣ и благодати» было очевидное восхваленіе Владиміра, основавшаго и утвердившаго христіанство «въ землѣ Русской, яже вѣдома и слышима стала всѣми концы земля»...

М. П—ій.

---

1) Толковая Палея. Казань. 1876. стр 130.

2) Ibid. 134.

Древнее населеніе Рязанской области.

(По поводу статьи А. А. Шахматова «Южныя поселенія Вятичей»).

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Извѣстій Имп. Академіи Наукъ [1]) помѣщена статья А. А. Шахматова о южныхъ поселеніяхъ Вятичей. Основные выводы автора сводятся къ слѣдующему: 1) Вятичи въ X столѣтіи, а точнѣе въ моментъ составленія древнѣйшаго лѣтописнаго свода (время Ярослава), жили не на Окѣ, а гораздо южнѣе: въ бассейнѣ средняго или нижняго теченія Дона; 2) въ концѣ XI-го вѣка Вятичи двинулись съ юга на сѣверъ и колонизовали Рязанскую область; 3) движеніе Вятичей съ юга на сѣверъ вызвано появленіемъ на югѣ новыхъ хозяевъ—Половцевъ; 4) усиленіе Рязанскаго княжества въ XII вѣкѣ вызвано, именно, появленіемъ колоній Вятичей въ этой сторонѣ; и 5) Вятичи не родственны ни Радимичамъ, ни Ляхамъ.

Выводы слишкомъ интересны, и ихъ невольно хочется провѣрить по возможности съ разныхъ точекъ зрѣнія. Вотъ почему я беру на себя смѣлость сдѣлать повѣрку вопроса со стороны археологическихъ данныхъ.

По этимъ даннымъ Приокская область была издревле густо населена. Первыми насельниками ея являются люди каменнаго періода, неолитической эпохи. Что это были за люди, остается

---

1) Изв. Имп. Акад. Наукъ 1907 г., № 18, стр. 715.

неизвѣстнымъ; неизвѣстны не только ихъ племя, народность, но и раса, неизвѣстенъ и ихъ языкъ; только судя по вещественнымъ памятникамъ, въ особенности по орнаменту и формамъ керамики, возможно сближать ихъ съ финно-угрской семьей инородцевъ Европы и Сибири. Возможно, что это были, именно, Финны; но возможно, что это были и другія народности, вытѣсненныя новыми пришельцами. Неолитическіе люди усѣяли всю область Оки произведеніями своихъ рукъ.

Многочисленныя коллекціи предметовъ ихъ быта собраны въ Бѣлевскомъ уѣздѣ Тульской губ. [1]), въ уѣздахъ Зарайскомъ, Рязанскомъ, Спасскомъ Рязанской губ. [2]) и Муромскомъ Владимирской губ. [3]) Стоянки Волосовская, Плехановская, Борковская, подъ Рязанью, пріобрѣли обширную извѣстность, а открытое близъ с. Дубровичъ, въ 12 верстахъ отъ г. Рязани, плотинное сооруженіе, служившее фундаментомъ для жилищъ, основанныхъ среди поемной долины р. Оки [4]), представляетъ уникъ и указываетъ на сравнительно высокое культурное состояніе человѣка того времени, хотя въ распоряженіи его не было никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ развѣ собаки, и земледѣліе ему еще не было знакомо. Его орудія изъ камня достигаютъ большого совершенства, подѣлки изъ кости часто представляютъ настоящія художественныя произведенія [5]), и керамика получаетъ столь разнообразный и законченный орнаментъ, какъ нигдѣ въ другихъ областяхъ Россіи.

---

1) Протоіерей М. Бурцевъ. «О древности существованія г. Бѣлева», стр. 23 и др. — В. А. Городцовъ. «Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки», I) Бѣлевскій у. Тульской губ.

2) Ibid., II) Зарайскій у., III) Рязанскій у. и IV) Спасскій у., Рязанской губ.

3) Гр. А. С. Уваровъ. «Каменный періодъ», т. I и II.

4) В. А. Городцовъ. «Жилища неолитической эпохи». Тр. VIII Арх. Съѣзда, т. III.

5) В. М. Иверсенъ. «Замѣтка о Волосовской стоянкѣ доисторическаго человѣка». Вѣстн. Археолог. и Истор., изд. Петерб. Арх. Инстит., вып. XIII, стр. 68—72 съ 1 табл. рис. Интересно изображеніе головки лося.

—Имп. Россійскій Истор. Музей. Коллекціи предметовъ изъ Волосовской стоянки, собр. П. П. Кудрявцева. Головки птицъ, вырѣзанныя изъ кости.

Стоянки этого человѣка, преимущественно, ютились на самыхъ берегахъ р. Оки.

Позже, въ началѣ металлическаго періода, мы въ этой области находимъ слѣды другой культуры [1]), характеризующейся развитымъ скотоводствомъ и присутствіемъ среди домашняго инвентаря, въ общемъ близкаго къ инвентарю неолитической эпохи, бронзовыхъ орудій, бронзовыхъ личныхъ украшеній, плавильныхъ тиглей и керамики, чрезвычайно близкой къ керамикѣ южно-русскихъ, особенно харьковскихъ, стоянокъ и древнихъ кургановъ со скорченными костяками, время которыхъ, повидимому, относится къ бронзовой эпохѣ [2]).

Памятниковъ этой культуры извѣстно пока немного: обыкновенно ихъ смѣшиваютъ съ памятниками неолитической эпохи.

Новыя стоянки также планировались по берегамъ р. Оки [3]). Объ отношеніи обитателей ихъ къ неолитическимъ аборигенамъ трудно сказать что-либо положительное. Ярко выразилось только то, что неолитическая керамика, съ ея характернымъ орнаментомъ, съ этого времени, на берегахъ р. Оки уже болѣе не встрѣчается и не даетъ отъ себя прямыхъ производныхъ, а это какъ бы говоритъ за удаленіе неолитическаго населенія въ другія, вѣроятнѣе всего, въ сѣверныя области Россіи, гдѣ отпрыски ихъ керамики можно прослѣдить и въ болѣе позднее время [4]).

1) В. А. Городцовъ. «Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ долинѣ р. Оки.» VI. Изслѣдованіе дюны Могилокъ, въ окрестностяхъ с. Алеканова. Древности, т. XVII.

2) Его же. «Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ у. Харьковской губ. 1901-го года». Труды XII Арх. Съѣзда, т. I.

—Имп. Россійскій Истор. Музей. Харьковская губ. Коллекція г. Воронца.

3) В. А. Городцовъ. «Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки».

4) Галичскій кладъ. Указатель Имп. Россійск. Истор. Музея, изд. 2-ое, 1898 г., стр. 254 и 255; обломки сосуда, содержавшаго вещи клада; кладъ изданъ: 1) Aspelin' омъ въ его «Suomalais—ugrilaisen muinaistutkinnon alkeita». Hels., стр. 84 и 85; 2) имъ же въ «Antiquités du Nord Finno-Ougrien.» Hels; 3) А. А. Спицынымъ въ его «Галичскомъ кладѣ», Спб., 1903 г.

—Н. Г. Первухинъ. «Опытъ археологическ. изслѣдованія Глазовскаго у. Вятской губ.» «Матеріалы по археологіи восточн. губ. Россіи», вып. 2, табл. VII и VIII.

Окскія колоніи южной народности были смѣнены финскими селеніями, выдвинутыми, несомнѣнно, изъ болѣе сѣверныхъ областей. Самыя древнія изъ этихъ колоній, повидимому, относятся ко времени, близкому къ началу христіанской эры, на что указываютъ довольно частые случаи находокъ римскихъ монетъ первыхъ трехъ вѣковъ по Р. Хр. [1]). Культура этого времени характеризуется обширнымъ скотоводствомъ, въ особенности коневодствомъ [2]), и очень слабыми признаками земледѣлія. Жилища имѣли формы четырехугольныхъ землянокъ, вѣроятнѣе всего, съ односкатною крышею [3]) и помѣщались на болѣе недоступныхъ мѣстахъ, огороженныхъ землянымъ валомъ. Въ домашней обстановкѣ играли главную роль костяныя подѣлки, въ составъ которыхъ входили: ножи, копья, стрѣлы, гарпуны и нѣкоторые предметы изящныхъ искусствъ, въ видѣ фигурокъ животныхъ и людей; менѣе распространенными оказываются желѣзныя орудія. Керамика отличается грубостью техники, неряшливостью отдѣлки и орнаментикой, воспроизведенной то чрезвычайно толстыми тканями, то рогожей, иногда протканной нитями, то особыми плетенками изъ скрученныхъ нитей. Ткацкое искусство доказывается множествомъ глиняныхъ пряслицъ и грузиковъ для ткацкихъ станковъ [4]). Погребенія этого времени не выяснены, но, кажется, къ нимъ принадлежатъ тѣ погребенія безъ вещей, которыя нерѣдко мѣстными жителями открываются какъ на

---

1) В. А. Городцовъ. «Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки». Г. Бѣляевъ. Тр. XII Арх. Съѣзда, т. I.

—А. А. Спицынъ. «Обозрѣніе нѣкотор. губ. и областей. Россіи въ археолог. отн.» XIII. Калужская губ.

— Имп. Россійскій Истор. Музей. Р. Ока, Рязанская губ., с. Дубровичи. Вещи изъ финскаго могильника съ латенскими фибулами II—III вѣка по Р. Хр.

2) Н. В. Тепловъ. «О раскопкахъ городища Дуны». Изв. Калужск. Ученой Архивн. Комм. в. I, стр. 15—20.

— В. А. Городцовъ. «Результаты арх. изслѣд. 1898 г., произв. на бер. р. Оки». Арх. Изв. и Зам., т. VI, стр. 190.

3) Арх. Изв. и Зам., т. VII, стр. 187—189.

4) В. И. Сизовъ. «Дьяково городище, близъ Москвы». Тр. IX Арх. Съѣзда, т. II, стр. 264, табл. XXVI.

городищахъ, такъ и на ближайшихъ къ нимъ площадяхъ и которыя, какъ неинтересныя, скоро забываются и не вызываютъ научнаго изслѣдованія.

Наибольшаго процвѣтанія финскія поселенія на берегахъ р. Оки, въ предѣлахъ Рязанской области, достигли въ VII—IX вѣкахъ по Р. Хр.[1]). Въ этотъ періодъ берега р. Оки были заселены сплошь. Жители частью обитали въ городищахъ и частью въ открытыхъ селеніяхъ, разбросанныхъ по рѣчнымъ дюнамъ, среди болотистыхъ луговъ и дремучихъ лѣсовъ. Каждое городище этого времени, каждое селище сопровождается могильниками, изобилующими разнаго рода металлическими вещами. Покойниковъ хоронили въ различныхъ положеніяхъ, а иногда сожигали. Съ мужчинами полагались желѣзные топоры особой кельтовидной формы, копья, дротики, рѣже однолезвійные и обоюдоострые мечи, а въ исключительныхъ случаяхъ стрѣлы. Женщины сопровождались множествомъ бусъ, бронзовыхъ и серебряныхъ шумящихъ привѣсокъ, фибулъ, браслетъ, гривенъ, бляхъ и др., часто несущихъ примѣсь готскихъ вещей или ярко выраженное готское вліяніе. Нѣкоторыя покойницы оказываются почти сплошь покрытыми всевозможными металлическими украшеніями. Множество этихъ вещей, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о зажиточности и сравнительной культурности населенія, а полное вооруженіе мужчинъ и изобиліе укрѣпленныхъ поселеній указываютъ на политическую его силу. Тѣмъ не менѣе въ IX вѣкѣ это населеніе на территоріи Рязанской области исчезло, какъ будто бы по мановенію волшебнаго жезла. Что это населеніе не дожило до конца IX вѣка, лучше всего указываетъ полное отсутствіе въ

---

1) Къ этому времени относятся могильники, расположенные по р. Окѣ: Вахинскій, Кузьминскій (Константиновскій), Борковской, Дубровическій (открытый въ 1907 г.), Польновскій (Гавердовскій), Старо-Рязанскій, Тыринской слободы и Курманскій; о первыхъ семи, за исключ. Дубровическаго, см. свѣдѣнія въ «Матеріалахъ для арх. карты долины и береговъ р. Оки», Тр. XII Арх. Съѣзда; о послѣднемъ см. Гр. Ѳ. А. Уварова, «Курманскій могильникъ», Древности, т. XIV.

ихъ жилищахъ и могилахъ куфическихъ монетъ, явившихся въ Окской области въ большомъ количествѣ въ IX в. и продолжавшихъ притекать въ теченіе всего X и отчасти XI вѣковъ.

Кто и куда вытолкнулъ финскую народность изъ Рязанской области?—Можно утвердительно сказать Славяне, оттолкнувшіе Финновъ или къ сѣверо-востоку, въ страну современныхъ Черемисовъ, или къ востоку, въ страну современной Мордвы.

Въ X вѣкѣ несомнѣнно, а вѣроятнѣе всего уже въ IX в., всѣ рязанскія, финскія городища и селенія, расположенныя по берегамъ рѣки Оки, были заняты Славянами.

Чтобы лучше освѣтить, какъ совершилось такое явленіе, необходимо взглянуть на физико-географическія особенности страны и на отношеніе взятой области къ сосѣднимъ, населеннымъ Славянами и Финнами.

Рязанская область заняла мѣсто въ центрѣ Россіи. Ея главною жизненною артеріею является р. Ока. Кто овладѣвалъ этой артеріей, тотъ становился господиномъ всей области. До какой степени богаты и важны для областной жизни были берега р. Оки, можно судить даже по отзывамъ иностранцевъ болѣе поздняго времени, когда природныя богатства должны быть уже значительно истощенными.

Мы приведемъ на выдержку нѣсколько цитатъ изъ такихъ отзывовъ.

«Эта область (Рязанская), говоритъ баронъ Герберштейнъ [1]), плодоноснѣе всѣхъ прочихъ областей московскихъ... Мёду, рыбы, птицъ, дикихъ звѣрей тамъ множество, а древесные плоды гораздо нѣжнѣе московскихъ; народъ самый смѣлый и воинственный... По обоимъ берегамъ ея (Оки) тянутся лѣса, которые изобилуютъ мёдомъ, бѣлками, горностаями и куницами. Всѣ поля, которыя она орошаетъ, очень плодоносны. Эта рѣка, преимущественно, славится множествомъ рыбы, которая предпочитается

1) Баронъ Герберштейнъ. «Записки о Московіи (Rerum Moscoviticarum commentarii) 1526 г.», стр. 100 и 104.

рыбѣ всѣхъ остальныхъ рѣкъ Московіи... Кромѣ того, въ ней водятся какія-то особенныя рыбы, которыя на ихъ языкѣ называются бѣлугами (Beluga), удивительной величины, безъ костей, съ большой головой и широкой пастью, стерляди (Sterlet), севрюга (Schevurgies), осетры (Osseter), потомъ три рода стуріоновъ (Sturionis), бѣлорыбица (Bieloribitza), т.-е. бѣлая рыбка, весьма нѣжная вкусомъ; полагаютъ, что большая рыба заходитъ сюда изъ Волги».

То же самое подтверждаетъ Петръ Петрей [1]):

«Рязанское княжество, говоритъ онъ, лежитъ между рѣками Окою и Дономъ и превосходитъ всѣ другія плодородіемъ полей и изобиліемъ во всемъ нужномъ; въ немъ много мѣстъ для охоты и множество дичи. Жители никогда не удабриваютъ своихъ полей, сѣютъ, впрочемъ, ежегодно. Каждое высѣваемое зерно даетъ иногда два, иногда три колоса; солома растетъ такая густая и высокая, что, когда лошади насилу пробираются по ней, изъ нея вылетаютъ рябчики (перепела). Кромѣ того много прекраснаго льну, мёду, воску и сала. Городъ—съ крѣпостью, построенной изъ дерева, и называется, по имени княжества, Рязанью (Resan); въ немъ живетъ и епископъ, по богатству и изобилію въ деньгахъ и имуществѣ точно московскій князь. Тамъ—лучшіе и храбрѣйшіе воины, жители самые ласковые и пріятные люди во всей странѣ. Охотно даютъ у себя ночлегъ странникамъ и чужеземцамъ. Встарину были у нихъ свои князья, но нынѣ подвластны они Великому Князю. Въ 1568 г. область была разорена Татарами».

Такой же восторженный отзывъ даетъ Я. Рейтенфельсъ [2]):

«Рязань, говоритъ онъ,—княжество съ почвою столь плодородною, что на одномъ стеблѣ часто выростаетъ два колоса. Производитъ она также и ленъ и превосходнѣйшій мёдъ и выкармливаетъ безчисленныя стада рогатаго скота, такъ что по ней

---

1) Петръ Петрей. «Описаніе великаго княжества Русскаго», стр. 30.

2) Я. Рейтенфельсъ. «Сказанія о Московіи 1660 г.», перев. А. Станкевича, стр. 205.

какъ бы текутъ молочныя и медвяныя рѣки, да, кромѣ того, и обитатели этой области имѣютъ нравы болѣе просвѣщенные, нежели какой-нибудь другой народъ въ Россіи, чрезвычайно искусны въ военномъ дѣлѣ и способны».

Наконецъ, необыкновенное богатство природы и населенія отмѣчаетъ Де-Бруинъ [1]) уже въ XVIII вѣкѣ.

«Въ этой мѣстности, пишетъ онъ, подъѣзжая къ с. Боркамъ, мы видѣли бездну утокъ, куликовъ, пиголицъ и другой дичи и вечеромъ доплыли до монастыря Боровского (Borofsske), сооруженнаго изъ камня на горѣ, невдалекѣ отъ рѣки и близъ одного селенія, лежащаго въ 3-хъ вер. отъ Переяславля (совр. Рязани), гдѣ мы и остановились ночевать... 29-го числа (апрѣля?), утромъ мы достигли, въ 10 верст. отъ Рязани, одного углубленія или выгиба въ лѣвый берегъ, въ нѣсколько саженъ ширины, такъ что проникшая въ это углубленіе рѣчная вода образовала большое озеро, на которомъ ходили и барки... Луга въ этомъ мѣстѣ кишѣли стадами лошадей и рогатаго скота».

Естественно, что такой сказочно-богатый край не могъ остаться безъ населенія; естественно также стремленіе сосѣдей вырвать этотъ лакомый кусокъ у аборигеновъ. А такъ какъ эти естественныя богатства и ихъ наиудобнѣйшая эксплуатація связывались исключительно съ главной жизненной артеріей страны — Окой, то и цѣлью овладѣнія служила эта рѣка и ея берега. Овладѣніе это, благодаря отсутствію физико-географическихъ препятствій, должно было оказаться по необходимости полнымъ, абсолютнымъ. Такъ это и было. Неолитическій человѣкъ занялъ своими стоянками всю Оку. Явился на ея берегахъ южный человѣкъ бронзовой эпохи, культура неолитическаго человѣка исчезла навсегда. Явились Финны—исчезли слѣды бронзоваго человѣка. Явились Славяне—исчезли Финны.

Исчезновеніе культуръ и, конечно, вмѣстѣ съ ними насельниковъ, въ данномъ случаѣ, не должно возбуждать удивленія.

---

1) Де-Бруинъ. «Путешествіе черезъ Московію» (1701 г.).

Дѣло въ томъ, что внѣ этой богатой, но небольшой области лежали обширныя пустоши, куда свободно могъ скрыться побѣжденный.

Въ составъ этихъ пустошей входили безъ малаго весь лѣсной (таежный) сѣверъ Россіи и вся обширная область къ востоку отъ нижняго теченія Оки до владѣній Волжскихъ Болгаръ. Эти области, уступая Рязанской, все же отличались большими природными богатствами, и поэтому выселеніе въ нихъ побѣжденныхъ и угнетенныхъ должно было совершаться охотно и полно, какъ оно, повидимому, и совершалось.

При изслѣдованіи вопроса о колонизаціи Рязанской области Славянами, весьма важно опредѣлить, какимъ племенамъ принадлежала эта колонизація, которую вѣрнѣе назвать завоеваніемъ, такъ какъ немыслимо мирно колонизовать землю съ хорошо вооруженнымъ населеніемъ, каковымъ являлись Приокскіе Финны VII—IX вѣка.

Главными исходными пунктами къ рѣшенію этихъ деталей вопроса въ настоящее время служатъ: Начальная лѣтопись, данныя археологіи и діалектологіи.

Судя по географическому положенію, указанному Начальною лѣтописью, кандидатами на завоеваніе Рязанской области являлись два славянскихъ племени: южные Кривичи и Вятичи.

Южные, или Смоленскіе, Кривичи, предъ усиленіемъ ихъ Новгородской вѣтви, являлись самымъ многочисленнымъ и могущественнымъ славянскимъ племенемъ. Владѣя истоками наиважнѣйшихъ русскихъ рѣкъ, каковы Днѣпръ, Зап. Двина, Ловать и Волга, они естественно стремились расширить свои владѣнія въ стороны всѣхъ названныхъ рѣчныхъ путей. Но такъ какъ къ югу земли были заняты родственными славянскими племенами Дреговичей и Радимичей, а къ западу сильными племенами Литвы и зап. Финновъ, то, естественно, все вниманіе ихъ было обращено на сѣверъ и востокъ. Къ IX вѣку Кривичи заняли сѣверъ до Финскаго залива, а въ началѣ X-го вѣка уже владѣли верхнимъ теченіемъ Волги до Ярославля, Ростово-Суздальскою и Муромскою

областями, захвативъ многіе пункты по нижнему теченію р. Оки [1]). При этихъ условіяхъ Кривичи не могли оставить въ покоѣ лучшія земли области Рязанскихъ Финновъ, и мы въ правѣ искать слѣды Кривичей во владѣніяхъ послѣднихъ и, дѣйствительно, находимъ.

Вятичи, по указанію Начальной лѣтописи, вышли изъ страны Ляховъ и заняли земли по р. Окѣ. По многимъ признакамъ это было немногочисленное, но энергичное, сильное и образованное племя, упорно защищавшее свою независимость и стремившееся увеличить свои владѣнія, хотя оно было окружено со всѣхъ сторонъ болѣе многочисленными племенами. Къ сѣверу и западу оно окружалось владѣніями родственныхъ Кривичей и Радимичей, къ югу — владѣніями Сѣверянъ и могущественнаго царства Хозаръ, къ востоку—владѣніями самыхъ богатыхъ и воинственныхъ племенъ восточныхъ Финновъ. При такихъ условіяхъ, распространеніе владѣній было крайне трудно, и оно едва ли бы случилось, если бы не помогли этому особенно благопріятныя политическія условія. Кривичи, успѣшно распространяя свои владѣнія на счетъ болѣе слабо населенныхъ финскихъ владѣній, отрѣзали и тѣмъ ослабили Приокскихъ Финновъ, нанося имъ какъ матеріальное, такъ и нравственное пораженіе. Вятичи, для которыхъ особенно важно было завладѣть Окою, воспользовались столь удобнымъ случаемъ и потѣснили Приокскихъ Финновъ. Наступательное движеніе ихъ увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ и ярко запечатлѣлось въ лѣтописи земли археологическими памятниками.

Что Приокскіе Финны не даромъ отдали Славянамъ свои чудныя земли, на это указываетъ число воздвигнутыхъ ими городищъ по берегамъ р. Оки, придавшихъ послѣднимъ видъ какъ бы одной непрерывной боевой позиціи [2]). Созерцая повсюду эти

---

1) А. А. Спицынъ. «Владимирскіе курганы», стр. 89.

2) См. «Матеріалы для археологич. карты долины и береговъ р. Оки». Въ уѣздахъ: Зарайскомъ, Рязанскомъ и Спасскомъ въ среднемъ приходится одно городище на три версты береговой линіи р. Оки. *Авт.*

заглохшіе памятники кровавыхъ столкновеній, невольно представляешь, что все Финское населеніе спѣшило какъ можно скорѣе и сильнѣе вооружиться; и это такъ и было, потому что враги стояли за его плечами. Въ это время въ смертельной враждѣ создавалась боевая работа. Ни одинъ высокій обрывъ, ни одинъ сколько-нибудь защищенный оврагами береговой мысъ не оставались не занятыми подъ укрѣпленіе. Но не устояли твердыни и перешли въ руки новыхъ славянскихъ хозяевъ.

Что это были за хозяева, отвѣчаютъ археологическіе памятники, въ составъ которыхъ входятъ курганы и земляныя насыпи славянскихъ городищъ и современныхъ городовъ.

Рязанская область, на территоріи которой рѣшилась судьба Приокскихъ Финновъ, дѣлится рѣкою Окою на двѣ части: сѣверную (лѣвобережную) и южную (правобережную).

Произведенныя изслѣдованія кургановъ выяснили, что на площади Рязанской области имѣются три главныхъ типа славянскихъ погребеній, изъ которыхъ два свойственны сѣверной и одинъ южной части области.

Первый типъ погребеній найденъ въ сѣверо-западномъ углу области, именно, въ Егорьевскомъ уѣздѣ. Этотъ типъ характеризуется предметами, схожими съ тѣми, которые найдены въ славянскихъ курганахъ Ростово-Суздальской земли и, слѣдовательно, какъ справедливо полагаетъ А. А. Спицынъ, принадлежатъ Южнымъ, или Смоленскимъ, Кривичамъ [1]). Такимъ образомъ площадь распространенія этого типа погребеній указываетъ на предѣлы распространенія владѣній Кривичей. Эти владѣнія не достигли береговъ ни верхняго, ни средняго теченія р. Оки.

Второй типъ погребеній занимаетъ площадь Касимовскаго уѣзда [2]). Эти погребенія принадлежатъ сравнительно позднему вре-

---

1) А. А. Спицынъ. «Владимирскіе курганы».

2) П. Милюковъ. «Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.». Тр. X Арх. Съѣзда, т. I, стр. 15.

—А. А. Спицынъ. «Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи». XIX. Рязанская губ., стр. 61 и 62 отд.

мени и характеризуются тонкими проволочными височными кольцами съ завязанными концами, кривическаго типа, витыми гривнами съ конусообразными шипами на концахъ, серьгами въ видѣ лунницъ Муромскаго типа и подвѣсками финскихъ типовъ. Въ общемъ этотъ типъ погребеній также относится къ кривическому, представляя позднѣйшую и отдаленнѣйшую его разновидность.

Присутствіе въ кривическихъ курганахъ, расположенныхъ въ восточныхъ окраинахъ ихъ владѣній, финскихъ украшеній указываетъ на раннее появленіе ихъ колоній, когда Приокскіе Финны еще удерживали свои владѣнія по средней Окѣ и оказывали нѣкоторое культурное вліяніе на первыхъ пришельцевъ, какъ это случилось и въ историческое время въ Сибири, гдѣ первые русскіе колонисты также нерѣдко принимали обычаи наиболѣе культурныхъ инородцевъ. Воспринявъ финскія украшенія, кривическіе колонисты Рязанскихъ земель, какъ и Ростово-Суздальскихъ, надолго удержали ихъ и послѣ.

Совершенно другое отношеніе къ финской культурѣ мы видимъ въ южной народности, оставившей въ Рязанской области третій типъ погребеній. Эта народность ничего не заимствовала отъ Финновъ, хотя захватила всѣ ихъ лучшія земли. Очевидно, здѣсь никогда не было дружественныхъ сношеній.

Курганы этой славянской народности характеризуются особымъ типомъ височныхъ семилопастныхъ привѣсокъ и отчасти ажурными перстнями. Въ Рязанской области такіе курганы прослѣжены по обоимъ берегамъ р. Оки, отъ Коломны до впаденія р. Прони и, вѣроятно, далѣе, до владѣній Касимовскихъ Кривичей. Вся же площадь ихъ распространенія включаетъ въ себя Тульскую, Калужскую, южную часть Московской, центральную и западную часть Рязанской губерніи. На этой площади господствуетъ одинъ и тотъ же типъ курганныхъ погребеній, повсюду сопровождаемыхъ одинаковыми женскими украшеніями, состоящими изъ упомянутыхъ семилопастныхъ височныхъ привѣсокъ, ажурныхъ перстней и граичатыхъ сердоликовыхъ бусъ. Эти вещи рѣдко проникаютъ за предѣлы означенной площади и также

рѣдко впускаютъ въ свою среду вещи другихъ областей. Интересно, что по своему характеру, въ особенности по семилопастнымъ привѣскамъ, онѣ ближе всего подходятъ къ вещамъ области Радимичей, гдѣ также характерною является семилопастная височная привѣска, но другого типа почти, не встрѣчаемаго внѣ области Радимичей.

Очевидно, въ очерченныхъ предѣлахъ Приокской области мы имѣемъ дѣло съ памятниками одного племени. Что это за племя?—Конечно, Вятичи, владѣніе которыхъ на р. Окѣ совершенно вѣрно было отмѣчено Начальною лѣтописью. Вѣрно также послѣднею отмѣчено ближайшее родство Вятичей съ Радимичами: это подтверждается сродностью ихъ археологическихъ памятниковъ, и кажется справедливымъ указаніе лѣтописи на происхожденіе Вятичей отъ Ляховъ, такъ какъ лишь въ ихъ землѣ оказались тѣ же самыя руническія письмена, какія существовали у западныхъ, въ частности, польскихъ Славянъ [1]).

Судя по изученію костяковъ, Рязанскіе Вятичи были высокаго роста, имѣли темно-русые волосы и субдолихоцефальные черепа [2]). Вѣроятно, таково было и все племя. Оно несомнѣнно отличалось воинственнымъ духомъ, торговою предпріимчивостью и склонностью къ городской жизни. Первое ихъ качество отчасти удостовѣрено лѣтописью, а еще болѣе археологическими свидѣтельствами полнаго разгрома самыхъ богатыхъ финскихъ племенъ, обитавшихъ въ Рязанской области. О широкихъ торговыхъ сношеніяхъ Вятичей говорятъ сдѣланныя въ ихъ области много-

---

1) В. А. Городцовъ. «Замѣтка о глиняномъ сосудѣ съ загадочными знаками». Арх. Изв. и Зам. 1897 г., т. V.

—Его же. «Замѣтка о загадочныхъ знакахъ на обломкахъ глиняной посуды». Арх. Изв. и Зам. 1898 г., т. VI.

—Dr J. Leciejewski. «Napisy runiczne na urnach z Alekanowa. (Ustęp z obszerniejszej pracy: O runach i pomnikach runicznych Słowiańskich)». Древности. т. XIX, в. II, стр. 39—46.

—Переводъ на русскій языкъ статьи Лецієвскаго, выполненный В. Н. Щепкинымъ, см. тамъ же, стр. 47—56.

2) П. Милюковъ. «Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ», стр. 18.

численныя находки арабскихъ монетъ, среди которыхъ нерѣдко встрѣчаются монеты Волжскихъ Болгаръ, Византійскихъ Грековъ и западно-европейскихъ государствъ.

Склонность Вятичей къ городской жизни выразилась основаніемъ значительныхъ городовъ по всей области ихъ владѣній. Многіе изъ этихъ городовъ основаны на развалинахъ финскихъ городищъ и относятся къ глубокой древности. Такъ возникъ городъ Бѣлевъ на мѣстѣ цѣлой группы финскихъ городищъ, такъ возникла старая Рязань, осѣвшая на развалинахъ финскаго городка, составляющаго небольшой уголокъ обширнаго Старо-Рязанскаго городища [1]), такъ возникли и другіе города; но многіе изъ нихъ строились и на новыхъ мѣстахъ, таковы Пронскъ, Переяславль Рязанскій, а впослѣдствіи таковыми возникли Коломна, Борисоглѣбскъ, Перевитскъ, Ростиславль и мн. др. Въ ихъ же области возникла и Москва.

Расширяя свои владѣнія въ области средней Оки, Вятичи все болѣе и болѣе приходили въ соприкосновеніе съ огромнымъ царствомъ Хозаръ, достигшимъ въ IX в. первокласснаго могущества. Безъ политическихъ столкновеній здѣсь не могло обойтись. Истощенное только что законченною, хотя и побѣдоносною, но все же тяжелою борьбою съ Финнами, малочисленное племя Вятичей уже не могло выдержать борьбы съ Хозарскимъ царствомъ и подчинилось ему на условіи дани. Это случилось не позже первой половины X в. Настали тяжелыя времена. Хозары, видимо, не желали ограничиться только данью и искали случая болѣе тѣснаго присоединенія страны. Съ послѣднею цѣлью они выстроили внутри области Вятичей свои форты, память о которыхъ сохранилась въ названіяхъ древняго города Казари [2]), въ 18 в. отъ г. Рязани, и во многихъ подобныхъ названіяхъ, сохранив-

1) «Матеріалы для археологич. карты долины и береговъ р. Оки», стр. 118, 119 и 20 отд. оттиска. На стр. 118 ошибочно показана ширина городка въ 600 шаговъ, слѣдуетъ читать «60 шаговъ».

2) Ibid., стр. 111.

шихся въ Бѣлевскомъ у. [1]). Въ фортахъ, очевидно, содержались хозарскіе гарнизоны и сосредоточивались административные представители хозарской власти. Содержаніе всего этого должно было тяжело отразиться на бюджетѣ страны. При такихъ условіяхъ у Вятичей, конечно, не могло быть и рѣчи о какихъ-либо колонизаціонныхъ замыслахъ: имъ оставалось лишь отстаивать свои владѣнія, чего они едва ли бы достигли, если бы на выручку не подоспѣли усилившіеся Кіевляне.

Рядъ воинственныхъ кіевскихъ князей подчинилъ и объединилъ почти всѣ области русскихъ Славянъ, а въ половинѣ X в. князь Святославъ рѣшилъ нанести пораженіе Хозарскому царству. Съ этою цѣлью онъ, говоритъ лѣтопись, въ лѣто 6472, отправился къ Вятичамъ, отторгъ ихъ отъ подданства Хозарамъ и затѣмъ нанесъ полное пораженіе послѣднимъ.

Движеніе Святослава сначала на Вятичей вызывалось весьма важными какъ дипломатическими, такъ и стратегическими соображеніями. Святославъ прекрасно зналъ отношеніе Вятичей къ Хозарамъ и вполнѣ былъ увѣренъ, что ему удастся склонить недовольныхъ Вятичей въ свою сторону и тѣмъ самымъ ослабить Хозаръ и усилить себя храбрыми вспомогательными отрядами Вятичей. Для достиженія цѣли ему необходимо было двинуться съ войсками въ сторону Вятичей, чтобы поддержать ихъ возстаніе и вмѣстѣ уничтожить хозарскіе форты. Достигнувъ этого, Святославъ пошелъ на югъ къ Бѣлой Вѣжѣ и тамъ разгромилъ Хозаръ. Само собою разумѣется, что движеніе Святослава къ Бѣлой Вѣжѣ сопровождалось не тѣми, вѣроятнѣе всего, малыми силами, съ какими князь ходилъ къ Вятичамъ, а цѣлыми арміями, направленными съ разныхъ пунктовъ обширнаго княжества и союзниковъ.

Позже разгрома Хозаръ произошла вражда между Вятичами и Кіевлянами, и Святославъ въ лѣто 6474 побѣдилъ Вятичей и подготовилъ окончательное присоединеніе ихъ области къ Кіев-

---

1) Протоіерей М. Бурцевъ. «О древности существованія г. Бѣлева», стр. 6 и 7.

скому княжеству. Къ этому времени относится колонизація Рязанской и другихъ сѣверо-великорусскихъ областей южно-русскими Славянами. Въ Рязанской области памятниками этой колонизаціи явились курганы съ особымъ (четвертымъ) типомъ погребеній и характерными височными привѣсками, состоящими изъ кольца съ напущенными на него тремя металлическими бусами: типъ такихъ привѣсокъ справедливо называютъ Кіевскимъ. Большимъ распространеніемъ привѣски кіевскаго типа пользовались у Полянъ и Древлянъ. Съ присоединеніемъ же средне-русскихъ областей къ Кіевскому княжеству, онѣ появились какъ въ областяхъ Вятичей, такъ и восточныхъ Кривичей, осѣвшихъ въ Ростово-Суздальской и Муромской областяхъ. Какую роль сыгралъ новый элементъ населенія въ исторіи Рязанскаго княжества, трудно сказать; но, судя по археологическимъ памятникамъ, значеніе его было второстепенное. Болѣе важное значеніе имѣли князья и ихъ дружины, но это относилось уже къ болѣе позднему времени, когда жизнь края окончательно сложилась.

Что касается могущества Рязанскаго княжества въ XI и XII вѣкахъ, то оно обусловливалось не движеніемъ южныхъ колонистовъ въ Приокскую область, а исключительно предпріимчивостью коренного населенія, состоявшаго изъ потомковъ Вятичей, и природнымъ богатствомъ края.

На этомъ мы закончимъ нашъ очеркъ. Резюмируя наиболѣе существенную часть его, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: Вятичи въ X и XI вѣкахъ жили на Окѣ; они родственны Радимичамъ, какъ объ этомъ говоритъ лѣтопись и археологическіе памятники, и скорѣе всего пришли съ запада, отъ Ляховъ [1]), о чемъ свидѣтельствуютъ уже упомянутыя письмена, повидимому, весьма распространенныя въ странѣ Рязанскихъ Вятичей и относящіяся къ одному типу съ руническими надписями западныхъ

1) Въ данномъ случаѣ, повидимому, не слѣдуетъ понимать, что Вятичи были Ляхи, но что они имѣли свои первоначальныя поселенія въ странѣ или рядомъ со страною Ляховъ. *Авт.*

Славянъ; двойственность основного славянскаго населенія Рязанской области сохранилась до настоящаго времени и доказывается говорами съ основами южно-великорусской—Вятичей и сѣверно-великорусской—Кривичей; по количественному и качественному отношенію занимаемыхъ этими говорами географическихъ площадей видно, что доминирующая роль въ странѣ принадлежала Вятичамъ.

В. А. Городцовъ.

Дневникъ Сапѣги по списку Рубинковскаго.

Извѣстный изслѣдователь эпохи Смутнаго времени покойный Гиршбергъ издалъ въ 1901 г. въ Львовѣ книгу подъ заглавіемъ: «Polska a Litwa w pierwszej połowie wieku XVII. Zbiór materyałów do historyi stosunków polsko-rossyjskich za Zygmunta III». Въ сочиненіи этомъ среди другихъ источниковъ, относящихся къ смутному времени, находится и «Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611)».

Въ предисловіи къ издаваемому имъ памятнику, покойный Гиршбергъ, указавъ на значеніе дневника Сапѣги, какъ историческаго источника, говоритъ: «Этотъ дневникъ вели его секретари и почти день за днемъ записывали все то, что происходило въ его станѣ, записывали всѣ важнѣйшія дѣйствія Сапѣги, а также заносили извѣстія, стекавшіяся къ нему со всѣхъ сторонъ». Так. обр. дневникъ этотъ составленъ современниками и при томъ лицами, хорошо освѣдомленными о происходившихъ въ ихъ время событіяхъ, и потому фактическій матеріалъ этого источника цѣненъ. О существованіи этого дневника впервые упомянулъ графъ Евстафій Тышкевичъ въ своихъ «Listach o Szwecyi» (t. I, str. 117). Въ то время рукопись этого дневника находилась въ библіотекѣ графа Браге въ Скоклостерѣ, откуда въ 1892 году вмѣстѣ съ другими рукописями была перенесена въ Государственный архивъ въ Стокгольмѣ.

Здѣсь покойный Гиршбергъ отыскалъ ее въ 1895 г. и, благодаря любезности графа Браге, имѣлъ возможность перевести ее на долгое время во Львовъ и сдѣлать здѣсь съ нея точную копію. Рукопись эта, занесенная въ каталогъ библіотеки стокгольмскаго государственнаго архива подъ заглавіемъ: «Diarium Ioannis Petri Sapieha, Capitanei Uswiatensis» (w t. I, pod. 1. 349 fol.) представляетъ родъ узкаго folia и писана нѣсколькими почерками, съ разными поправками и вставками, сдѣланными одною рукою, по всей вѣроятности, самого Сапѣги, по мнѣнію Гиршберга. Письмо, въ началѣ очень старательное, дѣлается все болѣе и болѣе неразборчивымъ, такъ что только при помощи фотографированія удалось разобрать его. Рукопись была въ пергаменномъ переплетѣ, снятомъ съ помянника какой-то русской церкви. Вообще рукопись находилась въ хаотическомъ состояніи; только 53 первыхъ листа были сшиты, а остальные были разбросаны, и потому много труда стоило покойному Гиршбергу привести эти отдѣльные листы въ порядокъ. Но и приведенные въ хронологическій порядокъ листы эти не представляютъ текста цѣликомъ въ его полномъ объемѣ, такъ какъ нѣсколько листовъ не записаны и въ серединѣ, и въ концѣ рукописи. Издавая текстъ по Стокгольмской рукописи, покойный Гиршбергъ недостающія страницы пополнилъ на основаніи другой рукописи, а именно на основаніи *копіи* съ рукописи Рубинковскаго, оставшейся въ бумагахъ послѣ смерти покойнаго Онацевича. Выписки изъ этой копіи недостающихъ въ стокгольмской рукописи страницъ, по просьбѣ покойнаго Гиршберга, были доставлены ему Станиславомъ Львовичемъ Пташицкимъ.

Самой копіи рукописи Рубинковскаго покойный Гиршбергъ въ своемъ распоряженіи не имѣлъ. А такъ какъ подлинникъ рукописи Рубинковскаго до сихъ поръ не найденъ, то объ этой рукописи можно судить лишь по сохранившейся въ бумагахъ Онацевича копіи. Между тѣмъ покойный Гиршбергъ высказалъ свой взглядъ на рукопись Рубинковскаго на основаніи тѣхъ *извлеченій* изъ нея, которыя были сдѣланы Когновицкимъ во

2-мъ томѣ его сочиненія: «Życia Sapiehów y listy do Monarchów, książąt y różnych panujących do tychże pysane». Wilno t. I — 1790; t. II — 1791. Вотъ что говоритъ о ней издатель дневника Сапѣги:

«przed wywiezieniem tego dyaryusza (т. е. стокгольмской рукописи) do Szwecyi, jakiś nieznany nam bliżej kopista porobił zeń *wyciągi*, które przechowały się dotąd w rękopisie Iakóba Kazimierza Rubinkowskiego. Wyjątki z tychże wypisów ogłosił drukiem Kognowicki w książce swej p. t. «Życia Sapiehów» (t. II, str. 175—191, 201—225; 238—252; 282—295), a następnie, w. r. 1838, wydano je w przekładzie rossyjskim». Так. обр. покойный Гиршбергъ считалъ рукопись Рубинковскаго «wyciągami», т. е. извлеченіями, выписками, сдѣланными неизвѣстнымъ лицомъ изъ подлиннаго текста дневника Сапѣги. Указавъ затѣмъ на отсутствіе научнаго значенія текста, изд. Когновицкимъ, что̀ дѣйствительно подтверждается при сличеніи его съ текстомъ, изданнымъ г. Гиршбергомъ [1]), авторъ «Polska a Litwa» утверждаетъ, что подлинный текстъ дневника Сапѣги досихъ поръ не былъ изданъ и потому не былъ доступенъ для изслѣдователей.

Костомаровъ ссылался на дневникъ Сапѣги въ своихъ монографіяхъ, но не сдѣлалъ никакихъ указаній относительно рукописи, которою пользовался. Стокгольмская рукопись съ тѣми помѣтками и вставками, которыя сдѣланы въ ней рукою Сапѣги, по мнѣнію г. Гиршберга, и представляетъ собою подлинный текстъ дневника Сапѣги. Рукопись Рубинковскаго, представляющая изъ себя «wyciągi» изъ подлиннаго дневника Сапѣги, имѣетъ значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что на основаніи ея можно дополнить текстъ недостающихъ листовъ въ Стокгольмской рукописи.

Мы полагаемъ, что такой отзывъ о рукописи Рубинковскаго не можетъ быть признанъ правильнымъ.

Въ нашемъ распоряженіи была, благодаря любезности Ста-

1) См. статью К. Х. Журн. Мин. Н. Пр. 1903, августъ, стр. 445—452.

нислава Львовича Пташицкаго, копія рукописи Рубинковскаго, о которой упоминалъ покойный Гиршбергъ. Эта копія въ настоящее время, въ виду отсутствія подлинника, является рукописью, замѣняющею собою подлинникъ, и потому только на основаніи ея анализа можно сдѣлать выводъ относительно рукописи Рубинковскаго. Копія наша представляетъ изъ себя сшитую и сброшюрованную тетрадь in folio въ 131 страницу. Она написана на простой, сѣрой писчей бумагѣ Петергофской бумажной фабрики, какъ можно заключить по фабричному штемпелю, имѣющему соотвѣтственную надпись и изображеніе буквы Н с короной, и потому должна быть отнесена ко времени царствованія имп. Николая I. Почеркъ обнаруживаетъ въ переписчикѣ лицо, хорошо знакомое съ польскимъ письмомъ и привычное къ нему; но ошибки, допущенныя при перепискѣ, указываютъ на то, что переписчикъ не понималъ текста, и даютъ возможность предполагать, что онъ былъ наемнымъ писцомъ. Рукопись озаглавлена: Manuscriptum. Она содержитъ въ себѣ: въ 1) генеологическій очеркъ фамиліи Сапѣговъ на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Descriptio Illustrissimae Familiae Sapieharum, во 2) два панегирика Сапѣгѣ: одинъ на латинскомъ языкѣ: «Columna imortalis Illustri Magnifico Domino Ioanni Petro Sapiehae Eeere (?) in Moschovia Duci 1608 Regnanto Sigismundo III, а другой на польскомъ: «Pamiętnik nieśmiertelny Sławy Piotra Sapiehy», въ 3) краткое, на 2-хъ страницахъ, какъ бы введеніе къ дневнику Сапѣги, излагающее обстоятельства вступленія на престолъ Лжедимитрія I, его сверженіе съ престола и заключеніе польскихъ пословъ въ темницу, чѣмъ Московскіе люди «wielką żałość ÿ wieczą hanbę Narodowi Polskiemu wyrządzili». Желаніе спасти заключенныхъ, и отомстить Москвѣ и Шуйскому заставило Сапѣгу этого «втораго Скандерберга Албанскаго и Гектора Троянскаго» отправиться въ походъ; и наконецъ въ 4) текстъ дневника Сапѣги, какъ указано въ концѣ рукописи: «ex libris I. Casimiri Rubinkowski. Postmagistri Suae Regiae Maiestatis, Thoronensis».

Сличивъ текстъ этой рукописи съ текстомъ, изданнымъ Когновицкимъ, и съ текстомъ, изданнымъ г. Гиршберомъ, мы пришли къ заключенію, что рукопись Рубинковскаго и наша копія, замѣняющая ее, имѣютъ больше значенія, чѣмъ допускалъ это г. Гиршбергъ.

Сличеніе текстовъ даетъ возможность установить слѣдующія положенія:

во 1), что полнаго текста дневника Сапѣги въ *одномъ* спискѣ не имѣется;

во 2), что текстъ нашей копіи рукописи Рубинковскаго, заключающей въ себѣ всѣ почти поправки и вставки, которыя сдѣланы въ Стокгольмской рукописи, по мнѣнію Гиршберга, рукою Сапѣги, въ той части, которая касается событій 1608 и 1609 гг., въ общемъ полнѣе текста Стокгольмской рукописи, и потому на основаніи нашей копіи можно дополнить не только не записанныя страницы Стокгольмской рукописи, что сдѣлано издателемъ на стр. 244, но и привести цѣлый рядъ другихъ вставокъ, заключающихъ въ себѣ событія, отнесенныя къ 7, 18, 19, 20, 22 и 26 іюля; къ 7 октября, къ 1 и 2 ноября 1609 г., и восполняющихъ цѣльный текстъ Стокгольмской рукописи. Въ этой части нашей рукописи испорченъ текстъ лишь въ двухъ мѣстахъ: при изложеніи событій подъ 12 августа 1609 г., такъ какъ здѣсь имѣется пропускъ отъ словъ: «Wołhy, pod Kalazinem» (стр. 236, изд. Гиршберга) до слова «aby według» (стр. 237, послѣд. строка),—пропускъ, искажающій смыслъ текста, и подъ 7 октября 1609 г., какъ видно изъ приведеннаго нами ниже отрывка. Кромѣ того въ нашей рукописи пропущены извѣстія 1609 г., отмѣченныя въ изданіи Гиршберга подъ 24, 25, 26 октября (стр. 246), подъ 15, 16, 28, 29 и 30 ноября, 1 декабря (стр. 249), и сокращенъ текстъ, изложенный у Гиршберга подъ 25 сентября 1608 г. [1]).

1) Въ нашей рукописи нѣтъ словъ, зачеркнутыхъ въ Стокгольмской рукописи, и посвященныхъ разсказу о томъ, что Сапѣга, возвращаясь изъ табора Тушинскаго вора отъ Марины въ пьяномъ видѣ, упалъ съ лошади. Костомаровъ, упоминающій объ этомъ фактѣ (см. его Смутное время т. II, стр. 143,

въ 3) что текстъ нашей копіи въ той части, гдѣ излагаются событія 1610 и 1611 года, хотя и заключаетъ въ себѣ нѣкоторые дополнительные факты сравнительно съ текстомъ Стокгольмской рукописи, приведенные Гиршбергомъ на стр. 256, а затѣмъ 321—325 своего изданія, но въ общемъ болѣе кратокъ. Такъ, здѣсь не достаетъ разсказа о событіяхъ 1610 г., изложенныхъ въ Стокгольмской рукописи подъ слѣдующимъ числомъ: 7—12 марта; 1—3 іюня; 8—14 іюня; 17 іюля; 1 августа; 25—29 сентября; 8 октября; 6 ноября; 17—19 ноября; 24—27 ноября; 3—14 декабря; а затѣмъ пропущенъ разсказъ о событіяхъ 1611 г., изложенныхъ въ Стокгольмской рукописи подъ слѣдующими числами: 5—12 января; 3—4 февраля; 25—3 марта; 9—14 апрѣля; 1—3 мая; 20—31 мая; 2—22 іюня. Кромѣ того сокращенъ текстъ въ разсказѣ о событіяхъ, изложенныхъ въ Стокгольмской рукописи подъ 28 февраля, 13 и 15 августа 1610 года, и подъ 8 марта 1611 г.

въ 4) что въ виду вышеизложеннаго, текстъ Стокгольмской рукописи и нашей копіи Рубинковскаго представляютъ два отдѣльныхъ списка дневника Сапѣги, взаимно дополняющихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и исправляющихъ другъ друда, хотя наша рукопись не можетъ быть признана чуждой ошибокъ: въ ней встрѣчаются и неразборчиво написанныя слова, и невѣрныя хронологическія даты и собственныя имена, т. е. рядъ ошибокъ, происшедшихъ отчасти по винѣ переписчика, а отчасти присущихъ подлиннику, какъ это можно заключить на основаніи текста, напечатаннаго у Когновицкаго.

Принимая во вниманіе такое значеніе списка Рубинковскаго, мы считаемъ не безполезнымъ, въ виду возможности, между прочимъ, перевода дневника Сапѣги на русскій языкъ, указать

изд. 1868 г.) и сдѣлавшій ссылку на Diar. Sap., очевидно пользовался текстомъ болѣе полнымъ, чѣмъ текстъ нашей копіи. Если же наша копія точно передаетъ подлинный списокъ Рубинковскаго, то слѣд. у Костомарова былъ иной какой-то текстъ.

въ хронологическомъ порядкѣ, не приводя всѣхъ варіантовъ, тѣ дополненія и исправленія, которыя могутъ быть сдѣланы, на основаніи нашей копіи списка Рубинковскаго, въ текстѣ, изданномъ покойнымъ Гиршбергомъ. Мы будемъ обозначать текстъ, напечатанный Гиршбергомъ, буквою H, а нашу копію списка Рубинковскаго буквою R.

Дополненія и исправленія къ тексту, изданному Гиршбергомъ.

H, стр. 182, строка 4:

«przejmując ich lekko na.... sobie konie».

R:

przejmując ich *tylko* na *wybornieyszych* sobie *koni*.

H, стh. 185, строка 22:

«pił kilka razy do Iego Mości, za zdrowie Króla Iego Mości, brata... i rycerstwa wszystkiego».

R:

«brata *nasszego* i rycerstwa wszystkiego *i Domu Familij jego*».

H, стр. 186, стр. 17:

«Die 20 Septembris wyjechał Jego Mośc Pan małagoski do Polski, z którym wyjechał był Pan Starosta łukowski».

R:

die *17* Septembris. *Jego Mość Pan Roman Harymitt kniaż Rozyński exiit infra die 18. Pożegnał się* Jego Mość Małagowski, *pożegnat się z Jch Mościami i odjechał do Polski, z którym wyjechał wespoł* Pan Starosta Lukowski» и проч.

H, стр. 187, стр. 19:

«Die 23 Septembris był Knicż Ruszinski (sic)» и проч.

R:

«die *18* Septembris. Jego Mość *Roman Garymitt* kniaz *Rożyński*» и проч.

H, стр. 187, стр. 25:

«die 25 Septembris był Jego Mość na bankiecie z kniazia Rozińskiego».

R:

«die *19* Septembris. Był Jego Mość na bankiecie *u* kniazia Rozinskiego»...

H, стр. 196, стр. 22:

подъ *6 ноября* ничего не упомянуто.

R:

die 6 Novembris. Przyjechało kilka Murzow Tatarskich z czołombitnią do Jego Mośći Sapiehy ut sup.

H, стр. 200, стр. 11:

Die 10. uczynili wycieczką ranoi wieczór, chącdastać języką».

R:

«die 10 Ianuarii. uczynili—języka, *jednak sromotnie pogromieni*».

H, стр. 200, стр. 13:

«die 11. Uczynili wycieczką dwakroć, dla języka».

R:

«die 11. Uczynili wycieczkę *także kilka* kroć dla *dostania* języka, *lecz nic nie wskurali*».

H, стр. 201, стр. 1.

«Die 22. Przyjechało kilka synów bojarskich» и проч.

R:

«die 22. *Uzcynili wycieczkę z monastiru tego*. Przyjechało kilka synów bojarskich».

H, стр. 202, стр. 20:

«wyprawił Jego Mość kozaka swego Sichenia do Jej Mości i do Warszawy».

R:

«wyprawił Jego Mość kozaka swego *Siechnia* do Jei Mości *Pani Małżonki do* Warszawy.

H, стр. 202, стр. 22:

«die 30. Uczynili wycieczkę z manasteru».

R:

«die 30. uczynili wycieczkę z monasteru, *lecz nie z pociechą ich*».

H, стр. 202, стр. 23:

«die 31. Uczynili wycieczkę potężną».

R:

«die 31. Uczynili wycieczkę potężną, *jednak wsparci*».

H, стр. 203, стр. 24:

«die 9. było koło generalne» и проч.

R:

«die 9 Januarii. *Był Jego Mość u Cara na obiedzie. Tegoż dnia wyjezdzali nasi pod Moskwe znowu.*
die 9. Tegoż dnia byto koło generalne» и проч.

H, стр. 204, стр. 20:

«aby był ostrożnym».

R:

«aby był ostrożnym *i gotowym*».

H, стр. 205, стр. 2:

«była trwoga, do której był Car powodem i kilku Senatorów moskiewskich. Z pościli wzięto do Pana Hetmana.

P:

«była trwoga, do której był Car powodem i kilka senatorów moskiewskich *z* poscieli wzięto do Pana Hetmana.

H, стр. 205, стр. 23:

«od których Jego Mość wzioł miodu dwieście (sic), na swą potzebę.

R:

«od których Jego Mość wzioł miodu *beczek* dwieście, na swą potrzebę.

Н, стр. 208, стр. 7:
«aby mu dali wzrok do tego dnia».

R:
«aby mu dali wzrok *do tygodnia*».

Н, стр. 217, стр. 17:
«przyjechał do Jego Mości Matwiej Lowcikow».

R:
«przyjechał do Jego Mośći Matwiej *Lowczykow*».

Н, стр. 221, стр. 14:
«od Pana Sarny».

R:
«od Pana *Sumy*».

Н, стр. 223, стр. 27:
«do upadu (sic).

R:
«do *upadku*».

Н, стр. 223, стр. 31.
«i nie ma też wychodzić (sic), bo siła ludzi poumierało».

R:
«i nie ma też wychodzić *kto*, bo siła ludzi poumierało.

Н, стр. 227, стр. 3:
«pogromił zmienników... tysięci».

R:
«gromił zmienników *kilka* tysięcy»,

Н, стр. 227, стр. 27:
«dając znać, iż Michajło Skopin Suyski idzie z woyskiem niemieckiem».

R:
«dając znać, iz Michajło (?) Czuyski *ieszce uprosił zwrok u miru do dni Piotrowych*, Skopin idzie z woyskiem niemieckiem». Michajło—очевидно ошибка.

H, стр. 231, стр. 19:

Пропускъ слѣд. отрывка находящагося въ рук. R.

R:

«*Julii* 7. przywiedziono do Jego Mości od P. Mikulińskiego Sulimena Ofropieiowa, woiewodę z Ustużni Żeleznii, do Horodiska ze trzema sty strzelców moskiewskich, na którego ludzie Jego Mości bez wieści czatą napadli, miasto Horyszce spalili i samego poimali. Ten powiedział, iż dnia dzisieyszego doszło mu pisanie od Michała Czuyskiego Skopina, który pisał do mnie, oznajmując o tym, iz iusz w Porsku jest i ma Niemców siedmnaścic tysięcy rozmaitych nacyi, których 7000 puscił tym gościncem na Ustuzne i na Horodeckie, a mają iść do Reskowa, dla których kazni wszelakiej kazał nagotować. Zarazem których niemców już na Tychminie Monasteru dziewietnaście warst od Ustużny i od Nowogrodu idą spieszno, mając drogę rospisaną od Kasina, a z Kasina, wziąwszy wiadomość, pewną maią się z Skopinem przemówić».

H, стр. 233, стр. 23—пропускъ, въ рукописи R нижеслѣдующій текстъ.

R:

«die 18 Iulii. «Przyejechali Gońcy do Jego Mośći od Naumowa, dając znać o tym, iz Szeremet następuje potęznie do Niżnego».

«19. Przyjechali Gońcy z Rosztowa do Jego Mości od synów Bojarskich i Wojewody, także od ludzi posadskich, prosząc aby Jego Mość ludzi swych nie zwodził z Rosztowa, bo jako ludzie nasi od nas odejdą, my pewnie za nastąpieniem zmienników potężnie musim szwankować. Tego dnia chłopi z Bratoczyna, co ich pogromili zmiennicy, skarźyli».

«dnie 20. Przysli Spiegowie, Iego Mośći dająс znać, iz w tych czasciach zmiana pokozała się po Synach Bojapskich, z których się tez co znaczniejsi przedali do Włodimierza takze i (слово неразборчивое).

«die 22. «Przyszli Spiegowie do Jego Mości, dojąc znać, iz dzisiejszej nocy wyszła siła Moskwy ko Bratoszynu i ku.... (слово неразборчивое). Tego dnia wyprawił Jego Mość p. Łyczewskiego z pięcią set Czerkasow i Dunców pod lud dla języka».

«die 27. Wyprawił Jego Mość Sulimena Otropieiowa na spiegi do Moskwy, dawszy mu konia i kilkadziesiąt złotych. Tegoż dnia przyjechał Posłaniec od Cara, prosząc dla Boga, aby Iego Mość dał odsiecz do Tweru».

Н, стр. 244, стр. 20: изъ рукописи R напечатано:

«Towarzystwo i pacholiki, ktorych żywcem pojmali w pogrom die 18, *wszystkich* (sic), wprzód okrutne męki, niesłychane morderstwa onym czyniąc, naturalia *pełniąc*», слѣдуетъ вставить послѣ слова wszystkich *pościnali*, а вмѣсто слова: «pełniąc»—*piłując*».

Н, стр. 244, стр. 35—недостающее слово: «*kazni*».

Н, стр. 245, стр. 19. Послѣ словъ «niektorzy nie pozwalali» слѣдуетъ въ рук. R. испорченный отрывокъ:

R:

«Owducro(?) sługa Piotra Danielowicza Tęskniowa z Moskwy(?). Przyjechali dnia wczorajzego, byli w Siele Germakowie, i tam ich poimano trzech, wszyscy jednego Pana. Powiadają, iż Moskwą wyszedł kniaź Jwan Siemionowicz Kurakin i kniaź Jwan Michajłowicz Łykow we srodę wieczor ze trzema tysięcy ludzi i byli w Stromienie. Dnia wczorajszego wyszli z Stromiennej do Słobody Alexandrowej ze trzema pulkami. Bełeczym(?). Duma ich wszystkich iść do Trójce, sporządziwszy się. O Skopinie na Moskwie taka wieść, iz idzie koniecznie do Trójce, tylko jeszcze oczekiwá na siłę niemiecka, nie czekając w słobodzie, których się Skopin spodziewa dziewięćiú tysięcy. W winszowanie dziś mieli począć Ostrog działać, ludzi tam

300, wojewoda nad nim Sylwester Iwanow syn.... (имя не разборчиво написано, кажется: *Tulsty*). W Skromiennie nie wiele ludzi jest, tylko jusz Ostrog postawili, i okop czynią koło niego. W Sobotę, kiedy iego Wojsko podchodziło pod Słobodę, powiadają, iz się dla tego nie bili, zé Niemcy nie chcieli, powiadając, iż się w Sobotę nie biją nigdy».

H, стр. 246, стр. 18:

«Trwoga w obozie i sprowadzali się usarze na czatę.

R:

«Trwoga w obozie i sprowadzili się Hussarze na czatę. *Tej że nocy wpadło 300 do monasteru strzelcow. Trwoga znowu w obozie*».

H, стр. 247, стр. 2:

«wyprawił się Jego Mość dla języka Tatarów kazimowskich.

R:

«*wyprawił* Jego Mość dla języka Tatarów kazimowskich. *Wycsieczka z monasteru nową bramą, ku obozowi P. Lissowskiego, którą odmurowali*. Т. обр. соединены подъ 29 октября событія, о которыхъ въ р. H говорится подъ 29 и 30 октября.

Затѣмъ:

«Novembris 1-ma. Dano znać Jego Mośći z Bratoszyna, iż się Solsan przedał do Moskwy samowtor. Tegoz dnia w nocy przybiegą Pacholikowie, dając znać do Obozu, iż zmiennicy uderzyli na Stromenę i spalili ją. Wyczieczka dwa kroć rano i w południe. Wzięto dwuch pacholikow do manasteru».

«2-da. Przywiedziono do Jego Mosci dwu sług Bojarskich. Tegoż dnia wieczor dano znać Jego Mości, iz Skopin stanął obozem z wojskiem w trzech mil od Trójce. Wyprawił Jego Mość pod lud kilka chorągwi».

H, стр. 250, стр. 5:

«skąd się oni nic spodziewali».

R:

«skąd się oni nie spodziewali *żadnej trwogi*».

H, стр. 250, стр. 17:

«którzy byli posłani z wojska».

R:

«którzy byli posłani z wojska *do Króla Jego Mośći i Rycerstwa Smoleńskiego*.

H, стр. 257, стр. 5:

«Tegoż dnio potrzeba z Niemcy w polu na....

R:

«Tegoż dnia potrzeba z Niemcy w polu *na koniach. Pan Sapieha ranny wygrał*.

H, стр. 259, стр. 2:

«do manasteru Pachnącego (sic).

R:

«do monasteru przez (?) *Pafnucego*».

H. стр. 259, стр. 8:

«laudamus spiewano».

R:

«laudamus spiewano *za zwycięstwa dziekując Panu Bogu*».

H, стр. 265, стр. 30:

«Gregoria Sumhula».

R:

«Gregora *Sumbula*».

H, стр. 265, стр. 15—пропускъ, восполняемый текстомъ изъ рук. R:

pod stolice podstąpili, «Offiarując też wszystkiemu wojsku i Króla Jego Mośći skłonność i życzliwość swoję do zatrzymania zgody i miłośći z obopólnej między sobą. Jego Mość P.

Sapieha chąc się we wszystkiem znosić i porozumiewać i spolne siły na jednego nieprzyjaciela obrócic.

H, стр. 267, стр. 17:

«nazajutrz mają... traktaty».

R:

«*chcą* nazzjutrz *finaliter koniec* traktatów *ucsynić*». Дальнѣйнѣйшее пропущено въ рук. R.

H, стр. 268, стр. 9.

«15 Augusti posłowic naszy od Hetmana przyjahali z responsem na informacyą swa» и д. приводится содержаніе отвѣта Жолковскаго.

R:

«15. Posłowic do(?) Hetmana Żolniewskiego przyjechali z informacyą. *Tegoż dnia Przejeszczykowie z Moskwy powiedzieli że jusz dzisiejszego* dnia z *Hetmanem koronnym traktaty* zawrzec mają i królewiczowi przysiądz. Послѣдне извѣстіе въ руск. H на стр. 268, стр. 3—5, подъ 14 августа.

H, стр. 271, стр. 4:

nieumyśla (sic) utarczka.

P:

«*niemniejsza* utarczka.

H, стр. 272, стр. 40:

napisali propozycye, ktore do kól prywatnych rozdano, która (sic) w sobie ma».

R:

«napisali *w nim* propositią, którą do kół prywatnych rozdana, która w sobie ma».

H, стр. 272, стр. 40:

«Pan Gosiewski(?)».

R:

«*Pan Czarnecki*».

H, стр. 275, стр. 12:
«aż pan Oratowski(?)».

R:
«p. *Woławski*».

H, стр. 276, стр. 2:
«był u Jego Mości Pana Hetmana Koronnego, Jego Mośc Pan Sapieha».

R:
...Pan Sapieha, *o dobrym Rzeczy Pospolitej* i Króla Jego Mości traktując».

H, стр. 279, стр. 21:
«Tejże nocy usiekli Dońcy, poucickali (sic).

R:
«Tejze nocy *uciekli Dońcy*».

H, стр. 288, стр. 5:
«od Koługi nod uściem Oki (sic)».

R:
od Kaługi nod *Uscieńskiem*.

H, стр. 288, стр. 28:
Tegoż dnia odprawił kozaków...

R:
odprawił i kozaków *króla Jego Mości*.

H, стр. 295, стр. 31:
подъ 27 января 1611 г. «że życzyłby sobie tak dobrej sławic nie pozostać, jako i odsługi i Króla Jego Mości sobie nie zjednać(?)».

R:
подъ *25* января 1611 г. «że życzyłby sobie takiej sławy nie pozostać, jako i *od zasługi* sobie króla Jego Mości nie ziednaćc» (текстъ, очевидно, испорченъ).

H, стр. 296, стр. 3:

«gotowibędziem... tego».

R:

«gotowi będziem *nieprz y jaciela* tego *znosić*».

H, стр. 309, стр. 30:

«dają dwa rogi jednorożcowe i jednę koronę z tegoż».

R:

«dają dwa rogi jednorożcowe i jednę korone z *drogim kamieniem*».

H, стр. 313, стр. 15:

«Pana Boczanowskiego».

R:

«pana Pacanowskiego».

H, стр. 315, стр. 6:

«po odbieżeniu jego, naszy opanowali miasteczko i zamek, oprócz w jednej zwonicy murowanej zaparło się do tysiąca człeka».

R:

«oprócz jednej dzwonice, *kędy się* zaparto do tysiąca człowieka».

H, стр. 315, стр. 21:

«bo jednych ogień spalił, drudzy (z) strachu spadali».

R:

«bo jednych ogień spalił, *drugich dym dusił*, *inni z strychu* spadali».

H, стр. 315, стр. 25:

«tak się za nimi zagnali, że się bijąc ich, jachali na nich aż do bram».

R:

«tak się za nimi zagnali, że *siekąc*, bijąc ich, jachali aż do *zamku*, do bram».

H, стр. 318, стр. 6:

«zwrócili się z czaty».

R:

«zwrócili się z czaty *z żywnością do obozu naszego*.

H, стр. 319, стр. 12:

«Pana Milkowskiego».

R:

«Pana *Misiewskiego i innych* pochołkow pozabijano».

H, стр. 323, текстъ изъ рук. R подъ 29 сентября напечатанъ не точно; въ рук. R читаемъ:

«Było koło generalne, w którym zgodzili się trwać ad 15 7 br (т. е. до 15 Septembris), gdzie im cwierć ekpiruje, a po wyściu dnia 15 Septembris, gdzie by im ani wiadomości żadnej, ani też istoty żadnej od Jego Mości nic mieli mieć» и проч.

H, стр. 324, 9 стр. снизу:

«do koła generalnego (sic),—не достаетъ слова: «*przyść*».

В. Криксинъ.

Николай Павловичъ Павловъ - Сильванскій † 17 сентября 1908 г.

(Библіографическая замѣтка).

Русская историческая наука со смертью Н. П. Павлова-Сильванскаго, погибшаго въ Петербургѣ отъ холеры, понесла крупную, незамѣнимую утрату. Онъ умеръ всего 39 лѣтъ, а между тѣмъ успѣлъ своими учеными трудами въ области древней и новой русской исторіи занять почетное мѣсто въ ряду видныхъ изслѣдователей. Что имъ сдѣлано для русской исторіи — объ этомъ своевременно напомнить хотя въ краткомъ перечнѣ его трудовъ.

По окончаніи курса историко-филологическаго факультета въ Петербургскомъ Университетѣ, онъ оставленъ былъ въ 1892 г. при университетѣ. Уже въ 1895 г. появилась его статья «Люди кабальные и докладные» (Ж. М. Н. Пр. 1895, № 1), которая обратила вниманіе на новое имя молодого изслѣдователя. Написанная по поводу изданныхъ въ 1894 г. новгородскихъ кабальныхъ книгъ 7106 и 7108 гг. (Русск. Ист. Библ. т. XV), эта статья подвергаетъ пересмотру всѣ важнѣйшія литературныя мнѣнія о происхожденіи кабальной зависимости, ея видоизмѣненіяхъ и характерныхъ признакахъ. Особенно интересны были указанія статьи на существенно-отличительные признаки кабальныхъ людей отъ закладней и закладчиковъ.

Но ученые вкусы и пріемы ученой работы молодого автора вполнѣ опредѣлились въ 1897 г., въ теченіе котораго появилось два новыхъ труда его. На первомъ мѣстѣ необходимо отмѣтить большое изслѣдованіе «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданные ихъ тексты». Тѣсно примыкающая къ восьмой главѣ изслѣдованія П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в.» и вѣроятно ею вызванная, эта работа даетъ гораздо болѣе подробное изученіе цѣлаго ряда уже раньше извѣстныхъ и новыхъ проектовъ Өедора Салтыкова, Алексѣя Курбатова, Конона Зотова, Алексѣя Нестерова, Ив. Филиппова и др., при чемъ здѣсь впервые напечатанъ былъ рядъ такихъ записокъ. Однако дальнѣйшія изысканія автора направились не въ эту сторону. Только еще разъ авторъ вернулся къ затронутымъ темамъ: въ 1904 г. онъ опубликовалъ «Новыя извѣстія о Посошковѣ» по новымъ открытымъ имъ документамъ (Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1904, т. IX, кн. 3).

Гораздо болѣе важное значеніе для дальнѣйшей научной дѣятельности Н. П. имѣлъ другой его трудъ, напечатанный въ 1897 г. въ Зап. Русск. Арх. Общ. (т. IX, вып. 1—2)—«Закладничество—патронатъ». Уже въ первой своей статьѣ, опираясь на указаніе С. М, Соловьева, онъ не согласился съ общепринятымъ мнѣніемъ о закладняхъ и закладчикахъ. «Закладни удѣльнаго періода это не люди, заложившіе себя за долги, а люди, предавшіеся на чью либо защиту, отдавшіеся подъ чье-нибудь покровительство, — клiенты, поручившіе себя защитѣ патрона. Чтобы заложиться за кого-нибудь, естественно не надо было давать на себя, какую-нибудь крѣпость, а тѣмъ менѣе закладную кабалу, для этого достаточно было признать и объявить себя состоящимъ подъ покровительствомъ какого-нибудь сильнаго человѣка, позднѣе при переписяхъ «записаться въ закладчики», объявить себя человѣкомъ такого-то. Въ эпоху безправія и слабой еще государственной власти, слабые естественно искали защиты у частныхъ лицъ, сильныхъ князей или бояръ, и дѣйствительно

находили ее». Работа о «Закладничествѣ-патронатѣ» и посвящена обстоятельному обоснованію этой общей мысли. Обильнымъ и яркимъ подборомъ данныхъ авторъ подтверждаетъ сходство древне-русскихъ отношеній «защиты» съ разными видами средневѣковаго патроната и слѣдитъ за видоизмѣненіями этихъ отношеній въ зависимости отъ смѣны историческихъ условій.

Въ 1901 г. ему еще разъ пришлось вернуться къ пересмотру этого вопроса. Въ этомъ году появилась статья проф. В. И. Сергѣевича «Закладничество въ древней Руси» (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 9), гдѣ почтенный изслѣдователь отступаетъ отъ своей прежней точки зрѣнія на закладничество и предлагаетъ видоизмѣненную конструкцію этого института. Однако, и теперь онъ сохраняетъ тотъ существенный признакъ закладчиковъ, что они «суть заимщики и живутъ за своими кридиторами по кабаламъ, по закладнымъ, по записямъ о займахъ и о ссудахъ въ ихъ дворахъ, а не въ своихъ собственныхъ». Такое опредѣленіе института закладничества не удовлетворило Н. П., и онъ въ критической замѣткѣ «Новое объясненіе закладничества» (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 10) отстаивалъ свою точку зрѣнія на вопросъ, присоединивъ рядъ новыхъ наблюденій къ своимъ прежнимъ доводамъ. Къ сожалѣнію ему не удалось при своей жизни выпустить въ свѣтъ важные матеріалы о сыскѣ закладчиковъ въ первой половинѣ XVII в., открытые имъ въ одномъ изъ московскихъ архивовъ и уже напечатанные для одного изъ изданій Археографической Коммиссіи. Эти матеріалы, по утвержденію Н. П., представляютъ исчерпывающія доказательства въ пользу его точки зрѣнія на закладничество.

Эти сравнительныя наблюденія совершенно захватили вниманіе Н. П. Павлова-Сильванскаго. Только случайныя обстоятельства, въ связи съ житейской нуждой, отрывали его отъ главнѣйшей темы его работы. Такъ, по предложенію недавно скончавшагося Н. Д. Сергѣевскаго, Н. П. взялъ на себя составленіе исторіи дворянства до кончины Петра Великаго. Этотъ трудъ, напечатанный въ государственной типографіи, появился въ

1898 г. подъ заглавіемъ: «Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства». Хотя и компилятивное въ главной своей части, это сочиненіе обнаружило въ авторѣ тонкое критическое чутье и умѣнье разобраться въ различныхъ точкахъ зрѣнія на тотъ или другой вопросъ. Примѣчанія же не только доказываютъ обширную начитанность автора въ исторической литературѣ, но и превосходное знакомство съ источниками. Отъ его вниманія не ускользнули и серьезные недостатки въ изданіяхъ юридическихъ памятниковъ, незамѣченные ранѣе виднѣйшими историками-юристами (Назв. соч., стр. 315—316).

Въ 1900—1902 гг. появились двѣ главныхъ работы Н. П. по изученію удѣльнаго строя древней Руси сравнительно съ феодальными отношеніями средневѣковой Европы: «Иммунитетъ въ удѣльной Руси» (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 12) и «Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси» (тамъ-же, 1901, № 6, и 1902, № 1). Если въ первомъ трудѣ авторъ шелъ уже по намѣченному пути и только многостороннѣе и глубже установилъ сближенія, то во второмъ трудѣ ему пришлось въ значительной мѣрѣ пробивать дорогу на дѣвственной почти почвѣ сравненія нашихъ служебно-поземельныхъ отношеній съ вассальной службой и леннымъ землевладѣніемъ. Главнымъ образомъ эти труды, наряду съ «Закладничествомъ-патронатомъ», и упрочили за авторомъ репутацію оригинальнаго изслѣдователя.

Наконецъ, въ 1905 г. появилась интересная замѣтка—«Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ» (Ж. М. Н. Пр., № 6), гдѣ авторъ сводитъ рядъ поразительныхъ сходствъ въ юридическихъ обрядахъ нашего стараго права съ древне-германскимъ. Въ это время онъ уже усиленно работалъ надъ изученіемъ нашей сельской общины и боярщины въ сравнительномъ освѣщеніи поземельныхъ отношеній феодальной Европы. Къ концу 1907 г. этотъ трудъ былъ уже завершенъ, и авторъ готовился приступить къ его изданію. За десять дней до смерти, 7 сент. 1908 г., онъ просилъ «пожалѣть его», освободить отъ нѣсколь-

кихъ преподавательскихъ часовъ, чтобы дать возможность поскорѣе приступить къ печатанію его книги («II-я часть феодализма») и быстрѣе съ этимъ дѣломъ покончить.

Съ основными выводами послѣдней своей работы авторъ уже познакомилъ читателя въ своей книгѣ «Феодализмъ въ древней Руси», вышедшей въ концѣ 1907 г. Здѣсь авторъ подводитъ итоги своимъ изслѣдованіямъ и пытается отвести имъ мѣсто въ общей исторіографической рамкѣ. Нельзя не пожалѣть лишь объ излишней горячности полемическихъ пріемовъ въ первыхъ главахъ, нисколько не содѣйствующей убѣдительности доводовъ и увлекшей автора до явнаго противорѣчія съ его прежними отзывами. Кромѣ того, итоги основнымъ выводамъ, когда они подкрѣплены предшествующими изслѣдованіями, весьма полезны. Но основные выводы безъ надлежащаго ихъ подкрѣпленія, какъ недодѣланная работа, теряютъ значительную долю своей цѣнности. Такое, однако, впечатлѣніе можетъ остаться у читателя по цѣлому ряду вопросовъ, недостаточно освѣщенныхъ и изученныхъ. Для примѣра можно указать на сопоставленіе нашихъ смердовъ и крестьянъ до крестьянскаго прикрѣпленія съ сервами и вилланами. Этотъ серьезный пробѣлъ и должна пополнить книга о сельской общинѣ и боярщинѣ, а потому тѣмъ настоятельнѣе скорѣйшее появленіе ея въ свѣтъ.

Кромѣ перечисленныхъ основныхъ трудовъ покойнаго необходимо еще указать на его работы въ области археографіи. Помимо приготовленныхъ имъ къ изданію актовъ о сыскѣ закладчиковъ, имъ издана еще съ прекраснымъ комментаріемъ «Мѣстная грамота XIV в.» (напечатана отдѣльно въ 1905 и въ Зап. Русск. Арх. Общ. 1907, т. VII, вып. 2). Наконецъ, для Археографической Коммиссіи имъ составлена записка «Погрѣшности Актовъ Ахеографической Экспедиціи» (напечатана въ Лѣт. занятій Арх. Комм., вып. XVII, 1907 г.), гдѣ изложены чрезвычайно цѣнныя наблюденія о замѣченныхъ неправильностяхъ въ изданіи упомянутыхъ актовъ и намѣченъ планъ ихъ переизданія, такъ какъ эти важные историческіе документы давно уже стали

библіографической рѣдкостью. Къ сожалѣнію, и этому плану не суждено было осуществиться.

Когда по условіямъ времени стало возможнымъ издать въ свѣтъ или использовать нѣкоторыя изъ дѣлъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, и переиздать одинъ старый запрещенный публицистическій трудъ, то Н. П. принялъ дѣятельное участіе и въ этихъ работахъ. Вмѣстѣ съ П. Е. Щеголевымъ онъ приготовилъ къ переизданію знаменитую книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» и приготовилъ для этого изданія прекрасную біографію Радищева. Его же перу принадлежитъ любопытная біографія Пестеля, составленная для Біографическаго Словоря, изд. Импер. Русск. Ист. Общ.; «Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ» (Былое, 1906, №№ 2—5), и другія замѣтки о декабристахъ. Въ упомянутомъ Біографическомъ и въ Энциклопедическомъ словарѣ имъ также напечатанъ рядъ статей. Наконецъ, ему же принадлежитъ и рядъ рецензій и критическихъ отзывовъ. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть о статьѣ «Волненія крестьянъ при Павлѣ I», написанной по поводу книги Е. Н. Трефильева—«Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Харьковъ, 1904» (Ж. М. Н. Пр. 1905, № 2).

Ученый авторитетъ Н. П. Павлова-Сильванскаго не могъ не обратить на него вниманіе совѣтовъ и факультетовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Его стремились привлечь въ ряды преподавательскихъ силъ, хотя онъ не только не имѣлъ ученой степени, но не носилъ даже званія магистранта. Въ силу этихъ формальныхъ недочетовъ не могло состояться приглашеніе его на каѳедру исторіи русскаго права въ Юрьевскій Университетъ, не смотря на предпринятые въ этомъ направленіи шаги. Но съ осени 1907 г. онъ былъ приглашенъ на такую же каѳедру Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ; а весной 1908 г. состоялось его избраніе въ преподаватели Петербургскаго Политехническаго Института по Экономическому Отдѣленію для чтенія курсовъ по новой русской исторіи, хотя тамъ онъ и не успѣлъ начать преподавательской дѣятельности.

Книга о сельской общинѣ и боярщинѣ должна была сослужить Н. П. еще одну серьезную службу: онъ предполагалъ представить ее въ качествѣ диссертаціи. Судьба, однако, зло надсмѣялась надъ авторомъ: ученое имя давно и безспорно за нимъ установилось, но ученаго титула онъ не имѣлъ, а безъ него и не могъ создать себѣ независимаго положенія, столь необходимаго для спокойнаго ученаго труда. Онъ такъ и умеръ крупнымъ, но не увѣнчаннымъ ученымъ.

М. Дьяконовъ.

О родственныхъ отношеніяхъ латышскихъ говоровъ къ литовскимъ.

Уже проф. Бецценбергеръ замѣтилъ нѣкоторое особое сходство *восточнолатышскаго* нарѣчія съ литовскимъ языкомъ.

Не ограничиваясь однако установленіемъ этого факта, онъ въ своихъ «Lettische Dialekt-Studien» (стр. 67 — 79) ставитъ вопросъ, не является ли указанное нарѣчіе *«переходнымъ»* діалектомъ отъ литовскаго языка къ латышскому, и, какъ слѣдовало ожидать, даетъ въ концѣ концовъ отвѣтъ отрицательный на этотъ вопросъ: въ самомъ дѣлѣ, если «переходнымъ» называемъ такой діалектъ, относительно котораго возможно колебаться, къ которому изъ двухъ сосѣднихъ съ нимъ языковъ онъ принадлежитъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вышеупомянутое нарѣчіе безусловно входитъ въ составъ латышскаго (а не литовскаго) языка, и что вообще нѣтъ переходныхъ говоровъ между латышскимъ и литовскимъ языками. Что же касается особаго сходства восточнолатышскаго нарѣчія съ литовскимъ языкомъ, то Бецценбергеръ въ немъ усматриваетъ только литовскую *окраску*, возникшую въ этомъ нарѣчіи отчасти *случайно*, отчасти благодаря *заимствованіямъ*. Съ такой формулировкою даннаго вопроса я однако не могу согласиться и полагаю, что восточнолатышское нарѣчіе дѣйствительно изо всѣхъ латышскихъ говоровъ является самымъ близкимъ къ литовскому языку, причемъ изъ литовскихъ говоровъ *жемайтское* нарѣчіе стоитъ

ближе всего какъ къ латышскому языку вообще, такъ въ особенности къ восточнолатышскому нарѣчію. Обосновывать этотъ свой взглядъ я теперь и начну.

1) *Сходство восточнолатышскаго нарѣчія съ литовскимъ языкомъ вообще.*

А) Въ области *фонетики*. *α*) Уже Бецценбергеромъ указано (l. c. 67 и 79 слл.), что въ восточнолатышскомъ нарѣчіи[1]) гласный *ā*, какъ и въ литовскомъ, переходитъ въ *ō* (å̄). Но по его мнѣнію это совпаденіе не имѣетъ ни какого значенія, такъ какъ де рядомъ съ этимъ въ восточно-латышскомъ нарѣчіи встрѣчается также—чуждый[2]) литовскому языку—переходъ краткаго *a* въ *o*. Самъ Бецценбергеръ однако признаетъ, что переходъ *ā* въ *ō* въ общемъ не подлежитъ никакому ограниченію, между тѣмъ какъ переходъ *a* въ *o* является въ зависимости отъ извѣстныхъ условій. А если это такъ, то не исключена возможность, что *ā* переходило въ *ō* не одновременно съ переходомъ краткаго *a* въ *o*, и что восточнолатышскій переходъ *ā* въ *ō* стоитъ въ генетической связи съ тѣмъ же переходомъ на литовской почвѣ.

β) Бецценбергеръ далѣе указываетъ, что въ восточнолатышскомъ нарѣчіи часто удлиняются краткіе ударяемые гласные, какъ и въ литовскомъ языкѣ, но не признаетъ за этимъ совпаденіемъ никакой доказательной силы, такъ какъ де въ восточнолатышскомъ нарѣчіи (въ противоположность къ литовскому языку) удлиняются также ударяемыя *i* и *u*, само же удлиненіе краткихъ гласныхъ не происходитъ такъ правильно какъ въ

---

1) Въ нижнелатышскомъ нарѣчіи этотъ переходъ знаютъ, насколько мнѣ извѣстно, лишь очень немногіе говоры: Баденгофъ, Ново-Залисъ (въ Лифляндіи), Ливенберзенъ (въ Курляндіи). Ср. также единичные примѣры у Бецценбергера l. c. 90 сл.

2) Только въ части восточнолитовскихъ говоровъ, по указанію Барановскаго, долговатое (ударяемое) *a* переходитъ въ (долговатое) *o*, причемъ этотъ переходъ, какъ показываютъ тексты этихъ говоровъ (Литовская хрестоматія стр. 212 слл., 350 слл., 475 слл.), *не* зависитъ отъ вокализма слѣдующаго слога.

литовскомъ языкѣ и, кромѣ того, встрѣчается также въ нижнелатышскихъ говорахъ. Но теперь, благодаря указаніямъ Барановскаго и Явниса, мы знаемъ, что также въ восточноверхнелитовскомъ и сѣверо-западномъ жемайтскомъ поднарѣчіяхъ дѣлаются долговатыми подъ удареніемъ не только *a* и *e*, но также *i* и *u*. Что же касается кажущейся неправильности удлиненія краткихъ ударяемыхъ гласныхъ въ восточнолатышскомъ нарѣчіи, то это явленіе еще нуждается въ точномъ изслѣдованіи. Какъ у Бецценбергера, такъ и въ записяхъ по этому нарѣчію, принадлежащихъ г. Мюленбаху и мнѣ самому, дѣйствительно далеко не всѣ ударяемые краткіе гласные являются удлиненными; въ моихъ матеріалахъ эти гласные въ устахъ одного и того же лица являются то краткими, то долговатыми или даже долгими. Но надо имѣть въ виду, что собирая эти матеріалы одновременно обращали вниманіе на всѣ діалектическія особенности, такъ что не исключена возможность, что иногда неправильно записывались (привычные для изслѣдователя) краткіе гласные вмѣсто долговатыхъ, особенно тамъ, гдѣ долговатые гласные не значительно дольше краткихъ. Затѣмъ играетъ роль въ этомъ вопросѣ вѣроятно и то обстоятельство, что въ *предложеніи* часто цѣлое слово является слабоударяемымъ. Итакъ, желательны болѣе тонкія наблюденія спеціально надъ этимъ явленіемъ. Если же Бецценбергеръ далѣе заявляетъ, что удлиненіе краткихъ ударяемыхъ гласныхъ встрѣчается также въ нижнелатышскихъ говорахъ, приводя нѣсколько примѣровъ изъ Смильтена, Трикатена, Залисбурга, Циравы, Кабиллена, Замитена, Вальдегалена и Дондангена, то мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ первыхъ семи говорахъ краткіе гласные обыкновенно не удлиняются; приведенныя Бецценбергеромъ формы представляютъ собою лишь единичные примѣры случайнаго удлиненія. Дондангенскій же говоръ принадлежитъ къ сѣверозападно-латышскому нарѣчію, гдѣ (въ Курляндіи и въ Лифляндіи) правильно удлиняются краткіе гласные передъ звонкими согласными въ случаѣ исчезновенія слѣдовавшаго за ними

гласнаго (нѣсколько примѣровъ у Бецценбергера l. c. 150 сл.). Удлиненіе краткихъ гласныхъ помимо только что указаннаго условія я встрѣчалъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) только въ Мало-Грамзденѣ, Пормсатенѣ и Прекульнѣ, но въ этихъ нижнелатышскихъ говорахъ вообще замѣтны слѣды литовскаго вліянія. Форма же kūkût «куковать», на которую также ссылается Бецценбергеръ, имѣетъ (также въ нижнелатышскомъ нарѣчіи) постоянное (уже пралатышское) *ū*.

γ) Во всѣхъ восточнолатышскихъ говорахъ, насколько мнѣ теперь извѣстно, длительныя (въ нижнелатышскомъ нарѣчіи) долготы произносятся, какъ и въ литовскомъ языкѣ, съ нисходящею интонаціею.

δ) Лит. pir̃štas «палецъ»=восточнолат. pìrsts или (съ діалектическимъ переходомъ ir въ ĕr) pĕ̀rsts (: нижнелат. pìrskts или діал. pĕrksts); лит. žìrklės = восточнолат. zirkles «ножницы для стрижки овецъ», наприм. въ Соннакстѣ по Бецценбергеру l. c. 77, въ Ново-Шваненбургѣ и Фестенѣ (: нижнелат. dzirkles); лит. sudãbras (или sidãbras) «серебро»=восточнолат. sudobr(i)s, наприм. въ Суббатѣ, Тавнагахъ и Звирдзенѣ по Бецценбергеру l. c. 77, въ Ликснѣ и Гроссъ-Бушгофѣ (: нижнелат. sudrabs или sidrabs). Бецценбергеръ, правда, указываетъ, что въ историческихъ памятникахъ упоминается мѣстность Sidobre въ южной Курляндіи, но съ одной стороны достовѣрно не знаемъ, на какомъ нарѣчіи говорили жители этой мѣстности, а съ другой стороны, если и допустить, что прежде и нижнелатышское нарѣчіе знало форму *sudabrs или *sidabrs, при наличности общихъ новообразованій нѣкоторое значеніе имѣютъ также общіе архаизмы. Что же касается формы pìrsts, то она, правда, по указанію Бецценбергера l. c. 78 извѣстна также въ нижнелатышскомъ говорѣ Трикатена и также (прибавлю отъ себя) въ Смильтенѣ, Зербигалѣ, Мергофѣ, Роннебургѣ, Зербенѣ и Дростенгофѣ; но всѣ эти нижнелатышскіе говоры *граничатъ* съ восточнолатышскимъ нарѣчіемъ, между тѣмъ какъ изъ остальныхъ нижнелатышскихъ говоровъ мнѣ извѣстна лишь форма

piřksts (или pērksts). Въ восточнолатышскомъ же нарѣчіи я встрѣчаю эту форму со вставнымъ *k* только въ Эрлаа, Нейгутѣ, Гроссъ-Бушгофѣ, Экенграфѣ, Пикстернѣ, Сецценѣ и Дубена, между тѣмъ какъ огромное большинство извѣстныхъ мнѣ восточнолатышскихъ говоровъ не знаетъ этого *k*.

В) Въ области *морфологіи*. *α*) Общія явленія въ *словообразованіи*. Лит. šáuti «стрѣлять» = восточнолат. saut, напр. въ Ново-Шваненбургѣ, Кавнатѣ, Smlt[1]) 6, BW[2]) 13250,8, въ грамматикѣ Регегузена (бывшаго пасторомъ въ Кокенгузенѣ и Ашераденѣ) Mag.[3]) XX, 2,38 (: нижнелат. šaũt).

Лит. grúdas «зерно» = правосточнолат. *grūds, откуда наприм. grouds въ Сецценѣ, Дубена, Пикстернѣ, Экенграфѣ, ср. также у Бецценбергера l. c. 76 (: нижнелат. graũds).

Лит. mė̃las «милый» = восточнолат. mīls (съ *ī* изъ *ē*), напр. BW. 13646,20, Zb. XVIII, 411 и въ Кавнатѣ (: нижнелат. mĩľš = лит. mylùs).

Лит. geležìs «желѣзо» = восточнолат. dzelezs Smlt. 19 и у Бецценбергера l. c. 76 (: нижнелат. dzeȉzs = лат. gelžìs). Бецценбергеръ, правда, l. c. 78 замѣчаетъ, что второе *e* формы dzelezs можетъ быть вставнымъ, но по моему это невозможно, такъ какъ возникновеніе вставного *e* между *l* и согласными вообще чуждо восточнолатышскому нарѣчію.

Лит. júrios «море» = правосточнолат. *jūŕas, ср. мѣстн. пад. jiurōs Zb.[4]) XVIII, 379 «въ море», род. п. jiuru въ Прейляхъ «моря» (: нижнелат. jũŕa). Такъ какъ въ большинствѣ латышскихъ говоровъ *ŕ* перешло въ *r*, то не исключена, впрочемъ, возможность, что уже въ пралатышскомъ рядомъ съ jũŕa(s) встрѣчалось также jūra(s), ср. лит. júra въ словарѣ Юшкевича.

---

1) Smlt=Tautas dziţmu, posoku, meiklu un parunu woceleite. Sakrojis P. Smelters. Riga 1899.

2) BW.=Barons un Wissendorffs, Latwju dainas.

3) Mag. = Magazin, herausgegeben von der lettisch-literärischen Gesellschaft.

4) Zb.=Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. W Krakowie.

Лит. kálvis «кузнецъ»=восточнолат. kalv(i)s, наприм. въ Савейзе, Ворковѣ, Zb. XVIII, 276 сл. (: нижнелат. kalèjs).

Лит. obelìs «яблоня» = правосточнолат. *ābels, ср. ābels въ Леттинѣ, Ново-Шваненбургѣ, BW 5590e, 5591d, āᵉbęls въ Пебальгѣ, Эрлаа (: нижнелат. âbele; по указанію П. Шмидта MWM.[1]) 1903 г., стр. 652, форма ābels встрѣчается, рядомъ съ болѣе обычнымъ âbele, также въ нижнелатышскомъ говорѣ Ронненбурга, не далекаго отъ области восточнолатышскаго нарѣчія).

Лит. vilnìs (основа на -i) «волна» = правосточнолат. *vilns, ср. вин. п. множ. ч. v̇iľńis въ Краславѣ Mag. XIV, 2,179 (: нижнелат. vilnis, род. п. viľńa).

β) Лит. jìs «онъ» = восточнолат. jis, ср. указанія Бецценбергера l. c. 76 (: нижнелат. viń̄s). Если даже согласиться съ Бецценбергеромъ въ томъ, что jis когда-то раньше было общелатышскимъ мѣстоименіемъ, то тѣмъ не менѣе и это совпаденіе въ связи съ другими не лишено нѣкотораго значенія.

γ) Лит. sniñga «снѣгъ идетъ»=восточнолат. sneìg въ Сецценѣ (: нижнелат. snẽg, ср. лит. snẽgt). Лит. lỹja «дождь идетъ» =правосточнолат. *līj (или *lij? ср. lij въ Савензе, Фестенѣ, Берзонѣ, Эрлаа, lej въ Гроссъ - Бушгофѣ, Гольмгофѣ, Сецценѣ, ľej въ Прейляхъ, Кавнатѣ (: нижнелат. lîst). Лит. sutinkù «лажу съ» = восточнолат. satīku въ Старо-Пебальгѣ, Ново-Шваненбургѣ, saťeiku въ Кавнатѣ, Zb. XVIII, 242, Smlt. 15 (: нижнелат. satẽku).

δ) Какъ въ разныхъ литовскихъ говорахъ (ср. указанія Бецценбергера l. c. 73 и Поржезинскаго, Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ, стр. 62), такъ и въ восточнолатышскомъ нарѣчіи встрѣчаются окончанія -tumem для I л. множ. ч. желательнаго (или условнаго) наклоненія и -tumet для II л. множ. ч. того же наклоненія. Въ добавокъ къ восточнола-

---

1) MWM.=Mahjas Weesa Mehneschraksts.

тышскимъ формамъ, приведеннымъ Бецценбергеромъ l. c. 72, укажу, что я это окончаніе встрѣчалъ также въ восточнолатышскихъ говорахъ Гроссъ-Бушгофа, Ворковы, Прейлей. Если даже признать правильнымъ ничѣмъ не обоснованное мнѣніе Поржезинскаго l. c. 66, по которому это восточнолатышское окончаніе заимствовано изъ литовскаго языка, то и возможность заимствованія указываетъ на болѣе тѣсную связь восточнолатышскаго нарѣчія съ литовскимъ языкомъ.

ε) Въ восточнолатышскомъ нарѣчіи далеко распространены окончанія -mēs (=лит. -mės) для I л. множ. ч. возвратнаго залога и -tēs (=лит. -tės) для II л. множ. ч. того же залога, между тѣмъ какъ нижнелатышское нарѣчіе, насколько мнѣ извѣстно, знаетъ только окончанія -mēs и -tēs (извѣстныя также въ части восточнолатышскихъ говоровъ).

Если и согласимся съ Бецценбергеромъ (указавшимъ l. c. 73 на это явленіе), что когда-то прежде и нижнелатышское нарѣчіе знало древнія окончанія -mēs и -tēs, то и въ такомъ случаѣ это совпаденіе не лишено нѣкотораго значенія.

C) Въ области *семазіологіи* и *лексикона*. Восточнолатышскій предлогъ *ap*, какъ и лит. apẽ, употребляется и въ переносномъ значеніи русскаго «о(бъ)» (ср. мои Латышскіе предлоги I, 27 сл.), между тѣмъ какъ въ нижнелатышскомъ нарѣчіи *ap* обыкновенно сохраняетъ свое мѣстное значеніе («вокругъ»), а въ значеніи русскаго «о(бъ)» употребляется предлогъ par. Только изъ восточнолатышскихъ текстовъ я знаю также форму aplīk или apľeik «вокругъ» = лит. apliñk (ср. мои Латышскіе предлоги I, 31 сл.).

Какъ въ литовскомъ (ср. Mitteilungen der lit. litter. Gesellsch. II, 35), такъ и въ восточнолатышскомъ слово kur («гдѣ») употребляется въ значеніи относительнаго мѣстоименія (всѣхъ чиселъ, падежей и родовъ), напримѣръ у Бецценбергера l. c. 18, BW. 20295, 2, 5, Zb. XVIII, 419, 446, 447, 486, 489.

Лит. ateĩti «приходить»=восточнолат. atēt въ грамматикѣ

Регегузена Mag. XX 2, 39 или atīt Zb. XVIII, 238, 239 (: нижнелат. (*at*) nākt).

Какъ лит. viduĩ, такъ и мѣстн. пад. ед. ч. восточнолатышскаго vid(u)s (напр. vidu въ Сецценѣ, vydā въ Дубена, Zb. XVIII, 239) употребляется въ значенiи «внутри, внутрь» (=нижнелат. ȩkšā), между тѣмъ какъ нижнелат vidū употребляется въ значенiи «среди».

Лит. šáltas «холодный» = восточнолат. solts, напр. Zb. XVIII, 243 (: нижнелат. aũksts).

Лит. dirvà «нива»=правосточнолат. *dirva ср. BB. XXIX, 279 (: нижнелат. druva).

Лит. tèpti «мазать»=восточнолат. *tępt, ср. им. п. множ. ч. причастiя apzatapušīs «обмазавшiеся» Zb. XVIII, 491 (tępu BB. XXVIII, 275 вѣроятно—литуанизмъ).

Лит. *kairas «лѣвый» (ср. kairẽ «лѣвица», kairỹs «лѣвша») =восточнолат. kairs, ср. род. пад. ед. ч. женск. р. kairōs Zb. XVIII, 482.

Лит. visadà «всегда»=восточнолат. vysod Zb. XVIII, 416.

Лит. vaĩdas или (у Межиниса) vaidai «раздоръ, ссора»= восточнолат. vaidi «война» Zb. XVIII, 367.

Лит. àtkaitas (у Юшкевича) «замѣна, перемѣна» (: keĩsti «мѣнять»): восточнолат. otkait «опять» Zb. XVIII 382, 394.

Лит. šẽptis «die Zähne fletschen»: восточнолат. *sīpt (изъ *sēpti), ср. III л. прош. вр. atsīpę (zùbus) «оскалила (зубы)» BW. 19402.

Что же касается прочихъ восточнолатышскихъ формъ и оборотовъ, приведенныхъ Бецценбергеромъ, то они или сравнительно позднiя заимствованiя изъ литовскаго языка, или же встрѣчаются также въ нижнелатышскомъ нарѣчiи. Такъ, например, nāsis «ноздри»—слово, встрѣчающееся, можетъ-быть, во всѣхъ нижнелатышскихъ говорахъ. И, какъ показываетъ BW. 2825 съ варiантами, форма kľavs «кленъ» встрѣчается также въ нижнелатышскомъ нарѣчiи. То же самое слѣдуетъ сказать про šte «здѣсь» и šitas «этотъ».

2) Сходство восточнолатышскаго нарѣчія съ жемайтскимъ нарѣчіемъ.

А) Въ области *фонетики*. *α*) Въ жемайтскомъ нарѣчіи, какъ извѣстно, звуки *ė* и *o* (долгое) перешли въ *ё* и *ŭ*, и также въ восточныхъ говорахъ восточнолатышскаго нарѣчія, какъ указано Бецценбергеромъ l. c. 68 и 84 сл., произошелъ подобный переходъ звуковъ, только что переходъ (закрытаго) *ē* въ *ё* въ восточнолатышскомъ зависитъ отъ извѣстныхъ условій, чуждыхъ жемайтскому нарѣчію.

β) Въ восточныхъ говорахъ восточнолатышскаго нарѣчія, какъ извѣстно, звуки *ŭ* и *ё* перешли въ *ū* и *ī*, какъ и въ юго-восточныхъ говорахъ жемайтскаго нарѣчія. Въ сѣверо-западной части этого нарѣчія изъ *ŭ* и *ё* получились *ou* (съ закрытымъ *o*) и *ei* (съ закрытымъ *e*), но эти двугласные, какъ указано мною въ статьѣ о происхожденіи *ё*, вѣроятно получились изъ *uų* и *iį* (вѣдь въ сѣверо-западныхъ говорахъ жемайтскаго нарѣчія краткія *u* и *i* переходятъ въ закрытыя *o* и *e*), а къ *uų* (изъ *uǫ*) и *iį* (изъ *ię*) вѣроятно восходятъ также *ū* и *ī* (на мѣстѣ *ŭ* и *ё*) юго-восточныхъ говоровъ жемайтскаго нарѣчія[1]) и восточныхъ говоровъ восточнолатышскаго нарѣчія.

В) Въ области *морфологіи*. *α*) Общія явленія въ *словообразованіи*. Жем.[2]) (но также верхнелит.) lytus «дождь»=восточнолат. lîts въ Эрлаа, Савензе, leits въ Гроссъ-Бушгофѣ, Зельбургѣ, Экенграфѣ, Сецценѣ и др., ср. также указанія Бецценбергера l. c. 77 (: нижнелат. lêtus=восточнолит. lẽtus, напр. у Даукши).

Жем. (по Юшкевичу, но также верхнелит.) eĩksnis «ольха» =восточнолат. eĩksnis напр. въ Зельбургѣ, Старо-Пебальгѣ, Эрлаа, Фестенѣ, Кавнатѣ, ср. также BW. 2823,1 и въ особен-

1) Готіо такъ и пишетъ *ij* вмѣсто *ī*.

2) Ср. напр. указанія Яблонскаго въ послѣсловіи ко II выпуску I тома словаря Юшкевича, стр. IV и XXVII.

ности 9778 съ варіантами, по которымъ èlksnis встрѣчается также въ части сосѣднихъ нижнелатышскихъ говоровъ (: нижнелат. a͂lksnis=лит. aĩksnis).

Жем. vokytis (гдѣ *y* не изъ *ė*) «нѣмецъ» у Лескина Bildung der Nomina 572 (изъ Довконта) и Яблонскаго въ послѣсловіи къ словарю Юшкевича IV = восточнолат. vōćeits (ср. n. pl. vōćeiši Zb. XVIII, 283, łatv́eits «латышъ» 282, женск. р. łatv́eiťa 367, gen. s. tauťeiša «земляка» Mag. XIV, 2, 174); между тѣмъ какъ нижнелат. vãcētis=верхнелит. vókëtis.

Жем. acc. s. undinį «воду» Лхр.[1]) 193,36 или vąnd*ini* Лхр. 323,21=восточнолат. jiuď*iṅi* Zb. XVIII, 491 съ nom. s. jiuďiṅc и gen. s. jiuďiṅa ibid. 462 (: нижнелат.[2]) ûd*eni* = верхнелит. vándenį), жем. acc. s. rudinį «осень» Лхр. 196,26 = восточнолат. ruďiṅi, ср. gen. s. ruďiṅa Zb. XVIII, 468 (: нижнелат.[2]) rudeni=верхнелит. rùdenį).

β) Основы на *-u* въ жемайтскомъ (и также въ сосѣднемъ съ нимъ сѣверномъ прусско-литовскомъ) нарѣчіи по указаніямъ Бецценбергера и Явниса оканчиваются въ loc. s. на *-*ů*, какъ и въ восточнолатышскихъ говорахъ, напримѣръ въ Ново-Шваненбургѣ, Голговски, Эрлаа, Старо-Пебальгѣ, Лизонѣ, Одензе, Зессвегенѣ, Линденѣ, Грундзалѣ, Адзель-Шварцгофѣ, Фестенѣ и (по указанію Каулиня) въ Сауссенѣ и Зельзау. Въ другихъ же восточнолатышскихъ говорахъ это окончаніе не сохранилось, потому что тамъ основы на *-u* перешли въ основы на *-o*.

γ) Жемайтское mùna (несклоняемое притяжат. мѣстоименіе I лица ед. ч.), напр. Лхр. 170,18 и 180,37 и въ Litauische Stu-

---

1) Лхр. = Литовская хрестоматія Вольтера.

2) Только въ прусскихъ говорахъ нижнелатышскаго нарѣчія, вообще подвергающихся сильному вліянію литовскаго языка, отмѣчены формы ûdini, rudini и др., ср. Bezzenberger, Ueber die Sprache der preussischen Letten 63 и Becker, B. B. XXVIII, 269, и можно думать, что прусскіе латыши переняли эти формы изъ сосѣднихъ съ жемайтскимъ нарѣчіемъ сѣверныхъ прусско-литовскихъ говоровъ, ср. a·s·vándin' въ Прейсиш-Кроттингенѣ (Mitteilungen der lit·liter·Ges. II, 31 и gen·s·vandinio у Бреткуна (Bezzenberger, Beiträge zur Gesch. der lit. Sprache 130).

dien Гейтлера 22=восточнолат. muna (gen. s. къ munc «мой» съ полнымъ склоненіемъ), напр. въ Зельзау BB. XVI, 335, Оппекалнѣ Mag. XIII, 1,22, Краславѣ Mag. XIV, 2,163, Ново-Шваненбургѣ, Лубанѣ, Кроппенгофѣ, Тирзенѣ, Леттинѣ, Савензе, Лезернѣ, Старо-Кальценавѣ, Одензе, Штокмансгофѣ, Линденѣ, Эрлаа, Фестенѣ, Друвененѣ, Гольмгофѣ, Лассенѣ, Гроссъ-Бушгофѣ, Пикстернѣ, Дубена, Сецценѣ, Зельбургѣ, Иллукстѣ, Ликснѣ, Ворковѣ, Прейляхъ, Zb. XVIII, 439; жем. dat. s. mun Лхр. 169,37, Kurschat Gramm. §§ 856 и 858 или mùny Лхр. 318,17 или mùnei Лхр. 324,23 (также по Яблонскому въ послѣсловіи къ словарю Юшкевича, стр. LIII) «мнѣ» = восточнолат. mun, наприм. въ Саусенѣ BB. XVI, 335, Шваненбургѣ, Буцковски, Тирзенѣ, Ремерсгофѣ, Лаздонѣ, Лизонѣ, Старо-Кальценавѣ, Сецценѣ, Одензе, Штокмансгофѣ, Линденѣ, Эрлаа, Фестенѣ, Друвененѣ, Лезернѣ; жем. acc. s. mùni «меня» Лхр. 314,40, Kurschat Gramm. §§ 856 и 856ᵃ=восточнолат. muni, напр. BW. 6773 var., или muⁱni, наприм. въ Линденѣ и Эрлаа; жем. gen. s. munês «меня» Лхр. 180,44, или munęs Kurschat Gramm. § 855, Mitteil. der lit. liter. Ges. V, 18, или munės Kurschat Gramm. § 856, или munis Kurschat Gramm. § 856ᵃ: восточнолат. muⁱnis, напр. въ Саусенѣ BB. XV, 297, или muⁱnc, напр. въ Эрлаа. Надо указать, что формы личнаго мѣстоименія съ mun- въ восточнолатышскихъ говорахъ гораздо менѣе распространены чѣмъ притяжательное мѣстоименіе munc; такъ, напримѣръ, въ инфлянтскихъ сказкахъ, помѣщенныхъ въ Zb. XVIII, рядомъ съ munc «мой» встрѣчаются только формы dat. s. mań «мнѣ», acc. s. mańi «меня», gen. s. mańis или mańa «меня» (а не mun, muni, munis).

δ) Жем.[1]) окончаніе -mûs (изъ -*mâs) для I л. множ. ч.

1) По указанію Явниса, Описаніе Россіенскаго уѣзда 44. Бецценбергеръ же (Ueber d. Sprache d. preuss. Letten 88) говоритъ о «сѣвернолит.» -mâs вообще и въ своихъ Beiträge z. Gesch. d. lit. Sprache приводитъ окончаніе -mos(i) также изъ старыхъ прусколитовскихъ текстовъ, но тамъ встрѣчается это окончаніе рядомъ съ обычнымъ -mės(i), тогда какъ въ жем. нарѣчіи извѣстно, повидимому, только окончаніе -mûs.

возвратнаго залога=тому же окончанію -mâs Зельзаускаго говора восточнолат. нарѣчія, указанному BB. XVI, 337, ср. также BB. XIV, 122[1].

ε) Верхнелит. формамъ наст. времени типа ráuju «рву» въ жемайтскомъ нарѣчіи по указанію Явниса соотвѣтствуютъ формы (новообразованія) типа ráunu (также въ восточнолит. говорахъ, напр. въ Янишскомъ гов. по Лхр. 330,26 и въ Оникштахъ, ср. Schleicher, Donal. 336). И такія же формы на *- nu* свойственны также восточнолатышскимъ говорамъ, между тѣмъ какъ нижнелатышское нарѣчіе вообще сохраняетъ древнія формы на *-ju*. Только въ примыкающей къ восточнолат. нарѣчію части нижнелат. говоровъ употребляются формы на *-nu* (наприм. въ Бальдонѣ, Миссгофѣ, Каугерсгофѣ, Роннебургѣ, Зербенѣ, Дростенгофѣ). Кромѣ того я встрѣчалъ формы на *-nu* въ нижнелат. говорахъ, недалекихъ отъ жемайтской территоріи: kŕaunu «складываю въ кучу» въ Крутенѣ (рядомъ съ ŗauju «рву»), pĺaunu «кошу» въ Прекульнѣ, raunu «рву» въ Лигуттенѣ. А въ говорахъ этихъ мѣстностей вообще замѣтно нѣкоторое вліяніе сосѣдняго литовскаго языка. Также прусско-латышскія формы на *-nu*, приведенныя BB. XXVIII 276, вѣроятно слѣдуетъ считать литуанизмами.—Изъ восточно-лат. говоровъ Кроппенгофа, Кортенгофа, Дубена извѣстна мнѣ также форма reinu (съ *ei* изъ *ī*) «жру, глотаю» = жем. rynù (по Куршату также около Мемеля).

ζ) Верхнелит. глаголу imù ėmiaũ im̃ti «брать» соотвѣтствуетъ (по Явнису) жем. jamù (II л. jemì; въ подлинникѣ: я́му́, јэми́) jēmiáu imti (въ словарѣ же Юшкевича даются безъ указанія мѣстности формы jemù (j)ėmiaũ (j)im̃ti) = восточнолат. jãmu jēmu (III л. jãm̃ā) jimt́ въ Кавнатѣ (ср. еще III л. наст. вр. jam Zb. XVIII 240,241 или jęm 241, III л. прош. вр. ję̄m̃a 466, неопр. накл. jimt́ 454, II л. ед. ч. буд. вр. jimśi 467), между тѣмъ какъ въ нижнелат. нарѣчіи употребляется jęmu jēmu jemt.

η) Жемайтское (по Явнису) mylžù «mingo» (вѣроятно изъ *mylžiù) = восточнолат. mīžu въ Кальценавѣ (по Биленштейну

Lett. Sprache I, 352), между тѣмъ какъ изъ нижнелат. говоровъ мнѣ, рядомъ съ обычнымъ mẽznu, извѣстно и mẽzu изъ Вольмарсгофа (= верхнелит. męžů).

C) Въ области *семазіологіи* и *лексикона*. Жем. kar(a)s «войско» въ значеніи совпадаетъ съ восточнолат. kars (изъ *kaŕas) «войско» Zb. XVIII 390,439, между тѣмъ какъ верхнелит. kãras, нижнелат. kaŕš значатъ теперь: «война». Только изъ Сасмакенскаго говора нижнелат. нарѣчія мнѣ по BW. 16217 извѣстно karš «войско». Ср. также лит. kãrias «войско» у Даукши, напр. Post. 7, 36.

Жем. *krìpti «кривиться» (ср. жем. iškrìpti «искривиться» у Юшкевича; въ верхнелит. нарѣчіи: krỹpti) = восточнолат. *kript, ср. III л. прош. вр. (ṕeršti jam) atkrypa «(palce mu) skołczały» Zb. XVIII 489.

Жем. dvokti «stinken» Geitler Lit. Stud. 82 (dvokti и dvokas или dvãkas «вонь» также у Юшкевича): восточнолат. dvaka «вонь» (напр. въ Мезелау).

Теперь, правда, жемайтская территорія не граничитъ съ восточнолатышской территоріею, но не исключена возможность, что онѣ когда-то прежде дѣйствительно граничили другъ съ другомъ, и указанныя мною соотвѣтствія, кажется, предполагаютъ это.

3) Сходство жемайтскаго нарѣчія съ латышскимъ языкомъ вообще.

A) Въ области *фонетики*. *α*) Въ жемайтскомъ нарѣчіи акутованныя долготы произносятся съ нисходящею интонаціею, какъ и въ верхнелитовскомъ, но по указанію Явниса *интерваль* между первою частью долгаго звука, произносимою высокимъ и напряженнымъ голосомъ, и второю, произносимою низкимъ и слабымъ голосомъ, *менѣе значителенъ* въ жемайтскомъ, чѣмъ въ верхнелитовскомъ нарѣчіи. Такимъ образомъ жемайтское произношеніе акутованныхъ долготъ стоитъ ближе верхнелитовскаго

къ латышскому произношенію этихъ долготъ: въ восточнолатышскомъ нарѣчіи онѣ произносятся съ нисходящею интонаціею (съ интерваломъ не очень значительнымъ), въ нижнелатышскомъ же съ длительною интонаціею. Также въ произношеніи циркумфлектованныхъ долготъ жемайтское нарѣчіе (съ восходяще-нисходящею интонаціею) занимаетъ середину между верхнелитовскимъ нарѣчіемъ (съ восходящею интонаціею) и латышскимъ языкомъ (съ нисходящею интонаціею).

β) Въ сѣверозападныхъ говорахъ жемайтскаго нарѣчія и также въ прочихъ сѣверныхъ говорахъ литовскаго языка (по Явнису и Барановскому) преобладаетъ удареніе вторичное (т. е. перенесенное съ окончанія на коренной слогъ), свойственное всѣмъ латышскимъ говорамъ, при чемъ долгота съ такимъ вторичнымъ удареніемъ произносится съ равномѣрно-восходящею интонаціею, какъ и акутованныя долготы съ вторичнымъ удареніемъ въ части восточнолатышскихъ говоровъ.

γ) Въ жемайтскомъ нарѣчіи и также въ прочихъ сѣверныхъ говорахъ литовскаго языка (по Явнису и Барановскому) слабоударяемые конечные долгіе гласные литовскаго праязыка переходятъ въ краткіе, пралитовскіе же краткіе гласные подвергаются исчезновенію, и подобное явленіе хорошо извѣстно намъ изъ латышскаго языка.

δ) Въ сѣверной части жемайтскаго нарѣчія (по Явнису) прабалтійское тавтосиллабическое *an* перешло въ *ǫn* (т. е. въ сочетаніе носоваго *o* съ *n*), и къ такому же *ǫn*, повидимому, восходитъ также латышское *ŭ* изъ прабалтійскаго *an*. Слѣдуетъ еще упомянуть, что по указаніямъ Барановскаго и въ части сѣверовосточныхъ лит. говоровъ ковенской губерніи, примыкающихъ къ жемайтской территоріи, *an* перешло въ *on* (но не въ *ǫn*).

В) Въ области *морфологіи*. *α*) Общія явленія въ *словообразованіи*. Верхнелитовскому vandũ «вода» соотвѣтствуетъ въ жемайтскомъ нарѣчіи (по крайней мѣрѣ, въ части его) форма съ начальнымъ und-, ср. напр. acc.s. undinį Лхр. 193,36 (рядомъ

съ vąndini 323,21 изъ Андреевскаго жем. говора), и къ und- восходитъ также *ūd-* въ общелатышскомъ ûdens.

По указанію Барановскаго верхнелитовскому уменьшительному суффиксу -ėlys соотвѣтствуетъ жемайтское -elys (съ краткимъ *e*), какъ и въ латышскомъ (-elis). И по его же указанію въ жемайтскомъ нарѣчіи, какъ и въ латышскомъ языкѣ, гораздо меньше уменьшительныхъ суффиксовъ чѣмъ въ верхнелитовскомъ нарѣчіи.

β) Основы на *-u* (существительныя) въ жемайтскомъ нарѣчіи (по указанію Явниса), какъ и въ латышскомъ языкѣ, въ множественномъ числѣ замѣнены основами на *-o*.

γ) Въ жемайтскомъ нарѣчіи (по указанію Явниса), какъ и въ латышскомъ языкѣ, уцѣлѣли только незначительные осколки отъ нетематическаго спряженія.

δ) Верхнелитовскому ẽsąs «сущій» (по указанію Явниса) соотвѣтствуетъ жем. ẽsus = лат. esus (съ краткимъ *e*).

ε) Жемайтское (по Явнису, но отчасти и прусколитовское) deviau «я да(ва)лъ» (:верхнелит. daviaũ) = лат. devu.

ζ) Жемайтское (по указанію Явниса) baráu, kaláu, maláu, tapáu (:верхнелит. bariaũ, kaliaũ, maliaũ, tapiaũ) = лат. baru «я бранилъ» (ВВ. XIV, 133[1]), kalu «ковалъ», malu «мололъ», tapu «(с)дѣлался».

η) Жемайтскія формы siuvù «шью», šlejù «наклоняю», lejù «лью», šálstu (или šalù) «мерзну», svilstu или svelù «палюсь», dilstu или delù «убываю (отъ тренія), изношусь», birstu «сыплюсь» (по Явнису), šilstu «согрѣваюсь» въ послѣсловіи Яблонскаго къ словарю Юшкевича, стр. VIII (:верхнелит. siũvù, šlẽjù, lẽju, šąlù, svįlù, dįlù, bįrù, šįlù) = лат. šu(v)u, наприм. въ Валльгофѣ, Экау, Старо-Пебальгѣ, Зербенѣ, Дростенгофѣ, Роннебургѣ, Каугерсгофѣ, Вольмарсгофѣ, Нидеръ-Бартау, Каллетенѣ, sleju, leju, saÎstu (употребительное въ части восточнолат. говоровъ saľu, можетъ-быть, изъ *salu подъ влія-

ніемъ kaľu «кую», maľu «мелю»), svilstu или svęlu [1]) у Ререгузена Mag. XX 2, 36, dilstu или dęlu, biřstu, silstu.

ϑ) Въ Тельшевскомъ уѣздѣ (по указанію Яблонскаго въ послѣсловіи къ словарю Юшкевича, стр. XIII), въ значеніи верхнелит. инфинитива на *-te*, употребляется и форма съ окончаніемъ -tinai = лат. формѣ съ окончаніемъ -tin (ср. Latweeschu gramatika §§ 126 и 264).

C) Въ области *семазіологіи* и *лексикона*. Въ жемайтскихъ, но также въ другихъ сѣверныхъ говорахъ Ковенской губерніи (ср. мои Латышскіе предлоги I, 153 сл.) верхнелитовскимъ per, pér- соотвѣтствуютъ par, pár- = лат. paŕ, pãr-.

Въ жемайтскихъ, но также въ другихъ сѣвернолитовскихъ говорахъ употребляется предлогъ lýg или lìg(i) «до» = лат. līdz или li(dz) (ср. мои Латышскіе предлоги I, 76 сл.).

Въ части жемайтскихъ, но также другихъ сѣвернолитовскихъ говоровъ глагольные префиксы *nů-* и prē-, какъ и въ латышскомъ языкѣ (гдѣ prē- замѣнено формою *pẽ-*), не подвергаются сокращенію въ *nu-* и pri- (ср. мои Латышскіе предлоги I, 128 сл. и 182 сл.).

Жем. apikarta «umgebung» Geitler Lit. Stud. 77: лат. apkàrt «вокругъ».

Жем. atkalei «entgegen, umgekehrt» Geitler l. s. 78 (но также у Межиниса; ср. также àtkaľas «обратный» у Юшкевича) = лат. atkal «опять».

Жем. barioti «mästen» Geitler l. c. 79: лат. baŕût «кормить».

Жем. (по Барановскому) balǫndys «голубь» (но также у Юшкевича и Куршата: balañdis) = лат. balůdis.

Жем. (по Барановскому) cýrulys «жаворонокъ» (но также у Юшкевича и Куршата: cyrulỹs) = лат. cīrulis.

---

1) Причастіе (svęlûts или svęlûšs) отъ этой основы svęla- еще теперь употребляется въ нѣкоторыхъ говорахъ въ значеніи прилагательнаго, ср. наприм. Deenas Lapas peelikums I, 59 (съ діалектическимъ *a* изъ *e*) и 89 сл.

Жем. daba «природа, свойство, нравъ» Geitler l. c. 80 (но также у Юшкевича) = лат. daba.

Жем. ertas «geräumig» Geitler l. c. 82 (но также у Юшкевича) = лат. ẹrts (напр. въ средней Курляндіи).

Жем. gerąnkštis «Backenzahn» Geitler l. c. 83: лат. dzẹrûkslis.

Жем. gožti «(ver)giessen» Geitler l. c. 84 (но также у Юшкевича и Межиниса) = лат. gâzt «опрокидывать».

Жем. globti «beschützen» Geitler Beiträge zur lit. Dialektol. 43 (но также у Юшкевича и Межиниса) = лат. glâbt «спасти».

Жем. *it* «совершенно, весьма» Geitler Lit. Stud. 88 (также у Юшкевича и Межиниса) = лат. *it*.

Жем. jaukti «vermischen» Geitler Beitr. z. lit. Dial. 47 (но также у Межиниса) = лат. jaùkt.

Жем. jautoti «forschen, nachfragen» Geitler Lit. Stud. 88 (возвратный залогъ также у Юшкевича и Межиниса) = лат. jautât.

Жем. kiemaris «zwei zusammengewachsene Nüsse» Geitler l. c. 91 (у Межиниса kemerė): лат. cẹmûrs «Traube».

Жем. kiltis «Geschlecht» Geitler l. c. 91 (но также у Межиниса) = лат. cîlts.

Жем. kliebis «Armvoll» Geitler l. c. 92 (но также у Межиниса): лат. klèpis «Schooss».

Жем. kropti «betrügen» Geitler l. c. 93 (но также у Межиниса и iškrópti у Юшкевича) = лат. krâpt.

Жем. kuplas «dichtgewachsen» Geitler Beitr z. lit. Dial. 50 [1]) = лат. kupls.

Жем. laupyti «rauben» Geitler Lit. Stud. 94 (но также у Межиниса, и apłaupýti у Юшкевича)=лат. laùpît.

Жем. lėlas «gross» Geitler l. c. 94 = лат. lẽls.

Жем. lugoti (или lūgoti?) «просить» Geitler l. c. 95: лат. lùgt «просить».

---

1) Ср. также лит. kuplus «dicht» Mitt. der. lit. liter. Ges. I. 389.

Жем. mižoti Geitler Beitr. z. lit. Dial. 52 = лат. mizât «die Rinde abschälen».

Жем. mukti Geitler l. c. 52 (но также у Межиниса, и išmûkti у Юшкевича) «entfliehen» = лат. mukt..

Жем. olavs «ledig, unverheiratet» Geitler l. c. 54: лат. ãla-va «яловица».

Жем. ploustas Geitler l. c. 26 (у Межиниса plûštas) = лат. plůsts «плотъ».

Жем. pasijti «anbinden» Geitler Lit. Stud. 102: лат. sêt «связывать».

Жем. patrakûti «toll sein» Geitler l. c. 103 = лат. (pa)tra-kût..

Жем. (по Барановскому) pŷly «утка» (pŷlė по Куршату также въ Мемельскомъ говорѣ) = лат. pĩle.

Жем. ropoti «kriechen» Geitler l. c. 106 (у Межиниса ro-pûti): лат. rāpût или rāpâtês.

Жем. skobas «sauer» Geitler l. c. 109 = лат. skâbs.

Жем. speltis «Seitenloch am Ofen» Geitler l. c. 110 = лат. spelts.

Жем. spêkas «сила» Geitler l. c. 110 = лат. spęks.

Жем. veiklus «gewandt» Geitler l. c. 120 = лат. veĩkls.

Жем. večas «ветхій» «Geitler l. c. 120 = лат. vęcs (Лескинъ Die Bildung der Nom. 449 безъ достаточнаго основанія считаетъ эту жемайтскую форму заимствованною изъ латышскаго языка).

Также другіе литовскіе говоры представляютъ отдѣльныя черты особаго сходства съ латышскимъ языкомъ. Такъ наприм. Мемельское нарѣчіе имѣетъ много общаго съ латышскимъ языкомъ въ области лексикона, но Мемельское нарѣчіе близко стоитъ къ жемайтскому нарѣчію, и какъ жемайтское, такъ и Мемельское нарѣчіе, можетъ-быть, позаимствовало нѣсколько словъ изъ сосѣдняго латышскаго языка. Въ восточнолитовскомъ же нарѣчіи часть говоровъ (по указанію Барановскаго) отличается напоминающею латышскій языкъ особенностью въ произношеніи

гласныхъ *e* и *ė*, которые передъ «твердымъ» слогомъ произносятся (подъ латышскимъ вліяніемъ ?) какъ *a* (*ā*). Но наиболѣе сходно съ латышскимъ языкомъ, повидимому, все-таки жемайтское нарѣчіе. Дальнѣйшія изслѣдованія въ области литовскаго и латышскаго языковъ конечно измѣнятъ мои сопоставленія въ деталяхъ, такъ какъ въ настоящее время географическое распространеніе отдѣльныхъ формъ и словъ въ балтійскихъ языкахъ изслѣдовано довольно недостаточно.

Къ вопросу о видовомъ значеніи латышскихъ сложныхъ глаголовъ.

Ульяновъ въ своихъ «Значеніяхъ глаг. основъ въ лит.-слав. яз.» II 29 сл. выставилъ положеніе, что слѣдуетъ различать два рода литовскихъ и латышскихъ основъ, сложенныхъ съ приставками: «1) основы, сложенныя съ приставками, не отличающіяся по видовымъ значеніямъ отъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ; 2) основы, сложенныя съ приставками, отличающіяся по видовымъ значеніямъ отъ соотвѣтствующихъ простыхъ». Основы 1-го рода, по словамъ автора, получаются изъ простыхъ основъ посредствомъ сочетанія съ такими приставками, которыя измѣняютъ какимъ нибудь образомъ реальныя значенія простыхъ основъ; а именно приставки въ основахъ этого рода выражаютъ тѣ различія въ глагольныхъ признакахъ, которыя обусловливаются различными отношеніями ихъ къ объектамъ или субъектамъ. Основы же 2-го рода получаются изъ простыхъ основъ посредствомъ сочетанія съ такими приставками, которыя, не измѣняя реальныхъ значеній простыхъ основъ, измѣняютъ ихъ видовое значеніе. Что касается основъ 1-го рода, то онѣ, по мнѣнію Ульянова (l. c. 53 сл.), какъ и часть простыхъ основъ (l. c. 62 сл.), представляютъ различіе двухъ видовыхъ значеній—длительности и недлительности, причемъ данное различіе въ значеніяхъ не обозначается въ нихъ особыми формами. Фортунатовъ же (въ критическомъ

разборѣ труда Ульянова) считаетъ этотъ взглядъ Ульянова на два рода сложныхъ основъ вѣрнымъ въ основанiи, но формулируетъ его иначе: «въ сложныхъ основахъ 1-го рода приставки, имѣющiя здѣсь «предложное» значенiе, т. е. обозначающiя отношенiя субъектовъ или объектовъ признака, не измѣняютъ при этомъ значенiя времени признака въ значенiи глагольной основы, а въ сложныхъ основахъ 2-го рода приставки, не обозначающiя здѣсь отношенiй субъектовъ или объектовъ признака, т. е. не имѣющiя «предложнаго» значенiя, измѣняютъ извѣстнымъ образомъ именно значенiе времени признака въ значенiи глагольной основы, при чемъ въ связи съ такимъ значенiемъ могутъ обозначать и другiя различiя въ самомъ признакѣ, и потому въ этомъ случаѣ получаются такiя сложныя глагольныя основы, которыя по видовому значенiю отличаются отъ соотвѣтственныхъ простыхъ глагольныхъ основъ». Съ мнѣнiемъ Ульянова относительно присутствiя видовыхъ значенiй длительности и недлительности въ сложныхъ основахъ 1-го рода и въ части простыхъ основъ Фортунатовъ не соглашается, вовсе не признавая за ними видового значенiя. Послѣ этого я во 2-ой части своихъ «Латышскихъ предлоговъ» высказался слѣдующимъ образомъ: «относительно видового значенiя сложныхъ основъ я не могу вполнѣ согласиться ни съ Ульяновымъ, ни съ Фортунатовымъ. Что слѣдуетъ различать два рода сложныхъ основъ, съ этимъ и я согласенъ. Но на мой взглядъ значенiе совершеннаго вида въ общемъ имѣютъ въ латышскомъ какъ сложныя основы 2-го рода, такъ и сложныя основы 1-го рода; разница между ними та, что сложныя основы 2-го рода по своему видовому значенiю находятся въ прямомъ отношенiи къ соотвѣтствующимъ простымъ основамъ, сложныя же основы 1-го рода—къ сочетанiямъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ съ нарѣчiемъ... Такъ, напримѣръ, padarît «сдѣлать» по видовому значенiю находится въ прямомъ отношенiи къ darît «дѣлать»; а напр. nùkâpt «сойти, слѣзть, спуститься» по видовому значенiю находится въ прямомъ отношенiи не къ kâpt «подыматься, итти», но къ zemè kâpt «сходить,

слѣзать, спускаться», гдѣ zemē имѣетъ значеніе нарѣчія («внизъ»)». И въ пользу этого своего положенія я тамъ привелъ много примѣровъ. Въсвоей рецензіи (помѣщенной въ 4-ой книжкѣ XI-го тома этихъ же Извѣстій, стр. 430 сл.) Ульяновъ возражаетъ прежде всего, что не можетъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что сложныя основы 1-го рода по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи къ сочетаніямъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ съ нарѣчіемъ, такъ какъ де «сочетанія глаголовъ съ нарѣчіями различій во времени признака совсѣмъ не касаются». И продолжаетъ: «такимъ образомъ мы думаемъ, что если признавать значеніе совершеннаго вида въ основахъ 1-го рода, то надо признавать, что и эти основы, подобно основамъ 2-го рода, по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи также къ соотвѣтствующимъ простымъ основамъ. Кромѣ того, и самое употребленіе нарѣчій въ сочетаніи съ глаголами въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ латышскомъ, вызываетъ вопросъ, насколько это явленіе чисто латышское». Такъ какъ эта рецензія написана не человѣкомъ несвѣдущимъ, но ученымъ, пользующимся почетною извѣстностью, то я и долженъ считаться съ его возраженіями. И тутъ прежде всего странною мнѣ кажется ссылка въ данной связи на то, что указанное употребленіе нарѣчій въ сочетаніи съ глаголами, можетъ быть, явленіе не чисто латышское. Вѣдь эта ссылка имѣла бы нѣкоторое значеніе, если бы я, напримѣръ, возводилъ указанное явленіе къ литовско-латышскому праязыку; но если дѣйствительно извѣстныя сложныя основы по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи къ сочетаніямъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ съ нарѣчіемъ, то фактъ этотъ остается фактомъ и тогда, если допустить, что такое употребленіе нарѣчій въ сочетаніи съ глаголами—явленіе не чисто латышское. Мой рецензентъ, правда, не признаетъ никакого особаго видоваго значенія за сочетаніями глаголовъ съ нарѣчіями. Но дѣло въ томъ, что извѣстныя формы (указанныя мною l. c.), замѣняющія въ извѣстныхъ случаяхъ въ сочетаніи съ простыми глаголами соотвѣтствующіе сложные

глаголы, имѣютъ въ такихъ случаяхъ не только мѣстное значеніе нарѣчій, но и то значеніе формальнаго элемента, которое имѣетъ, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ слогъ *-ва-* въ *«убивать»* (по отношенію къ *«убить»*). Это явствуетъ не только изъ того, что сочетанія этихъ формъ съ простыми глаголами замѣняютъ собою соотвѣтствующіе сложные глаголы въ такихъ случаяхъ, гдѣ требуется форма не совершеннаго вида. Такъ, напримѣръ, дѣйствительное настоящее время отъ вышеупомянутаго nůkâpt «слѣзть»—не nůkâpju (что употребляется какъ praes. historicum и въ значеніи формы, не обозначающей субъективнаго времени) или kâpju (что значитъ «подымаюсь»), но kâpju zemè; а если это такъ, то я не могу согласиться съ мнѣніемъ Ульянова, «что если признавать значеніе совершеннаго вида въ основахъ 1-го рода, то надо признавать, что и эти основы.... по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи также къ соотвѣтствующимъ простымъ основамъ». Отношенію р. *слѣзть*: *слѣзать* соотвѣтствуетъ именно лат. nůkâpt: zemè kâpt; форма zemè соединяетъ въ себѣ мѣстное значеніе приставки nů- и то значеніе, которое вноситъ гласный *а* въ р. *«слѣзать»* (по отношенію къ *«слѣзть»*). Что это дѣйствительно такъ, это подтверждается такими приведенными мною l. c. сочетаніями какъ vyłkās źemā «раздѣвалась» (:nůvilkās «раздѣлась»), nakaun źamā «не убиваетъ», merstūťa źamā «умирая», jūdz zemè «отпрягаетъ», plūkst ârà «расцвѣтаетъ» (praesens къ izplūkt «расцвѣсти»), kurini (krâsni) cêti «(печь) затопляй» (къ aizkurinât «затопить»), sit kůpà «разбиваетъ» (къ sasist «разбить»), saľ kūpā «замерзаетъ» (къ sasalt «замерзнуть»), neplês kůpà «не разрывай» (къ saplêst «разорвать»). Только что приведенныя сочетанія, гдѣ формы zemè, ârà, cêti, kůpà никакого мѣстнаго значенія болѣе не имѣютъ (при чемъ простые глаголы kaût, miȓt, plūkt имѣютъ и одни то же самое значеніе «убивать», «умирать», «расцвѣтать» какъ и сочетанія zemè kaût, zemè miȓt [1]), ârà plūkt, такъ что въ сочетаніи съ этими гла-

1) Оборотъ рѣдкій вмѣсто обычнаго miȓt.

голами формы zemè и ârà являются лишними), очевидно, возникли (рядомъ съ nůvilktês, nůkaût, nůmirt, nůjûgt, izplûkt, aizkurinât, sasist и т. д.) по аналогіи такихъ сочетаній какъ zemè kâpt «слѣзать», ârà nākt «выходить», cẽti taĩsĩt «затворять», kůpà nākt «сходиться» и др. (рядомъ съ nůkâpt «слѣзть», iznākt «выйти», aiztaisĩt «затворять», sanākt «сойтись» и др.). А это, по моему, было возможно только благодаря тому, что и въ такихъ сочетаніяхъ, какъ zemè kâpt, ârà nākt, kůpà nākt и др., формы zemè, ârà, kůpà и др. имѣли не только мѣстное значеніе нарѣчій, но также вышеупомянутое значеніе формальнаго элемента. Что же касается видового значенія *сложныхъ* основъ 1-го рода, то мой рецензентъ, ссылаясь на указанные мною примѣры употребленія личныхъ формъ дѣйствительнаго настоящаго времени и причастій и инфинитива того же времени отъ этихъ сложныхъ основъ и случаи, гдѣ (въ повелительномъ наклоненіи и по отношенію къ повторяющимся дѣйствіямъ) употребляются, повидимому, безразлично перфективныя и имперфективныя основы, приходитъ къ заключенію, будто бы я многими примѣрами подтвердилъ мнѣніе (Ульянова и) Фортунатова, «что въ латышскомъ есть два рода сложныхъ глагольныхъ основъ: одни изъ нихъ имѣютъ значеніе совершеннаго вида, другія не имѣютъ этого значенія». Съ этимъ выводомъ рецензента впрочемъ не вполнѣ согласуется его же заключеніе: «Остается... еще далѣе изслѣдовать, какія именно латышскія сложныя глагольныя основы имѣютъ значеніе совершеннаго вида, какія не имѣютъ его». Вѣдь по мнѣнію (Ульянова и) Фортунатова, подтвержденному будто бы мною многими примѣрами, значеніе совершеннаго вида имѣютъ тѣ сложныя основы, въ которыхъ приставки не сохраняютъ своихъ реальныхъ или «предложныхъ» значеній, сложныя же основы, въ которыхъ приставки сохраняютъ свои реальныя или предложныя значенія, не имѣютъ значенія совершеннаго вида. А если это дѣйствительно такъ, то дальнѣйшія изслѣдованія по этому вопросу, казалось бы, являются уже лишними. Но при всемъ томъ уваженіи, съ которымъ я отношусь

къ научнымъ трудамъ только что упомянутыхъ ученыхъ, мнѣ все-таки не хотѣлось бы думать, что я въ данномъ случаѣ только подтвердилъ ихъ мнѣніе. Если бы по мнѣнію рецензента приведенные мною примѣры формъ настоящаго времени (отъ сложныхъ основъ) съ длительнымъ значеніемъ дѣйствительно доказали, что эти сложныя основы не имѣютъ значенія совершеннаго вида, то значенія совершеннаго вида не имѣли бы также сложныя основы 2-го рода, которымъ однако и Ульяновъ самъ и Фортунатовъ приписываютъ это значеніе. Вѣдь я привелъ формы настоящаго времени съ длительнымъ значеніемъ также отъ сложныхъ основъ 2-го рода (что и подчеркнуто мною l. c. 115 и 120)! Предполагая, что мой рецензентъ не замѣтилъ ихъ, я позволю себѣ здѣсь выписать нѣсколько примѣровъ: vai jūs nekà nesaŭžēt? «вы ничего не чуете?» (l. c. 115) izzagnl' «высыпается» (l. c. 116); sapel naŭda, sarūs zůbentińš «деньги плѣсневѣютъ, мечъ ржавѣетъ» (l. c. 116); kàdēl' nesasildēs «почему ты не грѣешься?»(l. c. 116) es šk̄itůs izaûgdama «подрастая я думала» (l. c. 120); uzaûgdama kuǹgůs gāju «подрастая я ходила на барщину» (l. c. 120); sak' māmińa nůmirdama «говоритъ матушка умирая» (l. c. 120); pastaigâdamâs ērauga maìsu «прохаживаясь увидѣла мѣшокъ» (l. c. 121); sâk sastâstît brēsmu lētas «начинаетъ разсказывать страшныя вещи» (l. c. 127); vẹlns padarìjis lůpus slimus «чортъ насылалъ болѣзни на скотъ» (l. c. 128); kad izēšu, pavadîsi; kad pārnākšu, sagaidîsi «когда я буду выходить, ты меня будешь провожать; когда я буду возвращаться, ты будешь ожидать меня» (l. c. 128). Итакъ, если такіе примѣры не мѣшаютъ Ульянову признавать значеніе совершеннаго вида за сложными основами 2-го рода, то приведенные мною l. c. примѣры формъ настоящаго времени съ длительнымъ значеніемъ отъ сложныхъ основъ 1-го рода также не доказываютъ, что эти сложныя основы не имѣютъ значенія совершеннаго вида. Если все-таки вообще еще встрѣчаются формы сложныхъ основъ (и 1-го и 2-го рода) съ длительнымъ значеніемъ, то это только показываетъ,

что въ латышскомъ языкѣ переходъ сочетаній простыхъ основъ, не имѣющихъ значенія совершеннаго вида, съ приставками въ формы съ значеніемъ совершеннаго вида,—переходъ, совершающійся конечно не сразу, но требующій продолжительнаго времени,—или въ настоящее время еще не совсѣмъ закончился или закончился весьма недавно, и что употребленіе сложныхъ основъ въ латышскомъ языкѣ не вполнѣ совпадаетъ съ ихъ употребленіемъ въ русскомъ языкѣ. Къ тому же я l. c. указалъ, что примѣры употребленія сложныхъ основъ въ длительномъ значеніи (за исключеніемъ указанныхъ мною сложныхъ основъ, принявшихъ характеръ простой основы) можно считать немногочисленными, и что часть этихъ примѣровъ взята изъ народныхъ пѣсенъ, вообще представляющихъ (отчасти благодаря требованіямъ размѣра) не мало архаизмовъ. На это мой рецензентъ возражаетъ, что, во-первыхъ, «немногочисленность»—вещь относительная. Это конечно такъ, но имѣя дѣло не съ текстами мертваго языка, но съ литературою и разговорнымъ языкомъ процвѣтающаго донынѣ народа, я, разумѣется, и не могъ дать абсолютныхъ чиселъ; а что указанные мною примѣры относительно немногочисленны, въ этомъ убѣдился бы и мой рецензентъ, читая съ этою цѣлью латышскіе тексты (для личныхъ формъ прошедшаго и будущаго временъ сложныхъ основъ съ *длительнымъ* значеніемъ я даже ни одного примѣра не могъ привести). Если мнѣ далѣе возражаютъ, будто-бы я во многихъ случаяхъ формы настоящаго времени отъ сложныхъ основъ безъ достаточныхъ объективныхъ основаній считалъ формами не дѣйствительнаго настоящаго времени, а, напр., формами praes. historici, то къ сожалѣнію рецензентомъ не указаны примѣры, такъ что вмѣсто объективнаго обоснованія своего взгляда я могу только предложить рецензенту, относительно значенія спорныхъ примѣровъ справиться у грамматически образованныхъ латышей. Далѣе мнѣ возражаютъ, что дѣйствительныхъ архаизмовъ въ языкѣ народныхъ пѣсенъ мною приведено l. c. II, 19 не настолько много, чтобы они давали основаніе заключать, что въ народныхъ пѣсняхъ

также въ сложныхъ глаголахъ иногда еще отчетливо сознается адвербіальное значеніе префиксовъ. Почему бы однако считать это невозможнымъ, если въ народныхъ пѣсняхъ иногда префиксъ отдѣляется отъ своего глагола другими словами? Къ тому же l. c. указаны мною только архаизмы въ употребленіи префиксовъ, но далеко не всѣ архаизмы языка народныхъ пѣсенъ вообще! А если языкъ народныхъ пѣсенъ вообще отличается архаизмами, то позволительно думать, что народныя пѣсни отчасти представляютъ языкъ той эпохи, когда сложеніе глагольныхъ основъ со всякими префиксами еще не (или не всегда) получало значенія совершеннаго вида.

Въ виду сказаннаго надо признать, что рецензентомъ не опровергнуты мои выводы относительно видоваго значенія латышскихъ сложныхъ глаголовъ, а именно что значеніе совершеннаго вида имѣютъ не только сложныя основы 2-го рода, но и сложныя основы 1-го рода. Мюленбахъ же, который въ синтаксисѣ латышской грамматики (изданной имъ и мною сообща) въ общемъ присоединяется къ моему мнѣнію въ этомъ вопросѣ, въ §§ 201—204 еще указываетъ на опредѣленные случаи употребленія формъ дѣйствительнаго настоящаго времени сложныхъ основъ 2-го рода (!), незамѣченные мною.

Еше о латышскомъ дебитивѣ.

Подобно Прельвицу и мнѣ, теперь и Мюленбахъ (въ 3-ей книжкѣ XII тома этихъ Извѣстій, стр. 313—333) форму jā- (ja-) или ju- въ латышскомъ дебитивѣ считаетъ падежною формою относительнаго мѣстоименія *jos «который». Чтоже касается вопроса, какіе это падежи, то B. B. XXIX 321 я высказалъ мнѣніе, что jà- (съ тою же нисходящею интонаціею какъ и gen. s. tà, kà=лит. tō «того», kō «кого») родит. пад. ед. ч., употреблявшійся первоначально въ значеніи gen. partitivi, послѣ отри-

цанія и — прибавлю теперь послѣ указаній Прельвица B. B. XXIX, 322—въ значеніи совпавшаго съ нимъ аблатива. Мюленбахъ же, считавшій до ознакомленія съ моимъ мнѣніемъ jā- за acc. plur. neutr. gen., теперь относительно формы съ нисходящею интонаціею не оспариваетъ моего мнѣнія. Изъ курляндскихъ же говоровъ извѣстно также jã- съ прерывистою и съ длительною интонаціею. Что касается формы jâ-, то Мюленбахъ, ссылаясь на то обстоятельство, что въ говорахъ съ jâ- gen. tã «того», šã «этого» имѣетъ длительную интонацію, считаетъ это jâ- за loc. sing. (ср. kâ «какъ», tâ «такъ») и приводитъ одинъ примѣръ, гдѣ jā- имѣетъ значеніе мѣстнаго падежа. Но навѣрно Мюленбахъ самъ согласится, что въ значеніи мѣстн. падежа jā- встрѣчается менѣе часто чѣмъ въ значеніи другихъ падежей. Затѣмъ, если и теперь безразлично для обоихъ родовъ употребляются формы, напримѣръ, tai или tã (=лит. loc. s. fem. g. tojè) и tamī [1]) (: лит. loc. s. masc. g. tamè), врядъ ли это было такъ уже въ ту эпоху, когда образовался дебитивъ, а если нѣтъ, то страннымъ является выборъ именно формы женскаго рода jã для образованія дебитива; да и врядъ ли уже въ ту эпоху изъ двусложной формы, соотвѣтствовавшей литовскому jojè, уже образовалось односложное jã. Въ виду этихъ затрудненій попытаемся возвести къ родительному падежу также jã- съ прерывистой интонаціей (которая въ говорахъ съ jâ- можетъ быть возведена къ нисходящей интонаціи; изъ говоровъ, различающихъ нисходящую и прерывистую интонаціи, jâ- мнѣ не извѣстно).

Формы gen. s. tã, šã въ части говоровъ (также у Биленштейна, у котораго и jâ-) по интонаціи различаются отъ литов-

1) Это tamī встрѣчается не только, какъ говоритъ Биленштейнъ, въ старой грамматикѣ Адольфи, но и теперь еще въ части говоровъ, наприм. въ Бальдонѣ, Экау, Ронненбургѣ, Вольмарѣ (здѣсь также kamī «въ чемъ»), Буртнекѣ; изъ tamī получилось или tamā (не только въ восточнолатышскомъ нарѣчіи, какъ говоритъ Биленштейнъ, но также наприм. въ Залисбургѣ, Гохрозенѣ, Зербигалѣ) или tanī и путемъ контаминаціи формъ tanī и tai также tainī.

скихъ формъ tõ, šiõ = лат. tà, šà въ части говоровъ (наприм. въ Вольмарѣ), между тѣмъ какъ gen. s. kâ (изъ kà) «кого» у Биленштейна сходится съ лит. kõ, лат. kà въ Вольмарѣ. И подобно этому расходятся съ одной стороны, acc. s., gen. pl. tū̃, šū̃ и gen. s. fem. g. tā̃s, šā̃s у Биленштейна и, съ другой стороны, лит. tą̃, šią̃ (fem.), tũ, šiũ, tõs, šiõs = лат. tŭ, šŭ, tàs, šàs въ Вольмарѣ, между тѣмъ какъ acc. s. kû (изъ kŭ) у Биленштейна (дающаго кромѣ того и kū̃) = лит. ką̃, лат. kŭ въ Вольмарѣ. Совпаденіе литовскихъ и Вольмарскихъ формъ говоритъ въ пользу того, что ихъ циркумфлексъ древнѣе длительной интонаціи формъ Биленштейна, тѣмъ болѣе что формы мѣстоименія kas также у Биленштейна указываютъ на циркумфлексъ. Чтобы понять возникновеніе длительной интонаціи въ указанныхъ формахъ мѣстоименій tas и šis у Биленштейна, вспомнимъ, что по указаніямъ Явниса въ литовскомъ языкѣ нисходящая интонація передъ главнымъ удареніемъ слова переходитъ въ восходящую. И такъ какъ формы мѣстоименій tas и šis часто являются въ проклитическомъ положеніи, то я считаю возможнымъ, что въ то время, когда еще всѣ латышскіе говоры отличали нисходящую интонацію отъ прерывистой, формы gen. s. tà, šà, tàs, šàs и acc. s. и gen. pl. tŭ, šŭ въ проклитическомъ положеніи перешли въ формы tā̃, šā̃, tā̃s, šā̃s, tū̃, šū̃, которыя потомъ въ части говоровъ были обобщены. Вопросительное же мѣстоименіе kas всегда имѣетъ на себѣ удареніе, такъ что сохраненіе формъ kà и kŭ понятно. Значитъ, также въ gen. s. * jā̃ нисходящая интонація могла быть замѣнена длительною интонаціею, а въ дебитивѣ это jā-, имѣя на себѣ удареніе, могло сохранить свою нисходящую интонацію, которая въ части говоровъ впослѣдствіи совпадаетъ съ прерывистою интонаціею. — Что же касается формы jā̃-, то Мюленбахъ считаетъ возможнымъ считать ее или за acc. pl. neutr. g. или за тотъ же gen. s. Я предпочитаю послѣднее: въ виду прусск. kai, лит. taĩ также въ латышскомъ ожидается въ значеніи nom.-acc. pl. neutr. g. скорѣе * jai чѣмъ * jā; что же касается лит. jog (рядомъ съ jūg) «что» и лат. (діал.) jà «если» (въ

которыхъ Мюленбахъ усматриваетъ именно nom.-acc. pl. neutr. g.), то лит. jog образовалось, можетъ-быть, изъ jů̃g (въ проклитическомъ положеніи, какъ nõ изъ nũ̃, ср. мои Латышскіе предлоги I, 127), а лат. jà «если» получилось, можетъ быть, изъ ja «если» подъ вліяніемъ формы jà «да», на что указываетъ и нисходящая интонація (длительная интонація достовѣрно не засвидѣтельствована). Во всякомъ случаѣ эти формы не доказываютъ, что во время возникновенія дебитива въ качествѣ nom.-acc. pl. neutr. g. употреблялось не * jai (: лит. taĩ, прусск. kai), но * jā. Возникшее же въ проклитическомъ положеніи (изъ gen. s. jà) jā могло затѣмъ проникнуть также въ дебитивъ. Рядомъ съ jā- большинства говоровъ встрѣчается также jă-, но только въ немногихъ говорахъ, ср. В. В. XXIX, 321: это ja-, по моему мнѣнію, скорѣе сокращено въ проклитическомъ положеніи изъ того же jā- (въ то время, когда удареніе было еще на глагольной формѣ), чѣмъ древняя форма acc. s. neutr. g. Въ такомъ случаѣ всѣ говоры первоначально имѣли бы въ первой части дебитива туже форму gen. s. — Относительно діалектической формы ju- я В. В. XXIX, 321 высказалъ предположеніе, что это ju- сокращенная въ проклитическомъ положеніи форма acc. s. * jů, Прельвицъ же считаетъ ju- за instrum. s.; вѣроятно правъ Мюленбахъ, усматривающій въ этомъ ju- одновременно и acc. и instrum. s. и подтверждающій это примѣрами [1]).

Что же касается происхожденія глагольной формы въ дебитивѣ, то я въ своей статьѣ В. В. XXVI 66 слл. пришелъ къ заключенію, что глагольная форма въ дебитивѣ первоначально всегда была инфинитивъ, ссылаясь особенно на формы jàbût

---

1) Мюленбахъ даетъ l. c. 321 также нѣсколько примѣровъ сокращенія формъ въ проклитическомъ положеніи; форма vinpadsmit «одиннадцать» (также тамъ приведенная) однако врядъ ли когда-либо оказывается безъ ударенія; стало быть, ея ě (въ первомъ слогѣ) или ĭ (въ Бŭшгофѣ), образовашись изъ ě, перешло въ i не благодаря отсутствію ударенія, но благодаря слѣдующему за нимъ тавтосиллабическому носовому звуку. Въ формѣ же dimžẹ̀l «къ сожалѣнію» (тоже указанной l. c.) переходу ě въ i вѣроятно содѣйствовало также удареніе на žẹ̀l.

«должно быть». И. Прельвицъ соглашается съ этимъ. Мюленбахъ же считаетъ эту глагольную форму (также въ jàbût), третьимъ лицомъ наст. времени. Что также -bût въ jàbût можетъ быть III л. наст. времени, это Мюленбахъ пытается доказать ссылкою на латинск. fit, лит. bìti и приведенное Биленштейномъ Lettische Sprache II, 168) «причастіе наст. времени» bûtûts. За первыми двумя формами однако я тутъ никакой доказательной силы признать не могу, а что касается формы bûtûts, то Биленштейнъ ее приводитъ внѣ всякой связи, такъ что ничто намъ не мѣшаетъ думать, что Биленштейнъ выдаетъ ее за причастіе наст. времени только по недоразумѣнію, и считать ее за причастіе (употребляемое въ косвенной рѣчи), произведенное отъ основы условнаго (или желательнаго) наклоненія (другія такого рода формы приводитъ самъ Мюленбахъ въ синтаксисѣ нашей грамматики § 219), и что это въ самомъ дѣлѣ такъ, согласится, надѣюсь, и мой уважаемый коллега самъ. Итакъ, что въ эпоху возникновенія дебитива въ лат. языкѣ существовало III л. наст. времени * būt(i) «есть», это не только не доказано [1]), но даже представляется крайне невѣроятнымъ въ виду того, что во всѣхъ славяно-балтійскихъ языкахъ настоящее время вспомогательнаго глагола образуется не отъ корня bhū-, но отъ корня es-, и уже въ литовско-латышскую эпоху рядомъ съ древнимъ * esti въ значеніи III лица употреблялось новообразованіе * ira. Неужели рядомъ употреблялась еще третья форма * b(h)ūti, не засвидѣтельствованная въ значеніи III л. наст. времени ни въ одномъ индоевр. языкѣ? Итакъ, jàbût явно указываетъ на употребленіе

1) Этого не доказываютъ также соображенія Бецценбергера KZ. 41, 111 и 114 относительно прусск. boūlai и лит. III л. желательнаго наклоненія bût (у Куршата bût) рядомъ съ bútū: bût (или bût), по моему, возникло въ проклитическомъ положеніи (въ которомъ часто оказываются формы вспомогательнаго глагола) изъ bútū, подобно тому какъ въ латышскомъ языкѣ рядомъ съ bija «былъ» употребляется сокращенное изъ него bi (между тѣмъ какъ формы lija «шелъ дождь», rija «жралъ», mija «мѣнялъ» и др. никогда не подвергаются такому сокращенію); прусское же boūlai могло возникнуть рядомъ съ boūt по образцу ēilai: ēit.

инфинитива въ формахъ дебитива. Если же Мюленбахъ говоритъ l. c. 315, что именит. падежъ при дебитивѣ мѣшаетъ намъ думать объ инфинитивѣ въ образованіи дебитива, такъ какъ де въ латышскомъ языкѣ при инфинитивѣ дополненіе всегда ставится въ винительномъ, а не въ именительномъ падежѣ, то это нѣсколько странно. Вѣдь если въ славянскомъ и литовскомъ языкахъ встрѣчается дополненіе въ именительномъ падежѣ при инфинитивѣ (на что мною было указано по Дельбрюку), то подобныя сочетанія могли встрѣчаться и въ латышскомъ языкѣ во время возникновенія дебитива. И если juẹ̄d въ оборотѣ man ir maìze juẹ̄d «mihi est panis ad edendum» дѣйствительно восходитъ къ * jû êst (вмѣсто чего теперь говорятъ въ большинствѣ говоровъ: kû êst), то вѣдь именит. падежъ maìze тутъ объясняется такъ же просто, какъ въ однозначащемъ оборотѣ man ir maìze kû êst, т. е. такъ же, какъ его объясняетъ самъ Мюленбахъ l. c. 330. И Мюленбахъ самъ l. c. 325 указываетъ, что вмѣсто дебитива часто употребляется одинъ инфинитивъ или инфинитивъ съ kû (= * jû). Если же Мюленбахъ думаетъ, что глагольная форма въ дебитивѣ искони вездѣ была III л. наст. времени, т. е., что наприм. оборотъ man ir maìze juẹ̄d значилъ первоначально: mihi est panis, quem edunt, или въ современномъ латышскомъ языкѣ: man ir maìze, kû ẹ̄d, то оборотъ этотъ формально, правда, правиленъ, но врядъ ли гдѣ-нибудь встрѣчается въ латышскихъ текстахъ или въ народной рѣчи, такъ какъ вмѣсто этого принято говорить: man ir maìze kû êst; и что также -bût въ jàbût можетъ быть III л. настоящаго времени, это Мюленбахомъ не доказано. И такъ, значеніе дебитива указываетъ именно на инфинитивъ, а не на III л. наст. времени. Но чтобы только подъ вліяніемъ тѣхъ немногочисленныхъ нетематическихъ основъ наст. времени, III л. которыхъ совпадаетъ съ инфинитивомъ, также у всѣхъ тематическихъ основъ инфинитивъ былъ замѣненъ III лицомъ наст. времени, это предположеніе, правда, не совсѣмъ удобно. И поэтому, и также въ виду такихъ литовскихъ оборотовъ какъ ṇêr̃ (šaukštû) kuõm válgā Лит.

хрест. 378,24 и jám nebebûs kàs é̓da 369,30 (гдѣ однако страннымъ образомъ kàs вмѣсто ожидаемаго винит. падежа), я считаю возможнымъ, что въ части случаевъ (гдѣ въ части говоровъ ставится ju-) уже съ самаго начала рядомъ съ инфинитивомъ ставилось III л. наст. времени (для выраженія же долженствованія первоначально вѣроятно ставился только инфинитивъ), и что потомъ, послѣ смѣшенія обѣихъ конструкцій, уже указаннымъ путемъ инфинитивъ въ дебитивѣ (кромѣ jàbût) былъ вытѣсненъ III лицомъ наст. времени.

Укажу еще на нѣкоторыя подробности въ употребленіи дебитива. Mag. X, 3,77 приводится (изъ Сакенгаузена) оборотъ nu jau jābûs ēt «теперь уже прійдется пойти» (вмѣсто обычнаго nu jau bûs jàēt); если это вообще правильно написано, то и тогда крайне сомнительно, всегда ли такъ говорятъ въ Сакенгаузенѣ. Скорѣе всего это ошибочный единичный оборотъ.

Также въ евангеліяхъ 1587 г. jā- иногда имѣетъ значеніе діалектическаго ju-, напримѣръ: jir jums šeit kas jāẹ̄d (= kû êst)? têms nebij jāẹ̄d (= kû êst).

Если дополненіемъ дебитива является личное мѣстоименіе, то оно иногда ставится въ винит. падежѣ даже въ такихъ говорахъ, въ которыхъ дополненіе дебитива обыкновенно ставится въ именит. падежѣ: наприм. vaì man tevi jàaîcina (въ Цемпенѣ, гдѣ обыкновенно ставится именит. пад. при дебитивѣ) «развѣ я долженъ тебя приглашать?» Примѣръ съ именит. падежомъ: tâpat tu pats ar bij jàglabà (Вольмаръ) «такъ же и за тобою приходилось ухаживать».

Нѣсколько этимологій.

Латышск. pȩ̀re «лобъ».

Предполагая диссимиляцію (ср. наприм. латышск. ƙeiris «лѣвша» изъ * kreiris BB. XXIX 190), я возвожу pȩ̀re къ

* prēre и сближаю его съ латышск. prēkša «передокъ, лицевая сторона» (отъ * prē «передъ», ср. мои Латышскіе предлоги I, 185). Относительно значенія ср. отношеніе между латинск. ante «передъ» и латинск. antiae «capilli demissi in frontem», древнеирландск. étan, древне-верхне-нѣм. andi или endi «лобъ». Что до окончанія, то ср. латышск. paure «черепъ», dûre «кулакъ».

Скр. gāhatē « taucht ein, vertieft sich».

Этотъ санскритскій глаголъ я въ виду причастія gāḍha- сопоставляю не съ древнеирл. bāidim «tauche unter, ertränke», какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, но съ латышск. gâzt «низвергать, опрокидывать», лит. góžti «валить» (у Юшкевича), «vergiessen» (изъ Довконта въ Litauische Studien Гейтлера). Что до значенія греч. βῆσσα (дор. βᾶσσα), «ущеліе, долина», также сопоставляемаго съ скр. gāhatē, то ср. латышск. pagâza «Abhang eines Hügels».

Лит. aukauti.

Къ указаннымъ уже (ср. мои Латышскіе предлоги I, 60) слѣдамъ префикса au- въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ можно прибавить еще лит. глаголъ aukauti изъ au-kauti «уби(ва)ть» (ср. латышск. nûkaût «убить»). Теперь, правда, этотъ глаголъ переводятъ «жертвовать» (такъ Гейтлеръ [1]) въ Lit. Studien и Лескинъ въ Bildung der Nomina im Lit. 229) и производятъ отъ auka «жертва» (тамъ же у Гейтлера и Лескина и также у Межиниса). Но если взять примѣры употребленія

1) При этомъ Гейтлеръ приводитъ (изъ недоступнаго мнѣ рукописнаго сочиненія Довконта) не aukauti, но aukûti; но такъ какъ Г. отъ глаголовъ вообще приводитъ форму инфинитива, и основа praeteriti отъ -auti и -ûti одинаково оканчивается на -avo-, то позволительно думать, что Г. въ данномъ мѣстѣ Довконта читая именно форму, произведенную отъ этой основы praeteriti, по недоразумѣнію образовалъ къ ней инфинитивъ aukûti. Въ текстѣ приведены мною формы изъ Довконта, несомнѣнно произведенныя отъ aukauti.

его у Довконта: tû tau ... aukauiem (Лит. хрест. 192,44); mesa aukautuiu giwolû (ibid. 193,5; ср. еще 196,38 и 45), то тутъ aukauti могло бы имѣть еще значеніе «закалать (жертвенное животное)». Послѣ того какъ префиксъ au- вышелъ изъ употребленія въ литовскомъ языкѣ, да и простой глаголъ kauti сталъ мало употребляться (Куршатъ приводитъ его только въ скобкахъ и безъ знака ударенія) и измѣнять свое значеніе (ср. apkáuti «оковать» у Юшкевича), не удивительно, что aukauti стали считать производнымъ глаголомъ на -auti, тѣмъ болѣе что спряженіе aukáuti (если удареніе таково) ничѣмъ не отличалось отъ спряженія, наприм., karáuti «воевать», если и въ литовскомъ языкѣ (какъ еще теперь въ части латышскихъ говоровъ) основа praeteriti глагола káuti прежде оканчивалась на *-o* (= лат. *-ā*) съ краткимъ гласнымъ въ корнѣ. И такъ какъ рядомъ со многими глаголами на -auti стоятъ существительныя (отъ которыхъ произведены эти глаголы), то рядомъ съ aukauti (когда происхожденіе и первоначальное значеніе его было забыто) могло возникнуть существительное auka «жертва». Если послѣднее слово встрѣчается впервые у Довконта, то оно вѣроятно новообразованіе самого Довконта; ср. Лит. хрест. 192,39, гдѣ онъ, употребивъ слово auka, самъ поясняетъ его словомъ apĕrà. Отъ auka произведены формы aukuras (у Довконта; можетъ быть, его новообразованіе: употребивъ его, онъ поясняетъ его словомъ altorius. Окончаніе, можетъ-быть, обусловлено глаголомъ kùrti) или (у Межиниса) aukaras «алтарь» (подъ вліяніемъ этого русскаго слова вѣроятно тутъ измѣнено окончаніе литовской формы) и aukininkas (у Гейтлера) «жертвователь».

Скр. garjati.

Къ скр. garjati «brüllt, brummt, braust» ближе всего въ формальномъ отношеніи стоитъ лит. gargéti «булькать» и gargũti «хрипѣть» (у Юшкевича), латышск. gàrgt (наст. вр. gàrdzu) «хрипѣть».

Латышск. prēde «сосна».

Г. Мейеръ (Etymol. Wörterb. d. alban. Spr. 45 сл.), разсуждая о происхожденіи алб. breϑ-δi (основа: breδ-) «Tanne», указываетъ между прочимъ также на лат. prēde. Но лат. *p*- не соотвѣтствуетъ алб. *b*- (если тутъ не допускаемъ чередованія между tenuis и media). Можетъ-быть, prēde получилось (путемъ перестановки r) изъ * pēdre (ср. латышск. діал. brede изъ bedre «яма», діал. strēbs изъ stēbrs «Binse»=лит. stembras «Stengel»); если это такъ, и если *ē* изъ *en*, то prēde можно сопоставлять съ латинск. pīnus, гр. πίτυς, скр. pītu-dāru-.

Латышск. liškis «льстецъ».

Какъ kumškis изъ * kumstis «горсть», īkškis изъ īkstis «большой палецъ» (ср. мои Латышскіе предлоги I, 34), такъ и liškis могло образоваться изъ * listis и въ такомъ случаѣ очевидно родственно съ гот. lists, црксл. *льсть*.

Латышск. kukt.

Словарь Ульмана даетъ kukt съ примѣромъ vista stāv sakukusi «das Huhn lässt die Flügel hängen». Другой примѣръ: apkuka iz goɫda i nůmyra Zbiòr XVIII 385 «oparɫ się (переводъ, вѣроятно, не совсѣмъ точный) na stole i umarɫ». Это kukt очевидно родственно съ латышск. kukn̊ut «hocken», польск. kuczeć «hocken», скр. kucati или kuñcatē «zieht sich zusammen, krümmt sich» и др.; ср. также лит. форму sukůkę у Буги Aist. Studijai I, 25.

Латышск. sudmalas «мельница».

Въ виду формъ sādmales изъ * sętmales «eine Art von Zaun» (Bezzenberger, Lettische Dialekt-Studien 175) и padmalis изъ * patmalis «mola» (въ словарѣ Эльгера 637) я возвожу sudmalas къ * sutmalas и производу sut- отъ suta «паръ».

Латышск. dunêt «dröhnen».

Это слово очевидно родственно съ скр. dhvanati «tönt», dhuniș «rauschend, brausend», древнесакс. dunjan и др.

Авест. naēza-.

Авест. naēza- «Spitze (spez. der Nadel)», можетъ-быть, родственно съ скр. nikșati (изъ * nighseti) «durchbohrt», nēkșaṇam «spitzer Stab, Spiess», цркcл. ньзж «infigo», низати «transfigere», лит. nëžëti, латышск. nēzêt «зудѣть, чесаться», лит. nëžaĩ «чесотка», ср. v. Fierlinger KZ. XXVII 436, Johansson IF. II, 51[2]. Отъ того же корня вѣроятно происходитъ и авест. naēza- «Name einer Krankheit»; чесотка, правда, въ Авестѣ называется garənu-, но ср. напр. латышск. dūrèjs «колотье (въ животѣ или въ боку)» отъ dur̃t «колоть».

Латышск. nasks «hurtig».

Это слово, можетъ быть, восходитъ къ * na(g)skus отъ nags «ноготь»; ср. (относительно значенія) лат. nadzîgs «hurtig» (отъ nags), (относительно суффикса) лит. ėskus «gefrässig» отъ * ėd-skus (напр. въ Lit. Studien Гейтлера) и (относительно перехода -gsk- въ -sk-) мои латышскіе предлоги I, 35. Однозначащее съ nasks слово knašs изъ *knasus, можетъ-быть, путемъ перестановки изъ * naskùs.

Латышск. birde «Webergestell».

Это слово очевидно родственно съ праслав. *бьрдо, откуда русск. бёрдо и др., на что не указано въ словарѣ Бернекера.

И. Эндзелинъ.

Замѣтка о грамотахъ митрополита Макарія.

Въ 4-ой книжкѣ Извѣстій за 1907 годъ (томъ XII) помѣщена статья: «М. П. П—ій. Объ одномъ посланіи митрополита Макарія Новгородскому архіепископу Пимену. (По рукописи XVII вѣка)». Напечатанная здѣсь (стр. 142—143) копія грамоты митрополита Макарія была уже раньше издана, по лучшему списку, хронографу Чудова монастыря № 53/354, «конца XVI вѣка»: «Библіографическіе матеріалы, собранные А. Н. Поповымъ и изданные подъ редакціею М. Сперанскаго», № 19: Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей, 1889, кн. 3 (150), стр. 34 — 36. Тутъ же и мнѣніе А. Н. Попова о грамотѣ: она де составляетъ начало второй грамоты, напечатанной въ А. А. Э., т. I, № 253, стр. 276—277: о священникѣ, не окончившемъ литургіи, по причинѣ случившагося съ нимъ припадка.

Въ «дополненіяхъ» къ «Библіографическимъ матеріаламъ» редакторъ высказалъ и свое мнѣніе: «изданную выше (стр. 34 и сл.) грамоту я считаю не началомъ грамоты объ обмертвѣвшемъ священникѣ, а отдѣльной самостоятельной грамотой». (Стр. 59).

Могу добавить слѣдующее. Въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д., подъ № 748/1277, хранится рукописный

сборникъ. Здѣсь на лл. 453—456 об., писанныхъ скорописью XVII вѣка, находимъ:

(л. 453—454). Повесть и благословеніе пресвященаго Макарія, митрополита всеа Росіи. О святемъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смиренія, Пимину, архіепископу Великаго Нова града и Пъскова. Писалъ еси къ намъ во своей грамотѣ, что къ тебѣ приходилъ изъ Новогородскіе волости, отъ нѣкоей веси мирской священникъ, на Обрѣзаніе Господне..... См. Извѣстія 1907, кн. 4, стр. 142—143. Чтенія 1889, кн. 3, стр. 34—36.

Архивскій списокъ исправнѣе списка М. П. П—аго, напр. у М. П. П—аго: «И извещеных правилѣ смотрѣвъ о томъ указу не обрѣтохом же». Въ Архивскомъ спискѣ: (л. 453). И мы во священныхъ правилѣхъ смотрѣвъ о томъ указу не обрѣтохомъ же.

У М. П. П—аго: «а будетъ не готов имя и причастные молитвы не говорены». Въ Архивскомъ спискѣ: (л. 453 об.) а будетъ не готовился и причастныя молитвы не говорены.

И сравнительно съ Чудовскимъ спискомъ, списокъ Архивскій представляетъ нѣкоторые варіанты, небольшіе. Приведу два. Въ Архивскомъ спискѣ: (л. 453 об.) и сказа имъ со слезами случившееся ему. Они же повелѣша ему з горняго мѣста со всякимъ опасеніемъ итьти... Въ Чудовскомъ спискѣ: «и сказа имъ со слезами случшаяся ему вся на горнемъ мѣсте; они же, разсудителныя отцы, слышавъ таковая случшаяся прозвитеру священноиноку, повелѣша ему з горняго мѣста со всякимъ опасеніемъ итти»... (Стр. 36).

Въ Архивскомъ спискѣ: (л. 453 об.) Ина повесть[1]). Въ тѣхъ же древнихъ отецъ повѣстехъ обносится... Въ Чудовскомъ спискѣ: «ина повесть» нѣтъ, равно какъ и у М. П. П—аго.

Послѣ грамоты, напечатанной, какъ уже указано, въ Чтеніяхъ и въ Извѣстіяхъ, въ Архивскомъ спискѣ слѣдуетъ:

1) Киноварью.

(л. 454) Ина повесть[1]) и благословеніе пресвященнаго Макарія, митрополита всеа Русіи. Благословеніе пресвященнаго Макарія, митрополита всеа Русіи, о Святемъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смиренія Пимину, архіепископу Великаго Нова града и Пъскова. Писалъ еси къ намъ во своей грамотѣ, что пріежжалъ къ тебѣ Юрьевской архимаритъ Генадеи о своемъ дѣле.... См. А. А. Э., т. I, № 253, стр. 275—276.

Укажу одинъ варіантъ. Въ Архивскомъ спискѣ: (л. 455) И ты бы имъ по тѣмъ священнымъ правиламъ указъ учинилъ. А о прочихъ о многихъ различныхъ вещехъ душевныхъ и телесныхъ.... Въ А. А. Э., стр. 276: «И ты бы имъ, по тѣмъ священнымъ правиломъ, указъ учинилъ по тому. А милость Божія и пречистыя Богородицы, и великихъ Чюдотворцевъ молитва и благословеніе, да и нашего смиренія благословеніе, да есть всегда съ твоимъ святительствомъ во вѣки, аминь.

А о прочихъ о многихъ различныхъ вещехъ душевныхъ и тѣлесныхъ»...

Для краткости и во избѣжаніе недоразумѣній, назовемъ А грамоту, напечатанную въ Чтеніяхъ (стр. 34—36) и въ Извѣстіяхъ (стр. 142—143). Обозначимъ черезъ Б ту часть № 253 А. А. Э., гдѣ находится разрѣшеніе случая о священноинокѣ Юрьева монастыря Авраміи, служившемъ божественную литургію безъ епитрахили (А. А. Э., т. I, 275—276). Наконецъ, остальную часть № 253 А. А. Э., которая начинается словами: «А о прочихъ о многихъ различныхъ вещехъ душевныхъ и тѣлесныхъ» (А. А. Э., т. I, 276—277), назовемъ В.

Мнѣ кажется, что Архивскій списокъ лишь подтверждаетъ обоснованное предположеніе редактора «Библіографическихъ матеріаловъ», что А есть «отдѣльная самостоятельная грамота».

---

1) Киноварью.

Далѣе, обратимъ вниманіе на конецъ Б. Въ «Библіографическихъ матеріалахъ А. Н. Попова» говорится: «Чудовской списокъ имѣетъ въ концѣ дату, которой не достаетъ въ изданіи[1]): за словами: «съ твоимъ святительствомъ, во вѣки аминь» — «Писана на Мѡсквѣ лѣта ҂зѯд҃ декабря въ ні҃ (л. 165)» [2]). Итакъ, Б, повидимому, тоже отдѣльная грамота?

Но съ Б слито В въ Синодальномъ спискѣ[3]) и особенно въ Архивскомъ спискѣ. Самое начало В: «А о прочихъ о многихъ различныхъ вещехъ душевныхъ и телесныхъ, иже въ мірѣ человѣкомъ случается, въ правилехъ не о всемъ писано»....[4]), такое начало свидѣтельствуетъ, что В не есть отдѣльная грамота.

Для категорическаго рѣшенія вопроса о соотношеніи А, Б, В, несомнѣнно, нужны еще списки, кромѣ уже извѣстныхъ. Но этотъ вопросъ уяснился бы и теперь, если бы предположить, что запись Чудовскаго списка, которой оканчивается л. 164 об.: «Писана на Мѡсквѣ лѣта ҂зѯд҃ декабря въ ні҃», относится не къ концу гл. 41-ой (т. е. къ концу Б), а къ главѣ 42-ой (т. е. къ А), которая начинается съ л. 165 и идетъ вслѣдъ за указанной датой[5]). Въ такомъ случаѣ грамота А относилась бы къ 18-му декабря 7063 года, а Б и В къ 6-му февраля 7066 года. Такая хронологическая послѣдовательность и соотношеніе списковъ были бы согласны съ одной стороны съ содержаніемъ А, съ другой Б и В. И соединеніе Б и В въ одну грамоту наблюдается въ спискахъ Архивскомъ и Синодальномъ.

Г. Кунцевичъ.

---

1) Т. е. въ А. А. Э., т. I, № 253, стр. 275—276.

2) Чтенія, 1889, кн. 3. Библіографическіе матеріалы, № 19, стр. 34.

3) № 253, тома I, А. А. Э. «изъ сборника (XVII вѣка, in 4°, л. 44—48), хранящагося въ Московской Синодальной библіотекѣ подъ № 850».

4) Архивскій списокъ, л. 455—455 об.; А. А. Э., т. I, 276.

5) См. Чтенія, 1889, кн. 3, стр. 34, въ № 19 «Библіографическихъ матеріаловъ А. Н. Попова». Къ сожалѣнію, я не видѣлъ Чудовской рукописи.

Нѣсколько словъ по поводу рецензіи проф. Е. Ѳ. Будде на мое сочиненіе

«Общій курсъ русской грамматики (1904)».

Настоящая моя замѣтка вызвана тѣмъ, что проф. Е. Ѳ. Будде въ трудѣ своемъ по исторіи литературнаго русскаго языка, составляющемъ 12-ый выпускъ Энциклопедіи славянской филологіи (1908 г.), указывая на стр. 132-ой «важныя» пособія, называетъ и мою книгу «Общій курсъ русской грамматики», но цитируетъ ее въ первомъ ея изданіи съ указаніемъ своей рецензіи на нее въ Изв. отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ, т. X (1905), кн. 1, стр. 415—441 (отд. отт. стр. 1—27); при этомъ онъ не упоминаетъ, что мой трудъ въ 1907 г. появился во второмъ исправленномъ и значительно дополненномъ изданіи, гдѣ я воспользовался по мѣрѣ возможности и всѣми указаніями критики, такъ какъ ставилъ цѣлью своего труда удовлетворить настоятельной потребности преподавателей русскаго языка въ такомъ грамматическомъ пособіи, которое отвѣчало бы современному состоянію науки о языкѣ. Этимъ объясняется и то, что я въ теченіи долгаго времени не отвѣчалъ на упомянутую рецензію проф. Будде, намѣреваясь дать отвѣтъ на существенную часть ея уже дѣломъ, т. е. соотвѣтствующими дополненіями и разъясненіями въ новомъ изданіи моей книги. Теперь же мнѣ хочется остановиться на тѣхъ сторонахъ рецензіи, которыя, ничего не при-

бавляя существеннаго, лишь уменьшають ея полезность. Я имѣю въ виду неправильные критическіе пріемы проф. Будде, которыми изобилуеть его статья и изъ которыхъ я остановлюсь здѣсь на трехъ болѣе важныхъ.

1) Разбирая извѣстное положеніе книги, рецензентъ трактуетъ его не съ точки зрѣнія автора, а согласно своему намѣренію, вслѣдствіе чего опровергается не положеніе автора, а созданная критикомъ фикція. Примѣръ: на стр. 43 моей книги я перечисляю факторы фонетическаго развитія языка, къ первой группѣ которыхъ отношу факторы физіологическіе; рецензентъ (стр. 11), не вникая въ смыслъ моей классификаціи, упрекаетъ меня въ томъ, что будто бы въ данномъ случаѣ въ моемъ трудѣ «факторами *физіологическими* названы собственно факторы *фонетическіе*». Затѣмъ, идя дальше, рецензентъ съ помощью того же пріема находитъ, что будто бы я смѣшиваю фонетику и физіологію звуковъ, равно какъ сторону произведенія звуковъ и ихъ слышанія, и доходитъ до того, что для моего назиданія присоединяетъ списокъ всѣмъ хорошо извѣстныхъ сочиненій по звуковой физіологіи (стр. 9).

2) Близко къ указанному стоитъ пріемъ, заключающійся въ томъ, что рецензентъ дѣлаетъ возраженіе, игнорируя оговорки автора, которыя не даютъ мѣста такому возраженію. Такъ, въ примѣръ яко бы отжившихъ взглядовъ критикъ указываетъ (стр. 4, 13) на мое изложеніе т. наз. *подъема*, и этотъ упрекъ онъ позволяетъ себѣ сдѣлать, не смотря на то, что въ моей книгѣ буквально имѣется слѣдующее замѣчаніе: «терминъ «подъемъ», иначе—«усиленіе», теперь можетъ считаться уже устарѣвшимъ, благодаря освѣщенію даннаго вопроса съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, которая показала, что здѣсь имѣются обычныя чередованія гласныхъ безъ какого-либо ихъ усиленія». Очевидно, что я удерживаю лишь прежній терминъ, но придаю ему новое значеніе.

3) Вмѣсто того, чтобы разубѣдить автора въ томъ или другомъ его воззрѣніи и подвергнуть послѣднее анализу, рецензентъ

приводитъ въ противовѣсъ воззрѣніе лица, пользующагося въ глазахъ критика безусловнымъ авторитетомъ, и думаетъ, что этого достаточно для опроверженія. Примѣромъ такого пріема можетъ служить возраженіе противъ моего пониманія *сонорности* звуковъ рѣчи, при чемъ рецензентъ противопоставляетъ общеизвѣстное распредѣленіе звуковъ рѣчи по Зиверсу (стр. 5—6). Однако проф. Будде не обратилъ вниманія на то, что у самого Зиверса ученіе о сонорности звуковъ представлено далеко не въ столь рѣшительной формѣ и что и другіе изслѣдователи, какъ напр. Jespersen, подобно мнѣ также не удовлетворяются этимъ ученіемъ. Свое воззрѣніе на сонорность я и теперь продолжаю считать болѣе правильнымъ по сравненію съ ученіемъ Зиверса и удерживаю въ моемъ послѣднемъ, пока еще не напечатанномъ, изслѣдованіи по физіологіи звуковъ общерусскаго языка, составленномъ для Энциклопедіи славянской филологіи. Проф. Будде настолько увлекается пріемомъ цитированія авторитетовъ, что, желая доказать (стр. 18), будто я при разъясненіи соотношенія между синтаксисомъ и логикою смѣшиваю эти понятія, прибѣгаетъ къ формулѣ акад. Ф. Ѳ. Фортунатова, которая однакожъ въ сущности не стоитъ въ противорѣчіи съ моимъ воззрѣніемъ (срв. также во 2-омъ изданіи моей книги сноску на стр. 241—242).

При помощи подобныхъ критическихъ пріемовъ проф. Будде безъ труда открываетъ въ разбираемой имъ книгѣ рядъ мнимыхъ неточностей, противорѣчій, заблужденій, отжившихъ взглядовъ, иногда доходя даже до комичнаго, какъ напр. въ случаѣ съ подъемомъ. Все это въ изобиліи сопровождается знаками восклицанія и фельетоннымъ лиризмомъ, въ которыхъ нѣтъ никакой надобности при оцѣнкѣ научныхъ трудовъ.

Въ заключеніе позволю себѣ еще указать на одну странность рецензіи г. Будде. Приступая къ своему разбору, критикъ предупреждаетъ своихъ читателей, что разсматриваемый имъ трудъ «написанъ не спеціалистомъ по русскому языку, т. к. профессоръ В. А. Богородицкій—докторъ сравнительнаго языко-

вѣдѣнія» (стр. 1). Неужели проф. Будде серьезно убѣжденъ въ томъ, что только дипломъ даетъ право считаться спеціалистомъ въ той или другой вѣтви знанія? Съ своей стороны замѣчу, что до прибытія проф. Будде въ Казань я почти ежегодно читалъ лекціи и по предмету русской грамматики, результатомъ которыхъ является моя книга, въ виду чего я не могу считать себя такимъ новичкомъ въ области научнаго изученія русскаго языка, какимъ рекомендуетъ меня своимъ читателямъ проф. Будде. По той же причинѣ я считаю необоснованнымъ и нѣсколько странный силлогизмъ г. Будде (стр. 26), что моя книга «написана очень бѣгло и потому поверхностно»; впрочемъ и самъ рецензентъ по-видимому впослѣдствіи измѣнилъ свой взглядъ, занося мою книгу въ списокъ «важныхъ» пособій.

В. Богородицкій.

Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію востока.

(По поводу неизданнаго письма Грибоѣдова къ акад. Френу).

Изъ русскихъ писателей XIX столѣтія наибольшій интересъ къ востоку проявилъ А. С. Грибоѣдовъ. Этотъ интересъ выразился у автора «Горя отъ ума» не только въ литературномъ использованіи восточныхъ темъ и мотивовъ [1]), но и въ изученіи языковъ, литературъ, исторіи и преданій нѣкоторыхъ народовъ ближняго, преимущественно мусульманскаго, востока. Объ этихъ «восточныхъ этюдахъ» Грибоѣдова мы можемъ составить себѣ достаточное представленіе, какъ на основаніи дошедшихъ до насъ его статей, замѣтокъ, служебныхъ донесеній и частной переписки [2]), такъ и благодаря стороннимъ (частнымъ и оффиціальнымъ) указаніямъ и свидѣтельствамъ.

Въ качествѣ матеріала, дающаго намъ возможность судить объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію востока, можетъ служить также помѣщаемое ниже письмо его къ академику Хр. Френу,

---

1) Сюда относятся, напр., слѣдующія произведенія Грибоѣдова: «Хищники на Чегемѣ» (1825), «Грузинская ночь» (1827 — 1828), «Кальянчи» (безъ даты), планъ трагедіи «Родамистъ и Зенобія» (1819—1828?) и др.

2) При изученіи работъ Грибоѣдова мы пользовались изданіемъ проф. И. Шляпкина—«Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова», 2 тома, Спб., 1899, которое при цитированіи и ссылкахъ будемъ обозначать сокращенно: П. С. Соч. I или II.

остававшееся до сихъ поръ неизданнымъ и хранящееся, въ числѣ другихъ писемъ къ знаменитому оріенталисту, въ Азіатскомъ музеѣ Императорской академіи наукъ.

I.

Въ іюлѣ 1818 г. Грибоѣдовъ былъ назначенъ секретаремъ при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи — С. И. Мазаровичѣ и въ концѣ августа выѣхалъ изъ С.-Петербурга — черезъ Тифлисъ — въ Тавризъ, тогдашнюю резиденцію русской и другихъ миссій.

Эта должность, какъ извѣстно, была принята далеко неохотно Грибоѣдовымъ, для котораго дипломатическая служба на востокѣ нисколько не представлялась привлекательной и соотвѣтствующей его внутреннимъ наклонностямъ [1]). Вполнѣ естественными, поэтому, являются съ его стороны попытки найти болѣе или менѣе подходящую работу, которая была бы способна дать, до извѣстной степени, удовлетвореніе его духовнымъ запросамъ. Эта работа открылась для него отчасти въ литературномъ творчествѣ, отчасти въ изученіи той новой среды, въ которой онъ очутился противъ своего желанія [2]). Въ данномъ случаѣ насъ, именно, интересуетъ послѣднее.

Просматривая «Путевыя письма» Грибоѣдова, мы не можемъ не замѣтить, что уже на первыхъ шагахъ, по пути въ Персію, молодой дипломатъ начинаетъ интересоваться прошлымъ проѣзжаемой мѣстности: онъ обращаетъ вниманіе на старинные памятники архитектуры (мостъ черезъ р. Храмъ, П. С. Соч. I, стр. 32—33), приводитъ, вспоминая Куру, находящееся у Стра-

1) См. письмо Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву, отъ 15-го апрѣля 1818 г. (П. С. Соч. I, стр. 162 и слѣд.)

2) Срв. въ статьѣ проф. Алексѣя Веселовскаго — «Грибоѣдовъ» въ его сборникѣ «Этюды и характеристики», М. 1894, стр. 512—513.

бона названіе этой рѣки («на Курѣ, древней Царугѣ[1]) Страбона», ib., стр. 33), а по поводу одного горнаго пейзажа вспоминаетъ объ извѣстныхъ ему изъ описаній развалинахъ Персеполя («въ виду у меня скала съ уступами, точно какъ та, къ которой, по описанію, примыкаютъ развалины Персеполя», ib., стр. 34).

Насколько сильно начинаетъ захватывать Грибоѣдова интересъ къ невѣдомому, прельщающему своею новизною краю, можно заключить по слѣдующимъ, вырвавшимся у него, словамъ: «Одна бѣда: скудность познаній объ этомъ краѣ бѣситъ меня на каждомъ шагу. Но думалъ ли я, что поѣду на востокъ? Мысли мои никогда сюда не были обращены» (ib., стр. 35). Съ тѣмъ бо́льшимъ вниманіемъ онъ начинаетъ присматриваться къ новому для него міру. Въ письмѣ изъ Эривани (отъ 4 февраля 1819 г.), въ которомъ описывается посѣщеніе дома Мегметъ-бея и его визитъ, Грибоѣдовъ довольно обстоятельно отмѣчаетъ особенности персидскаго склада жизни и приводитъ фразеологію и церемоніалъ восточнаго гостепріимства, какъ напр. характерное заявленіе брата хозяина дома, что «домъ, услуга и даже собственная особа намъ [т. е. гостямъ] принадлежитъ» (ib., стр. 40); упоминая объ англичанинѣ, переводящемъ «альбіонское строевое ученіе» на персидскій, называетъ этотъ языкъ «фарсійскимъ языкомъ» (переводъ съ ново-персидскаго: *zebān-e-fārsī*); не забываетъ также Грибоѣдовъ занести въ свое письмо и присланнаго въ даръ эриванскимъ сардаремъ съ охоты дикаго барана и отмѣтить необходимость, согласно обычаю, «отдаривать» подобные подарки. Но самое интересное въ данномъ письмѣ, это — мысль о нѣкоторомъ сходствѣ стариннаго русскаго быта, къ которому Грибоѣдовъ, какъ извѣстно, питалъ особыя симпатіи, съ персидскимъ (или, вообще, съ восточнымъ) складомъ жизни[2]).

---

1) Чтеніе *Царугъ* слѣдуетъ исправить въ *Цирусъ*. Грибоѣдовъ привелъ греческую форму названія рѣки Куры (Κῦρος) въ русской транскрипціи соотвѣтствующей латинской формы (Цирусъ—Cyrus).

2) Сходныя явленія русской и восточной жизни Грибоѣдовъ отмѣчаетъ также по поводу сказаннаго въ «Древней Вивл.», ч. 20, стр. 238, объ уничтоженіи Петромъ стрѣлецкаго войска. Вотъ его слова: «Наше отечество въ концѣ

«.... Я перенесся,—пишетъ онъ,—за двѣсти лѣтъ назадъ, въ нашу родину. Хозяинъ представился мнѣ въ видѣ добродушнаго москвитянина, угощающаго пріѣзжихъ изъ нѣмцевъ, фараши [арабское, перешедшее въ персидскій, farraš «слуга, постельничій»] его домочадцами, самъ я — Олеарій. Крѣпкіе напитки, сырые овощи и блюдца съ сахарными брашнами, все это способствовало къ переселенію моихъ мыслей въ нашу сѣдую старину....» (ib., стр. 41). Не менѣе наблюдательности и интереса къ обстановкѣ персидской жизни мы видимъ и въ другихъ письмахъ Грибоѣдова, напр. въ письмѣ изъ Эривани (отъ 8 февраля 1819 г.), въ которомъ описывается аудіенція у мѣстнаго сардаря Гуссейнъ-хана (ib., стр. 42 и слѣд.).

Поселившись въ Персіи, Грибоѣдовъ началъ серьезно знакомиться съ мѣстными древностями, изучать бытовыя особенности страны и присматриваться къ укладу ея жизни. Въ тоже время съ особеннымъ интересомъ онъ принялся за занятія персидскимъ, а также и арабскимъ языкомъ, и отголоски этихъ занятій мы находимъ въ его письмѣ изъ Тавриза къ П. А. Катенину (февраль, 1820 г.), въ которомъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующія строки: «Не воображай меня однако слишкомъ жалкимъ. Къ моей скукѣ я умѣлъ примѣшать разнообразіе, распредѣлилъ часы; скучаю попеременно то съ Лугатомъ Персидскимъ[1]), за который не принимался съ сентября, то съ дѣловыми бездѣльями, то въ разговорахъ съ товарищами.... Изъ всего надо пользу

XVII ст. было болѣе предано восточнымъ обычаямъ....» (П. С. Соч. I, стр. 74).

Повидимому, мысль о культурномъ сходствѣ старой Руси съ востокомъ— фактъ, выясненный теперь во многихъ подробностяхъ (этнографическихъ, лингвистическихъ и пр.) — неоднократно была высказываема Грибоѣдовымъ. Это можно заключить также изъ того обстоятельства, что въ извѣстномъ памфлетѣ Булгарина «Литературные призраки» (о которомъ намъ еще предстоитъ говорить) въ уста Талантина (подъ которымъ выведенъ Грибоѣдовъ) вложены, между прочимъ, слѣдующія слова: «Востокъ.... тѣмъ занимательнѣе для Русскихъ, что мы имѣли съ древнихъ временъ сношенія съ жителями онаго» (ib., I, стр. 375).

1) *Лугатъ* (араб. لغة—luγat) значитъ «словарь».

получить, и ты изъ моего письма научись чему-нибудь. Вотъ тебѣ арабскій стихъ:

شرّالبلا اذ كان لا صديق

Шаруль-бело изъ кана ла садыкъ (Величайшее несчастіе, когда нѣтъ истиннаго друга). NB. C'est un peu de l'instruction de la veille, car je ne sais pas encore un mot d'Arabe, aussi vous n'aurez pas le vers traduit....»[1]) (ib., стр. 172—173). Въ дополненіе интересно также привести выдержку изъ приписки Грибоѣдова на оборотѣ черноваго письма къ кн. А. А. Шаховскому (?), изъ Тавриза, отъ 17 ноября 1820 г., которая гласитъ: «Les connaissances que je possède se réduisent à celles des langues: Slavone et Russe, Latine, Française, Anglaise, Allemande. Durant ma station en Perse je me fais appliqué au Persan et à l'Arabe....» (ib., стр. 174).

Важное указаніе на занятія Грибоѣдова восточными языками мы находимъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ «записки» его близкаго друга, С. Н. Бѣгичева: «Трехлѣтнее, если не ошибаюсь, его [Грибоѣдова] пребываніе въ Персіи и уединенная жизнь въ Таврисѣ сдѣлали Грибоѣдову большую пользу.... Онъ много читалъ по всѣмъ предметамъ, по всѣмъ отраслямъ наукъ и много учился. Способность его къ изученію языковъ была необыкновенная: онъ *совершенно* узналъ персидскій языкъ, прочелъ всѣхъ персидскихъ поэтовъ и самъ могъ писать стихи на этомъ языкѣ. Началъ онъ также учиться и санскритскому языку, но ученья этого не кончилъ». (Д. А. Смирновъ — «Біографич. извѣстія о Грибоѣдовѣ» въ «Бесѣдахъ въ обществѣ любит. росс. слов. и пр.», вып. II, отд. II, стр. 18). Что касается изученія санскритскаго языка, упоминаемаго, насколько намъ извѣстно, лишь однимъ Бѣгичевымъ, — то, быть можетъ, будетъ не особенно далекимъ отъ истины предположеніе, что Грибоѣдовъ могъ на-

---

1) Вотъ болѣе точная латинская транскрипція приведеннаго «арабскаго стиха»: šarru-l-bilā °iδ kāna lā ṣadīqa.

чать свои занятія санскритомъ подъ руководствомъ одного изъ членовъ англійской миссіи въ Тавризѣ, среди состава которой могли находиться также и лица, знакомыя съ литературнымъ языкомъ древней Индіи.

Не менѣе важны и указанія Н. Н. Муравьева (Карскаго)— въ его «Запискахъ» — относительно занятій Грибоѣдова восточными языками. Прибывъ въ началѣ января 1822 г. въ Тифлисъ, Муравьевъ навѣстилъ Грибоѣдова и подъ «25-мъ» числомъ этого мѣсяца занесъ: «Провелъ вечеръ у Грибоѣдова. Нашелъ его перемѣнившимся противъ прежняго. Человѣкъ сей очень уменъ и имѣетъ большія познанія» («Русс. архивъ», 1888, т. II, стр. 104). Черезъ нѣсколько дней, 2-го февраля, Муравьева навѣстилъ Грибоѣдовъ и подъ этимъ числомъ мы читаемъ: «Пришелъ ко мнѣ обѣдать Грибоѣдовъ; послѣ обѣда мы сѣли заниматься и просидѣли до половины одинадцатаго часа: я училъ его по турецки, а онъ меня по персидски. Успѣхи, которые онъ сдѣлалъ въ персидскомъ языкѣ, учась одинъ, безъ помощи книгъ, которыхъ у не тогда не было, [удивительны] [1]) (ib., стр. 104—105) [2]).

Особенно многочисленны свидѣтельства о познаніяхъ Грибоѣдова въ персидскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ документахъ. Хотя эти свидѣтельства имѣютъ значеніе только на ряду съ другими, тѣмъ не менѣе мы считаемъ нелишнимъ сгруппировать и ихъ въ качествѣ дополнительнаго матеріала по интересующему насъ вопросу.

Когда главноначальствующій на Кавказѣ ген. А. П. Ермоловъ возобновилъ свое ходатайство передъ графомъ К. В. Нессельроде о награжденіи чиномъ Грибоѣдова (въ ноябрѣ 1821 г.),

1) Заключенное въ [ ] добавлено изъ перепечатки въ «Хронологич. канвѣ для изученія біографіи А. С. Грибоѣдова» проф. Шляпкина, П. С. Соч. I, стр. XV.

2) Занятія эти (см. также подъ числами 3 и 5 февраля) чуть было не закончились ссорою Грибоѣдова съ Муравьевымъ, о чемъ см. въ «Запискахъ», подъ 6-мъ февраля.

онъ, между прочимъ, обращалъ вниманіе графа на то обстоятельство, что Грибоѣдовъ «знаетъ хорошо и въ правилахъ персидскій языкъ и уже занимается въ переводѣ при Мазаровичѣ важнѣйшихъ бумагъ....» (Берже—«А. С. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ. 1818 — 1825» въ «Русс. старинѣ», 1874, окт., стр. 287). Особенно интереснымъ является отношеніе ген. Ермолова, отъ 12 января 1822 г., къ гр. Нессельроде, въ которомъ онъ приводитъ мотивы, побудившіе его оставить Грибоѣдова при себѣ, въ Тифлисѣ, и, такимъ образомъ, удалить отъ поста секретаря русской миссіи въ Персіи. Главною побудительною причиною Ермоловъ выставляетъ наклонность Грибоѣдова къ изученію восточныхъ языковъ, чѣмъ можно было бы воспользоваться при основаніи школы восточныхъ языковъ, каковая имѣлась въ виду правительствомъ [1]).

Мы не станемъ приводить другихъ свидѣтельствъ оффиціальныхъ документовъ [2]) и лишь отмѣтимъ, что, перейдя въ 1822 г. на службу въ Тифлисъ, къ Ермолову, Грибоѣдовъ продолжалъ

---

1) Считаемъ нелишнимъ привести соотвѣтствующую выдержку изъ этого отношенія Ермолова: «... съ сожалѣніемъ долженъ я удалить его [Грибоѣдова] отъ занимаемаго имъ мѣста [секретаря миссіи], но зная отличныя способности сего молодого человѣка и желая воспользоваться пріобрѣтенными имъ въ знаніи арабскаго языка успѣхами, я просить в. с. покорнѣйше имѣю честь, опредѣлить его при мнѣ секретаремъ по иностранной части.... Во-первыхъ, пользованіе находящимися здѣсь минеральными водами возвратитъ ему здоровье и онъ, при наклонности его къ изученію восточныхъ языковъ, начавъ уже заниматься арабскимъ языкомъ, какъ основаніемъ всѣхъ прочихъ [имѣется въ виду, конечно, значеніе арабскаго для персидскаго и турецкаго языковъ!], имѣетъ здѣсь все средство усовершенствовать свои познанія; во-вторыхъ, и что почитаю я главнѣйшимъ предметомъ, со временемъ в. с. можете препоручить ему заведеніе школы восточныхъ языковъ, на что не щадите Вы ни попеченія, ни издержекъ, но, по необходимости, должны заимствоваться свѣдѣніями иноземцевъ, и что безпрекословно полезнѣе ввѣрять природнымъ...» (ib., стр. 288).

2) Эти свидѣтельства мы находимъ въ отношеніи К. К. Родофиникина дир. азіатс. департамента мин. иностр. дѣлъ) къ гр. Паскевичу, въ которомъ онъ извѣщаетъ объ опредѣленіи Грибоѣдова въ званіе полномочнаго министра при тегеранскомъ дворѣ. (См. у Берже—«А. С. Грибоѣдовъ. Дѣятельность его какъ дипломата» въ «Русс. старинѣ», 1874, ноябрь, стр. 525 и слѣд.).

свои занятія персидскимъ языкомъ. Насколько онъ старался, уже находясь внѣ Персіи, извлекать пользу для своихъ занятій изъ каждаго благопріятнаго случая, видно, между прочимъ, изъ того, что ему не казалось излишнимъ пользоваться практическими свѣдѣніями даже мѣстнаго содержателя бань Машади (о чемъ см. у Берже, ibid., стр. 289 — 290).

Наконецъ, какъ мы узнаемъ изъ статьи, озаглавленной «Алекс. Серг. Грибоѣдовъ. 1795 — 1829» («Русс. старина», 1874, іюнь, стр. 276), Грибоѣдовъ, находясь въ 1824 г. въ С.-Петербургѣ, удѣляетъ свои досуги, между прочимъ, изученію восточныхъ языковъ: «Прибывъ въ Петербургъ въ маѣ 1824 г., Грибоѣдовъ жилъ уединенно, занимаясь изученіемъ восточныхъ языковъ (подъ руководствомъ профессора Каземъ-бека и Мирзы-Джафара), правовѣдѣнія, философіи, исторіи и политической экономіи» (l. c.).

Здѣсь мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что свѣдѣнія о занятіяхъ Грибоѣдова восточными языками подъ руководствомъ Казембека не находятъ себѣ подтвержденія въ біографическихъ подробностяхъ будущаго профессора, сначала казанскаго (съ 1826 г.), а затѣмъ (съ 1849 г.) с.-петербургскаго университета. Въ этомъ отношеніи весьма цѣннымъ матеріаломъ являются тѣ оффиціальные документы, которые мы находимъ въ 1-й части VI тома «Актовъ кавказской археографической комиссіи». Изъ этихъ документовъ[1]) можно видѣть, что Казембекъ, проживая (безъ права выѣзда) въ Астрахани,

---

1) А именно n°n°: 644 (отношеніе ген. Ермолова къ гр. Нессельроде, отъ 28 октября 1824 г., № 255), 645 (отношеніе гр. Нессельроде къ ген. Ермолову, отъ 29 августа 1825 г., № 631), 646 (отношеніе д. т. с. Ланскаго къ ген. Ермолову, отъ 12 октября 1826 г., № 920) и 647 (записка астрах. гражд. губернатора ген. Ермолову, при рапортѣ отъ 7 ноября 1826 г., № 7377).

Матеріалами для біографіи проф. Казембека могутъ служить также статьи, помѣщенныя въ «Русс. архивѣ» за 1893 г. («Алекс. Кас. Казембекъ. Къ его біографіи», т. III, стр. 209 — 226; О. Баратынская — «А. К. Казембекъ» ib., стр. 537—555; Е. Козубскій—«А. П. Ермоловъ и А. К. Казембекъ. По поводу біографич. свѣдѣній о Казембекѣ», ib., стр. 556—560).

куда онъ былъ высланъ изъ Дербенда вмѣстѣ съ своимъ отцомъ (и гдѣ онъ принялъ у шотландскихъ миссіонеровъ христіанство), принужденъ былъ мѣстнымъ начальствомъ поступить на службу; избравъ вѣдомство государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ обратился съ соотвѣтствующимъ прошеніемъ на Высочайшее имя черезъ астрах. гражданскаго губернатора, которымъ оно было препровождено 21 сентября 1824 г. къ ген. Ермолову, а послѣднимъ, при особомъ отношеніи, отъ 28 октября, къ гр. Нессельроде. Въ отвѣтъ гр. Нессельроде, почти годъ спустя, писалъ, между прочимъ, слѣдующее (27 августа 1825 г.): «Е. В. Высочайше указать соизволилъ помянутаго Казим-бека (sic) помѣстить въ учрежденное въ Омскѣ Азіятское Училище[1]), съ жалованьемъ по 800 р. въ годъ и съ выдачей единовременно 1000 р. на проѣздъ».

Такимъ образомъ, достаточно ясно, что до осени 1825 года Казембекъ не могъ отлучиться изъ Астрахани, а затѣмъ онъ отправился на службу въ Омскъ, но, заболѣвъ въ Казани, долженъ былъ прервать свое путешествіе.

Какъ бы ни была велика продолжительность занятій Грибоѣдова восточными языками въ С.-Петербургѣ въ 1824 году, но они, несомнѣнно, должны были быть особенно полезны для него, такъ какъ онъ впервые лишь теперь нашелъ настоящаго руководителя въ лицѣ вышеупомянутаго Мирзы Джафара. Самъ Мирза Джафаръ Топчибашевъ, бывшій адъюнктомъ въ с.-пе-

---

1) Азіатское училище въ Омскѣ (военнаго вѣдомства) было учреждено въ 1789 году; см. о немъ въ статьѣ проф. Н. И. Веселовскаго — «Свѣдѣнія объ оффиц. преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи» (въ «Трудахъ третьяго междунар. съѣзда орьенталистовъ въ С.-Петербургѣ. 1876», т. I, СПб. 1879—1880, стр. 153—154).—Считаемъ нужнымъ отмѣтить странное противорѣчіе въ автобіографической запискѣ проф. Казембека относительно рода его будущей службы въ Сибири. «Я подалъ,—читаемъ мы у него, — прошеніе на Высочайшее имя принять меня на службу по мин. иностр. дѣлъ, гдѣ и считалъ, что могъ быть полезнымъ. По прошествіи шести мѣсяцевъ я былъ уже принятъ на службу по сему министерству, только съ тѣмъ, чтобы находиться при генералъ-губернаторѣ Западной Сибири въ качествѣ переводчика, тогда какъ я не зналъ ни одного русскаго слова» («Русс. архивъ», 1883, т. III, стр. 224).

тербургскомъ университетѣ при профессорѣ персидскаго языка Шармуа (Charmoi), былъ поэтомъ и какъ преподаватель являлся очень полезнымъ для практическаго ознакомленія своихъ слушателей съ духомъ персидскаго языка[1]).

Въ какой степени основательны были познанія Грибоѣдова въ персидскомъ языкѣ — это вопросъ, для надлежащаго рѣшенія котораго у насъ нѣтъ какихъ-либо конкретныхъ данныхъ. Кромѣ того, отвѣтъ на этотъ вопросъ обусловливается, конечно, и характеромъ требованій, которыя могутъ быть въ данномъ случаѣ предъявлены. Но, кажется, будетъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніе, что Грибоѣдовъ обладалъ извѣстнымъ практическимъ знаніемъ ново-персидскаго языка и отчасти литературы — знаніемъ, къ которому присоединялось также знакомство съ исторіей и бытомъ Персіи. Практическое знаніе персидскаго языка, вѣроятно, не ограничивалось тѣмъ, что Грибоѣдовъ могъ читать à livre ouvert тексты и даже, быть можетъ, какъ свидѣтельствуетъ Бѣгичевъ (см. выше), «писать стихи»; можно съ увѣренностью утверждать, что онъ былъ въ состояніи *свободно* изъясняться по-персидски, хотя бы и пользовался въ извѣстныхъ случаяхъ услугами переводчика[2]) (быть можетъ

---

1) См. о немъ у Н. Веселовскаго, въ цит. статьѣ, стр. 246 — 247, а также въ воспоминаніяхъ А. Ч. — «Петербургскій университетъ полвѣка назадъ» («Русс. архивъ», 1888, т. III, стр. 145).

2) Срв. слѣдующія мѣста въ донесеніи Грибоѣдова ген. Паскевичу изъ лагеря при селеніи Карабабы, отъ 30 іюля 1827 г., о переговорахъ съ персидскимъ наслѣднымъ принцемъ Аббасъ-Мирзою: «Послѣ того онъ [Аббасъ-Мирза] всѣхъ выслалъ; остались: онъ, я и *мой переводчикъ*» (П. С. Соч. I, стр. 238); «Ночью я переписалъ проэктъ перемирія.... потомъ *заставилъ его перевести*» (ib., стр. 243). Однако, въ случаѣ необходимости, Грибоѣдовъ могъ обходиться безъ переводчика. Это видно изъ его разсказа объ одномъ изъ моментовъ переговоровъ съ Аббасъ-Мирзою: «Аббасъ-Мирза подозвалъ меня какъ можно ближе, *и почти на ухо началъ меня разспрашивать* о степени власти, отъ государя вамъ [Паскевичу] ввѣренной....» (ib., стр. 240). Хорошее знаніе персидскаго языка Грибоѣдовымъ видно также изъ того, что онъ могъ слѣдить за своимъ переводчикомъ и контролировать его («... по даннымъ ему [переводчику] отъ меня наставленіямъ, ни разу не уклонился отъ должной учтивости и уваженія къ тому, съ кѣмъ [Аббасъ-Мирзою] говорилъ....», ib.

въ силу извѣстныхъ требованій этикета дипломатической службы на востокѣ)[1]).

Ново-персидскій языкъ и литература, вмѣстѣ съ знакомствомъ съ бытомъ и исторіей Персіи, были основнымъ фондомъ познаній Грибоѣдова въ области оріенталистики, и къ нему уже примыкалъ его интересъ и къ другимъ нѣкоторымъ отраслямъ востоковѣдѣнія. Объ этомъ интересѣ мы можемъ судить на основаніи сохранившихся замѣтокъ, статей и писемъ Грибоѣдова, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и обратимся.

II.

Литературно-научный матеріалъ, оставшійся послѣ Грибоѣдова и имѣющій отношеніе къ востоковѣдѣнію [2]), носитъ въ высшей степени *отрывочный* характеръ: это—отдѣльные наброски, случайно занесенныя замѣтки при чтеніи того или другого сочиненія, путевые дневники, письма и т. д. Какъ бы незначите-

---

стр. 238—239; «22-го іюля по утру, я свѣрилъ подлинникъ [проекта перемирія] съ переводомъ бумаги, которую намѣренъ былъ отправить къ Аббасъ-Мирзѣ», ib., стр. 243). Мнѣніе Берже по интересующему насъ вопросу см. въ его статьѣ «А. С. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ. 1818—1828» въ «Русс. старинѣ», 1874, т. XI, стр. 279).

1) Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о Грибоѣдовѣ Булгаринъ, между прочимъ, говоритъ: «Въ Персіи онъ сталъ обучаться по-персидски, и въ скоромъ времени не только объяснялся свободно на семъ языкѣ, но и понималъ персидскихъ авторовъ» (цитируемъ по изд. Е. Серчевскаго—«А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія», Спб. 1858, стр. X).

2) Мы не имѣемъ въ виду такія статьи Грибоѣдова, которыя, имѣя отношеніе къ востоку, представляютъ собою служебныя дѣла или записки. Таковы, напр.: «Записка о лучшихъ способахъ вновь построить городъ Тифлисъ» (П. С. Соч. I, стр. 116—118), «Записка о переселеніи Армянъ изъ Персіи въ наши области» (ib., стр. 131—134), «Общій взглядъ на обширные виды, которые могутъ постепенно и по естественному ходу дѣлъ войти въ кругъ дѣйствій, учреждаемой въ Тифлисѣ, Закавказской Торговой Компаніи» (ib., стр. 135—153); «Записка объ учрежденіи Россійской Закавказской Компаніи» (составленная совмѣстно съ Завелейскимъ; см. «Русскій вѣстникъ», 1891, сен. т., стр. 5—11).

ленъ ни былъ этотъ матеріалъ, но и его достаточно, чтобы имѣть право утверждать, что при болѣе благопріятно сложившихся жизненныхъ обстоятельствахъ мы могли бы ожидать и иныхъ, болѣе крупныхъ результатовъ. Мы, собственно, изъ области orientalia могли бы указать лишь *одну*, небольшую, цѣльную статью: это—замѣтка, посвященная Гиляни, персидской области по юго-зап. побережью Каспійскаго моря («О Гилани», П. С. Соч. I, стр. 69—71). Въ этой статьѣ, написанной по Д. А. Смирнову въ періодъ «февраль 1822—мартъ 1823», Грибоѣдовъ отмѣчаетъ, главнымъ образомъ, особенности климата, пути сообщенія и отношенія къ Персіи и Россіи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее мѣсто по поводу населенія Гиляни, какъ обнаруживающее въ авторѣ наблюдательность изслѣдователя: «Народъ отдѣленъ,—читаемъ мы,—отъ Персіи географическимъ положеніемъ, отмѣною въ нарѣчіи и даже складомъ лица». Правда, хотя коренные гилянцы и отличаются въ своемъ внѣшнемъ видѣ отъ персовъ, и особенности ихъ нарѣчія [1]) сравнительно съ родственнымъ персидскимъ языкомъ не могутъ не обратить на себя вниманія, тѣмъ не менѣе, если мы вспомнимъ, что въ первой четверти XIX в. иранское языковѣдѣніе находилось еще въ зачаточномъ состояніи, то слова Грибоѣдова: «отмѣна въ нарѣчіи»—получаютъ извѣстное значеніе [2]).

---

1) Такъ наз. gīlakī, о которомъ (вмѣстѣ съ другими «каспійскими нарѣчіями» иранской вѣтви) см. въ статьѣ проф. W. Geiger'а въ «Grundriss d. iranischen Philologie», I, p. 344 sq.—По поводу отмѣченнаго отличія гилянцевъ отъ персовъ «въ складѣ лица», быть можетъ, будетъ интересно сопоставить съ этими словами русскаго литератора первой четверти XIX в. слѣдующія строки изъ только что упомянутаго спеціальнаго труда нѣмецкаго ираниста, вышедшаго въ 1899 году: «Sie [Gīlānen] unterscheiden sich äusserlich stark von den Persern, welche unter ihnen wohnen, und Gīlānen und Perser sehen sich gegenseitig nicht als ebenbürtig an» (o. c., p. 347, § 99).

2) Быть можетъ, Грибоѣдовъ былъ знакомъ съ трудомъ акад. Самуила-Готлиба Гмелина (S.-G. Gmelin), «Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Naturreiche», томъ III-й (St.-Pet., 1774), въ которомъ, между прочимъ, помѣщенъ собранный имъ русско-турецко-персидско-гилянскій глоссарій, содержащій 196 словъ (въ русскомъ переводѣ: «Путешествіе по Россіи и пр.», ч. III»

Помимо замѣтки о Гиляни, намъ неизвѣстны другія статьи Грибоѣдова, всецѣло относящіяся къ изученію востока. Мы имѣемъ лишь отдѣльныя мѣста въ тѣхъ или другихъ его scripta minora—мѣста, дающія намъ указанія на интересъ къ востоковѣдѣнію со стороны злосчастнаго дипломата.

Среди этихъ scripta minora [1]) Грибоѣдова отмѣтимъ прежде

2-я половина, Спб., 1785, стр. 520—527). О гилянскомъ нарѣчіи акад. Гмелинъ замѣчаетъ: «Въ гилянскомъ выговорѣ — примѣтилъ я нѣкоторую отмѣнность отъ персидскаго...» (см. въ трудѣ проф. С. Булича, «Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи», I, Спб., 1904, стр. 507).

1) На основаніи этихъ scripta minora Грибоѣдова можно также видѣть, насколько онъ ясно понималъ значеніе археологіи, этнографіи и филологіи. Такимъ образомъ, извѣстная характеристика Грибоѣдова, сдѣланная его сестрою и приведенная въ статьѣ Д. А. Смирнова («Братъ очень любилъ науку... Всего болѣе нравилась ему тихая, кабинетная жизнь, когда онъ, запершись въ своей комнатѣ, могъ учиться»; см. «Бесѣды въ общ. люб. росс. слов. и пр.», II, отд. II, стр. 28)—находитъ себѣ документальное подтвержденіе въ его собственныхъ мелкихъ трудахъ. Склонность Грибоѣдова къ научнымъ занятіямъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ нѣкоторыхъ данныхъ его біографіи, сдѣлавшихся извѣстными за послѣднее лишь время. «Въ числѣ вновь добытыхъ для біографіи Грибоѣдова данныхъ,—говоритъ проф. Алексѣй Веселовскій,—особый интересъ представляетъ показаніе его въ прошеніи объ увольненіи отъ военной службы (разысканномъ Н. В. Шаломытовымъ и еще не напечатанномъ) о томъ, что по окончаніи курса онъ спеціально занялся наукой и искалъ ученой степени...» [«Грибоѣдовъ. (Вступительное слово на торж. засѣданіи Общества любителей росс. словесности въ моск. университетѣ 6-го янв. 1895)» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», 3-е изд. (М., 1907), стр. 620, подстрочное прим.].

Также весьма цѣннымъ и интереснымъ для выясненія научныхъ симпатій Грибоѣдова являются списки книгъ, оказавшихся у него во время ареста (по дѣлу декабристовъ), въ началѣ 1826 года. Въ этихъ спискахъ, съ которыми мы знакомимся изъ хранящагося въ Архивѣ гражданскаго управленія Кавказа «Дѣла объ отправленіи коллежскаго асессора Грибоѣдова въ С.-Петербургъ арестованнымъ и объ описаніи у него бумагъ»,—мы, между прочимъ, находимъ: *Словарь россійской академіи*, *Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа*, *Народныя сербскія пѣсни*, *Сербскій словарь*, *Старинныя малороссійскія пѣсни*, *Кіевскія святцы*, *Путешествіе по Тавридѣ*, *Родословная исторія о татарахъ Абульгази*, *Исторія Бургундіи*, *Правила славянскаго языка Домбровскаго*, *Зендавеста въ нѣмецкомъ переводѣ* и нѣк. др. [См. въ статьѣ Е. Вейденбаума—«Арестъ Грибоѣдова» (По архивнымъ документамъ), въ его изслѣдованіяхъ и замѣткахъ «Кавказскіе этюды» (сборникъ «Кавказовѣдѣніе», I), Тифлисъ, 1901, стр. 264—265 (первоначально въ тифл. газетѣ «Кавказъ», 1898, № 2)].

всего его «Desiderata» (относящіяся къ 1823 году?), П. С. Соч. I, стр. 75—83, которыя являются вообще весьма цѣннымъ матеріаломъ для характеристики ученыхъ наклонностей и симпатій ихъ автора (срв. примѣчаніе проф. Шляпкина, ib., стр. 358—359). Среди составляющихъ эти «Desiderata» замѣчаній, касающихся и различныхъ отраслей археологической науки и этнографіи съ географіей и исторіи (преимущественно русской),—мы читаемъ, подъ пунктомъ 20-мъ, слѣдующія строки: «Нельзя ли достать словарь языка *Закубанскихъ Черкесовъ?* Въ Гильденштедтѣ [1]) есть словарь кабардинскій; такимъ образомъ можно было бы научиться различать разныя нарѣчія языка черкескаго [2])» (ib., стр. 78). Заслуживаетъ вниманія также и тотъ интересъ, который Грибоѣдовъ проявляетъ къ «Ирамъ—Оссамъ», т. е. осетинамъ, изученіе языка, культуры и прошлаго которыхъ въ его время только что начиналось. Онъ обращаетъ вниманіе (П. С. Соч. I, стр. 82) на бóльшую территоріальную распространенность осетинскаго племени въ древнія времена—обстоятельство, въ настоящее время являющееся вполнѣ установленнымъ фактомъ [3]).

---

1) Разумѣется трудъ: «D. Johann Anton Güldenstädt—Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge... herausgegeben von P. S. Pallas», I—II. (St.-Pet., 1787—1791). Здѣсь, во второй части мы находимъ «Wörtersammlung z. Vergleichung d. im Caucasus gangbaren Sprachen», pp. 496—552, и въ немъ, на стр. 527—535, «Kabardinische und Abassische Sprache».

2) Интересъ къ діалектологіи и пониманіе ея значенія можно видѣть еще изъ 57-го desideratum'а: «Нарѣчія русскаго языка,—читаемъ мы,—и крестьянская одежда, гдѣ и когда перемѣняются» (П. С. Соч. I, стр. 82).

3) Для оріентировки въ этомъ вопросѣ см. въ трудѣ спеціалиста по осетиновѣдѣнію, проф. Вс. Миллера—«Die Sprache der Osseten» (въ «Grundriss d. iran. Philologie», I, Anhang), въ главѣ «Zur Vorgeschichte der Osseten», p. 4 sq. (гдѣ приведена и предыдущая литература предмета).

Объ осетинахъ Грибоѣдовъ вспоминаетъ еще по поводу подмѣченнаго имъ «не-монгольскаго» и «не-турецкаго» типа крымскихъ татаръ-пастуховъ, которые «бѣлокуры» и у которыхъ «черты сѣверныя, какъ у Оссетиновъ на Кавказѣ» (П. С. Соч. I, стр. 94). Какъ извѣстно, прибрежное (главнымъ образомъ) татарское населеніе Крыма представляетъ собою этнографическую амальгаму, въ которой значительная часть приходится на индо-европейскія народности (греки, готы и др.), подвергшіяся татаризаціи.

Интересъ Грибоѣдова къ историко-археологической наукѣ вообще — ясно обнаруживается въ его крымскихъ «Путевыхъ запискахъ» (1825 г.), П. С. Соч. I, стр. 93—107, въ которыя онъ занесъ и схематическія изображенія построекъ. Для насъ, въ особенности, интересными являются слѣдующія строки, занесенныя подъ 4-мъ Іюля: «На возвратномъ пути, перейдя ровъ Стрѣлецкой бухты, на пологомъ возвышеніи къ древнему Корсуню древніе фундаменты, круглые огромные камни и площади. Не здѣсь-ли витійствовали Херсонцы [Корсунцы], живали на дачахъ и сюда сходились на совѣщанія? А нынѣшній остатокъ стѣнъ можетъ быть только Акрополь. Впрочемъ, я ужасный варваръ на счетъ этихъ безмолвныхъ свидѣтелей былыхъ временъ; не позволяю себѣ даже догадокъ. Что такое bâtisses cyclopéennes? Похоже на Турокъ и Персіянъ, у которыхъ Тезеевъ храмъ въ Аѳинахъ и Персеполь приписываются построенію Дивовъ» [1]) (ib., стр. 103—104).

Этотъ живой интересъ къ археологіи и, въ частности, къ археологіи востока, не оставляетъ Грибоѣдова и во время переѣздовъ и походовъ. Въ своихъ «Путевыхъ письмахъ» не разъ онъ упоминаетъ о развалинахъ Рагъ Мидійскихъ [2]); объ нихъ

---

1) *Дивъ*—н.-персидское dîv (dēv) «демонъ, злой духъ и пр.»; значеніе это восходитъ къ глубокой древности и находитъ себѣ соотвѣтствіе уже въ daeva-Зендъ-Авесты, которое, съ измѣненіемъ первоначальнаго значенія (совпадавшаго съ санскр. dēvá-«богъ»), стало значить «Dämon, Unhold, Teufel» (см. у Bartholomae, «Altiran. Wörterbuch», s. v.).

2) П. С. Соч. I, стр. 50, 51.—Срв. еще ib., стр. 37: «Съ тѣхъ поръ, какъ есть городъ и граждане, ѣдемъ, ѣдемъ отъ финскаго залива до тудова, куда сынъ Товитовъ ходилъ за десятью талантами», т. е. въ Раги Мидійскія (о чемъ см. въ «Книгѣ Товита» I, 14 и пр.). — Раги Мидійскія (Ῥάγοι τῆς Μηδίας въ переводѣ LXX; у Страбона и др. Ῥαγά, τά) извѣстный въ древности городъ въ Мидіи, знаменитый въ преданіяхъ зороастризма (см. подробности у A. Williams Jackson'a: «Zoroaster the prophet of ancient Iran», N. Y., 1899, p. 202 sq.); соотвѣтствующее названіе—города и области—извѣстно изъ Зендъ-Авесты (Raγa) и изъ др.-перс. клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ (Ragā). Развалины этого города (нынѣ Rai) находятся по близости Тегерана (къ Ю.-В.); послѣднее ихъ описаніе (съ рисунками) можно найти въ трудѣ упомянутаго Jackson'a: «Persia past and present. A book of travel and research», N. Y., 1906, Ch.

же онъ упоминаетъ въ письмѣ къ П. А. Катенину (изъ Тавриза, февраль 1820 г.), говоря: «Я не успѣлъ обозрѣться, только, что разъ поскитался въ развалинахъ Раговъ Мидійскихъ, раза три въ Касрѣ-Каджарѣ. . .» (ib., стр. 171). Въ «Путевыхъ запискахъ» эриванскаго похода (1827 г.) Грибоѣдовъ заноситъ, подъ 22-мъ мая, впечатлѣнія своего посѣщенія развалинъ Лори, находившихся по близости лагеря (ib., стр. 111). Далѣе, описанію развалинъ и древнихъ сооруженій имъ отведено мѣсто и въ «Путешествіи по Эриванской области» (письмо отъ 24 декабря 1827 г.): онъ упоминаетъ объ древнихъ армянскихъ храмахъ въ селеніяхъ Маштарѣ (ib., стр. 124) и Старой Талыни (ib., стр. 126) и т. д.[1]).

На ряду съ памятниками древности, старинныя легенды и преданія востока также интересовали Грибоѣдова. Онъ вспоминаетъ и приводитъ ихъ и въ своихъ путевыхъ замѣткахъ (мы только что имѣли случай цитировать сказаніе о постройкѣ Персеполя дивами и пр.) и въ своихъ письмахъ. Такъ, въ письмѣ къ В. К. Кюхельбекеру, изъ Тифлиса, отъ 1 октября 1822 г. (ib., стр. 177—178), приводится преданіе объ духахъ Гарутѣ и Марутѣ (у Грибоѣдова: «Эрутъ и Мерутъ»), пытавшихся овладѣть планетой Венерой [2]). Восторженное отношеніе Грибоѣдова къ памятникамъ и сказаніямъ древности прекрасно видно изъ слѣдующихъ его строкъ въ письмѣ къ тому же Кюхельбекеру, изъ

XXVII, p. 428 sq. Что касается особаго интереса Грибоѣдова къ развалинамъ Рагъ, то онъ могъ быть подготовленъ описаніемъ ихъ у Ker Porter'a («Travels in Persia», I, p. 358 sq.—перепечатано у Jackson'a, o. c., p. 438 sq.)—трудъ, который былъ, вѣроятно, знакомъ Грибоѣдову.

1) Развалины Лори (бывшаго одно время, въ X в., какъ извѣстно изъ исторіи Арменіи, главнымъ городомъ мѣстнаго владѣнія) находятся въ александр. у. эрив. губ.—Подробности о древнихъ храмахъ Маштары и Старой Талыни см. въ трудѣ венец. мхитариста Л. Алишана — «Airarat etc.» (на др.-арм. яз.), Венеція, 1890 (in 4°), стр. 134 и слѣд.

2) Здѣсь же Грибоѣдовъ приводитъ и арабс. названіе планеты Венеры — زهرة (zuhrat), которое имъ изображено арабскими буквами. «Эрутъ и Мерутъ»— арабскія названія двухъ духовъ, упоминаемыхъ въ Коранѣ (Hārūt, Mārūt). Оба они иранскаго происхожденія и первообразы ихъ мы находимъ въ Haurvat- и Ameretat- Зендъ-Авесты, гдѣ они отнесены къ особому разряду божествъ или геніевъ, называемыхъ ameša-spenta-).

Тифлиса (въ январѣ 1823 г.): «.... однако куда дѣвалось то, что мнѣ душу наполняло какою-то спокойною ясностью, когда, напитанный древними сказаніями, я терялся въ развалинахъ Бердъ, Шамхора и въ памятникахъ Арабовъ, въ Шемахѣ [1])?...» (ib., стр. 178).

Этотъ же интересъ къ восточнымъ преданіямъ и сказаніямъ проглядываетъ и въ собственно литературныхъ произведеніяхъ Грибоѣдова, написанныхъ подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства съ востокомъ, какъ напр. «Грузинская ночь» (сюжетомъ которой является одно грузинское народное преданіе о мести за оскорбленное родительское чувство) и «Кальянчи». Такъ, отрывокъ изъ поэмы «Кальянчи» начинается слѣдующими вопросами, предлагаемыми путникомъ прекрасному отроку-грузину:

«Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
«Какую влагу пилъ? Какой весной обвѣянъ?
«Эйзедомъ ли ты свѣтлымъ порожденъ,
«Питомецъ Пери или Джинніемъ взлелѣянъ?» [2]).
(П. С. Соч. II, стр. 411).

Насколько можно судить по сохранившимся путевымъ запискамъ и письмамъ Грибоѣдова, онъ прочелъ извѣстное количество сочиненій по исторіи и географіи востока и, въ частности, Персіи (его знакомство, напр., съ «The history of Persia» Малькольма [Лондонъ, 1815] видно изъ слѣдующаго мѣста «Путевыхъ

---

1) Берде (или Барда), بردعة [Barδa'a] арабскихъ географовъ, срв. Hübschmann, «Die altarmen. Ortsnamen», Strassburg, 1904, p. 353,—селеніе въ елисавет. губ., на р. Тертерѣ, недалеко отъ ея впаденія въ Куру; въ древности въ этой мѣстности находился «главный городъ Агваніи [т. е. кавказской Албаніи]—великій Партавъ» (Моисей Каганкатваци [арм. историкъ X в.], «Исторія Агванъ», V гл.). — Развалины древняго города Шамхоръ (или Шемкоръ) лежатъ близъ одноименной желѣзнодорожной станціи (недалеко отъ Елисаветполя).

2) *Эйзедъ* это—н.-персидское (перешедшее и къ другимъ народностямъ, напр. къ осетинамъ) ایزد (īzad) «геній; богъ» (срв. въ Зендъ-Авестѣ yazata- «Bezeichnung für alles göttlich Gedachte, Gott», Bartholomae—«Altiran. Wörterb.», s. v.).—*Джинній*—арабс. جنّى (ǧinni) «демонъ, духъ, геній».

писемъ»: «похожденія Ростома, персидскаго великана сумраковъ, котораго Малькольмъ вклеилъ въ свою Исторію»[1]), П. С. Соч. I, стр. 43), равно какъ познакомился и съ трудами нѣкоторыхъ путешественниковъ по востоку. Въ этомъ отношеніи представляетъ особенный интересъ письмо (1826 г.) къ Ѳ. Булгарину, въ которомъ мы читаемъ слѣдующія строки: «.... Bergeron [2]) не нашелся у Майера; Шмидта я прочелъ и лучше бы не читалъ безконечное преніе объ уродахъ Уйгурахъ [3]), Турки-ли они или Тангутцы? Тибетинцы? Сколько трудовъ для объясненія себѣ, кто былъ давно исчезнувшій народъ, о которомъ почти никто не говоритъ, который ничего не сдѣлалъ достопамятнаго и пропалъ, какъ не бывалъ. Сдѣлай одолженіе, пришли «Времянникъ» и «Абуль-Газа» [4]), да коли нѣтъ «Бержерона», такъ по русски «План-Карпина» [5]); вѣроятно, достать можно. Онъ у меня въ Москвѣ есть» (ib., I, стр. 221).

Въ заключеніе мы должны отмѣтить, что весьма цѣнный матеріалъ для выясненія вопроса объ интересѣ Грибоѣдова къ

1) См. въ 3-й главѣ I-го тома цитированнаго труда по исторіи Персіи.

2) Bergeron (Pierre)—извѣстный французскій географъ XVII вѣка; онъ, между прочимъ, перевелъ на французскій «Путешествіе по Татаріи» Вильг. Рубруквиса, Плано Карпини и др.

3) Изъ работъ монголиста акад. Шмидта (Isaac Jacob Schmidt) здѣсь Грибоѣдовъ имѣетъ въ виду «Forschungen im Gebiete d. älteren religiösen, politischen und literärischen Bildungsgeschichte d. Völker Mittel-Asiens, vorzüglich d. Mongolen und Tibeter», St.-Pet., 1824. *Уйгуры*—древняя тюркская народность (въ Монголіи и Восточномъ Туркестанѣ), съ довольно значительною культурою, надлежащее изученіе которой (археологическія развѣдки и пр.) началось лишь въ наши дни.

4) Грибоѣдовъ имѣетъ въ виду, конечно, изданіе: «Abulghasi Bahadür Chani historia Mongolorum et Tatarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentia ill.-mi Comitis Nicolai de Romanzof Imperii Russici cancellarii supremi», Casani, 1825, in 4° (джагатайскій текстъ съ лат. предисловіемъ акад. Френа).

5) А именно, какъ указываетъ проф. Шляпкинъ въ примѣчаніи къ данному мѣсту (П. С. Соч. I, стр. 382), Грибоѣдовъ имѣлъ въ виду изданіе: «Любопытнѣйшее путешествіе монаха дю Планъ-Карпина въ 1246 г. къ Татарамъ», М., 1800 г.

изученію востока представляетъ также незаконченный планъ-набросокъ (1819—1823?) оставшейся ненаписанною трагедіи «Родамистъ и Зенобія». Какъ извѣстно, мысль объ этой трагедіи возникла у Грибоѣдова подъ вліяніемъ одноименнаго драматическаго произведенія французскаго трагика XVIII в. Кребильона (Crébillon)—«Rhadamiste et Zénobie» [1]), сюжетъ котораго заимствованъ изъ исторіи Грузіи и Арменіи въ половинѣ I в. по Р. Хр. [2]). Однако, ни содержаніе, ни дѣйствующія лица, за исключеніемъ немногихъ (Родамистъ—Rhadamiste, Фарасманъ—Pharasmane, Зенобія—Zénobie), не совпадаютъ между собою.

Для насъ данный планъ трагедіи важенъ какъ указаніе на знакомство Грибоѣдова съ исторіей древней Арменіи, такъ какъ онъ въ немъ останавливается на извѣстномъ, наслѣдственномъ правѣ отдѣльныхъ древне-армянскихъ владѣтельныхъ (нахарарскихъ) родовъ на ту или иную придворную должность: «Одинъ жалуется,—читаемъ мы,—что уже не онъ орлоносецъ, котораго важное преимущество, но наслѣдственное, по закону Вагаршака (въ изд. опечатка: Вагаршана), о которомъ всѣ вспоминаютъ съ

---

1) Русскій переводъ (не совсѣмъ близкій), написанный звучными стихами, былъ изданъ въ 1810 г. Степ. Висковатовымъ: «Радамистъ и Зенобія. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе Кребільона (sic!)... Въ Санктпетербургѣ.... 1810 года» (56 стр. in 8⁰).

2) Источникомъ сюжета, обработаннаго Кребильономъ, являются извѣстія, переданныя Тацитомъ объ Фарасманѣ (Pharasmanes), царѣ Иверіи, его младшемъ братѣ Митридатѣ, правившемъ въ Арменіи, сынѣ Радамистѣ (Rhadamistus) и супругѣ Зенобіи («Annales», кн. XII, гл. 44 и слѣд.; въ изданіи акад. В. Латышева—«Scythica et caucasica etc.», II (Scriptores latini), p. 241 sq.). Слѣдуетъ замѣтить, что подробный разсказъ Тацита не находитъ себѣ подтвержденія въ туземныхъ—грузинскихъ и армянскихъ—источникахъ. Въ Грузіи, въ первой половинѣ I в. по Р. Хр. правилъ Адеркъ, и акад. Brosset въ одномъ изъ примѣчаній къ переводу «Грузинской лѣтописи» говоритъ: «Je ne sais comment il est possible d'intercaler dans l'histoire de Géorgie ni même d'expliquer, en admettant les récits de l'Annaliste, les événements racontés par Tacite, Ann. l. XII, XIII» и нѣсколько далѣе: «Au lieu d'une guerre entre rois, ne serait-ce pas une querelle entre des princes ou gouverneurs héréditaires de provinces?» («Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e s., trad. du géorgien», I-re partie, 1-re livr., St.-Pét., 1849, pp. 63—64). Срв. также, что говоритъ Saint-Martin, «Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie etc.», I (Paris, 1818), p. 293 sq.

энтузіазмомъ, какъ и съ преувеличенною ненавистію къ нынѣшнему царю [т. е. Родамисту],—при вѣнчаніи царя на него возлагать корону...» (П. С. Соч. II, стр. 209). Объ этомъ «законѣ Вагаршака» подробно говорится у древне-армянскаго историка Моисея Хоренскаго, «Исторія Арменіи», кн. II, гл. 7 [1]), и весьма вѣроятнымъ представляется намъ предположеніе г. Ю. Веселовскаго [2]), что Грибоѣдовъ могъ имѣть въ рукахъ первый русскій переводъ этого труда, сдѣланный архидіакономъ Іоаннесовымъ и изданный въ С.-Петербургѣ, въ 1809 году [3]). Точно также позволительно думать, что и слова: «о которомъ [т. е. Вагаршакѣ] всѣ вспоминаютъ съ энтузіазмомъ»—навѣяны чтеніемъ соотвѣтствующихъ главъ того же труда Моисея Хоренскаго, посвященныхъ разсказу о дѣлахъ этого выдающагося царя-устроителя древней Арменіи.

Большинство собственныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ въ планѣ трагедіи Грибоѣдова, не встрѣчающихся у Кребильона, принадлежитъ къ именамъ, бывшимъ въ употребленіи въ Грузіи и Арменіи [4]). Среди «главныхъ чиновъ» Родамиста являются:

1) У Грибоѣдова допущена нѣкоторая неточность (отмѣченная уже и г. Ю. Веселовскимъ; см. слѣд. прим.), заключающаяся въ томъ, что онъ соединилъ въ одномъ лицѣ и «орлоносца» и «вѣнценалагателя», тогда какъ эти двѣ функціи принадлежали двумъ различнымъ владѣтельнымъ родамъ (Арцруни и Багратуни).

2) См. въ его «Литературныхъ очеркахъ» (М., 1900) статью (первоначально появившуюся въ газетѣ «Приазовскій край», 1898 г., №№ 314 и 315)—«Грибоѣдовъ и армяне», стр. 384. Въ этомъ этюдѣ, между прочимъ, можно найти подробное разсмотрѣніе всего, что указываетъ на интересъ Грибоѣдова къ историческому прошлому Арменіи.

3) Вотъ заглавіе этого перевода, посвященнаго Императору Александру I: «Арменская исторія (,) сочиненная Моисеемъ Хоренскимъ съ краткимъ географическимъ описаніемъ древней Арменіи. Перевелъ съ Армянскаго на Россійскій языкъ Архидіаконъ Іосифъ Іоаннесовъ. Санктпетербургъ, 1809 года», въ двухъ частяхъ.—Однако, мы должны предполагать, что Грибоѣдовъ былъ знакомъ и съ другими книгами по Арменіи: въ этомъ насъ убѣждаетъ (въ данномъ случаѣ) транскрипція имени царя въ формѣ *Вагаршакъ* (арм. Vaɣaršak), тогда какъ у Іоаннесова—*Валарсакъ*.

4) Изъ этихъ именъ дѣйствующихъ лицъ для насъ остается неяснымъ имя «перваго по Родамистѣ»—*Арфаксатъ* (вм. Артаксасъ?).—Что касается имени *Аспрухъ*, то, вѣроятно, въ немъ мы имѣемъ искаженное перс. Шапуръ или соотвѣтствующее арм. Шапухъ.

Ярвандъ (если такъ было написано Грибоѣдовымъ, то это— грузинская форма Jarvand; соотвѣтствующая армянская звучитъ Ervand), Бахратъ (арм. форма Bagrat и, вѣроятно, у Грибоѣдова было написано: *Бакратъ*, съ *к* вм. *г*), Мирванъ (груз. Mirvan), Армасилъ (груз. Armazel); приближенный оруженосецъ Радамиста называется Семпадъ (арм. Smbat, груз. Sumbat; у Грибоѣдова въ западно-армянскомъ произношеніи: *p* вм. *b*, *d* вм. *t*). Что касается собс. имени Ассюдъ, то мы (такъ же, какъ и г. Ю. Веселовскій) находимъ возможнымъ предполагать, что оно является искаженнымъ армянскимъ Ашотъ[1]). Наконецъ, женское имя Перизада представляетъ собою персидское Parīzādah (собс. «Feenkind»; срв. Justi — «Iranisches Namenbuch», s. v. Perīzādeh).

Въ заключеніе, отмѣтимъ, что въ этомъ же планѣ трагедіи у Грибоѣдова упоминается и священная книга зороастрійскаго ученія—Зендъ-Авеста: «Здѣсь [въ пещерѣ] онъ [«святой пустынножитель»] тайными словами изъ Зендавесты прорицаетъ успѣхъ заговорщикамъ» (П. С. Соч., II, стр. 210). Уже это упоминаніе могло бы служить основаніемъ къ заключенію о знакомствѣ Грибоѣдова съ Зендъ-Авестою по переводамъ, существовавшимъ въ его время. Но и помимо этого, доказательствомъ того, что Грибоѣдовъ могъ быть знакомъ съ содержаніемъ Библіи зороастрійцевъ, являются имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о нахожденіи «Зендавесты въ нѣмецкомъ переводѣ» среди его книгъ, арестованныхъ во Владикавказѣ, въ январѣ 1826 г.[2]). Это былъ переводъ Joh. Fr. Kleuker'a («Zend-Avesta, Zoroasters lebendiges Wort etc.»), сдѣланный съ французскаго перевода основателя авестійской филологіи Anquetil du Perron и изданный въ Ригѣ

1) Мы должны предполагать, что Грибоѣдовъ первоначально написалъ *Ашодъ* (т. е. форму въ зап.-арм. произношеніи, съ *д* вм. *т*; срв. Семпа*д*ъ вм. Семба*т*ъ) и что впослѣдствіи буквы *шо* были прочтены *сю*. Въ виду этого, кажется, можно было бы въ изданіяхъ внести исправленіе и читать: А*шо*дъ.

2) См. Е. Вейденбаумъ — «Арестъ Грибоѣдова (по архивнымъ документамъ)» въ его «Кавказскихъ этюдахъ» (сборникъ «Кавказовѣдѣніе», I).

(1776—77), въ трехъ томахъ, in 4⁰ (къ нему «Anhang zum Zend-Avesta», 2 т. въ пяти частяхъ, ibid., 1781—83).

Къ числу стороннихъ показаній по вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію востока, можетъ служить также статья (изложенная въ діалогической формѣ) Ѳ. Булгарина—«Литературные призраки» (въ «Литературныхъ листкахъ», 1824, ч. III, августъ, № XVI)[1]), представляющая вообще, какъ говоритъ проф. Шляпкинъ, «весьма цѣнный матеріалъ для характеристики Грибоѣдова» (П. С. Соч., I, стр. 370). Въ этой статьѣ, въ числѣ другихъ лицъ, выведенъ также и Грибоѣдовъ подъ именемъ Талантина (литератора, «недавно прибывшаго въ столицу изъ отдаленныхъ странъ, гдѣ онъ находился на службѣ»), въ уста котораго авторъ вкладываетъ по вопросу, что̀ «требуется отъ русскаго поэта», между прочимъ, слѣдующія слова:... «не худо также познакомиться съ новыми путешественниками по Индіи, Персіи... Не говорю о восточныхъ языкахъ, которыхъ изученіе чрезвычайно трудно и средствъ весьма немного. Но все же не худо ознакомиться нѣсколько съ Восточными рудниками Гаммера (Fundgruben des Orients), или перевернуть нѣсколько листовъ въ Гербелотѣ [2]), въ христоматіи Сильвестра де Саси [3]), въ Азіятическихъ Изысканіяхъ Калькутскаго Ученаго Общества (Asiatic Researches) и въ Назидательныхъ письмахъ о Китаѣ (Lettres édifiantes etc.).—Востокъ, неисчерпаемый источникъ для освѣженія піитическаго воображенія, тѣмъ занимательнѣе для Русскихъ, что мы имѣли съ древнихъ временъ сношенія съ жителями онаго....»

---

1) Цитируемъ по П. С. Соч., I, стр. 370—376, гдѣ она перепечатана цѣликомъ.

2) Здѣсь имѣется въ виду энциклопедическій трудъ франц. оріенталиста XVII в. Barthélemy d'Herbelot—«Bibliothèque orientale, ou dictionnaire universel contenant généralement tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l'Orient, etc.». A Paris, 1697 (pp. 1059 in F⁰.); были и другія изданія.

3) Разумѣется извѣстная арабская христоматія («Chrestomathie arabe») знаменитаго французскаго оріенталиста.

Знаценіе выписанныхъ строкъ заключается, конечно, въ томъ, что мы должны видѣть въ высказанныхъ въ нихъ взглядахъ—взгляды самого Грибоѣдова. Мы можемъ, такимъ образомъ, отмѣтить взглядъ Грибоѣдова на важность занятій восточными языками и изученія путешественниковъ по востоку, равно какъ и такихъ капитальныхъ трудовъ въ области orientalia, каковы работы Гаммера, Herbelot, Сильвестра де Саси и т. д.; здѣсь же подчеркивается намъ уже знакомая—срв. выше—мысль Грибоѣдова о близости и сходствѣ извѣстныхъ явленій русской культуры съ восточными.

III.

Когда, по заключеніи мира съ Персіей, Грибоѣдовъ прибылъ въ С.-Петербургъ (въ мартѣ 1828 г.), то онъ, благодаря своимъ свѣдѣніямъ о Персіи и знанію персидскаго языка, не могъ, конечно, не возбудить интереса среди лицъ, заинтересованныхъ насажденіемъ оріентализма въ Россіи, тѣмъ болѣе, что и правящія сферы, какъ мы уже знаемъ, еще въ 1823 году имѣли въ виду поставить его во главѣ предполагавшагося на Кавказѣ спеціальнаго училища восточныхъ языковъ и, такимъ образомъ, использовать его познанія въ области востоковѣдѣнія.

Какъ извѣстно, въ первой четверти XIX вѣка положено было прочное основаніе въ дѣлѣ насажденія оріентализма въ Россіи трудами, главнымъ образомъ, двухъ лицъ: графа С. С. Уварова (министра нар. просвѣщенія и президента Имп. академіи наукъ) и знаменитаго знатока мусульманской нумизматики, академика X. Френа (Christian-Martin Fraehn).

Дѣятельность Френа не ограничилась одними кабинетными занятіями, когда онъ, послѣ десятилѣтней профессорской службы въ Казани, вступилъ въ составъ академіи наукъ. Этотъ энергичный ученый ревностно относился ко всему, что могло спо-

собствовать изученію востока, и къ его содѣйствію неоднократно обращались всѣ тѣ, которые принимали горячее участіе въ успѣхахъ востоковѣдѣнія въ Россіи (какъ, напр., попечитель сначала казанскаго, а затѣмъ с.-петербургскаго учебнаго округа, М. Н. Мусинъ-Пушкинъ). Однимъ изъ его великихъ дѣлъ было основаніе Азіатскаго музея Имп. академіи наукъ, чѣмъ было положено прочное основаніе для дальнѣйшаго развитія занятій восточнымъ міромъ. Съ другой стороны, акад. Френъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы привлекать молодыхъ работниковъ въ области востоковѣдѣнія, энергично поддерживая этихъ піонеровъ оріентализма въ Россіи и своими постоянными указаніями и ходатайствомъ передъ властями [1]). Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ, напр., и одинъ изъ первыхъ санскритистовъ въ Россіи, профессоръ восточныхъ языковъ (сначала въ Казани, а затѣмъ въ Москвѣ) П. Я. Петровъ, въ аудиторіи котораго учился цѣлый рядъ ученыхъ, упрочившихъ въ московскомъ университетѣ лингвистическія занятія, а также много сдѣлавшихъ для изученія востока (акад. Ѳ. Коршъ, акад. Ф. Фортунатовъ, проф. Вс. Миллеръ).

Однако, акад. Френъ обращалъ свое вниманіе и не на однихъ профессіональныхъ ученыхъ. Къ дѣлу изученія востока онъ старался привлекать и другихъ, казавшихся ему полезными, лицъ, равно какъ не упускалъ случая способствовать обогащенію и Азіатскаго музея.

Въ числѣ этихъ лицъ, на которыхъ остановилъ свое вниманіе знаменитый нумизматъ, былъ и только что назначенный на постъ министра-резидента въ Персіи—А. С. Грибоѣдовъ.

---

1) Къ сожалѣнію, мы еще не имѣемъ полной біографіи, всесторонне разсматривающей жизнь и дѣятельность акад. Френа, котораго «единственнымъ достойнымъ соперникомъ-современникомъ» акад. бар. В. Розенъ считаетъ его же друга, знаменитаго Сильвестра де Саси (см. «Пролегомена къ новому изданію Ибн-Фадлана, I—X» въ «Зап. вост. отд. И. Р. А. О.», т. XV, стр. 40). Самое лучшее, что есть сейчасъ, это — написанный болѣе полустолѣтія тому назадъ очеркъ И. С. Савельева («О жизни и ученыхъ трудахъ Френа» въ «Трудахъ вост. отд. И. А. О.», ч. II, 1856, стр. 1—67, и отдѣльно).

Исторія знакомства акад. Френа съ Грибоѣдовымъ намъ остается пока неизвѣстною. Мы, однако, въ правѣ предполагать, что акад. Френъ могъ знать объ Грибоѣдовѣ, по крайней мѣрѣ, отъ двухъ лицъ: Мирзы-Джафара Топчибашева и Амбургера[1]), не говоря уже о томъ, что имя Грибоѣдова, какъ имѣвшагося въ виду на должность директора училища восточныхъ языковъ въ Тифлисѣ, не могло, конечно, оставаться неизвѣстнымъ петербургскому оріенталисту[2]). Но еще болѣе Грибоѣдовъ долженъ былъ обратить на себя вниманіе, когда, по мысли проф. И. Сеньковскаго, рѣшено было потребовать отъ персидскаго правительства, какъ бы въ видѣ контрибуціи, восточныя рукописи изъ библіотекъ завоеванныхъ городовъ[3]), и эта миссія была возложена на него. «Препровождая при семъ, — писалъ ген. Паскевичъ Грибоѣдову 27 декабря 1827 г. (за № 816), — отношеніе ко мнѣ начальника Главнаго Штаба Е. И. В. и приложенную къ оному записку на французскомъ языкѣ проф. Сенковскаго, предписываю Вамъ немедленно заняться приведеніемъ въ исполненіе изложенныхъ въ оном отношеніи и запискѣ предположеній. Я увѣренъ, что собственное Е. И. В. назначеніе употребить Васъ для пріобрѣтенія сокровищъ, столь любопытныхъ и драгоцѣнныхъ для всей просвѣщенной Европы, еще болѣе поощритъ

---

1) Амбургеръ (сослуживецъ Грибоѣдова по тавризской миссіи), возвратившись въ 1821 г. изъ Персіи, подарилъ Френу тавризское изданіе (1821 г.) «Гулистана» Саади, о чемъ см. у Dorn'a, «Das Asiatische Museüm», стр. 254 — 255 (докладъ акад. Френа конференціи Императорской академіи наукъ, представленный 17-го дек. 1821 г.). О хорошемъ знаніи Амбургеромъ персидскаго языка свидѣтельствуетъ въ своемъ «Дневникѣ» Ѳ. Ѳ. Бартоломей; см. въ «Русс. старинѣ», 1904, апрѣль, стр. 81.

2) Конечно и проектъ самой школы (если таковой былъ составленъ) не могъ бы миновать рукъ акад. Френа, какъ ихъ не миновалъ и новый проектъ устава одного изъ старѣйшихъ разсадниковъ оріентализма въ Россіи — нынѣшняго Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ (о чемъ см. въ юбил. изданіи—«Семидесятипятилѣтіе Лазар. инст. вост. языковъ. Историческій очеркъ». Москва, 1891, стр. 135).

3) Акад. Френъ также принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ, составляя списокъ сочиненій мусульманскихъ писателей, которыя желательно было получить.

васъ приложить всѣ старанія къ исполненію воли Монарха, знаменитаго покровителя знаній и искусства». (См. «Акты, собранные кавказскою археографическою комиссіею. Архивъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго», т. VII, стр. 582, n° 536).

Такимъ образомъ, когда Грибоѣдовъ прибылъ въ С.-Петербургъ съ мирнымъ договоромъ и затѣмъ былъ назначенъ посланникомъ въ Персіи, — то, конечно, акад. Френъ не могъ не войти съ нимъ въ болѣе близкія сношенія, имѣя въ виду интересы востоковѣдѣнія. Грибоѣдовъ, можно думать, являлся для Френа, именно, тѣмъ желаннымъ дипломатическимъ представителемъ на востокѣ, который способенъ былъ принести пользу также и наукѣ[1]). Какія программы и порученія акад. Френъ давалъ Грибоѣдову, мы не знаемъ—но, что онъ велъ съ нимъ соотвѣтствующіе переговоры, въ этомъ насъ убѣждаетъ хранящееся въ Азіатскомъ музеѣ (въ собраніи писемъ къ Френу: «Corresp. Fraehn», vol. III, № 24) нижеслѣдующее письмо Грибоѣдова на нѣмецкомъ языкѣ, написанное незадолго до его отъѣзда изъ С.-Петербурга. Письмо это безъ обозначенія мѣста и даты, но такъ какъ въ немъ упоминается объ «будущихъ ученыхъ занятіяхъ въ Персіи», — то, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что оно написано передъ послѣднимъ отъѣздомъ въ Персію (въ іюнѣ 1828 г.), такъ какъ въ первую поѣздку Грибоѣдовъ не имѣлъ еще въ виду (да и не могъ имѣть) подобныхъ занятій.

Вотъ текстъ самого письма[2]), впервые появляющійся въ печати[3]):

---

1) Въ своемъ докладѣ конференціи Имп. академіи наукъ Френъ писалъ 13-го августа 1828 г.: «Ich habe es kein Hehl gehabt, es öffentlich zu sagen und zu beklagen, dass unsere diplomatischen Agenten in der Türkei, in Persien und der Bucharei, unter denen sich doch von jeher so viele intelligente und hochgebildete Männer befinden haben, fast nie ein erhebliches wissenschaftliches Product von dort mitgebracht» (см. у Dorn'a, «Das Asiatische Museum», p. 342).

2) Вертикальною чертою (|) обозначаются концы строкъ въ оригиналѣ.

3) Считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность администраціи Азіатскаго музея Императорской академіи наукъ за постоянное содѣйствіе во время нашихъ занятій въ этомъ ученомъ учрежденіи.

Verehrtester Herr Staatsrath

Ich bin Ihnen herzlich verbunden für | die freundschaftliche Theilnahme, die Sie | mir zeigen wegen meiner künftigen | gelehrten Beschäftigungen in Persien. Ich | fürchte nur, daß ich alles das nicht | leisten kann, was Sie von meinem | Eifer für die Wissenschaft erwarten.

Früher kann ich Ihre liebenswürdige | Einladung nicht annehmen als für Dienstag | künftige Woche. Mittwoch reise ich | fort.

Ihr ergebenster Diener

Alex. Griboyedof.

(На оборотѣ:)

Его Высокородію М. Г.
Христіану Даниловичу
Френу.

Грибоѣдову, однако, недолго пришлось пробыть въ Персіи, гдѣ онъ и нашелъ свою кончину. Но надежды, которыя возлагалъ на него акад. Френъ, не остались совершенно безъ послѣдствій. Это видно изъ слѣдующаго письма, отправленнаго изъ Тавриза, 30 октября 1828 г., въ которомъ Грибоѣдовъ писалъ графу И. Ѳ. Паскевичу (П. С. Соч. I, стр. 302): «Тесть мой завоевалъ въ Баязетѣ нѣсколько восточныхъ манускриптовъ; сдѣлайте милость, не посылайте ихъ въ Имп. [Публичную] Библіотеку, гдѣ никто почти грамоти не знаетъ, а въ Академію Наукъ, гдѣ профессора Френъ и Сеньковскій извлекутъ изъ сего пріобрѣтенія пользу для ученаго свѣта».

Три мѣсяца спустя Грибоѣдова уже не стало. Быть можетъ, если бы не преждевременная, трагическая кончина, то авторъ «Горя отъ ума», руководимый такимъ менторомъ, какимъ былъ

акад. Френъ, оставилъ бы послѣ себя память и не только какъ талантливый драматургъ и злосчастный дипломатъ[1]).

ЭКСКУРСЪ.

Приведенное нами письмо Грибоѣдова, написанное передъ выѣздомъ въ Персію, предоставляетъ въ наше распоряженіе нѣкоторыя данныя для болѣе точнаго опредѣленія дня его выѣзда изъ С.-Петербурга—дня, который пріурочивается вообще къ первымъ числамъ іюня 1828 года[2]).

Именно, имѣя въ виду: 1) что 5-го іюня Грибоѣдовъ еще находился въ С.-Петербургѣ (отъ этого числа было написано имъ письмо къ Е. И. Булгариной; см. П. С. Соч. I, стр. 254); 2) что 12-го іюня онъ пишетъ письмо Ѳ. В. Булгарину уже изъ Москвы (ib., I, стр. 255),—мы должны заключить, что «среда», когда Грибоѣдовъ предполагалъ выѣхать («Mittwoch reise ich fort»), можетъ приходиться только на 6-е іюня.

Въ виду этого, извѣстіе о томъ, будто 6-го іюня Грибоѣдовъ уже находился въ Москвѣ, гдѣ ему представлялись Мальцевъ и Аделунгъ[3]), не находитъ себѣ подтвержденія.

---

1) Срв. также слова проф. Алексѣя Веселовскаго: «Занятія восточными языками (арабскимъ и персидскимъ въ Тавризѣ, турецкимъ въ Тифлисѣ) и изученіе поэзіи востока сулили ему будущность оріенталиста...» («Грибоѣдовъ» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», 3-е изд., М., 1907, стр. 624, подстрочное прим. 2).

2) См. въ статьѣ—«Алекс. Серг. Грибоѣдовъ. 1795 — 1829» въ «Русс. старинѣ», 1874, іюнь, стр. 295 («Онъ [Грибоѣдовъ] выѣхалъ изъ Петербурга въ первыхъ числахъ іюня 1828 г.....»).

3) См. въ статьѣ Берже — «Алекс. Серг. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ. 1818—1828 гг.» въ «Русс. старинѣ», 1874, октябрь, стр. 292. («Оставивъ Петербургъ, Грибоѣдовъ, по пути въ Персію, прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, гдѣ ему представлялись, 6-го іюня, Мальцевъ и Аделунгъ...»).

ДОПОЛНЕНІЯ.

Послѣ того какъ настоящая статья была написана и уже набрана, мы познакомились съ работою проф. Е. Боброва «Къ исторіи русской литературы и просвѣщенія въ XIX столѣтіи» (въ «Варш. университ. извѣстіяхъ», 1908 г., кн. IV), изъ которой намъ сдѣлалось извѣстно (именно изъ статьи: *Новое извѣстіе о А. С. Грибоѣдовѣ*, стр. 3 и слѣд.) о появленіи въ 1907 г., въ Парижѣ, диссертаціи—монографіи г-жи О. Крамаревой, посвященной Грибоѣдову (O. Kramareva, «Alexandre Sergiéevitch Griboïédov. Sa vie—ses oeuvres. Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris», Paris, 1907). Въ числѣ другихъ источниковъ, г-жа Крамарева воспользовалась также и нѣкоторыми неизданными документами, а именно письмами Гамба, отправленными изъ Тифлиса въ Парижъ въ 1829 г. (*Lettres écrites, de Tiflis, par le Chevalier Gamba au ministre des affaires étrangères à Paris* [*en 1829*]; o. c., p. 311). Такъ какъ приводимыя авторомъ свѣдѣнія о Гамба не полны, то, прежде чѣмъ привести интересующіе насъ отрывки изъ его письма, мы должны сдѣлать нѣкоторыя необходимыя дополненія[1]).

Гамба (Chevalier Jacques-François Gamba) — род. въ 1763, ум. (близъ Тифлиса) въ 1833—былъ *французскимъ консуломъ въ Тифлисѣ* (а не только «voyageur français», o. c., p. 148, подстрочн. прим. 2). Свою дѣятельность онъ посвятилъ, главнымъ образомъ, открытію новыхъ путей и рынковъ для французской

1) Свѣдѣнія о Гамба мы почерпнули, главнымъ образомъ, изъ «Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours... publiée par M. M. Firmin Didot frères sous la direction de M. le D-r Hoefer», t. 19-ème (Paris, 1857), pp. 382—383, s. v. *Gamba*.

торговли на востокѣ (въ Персіи и Индіи). Пользуясь покровительствомъ и содѣйствіемъ герцога де-Ришельё, заинтересовавшагося вопросомъ о развитіи французской торговли на востокѣ, онъ предпринялъ (начиная съ 1817 г.) нѣсколько путешествій по югу Россіи и Кавказу, съ цѣлью выясненія коммерческихъ интересовъ, которые могли бы быть извлечены изъ прямыхъ сношеній съ этими странами. Гамба особенно заинтересовался Грузіей, гдѣ ему русскимъ правительствомъ было отведено въ аренду 15 тыс. десятинъ лѣса, на условіи поселенія колонистовъ, учрежденія фабрикъ и пр.[1]). Результатомъ его путешествій, между прочимъ, явилось сочиненіе — «Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824» (Paris, 1826, 2 voll.), снабженное атласомъ и картами[2]). Такъ какъ Тифлисъ долженъ былъ сдѣлаться коммерческимъ центромъ по торговлѣ Франціи съ ближайшимъ востокомъ, то французское правительство и рѣшило учредить тамъ консульство, и первымъ консуломъ былъ назначенъ Гамба (въ 1822 году). Въ качествѣ дипломатическаго агента Гамба посылалъ свои донесенія въ Парижъ, въ министерство иностранныхъ дѣлъ, въ архивахъ котораго они хранятся. Въ приводимомъ г-жею Крамаревой отрывкѣ изъ одного письма Гамба мы и знакомимся съ нѣкоторыми обстоятельствами тегеранской трагедіи 1829 г., о которыхъ тифлисскому французскому консулу приходилось писать лишь по наслышкѣ.

1) См. объ этомъ въ «Запискѣ объ учрежденіи Россійской Закавказской Компаніи», составленной въ Тифлисѣ Грибоѣдовымъ (совмѣстно съ Завелейскимъ) и помѣченной 7-мъ сент. 1828 г. (Мальшинскій, «Неизданная записка А. С. Грибоѣдова» въ «Русс. вѣст.», 1891, сент., стр. 7).

2) Содержаніе этого сочиненія приводится въ трудѣ Міансарова «Bibliographia caucasica et transcaucasica», т. I, отдѣлы I и II (Спб. 1874—75), стр. 352—353.

Появленіе «Voyage» Гамба не могло не возбудить къ себѣ интереса и въ Россіи, и предварительное о немъ извѣстіе появилось въ «Сѣв. архивѣ», 1826, № IX, стр. 98—100 (М., «Путешествіе кавалера Гамбы въ южную Россію и преимущественно въ Кавказскія области»). Въ слѣдующемъ, 1827 году, въ томъ же журналѣ появились, въ переводѣ, и нѣкоторые отрывки (см. № V, стр. 38—56 и № XI, стр. 237—260).

Изложивъ обстоятельства нападенія на русскую миссію и послѣдовавшія за нимъ убійства, Гамба посвящаетъ нѣсколько словъ и личности Грибоѣдова. «M. de Griboyedoff, — читаемъ мы, — qui vient de perdre la vie d'une manière si cruelle, était un homme de beaucoup d'esprit, *distingué comme orientaliste* [курсивъ нашъ!] et comme littérateur; il connaissait parfaitement la Perse sous le rapport des hommes et des choses; sa mort qui a excité ici [т. е. въ Тифлисѣ] les plus vifs regrets, est une véritable perte pour la Russie....».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Гамба, — человѣкъ просвѣщенный (полученное во Франціи образованіе онъ пополнилъ въ Германіи) и авторъ нѣсколькихъ трудовъ, — называя Грибоѣдова литераторомъ, отмѣчаетъ въ тоже время его интересъ къ изученію востока («distingué comme orientaliste») и, въ частности, его знаніе Персіи[1]).

Выше, по поводу извѣстія объ изученіи Грибоѣдовымъ санскритскаго языка, нами было сдѣлано предположеніе, «что Грибоѣдовъ могъ начать свои занятія санскритомъ подъ руководствомъ одного изъ членовъ англійской миссіи въ Тавризѣ». Предположеніе это основывалось на имѣвшихся уже свѣдѣніяхъ объ отношеніяхъ Грибоѣдова къ англійскимъ дипломатамъ въ Персіи. (Срв., что говоритъ Булгаринъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о Грибоѣдовѣ: «Поведеніемъ своимъ и характеромъ онъ [Грибоѣдовъ] снискалъ себѣ уваженіе цѣлой англійской миссіи въ Таврисѣ....»; см. въ изданіи Серчевскаго, стр. X). Въ

1) То теплое участіе, которое чувствуется въ строкахъ, посвященныхъ французскимъ консуломъ Грибоѣдову, заставляетъ думать, что Гамба былъ лично знакомъ съ авторомъ «Горя отъ ума». Документальныхъ данныхъ для установленія этого факта у насъ нѣтъ, и единственное упоминаніе о Гамба у Грибоѣдова намъ пока извѣстно лишь въ составленной (въ сентябрѣ 1828 г.) имъ (совмѣстно съ Завелейскимъ) «Запискѣ объ учрежденіи Россійской Закавказской Компаніи» (срв. выше).

настоящее время мы имѣемъ въ донесеніи Гамба новое указаніе на близость Грибоѣдова къ англичанамъ. «Aucun des employés, — писалъ французскій консулъ, — de la légation anglaise ne se trouvait à Téhéran lorsque cet affreux événement a eu lieu, et les lettres que j'en ai rcçues me témoignent toute l'indignation qu'elle a éprouvé et le vif intérêt qu'elle a pris à la mort de M. Griboyedoff, *lié depuis longtemps d'amitié avec les Anglais qui résident en Perse* [курсивъ нашъ!]» (Kramareva, «A. S. Griboïédov etc.», pp. 149—150).

Такимъ образомъ, наше предположеніе о возможности научныхъ занятій Грибоѣдова подъ руководствомъ кого-нибудь изъ англичанъ получаетъ новое, косвенное подтвержденіе.

Л. Мсеріанцъ.

«Ганцъ Кюхельгартенъ» Гоголя и «Луиза» Фосса.

«Было бы весьма интересно», пишетъ В. И. Шенрокъ въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», «сравнить идиллію «Ганцъ Кюхельгартенъ» съ «Луизой» Фосса, въ переводѣ Теряева, такъ какъ эта пьеса служила въ настоящемъ случаѣ *образцомъ* для Гоголя, но намъ, къ сожалѣнію, не удалось достать этой книги, сдѣлавшейся въ настоящее время библіографической рѣдкостью»....[1]). Н. А. Котляревскій въ своемъ трудѣ «Н. В. Гоголь» по поводу того же произведенія говоритъ: «Давно было указано на довольно извѣстную идиллію Фосса «Луиза», какъ на оригиналъ, который могъ служить Гоголю образцомъ для его «Ганца» — предположеніе, которое напрашивалось, въ виду *общаго тона и сентиментальнаго настроенія* въ этихъ двухъ памятникахъ. Сходство это однако чисто внѣшнее, и у Фосса нѣтъ намека на тотъ типъ, который данъ въ самомъ Ганцѣ. Но если даже и предположить въ данномъ случаѣ заимствованіе, то оно ничуть не понижаетъ автобіографическаго значенія этого перваго опыта. Западный образецъ надо въ крайнемъ случаѣ признать не за оригиналъ, съ котораго Гоголь списывалъ, а за *предлогъ, который натолкнулъ Гоголя на мысль воспользоваться*

---

1) В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, М. 1892, т. I, стр. 161.

сходной внѣшней формой для выраженія своего внутренняго чувства»[1]).

Котляревскій, конечно, правъ, указывая на автобіографическую важность неудачной литературной попытки Гоголя: еще Кояловичъ сравненіемъ «Ганца» съ письмами Гоголя убѣдилъ въ тожествѣ настроеній героя идилліи съ ея авторомъ[2]). Но вопросъ объ отношеніи къ произведенію Фосса остался открытымъ, а между тѣмъ, если даже опредѣлять это отношеніе, какъ «предлогъ, который натолкнулъ Гоголя на мысль воспользоваться сходной внѣшней формой» или характеризовать сходство, какъ «чисто-внѣшнее», то всетаки небезынтересно *конкретно* уяснить предѣлы этого сходства.

Сходство между произведеніями можетъ обусловливаться воздѣйствіемъ на разныхъ писателей одного и того же факта дѣйствительной жизни, какъ, напримѣръ, въ повѣсти Дм. Карышева «Совѣсть»[3]) и романѣ Л. Толстого «Воскресеніе». Въ такомъ случаѣ сходство обнаруживается только въ общихъ чертахъ и ограничивается исключительно фабулой.

Совпаденія подобнаго рода, однако, сравнительно рѣдки. Чаще сходство бываетъ результатомъ заимствованія или подражанія, причемъ источникомъ того и другого можетъ явиться *безсознательное творчество*, синтезирующее всѣ впечатлѣнія жизни, въ томъ числѣ и литературныя. Такое безсознательное подражаніе замѣчается въ безконечномъ рядѣ художественныхъ произведеній разныхъ эпохъ и народовъ. Въ этихъ случаяхъ сходнымъ оказывается настроеніе писателей, характеристика героевъ, художественная архитектоника, замыселъ. Духовное родство двухъ писателей чувствуется, но оно не всегда даже поддается прямому учету, расплываясь въ мало уловимыхъ очертаніяхъ.

---

1) Н. Котляревскій. Н. В. Гоголь. СПБ. 1903, стр. 11.
2) «Московскій Сборникъ» С. Шарапова, 1887 года.
3) Дм. Карышевъ. Совѣсть. Этюдъ. СПБ. 1892.

Бываютъ, наконецъ, и такіе случаи сходства, когда писатель мало талантливый или начинающій, не владѣющій еще формой, и неспособный потому всецѣло отдаваться потоку творческихъ идей, заимствуетъ или подражаетъ *сознательно*. Въ подобныхъ случаяхъ сходство обнаруживается легко въ отдѣльныхъ картинахъ и даже выраженіяхъ. Скудость непосредственныхъ творческихъ настроеній, бѣдность образовъ и незначительность лексикона толкаютъ на прямой захватъ чужой собственности.

Изученіе сходства между различными произведеніями имѣетъ двоякое значеніе, въ зависимости отъ того, насколько это сходство идетъ вглубь и вширь: или такое изученіе знакомитъ насъ съ литературнымъ развитіемъ даннаго писателя, вводитъ въ процессы его творчества и позволяетъ наблюдать за ростомъ дарованія, или даетъ возможность понять настроенія общества въ извѣстный моментъ, угадать его идеологію, опредѣлить кругъ интересовъ, владѣвшихъ имъ, и т. п.

Безъ всякаго сомнѣнія, вопросъ о сходствѣ нѣмецкой идилліи съ «созданіемъ юнаго таланта», какъ назвалъ Гоголь свой литературный опытъ въ рекламномъ предисловіи къ изданію, имѣетъ только узкое значеніе, однако при спеціальномъ изученіи Гоголя его обойти нельзя.

Сопоставляя «Ганца Кюхельгартена» съ нѣмецкимъ подлинникомъ «Луизы» и русскимъ переводомъ Теряева[1]), приходишь къ безусловному заключенію, что Гоголь пользовался русскимъ текстомъ. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть въ виду переводъ Теряева.

---

1) Луиза. Сельское стихотвореніе, въ трехъ идилліяхъ, Ивана Генриха Фосса. Переводъ съ нѣмецкаго. Павла Теряева. СПБ. При Императорской Академіи Наукъ. 1820.—Цензурное разрѣшеніе 16 апрѣля 1820 года.

Припомнимъ содержаніе Фоссова произведенія: *Идиллія первая. Праздникъ въ лѣсу.* — Среди сельской обстановки, «на дворѣ, въ прохладной тѣни двухъ липъ сплетенныхъ» празднуетъ рожденіе своей дочери Луизы добрый, «разсудительный» пасторъ, «окруженный любезными сердцу». Онъ вспоминаетъ старое время, «добру поучая въ разсказахъ». Послѣ обѣда пасторъ идетъ отдыхать въ свою свѣтелку, а молодежь отправляется гулять въ лѣсъ. Луиза все время стремится быть съ юнымъ Вальтеромъ, который скромно любитъ ее. Въ рощѣ, уединившись, они обмѣниваются первыми робкими поцѣлуями.— Между тѣмъ является пасторъ. Всѣ собираются къ лодкѣ и ѣдутъ на другой берегъ озера пить кофе. Тутъ же хлопочетъ вѣрный слуга пастора, «услужливый Ганцъ», который «на рукахъ своихъ пяньчилъ, лелѣялъ» Луизу, когда она «была дитей и едва лепетать разумѣла». Это простой мужикъ, «старинушка добрый и честный». Пасторъ погружается въ воспоминанія и заводитъ бесѣду на религіозно-нравственныя темы, а затѣмъ проситъ «радость-Луизу» спѣть его любимую пѣсню. Весь день проходитъ въ веселыхъ шуткахъ за кофе, виномъ и трубкой. Въ полночь компанія возвращается домой, довольная и радостная.

Идиллія вторая. Посѣщеніе. — Вальтеръ объявленъ женихомъ Луизы. Ѣдучи изъ Зельдорфа, гдѣ населеніе избрало его въ пасторы, онъ дѣлаетъ крюкъ, чтобы посѣтить невѣсту.

Идиллія третья. Дѣвичникъ. — Подробное длиннѣйшее описаніе пира съ почетными гостями.

Какъ видимъ, *въ содержаніи* «Луизы» и «Ганца Кюхельгартена» сходства нѣтъ никакого, хотя героини обѣихъ идиллій и носятъ одно и то же имя. Ганцу Гоголевскаго произведенія соотвѣтствуетъ Вальтеръ Фосса, но между ними не чувствуется ни малѣйшаго родства: Вальтеръ — типичный добродушный нѣмецъ, здоровый и спокойный; онъ ясно смотритъ въ будущее и не задумывается ни надъ однимъ изъ «проклятыхъ» вопросовъ. Жизнь въ кругу родной семьи, сытая и довольная, мирная па-

сторская дѣятельность—вотъ его идеалъ. Ни колебаній, ни сомнѣній, ни разочарованія; полное отсутствіе какихъ бы то ни было порывовъ, нарушающихъ идиллическое душевное равновѣсіе.—На Ганцѣ Гоголя уже опредѣленная печать романтики:

. . . Взоръ туманенъ:
И часто смотритъ онъ на даль,
И безпокоенъ весь и страненъ.
Чего-то смѣло ищетъ умъ,
Чего-то тайно негодуетъ;
Душа, въ волненьи темныхъ думъ
О чемъ-то, скорбная, тоскуетъ.
Онъ, какъ прикованный, сидитъ,
На море буйное глядитъ;
Въ мечтаньи все кого-то слышитъ
При стройномъ шумѣ ветхихъ водъ.
Или въ долинѣ ходитъ думный;
Глаза торжественно блестятъ,
Когда несется вѣтеръ шумный
И громы жарко говорятъ. . . .
Иль въ часъ полночи, въ часъ мечтаній
Сидитъ за книгою преданій. . . .
Чудесной мыслью очарованъ,
Подъ дуба сумрачную сѣнь
Идетъ онъ часто въ лѣтній день;
Къ чему-то тайному прикованъ,
Онъ видитъ тайно чью-то тѣнь,
И къ ней онъ руки простираетъ,
Ее въ забвеньи обнимаетъ.

Вальтеръ идиллически-любовно относится къ людямъ и къ жизни. Въ судьбѣ онъ видитъ добрую мать, а не злую мачеху. Скромный въ своихъ желаніяхъ, онъ никогда не испытаетъ необходимости вступить съ ней въ бой и кончить свое земное по-

прище такъ же тихо, такъ же «окруженный любезными сердцу», какъ и «разсудительный» старый пасторъ.—Ганцъ, блуждая по свѣту, узналъ много истинъ, но «въ глубинѣ души опальной» не сталъ счастливѣе; его влекла жажда славы, но оказался «ложенъ чадъ ея густой, горька блестящая отрава». Измученный судьбой, онъ

. . . . зло смѣется надъ собою,
Что повѣрялъ своей мечтой
Свѣтъ ненавистный, слабоумной;
Что задивился въ блескъ пустой
Своей душою неразумной;
Что, не колеблясь, смѣло онъ
Симъ людямъ кинулся въ объятья
И, околдованъ, охмеленъ,
Въ ихъ злыя вѣрилъ предпріятья.
Какъ гробы, холодны они,
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки,
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги, и близки.
Они позорятъ дивный даръ,
И попираютъ вдохновенье,
И презираютъ откровенье.
Ихъ холоденъ притворный жаръ,
И гибельно ихъ пробужденье» . . . .

Такимъ образомъ, *ни въ общемъ тонѣ, ни въ настроеніи, ни въ обрисовкѣ характеровъ точекъ соприкосновенія между произведеніями Гоголя и Фосса нѣтъ*. И если уже искать въ *этомъ* направленіи аналогій, то ихъ скорѣе можно найти не въ сентиментально-тягучей идилліи Фосса, а въ произведеніяхъ Жуковскаго и Пушкина. Скитанія Ганца напоминаютъ скитанія Эсхина, общее же настроеніе и тонъ роднятъ его съ героями юношескихъ произведеній Пушкина, Алеко, кавказскимъ плѣнникомъ.

Нѣкоторыя картины навѣяны балладами Жуковскаго. Напр., въ стихахъ:

«Подымается протяжно
Въ бѣломъ саванѣ мертвецъ,
Кости пыльныя онъ важно
Отираетъ молодецъ;
Съ чела давняго хладъ вѣетъ,
Въ глазѣ палевой огонь,
И подъ нимъ великой конь
Необъятный весь бѣлѣетъ
И все болѣе растетъ,
Скоро небо обойметъ;
И покойники съ покою
Страшной тянутся толпою.
Земля колется и — бухъ
Тѣни разомъ въ бездну... Уфъ!»

— чувствуется вліяніе «Людмилы».

И того и другого автора Гоголь долженъ былъ хорошо знать еще на школьной скамьѣ: вѣроятнѣе всего, они и оказали наибольшее вліяніе на его первый литературный опытъ. Врядъ-ли можно придавать серьезное значеніе упоминанію въ идилліи книгъ, которыя будто бы читалъ Ганцъ:

«Платонъ и Шиллеръ своенравный,
Петрарка, Тикъ, Аристофанъ
Да позабытый Винкельманъ» [1]).

---

1) «Подборъ книгъ чрезвычайно любопытный», пишетъ по этому поводу Н. А. Котляревскій. «Это — библіотека, составленная изъ сочиненій лучшихъ выразителей тѣхъ поэтическихъ мотивовъ, которые преобладаютъ въ поэзіи самого Гоголя. Платонъ и Шиллеръ, какъ пѣвцы того міра идей, тоска по которомъ не покидала нашего писателя во всѣ моменты его жизни; Петрарка, какъ пѣвецъ неземной любви, влюбленный въ воздушный женскій образъ, которымъ бредила и разгоряченная фантазія нашего поэта; Аристофанъ — Гоголь аѳинской республики; Винкельманъ—восторженный жрецъ античной красоты, и, наконецъ, Тикъ, средневѣковой Паладинъ, кудесникъ, живущій въ такомъ ладу со всѣмъ міромъ привидѣній». (Н. А. Котляревскій. Гоголь. Спб. 1903, стр. 12).

Имена этихъ писателей были извѣстны Гоголю по наслышкѣ, изъ курса эстетики; по крайней мѣрѣ, Платонъ и Петрарка упоминаются въ оффиціальной программѣ 6-го класса: первый—въ группѣ «изящныхъ риторовъ», второй — среди «изящныхъ стихотворцевъ»[1]). Говорилось, конечно, на урокахъ и объ Аристофанѣ. Безъ Винкельмана преподавателю эстетики тоже нельзя было обойтись. Ближе всѣхъ названныхъ писателей, и притомъ непосредственно, Гоголь былъ знакомъ съ Шиллеромъ, котораго нѣжинскіе гимназисты тщательно изучали подъ руководствомъ своего профессора[2]). Шиллеромъ Гоголь особенно увлекался: «За Шиллера», пишетъ онъ матери 6 апрѣля 1827 года, «котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я 40 рублей: деньги, весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу съ величайшею пріятностью»[3]). Правда, одинъ изъ товарищей Гоголя впослѣдствіи разсказывалъ, что это было только минутное увлеченіе и что Гоголь не могъ справиться съ языкомъ Шиллера[4]), однако самый фактъ увлеченія Шиллеромъ нельзя не отмѣтить, и, можетъ быть, картина III «Ганца» находится въ нѣкоторой родственной связи съ извѣстнымъ стихотвореніемъ Шиллера «Die Götter Griechenlands».

Что касается Жуковскаго и Пушкина, то съ ними Гоголь, видимо, былъ знакомъ хорошо: Жуковскій уже признавался оффиціально, и прохожденіе его рекомендовалось программой наряду съ Ломоносовымъ, Сумароковымъ, Херасковымъ и Державинымъ, хотя и «безъ дальнѣйшихъ умствованій, умозрѣній и умоположеній»[5]). Пушкинъ былъ запретнымъ плодомъ, но это не мѣшало ученикамъ читать его и, вѣроятно, съ болѣе, чѣмъ

---

1) И. А. Сребницкій. Матеріалы для біографіи Гоголя, стр. 336.
2) Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко, стр. 262.
3) Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 69.
4) Кулишъ. «Записки о жизни Гоголя» т. I, стр. 37.
5) И. А. Сребницкій. Op. cit., стр. 336.

обычнымъ вниманіемъ. Вотъ что докладывалъ конференціи инспекторъ 25 октября 1826 года: «Нѣкоторые воспитанники пансіона, скрываясь отъ начальства.... читаютъ книги, неприличныя для ихъ возраста, *держатъ у себя сочиненія Александра Пушкина и другихъ подобныхъ»*. Увлеченіе Пушкинымъ констатируется дневниками и воспоминаніями нѣжинскихъ гимназистовъ, товарищей Гоголя. Ученики на урокахъ россійской словесности даже подкладывали учителю вмѣсто своихъ стиховъ, писаніе которыхъ было обязательно[1]), стихотворенія Пушкина, и ничего не подозрѣвавшій литературный старовѣръ-учитель громилъ ихъ, подвергая нещадному разбору[2]).

Очевидно, новыя литературныя вѣянія дошли до стѣнъ нѣжинскаго лицея, и его питомцы сроднились съ сентиментально-

---

1) Въ «предложеніи» директора учителю словесности Никольскому указано: «Должна быть преподана поэзія также во всей своей полнотѣ и ясности при изложеніи правилъ съ приведеніемъ на оныя примѣровъ лучшихъ стихотворцевъ; но дѣлать подражаніе онымъ воспитанники должны только въ небольшихъ сочиненіяхъ, поколику сочиненіе сатиръ, поэмъ и другихъ большихъ сочиненій сопряжено для нихъ съ большими неудобностями, и потому должны быть только показаны на сіи сочиненія однѣ правила и въ примѣрахъ — расположенія на оныя. Сверхъ сего выучиваніе наизустъ поэмныхъ стихотвореній необходимо должно быть сопряжено съ изученіемъ сей наукѣ, поколику чрезъ сіе можетъ быть отклонена натяжка въ стихахъ при сочиненіи оныхъ воспитанниками, и пріобрѣтена пріятность и плавность». (И. А. Сребницкій. Op. cit., стр. 335—336).

2) Несторъ Кукольникъ разсказываетъ объ учителѣ словесности: «Онъ спорилъ съ нами.... до слезъ; заставлялъ насъ насильно восхищаться Ломоносовымъ, Херасковымъ, даже Сумароковымъ; проповѣдывалъ ex cathedra важность и значеніе эпопеи древнихъ формъ, а байроновскія поэмы тѣхъ временъ называлъ велегласно побасенками.... Мы на каждой лекціи подкладывали ему для исправленія вмѣсто своихъ стихи Пушкина, Козлова, Языкова и другихъ».... (Н. Кукольникъ въ книгѣ «Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко. Изд. 2-е, исправленное и дополненное», стр. 294—296).—То же подтверждается и другимъ товарищемъ Гоголя: «Профессоръ торжественно подвергалъ строгой критикѣ стихотворенія эти, изъявлялъ сожалѣніе, что стихъ былъ гладокъ, а толку мало; «ода не ода», говорилъ онъ, «элегія не элегія, а чортъ знаетъ что»; затѣмъ начиналъ поправлять. Помнится, и «Демонъ» Пушкина былъ переправленъ и передѣланъ на ладъ профессора нашего, къ неописанному веселію всего класса» (Шенрокъ. Матеріалы, т. I, стр. 91).

романтическими темами современной русской литературы. Впечатлительный Гоголь, конечно, не остался чуждъ сентиментально-романтическаго вліянія, тѣмъ болѣе, что личныя настроенія и свойства его натуры вполнѣ гармонировали съ господствовавшимъ литературнымъ направленіемъ. Этимъ и обусловливалось сходство общаго тона «Ганца», съ одной стороны, съ юношескими поэмами Пушкина и поэзіей Жуковскаго, съ другой—съ школьными его письмами 1827 года (къ Высоцкому — 26 іюня, къ Косяровскому—3 октября, къ матери — 13 ноября). Указаніе въ *этомъ* отношеніи на идиллію Фосса не можетъ быть ничѣмъ подтверждено и оправдано.

Но если въ общемъ тонѣ и въ изображеніи героевъ не обнаруживается связи между «Ганцемъ» и «Луизой», то сходство нѣкоторыхъ мелочей не подлежитъ сомнѣнію. Привожу всѣ отрывки, въ которыхъ есть хотя бы ничтожныя совпаденія:

Идиллія «Луиза».	*Идиллія «Ганцъ Кюхельгартенъ».*
Разъ на дворѣ въ *прохладной тѣни двухъ липъ* соплетенныхъ, Съ полдня которыя, домъ осѣняя, шумѣли надъ кровлей, Праздновалъ добрый пасторъ съ друзьями, въ *нарядномъ халатѣ*, Мирно за каменнымъ сидя столомъ на *раскрашенныхъ креслахъ* Ярко-зеленой и бѣлою краской, которыя *сдѣлалъ* Тайно *въ подарокъ* ему предъ зимнимъ каминомъ *привратникъ*. Сидя безпечно, старикъ, окруженный любезными сердцу, Душу свою услаждалъ, добру поучая въ разсказахъ.... (Идиллія I, стихи 1—8).	На берегу, далеко вшедшемъ въ море, *Подъ тѣнью липъ* стоитъ уютный домикъ Пастора.... Пасторъ всю ночь не спалъ, да предъ разсвѣтомъ Ужъ вышелъ спать на чистый воздухъ; И дремлетъ онъ подъ липой въ *старыхъ креслахъ*..... И вотъ надѣлъ *нарядный свой халатъ*, Весь изъ парчи серебряной, блестящей, И праздничный не ношеный колпакъ — Его *въ подарокъ* нашему пастору Изъ города *привезъ* недавно *Ганцъ*.... (Картина I).
Съ радостнымъ крикомъ *толпятся цыплята съ цецаркой* къ дѣвицѣ, Щиплютъ изъ рукъ ея хлѣбъ, увидя, что тамъ издалека	....Вотъ Въ проломъ на чердакѣ *толпится стая* *Мохнатыхъ голубей*; протяжно *клохчутъ*

Куры съ своимъ пѣтухомъ, ожидая корму, кудахчутъ;
Клокчутъ индѣйки, а здѣсь *голубки* межъ собою воркуютъ.
(Идиллія I, стихи 8—13).

Индѣйки; хлопая, встрѣчаетъ день
Крикунъ-пѣтухъ и по двору вотъ важно,
Межъ пестрыхъ *куръ*, онъ кучи разгребаетъ
Зернистыя; гуляютъ тутъ же двѣ
Ручныя козы....
(Картина VI).

Пасторъ *празднуетъ рожденіе своей дочери Луизы.*

Вильгельмъ Баухъ празднуетъ *«рожденіе дорогой своей супруги»*, дочери Пастора.—Луиза его внучка.

Съ лаской привѣтной подноситъ милая наша Луиза
Старцу и своему провожателю *трубки* съ кисетомъ
Кожанымъ, пестрымъ, тюленьимъ, и вотъ пріятели дружно
Сѣли въ кружокъ на травѣ: пасторъ здѣсь справа съ дитятей,
Подлѣ хозяйка сидитъ и, хвалясь своимъ *кофе* Левантскимъ,
Всѣмъ разливаетъ гостямъ напитокъ *свѣтлый* и вкусный.
(Идиллія I, стихи 335—340).

Вотъ старая Гертруда ставитъ *кофій*,
Горячій и весь *свѣтлый*, какъ янтарь;
Старикъ любилъ на воздухѣ пить кофій,
Держа во рту черешневый *чубукъ*.
(Картина I).

Милая! да у тебя, какъ огонь, разгорѣлися щеки?
Видъ ихъ, правда, хорошъ; но *страшися ты вѣтра сквознаго.*
И обогрѣйся, душа, у отцовскаго нѣжнаго сердца.
Въ жаръ простудиться легко.
(Идиллія I, стихи 345—349).

«Ну, берегитесь, дѣти»,
Сказалъ Вильгельмъ: *«здѣсь сыро и роса,*
Чтобъ не нажить несноснаго вамъ кашля».
(Картина VII).

Катанье на лодкѣ.

Добрый пасторъ съ гостьми пріѣзжавшими въ скучную зиму,
Бишефъ, малагу и пуншъ и шампанское кушать изволилъ.
Также приносятъ они приправленныхъ будрою раковъ,....
Вафлей коричневыхъ, ровно накладенныхъ верхомъ на блюдѣ,

Катанье на катерѣ.

Подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, вѣчно милыхъ,
Стоялъ съ утра дубовый столъ, весь чистой
Покрытый скатертью и весь уставленъ
Душистой яствой: *желтый* вкусный *сыръ,*
Редисъ и *масло въ фарфоровой уткѣ,*

И благовонную вдоль съ зелеными пятнами дыню;
Желтое масло въ листахъ и *въ масленицѣ синеватой,*
Крышка которой украшена гладкимъ стеклянныиъ теленкомъ;
Сыръ зеленый и *желтый*; пастору *рѣдьку* большую,
Яблоковъ, вишенъ и сливъ, и смородины красной и черной.
(Идиллія I, стихи 535—545).

И пиво, и вино, и сладкій *бишефъ,*
И сахаръ, и *коричневыя вафли;*
Въ корзинѣ спѣлые, блестящіе плоды:
Прозрачный гроздъ, душистая малина,
И, какъ янтарь, желтѣющія груши,
И сливы синія и яркій персикъ,
Въ затѣйливомъ видиѣлось все порядкѣ.
(Картина VI).

Приведенными отрывками, въ которыхъ у Гоголя встрѣчаются даже отдѣльныя заимствованныя выраженія, и ограничивается все сходство. Болѣе нигдѣ, при самомъ тщательномъ сопоставленіи, нельзя найти какихъ либо, хотя бы отдаленныхъ совпаденій. Вторая и третья идилліи «Луизы» уже не оказали на Гоголя ни малѣйшаго вліянія.

Такимъ образомъ, приходится значительно сузить вопросъ объ отношеніи «Ганца Кюхельгартена» къ «Луизѣ»; въ нѣмецкой идилліи нельзя видѣть ни «образца», ни даже «предлога», который натолкнулъ Гоголя на мысль «воспользоваться сходной внѣшней формой для выраженія своего внутренняго міра». Слишкомъ ужъ незначительны всѣ отмѣченныя совпаденія. Если принять при этомъ во вниманіе ихъ немногочисленность и случайность въ общемъ содержаніи и построеніи «Ганца», то будетъ ясно, что рамки сопоставленій нужно ограничить и что форму, тонъ, настроеніе и наконецъ весь замыселъ Гоголевскаго произведенія цѣликомъ слѣдуетъ вынести далеко за предѣлы этихъ рамокъ.

Н. Кульманъ.

Изъ церковно-славянской учительной литературы.

I.

Между многочисленными «словами» древнихъ русскихъ и южно-славянскихъ сборниковъ мы отмѣтили небольшую группу поученій, т. е. «словъ» не торжественнаго, а учительнаго характера, въ которыхъ поученіе болѣе или менѣе пространно, настойчиво и ярко.

Эти «слова» принадлежатъ къ числу лучшихъ «словъ» южно-славянской литературы.

Всѣ они—несомнѣнно древни; всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ же словарный матеріалъ; этотъ матеріалъ въ общемъ—тотъ самый, что и у Іоанна экзарха Болгарскаго. Изъ этого можно видѣть, что составителемъ «словъ» было лицо изъ литературнаго кружка царя Симеона, одинъ изъ сотрудниковъ Іоанна экзарха.

Списки или не приписываютъ ихъ никакому автору, или имѣютъ имя Іоанна Златоустаго. И только одно «слово», только въ русскихъ спискахъ, даетъ намъ имя «Григорія епископа Наньзіяньскаго».

Имя *Григорій*, по нашему мнѣнію,—принадлежитъ составителю словъ; повидимому, и титулъ *епископа*—также его собственный. Что же до наименованія его *Наньзіяньскимъ*, то это прилагательное намъ кажется или вставленнымъ по догадкѣ одного изъ переписчиковъ, или замѣнившимъ какое-нибудь дру-

гое прилагательное, нѣсколько близкое по звукамъ [1]). Само собою разумѣется, мы не въ силахъ дать обоснованное предположеніе, какъ именно первоначально звучало это прилагательное. Во всякомъ случаѣ прилагательное *Наньзіяньскій* намъ ничего не говоритъ, такъ какъ «слово» не имѣетъ ничего общаго со словами Григорія Богослова, которому принадлежитъ эпитетъ *Наньзіяньскій*.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, составитель былъ изъ кружка царя Симеона, носилъ имя Григорія и былъ епископомъ въ какомъ-то городѣ болгарскаго царства конца IX — начала X вѣка.

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о литературныхъ дѣятеляхъ симеоновскаго кружка, тѣмъ не менѣе мы знаемъ между ними лицо съ именемъ Григорія.

Два списка русскаго Хронографа древнѣйшей редакціи (одинъ—Московскаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, другой—Виленской Публичной Библіотеки), послѣ текста книги Руѳь, сохраняютъ приписку переводчика: «Книгы завѣта Божіа ветхаго, сказающе образы новаго завѣта,... преложеныя отъ греческа языка въ словенскый при князи блъгарстѣмъ Симеоне сыне Бориши *Григоріемъ презвитеромъ мнихомъ* (повидимому пропущено одно или нѣсколько словъ) *всѣхъ церковникъ блъгарскыхъ церквій*, повелѣніемъ того книголюбца князя Симеона»...

Изъ нея видно, что іеромонахъ Григорій былъ какъ-бы благочиннымъ въ собственной Болгаріи и имѣлъ подъ своимъ надзоромъ духовенство «болгарскихъ» церквей, т. е. тѣхъ, гдѣ служба происходила на церковно-славянскомъ языкѣ. Прочее духовенство Болгаріи, служившее на греческомъ языкѣ, было въ непосредственномъ подчиненіи своимъ епископамъ грекамъ.

И. Е. Евсѣевъ [2]) полагаетъ, что приписка указываетъ на

---

1) Перечень епископскихъ каѳедръ въ древней Болгаріи, между прочимъ см. у Дринова, Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ. М. 1875, стр. 71.

2) *Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Акад. Н.* 1902 г., т. VII, стр. 356 сл.

переводъ Григоріемъ полнаго восьмикнижія, т. е. пяти книгъ Моисеевыхъ, книгъ Іисуса Навина, Судей и Руѳи. Мы думаемъ, что указаніе можетъ ограничиваться даже одною книгою Руѳь, такъ какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ слово *кънигы* было plurale tantum, т. е. могло означать и одну книгу. Впрочемъ изслѣдованіе редакцій и особенностей древняго перевода книгъ ветхаго завѣта, уже значительно подвинувшееся впередъ благодаря И. Е. Евсѣеву и А. В. Михайлову, надѣемся, скоро рѣшитъ вопросъ и о симеоновской редакціи этого перевода, и объ числѣ переводчиковъ, работавшихъ надъ симеоновской редакціей.

Нельзя пройти молчаніемъ и того, что имя Григорія находится также въ календарѣ Остромирова Евангелія, Мстиславова Евангелія и Охридскаго Апостола подъ 8 января. Это — *Григорій епископъ Мисіи*. Какъ извѣстно, *Мисіей* (Μοισία) греки-византійцы нерѣдко называли Болгарію IX—X вѣковъ; повидимому, у нихъ это названіе иногда звучало *Минсіа*[1]); — слѣдовательно, епископъ Мисіи—то же, что епископъ Болгаріи. Сравни наименованіе Іоанна — экзархомъ Болгарскимъ, а Климента — епископомъ Словѣнскимъ. Надо полагать, что Григорій былъ епископомъ въ Болгаріи для ея славянской паствы, тогда какъ другіе епископы Болгаріи, жившіе въ греческихъ городахъ или въ городахъ съ значительнымъ числомъ жителей грековъ, вѣдали только греческую паству своихъ епархій. Преосвященный Филаретъ Черниговскій, а за нимъ и преосвященный Сергій Владимирскій даютъ дату смерти Григорія епископа Мисіи—1012 годъ (*Сергій*, Полный мѣсяцесловъ Востока, II², стр. 8), но безъ достаточнаго основанія[2]). Трудно думать, чтобы написанное въ

---

1) Эта форма въ Житіи Наума XVI в. Іорданъ Ивановъ, Български старини изъ Македония. Соф. 1908, стр. 51.

2) Они основываются на неполной и нечеткой греческой надписи въ Охридѣ, гдѣ говорится повидимому о «Григоріи»: «поучаетъ божественнымъ законамъ народы мисійцевъ»; она приведена Григоровичемъ въ его «Обзорѣ путешествія по Европ. Турціи», изд. 2-ое, стр. 100. Дата—неясная; можетъ относиться къ постройкѣ храма.

Россіи въ 1056—1057 годахъ Остромирово Евангеліе могло заключать въ себѣ, въ числѣ памятей святыхъ,—память болгарскаго епископа, умершаго менѣе 50 лѣтъ назадъ въ Болгаріи.

Сопоставляя всѣ наши данныя о Григоріи, мы можемъ придти къ предположенію, что Григорій епископъ «слова» — то же лицо, что іеромонахъ Григорій приписки въ Хронографѣ и Григорій епископъ Болгаріи Остромирова Евангелія.

«Слова» учительнаго характера, объединяемыя нами въ одну группу, имѣютъ нѣсколько общихъ внѣшнихъ признаковъ.

Всѣ они — «слова» на тексты. Они начинаются — текстомъ. Затѣмъ идетъ пространное толкованіе текста. Далѣе слѣдуетъ собственно-учительная часть, иногда отдѣленная отъ предыдущаго изложенія заголовкомъ «Поученіе».

Въ заголовкѣ «словъ» находится указаніе: «отъ сказанія евангельскаго», если текстъ взятъ изъ Евангелія.

Повидимому, всѣ «слова» болѣе или менѣе не оригинальны. Нѣкоторыя, въ большей своей части, или цѣликомъ,—свободный переводъ поученій Іоанна Златоустаго.

О словарномъ матеріалѣ мы не будемъ говорить подробно. Здѣсь мы только отмѣтимъ, что «слова» группы имѣютъ болѣе или менѣе часто *имъже* (= такъ какъ), *небонъ*, *единако*, *дѣльма*, *радьма*, *мѣнити*, *рекъше* (а не *сирѣчь*).

Первое слово, объ апостолѣ Ѳомѣ, издается нами по русскимъ спискамъ XV вѣка. Варіанты взяты изъ сербскаго списка 1328 года Бѣлградской Народной Библіотеки. Обиліе въ немъ искаженій не позволило намъ положить его во главу угла[1]).

1) Въ этомъ спискѣ много остатковъ средне-болгарскаго оригинала.

Русскіе списки XV—XVII вѣковъ—не рѣдкость. Учительная часть «слова», съ началомъ: Мнозии слышавъше глаголють блажени ти суть,—находится въ такъ называемомъ Златоструѣ Имп. Публичной Библіотеки XII вѣка, л. 180 («Іоанна Златоустаго поучение къ людьмъ и о безумьныихъ»), не безъ редакторскихъ измѣненій.

«Слово»—переводъ 87-й бесѣды Златоустаго на Евангеліе Іоанна[1]), свободный и неполный.

Второе слово—первое изъ двухъ словъ на Крещеніе—издается по сербскому списку собранія Хлудова (Никольскаго Единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ), XIV вѣка. Оно—переводъ 12-й бесѣды Златоустаго на Евангеліе Матѳея. Это слово надо отличать отъ принадлежащаго Клименту слова на Крещеніе, имѣющаго сходное начало.

Другой сербскій списокъ—въ сборникѣ Бѣлградской Народной Библіотеки № 459, л. 97. Русскихъ списковъ мы не знаемъ.

Третье—«Слово на крьщеніе Христово отъ сказания еѵангельскаго». Начало: Вь они дни приде Іоань Крьститель проповѣдае... (Ев. Матѳея, III, 1—2). Вь кые дни они? небо тогда, егда... Находится въ сербскомъ Хлудовскомъ сборникѣ XIV в. № 195, л. 196 об. и представляетъ собою свободный переводъ 10-й бесѣды Златоустаго на Евангеліе Матѳея[2]).

Четвертое—«...Іоанна Златоустаго слово въ недѣлю 50-ю отъ сказанія еѵангельскаго». Начало: Въ послѣдній день великаго праздника зваше Ісусъ рекый: аще кто жаждетъ... (Ев. Іоанна, VII, 32—38). Иже приступаетъ ко божественному ученію... Находится въ сборникѣ Ундольскаго XVI в. № 561, л. 566 об., и въ другихъ позднихъ русскихъ сборникахъ; сверхъ

1) Migne, Patrologia, p. gr., т. 59, стр. 473.
2) Migne, т. 57, стр. 183.

того, оно (вѣроятно) находится въ сербскомъ сборникѣ XV в. Букурештскаго Національнаго Музея № 372 (по Яцимирскому). Оно — свободный переводъ 51-й бесѣды Іоанна Златоустаго на Евангеліе Іоанна [1]); конецъ этой бесѣды оставленъ безъ перевода.

Пятое—«Иоана Златаустаго слово отъ сказанія евангельскаго». Начало: Понеже убо много имамъ глаголати, нъ не имате терпѣти нынѣ... (Ев. Іоанна, XVI, 12). Да на пользу есть, аще азъ иду.. Мы знаемъ это слово по списку въ сборникѣ Ундольскаго XVI в. № 561, л. 312, и по другимъ позднимъ русскимъ спискамъ. Часть его имѣетъ обыкновенно особое заглавіе: «Поученіе о любви»; она издана Н. К. Никольскимъ [3]). Первая часть «слова», толкованіе, — свободный переводъ части (съ середины) 78-й бесѣды Златоустаго на Евангеліе Іоанна. Вторая, учительная, — представляетъ самостоятельное развитіе изложенія Златоустаго.

Шестое—«Иоана Злато(устаго) слово о яденьи, о пьяницахъ и о сребролюбцахъ». Начало: Братие моя, мнози ходять, якоже многажды глаголахъ, ныне и плача глаголю враги креста Христова... (ап. Павла посланіе къ Филиппис. III, 18—21). Ничтоже тако бещину и кромѣ крестьяньства... Находится въ пергаменномъ сборникѣ Чудова монастыря XIV—XV в. № 21, л. 143 об., и въ другомъ сборникѣ того же монастыря XV в. № 255, л. 199 об. Начало — свободный переводъ 13-ой бесѣды Златоустаго на Посланіе ап. Павла къ Филипписсійцамъ [4]); остальная, лучшая часть слова — повидимому, оригинальна.

Это слово издается нами по упомянутому пергаменному списку.

1) Migne, т. 59, стр. 282.

2) Migne, т. 59, стр. 422.

3) Никольскій, Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности, Спб. 1907, № XIII.—*Извѣстія Отд. р. яз. и словесн. Ак. Н.* 1903 г., кн. 1.

4) Migne, т. 62, стр. 275.

Повидимому, къ этой группѣ «словъ» учительнаго характера принадлежатъ также слова относительно-богатыя бытовымъ матеріаломъ и потому уже обратившія на себя вниманіе специалистовъ. Они извѣстны пока только въ неполномъ видѣ, безъ начала.

Одно—«Іоанна Златоустаго поучение еже о ястърбѣхъ и о псѣхъ и о конихъ», находящееся въ такъ называемомъ Златострyѣ XII в., л. 114, и изданное уже И. И. Срезневскимъ въ 1-мъ изданіи «Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка». Оно входитъ также въ Симеоновскій (настоящій) Златострyй какъ слово 12-е, съ ссылкою въ заглавіи на «Дѣянія», т. е. съ указаніемъ на связь съ какою-либо бесѣдою Златоуста на Дѣянія Апостольскія. Мы не могли отыскать среди бесѣдъ Златоуста подходящаго текста.

Начальныя слова: *Се* вѣдуще, не просто се избираемъ, показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ извлеченіемъ изъ большого слова.

Другое—«Слово о ведрѣ и о казньхъ Божияхъ», находящееся также въ такъ называемомъ Златострyѣ XII в., л. 127, и изданное И. И. Срезневскимъ въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ» № XXIV, но нашедшее мѣсто себѣ и въ Симеоновскомъ Златострyѣ, слово 85-е. Начало: «Братие, тяготу грѣховьную оттрясуще отъ себе, въспрянѣмъ, яко отъ сна тяжька, отъ безаконии и отъ съблазнъ нашихъ». И эти начальныя слова какъ-будто представляютъ собою переходъ отъ одной части поученія къ другой.

Изъ группы словъ на тексты только одно, и то не во всѣхъ спискахъ, имѣетъ въ заглавіи имя автора *Григорія*.

Точно также и изъ другой группы—поученій на воскресные дни великаго поста — только одно встрѣчается въ спискахъ съ именемъ *Григорія*. Древніе списки этого имени не имѣютъ; въ нихъ слово приписывается всего чаще Златоустому. Но въ позднихъ спискахъ имя Григорія на лицо. Въ Уваровскомъ спискѣ № 1779, нач. XVI в., это — Григорій Богословъ; а въ Уваровскомъ спискѣ № 1233, XVII в., это — Григорій папа Римскій.

Мы имѣемъ въ виду слово въ недѣлю о блудномъ сынѣ, которое въ изданномъ спискѣ XIV в. озаглавливается: «Поученіе св. Иоанна Златоустаго, *сказаніе еѵангелиа* отъ Луки»; начало: Възлюбленіи, послушайте самого Христа о покааньи учаща насъ[1]).

И это слово, и другія слова данной группы не имѣютъ въ себѣ ничего такого, что могло бы препятствовать предположенію о принадлежности ихъ перу епископа Григорія. Они смѣшиваются съ краткими словами Климента и, несомнѣнно, представляютъ много сходнаго съ ними и по изложенію, и по словарному матеріалу.

А. Соболевскій.

---

1) Издано Е. В. Пѣтуховымъ, Древнія поученія на воскресные дни великаго поста, стр. 4. Здѣсь, стр. XII, о зависимости поученій отъ словъ Златоуста и др.

Другое слово, въ недѣлю 5-ю великаго поста, имѣетъ заглавіе: Поученіе св. Иоана Златоустаго, *сказаніе отъ еѵангельскихъ словесъ»* (Пѣтуховъ, стр. 27).

1.

Иже въ сты҃ ѡц҃а наше҃. григорїа еп҃па наньзиꙗньскаго. сло҃. нѣ҃лѧ антипасхы. ѿ сказанїа еу҃льскаго[1]).

Ѳома же единъ ѿ ѡбою[2]) на десѧте гл҃емыи близнець не бѣꙗше[3]) с ними. ега҃же приидеть х҃с. гл҃аше[5]) ему оученици видѣхомъ г҃а. сь же ре҃, аще не вижю, то не вѣроую[6]).

ꙗкоже есть[7]) нестроинно просто тако. ꙗкоже сѧ прилоучитъ
298 вѣровати. такоже излиха || и без мѣры. пытати и не по҃добаеть.
небо, нъ дебела то есть оума дѣло. того раи҃ фомѣ поноситъ.
ап҃ломъ бо рекшимъ, видѣхо҃м г҃а. вѣры не ꙗтъ[8]). не толми
дроужинѣ не вѣроуꙗ. ельмаже въскр҃нїе немощно мнѧ. не ре҃ бо
не вѣроую вамъ. нъ ре҃, аще не вложю роукоу моею[9]) в ребра
его. то не вѣроую вамъ. како ли всѣ҃х ап҃ломъ събравши҃сѧ.
того[10]) не бѣꙗше единого. нъ аще то не мню[11]). ꙗкоже сѧ бѣша
разбѣгноули[12]). то тако не бѣ и еще[13]) пришелъ к нимъ. ты҃
ега҃ видиши не вѣроующа оученика. помысли г҃не чл҃колюбие[14]).
како ти за единоу д҃шю. показаетсѧ ꙗзвы имѣꙗ. и прииде да
сп҃сеть единого. сице[15]) и прочи҃. дебелѣиша при разоумѣ соуща
да тѣмъ чювьство҃м дебелы҃м вѣровати хощеть. или[16]) ѡчима
своима не вѣрова. не ре҃ бо аще не вижоу, нъ, аще не посажоу[17]).
ега҃[18]) мѧтежь есть видимое. цѣ[19]) и оученици повѣдающе достоинно. вѣрни[20]) бѣꙗхоу тога҃. и са҃м ѡбѣщеваа. нъ ѡбаче имже

Издается по русскому списку 1444 г. Чудова монастыря № 258, л. 297 об. Варіанты взяты изъ сборниковъ: сербскаго 1328 г. (Бѣлгр. Нар. Библ. № 437) и русскаго XVI в. (Ундол. № 561, л. 410). Варіанты изъ перваго не имѣютъ обозначенія; варіанты изъ второго обозначены буквой У.

1) Только: ска҃нию еу҃лско на андипа҃хоу. Сравни Ев. отъ Іоанна XX, 24—25. 2) двою. 3) Далѣе: тоу. 4) приде. У. приде. 5) гл҃ахоу. У. гл҃аша же. 6) не имоу вѣри. 7) Этихъ двухъ словъ нѣтъ. 8) ю. Слѣдующихъ, до точки, словъ нѣтъ. 9) мою. 10) сего. 11) бѣше тоу. мне. У. то мню. 12) бѣхоу разбѣгли. 13) такожде юдиначе не бѣ҃. 15) чл҃колюбьство. 15) нь. 16) хоте вѣровати. а н. 17) ѡсежоу ре҃. У. посѧжду. 18) юда. У. еда. 19) нь. У. ли. 20) достоини и вѣрни.

проси болѣ. то[1]) ни того самого лихова х҃с[2]), нъ ѡсмыи дн҃ь. не да ли слышавъ[3]) ѿ дроужины, паче възгоритсѧ на любовь. и вѣроуеть ꙗко то боудеть[4]). желаа же видить. ꙗко и ребро есть разверзено ѿ оученикъ слышавъ. како ли не[5]) вѣрова. ѡво и не вѣрова. имже то пречю҆дно и дивно бѣаше. смотри же истинно-любьства ап҃льска. како ти зазоръ, не таитъ ни свои҃ ни дроужинъ[6]). нъ въписаю ти[7]) ꙗкоже есть истинна. прииде же пакы Іс҃. и[8]) не жа҃ даже и бы ѡнъ молилъ. но[9]) рекшоу емоу ничто҃[10]). сеи пре҃варивъ[11]) || егоже фома желаше, тоже҃ емоу створи 298 об.
ꙗвлаꙗ. ꙗкоже и ега҃ весѣдова[12]) къ дроужинѣ, то онъ тоу вѣꙗше. не б҃ъ[13]). но та словеса поꙗ попретѧ[14]) и прочимъ[15]) наказаніе. рекъ бо, принеси перьстъ твои. и виж҃ъ роуцѣ мои. и роукоу твою вложи в ребра моꙗ. таже приведыи ре҃[17]) и не боуди невѣре҃ но вѣренъ. видиши ли. ꙗко прѧ с҃та невѣрие[18]) е҃. но древле то бѣꙗше дх҃вна приꙗтна. и по томъ зѣло быша[19]) вѣрни и крѣп҆ци[20]). смотри же[21]) въ дѣꙗньи҃ ап҃льскы҃[22]). како же ти выша ст҃ии[23]). и вѣрни. и не боꙗщесѧ[24]) страсти. и моукъ. и смр҃ти. нъ акы великыи даръ, и сладость[25]) приемлюще всѧ тыѧ бѣды[26]). не сдѣ же точію попрети, нъ и[27]) прочимъ. имже бо тъ ꙗко[28]) ѿдоухноу извѣщеніе пріемъ. и въспи, мои г҃ь, мои б҃ъ[29]). и ре҃ же емоу Іс҃ъ, понеже видѣв мѧ вѣрова. бла҃ни и҃ то[30]) не вѣдѣвше[31]) и вѣрова҃ше. то бо есть вѣра, еже[32]) не видѣвше приꙗти вѣроу[33]). есть[34]) вѣра емоу[35]) съставъ. вещемъ

---

1) Нѣтъ. 2) Далѣе: по что ли се нь авию ѥмоу ꙗви. У. по что ли сѧ емꙋ не скоро ꙗви х҃с. 3) слишꙋ. 4) ꙗко тако есть. 5) ѡво. 6) дроужини҃. 7) въпию҃т'. Надо читать: въписаютъ ти? 8) ти. 9) нь не. У. но не. 10) ничѣ҃же. 11) пр҃же вари. 12) ꙗкоже тои ѥгда ꙗвлаше бесѣдоу. У. бесѣдоваше. 13) бо. У. бо. 14) поꙗ. тоже и попрѣте. 15) прочихъ. 16) Далѣе: само (т. е. сѣмо). 17) тачи прив҃е и рекь. 18) ꙗкоже прѣ та невѣр'ство. 19) вѣше. 20) Далѣе: и славни. 21) бо. 22) сих апостоль. 23) Далѣе: како понеже приꙗше ст҃ы дх҃ь. каци ти бише҆ тверди и крѣпци. У. како же понеже пріаша ст҃ыи джхъ. то како же ти выша ст҃и. 24) боꙗщесе. 25) велики дари и сласти. 26) Этихъ трехъ словъ нѣтъ. 27) Далѣе: вь. 28) Нѣтъ. 29) г҃ь мои б҃ь мои. 30) Этихъ двухъ словъ нѣтъ. 31) видѣвше. У. видѣвше. 32) и иже. 33) приꙗть и вѣрою. 34) Далѣе: бо. 35) надѣꙗмомоу.

ѡбличенїе невидимы҃. здѣ же не оученїкы точию блажить. нъ
иже и[1]) по тѣ҃ вѣроу иметь[2]) . аще и рє҃ оученици видѣша и[3])
вѣроваша. но не просиша тако[4]) ничтоже[5]). нъ абие ѿ соурии[6])
въстанное слово вънесоша. и преже видѣнїа телесна҃. вѣроу всю
приꙗша. єга҃ же кто оубо рєть, хотѣлъ бы҃[7]) въ та лѣта
быти[8]). и видѣти х҃а чюдеса творѧща. тога҃ помысли[9]) се,
бла҃жни иже[10]) видѣвше и вѣровавше. достоино ѥ не домыслитисѧ.
како плоть безъ тлѧ ѡбразы казаше гвоздинныѧ. и прїати мо-
299 жаше тѧ. нъ не мѧтисѧ. соходомъ бо ꙗвлашє[11]). || еже бо.
толма тонко и легко. ꙗкоже[12]) затвореныимъ[13]) дверемъ рємъ[14])
соуща҃ вънити. то всѧка добельства праꙁно[15]) есть. нъ ꙗко҃
вѣровати въстанїю. того ра҃ тако сѧ показа. ї акоже[16]) оуви-
дѣти ꙗко тъ҃ есть распатыи самъ. а не инъ въ ино[17]) мѣсто
въскрноу[18]) знаменїа имыи распатїа. и вькоушаеть[19]) того ра҃
съ ними. да тѣ҃ и апли прно се знаменїа[20]) въстанїа творѧхоу
глще. иже ꙗдохо҃ и пїахо҃ съ ними[21]). ꙗкоже бо павелъ намъ
видѧщемъ[22]) древле распатїа. нъ глемъ нъ[23]) иного[24]) естества
тѣло то соуще, но нашего. такоже и по въскрнїе[25]) видѧще и[26])
ꙗзвы имоуща гвоздинныѧ[27]). не[28]) рємъ есть[29]) тлѣнно соуще
единако. оученика бо ра҃[30]) фомы тако сѧ показа. мьнога же[31])
ина знамениꙗ створить. їс же[32]) рє, имже[33]) инѣ҃ мене. гла[34])
еулїстъ ꙗвлаетъ[35]). ꙗкоже и дроугыи еулисти не соуть всѣ҃ зна-
менїи въписали. нъ елико бо[36]) требѣ на вѣроу привести[37]) слы-
шащиꙗ. аще бы писано все. то ни миреви въмѣстити мню[38]) пи-

---

1) и иже. 2) ѥмлеть. 3) ти. 4) велика. 5) ничесоже. 6) и ѡ синдари. У. ѿ сѫдарїи. 7) биимь ниш. 8) бивати. 9) то да помислит. 10) Далѣе: не. У. не. 11) вес тле плъи приютии казашесе. нъ не метисе схом бо то се како ꙗвлѣше. 12) ꙗже. 13) затворономь. У. затвореномъ. 14) Нѣтъ. 15) прадно. 16) ꙗкоже. У. и ꙗкоже. 17) него. У. него. 18) того ра вскрснѫ. У. того ради въскресиѫ. 19) ꙗсть. 20) знамениѥ. У. знаменїе. 21) и ꙁе ꙗхомь и пихомь с тѣмь. 22) по вланамь видеще ходеща. 23) не самь. 24) У. не ино. 25) вскрнии. У. въскресенїи. 26) Нѣтъ. 27) гвоздниѥ. У. гвоздїнныа. 28) и. 29) Нѣтъ. 30) дѣлѣ. 31) бо. 32) створи кь (?). 33) нѫже. 34) мнѣ гла. 35) Нѣтъ ꙗвлаетъ—не. 36) бѣ. 37) принести. У. превести. 38) мир биѥмѣстила.

шемыˣ книгъ. да ꙗвѣ ѥ҄, ꙗко не красьще [1]) писали соуть нъ
требованїа дѣлма [2]). иже множаа [3]) ѡставиша. то како быша
се, мнее краси ѡставили, не множества ли раˣˣ. да что раˣˣ не
всего ли раˣˣ написали [4]). а и се помышлахоу. ꙗкоⁿ не [5]) вѣ-
роуеть бесѣдованїю семоу. то и многаго не брежеть [7]) иже ли
се приметь. то нѣ҇ емоу множае сего [8]) требѣ на [9]) вѣрное
слово. мнѣ же сѧ тако [10]) мнитъ [11]). ꙗже быша по въскр҇нїю изъ
мр҇твыˣ [12]) знаменїа. занеⁿ и рѣ҇ прѣ҇ оученикы своими. ꙗкоⁿ бо
преже въстанїа. подобно бы҇ быти многоу чюдесъ [13]). да не [14])
вѣроують ꙗко сн҇ъ ѥ҄ бж҇ии. || тако же и по въстанїи. да разоу- 299 об.
мѣють ꙗко въскр҇ѣлъ есть. сего раˣˣ и приложа [15]) рѣ҇ пре оуче-
никы своими. имже [16]) с тѣми єдинеми тъчию бѣ по въскр҇нїи.
занеже гл҇аше миръ сеи. и еще не видитъ мене. таже [17]) и да
разоумѣеши. ꙗко не ап҇лъ раˣˣ тъчию бываемое [18]) то бы҇. при-
веде гл҇а [19]). да вѣровавше жизнь вѣчнꙋю имате имѣти [20]) во
имѧ его. ѡбѣщникъ [21]) естествоу бесѣдоуꙗ [22]). и ꙗвѣ есть ꙗко
не к немоу вѣроуеть но и намъ самѣмъ велико добро дѣеть [24])
имѧ его. се же есть само собою [25]) пр҇но боудеть [26]) вѣроующиˣ
к немоу. по семъ ꙗви҇ оученико҇. при мори тивереадьстѣ҇. ви-
диши ли ꙗко не часто приходить ҇нимъ. ни ꙗкоⁿ преже ꙗви҇
вечеръ, и Ѿидѣ. таже [27]) ѡсмыи дн҇ь. пакы единою. и пакы Ѿиде.
и таче при мори по томъ. и пакы с великою боꙗзнью. что же
есть ꙗвитисѧ [28]). Ѿ сего ꙗвѣ бываеть. ꙗкоже невидимъ бѣꙗше.
доньдеже сѧ не познаваша. имже безъ тлѧ бѣаше плоть и безъ
стр҇ти. по что ли мѣсто то мѣнить [30]). ꙗвлꙗꙗ. ꙗко хоудоу оуже

1) Далѣе: се. 2) дѣлы. 3) иже во боле. и множаише. 4) мьне кра-
сили дѣлѣ пи҇ли. да чесо дѣлѣ не боуть все пи҇ли. не множества ли дѣлы. У. ѡставили.
да что ради не всего написали. не множества ли ради. 5) иже. 6) бесѣдованномоу.
7) тога не вѣроують. 8) много. У. того. 9) нь. 10) Нѣтъ.
11) Далѣе: з҇ѣ мѣне. 12) Нѣтъ. 13) чюдеси. 14) Нѣтъ. У. Нѣтъ.
15) прилежь. 16) и. 17) ме не видить. таче. 18) Нѣтъ.
19) кые. 20) животь вечны имають. 21) ѡбьщьники. 22) бесѣдою.
23) ꙗко к немоужe вѣроуѥмь. У. вѣроу҇. 24) дѣюмь вь. 25) собою
самѣмь. 26) Далѣе: животь. 27) таче. 28) ꙗвисе. 29) не пока-
заше. У. не показаваше. 30) на мѣсто то намѣнить.

вољзнь имоуть, и вса мимо ходити[1]. не бо єдинако[2] въ
храмѣ. затворени сидать, нъ въ галелѣю идоша. оуклонаю-
щеса бѣды жидовьскыꙗ. прииде же и симонъ петръ рыбы ло-
витъ. понеже бо не[3] сā хс̄. с ними часто бѣаше, ни стыи дх̄ъ
бѣ пришелъ. да тѣмъ бѣꙗхоу ѿнемоглиса. ни бѣаше имъ на-
рѣно[4] дѣло никоежо[6] тогā. и не имоуще что дѣлати. ловити
начаша рыбы. и[7] бѣахоу рē вкоупѣ[8] симонъ петръ и фома.
300 и нафанаилъ иже бѣ филипомъ прозванъ[9]. и сн̄а ʒеве||дѣѡва.
о дроузии не имоуще что дѣлати, ловитъ идоша. нощию же то
творахоу. единаго сомнащеса. сеи лоука гл̄а[10], нѣ се ѡнъ[11].
но ино се есть дроузии оученици въ слѣх идахоу. иже коупно
хожāхоу[12]. и видѣти хотаща ловитъ[13]. и празнованіе добро[14]
прѣпроводити. и ловащи имъ. и троужающимса. прииде Іс̄ъ.
и не авіе себѣ ꙗви имъ. ꙗкож въ бесѣды приити. рē оубо к ни.
еда каковоу снѣдь[15] имате. бесѣдоуетъ же[16]. ꙗкоже есть нравъ
чл̄комъ бесѣдовати. ꙗкоже хотаще[17] коупити ѿ них. ꙗкоже
въскыноуша[18] не имоуще ничтож. повелѣ же врещи ѡдесно. и
въвергъше полоучиша мрежоу[20] рыбы. ꙗко и[21] познаша кождо
своего нрава ѡбразъ показа ѿ оученикъ петръ и Іѡа. ѡвъ бо
теплѣи тщаніемъ. а дроугыи вышии сыи, и ѡстрѣи. да тѣх и
преже позна Іс̄а. а петръ преже прииде к немоу. не проста бо[22]
быша знаменіа тоу. каа же та[23] соуть. не первѣе ли иже
зѣло многы бывша[24]. ꙗты рыбы. таче. иже[25] са не раздѣрющи
оудержа ѡметь. толикыи[26] держащи рыбы. таже. иже[27] пре-
же изъшестьвиꙗ из мора. ѡбрѣстиса горащимъ оуглемъ сн̄[28].
и рыбоу пекоущоуса. и хлѣбы, и рыбами чюдо творитъ[29]. нъ

1) вса мимо ходеть. У. всамо ходать. 2) ꙗдиначе. 3) ни 4) ѡко-рочено. 5) Нѣтъ. 6) ни. 7) купно. 8) призвань. 9) ꙗди-нако. У. єдинако. 10) гл̄а. У. гл̄а. 11) ѡно. 12) Нѣтъ иже—хож-дахоу. 13) хотеще лов. У. хотаще ловъ. 14) добрѣ. У. добрѣ. 15) какъ при. 16) Нѣтъ. 17) хотещоу. У. хотащоу. 18) поменуше. 19) вьврѣщи ѡдесноую. 20) Нѣтъ. 21) ꙗкоже. У. ꙗкоже и. 22) же. 23) то. У. то. 24) У. выша. 25) не прво ли многою зѣло рибь. таче же. 26) толики велию. У. толикы и великы. 27) таче. 28) Нѣтъ. У. Нѣтъ. 29) творещь.

и на чюднѣиша знаменїа ведеть, ꙗвлаꙗ. ꙗко^ж и егд҃ готовою ве-
щию творѧше чюдеса. строꙗ нѣкоего ра^д преже распатїа[1]) тво-
рѧше. ꙗкоже[2]) позна петръ. все поверже. и рыбы и с҃ѣти, тако
препоꙗсаса. видиши ли, и стыдѣнїе и любовь. ибо и двою. р҃. ла- 300 об.
коть. дл҃ство ѿ ни^х || бѣꙗше[4]). нъ и тако не стерпѧ[5]) ладїею
прити к немꙋ нъ по водѣ. таже[6]) і҃съ р҃е. грѧдѣте ѡбѣдоуите.
и[7]) нїкто же дерьзноу въпросити его. не имѧхоу бо единако[8])
тоꙗже дерзости. ни какоже повахоуть[9]) имъ. ни прихожахоу к
немоу въпрашающе. нъ мьчаще и съмнѧщеса сѣдахоу оу
него. к немоу зрѧще тъчию. вѣдахоу[10]) бо ꙗко г҃ь есть сего[11])
ра^д и не въпрашахоу[12]), ты кто еси. видъ же измѣненъ ви-
дѧще вельми чюденъ соущь[13]). дивлахоуса и хотахоу[14])
въпрашати его[15]). нъ боꙗзнь и видѣнїе. ꙗкоже то е҃ самъ г҃ь[16]),
а не инъ никтоже. тѣм же не въпрашахоу. нъ тъчию ꙗдахоу.
егоже имъ бѣꙗше въдалъ[17]), великою властию. здѣ бо оуже не
възрѣвъ на н҃бо ни въ[18]) чл҃кы[19]) ѡнакожд[20]) творѧще[21]) ꙗвлаꙗ.
ꙗкоже и то съхода радма тако бываше[22]). ꙗко и не часто при-
хожаше к ни^м. тѣмъ р҃е, ꙗко третїе се ꙗви имъ въставъ изъ[23])
мр҃твы^х. и повелѣ ѿ рыбъ тѣ^х принести. ꙗвлаꙗ. ꙗко видимое
нѣ^с матежь. нъ зде[24]) глеть. ꙗко не[25]) ꙗде с ними. лоука же
еѵ҃листъ инъдѣ[26]) глеть ꙗдѧше с ними. а како. не наше есть
исповѣдати. ѡбразомъ преславны^м нѣкацѣмъ[27]) то бываше. не
ꙗкоже естествоу требоующоу брашна и еще. но схѡное наоука-
занїе въскрнїа бываше[28]). ѡ х҃ѣ і҃сѣ[29]): ⁘

---

1) пропетим. 2) Далѣе: и. 3) ѿ них же бѣше дальство. 4) стрьпѣ. 5) та что. 7) ти. 8) Нѣтъ. 9) ни такоже оупвахоу. У. такожде. 22) вѣдѣхоу. 10) того. 11) Далѣе: и. 12) Далѣе: зѣло. 13) Далѣе: ѡ немь. 14) и. 15) ꙗко ть и҆ ю҆ самь бгъ. 16) иже имь бѣ създаль. 17) Нѣтъ въ. 18) У. человѣкы. 19) и ѡнакожде. У. ѡнакожде. 20) творѣше. У. творѧше. 21) схода ради бываше. 23) ѿ. 24) Далѣе не. 25) Нѣтъ не. 26) и иже. 27) нѣкацѣмь прѣславно. У. преславномъ. 28) вскрнию бывьшоу. Чуд. № 262: бывше. 29) Этого заключенія нѣтъ ни въ сербскомъ спискѣ, ни въ У.

Здѣсь оканчивается текстъ слова въ Чудовскомъ сборникѣ № 258.

Конецъ слова издается по Чудовскому списку № 262, XV вѣка, л. 349 об.

Отсюда текстъ такъ наз. Златоструя XII в.

Мнозн не[1]) слышавъше глють. блжени ти соу. иже тогда соу с нимъ были. имже ѐ на въстание и днешни[2]) быти.

То и мы сѧ подвигнѣ братіе. добраа[3]) дѣлающе. да и мы види лице то[4]) чюдное. елико бо нинѣ слышаще тако сѧ възгараѐ. и жадаѐ[5]) рекоуще. да быхо были в' ты дни. в' нѧже ѐ хс по земли ходи. и гла слышали. и лице[6]) видѣли. и припаше прилалисѧ по[7]) плеснѣ его. и послоужили емоу. то помыслим' си. колико ти боудѐ чюно тогда. еже и видѣти[8]) не оумирающи плоти. ни члчьскы творѧща ничтоже[9]). но аглы славима к' бесмрътнѣ плоти. и самѣ соуще[10]) оного видѧщѐ. и ины блгы дни приемлюща[11]) бес конца. егоже не можѐ никто, исповѣдати ни сказати. не бо знаѐ таковаго[12]) добра[13]). ни славна. ни сладка. да быхо о то притчю сътворили. в'се[14]) бо в' нынѣшне житіи. скоровѣко ѐ. и пловыи мимо[15]), а не стоа на едино мѣстѣ. да того ра молю вы в'сѧ поспѣши въ[16]) благодѣаніа. да не ѿпадѐ ѿ толикы славы. нѣ бо никоеже бѣдно. аще хоще тъчію, нѣ бо
350 тѧжести никоеѧже[17]) аще не лѣ||ним'сѧ. аще бо претерпи мало. то и цртво пріимѐ бес конца. что же то ны ѐ терпѣти. не аще ли с(к)ърби[18]) сеѧ скоровѣкыѧ претерпи[19]). не аще ли тѣсны пѹте ходи. тѣсныи бо поу ѐство ѐ троуденъ. а наши изволеніе легокъ боудѐ. надежею чаемыѧ благодати[20]). престави оубо очи на нбо. и прно (то види. и мысль всы имѣи ѡ то. аще бо)[21]) ѡ то мысли. то сласть сію[22]) презри. и тѧгости сіа легкы на[23]) боудоу. и[24]) ничтоже не мощи начьнѐ поработити[25]). ни ѡбольстити. аще всю любовь тамо прострѐ. великѹ бо си(лу) любовь има. да ли аще въ сеи жиз'ни дроугы има. и[26]) прилоу-

1) У. се. 2) с' нимиже тга били. имже есть на въстанны днь с' ними. У. на въстанныи днь с нимъ. 3) Далѣе дѣла. 4) Далѣе страшное и. 5) разгарѣемь и желаемь. 6) Въ рукописи: снце (описка). 7) еласе ѡ. 8) Далѣе к. У. тоже. 9) ничесоже. 10) Далѣе н. У. тоже. 11) днн добры приемлющен. У. пріемлющи. 12) зде тако. 13) У. далѣе зде. 14) въ всем. 15) плови мо. 16) поспѣшимсе на. 17) никакоуже. 18) к'срби. У. скорби. 19) постраждемь. 20) ждомие благодѣти. 21) Добавлено изъ У. 22) и сладости сие. 23) ии. 24) то. 25) Далѣе нась. 26) ти.

чит ны сѧ того долго не видѣти[1]). то оумо̃ пр̃но ѿ него не ѿходити[2]). но прилпи̃ имъ[3]) дн̃ь и нощъ. тако во[4]) ѥ̑ мощъ любве. в'се ѡстави̃, а к любимомоу си дроугоу оумъ привѧже̃. да аще и мы тако х̑а любимъ. то все ны сѧ ꙗко и ст̃ѣнь[6]) ꙗви̃. и ꙗ̑ сонъ. да и мы ръцѣ̃[7]) кто ны ѿлоучи̃ ѿ люб'ве х̑вы, скор'б ли, или тоуга[8]). не ре̑ имѣние или доброта. то бо ѥ̑ хоудо[9]) ничто̆. но еже мни̃ тѧжко[10]) сѹще, то да положи̃. глады[11]). ѿгнанї̃а. смр̃ти. павелъ а̑плъ оубо[12]) се ꙗко ничто̆ соуще преѡбидѣ. а мы имѣнїа дѣ́ла[13]) ѿ вѣчныа ѿлоучаемсѧ жизни. и ѿ свѣта ѿдираемсѧ. и павелъ ре̑. ни съмр̃ть. ни живо̃. ни настоѧщи̇. ни грѧдоущи̇. || ни твари ѡноѧ[14]) честнѣиша[15]) твори̃ х̑вы люб'ве. 850 об.
а мы злата аще и мало види̃. то издѹхнѹти хоще̃ жѧжоуще[16]) на не. и заповѣ̑ х̑воу[17]) престоупае̃. да єли се гл̃емо тѧжко ѥ̑ толико, па̑ твори̃. се[18]) люто ѥ̑. и слышѧще зде боимсѧ. а ише̑ше[19]) граби̃ имѣние чюже. и расты вземле̃. еже[20]) а̑плъ павелъ. ѕѣло[21]) вели̃ бѣгати. и многа повелѣнїа престоупаемь. а[22]) имѣнїа н̑бнаго не в'зыще̃. земное бо ны се и чюжее ѡслѣпило ѥ̑. да ни братїю зна̃е ни ближикъ[23]). но бѣды и̃ творимъ[24]) его ра̑. и севѣ множае[25]). аще и не чюемь[26]) гл̑аство̃. въ каковы[27]) бо бѣды не в'мещем'сѧ, клеветающе на братїю свою, братїꙗ бо соу̃[28]) єдиновѣр'нїи. и мз'ды възъемлюще ѿ ни̇. и в развоѧ в'ходѧще[29]) сами. и своѧ плоти[30]) в'великоую моукоу в'дае̃. да быхѡ̃ тъчїю имѣнїе много[31]) сьбрали. еже ѥ̑ корень всемоу злоу. имѣнїи[32]) бо не насытающеися. на многы мыслѧ̃ злѣ. и мъноѕи на нѧ. и

1) ѥго не видѣти. 2) оум ны присно не ѿходить ѿ него. У. ѹмъ—ѿходить. 3) ѥмь. У. ємь. 4) така бо. У. такова. 5) всего ѡстанет'. 6) аки тѣнь. 7) речемь. 8) стѧжение. 9) ѕѣло хоудоу. У. ѕѣло хѹдо н. 10) тѧжшоу. 11) тоже положи гл̑. У. тогда помыслимъ глады. 12) да ли пауль. 13) дѣлѣ. 14) У. сѧ. 15) жити ни настоющихъ ни придоущихъ. ни твар иною чтнѣиши не. 16) издыхноути хощемь ждоуще. У. изъдхънѹти. 17) ти заповѣди х̑ы. 18) се паче творимо. У. прилежимъ творѧще. се. 19) нашедше вънь. У. изшедше вонъ. 20) ѥгоже. 21) велми. 22) ли. 23) У. ближникъ ни сѹсѣдъ. 24) и бѣдними створимь. 25) а и себе боле. 26) У. далѣе болѧще. 27) каки. 28) ни соуть. У. далѣе. вси. 29) ходѧще. У. ходѧще. 30) сами свою плъть. 31) Нѣтъ. 32) имѣние.

тажоуще ѧ, и завидаѱеи ѧ. имоу҃ бес[1] чисмене. им же (бо сѹ҃ бѣды творили. злѣ[2]) събирающе[3]). то ненавидѧть й. им же)[4]) ли единако не[5]) соу҃ творили. то бомщеса того же. и тіи тако-же ненавидѧ҃ иҳъ. и ѡбѡй таци[6]) ненависти соу҃. что[7]) ли рекоу чл҃ци ненавидѧ҃ тацѣ҃ и не самого ли б҃а. соупостата тво-рѧть. и[8]) да како[9]) имоу҃[10]) тіи надеждоу или оувѣ҃. а иже
351 имѣніе излиха[11]) люби҃. тъи нѣ҃ емоу в҃лка; || но стражь и рабъ. вѧщ'ше бо хотѧ събрати. не рачить подати. ни себѣ ні инѣ҃. да емоу ѿ числа[12]) не оубоудѣ҃, но прибоудѣ҃. а не сего ради на҃ дано богатьство[13]) да боуде҃ емоу стражеве (и) повинници. но да и себѣ на потребоу[14]) и инѣмъ на помощъ. мы же тако не твори҃ но подвижемсѧ. да быҳѡ҃ инѣ҃[15]) имѣніа[16]) мъздами к' себѣ събрали. и ѡво въ земли съкрыли[17]). ѡво в' ков'чеѕѣ за-печатлѣли[18]). да не боудѣ҃ ѡбычаа таковаго. ни[19]) помощь нико-моу҃. е҃ же и дроугаа в на҃ злаа иҳ'же[20]) твори҃. сирѣ҃[21]). ѡви на в земли погребаю҃ мъздоу емлюще[22]). а дроузіи въ чревесе҃ и сладосте҃ и піаньствѣ҃. и[23]) ѿ того и сквернаа дѣла прила-гають себѣ[24]) на моукоу. игралникѡ҃. и дроугы҃ тацѣм же дающе[25]). многы себѣ поути творѧще ведоущаа въ ѡгнь нега-симыи, а правыи поу҃ ѡстав'льше иже на н҃бо ведѣ҃. не[26]) богать-ство тъчію болѣ имоу҃. но сласть[27]) па҃ ѡнѣ҃ поутеи. и[28]) ѡ нижѣ гл҃аҳь. да то вѣдѹще бра(ти)е подвигнемсѧ тѣми поутми не хо-дити, но иже на н҃бо ведѣ҃. да и моукъ избоудѣ҃. и цр҃тво н҃бное полоучи҃. ѡ х҃ѣ і҃сѣ г҃ни наше҃ емоу҃ слава и дръжава и честь. съ без-началны҃ ѡ҃цемъ. и пр҃тымъ дҳомъ. н҃нѣ и пр҃но и в вѣкы вѣко҃ ами҃:

---

1) имають бе. У. имѹще богатство бес. 2) Нѣтъ. 3) Нѣтъ. 4) Добавлено изъ У. 5) Нѣтъ. 6) Далѣе ы. У. в. 7) то. 8) имають ти. 9) какоу. У. каковѹ. 10) имають. 11) Нѣтъ. 12) числь. 13) дано ни ѥсть имѣние. 14) Далѣе ны ѥсть. 15) бисмо всѣҳь. 16) Далѣе к себѣ. 17) Нѣтъ и ово—съкрыли. 18) ковчезѣҳь запечатлиe. У. ковчезѣҳъ. 19) ѡбщаю та. У. боудоуть к томоу та ѡбща. ни въ. 20) з'ль ѥже. 21) рекоу же. 22) мзди въземлюще. 23) ти. 24) Нѣтъ. 25) ѡви ль(стъ)щемь а дроузи игрьцемь. 26) нь и не. У. нко не. 27) сладость. 28) Нѣтъ. У. Нѣтъ.

2.

Ѳло на кр҃щенїе х҃во. ѿ сказанїа еѵ҃льскаго. чт҃е.

Тѡгда прїиде ı҃сь ѿ галилеѥ на Їѡрдань[1]). сь рабы вл҃ка. сь грѣшныкы соудїи. прїиде кр҃титисе. нь ти се не моути. сим' бо паче. емоу дѣꙗниѥмь проси||ꙗѥть высѡсть. иже бо родитисе то- 202 об.
лицѣми мч҃и трьпѣвь, вь оутробѣ д҃вы. изш҃ь ѿ нѥѥ сь нашимь ѥс҃твомь. и распетиѥ и ѡплюваниѥ, и биѥние нашего дѣл'ма сп҃сениꙗ, приѥмшоу. то почто се чюдиши семоу. аще и кр҃щениѥ ѥ҃ приѥль[2]). сь инѣми пришь҃ кь рабꙋ се бо ѥ҃ паче чюднѣѥ. еже высхотѣти ч҃лкоу быти соущꙋ б҃оу. а иномоу все по чиноу бываѥть. сего ради Їѡань прѣж҃е вариvь вьпиꙗше. ꙗкоже нѣсмь до҃ѥнь, ѿрѣшити прѣвꙋзи ѡбоутѣлныѥ. и ини все рѣчи ꙗко соуди ѥ҃. и ꙗкоже имать дати комоуж҃о противоу дѣлѡмь. и д҃хь да҃ изобильнь всѣмь. да ѥгда в҃иши на крьщениѥ идоущь. никоѥже хоудости помышлꙗи ѡ нѥм' сего ради бо и приш҃ьшоу ѥмоу оуставлꙗѥть рекы. азь трѣбоую ѡ[3]) тебе кр҃титисе, а ти гредеши кь мнѣ. им'же крьщениѥ покаꙗнию бѣаше. и ꙗвлѥниѥ сьгрѣшению. да никтоже помыслить. ꙗко и сь тож҃е мысле кь Їѡрданоу гр҃еть. и вараѥть тогда оуправлꙗѥ ѡ томь. агньць нар҃есе. избавникь всего мира грѣхьь иже бо всѣхь ч҃лвкь грѣхы можеть ѿѥти. то ть самь не вел'ми ли безь грѣха ѥ҃. сего ради не р҃е се же безь грѣха и. нь ѥже паче бѣаше. погоублꙗѥ грѣхы мира сего. да ѿ сего Їѡань сь всею извѣстию покажеть. и в҃ить ꙗко ино строѥ на кр҃щениѥ гр҃еть. зане приш҃ьшоу ѥмоу гл҃аше. азь трѣбоую ѿь тебе кр҃титисе, а ты гредеши҃ кь мнѣ. а не р҃е а ты кр҃тишисѧ ѿ мене. небонь и се по҃ба ѥмꙋ бѣ гл҃ати. нь что

Печатается по сербскому Хлудовскому списку № 195, XIV в., л. 202.

1) Ев. отъ Матѳ. III, 13.

2) Обращеніе къ новообращенному.

3) Описка, вмѣсто ѿ.

ре҃, нь и тыи гредеши кь мнѣ. И х҃с что не кже ли кь петроу послѣ҃ ре҃. тоже҃ и тогда створи. небонь и петрь тогда оуставлꙗше и. не дады кмоу оумыти ногоу. нь п҃неже слыша рекь, еже творимоу и҃нꙗ ты не вѣси, оувѣси же по семь. ꙗкоже не имаши чьсти[1]) сь мною. то скоро се штстати щаниꙗ того. и сь радостию простръть нозѣ. такоже҃ и сь пакы слышавь и҃нꙗ. сице бо по҃баеть намь скончати в'сакоу правдоу. абы кже послоуш҃. небо бѣꙗше

208 без мѣри пьривь. || нь и любовь показасте и послꙋшаник.

Смотри же како т҃ и Фсоудоу на разоумь вѣть. ѡ нем'же ви҃ть соумнещасе. небо ре҃ кмоу, сице бо пра҃вно кст'. нь сице лѣпо к҃ ре҃. им'же не нэдо҃бно мнѣаше, Їѡань соущэк се. еже ѿ раба се кр҃тити. да тѣмь сице г҃ла. ишана штставлꙗк того разоума, ꙗкоже вы г҃лаль. не акы ли не вь лѣпотоу, сего вьзбѣгакши, и штставлꙗкши. нь ты того дѣл'ма не брѣзи, нь и приложи рекы и҃нꙗ. небо пр҃но се бывати имать ре҃. нь и видѣти ме имаши, ꙗкоже хощэши. нь и҃нꙗ потрьпи. таче и показа кмоу како лѣпо к҃ како оубо лѣпо к҃. имже законь сьврьшакмь вьсь. ежэ ꙗвлꙗк всоу правдоу г҃лаше. правда бо к҃ заповѣдемь сконьчаник. да понкже все заповѣди створихшмь ре҃. а се ни кдіни но тьчию штстало. да и се ни к҃ по҃ба приложити. небонь пришьль ксмь, клетвы разроушити. ꙗже бываеть прѣстоупльшимь. и при кдиномь законѣ. по҃баеть ми оубо сконьчавше при всемь. и гонезывше вы шсоужені҃а. ты тогда оупразнещи, и ставиті҃и.

Лѣпо оубо к҃ скончати законь вьсь имже лѣпо к҃, раздроушити писаноую на вы клеткоу вь законѣ. того бо дѣлма и п҃ль прикхь, и придохь вь вы тогда штстави и кр҃тивсе і҃сь. абык вьзыде ѿ воды. се же ѿврьзошесе кмоу н҃бса. и видѣ д҃хь б҃жіи сходещь ꙗко голоубь и гредоущь нань. понкже оубо велми бол'ша соуща. Їѡана сего непщевахоу. им'же сь бѣаше вь поустыни вса лѣта расль. и с҃нь захаріннь сы и вь шдежи҃ дивнѣ. и все на кр҃щеник призиваше. и ѿ неплодве родившасе. а сь і҃сь и бѣ сановна ѡ҃ща и штрококице. а ꙗкоже ѿ д҃вы се к҃ родиль.

1) Надо читать: чьсти = чꙗсти.

ѥдинако съ многою чедию хожаше. да тѣмь мьн҄шаа мнѣꙗхѹ
ıѡана. ничтоже ѿ невѣдомаарго того. ѥдинако не вѣдоуще, а к
томоу кр҃тисе. ѿ Іѡана имже паче непщэванием оутвердисе.
аще би не било еже гл҃ахѡмь прѣже, помышлꙗхоу бо ꙗко ‖ мно- 203 об.
гыѥ чеды, сьи ѥ҃ ѥдинь аще бо би не ѿ многы҃ ѥдинь быль. тѡ
не би сь мнѡгыими, на кр҃щениѥ пришьль. Іѡань бо болеи ѥго ѥ҃
и чюднѣи. нь да не тако сл҃а изыдить вь чеды вѣра. да тѣм се
и нб҃са ѿврьзоуть. и кр҃тившоусе ѥмоу и д҃хь сьнидеть. и гл҃сь
сь д҃хомь повѣдаѥ, ѥдинороднааго сн҃а сань. имже бо гл҃а глѥ҃,
сьь ѥ҃ сн҃ь вьзлюбленныи. тѡ многь народь паче неп҄щевахоу.
гл҃сь ть кь Іѡаноу приходещь. небо показа рекь, сь кр҃тимии. нь
тьчию р҃е сь. да вси слышавшеи мнѣꙗхоу и ѡ иѡанѣ. а не ѡ
кр҃тѣмѣмь[1]) гл҃юще. и добꙗниꙗ ѥго рад҄ма и всего того дѣл҄ма
ꙗкоже гл҃ахѡ҃. приде д҃хь ст҃ыи видѣниѥмь голоубыныимь. гл҃ась
ведыи на Іс҃а. и всѣмь ꙗвлꙗѥ ꙗко сь гл҃ь не ѡ кр҃тли Іѡанѣ. нь
ѡ кр҃тимѣмь Іс҃ѣ того рекше, томоу быв҄шоу. како вѣрыи не
ѣше слыщавшеи[2]).

Рекоу ти и при моисеи мнѡга чю҃са бывше, аще не така. нь
и по всѣхь тѣхь чю҃сехь и гласѣхь и мльниꙗхь и громовѣхь.
тел҄ць сьливаахоу. ѥвелфегороу трѣбоу полагаахоу. и сїи же
иоудѣи, сами видѣвше лазара вьставшаа. и нэ тьчию не вѣро-
ваше, нь и вьстав҄шаарго хотѣхоу погоубити. да ѥлмаже сами
видеще своима очима, мрьтва вьстаниѥ. ты таци бѣхоу злыи
и невѣрьнїи. то по что се чюдиши. аще нѣ соуть гл҃а приѥли, сь
нб҃се прїдоуща. егда бо чи оумь сьвратитсе на зло, тыи вь зла
дѣлаа вьнидеть. тѡ не вѣроуѥть ничисомоуже. не послоушаѥть
никогоже. да не гл҃ыи[3]) сего рекыи. почто нѣ соуть в҄си вѣро-
вали. нь аще нѣ все се створило. по немже быше вѣровали. н҃бѡнь
пр҃ркѡмь ѡ всѣмь томь. ѿвѣть б҃ь сьтворил ѥ҃. им҄же погиб-
ноути Імь бѣаше. и на великоу моукоу прѣданѡмь быти. да

1) Описка.
2) Описка.
3) Читай: глаголи (повел. н.).

не тѣхъ дѣл'ма зьль и невѣрьства. б҃жию промыслоу и б҃лти
зазрить кто. да сего дѣл'ма рⷪ҇, что ми по҇ва створити, вино-
градоу семоу, и не створихъ. се жⷷ҇ здѣ смотри. чесомоу ѹбѡ
204 бѣ быти и не бⷭ҇ы. егда ти како словеса ѡ б҃жїимь промы||слѣ
боудеть. хотеще потьзати чл҃вчьскыхъ ради зьль. тѡ ты сим
жⷷ҇ ѡбразомь ѿвѣть дажⷷ҇. вижⷷ҇ оубѡ како ти прѣславноѥ се
творить. небо се раи ѿврьзаѥть. нь н҃бса разоумѣиши.

Їже бѣше крⷭ҇тещоу. се жⷷ҇ боудеть. и вь вышнеѥ те ѿч҃ьство.
б҃оу зовоущоу и бѣдещоу. никакоже имѣти ѡбщениꙗ кь земли.
аще и не вⷷ҇иши мимⷪ҇ тѡ не мози не вѣровати. небонь вь начет-
цѣⷭ҇. прⷪ҇но прѣславнⷭ҇ы. д҃ховныихъ дѣль, чюѥма ꙗвлѣют'се. видѣ-
ниꙗ и знамениꙗ така.

Да аще потомь не боудеть такожⷷ҇. то ѿ быв'шааго, прѣжⷷ҇
вѣроу примеши. при ап҃лѣх' бо глⷭ҇а бⷭ҇ы. вѣꙗнїꙗ боур'нааго. и ви-
дове ѥзыкь ѡгньнь ꙗвишесе. нь ноудѣи [1]), прѣдисоущїихъ тоу.
нь ѡбаче аще и не вⷷ҇има, н҃ныꙗ знамениꙗ бывають. то мы ѿ
прьвыихъ н҃ныꙗ приѥм'лѥмь, небонь и голоубь тогда. того дел'ма
се ꙗви, да ꙗко и вь прьста мѣсто, покажеть соущиним' тоу.
Їѡанови. да и ти вѣси, и тебѣ се крⷭ҇тещоу, д҃хь п'риходить. да
намь нѣⷭ҇ трѣбѣ. вⷷ҇имоѥ знамениѥ. вѣра ни за все довлꙗѥть, по
что же видѣниѥмь голоубиномь. кротокь животь ѥⷭ҇ и чисть,
им'же и д҃хь кротостни ѥⷭ҇ д҃хь. того рад'ма тацѣмь се видомь
ꙗвлꙗеть. а инако пакы дрѣвныи. нь поплакь [2]) поминаѥть, небонь
потопѹ всеѥ чеди, иногда бывшоу. и хотещоу плѣмене нашемѹ
погыбноути. сьь животь принесе вѣю маслич'ноую.

Мирскоѥ б҃лговѣщениѥ ꙗвлꙗѥ. все же се ѡбразь твораше
боу҇ꙗщомоу. да се и ты не ѿчаѥши. того ти рад'ма вьспоми-
наѥть. кто ѥⷭ҇ доброу вѣть [3]) принесль кь ноеви. нь тогда всего
се ѿчаꙗв'шемь. сим же свою вѣсть. сьтвори, и оуправ'ление. нь
тогда моученїемь, и дарми неисповѣдимыми. сего дел'ма, и

1) Надо читать на ноудѣихъ?
2) Надо читать: поплахъ?
3) Описка, вмѣсто вѣсть?

голоубь се ꙗвлꙗеть. не вѣт'вь мас'лыч'ноую несыи. нь в'сего зла избав'ника, показаѥмыи. и доброу надежоу показав' ны, небо ѿ кораблꙗ из'водить, ѥдиного чл҃ка. ‖ нь мирь вьсь 204 об.
изводить. на н҃бо ꙗвльсе. ты вь вѣт'ви мѣсто, с҃ньство б҃жиѥ т'воре. помыс'ливь величьствѡ, мира того. не мози м'нѣти его, хоуж҃ьше дои҃ньство. имже се ѥ҃ ꙗвиль тацѣмь видомь. дроугоици бо г҃лють безоу'мныи, елицѣм' же ѥ҃ чл҃кь, голоу'бии чьстнѣи. толицѣм' же х҃с ст҃аго д҃ха. имже и вь нашемь ѥ҃ствѣ.

А д҃хь видѣниѥмь голоубинимь ꙗвисе. что ѥ҃ противꙋ семоу ѿвѣщати. не рещи ли с҃нь б҃жии ѥ҃ст'во чл҃вче, по истинѣ ѥ҃ приѥль. а д҃хь с҃тии ѥ҃ство ѥ҃ приѥль голꙋбиниѥ. да сего ради еу҃листь р҃е. ꙗко не вь ѥ҃ствѣ голоубынии, нь видомь голоубиномь. да тѣмь, и потомь, не показасе тѣмь ѡбразомь. нь тогда тьчию. аще ли того дел'ма, мьнии ѥго сана мниши. то по т воѥмоу неп'щеванїю. боудоуть и хероувим' бол'ше ѥго. и тол'ма ел'маже голоуби ѡрьль. тѣмь бо се ѡбразомь тьь показа. и аг҃гли же пакы лоучьши. небонь ѡбразь се многащи, показаѥть чл҃вчьс'кы. нь нѣ҃. тако нѣ҃. ино бо ѥ҃ строимаꙗ си. таина. ино же в҃имо показатисе вь малѣ часѣ. не забоуди своѥго бл҃годавца. ни вьз доброѡ зла вьз' даж҃ь. иже ти источ'никь в'сего добра даль ѥ҃. идѣже б҃жиꙗ с҃новьстка достоиньство. тоу зьль погоублѥниѥ, а бл҃гти в'сакои поданїе. сего бо дѣл'ма иоудѣискоѥ оумлькноу, и прѣста кр҃щениѥ, а наше зачинаниѥ приѥ. да ꙗкоже и при пас'цѣ б҃ы, такоже се ни при кр҃щени ст'вори. н҃бонь и тамо ѡбоѥ прошьдь. ѡво ѡстави, а дроугоѥ наче. и здѣ кон'чавь, иоудѣискоѥ коуп'нѣ. и ц҃рковниѥ дьв'ри ѿврьзе. ты ꙗко на ѥдинои трапезѣ тогда. такоже и вь единои рацѣ и҃мꙗ. и стѣнь [1]) под'писавь. и ист'ноу напрѣди из'ложи. д҃хѡвны‖ниѥмь [2]) 205
великмь. ни аг҃гли, ни арх҃глы, створи ни. нь с҃ны б҃жиѥ створи ны, и любымыѥ. тако би ны доити вь покои ѡнь, се[3]) все помы-

---

1) Мѣсто испорченное.

2) Описка; надо читать: доухноклениѥмь?

3) Здѣсь начинается собственно-учительная часть «слова».

ѿлꙗющиѥ братиѥ. и зовоущаго ны любы дел'ма. и житиꙗ ѡного; жизни дел'ма. и чьсти ради, ꙗже ны единь поч'те. того всего ради до҃йно житиѥ живемь. ни имже нѣсть ти пльть, единако прѣстоупила на н҃бо. тѡ ты мнишисе, ѡб'щиноу коую имы на земли. не главоу ли имаши горѣ сѣдещоу, рек'ше х҃а. сего бо дѣл'ма, и сѣмо приш҃ь в҃лка аг҃глы сведе. и тебе вьзьмь вьзнесе горѣ. да не выш҃е тамо разоумѣѥшии, ꙗко мощно ти ѥ҃ на зем'-ли, ꙗко на н҃беси жити. пребываѥмь братиѥ, ꙗко добро рож҃ьство своѥ сьблюдоуще. еже ни ѥ҃ даль б҃ь исп'рьва. и тѡго ц҃ртва по все д'ны вьзискающꙙ. а еже вь семь свѣтѣ, все то, стень, и сань [1]), все мнеще. аще бо би кто ц҃рь зем'льнь. н҃ища те соуща, и зѣло оубога, поимь вьнезаапоу. с҃на те створиль. би ли же даль. коли вь своих изь [2]) оубогыи, хоте ити, не мню. чаи н҃ѣ се, тьч'но ономоу. да тѣм҃ь и ты брате, не хощи здѣ, ничесо-моу зѣлѡ. на бол'шоу бо ѥси жизнь поз'вань, їже бо те зоветь. то ть аг҃гльскыи ѥ҃ в҃лка, и еже даѥть б҃лгтиѥ. того се оубо не можеть домислыти ничесоже оумь, ничиниже. ни словесемь изг҃лати. небо тебе ѿ землѥ, на зем'лю прѣстав'лꙗѥть. ꙗкоже ц҃рь творить. нь сь землѥ на н҃бо. и ѿ сьмрьтнаа ѥ҃ства, и на бесьмрьтноѥ. и славоу неисповѣдимоу. тог'да тьчию ꙗвещоусе добрѣ. егда ю приимемь. да тако б҃лгтиѥ хоте вьзети. имѣниѥ ли на пам҃е имаши, и метежь сеѥ жиз'ни приѥм'лѥши а не мни-шии к'сего сего, в҃немлаго оубогаего. платищь, и роубищь, паче хоуж҃ьше соуще. то како имаши се до҃йнь. тоѥ чьсти велыкыѥ ꙗвити. какь ли имаши ѿвѣть дати. кое ли имаши моукы приѥ-
205 об. ти. ѿ селика дара на прьвыѥ блювотины текыи. || к томоу бо
ѥже не имаши, акы ч҃лкь моукы приѥти. нь ꙗко б҃жїи с҃нь, ты боудеть ти велика чьсть. навол'ше м҃ниѥ приѥти. небонь и мы. не ѥдинако рабы сьгрѣшьше. и с҃ны тож҃е моучимь. а к томоу аще боудоуть, многоу б҃лгть приѥли ѿ н҃а. аще бо адамь раꙗ лишень б҃ы единѣмь ѡслоушанїємь. толикоу бѣдоу приѥть.

1) Ц.-слав. сънъ.
2) Мѣсто испорченное.

мы же нб҃са прѣѥхомъ. и съ иночедымь сн҃омь быв'ше приче-
стници. како имамь прощени быты ѿ б҃а. къ зем'ли текоуще.
не слышим' бо, и ѥще зем'ля ѥси, да въ зем'лю идеши. и дѣлаи
зем'лю. еже ны бѣ прьвѣе гл҃ано. нъ еже паче всего, того лютѣ[1])
и злѣѥ. тмоу вънѣшнюю, оузи неразрѣшниѥ, чрьвь ѩдовитоую:
скрьжьть зоубныи. да и въ лѣпотоу ни ѥ҃ приѥти великоу бѣ-
доу. Їже по бл҃гти, тако и оунеи се не створить. тѡ въ прав'доу,
лютоѥ, и сетноѥ дроученїе имать приѥти. ѿврьзе, и зак'ючи
нб҃о, илиа. нъ хоте дьжⷣ҇ съвести. и оуведрыти. а тебѣ не того
ради, разврьзаѥть нб҃са. нъ да възидеши тамо, нъ и дроугыи
да възведеши аще хощеши. толикоу ти ѥ҃ вл҃ⷭ҇ даль. и дрьз'нове-
ниѥ въ ст҃ѣмь семь. да ел'маже ни ѥ҃ тамо жилище, то тамо
в'се полагаимь. тамо все готовимь. а здѣ не ѡставимь ничесо-
же. да не изгоубимь ѥго зⷣ҇е бо любо ключемь заключиши. любо
заврѣши. любо запреши. любо зат'кнеши. любо и тебѣ страже
приставльшоу. аще же и ѿ всѣхъ злодѣи, и неприѩзнеи съхра-
ниши. и ѿ всѣхъ злодѣи оукриѥши завидещихъ. любо и ѿ мо-
леⷯ҇ съблюдеши. аще ї аже многы лѣты бываѥть гывѣль, и тлѣ-
ниѥ. аще же и можеть то быти. тобаче[2]) сьмрьти не можеши.
николиже гонезноути. нъ все то ѡстанеть въ единь ча҃. то иже
и тьчию ѡстанеть. нъ и въ вражи роуцѣ въпадеть. || егоже нѣси 206
любиль. аще ли въ нб҃ныи храмь вькоутаѥши. тѡ никогоже не
боишисе. выши бо ѥси всѣхъ. ни ти ѥ҃ трѣбѣ ключь, ни затворь,
ни запорь. ни зат'ка, так' ти ѥ҃ домь нб҃ны, тако ти ѥ҃ жилище
тѡ оутврьжⷣ҇ено, и тлѩ, и вьса гибѣль, не въходить въ нѥ. тамо
нѣⷭ҇ погоубелниѥ сетноѥ. да идеже тлѣниѥ и гибѣль бываѥть.
то тоу имѣниѥ полагаѥмь, събирающе в'се. а идѣже не
тък'неться никтоже. нъ и боле боудеть. тѡ тоу ни хоужⷣ҇ь-
шеѥ зѣло, чести не хощемь положимъ. чаи тамо ни ѥ҃
всоу жизнь жити. да сего ради братиѥ. и погани ны вѣроу
не имоуть. видет' бо ни хрїстианы ино творещe, и ино гл҃юще.

1) Надо читать лютѣѥ.
2) Надо читать то обаче. См. ниже, л. 207.

ꙗкоже бо дѣѥмь, а не ꙗкоже гл҃ѥмь, вѣроують. ега҃ бо ни видеть еже ѥ҃ оуставено ц҃ремь, то тѣмь се не наситеще. нь ино къ оуставоу прихитающе. и соудеще, мьзоу҃ вьзем'люще. тыи тѣмь села коупоующе. и оут'варающе и, себе, и домы своѥ. тѡ тѣмь, не имоут' ны вѣры рекоуще. сии зѣ҃ имѣниѥ вероуть, ѡтем'люще мьза҃ми. а намь индѣ жизнь повѣдоующе. аще бо би истина била. то имѣниѥ си быше проважа҃ли вь ѡнȣ жиз'нь. ꙗже имь ѥ҃ трѣбѣ, видет' бо ни и слышеть, г҃ѣ и паче сьбираѥмь имыниѥ. да то слышеще и видеще, и ты гл҃ють. видимь бога- тиѥ зѣло моуже, идѣжэ имь ѥ҃ самѣмь паче жити. тамо же вероуще, имѣниѥ в'се. Рекоу же златѡ и брачинь, и инакоу в'сакоу ризȣ. и дворь тоу красныи. и клѣти т'ворет. нь мы соупротивоу семоу т'воримь. да зем'лю ѥже ни ѥ҃ скоро зѣло ѿити. то тоу зѣло драго коупоуѥмь. ты имѣниꙗ зем'льна, и к'рьвь свою проливаѥмь за ню. сель дѣл'ма, и хлѣвинь. а еже
206 об. би нб҃ное село коупити, и оуготовити. то то҃ || не брѣжемь. и еже имамь изьлиха, того не рачеще дати. чаи хоуди цѣни про- сить на ниѥмь вла҃ка. того села и пр҃но ѥ имѣти. тѣмь братиѥ, горькь имамь приѥти соудь. нази гредоуще тамо и не оугото- вимь ничесоже. и зѣло ѡбнищав'ше. не тьчию сами. нь иныѥ ѡбоубожив'ше. егда бо ни видеть, или слышеть ср҃ан'ныи[1]) по- ган'ныѥ, грабеще тȣже҃ имѣниѥ и не наситещесе. скв'рьн'наа дѣла твореще. а толикоу бл҃ть ѿ б҃а приѥм'шоу[2]). елико с҃нomь б҃жиѥмь быти. еже вь ц҃ртво нб҃ноѥ вьнити. з'дѣ мало потроу- див'шесе, и подав'ши не имоущимь. и ѡстав'шесе всакоѥ скв'рь- ны. аще ли м҃ни не брѣжемь того. тѡ ти погани что имоуть, тог'даа створити не паче ли прилегоуть, имѣниꙗ врати. рекоуще ничтоже ѥ҃ хрїстиꙗньство. аще бо би ин'дѣ жиз'нь била, то и сии не би тоуже҃го имѣниꙗ грабили, ни скврьн'наа дѣлали. да то все на наше главы беретсе ѡгнь. како се ѥ҃ намь сп҃сти им'же ѥ҃ и за ны погыбающе ѿвѣть дати. Їже то нашего злаа житиꙗ

1) Надо читать страны.

2) Описка, вмѣсто приємше.

зрецие погибають. или не слыши[1]) х҃а г҃лющиа кь оучитэлемь. вы кесте свѣ҃т всегоо мира сего. и мы же хрїстиꙗни, и оучителие кесьмы странамь невѣр'нымь. мы бо слышимь, какоке ни ѥ҃ бл҃ги доити. прѣстоупив'ше сьмрьтию на ѡноу жизнь. з҃ѣ вь малѣ д҃ныи сьнавдѣв'шесе, ѿ скр҃ьн'наго дѣла всего, и мьз҃ин. а ты невѣрьны не вѣдеть ничесоже. нь на҃ зреть, да егда мы не тьчию, на свѣ҃т ихь не наведемь. добраа дела твореце, нь и паче вь т'моу вьводимь. то како се хоцемь надеꙗти на сп҃ение. нѣ҃т бо ны братие надеж҃е. аще се злаа дела не ѡстанемь. нь вьпиюще, и плачющесе. и свезани по роуцѣ, и по нозѣ. вь рож҃ьство, и пламень вьнидем' ѡгньныи.

Да то все помислывшэ ѡстанѣм'се злыхь дѣль всѣхь. да не вьпадемь вь ѡг'нь негасими. аще ли не имете вѣры, ꙗко ѥ҃ ѡг'нь иже не оугаснеть николиже. то азь ви прит'чоу здѣ знакмоу вами покажоу. || сл҃нце оубо се видиши пр҃но гороуце, и 207
николиже не оугасноуце. аще и не тол'ма же, ꙗкоже онь ѡгнь, тѡ ѡбаче не оугасаеть. а иже се вамь вьда҃ братие, на имѣние брати. не вьзд'рьже себе, то и з҃е се ѥ҃ свезаль. печал'ми тѣми, и ѡнамо прѣстоупль. повиньнь боудеть тѣмь оузаамь. їже ли того хотѣнїꙗ. ї желанїе вьзр҃ьжесе оупразнить. тѡ ѡбоюдѣ, свободь боудеть. юже свободоу аще хоцемь, и мы приꙗти. тѡ ѡставив'шесе всего зла. вьскрылим' си оумь на н҃беса, бл҃годѣтию х҃вою. емоуже сл҃а, и дрьжава, ч҃ь сь безначелнимь ѡц҃емь, и сь ст҃ымь д҃хомь. н҃нꙗ и пр҃но, и вь вѣкы вѣкомь амн҃ь:·:·

1) Вѣроятно, описка, вмѣсто слышиши.

Къ вопросу о редакціяхъ Толковой Палеи.

VII.

Такъ называемая „краткая редакція" Толковой Палеи и отношеніе ея къ хронографическимъ спискамъ и къ спискамъ Коломенскаго типа.

Предпринимая свое изслѣдованіе о редакціяхъ Толковой Палеи, я имѣлъ въ виду обратить главнымъ образомъ вниманіе г. Истрина въ самомъ началѣ его работъ по тому же вопросу на возможность противоположной точки зрѣнія. Однако попытка моя не достигла своей цѣли: за послѣднее время г. Истринъ довелъ уже свое изслѣдованіе до конца[1]) и по прежнему отстаиваетъ свою точку зрѣнія на редакціи Толковой Палеи[2]). Такимъ обра-

---

1) См. «Изв. отд. рус. яз. и сл. Акад. Наукъ» за 1905 г., кн. 4. и за 1906 г., кн. 1, 2 и 3.

2) Однако общіе выводы г. Истрина (гл. IV) все-таки не совсѣмъ мирятся съ тѣмъ, что высказано было имъ въ гл. I относительно хронографич. списковъ. Въ первой главѣ г. Истринъ *еще* раздѣляетъ точку зрѣнія Тихонравова, что хронографич. списки представляютъ собою толковательный памятникъ, что возникли они въ XV в. подъ вліяніемъ ереси жидовствующихъ. Однако въ IV гл. г. Истринъ признаетъ *уже* эти списки «своеобразнымъ историческимъ сборникомъ» и говоритъ, что нѣтъ надобности связывать эти списки съ ересью жидовствующихъ и что составленіе ихъ можно отнести ко времени не ранѣе половины XIII в. Очевидно, г. Истринъ самъ чувствуетъ это противорѣчіе между I и IV главами своего изслѣдованія, потому что въ IV гл. онъ оговариваетъ эти выводы довольно туманными фразами: «я долженъ отрѣ-

зомъ и мнѣ остается идти по прежде намѣченному пути, считаясь теперь со всею совокупностью его взглядовъ на этотъ вопросъ.

Моя работа была бы неполная, если бы я здѣсь же не остановился на анализѣ текста «краткой редакціи» (пользуюсь терминомъ г. Истрина), редакціи, которая только въ послѣднее время стала намъ извѣстна благодаря трудамъ г.г. Истрина и Шахматова. Эта редакція извѣстна намъ пока по тремъ спискамъ: Погод. № 1434, Карамзинск. Имп. Пуб. Библ. и списокъ, принадлежащій В. И. Срезневскому. Всѣ эти списки представляютъ собою несомнѣнно одну редакцію. По *цѣлямъ* они хронографическій памятникъ, ибо толкованія въ нихъ совсѣмъ почти отсутствуютъ, а встрѣчающіяся спорадически толкованія, а также киноварная буква т (толкъ) ясно говорятъ намъ, что толкованія здѣсь выпускались умышленно. По отношенію къ хронографическимъ спискамъ «краткая редакція» значительно короче, однако она соприкасается съ ними въ томъ смыслѣ, что свое повѣствованіе раздвигаетъ далеко за предѣлы ветхо-завѣтныхъ событій. По отношенію къ Коломенской Палеѣ «краткая ред.» тоже короче, но кое-гдѣ и полнѣе (объ этомъ ниже); однако несмотря на это она имѣетъ свои точки соприкосновенія съ Коломенской Палеей: во многихъ случаяхъ одинаковая передѣлка матеріала, во многихъ случаяхъ одинаковыя сокращенія, вставки и дополненія, во многихъ случаяхъ полное совпаденіе текстовъ. Въ этомъ отношеніи Коломенская Палея и «краткая ред.» взаимно дополняютъ и выясняютъ другъ друга, настойчиво говоря о какомъ-то одномъ непосредственномъ ихъ источникѣ. Такимъ образомъ, если по отношенію къ Синод. и Погод. спискамъ я предполагалъ какой-то

шиться отъ мысли...» (стр. 418) и «мы видимъ теперь, что необходимо внести поправку...» (стр. 424). Интересно было бы выяснить вопросъ, есть ли это «поправки» «въ частностяхъ» къ замѣчаніямъ Тихонравова (гл. I, стр. 138), или это отказъ отъ прежней точки зрѣнія подъ вліяніемъ возраженій «со стороны иныхъ изслѣдователей», т. е. съ моей стороны. Г. Шахматовъ, какъ извѣстно, составленіе второй ред. Толковой Палеи (т. е. хронографич. списковъ) относитъ къ XV в. «въ разгаръ жидовствующей ереси» («Толковая Палея и русская лѣтопись» стр. 21).

недошедшій до насъ протографъ, то и по отношенію къ Коломенскому типу и «краткой ред.» нужно признать тоже какой-то недошедшій до насъ протографъ; въ отличіе отъ указаннаго выше протографа будемъ называть его второпротографомъ.

Предполагая литературной физіономіи этого второпротографа посвятить особую (восьмую) главу своего изслѣдованія, я въ настоящей главѣ долженъ продѣлать, такъ сказать, подготовительную работу и прежде всего выяснить несомнѣнную «связь въ генетическомъ отношеніи» между хронографическими списками и «краткой редакціей», связь, которую г. Истринъ категорически отвергаетъ (гл. IV, выводы 16 и 22).

Изъ всего предыдущаго моего изслѣдованія можно было видѣть, что Коломенская Палея въ смыслѣ основной своей идеи представляетъ собою наиболѣе законченное и систематизированное произведеніе: здѣсь обширный повѣствовательный матеріалъ подогнанъ ближе подъ толкованія, многія противорѣчія и повторенія устранены и сглажены, разрозненныя статьи объединены однимъ общимъ заглавіемъ и т. д. Обращаясь теперь къ «краткой ред.», мы увидимъ, что такая систематизаторская работа не сразу далась компилятору Коломенской Палеи, что значительная часть этой работы была продѣлана еще второпротографомъ. «Краткая ред.» тѣмъ именно и интересна, что она занимаетъ, такъ сказать, среднее мѣсто между хронографическими списками и списками Коломенскаго типа: нѣкоторыя ея статьи донесли до нашего времени мутные слѣды тѣхъ неудачныхъ поправокъ, дополненій и усложненій своего источника, которыя Коломенская Палея впослѣдствіи сгладила и затушевала. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе интересно остановиться на трехъ статьяхъ «краткой редакціи»: о Моисеѣ, Давидѣ и Соломонѣ.

Остановимся прежде всего на статьѣ о Моисеѣ и начнемъ съ устраненія одного очень важнаго недоразумѣнія, допущеннаго г. Истринымъ. Г. Истринъ говоритъ (Изв. отд. р. яз. и сл., 1906 г., кн. 1, стр. 14), что въ «краткой ред.» Толковой Палеи отъ библейскаго текста, апокрифическаго Житія Моисея и хро-

ники I. Малалы «нѣтъ никакого слѣда»[1]). Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ (стр. 16), что въ предѣлахъ исторіи Моисея «краткая Палея не можетъ восходить къ полной, а восходитъ она къ такой, гдѣ еще не было ни библейскаго текста, ни апокриф. Житія Моисея, ни хроники Малалы; иначе сказать—краткая Палея восходитъ къ Коломенской». Выводъ этотъ я считаю совершенно ошибочнымъ: возникъ онъ только потому, что г. Истринъ не принялъ во вниманіе литературные пріемы компилятора. Начну съ библейскаго текста, отъ котораго, по моему мнѣнію, «краткая ред.» донесла очень много слѣдовъ; нужно только помнить, что Колом. Палея и «краткая ред.» по обыкновенію своему сокращаютъ и передѣлываютъ свой текстъ. Для примѣра я приведу съ одной стороны библейскій текстъ по хроногр. спискамъ, а съ другой—по «краткой ред.» съ варіантами по Колом. Палеѣ.

Синод., л. 199 с. (Исх., 6, 1—4)	Погод. № 1434, л. 117= Кол. 485, 2—13.
И ре҃ г҃ь к мѡѷсеѡви. оузриши что створю фараѡнꙋ. роукою крѣпкою испоущю тѧ. и мышцею высокою възведꙋ тѧ ѿ землѧ его. азъ есмь г҃ь б҃ъ ꙗвивыисѧ авраа҃ и ïсаакꙋ и ꙗко-	И рече г҃ь къ мѡѷсиѡвѣ. (*приб.* и) се҃ оузриши что створю фараѡноу. роукою (*приб.* бо) крѣпькою испоущоу тѧ, и мышцею высокою изведоу (възведоу) тѧ ѿ землѧ егѡ. азъ

1) Здѣсь же немного ниже (примѣч. къ стр. 24) г. Истринъ представилъ подробное описаніе текста «краткой ред.» о Моисеѣ; изъ этого описанія оказывается, что «краткая ред.» весь почти текстъ свой построила на текстѣ Колом. Палеи, изъ которой брала иногда даже по одной, по двѣ строчки (476, 8—9; 476, 23—25; 477, 26—28; 478, 2—4; 478, 5—7; 478, 15—17; 480, 3—6; 484, 14; 485, 13 и т. д.). Однако г. Истринъ, повидимому, и самъ чувствуетъ, что это описаніе далеко отъ объективной истины, ибо тамъ же упоминаетъ «два мѣста, напоминающія библейскій текстъ» (№ 5 и № 6), которыя не читаются въ Коломенской Палеѣ; но это его нисколько не смущаетъ: вѣдь «исторія Моисея настолько извѣстна, что каждый книжникъ могъ вписать эти фразы по памяти»; не смущаютъ его и другія «добавочныя фразы» «краткой редакціи»: онѣ «навѣяны обычнымъ библейскимъ разсказомъ о Моисеѣ».

вꙋ. и вдаˣ завѣтъ мои к нимь. ꙗ дати имь землю хананеискꙋ. на неиже земли самь хощю ѡбити.

есмь г̃ь ꙗвивыиса авраамоу. исаакоу и ꙗковоу. и вдахъ завѣтъ мои к нимъ. ꙗко дати имъ землю ханаѡньскоу (хананѣиску). на неиже землѣ самъ хощоу ѡбитати.

Всѣ эти тексты вышли несомнѣнно изъ библейскаго текста, при томъ послѣдняя фраза (на неиже земли самь хощю ѡбитати) передѣлана немного изъ библейской (на нейже и ѡбитахꙋ) въ толковательныхъ цѣляхъ, такъ какъ въ слѣдующемъ за этимъ толкованіи рѣшается вопросъ, «гдѣ обита г̃ь».

А вотъ еще примѣръ[1]):

Синод., *л. 191 d* (Исх., 2, 11—14).

И видѣ моужа єгиптанина биюща єврѣꙗнина ѿ братиꙗ єго. и ѡзрѣса сѣмо и ѡвамо. и не видѣ никогоˣ. и оуби єгиптанина и скры в пѣсцѣ. *И* б̃ы въ д̃нь вторыи вниде мѡѵсїи къ братїи своєи. и виˣ два мꙋжа сваращаса и рѐ мѡѵсїи. ѡ злодѣю чемꙋ ѡбидиши дроуга своєго. они же рекоша ємꙋ кто та постави соуˣˣю наˣ нами. или оубити ма хощеши. ꙗко и вче-

Погод. № 1434, *л. 114 б.—115.*=Кол. 476, 25—477, 1—6.

И видѣ тѫ (тѫ *нѣтъ)* моѵсѝ (моѵсѝ *нѣтъ)* єгѵп'танина. биюща єврѣꙗнина. и ѡзрѣв'са *(приб.* моиси сѣмо и овамо и) не видѣ никого же, и оуби єгѵп'танина. и съкры єго (єго *нѣтъ)* в' пѣсцѣ. и посемъ (посемь же) оубоꙗса мѡѵсїи рекъ. аще внидеть въ оуши фараѡна (фараону).

---

1) Долженъ впрочемъ оговориться, что очень близокъ къ этому тексту и соотвѣтствующій текстъ апокрифическаго Житія Моисея (Тихонр., стр. 237). Однако одна фраза этого текста (вниде же рѣчь си въ оуши фараѡ̃), отсутствующая въ апокрифѣ, какъ будто бы соотвѣтствуетъ библейской фразѣ (Исх., 2, 15).

ра єгиптѧнина оуби. *И* оубоꙗсѧ мѡѷси ире҇. во истинꙋ вѣдома боуде҇ рѣчь си҇. вниде же рѣчь си҇ въ оуши фараѡ҇.

Изъ этого примѣра мы видимъ, что весь начальный текстъ «краткой ред.» и Колом. Палеи (и видѣ тж... в' пѣсцѣ) вполнѣ совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ хроногр. списковъ. Слѣдующій кусокъ послѣднихъ *(И* бы҇.... вчера єгиптѧнина оуби) совершенно выпускается, а послѣдній кусокъ *(И* оубоꙗсѧ... оуши фараѡ҇) подвергается легкой передѣлкѣ; немного ниже мы увидимъ мотивы этой передѣлки.

Здѣсь же, въ «краткой ред.», можно найти и слѣды апокрифическаго Житія Моисея; г. Истринъ проглядѣлъ эти слѣды только потому, что неточно назвалъ тѣ части апокрифическаго Житія, которыя не вошли въ хронографическіе списки. Въ другомъ мѣстѣ (Ж. М. Н. Пр. за 1904 г., февр. м., стр. 281 и «Изв. отд. р. яз. и сл.» за 1905 г., кн. 4, стр. 157) г. Истринъ перечисляетъ тѣ части изъ апокрифическаго Житія Моисея, которыя не вошли въ хронографическіе списки. Въ числѣ этихъ частей названъ и тотъ текстъ, который читается по изданію Тихонравова на стр. 245 (въ д҇ни же ты сѣдѧше... иди възвратисѧ въ егѷпе҇). На самомъ дѣлѣ оказывается, что все начало этого текста почти цѣликомъ вошло въ хронографич. списки. Вотъ это начало по Синод. сп., л. 195d (см. также Погод. № 1435, л. 169b.) и по апокрифическому Житію Моисея:

Синод., л. 195d.	*Тихонр., стр. 245.*
Въ д҇ни же ты бы҇ мѡѷсїи ходѧ по поустыни. со ѡвцами тестѧ свое҇. палица же б҇жїа в роукоу е҇.	Въ д҇ни же ты сѣдѧше мѡѷсеи пасѧ ѡвцѧ ѿца семфорина. рагꙋилы мадїамскаго чти своего. палица҇ б҇жїа в рꙋкꙋ его.

Что этотъ текстъ Синод. сп. произошелъ именно отъ апокрифическаго Житія, доказательствомъ служитъ то обстоятельство,

что въ библейскомъ текстѣ (Исходъ, 3, 1) нѣтъ совсѣмъ упоминанія о палицѣ.

Соотвѣтствующее мѣсто «краткой ред.» по обыкновенію передается немного короче; въ Погод. № 1434 (л. 115) оно читается такъ: и бы҃ моѵсїи ходѧ по поустыни съ ѡвцами тѣстѧ своєго[1]). Хотя здѣсь и нѣтъ упоминанія о палицѣ, тѣмъ не менѣе текстъ этотъ никоимъ образомъ нельзя отнести къ библейскому тексту по слѣдующимъ основаніямъ: 1) онъ совершенно совпадаетъ съ хронографическими списками, въ то самое время какъ конструкція этой фразы въ библейскомъ текстѣ иная и 2) сейчасъ же послѣ него слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ архангелъ Гавріилъ научилъ Моисея всякой премудрости[2]), что опять таки вполнѣ согласно съ хронографическими списками. Такимъ образомъ, въ «краткой ред.» замѣтны слѣды вліянія апокрифическаго Житія Моисея; трудно только найти ихъ среди всевозможныхъ передѣлокъ. Я совершенно согласенъ съ г. Истринымъ, что съ его точки зрѣнія «было бы совершенно необъяснимымъ выбрасываніе указанныхъ трехъ источниковъ, дававшихъ полный историческій разсказъ» (Изв., 1906 г., кн. 1, стр. 14—15). Но съ моей точки зрѣнія все это вполнѣ объяснимо: компиляторъ «выбросилъ» одинъ только источникъ (І. Малала), а остальные источники онъ не «выбрасывалъ», а передѣлывалъ по своему, а потому и оставилъ несомнѣнные слѣды пользованія какъ Библіей, такъ и апокрифомъ о Моисеѣ. Ограничимся пока этими данными, ибо въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется еще не разъ констатировать наличность библейскаго текста и апокрифическаго въ «краткой редакціи».

1) Въ Коломен. Палеѣ это мѣсто читается такъ (478, 5—7): моиси же бы҃ ходатаи (ходѧи) по пустыни. съ овьцами тьстѧ своѥго.

2) Пользуюсь случаемъ, чтобы внести поправку въ мои предположенія относительно этого текста (гл. IV, стр. 31 отдѣльнаго оттиска моей работы). Я говорилъ, что текстъ: и нача҃ любити.... в книга[х] добраго жи҃ѧ—«личный домыселъ компилятора». На основаніи труда г. Никольскаго «Матеріалы для повременнаго списка»... (стр. 13) нужно думать, что текстъ: «и оучаше҃ ѿ аг҃гла... добраго жи҃ѧ» взятъ изъ какого-то греческаго источника, можетъ быть, даже изъ Г. Амартола.

Устранивши это важное недоразумѣніе, перейдемъ теперь къ обозрѣнію текста «краткой ред.» о Моисеѣ. Разборъ этого текста тѣмъ болѣе умѣстенъ, что онъ дополнитъ намъ многое недосказанное мною въ VI гл. и дастъ намъ твердую точку опоры при выясненіи литературной физіономіи второпротографа. Уже одно самое бѣглое чтеніе текста говоритъ намъ, что онъ весь сшитъ, такъ сказать, на живую нитку (см. Погод. № 1434, л. 113 об. и далѣе). Любопытно прежде всего отмѣтить, что компиляторъ, совсѣмъ несклонный называть своихъ источниковъ, однако въ данномъ случаѣ совершенно измѣняетъ своему обыкновенію и на протяженіи 3 листовъ въ четвертку указываетъ нѣсколько новыхъ источниковъ: 1) дрѡбръное житїе пишеть (л. 114 об.), 2) иѡсифъ пїсець жидовескъ тако есть писалъ (л. 115 об.—116) и 3) ꙗко^ж^ е̑ писано в паремьи (л. 116 об.). При такомъ обильномъ пользованіи новыми источниками онъ, конечно, не могъ не оставить ясныхъ слѣдовъ своей работы (повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ, упоминаніе объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, неудачная спайка источниковъ и т. д.). Такъ, напр., въ предѣлахъ разбираемаго текста объ избіеніи еврейскихъ младенцевъ здѣсь говорится *пять* разъ. Сначала цѣликомъ воспроизводится то, что читается въ Колом. Палеѣ на столб. 475, 19—24 (*Рѣ* же егюпьтьскꙑи . . . топиша г̃. м̑ци)[1]). Но нѣсколько строкъ спустя на томъ же листѣ (113 об.) опять говорится объ этомъ избіеніи: фараѡнъ бо избивааше дѣти еврѣискыꙗ. зане (л. 114) множаахоусꙗ. аще женьскъ полъ пощадѣша его. аще ли моужѣскъ полъ погоублꙗше его. А еще немного ниже (тотъ же л. 114) компиляторъ опять возвращается къ этому событію: тѣм же того (т. е. священнокнижника) послоушавъ. повелѣ ражающагосꙗ моужеска полꙋ. въ изрлѣтѣ. не живити но в рѣкоу вметати. Въ четвертый разъ о томъ же говорится на л. 114 об.:

1) Однако слѣдующая фраза Колом. Палеи: «инꙑ с̑траю ѿ егюпта но бещисла падоша» не читается; нѣтъ и слѣдующаго текста Кол. Палеи (того ради... и на обѣтованїю въводить), какъ толковательной части.

ц҃рь же не послоуша єгѡ, н҃ повелѣ да оуставать гоублениє дѣтеи изр҃льтескъ. ражающихсѧ[1]). Наконецъ, сейчасъ же послѣ этой фразы идетъ ссылка на «дрѡбрьноє житїє»: дрѡбрьноє житїє пишеть. ꙗко. г҃. м҃ць потопиша, ї изр҃льтескыѧ мл҃нца в рѣцѣ, сего ра҃. г҃. м҃ць въ исходѣ иїзр҃льтескѡмъ. а на конпѣ в' морѣ истопоша, ꙗко мла҃нцѣ в рѣцѣ. ,а҃. моужь храбрыхъ оутопоша в морѣ. за єдинъ мла҃нець. Въ приведенномъ отрывкѣ, очевидно, и кроется вся загадка приведенныхъ выше вставокъ и повтореній: компиляторъ хотѣлъ сгустить краски и собрать возможно больше историческихъ данныхъ объ избіеніи фараономъ еврейскихъ дѣтей, чтобы потомъ истолковать это событіе въ связи съ погибелью фараона и его войскъ при переходѣ черезъ Чермное море. Интересно здѣсь же отмѣтить еще одно внутреннее противорѣчіе: раньше говорилось о томъ, что фараонъ топилъ дѣтей еврейскихъ три мѣсяца, а здѣсь говорится о десяти мѣсяцахъ.

Такимъ образомъ, разбираемый текстъ «краткой ред.» я признаю вставочнымъ по двумъ основаніямъ: 1) обильное поль-

---

1) Эпизодъ со священнокнижникомъ, изъ котораго у меня выше сдѣланы двѣ (послѣднія) выписки, напечатанъ цѣликомъ г. Истринымъ (Изв. отд. р. яз. и слов. за 1906 г., кн. 1, стр. 24). Обращаю особенное вниманіе на внутреннее противорѣчіе этого текста: въ одномъ случаѣ царь послушался священнокнижника и повелѣлъ еврейскихъ дѣтей «не живити (?), но в рѣкоу вметати», а въ другомъ случаѣ царь не послѣдовалъ совѣту священнокнижника и только повелѣлъ губить еврейскихъ дѣтей. Не объясняетъ намъ этого противорѣчія и напечатанный г. Истринымъ соотвѣтствующій текстъ Парижской греч. хроники («Изв. отд. рус. яз. и сл.» за 1906 г., кн. 1, прим. къ стр. 23): О первомъ случаѣ говорится, что διὰ τούτου παντοίως τοὺς Ἑβραίους ὁ Φαραὼ ἀπολέσαι διενοιεῖτο, по отношенію же ко второму случаю текстъ напечатанъ, повидимому, въ искаженномъ видѣ (ταῦτα εἰπόντος αὐτοῦ ὁ μὲν βασιλεὺς κατὰ πρόνοιαν θεοῦ ὁ χυνηρός (?) πρὸς τὸν φόνον ἐγένετο. ἡ δὲ Θερμουθῆς τῶν χειρῶν τοῦ βασιλέως τὸν Μωυσῆν ἐξαρπάσασα ἐφύλαττεν ἀσφαλῶς). Во 1-хъ, я не знаю греч. слова χυνηρός; во 2-ыхъ, фраза эта неправильна въ синтаксическомъ отношеніи, ибо въ греч. яз. сказуемое никогда не ставится съ членомъ (ὁ χυνηρός... ἐγένετο). Является поэтому предположеніе, что въ греч. текстѣ вм. ὁ χυνηρός стояло другое слово вродѣ ὁμοιοπαθής. Предположеніе это вытекаетъ изъ конструкціи фразы: ὁ μὲν βασιλεύς... ἡ δὲ Θερμουθῆς, т. е. царь поддался совѣту священнокнижника, а Θермуѳь выхватила Моисея изъ рукъ фараона.

зованіе новыми источниками и 2) внутреннія противорѣчія этого текста (эпизодъ со священнокнижникомъ и цифровое показаніе о мѣсяцахъ)[1]). Мнѣ остается теперь выяснить отношеніе этого текста къ соотвѣтствующимъ текстамъ Коломенской Палеи и хронографическихъ списковъ. Для большей наглядности приведу сначала весь разбираемый текстъ «краткой ред.» до эпизода со священнокнижникомъ:

*П*о преставленіи сн҃въ иꙗковлѣхъ. начаша ражатисѧ многѣ въ і҃илѣ. в наслѣдͤ завѣта бж҃ьа. еже къ авраамоу. ѿ левгиꙗ родисѧ каатъ. и каатъ роди амрама. и амрамъ роди мѡѷсеѧ. а м҃ти моисею ахавефь. ц҃рь же егѵпетьскыи фараѡнъ не любլаше ꙗко множаашесѧ і҆изр҃ль. повелѣ топити дѣти і҆и҃лвы. аще родитсѧ гдѣ моужескъ полъ. и топиша. г҃. м҃цы. Ѡ мѡѷсіи. *В* ты же д҃ни родисѧ мѡѷсии. и съкрыꙗста и родителѧ его. г҃. м҃цѣ. и оубоꙗстасѧ ищоущиихъ. и вложиста и въ краблицю. и постависта при рѣцѣ. фараѡнъ бо избивааше дѣти еврѣискыѧ. зане (л. 114) множаахоусѧ. аще женьскъ полъ пощадѣша его. аще ли моужескъ полъ погоублѧше его. тогда же фермоуфь дщи ц҃рѧ фараѡна. сниде на рѣкоу коупатсѧ. и ѡбрѣтши ѡтрочѧ въ краблицѣ. и ѿкрывши видѣ дѣтище плачющесѧ и взѧ его, пощади его, р҃е же сестра дѣтищоу къ щери фараѡновѣ. хощеши ли да ти приведоу доилицоу ѿ еврѣи. въздоить ти ѡтрочѧ се҃. и шедши сестра ѡтрочате приведе емоу м҃трь и воздои ѡтрочѧ. и нарече имѧ емоу мѡѷсии дщи фараѡнова. а пре* имѧ емоу б҃ы немелхїа. и въскорми ꙗ въ ч҃ти въ с҃на мѣсто.

Нѣтъ надобности доказывать несомнѣнную близость приведеннаго текста и соотвѣтствующаго текста Колом. Палеи (475, 14—476, 22): она признается и г. Истринымъ. Съ другой стороны несомнѣнно, что приведенный текстъ «краткой ред.» полнѣй текста Колом. Палеи. Несомнѣнно также, что эта сравни-

---

1) На этомъ основаніи Колом. Палея, вѣроятно, и выпустила весь текстъ изъ «дрѡбрънаго житіѧ».

тельная полнота «краткой ред.» во многихъ случаяхъ пополняетъ обрывистыя фразы Колом. Палеи (см., напр., Кол. ѿць же кго именемь амъбрамъ. и мти кго агавефь = ѿ левгиꙗ родиса каатъ. и каатъ роди амрама. и амрамъ роди мѡѷсеа. а мти моисею ахавефь; сниде купатъса = сниде на рѣкоу коупатса; и обрѣтъши отроча въ крабици пощадѣ кго = и ѡбрѣтши ѡтроча въ крабицѣ и ѿкрывши видѣ дѣтище плачющеса и вза єго, пощади єго; и наре има кму моиси = ре же сестра дѣтищоу.... и нарече има ємоу мѡѷсии дщи фараѡнова). Стало быть, по отношенію къ данному тексту напрашивается самъ собою выводъ о какомъ-то одномъ источникѣ для той и другой редакцій. Называя этотъ источникъ второпротографомъ, мы должны далѣе заключить, что «краткая ред.» въ данномъ случаѣ полнѣе, чѣмъ Колом. Палея, отразила въ себѣ текстъ своего источника [1]). Обращаясь теперь къ хронографическимъ спискамъ, мы видимъ, что по сравненію съ ними «краткая ред.» передѣлываетъ апокрифическій текстъ почти до неузнаваемости, но зато помѣщаетъ болѣе полный библейскій текстъ. На этомъ основаніи нужно думать, что второпротографъ (или «краткая ред.»), пользуясь хронографическими списками, рѣшилъ замѣнить апокрифическій текстъ своего источника соотвѣтствующимъ библейскимъ текстомъ, выбирая изъ апокрифа одни только собственныя имена. Изъ апокрифа здѣсь взята болѣе полная, чѣмъ въ Колом. Палеѣ, родословная Моисея, представляющая собою экстрактъ изъ хронографическихъ списковъ, имя матери Моисея и первоначальное имя Моисея. Слѣды непосредственнаго пользованія Библіей здѣсь тоже бросаются въ глаза: такъ, напр., послѣ фразы,

1) Г. Истринъ, какъ мы уже видѣли, объясняетъ эти тексты иначе: по его мнѣнію, «краткая ред.» разбираемый текстъ построила на Колом. Палеѣ, а лишнія фразы «краткой ред.» «навѣяны обычнымъ библейскимъ разсказомъ о Моисеѣ». Интересно было бы спросить г. Истрина: какъ объяснитъ онъ «добавочныя фразы» «краткой ред.» въ родословной Моисея? Ужъ не «навѣяны» ли онѣ хронографическими списками, въ которыхъ родословная Моисея взята изъ апокрифическаго Исхода?

выхваченной изъ хронографич. списковъ (ц҃рь же єгѷпетьскыи фараѡнъ не люблаше ѩко множаашеса Їиздр҃ль), здѣсь читается немного переработанный библейскій текстъ, ибо разсказъ о томъ, что родители скрывали Моисея 3 мѣсяца, что фараонъ велѣлъ избивать дѣтей мужского пола и щадить дѣтей женскаго пола не находитъ себѣ оправданія въ хронографическихъ спискахъ, а читается въ Библіи (Исх., 1, 22 и 2, 2).

Въ свое время при выясненіи литературныхъ пріемовъ второпротографа будетъ подробно разработанъ вопросъ объ отношеніи компилятора къ апокрифическому матеріалу, а теперь въ связи уже съ текстомъ «краткой ред.» я позволю себѣ еще разъ остановиться на разобранномъ въ VI гл. текстѣ Колом. 475, 19—476, 8. Мы уже видѣли, что лишняя фраза въ толковательномъ текстѣ Колом. Палеи (възненавидѣти... ѿ єгюптанъ) повлекла за собою и нѣкоторыя вставки въ повѣствовательномъ текстѣ (493, 1—6; 493, 26—494, 4 и 494, 11—13), при чемъ послѣднія двѣ вставки сдѣланы на счетъ болѣе полнаго библейскаго текста (Исх., гл. 12, 12—13)[1]). Оказывается, что эти вставки буквально читаются и въ «краткой ред.», за исключеніемъ, впрочемъ, первой вставки (493, 1—6), которая, какъ толковательный текстъ, подвергается здѣсь сокращенію[2]). Такимъ образомъ, *толкованія* Колом. Палеи позволили намъ признать вставочный характеръ нѣкоторыхъ ея фразъ; теперь за

1) Лишнее доказательство въ пользу того, что компиляторъ второпротографа пользовался хронографическими списками съ библейскимъ текстомъ въ рукахъ.

2) Изъ всего Колом. текста 493, 1—6 здѣсь мы читаемъ одну только такую фразу: како изгнашаса ѿ рѣкъ ихъ жабы в' землю ихъ. Особенно типично здѣсь слово како. Оно совершенно некстати и категорически говоритъ намъ, что весь текстъ «краткой ред.» о египетскихъ казняхъ произошелъ несомнѣнно путемъ сокращенія толковательнаго текста Колом. Палеи (492, 1—493, 26), гдѣ весь текстъ ведется въ формѣ вопроса: како ли рѣкы въ кровь превратишаса, како ли изгнашаса... жабы, како ли вниде мышьца и т. д. На этомъ основаніи нужно думать, что текстъ о египетскихъ казняхъ во второпротографѣ читался въ томъ видѣ, въ какомъ онъ читается теперь въ Коломенской Палеѣ.

тотъ же вставочный характеръ говоритъ намъ и болѣе полный *повѣствовательный* текстъ «краткой ред.». И въ смыслѣ основной идеи оба эти памятника не только не противорѣчатъ, но даже взаимно пополняютъ другъ друга (центръ тяжести въ избіеніи фараономъ еврейскихъ дѣтей и въ погибели его при переходѣ черезъ Черное море). Сводя теперь въ одно цѣлое оба эти текста, приходимъ къ такому окончательному выводу. Уже второпротографъ въ разсказѣ о Моисеѣ сталъ замѣнять апокрифическій текстъ библейскимъ текстомъ и сообразно съ этимъ расширилъ отдѣлъ о Моисеѣ новыми источниками (дрѡбрьное житіе», Іосифъ Флавій). Въ результатѣ получился слишкомъ скомканный и, такъ сказать, мозаичный текстъ, источники котораго положительно таки теряются въ цѣлой грудѣ обрывистыхъ фразъ и сокращеній. И только Коломен. Палея и «краткая ред.» даютъ намъ вѣрный путь къ выясненію литературной физіономіи второпротографа: первый памятникъ, какъ толковательный по цѣлямъ, въ области толкованій, а второй, какъ повѣствовательный по цѣлямъ, въ области повѣствовательнаго текста.

Остается теперь выяснить вопросъ, читался или не читался вставочный текстъ Колом. Палеи (възненавидѣти.... ѿ егюптѧнъ) во второпротографѣ? Отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса будетъ зависѣть до нѣкоторой степени и судьба моихъ основныхъ положеній. Дѣло въ томъ, что, какъ я уже говорилъ, этотъ текстъ, какъ болѣе полный, на первый взглядъ скорѣе говоритъ о зависимости хронографическихъ списковъ отъ Коломенской Палеи, а не наоборотъ, что подтверждается косвеннымъ образомъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что лучшіе списки Коломенскаго типа (А. К. С. Я.) согласно съ хронографическими списками тоже не имѣютъ упомянутаго текста (см. вар. 11 къ столбцу 475). Такимъ образомъ, если мы признаемъ, что фраза «възненавидѣти... ѿ егюптѧнъ» читалась во второпротографѣ, то какъ мы тогда объяснимъ отсутствіе ея въ спискахъ А. К. С. Я.? Мнѣ кажется, что вставка эта читалась и во второпротографѣ, а пропускъ ея въ сп. А. К. С. Я. можно объяснить случайностью:

выпущенная фраза оканчивается словомъ «єгюптанъ» и предшествующій ей текстъ тоже оканчивается словомъ «єгюптанъ»; подобныя явленія довольно обычны въ техникѣ списыванія у древне-русскихъ книжниковъ. Можно впрочемъ допустить и умышленный пропускъ фразы въ виду ея туманности и неясности. Что въ этихъ спискахъ должна была читаться выпущенная фраза, доказательствомъ служитъ еще и то обстоятельство, что въ нихъ читается фраза: инъı страю... падоша, фраза, которая, какъ я уже говорилъ, вставлена въ Колом. Палею въ толковательныхъ видахъ. Откуда компиляторъ взялъ эту дополнительную фразу, — изъ книги ли Каафъ, или изъ «дрωбрънаго житія», или изъ другого какого-либо источника, — рѣшать не берусь. Долженъ только сказать, что компиляторъ второпротографа, повидимому, очень любитъ вкраплять въ свой текстъ маленькія дозы добавленій изъ разныхъ источниковъ: въ гл. V мы уже видѣли, что Коломенская Палея именно по такому шаблону построила почти всѣ рѣчи Іосифа Прекраснаго (напр., въ текстъ Ефрема Сирина 356,4—357,3 вторгается совершенно некстати фраза изъ Бытія 45,6—сь бо. є̃. гладнъıхъ єще єсть); такую же мозаичную работу увидимъ мы немного ниже и въ текстѣ «краткой ред.».

Такимъ образомъ, если изъ разбираемаго текста «краткой ред.» исключить эпизоды со священно-книжникомъ, съ діадемой и ссылкой на «дрωбръное житїе», то весь этотъ текстъ можно смѣло вывести изъ хронографическихъ списковъ. Мнѣ остается теперь остановиться на этихъ эпизодахъ въ связи съ дальнѣйшимъ текстомъ «краткой ред.» о Моисеѣ. Вслѣдъ за вставкой изъ «дрωбрънаго житїа» идетъ такая фраза: мωѷсїа же вочте въ цр҃ь ро҃ и бы҃ мωѷсїи. м҃і. лѣ҃. изыиде къ братьи своеи видѣти ихъ ноуж҃а. работаю бо томахоу їиз҃рльтанъ. грады зижющe. и иными страдами. Не трудно съ моей точки зрѣнія объяснить эту фразу: кое-что изъ нея отсылаетъ насъ къ хронографич. спискамъ (см. Синод. л. 191d: и расташе с дѣтми црвыми в ризахъ єдинѣхъ; см. Синод. л. 192d: мωѷсеωви же

баше. ӣі. лѣ҇ єгⷣа бѣже ѿ фараѿ), кое-что къ кн. Исходъ, 2, 11 (изыде къ братїамъ своимъ; разѹмѣвъ же болѣзнь ихъ)[1]), а кое-что, повидимому, личный домыселъ (работою бо томахоу... иными страдами). Весь дальнѣйшій текстъ вплоть до ссылки на І. Флавія передаетъ въ сокращеніи текстъ хронографическихъ списковъ (убійство Моисеемъ египтянина, бѣгство, женитьба Моисея, явленіе архангела Гавріила въ пустынѣ, видѣніе купины и даже толкованіе по поводу этого видѣнія)[2]); судя по описанію г. Истрина, весь этотъ текстъ, начиная съ ссылки на дрѡбрьное житїе, не читается въ греческой Парижской хроникѣ.

Обращаясь теперь къ дальнѣйшему тексту «краткой ред.» изъ І. Флавія, я не буду выяснять отношеній его къ подлинному І. Флавія, такъ какъ это не входитъ въ мои непосредственные планы и увлекло бы меня въ сторону; ограничусь однимъ только внутреннимъ анализомъ этого текста въ связи съ греческой хроникой и хронографическими списками. Содержаніе вставки изъ І. Флавія по «краткой ред.» въ общихъ чертахъ таково. Когда эѳіопляне въ теченіе пяти лѣтъ довели египтянъ до полнаго отчаянія, то послѣдніе стали просить дочь фараона Ѳермуѳь, чтобы она позволила Моисею стать во главѣ ихъ войскъ (припадоша к немоу молѧщеса февроуфинъ. дабы ємоу повелила. дабы сѧ алъ по єгѵптанѣ). Ѳермуѳь попеняла египтянъ за то, что священнокнижникъ совѣтовалъ фараону убить Моисея (ѡна же нача поносити имъ ꙗко ѕлѣ и лютѣ ми єсте были. свщ҇еннокнижникъ ꙗко оуѕлилъ ѐ на смрть въдати отрока моєго), но потомъ снизошла на ихъ просьбу и дала имъ Моисея въ воеводы. Обратимъ вниманіе, что разсказъ о Ѳермуѳи не вполнѣ сходится съ греческой хроникой: здѣсь къ Ѳермуѳи обращаются не египтяне, но самъ фараонъ, при томъ Ѳермуѳь напоминаетъ фараону его старое

---

1) См. впрочемъ и хроногр. списки (Син. л. 191 d: и пріиде къ братіи своеи и *дальше*).

2) Соотвѣтствующій текстъ Кол. Палеи читается на столб. 476, 23—480,22 (и бы҇ по днехъ... ꙗко чл҇вколюбецъ г҇ь); толкованія, по обыкновенію, значительно полнѣй.

злоумышленіе противъ Моисея. Немного выше греческая хроника дѣйствительно говоритъ намъ, въ чемъ состояло это старое злоумышленіе фараона (эпизодъ съ діадемой): послѣ того, какъ маленькій Моисей сбросилъ съ своей головы діадему, то царь по совѣту одного священнокнижника рѣшилъ убить Моисея, но Ѳермуѳь спасла своего любимца, вырвавъ его изъ рукъ отца. Такимъ образомъ, въ этомъ разсказѣ греческой хроники соблюдено, такъ сказать, единство одного лица; я говорю о фараонѣ: фараонъ проситъ у Ѳермуѳи помощи, фараонъ изъ-за поверженной діадемы собирался погубить Моисея. Однако въ «краткой ред.» роль фараона нѣсколько стушевана и представлена въ иномъ видѣ: въ первомъ эпизодѣ проситъ помощи у Ѳермуѳи не фараонъ, а египтяне[1]), а во второмъ — фараонъ не послушался совѣта священнокнижника и только повелѣлъ губить еврейскихъ дѣтей (цр҃ь же не послоуша его, нъ҃ повелѣ да оуставать гоубление дѣтеи изр҃льтескъ ражающихсѧ)[2]). Вотъ именно это уклоненіе отъ греческой хроники я считаю въ высшей степени типичнымъ, такъ какъ оно сдѣлано умышленно съ цѣлью примирить новыя вставки съ дальнѣйшими выписками изъ хронографическихъ списковъ. Въ послѣднихъ весь почти разсказъ о Моисеѣ построенъ на апокрифическомъ Житіи. Здѣсь говорится о томъ, какъ Моисей, будучи трехлѣтнимъ мальчикомъ, снялъ съ царской головы діадему и возложилъ ее себѣ на голову, о томъ, какъ затѣмъ жрецъ посовѣтовалъ царю убить ребенка. Однако Богъ послалъ архангела Гавріила, который, принявъ образъ одного изъ вельможъ, убѣдилъ царя раньше этого произвести испытаніе мудрости Моисея при помощи драгоцѣннаго камня и горящаго угля: если Моисей возьмется за драгоцѣнный камень, то его нужно будетъ признать мудрымъ, а слѣдовательно и опаснымъ для царя, если прельстится углемъ, то его можно оставить въ

---

1) По I. Флавію (Antiquit. judaicae, ч. I, гл. IX) Ѳермуѳь обвиняетъ не царя, а жрецовъ.

2) По I. Флавію тоже царь не былъ склоненъ погубить Моисея, ибо эти мысли внушилъ ему Богъ.

живыхъ. Когда наступило это испытаніе, то ангелъ направилъ руку Моисея къ углю: мальчикъ вложилъ уголь въ ротъ и опалилъ конецъ языка, чѣмъ и сохранилъ себѣ жизнь. Благодаря этому Моисей и жилъ послѣ этого 15 лѣтъ въ домѣ фараона. Божій Промыселъ сохранилъ жизнь Моисею и немного позже: когда ему было 18 лѣтъ, то фараонъ велѣлъ убить юношу за убійство египтянина, но и здѣсь архангелъ Михаилъ чудеснымъ образомъ спасъ жизнь Моисею. Далѣе идетъ разсказъ о бѣгствѣ Моисея къ сарацинскому царю Киканосу, причемъ сообщается, что ему было тогда 18 лѣтъ.

Изъ приведеннаго разсказа ясно вытекаютъ два важныхъ для меня вывода: 1) Моисей прожилъ въ домѣ фараона до 18-тилѣтняго возраста благодаря Промыслу Божію и 2) Моисей убѣжалъ изъ дома фараона 18-тилѣтнимъ юношей, испугавшись гнѣва фараона за убійство египтянина. Что касается до «краткой ред.», то она второй выводъ такъ и вноситъ въ свой разсказъ; вотъ этотъ текстъ: мѡѷсїа же вочте въ цс҃рвь ро҃ и бы҃ мѡѷсїи.. ӣі. лѣ҃. изыиде къ братьи своеи видѣти ихъ ноужда. работою бо томахж їизр҃льтанъ. грады зижⷣюще. и иными страдами. и видѣ тж (л. 115) моѷсӣ егѷп'танина. биюща еврѣанина. и ѡзрѣв'са не видѣ никого же, и оуби егип'танина. и съкры его в'пѣсцѣ. и посемъ оубоѩса мѡѷсїи рекъ. аще внидеть въ оуши фараѡна. и бѣжа в'землю мадиамъскоу ѿ лица фараѡна. Прежде всего обращаю вниманіе на то, что здѣсь имя Моисея упоминается *четыре* раза, знаменуя собою четыре момента въ пользованіи компилятора своими источниками: первые два момента относятся къ выборкѣ фразъ изъ хронографич. списковъ (Синод. л. 191 d и 192 d); третій и четвертый моменты — выборка фразъ изъ кн. Исх., 2, 11 — 12 и кн. Исх. 2, 15 (слиты два эпизода въ одно цѣлое, причемъ повѣствоват. фраза хронографич. списковъ-вниде же рѣчь си въ оуши фараѿ — обращается въ размышленіе Моисея — оубоѩса мѡѷсїи рекъ. аще внидеть въ оуши фараѡна). Во-вторыхъ, обращаю вниманіе на 18-тилѣтній возрастъ Моисея: хронографическіе списки согласно

съ апокрифомъ къ этому возрасту пріурочиваютъ бѣгство Моисея не въ землю Мадіамскую, а въ землю Сарачинскую (въ Мадіамскую землю онъ убѣжалъ 67-ми лѣтъ, гдѣ и женился черезъ 10 лѣтъ). Такимъ образомъ, здѣсь я опять подчеркиваю несомнѣнное пользованіе компилятора «краткой ред.» апокрифомъ; только это было своеобразное пользованіе: берутся или имена (см. родословную Моисея), или хронологическія даты[1]).

Что же касается до второго вывода, то онъ остался совсѣмъ незатронутымъ, такъ какъ компиляторъ выпустилъ у себя весь апокрифическій текстъ и вмѣсто него внесъ новый (два эпизода со священно-книжникомъ). Не мѣшаетъ здѣсь же еще разъ остановиться на этихъ эпизодахъ. Я говорилъ уже выше, что они заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе: въ первомъ эпизодѣ фараонъ послушался совѣта священно-книжника, а во второмъ — не послѣдовалъ его совѣту. На этомъ основаніи заключительную фразу 1-го эпизода (тѣм же того послоушавъ повелѣ ражающагосѧ моужеска полꙋ. въ изр҃льтѣ. не живити но в рѣкоу вметати) и заключительную фразу 2-го эпизода (цр҃ь же не послоуша єгѡ, нъ повелѣ да оуставѧть гоубленис дѣтеи изр҃льтескъ) я считаю личнымъ домысломъ компилятора, построеннымъ однако на почвѣ библейскаго текста. Несомнѣнно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ весь смыслъ совѣта священно-книжника сводится къ погибели Моисея. Если бы фараонъ послушался совѣта священно-книжника, то компилятору неминуемо нужно было сооб-

---

1) Интересно было бы выяснить вопросъ о 18-тилѣтнемъ возрастѣ Моисея. Судя по хронографич. спискамъ и апокрифу Моисею тогда должно быть не 18, а 17 лѣтъ: «на конецъ двꙋ лѣт» онъ сталъ жить въ домѣ фараона, а «на конецъ. є҃і. лѣт» онъ захотѣлъ идти къ братіи своей. Въ связи съ этимъ отмѣчу, что въ «краткой ред.» *четырехлѣтній* Моисей срываетъ съ головы фараона царскій вѣнецъ, между тѣмъ какъ хронограф. списки и апокрифическое житіе говорятъ намъ о *трехлѣтнемъ* Моисеѣ; ни въ греческой хроникѣ, ни у І. Флавія нѣтъ упоминанія объ этомъ возрастѣ Моисея. Нельзя ли поэтому думать, что компиляторъ «краткой ред.» прибавилъ Моисею одинъ годъ для болѣе точнаго счета? Точно также и вопросъ о женитьбѣ Моисея: русскому книжнику болѣе понятенъ 18-тилѣтній возрастъ, чѣмъ 77-милѣтній.

щить и апокрифическій матеріалъ о томъ, какъ архангелъ Гавріилъ спасъ жизнь Моисею. Но нашъ компиляторъ тщательно заметаетъ слѣды апокрифа, а потому и придумалъ эти фразы въ библейскомъ стилѣ[1]). Передѣлка эта тѣмъ болѣе необходима, что она должна была послужить переходомъ къ дальнѣйшему тексту, выхваченному изъ хронографическихъ списковъ (разумѣю бѣгство 18-тилѣтняго Моисея): если бы фараонъ приказалъ умертвить четырехлѣтняго Моисея, какъ это совѣтовалъ сдѣлать священнокнижникъ, то «краткая ред.», конечно, не могла бы и говорить о бѣгствѣ Моисея въ Мадіамскую землю. Вотъ потому-то компиляторъ въ разбираемыхъ двухъ эпизодахъ совершенно затушевываетъ и затираетъ злоумышленіе фараона противъ Моисея; вотъ потому-то и въ текстѣ изъ Іосифа Флавія Ѳермуѳь укоряетъ за совѣты священнокнижника не фараона, какъ это сказано въ греческой хроникѣ, а египтянъ.

Но мнѣ могутъ задать вопросъ, зачѣмъ же тогда книжнику понадобились эти два вставочныхъ эпизода со священнокнижникомъ и вставка изъ І. Флавія? Изъ предыдущаго моего изложенія ясно видно, что эпизоды со священнокнижникомъ вставлены въ чисто-толковательныхъ цѣляхъ; припомнимъ это систематическое выдвиганіе фразъ объ избіеніи фараономъ дѣтей еврейскихъ, припомнимъ выписку изъ «дрωбрънаго житіꙗ», выписку, которая прямо говоритъ о толковательномъ смыслѣ вставокъ. Такую же толковательную цѣль преслѣдуетъ и выписка изъ І. Флавія, о чемъ намъ прямо говоритъ начало этой выписки: Тѣм҆ же иꙁдавна погоубиша пам҃ паланофовоу ѳараωню и с родωмъ єгω. бывшеꙗ ра҃ пагоубы имъ ѿ бга мωѷсиемъ. иωсиф пї (л. 116) сецъ жидовескъ тако єсть писалъ... Какъ ни туманна эта фраза, но она въ *шестой* разъ припоминаетъ погибель фараона *и его рода*, что затѣмъ и доказывается дальнѣйшимъ текстомъ. Такимъ образомъ, смыслъ всѣхъ этихъ вста-

---

1) Особенно типично въ первой фразѣ слово «не живити» = Исх., 17 — 18 (см. фразы: «бабы... живлꙗхꙋ мꙋжескіи полъ»; «что... ѡживлꙗете мꙋжескіи полъ»).

вокъ сводится къ одному основному мотиву, т. е. къ наказанію, ниспосланному Богомъ на фараона и его родъ за жестокое избіеніе дѣтей еврейскихъ.

Но мнѣ могутъ задать еще одинъ вопросъ, почему же тогда книжникъ не помѣстилъ этой выписки изъ І. Флавія сейчасъ же послѣ эпизода съ діадемой, а, наоборотъ, оба эти разсказа отдѣляетъ промежуточнымъ текстомъ, выхваченнымъ изъ хронографическихъ текстовъ (убійство Моисеемъ египтянина, бѣгство, женитьба, явленіе архангела Гавріила и видѣніе купины)? Чтобы объяснить это обстоятельство, нужно имѣть въ виду слѣдующее соображеніе. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ рѣшительно спискахъ Толковой Палеи (включая сюда и хронографическіе списки) толкованія всегда идутъ въ хронологической послѣдовательности, т. е. по мѣрѣ изложенія въ исторической послѣдовательности событій и моментовъ въ жизни извѣстнаго лица подвергаются и толкованію соотвѣтствующія событія и моменты; толкованія всегда идутъ вслѣдъ за историческими фактами.

Тоже явленіе можно замѣтить и въ «краткой редакціи» (говорю о «краткой ред.» съ точки зрѣнія ея источника, т. е. второпротографа). Преслѣдуя толковательныя цѣли и расширяя нѣкоторые отдѣлы, компиляторъ одинако никогда не упускалъ изъ виду хронологической послѣдовательности. Такъ именно построена и вся исторія Моисея: сначала говорится о взятіи его изъ воды, затѣмъ сообщается о четырехлѣтнемъ его возрастѣ (эпизодъ съ діадемой), затѣмъ о 18-тилѣтнемъ возрастѣ (бѣгство) и наконецъ о 30-тилѣтнемъ возрастѣ (см. въ текстѣ изъ І. Флавія фразу: бѣаше бо возраслъ всею добродѣтелью оукрашенъ и наказанъ всакои прмдрости єгѵпетьскои ꙗко же и црвъ снъ. храборъ бо бѣ и на рати. ӏ҃. лѣ҃ сыи). Не трудно теперь видѣть, что это вторженіе хронологическаго момента въ толковательный и послужило источникомъ расторженія двухъ разсказовъ, связанныхъ между собою единствомъ толковательной идеи. И несомнѣнно, еслибы нашъ компиляторъ помѣстилъ вставку изъ І. Флавія сейчасъ же послѣ эпизода съ діадемой, то это было бы болѣе

умѣстно съ толковательной точки зрѣнія, но было бы неумѣстно въ смыслѣ хронологической послѣдовательности.

Я нарочно подробно остановился именно на томъ текстѣ о Моисеѣ, на основаніи котораго г. Истринъ построилъ свои выводы относительно «краткой редакціи» (Изв. отд. рус. яз. и слов. за 1906 г., кн. 1, стр. 11 — 27); послѣ всего сказаннаго не трудно видѣть, что выводы г. Истрина для меня совсѣмъ неубѣдительны [1]). Мнѣ остается теперь только подвести общіе итоги относительно текста «краткой ред.» о Моисеѣ. Благодаря тому, что «краткая ред.» въ началѣ заключаетъ въ себѣ болѣе полный повѣствовательный текстъ о Моисеѣ, чѣмъ Колом. Палея, мы имѣемъ возможность дать нѣкоторое представленіе о литературной физіономіи второпротографа. Оказывается, что уже компиляторъ второпротографа задумалъ съ библейскимъ текстомъ въ рукахъ передѣлать текстъ хронографич. списковъ о Моисеѣ для толкованій и затушевать апокрифич. житіе Моисея; передѣлки эти настолько примитивны, что онѣ сразу бросаются въ глаза при самомъ даже бѣгломъ чтеніи текста, а особенно по сравненію съ тѣми вставками, которыя сдѣланы изъ новыхъ источниковъ («дрѡбръное житіе», І. Флавій и др.). А ближайшая связь между текстомъ «краткой ред.» и Колом. Палеи убѣждаетъ насъ, что именно этотъ текстъ «краткой ред.», а не текстъ Колом. Палеи, читался и во второпротографѣ, что Колом. Палея выпустила эпизоды со священнокнижникомъ и выписку изъ І. Флавія, какъ тексты

---

1) Г. *Истринъ* на основаніи Порфирьева ссылается еще на одинъ списокъ Палеи (Солов. № 866), совершенно справедливо замѣчая, что списокъ этотъ «представляетъ собой ту же краткую редакцію, что и Погодинская 1434, но осложненную прибавленіемъ нѣсколькихъ апокрифическихъ разсказовъ» (Ж. М. Н. Пр. за 1904 г., февр. м., стр. 285). Оказывается, что этотъ списокъ о Моисеѣ даетъ то же чтеніе, что и Погод. сп. № 1434 («краткая ред.»), но съ замѣной нѣкоторыхъ подробностей изъ Исторической Палеи. Въ числѣ этихъ подробностей интересно отмѣтить иной разсказъ о діадемѣ: когда Моисей снялъ съ головы фараона діадему, то фараонъ велѣлъ за это утопить Моисея въ рѣкѣ, но «мудрый же нѣкто» отсовѣтовалъ это дѣлать (Порф., стр. 229). И почему это г. Истринъ здѣсь признаетъ осложненіе новымъ источникомъ, а по отношенію къ «краткой ред.» не хочетъ признать никакихъ осложненій?

путанные, противорѣчивые и невносящіе ничего новаго въ смыслѣ толковательнаго матеріала. Не зная греческой хроники, я, конечно не могу судить, насколько справедливы выводы г. Истрина о ближайшей связи ея съ «краткой ред.». Признаніе или непризнаніе этой связи нисколько не мѣшаетъ тому выводу, что текстъ «краткой ред.» о Моисеѣ произошелъ отъ текста хронографич. списковъ при посредствѣ вставокъ изъ новыхъ источниковъ.

Къ сожалѣнію, другія статьи «краткой ред.» слишкомъ кратки и сжаты для того, чтобы на основаніи ихъ можно было бы развить мои положенія; во многихъ случаяхъ статьи эти даже короче соотвѣтствующихъ статей Колом. Палеи. Тѣмъ не менѣе г. Истринъ находитъ близость между греческой хроникой и «краткой ред.» еще въ двухъ статьяхъ: въ статьѣ о царствованіи Давида и въ статьѣ о Соломонѣ. Чтобы покончить совершенно съ греческой хроникой, остановлюсь и на этихъ текстахъ.

Что касается до трехъ отрывковъ о Давидѣ изъ греческой хроники, которые обнаруживаютъ «полное соотвѣтствіе» съ «краткой ред.» («Изв. отд. р. яз. и сл.» за 1906 г., кн. 1., стр. 27—29), то о нихъ я не могу сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ не имѣлъ возможности провѣрить ихъ по хронографическимъ спискамъ. Скажу о нихъ только то, что говорилъ относительно текста о Моисеѣ: признаемъ ли мы связь этихъ отрывковъ или не признаемъ, отъ этого нисколько не пострадаетъ мой основной выводъ, что текстъ «краткой ред.» о Давидѣ произошелъ отъ хронографическихъ списковъ путемъ вставокъ изъ какихъ-то другихъ источниковъ. Но я имѣлъ возможность сличить разсказъ о составленіи псалтири и здѣсь позволю себѣ высказать свои наблюденія по этому поводу.

Приведенный г. Истринымъ отрывокъ изъ греческой хроники о составленіи псалтири (Ж. М. Н. Пр., 1904 г., стр. 289—290) говоритъ намъ, дѣйствительно, о полномъ почти тожествѣ его съ текстомъ «краткой ред.» (Погод. № 1434 л.л. 191 об.—193 об.); согласенъ съ г. Истринымъ, что въ данномъ случаѣ хронографич. списки короче, чѣмъ «краткая ред.». Однако постараемся выяс-

нить взаимоотношеніе хронографич. списковъ и «краткой ред.» путемъ сопоставленіи ихъ съ греческимъ текстомъ. Оказывается прежде всего, что въ хронографич. спискахъ (Синод., л. 382 d и Погод. № 1435, л. 315) мы находимъ кое-какія фразы, которыя оправдываются греческимъ текстомъ, но въ «краткой ред.» или отсутствуетъ или читаются иначе. Такъ, напр., хотя Погод. № 1434 («кратк. ред.») и говоритъ, что Давидъ избралъ изъ племени Левгита 4 мужей, но при перечисленіи ихъ именъ одно выпускаетъ (Еманъ = Αἱμάν); въ хронографич. спискахъ приводятся всѣ 4 имени. См. еще фразу хронографич. списковъ «посредѣ же их стоıаше двдъ, держа ѱалтырь» = Погод. № 1434 «старѣишии держа в роукꙋ ѱлтрю» = τούτων μέσος ἵστατο Δαβὶδ ἄρχων ἀρχόντων ᾠδῶν, καρτῶν' ἐπὶ χεῖρας τὸ ψαλτήριον...; см. еще «емꙋ же ѿкрыетсѧ пророчьство, инъ да помолчитъ» = Пог. № 1434 «аще иному ѿкрыетсѧ старѣишии да молчитъ» = ἐὰν δὲ ἄλλῳ ἀποκαλυφθῇ, ὁ ἕτερος σιγάτω. На основаніи этихъ данныхъ текстъ хронографич. списковъ нельзя возвести къ тексту «краткой ред.».

За независимость текста хронографич. списковъ отъ текста «краткой ред.» говорятъ и самостоятельныя цифровыя показанія обѣихъ славянскихъ редакцій. По хронографич. спискамъ всѣхъ псалмовъ было 150, изъ нихъ на долю Давида выпадаетъ 9, Асафа 72, Емана 4, Идифума 12, Ефама 1, Соломона 2, Аггѣя и Захарію 4, Левгія 24 и степенныхъ пѣсенъ 22; въ общемъ итогѣ это и дастъ цифру 150. Откуда взятъ этотъ текстъ, я не знаю, но, судя по цифровымъ даннымъ, онъ представляетъ собою нѣчто цѣльное, правильное, опредѣленное и законченное. Посмотримъ теперь цифровыя показанія Пог. № 1434 (л. 192 об.), который въ данномъ случаѣ вполнѣ сходится въ греческой хроникой: соуть же ѱлми си. рн. ѡ нихъ же сътворилъ єсть самъ двдъ. ѳ. а ѡ немъ створени соуть. ѯ. г. всѣх же. ов. на асафата вг. на идифоума. вг. на сны корѣѡвы. ѳ. на моисѣѧ єдинъ. на єфама єдинъ. на соломона в. на аггѣѧ и захарию. д аллоуїа. кв. степенныя пѣ. еі. Мысль этого отрывка будетъ такова: всѣхъ

псалмовъ было 150, изъ нихъ 9 принадлежатъ Давиду, а 63 были составлены о Давидѣ, что дастъ въ общемъ итогѣ 72 (9+63); кромѣ того псалмы были составлены на Асафа, Идифума и т. д., что дастъ въ общей суммѣ 78 (12 + 12 + 9 + 1 + 1 + 2 + + 4 + 22 + 15). Такимъ образомъ, общій итогъ и здѣсь выразится въ цифрѣ 150 (72 + 78), т. е. оба славянскіе списки, пользуясь разными цифровыми показаніями, пришли къ одному общему итогу [1]). Въ виду этого позволительно думать, что у насъ, въ славянской письменности, существовало *двѣ* редакціи статьи о составленіи псалтири; одна, болѣе краткая, читалась въ хронографич. спискахъ, другая, болѣе полная, въ Погод. № 1434 спискѣ [2]).

О взаимоотношеніяхъ этихъ редакцій судить не берусь, однако долженъ сказать, что полная ред. статьи о составленіи псалтири, читаемая въ «кратк. ред.», произошла не безъ вліянія краткой, т. е. хронографической. Дѣло въ томъ, что послѣ приведеннаго выше куска Погод. № 1434 помѣщаетъ такой текстъ: Сеᵐ достоить пытати. почто сѧѱ҃ѧмы си҃ дв҃дви наричають. а соуть створени не ѿ того єдинаго нь҃ понеже тѣ҃ єсть замыслилъ. и начал'никъ пѣ҃немь, юкоᵐ бо пишеть книгы єсферовы, а не мордехевъ.... Текстъ этотъ по сравненію съ греческимъ несомнѣнно немного полнѣй (ζητήον δὲ, διὰ τί ψαλμοὶ Δαβὶδ λέγονται, ὑπὸ διαφόρων ῥηθέντες. ’επειδὴ τούτου αὐτὸς ὑπῆρξεν αἴτιος). Вотъ эта сравнительная полнота текста и произошла путемъ заимствованій изъ хронографич. списковъ. Въ послѣднихъ нѣтъ

---

1) Обращаю вниманіе въ обоихъ текстахъ какъ на разницу въ цифровыхъ показаніяхъ (Асафъ 72 и 12, степенныхъ пѣсенъ 22 и 15), такъ и въ собственныхъ именахъ (въ «краткой ред.» и греческомъ текстѣ совсѣмъ опускаются имена Емана и Левгія, а въ хроногр. спискахъ опускаются въ свою очередь кое-какія другія имена). Правда, относительно степенныхъ пѣсенъ г. Истринъ объясняетъ, что число ихъ (22) перенесено изъ аллилуйныхъ псалмовъ, но какъ объяснитъ г. Истринъ другія разногласія текстовъ при согласіи въ общемъ цифровомъ итогѣ?

2) Эта редакція встрѣчается и отдѣльно при самой книгѣ Псалтири, какъ указываетъ на это г. Истринъ.

никакой ссылки на книги Есѳирь, но текстъ читается такимъ образомъ: сего подобаетъ пытати, какъ зовутс ѱалмы дв҃ды, а не единого д҃ва творенiе. но сего ради сдѣ, тъ есть замыслилъ и пре҃показал. тъ бо цр҃ь и пррокъ, и томꙋ въ ср҃це вложи б҃ъ съставити п҃ꙋтрь, ꙗко тъ ѥ҃ началникъ славословiю б҃жiю. Какъ видно изъ этого текста, хронографич. списки хотятъ выяснить вопросъ, какъ зовутся псалмы Давидовы, что потомъ и подтверждается перечисленiемъ этихъ псалмовъ; попутно бросается сжатая и туманная фраза, смыслъ которой въ общемъ слѣдующiй: хотя эти псалмы принадлежатъ не одному Давиду, но называются они Давидовыми, такъ какъ Давидъ былъ царемъ и пророкомъ и Богъ вложилъ ему мысль составить псалтиръ (мотивировка неясная и пожалуй даже по личному домыслу). Что же касается до «краткой ред.», то она вопроса хронографич. списковъ не ставитъ и ограничивается однимъ только перечисленiемъ псалмовъ, но въ центрѣ своего изложенiя ставитъ именно это попутное замѣчанiе хронограф. списковъ, дѣлая его своимъ вопросомъ (почто сѧ ѱ҃лмы... началникъ п҃немь). Самый вопросъ, можетъ быть, взятъ изъ греч. хроники, но въ немъ находятся такiя фразы, которыхъ нѣтъ въ греч. хроникѣ и которыя находятъ оправданiе только въ хронографич. спискахъ (а соуть створени не ѿ того ѥдинаго = а не единаго дв҃а творенiе; н҃ъ понеже тъ ѥсть замыслилъ и начал҃никъ п҃немь = тъ есть замыслилъ.... ꙗко тъ ѥ҃ началникъ славословiю б҃жiю)[1]. Словомъ, и здѣсь, какъ и въ текстѣ о Моисеѣ, мы должны отмѣтить все туже тонкую мозаичную работу: мелкое переплетенiе хронографическаго текста съ новыми источниками. А потому я и здѣсь не могу согласиться съ выводами г. Истрина относительно текста «краткой ред.» о Давидѣ («Изв. отд. р. яз. и слов.» за 1906 г., кн. 1, стр. 27—33).

Мы переходимъ теперь къ тексту «краткой ред.» о Соломонѣ (Погод. № 1434 л.л. 196—208). Но предварительно сдѣлаемъ

1) Коломенская Палея выпускаетъ совершенно разсказъ о составленiи псалтири.

детальное обозрѣніе этого текста по тремъ хронографическимъ спискамъ (Погод. № 1435, Синод. № 210 и Румян. № 453), указывая параллельно соотвѣтствующіе имъ тексты по Колом. списку и по Погод. № 1434 («краткая ред.»). Работа эта отчасти продѣлана уже г. Истринымъ («Ж. М. Нар. Пр.», 1904 г. февр. м., стр. 291—294 и соотвѣтствующіе отдѣлы «Изв. отд. рус. яз. и слов.»), но она изобилуетъ нѣкоторыми неточностями и промахами; къ тому же, игнорируя литературные пріемы компилятора Толковой Палеи, г. Истринъ вынулъ, такъ сказать, душу живу изъ этого памятника, чѣмъ въ значительной степени обезцѣнилъ и обезцвѣтилъ его. Для большей точности будемъ указывать листы, всѣ киноварныя заглавія статей, источники, а также начало и конецъ каждаго куска текста; въ основу обозрѣнія текста хронографическихъ списковъ кладемъ Погод. № 1435 списокъ, какъ лучшій между ними. При самомъ описаніи указываемъ и неточности, допущенныя г. Истринымъ, чтобы потомъ при выводахъ не считаться съ ними.

Погод., Синод. и Рум. сп.	*Колом. сп. и Погод. № 1434.*
1) 324 b.; 394 d; 310 d: Кинов. заглавіе «Начало цр҃тва Соломона» и III Ц., 1, 1—53 (*И* цр҃ь дв҃дъ бѣ състарѣ вса. . . . и рѣ соломѡн иди в домъ свои).	
2) 326; 397 b; 312 d: Кинов. загл. «Завѣ дводвъ» (въ другихъ спискахъ заглавіе опущено) и Амарт. (Мур., стр. 131, 25—132, 15): *С*е оубо блжны и дв҃ъ (*По*сем же оубо бжтвеныи дв҃дъ) пре оумртвіа своѐ призва сн҃а	2) 810, 27—812, 14. Пог. (196 a-b): кинов. загл. «Соломоне з҃анїє ст҃а ст҃ыхъ» и текстъ: Приближишаса дв҃доу црю дн҃ье оумрети. и заповѣда сн҃оу своему гл҃а. . . каменїи чтныи. и мѣди премного=Кол. 810, 27—812, 13.

своего соломона.... и ѿпꙋсти а. Источникъ (Г. Амартолъ) Истринымъ не указанъ.

3) 326 b; 397 d; 313 a:

рече^м^ абїе къ с҃нви своемꙋ. нн҃ѣ соломоне. познаи б҃а ѿць свои^х^.... крѣписѧ и мꙋжаисѧ ꙗко г҃ь б҃ъ мои с тобою (Мур., стр. 132, 15—26). азъ же есмь ходилъ по пꙋти всеа землѧ:. мꙋжь никыи^м^ съ пр҃тла и^х^ (III Ц., 2, 2—4). Остальные списки кинов. загл. «завѣ҃ д҃вдовъ к соломонꙋ» и начало немного иначе (*Ре҃* же бж҃твеныи двъ^д^...).

Библейскій текстъ немного передѣланъ.

3) 812, 14—813, 25.

Пог.: дасть д҃вдъ соломоноу... роукѡю г҃неею = Кол. 812, 25—813, 3.

4) 327; 398 b; 313 c:

И приближиша҃ д҃вꙋ днїе оумрети и заповѣда с҃ноу своемꙋ г҃лѧ. крѣписѧ и боуди мꙋжь сверше҃ (III Ц. 2, 1—2) се бо ты вѣси. елико ми сътвори їѡавъ... и сведеши гра^д^ его с кровїю въ адъ (III Ц., 2, 5—9).

4) См. п. 2 о Погод. № 1434: начальная фраза (*И* приближиша҃.... г҃лѧ) перенесена туда.

5) 327; 398 c; 313 d:

и си ре^ч^ д҃въ оумре... и (*И*) б҃ы всѣ^х^ лѣ^т^ д҃вовъ... и погребенъ б҃ы д҃въ. въ градѣ ѿць свои^х^.

5) 813, 25—814, 11.

6) 327; 398 d; 314 a:

Кинов. загл. «Цр҃тво соломоне, цр҃тво. г. ее соломонъ сѣде на пр҃тлѣ ѿца своего, еже ѿ. ві. сн҃ꙋ оуготовить цр҃твіе зѣло» и III Ц., 2, 13 — 35 (*И* вниде адонїа сн҃ъ агафовъ.... въ иафара мѣсто). Въ остальныхъ спискахъ кинов. загл. отсутствуетъ.

6) 814, 12—15.

7) 328; 400 b; 315 a:

Заглавіе (?): *И* соломо^н сн҃ъ дв҃овъ. цр҃ь на^д їер҃момъ и на҃ їюдою въ елимѣ.

7) П.—*И* соломонъ цр҃ь сѣде на цр҃твѣ на^д иер҃лимомъ. и надъ июдою въ елимѣ.

8) III Ц., 2, 35—46: и *(И)* дасть г҃ь смыслъ соломонꙋ. и м҃рость многꙋ зѣло и широтꙋ ср҃ца. ꙗко пѣс҃о иже в мори..... и оумре семеи.

8) П. (196 b—197): и дасть г҃ь смыслъ соломоноу..... иже со^д а еи соломонъ женѣ своеи= III Ц., 2, 35 (1—6).

Послѣ этого слѣдуетъ большая вставка, которую опишемъ самостоятельно.

9) 329; 401 b; 316 a:

III Ц., 4, 20—25 (а не 26, какъ отмѣчено у г. Истрина): *И* бѣ цр҃ь соломѡ^н смысле^н зѣло и мр҃ъ їюдини мꙋжи їил҃ви. мнози бахꙋ зѣло. ꙗко пѣсокъ иже при мори (приб. *И*) въ мн҃ствѣ ꙗдꙋще и піюще..... въ вся д҃ни соломона.

10) 329; 401 c; 316 b:

III Ц., 4, 2 — 5 (*И* сѐ ста-

рѣиши^{ни} соломона... и сакхуръ с҃нъ нафань и^ж в свѣте^х).

11) 329 b; 401 d; 316 c:

и *(И)* баше оу соломона. ҂м҃. му^ж пѣшець съ ѡружїемъ. и ҂в҃і. конни^к. и бѣ ѡбладаа всѣми цртвы ѿ рукы (рѣкы) и до земла иноплеменнй. и до преде^л египта=Амарт. (Мур., стр. 141, 21—24).

и *(И)* соломонъ с҃нъ д҃вовъ бѣ ц҃ртвуа, на^д ие҃рмомъ и на҃ їюдою.

12) *И* дасть г҃ь смыслъ соломону... и жраше солом^н (начало текста буквально повторяетъ тоже, что и въ п. 8, но безъ словъ «ꙗко пѣсб иже в мори», послѣ чего III Ц., 3, 2—3).

12) 814, 15—25.

13) 329 b; 401 d — 402 a; 316 c—d:

III Ц., 3, 4: и *(И)* въставъ соломо^н.... на жрътвеницѣ в гаваѡнѣ.

13) 814, 26—27.

14) 329 b; 402 a; 316 d:

III Ц., 3, 5 — 8 (и ту ꙗви г҃ь.... посрѣ^д людїи твои^х).

14) 814, 27—815, 13.

15) 329 b; 402 a—b; 316 d:

III Ц., 3, 8 (ꙗ^ж избра люди многы. ꙗко пѣсѿ и^ж при мори. его^ж никто^ж не и^зчтеть).

16) III Ц., 3, 9: и дажь ми ги срдце смыслено, на послꙋшаніе и на расꙋженіе людемь твоим, въ правдꙋ. еже разꙋмѣти добрꙋ и злꙋ. ꙗко кто можеть сꙋдити людемь твоимь такымь симъ.

16) 815, 13—16.

17) 329 b; 402 b; 317 a:

17) 815, 17—20.

a) III Ц., 3, 10—11 (*И* оугодно бы слово се прех гмь, и рече емꙋ гь. понеже не проси оу мене днїи многъ. ни богатства ни дша врагъ твоих).

b) III Ц., 3, 12—15: но исповѣм ти разꙋмъ да послушаеши въ правдꙋ, и се сꙋд иже створих по глꙋ твоемꙋ. и се оуже дах ти срдце смыслено и мдрѡсть. ꙗкож нѣ был инъ прежде тебе въ црих. ни по тобѣ въстанеть подобен тобѣ, и еще иже же не проси. славы ни богатства. и се и еще дах тї а. и аще ходиши по пꙋти моемꙋ. и съ (330) хранишн заповѣди моа и повелѣнїа моа ꙗкож ходи ѡць твои двдъ и оумножю дни твоа. и абїе възбнꙋвь соломѡн. и въставь ѿ ложа своего иде въ їерлмъ. и прех лицемь ста жртвеникꙋ. и прех лицемь кивотꙋ завѣта гна въ сїѡнѣ. и възнесе соломѡн жертвꙋ гви. и сътвори мирнаа.

b) 815, 21—816, 9.

c) и дасть г҃ь смыслъ соломон\u0478. и премр^{д}ωсть мног\u0478 з\u0463ло. и различїе ср^{д}ца познати прем^{д}рωсть и наказанїе. оув\u0463д\u0463ти^{м} изв\u0463тїа словесе. раз\u0478м\u0463ти^{м} прав^{д}\u0478 и истин\u0478 и с\u0478^{д} исправлѧти. в\u0463щати^{м} въ притча^{х}. и темно слово разр\u0463шати (домыселъ?).

c) 816, 9—816, 18.

18) 330; 402 b; 316 a:

Кинов. загл. «Ѿ прем^{д}рωсти соломонѧ» и текстъ: *Се* же оубо само, въспрїимъ притчю и ре.... и мышцею защититї ѧ.

Есть еще н\u0463сколько лишнихъ кинов. заглавій, которыя отчасти оправдываются варіантами къ Коломен. Пале\u0463 (см., напр., прим. 14 къ столб. 822).

18) 816, 19—822, 17.

19) 331; 403 d; 318 b:

III Ц., 3, 15—28 (а не 15—18, какъ отм\u0463чено у г. Истрина): *И* в то времѧ створи соломѡ пиръ вели.... творити с\u0478^{д} и ωправ^{д}анїа.

Ост. списки приб. кром\u0463 того кинов. загл. «Си же соу писанїа несв\u0463домаꙗ. правила соу р\u0463кше соудов\u0463 соломонови».

20) 331 a; 404 c; 318 d:

III Ц., 4, 1—19 и 4, 27—28: *И* б\u0463 соломω^{н} црьств\u0478ѧ

наˣ ѣилемь... и когожˣѡ иˣ по своемꙋ чинꙋ.

21) 332; 405 a; 319 b:

Кинов. загл. «Сказаніе ѡ созˣаніи ст҃ая ст҃ыˣ» и III Ц., 4, 29 — 34 и 5, 1 — 12: *И* дасть г҃ь смыслъ соломонꙋ. и мрˣѡсть многꙋ зѣло, и различіе ср҃ца. ꙗко пѣсѿ иже при мори.... и положиша завѣ межю собою.

21) П. (200 b) кинов. загл. «Ѡ созˣании ст҃аꙗ ст҃ыхъ» и III Ц., 5, 15—16 (*И* тѣᵐ старѣишинъ преставленыхъ надъ дѣломъ цр҃ѧ Соломона. х҃. приставникъ. иже за людми. а. г҃. дѣлающиˣ дѣло) и III Ц., 5, 2—12 (И посла соломо҃ къ хирамоу цр҃ю тоурьскоу.... и положиста завѣ межˣю собою).

22) 332 b; 405 d; 320 a:

*С*оломонъᵐ бѣ поꙗлъ дщерь фараѡновꙋ.... оу себеᵐ ѧ погребѝ (текстъ приведенъ полностью у г. Истрина, п. 18).

23) 332 b; 406 a; 320 a:

III Ц., 5, 13 — 17: *И* веде цр҃ь соломѿ мноᵐство.... на основаніе храмины си (храмоу и) каменіе недѣлано.

23) П. (201) III Ц., 5, 13—17: и веде соломонъ множество.... на ѡснование храмины єго. и камениє недѣланѡ. Такимъ образомъ, здѣсь еще разъ повторяется III Ц., 5, 15—16 (см. п. 22).

24) 332 b; 406 b; 320 b:

Кин. загл. «Ѡ китоврасѣ» (ост. списки «Повѣсть ѡ китовра҃») и текстъ, напечатанный Тихонравовымъ (см. г. Истрина, п. 19): *Т*огдаᵐ бы҃ потреба соломонꙋ.... ѿ страны нощныа[1]).

1) Въ Погодин. сп. одного листа не достаетъ.

25) 333; 407 d; 321 d:

И почаша дѣлати раби соломони и раби хирамли. и в лѣта д҃. създа храмъ г҃нь, м҃ца з҃іа м҃ца втораго. а҃і. лѣто м҃ца вꙋала. се҃ бѣ҃ ѡсмыи сверши҃ храмъ ѡ всемь словеси его. и созда и з҃. ю лѣ҃. готовиша пакы каменіе и древо. г҃. лѣта.

Вставка эта произошла такимъ образомъ: въ III Ц., 5, 18, въ средину текста вставлено III Ц., 6, 37—38.

Такимъ образомъ, вопреки г. Истрину (п. 20) мы видимъ, что источникъ этого текста вполнѣ извѣстенъ. Вообще въ п. п. 20, 21 и 22 г. Истринъ много понапуталъ, такъ какъ не принялъ во вниманіе литературныхъ пріемовъ компилятора: не обратилъ вниманія на кинов. *и* (*И* бы҃ егда...), на спайку текстовъ, а потому и сталъ предполагать о какомъ-то «особомъ источникѣ».

25) П. — и почаша дѣлати рабѣ соломонѣ. и раби хирамли. и въ четыре лѣта созда храмъ г҃нь. и создаша и седмою лѣтъ. и готовиша пакы камение, и древо. г҃. лѣ

26) 333; 408a; 321d.

а) III Ц., 6, 1—35 (а не 6, 1—7, 51, какъ отмѣчено у г. Истрина, п. 21): *И* бы въ. у҃ ное лѣто исхода с҃нвъ і҃илвъ. в лѣто. д҃. е..... имꙋщи всѧ ѡбразъ.

а) П. (201—203) и се҃ храмъ его созда ц҃рь соломонъ г҃ви... имоуща же всѧкъ ѡбразъ = III Ц., 6, 2—35.

b) *И* основа дверци внѹтрьнїи. треми стѣнами недѣланоⁿ древоⁿ. и едина стѣна древа кедрьска въ ѡколо, и ѡснова дверца храмѹ г҃ню внѹтрьнїи. и комарѹ ꙗⁿ бѣ противѹ храмѹ г҃ню.

Въ этомъ отрывкѣ опять слиты III Ц., 6, 36 и 7, 12.

b) П. (203)—и ѡснова дверець внѹтрении. г҃. ми стѣнами. недѣланомъ древомъ. и едина стѣна бѣ древа кедрьска ѡколо. и ѡснова дворець домоу г҃ню внѹтрнии. и комароу ꙗже бѣ противоу храмѹ.

27) 334; 409 в; 323 а:
III Ц., 7, 13 — 51: *И* пославъ ц҃рь соломонъ. и приведе хирама... на съкровище дасть въ храмъ г҃нь.

27) П. (203 — 205): и пославъ ц҃рь соломонъ приведе хирама... на скровища дасть въ храмъ г҃нь.

28) 335; 410 d; 324 в:
III Ц., 7, 1 — 12: *И* домъ свои ѡснова соломѡⁿ тремина деся҃ лѣтомъ ....
и сверхѹ ч҃тнаго каменїа. по числѹ неглаженаго. кедреное древо и ѡкр҃тъ двора великаго, по. г҃. стѣны неглажены. и едина кедриемъ (7, 11—12). и сверши соломоⁿ весь дѡⁿ свои.

28). П. (205) кинов. загл. «Ѡ домоу солѡмонѣ» и III Ц., 7, 1—12: *И* домъ свои ѡснова соломонъ. г҃і. ми лѣты ....
и сверхоу ч҃тнаго каменїа. пѡ числу неглаженаго і кедрено древо. Ѳкр҃тъ двора великаго (206). г҃. стѣны неглажены. и едина издѣлана кедриемъ (7, 11—12) и сверши соломонъ весь домъ свои.

29) 335 b; 411 а; 324 с:
III Ц., 8, 1—53: *И* бы҃ег҃а сверши соломѡⁿ зижа домъ г҃нь. и домь свои по. к҃. лѣ. тог҃а соломѡⁿ .... ѿ земла египетьскїа ѡ҃ца наша.

29) П. (206) кинов. загл. «Ѡ кївотѣ» и III Ц., 8, 1—5: *И* по. к҃. лѣ свершенїа домоу г҃на и домоу своего. тогда собра солѡмонъ.... жрахоу ѡвны и волы бещисла многы.

Так. обр., весь текстъ, приведенный г. Истринымъ въ п. 22, нужно раздѣлить на двѣ половины: 1) фраза «и свръши соломонъ всь домъ свои» представляетъ собою завершеніе разсказа и 2) III Ц., 8, 1 (*И* бь ег^да... събра въ сиωнъ)— начало новаго разсказа.	А цр҃ь соломонъ пожре гви жертвы мирныѧ воловъ. ,к҃. и двѣ҃. овець ,р҃. ти. ,ві҃ (III Ц., 8, 63); и внесоша ерѣи кивотъ.... иже пωложи тоу мωѷсѣи в' хоривѣ (III Ц., 8, 6—9); и ωбнови цр҃ь храмъ гнь. и всѣ снвѣ иилевѣ (III Ц., 8, 6 3). Так. образ., весь этотъ текстъ можно такъ представить: въ III Ц., 8, 63 вставлено III Ц., 8, 6—9.
30) 337; 413 b; 326 c: а) III Ц. 8, 23: Ги бе іилвъ,	30) a) 823, 9—829, 20[1]).

1) На этомъ и прекращается текстъ Колом. Палеи. Толкованія Колом. списка вполнѣ согласны съ хронографич. списками, если не брать во вниманіе одной путаницы. Вотъ параллельные тексты этого путаннаго мѣста.

Пог. л. 338.	*Колом. сп., 826, 12—18.*
И (С приб. се) пакы ѿ (С. опущ.) екклсіаста еже (С—иже есть) ω пѣсне^х пѣніи (С.-пѣсней) Соломонь въкратцѣ. а҃. се҃ пакы (С. опущ. «а҃. се҃ пакы») ω вьчіченіи его (С. гни) соломо^н (С опущ.) ре҃. се҃ тако пріидe^т скача на горы. и прескача (С.-прѣскака) на холмы. физло^г (С.-кинов. б. ф) ре҃ сказаа. Что е҃ скаканіе...	*И* се пакы ѿ юкеклиаста оже юсть о пѣхъ пѣнии соломонь. въ кратцѣ. а҃. *Се* пакы. о вьчлѣнии юго соломонъ. *И* се тако придеть скача на горы. и прескака на холъмъ. Что юсть скаканию ...

Рум. № 453 этотъ текстъ неудачно разбиваетъ, а потому и выпускаетъ Колом. 829, 7—20; однако фраза (328 a) «Соломонъ ω въскрнии ре҃» ясно говоритъ, что именно въ этомъ мѣстѣ первоначально и долженъ былъ читаться Колом. текстъ 829, 7—20. Текстъ этотъ перенесенъ въ другое мѣсто (328 c.) и отдѣленъ отъ предыдущаго кинов. загл. «су^д соломо҃» (*Се* па^{кы} идоша. г҃ моу^{жа} ...) Однако и этотъ текстъ не доведенъ до конца: послѣ фразы «дру^{ги} ре҃ ωтрокъ добръ и^ж терпѣливъ до веніа» слѣдуетъ выноска въ видѣ креста, и по этой выноскѣ на л. 333 с. мы находимъ продолженіе этого текста (о третьемъ отрокѣ). Очевидно, здѣсь мы имѣемъ одну изъ тѣхъ индивидуальностей списка, которыя, какъ я уже говорилъ, были присущи почти всѣмъ компиляторамъ Толковой Палеи.

нѣ̑ б҃а развѣ тебе. на нб҃си и на земли и низу.

Взята эта фраза изъ полнаго текста, приводимаго уже выше (см. п. 29) съ прибавкой впрочемъ слова «низꙋ». Послѣ этого идетъ толкованіе, согласное съ Колом. сп.

b) III Ц. 8, 63—9, 1: и пожре ц҃рь соломѡ̑ жртвы мирныа..... и всакꙋ вещь соломѡⁿ створи. елико^м въсхотѣ.

b) П. (206 в): *Въ тѣ̎ же д҃нь ѿсти соломонъ подъ дворчи.... и въ. и҃. д҃нь распоусти люди= III Ц., 8, 64—65 (см. и п. 29).

31) 339; 415 а; 328 d:
*Тог*ᵈа възведе соломоⁿ..... и тако расꙋд҃ї а ц҃рь соломѡⁿ, т. е. продолжается исторія Китовраса, изданная Тихонравовымъ, стр. 257—258.

32) 339; 415 с; 329 b:
III Ц. 9, 11—14 и 9, 26—28: *Хирамъ* ц҃рь тꙋ҃рьскїи помогаше... и принесе соломонꙋ ц҃рю.

33) 339 b; 415 d; 329 с:
Кин. загл. «Ѡ оужичьскои црци» (П. загл. опущ.) и текстъ, изданный Пыпинымъ: *И* бы̑ ц҃рца южьскаа.... и иде в землю свою съ ѡтрокы своими.

34) 340; 416 d; 330 b:
III Ц., 10, 1—10: *И* црца савьска... юже дасть црца савьска соломонѹ.

35) 340 b; 417 b; 330 b:
Текстъ, издан. Костомаровымъ (см. г. Истрина п. 29): и зелїа многа велми.... и ѿ вьшевоⷯ земьскыиⷯ.

36) 340 b; 417 b; 331 c:
III Ц. 10, 11—12; 16—22; 9, 15—22; 10, 23—29 и 11, 1—3 съ дополненіемъ, приведеннымъ у г. Истрина (п. 30): *И* кормилици хирамли принесоша злато ѿ фира.... словесъ дѣанїи рѣшашеть пытанїемь.

36) П. (206): кормилици хирам'ли. принесоша црю соломоноу ѿ хирама. рк. талантъ злата. и древа многа зѣло. и камение драгое (III Ц., 10, 11 + 9, 14) и створи црь древомъ.... николи же и до днешнѧ (207) дни (III Ц., 10, 12). *И* сътвори црь соломонъ. т. копѣи.... въ дни соломона (III Ц., 10, 16—21).

37) 341 b; 418 c; 332 a:
Кин. загл. «Сѹдове соломо» (П. загл. опущ.) и текстъ, издан. Костомаровымъ: *Въ* дни соломонѧ бы мѹжь... и раздѣлилъ вы зажива.

38) Послѣ этого въ порядкѣ изложенія судовъ Соломона Погод. № 1435 съ одной стороны и Синод. и Румянц. съ другой немного расходятся; въ

Погод. кромѣ того отсутствуютъ кинов. заглавія предъ судами Соломона (инъ соу^х) и текстъ немного разнится.

Порядокъ изложенія судовъ Соломона въ Син. и Рум. спискахъ будетъ таковъ:

а) 418 d; 332 b:

Кинов. загл. «инъ соудъ» и текстъ: *С*оломонъ премдрыи.... въ всѣмь мирѣ не ѡбрѣто^х.

b) 419 c; 332 d:

Кинов. загл. «инъ соу^х» (Рум. загл. опущ.) и текстъ:

*В*ъ дни соломони бы мѫжь богатъ.... а сеи нашь болринъ былъ рабъ е.

c) 420 b; 333 c:

Кин. загл. «инъ соу^х» и текстъ: *С*е пакы идоша .г. мѫжи.... не потаю тебѣ. Объ этомъ текстѣ по Рум. сп. см. наше примѣчаніе.

Въ Погод. сп. по отношенію къ Синод. и Рум. спискамъ порядокъ судовъ Соломоновыхъ будетъ таковъ:

c) *С*е пакы идоша трїе мѫжи... не потаю тебе (341 b).

а) *П*осемь^ж соломѡ^н прем^д-рыи, хота испытати... въ свѣтѣ въ всѣмь не ѡбрѣто^х (342).

b) *Въ* д҃ни соломона бы҃ мужь бога҃... се҃ е҃ с҃нъ мои а шно рабъ. и тако ра҃сꙋді а ц҃рь.

39) 343 b; 421 a; 333 c:

Текстъ, изданный Пыпинымъ стр. 58; *Посемь*ᵐ нача молвити соломѡᵐ.... можеші прозвати.

40) 344; 421 d; 334 a:

III Ц., 11, 4—6: *И* бы҃ въ време старости соломона... и не ходи въслѣᵈ г҃а ꙗкоᵐ ходи дв҃ъ ѿц҃ь его.

41) 344; 421 d; 334 b:

Сказаніе о женитьбѣ Соломона, изд. Пыпинымъ, стр. 53—54: *И* ц҃рь Соломѡᵐ поча просити.... и тако бы҃ емꙋ жена.

42) Послѣ этого въ одномъ только Пог. № 1435 помѣщено опять III Ц., 11, 1—6 со вставкой въ средину текста «а книгъ баше оу соломона ц҃ра ,и҃.»: *Ц҃рь* же соломонъ, бѣ люба жены ѕѣло.... лꙋкавое пре҃ г҃мь.

Не выписанъ ли этотъ текстъ для толкованій?

43) 344в; 422с; 335а:

III Ц., 11, 7—43: тога҃ (*И* тога҃) соза҃ соломонъ собѣ... съ ѿц҃ы его. и въ градѣ д҃вовѣ ѿц҃а его.

Приведенное описаніе текстовъ о Соломонѣ могло бы дать намъ очень много интереснаго и поучительнаго матеріала для наблюденій. Боясь однако разбросаться въ деталяхъ, я ограничусь здѣсь только самыми существенными и необходимыми для меня выводами.

Прежде всего по поводу хронографическихъ списковъ, т. е. протографа Толковой Палеи. Источники текста о Соломонѣ теперь можно точно установить: это — апокрифическія сказанія, III Ц., 1, 1—11, 43 и въ трехъ случаяхъ Георгій Амартолъ (см. п. 2, 3 и 11). Пользуясь этими источниками, нашъ компиляторъ и задумалъ дать цѣльное и связное обозрѣніе царствованія Соломона, распредѣлить свой матеріалъ въ систематическомъ порядкѣ. Для этого онъ прежде всего придумываетъ киноварныя заглавія, которыя и должны говорить о главномъ предметѣ разсказа [1]). Не трудно однако видѣть, что заглавія эти довольно часто не совсѣмъ мирятся съ самимъ текстомъ. Такъ, напр., кинов. заглавію «Сказаніе ѡ созанїи с҃таа с҃ты» (см. п. 21) вполнѣ соотвѣтствуетъ по содержанію библейская книга III Ц., 5, 1—12, но III Ц., 4, 29—34 совсѣмъ уже не вяжется съ этимъ заглавіемъ. Зачѣмъ же тогда понадобилось занести въ текстъ III Ц., 4, 29—34? Затѣмъ, чтобы пояснить п. 22 [2]). Но зачѣмъ тогда заносить пунктъ 22 въ разсказъ о созданіи святая святыхъ? Затѣмъ, что разсказанное здѣсь событіе относится ко времени построенія святая святыхъ (егда созидаше с҃таа с҃ты). Такимъ образомъ, въ прежній мотивъ группировки матеріала *по содержанію* здѣсь примѣшивается уже новый мотивъ группировки матеріала

---

1) Впрочемъ кое-какія заглавія, повидимому, прямо брались изъ библейскаго текста. См., напр., нашъ п. 6, который съ буквальной точностью воспроизводитъ заглавіе Унд. № 1 (л. 223): 12-ый стихъ 2-ой гл. обращенъ въ заглавіе. Окончательно вопросъ этотъ выяснится только послѣ изданія ветхозавѣтныхъ книгъ.

2) Не забудемъ, что нашъ компиляторъ вообще любитъ начала новыхъ своихъ статей связывать съ текстами о премудрости Соломона (см., напр., п.п. 8, 9, 12, 16, 17, 18 и 36). Мысль о премудрости Соломона красною нитью проходитъ черезъ весь текстъ.

по времени, благодаря этому и произошло такое несоотвѣтствіе между заглавіемъ и самимъ текстомъ.

Нельзя не отмѣтить здѣсь же, что очень часто и кинов. заглавія не мирятся другъ съ другомъ. Такъ, напр., въ разсказъ о построеніи храма Господня (п. п. 21—27) вторгается новое заглавіе «Ѡ китоврасѣ» и новый текстъ (п. 24). Зачѣмъ понадобилась эта статья и при томъ только первая половина? Очевидно, по тѣмъ же хронологическимъ разсчетамъ: оказывается, что Китоврасъ пробылъ у Соломона только «до совершенія святая святыхъ». Зачѣмъ понадобилось вторую часть текста о Китоврасѣ отдѣлить отъ первой и помѣстить ее въ п. 31-омъ? На это отвѣтятъ намъ хронологическія соображенія. Оказывается по разсказу, что Соломонъ «отпустилъ» Китовраса послѣ того, какъ построилъ «два дома: храмь Господень и царскій домъ». А потому и вторую половину разсказа о Китоврасѣ нужно было помѣстить какъ разъ послѣ пункта 30, который заканчивается III Ц., 9, 1. Я не берусь рѣшать вопроса, откуда бралъ нашъ компиляторъ эти хронологическія вѣхи для своей работы: путемъ ли заимствованій изъ какого-либо источника, или путемъ личныхъ домысловъ. Мнѣ важно только отмѣтить, что указанныя выше несоотвѣтствія заглавій съ текстомъ и вторженія новыхъ заглавій въ прежнія отнюдь нельзя объяснять какими-либо случайными причинами: вся суть въ томъ, что компиляторъ *умышленно* разбиваетъ матеріалъ, *умышленно* систематизируетъ его по группамъ. Посмотрите, напр., какъ онъ въ предѣлахъ своего повѣствованія детально и добросовѣстно орудуетъ надъ библейскимъ текстомъ, какъ умѣло комбинируетъ разные стихи и главы въ одно цѣлое (п.п. 25 и 26b), какъ тонко переплетаетъ одинъ текстъ съ другимъ (п.п. 34 и 35), какъ удачно разбиваетъ текстъ (п.п. 17b и 19)! Такая детальная и умѣлая работа надъ библейскимъ текстомъ обнаруживаетъ въ компиляторѣ хорошаго богослова и говоритъ прежде всего о его выдающемся систематизаторскомъ талантѣ. Станемъ на точку зрѣнія самого компилятора, и мы легко увидимъ, что трудъ его не хаотическое

собраніе фактовъ, а цѣльное произведеніе, согрѣтое опредѣленной идеей, построенное по одному, строго продуманному плану. И только съ этой точки зрѣнія рядъ промаховъ компилятора найдетъ себѣ правильное, научное освѣщеніе. Не нужно только упускать изъ виду, что хронографическіе списки представляютъ собою памятникъ полу-историческій, полу-толковательный (протографъ): компиляторъ систематизируетъ свой матеріалъ и по мѣрѣ своего изложенія особенно подчеркиваетъ, а иногда и передѣлываетъ нѣкоторые моменты разсказа, какъ богатый толковательный матеріалъ. Такъ, напр., между 1 и 5 пунктами въ извѣстной хронологической послѣдовательности вставляется киноварная статья «Завѣ̃ дв҃въ», выхваченная, какъ мы уже видѣли изъ описанія, изъ Г. Амартола. Заглавіе это придумано, конечно, въ духѣ Завѣтовъ 12 патріарховъ, но оно намъ уже заранѣе говоритъ, что компиляторъ придаетъ ему большое толковательное значеніе. Въ этихъ именно видахъ и передѣлывается библейская фраза «азъ ѿхождꙋ въ пꙋть всеѧ земли» (III Ц., 2, 2) въ такую довольно наивную фразу: азъ же есмь ходилъ по пꙋти всеа землѧ (см. п. 3), фразу, которая переходитъ однако и въ Колом. Палею; въ свою очередь передѣлка эта понадобилась компилятору для того, чтобы статью Завѣтъ Давида расширить и библейскимъ текстомъ, а потому и преждевременно было бы говорить объ отхожденіи Давида «въ пꙋть всеѧ земли» (объ этомъ говорится въ 4 п.)[1]). Съ 8 п. компиляторъ въ свое историческое изложеніе не разъ пытается вставить излюбленную идею о премудрости Соломона (см. п. 8, 9, 12, 16 и 17), пока наконецъ въ п. 18 онъ прямо не переходитъ къ интересующему его вопросу. Съ 21 п. начинаются цѣльныя историческія статейки, тщательно подобранныя изъ разныхъ мѣстъ библейскаго текста: см., напр., статью «Сказаніе ѡ созаніи с҃таа с҃ты» (п.п. 21, 23,

1) См. наше замѣчаніе въ п. 4 о Погод. № 1434, которое показываетъ, что нѣчто подобное этому тексту читалось и во второпротографѣ, хотя Колом. Палея и выпустила его.

25, 26 и 27), см. еще статью «Ѡ домоу Соломонѣ» (п.п. 28, 29, 30 и 32) и т. д.

Выяснимъ теперь отношеніе Коломенской Палеи къ хронографическимъ спискамъ. Для этого воспользуемся нашимъ описаніемъ и соберемъ въ одно цѣлое всѣ наши ссылки на Коломенскую Палею. Ссылки эти выразятся въ слѣдующей таблицѣ: 810, 27—812, 14; 812, 14—813, 25; 813, 25—814, 11; 814, 12—15; 814, 26—27; 814, 27—815, 13; 815, 13—16; 815, 17—20; 815, 21—816, 9; 816, 9—816, 18; 816, 19—822, 17; 823, 9—829, 20. Изъ этой таблицы оказывается, что одинъ только текстъ Колом. Палеи 822, 17—823, 9 не находитъ себѣ оправданія въ хронографическихъ спискахъ. Однако есть полное основаніе думать, что вся первая половина этого текста 822, 17—25 (Соломонъ же... о всѧчьскъıхъ г҃ла) представляетъ собою не болѣе не менѣе, какъ личный домыселъ компилятора. Дѣло въ томъ, что по содержанію своему она не прибавляетъ ничего новаго и вся состоитъ изъ самыхъ общихъ фразъ о премудрости Соломона. Нужно поэтому думать, что Коломенская Палея умышленно выпустила весь апокрифическій матеріалъ о судахъ Соломона, сдѣлавши однако общее резюме изъ этого матеріала. Что же касается до второй половины текста (822, 25— 823, 9), то она вся состоитъ изъ обрывковъ фразъ, которыя тоже покоятся на цѣльномъ текстѣ хронографическихъ списковъ. Въ этомъ легко убѣдиться по слѣдующимъ параллельнымъ выпискамъ изъ Погод. № 1435 списка (333b и далѣе) и изъ Коломенской Палеи:

Колом. сп.	*Погод. сп.*
a) ...створи же и храмъ кивоту...	*И* створи внѹтрь и до давира кивѿ. до с҃таа с҃ты.
b) ...створи же и два хѣровима древомь купарисомъ...	...и створи въ давири дв҃а херѹвима древомь кипарисномь...

c) ...и бѣ хѣровима когождо высота г҃. локотъ...	...и высота херѹвима коегожⷣ бѣⷨ. г҃. лакѿ...
d) съгыбастаса и простирастаса крілѣ ею. имени написа писмени хѣровима.	...и сгыбастаса крилѣ ею и простирастаса. и ѡбїата баста херѹвима златомъ. и вса стѣны (л. 334) храма ѡколо, и имена писана писменемь херѹвимома...
e) и внесоша иерѣи кивотъ завѣта г҃на въ ст҃аꙗ ст҃хъ.	...внесоша кивотъ їерѣи в мѣсто свое, в давирѿ храмь. идѣ стаа ст҃ымъ (335b)...

На этомъ основаніи я положительно не вижу никакихъ препятствій возвести весь текстъ Колом. Палеи о Соломонѣ къ хронографическимъ спискамъ. Остается только добавить, что текстъ Колом. Палеи ближе всего подходитъ къ тексту Погод. № 1435 списка: см., напр., нашъ п. 6, изъ котораго видно, что Колом. 814, 12—15 читается только въ Погод. спискѣ; см. еще п. 3 (рече^м абіе...).

Мнѣ нужно теперь остановиться на послѣднемъ, самомъ трудномъ и запутанномъ вопросѣ: на отношеніи «краткой ред.» къ хронографическимъ спискамъ. Въ свое описаніе я внесъ не весь текстъ Погод. № 1434 списка, надѣясь дополненій его коснуться теперь. Однако такъ поступать съ Погод. № 1434 спискомъ у меня было слѣдующее, очень важное основаніе: если читатель сложитъ вмѣстѣ все, что мною отмѣчено о Погод. № 1434 спискѣ, начиная съ п. 21 (т. е. п.п. 21, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30b и 36), и сообразно съ этими пунктами прослѣдитъ библейскій текстъ, то онъ самымъ детальнымъ образомъ познакомится какъ съ порядкомъ изложенія Погод. № 1434 списка, такъ и съ двумя третями всего его текста о Соломонѣ (лл. 200b—207): *И* тѣ^м старѣишинъ.... въ д҃ни Соломона. Мнѣ не приходилось дѣлать никакихъ насилій надъ текстомъ и надъ порядкомъ его

изложенія, ибо этотъ текстъ самъ собою вытекаетъ изъ хронографич. списковъ. Такимъ образомъ, начиная съ п. 21, можно смѣло констатировать несомнѣнную связь Погод. № 1434 списка съ хронографическими списками. За эту же связь говоритъ и то обстоятельство, что «краткая ред.» пользуется Библіей въ предѣлахъ пользованія хронографич. списковъ, а также одинаково сливаетъ библейскіе тексты (см., напр., п.п. 25 и 26b); см. также одинаковыя заглавія (п. 7).

Чѣмъ же мы тогда объяснимъ то обстоятельство, что вмѣсто всего текста, который читается въ хронографическихъ спискахъ въ п.п. 9—20, Погодинскій сп. № 1434 (л.л. 197—200b) помѣщаетъ иной текстъ, именно тотъ, который и подалъ г. Истрину поводъ предполагать о нѣкоторой его связи съ Парижской греческой хроникой? Для выясненія этого вопроса я бы попросилъ читателя прежде всего обратить вниманіе на то, что въ предѣлахъ указанныхъ пунктовъ (9—20) мы замѣчаемъ очень много точекъ соприкосновенія между хронографическими списками и Коломенской Палеей (см. п.п. 12, 13, 14, 16, 17 и 18). Такимъ образомъ, если начиная съ п. 21 мы замѣчаемъ несомнѣнную связь между «краткой редакціей» и хронографическими списками, то въ п.п. 9—20 мы должны признать такую же связь между хронографическими списками и Коломенской Палеей. Вотъ теперь то будетъ совершенно умѣстно остановиться на подробномъ содержаніи упомянутаго выше (см. п. 8 описанія) вставочнаго куска «краткой ред.». А чтобы выяснить внутренній смыслъ этой вставки, я при обозрѣніи ея содержанія буду тщательно отмѣчать по пунктамъ начало каждой статьи.

Сейчасъ же вслѣдъ за п. 8 вставка «краткой ред.» начинается такимъ текстомъ: *В* лѣ. д҃. т҃. ѯа҃. ста соломонъ на цр҃тво. г҃и. лѣ҃. тогда сѹщи. Цр҃тво соломоне. г҃. є. *По* дв҃дѣ же цр҃твова соломонъ с҃нъ єго. лѣ҃. м҃. Этотъ текстъ (въ сущности заглавіе) знаменуетъ собою смыслъ всей вставки: компиляторъ хочетъ обозрѣть царствованіе Соломона. Далѣе начинается самое изложеніе: 1) сѣ сведе дѣлателѧ ҂п҃. и каменоносецъ. о҃. на ливаньскѫю

гороу. и приставникъ, г҃. и х҃. приставникъ начатъ здати на горѣ. идеже г҃ь ꙗвиса д҃вдви єго ѿцоу, на гоумнѣ ѡрининѣ. оусѣꙗнина. идеже древле авраамоу жертвенницоу созда. и камениꙗ кратомы и ѡтесаны. ꙗко адаманьтинестъ превеликъ зѣло. въ ѡснованиє положи. имоущи лакѡ҃. ѳ҃. в'долготоу. и всѣх стѣны зданїа ц҃рквнаго. създа в'долготоу лакотъ. ѯ҃. а в'широтоу. лакѿ. к҃. а в'высотоу лакотъ. р҃к. а'вши (197 об.) ротоу стѣнамъ и всемоу зданію. ї҃ лакотъ (Амарт.-Мур., стр. 133, 20 — 134, 5) [1]). 2) Град же великъ сътвори и красенъ. мѣра же его ѡколо верстъ. м҃. а сѣдѧщихъ люд" въ градѣ томъ ,в҃і. [2]). Далѣе идетъ текстъ, вполнѣ сходный съ греческой хроникой и напечатанный уже г. Истринымъ («Изв. отд. р. яз. и слов.», 1906 г., кн. 1, стр. 36—37); текстъ этотъ сводится къ слѣдующимъ пунктамъ: 3) о построеніи палатъ Соломономъ, 4) эпизодъ съ царицей Савской, приведшей къ Соломону мальчиковъ и дѣвочекъ, 5) коротенькая фраза о Садокѣ и пророкѣ Ахіи (в'тоу же годиноу бѣ архиереи садокъ. а п҃ркъ ахиꙗ), 6) объ уклоненіи Соломона отъ пути Божія благодаря женамъ-иноплеменницамъ и толкованіе по этому поводу, вполнѣ сходное съ греч. хроникой, 7) о премудрости Соломона (а книгъ ꙗже бѧхоу ѡ притчахъ, г҃. а пѣ. є҃. и ѡ садѣх.... да некако оуклонивсѧ боудеть неч҃тивъ) [3]) и изреченіе Соломона о женахъ, вполнѣ сходное съ греч. хроникой (г҃лть же по падении еже ѡ женахъ ѡбрѣтохъ горчає с҃мрти.... въ таиныхъ исповѣдатисѧ сподоби) и 8) коротенькая замѣтка о рожденіи у Соломона сына Ровоама (родиже сѧ ємоу ѿ ,а҃. женъ с҃нъ єдинъ. ровоамъ ѿ ино-

---

1) Здѣсь идетъ рѣчь о построеніи храма Господня. Текстъ довольно путанный, но въ общемъ все-таки его можно возвести къ Амартолу. Несогласенъ я съ г. Истринымъ, что фраза «а в'широту стѣнамъ и всемоу зданї'ю. ї҃. лакотъ» не находитъ себѣ соотвѣтствія у Амартола (см. Мур. 134, 2—4: ἔχοντας πῆχυς ῑ τὸ πάχος καὶ πάσης, ὁμοῦ τῆς δομήσεως τοῦ τοίχου τοῦ ναοῦ).

2) Здѣсь идетъ рѣчь о построеніи города. Начало этой фразы (град же великъ.... верстъ м҃.), вопреки г. Истрину я тоже отношу къ Амартолу (Мур., стр. 137, 30—138, 2: τὴν δὲ πολιν μεγίστην καὶ περικαλλῆ καταρτίσας.... ἔχουσαν στάδια μ̄), а конецъ фразы III Ц., 10, 26.

3) Читается ли этотъ текстъ въ греческой хроникѣ?

племенница самараныня); къ этому же по смыслу примыкаетъ и слѣдующая фраза, нечитаемая въ греч. хроникѣ и соотвѣтствующая III Ц., 11, 3: баше оу соломона женъ ѱ҃. а наложницъ. т҃. Послѣ этого у книжника, повидимому, истощаются новые источники и весь дальнѣйшій его текстъ сводится къ детальной тщательной передѣлкѣ библейскаго текста. Сначала идетъ нѣчто вродѣ заглавія (Соломѡн же на. д҃. є лѣ црства своєго. *Нача* дѣлати црквь бжию. сам же бѣ. гі. лѣ), послѣ чего идетъ однако до такой степени скомканный и, такъ сказать, мозаичный библейскій текстъ, что я приведу его полностью, указывая въ скобкахъ источники; однако весь этотъ текстъ по его смыслу я заношу подъ одинъ пунктъ (9). Пунктъ этотъ слѣдующій: 9) Сїа бо ꙗдь баше соломоноу на всякъ днь. л҃. хлѣбовъ смидаленъ. а. ѯ҃. ꙗдѣи разноличны. ві (*вѣроятно*—и г҃) телецъ избранъ, и. к҃. говядь тоученъ, и. р҃. ѡвенъ. и єлении. и ѿ сернъ, и ѿ коуратъ (III Ц., 4, 22 — 23) [1]); множество баше оу соломона приставникъ.ві. надо всѣмъ иїзрлемъ строюще цря и домъ ємоу по вся лѣ и мцѣ строꙗхѹ приставники (III Ц., 4, 7) [2]); и тако мца соломона. и вся слоуженија бяхоу (л. 200) на трапезѣ црвѣ. коиж'о своєгѡ мца не прѣмѣняше и. и словесем же дающе ꙗчны и плѣвы кѡниємъ, и ѡроужиє ношахоуть. амо же идяше црь, и коиж'о ихъ по своєму чиноу (III Ц., 4, 27—28); баше оубо оу соломона. ҂у҃. стадъ, конеи воискыхъ. и ҂ві. соущи сноузницъ. и постави я въ градѣхъ съ ѡроужьємъ, и дроузии бяхоу оу црѧ въ иєрлмѣ (III Ц., 10, 26); доспѣвъ соломо црквь створи жрътвоу. и закла воловъ. к҃. в҃. а ѡвець. р҃. к҃. и ѡбнови храмъ гнь, и црь и вси снви изрлеевы (III Ц., 8, 63); ꙗдоша и пиша днии. з҃. и въ и҃ днь распоусти люди. и блгвиша црѧ (III Ц., 8, 65—66 съ выпус-

1) Нѣтъ надобности возводить этотъ текстъ къ греческой хроникѣ, какъ это предполагаетъ г. Истринъ.

2) Неудачная передѣлка библейскаго текста, но смыслъ передѣлки ясенъ; измѣняется роль приставниковъ, которые должны были не «подаяти царю и домѹ єгѡ», но «строяще црѧ»; см. и Мур., стр. 138, 25—27. Вообще планъ изложенія № 9-го продиктованъ, повидимому, Амартоломъ (Мур., стр. 139, 21—27).

ками фразъ); и бѣ ѡбладага всѣми црвы ѿ рѣкы и до земля иноплеменникы. и до прѣдѣлъ єгѵпьта (III Ц., 10, конецъ 26 ст.). Далѣе идетъ разсказъ 10) о смерти Соломона (и цртвова лѣ. м. и оумре, и положенъ бы съ ѡцемъ своимъ въ иерлимѣ=III Ц., 11, 42—43) и 11) разсказъ объ Іеровоамѣ, сынѣ Наваша: Бы гако оуслыша всь ізрль. гако възвратися иеровоамъ ѿ єгѵпта. и поущеше призва на с'боръ. и поставиша и цра на ийлемъ, и не быша по домоу двдвоу. токмо июда и веньаминь (III Ц., 12, 20); и създа єровамъ снъ наващь сикимоу. в предѣле єорѣмлѣхъ (III Ц., 12, 25); живаше же тоу (л. 200 об.) цртвоуга. г. колѣнъ. и створи єровоамъ снъ наващь. в'харакоу прише ѿ єгѵпта и бѣ жена єго сестра фараѡнѣна.

Этимъ и заканчивается весь вставочный кусокъ, такъ какъ сейчасъ же послѣ него слѣдуетъ то, что отмѣчено у меня въ п. 21.

Остановимся немного на описанномъ вставочномъ текстѣ. Какъ мы уже видѣли, именно этотъ текстъ и подалъ поводъ г. Истрину заключить о нѣкоторой связи его между «краткой редакціей» и греческой хроникой: въ обѣихъ рукописяхъ, по мнѣнію г. Истрина, «въ одинаковой послѣдовательности говорится о построеніи храма и дома, упоминается объ узнаніи мальчиковъ и дѣвочекъ и затѣмъ дается объясненіе, почему Соломонъ взялъ себѣ женъ иноплеменныхъ, при чемъ это объясненіе совпадаетъ буквально» (Ж. М. Н. Пр., 1903 г., авг. м., стр. 413). И здѣсь воздержусь я во имя осторожности отъ какихъ бы то ни было сужденій о греческой хроникѣ, которой не имѣлъ въ рукахъ; сосредоточу лучше все свое вниманіе на анализѣ текста «краткой ред.» и только съ этой точки зрѣнія подойду къ выводамъ г. Истрина. Прежде всего по поводу «одинаковой послѣдовательности» обѣихъ рукописей. Выводъ этотъ совсѣмъ не оправдывается текстомъ «краткой ред.». Какъ мы уже видѣли, два первыхъ №№ вставочнаго куска взяты изъ Г. Амартола и они говорятъ намъ о построеніи Соломономъ *храма Господня* и *города*, а № 3 взятъ изъ греческой хроники и говоритъ о построеніи *палатъ* (дома) Соломона. Такимъ обра-

зомъ, планъ изложенія здѣсь сводится къ построенію храма Господня, *города* и палатъ, а не храма и дома; этимъ то планомъ и объясняется то обстоятельство, что нашъ компиляторъ два первыхъ №№ взялъ изъ Г. Амартола, а третій изъ греческой хроники, въ которой говорится только о храмѣ и палатахъ. Да и вообще въ смыслѣ цѣльности и послѣдовательности плана трудно примирить этотъ вставочный кусокъ «краткой ред.» съ ея послѣдующимъ текстомъ (см. п. 21 и далѣе моего общаго описанія): кусокъ этотъ заканчивается не только смертью Соломона, но и царствованіемъ преемника его Ровоама, что однако нисколько не мѣшаетъ тому же компилятору немного ниже говорить опять о созданіи храма (п. 21), о созданіи дома=палатъ (п. 28) и даже о смерти Соломона (текстъ этотъ будетъ приведенъ немного ниже). Далѣе, такъ какъ наблюденіе г. Истрина основано не на всемъ текстѣ «краткой ред.», а только на незначительной ея части, то благодаря этому совершенно упущены изъ виду слишкомъ ясные слѣды непосредственной работы компилятора надъ своими источниками (говорю объ этомъ на основаніи всего текста «краткой ред.» о Соломонѣ): нѣсколько разъ повторяется одинъ и тотъ же текстъ (III Ц., 5, 15—16; 10, 26; 11, 42 и т. д.); нѣсколько разъ говорится объ однихъ и тѣхъ же фактахъ и событіяхъ (два раза о созданіи храма и дома, два раза о смерти Соломона и т. д.); упущена изъ виду самая детальная и кропотливая работа надъ библейскимъ текстомъ (см. выше описаніе вставки № 9) и т. д.

Таковы первыя, чисто внѣшнія впечатлѣнія отъ чтенія этого вставочнаго куска, впечатлѣнія, которыя далеко расходятся съ выводами г. Истрина и толкаютъ насъ прежде всего на путь внутренняго анализа текста. Посмотримъ лучше на эту вставку, какъ на самостоятельную компилятивную работу, вызванную опредѣленными мотивами, и постараемся, такъ сказать, подойти къ смыслу ея. Какъ видно изъ описанія, содержаніе вставки сводится къ слѣдующему: № 1 о построеніи храма Господня, № 2 о построеніи города, № 3 о построеніи палатъ (дома), № 4

о премудрости Соломона, т. е. эпизодъ съ мальчиками и дѣвочками, № 5 коротенькая фраза о Садокѣ и пророкѣ Ахіи, № 6 о женахъ-иноплеменницахъ, № 7 о премудрости Соломона и его изреченіе, № 8 о рожденіи сына Ровоама отъ иноплеменницы и о количествѣ женъ и наложницъ у Соломона, № 9 о богатствѣ Соломона, № 10 о смерти Соломона и № 11 объ Іеровоамѣ, сынѣ Наваша. Въ этомъ планѣ трудно было бы усмотрѣть какую бы то ни было систему и смыслъ, такъ какъ его нарушаетъ не совсѣмъ умѣлое пользованіе источниками: такъ, желаніе книжника сообщить о построеніи Соломономъ храма Господня и *города* приводитъ его къ Амартолу, изъ котораго онъ и выписываетъ два первыхъ своихъ №№; послѣ этого вполнѣ естественна мысль написать и о построеніи Соломономъ палатъ, мысль, которая толкаетъ компилятора уже къ новому источнику — греческой хроникѣ (№ 3); въ свою очередь выписка изъ этой хроники вызываетъ у книжника мысль использовать свой источникъ до конца, чѣмъ и вызваны послѣдующія выписки (№№ 4—8). Но если источники компилятора не могутъ намъ выяснить смыслъ разбираемой вставки, то эту роль сможетъ выполнить текстъ, составленный самостоятельно. Такимъ текстомъ я считаю № 9 вставки: онъ весь построенъ на библейскомъ текстѣ (III Ц., 4, 10 и 8 главы), а смыслъ его — собрать возможно больше данныхъ *о богатствѣ* Соломона. Здѣсь говорится объ обиліи яствъ, доставляемыхъ ежедневно къ столу Соломона, о количествѣ приставниковъ, о количествѣ коней, о богатыхъ жертвахъ, принесенныхъ по случаю построенія храма, о пиршествѣ, которое длилось 7 дней, и о богатыхъ владѣніяхъ Соломона, — словомъ, все сводится къ одной идеѣ о богатствѣ Соломона. Такой же идейный характеръ носитъ и самый конецъ текста «краткой ред.» о Соломонѣ (лл. 207—208 Погод. № 1434); текста этого я ниже не внесъ въ свое общее описаніе, чтобы остановиться на немъ теперь. Весь этотъ текстъ тоже скомканъ изъ обрывковъ библейскаго текста и можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ: *И* бѣ црь соломонъ смысленъ зѣло. и мръ паче всѣхъ

чл҃вкъ прѣвыхъ, и паче гефы изрлтанина (III Ц., 4, 30—31); и възвеличиса соломонъ. паче всѣхъ ц҃реи зем'леныхъ. богатьствомъ и смысломъ. и вси ц҃ри земстїи и людие искахоуть видитї лїце є҃ и слышати смыслъ прем҃рости его, иже дасть ємоу г҃ь въ ср҃ци его. и ти приношааху коиж҃о дары своа, и съсоуды златы. и ризы пелѣсы. и приωдѣнїа, и кони, и м'щата. и приимаше ц҃рь дары (III Ц., 10, 23—25). *И* бѧше оу соломона. ҂у҃. стадъ коньны[х]. и. ҂в҃і. сноузни҃, и постави ꙗ въ градѣхъ съ ωроужиемъ. и дроузии бѧхоу оу ц҃ра въ иер҃лимѣ. и бѣ властелинъ всѣмъ ц҃ремъ. и бѣ ωбладаꙗ всѣмы ц҃рствы. ѿ рѣкы и до зем'лѧ иноплемен'никъ. и ѿ колѣна сиωна. и до предѣлъ єгѵпетьскы[х] (III Ц., 10, 26); и всѣми странамы. и ωбωнъ полъ рѣкы ѿ фары до газы. и всѣми ц҃ртвами. ꙗко ωбонъ полъ рѣкы и бѣ ємоу мир'но ѿ всѣхъ странъ окр҃тъ его, и живѧхоу июдинѣ моужи и ж҃ны. без печали коиж҃о в'домоу своемъ. и ω виноградѣ своемъ по ωвощи своими. ꙗдоуще и пиюще и ликоующе, ѿ дана и до верьсавїа въ вса дн҃и соломωна (III Ц., 4, 24—25), и даꙗше соломонъ зл҃а и сребро въ иер҃лмѣ. ꙗко камение и кедрѣе, и черничье. еже на полѣ ѿ множества (III Ц., 10, 27); и исхо҃ бѣ и сноузничи. еже изъ єгѵпта соломонъ. и ѿ текоуꙗ. ꙗже имаше ц҃рь в'зимахж҃ а. ѿ феизминоу. и възхож҃ааше, и исхож҃ааше исхо҃ ѿ єгѵпта ωроужникъ. ꙗко до. р҃ въ сребрѣ. и конь. н҃. въ сребрѣ. и тако въсе ц҃ртво хитимьское. и ц҃рь соурьскыи по морю исхожахоу (III Ц., 10, 28—29). Заканчивается текстъ опять смертью Соломона: и оумре соломонъ въ иер҃лмѣ ц҃ртвовавъ лѣ. м҃ (III Ц., 11, 42). Не трудно видѣть, что весь приведенный текстъ сводится тоже къ одной основной идеѣ о могуществѣ и славѣ Соломона; онъ слишкомъ мозаиченъ, но во всѣхъ этихъ кропотливыхъ передѣлкахъ, во всѣхъ этихъ мелочныхъ выпискахъ изъ Библіи такъ и чувствуется эта основная идея могущества и славы Соломона. Вотъ эти то двѣ самостоятельныя передѣлки и даютъ намъ теперь ключъ къ пониманію смысла всей разбираемой вставки. Далекая отъ какой-либо опредѣленной системы изложенія, вставка эта представляетъ собою простые черновые наб-

роски изъ новыхъ источниковъ, наброски, которые предполагалось потомъ переработать въ цѣльныя и самостоятельныя статейки, наброски, которые должны были дополнить, расширить и систематизировать матеріалъ хронографическихъ списковъ, наброски, которые и предполагалось потомъ занести въ соотвѣтствующія рубрики и статейки для толкованій. Предполагалось прежде всего расширить отдѣлъ хронографическихъ списковъ о построеніи храма Господня (п. 21) выпиской изъ Г. Амартола (№ 1 вставки), о построеніи дома (п. 28) выпиской изъ греческаго хронографа (№ 3 вставки); предполагалось систематизировать матеріалъ хронографическихъ списковъ о премудрости Соломона (п. п. 18, 33, 34 и 35), о чемъ говоритъ намъ № 4 и 7 вставки и самый конецъ текста о Соломонѣ; предполагалось истолковать обиліе женъ-иноплеменницъ у Соломона взамѣнъ хронографическаго текста (п. п. 40, 41 и 42) текстомъ, взятымъ изъ греческой хроники. Въ связи съ этимъ, какъ и въ текстѣ о Моисеѣ, замѣчается тенденція тщательно затушевать апокрифическій матеріалъ. Однако замыслы эти такъ и остались замыслами, и только случайно уцѣлѣвшіе въ «краткой ред.» клочки этой черновой работы позволяютъ намъ заглянуть въ сложный механизмъ творчества компилятора второпротографа. Подобнаго рода литературные пріемы не есть особенность одного только второпротографа: въ гл. VI и V моего изслѣдованія мы уже видѣли, что эти пріемы были присущи еще первопротографу (вспомнимъ хотя бы выкраиваніе вымышленныхъ рѣчей изъ статей объ І. Прекрасномъ и Авраамѣ). И если Колом. Палея изъ всего почти апокрифическаго матеріала объ Авраамѣ оставляетъ у себя однѣ только вымышленныя рѣчи, то отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, что въ предполагаемомъ источникѣ ея долженъ былъ читаться и апокрифическій матеріалъ объ Авраамѣ и вымышленныя рѣчи, построенныя на основаніи этого матеріала. Выводъ этотъ косвеннымъ образомъ подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ трехъ спискахъ Коломенскаго типа (Іосифо-Волокол. № 549, Соловец. № 653 и Общ. люб. др.

письм. № 190) текстъ первопротографа объ Авраамѣ читался полностью. А отсюда уже и дальнѣйшій выводъ, что списки Коломенскаго типа различно относятся къ своему источнику (второпротографу): одни списки, напр., выпускаютъ апокрифическій матеріалъ объ Авраамѣ и оставляютъ у себя однѣ только вымышленныя рѣчи, а другіе списки заносятъ текстъ своего источника почти цѣликомъ. Тоже наблюденіе можно констатировать и по отношенію къ тексту о Соломонѣ: такъ какъ апокрифическіе суды Соломона, его женитьба и повѣсть о Китоврасѣ читаются въ одномъ изъ списковъ Коломенскаго типа (Кирилло-Бѣлозер. № 68—1145), то нужно думать, что весь этотъ апокрифическій матеріалъ читался и во второпротографѣ.

Подводя теперь итоги всей главѣ нашего изслѣдованія, мы приходимъ къ такимъ окончательнымъ выводамъ. Уже въ первопротографѣ мы подмѣчаемъ иногда *двойной* повѣствовательный текстъ: одинъ текстъ представляетъ изъ себя дословную почти выписку источниковъ о томъ или другомъ событіи, а другой представляетъ собою передѣлку этого текста для толковательныхъ цѣлей (см., напр., вымышленныя рѣчи Авраама, Іос. Прекраснаго, Моисея и др.); однако большая часть повѣствовательнаго текста первопротографа осталась почти что безъ всякихъ передѣлокъ и толкованій. Второпротографъ, какъ толковательный памятникъ, и рѣшилъ пополнить этотъ пробѣлъ своего источника. Не подвергая почти никакимъ передѣлкамъ двойной текстъ, онъ изъ переработаннаго текста своего источника рѣшилъ также создать двойной текстъ, т. е. выписывалъ первый текстъ и затѣмъ этотъ текстъ подвергалъ переработкѣ. Таковъ, напр., текстъ о Лѣствицѣ Іакова, во всѣхъ спискахъ Коломен. типа; таковы и передѣлки текстовъ о Моисеѣ, Давидѣ и Соломонѣ, случайно уцѣлѣвшія въ «краткой ред.». Кое-что изъ этихъ передѣлокъ второпротографа попало и въ Колом. типъ Палеи (напр., начальный текстъ о Моисеѣ), другія передѣлки (о Давидѣ и Соломонѣ) были признаны, вѣроятно, неудачными, а потому и не попали въ послѣдующія редакціи Толковой Палеи. На этомъ

однако я и заканчиваю настоящую главу, такъ какъ главная цѣль ея установить несомнѣнную связь между «краткой редакціей» и хронографическими списками. Посторонніе вопросы (напр. вопросъ о первоначальномъ составѣ второпротографа) здѣсь только слегка затронуты и ихъ лучше всего выдѣлить въ особую главу о литературныхъ пріемахъ компилятора второпротографа.

К. Истоминъ.

Декабря 30 дня 1907 г.

О нѣкоторыхъ особенностяхъ стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII в.

Переработано изъ лекціи, читанной въ Московскомъ Университетѣ 28 октября 1906 года.

Вѣроятно, всякому, кто внимательно читалъ старинныя русскія историческія повѣсти, приходилось наблюдать ихъ сходство между собою и постоянное повтореніе въ нихъ однихъ и тѣхъ же элементовъ изложенія на пространствѣ всего до-Петровскаго періода. Пользуясь словами изографа XVII в., Іосифа, о старинной живописи, скажемъ: историческія повѣсти этого періода писаны какъ бы «одною формою», «въ едино обличье». Въ послѣднихъ по времени до-Петровскихъ повѣстяхъ еще встрѣчаются элементы, изъ которыхъ состояли повѣсти, по времени первыя, и къ повѣстямъ позднимъ само собою прилагается извѣстное изреченіе Екклесіаста: «иже возглаголетъ и речетъ: се сіе ново есть—уже бысть въ вѣцѣхъ бывшихъ прежде».

Путь изслѣдованія и примѣненія элементовъ изложенія, *общихъ* русскимъ историческимъ повѣстямъ, намѣченъ главнымъ образомъ въ трудахъ И. И. Срезневскаго («Задонщина» въ Извѣстіяхъ А. Н. по отд. рус. яз. и слов., т. VI и VII, 1858—9 г.), Е. В. Барсова («Слово о полку Игоревѣ», т. I, гл. 3—7, 1887 г.), С. Ѳ. Платонова («Др.-рус. сказанія и повѣсти о Смутномъ вре-

мени XVII в.», стр. 7 и 8, 1888 г.) и М. Н. Сперанскаго («Замѣтки о рукописяхъ Бѣлградскихъ и Софійской библіотекъ», стр. 74 и слѣд., 1898 г.).

Подъ вліяніемъ изслѣдованія Е. В. Барсова мною написана въ 1902 г. статья «Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей, кончая XVII в.».

На повѣстяхъ боевыхъ, на боевыхъ элементахъ въ историческихъ повѣстяхъ я остановился тогда потому, что исторія войнъ наиболѣе живописно разсказывалась въ древности:

«Историци, рекше лѣтописци и пѣснотворци, прикланяють свои слухи въ бывшая межи цесари рати и ополченья, да украсять словесы слышащая и возвеличать крѣпко мужьствовавшая по своемь цесари и не давшихъ въ брани плещю врагомъ, и тѣхъ славяще похвалами вѣнчають» (Кирилла еп. Туровскаго «Похвала Святыхъ Отецъ 318-ти»).

Дальнѣйшее мое изученіе риторическаго матеріала повѣстей во многомъ измѣнило выводы статьи 1902 года. Признавая ее, какъ исправный словарь повѣствовательныхъ мотивовъ и формулъ, въ настоящей работѣ я пробую на матеріалѣ XVI—XVII в. ослабить главный недостатокъ этой статьи—недостатокъ исторической перспективы.

Періодъ, обнимающій вторую половину XVI и начало XVII вѣка, представляетъ собою ту пору жизни историческихъ повѣстей, когда творчество старой княжеской Руси обновилось въ царской обстановкѣ, а затѣмъ стало отвыкать отъ своихъ традиціонныхъ образовъ, которые и въ обновленномъ видѣ перестали, однако, трогать эстетическое чувство.

Я намѣренъ разобрать стиль лучшихъ произведеній указаннаго періода, въ которыхъ историческое повѣствованіе украшено формулами боя, руководствуясь тѣмъ, что въ этой именно части повѣствовательнаго шаблона наиболѣе просто и отчетливо сказывается эволюція стиля. Остановлюсь на такихъ типическихъ повѣстяхъ, какъ: Исторія о Казанскомъ Царствѣ, По-

вѣсть о прихожденіи Стефана Баторія на Псковъ, Иное сказаніе о Смутномъ времени и Повѣсть дукса Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго.

Сказаніе о Казанскомъ взятіи или *Исторія о Казанскомъ царствѣ*, сочиненная, по мнѣнію Г. З. Кунцевича, между 1564 и 1566 гг. (I редакція — до 1573 г.), является литературнымъ знаменіемъ XVI вѣка.

Это—эпоха величавая и красивая, эпоха торжественныхъ и гордыхъ идей, обширныхъ и объединяющихъ литературныхъ предпріятій, показного и риторскаго ихъ выраженія.

Лѣтопись, скромно принимавшая подъ свои года разновременныя и случайныя записи и разнородныя по выраженію, интересамъ и идеямъ повѣсти, представлявшая собою пеструю энциклопедію безъ указателя, уже перестала удовлетворять.

Появилась потребность объединенія записей и повѣстей вокругъ одного событія, одного имени, одной идеи, не мѣстныхъ, а всероссійскихъ. Возникли требованія прагматизма.

Новому содержанію и духу историческаго повѣствованія понадобилось и новое выраженіе: обновленное, но слѣдующее старой традиціи, такъ какъ старина въ то время идеализировалась.

И вотъ создался стиль, который объединилъ всю пестроту предшествующихъ пріемовъ книжнаго повѣствованія въ однородную, цвѣтистую одежду, достойную величавыхъ идей третьяго Рима и пышности всероссійскаго самодержавства.

У повѣстей того времени есть еще одинъ характерный признакъ. Сознаніе преимущества своей національности заставляло книжниковъ не такъ уже сторониться своей народной пѣсни. И вотъ ея мотивы и образы вошли въ этикетную рѣчь XVI вѣка.

Исторія о Казанскомъ царствѣ (не лѣтопись, а *Исторія*, повторяю), ярко выразила всѣ эти признаки эпохи.

Авторъ называетъ ее «красною, сладкою (т. е. поэтическою) и новою повѣстью»; онъ «покусился» «разумно» (т. е. прагмати-

чески) писаніемъ изъявитися»—для ободренія воиновъ и для веселія простыхъ (1, 2)[1]).

Отнестись сознательно къ наслажденію, заключающемуся въ литературномъ художествѣ, автору Исторіи помогла, вѣроятно II-я Маккавейская книга, переведенная на русскій языкъ съ латинской Вульгаты въ 1492 г.: имѣю въ виду заключеніе книги: «Яко же бо вино особно пити, такожде и воду паки, сопротивно есть: но имъ же образомъ вино съ водою смѣшенное сладко, и веселую благодать совершаетъ, такожде и сочиненіе и украшеніе слова веселитъ слухи чтущихъ исторію».

Посмотримъ, какъ новая, художественная Исторія отнеслась къ своимъ старымъ образцамъ и къ риторству Макарьевскаго времени—главнымъ образомъ со стороны стиля.

Преимущественное вліяніе на нее имѣла прекрасная повѣсть *Искандера о взятіи Царяграда Турками въ 1453 г.*[2]). Мнѣ ка-

---

1) Страницы Исторіи о Казанскомъ царствѣ цитируются по изданію Г. З. Кунцевича въ XIX т. Полн. Собр. Рус. Лѣтописей, Спб. 1903 г. Литературу см. въ изслѣдованіи того же автора, помѣщенномъ въ XVI вып. Лѣтописи занятій Археогр. Коммиссіи (Спб. 1905 г.). Отъ этого изслѣдованія стараюсь быть по возможности независимымъ.

2) Литература Повѣсти Искандера о взятіи Царьграда въ 1453 г. довольно обширна. Съ нач. XVIII в. и до половины XIX было популярно въ печати соединеніе «Исторій» о разореніи Іерусалима Іосифа Флавія и о взятіи Царьграда (Спб. и М., въ двухъ видахъ: древ. текстъ и переводъ; см. П. Пекарскаго «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.», т. II, Спб. 1862 г., стр. 306, 307, 363). Затѣмъ, Повѣсть издана въ Воскресенской и Никоновской лѣтописяхъ, а также въ Царственномъ Лѣтописцѣ (Спб. 1772); находится она и въ такъ называемой Ростовской лѣтописи (сп. Дубенскаго); хроногр. текстъ Повѣсти см. въ «Изборникѣ.... сочиненій и статей, внес. въ хронографы рус. редакціи» А. Н. Попова, М. 1869 г., стр. 87—91. Изъ отдѣльныхъ изданій Повѣсти отмѣтимъ: В. И. Яковлева «Сказанія о Царѣградѣ», Спб. 1868 г., и А. Леонида «Повѣсть о Царьградѣ.... Нестора-Искандера» (Пам. Др. Письм. и Иск., Спб. 1886 г.). *Въ моей статьѣ цитируются страницы изданія А. Леонида.* См. еще текстъ въ трудѣ В. Ѳ. Ржиги «И. С. Пересвѣтовъ» (Чт. въ М. Общ. Ист. и Др. Росс., 1908 г., кн. I).

Плачъ о паденіи Царьграда изъ хроногр. ред. 1512 г. и Повѣсти: изъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, изъ Софійской II-ой и Густынской лѣтописей—представляютъ собою особые тексты, не сходные съ разбираемой нами

жется, что помимо красоты и общности воинскихъ вкусовъ, автора Исторіи привлекало къ Повѣсти о взятіи Царяграда сходство своей судьбы съ судьбою Искандера. Оба были въ агарянскомъ плѣну, одинъ — у турокъ, гдѣ и потурчился, другой — у злыхъ Черемисъ и лютыхъ Казанцевъ.

Преимущество вліянія Повѣсти Искандера сказывается не въ сплошныхъ выпискахъ.

Повѣсть участвовала въ *планѣ* Исторіи. Оттуда, напримѣръ, введены въ планъ опредѣленный подборъ моментовъ, сопровождающихъ основаніе и устроеніе городовъ, схема знаменій и пророчествъ и ихъ исполненіе въ связи съ обстоятельствами основанія. Приведемъ въ порядкѣ Повѣсти о Царьградѣ соотвѣтственные моменты Повѣсти и Исторіи.

Цесарь Константинъ ищетъ «преславна и нарочита мѣста» на созданіе града во имя свое. Хвалили ему Византію, но онъ скло-

---

Повѣстью; въ сторонѣ стоитъ и запись о паденіи Царьграда въ Лѣтописцѣ Новгородскомъ Церквамъ Божіимъ.

Изслѣдованія: И. И. Срезневскаго «Повѣсть о Цареградѣ» (Уч. Зап. II отд. А. Н., кн. I, 1855 г., стр. 99 и слѣд.); А. И. Пыпина «Очеркъ стар. повѣстей и сказокъ русскихъ» Спб. 1858 г., стр. 213—215; С. П. Шевырева «Исторія рус. слов.», ч. IV, М. 1860 г.; упомян. книга А. Леонида; Г. С. Дестунисъ «Новоизданный списокъ Повѣсти о Царьградѣ», Ж. М. Н. Пр. 1887 г., февр., стр. 366—388; П. Д. Погодина «Обзоръ источниковъ по исторіи осады Византіи Турками въ 1453 г.», Ж. М. Н. Пр. 1889 г., авг.; литературу о югославянскихъ спискахъ Повѣсти см. въ статьѣ М. Н. Сперанскаго «Замѣтки о рукописяхъ Бѣлградскихъ и Софійской библіотекъ», 1898 г., стр. 74 и слѣд. (замѣчанія I. Иречка, И. В. Ягича и Л. Милетича); см. еще: Ф. Терновскаго «Изученіе Византійской исторіи», в. II, 267, 268, мою статью «Объ особенностяхъ формы рус. воинс. повѣстей», М. 1902 г., В. Малинина «Старецъ... Филоѳей и его посланія», стр. 467—472, А. И. Соболевскаго «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.» (Сбор. отд. рус. яз. и слов. А. Н., т. LXXIV, № 1, Спб. 1903), Г. З. Кунцевича «Исторія о Казанскомъ царствѣ» (Лѣт. зан. Арх. Ком. в. XVI, 1905 г.) и упомян. книгу В. Ѳ. Ржиги; надо также имѣть въ виду статьи А. А. Шахматова: «Къ вопросу о происхожденіи хронографа» (Сб. отд. рус. яз. и слов. А. Н., т. LXVI, № 8, 1899 г.), «Путешествіе М. Г. Мисюря Мунехина на Востокъ и хроногр. ред. 1512 г.» (Изв. отд. рус. яз. и сл. А. Н., т. IV, 1899 г., кн. I), «Симеоновская лѣтопись» (ib. кн. V, 1900 г., кн. 2), «О такъ наз. Ростовской лѣтописи» (Чт. въ М. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. I, 1904 г.).

нялся къ Троадѣ, «идѣже и всемірная побѣда бысть Грековъ на Фряги». Думалъ онъ день и ночь «и *слыша въ снѣ гласъ:* въ Византію подобаетъ Костянтину граду създатись». Пробудившись, цесарь послалъ въ Византію магистровъ и градскихъ дѣлателей готовить мѣсто. Тамъ онъ увидѣлъ семь горъ и много глушицъ морскихъ. «И повелѣ горы рыти и нижняя мѣста наполняти.... и равняти мѣсто». «Бѣ.... мѣсто то *межи дву морь*—Чернаго и Бѣлаго» (2).

Авторъ Казанской Исторіи раздѣлилъ свое вниманіе между Свіяжскомъ и Казанью. *Междуводный* Свіяжскъ въ особенности подходитъ къ Царьграду, и авторъ дважды отмѣтилъ такое его положеніе. Иванъ Грозный проѣздомъ «узре» при устьѣ Свіяги «между двема рекама гору высоку и мѣсто стройно и твердо велми и красно и подобно къ поставленію града, и возлюби его въ сердцы своемъ» (60); и — «на таковѣ границѣ краснѣ, промежъ двою рѣкъ, Щуки и Свіяги, градъ ста» (63).

Повторяя сонное видѣніе Константину, съ обмолвкой имени цесаря, авторъ Казанской Исторіи поступилъ неловко, не подъискавъ мотивовъ для видѣнія Ивану Грозному, которому нечего было колебаться въ выборѣ мѣста для города.

Великій Князь «*видитъ виденіе нѣкое во снѣ*, показующе ему мѣсто то, гдѣ онъ самъ виде, градъ (Свіяжскъ) ту поставити веляше, *яко древле царю Костянтину*.... И убудився отъ сна своего и разумѣ, яко истинное виденіе, а не лжа», Великій Князь послалъ Касимовскаго царя съ 9-ю русскими воеводами поставить тамъ градъ (61).

Не опущена и подготовка мѣста: посланные Великимъ Княземъ «повелеша на горѣ той сещи лѣсъ и мѣсто чистити на поставленіе града» (62).

Ровняніе мѣста для Царьграда сопровождалось знаменіемъ—борьбой орла и змія. Поэтическій мотивъ, морализованный въ стихотвореніи Полонскаго. «И се змій, внезаапу вышедъ изъ норы, потече по мѣсту, и абіе свыше орелъ спадъ змія похвати и полетѣ на высоту». Затѣмъ орелъ «паде съ зміемъ на тожъ

мѣсто, понеже одоленъ бысть отъ змія». Зрители убили змія и освободили орла. Книжники и мудрецы представили испуганному цесарю такое толкованіе: «орелъ — знаменіе крестьянское, а змій—бесерменское; и понеже змій одолѣ орла, являетъ, яко бесерманство одолѣетъ крестьянства. А понеже крестьяне змія убиша, а орла изымаша, являетъ, яко напослѣдокъ пакы хрестьянство одолѣетъ бесерменства и Седмохолмаго пріимутъ, и въ немъ воцарятся» (3).

Орелъ, летающій надъ основателемъ города, вошелъ въ легенду объ основаніи Петербурга. А змій Царьградскаго знаменія прельстилъ автора Казанской Исторіи, который слилъ притомъ мотивы Повѣсти о взятіи Царьграда съ мотивами популярныхъ въ XVI в. Сказаній о Вавилонскомъ царствѣ: вспомнимъ, какъ Навуходоносоръ окружилъ новый Вавилонъ зміемъ, повелѣлъ учинить на всѣхъ предметахъ изображеніе змія и сдѣлалъ мечь-самосѣкъ «аспидъ-змій», какъ всѣ эти зміи ожили и поѣли вавилонянъ. Этихъ зміевъ встрѣтили подъ Вавилономъ и послы Льва цесаря—грекъ, грузинъ и русскій.

Вотъ, что разсказывается о мѣстѣ, гдѣ потомъ была основана Казань:

«Глаголютъ мнози нѣцы: преже мѣсто быти издавна гнездо зміево...; живяше ту, вгнездився, змій великъ, страшенъ, о двою главу—едину имея зміеву, а другую главу волову; единою пожираше человѣки и скоты и звѣри, а другою главою траву ядяше; а иныя змія около его лежаша». Царь Болгарскій Саинъ задумалъ извести зміевъ и на ихъ токовищѣ построить городъ. Нѣкій волхвъ созвалъ зміевъ «въ едину велику громаду», очертилъ вокругъ, умертвилъ бѣсовскимъ дѣйствомъ и сжегъ. «Великій смрадъ», пошедшій отъ горящихъ зміевъ по всей землѣ той, прообразовалъ «впредь хотяще быти ото окоянного царя зло содеяніе проклятые его вѣры Сарацинскія» (11, 12). Построили Казань—и тамъ, гдѣ прежде гнѣздился «змій лютъ», «воцарися во градѣ скверны царь», губитель Русскихъ людей (12).

Здѣсь чувствуется присутствіе и сказочныхъ мотивовъ: змій-двуглавый, сожженіе (ср. сожженіе гадовъ, выползающихъ изъ утробы колдуна) [1]).

Авторъ Казанской Исторіи использовалъ даже мелкія подробности основанія Царьграда. Въ новый Царьградъ стали «воды сладкіе приводити» (3). Около Свіяжска было «езеро мало, имѣюще въ себѣ воду сладку» (63). Для заселенія Царьграда, Константинъ послалъ отовсюду «достославныхъ вельможъ и мегистанъ . . . со множествомъ людей», и «домы веліа создавъ, дасть имъ жити въ градѣ со устроеніемъ великимъ. . ., *яко и своя домы и отечьства имъ забыти*» (3—4). Великій Князь «наведе» въ обновляемую Казань «богатыхъ жителей изъ области своея, и изъ селъ, изъ градовъ, и наполни людми своими, десятерицою старого болѣ; и великимъ богатествомъ Казань возкипе, и необычною красотою возсія, *и забывъ всякъ человѣкъ иноземецъ, видевше царство то, отца своего и матерь и жену и дети и племя свое и друзи и землю свою, и жити въ Казани, и не помышляюще воспять въ отечествіе свое обратитися*» (170). Далѣе заимствованы моменты: созданія въ новомъ городѣ храмовъ (Пов. 4, Ист. 62), наполненія города «дивными вещми» (Пов. 5, Ист. 63), прославленія его святынями (Пов. 5—6, Ист. 63).

Изъ Повѣсти перенесены въ Исторію также знаменія и прорицанія, сопровождающія гибель городовъ.

Въ ночь на 21 (24) мая въ Царьградѣ «бысть знаменіе страшно: освятися градъ весь». Испуганные жители «видѣша у Великія Церкви Премудрости Божіа, у верха, изъ воконъ пламеню огненну велію изшедшу, окруживщу всю шею церковную на длъгъ часъ, и собрався пламень въ едино, пременися пламень и бысть яко свѣтъ неизреченный, и абіе взятся на небо. . . . Свѣту же оному достигшу до небесъ, отверзошася двери небесныя, и пріявше свѣтъ, паки затворишась».

По объясненію патріарха, въ эту ночь отошли на небо Свѣтъ

1) Ср. изслѣдованіе Г. З. Кунцевича, стр. 231 и слѣд., 273, 310.

Неизреченный, содѣйствовавшій въ Софійскомъ храмѣ «съ прежними свѣтильникы и архіереи вселенскими», и Ангелъ Божій, «его же укрѣпи Богъ при Юстиніанѣ цесари на съхраненіе святыа Великіа Церкви и граду сему». «И се знаменуеть, сказалъ патріархъ цесарю Константину, яко милость Божіа и щедроты его отъидоша отъ насъ, и хощеть Богъ предати градъ нашъ врагомъ нашимъ». Цесарь ужаснулся и «паде на землю яко мертвъ, и бысть безгласенъ на многъ часъ, едва отольяше его ароматными водами» (24).

Этимъ популярнымъ мотивомъ ухода патрональной святыни воспользовался и авторъ Казанской Исторіи. Онъ отвлекъ Царьградское знаменіе отъ христіанской обстановки, уничтожилъ въ немъ все трогательное, обратилъ Св. Софію въ Казанскую мечеть, Свѣтъ Неизреченный — въ черный дымъ и смрадъ золъ, а Ангела Хранителя въ бѣса — огненнаго змія (вѣдь змій — «знаменіе бесерманское»); Свѣтъ отошелъ на Небо, а змій на Западъ...

Бѣсъ объявилъ Казанцамъ въ мечети: «уже.... вамъ отныне нѣсть на мя надежи, ни помощи ни мало отъ мене: отхожю бо отъ васъ въ пустая мѣста, непроходимая... прогнанъ Христовою силою».... «И по малѣ часе явися дымъ черн великъ, изнутрь градца, изъ мечети, на воздухъ идя, смрадъ золъ; изъ дыма же излѣте змій великъ огненъ и на Западъ полѣте.... И разумевше вси бывшее ту, яко исчезе животъ ихъ» (68)[1].

Приведеніе въ чувство «ароматными водами» авторъ Исторіи оставилъ для «вольной царицы Казанской», упавшей замертво отъ словъ «поимавшаго» ее Московскаго воеводы (77).

Повѣсть Искандера заключается грозными для торжествующаго Магомета и утѣшительными для побѣжденныхъ прорицаніями древнихъ мудрецовъ и пророковъ: «пишетъ бо Руски же родъ съ прежде создательными всего Измаил(и)та побѣдятъ и

1) Ср. изслѣдованіе Г. З. Кунцевича, стр. 361, прим. 2.

Седмохомаго пріимутъ съ прежде законными его, и въ немъ въцарятся и судрьжатъ Седмохомаго Русы... и насадитъ въ немъ зеліе и снѣдятъ отъ него мнози въ отмщеніе святымъ» (40—41).

Подобное прорицаніе вложено авторомъ Исторіи въ уста больной царицы Казанской, омрачившей веселье побѣдоноснаго супруга словами, что Казанцы за «неповинную кровь христьянскую своею кровью отольютъ, и звѣріе и пси поедятъ теляса ихъ; и не родившимся и умершимъ до того отраднейши будетъ; и... царіе въ Казани уже по тебѣ не будутъ; вѣра бо наша во граде семъ искоренится и вѣра будетъ святая въ немъ, и обладанъ будетъ Рускимъ здержателемъ» (67). То же предсказаніе— въ устахъ волхвовъ (158—9).

Авторъ Казанской Исторіи заимствовалъ у Искандера также полныя красокъ, шума и движенія боевыя картины и ихъ выраженіе.

Поэзія Искандера однако не вполнѣ удовлетворила автора Исторіи. Она показалась ему нѣсколько суровой, умѣренной, простой и недостаточно національной. И вотъ какъ онъ видоизмѣнялъ ея языкъ и образы въ заимствованныхъ картинахъ.

Вмѣсто стильнаго своей суровостью выраженія Искандера «падаху.. трупиа обоихъ странъ яко, снопы» въ Казанскомъ взятіи сказано мягкимъ языкомъ агіографіи: «поядоша ихъ всѣхъ мечемъ толикое множество, аки класъ, юношъ младыхъ и срѣдовѣчны мужи» (27).

Описывая Аталыка «похвалнаго воеводу Казанскаго», авторъ Исторіи взялъ въ образецъ богатырей Рахкавѣя и цесаря Константина; но его Аталыкъ разсѣкалъ враговъ до седла не съ плечь, а съ головы, мечь его «не удержашеся» не на збруѣ, какъ просто сказано у Искандера, а «ни въ шелеме, ни въ паньсырѣ» (39). Такъ старая богатырская фигура подрисована въ контурѣ и осложена деталями, что невольно вызываетъ въ памяти процессъ измѣненія иллюстрацій въ Радзивилловскомъ спискѣ лѣтописи.

Въ этомъ описаніи интересно примѣненіе образовъ Искандера. У того капли чудесной тучи надъ Царьградомъ уподоблялись «величествомъ и взоромъ буйволному оку». Авторъ Исторіи приспособилъ это къ Аталыку: «очи же его кровавы, аки звѣря человѣкоядца, и великіи, аки буйволовы» (39).

Наиболѣе яркій примѣръ отношенія Исторіи къ традиціонной поэзіи находимъ въ боѣ подъ Казанью, составленномъ изъ двухъ картинъ Искандера:

«Отъ пушешного и отъ пищалнаго грямовенія и отъ много Удефозъ оружного крежетанія и звяцанія... яко великій громъ и страшенъ зукъ далече на Рускихъ пределехъ, за 300 верстъ слышася... И дымной мракъ зелный возхожаше въ верхъ и покрываше градъ и Руская воя вся, и *нощь* яко ясны день просвѣщашеся ото огня, и невидима быша тма ношная, и *день* лѣтни яко темная нощь осенняя бываше отъ дымного воскуренія и мрака» (133).

Если сравнить съ параллелями Искандера, то увидимъ, что грямовенію соотвѣтствуетъ тамъ «стукъ», многооружному крежетанію и звяцанію — «трескота оружія». Нѣтъ прозаическаго распространенія грома «за 300 верстъ», нѣтъ обращенія ночи въ день и дня въ ночь.

Комбинація образовъ здѣсь довольно искусна. Но авторъ Исторіи иногда теряется въ массѣ старыхъ формулъ и размѣщаетъ ихъ, какъ попало. Такъ напримѣръ, онъ разрѣзалъ однажды обычную формулу червленыхъ рѣкъ крови «потоками горящихъ слезъ» (161) [1].

Новыя звучныя слова въ стилѣ Макарьевской эпохи «грямовеніе», «звяцаніе» и т. д. не увеличили красоты Искандера. Вообще риторскія выдумки автора Исторіи въ этомъ направленіи неудачны, напр.: «отъ страха силного грянутія» (152), «умысли убѣгжествомъ сохранити животъ свой» (71), «изведоша его воини...

---

1) Еще параллели Повѣсти Искандера и Казанской Исторіи см. въ изслѣдованіи Г. З. Кунцевича, стр. 445, 510—514.

на сѣкателное мѣсто» (72), «прелагатай» вездѣ въ значеніи измѣнника и т. д.

Въ приведенномъ выше боѣ — день *лѣтній* отъ дымнаго мрака обратился въ нощь *осеннюю*, а застоявшаяся кровь, формула которой разрѣзана потоками слезъ, сравнена съ «лужей» дождевою. Здѣсь, такимъ образомъ, мы слышимъ отзвуки пѣсни и живого просторѣчія.

Эпитеты устной поэзіи разсыпаны по всей Исторіи, поле тамъ «чистое» (8,32,115): «изыде на чистое полѣ на великое» (112); дѣвицы — «красныя» (77,143); кони — «добрые» (180), «удачные» (40); бойцы — «храбрые» (38), воеводы, конники и стражи—«крѣпкіе» (77,131,114); теремы—«златоверхіе» (168), свѣтлицы — «высокіе».

Тонъ устной поэзіи слышится въ такихъ выраженіяхъ: «родъ и племя» (46), «поля и горы и подолія» (118), враги — «гости немилые» (157), богатства «гора златая» (28), «пьетъ чермно вино и меды сладкія» (157). А вотъ и поэтическая поговорка: Казань — «котелъ, златое дно» (45). Иногда соблюденъ и ритмъ пѣсни, напр.: «яко великая гора каменная твердо стояше градъ..., отъ силного бьенія пушечного шатаяся, позыбаяся» (133).

Присутствіе пѣсеннаго мотива, не чуждаго и Библейской поэзіи (Екклесіастъ 10 20), встрѣчающагося и въ Александріи (изд. Истрина, I ред. 18), вижу въ плачѣ Казанской царицы:

«Увы мнѣ, господине, ныне возму птицу борзолѣтную, глаголюще языкомъ человѣческимъ, да послю отъ мене ко отцу моему и матери, да возвеститъ случьшася чаду ихъ» (83).

Читая живописное изображеніе побѣдоноснаго въѣзда Грознаго царя въ Москву, невольно вспомнишь *старину о Чурилѣ*, какъ женщины заглядываются на его походочку щапливую:

Иванъ Васильевичъ «тихо путемъ прохождаше на царстемъ конѣ своемъ», «оболченъ во весь царскій санъ». Народъ и иноземцы дивуются: «ни на коемъ же царе, ни на королѣ таковыя красоты и силы и славы великія» они не видывали. Москвичи забѣгаютъ впередъ и лѣпятся по крышамъ.

«Дѣвица же чертожныя и жены княжя и болярскія, имъ же нелзѣ есть въ такая позороща великая, человѣческаго ради срама, изъ домовъ своихъ исходити и изъ храминъ излазати, полѣзне есть гдѣ седяху и живяху, яко птицы брегоми въ клѣтцахъ — они же совершенне приницающе изъ вереи, изъ оконецъ своихъ, и въ малыя скважницы глядяху и наслажахуся многаго того виденія чюднаго, доброты и славы блещаяся» (177 — 178).

Любимецъ автора Исторіи—князь Семенъ Микулинскій, «красота и похвала Московскимъ воеводамъ», изображенъ имъ въ чертахъ, близкихъ къ огнедышащимъ и зміевиднымъ образамъ враговъ Руси (въ основѣ — это агіографическое представленіе о дьяволѣ), причемъ это изображеніе, повидимому, осложнено и образами боевыхъ старинъ.

Въ бою князя видно было всѣмъ издалеча, онъ казался огненнымъ «и мечь и конь его, аки пламенъ, метающъся на страны, и сѣцающи противныхъ и творяше улицы, и коня его мети, аки змія крылата летающи выше знамянъ» 136 — 137.

Образцы живого просторѣчія, не говоря объ установленныхъ въ извѣстномъ обиходѣ терминахъ, въ родѣ «пожалова на обеде своемъ» 169, «во вся тяжкая звонити» 172, я вижу, напр., въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«старъ да малъ» 40, «брань не худа» 117, «наехати далечь въ полѣ» 33, «живутъ въ сумежницахъ по сусѣдству» 151.

Въ большинствѣ однако живымъ словамъ придана книжная окраска:

«побѣгоша. . ., не знающе, куды очи несутъ» 33 (т. е. куда глаза глядятъ).

Возвращусь къ поэтическимъ источникамъ Исторіи.

Второе Сказаніе, вліявшее на Исторію со стороны живописи и чувства, имѣло сюжетомъ *Мамаево Побоище*[1]).

---

1) Литература: С. К. Шамбинаго «Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ», Спб. 1906 (Сб. отд. рус. яз. и сл. А. Н. т. LXXXI), «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ», Спб. 1907 (Пам Др. Письм. № CXXV), В. С. Иконникова «Опытъ рус. исторіографіи» т. II, К. 1909.

По странной случайности авторъ Исторіи упоминалъ Мамая тамъ, гдѣ наблюдается не текстуальное сходство со Сказаніемъ о Побоищѣ, а близость положеній или впечатлѣніе отъ него, напримѣръ: «ту всѣ падоша воинскія главы избранныя, княжія и боярскія и храбрыхъ воеводъ и воинъ, яко же отъ Мамая на Дону побитыхъ» 28 (см. еще указатель къ XIX т. П. С. Р. Л.).

Въ неоговоренныхъ мѣстахъ Сказаніемъ о Побоищѣ авторъ Исторіи пользовался двояко, то заимствуя точный текстъ, то риторически его измѣняя и расширяя. Боевыя шумныя и кровавыя сцены онъ предпочиталъ у Искандера, Сказаніе шло только въ дополненіе ихъ. Такъ мы встрѣчаемъ въ Исторіи комбинацію двухъ формулъ, Искандеровой — тѣсноты труповъ и Мамаевской — глубины кровавыхъ рѣкъ. Первая нѣсколько развита (именно вм. коню нельзя проѣхать — силному коню не возможно скакать долго, а надо смѣнять его на свѣжаго), вторая (кровь по колѣна) пріобрѣла прозаическій тонъ (161).

Сказаніе нравилось автору Исторіи не трагическими сценами, а своей воинской *живописью*, въ которую вошли и краски природы и блескъ оружія. Отсюда онъ, напримѣръ, взялъ описаніе выстроеннаго передъ боемъ войска, украсивъ его обычнымъ огненнымъ дыханіемъ дерзости (118) и искусно приспособилъ это описаніе къ характеристикѣ эпохи Грознаго (44).

Но больше всего сближала Исторію и Сказаніе *чаша* — судьбы, смерти и пира, чаша Библіи, повѣстей и пѣсенъ.

Къ бою авторъ Исторіи устремлялъ воиновъ «аки... къ медвяной чаше цареве» (45), «яко на царевъ пиръ» (110). Образъ смертной чаши онъ риторски развилъ въ рѣчи Грознаго: «и да возмемъ единославную чашу съ питіемъ, или проліемъ, или одолѣемъ, или одолѣни будемъ» (136). О той же чашѣ говорилъ онъ подъ ладъ народной поэзіи: «пріидоша бо къ намъ гости немилыя и наливаютъ намъ пити горкую чашу смертную, ею же мы иногда часто черпахомъ имъ, отъ нихъ же ныне сами тая же

горкія питія смертныя неволею испиваемъ» (157); та же неминуемая чаша Псаломски растворена уныніемъ и скорбью[1]).

Изъ знаменій Мамаева побоища взяты въ Исторію образы животныхъ (124), слиты здѣсь съ другими книжными и тѣми, которые дало автору реальное наблюденіе. Онъ былъ не только воинъ по душѣ, но и созерцатель природы, и для поэзіи книжной пользовался образами поэзіи живой. Приведу примѣры.

Улу Махметъ отходилъ воевать въ чужія земли, «аки орелъ отлѣтая отъ гнезда своего далеча пища себѣ искати» (15); царицу съ сыномъ яли «въ полатахъ ея, въ превысокихъ свѣтлицахъ» «яко смиренну птицу... во гнезде со единымъ малымъ птенцемъ, ...не трепещущи же ей, ни бьющися» (76); Русскіе войска «разлеташася, аки птица по всей землѣ той» (118); они взбирались на стѣны, какъ «векшица». Любимыми образами сравненія были для Исторіи пчелы и осы, жизненный обиходъ которыхъ вошелъ въ литературу подъ Библейскимъ вліяніемъ (160, 176). Каждому образу авторъ давалъ характерное и точное выраженіе: «придавитъ—аки мышей горностай, пріѣстъ—аки куры лисица» (87). Иногда выходила цѣлая картинка, примѣромъ которой можетъ служить метафорическая охота за выплывающимъ звѣремъ (16).

Такъ авторъ Исторіи пытался мѣстами отвлечь старый стиль отъ львовъ рыкающихъ и львичищъ, волковъ, расторгающихъ овецъ, лютыхъ звѣрей сыроядцевъ. Эти же образы, Библейскіе и агіографическіе по происхожденію, авторъ Исторіи оставлялъ преимущественно для характеристики варварскихъ богатырей, комбинируя ихъ и развивая съ такимъ искусствомъ, что одинъ ученый читатель Исторіи избралъ грозное и пластическое изображеніе Улу Махмета въ примѣръ представленія степной силы, какъ Дивища.

Циклъ повѣстей о Дмитріи Донскомъ далъ Исторіи и лучшіе моменты лирики. Именно плачъ Евдокіи послужилъ основою для

---

1) См. изслѣдованіе Г. З. Кунцевича, стр. 448.

причета Сююнъ-бике, въ который вошли кромѣ того измѣненныя цитаты Библейскихъ стенаній и мотивъ пѣсни о посылкѣ перелетной птицы, еще разъ использованный въ плачѣ царицы Анастасіи.[1])

Чтобы покончить съ опредѣленными источниками Исторіи, укажу на то, что не всѣ изъ нихъ устанавливаются изслѣдованіемъ. Взять, напримѣръ, предсмертное прощаніе съ прелестями «краснаго свѣта сего», перечень которыхъ встрѣчается въ массѣ литературныхъ произведеній, находящихся въ связи съ Преніемъ Живота со Смертью (29).

Касаясь переработки источниковъ въ Исторіи, мы тѣмъ самымъ затронули вопросъ объ отношеніи автора къ традиціоннымъ пріемамъ.

Въ пользованіи авторомъ стариною слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторую осторожность и, пожалуй, неумѣлое примѣненіе и непониманіе старыхъ образовъ, повѣствовательныхъ формулъ и языка, а затѣмъ наклонность къ дальнѣйшему развитію установленной схемы.

Неумѣлое примѣненіе элементовъ этой схемы выразилось, напримѣръ, частію въ безсознательномъ, частію въ сознательномъ перенесеніи тона и формулъ выраженія, свойственныхъ однимъ персонажамъ на другіе, чуждые и противоположные этому выраженію и тону.

Авторъ Исторіи неустойчиво относился къ Казанскимъ героямъ. Въ его представленіи они были то волки и сыроядцы, ругавшіе русскихъ «погаными свиноядцами» (151), то у него вырывались похвалы ихъ богатырству, сопровождаемыя однако извиненіями (136).

Любимымъ варварскимъ героемъ былъ для автора Улу Махметъ. Оставляя за его глазами эпитетъ «звѣриные», авторъ Исторіи заставляетъ его однако возводить ихъ съ мольбою къ Рус-

---

1) См. изслѣдованіе Г. З. Кунцевича, стр. 379, 381, 409.

скому Богу и строитъ его молитву по шаблону православныхъ молитвословій русскихъ повѣстей. Побѣда, посланная Улу Махмету русскимъ Богомъ, объясняется «покореніемъ» и «смиреніемъ» «варвара», и въ то же время вырываетъ у писателя междометія горя (17—18).

Пріуроченіе молитвы — такимъ образомъ мало умѣстное, но сознательное. А вотъ примѣръ безсознательнаго переноса:

Магметъ-Аминь говоритъ въ предсмертномъ плачѣ о себѣ: «мнѣ... злому сѣмени варварскому... азъ же варваръ... азъ же поганіи» (26). Это напоминаетъ отмѣченный Миклошичемъ обычай пѣсенъ, въ которыхъ напр. Калинъ царь зоветъ своего посла «поганымъ татарищемъ», а тотъ его въ посольской рѣчи—«собакою». (В. Ѳ. Миллеръ, Очерки, 49).

Старые поэтическіе обороты авторъ Исторіи заимствовалъ съ выборомъ. Такъ у него нѣтъ дождя стрѣлъ, хватанія въ сѣчи за руки, стона земли, формулы усталости. Нѣтъ такихъ выраженій, какъ «давъ плещи, побѣгоша», «утеръ поту» и т. под.

«Которовахуся», «заразися» (убился), «потопташа», градъ «на щитъ взяти» (122) упоминается по разу, дважды—«рота» и «сулицы» (глагола «сулити» нѣтъ).

Кое въ чемъ онъ однако отдалъ предпочтеніе старой лексикѣ. Такъ ему понравились и постоянно повторяются имъ: «раскопати», «расплѣнити», «живота» или «Божія суда» «гонзнути». Старыя выраженія онъ иногда измѣнялъ безъ пониманія: «лучше живота смерть вменяху» (155). Слѣды сознательнаго отчужденія отъ старины наблюдаются напримѣръ въ томъ, что онъ избѣгалъ слова «туга» (159, 165), замѣняя его «тоскою»: «и всѣмъ тогда бѣда и тоска велика» (46).

Нельзя не отмѣтить намѣренной архаизаціи въ видѣ постояннаго примѣненія къ русскимъ воинамъ термина «Русь» и сохраненія нѣкоторыхъ лѣтописныхъ образовъ и поэтическихъ выраженій, напоминающихъ риторику Кіевскаго періода.

«и на костѣхъ вострубиша» 8.

«возмутишася Нагаи, аки птичья стада» 25.

«Несчетная бо сила исѣчена, уже бо не воскресить ихъ» 31.

«Иже во оружіяхъ возврастли» 39.

«И много секъшеся Казанцы, и многихъ вой Рускихъ убиша, и сами туже умроша, храбрыя, похвално на землѣ своей» 160.

Въ языкѣ также выразилась намѣренная архаизація, при неумѣніи справится съ требованіями старой грамматики.

Наиболѣе яркій примѣръ развитія старыхъ образовъ я вижу въ привлеченіи къ формуламъ боя сравненія его съ лѣсорубкой, жатвой и косьбой. Это сравненіе было извѣстно и Пренію Живота со Смертью и воинскимъ повѣстямъ и агіографіи. Въ лѣтописи и вообще въ воинскихъ повѣстяхъ до XVI в. побиваемыхъ любили сравнивать съ деревьями и снопами. Съ XVI в., или нѣсколько раньше, сравненія стали нѣжнѣе, въ боевыхъ повѣстяхъ появились лозы, трава, цвѣты и колосья. Исторія охотно пользуется именно послѣдними сравненіями, заимствуя ихъ отчасти изъ Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, отчасти изъ агіографической литературы, вліяніе которой я вижу, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ:

«яко пшеницу чисту на полѣ пожа» (94).

Суровые образы деревьевъ и нѣжные — вродѣ «аки цвѣты прекрасны», авторъ Исторіи соединилъ въ одномъ новомъ выраженіи:

«посекающе, аки сады, Руские люди» (49).

Менѣе нѣжный образъ травы писатель оставилъ для Казанцевъ (160).

Вліяніе агіографической литературы сказывается въ Исторіи довольно сильно. Иванъ III говоритъ съ Ахматомъ смѣлымъ языкомъ бесѣды какого нибудь мученика съ Діоклетіаномъ (7). Ахматъ самъ аттестуетъ себя мучителемъ (7, ср. 28 и 95). Есть какъ будто и отзвукъ русскаго житія Бориса и Глѣба (41 — о Геналіи). Великіе князья Русскіе—пастыри, а поганые Сарацины—волки, ищущіе поглотити смиренныхъ овецъ. Страданіе за вѣру—основной тонъ Исторіи. Іоаннъ Васильевичъ называется благовѣр-

нымъ, блаженнымъ (162) и праведникомъ (126). Исторія, подобно житіямъ и сказаніямъ о чудотворныхъ иконахъ, осложнена чудесами.

Въ связь съ агіографическимъ вліяніемъ слѣдуетъ поставить изысканность языка, особенный этикетъ котораго наиболѣе замѣтенъ въ «сладостныхъ и грозныхъ словесахъ» Іоанна IV и вообще въ повѣствованіи о немъ. Когда царь открылъ носимую при себѣ сумку съ грамотами, сказано, что онъ «борзо влагалище свое развергъ» (166). Его благодѣянія покореннымъ варварамъ описаны, напримѣръ, такъ:

«Онъ же возлюби ихъ... и дастъ семена земныя и коня и волы на ораніе, инѣмъ же одеяніе дастъ и сребреницъ понемногу: они же радовахуся милосердію его» 169.

Такъ XVI вѣкъ заставилъ выражаться писателя, забывшаго здѣсь завѣты своего двойника - потурченца.

Обратимся теперь къ *Повѣсти о прихожденіи короля литовскаго Стефана Баторія въ лѣто 1577-е на великій и славный градъ Псковъ*[1]).

Повѣсть эта, дошедшая въ двухъ редакціяхъ была сложена въ концѣ XVI или началѣ XVII в. Псковскимъ инокомъ. Псковское происхожденіе Повѣсти удостовѣряется точнымъ знаніемъ топографіи Пскова и данными языка. Совпаденіе ея съ записками о Московской войнѣ Гейденштейна заставляетъ предполагать пользованіе сходными источниками. Авторъ Повѣсти зналъ польскія грамоты, былъ знакомъ со спеціально польскими терминами, и въ одномъ спискѣ Повѣсти сохранилась даже польская транскрипція нѣкоторыхъ военныхъ терминовъ.

---

1) Литературу Повѣсти о нахожденіи на Псковъ Баторія см. у В. С. Иконникова въ «Опытѣ русской исторіографіи», гл. об. т. I, кн. 2, К. 1892 г., стр. 1267. См. еще: А. Орлова «Истор. и поэт. повѣсти объ Азовѣ», М. 1906, стр. 21, и Н. Серебрянскаго «Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ», Чт. въ М. Общ. Ист. и Др. Росс., 1908 г. кн. 3 и 4. *Страницы Повѣсти цитирую по изданію О. Бодянскаго въ Чтеніяхъ того же Общества 1847 г., № 7.*

Если Исторія о взятіи Казани носитъ на себѣ яркія черты воинской поэзіи и только между прочимъ подчинялась вліянію агіографіи, если Исторія лишь мѣстами украшена книжнымъ риторствомъ XVI в., то Повѣсть объ осадѣ Пскова вообще плодъ высокопарныхъ церковныхъ твореній въ стилѣ Макарьевской эпохи. Въ ней звучитъ и проповѣдь и похвальное слово и благочестивое посланіе.

Искусственность языка доведена до послѣдней степени; сложныя и придуманныя выраженія постоянны, напр.:

градоукрѣпленіе 22, 40, благоздравіе 45, друголюбнѣ 23, мудроучителне 33, преудобреннѣ 8, удобьвосходенъ 24, храбро-добро-побѣдный 33, доброувѣтливый 33, злоусердый 45, каменно-дѣльный-оградный 39,6, мертво-трупоты 8, условесоваше 23, предпоказа 17, высокомыслящe 16.

Или возьмемъ эпитеты Баторія, который по книжному обычаю: всегорделивый 6, многогорделивый 33, высокогорделивый 29.

Но эффектнѣе всего, это—гордонапорная Литва 35, 39.

Писатель прямо упивался шумомъ своей риторики и для вящаго внушенія слуху ея красотъ постоянно ставилъ рядомъ однозвучныя слова, надъ чѣмъ такъ зло смѣялся Сервантесъ:

многозѣльная злая 2, многокрѣпленія... крѣпости 9, смиренномудростію умудряшеся 16, адаманта твержае утвердишася 17, ко граду градоемнаго умышленія 20, злозамышленное ихъ умышленіе 39, мудроумышленнаго ума 13, скорообразнымъ образомъ 39.

Манера выражаться съ такой неловкой сложностью и искусственностью расцвѣла во Временникѣ дьяка Тимоѳеева (20-е годы XVII в.).

Авторъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ находилъ нужнымъ упорно втолковывать читателямъ, что Русь искони владѣла тѣми областями, которыя однако въ XVI в. еще завоевывались, что она изначала была «едина» и всѣ ея области «единому великому князю служаху», что эти великіе князья были «самодержавцы»

и что Москва замѣнила и Римъ и Византію. Авторъ Псковской повѣсти, очевидно, считалъ все это—фактомъ общепризнаннымъ, не требующимъ объясненія, и только упорно повторялъ оффиціальную формулу царской власти: «благовѣрный и христолюбивый государь царь и великій князь всеа Руссіи самодержецъ».

Грозный окруженъ здѣсь сентиментальными выраженіями благочестія, которое, по мнѣнію Ѳ. И. Буслаева, сдѣлало имя его популярнымъ даже въ житіяхъ святыхъ. Будучи выразителемъ основной идеи Повѣсти — стоянія за вѣру—онъ при каждомъ удобномъ случаѣ молится, припадаетъ «на мраморъ помоста церковнаго», «слезы... яко струю изъ очію изпущающе» или «слезами царьское свое лице омакаше» (4,9). Языкъ при упоминаніи о немъ держится особаго этикета.

Умѣренности и смиренію Грознаго противопоставлена надменность, несытость и ядовитость Стефана Батуры. Въ лицѣ послѣдняго мы видимъ обычный отзвукъ агіографическихъ дьяволовъ и Діоклетіановъ. Формула, которою начинается собраніе или совѣтъ Баторія дастъ прямо житійную картинку въ родѣ суда надъ мученикомъ. Здѣсь много общаго съ Казанской Исторіею, только нѣтъ развитыхъ эпизодовъ мученичества, идея котораго Псковскою повѣстью представлена въ общихъ выраженіяхъ.

Я уже упоминалъ объ эпитетахъ Баторія со стороны надменности. Теперь остановлюсь на тѣхъ его образахъ, въ которыхъ онъ обрисованъ, подобно своимъ предшественникамъ иновѣрцамъ, примѣнительно къ бѣсамъ и мучителямъ.

Улу Махметъ—левъ и змія, но обстановка его символовъ по преимуществу грозная, боевая. Названный разъ львомъ ревущимъ, который «живыя поглотити хощетъ» (16), въ остальныхъ случаяхъ Баторій является, какъ «неутолимый аспидъ» (4, 8), «злоядовитый змѣй», который отрыгиваетъ «ядъ своея несытыя *или* адовы утробы» (5, 6) или «неутолимыя утробы вредъ своея лютости горломъ и языкомъ наружу изрыгаетъ» (10).

Неистовство писателя доходитъ до того, что заставляетъ Баторія изрыгивать этотъ ядъ прямо на городъ Великія Луки (6).

Этотъ образъ змія, пожалуй—не безъ участія народно-поэтическихъ представленій, развитъ въ слѣдующей сложной картинѣ:

«Приближеніе же свое до Пскова увѣдѣвше, (Баторій) яко несытый адъ пропастны своя челюсти раскиаше, отле Пскова поглотити хотяше, спѣшне же и радостнѣ ко Пскову, яко изъ великихъ пещеръ лютый великій змѣй, летяше, не долетѣвъ, во утробѣ у себя того Пскова слышалъ, сказоваше; аспиды же свои и приближныи зміи и скорпіи великій тотъ змій литовскій король блеваніемъ насытити хваляшеся. И тамо яко змій на крилѣхъ на Псковъ летяше и се горделивствомъ своимъ, яко крилами, повалити хотяше, зміины своими языками вся живущая во градѣ, аки жилами, уморити мняшеся. Вся же въ немъ благая во своихъ адовныхъ утробахъ во свою Литву отнести хваляшеся, достальныя же живыя люди, яко сокровище, на хоботѣхъ в домы своя принести глаголахъ хваляшеся» 15—16.

Такой символической живописью изобразилъ Псковскій инокъ, по нѣкоторой записи «зографъ», похвальныя слова Стефана Баторія, разсказанныя немного выше обычною рѣчью.

Перехожу къ источникамъ Псковской Повѣсти.

Автору ея несомнѣнно были извѣстны:

1) Житіе св. Александра Невскаго (38), 2) Повѣсть о Владимірской иконѣ Богоматери при нахожденіи Темиръ Аксака (29—30), 3) Исторія о Стефанитѣ и Ихнилатѣ (43), 4) Александрія (25), 5) Сказаніе о Мамаевомъ Побоищѣ, 6) Исторія о Казанскомъ царствѣ, 7) Повѣсть Іосифа Флавія объ Іудейской войнѣ (вѣроятно не непосредственно, а черезъ Казанскую Исторію) и 8), пожалуй, Лѣтопись.

Разграничить вліяніе нѣкоторыхъ источниковъ довольно трудно, въ виду общихъ формулъ. Такъ, напримѣръ, нельзя опредѣленно сказать, откуда заимствовано избіеніе воиновъ Сеннахирима (13), такъ какъ оно дословно повторено и въ житіи Александра Невскаго и въ сказаніи о Владимірской иконѣ и въ повѣстяхъ о Мамаевомъ Побоищѣ.

Мнѣ кажется, что вліянія житія Александра Невскаго и Александріи въ формальномъ отношеніи искать нечего.

Наибольшее вліяніе со стороны стиля я вижу въ Казанской Исторіи и въ Сказаніи о Мамаевомъ Побоищѣ.

Начнемъ съ *Исторіи*, которая встрѣчается въ сборникахъ, то въ сліяніи съ Псковской Повѣстью, то рядомъ съ нею.

Едва-ли можно отрицать, что зміеподобный Стефанъ Баторій повторяетъ Улу Махмета, царя Казани-змiинаго гнѣзда. Образъ послѣдняго пріукрашенъ здѣсь страшилами геенны и расписанъ въ иконномъ стилѣ народныхъ представленій.

Сравненіе христіанскихъ главъ съ «пшеничными» колосьями (27) взято также изъ Казанской Исторіи, такъ какъ эпитетъ не извѣстенъ ни Александріи, ни Сказанію о Мамаѣ, и притомъ въ послѣднемъ метафора употреблена не для боевой картины (изданія С. К. Шамбинаго стр. 19).

Изъ Исторіи же перешли сюда формулы: мостъ изъ труповъ (41), городъ—гора (18), войска—воды морскія и звѣзды (24), громъ битвы (24). Формулы эти частію слиты, частію искажены ультра-книжной передачею.

Перейдемъ къ несомнѣннымъ слѣдамъ вліянія Сказанія о Мамаевомъ Побоищѣ. Такими слѣдуетъ считать: 1) фразу «саблями же своими, яко молніями безчисленными на городъ сверкчюще» и 2) поэтическую картинку, скрасившую техническій пріемъ битвы, удостовѣренный и Гейденштейномъ:

«Великіе кнуты (рус. воеводы) повелѣша на шесты вязати, по концамъ же привязывати повелѣша желѣзные пуги съ вострыми крюки. И сими кнуты егда изъ града за стѣну противу литовскихъ подсѣкателей (стѣны) ударяху, пугами же тѣми острыми крюками, яко ястребьими носы исъ подъ кустовья на заводяхъ утята извлачаху, кнутяными же тѣми желѣзными крюками егда литовскихъ хвастливыхъ градоемцовъ за ризы ихъ и съ тѣломъ захватываше и тѣми ихъ исъ подъ стѣны выдергаше, стрѣльцы же яко бѣлые крѣчаты и сладкій ловъ изъ ручнѣцъ тѣлеса ихъ клѣваше и ни коимы образы Литвѣ утѣкати не даяху» 40.

Вліянію Мамаева побоища слѣдуетъ приписать и эпизодъ о трехъ богатыряхъ «черныхъ образомъ», т. е. инокахъ, которыхъ авторъ Повѣсти искусно вводитъ въ формулахъ помощи невидимой божественной силы (30).

Изъ поэтическихъ образовъ, источникъ которыхъ—въ лѣтописной старинѣ, укажу на развитіе греческой по происхожденію формулы: «стрѣлы идутъ какъ дождь»:

«И начаша стрѣляти изъ оконъ по христіянскому народу противу ихъ ополченія, яко отъ великаго дождевнаго облака ручными пулками, яко безчисленными каплями на народъ проливающе и яко зміиными жалами христіанъ уморяюще» (26). Примѣромъ безвкуснаго осложненія образныхъ выраженій лѣтописи можетъ служить фраза: «храбрапобѣднаго своего поту отторгше» (33).

Самостоятельныхъ метафоръ у автора Псковской осады немного, напр. Литва закрывается щитами «яко кровлею» (44), груды труповъ уподобляются той башнѣ, которая обрушилась вмѣстѣ съ ними (29), «безсильны же себе яко мравіе знающе» (4).

Я уже говорилъ что общій тонъ Повѣсти—изысканная риторика въ церковномъ стилѣ Макарьевской поры. Мѣстами, однако, витійство взято изъ области *боевыхъ* повѣстей, напр. въ передачѣ нѣкоторыхъ рѣчей Баторія (7—8). Мѣстами слышится живая русская рѣчь монаха, заставляющаго Богородицу по просту говорить со святыми (19), или свидѣтеля анекдота о убійственномъ ларцѣ, присланномъ воеводѣ, а то и просто здраваго человѣка, хоть подъ конецъ Повѣсти вспомнившаго пословицы: «глава, ногамъ бесѣдуетъ» (43); «затѣялъ еси выше думы дѣло, выше Бога совѣтъ» (46).

Въ обращеніи къ Литовскому королю писатель допускаетъ и иронію, надѣливъ ее рѣдкою фигурою климакса.

«Что же твоего ума, польскій кралю?
Что же твоего безбожнаго совѣту, князь великій Литовскій?

Что же твоего домыслу, Степане — яко вѣтры гониши, или къ морской пучинѣ путь нахожденія видѣти хощеши, или высокопарна орла стези считаеши?

Жестоко ти есть противо рожна стояти!» (43).

Образы этой насмѣшки, можетъ быть, возникли подъ вліяніемъ Библейскимъ. Вспомнимъ умирающаго Антіоха, «иже мало прежде мняй волнамъ морскимъ повелевати... и мѣриломъ высоту горъ... измѣрити... и небесныхъ звѣздъ касатися» (II Маккав., 9 8, 10), и лжеца, который пасетъ вѣтры и гоняется за птицами летающими (Притчи Соломона, 9 12).

Перехожу къ повѣстямъ изъ эпохи *Смутнаго времени*, которыя съ нѣкоторыми ограниченіями могли бы быть названы мемуарами [1]).

Прежде всего придется коснуться тѣхъ частей «*Иного Сказанія*», которыя принадлежатъ перу монаха Троицко-Сергіева монастыря и составлены въ 1606 году, и въ первое время царствованія Шуйскаго.

Дидактическая Повѣсть 1606 г. о Борисѣ Годуновѣ и Лжедимитріи, направленная противъ «грабителей Божіихъ», «злсмысленниковъ, рачащихъ злонравному преступленію» 1-го Самозванца, «дабы они пришли во умиленіе и отъ таковыхъ лукавствій перестали», и прославляющая Шуйскаго въ тѣхъ риторскихъ выраженіяхъ, которыя въ свое время окружали Грознаго — написана новымъ, умѣлымъ и гладкимъ языкомъ опытнаго публициста, книжника. По старой системѣ на первый планъ выставлены противоположности, мракъ и свѣтъ, праведникъ и мучитель. Праведниковъ въ этой повѣсти много, самый выдающійся изъ нихъ — Шуйскій. Вотъ какъ о немъ говоритъ писатель:

православные христіане взбрали себѣ на царство «царскіе же полаты синклита мужа праведна и благочестива, прежнихъ благо-

1) Страницы Повѣстей о Смутномъ времени цитирую по изданію ихъ въ XIII томѣ «Русской Исторической Библіотеки», Спб. 1891 г.

вѣрныхъ царей корене, отъ великаго князя Владимера, нареченнаго во св. крещеніи Василія, и отъ благовѣрнаго князя Александра Ярославича Невскаго, отъ того святаго корене великаго болярина князя Василія Ивановича Шуского, еже первіе пострадалъ за православную христіянскую вѣру» (60). Онъ, конечно, «истинный заступникъ» и «пастырь словеснымъ овцамъ своимъ», соблюдатель вѣры, наставитель на путь спасенія и страстотерпецъ.

Подобныя характеристики, вошедшія въ XVI в. особенно въ моду, звучатъ въ XVII в. и въ оффиціальныхъ грамотахъ.

Типы противуположные—Годуновъ и Лже-Димитрій.

Годуновъ уподобленъ «древней зміи» (3), дьяволу, онъ угрожаетъ «аки змій свистаніемъ» (4), утроба его «не насыщаема» (6), въ ней горитъ «злораспалаемый огонь славобѣсія» (5); въ описаніи его рѣчи мы встрѣчаемъ знакомыя намъ ругательства на Стефана Баторія: «нача отверзати лукавыя уста своя и изблева, яко змія, смертоносный ядъ свой». При чемъ формулы этихъ ругательствъ находятся уже въ періодѣ разложенія: «поостривщаго злый ядъ свой на праведныхъ» (10).

Черты мучителя Борису дала сама дѣйствительность — онъ «святоубійца», который исторгнулъ «корень богоизбранный царьскій» (6), подсѣкъ «древо благоплодія» (23), отторгнулъ «тое царскую младорастущую и красноразцвѣтаемую вѣтвь», «благовѣрнаго царевича Дмитрея, яко несозрѣлаго класа пожа» и многихъ другихъ подсѣкъ онъ, яко «благоразцвѣтаемая древа великая, яко кипариси», пожалъ «немилосердымъ серпомъ своимъ» «аки цвѣтія травнаго или яко листвія смоковнаго» (51).

Такъ украшены поэтическіе образы житія Бориса и Глѣба—въ стилѣ цвѣтоносныхъ вѣтвей орнамента Макарьевской эпохи[1]).

1) Популярность этого изящнаго стиля для начала XVII в. подтверждается и «Чашей Государевой», «слогомъ» кн. И. С. Куракина, извѣстнымъ пока въ 3-хъ спискахъ: Уваровскомъ № 1908 (А. Леонида) XVII в., Моск. Публ. и Румянц. Музея, № 1529 XVIII в. (издано по этому списку, сочтенному за единственный, въ «Старинѣ и Новизнѣ», кн. XII, М. 1907, стр. 306—315), и Новг.-Софійск., изъ Кирилловскихъ № 679 (П. М. Строева «Библіологическій словарь», Спб. 1882 г., стр. 445).

Отрепьевъ получилъ подобную же характеристику. Этотъ новый Ѳока Мучитель, Константинъ Копронимъ и Юліанъ Законопреступникъ (56—57), предающій жертвы своего невѣрія «спекулатаремъ» (50), такъ и просится въ обстановку житія.

Еще С. М. Соловьевъ замѣтилъ, что «образцомъ краснорѣчія» послужило Повѣсти 1606 г. *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*. Дѣйствительно, отсюда авторъ ея заимствовалъ не только старинную лексику, но и схему рѣчей и подборъ боевыхъ формулъ (войска — тучи 30, хватаніе въ бою за руки 31, обагреніе земли ручьями крови 31, трупы — лѣсъ, деревья 31, трусъ земли 31, битва — брачный пиръ 32).

Лѣтопись, или *Степенная Книга* пополнила этотъ подборъ мостомъ изъ труповъ (29, 31), падающихъ какъ снопы (31, 33).

Комбинируя изъ готоваго запаса свои двѣ боевыя страницы, авторъ Повѣсти 1606 г. пускался въ украшеніе традиціонныхъ формулъ: трупы у него не просто лѣсъ, а «лѣсъ кипарисъ», пульки свищутъ «по аеру» и т. д. — что нѣсколько напоминаетъ Повѣсть о Псковской осадѣ.

Изъ Сказанія о Мамаѣ или изъ *Псковской Повѣсти* заимствованы соколы и кречеты, вострящіе когти на утятъ (32—33), а изъ *Казанской Исторіи*: просѣченіе Иваномъ Годуновымъ улицъ во вражескомъ войскѣ, склоненіе враговъ, яко траву (33), оглушеніе бойцовъ (31) и западаніе за щиты, выраженное здѣсь не совсѣмъ ловко: «яко волцы за щиты западше» (29).

Слѣдующая часть Иного Сказанія, въ которой тотъ же авторъ повѣствуетъ о движеніяхъ самаго начала царствованія Шуйскаго, тождественна Повѣсти 1606 года и по тону, и по выраженію, и по источникамъ. Только здѣсь вліяніе Казанской Исторіи сказалось еще сильнѣе.

Итакъ, въ разбираемомъ произведеніи можно наблюсти сліяніе двухъ стилей: старой боевоей повѣсти и вообще церковной литературы Макарьевской эпохи. Писатель самъ выдѣляетъ вліяніе послѣдней, предваряя ультракнижную риторику сообщеніемъ, что онъ «начерталъ» ее «тростію». Но примѣръ старой,

Лѣтописи, еще не запутанной извитіемъ словесъ, позволялъ писателю говорить и языкомъ живого наблюденія. И вотъ создались, напримѣръ, такіе шедёвры, какъ сцена въ келліи государыни иноки Александры, около которой Годуновцы принуждали народъ къ земнымъ поклонамъ «въ шею пхающе», и люди московскіе неволею «аки волцы напрасно завоюще, подъ глазы же слинами мочаще, всякъ каждо у себе слезъ сущихъ не имѣя» (15).

Обратимся теперь къ наилучшему творенію временъ Смуты, которое еще въ началѣ XIX в. называли «поэмою». Я говорю о *Повѣсти кн. Ивана Михайловича Катырева - Ростовскаго*, составленной въ 1629 году.

Начинается эта складная Повѣсть съ изложенія, дорожащаго временемъ и мѣстомъ. Здѣсь украшеній немного: мимоходомъ упомянуто вмѣшательство дьявола, Димитрій царевичъ сравненъ съ заклатымъ «незлобивымъ агнцемъ» (564), а Русскіе люди по кончинѣ «благоюродиваго» царя Ѳеодора—съ «овцами безъ пастыря» (565). Вотъ и все. Но какъ только Рострига переходитъ русскій рубежъ — начинается живописный разсказъ, лучшимъ украшеніемъ котораго являются картины природы и частые бои.

Картины природы служатъ Катыреву годовыми датами походовъ, а при описаніи каждаго боя поэтически датируютъ время сутокъ. Если бой идетъ днемъ — «блистаютъ сабелныя лучи, аки солнце» (573), если ночью—«аки лунная свѣтила» (591). Окончаніе боя или ратнаго движенія къ ночи — любимая привычка автора. Она много разъ дала ему возможность повторить почти дословно такую картинку, переработанную изъ обычныхъ, но не однообразныхъ заключеній боевъ Повѣсти Искандера о Царьградѣ (Искaнд. 10, 14, 20 и т. д.; ср. подобное заимствованіе въ Казанской Исторіи, значительно обезцвѣченное—37, 38):

«Уже солнце приклонися на западъ и покрыся земля нощною тьмою. И тако брань преста». Поляки пошли въ свои станы, а Московскіе люди въ свои. «И начаша шатры ставити. И почиша сномъ отъ трудовъ своихъ, токмо стражіе стрежаху».

Этотъ мотивъ такъ красиво и удобно ограничиваетъ строфы поэтическихъ описаній, что его не забыла и новая литература:

«Отуманилася Ида,
    Омрачился Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида,
    На равнинѣ битвы сонъ.
Тихо все... Курясь, сверкаетъ
    Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
    Стражу стража близь шатровъ».
        Ахиллъ, баллада Жуковскаго.

Два похода начинаются у Катырева описаніемъ весны, общую схему котораго въ обоихъ случаяхъ писатель старался разнообразить въ порядкѣ выраженія. Весна у него солнечная, веселая; снѣгъ стаялъ, переполнились потоки, зазеленѣли поля и запѣли птицы. Ратаи съ молитвой прочертаютъ землю.

Приведу 1-е изображеніе этой «красовидной годины»: «Юже зимѣ прошедши, время же бѣ приходитъ, яко солнце творяше подъ кругомъ зодѣйнымъ течсніе свое, въ зодѣю же входитъ Овенъ, въ ней же нощь со днемъ уровняется и весна празднуется, время начинается веселити смертныхъ, на воздусѣ свѣтлостію блистаяся. Растаявшу снѣгу и тиху вѣющу вѣтру, и во пространные потокы источницы протекаютъ, тогда ратай раломъ погружаетъ и сладкую бразду прочертаетъ и плододателя Бога на помощь призываетъ; растутъ желды, и зеленѣютца поля, и новымъ листвіемъ облачаютца древеса, и отовсюду украшаютца плоды земля, поютъ птицы сладкимъ воспѣваніемъ, иже по смотрѣнію Божію и по Его человѣколюбію всякое упокоеніе человѣкомъ спѣетъ на услажденіе» (588—589).

Это описаніе весны приводитъ на память и Кирилла Туровскаго и пѣснь Іоасафа, въ пустыню входяща.

Картины временъ года начинаются у Катырева указаніемъ соотвѣтствующаго зодіакальнаго знака. По этому, отчасти, я за-

ключаю, что онѣ, вѣроятно, заимствованы изъ какого-нибудь календарнаго сочиненія. Въ сочиненіяхъ подобнаго рода встрѣчаются два типа изображеній временъ года: 1) въ видѣ людей разнаго возраста, съ эмблемами соотвѣтствующей поры, 2) въ образѣ людскихъ работъ, соотвѣтствующихъ порѣ года. Подъ тѣми и другими встрѣчаются подписи, частію стихотворныя, поэтическаго содержанія. Есть и отдѣльные стихи такого рода. Вотъ этой календарной поэзіею и могъ воспользоваться Катыревъ. Литературу см. въ Сочиненіяхъ И. Н. Жданова: «Греческія стихотворенія въ славянскихъ переводахъ». Западныя изображенія см. въ календаряхъ Петровской эпохи, въ Историческихъ Очеркахъ Буслаева (II, къ стр. 319); см. еще въ Православномъ Собесѣдникѣ 1860 г., ч. I, стр. 441—447.

Теперь перейдемъ къ боевымъ описаніямъ.

Тутъ можно различить двѣ струи, *старую*—пробивающуюся нечаянно, напримѣръ къ концу Повѣсти, когда творчество уже устало, и *новую*, которую сразу вноситъ съ собою переходъ Разстригою русскаго рубежа.

Постоянный зачинъ боя у Катырева таковъ: 1. «И ту составиша брань жесточайшую» *или* «брань велію зѣло», 2. «И тако брань плитъ *или* кипитъ жесточайшая». Вдругъ одинъ разъ читаемъ, какъ въ старину: «и бысть сѣча зла» (596).

Чѣмъ ближе къ концу Повѣсти, тѣмъ чаще Катыревъ помѣщаетъ старыя формулы грома, молніи и мрака, сопровождаемаго неузнаніемъ бойцовъ. Или, напримѣръ:

«И возмутися воздухъ отъ коньскаго ристанія, и другъ друга не знающе, помрачиша бо ся лица ихъ отъ пыли, вѣемыя по воздуху» (589).

Въ послѣднемъ случаѣ мы видимъ уже развитую мотивировку, что указываетъ на обновленіе стиля.

Гдѣ искать источникъ этихъ образовъ? Повѣсть Искандера далека, вѣрнѣе предполагать вліяніе лѣтописи или Казанской Исторіи, въ которой есть намекъ на затемнѣніе войскъ вздымаемой пылью.

Стремясь къ обновленію стараго поэтическаго шаблона, князь Катыревъ переводилъ его на свой языкъ.

Старое разсѣченіе «на́ полы» онъ передаетъ такъ: «трупы ихъ» *или* «тѣло его» на «двѣ части раздѣляютъ». Лѣтописное «неволею плещи вдаша» или «показаша тылъ» передано словами: «хотятъ ли, не хотятъ ли, хребетъ даютъ».

Цѣлыя сложныя формулы старины — напр. радости и усталости бойцовъ—и поэзія боевыхъ рѣчей такъ измѣнены въ языкѣ и обезцвѣчены въ образахъ, что только очень внимательный анализъ позволяетъ догадываться объ ихъ источникахъ въ прошломъ.

Особенностью *новаго* стиля кн. Катырева является и то, что въ практику боевыхъ описаній онъ ввелъ старинныя искусственныя выраженія, мѣсто которыхъ было не въ боевыхъ повѣстяхъ, а пожалуй въ произведеніяхъ церковныхъ, которымъ приходилось касаться боевой темы:

«поля обрѣтаютъ *или* силу восхищаютъ и усты меча гонятъ»; «крѣпости меча ихъ *или* силы ихъ *или* устремленія *или* пораженій смертоносныхъ не возмогоша подняти».

Итакъ, въ тѣхъ мѣстахъ Повѣсти, гдѣ кн. Катыревъ рѣшался или былъ поставленъ въ необходимость описывать событія не со стороны реальныхъ чертъ, которыя позволяютъ отличать одно событіе отъ другого, онъ прибѣгалъ къ разъ навсегда имъ установленному подбору болѣе или менѣе поэтическихъ образовъ и выраженій. Примѣры мы видѣли изъ боевыхъ описаній, повторяющихся почти дословно.

Но пріемъ ли это книжника? Можетъ быть, кн. Катыревъ находился здѣсь и подъ вліяніемъ обычая устной поэзіи, любящей выражаться стереотипно?

Отвѣтить на этотъ вопросъ трудно. Кн. Катыревъ такой писатель, который все переиначиваетъ по своему. Ему, напримѣръ, несомнѣнно былъ знакомъ старый подборъ старыхъ боевыхъ формулъ, но онъ нарочно обезцвѣтилъ ихъ и перевелъ на свой языкъ.

Творецъ новаго стиля на старой основѣ не былъ, однако, долговѣченъ. Его новыя картинки не лишены прелести и своеобразнаго художества, но онѣ привились только въ сочиненіяхъ повѣствователей, бывшихъ въ непосредственной съ нимъ близости: одно время кн. И. М. Катыревъ-Ростовскій былъ Тобольскимъ воеводою—и вотъ въ Сибири возникла лѣтопись, носящая, между прочимъ, несомнѣнные слѣды его повѣствовательной манеры.

«Сравненіе текста «Повѣсти» Катырева съ текстомъ такъ называемой «Строгановской лѣтописи» (Сибирскія лѣтописи. Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1907) открываетъ несомнѣнные признаки ихъ литературнаго родства не только въ языкѣ, но и въ особенностяхъ самаго творчества. Достаточно указать на поразительное сходство въ обоихъ произведеніяхъ картинъ природы, рѣдко вообще наблюдаемыхъ въ памятникахъ того времени» (С. Ѳ. Платоновъ «Объ авторѣ сочиненія «на иконоборцы и на вся злыя ереси». Ж. М. Н. Пр. 1907, октябрь, стр. 342 прим. 1-е).

Къ школѣ Сибирскаго лѣтописанія относится также отрывокъ, повѣствующій о нападеніи инородцевъ на городъ Тару. Онъ открытъ С. О. Долговымъ и впервые сообщенъ въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, 14 ноября 1907 г. Въ этомъ отрывкѣ слышится отраженіе Повѣстей: объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи («аще не очистите градъ сей, аки птицу руками своими возмемъ»), о Мамаевомъ Побоищѣ («яко изученіи соколы ударишася на многіе жеравлиные стада») и Катыревской («солнцу же уклоншуся на западъ, и покрыся земля нощною тьмою»).—Повѣсть Катырева вліяла, конечно, не непосредственно, а черезъ какую-нибудь Сибирскую лѣтопись.

Вотъ все, что я могъ сказать о повѣствовательномъ стилѣ избранной эпохи. Она занимаетъ около 70 лѣтъ, но въ эти 70 лѣтъ старый шаблонъ воинскихъ повѣстей успѣлъ разцвѣсть и облетѣть.

По сравненію съ предшествующимъ временемъ — стиль повѣстей съ XVI в. сталъ болѣе украшеннымъ. Но эта красота не цѣльная, а составная — иногда безъ достаточнаго пониманія. Напрасно собирали всѣ прелести старины, вводили въ боевую повѣсть красоты агіографіи и церковной риторики Макарьевской эпохи, заимствовали и стилизовали мотивы и звуки пѣсенъ,— во второй четверти XVII в. все это не вернуло повѣсти ея прежней силы. Лучшій повѣствователь того времени уже искалъ новаго выраженія, нашелъ его для себя и для немногихъ. Въ Москвѣ у него не стали учиться, какъ учились у Искандера.

Но старые образы книжной боевой поэзіи не прекратили своего существованія, они нашли себѣ читателей попроще и пониже, ушли на сѣверъ, къ любителямъ старины, и на югъ, къ донскимъ казакамъ.

Даже наплывъ западной иноземщины не смогъ уничтожить стараго историческаго витійства. Попадаются повѣсти, въ которыхъ до-Петровская манера письма хотя и слилась съ пріемами новой моды, но сохранила еще достаточно жизненныхъ силъ для того, чтобы явить дальнѣйшее развитіе давно заложенныхъ въ нее элементовъ. Примѣромъ можетъ служить *«Гисторія о Ярополѣ цесаревичѣ»*, появившаяся чуть ли не позже Петровской эпохи[1]). Въ сюжетѣ своемъ она даетъ подражаніе романамъ приключеній — западнымъ, но грецизированнымъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Александріи. Въ манерѣ письма Гисторіи сказываются обильныя заимствованія изъ Александріи, изъ Повѣстей объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи (не выключая и «Исторіи 7135 года»), формулы которыхъ дополнены изъ описанія Татарскаго нашествія 1240 г. («от потопу—*т. е.* поту—конского напали туманы великия» 200), и, кажется, изъ Казанской Исторіи (зміи 210—211, «куды ево очи несут» 217, выдача царя 228). Лексика Гисторіи очень пестра: тутъ и «син-

1) Страницы Гисторіи цитирую по изданію В. В. Сиповскаго «Русскія повѣсти XVII—XVIII вв.», Спб. 1905 (стр. 180—241).

клитъ» (180, 196, 199), и «янычане» (214), и «тайши» Азовской Исторіи 7135 г. и Сибирской лѣтописи (212, 216, 225—227, 230), и «сары» (183, 190, 241; фр. sarрer—поднимать якорь, ср. англ. a sailor — матросъ). Среди многихъ словъ западнаго происхожденія встрѣчаются, повидимому, я позднія по формѣ и времени заимствованія (напр. «ключь невтяноі», 211). Выраженія старыхъ формулъ Александріи и Азовскихъ повѣстей часто развиты здѣсь общими мѣстами устной поэзіи. Типичныя выраженія устной поэзіи сталкиваются съ прозаическими западными терминами. Другими словами старая книжная риторика усилена въ Гисторіи народными элементами, которыхъ прежде она только что не чуждалась. Но «навигацкія» школы и «куранды» сообщили писателю привычку называть нѣкоторые предметы по новому, а переводные романы сдѣлали его рѣчь куртуазной. Приведу примѣры этой смѣшанной рѣчи:

«царевичъ скочил на свои резвыя ноги и далъ по обычаю всемъ комплиментъ» (187);

«раставил шатры в поле, яко маков цветъ рацвелъ (изъ Пов. объ Азов. осад. сидѣніи) . . . . знаки, ѳлаки и знамена распустилъ» (207).

Авторъ обнаруживаетъ хорошее знакомство со старинами, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ описаніи «баталіи», за которую воинъ Яропола получилъ «чинь ѳертьмаршела»:

«И билися долгое время, что копия в руках поломалися по насады свои; и взяли свои острыя сабли и стали рубитися; и сабли их в руках по тылу обламалися, а другъ друга не ранили; и потом стали битися палицами своими, и оные палицы по черенъ обломалися, еще другъ друга съ коня не щибли; и скочили з добрых своих конеи и стали битися рукопашнымъ боем; и воинь Яропола цесаревича, разярась яко левь, и подбѣжа къ исполину, и подня ево себѣ на руки, и бросил выше себя, и селъ ему на груди и воздель сердце и печень, и бросился на коня своего, и оное сердце и печень подхвати своимъ копиемъ, поехалъ с радостию» (215).

Кое-гдѣ слышится ритмъ: «уже в домех и куры поютъ, денные часы настаютъ» (196).

Несмотря на вниманіе къ старинѣ и народной поэзіи, авторъ Гисторіи не справился съ нѣкоторыми, заимствованными отсюда выраженіями и частью не понималъ ихъ:

«всяких узорчетых вещеи» (211)—т. е. «узорочья»;

«взя свои лук крековистои» (235): это — эпитетъ дуба, а не лука.

Греческія и русскія по происхожденію формулы, мотивы и образы до-Петровской повѣствовательной риторики во многихъ случаяхъ соотвѣтствуютъ западнымъ, не находясь въ непосредственной литературной связи съ послѣдними. Когда эти схожія западныя украшенія явились при Петрѣ на Русь, онѣ не были встрѣчены враждебно и незамѣтно привились въ литературномъ обиходѣ. Возьмемъ два древнѣйшихъ мотива: брань — *пиръ*, *пашня*, смерть — *жатва*.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ встрѣчаемъ мы первый образъ у Посошкова: «такая стрѣльба угодна при потѣхѣ, или банкетѣ веселостномъ, а при банкетѣ кровавомъ тотъ артикулъ не годится» («Книга скудости и богатства» въ изданіи М. П. Погодина, 1842 г., стр. 37).

«Въ городѣ Марсовымъ плугомъ все испахано и насѣяно... и нынѣ ожидаемъ добраго рожденія», пишетъ Петръ Великій Виніусу изъ подъ Азова (1695 г.).

Вспомнимъ, затѣмъ, «Жатву торжественную, мечными серпами Россійскихъ побѣдоносцевъ на Марсовыхъ Ливонскихъ поляхъ.... собранную» въ 1704 г.—по Слову Стефана Яворскаго.

Двумя путями этотъ мотивъ впослѣдствіи вошелъ и въ русскую лирику.

«Размахъ погибельной косы,
Готовый срѣзать гостя жизни»

воспѣлъ Глинка, подражая книгѣ Іова. А, подъ вліяніемъ Шенье, Батюшковъ написалъ такія прелестныя строки:

«Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ,
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
И думалъ: Парки часъ настанетъ...»

Боевыя формулы средневѣковой русской исторіи отозвались и за рубежемъ.

Южныхъ славянъ познакомила съ ними Повѣсть Искандера о взятіи Царьграда, и мы узнаемъ ихъ, напримѣръ, въ «Житіи царя Лазара» (изд. въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1860 г., кн. 2). Приведу отсюда мѣсто, гдѣ въ группѣ этихъ формулъ русская поэзія сплелась съ сербской:

«Миланъ Милошу отговора: не умемъ ти, брате, сказати силу царя Мурата, ни самъ мого ни очима прегледати, а камо ли умомъ изброити; колико е отъ церногa камена до белога круга (—*холма*), пакъ до церногa дрена (—*кизильника*), све е то притиснула Турска войска и сила царева, да есть, мой брате, страшно очима гледати. Ту нема землѣ, гдѣ ніе притиснула сила, све конъ до коня, юнакъ до юнака, бойна копля земли пребодена, како церна гора (—*лѣсъ*), а баряцыи, како и облацыи, када и стану вѣтрыи ніатіи. Страшно е очима, брате, гледати: рекао біи, лугови (—*рощи*) су изникліи; како е ліепо полѣ одевено: шатори се беле, како снегови на планинама» (4—5).

Переписывая русскія лѣтописи, польскіе хронисты повторяли и ихъ риторику. А ученый историкъ и поэтъ Адамъ Нарушевичъ (1733—1796) украсилъ одною изъ этихъ повторенныхъ формулъ (мостъ изъ труповъ) свою оду на мраморную залу въ замкѣ Варшавскомъ:

Stoi zdrętwiały Dunaj, że na bystrym grzbiecie
Most mu z trupów usłany pławne barki gniecie.

А. Орловъ.

Библіографія.

Кіево-Печерскій монастырь какъ Культурный Центръ Домонгольской Россіи. Л. К. Гётца. Das Kiever Höhlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands v. Dr. D. L. K. Goetz a. o. Universitäts-Professor in Bonn. Passau, 1904. (XXIV—242).

Эта работа г. Гётца въ свое время была уже отмѣчена какъ въ заграничной, такъ и въ нашей научной критикѣ (Церк. Вѣстн. 1904 г. № 32, стр. 1010—11). Но взятая здѣсь тема настолько интересна для русской исторической науки, а съ другой стороны, отношеніе автора-иностранца какъ къ самому вопросу, такъ и къ нашей литературѣ о немъ настолько внимательно, что мы считаемъ съ своей стороны интереснымъ войти въ болѣе подробный разборъ этой работы. Послѣ Описанія м. Евгенія (3-е изд. 1847 г.) это — первая большая работа, посвященная спеціально исторіи Кіевопечерскаго монастыря.

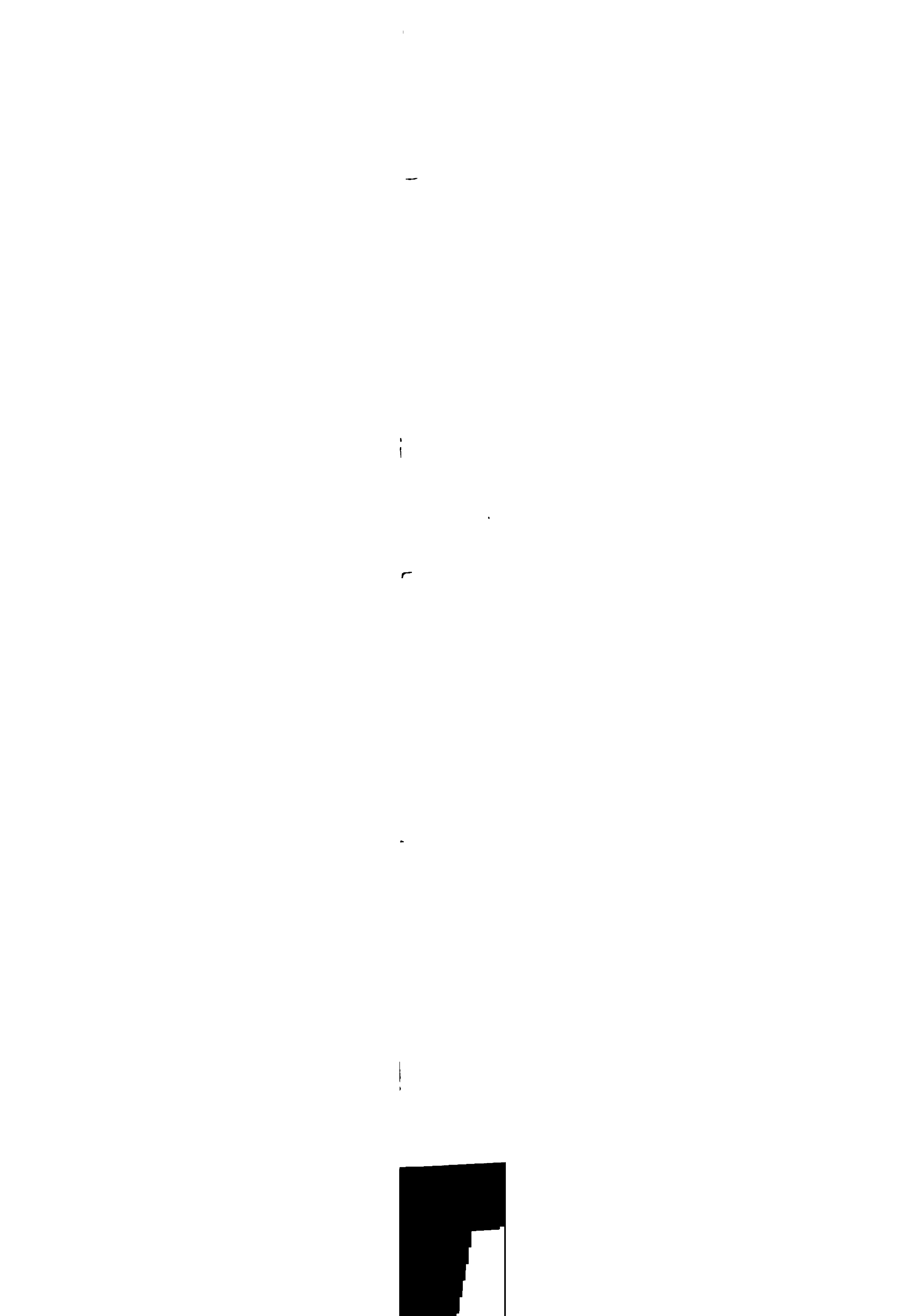
Авторъ поставилъ своей задачей выяснить на основаніи исторіи внѣшняго и внутренняго развитія Кіевопечерскаго монастыря его роль какъ культурнаго центра домонгольской Россіи (стр. V—VI). Сообразно съ этимъ, онъ раздѣлилъ матеріалъ своей работы на двѣ части: первая часть (стр. 1—106) чисто историческая, гдѣ въ порядкѣ игуменовъ излагается внѣшняя исторія Кіевопечерскаго монастыря со времени его основанія до нашествія татаръ, и вторая (стр. 109—211), гдѣ разсматривается внутренняя жизнь и дѣятельность монастыря и его культурное значеніе для древней Россіи. Въ приложеніи (стр. 217—239) даны: 1) Списокъ игуменовъ Кіевопечерскаго монастыря, 2) Списокъ монаховъ, погребенныхъ въ такъ наз. «ближнихъ» пещерахъ, 3) Списокъ епископовъ, выходцевъ изъ Печерскаго монастыря и 4) Подложная грамота Андрея Боголюбскаго Печерскому монастырю.

Прежде всего мы остановимся на самой постановкѣ взятаго авторомъ вопроса, на распланировкѣ матеріала и на тѣхъ методологическихъ пріемахъ, съ помощію которыхъ онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, а потомъ разсмотримъ нѣкоторыя подробности отдѣльныхъ частей его работы.

Центръ тяжести работы автора, какъ онъ указываетъ самъ (стр. VI), лежитъ въ изслѣдованіи культурнаго вліянія монастыря, а не въ его исторіи, тѣмъ не менѣе онъ цѣлую половину своей книги отводитъ изложенію внѣшней исторіи монастыря. Какъ укажемъ далѣе, это одна изъ положительныхъ сторонъ работы автора, но въ таковомъ видѣ она не вполнѣ гармонируетъ съ ея задачей. Намъ, именно, не совсѣмъ понятно, для чего авторъ такъ рѣзко отдѣлилъ изслѣдованіе внутренней жизни монастыря отъ ея внѣшней исторіи? Было бы еще понятно, если бы во второй части давались только выводы изъ первой, но на самомъ дѣлѣ она представляетъ собой новую самостоятельную часть. Авторъ говоритъ, что «самый предметъ» вызвалъ такое дѣленіе (стр. XII—XIII), но какимъ образомъ? Разсужденія о продольномъ и поперечномъ разрѣзѣ (стр. 109—110) не помогаютъ дѣлу. Напротивъ, это дѣленіе повредило работѣ. Вѣдь фактически иногда такое дѣленіе и невозможно, и тогда приходится или кое-чѣмъ поступиться, или допустить повторенія. Послѣднія встрѣчаются въ работѣ г. Гётца такъ часто, что ему пришлось въ предисловіи ввести оговорку о «неизбѣжности» этихъ повтореній (стр. XIII). Но это же, повидимому, заставило автора поступиться во второй части хронологическимъ порядкомъ изложенія (иначе пришлось бы снова повторить всю исторію) и прибѣгнуть къ изложенію систематическому («Querschnitt», стр. 110). Правда, историческое изложеніе внутренней жизни монастыря затрудняетъ скудость нашихъ источниковъ, но это уже не вина изслѣдователя, за то работа выиграла бы въ томъ отношеніи, что такимъ образомъ заставила бы автора для каждой черты искать причинъ и слѣдствій, а не описывать ихъ только. Систематическій порядокъ изложенія и вывелъ изслѣдованіе изъ историческихъ рамокъ (хотя авторъ и старался держаться ихъ), а въ результатѣ получилась картина и вообще нѣсколько туманная, да еще и съ спутанной перспективой. Намъ кажется еще, что автору пришлось выдѣлить вторую часть и съ цѣлію дать все-таки читателю болѣе полную и внѣшнюю исторію монастыря, особенно имѣя въ виду иностранныхъ читателей, а кстати внести сюда и нѣкоторыя свои собственныя соображенія. Съ этой точки зрѣнія, повторяемъ, мы и считаемъ первую часть полез-

ной и не только для иностранныхъ читателей, но и для русскихъ, такъ какъ книга м. Евгенія не только устарѣла, но и давно вышла изъ продажи. Но это уже практическая сторона. Въ интересахъ же вопроса, намъ кажется, было бы раціональнѣе не дѣлать указаннаго дѣленія, а дать вообще исторію внѣшней и внутренней жизни Кіево-печерскаго монастыря, куда сама собою, но конечно гораздо полнѣе и точнѣе, вошла бы и культурная сторона, и только въ заключеніи, какъ резюме, выдѣлить сторону спеціально культурно-историческую.

Обращаемся теперь къ сторонѣ методологической. Какъ уже мы отчасти упоминали, работа г. Гётца носитъ больше описательный характеръ. Но этого мало. Авторъ почему-то считаетъ какъ будто даже излишнимъ входить въ анализъ источниковъ. Довольно часто, напр., встрѣчаемъ мы у него указаніе на различія или даже прямо противорѣчія въ источникахъ (стр. 16, 20, 30, 31, 36; 51, 52), но онѣ всѣ оказываются для автора неважными, а потому и говоритъ онъ о нихъ почти всегда только въ примѣчаніяхъ. Правда, онъ говоритъ, что Differenzen zwischen den verschidenen Quellen... brauchen wir hier... nur insoweit näher einzugehen, als sie für den kulturgeschichtlichen Zweck der Darstellung von wirklicher Bedeutung sind (стр. 16, примѣч.), но на самомъ дѣлѣ мы не помнимъ, чтобы авторъ гдѣ-нибудь серьезно воспользовался этими различіями. Характеренъ въ этомъ отношеніи его взглядъ на послѣднія русскія работы въ этой области. Выразивъ удивленіе, что послѣ Описанія м. Евгенія въ нашей литературѣ до сихъ поръ нѣтъ такой работы о Кіево-печерскомъ монастырѣ, которая соотвѣтствовала бы его роли и значенію (стр. V), авторъ черезъ страницу говоритъ: Die Quellen zur Geschichte des Höhlenklosters sind für die russischen Forscher, besonders für А. А. Шахматовъ, Gegenstand mancher in das kleinste Detail gehenden kritischen Untersuchung geworden. Diesen Arbeiten brauchte ich in meiner Darstellung nicht immer im enzelnen, bezw. brauchte nicht immer zu ihren Resultaten Stellung zu nehmen. Ich habe letzteres manchmal nur soweit getan, als es für den Zweck meiner Arbeit von Bedeutung war (стр. VII). При этомъ мы должны замѣтить, что и здѣсь результаты указываемыхъ работъ, особенно наиболѣе важные, въ дѣйствительности не совпали съ цѣлью работы г. Гётца. Такимъ образомъ, г. Гётцъ, повидимому, противопоставляетъ детальной критической работѣ современныхъ русскихъ ученыхъ по данному вопросу—кажущуюся ему болѣе необходимой и современной работу общаго характера (ср. стр. V, VI и VII). Но



sonders die Beurteilung von Житіе Антонія durch Шахматовъ in Betract (Ж. М. Н. Пр. 1898, 132), das Житіе Антонія gegenüber unserer zweiten Hauptquelle, die erhalten ist, Житіе Θеодосія, mehr Wunder berichtet, ferner vor allem durch das Streben, die Geschichte des Höhlenklosters an das griechische Mönchtum überhaupt, insbesondere aber an das Mönchtum auf dem Athosberg als an die Zentrale des orthodoxen Möchntums anzuknüpfen, sich auszeichnet» (стр. 14—15, примѣч.), но все-таки дальше этого указанія авторъ не идетъ. Намъ же кажется, что данная Шахматовымъ реконструкція Житія Антонія не только «scharfsinnig» (стр. 14, примѣч.), но и настолько серьезна, что всякій будущій историкъ Кіевопечерскаго монастыря обязанъ съ ней считаться. Благодаря ей, Житіе Антонія теперь стало не только литературнымъ фактомъ, но и определеннымъ историческимъ источникомъ. Г. Гётцъ, какъ видно было выше, заподозриваетъ историческую достовѣрность этого источника, но не говоря уже о томъ, что ему слѣдовало бы на этомъ остановиться, и это было бы очень интересно, все равно—самое существованіе этого Житія, хотя бы и недостовѣрнаго, представляетъ интереснѣйшій фактъ въ культурной жизни Кіевопечерскаго монастыря, фактъ, указывающій на существованіе и борьбу тамъ двухъ противоположныхъ традицій, одной, ставящей въ центрѣ начальной исторіи монастыря Антонія, и другой—Θеодосія.

Возможно глубже проникнуть въ исторію возникновенія Кіевопечерскаго монастыря лежитъ, намъ кажется, въ интересахъ работы автора: для изслѣдователя, констатировавшаго такое крупное значеніе Печерскаго монастыря, что онъ прямо ставитъ его какъ «культурный центръ домонгольской Россіи», необходимо было задаться спеціальнымъ вопросомъ о причинахъ такого его значенія, но этихъ причинъ, намъ кажется, прежде всего и слѣдуетъ искать въ самой исторіи возникновенія монастыря. Нѣкоторыя и совершенно вѣрныя указанія по этому вопросу находимъ мы и въ книгѣ г. Гётца, но все это и недостаточно и разбросано по разнымъ мѣстамъ. Сравнивая Кіево-печерскій монастырь съ другими Кіевскими монастырями, авторъ говоритъ: «die Ursache seines Enstehens war das persönliche Bedürfnis eines Einzelnen nach asketischem Leben in der Einsamkeit» (стр. 11). И это, конечно, вѣрно, но вѣдь это только одна сторона событія. А почему и Антоній изъ Любеча и Θеодосій изъ Курска (объ Антоніи онъ узналъ уже въ Кіевѣ—Яковл. стр. X) идутъ именно сюда? Что именно въ Кіевъ влекло людей, ищущихъ монашескаго уединенія? Кіевъ какъ политическій центръ игралъ,

конечно, здѣсь большую роль, но въ области внутренней политики не было ли здѣсь особыхъ обстоятельствъ, игравшихъ роль въ тогдашней религіозной жизни Кіева? Авторъ очень удачно отмѣтилъ демократическій характеръ братства Кіевопечерскаго монастыря (§ 9), но интересно было бы вскрыть и тѣ причины, которыя вызвали, и тѣ обстоятельства, которыя способствовали этой демократизаціи. Врядъ ли это можно объяснить только введеніемъ Студійскаго устава, Студійскій уставъ могъ только дать внѣшнюю опору. Съ внутренней стороны и этотъ демократизмъ и тотъ свободный духъ Кіевопечерскаго братства, который такъ рѣзко проявился и внутри партійной борьбой, особенно въ періоды избранія игуменовъ, и во внѣ борьбой съ свѣтской и духовной властью за свою самостоятельность, по своему началу конечно есть результатъ сознанія той идейной основы, заложенной его первоначальниками, которая такъ характерно выражена въ словахъ лѣтописи при сравненіи Кіевопечерскаго монастыря съ другими: «Мнози бо монастыреве отъ царей и отъ бояръ и отъ богатства поставлени, но не суть таци, каци же поставлени слезами и пощеніемъ и бдѣніемъ: Антоніи бо не имѣ злата, но стяжа слезами и пощеніемъ» (Лавр. лѣт.[3] 155). Далѣе, очень важно также отмѣченное авторомъ отношеніе Кіевопечерскаго монастыря къ духовной власти или, ближе, къ митрополитамъ-грекамъ: но когда эта борьба собственно началась и чѣмъ она вызвана? Обращаетъ здѣсь на себя вниманіе личность митрополита Иларіона: чѣмъ было вызвано его поставленіе въ митрополиты? Въ 1051 году Печерскій монастырь становится уже факторомъ Кіевской общественной жизни: не совпадаетъ ли съ этими событіями и начало этой, повидимому даже церковной (стр. 202, примѣч.), самостоятельности монастыря по отношенію къ митрополитамъ? Представляется дѣло такъ, что митрополитъ Иларіонъ, если не постриженникъ, то несомнѣнно очень близкій къ Антонію, конечно покровительствовалъ монастырю и не входилъ въ его жизнь, а первый послѣ него митрополитъ-грекъ или митрополиты-греки уже въ силу предшествовавшихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ избраніе Иларіона, должны были мириться съ такимъ положеніемъ монастыря, тѣмъ болѣе что національные и династическіе интересы ставили его ближе и къ свѣтской власти. Между тѣмъ за это время образовывается уже традиція, съ которой нужно было считаться уже какъ съ таковой, а происшедшее все-таки во второй половинѣ XII вѣка столкновеніе монастыря съ митрополитомъ привело и къ оффиціальному утвержде-

нію правъ Кіевопечерскаго монастыря на самостоятельность. Рѣшеніе этихъ и другихъ подобныхъ вопросовъ, намъ кажется, много дало бы для исторіи культурнаго значенія Кіевопечерскаго монастыря.

Изъ дальнѣйшаго содержанія исторической части мы имѣемъ замѣтить относительно слѣдующихъ мѣстъ. На стр. 64 авторъ говоритъ о Никитѣ Затворникѣ. Мы вполнѣ согласны съ нимъ, что усматривать въ исторіи Никиты отрицательное отношеніе Поликарпа и вообще братіи Печерскаго монастыря къ изслѣдованію Свящ. Писанія (какъ это у Яковлева, Милюкова и др.) нѣтъ основаній, но нѣтъ основаній говорить здѣсь и о богомильскихъ тенденціяхъ, какъ это предполагаетъ авторъ: Mir scheint hier ein Anklang zu sein an die gnostischdualistische Ansicht von dem geringen Wert des Judentums und des A. Testamens, die bei den Bogomilen der Bulgarei wiederkehrt, und die sich in einzelnen Vertretern auch in der altrussischen Kirche findet. Мы эту легенду понимаемъ такъ, что очевидно среди братіи Печерскаго монастыря велись горячіе споры по какимъ-то богословскимъ вопросамъ, при чемъ Никита въ защиту своего мнѣнія ссылался на Ветхій Завѣтъ, который онъ хорошо зналъ, противники же его, не имѣя, очевидно, другихъ болѣе убѣдительныхъ доводовъ, указывали ему на то, что для христіанина Ветхій Завѣтъ не основаніе, а можетъ быть и прямо уличали его въ близости къ іудейскимъ воззрѣніямъ. Такая подозрительность монастырской братіи вполнѣ понятна: очевидно въ то время (описываемое событіе относится ко времени игуменства Никона—1078—1088 г.) кіевскіе христіане вообще затруднялись провести точную границу между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ (припомнимъ Слово м. Иларіона о законѣ и благодати), тѣмъ болѣе, что среди нихъ жило много Евреевъ, бесѣды и споры съ которыми (припомнимъ игумена Θеодосія) не могли не отозваться на нѣкоторыхъ вліяніемъ въ сторону бо́льшаго уваженія Ветхаго Завѣта, чѣмъ то казалось нужнымъ для иного строго ортодоксальнаго богослова. Удалось ли братіи убѣдить Никиту или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ уступилъ и всего вѣроятнѣе просто подъ давленіемъ авторитетнаго большинства его противниковъ (тутъ вѣдь были: и Іоаннъ, потомъ здѣшній игуменъ, и Исаія, потомъ епископъ Ростовскій, и Николай, потомъ епископъ Тмутороканскій, и Феоктистъ, потомъ епископъ Черниговскій, и Несторъ лѣтописецъ, и Матθей прозорливецъ, и Григорій чудотворецъ и друг.), а также изъ боязни быть обвиненнымъ въ склонности къ іудейству. Такимъ образомъ, ни іудейскихъ

тенденцій въ Никитѣ, ни богомильскихъ въ его противникахъ мы не видимъ.

Затѣмъ, на стр. 73 авторъ, приводя, вслѣдъ за Сергіемъ и Леонидомъ, новаго, неизвѣстнаго по Патерику, игумена Авраамія, умершаго въ 1110 году, дѣлаетъ предположеніе, что это вѣроятно былъ Печерскій монахъ, игуменствовавшій гдѣ-нибудь въ другомъ монастырѣ: но это — простая ошибка, идущая отъ Татищева, гдѣ это имя употреблено вмѣсто Варлаама, т. е. извѣстнаго Печерскаго игумена (см. т. 2, стр. 430, примѣч. 259; но въ текстѣ правильно — Варлаамъ, стр. 112—113).

Далѣе, на стр. 79—80 въ примѣчаніи авторъ полемизируетъ съ А. А. Шахматовымъ по вопросу объ идентичности Пимена многострадальнаго и Пимена постника и времени смерти св. Кукши: Шахматовъ, отожествляя этихъ двухъ Пименовъ, относитъ время его смерти вмѣстѣ съ св. Кукшей къ 1110 году, а г. Гётцъ, считая Пимена многострадальнаго самостоятельнымъ лицомъ, отожествляетъ Пимена постника съ игуменомъ Пименомъ, называющагося также постникомъ, и относитъ, поэтому, смерть св. Кукши какъ и игумена Пимена приблизительно къ 1141 году. Но и послѣ этихъ двухъ мнѣній вопросъ остается для насъ неяснымъ. Дѣло въ томъ, что въ Патерикѣ имя Пимена постника упоминается три раза: 1) въ разсказѣ Симона объ Онисифорѣ, жившемъ въ игуменство Пимена (Яковл. XCI), 2) въ разсказѣ его же о Кукшѣ и Пименѣ (ibid. XCVIII) и 3) въ разсказѣ Поликарпа объ изгнаніи бѣса изъ Никиты затворника, гдѣ среди изгонявшихъ упоминается и Пименъ постникъ (ibid. CXXIX). Для насъ теперь неясно, отожествляетъ ли Шахматовъ вторыхъ двухъ Пименовъ постниковъ? Очевидно, да, такъ какъ тогда представляется еще болѣе возможнымъ сближать время смерти этого Пимена и Пимена многострадальнаго. Но если это такъ, то, намъ кажется, справедливо возраженіе г. Гётца, который, указываетъ, что этотъ (третій) Пименъ упоминается еще въ игуменство Никона (1078—1088), между тѣмъ какъ приходъ въ монастырь Пимена многострадальнаго падаетъ по разсчету (изъ 1110, года его смерти, вычесть 20 лѣтъ его болѣзни) приблизительно на время около 1091 года, а принесенъ онъ былъ въ монастырь очевидно еще молодымъ. Отожествлять же второго и третьяго Пимена постниковъ намъ кажется вполнѣ возможнымъ. Но на этомъ основаніи еще менѣе пріемлемо для насъ мнѣніе г. Гётца. Какъ видно изъ его возраженія Шахматову, онъ отожествляетъ вторыхъ двухъ Пименовъ постниковъ: но 1) тогда трудно допустить, чтобы Пименъ

постникъ, участвовавшiй въ 80-хъ годахъ XI ст. въ изгнанiи бѣса изъ Никиты, могъ игуменствовать между 1132—1141 годами (можно думать, что онъ уже въ то время былъ лицомъ почтеннымъ: въ перечнѣ лицъ, изгонявшихъ бѣса, онъ стоитъ третьимъ, послѣ игумена Ивана, умершаго въ 1103 г., при чемъ и большинство другихъ лицъ этого перечня умерло въ концѣ XI—нач. XII в. и только поставленные въ самомъ концѣ—Феоктистъ, еп. Черниговскiй, умеръ вь 1123 г. и Онисифоръ прозорлицевъ—въ 30—40-хъ гг. XII), а 2) Поликарпъ, перечисляя лицъ, участвовавшихъ въ изгнанiи бѣса, точно отмѣчаетъ среди нихъ игуменовъ и епископовъ: Никонъ игуменъ, Иванъ игуменъ, Исаiя епископъ и т. д., тогда какъ Пимена называетъ только постникомъ, подобно тому какъ еще Матѳея—только прозорливцемъ, Исаiю — печерникомъ и т. д. Такимъ образомъ намъ кажется, что 1) Пименъ игуменъ есть лицо отличное отъ другихъ Пименовъ, и время смерти его, судя по разсказу Поликарпа объ Онисифорѣ, о которомъ онъ слышалъ лично изъ устъ очевидца его жизни, дѣйствительно относится приблизительно къ срединѣ XII столѣтiя; 2) вторыхъ двухъ Пименовъ постниковъ отожествлять вполнѣ возможно, а слѣдовательно возможно и предполагать смерть этого Пимена постника въ 1110 году и 3) отожествлять съ этимъ Пименомъ постникомъ Пимена многострадальнаго, смерть котораго Поликарпъ относитъ именно въ 1110 году, все-таки не представляется возможнымъ (мы согласны также съ г. Гётцомъ, что и самое содержанiе разсказовъ о жизни этихъ двухъ черноризцевъ представляетъ много несходнаго). Намъ думается, нѣтъ ли здѣсь путаницы уже у самого Поликарпа? Не смѣшалъ ли самъ Поликарпъ Пимена постника, умершаго дѣйствительно въ 1110 году, съ неизвѣстно когда жившимъ Пименомъ многострадальнымъ?

Обращаясь, далѣе, къ вопросу о времени смерти священномученика Кукши, мы находимъ, что мнѣнiе Шахматова очень вѣроятно. Закончивъ свое опроверженiе по вопросу о Пименахъ, г. Гётцъ говоритъ: Wenn die beiden Mönche Namens Пименъ nicht identisch sind, fällt die Vermutung von Шахматовъ Ж. М. Н. Пр. 1898, 123, das der Mönch Кушка (sic!), Яковл. р. XCVIII, auch 1110 gestorben sei... Dagegen scheint mir aber der Tod des Кушка auch unter die Abtzeit des Пименъ (nach traditioneller Angabe 1132—1141) zu verlegen zu sein. Но въ Проложномъ сказанiи о принесенiи перста св. Iоанна Крестителя изъ Царяграда въ Кiевъ, напечатанномъ Н. К. Никольскимъ въ Матерiалахъ для исторiи древнерусской письменности (отд. от. изъ Сборн. Ак. Н. СПБ. 1907 г. № IV, стр. 56—7)

мы читаемъ, что этотъ перстъ «принесенъ бысть в град великіи Кіевъ при князи Владимирѣ Мономасѣ в лѣто ,s шестсотное и положенъ бысть в церкви св. Іоанна на Сѣтомли оу Купшина монастыря». Нужно при этомъ замѣтить, что имя Кукши встрѣчается и въ этой формѣ «Купша» (въ Берсен. спискѣ Патерика). Такимъ образомъ, здѣсь мы находимъ прямое указаніе на то, что Кукша жилъ во всякомъ случаѣ раньше 30-хъ годовъ XII столѣтія, а слѣд. мнѣніе Шахматова, относящаго смерть Кукши къ 1110 году, очень правдоподобно. А если это такъ, то, слѣд., и смерть Пимена постника, умершаго по Патерику «въ единъ день» съ Кукшей (Яковл. XCVIII), нужно относить къ тому же году.

§ 25 (стр. 101—103) посвященъ авторомъ имени Печерскаго игумена Өеодосія, III-го по м. Евгенію. Это — одинъ изъ неясныхъ періодовъ въ исторіи игуменовъ Печерскаго монастыря (другой, напр., періодъ отъ Өеодосія II до Поликарпа), такъ какъ неизвѣстно не только время этого игумена, но и самое имя его не установлено: одни называютъ его Өеодосіемъ, другіе (Филаретъ, Макарій) Досиөеемъ. Г. Гётцъ ни къ чему опредѣленному не приходитъ и хотя съ недовѣріемъ относится къ указанію м. Евгенія времени смерти этого игумена, но въ концѣ концовъ онъ не исправляетъ его ни въ наименованіи, ни въ хронологіи (см. на стр. 217 списокъ игуменовъ - архимандритовъ). Наше вниманіе останавливаетъ на себѣ мнѣніе Филарета, относившаго смерть этого Досиөея къ 1219 году (Обзоръ³, стр. 46). Къ сожалѣнію онъ не указываетъ, откуда или на какомъ основаніи беретъ онъ этотъ годъ. Но къ этому же году приводитъ насъ слѣдующее вычисленіе. Если вѣрно предположеніе, высказанное Шахматовыхъ, что приводимое въ посланіи Поликарпа къ Акиндину (Яковл. CXXXV—VI: «аще бо азъ премолчю, отъ меня до конца забвена боудеть и тому не помяноутся имена ихъ, яко же было и до сего дни; се же речеся въ ві лѣтъ твоего игуменства, еже не бысть помяновенія за сто и ѯ. лѣтъ, нынѣ же твоея ради любве и утаенная слышана быша») число 160 можетъ служить указаніемъ на время составленія Житія Антонія (Ж. М. Н. Пр. 1898, мартъ, стр. 114) [1]), то, прибавивши

1) Это предположеніе намъ кажется вѣроятнымъ. Напомнимъ соотвѣтствующее мѣсто Патерика. Заканчивая разсказъ объ Агапитѣ, Поликарпъ говоритъ: «Таковая и болша сихъ сдѣяшася отъ тѣхъ святыхъ черноризецъ, ихже въспомянувъ добродѣтельное житіе, и дивлюся, како премолчана быша великая исправленія святыхъ отецъ нашихъ Антоніа и Өеодосіа, то аще толико свѣтило угасе нашимъ небреженіемъ, но како отъ него луча въсіаетъ, сихъ

это число къ 1072 (годъ смерти Антонія) и вычтя 12, мы получимъ 1220—начальный годъ игуменства Акиндина, а слѣд. годъ смерти предшествующаго игумена, Ѳеодосія—Досиѳея, и падаетъ приблизительно на 1219 годъ.—Что касается имени Ѳеодосій—Досиѳей, то вопросъ остается открытымъ. Намъ только непонятно, почему авторъ не соглашается отожествить эти два имени, разъ онъ, съ одной стороны, Досиѳея и даже какъ автора отвѣта на вопросъ о жизни Аѳонскаго монашества (вопреки мнѣнію Н. К. Никольскаго, отнесшему его на основаніи новаго текста къ концу XIV в.) пріурочиваетъ, согласно прежнему взгляду (напр. м. Макарія), къ началу XIII ст., а съ другой—разъ существуетъ старая традиція, называющая этого автора Досиѳея архимандритомъ Печерскимъ, какъ это читается въ печатаемомъ при Псалтырѣ Чинѣ, како подобаетъ пѣти дванадесять псалмовъ (авторъ цитируетъ здѣсь книгу Казанскаго). По поводу полемики автора съ Н. К. Никольскимъ мы съ своей стороны ничего не можемъ сказать, такъ какъ въ настоящее время мы не имѣемъ подъ руками для сравненія стараго и новаго текстовъ этого произведенія. Но если Н. К. Никольскій правъ, то, намъ кажется, признавать двухъ Досиѳеевъ (это не относится къ г. Гётцу)—автора Святогорскаго устава и автора Чина пѣнія псал-

---

мню преподобныхъ отець и братіи нашихъ...» Непонятно здѣсь упоминаніе имени Ѳеодосія: вѣдь Житіе его было въ то время хорошо извѣстно (ср. Яковл. CLI)? Очень вѣроятно, поэтому, думать, что здѣсь имя Ѳеодосія вставлено уже послѣ, подобно тому какъ такая же, но уже явная, прибавка встрѣчается во 2-й Кассіановской редакціи Патерика (Шахм. ibid. стр. 109), а Поликарпъ говорилъ здѣсь только объ одномъ Антоніи. Подтвержденіемъ этого и служитъ употребленіе въ дальнѣйшемъ сравненіи только единственнаго числа: «толико свѣтило», «отъ него». А если это такъ, то дальнѣйшій текстъ: «... аще повелишь твое преподобство написати, ихъ же ми оумъ пристигнеть и память принесеть, аще ти и не потребно боудеть, да соущимъ по насъ ползы ради оставимъ, якоже блаженный Нестеръ в лѣтописцѣ написа о блаженныхъ отцѣхъ, о Дамьяни, Уеремѣи и Матфеѣ и Исакіи. Въ житіи святаго Антоніа вся житіа ихъ вписана соуть, аще и вкратцѣ речена, но паче преже реченіи черноризци явно реку (т. е. написавши ихъ житія), а не въ тайнѣ, якоже и преже» (т. е. когда онѣ передавались только устно)... — Яковл. CXXXV—этотъ текстъ очевидно нужно понимать такъ, что Поликарпъ на основаніи слышанныхъ имъ по преданію разсказовъ имѣлъ въ виду полнѣе написать житія именно тѣхъ черноризцевъ, о которыхъ вкратцѣ говорило Житіе Антонія, подобно тому какъ Несторъ описалъ житія Даміана и др. Очевидно, уже тогда Житіе Антонія затерялось (Шахм. ibid. 106) и содержаніе его забылось—вотъ къ этому и относилась бы предполагаемая форма словъ Поликарпа: «дивлюся, како премолчана быша великая исправленіа святаго отца нашего Антоніа».

мовъ—нѣтъ нужды, такъ какъ одна ссылка (м. Макарія [3] III, 46) на Патерикъ, гдѣ читается: «аще псалтырь чтеши или 12 псалма поеши» (Яковл. LXXXVI) мало говоритъ: вѣдь Досиѳей принесъ съ Аѳона «Чинъ *како* пѣти...» эти псалмы.

Обращаемся теперь ко второму, главнѣйшему отдѣлу работы г. Гётца. Здѣсь рѣчь идетъ главнымъ образомъ о внутренней жизни монастыря и въ порядкѣ уже систематическомъ, а не хронологическомъ. Планъ набросанной авторомъ картины—широкій, но сама картина, намъ кажется, отъ этого только проиграла: она, какъ мы уже упоминали, стала отъ этого туманнѣе. Въ погонѣ за широтой авторъ иногда разбрасываетъ матеріалъ совершенно однородный, напр. въ § 34 изображена Geistig—religiöse Wirksamkeit der Mönche nach außen (Seelsorger, Beichtväter, Lehrer), а въ § 36—Wirksamkeit der Mönche außerhalb des Klosters (als Seelsorger, Beichtväter, Gesandte, Bischöfe, Missionare). А иногда мы встрѣчаемъ у него пункты чисто схематическаго характера: авторъ, повидимому, не разсчелъ бывшій въ его распоряженіи очень скудный матеріалъ и въ результатѣ далъ скорѣе схему тѣхъ сторонъ жизни, въ которыхъ могло бы проявиться культурное вліяніе монастыря, но на самомъ дѣлѣ не было. Такъ напр., онъ нѣсколько разъ принимается за открытіе въ Печерскомъ монастырѣ школы, по крайней мѣрѣ хоть иконописной (стр. 63, 154, 164: Alipij... als Iüngling von seinen Eltern dem Höhlenkloster zum Unterricht übergeben wurde, aber als Gegenstand des Unterrichts ist da eben nur die Malerei genannt), но все это явные натяжки. Изъ исторіи Алимпія—главный источникъ мнѣнія автора—можно, наоборотъ, вывести, что по крайней мѣрѣ до того времени въ монастырѣ иконописной школы не было, такъ какъ 1) для живописи въ Печерской церкви пришлось пригласить писцовъ изъ Царяграда, а во 2) «Алимпій преданъ бываетъ родителема своима на оученіе иконнаго писанія, *егда бо Гречестіи писцы из Царяграда... приведена быша*... писати церкви Печерскія» (Як. CLXXIV). Послѣ этого, особенно въ виду того, что греческіи писци остались потомъ въ Кіевѣ, конечно могло образоваться въ Печерскомъ монастырѣ нѣчто вродѣ школы, но данныхъ на это, кромѣ упоминанія еще о Григоріи Печерскомъ иконописцѣ, нѣтъ никакихъ. Или, напр., въ § 35, гдѣ нужно показать Charitative und sociale Wirksamkeit der Mönche, авторъ усиливается найти въ Печерскомъ монастырѣ «организованную больницу» не только для монаховъ, но и для постороннихъ, и хотя въ концѣ концовъ констатируетъ, что для такого предположенія источники haben... keine

bestimmten Nachrichten, все-таки прибавляетъ: Es bleibt uns also nur die Möglichkeit anzunehmen, daß dieses erwähnte Spital gemeinsam für Mönche und Laien bestimmt war (стр. 167). Но авторъ не указываетъ и мы не знаемъ и такого мѣста въ источникахъ, на основаніи котораго можно бы было говорить о существованіи послѣ Ѳеодосія «organisierte Krankenpflege» не только для постороннихъ, но и для самихъ монаховъ. Если же мы примемъ во вниманіе тотъ господствующій въ монастырѣ взглядъ на медицину (стр. 170), какой выразился въ исторіи лѣчьца Петра (Яковл. CI—CIII) и особенно лѣчьца Агапита (ibid. CXXXI—CXXXIV), то врядъ ли можно и предполагать какую-либо организацію врачебной помощи окружному населенію. При Ѳеодосіи была, повидимому, отведена для больныхъ особая комната, но уходъ былъ совершенно случайный, да и это держалось только силою личности, а не организаціи. Очевидно, сознавая и самъ слабость своихъ доводовъ, авторъ далѣе говоритъ: So wird uns doch andererseits viel berichtet über *Einzelfälle* von Heilungen, die im Kloster geschahen. Но всѣ эти случаи говорятъ не о томъ, что нужно автору: приходили съ больными въ монастырь, ища уже чуда. Та́къ, напр. говоритъ источникъ, на который ссылается авторъ: «Сему бо изнемогшу и въ. отчаяніи бывшу, принесенъ бысть въ Печерскій монастырь, да исцѣлѣетъ тѣхъ святыхъ молитвами или отъ тѣхъ роуку пріиметь ангельскій образъ» (Яковл. CLXXXI; см. еще CXXX, CXXXII, CLXXVI). Что же касается слѣдующаго у автора пункта, гдѣ онъ говоритъ о *Die äußeren mittel*, mit denen die Mönche heilen (стр. 168 и дал.), то вѣдь въ источникахъ ясно видно, что всѣ эти травы и мази—только придатокъ къ молитвѣ. Auch über *die organisierte Armenpflege*, продолжимъ словами автора, finden wir für die Zeit nach Theodosius keine Nachrichten mehr in unseren Quellen (стр. 174), указаніе же рядомъ на die Pflege der Privatwohltätigkeit (при чемъ въ примѣръ приведенъ случай пожертвованія монахомъ денегъ на украшеніе церкви)—уже другая сторона дѣла. Но еще виднѣе это въ отдѣлѣ о соціальной дѣятельности монастыря. Говоря, напр., въ общихъ, но громкихъ фразахъ о помощи со стороны монастыря низшимъ классамъ общества во время народныхъ бѣдствій, авторъ въ доказательство приводитъ только два болѣе чѣмъ сомнительныхъ случая изъ жизни св. Прохора (стр. 75—78). Въ разсказѣ о соли авторъ положительно усматриваетъ безвозмездную раздачу монастыремъ соли народу во время наставшей дороговизны этого продукта (стр. 176), но мы рѣшительно отвергаемъ такое пониманіе разсказа. Повидимому, гдѣ-то

около монастыря, въ горѣ, нашелся соляной слой, но настолько засоренный («яко пепелъ есть видѣти очима»), что на него не обращали вниманія. Во время же крайней дороговизны соли, Прохоръ, знавшій это мѣсто, обратилъ на него вниманіе и нашелъ нѣкоторую возможность пользоваться такой солью, о чемъ сообщилъ и другимъ. Понятно, бѣдный людъ сталъ брать у него эту соль. Между тѣмъ вѣсть о находкѣ быстро распространилась по городу, гдѣ особенно взбудоражила торговцевъ солью, такъ какъ послѣднія покупки соли имъ самимъ обходились дорого, и дошла до князя. Князь рѣшилъ тогда отобрать эту соль въ казну. Но нарытая и привезенная во дворъ князя соль оказалась настолько негодной, что князь велѣлъ ее просто бросить. Бѣдняки ее все-таки расхватали (Яковл. CLIV—VI). Такимъ образомъ, никакой благотворительности со стороны монастыря тутъ и не могло быть. Другой случай почти аналогичный. Прохоръ Лебедникъ подвига ради ѣлъ хлѣбъ изъ лебеды. Когда насталъ голодъ, а лебеды уродилось много, онъ раздавалъ эти хлѣбы неимущимъ и отъ глада изнемогающимъ. Пекли хлѣбъ изъ лебеды и другіе, но кому Прохоръ «даяше съ благословеніемъ, тои свѣтелъ и чистъ явльшися и сладокъ бываше хлѣбъ». Голодъ былъ и въ монастырѣ: одинъ изъ братіи воровалъ у Прохора хлѣбы, но украденные хлѣбы оказывались горькими какъ полынь. «Стыдяше же ся, отъ срама не могыи исповѣдати блаженному своего съгрѣшеніа; гладенъ же бывъ, не могій терпѣти ноужда естественныя, видя смерть предъ очима своима», покаялся игумену. Тотъ сначала не повѣрилъ и велѣлъ повторить опытъ — чудо повторилось. И такимъ образомъ Прохоръ «много прѣкрьми алъчныя» (CLII—IV). Спрашивается, гдѣ же тутъ соціальная дѣятельность монастыря, когда здѣсь ясно говорится, что монастырь и самъ голодалъ?

Здѣсь мы остановимся, чтобы указать еще на одну сторону пріемовъ изслѣдованія автора. Мы вполнѣ согласны съ нимъ, когда онъ, говоря вообще о значеніи Кіевопечерскаго монастыря, различаетъ въ дѣятельности монаховъ сторону индивидуальную, was jeder einzelne an Wert für das Volksleben repräsentiert, и общую, монастырь въ его цѣломъ, als Organisation (стр. 112); между тѣмъ на самомъ дѣлѣ, какъ мы только что видѣли изъ примѣра съ Прохоромъ и въ большинствѣ другихъ приведенныхъ выше примѣровъ общественной дѣятельности монастыря, авторъ смѣшиваетъ дѣятельность личности и организаціи, усвояя Кіевопечерскому монастырю то, что принадлежитъ, можетъ быть, собственно отдѣльной

[redacted] [redacted]

личности какъ по инициативѣ, такъ и по отсутствію факта усвоенія ея дѣятельности монастырской организаціей. Возьмемъ, напр., жизнь монастыря даже въ періодъ управленія Ѳеодосія: вѣдь почти всѣ приведенные авторомъ примѣры общественной дѣятельности монастыря (забота о немощныхъ—стр. 166, о бѣдныхъ—173—4, о заключенныхъ въ темницѣ—174, доброе отношеніе къ окружному свѣтскому духовенству—208) относятся къ личности Ѳеодосія, и историку культурной жизни Печерскаго монастыря необходимо здѣсь изслѣдовать, поскольку всѣ эти культурныя начинанія Ѳеодосія были усвоены въ обиходъ послѣдующей монастырской жизни. Автору, какъ мы видѣли, хотѣлось бы констатировать это усвоеніе, но его разысканія въ этомъ направленіи дальше предположеній не идутъ. Очевидно, если оно и было, то очень поверхностное. Что послѣ Ѳеодосія культурное состояніе монастыря понижается, объ этомъ говоритъ и самъ авторъ, но онъ почему-то не хочетъ точнѣе опредѣлить степень этого пониженія («manches Abweichen..., manches Zeichen inneren Verfalls»—стр. 58). А намъ кажется, что уже одно быстрое паденіе введеннаго Ѳеодосіемъ общежительнаго устава (см. примѣч. на стр. 124—5) предполагаетъ конецъ и тѣмъ начаткамъ широкой соціальной дѣятельности монастыря, какія мы видѣли въ дѣятельности Ѳеодосія.

Бо́льшая точность въ опредѣленіи этихъ сторонъ дѣятельности Кіевопечерскаго монастыря и должна была, намъ кажется, показать крайне слабое развитіе соціальной его дѣятельности сравнительно съ тѣми благопріятными условіями, въ которыхъ онъ находился и по своему богатству и по своему общественному положенію. Интересно было бы поставить вопросъ и о причинахъ этого явленія. Намъ кажется, что эта черта дѣятельности Кіевопечерскаго монастыря характерна и для всѣхъ другихъ русскихъ монастырей, а можетъ быть и еще шире—для склада всей общественной жизни Россіи, гдѣ до сихъ поръ мы наблюдаемъ бо́льшее, напр., тяготѣніе къ частной благотворительности, чѣмъ къ общественной, и гдѣ вообще такъ туго развиваются общественныя организаціи. Обращаясь къ монастырямъ, можно бы было просто указать на заимствованіе этой черты изъ Византіи, но такъ какъ каждый заимствуетъ въ общемъ сообразно складу своего характера, то и здѣсь, очевидно, сказалась наша близость къ Востоку съ его наклонностью больше къ созерцательной жизни, чѣмъ къ дѣятельной.

Поэтому, съ другой стороны, намъ кажется напрасно авторъ отодвинулъ на второй планъ «чисто церковно-монашескую куль-

туру» (стр. 110, 113, 140—1), такъ какъ вѣдь именно эта церковно-монашеская культура глубоко проникла въ частную и общественную жизнь древней Россіи. Съ этой стороны умѣстно было бы шире развить тѣ отдѣльныя замѣтки, въ которыхъ авторъ противополагаетъ печерское монашество тогдашнему свѣтскому духовенству (напр. на стр. 127, 161). Эту культуру и разносили монахи, особенно въ качествѣ «духовныхъ отцовъ», вліяніе которыхъ, намъ кажется, вѣрно очерчено авторомъ (стр. 162)

Наконецъ, намъ кажется, мало использовалъ авторъ въ своихъ цѣляхъ литературную дѣятельность монастыря и въ частности лѣтописную. О послѣдней мы читаемъ только: «... dann Nestor mit dem Ehrennamen der Chronist, traditionell angesehen als Vater der russischen Geschichtsschreibung» (стр. 152). Но въ работѣ автора было бы очень умѣстно сопоставить, что въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, центрѣ культурной жизни домонгольской Руси, зарождается *общерусская* лѣтопись. Намъ кажется, что связь здѣсь есть: лѣтопись есть прямой результатъ славной исторіи монастыря. Существованіе Печерской лѣтописи—фактъ, и анализъ ея лежалъ въ интересахъ автора. Вообще же въ литературныхъ памятникахъ, вышедшихъ изъ Печерскаго монастыря, намъ кажется, интересной должна бы быть для цѣлей автора ихъ легендарная сторона. Ея роль въ ростѣ вліянія Кіевопечерскаго монастыря несомнѣнна. Посредствомъ нея, именно, былъ начертанъ вокругъ Печерскаго монастыря тотъ нимбъ святости, который и завершилъ, а потомъ и поддерживалъ собою его авторитетъ. Поэтому нельзя не согласиться съ П. Н. Милюковымъ, что въ виду низкаго уровня народной массы домонгольскаго (и послѣмонгольскаго) періода «непосредственное дѣйствіе свѣтильниковъ русскаго благочестія, просіявшихъ въ Печерской обители, на окружавшій ихъ міръ было несравненно слабѣе, чѣмъ дѣйствіе благочестивой легенды объ ихъ подвигахъ на отдаленное потомство» (Очерки по ист. рус. культ., изд. 3, ч. II, Спб. 1902, стр. 15). Съ этой точки зрѣнія, намъ кажется, было бы интересно для автора, какъ историка культуры, вскрыть даже самый историческій процессъ опоэтизированія лицъ и событій, такъ какъ здѣсь создавалась одна изъ причинъ роста вліянія Печерскаго монастыря. А слѣд., напрасно авторъ совершенно устраняетъ изъ плана своей работы легендарныя заимствованія въ нашихъ источникахъ (стр. VIII), тѣмъ болѣе, что соотвѣтствующій анализъ уже имѣется въ работахъ Яковлева и особенно Д. И. Абрамовича, нужно было только углубить этотъ анализъ съ точки зрѣнія исторіи.

Въ приложеніяхъ обращаетъ на себя вниманіе списокъ игуменовъ Кіевопечерскаго монастыря (№ 1). Авторъ взялъ этотъ списокъ изъ Исторіи Погодина (1872 г.), а въ скобкахъ прибавилъ отступленія отъ приведенныхъ тамъ датъ изъ Кіевской Старины (1886 г.), но почему же онъ не ввелъ и позднѣйшихъ исправленій, хотя бы въ видѣ такихъ же примѣчаній, какія онъ дѣлаетъ въ спискѣ № II, тѣмъ болѣе, что съ нѣкоторыми датами этого списка онъ и самъ не согласенъ, напр. въ вопросѣ о времени перваго Кіевопечерскаго архимандрита, каковымъ, повидимому, онъ и самъ считаетъ Поликарпа, приблизительно около 1174 года (стр. 94), или въ вопросѣ о времени смерти Ѳеодосія III. Указаніе разницъ нужно бы было ввести и въ другіе данные авторомъ списки, такъ какъ къ этимъ спискамъ естественно будутъ обращаться для справокъ. Приложеніе подложной грамоты Андрея Боголюбскаго мы также считаемъ не лишнимъ, такъ какъ эта интересная грамота требуетъ еще надъ собой научной работы. Только текстъ ея въ книгѣ автора прокорректированъ недостаточно (сошлого вм. зошлого, црономъ вм. урономъ—стр. 225, есто вм. есмо—226, патнями вм. пашнями—227, срани вм. грани—228, гротевыми вм. грошевыми—231, касъ вм. какъ—232 и др.).

Впрочемъ и вообще русскій текстъ въ книгѣ г. Гётца прокорректированъ недостаточно, напр. ѕѱпє вм. ҂ѕфпє—61, 1111 вм. 1119—70, Любителей вм. Любители—108, Опытъ изслѣдствій вм. О. изслѣдованія—137 (и въ др. мѣстахъ послѣдовательно) и мног. др. болѣе мелкія; встрѣчаются кое-гдѣ описки въ цитаціяхъ, напр. книги Яковлева на стр. 64, 101, 115, 167, 170. Нѣкоторыя ошибки идутъ отъ самого автора, напр. онъ всюду послѣдовательно пишетъ имя Купша вм. Кукша, Акиндимъ вм. Акиндинъ. Встрѣчающіеся переводы русскихъ текстовъ въ общемъ вполнѣ удовлетворительны, впрочемъ неизбѣжныя трудности въ переводѣ съ древнерусскаго языка авторъ избѣжалъ тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ передавалъ текстъ, а также собственныя имена и прозвища прямо по русски. Это, конечно, затруднитъ нѣмецкихъ читателей, но такимъ образомъ авторъ несомнѣнно избѣгъ многихъ неточностей. Напр. прозвище «прозорливый», прилагаемое въ Патерикѣ къ Онисифору и Матѳею, онъ переводитъ «die Scharfsinnigen» 290): такой переводъ совершенно невѣренъ; можетъ быть болѣе подошло бы сюда (если переводить непремѣнно однимъ словомъ) выраженіе «die Hellsehende?» Но конечно подобные переводы всегда очень трудны.

Заканчивая свою рецензію, мы должны оговориться, что по-

мимо указанныхъ здѣсь мѣстами положительныхъ сторонъ работы автора мы могли бы указать еще и другія, но онѣ не попали въ нашъ планъ. Вообще эта работа г. Гетца принята хорошо и за границей и у насъ. Мы считаемъ особой заслугой автора, что онъ своей работой познакомилъ заграничныхъ историковъ съ этимъ важнымъ для исторіи нашей древней культуры вопросомъ. Но и для русскихъ ученыхъ, помимо выясненія нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ взятой авторомъ области, мы считаемъ полезнымъ какъ самую постановку вопроса, такъ и всю книгу въ ея цѣломъ, какъ хорошаго справочнаго руководства съ довольно полнымъ указаніемъ литературы предмета. Но мы считаемъ неудачнымъ планъ работы автора, это дѣленіе ея на двѣ самостоятельныя части, считаемъ неправильнымъ, вредно отозвавшимся на работѣ, уклоненіе автора отъ изслѣдованій въ части чисто исторической и вообще отъ анализа источниковъ, что повело къ тому, что авторъ въ этой работѣ не только въ частности (стр. VIII), но и вообще явился скорѣе описателемъ, чѣмъ историкомъ культуры, что, между тѣмъ, не соотвѣтствуетъ ни его собственнымъ, повидимому, стремленіямъ, ни тѣмъ болѣе нуждамъ науки. Правда, повторяемъ, такая задача была бы трудной, но она—въ интересахъ взятаго авторомъ вопроса. Поэтому мы считаемъ, что современные русскіе ученые, занявшись преимущественно детальной критической разработкой источниковъ по исторіи Печерскаго монастыря, встали на совершенно правильный путь, такъ какъ только этимъ путемъ можно будетъ получить наконецъ желательную научную монографію по исторіи Кіевопечерскаго монастыря.

С. Розановъ.

1908 г. 26 Іюня.
Вёзо, Эстл. губ.

Записки Императорскаго Географическаго общества по отдѣленію этнографіи. Томъ 32 Вятичи Орловской губерніи. Изслѣдованіе П. И. Якобія.
С.-Петербургъ. 1907.

«Призванный въ 1893 году организовать психіатрическое дѣло въ Орловской губерніи, я сдѣлалъ перепись душевно-больныхъ губерніи. Полученныя данныя, нанесенныя на карту, давали сплошныя этническія территоріальныя массы, хотя составныя части ихъ

административно принадлежатъ часто даже къ различнымъ уѣздамъ, не только волостямъ или приходамъ...» Наблюдая распространеніе кликушества по уѣздамъ Орловской губерніи, психіатръ д-ръ Якобій приходитъ къ слѣдующему выводу: «можетъ казаться, что губернія была заселена одною расою, въ которую вклинилась, разрѣзавъ ее на двѣ части, другая раса, населившая шесть центральныхъ уѣздовъ. Но уже діаграмма заставляетъ сомнѣваться въ вѣрности такого предположенія. Граница между расами на западѣ чрезвычайно рѣзка, такъ что расы, очевидно, не смѣшивались, не образовали нейтральной зоны, что указываетъ на рѣзкое, почти непримиримое ихъ различіе; на восточной ихъ границѣ онѣ постепенно переходятъ одна въ другую,—очевидно, здѣсь нѣтъ между расами столь рѣзкаго психическаго различія, и онѣ смѣшивались. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ предположенію, что въ Орловской губерніи мы имѣемъ, по меньшей мѣрѣ, три различныя расы: первая занимаетъ западныя части трехъ крайнихъ западныхъ уѣздовъ: Брянскаго, Трубчевскаго и Сѣвскаго; вторая, рѣзко различная отъ первой и не смѣшивающаяся, занимаетъ центральные уѣзды, постепенно переходя въ третью, занимающую три крайніе восточные: Малоархангельскій, Ливенскій и Елецкій». Далѣе, авторъ говоритъ слѣдующее: «Мы знаемъ, что группа центральныхъ уѣздовъ Орловской губ. (съ продолженіемъ въ Брянскомъ) съ прилежащими уѣздами Калужской и Тульской, составляла область Вятичей. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что она въ началѣ нашей исторіи стояла совершенно особнякомъ, имѣла рѣзко очерченную этническую и историческую индивидуальность. Въ XII вѣкѣ она еще сохраняла комунальный бракъ, и во всякомъ случаѣ примитивный гетэризмъ... Вятичи упорно отстаивали свою религію въ теченіе трехъ столѣтій... Точно также и въ національномъ отношеніи Вятичи рѣзко выдѣляются изъ комплекса русскихъ племенъ; ниже мы будемъ говорить объ упорствѣ, съ которымъ они отстаивали свою политическую независимость... Свою нравственную и религіозную индивидуальность современные Вятичи сохранили вполнѣ. Вотъ уже *два съ половиною столѣтія*, что въ Вятической области свило себѣ гнѣздо... хлыстовство, къ которому съ XVIII вѣка присоединилось еще скопчество... По моему изслѣдованію, хлыстовство, какъ религіозное вѣрованіе и какъ культъ, есть возвращеніе къ почти чистому шаманизму восточно-финской расы... Нѣтъ сомнѣнія, что все это составляетъ очень рѣзкія этническія черты, характеризующія своеобразную этническую индивидуальность».

кументахъ форму *Мъста*, восходитъ къ слову *müsta* (черный); но это значитъ не то, что и теперь финны живутъ по этой рѣкѣ, или что ихъ потомки, хотя бы обрусѣвшіе, сидятъ здѣсь, а то, что русское племя, придя очень рано (вѣроятно, не позже 9 вѣка) на берега Мсты, встрѣтило здѣсь финское населеніе, отъ котораго и переняло названіе. Автохтоны могутъ вымереть или выселиться до одного человѣка, а названіе мѣстности все хранитъ воспоминаніе о нихъ, являясь свидѣтельствомъ былого пребыванія ихъ. Такимъ образомъ, и г. Якобій, если бы его толкованія названій рѣкъ и деревень, которыя будутъ разсмотрѣны ниже, были правильны, доказалъ бы лишь одно: именно, что въ извѣстныхъ уѣздахъ Орловской губерніи когда-то жили вотяки, оставившіе слѣды своего пребыванія здѣсь въ географической номенклатурѣ. Но никакого логическаго перехода къ положенію, что позднѣйшіе вятичи были потомками этихъ вотяковъ, отсюда не было бы.

Когда въ Минской губерніи я старался въ своей магистерской диссертаціи «Изъ исторіи славянскихъ передвиженій» (1901) найти слѣды литовской географической номенклатуры, то я руководился убѣжденіемъ, что литовское племя жило нѣкогда южнѣе теперешняго; въ этомъ предположеніи нѣтъ, повидимому, ничего невозможнаго, какъ это обнаруживаютъ изслѣдованія объ ятвягахъ. Когда въ Калужской губерніи въ статьѣ «Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени» (Сборникъ статей по археологіи и этнографіи 1902) я видѣлъ остатки литовскаго племени *голяди*, то я опирался на извѣстное сказаніе лѣтописи о голяди и на сохранившееся въ народѣ преданіе о великанахъ *голядахъ*... Когда, вообще, въ Южной Россіи или въ другихъ мѣстахъ ищутъ слѣдовъ скиѳскаго-ли или какого-либо другого первоначальнаго населенія, то данныя географической номенклатуры стараются подтвердить доказательствомъ того, что извѣстное племя дѣйствительно обитало здѣсь или, съ большой вѣроятностью, могло обитать. Ничего подобнаго о *вотякахъ* въ Орловской губерніи г. Якобій сказать не можетъ: все, что мы знаемъ объ этомъ племени, указываетъ на его поселенія уже въ древнѣйшую пору далеко къ востоку отъ Орловской губерніи. Сохранившіеся многочисленные *иранизмы* въ сѣверо-восточныхъ финскихъ языкахъ, знаменитыя серебряныя вазы иранскаго происхожденія въ Пермской губерніи, отсутствіе въ вотяцкомъ и зырянскомъ языкахъ литванизмовъ, которые попадаются еще въ мордовскомъ языкѣ, и т. д.: все это единогласно свидѣтельствуетъ, что уже задолго до Р. Хр. вотяки и зыряне жили въ сторонѣ отъ другихъ финновъ,

на нижней Волгѣ, откуда ихъ позже отодвинули на сѣверъ тюркскіе пришельцы, — жили здѣсь, соприкасаясь съ иранскими сарматами, которыхъ позже погнали на югъ тѣ же тюрки. Ни одного доказательства въ пользу того, что *вотяки еще въ 10 вѣкѣ по Р. Х.* могли находиться въ Орловской губерніи, г. Якобій не приводитъ и, разумѣется, никогда не приведетъ, потому что все-таки предѣлы человѣческой фантазіи ограничены. Правда, на стр. 124 онъ говоритъ, что «въ общемъ, ученые согласны, что именемъ *Uti* у Страбона обозначаются Вотяки», но, во-первыхъ, не видно, какое отношеніе это имѣетъ къ автохтоности вотяковъ въ Орловской губерніи, а, во-вторыхъ, мнѣніе этихъ «ученыхъ», на которыхъ такъ глухо ссылается г. Якобій, нѣчто крайне спорное.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній я разсмотрю *всѣ* тѣ названія рѣкъ, урочищъ и населенныхъ мѣстностей, которыя приводятся г. Якобіемъ на стр. 9—38 его работы для доказательства восточно-финнскаго происхожденія *вятичей*. «Прежде всего насъ поражаетъ большое число рѣкъ съ окончаніемъ *ва* и *ма;* какъ извѣстно, это окончанія финскія, отличающія рѣки финскихъ странъ. *Ва* означаетъ воду, спеціально текущую, составляетъ суффиксъ, а предшествующее слово опредѣляетъ имя рѣки; у Русскихъ и Вотяковъ суффиксъ *ва часто замѣняется* (мой курсивъ) суффиксомъ *ма вслѣдствіе закона обращенія звуковъ в* и *м одинъ въ другой*». Какъ знаютъ слависты и финнологи, подобнаго закона не существуетъ. Это, во первыхъ, а во-вторыхъ, про что именно говоритъ г. Якобій, который, если не ошибаюсь, имѣетъ здѣсь въ виду одну изъ статей покойнаго Смирнова о финскихъ названіяхъ рѣкъ на—*va* и *ma*. Въ какомъ финскомъ языкѣ *ва* означаетъ воду, какъ говоритъ г. Якобій? Только въ зырянскомъ (морд. *ved*), гдѣ *ma* значитъ при этомъ вовсе не *вода*, а *медъ*. Слѣдовательно, имена географическія съ окончаніемъ—*ва* должны быть *зырянскими*? Такъ, кажется, было бы логичнѣе разсуждать, нежели говорить о несуществующемъ обращеніи суффикса *ва* въ *ма*, и о распространеніи его вообще «въ финскихъ странахъ». Однако разсмотримъ по порядку имена, приводимыя г. Якобіемъ.

1. Притокъ Десны, р. *Болва*, сравнивается имъ съ *Болмой* въ Вятской губерніи, съ притокомъ Оби, *Болскомъ*, съ р. *Болванкой* (*Болва* + *енка*?!) въ Вятской губ., съ рѣками *Тай-бола*, *Важ-болъ*; далѣе, съ р. *Болдыжомъ*, *д. Болда*, *Болдово*, *Булдырево* и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, родня этого названія очень широка: всѣ рѣки и

поселенiя, въ названiи которыхъ попадаются слоги *бол*, *бал*, *бул*, оказываются въ родствѣ съ *Болвой*. Впрочемъ, есть ограниченiе: необходимо, чтобы эти названiя встрѣчались въ восточной Россiи, которая, какъ слѣдовало бы логично разсуждать на основанiи сопоставленiй г. Якобiя, вся когда-то была заселена и названа *зырянами*. Эту теорiю *panзырянизма* можно бы распространить и на западную Россiю. Къ сожалѣнiю, г. Якобiй не приводитъ названiя одной рѣчки въ Люцинскомъ уѣздѣ Витебской губернiи. Эта рѣчка тоже называется (по латышски) *Bolwa* и слѣдовательно также должна объясняться изъ зырянскаго языка.

2. Притокъ Десны, р. *Вѣтьма*, получаетъ еще болѣе широкую родню. По принципу: «все можно сравнивать со всѣмъ» г. Якобiй приводитъ такiя родственныя названiя, какъ г. *Витичевъ*, р. *Вету*, притокъ Лены *Витимъ*, притокъ Волги *Ветлуга*, р. *Вѣдугу*, рѣку на *Камчаткѣ Вѣтлу*, рѣку въ Нижегород. губ. *Вать* и множество другихъ названiй. Уже самое обилiе этихъ послѣднихъ заставляетъ недоумѣвать: что же, собственно, хочетъ сказать нагроможденiемъ этихъ именъ авторъ? Что вся Россiйская имперiя (вплоть до Камчатки) имѣетъ одинаковую географическую номенклатуру, и что эта послѣдняя происходитъ изъ восточно-финскихъ нарѣчiй? Тогда причемъ здѣсь *вятичи Орловской губернiи*: вѣдь потомствомъ *вотяковъ и зырянъ* придется признать все населенiе не только Европейской Россiи, но и Сибири. *Вятичей* намъ придется искать съ г. Якобiемъ не только въ Орловской губернiи, но, пожалуй, и по всему свѣту.

3. Рѣчка Дмитровскаго уѣзда, *Калахва*, получаетъ весьма простое объясненiе. «Имя это, *совершенно очевидно*, составлено изъ слова *калахъ* и восточно-финскаго суффикса *ва*. Слово *Калахъ* (*калэ*) значитъ *крѣпость*, и все имя означаетъ *крѣпостная рѣка*». На какомъ языкѣ *Калахъ* означаетъ крѣпость, и что значитъ въ скобкахъ *Калэ*, объ этомъ г. Якобiй предоставляетъ намъ догадываться. Во всякомъ случаѣ, это не финское слово, а соединенiе не финскаго названiя съ финскимъ суффиксомъ представляетъ нѣчто столь необычное, что объясненiя г. Якобiя приходится отвергнуть. Отмѣчу еще одну особенность: рѣка образуется изъ двухъ ручьевъ, вытекающихъ около Нижняго и Верхняго Городцовъ, «старыхъ городищъ, бывшихъ нѣкогда крѣпостями, *очевидно хозарскими*». Почему это такъ очевидно, г. Якобiй не говоритъ. Но о *хозарахъ* у него масса свѣдѣнiй: любопытный читатель можетъ найти разсыпанныя въ книгѣ указанiя на господство въ Россiи хозаровъ, на ихъ клас-

совое дѣленіе и т. п. Впрочемъ, авторъ спускается иногда въ еще болѣе глубокую древность, доходя до Гомера и до хетитовъ, предшественниковъ семитовъ въ Месопотаміи. Слѣдуя примѣру Черткова, который полагалъ, что поэмы Гомера написаны на праславянскомъ языкѣ, г. Якобій отождествляетъ названіе города *Кромы* съ именемъ Паѳлагонскаго города *Кромны*; а въ названіи д. *Балтенки* Бѣлевскаго уѣзда видитъ *хетитское* названіе оружія, которое проникло въ Бѣлевскій уѣздъ «только черезъ хазаръ». Такимъ образомъ, трудъ д-ра Якобія раскрываетъ передъ нашими глазами чрезвычайно широкія историческія перспективы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, которое однако, слишкомъ растягивается, я буду приводить только названія, разсмотрѣнныя г. Якобіемъ, и указывать, почему не могу признать ихъ за вотяцкія, т. е. за подтвержденіе теоріи о вотяцкомъ происхожденіи орловскихъ «вятичей».

4. *Р. Кутьма.* Г. Якобій приводитъ множество именъ, сколько нибудь напоминающихъ приведенныя (напр., *Котово*, *Катаи*, *Кутана* и т. д.), но могъ бы привести и въ десять разъ больше. Однако, изъ нихъ лишь одно дѣйствительно сходно: р. *Кудьма* въ Нижегород. губ. Ни одного сходнаго вотяцкаго или зырянскаго мы не находимъ. Финское происхожденіе (едва ли не мордовское) этого названія представляется вѣроятнымъ.

5. *Крома*, р., городъ *Кромы* и т. д. Несомнѣнно, не финское названіе, какъ показываетъ начало слова *Кр.*—

6. *Куява*, деревня и притокъ Болвы. Г. Якобій производитъ отъ *куэ* (вотяц.) дубъ. Вѣрнѣе, это чисто славянское названіе. Въ польскомъ языкѣ оно означаетъ неурожайное глухое мѣсто, пустырь и т. п. Авторъ приводитъ вотяцкое *куэ* въ значеніи *дуба*. Это что-то сомнительно: въ словарѣ Мункачи приведены *ku* (haut, fell), *kuo* (wann denn), *kuj* (schaf mit einem fettschwanze), *kuj* (лапата), а *дубъ* по вотяцки *тыпы*, по зырянски такъ же или изъ русскаго *dub*. Между тѣмъ, г. Якобій не только приводитъ слово *куэ*, но и самъ строитъ отсюда *Куэ-ва*, что значитъ «Дубовая рѣка». Отсюда ужъ почему-то образуется *Куява*, съ которой онъ сравниваетъ и *Куя*, и *Коя*, и всякія другія названія изъ всякихъ восточныхъ мѣстъ.

7. *Лузма*, притокъ Болвы (ср. *Лузму-вырь*, починокъ Глазовскаго у.; *Лузанская*, д. Васильковской вол. и т. д.). Я предлагаю сравнить еще фольварокъ *Лузно*, Игуменскаго уѣзда, для доказательства вотяцкаго происхожденія малороссовъ.

8. *Мезенка* р., *Мезенка Малая* р., *Мезина* р. и д. Орловской г. и у. и т. д. сравнивается д-мъ Якобіемъ съ р. *Мезенью* Арханг. губ.,

Мезанью, р. Вятской губ. Это сравненіе, конечно, правильно съ внѣшней стороны, но не доказываетъ вотяцкаго происхожденія названія. Д. *Мезенцы* мы находимъ въ Заславльскомъ у. Волын. губ., *Мезюны* въ Россіен. у. и т. д. Повидимому, орловскія и волынское названія происходятъ отъ рус. *мѣзинный* (малый, ср. лит. *mažas)*.

9. *Надва*, р. въ Брянскомъ у., сравнивается съ величинами несравнимыми (напр. *Недма*, *Навда*, *Надка*, *Немеда* и т. д.). Въ этихъ сравненіяхъ я не пойду вслѣдъ за авторомъ, а укажу на болѣе близкую рѣку Смоленской губ. *Надву* и на названіе славянской деревни въ Венгріи *Nadwej* (венг. *Nadfö*). Какого бы ни было происхожденіе этого названія, оно не зырянское, не вотяцкое, не мордовское.

10. *Несса*, р. Дмитровскаго у., притокъ Нeруссы, сравнивается авторомъ съ р. *Несой* на Канинскомъ полуостровѣ, занятомъ самоѣдами, и далѣе съ р. *Незовкой*, *Низой*, *Назвой*, *Нязьвой*, причемъ г. Якобій не указываетъ, гдѣ совершились эти диковинные переходы звуковъ (*ес,-ез,-из,-аз,-язь-*), въ славянскихъ уже названіяхъ или еще въ оригиналѣ. Я предлагаю для сравненія р. въ Игуменскомъ у. *Несяту* и напоминаю, что рѣчныя названія на—*са* имѣютъ весьма широкое распространеніе въ бассейнахъ средней Европы (Вислы, Одра, Эльбы, отчасти Нѣмана и З. Двины). Сюда же относится и *Несса*, какъ и *Нерусса;* повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло, скорѣе, съ литовской номенклатурой (*Neris*-Вилія).

11. *Сѣвъ*, р. притокъ Неруссы (сравниваются *Сева*, притокъ Камы, *Севпра* р. Соликамскаго у., *Сибы*, *Сюрьва*, *Сизма*, *Сызырка*, *Сеснурка*, *Сизла* и т. д.: однимъ словомъ, все сколько-нибудь напоминающее). Ничего характернаго для финскихъ языковъ въ этомъ названіи нѣтъ; ср. напротивъ *Сѣволота*, р. въ Игуменскомъ у., *Сивка* р. въ Галиціи, *Сѣвелъа*, р. въ Слуцкомъ у. и т. под.

12. *Сорсывай*, оврагъ и уроч. При этомъ непонятная приписка: «Множество дерев. Курск. г. въ Глазовскомъ у. Вятской губ.» О какихъ курскихъ деревняхъ въ Вятской губ. говоритъ авторъ? Названіе *Сорсывай*, конечно, не русское. Дальнѣйшія сравненія совсѣмъ непонятны (напр., гдѣ лежитъ почин. *Сюрсовай* или въ какомъ фонетическомъ отношеніи къ этому названію стоятъ р. *Сюрзи*, *Сарсъ*, *Сюрсянъ*, *Сорзасъ*?). Повидимому, *Сорсывай* тюркскаго происхожденія. По зырянски, *sors* рукавъ, манжеты, а *voj* значитъ *неси*, *подай*; склеить изъ этого *сорсывай* мудрено, особенно для означенія оврага!

13. *Суземка*, р. Сѣвскаго у.; д. того же имени, *Суземецъ*, болото и урочище, въ Трубч. у. Сравнивается пестрый рядъ названій, издали

зимъ, *Сузуна*,
объясняется
кій, *приземи-*

токомъ Ир-
ъ д. *Тарбе-*
ы привести
о-финскаго

й г. Якобій
и *Торъялъ*
ь Ковель-
же загля-
обы убѣ-
ть ни въ
зянское.

ь экскур-
ѣетъ, по
иведетъ
ша угри
къ поръ
у напр.,
адьяръ
ятичей

формы,
, такъ
лаетъ
можно
вѣдь-
итъ),
ниша
льзя

имя,
удто
зва,
объ-

19. *Цонъ*, р. Орловскаго у. Повидимому, авторъ и не подозрѣваетъ, что объ этомъ имени существуетъ цѣлая литература (Надеждинъ, Филевичъ, Нидерле, Погодинъ и др.). Онъ сравниваетъ съ нимъ и *Зоп-Шудзи*, дер. Малмышскаго у., и д. *Зоново* Вятской губ. и т. д., но все это весьма малоубѣдительно именно въ виду широкаго распространенія названнаго имени въ западной Россіи, а также въ виду странныхъ звуковыхъ переходовъ допускаемыхъ г. Якобій. Онъ сравниваетъ *Цонъ* даже съ *фамиліей* Орловской семьи *Цыноватый*. Вотъ какъ безгранично научное воображеніе автора.

20. *Чашинка*, р. Жиздринскаго у., даетъ г. Якобію поводъ къ весьма широкимъ сопоставленіямъ, которыя такъ странны (напр., *Чазга*, д. Уржумскаго у.), что ихъ скучно и приводитъ. *Чашинка* просто *Чащинка*, отъ слова *чаща*.

Разсмотрѣвъ эти 20 географическихъ названій, г. Якобій прибавляетъ (стр. 20):

«Приведеннаго достаточно для первой оріентировки въ вопросѣ. Читатель могъ замѣтить, что значительное большинство Орловскихъ географическихъ именъ вотяцко-пермяцкаго происхожденія, или аналогичныхъ и даже идентичныхъ, встрѣчающихся въ большемъ или меньшемъ числѣ въ вотяцко-пермяцкомъ, и вообще въ восточно-финскомъ краѣ, относится въ мѣстахъ, лежащихъ по лѣвую сторону отъ Оки, и занимающихъ, повидимому, область, тянущуюся дальше къ западу нежели какая занята Вятичами или была занята ими».

Но 1) 20 названій не представляютъ «значительнаго большинства», а 2) ни одно изъ нихъ, какъ читатель самъ могъ убѣдиться, не можетъ быть признано вотяцко-пермяцкимъ.

Раздѣлавшись съ названіями *рѣкъ*, г. Якобій переходитъ къ городамъ, которые по тому же самому пріему оказываются восточно-финскими названіями. Прежде всего подвергается изслѣдованію г. *Мценскъ*, лежащій на р. *Мецнѣ* или *Мценѣ*. Старое названіе города *Мьченьскъ* извѣстно нашему автору, корень этого названія, сохранившійся въ имени рѣки *Мечь* (*Красивая Мечь*), ему понятенъ, а тѣмъ не менѣе онъ сравниваетъ этотъ корень, имѣвшій несомнѣнно форму *мьч-*, съ пермяцкими названіями деревень *Мечноръ*, *Мечьятъ*, *Мечъыбъ* и т. д. и съ финскимъ (западно-финскимъ!) *metsän* (лѣсной). «И такъ, всѣ эти *Мецна*, *Мцена*, *Мечна*, *Мечь*, *Миценъ*, все это болѣе или менѣе испорченное опредѣлительное слово *metsän*, лѣсной»: такъ съ поразительной смѣлостью заключаетъ г. Якобій. Разсмотримъ, однако, вопросъ болѣе детально. Въ угрофинскихъ языкахъ

слово *лѣсъ* имѣетъ слѣдующія формы: суоми *metsä*, кар. и олон. *mettä* (= мечэ), вепс. *mets*, морд. *vir*, вотяцк. *ньулэс* (въ транскрипціи Миссіонерскаго общества), зыр. *vör*, вогул. *ur*, *or* или *vani* и т. д. Такимъ образомъ, лишь отъ западно-фин. нарѣчій могло быть заимствовано названіе рѣки *Мечи*, но какъ это могло произойти, и въ какомъ отношеніи къ корню *mets-* стоитъ слав. *мьч-* (*Мьк-ь, Мечь), это тайна автора, которой онъ намъ не раскрылъ. Еще любопытнѣе названіе города *Одоева*, которое оказывается, прямо заимствовано у вотяковъ: эти послѣдніе сами себя называютъ *одо*. Такимъ образомъ, *Одоевъ*, «который по географическому положенію есть *Вятичскій городъ*, обозначаетъ *Вотяцкое поселеніе*», какъ, добавлю я отъ себя, и польская д. *Odoje* (нѣм. *Odojen*) въ прусской Польшѣ или д. Свенцянскаго у. *Odojowce*. Тѣмъ и хорошо сравненіе географическихъ именъ, что уноситъ насъ въ заоблачныя высоты, гдѣ можно дать полный просторъ воображенію. Еще лучше толкованіе названіе города *Вщижъ*, которое, послѣ долгихъ разсужденій, сводится къ двумъ словамъ: «*вöч* на пермяцкомъ языкѣ выражаетъ понятіе *зоркости* (*вöчіт* = зоркость, *вöчіта* = зорко), а также *постройки*, *сооруженія*, *устроенія* (*вö'чны* = строить, соорудить; *вöчöт* = постройка, сооруженіе, дѣло и т. д.)». Что же касается второй части слова, то это *ижъ*, «*камень* на Пермяцкомъ и Зырянскомъ языкахъ», такъ что, значитъ слово, *Вщижъ* произошло изъ *Вöчижъ* и означаетъ «застроенную гору, служащую дозорнымъ пунктомъ, чѣмъ *Вщижъ* и былъ въ дѣйствительности». Остается только добавить, что *vötš* значитъ по зырянски не *понятіе зоркости*, а предлогъ *до*, *прежде*, а *камень* по зырянски не *иж*, а *из* (точно такъ же по вотяцки и по пермяцки), такъ что при всѣхъ махинаціяхъ автору пришлось бы удовольствоваться формою *Вщизъ*, если бы даже допустить это совершенно немыслимое словообразованіе. Что камень по зырянски не *иж*, а *из*, знаетъ и г. Якобій, который ставитъ эту послѣднюю форму въ скобки, но онъ счелъ за лучшее сочинить слово *иж* для доказательства своей теоріи, ad majorem gloriam новѣйшаго «*пан-зырянизма*». Остаются еще два города, *Веневъ* и *Карачевъ*, которые оказываются также финскими названіями. Слѣдить здѣсь за филологическими соображеніями г. Якобія, который допускаетъ самые невѣроятные переходы звуковъ, я не стану, а укажу ему лишь на 1) д. *Веняву* въ Радомской губ. (уже въ 16 в. *Wieniawa*) на предмѣстье Люблина *Веняву*, на д. *Веневичи* Ошмянскаго у. и т. д. и на 2) *Карачево*, оз. Велижскаго у., *Карачевщину*, д. въ Слуцкомъ у., на старое названіе городка Могилевской губ. *Карачова*, на

урочище *Карачово* Игуменскаго у. и т. д. Мы переходимъ, наконецъ, къ гвоздю всѣхъ доказательствъ г. Якобія, къ тому, что и самая *Тула* восточно-финскаго происхожденія. Дѣйствительно, вѣдь на Кольскомъ полуостровѣ есть р. *Тулома*, притокъ Селенги называется *Тулой*, въ Олонецкой губ. есть рѣка *Тулокса* и т. д. Болѣе того, *ultima Thule* имѣетъ связь съ нашей Тулой, а Салманасаръ сжегъ городъ *Tul-Abni*. Чтобы кто-нибудь не подумалъ, что я пишу каррикатуру, приведу слова г. Якобія въ оригиналѣ:

«Такимъ образомъ мы видимъ широкое распространеніе географическихъ именъ корня *Tul* въ восточно-финскомъ краѣ. Анализируя имя Тула съ этой точки зрѣнія, мы прежде всего отмѣтимъ окончаніе *ла*, финскій суффиксъ, обозначающій жилище, обычное пребываніе, мѣсто жительства; такъ составлены всѣ имена мѣстъ въ Калевалѣ: *Kalevala* — мѣсто жительства, родина *Kaleva*; *Manala* — жилище *Manna*, *Tapiola* — жилище *Tapio*; *Tuonela* — жилище *Tuona*, и т. д. Самое имя божества *Jumala* въ сущности означаетъ *небо*, мѣсто пребыванія *Jum*, а небо сдѣлалось божествомъ съ тѣмъ-же собственнымъ именемъ, какъ *Tengri* у тюрковъ, какъ множественное Elohim сдѣлалось собственнымъ именемъ Бога монотеистовъ. Откинувъ *la*, мы имѣемъ для корня *Tul*, по-фински огонь. Такимъ образомъ мы подходимъ къ очень древнему слову *Tula* — мѣстопребыванія огня, очагъ, который вездѣ, на всѣхъ языкахъ и у всѣхъ народовъ, обозначаетъ домъ, жилище—семьи-ли, или цѣлаго города разсматриваемаго какъ кланъ (очагъ Весты въ Римѣ, очагъ древнихъ городовъ въ акрополяхъ); подать на Руси бралась «съ дыма». Такимъ образомъ объясняются имена не только населенныхъ мѣстъ, но и рѣкъ. Дѣйствительно, *Тулома* въ переводѣ есть *Домовая рѣка*, типичное образованіе имени для рѣки финской области, гдѣ аналогичныя имена составляютъ общее правило, а имѣются и идентичныя. Тула, какъ имя рѣки есть Тулома или Тулова, потерявшее специфическій суффиксъ, примѣры. чему мы уже видѣли, и которые во множествѣ приведены у Смирнова. Позволю себѣ высказать предположеніе, что загадочное *ultima Thule* означаетъ послѣднее (т. е. крайнее) жилище, обиталище человѣка, послѣдній очагъ, за которымъ уже нѣтъ болѣе обитаемыхъ мѣстъ».

И такъ, мы погружены въ глубокую древность: Ассирія, древній Египетъ, ultima Thule римскихъ географовъ и пр. окружаютъ нашу Тулу покровомъ мистики и до-индо-европейской культурной древности. *Тула* была когда то, вѣроятно, мѣстопребываніемъ какихъ то страшныхъ культовъ огня, друидовъ и пр. Тульскіе пряники

вытѣснили этихъ древнихъ боговъ, но не отовсюду: въ Лидскомъ у. есть ручей *Tulo*, въ Прусской Польшѣ мѣстечко *Tułodziad*, о которомъ говорится уже въ 1328 году, въ Витебскомъ у. есть д. *Тулово*, въ Ольштынскомъ (уже въ 1540 г.) *Тулавки*, въ Снятынскомъ *Тулава*, въ Ошмянскомъ *Туланка*, въ Велюнскомъ *Тулачъ*, въ Радзиминскомъ *Туль* и т. д. (ср. Słownik Geogr. XII, 610—620). По мнѣнію г. Якобія, названіе *Тула* не можетъ происходить отъ корня *тул*— (въ глаголѣ *тулить*). Почему?

«Слово это и его корень до того чужды русскому языку, что слово *втулка* и глаголъ *притулиться* стоятъ одиноко, и въ русскомъ языкѣ почти нѣтъ производныхъ».

Смѣлость утвержденія г. Якобія превышаетъ здѣсь всякія вѣроятія: если бы онъ заглянулъ хотя бы въ «Этимолог. Словарь» Миклошича, то онъ увидѣлъ бы не только во *всѣхъ* славянскихъ языкахъ глаголъ *тулить*, но во многихъ изъ нихъ и существительное *тулъ*. Какъ это, не зная ни одного славянскаго языка (да и русскимъ владѣя плохо, какъ это отмѣчено выше), авторъ можетъ заявлять такъ рѣшительно, что тотъ или другой корень чуждъ русскому языку и т. п.? Я думаю, уже сдѣланный разборъ показалъ читателямъ, что книга г. Якобія въ своей географической части представляетъ совершенно ненаучный трудъ. Не зная ни исторіи вопроса, ни финскихъ, ни славянскихъ языковъ, не имѣя никакой историко-филологической подготовки, авторъ не могъ написать что нибудь болѣе солидное, но зачѣмъ же было это печатать, да еще въ изданіи Географ. Общества. Предисловіе пастора Гурта представляетъ тонкую и осторожную иронію, и жаль, что эта иронія не была понята во время.

Стр. 38—137 книги заняты анализомъ географическихъ названій населенныхъ мѣстностей, которыя почему-либо обратили на себя вниманіе г. Якобія. Толкованія его ведутся въ томъ самомъ духѣ, какой отмѣченъ выше, и достаточно привести два-три извлеченія безъ комментаріевъ, чтобы показать цѣнность этихъ объясненій.

«*Перьково*, д. на р. Рыдаии Болхов. у., и 2 деревни Карачевск.; дер. Тульск. у.;—*Перя*, знаменитый чудскій силачъ, присланный въ Москву къ Іоанну Грозному; *Перикса*, р. Тамбовск. г.; *Перьчважъ*, д. *Пержа*, р. Мало-Шалайской в. Яранск. у.; *Парча*, р. В. Дворск. в. Орлов. (Вятск.) у.; *Перынь*, урочище Новгород. Обл.

Имя *Перя* у русскихъ смѣшивалось съ именемъ *Пермя*, и они даже производили второе отъ перваго,— будто имя рода *Перяки* для удобства выговора стало произноситься *Пермяки*. Какъ ни

странна такая этимологія, но, повидимому, въ ней кроется указаніе на извращеніе этническаго имени въ русскомъ говорѣ: *Перьково*, д. Болховскаго у., носитъ два имени: *Перьково* и *Пермяково*.

Пшевка 2 рѣчки и 2 дер. Новосильск. у. Тульск. г.—*Пшалымъ* р. Казанск. у., Студено-Ключевск. вол.; *Пшавы* (*Пшевы*) кавказское племя; Тмутараканское княжество было связано съ Сѣверскимъ, и въ Тмутараканѣ набиралась дружина.

Соминка, р. на границѣ Ливенск. и Новосильск. уу.; *Самановъ прудъ*, Трубчевск. у.—*Сум-ка*, рѣка Казанск. губ.; *Сома*, р. Федосѣевск. в. Слободск. у.; *Сомина*, р. Вытегр. у. Олонецк. г., *Самогуртъ*, д. Юсовск. в. Глазовск. у. тамъ-же и р. *Сова*; — *Совья*, р., село и волость Слободск. у.; *Сова*, р. притокъ Мезени».

А между тѣмъ въ матеріалѣ, собранномъ авторомъ, кое-что, дѣйствительно, интересно, и въ рукахъ болѣе подготовленнаго изслѣдователя онъ могъ бы дать любопытные выводы. Именно, мнѣ кажется, онъ показалъ бы широкое распространеніе въ средней Россіи топографической номенклатуры, характерной для литовскихъ. латышскихъ и западно-русскихъ областей. *Я думаю, что правильное толкованіе матеріала, подобраннаго въ книгѣ, открыло бы намъ картину далекаго разселенія литовскаго племени отъ Нѣмана на востокъ.* Однако, я не могу здѣсь подробно разсмотрѣть этотъ вопросъ, потому что онъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко отъ разсматриваемаго труда г. Якобія.

Переходя къ этнографической части изслѣдованія, мы находимъ здѣсь разсужденія de omnibus rebus et multis aliis. Авторъ не потрудился здѣсь познакомить насъ съ этнографической литературой о языкѣ и бытѣ современнаго населенія прежняго «Вятичскаго края»; если бы онъ показалъ, что въ говорахъ Орловской губерніи встрѣчаются финнизмы и т. д., онъ могъ бы подтвердить свою теорію о родствѣ вятичей съ вотяками. Этого онъ не сдѣлалъ, а вмѣсто того принялся изучать «психологію Вятичей» (лѣтописныхъ) по скуднымъ извѣстіямъ лѣтописи. Вятичи отстаивали свою вѣру, свою народность; тоже дѣлаютъ финскіе инородцы: вотъ одинъ изъ исходныхъ пунктовъ въ разсужденіи автора. Далѣе, раскрывается картина сходства между орловцами и вост. финнами; оказывается, напр., что хлыстовство пережитокъ древняго религіознаго міровоззрѣнія вотяковъ и вятичей. Г. Якобій напоминаетъ намъ о лѣтописныхъ «игрищахъ» и даетъ имъ такое толкованіе (151 стр.):

«Игрища совершались, какъ извѣстно, весной, sub auspiciis бога Ярилы; корень *яр*, и производимыя *яриться*, *ярый*, *ярочка* имѣетъ

очень опредѣленное значеніе страсти, какъ любовной (богъ *Ярило*), такъ и боевой (богъ *Яровитъ*). Первое значеніе сохранилось въ словѣ *ёрникъ* = развратникъ; замѣчательно, что по вотяцки *jarâs* (*яраш*) значитъ *сватать*, а въ Болховскомъ хотя слово *ёрникъ* означаетъ развратника, *еровать* значитъ играть въ какую-либо игру, забавляться, — весеннія *игрища* съ половымъ значеніемъ (*rut sacré*) въ честь Ярилы сохранили свое *имя*, но перенесенное уже на всякую игру, на всякую забаву».

Далѣе, онъ говоритъ объ одеждахъ крестьянокъ Орловской губерніи и прибавляетъ: «въ этомъ отношеніи праздничный видъ населенія мнѣ очень живо напомнилъ вотяцкіе, черемисскіе и мордовскіе праздничные костюмы». Въ этомъ родѣ и другія сопоставленія автора, которыя я не буду приводить: наука уже давно оставила убѣжденіе, что формы быта являются отличительной особенностью племени (припомните сравненіе скиѳскаго погребальнаго обряда съ патагонскимъ, данное Мищенкой), какъ антропологія стала очень осторожно говорить о *расахъ*. Г. Якобій всѣ эти вопросы рѣшаетъ строго, скоро и безаппеляціонно, распекая при случаѣ «стариковъ» (Шафарика на стр. 150, Веске и др.). И удивительно при этомъ, что, говоря о настоящихъ *вятичахъ* (т. е. русскомъ населеніи Вятской губ.), г. Якобій не коснулся вовсе вопроса о времени русской колонизаціи этого края (ср. напр. цѣнныя изслѣдованія Д. К. Зеленина, его статью «Къ вопросу о ходѣ древнѣйшей русской колонизаціи въ Вятскій край» 1906 и др.). Между тѣмъ поискать чего-нибудь общаго между этими вятичами и тѣми «вятичами» Орлов. губ., которымъ посвящено изслѣдованіе, было бы не лишнее.

А. Л. Погодинъ.

В. Миролюбовъ. Млади и стари. Критически очерки върху днешната българска литература. Тутраканъ. 1907.

Д-ръ Кръстевъ не новичекъ въ области критики. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ статей и очерковъ по вопросамъ литературы и творчества, въ которыхъ онъ разсматриваетъ произведенія иностранной и отечественной литературы съ эстетико-психологической, преимущественно, точки зрѣнія. Правъ или неправъ критикъ въ

своихъ сужденіяхъ и резолюціяхъ,—вопросъ иной, но то обстоятельство, что въ своихъ оцѣнкахъ явленій художественнаго творчества онъ исходитъ изъ опредѣленныхъ, строго намѣченныхъ и продуманныхъ принциповъ, заслуживаетъ безусловнаго вниманія. Этимъ и объясняется, между прочимъ, появленіе въ болгарской литературѣ цѣлаго ряда статей, посвященныхъ его новой книгѣ — Млади и стари, каковы, напр., ст. Вел. Иорданова въ «Българска сбирка» № 2, С. Радева въ «Художникъ», отзывъ Н. Атанасова въ обзорѣ болгарской литературы за 1906 г. въ «Българска сбирка» № 1 (1907) и др. Дѣйствительно, книга г. Кръстева читается съ большимъ интересомъ. Какъ безпристрастный наблюдатель, хотя отмѣчающій, преимущественно, отрицательныя явленія въ отечественной литературѣ, критикъ вводитъ читателя въ кругъ текущихъ вопросовъ болгарской литературы, онъ вскрываетъ предъ читателемъ психологію современнаго читателя и художника-писателя въ Болгаріи, онъ намѣчаетъ, наконецъ, ближайшія перспективы болгарской литературы въ тѣсной связи съ общимъ процессомъ развитія общественно-политической и культурной жизни Болгаріи. Правда, книга г. Кръстева не можетъ дать полнаго представленія о текущей болгарской литературѣ уже по одному тому, что авторъ отмѣчаетъ въ ней, какъ мы сказали, преимущественно отрицательныя явленія въ литературѣ, тѣмъ не менѣе книга даетъ много интересныхъ фактовъ, не только раскрывающихъ методъ критика и его отношеніе къ художественному творчеству, но и знакомящихъ читателя съ общимъ положеніемъ современной литературы въ Болгаріи.

Разсматриваемая книга г. Кръстева (В. Миролюбова) состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ очерковъ или главъ. Въ первой главѣ, выступающей въ книгѣ въ видѣ «вмѣсто предисловія», авторъ даетъ характеристику современнаго литературнаго движенія въ Болгаріи. Въ настоящій моментъ, говоритъ критикъ, въ текущей болгарской литературѣ исчезла ея былая внѣшняя безжизненность, но дѣйствительнаго внутренняго обновленія литературы, несмотря на замѣтный и значительный ростъ духовныхъ интересовъ какъ болгарскаго писателя, такъ и болгарской читающей публики, пока еще нѣтъ, и врядъ ли оно обѣщаетъ наступить въ скоромъ времени. Причину такого состоянія текущей литературы и общественнаго настроенія въ Болгаріи авторъ видитъ въ значительномъ вліяніи на литературу «улицы», заполонившей собою всю еще такъ недавно патріархальную жизнь и захватившей въ свою власть всѣ обще-

ственно-политическіе интересы страны. Критикъ не отрицаетъ присутствія въ современной болгарской литературѣ крупныхъ художественныхъ дарованій, во главѣ которыхъ онъ ставитъ Пенчо Славейкова, тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что физіономія переживаемой эпохи у народа, не обладающаго высокой интеллектуальной и эстетической культурой, опредѣляется не геніями и даже не первостепенными талантами, а просто неограниченнымъ количествомъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ писакъ, которые составляютъ собою духовную пищу своего времени. Безъ существенной погрѣшности въ своемъ предположеніи, авторъ готовъ допустить, что пройдетъ немного времени, и въ Болгаріи бездарная литература, т. е. произведенія и авторы, чуждые какой бы то ни было художественности, не только своей численностью, но и своимъ вліяніемъ на читателей, подавятъ собою творчество истиннаго таланта. Въ современной болгарской литературѣ критикъ отмѣчаетъ зарожденіе такой именно беллетристики и не менѣе невѣжественной критики, вѣнчающей талантомъ бездарности и забрасывающей грязью дѣйствительные таланты, и въ этомъ явленіи онъ видитъ симптомъ художественнаго упадка, угрожающаго въ ближайшемъ будущемъ болгарской литературѣ. Причины торжества такой своеобразной «демократизаціи» въ литературѣ критикъ усматриваетъ въ отсутствіи читающей публики, способной понимать и отзываться на художественныя произведенія. На примѣрахъ литературной судьбы такихъ писателей, какъ А. Константиновъ, Ив. Вазовъ, Ст. Заимовъ, В. Левскій, П. Яворовъ, П. Славейковъ, К. Христовъ, Ботевъ, авторъ утверждаетъ, что извѣстность писателя въ Болгаріи въ настоящій моментъ въ большинствѣ случаевъ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ его художественной цѣнности. Достаточно истинному, художественному дарованію снизойти до публицистики или посредственности въ свою очередь подняться до той же публицистики, и публика узнаетъ о его существованіи. Отсюда вполнѣ понятно, что современные истинные художники, вродѣ Пенчо Славейкова, остаются одинокими, непонятыми, мало доступными для широкихъ массъ современной читающей публики, и для болгарской литературы, по мнѣнію критика, понадобится еще много времени, пока Каравелово-Вазовскій полувѣковой періодъ новѣйшей болгарской литературы будетъ сданъ въ архивъ, и наступитъ эпоха Славейкова съ молодыми талантами, воспитанными на его методахъ, его мотивахъ творчества и его настроеніи.

Разсматривая дѣятельность современныхъ болгарскихъ писате-

лей, г. Кръстевъ прежде всего останавливается на Вазовѣ, которому посвящаетъ два критическихъ очерка, отмѣчаетъ его огромныя заслуги въ болгарской литературѣ, какъ перваго профессіональнаго писателя и создателя въ миніатюрѣ цѣлой литературы, овладѣвшаго постепенно всѣми важнѣйшими видами художественнаго творчества и тѣмъ самымъ придавшаго молодой болгарской литературѣ извѣстную внѣшнюю полноту и законченность. Но между исторической заслугой и дѣйствительнымъ художественнымъ дарованіемъ критикъ проводитъ рѣзкую грань, и разсматривая съ этой точки зрѣнія творчество Вазова, критикъ даже въ его знаменитомъ романѣ «Подъ игото» критикъ усматриваетъ примитивность концепсіи и психологическаго анализа. Наибольшимъ художникомъ Вазовъ оказался въ области лирики, что же касается драмы и беллетристики, то здѣсь Вазовъ создалъ такія слабыя вещи, которыя не только ничего не прибавляютъ къ его литературной репутаціи, напротивъ, выходя изъ подъ пера Вазова, оказались весьма неудачными образцами для молодыхъ писателей, воспитавшихся на литературѣ Вазова.

Другой изъ современныхъ болгарскихъ писателей, Стоянъ Михайловскій, занимавшій въ началѣ 1905 г. центральное мѣсто въ общественно-литературныхъ интересахъ Болгаріи, обязанъ своей широкой литературной извѣстностью не столько своей чисто писательской дѣятельности, сколько своей дѣятельности, какъ выразителя всенароднаго протеста противъ господствующаго режима. Будучи въ своей литературной дѣятельности, вообще, тѣсно связаннымъ, говоритъ авторъ, съ животрепещущими мотивами даннаго момента, онъ въ послѣднее время всецѣло отдалъ себя на служеніе этимъ именно мотивамъ. Книга Михайловскаго «Отъ развала къмъ провала», встрѣченная съ восторгомъ въ прессѣ, можетъ быть, однако, прекраснымъ показателемъ, въ какомъ печальномъ положеніи въ настоящій моментъ находится изящная болгарская литература и какъ мало современное общество воспріимчиво къ чисто художественнымъ интересамъ. Лишенное какихъ бы то ни было выдающихся художественныхъ достоинствъ и не представляя собою вовсе вклада въ литературу, это произведеніе, тѣмъ не менѣе, вызвало къ себѣ широкій интересъ потому только, что оно представляетъ собою чистѣйшую публицистику. Характерную черту Михайловскаго, какъ писателя, критикъ видитъ въ томъ, что въ теченіе 25 лѣтъ онъ ближайшимъ образомъ стоялъ къ жизни, своеобразно отзываясь на всѣ ея общественно-политические интересы,

вслѣдствіе чего и въ своей литературной дѣятельности Михайловскій не только писатель, но человѣкъ съ цѣльной и богатой индивидуальностью.

Съ особенной симпатіей критикъ относится къ творчеству П. Ю. Тодорова. Характеръ творчества этого писателя опредѣляется его связью съ народной поэзіей. Съ этой точки зрѣнія критикъ и разсматриваетъ такія его произведенія, какъ — Мечкаръ, Страхилъ Страшенъ Хайдутинъ, Зидари, а въ процессѣ развитія творчества этого художника онъ видитъ процессъ развитія мотивовъ индивидуализма, борьбы личности противъ соціальнаго гнета, нашедшей полное свое выраженіе въ его драмѣ Самодива, глубоко проникнутой образами и настроеніемъ національной болгарской жизни, насколько эта послѣдняя нашла свое выраженіе въ народной пѣснѣ. Если, говоритъ критикъ, въ своемъ предыдущемъ произведеніи — «Зидари» авторъ находился только еще у порога народной жизни, смутно предугадывая ея мелодіи, которыя, однако еще не стали, мелодіями его души, въ своемъ произведеніи Самодива онъ уже постигаетъ душу народа и открываетъ въ ней тайны человѣческаго сердца. Это произведеніе Тодорова критикъ называетъ пѣснью юности и воли, пѣснью свободы и красоты духа, но отмѣчаетъ въ ней нѣкоторое несоотвѣтствіе между идеей и ея выраженіемъ, между поэтичностью замысла и прозаичностью исполненія. Воспользовавшись народнымъ сказаніемъ о красотѣ и привольѣ жизни и духовъ (самодивы), авторъ создалъ свою драму, которую одухотворилъ чувствами и идеями личности, свободной отъ мертвящихъ оковъ традиціи. Этотъ же мотивъ индивидуализма въ — Слънчова женидба достигаетъ у поэта высшаго своего развитія и выходитъ уже далеко за узкія рамки болгарской жизни. Критикъ называетъ это произведеніе великолѣпнымъ по своему замыслу, высоко-поэтичнымъ по своему стилю и музыкальности языка, въ которомъ нераздѣльно слиты два образа: образъ Солнца, создателя жизни и красоты въ природѣ, и образъ генія-творца, который въ своихъ художественныхъ созданіяхъ воплощаетъ грезы своей души. Такимъ образомъ, впервые намѣченное у П. П. Славейкова въ его «Коледари», (1892) это національное и народное направленіе съ современной болгарской литературѣ въ творчествѣ Тодорова достигло высокой степени своего развитія, при чемъ то, что у Славейкова было только намѣчено, у Тодорова уже выступаетъ какъ основная тенденція; на этомъ центральномъ фокусѣ художникъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе. Въ дальнѣйшемъ развитіи въ болгарской литературѣ

этого именно народническаго мотива, критикъ видитъ конецъ подражательнаго періода въ болгарской литературѣ и расцвѣтъ новой эпохи, эпохи самобытности, которою молодая болгарская литература скажетъ свое слово въ общеславянской и міровой литературахъ.

Характерною особеностью и вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ недостаткомъ творчества писателя, извѣстнаго подъ именемъ Елинъ-Пелинъ, служитъ ничтожность темъ его разсказовъ, а также неумѣнье автора развить свой разсказъ до естественнаго конца, злоупотребленіе эффектами, въ чемъ критикъ усматриваетъ, между прочимъ, вліяніе Вазова. Къ числу положительныхъ достоинствъ этого писателя относятся безыскусственность, простота, поэтичность, теплота, непосредственность творчества и серьезное отношеніе къ работѣ. Елинъ-Пелинъ, говоритъ авторъ, принадлежитъ къ категоріи тѣхъ писателей, для пониманія которыхъ публика не нуждается въ помощи критики и даже недовольна ею, такъ какъ критика только затѣмняетъ собою то, что ясно само по себѣ и безъ критики... Касаясь литературной дѣятельности г. Стаматова, критикъ останавливается на его разсказѣ Вѣстовой Димо и отмѣчаетъ въ этомъ разсказѣ своеобразную типичность дѣйствующихъ лицъ, психологическую мотивировку ихъ дѣйствій и поступковъ, непосредственное изображеніе жизни, чего однако Стаматовъ не выдерживаетъ въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ, каковы: Малковъ и Славинъ, Вѣнски, Въ миши дупки и пр., въ которыхъ вмѣсто живыхъ людей фигурируютъ маріонетки съ заранѣе намѣченными ярлыками своихъ пороковъ и добродѣтелей, вмѣсто дѣйствія—различныя положенія, вмѣсто изображенія жизни — разсужденія по поводу жизни. Наиболѣе существеннымъ элементомъ въ творчествѣ Стаматова критикъ считаетъ его сатирическій элементъ. Однако отсутствіе осмысленной композиціи, своеобразнаго стиля, оригинальнаго языка — все это составляетъ его существенный недостатокъ, какъ художника. Критикъ готовъ видѣть въ Стаматовѣ дурного ученика Любена Каравелова, оставившаго безъ вниманія послѣдующіе успѣхи болгарскаго слова, какъ они выступили у ближайшаго преемника Каравелова—Ив. Вазова. Не обладая ни силою таланта, ни глубиною личности, ни своеобразнымъ темпераментомъ, Стаматовъ, тѣмъ не менѣе, въ своихъ разсказахъ сумѣлъ отмѣтить множество частныхъ и общественныхъ пороковъ болгарской жизни. Бюрократическая Болгарія нашла въ Стаматовѣ своего бытописателя; въ этомъ нельзя не видѣть извѣстной заслуги художника при всей даже ограниченности его художественнаго дарованія.

Критическій очеркъ «Една драма» посвященъ разбору драмы К. Христова — «Сътпотвореніе». Критикъ даетъ подробный анализъ содержанія этого произведенія и приходитъ къ заключенію, что эта драма или драматическая поэма представляетъ собою произведеніе, какимъ можетъ быть драма, написанная человѣкомъ, не обладающимъ ни драматическимъ талантомъ ни пониманіемъ человѣческой души...

Послѣдній очеркъ, озаглавленный-Литература и литературные анекдоты, авторъ написалъ по поводу разсказовъ Ив. Вазова — «Утро въ Банкя».

Критикъ очень суровъ къ послѣднимъ произведеніямъ маститаго болгарскаго художника. Весь этотъ сборникъ разсказовъ, говоритъ онъ, не имѣетъ ничего общаго ни съ изящной литературой, ни съ «жанромъ» разсказа; разсказы, вошедшіе въ сборникъ, — это анекдоты, лишенные какого бы то ни было литературнаго значенія и художественной цѣнности. Фантастичность, искусственность и наивность фабулы, искусственность дѣйствующихъ лицъ — составляютъ ихъ отличительную черту, чѣмъ вообще, по мнѣнію критика, страдаютъ всѣ послѣднія беллетристическія произведенія Вазова.

Какъ видитъ читатель, отзывъ болгарскаго критика о своей родной литературѣ не страдаетъ обычнымъ и понятнымъ въ этихъ случаяхъ пристрастіемъ. Напротивъ, съ нашей точки зрѣнія,—онъ слишкомъ безпристрастенъ, онъ слишкомъ требователенъ къ молодой литературѣ, которая только еще намѣчаетъ свои формы, вырабатываетъ свой стиль, создаетъ свой литературный языкъ. Объ основныхъ принципахъ критики г. Кръстева можно говорить много, съ нимъ можно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно не соглашаться, тѣмъ не менѣе — строгая требовательность критика къ молодой литературѣ встрѣчаетъ наше полное сочувствіе. Надо уберечь свое родное слово, этотъ высшій даръ природы, призванный служить неизмѣннымъ идеаломъ добра, красоты и гуманности, отъ упадка, отъ низведенія его на степень орудія для потворства мѣщанской пошлости и художественной безвкусицы, надо внушить художнику идею его высокаго призванія, заставляющую его жертвовать своими временными интересами во имя вѣчныхъ, всенародныхъ интересовъ своей родной литературы и своего народнаго просвѣщенія. Съ этой точки зрѣнія и требовательность критика къ произведеніямъ искусства и художественнаго творчества должна имѣть свое оправданіе.

Н. С. Державинъ.

По поводу рецензіи на невыпущенную въ свѣтъ книгу.

Въ 3-ей книжкѣ XIII-го «Извѣстій» Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ помѣщена рецензія казначея Общества Исторіи и Древностей г. Бѣлокурова на мою книгу: «Таинство елеосвященія». Такой книги въ свѣтѣ не выпускалось.—Дѣйствительно, моя студенческая работа была посвящена таинству елеосвященія, и, когда я послалъ ее въ 1905 г. для помѣщенія въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», то извѣстный литургистъ профессоръ А. А. Дмитріевскій, съ которымъ я до того времени не былъ даже лично знакомъ, — предложилъ мнѣ представить ее въ качествѣ магистерской диссертаціи. Желая напечатать эту работу вмѣстѣ съ приложеніями, которыми неудобно было заполнять страницы названнаго журнала, я предложилъ Обществу Исторіи и Древностей россійскихъ (дѣйствительнымъ членомъ коего я состою), помѣстить ее въ «Чтеніяхъ». — Общество за отзывомъ о моей работѣ обратилось къ тому же профессору, и онъ нашелъ ее «интересною и полезною въ научномъ отношеніи, а напечатаніемъ ея въ «Чтеніяхъ» Общество», по его мнѣнію, «окажетъ громадную услугу наукѣ и получитъ земной поклонъ отъ литургистовъ» («Чтенія». 1907 г. Книга 1-я—220-я. Протоколы. Стр. 25. Протоколъ за 3 мая 1906-го года). Когда послѣ того въ 1906 году началось печатаніе въ «Чтеніяхъ» приложеній, то г. Бѣлокуровъ потребовалъ раскрыть всѣ титла и напечатать ихъ съ тѣмъ правописаніемъ, «что у Голубцова въ «Чиновникахъ» (какъ писалъ г. Бѣлокуровъ въ одномъ изъ хранящихся у меня его писемъ). Когда же, согласно этому требованію, титла во всей моей рукописи были раскрыты, и напечатанные въ такомъ видѣ четыре листа увидѣлъ профессоръ А. А. Дмитріевскій, то онъ не согласился съ такого рода изданіемъ. Къ этому времени (лѣту 1907 года) мои личныя отношенія къ г. Бѣлокурову настолько испортились, что я принужденъ былъ потребовать отъ Общества рукопись мою обратно, хотя нѣкоторой части ея не дополучилъ и до сихъ поръ.—Профессоръ же А. А. Дмит-

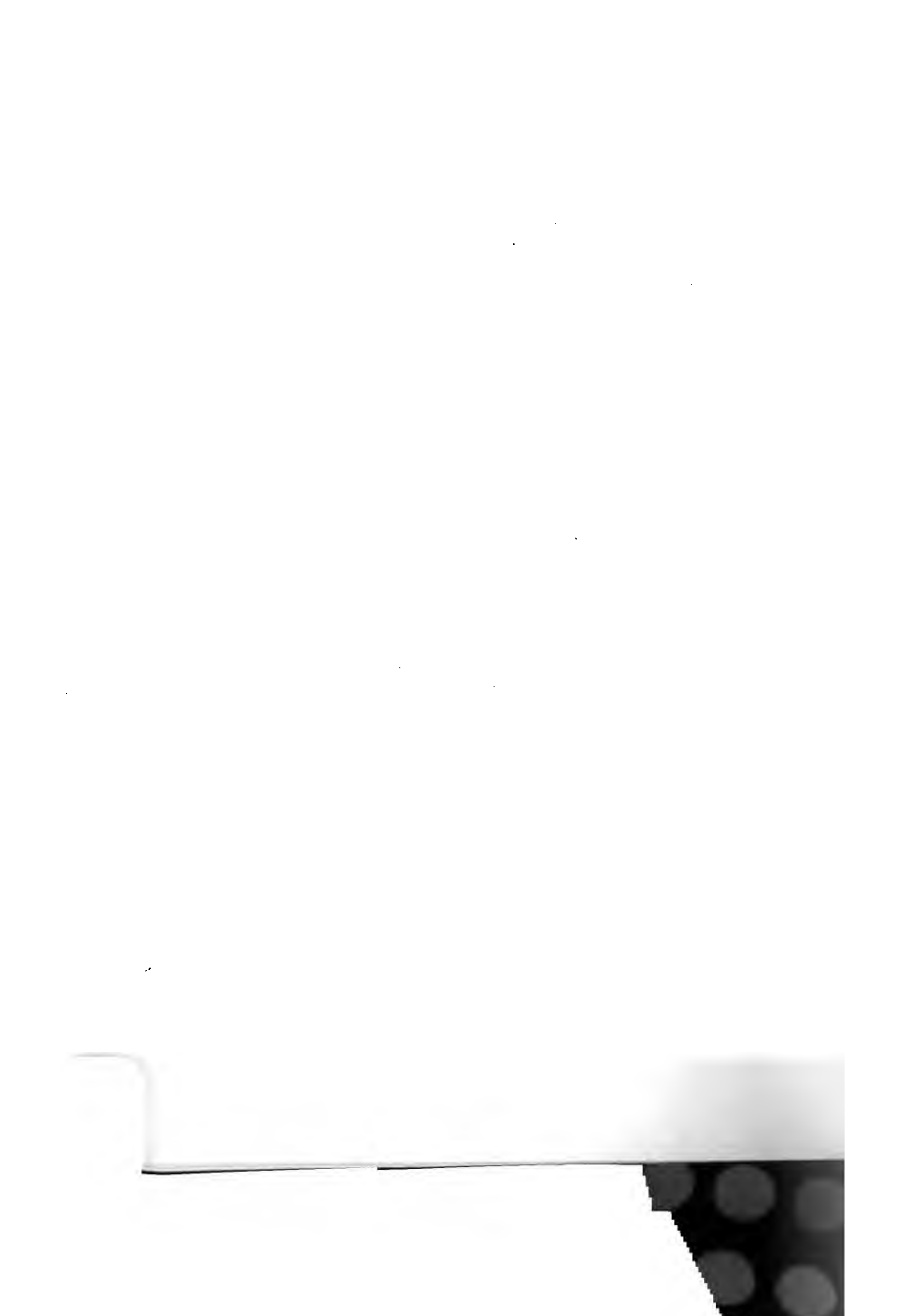
ріевскій, намѣ
деміи и желая
торопилъ мен
этимъ, а съ д
куровъ при п
рѣшиться нап
А. А. Дмитріе
Духовной Ака
я убѣдился, ч
видѣ,—кромѣ
снимокъ съ к
рецензіи г. Б
смотровъ, нап
дило меня нем
заявленіе о то
книги, въ вид
крайней мѣрѣ
нѣйше просил
ни для других
земпляра ея м
сокращеніи) н
(1908 г. № 4,
г. Бѣлокуровъ
выпускать (!)
«ненаучныхъ

Итакъ, кн
пляра я въ св
танною въ кр
убѣжденію, ч
блюденіемъ к

Откуда г.
никогда не бы
ставляется не

Но если
въ свѣтъ сочи
турные листы
рукописи?

Какъ назв
робности дѣл
таціи, рецензі



СПИСОКЪ ИЗДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

(вышедшихъ по 1-ое января 1909 года).

I. **Извѣстія** по Отд. рус. яз. и словесности (*перваго ряда*, въ 4 д. л. 1854—1861 г.). Томы 5—9, по 3 р. за томъ.

II. **Извѣстія** Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (*втораго ряда*, въ 8 д. л.): **тома I-го, изд. 1896 г.**: книжка: 2-ая (стр. II + 234), цѣна *одинъ рубль*;— **тоже тома II-го, изд. 1897 г.**: книжкѣ 1-ой (стр. 1—279) цѣна *одинъ рубль*, кн. 2-ой (стр. 281—575) — цѣна *1 руб. 50 коп.*, **Томовъ I, II, III, IV, V и VI-го нѣтъ болѣе въ продажѣ; тома VII-го** (1902),—**тома VIII-го** (1903),—**тома IX-го** (1904), **тома X-го** (1905), **тома XI** (1906),—**тома XII** (1907) **и тома XIII** (1908)—по 4 книжки въ каждомъ году или что тоже томѣ цѣна *по 1 руб. 50 коп.* за книжку или 6 руб. за годъ.

III. **Ученыя Записки** II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ (1856—1863 г.), кн. 2, 5, 6 и 7 — по 2 р. за книгу.

IV. **Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности** (съ 1867 г.). 8° *).

*Томъ I. [**Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Томъ I (I—XL и 3 указателя)** И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта**, Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи** П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій**, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина**, Я. К. Грота. — **О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ**, его же] [*Нѣтъ болѣе въ продажѣ*].

Томъ II. **Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова**, соч. П. П. Пекарскаго.—**Литовскія народныя пѣсни**, И. Юшкевича.—**Коренное значеніе родства у Славянъ**, П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ**, П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ**, И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена**, А. А. Куника. — Къ этому

---

*) Томовъ I, IV, V вып. 1, VI, IX, XLVII, XLVIII, XLIX, L, LV, LIX и LX— *нѣтъ болѣе въ продажѣ*.

этому приложены портреты: моск. митроп. Филарета и П. И. Рычкова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ V [вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія.** И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Саввантова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ,** Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія,** А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между Преосв. и Ермолаевымъ и съ друг. приложеніями. — *Нѣтъ въ продажѣ*].

Тоже, вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ,** съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки», записка И. И. Срезневскаго.—**Записка о томъ же,** А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія,** П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля,** записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** замѣтка Ф. И. Рупрехта.—**Дополненія и замѣтки къ словарю Даля,** Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю,** Н. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи,** Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»,** статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в.,** архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи** В. Макушева.—**Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова,** сост. А. В. Никитенко.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ,** С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,** И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона,** В. Макушева.—Цѣна 1 р. 50 к.

*Томъ IX. **Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ.** Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. — (*Не имѣется*).

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи,** Я. К. Грота.—**Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ,** Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара,** П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки,** М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ,** Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненія къ словарю Даля,** П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ,** Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію,** Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774),** М. Н. Лонгинова.—**Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго,** сост. Я. Ф. Головацкимъ.—**Дополненія и замѣтки** І. Ф. Наумова **къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго.— Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ XLI—LXV, И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ,** И. И. Носовича. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Перев. съ нѣм. съ примѣч. и прилож. В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXVI—LXXX и Указатели ко II т. И. И. Срезневскаго. — **Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма,** И. И. Срезневскаго. — **Отрывки греческаго текста. каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II,** А. С. Павлова. — **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта,** Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Вып. III. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—**Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи),** С. И. Пономарева. — **Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія,** М. А. Колосова.—Ц. 2 р.

Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — **Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета,** Я. К. Грота.—**Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ,** С. И. Пономарева. — **Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I,** Я. К. Грота. — **Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I,** М. И. Сухомлинова.—**На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи,** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ комиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки,** Я. К. Грота. — **Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка,** Я. К. Грота. — **Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго,** С. И. Пономарева. — Цѣна 2 р.

Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—**Чешскія Глоссы въ Mater verborum.** Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 р.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ,** Я. К. Грота. — **Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, по рукописямъ XV вѣка,** академика А. Н. Веселовскаго. — **О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа,** А. Н. Веселовскаго. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXXXI—XC.,** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ,** составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — **Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.** Я. К. Грота. — **Князь Вяземскій.** М. И. Сухомлинова. — **Памяти кн. Вяземскаго.** С. И. Пономарева. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха: I,** академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенка. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — **Русско-нищенскій словарь** Минской губерніи мѣстечка Семежова. — **Старообрядческій синодикъ,** А. Н. Пыпина. — **Разысканія въ области русск. духовнаго стиха: II,** акад. А. Н. Веселовскаго. — **Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ.** И. А. Чистовича. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Ст. II, Я. К. Грота. — **Фріульскіе Славяне.** И. И. Срезневскаго. — **Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю.** И. И. Носовича. — **Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г.,** составленный М. И. Сухомлиновымъ.—**Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова.** И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— **Южно-русскія былины: I—II,** ак. А. Н. Веселовскаго. — **Croissans-cresces и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ,** ак. А. Н. Веселовскаго. — **О Ксанфинѣ, греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи.** Г. С. Дестуниса. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. XCI.** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г.,** съ некрологомъ И. И. Срез-

невскаго, составленнымъ А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII — XXVII. **Русскія народныя картинки.** Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и буквари.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн. V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ вмѣстѣ 10 руб., порознь эти тома не продаются.

Томъ XXVIII. **Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненіе Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416.** Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — **Разысканія въ области р. духовнаго стиха. III—V.** А. Н. Веселовскаго. — **Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка,** открытое Е. В. Барсовымъ. — Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. **Эрикъ Лаксманъ.** Я. К. Грота. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.** Я. К. Грота. — **Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы.** П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. **Памятники Болгарскаго народнаго творчества.** Выпускъ I-й. Собралъ Владимиръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. **Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ.** Г. Воскресенскаго. — **Письма Погодина къ Максимовичу.** С. И. Пономарева. — **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина,** составленн. Я. К. Гротомъ. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ,** составленный А. Н. Веселовскимъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. **Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго.** Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ. — **Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года.** Записка В. А. Жуковскаго. — **Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота.** Составленъ С. И. Пономаревымъ. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI.** А. Н. Веселовскаго. — **Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу.** Сообщилъ И. Шляпкинъ. — **А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣтки по литературѣ и народной словесности.** А. Н. Веселовскаго. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883).** Собралъ С. И. Пономаревъ. — Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. **Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ.** Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской премін въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей.** И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884).** Сообщилъ П. Тихановъ. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Статья третья. Я. К. Грота. — **Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ.** Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ XXXIV. **Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода.** Г. Дестуниса. — **Описаніе славяно-русскихъ книгъ, печатанныхъ кириловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 г.** — Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XXXV. **Литовскія свадебныя народныя пѣсни,** записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. — Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ XXXVI. **«Русское правописаніе». Руководство,** составленное по порученію Второго Отдѣленія Императ. Акад. Наукъ акад. Я. К. Гротомъ. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г.** Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — **Южно-русскія былины (III—XI).** Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о присужденіи Пушкинской премін въ 1884 г.,** съ приложеніемъ рецензіи профессора И. В. Помяловскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 руб. 75 коп.

Томъ XXXVIII. Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — **Странствующій Жидъ.** Предсмертное произведеніе Жуковскаго. — **«Книги законныя», содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные.** А. Павлова. — **Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г.** Гр. Д. А. Толстого. — **Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукоп. документамъ архива Акад. Наукъ.** Графа Д. А. Толстого. — **Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукоп. документамъ архива Акад. Наукъ.** Гр. Д. А. Толстого. — **Къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича.** С. И. Пономарева. — **Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г.,** сост. акад. А. Н. Веселовскимъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIX. Источники для исторіи славянской филологіи, томъ I: Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и 2 снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.

Томъ XL. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о кн. «Русское Правописаніе». Записка Я. К. Грота. — **Изъ исторіи романа и повѣсти.** Матеріалы и изслѣдованія, А. Н. Веселовскаго. — **Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста.** Е. В. Пѣтухова. — **Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія.** Г. А. Воскресенскаго. — **Изъ ученой дѣятельности Спирид. Юрьев. Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха.** Г. С. Дестуниса. Цѣна 2 руб.

Томъ XLI. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году, составленный Я. К. Гротомъ. — **Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Графа Д. А. Толстого. — **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края,** собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть I. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1886 году,** составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.

Томъ XLII. Къ Библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи. Э. Калужняцкаго. — **Народная поэзія.** Ѳ. И. Буслаева. — **Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ.** Е. Пѣтухова. — **Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.** Нѣсколько статей Я. К. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. Ц. 3 р.

Томъ XLIII. Отъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. — Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22 ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова, рѣчь академика Я. К. Грота. — **Характеристика Батюшкова какъ поэта,** рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ. Л. Н. Майкова. — **Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ,** составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ VIII и послѣдній. Академика М. И. Сухомлинова. — **Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи.** — Цѣна 2 руб.

Томъ XLIV. Хронологическая канва для біографіи Пушкина. Составилъ Я. К. Гротъ. Изданіе второе, съ дополненіями С. И. Пономарева. — **Пушкинъ въ родной поэзіи.** С. И. Пономарева. — **Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Приложенія. — Симбирская молвь.** А. Мотовилова. — Цѣна 2 руб.

Томъ XLV. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. Составилъ П. Ровинскій. Томъ I: Географія. Исторія. — Цѣна 3 руб.

Томъ XLVI. Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1888 годъ, составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Третье присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого. — Матеріалы для исторіи русской литературы.** Нико-

лай Филиппович Павлов (1805—1864). С. И. Пономарева. — **Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка.** И. В. Ягича.— **Пятое присужденіе Пушкинскихъ премій.** — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

*Томовъ XLVII, XLVIII, XLIX и L: — **Сочиненія А. А. Котляревскаго.** Томъ I. Томъ II. Томъ III. — Томъ IV: **Очеркъ біографіи профессора А. А. Котляревскаго,** составленный чл.-корр. И. Ак. Наукъ А. Н. Пыпинымъ (Съ портретомъ А. А. Котляревскаго). «Библіологическій опытъ» и другія статьи; списокъ трудовъ А. А. К—го. — *Не имѣется болѣе въ продажѣ.*

Томъ LI. **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, за 1889 годъ,** составленный Л. Н. Майковымъ.—**Слово о нѣкоемъ старцѣ. Вновь найденный памятникъ Русской паломнической литературы XVII вѣка,** сообщеніе Хрисанфа Лопарева.— **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края,** собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть II. — **Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.** I. О святыняхъ и друг. достопамятностяхъ Цареграда. Л. Н. Майкова. — Цѣна 2 руб.

Томъ LII. **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1890 г.** — **Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова 1838—1890.** — **Указатель къ періодическимъ изданіямъ Россійской Академіи и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.** — **Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, по рукописямъ Соловецкой библіотеки.** И. Я. Порфирьева. — **Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ.** А. И. Кирпичникова. — **Шестое присужденіе пушкинскихъ премій.** — **Наши писательницы.** С. И. Пономарева. **Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ.** Л. Н. Майкова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LIII. **Пятидесятилѣтіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1841—1891. Очеркъ дѣятельности Отдѣленія за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 г.** Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Я. К. Грота. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1891 г.,** составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — **О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ.** Историко-литературное изслѣдованіе арх. Леонида. — **Седьмое присужденіе Пушкинскихъ премій.** — **Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.** Л. Н. Майкова. II—III. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XVIII—XXIV.** Акад. А. Н. Веселовскаго. Выпускъ шестой. — **Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ.** Акад. А. Н. Веселовскаго. — **Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳанасьевича Потебни 1835—1891,** собралъ Э. А. Вольтеръ. Цѣна 2 руб.

Томъ LIV. **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 г.,** составленн. акад. Л. Н. Майковымъ. — **Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1892 г.** (8-е присужденіе Пушк. прем.). — **Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина философа,** первоучителя славянъ св. Кирилла, акад. И. В. Ягича. — **Древняя Русская Пчела** по пергам. списку. В. Семенова. — **Переписка Карамзина съ Лафатеромъ,** сообщена др. Ф. Вальдманомъ, приготовлена къ печати Я. Гротомъ. — Цѣна 3 р.

*Томъ LV. **Сочиненія Петра Хельчицкаго.** Трудъ Ю. С. Анненкова. Окончилъ по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности ордин. акад. И. В. Ягичъ.— *Нѣтъ въ продажѣ.*

Томъ LVI. **Боккачьо, его среда и сверстники.** Томъ I. Акад. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LVII. **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края,** собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ II. Цѣна 3 руб.

Томъ LVIII. **Письма Н. М. Карамзина къ брату его Василію Михайловичу Карамзину I—IV (1795—1796 гг.).** — **Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1893 г.: I. Девятое присужденіе Пушкинскихъ**

премій. II. Поминка о Г. Р. Державинѣ. Чтеніе акад. К. Н. Бестужева-Рюмина. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1893 годъ,** составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — **Боккачьо, его среда и сверстники,** акад. А. Н. Веселовскаго. Т. II. — **Апокрифическія сказанія,** акад. Н. С. Тихонравова. Ц. 2 р. 50 к.

***Томъ LIX. «Онежскія былины,** записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года». Изд. 2-е. Томъ I (1894 г.): (съ портр. А. Ѳ. Г-га). [*Нѣтъ болѣе въ продажѣ*].

***Томъ LX. Онежскія былины.** Томъ II (съ 2 портр.: Рябинина и Щеголенка и нотами). 1896 г. Цѣна 2 рубля. [*Нѣтъ болѣе въ продажѣ*].

Томъ LXI. Онежскія былины. Томъ III. Выпускъ 1-ый. 1900 г. Цѣна 2 руб. [*Выпускъ 2-ой: Указатель,* составл. Н. В. Васильевымъ — *печатается*].

Томъ LXII. Источники для исторіи славянской филологіи. Томъ II. Новыя письма Добровскаго, Копитара, и другихъ южныхъ и западныхъ славистовъ (Шафарика, Раича, Терлаича, Ганки, Кеппена и друг.). 1897. Цѣна 2 руб. 50 к.

Томъ LXIII. Краткій отчетъ о занятіяхъ заграницей доц. И. Спб. унив. П. А. Сырку въ лѣтніе мѣсяцы 1893 и 1894 гг. — Отчетъ о X-омъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія И. Акад. Наукъ за 1894 г. — П. А. Ровинскій: **Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ.** Томъ II, часть 1-ая: *Этнографія.* Цѣна 3 руб.

Томъ LXIV. Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ П. А. Лаврова. — **Отчетъ** проф. И. П. Филевича. — **Нѣсколько словъ о Несторовомъ Житіи св. Ѳеодосія.** А. А. Шахматова. — **Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены.** А. Н. Веселовскаго. — **Рукописные проложные отрывки въ собраніи Шафарика.** П. А. Сырку. — **Сентябрьская минея-четья до-макарьевскаго состава.** М. Н. Сперанскаго. — **Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. Н. Капнисту.** Л. Н. Майкова. — **Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Гралѣ. Нѣсколько матеріаловъ и обобщеній.** А. Н. Веселовскаго. — **Къ біографіи Ломоносова.** М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1895 годъ,** составл. акад. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1895 году. — Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1895 году. — Отчетъ о присужденіи Ломоносовской премін въ 1895 г. — Разысканія въ области Гото-славянскихъ отношеній: I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ: Готы на Вислѣ.** Съ двумя картами. Ѳ. Брауна. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXV. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1896 г., составленный акад. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги.** (Съ 1 фототипическимъ снимкомъ). И. И. Срезневскаго. — **Замѣтка о Сборникѣ Кирши Данилова.** П. Н. Шеффера. — **Замѣтки о языкѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" по Лаврентьевскому списку Лѣтописи.** Н. П. Некрасова. — **А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи.** I—II. В. М. Истрина. — **В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (Юрьевѣ).** Е. В. Пѣтухова. — **Западнорусскій сборникъ XV вѣка, принадлежащій Импер. Публичной Библіотекѣ, Q. I. № 391.** Е. Ѳ. Карскаго. — **Замѣтки о Литовскомъ языкѣ и словарѣ. I—VIII.** Еп. Антонія Барановскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LXVI. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1897 г., составленн. ак. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 г. — XII-ое присужденіе премій имени А. С. Пушкина въ 1897 г.** — В. А. Францевъ: **А. С. Пушкинъ въ Чешской литературѣ** (съ дополненіемъ). — Ѳ. Вержбовскій: **Къ біографіи Адама Мицкевича** въ 1821—1829 гг. — **Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго въ 1898 г.** — П. Симони: **Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій.** I—II. — А. А Шахматовъ: **Къ вопросу о происхожденіи Хронографа.** 1900. Цѣна 3 руб.

Томъ LXVII. Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русск. языка и слов. за 1898 г. — **Записка объ ученыхъ трудахъ** Ѳ. Ѳ. Фортунатова. — **Записка акад.** А. Н. Пыпина **о бумагахъ, относящихся къ дѣлу о Новиковѣ**

и принадлежащихъ г. Тургеневу въ Парижѣ. — Записка Э. А. Вольтера объ изданіи постиллъ Даукши. — Записка П. А. Сырку о Карансебешскомъ Октоихѣ XIII вѣка. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ за 1898 годъ, состав. акад. А. Ѳ. Бычковымъ. Некрологъ чл. кор. А. С. Павлова. Рѣчь, чит. гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ о Полонскомъ. — Планъ новаго академическаго словаря съ точки зрѣнія иноязычнаго. Записка И. Х. Пахмана. — Нѣсколько словъ по поводу записки И. Х. Пахмана, акад. А. А. Шахматова. — Письмо Ф. Ѳ. Фортунатова. О залогахъ. — П. Шмидтъ: Троякая долгота въ латышскомъ языкѣ. — П. А. Лавровъ: Апокрифическіе тексты. — Воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года), съ предисл. и примѣч. акад. Л. Н. Майкова. — И. Л. Лось: Люблинскіе отрывки. — Присужденіе Ломоносовскихъ премій въ 1899 году. Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій, сост. акад. А. А. Шахматовымъ. — Приложенія: I. Рецензія чл. корр. М. С. Дринова на соч. П. А. Сырку: «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ». Тома I выпуски 1—2. Спб. 1899—1900. II. Разборъ проф. Е. Ѳ. Карскаго труда Н. М. Тупикова: «Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ (Рукопись)». — А. А. Шахматовъ: Къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ. — Ѳ. Е. Коршъ: О русскомъ народномъ стихосложеніи. Выпускъ первый — Былины. — В. Н. Щепкинъ: Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, съ приложеніемъ двухъ фототипическихъ снимковъ съ рукописи 1901. — Цѣна 3 руб.

Томъ LXVIII. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1899 годъ, акад. А. А. Шахматова. — Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій орд. акад. Имп. Ак. Наукъ А. Ѳ. Бычкова (1838—1899). — В. И. Чернышевъ: Программа для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ. — В. Ѳ. Соловьевъ: Особенности говора донскихъ казаковъ. — В. И. Чернышевъ: Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ нѣкоторыхъ селеній Московскаго уѣзда. — В. Г. Богоразъ: Областной словарь Колымскаго русскаго нарѣчія. — А. И. Сахаровъ: Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховского уѣзда, Орловской губерніи. — В. И. Чернышевъ: Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска. 1901. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXIX. Извлеченія изъ проток. Отдѣл. рус. яз. и слов. за 1899 г. Приложенія: Записка объ ученыхъ трудахъ И. Н. Жданова, составл. акад. М. И. Сухомлиновымъ. — Записка акад. А. Н. Пыпина о планѣ изданія Сочиненій Импер. Екатерины II. — Записка объ ученыхъ трудахъ В. И. Ламанскаго, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — Записка объ ученыхъ трудахъ Ѳ. Е. Корша, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — Записка объ ученыхъ трудахъ экстраорд. акад. А. А. Шахматова, сост. М. И. Сухомлиновымъ. — Записка объ ученыхъ трудахъ акад. Н. П. Кондакова, составл. акад. Л. Н. Майковымъ. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ за 1900 годъ, составл. акад. А. Н. Пыпинымъ. — Отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого въ 1900 году, чит. акад. А. Н. Веселовскимъ. — П. Ровинскій: Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. — Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. *Томъ II, Часть 2.* — Г. З. Кунцевичъ: Исторія о Казанскомъ царствѣ (ея списки). — С. М. Кульбакинъ: Отчетъ Отдѣленію рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ о занятіяхъ въ книгохранилищахъ Москвы и Петербурга съ 25-го сентября по 23-ье декабря 1898 г. 1901. Цѣна 2 рубля 50 коп.

Томъ LXX. Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія рус. яз. и слов. за 1900 г. Приложеніе: Записка объ ученыхъ трудахъ орд. проф. И. Спб. Унив. чл.-корр. А. И. Соболевскаго, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — В. М. Истринъ. Греческіе списки апокрифическаго мученія Даніила и трехъ отроковъ. — И. В. Ягичъ. А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библіографическихъ и литературно-критическихъ статей. — В. А. Францевъ. Остатки языка славянъ полабскихъ, собранные и объясненные Ф. Л. Челаковскимъ. — К. К. Арсеньевъ. Россій-

ская Академія и Разрядъ изящной словесности. — И. Т. Смирновъ. **Камынскій словарь.** — В. И. Срезневскій. **Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни.** (Съ двумя портретами). — В. Чернышевъ. **Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда;** въ приложеніи письмо академика Ѳ. Е. Корша: **Объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ.** 1902. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXXI. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1901 годъ, составл. акад. А. И. Соболевскимъ. — Н. В. Ястребовъ. **O původu jednoty bratrské a řádu v ní** Я. Благослава. (Введеніе и текстъ — съ указат.). — П. А. Сырку. **Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній Болгаръ и Сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Житіе св. Николая Новаго Софійскаго по единствен. рукописи XVI в.** — Е. Р. Романовъ. **Катрушницкій лемезень. Условный языкъ Дрибинскихъ шаповаловъ.** — Н. П. Кондаковъ. **М. П. Погодинъ, какъ археологъ.** — В. Чернышевъ. **Свѣдѣнія о говорахъ Юрьевскаго, Суздальскаго и Владимирскаго уѣздовъ.** — А. А. Потѣхинъ. **Воспоминанія о М. П. Погодинѣ.** — М. А. Карауловъ. **Матеріалы для этнографіи Терской области. Говоръ гребенскихъ казаковъ.** 1902. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXXII. Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русск. яз. и слов. за 1900 г. (сент.—декабрь). — В. Н. Рогожинъ. **Дѣла «Московской Цензуры» въ царствованіе Павла I, какъ новые матеріалы для русской библіографіи и словаря русскихъ писателей.** Вып. I. 1797 годъ. — И. Васенко. **Замѣтки къ Латухинской степенной книгѣ.** — В. Волоцкій. **Сборникъ матеріаловъ для изученія Ростовскаго (Яросл. губ.) говора.** — П. В. Шейнъ. **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Томъ III.** (Съ портретомъ). — А. Кузнецовъ. **Свадебные приговоры дружки по рукописи половины XIX столѣтія.** — Цѣна 2 руб.

Томъ LXXIII. Л. Н. Майковъ. **Матеріалы для біографіи кн. А. Д. Кантемира. Съ введеніемъ и примѣчаніями** проф. В. Н. Александренка. — **Тринадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1899 года.** — **Отчетъ о первомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности присужденіи премій митроп. Макарія.** — С. М. Кульбакинъ. **Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. I. Фонетика свaжендзскаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ.** — **Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ.** *Выпускъ VIII.* — Цѣна 2 руб.

Томъ LXXIV. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1902 г., сост. акад. В. И. Ламанскимъ. — А. Соболевскій. **Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Библіографическіе матеріалы.** — Е. Аничковъ: **Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Часть I. Отъ обряда къ пѣснѣ.** — Цѣна 2 руб.

Томъ LXXV. Тумановъ, М. **Вліяніе русской литературы второй половины XVIII вѣка на судопроизводство и законодательную дѣятельность Правительства по этому вопросу.** — Чернышевъ, В. **Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверского, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ.** — Ст. И. Новаковичъ. **Изъ дипломатической исторіи Сербіи. Миръ Петра Ичко. Попытка непосредственнаго соглашенія Сербіи съ Турціей 1806—1807 гг.** — **Четырнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1901 года. Отчетъ и рецензіи I—VII.** — Е. Ѳ. Карскій. **Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ.** Выпускъ IV-й. — Е. Ѳ. Карскій. **Матеріалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ** (Полѣсье). Выпускъ II. — И. В. Бессараба. **Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губерніи.** — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1901 г.** — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXXVI. Н. Н. Дурново. **Діалектологическая карта Калужской губерніи.** Д. К. Зеленинъ. — **Отчетъ** о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію. — Е. Ѳ. Будде. **О говорахъ Тульской и Орловской губерній.** Матеріалы, изслѣдованія и словарь. — П. Н. Тихановъ. **Брянскій говоръ,** Замѣтки изъ области русской этнографіи. — М. Г. Халанскій **Народные говоры Курской губерніи.** — Цѣна 3 руб.

Томъ LXXVII. Н. В. Ястребовъ. **Петра Хельчицкаго: «O trogiem lidu rzec— o duchownych a o swietskych».** Чешскій текстъ съ введеніемъ и русск. переводомъ. — Э. А. Вольтеръ. **Пушкинъ въ литовскомъ переводѣ** Вайчатиса. Съ краткими примѣчаніями и предисловіемъ.—А. Розенфельдъ. **Бѣлорусскія народныя пѣсни.** — Е. Ѳ. Будде. **Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина.** Часть I. Этимологія. Отдѣлъ I-й. Словоизмѣненіе. *Выпускъ I.* Склоненіе именъ существительныхъ. *Выпускъ II.* Имя прилагательное. Имя числительное. Мѣстоименіе (Склоненіе этихъ частей рѣчи). *Выпускъ III.* Глаголъ. — В. Ѳ. Соловьевъ. **Особенности говора Новгородской губерніи.** — Н. Виноградовъ. **О народномъ говорѣ Шунгенской волости Костромского уѣзда.** — И. Т. Смирновъ. **Кашинскій говоръ.** — Цѣна 2 руб.

Томъ LXXVIII. **Пятнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина.**—И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. **Матеріалы для южно-славянской діалектологіи и этнографіи.** II. Образцы языка на говорах Терских Славян в северо-восточной Италии. — **Первое присужденіе премій М. И. Михельсона.** — **Отчетъ о присужденіи премій имени графа Д. А. Толстого.** — Е. В. Аничковъ. **Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у Славянъ.** *Часть II.* — Цѣна 3 руб. 50 коп.

Томъ LXXIX. А. И. Яцимирскій. **Славянскія и русскія рукописи Румынскихъ библіотекъ.** Съ XXI таблиц. палеографич. снимковъ. — Цѣна 3 руб. 50 коп.

Томъ LXXX. **Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія русскаго яз. и слов. за январь—май 1901 года:** Приложенія. — Л. В. Стояновичъ. **Новыя слова Климента Словѣнскаго.** — П. А. Ровинскій. **Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ,** т. III. — В. И. Срезневскій. **Къ исторіи изданія Извѣстій и Ученыхъ Записокъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ** (1852—1863). По архивнымъ даннымъ составилъ. 1905. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Томъ LXXXI. В. М. Изергинъ. **Матеріалы для литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ.** I—II — **Отчетъ** о присужденіи **Ломоносовскихъ премій** въ 1903 году. — **Отчеты о присужденіи премій профессора А. А. Котляревскаго 1901 и 1904 гг.** — **Шестнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1905 года.** Отчетъ и рецензіи I—IV.—Н. Н. Лихачевъ. **Письмо папы Пія V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ бреве.** (Этюдъ по дипломатикѣ папъ).—С. К. Шамбинаго. **Повѣсти о Мамаевомъ Побоищѣ.** 1906. Цѣна 3 рубля.

Томъ LXXXII. **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и словесности** И. Академіи Наукъ за 1906 годъ, составл. акад. Н. П. Кондаковымъ.—**Карансебешскій Октоихъ** второй половины XIII вѣка. Тексты, описаніе рукописи и снимки. Посмертный трудъ П. А. Сырку, съ предисл. А. И. Яцимирскаго.—**Изъ переписки Румынскихъ Воеводъ съ Сибинскимъ и Брашовскимъ магистратами.** Тексты 28 славянскихъ документовъ валашскаго происхожденія XIV—XVII вв., городскихъ архивовъ Сибина и Брашова и Брюкентальскаго музея въ Сибинѣ. Посмертный трудъ П. А. Сырку, съ предисл. А. И. Яцимирскаго. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1905 году.** — Н. К. Никольскій. **Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности.** I—XXIII. — С. Малевичъ. **Бѣлорусскія народныя пѣсни.** — **Отчетъ о присужденіи премій имени графа Д. А. Толстаго въ 1906 году.** — П. К. Симони. **Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619—20 гг. для Ричарда Джемса** на крайнемъ сѣверѣ Московскаго царства. I.—Е. Ѳ. Карскій. **Матеріалы для изученія Бѣлорусскихъ говоровъ,** Выпускъ V. 1907. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXXXIII. П. К. Симони. **Повѣсть о горѣ и злочастіи,** какъ горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ, по единственной сохранившейся рукописи XVIII-го вѣка. I.—Э. Калужняцкій. **Сборники Нямецкаго монастыря подъ №№ 20 и 106.** — Н. К. Грунскій. **Къ Зографскому Евангелію.** — Олафъ Брокъ. **Описаніе одного говора изъ югозападной части Тотемскаго уѣзда.**—Св. А. Грандилевскій. **Родина Михаила Васильевича Ломоносова.** Областный крестьянскій говоръ. 1907. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXXXIV. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ за 1907 годъ, составл. акад. Н. П. Кондаковымъ. — Н. А. Шабунинъ: **Сѣверный край и его жизнь.** Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по сѣверной части Архангельской губерніи. — А. Л.. Петровъ: **Матеріалы для исторіи угорской Руси.** *V.* Первый печатный памятникъ угрорусскаго нарѣчія. Урбаръ и иные связанные съ крестьянской Маріи Терезы реформой документы.—А. И. Соболевскій: **Изъ переводной литературы Петровской эпохи.** Библіограф. матеріалы. — **Славянскія и русскія рукописи Британскаго музея въ Лондонѣ.** Посмертный трудъ П. А. Сырку, изд. подъ наблюд. и съ предисл. А. И. Яцимирскаго. — **Семнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1907 г.** Отчетъ и Рецензіи.—1908. Цѣна 4 руб.

Томъ LXXXV. Изслѣдованія по древней русск. литературѣ акад. **М. И. Сухомлинова.** 1908. Цѣна 3 рубля.

V. Отдѣльныя изданія Отдѣленія:

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. **I-го тома:** [*выпускъ 1-ый печатается исправленнымъ изданіемъ*]. — *т. I-й вып. 2-й* — 75 коп. *вып. 3-й* — 65 коп. — **II-го тома:** вып. 1 (съ начала изданія 4-й) *Е — Железный.* 1897. Цѣна 1 рубль; — *вып. 2-ой* (съ начала изданія 5-й) *Железный — За.* 1898 г. Цѣна 75 коп.; — *вып. 3-й* (съ нач. изд. 6) *За — Заграчить.* 1899 г. Цѣна 60 коп.; — *вып. 4-й* (съ начала изд. 7) *Заграять — Закрѣплять.* 1900. Цѣна 75 коп. — *вып. 5* (съ начала изданія 8) *Закрѣплять—Заносить.* 1901. Цѣна 75 коп., — *вып. 6* (съ начала изданія 9) *Заносить — Засада.* 1902. Цѣна 75 к., — *вып. 7-ю* (съ начала изданія 10) *Засада — Заудиться.* 1903. Цѣна 75 коп.,—*вып. 8* (съ начала изданія 11-й) *Заудокъ — Зелье.* 1905. Цѣна 75 коп., — *вып. 9* (съ начала изданія 12-й). *Зельеце—Зятюшко.* [конецъ II-го тома: *Е. Ж. З.*]. 1907. Цѣна 90 коп. — **Томъ IV,** *вып. 1.* К.—Кампилитъ. 1906—1907. Цѣна 60 коп. *вып. 2.*— Кампія — Качалка. 1908. Цѣна 60 коп. — [Печатаются выпуски на буквы 1) А, — 2) И, и 3) К.].

Матеріалы для словаря древне-русскаго Словаря по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. **Томъ I** (А—К) 1893. Ц. 3 руб.; Вып. 1-го отдѣльно болѣе не имѣется; *Томъ I, вып. 2-й* (Г — начало И.) 1892. Ц. 1 руб. *Вып. 3-й* (И—К). Ц. 1 руб. **Т. II,** *вып. 2* (Оба — пак). Ц. 1 руб. — *Вып. 3.* (Пак — правитель). Ц. 1 руб. *Вып. 4* (Пра — пѧч). 1902. Цѣна 1 рубль. — **Томъ III,** *вып. 1-ый* (Р — степ). Ц. 1 руб. Вып. 2 (Сте — тър). Ц. 1 руб. — [Послѣдній выпускъ *печатается*].

Дополненіе къ Опыту областнаго великорусскаго Словаря. (Издано подъ редакціей ак. А. Х. Востокова.) 1858. 328 стран. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц. 2 руб.

***Словарь областного Олонецкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи.** Собралъ на мѣстѣ и составилъ Г. И. Куликовскій. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп. [*Нѣтъ болѣе въ продажѣ*].

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. 1870. Цѣна 3 р.

Литовскій Словарь А. Юшкевича съ толкованіемъ словъ на русск. и польскомъ языкахъ. *Вып. I.* А — Dż. 1897 г. Цѣна 2 р. 50 к. — *Вып. II. E, e — Jůra. Jůro.* 1904. Цѣна 2 руб. [Вып. 3-й. *К.* готовится къ печати].

Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе *съ примѣчаніями и приложеніями.* Трудъ ак. И. В. Ягича. 1883 г. Цѣна 5 руб.

Памятники старославянскаго языка. Томъ I, вып. 1-й: С. М. Кульбакинъ. Хиландарскіе листки XI вѣка (съ 4 фототипич. снимками). 1900. Ц. 50 коп.— *Вып. 2-й*: В. Н. Щепкинъ. Саввина книга. 1903. Цѣна 1 руб. 50 ко *Вып. 3-й:* Е. Ѳ. Карскій. Листки Ундольскаго, отрывокъ кирилловс евангелія XI вѣка (со снимк.). Спб. 1904. Цѣна 45 коп. *Вып. 4-й* Грунскій: Пражскіе глаголическіе отрывки (съ 4-мя табл. с 1905. Цѣна 60 коп.—*Вып. 5-й*: Г. А. Ильинскій. Македонск отрывокъ неизвѣстнаго памятника кирилловской письме

XII в. (съ 2 табл. снимк.). 1906. Цѣна 50 коп. — *Томъ II*, вып. 1-й: С. Н. Северьяновъ. Супрасльская рукопись. Томъ I. (съ 3 табл. сн.). 1904. Цѣна 2 руб.

Памятники древнерусскаго языка. Томъ I: *Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь* въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ ак. И. В. Ягича, съ 6-ю фототип. таблицами снимковъ. 1886 г. Ц. 6 руб.

Изслѣдованія по русскому языку. *Томъ I.* 1895: М. Козловскій. Изслѣдованіе о языкѣ Остром. Ев.—А. Шахматовъ. Изслѣдов. о яз. Новгородск. грамотъ XIII—XIV в.—Ак. И. В. Ягичъ. Разсужденія южнослав. и русской старины о церковно-слав. языкѣ. (Стран. X+1070). Ц. 5 руб.

— **Томъ II,** *вып. 1-й:* О. Брохъ. «Угрорусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата).» 1900. Цѣна 75 коп.—*вып. 2-й:* Б. М. Ляпуновъ. «Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской Лѣтописи. Вып. 1: Очеркъ изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ». 1900 г. Цѣна 1 руб.—*Вып. 3-й*: А. Шахматовъ: Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в. Части I и II. (Съ 2 табл. снимковъ) 1903. Цѣна 2 руб. — *Вып. 4-ый:* В. Н. Щепкинъ: Болонская Псалтырь. Съ 7-ю фототипіями и 8 цинкографіями. 1906. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. И. И. Срезневскаго. *Второе изданіе.* 1882. 2 рубля.

Грамматика церковно-словенскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Составлена акад. А. Х. Востоковымъ. 1863. (134 стр.). Цѣна 50 коп.

Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка (И. Давыдова), 3 изд. 1854. LXI+512 стр. Цѣна 50 коп.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. 1870. Цѣна 3 р. — Т. II. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. 1885 г. Ц. 3 р. —Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. 1886 г. Ц. 3 р.—Т. III (1736—1738). 1886 г. Ц. 3 р.—Т. IV. (1739—41 гг.) 1887. Съ 2 порт. Ц. 3 р.—Т. V. 1889. (1742—43 гг.) съ 3 портр. Ц. 3 р.—Т. VI. 1890. (1725—43 гг.). Ц. 3 р.—Т. VII. 1895. (1744—45 гг.). Ц. 2 р. 50 к.—Т. VIII. 1895. (1746—47 гг.) Ц. 2 р. 50 к. Т. IX. 1897. (1748 —(янв.—май) 1749 гг. Ц. 2 руб. — Т. X. 1749 (іюнь) — (дек.) 1750 г. — 1900. Ц. 2 руб. —

Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. А. Лагуса (перев. Э. Паландеръ). 1890. 1 руб. 50 коп.

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I—II*). Вып. III, цѣна 1 р. 75 к. Вып. IV, цѣна 2 руб. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI. цѣна 1 р. 95 коп. Вып. VII, цѣна 2 р. 50 к. — Вып. VIII (*съ Указат.*). Цѣна 3 р. 50 к.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота (I-е изданіе *съ рисунками*). Томы II—IX, 1865—83 гг.:

[Томъ I. Спб. 1864 *нѣтъ болѣе въ продажѣ*].—Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р. — Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб. — Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб. — Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп. — Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп. — Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб. — Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб. — Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію. 1883: 3 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, 2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ: Томъ I (съ портретомъ Державина). 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб. — Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб. — [Тоже, что томы VIII и IX Сочиненій Д—на].

---

*) Отдѣльно уже не имѣются; но заключаются въ тт. XI и XIV Сборника Отдѣленія.

Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями акад. М. И. Сухомлинова. Т. I. (съ портретомъ). 1891. Ц. 3 руб. 50 коп. Т. II (съ портрет.). 1893. Ц. 3 р. 50 к. Т. III. 1895. Ц. 3 р. 50 к. Т. IV: филологич. сочиненія, похв. слова и рѣчи. 1898. Ц. 3 р. 50 к. Т. V. 1902. Ц. 3 р. 50 к. [Т. VI—*печатается*].

Сочиненія Императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина. Томы I—VI и VII—XII: 1901—6 г. Цѣна I-го тома 2 руб., II-го т. 2 руб. 50 коп., III-го т. 2 р., IV-го и V-го томовъ по 1 руб. 50 коп., [т. VI — *печатается*]. VII-го т. 2 р., VIII-го т 2 р. IX-го т. 2 р., X-го т. 1 р. 50 к., XI-го т. 2 руб. Т. XII вып. 1 и 2. Съ 1 офортомъ и 15-ю геліогравюрами съ портретовъ) Цѣна 4 руб.

Сочиненія А. С. Пушкина, подъ ред. и съ примѣчаніями акад. Л. Н. Майкова. **Томъ I**: Лирич. стихотворенія (1812—17 гг.). *Изданіе 2-е.* 1900 г. Цѣна 3 руб.— **Томъ II.** Подъ редакціею В. Е. Якушкина. Лирич. стихотворенія 1818—1820 г. («Русланъ и Людмила» 1817 — 1820 г.—«Кавказскій Плѣнникъ» 1820—1821 г.), 1905. Цѣна 3 р. [Томъ XII. Ист. Пугач. бунта—*печатается*].

Сочиненія Пушкина. *Переписка* подъ ред. и съ примѣчаніями В. И. Саитова. **Томъ I.** 1815—1826 г [Текстъ]. 1906. Цѣна 2 руб. — **Томъ II** (1827—1832) [Текстъ]. 1908. Цѣна. 2 руб. [Томъ III *печатается*].

Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. 1902. Цѣна 1 руб. 50 коп.

К. Р. Отзывъ о стихотвореніяхъ А. А. Семенова. Изъ Трудовъ Разряда изящной словесности И. Академіи Наукъ. 1907. Цѣна 20 копеекъ.

***К. Р.** Еще о стихотвореніяхъ А. А. Семенова. Изъ Трудовъ Разряда изящной словесности И. Академіи Наукъ. 1908. Цѣна 20 коп.

К. Р. Критическій разборъ книги В. Шуфа: «Въ край родной». 1907. Цѣна 30 коп.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ II. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. 1883. 2 р. 50 к. — Томъ IV. 1884. 2 р. 50 к. — Т. V. 1885. 2 р. 50 к. — Томъ VI. 1886. 3 р. — Томъ VII. 1888. 2 р. 50 к. — Томъ VIII. Указатели. 1890. 2 р. 50 к.

Подробный словарь Русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. Составилъ Д. А. Ровинскій. 1895. Изданіе Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Н. (*въ одномъ только томѣ*). Съ рисунками лишь въ «Историч. обзорѣ гравированія». Цѣна 4 руб.

Сочиненія Ѳ. И. Буслаева. Томъ I. *Сочиненія по археологіи и исторіи искусства,* съ 40 рисунками. Ред. акад. Н. П. Кондакова. 1908. Цѣна 3 руб. [Томъ II *печатается*].

Собраніе сочиненій Александра Ник. Веселовскаго. *Томъ III.* 1908. Цѣна 3 рубля. [Другіе томы печатаются].

Кондаковъ, Н. П. *Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ* (съ 49 фототипіями и 103 рис. въ текстѣ), 1902. Цѣна 7 руб.

Его же. *Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ.* Съ 78 рисунками въ текстѣ и 72 отдѣльными таблицами. 1904. Цѣна 6 руб.

Его же. *Изображенія русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI вѣка.* 1906. Цѣна 2 руб.

Рѣчи, посвященныя памяти Н. В. Гоголя 21 февраля 1902 года. 1902. Ц. 50 коп.

Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. (Сборникъ). *Вып. I.* съ 4-мя фототипіями и 3 цинкограф. 1907. Цѣна 1 руб. 50 коп.—*Выпускъ второй*: Пѣсни, собранныя Н. В. Гоголемъ, изданы Г. П. Георгіевскимъ. 1908. Съ 2 фототипіями. Цѣна 1 р. 80 к. — [Вып. III — *печатается*].

Перетцъ, В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. 1903. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Яцимирскій, А. И. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Со снимками. 1904. Цѣна 3 руб.

Веселовскій, А. Н.: *В. А. Жуковскій, поэзія чувства и «сердечнаго воображенія».* Съ приложеніемъ 6 фототипій. 1904. Цѣна 3 руб.

Lorentz, Fr. Slovinzische Grammatik. 1903. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Его же: Slovinzische Texte. 1905. — Цѣна 90 коп.

Его же: Slovinzisches Wörterbuch. Erster Teil. A — ø. 1908. Цѣна 4 руб. [Часть II-ая *печатается*].

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. *Томъ I:* Выпускъ I. 1903. Цѣна 75 коп. — Вып. II. 1905. Цѣна 50 коп. — Вып. III. 1905. Цѣна 60 коп. Вып. IV. 1906 г. Цѣна 75 коп. *Томъ II.* Вып. V. 1908. Цѣна 75 коп. Выпуски VI-ой, VII-ой и VIII-ой. 1908. Цѣна по 75 коп.

Предварительное сообщеніе Орѳографической Подкоммисіи. Спб. 1904. Ц. 10 коп.

Протоколъ I-го засѣданія **Коммисіи** по вопросу **о русскомъ правописаніи** 12 апр. 1904 г. — Цѣна 40 коп.

В. Чернышевъ. Письма о старой и новой орѳографіи. I—IV. Спб. 1901. Ц. 20 к.

1599—1899. «Postilla Catholicka» Якуба **Вуйка въ литовскомъ переводѣ** Николая **Даукши**, перепечатанномъ подъ наблюдев. акад. Ф. Ѳ. Фортунатова Э. А. Вольтеромъ. **Вып. I.** Спб. 1904. Цѣна 1 р. 20 к. (Продолженіе *печатается*).

Предварительный Съѣздъ Русскихъ филологовъ (10—15 апрѣля 1903 года). **Бюллетени.** Спб. 1903. Цѣна 75 к.

Первый Съѣздъ славянскихъ филологовъ и историковъ. I. Матеріалы по организаціи Съѣзда. I. Августъ 1903 — Май 1904. Спб. 1904. Цѣна 15 коп.

Энциклопедія Славянской филологіи. Редакц. акад. *И. В. Ягича.* Вып. 12: Е. Ѳ. Будде: «Очеркъ исторіи современнаго литературнаго языка XVII—XIX в.» Цѣна 70 коп. [Вып. 1-й И. В. Ягича «Исторія Славянской филологіи» — *печатается*].

Григорьевъ, А. Д. Архангельскія былины и историческія пѣсни. Москва. *Т. I-й.* Часть I: Поморье. — Часть II: Пинега. 1904. — Цѣна 3 руб. 50 коп. [*Продолженіе печатается*].

Евсѣевъ, И. Книга пророка Даніила въ древне-славянскомъ переводѣ. Москва. 1905. Цѣна 3 руб. 50 коп.

В. Н. Бенешевичъ: **Древне-славянская Кормчая XIV титуловъ** безъ толкованій. *Томъ I, вып. 1.* 1906. Цѣна 1 р. 40 к. — *Вып. 2-ой.* 1906. Цѣна 1 р. 40 к. Вып. 3-ій. 1907. Цѣна 2 руб. 70 коп. [Томъ II *печатается*].

Ждановъ, И. Н. Сочиненія. *Т. I-й.* 1904. Цѣна 2 руб. 50 коп. *Т. II.* 1907. Съ портретомъ. Цѣна 2 руб.

Статьи по славяновѣдѣнію (изд. подъ ред. акад. В. И. Ламанскаго. *Выпускъ I.* 1904. Цѣна 2 руб. *Вып. II-ой* 1906. Цѣна 2 руб. [*Вып. 3-ій печатается*].

Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями академику и заслуженному проф. **В. И. Ламанскому** по случаю 50-тилѣтія его ученой дѣятельности. *Томъ I.* 1907. Цѣна 2 руб. *Томъ II.* 1908. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Schlözer, Aug. Russische Sprachlehre. I—II. *А. Шлёцеръ.* Русская грамматика. I—II. Съ предисловіемъ С. К. Булича. 1904. Цѣна 50 коп.

Линева, Е. Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Текстъ подъ редакціей академика Ѳ. Е. Корша. *Выпускъ I.* 1904. Цѣна 1 рубль. (Вып. 2-ой *печатается*).

Г. А. Воскресенскій: **Древне-славянскій Апостолъ.** *Выпускъ 2-ой.*—Посланіе Св. апостола Павла къ Коринѳянамъ 1-ое по основнымъ спискамъ 4-хъ редакцій рукописнаго Славянскаго апостол. текста съ разночтеніями изъ 57 рукописей XII—XVI вв. (Свято-Троицкая Сергіева Лавра собств. Тип. 1906). Цѣна 1 руб. 50 коп. Выпуски *3-й, 4-й* и *5-й*: Посланіе св. ап. Павла къ Коринѳянамъ 2-ое, къ Галатамъ и къ Ефесянамъ. Сергіевъ посадъ. Цѣна 2 руб. 1908.

Латинско-итальянско-славянскій Поминальник XV-го и XVI столѣтія составленный в области Терских Славян. Изданный и объясненный И. А. Бодуэном-де-Куртенэ. Выпуск I. Текст. 1906. **Приложеніе:** къ 1-му выпуску. *Фототипическіе снимки.* 1906. Цѣна съ приложеніемъ 1 руб. 50 коп.

Н. К. Никольскій: **Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей** и ихъ сочиненій (X—XI вв.). Корректурное изданіе. (Госуд. типогр.). 1906. Цѣна 3 руб.

***Списокъ трудовъ акад. А. Н. Пыпина 1853—1903.** Составилъ Я. Л. Барсковъ. 1903. Цѣна 60 коп.

***Венгеровъ, В. А.** *Источники словаря русскихъ писателей.* **Томъ I.** Ааронъ—Гоголь. 1900 — *въ продажѣ не имѣется.* **Томъ II-ой** — печатается.

VI. Сверхъ того имѣется еще ограниченное количество отдѣльныхъ оттисковъ слѣдующихъ статей, помѣщенныхъ въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и друг. изданіяхъ:

Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. 1885 г. Ц. 50 коп.

Шахматовъ, А. А. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ. 1903. Цѣна 60 коп.

Славяновѣдѣніе въ 1900 году. Систематическій указатель трудовъ по языкознанію, литературѣ, этнографіи и исторіи. 1901. — **Тоже** за 1901 годъ. 1903. Цѣна по 1 руб. 20 коп.

Программы для собиранія особенностей народныхъ говоровъ (всѣ экземпляры съ пропускомъ страницъ для отмѣтокъ):

I—II: Программы для собиранія особенностей *великорусскихъ* говоровъ 1900 г. (II + 145 стран.). Цѣна 30 коп. — **III.** Программа для собиранія особенностей говоровъ *бѣлорусскаго нарѣчія*, составлен. по поруч. Отдѣленія русск. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ проф. И. Варш. унив. Е. Ѳ. Карскимъ. 1897 г. (59 стран.). Цѣна 25 коп. [IV Программа для собир. особ. *малорусскихъ говоровъ*, К. П. Михальчука—*печатается*].

*[Акад. А. А. Шахматовъ. *Краткая программа по собиранію* особенностей русскихъ говоровъ. 1903. [Въ продажѣ не имѣется; печатается новое изданіе].

Означенныя изданія Отдѣленія русск. яз. и словесн. продаются въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ, а также у ея комиссіонеровъ: **И. И. Глазунова, К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ, **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Е. П. Распопова** въ Одессѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; у **Фосса (Г. В. Зоргенфрея)** въ Лейпцигѣ; **Люзака и Комп.** въ Лондонѣ.

Лица, покупающія книги въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ [въ главномъ зданіи Академіи] на наличныя деньги, пользуются [независимо отъ количества покупаемыхъ книгъ и ихъ цѣны] уступкою 25% съ цѣнъ, назначенныхъ въ семъ спискѣ; иногородные же адресуютъ свои требованія туда же и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги почтою безъ платежа вѣсовыхъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1909 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Общее содержаніе XIII тома (1908 г.) Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

ИЗВѢСТІЯ

Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Имѣются въ продажѣ: т. VI (1901), кн. 4-я; т. VII (1902), кн. 1—4; т. VIII (1903), кн. 1—4; т. IX (1904), кн. 1—4; т. X (1905), кн. 1—4; т. XI (1906), кн. 1—4; т. XII (1907), кн. 1—4; т. XIII (1908), кн. 1—4.

Цѣна каждой книжки ***1 р. 50 коп.***

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1909 г.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *Б. Голицынъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).